

А. С. ПУШКИН

2

КНИГА
ВТОРАЯ

Александр Пушкин

А. С. ПУШКИН

Автопортрет 1822 г.

**На полях белого автографа поэмы «Кавказский пленник»
(ПД 46, л. 6).**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А.С.ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2016

А. С. ПУШКИН

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Книга вторая

(Юг. 1820–1824)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

2016

УДК 882
ББК 84(0)2
П91

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*В. Е. БАГНО, С. В. БЕРЕЗКИНА, С. Г. БОЧАРОВ,
М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Т. М. ГОРЯЕВА, А. А. ДОЛИНИН,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, Т. И. КРАСНОБОРОДЬКО, А. Б. КУДЕЛИН,
Е. О. ЛАРИОНОВА (зам. главного редактора), А. Л. ОСПОВАТ, Н. Г. ОХОТИН,
В. Д. РАК, Н. Н. СКАТОВ (главный редактор), С. Б. ФЕДОТОВА (отв. секретарь),
С. А. ФОМИЧЕВ, Е. П. ЧЕЛЫШЕВ*

Тексты подготовили и примечания составили

*А. С. БОДРОВА, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Н. Л. ДМИТРИЕВА, А. А. ДОЛИНИН,
Е. В. КАРДАШ, Т. А. КИТАНИНА, Е. О. ЛАРИОНОВА, Г. А. ЛЕВИНТОН,
А. С. ЛОБАНОВА, О. С. МУРАВЬЕВА, И. В. НЕМИРОВСКИЙ, Н. Г. ОХОТИН,
Г. Е. ПОТАПОВА, А. И. РОГОВА, С. Б. ФЕДОТОВА, С. А. ФОМИЧЕВ*

Редактор тома Е. О. ЛАРИОНОВА

Контрольный рецензент В. Д. РАК

ISBN 978-5-02-038308-1 (т. 2, кн. 2)
ISBN 5-02-028342-8

© А. С. Бодрова, М. Н. Виролайнен, Н. Л. Дмитриева, А. А. Долинин, Е. В. Кардаш, Т. А. Китанина, Е. О. Ларионова, Г. А. Левинтон, А. С. Лобанова, О. С. Муравьева, Н. Г. Охотин, Г. Е. Потапова, А. И. Рогова, С. Б. Федотова, С. А. Фомичев, составление, примечания, 2016
© Российская Академия наук, 2016
© Издательство «Наука», оформление, 2016

Погасло дневное светило;
 На море синее вечерний пал туман.
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
 Я вижу берег отдаленный,
 Земли полуденной волшебные края;
 С волнением и тоской туда стремлюся я,
 Воспоминаям упоенный...

И чувствую: в очах родились слезы вновь;
 10 Душа кипит и замирает;
 Мечта знакомая вокруг меня летает;
 Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
 И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
 Желаний и надежд томительный обман...

Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
 Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
 По грозной прихоти обманчивых морей,
 20 Но только не к брегам печальным
 Туманной родины моей,
 Страны, где пламенем страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Где музы нежные мне тайно улыбались,
 Где рано в бурях отцвела
 Моя потерянная младость,
 Где легкокрылая мне изменила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Искатель новых впечатлений,
 Я вас бежал, отечески края;
 30 Я вас бежал, питомцы наслаждений,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочных заблуждений,
 Которым без любви я жертвовал собой,
 Покоем, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, изменницы молодые,
 Подруги тайные моей весны златые,
 И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
 Глубоких ран любви, ничто не излечило...

Шуми, шуми, послушное ветрило,
 40 Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

К ***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней, —
Тогда изгнаньем и могилой,
¹⁰ Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

Аптеку позабудь ты для венков лавровых
И не мори больных, но усыпляй здоровых.

Увы, зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодую
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой острою
¹⁰ Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаждать.
Спешу, в волненьи дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее.
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей,
И миг единый разлученья
²⁰ Ужасен для души моей.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин.
Тебя, младенца, он ласкал
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой был кинжал,
Братоубийством изощренный.
Как часто, возбудив свирепой мести жар,
¹⁰ Он молча над твоей невинной колыбелью
Убийства нового обдумывал удар,
И лепет твой внимал, и не был чужд веселью!
Таков был: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный век отца
Смиренной жизнью пред небом искупила:
С могилы грозной к небесам
Она как сладкий фимиам,
Как чистая любви молитва восходила.

К ПОРТРЕТУ (ВЯЗЕМСКОГО)

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня;
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

С тобою пируют (шепнул он) друзья,
¹⁰ Тебе ж изменила гречанка твоя.

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
²⁰ Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моления, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
³⁰ С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

ЭЛЕГИЯ

Редает облаков летучая гряда.
 Звезда печальная, вечерняя звезда!
 Твой луч осеребрил увядшие равнины,
 И дремлющий залив, и черных скал вершины.
 Люблю твой слабый свет в небесной вышине,
 Он думы разбудил, уснувшие во мне.
 Я помню твой восход, знакомое светило,
 Над мирною страной, где все для взоров мило,
 Где стройны тополя в долинах вознеслись,
¹⁰ Где дремлет нежный мирт и темный кипарис
 И сладостно шумят полуденные волны;
 Там некогда в горах, сердечной неги полный,
 Над морем я влачил задумчивую лень,
 Когда на хижины сходила ночи тень,
 И дева юная во мгле тебя искала,
 И именем своим подругам называла.

Поздняя редакция

Редает облаков летучая гряда.
 Звезда печальная, вечерняя звезда!
 Твой луч осеребрил увядшие равнины,
 И дремлющий залив, и черных скал вершины.
 Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
 Он думы разбудил, уснувшие во мне.
 Я помню твой восход, знакомое светило,
 Над мирною страной, где все для сердца мило,
 Где стройны тополи в долинах вознеслись,
¹⁰ Где дремлет нежный мирт и темный кипарис
 И сладостно шумят полуденные волны.
 Там некогда в горах, сердечной думы полный,
 Над морем я влачил задумчивую лень.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет;
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
¹⁰ Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут;
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы:
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый;
Живет на углу он челне,
Игралище слепой пучины,
А я в надежной тишине
²⁰ Внимаю шум ручья долины.

КРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном, и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила;
Она внимала мне с улыбкой; и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной;
¹⁰ И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала:
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокий
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
¹⁰ Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

КОКЕТКЕ

Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — немногим боле;
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены, верно, надоели;
Остепеньсь, мы охладели,
10 Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
Сначала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,
(Вы) притворились стыдливой,
Мы поклялись... потом... увы!
Потом забыли клятву нашу;
Кле(она) полюбили вы,
20 А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Все хорошо, благопристойно,
Могли б мы жить без дальних ссор
Опять и дружно и спокойно.
Оставим юный пыл страстей,
Когда мы клонимся к закату,
Вы — старшей дочери своей,
Я — своему меньшому брату.
Им можно с жизнью шалить
30 И слезы впредь себе готовить,
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

АДЕЛИ

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна;
Для наслажденья
10 Ты рождена.
Час упоенья
Лови, лови!
Младые лета
Отдай любви
И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель.

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?⁹
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?⁹
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?⁹
Часы любви, часы похмелья
По-прежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?⁹
¹⁰ В изгнаньи скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, уют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
²⁰ Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна,
И разгорались наши споры
От искр и шуток, и вина.
Вновь слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

ДЕВА

Я говорил тебе: страшися девы милой!
Я знал: она сердца влечет невольной силой.
Неосторожный друг, я знал: нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей.
Надежду потеряв, забыв измены сладость,
Пылает близ нее задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смиренно ей несут влюбленные мольбы;
Но дева гордая их чувства ненавидит
¹⁰ И, очи опустив, не внемлет и не видит.

ДЕЛЬВИГУ

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад.
Ты знаешь сам: в минувши годы
Я на берегу парнасских вод
Любил марасть поэмы, оды,
И даже зрел меня народ
На кукольном театре моды.
¹⁰ Бывало, что ни напишу,
Все для иных не Русью пахнет,
Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Т〈имковский〉 ахнет,
Теперь едва-едва дышу,
От воздержанья муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу.
К неверной славе я хладею
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
²⁰ Как муж за гордою женой.
Я позабыл ее обеты,
Одна свобода мой кумир,
Но все люблю, мои поэты,
Счастливым голос ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Проказы младости своей,
Глядит с улыбкой ваша сводня
На шашни молодых блядей.

〈ИЗ ПИСЬМА К Н. И. ГНЕДИЧУ〉

В стране, где Юлией венчанный
 И хитрым Августом изгнанный
 Овидий мрачны дни влачил;
 Где элегическую лиру
 Глухому своему кумиру
 Он малодушно посвятил;
 Далече северной столицы
 Забыл я вечный ваш туман,
 И вольный глас моей цевницы
¹⁰ Тревожит сонных молдаван.
 Все тот же я — как был и прежде;
 С поклоном не хожу к невежде,
 С Орловым спорю, мало пью,
 Октавию — в слепой надежде —
 Молебнов лести не пою.
 И Дружбе легкие посланья
 Пишу без строгого старанья.
 Ты, коему судьба дала
 И смелый ум и дух высокий
²⁰ И важным песням обрекла,
 Отраде жизни одинокой;
 О ты, который воскресил
 Ахилла призрак величавый,
 Гомера музу нам явил
 И смелую певицу славы
 От звонких уз освободил, —
 Твой глас достиг уединенья,
 Где я сокрылся от гоненья
 Ханжи и гордого глупца,
³⁰ И вновь он оживил певца,
 Как сладкий голос вдохновенья.
 Избранник Феба! твой привет,
 Твои хвалы мне драгоценны;
 Для муз и дружбы жив поэт.
 Его враги ему презренны —
 Он музу битвой площадной
 Не унижает пред народом
 И поучительной лозой
 Зоиля хлещет — мимоходом.

КИНЖАЛ

Лемносский бог тебя ковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия Позора и Обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч Закона,
Свершитель ты проклятий и надежд.
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Как адский луч, как молния богов,
¹⁰ Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар неожиданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник Закон,
Но Брут восстал вольнолюбивый:
²⁰ Кинжал! ты кровь испил — и, мертв, объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадь мятежей подьъемлет злобный крик.
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом Вольности безглавой
Палач уродливый возник.
Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
И вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

³⁰ О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе,

Но добродетели святой
Остался глас в казенном прахе.
В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе,
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

〈НА КАЧЕНОВСКОГО〉

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

〈НА КАЧЕНОВСКОГО〉

Хаврониос! ругатель закоснелый,
Во тьме, в пыли, в презренье поседель,
Уймись, дружок! к чему журнальный шум
И пасквилей томительная тупость?
Затейник зол, с улыбкой скажет Глупость.
Невежда глуп, зевая, скажет Ум.

Оставя честь судьбе на произвол,
<   >, живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый пол.
И вдруг беда! казнит ее Меркурий,
Раскаяться приходит ей пора,
Она лежит, глаз пухнет понемногу,
Вдруг лопнул он; что ж курва? — «Слава Богу!
Все к лучшему: вот новая дыра!»

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз.
Клеон — умом ее стращая,
Дамис — за то, что нежно пел;
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Когда б писать ты начал сдуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как видишь в царствие небес.

Как брань тебе не надоела!
Расчет короток мой с тобой:
Ну, так, я празден, я без дела;
А ты бездельник деловой.

**НА ТРАГЕДИЮ ГРАФА ХВОСТОВА,
ИЗДАННУЮ С ПОРТРЕТОМ АКТРИСЫ КОЛОСОВОЙ**

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

К(АТЕНИ)НУ

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть, неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единый,
10 Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименной и Моинной.
Так легкомысленной душой,
О боги, смертный вас поносит,
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

Хоть, впрочем, он поэт изрядный,
Эмилий человек *пустой*.
Да ты чем *полон*, шут нарядный?
А, понимаю: сам собой;
Ты *полон* дряни, милый мой!

ЭПИГРАММА

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава Богу,
Только что картежный вор.

Ч(ААДАЕ)ВУ

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
 Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
 Где слава для меня предмет заботы малой,
 Тебя недостает душе моей усталой.
 Врагу стеснительных условий и оков,
 Нетрудно было мне отвыкнуть от пиров,
 Где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет
 И правду пылающую приличий хлад объемлет.
 Оставляя шумный круг безумцев молодых,
¹⁰ В изгнании моем я не жалел о них;
 Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
 Врагов моих предал проклятию забвенья
 И, сети разорвав, где бился я в плену,
 Для сердца новую вкушаю тишину.
 В уединении мой своенравный гений
 Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
 Владею днем моим; с порядком дружен ум;
 Учусь удерживать вниманье долгих дум;
 Ищу вознаградить в объятиях свободы
²⁰ Мятежной младостью утраченные годы
 И в просвещении стать с веком наравне.
 Богини мира, вновь явились музы мне
 И независимым досугам улыбнулись;
 Цевницы брошенной уста мои коснулись;
 Старинный звук меня обрадовал — и вновь
 Пою мои мечты, природу, и любовь,
 И дружбу верную, и милые предметы,
 Пленявшие меня в младенческие леты,
 В те дни, когда, еще незнаемый никем,
³⁰ Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
 Я пеньем оглашал приют забав и лени
 И царскосельские хранительные сени.
 Но дружбы нет со мной: печальный, вижу я
 Лазурь чужих небес, полдневные края;
 Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
 Ничто не заменит единственного друга.
 Ты был целителем моих душевных сил;
 О неизменный друг, тебе я посвятил

- И краткий век, уже испытанный судьбою,
 40 И чувства, может быть спасенные тобою!
 Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
 Ты видел, как потом в волнении страстей
 Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
 В минуту гибели над бездной потаенной
 Ты поддержал меня недремлющей рукой;
 Ты другу заменил надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгим взором,
 Ты оживлял ее советом иль укором;
 Твой жар воспламенял к высокому любовь;
- 50 Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
 Уж голос клеветы не мог меня обидеть:
 Умел я презирать, умея ненавидеть.
 Мне ль было сетовать о толках шалунов,
 О лепетаньи дам, зоилов и глупцов
 И сплетней разбирать игривую затею,
 Когда гордиться мог я дружбою твоею?
 Благодарю богов: прошел я мрачный путь;
 Печали ранние мою теснили грудь;
 К печалам я привык, расчелся я с судьбою
- 60 И жизнь перенесу стоической душою.
 Одно желание: останься ты со мной!
 Небес я не томил молитвою другой.
 О, скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
 Когда соединим слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привет?
 Как обниму тебя! Увижу кабинет,
 Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
 И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
- 70 С тобою вспоминать беседы прежних лет,
 Младые вечера, пророческие споры,
 Знакомых мертвецов живые разговоры;
 Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
 Вольнолюбивые надежды оживим,
 И счастлив буду я; но только, ради Бога,
 Гони ты 〈Шеппинга〉 от нашего порога.

К МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЕ

Подруга думы праздной,
 Чернильница моя;
 Мой век разнообразный
 Тобой украсил я.
 Как часто друг веселья
 С тобою забывал
 Условный час похмелья
 И праздничный бокал;
 Под сенью хаты скромной
 10 В часы печали томной
 Была ты предо мной
 С лампадой и мечтой.
 В минуты вдохновенья
 К тебе я прибегал
 И музу призывал
 На пир воображенья.
 Прозрачный, легкий дым
 Носился над тобо(ю),
 И с трепетом живым
 20 В нем быстрой чередою
 { }¹
 Сокровища мои
 На дне твоём таятся.
 Тебя я посвятил
 Занятиям досуга
 И с ленью примирил:
 Она твоя подруга.
 С тобой успех узнал
 Отшельник неизвестный...
 Заветный твой кристалл
 30 Хранит огонь небесный;
 И под вечер, когда
 Перо по книжке бродит,
 Без вялого труда
 Оно в тебе находит

¹ Здесь недостает, вероятно, около сорока стихов.

Концы моих стихов
 И верность выраженья;
 То звуков или слов
 Нежданное стеченье,
 То едкой шутки соль,
 40 То правды слог суровый,
 То странность рифмы новой,
 Неслыханной дотоль.
 С глупцов сорвав одежду,
 Я весело клеймил
 Зоила и невежду
 Пятном твоих чернил...
 Но их не разводил
 Ни тайной злости пеной,
 Ни ядом клеветы.
 50 И сердца простоты
 Ни лестью, ни изменой
 Не замарала ты.

Но здесь — на лоне лени
 Я слышу нежны пени
 Заботливых друзей...
 Ужели их забуду,
 Друзей души моей,
 И им неверен буду?
 Оставь, оставь порой
 60 Привычные затей,
 И дактиль, и хорей
 Для прозы почтовой.
 Минуты хладной скуки,
 Сердечной пустоты,
 Уныние разлуки,
 Всегдашние мечты,
 Мои надежды, чувства
 Без лести, без искусства
 Бумаге передай...
 70 Болтливостью небрежной,
 И ветреной, и нежной
 Их сердце утешай...

Беспечный сын природы,
 Пока златые годы
 В забвеньи трачу я,
 Со мною неразлучно
 Живи благополучно,
 Наперсница моя.

Когда же берег ада
80 Навек меня возьмет,
Когда навек уснет
Перо, моя отрада,
И ты, в углу пустом
Осиротев, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихий дом...
Чедаев, друг мой милый,
Тебя возьмет, унылый;
Последний будь привет
90 Любимцу прежних лет.
Иссохшая, пустая,
Украсть его камин —
Меж двух его картин
Останься век немая.
Взыскательного света
Очей не привлекай,
Но верного поэта
Друзьям напоминай.

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Христос воскрес, моя Реввека!
Сегодня, следуя душой
Закону Бога-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я, не робея,
Готов, еврейка, приступить —
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
¹⁰ От православных отличить.

Раззевавшись от обедни,
К К(атакази) еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом?
Подогнув под жопу ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

«Признаюсь пред всей Европой, —
10 Хромоногая кричит, —
М(аврогени) толстожопый
Душу, сердце мне томит.
Муж! вотще карманы грузно
Ты набил в семье моей
И вотще ты пятишь гузно —
М(аврогени) мне милей».

Здравствуй, круглая соседка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
20 Ты плешива, ты глупа.
Говорить с тобой нет мочи —
Все прощаю! Бог с тобой;
Ты с утра до темной ночи
Рада в банк играть со мной.

Вот еврейка с Тадарашкой.
Пламя пышет в подлеце,
Лапу держит под рубашкой,
Рыло на ее лице.
Весь от ужаса хладею:
30 Ах, еврейка, Бог убьет!
Если верить Моисею,
Скотоложница умрет!

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзил Амур,

О чувствительная сводня,
О краса молдавских дур;
Смотришь: каждая девица
Пред тобою с молодцом,
Ты ж одна, моя вдовица,
40 С указательным перстом.

Ты умна, велеречива,
Кишиневская Жанлис,
Ты бела, жирна, шутлива,
Пучеюкая Тарсис.
Не хочу судить я строго,
Но к тебе не льнет душа —
Так послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

ДИОНЕЯ

Хромид в тебя влюблен: он молод, и не раз
Украдкою вдвоем мы замечали вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея;
Твой взор потупленный желанием горит,
    И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лицо твое хранит.

A son amant Eglé sans résistance
 Avait cédé — mais lui pâle et perclus
 Se démenait — enfin n'en pouvant plus
 Tout essoufflé tira... sa révérence.
 «M(onsieur), — Eglé d'un ton plein d'arrogance, —
 Parlez, Monsieur: pourquoi donc mon aspect
 Vous glace-t-il? m'en direz-vous la cause, —
 Est-ce dégoût?» — «Mon Dieu: c'est autre chose». —
 «Excès d'amour?» — «Non, excès de respect».¹

---

¹ Перевод:

Своему любовнику Аглая без сопротивления
 Уступила — но он, бледный и бессильный,
 Суетился — и, наконец, в изнеможении,
 Совсем запыхавшись, удовлетворился... поклоном.
 Аглая высокомерным тоном: «Сударь,
 Скажите, почему же мой вид
 Вас леденит? Не объясните ли вы мне причину?
 Что это, отвращение?» — «Боже мой, совсем другое». —
 «Избыток любви?» — «Нет, избыток уважения» (фр.).

J'ai possédé maîtresse honnête,
Je la servais comme il le(?) faut,
Mais je n'ai point tourné de tête —
Je n'ai jamais visé si haut.¹

---

¹ Перевод:

У меня была любовница безупречного поведения,
Я ей служил, как подобает,
Но головы ей не кружил, —
Я никогда не метил так высоко (фр.).

Лечись — иль быть тебе Панглосом,
Ты жертва вредной красоты —
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

ГРОБ ЮНОШИ

...Сокрылся он,
Любви, забав питомец нежный;
Кругом него глубокий сон
И хлад могилы безмятежной...

Любил он игры наших дев,
Когда весной в тени дерев
Они кружились на свободе;
Но нынче в резвом хороводе
Не слышен уж его припев.

- ¹⁰ Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили меж собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали также в нас умы;
Но погоди, приспеют годы,
И будешь то, что ныне мы;
Как нам, о мира гость игривый,
Тебе постынет белый свет;
- ²⁰ Теперь играй...». Но старцы живы,
А он увял во цвете лет.
И без него друзья пируют,
Других уж полюбить успеv;
Уж редко, редко именуют
Его в беседе юных дев.
Из милых жен, его любивших,
Одна, быть может, слезы льет
И память радостей почивших
Привычной думою зовет...
- ³⁰ К чему?

Над ясными водами
Гробницы мирною семьей
Под наклоненными крестами
Таятся в роще вековой.
Там, на краю большой дороги,

Где липа старая шумит,
Забыв сердечные тревоги,
Наш бедный юноша лежит.

Напрасно блещет луч денницы
Иль ходит месяц средь небес
40 И вокруг бесчувственной гробницы
Ручей журчит и шепчет лес;
Напрасно утром за малиной
К ручью красавица с корзиной
Идет и в холод ключевой
Пугливо ногу опускает:
Ничто его не вызывает
Из мирной сени гробовой.

Тадарашка в вас влюблен,
И для ваших ножек,
Говорят, заводит он
Род каких-то дрожек.
Нам приходит нелегко;
Как неосторожно!
Ох! на дрожках далеко
Вам уехать можно.

Умолкну скоро я. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный;
Но если я любим... позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
¹⁰ Заветным именем любовницы прекрасной.
Когда меня навек обьет смертный сон,
Над урною моей промолви с умиленьем:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен и любви последним вдохновеньем.

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное течение.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
    Что я любил, что изменило мне.
Пускай я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
    10 Душа твоя жива для дружбы, для любви,
        Для поцелуев сладострастья;
    Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
    Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
    Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви, быть может, ужаснешься.
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
    20 Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

АЛЕКСЕЕВУ

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты:
Я позабыл любви призывы
И плен опасной красоты;
Свободы друг миролюбивый,
В толпе красавиц молодых
Я, равнодушный и ленивый,
Своих богов не вижу в них.
Их томный взор, приветный лепет
10 Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нежный трепет
И пламя юности живой.
Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно.
Прошел веселый жизни праздник.
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
20 «Нельзя ль найти подруги нежной?»
Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призрак ложный,
Без упоительных страстей,
Я стал наперсник осторожный
Моих неопытных друзей.
Когда любовник исступленный,
Тоскуя, плачет предо мной
И для красавицы надменной
30 Клянется жертвовать собой;
Когда в жару своих желаний
С восторгом изъясняет он
Неясных, темных ожиданий
Обманчивый, но сладкий сон
И, крепко руку сжав у друга,
Кланет ревнивого супруга
Или докучливую мать, —
Его безумным увереньям

И помнутым повтореньям
40 Люблю с участием внимать;
Я льщу слепой его надежде,
Я молод юностью чужой
И говорю: так было прежде
Во время оно и со мной.

НАПОЛЕОН

Чудесный жребий совершился:
 Угас великий человек.
 В неволе мрачной закатился
 Наполеона грозный век.
 Исчез властитель осужденный,
 Могучий баловень побед;
 И для изгнанника вселенной
 Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
 10 Мир долго, долго будет полн,
 Приосенен твоею славой;
 Почий среди пустынных волн!
 Великолепная могила...
 Над урной, где твой прах лежит,
 Народов ненависть почила
 И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
 Над обесславленной землей?
 Давно ли царства упали
 20 При громах силы роковой?
 Послушны воле своенравной,
 Бедой шумели знамена,
 И налагал ярем державный
 Ты на земные племена.

Когда, надеждой озаренный,
 От рабства пробудился мир
 И галл десницей разъяренной
 Низвергнул ветхий свой кумир;
 Когда на площади мятежной
 30 Во прахе царский труп лежал
 И день великий, неизбежный —
 Свободы светлый день вставал, —

Тогда, в волненьи бурь народных
 Предвидя чудный свой удел,
 В его надеждах благородных
 Ты человечество презрел.

В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
40 Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил.
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
50 Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Все пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
60 Теперь не побледнеет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливица душу волновал.

Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
70 Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем как дара;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие;
Исчезни, краткий наш позор!

Благослови Москву, Россия!
80 Война по гроб — наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья;
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И все, как буря, закипело;
90 Европа свой расторгла плен;
Вослед тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан,
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
100 Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
110 Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В уныньи горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
120 Из мрака ссылки завещал.

ВОЙНА

Война!.. Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей
И в роковом огне сражений
10 Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений.
Все ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое взыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
20 Кончину ль темную судил мне жребий боев,
И все умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?.. Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня; нет власти над собой,
30 И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?..

ГЕНЕРАЛУ ПУЩИНУ

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квируга!
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!
Хваляю тебя, о верный брат!
¹⁰ О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!

К ОВИДИЮ

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотраднѣй плач места сии прославил,
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображеньи
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
10 И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою:
Я видел твой корабль игралищем валов
И якорь, верженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там холодной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
20 И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волненье жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочь, ни жена, ни верный сонм друзей,
30 Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;
Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,

Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
 40 Ты в тяжелой горести далекой дружбе пишешь:
 «О, возвратите мне священный град отцов
 И тени мирные наследственных садов!
 О друзья, Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами отклоните!
 Но если гневный бог досель неумолим
 И век мне не видать тебя, великий Рим,
 Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
 Приблизьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презревшее харит,
 50 Твое уныние и слезы укорит?
 Кто в грубой гордости прочтет без умиленья
 Сии элегии, последние творенья,
 Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,
 Но понимаю их. Изгнанник самовольный,
 И светом, и собой, и жизнью недовольный,
 С душой задумчивой я ныне посетил
 Страну, где грустный век ты некогда влачил.
 Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
 60 Я повторил твои, Овидий, песнопенья
 И их печальные картины поверял;
 Но взор обманутым мечтаньям изменял.
 Изгнание твое пленяло втайне очи,
 Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
 Здесь долго светится небесная лазурь;
 Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
 На скифских берегах переселенец новый,
 Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
 Уж пасмурный декабрь на русские луга
 70 Слоями расстилал пушистые снега;
 Зима дышала там — а с вешней теплотою
 Здесь солнце ясное катилось надо мною;
 Младую зелень пестрел увядший луг;
 Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
 Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
 Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
 Кристаллом покрывал недвижимые струи.
 Я вспомнил опыты несмелые твои,
 Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем,
 80 Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
 Шаги свои волнам, окованным зимой.
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила тень твоя, и жалобные звуки
 Неслися издали, как томный стон разлуки.

Утешься: не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений,
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнью, с минутною молвой!..
90 Но если обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный,
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой, участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
100 Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал.
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны
И музы мирные мне были благосклонны.

ПРИМЕТЫ

Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, молодых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
¹⁰ Знай, завтра сонных дев разбудит дождь ревучий
Иль бьющий в окна град, а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокий злак долин,
Услыша бури шум, не выйдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
¹⁰ Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон;
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
²⁰ Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Добра чужого не желать
Ты, Боже, мне повелеваешь,
Но меру сил моих Ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?³
Обидеть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На все спокойно я взираю.
Ни дом его, ни скот, ни раб —
¹⁰ Не лестна вся мне благостыня...
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! — я слаб!..
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, —
О, Боже праведный, прости
Мне зависть ко блаженству друга!
Кто сердцем мог повелевать?²
Кто раб усилий бесполезных?²
Как можно не любить прелестных?²
²⁰ Как райских благ не пожелать?²
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю!

1822

БАРАТЫНСКОМУ ИЗ БЕССАРАБИИ

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.
Еще доньне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
¹⁰ Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

〈БАРАТЫНСКОМУ〉

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне, Феба ради,
И награди тебя Амур.

Чугун кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы —
Ты среди торжественных знам(ен)
Упал горящий и крова(вый),
Героев севера губя

Ф. Н. Г〈ЛИНК〉Е

Когда средь оргий жизни шумной
 Меня постигнул остракизм,
 Увидел я толпы безумной
 Презренный, робкий эгоизм.
 Без слез оставил я с досадой
 Венки пиров и блеск Афин,
 Но голос твой мне был отрадой,
 Великодушный гражданин!
 Пускай судьба определила
¹⁰ Гоненья грозные мне вновь,
 Пускай мне дружба изменила,
 Как изменяла мне любовь,
 В моем изгнании позабуду
 Несправедливость их обид:
 Они ничтожны — если буду
 Тобой оправдан, Аристид.

Поздняя редакция

ГЛ〈ИНКЕ〉

Давно оставил я с досадой
 Венки пиров и блеск Афин,
 Где голос твой мне был отрадой,
 Великодушный гражданин.
 Пускай мне слава изменила,
 Как изменяла мне любовь,
 Пускай судьба определила
 Мне темные гоненья вновь —
 Как хладный киник, я забуду
¹⁰ Несправедливость их обид:
 Они ничтожны — если буду
 Тобой оправдан, Аристид.

Бранись, ворчи, болван болванов,
Ты не дождешься, друг мой Ланов,
Пощечин от руки моей.
Твоя торжественная рожа
На бабье гузно так похожа,
Что просит только киселей.

У Кларисы денег мало,
Ты богат — иди к венцу;
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.

ДРУЗЬЯМ

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.

Так, музы вас благословили,
Венками свыше осень,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
10 Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас,

Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
В ее широкие края.

Я пил, и думою сердечной
Во дни минувшие летал,
И горе жизни скоротечной
20 И сны любви воспоминал.

Меня смешила их измена,
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшею струей.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хозарам:
Их села и нивы, за буйный набег,
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
¹⁰ Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?»
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня;
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
²⁰ А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
³⁰ Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...

Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;

Он, чуя господскую волю,

То смиренный стоит под стрелами врагов,

40 То мчится по бранному полю,

И холод и сеча ему ничего;

Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся; однако чело

И взор омрачились думой.

В молчаньи, рукой опершись на седло,

С коня он слезает угрюмый;

И верного друга прощальной рукой

И гладит, и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,

50 Расстаться настало нам время;

Теперь отдыхай; уж не ступит нога

В твоё позлащенное стремя.

Прощай, утешайся, да помни меня.

Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;

В мой луг под уздцы отведите;

Купайте, кормите отборным зерном;

Водой ключевою поите».

И отроки тотчас с конем отошли,

60 А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег

При звоне веселом стакана.

И кудри их белы, как утренний снег

Над славной главою кургана...

Они поминают минувшие дни

И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ, — промолвил Олег, —

Скажите, где конь мой ретивый?»

Здоров ли? Все так же ль легок его бег?»

70 Все тот же ль он бурный, игривый?»

И внемлет ответу: на холме крутом

Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник

И думает: «Что же гаданье?»

Кудесник, ты лживый, безумный старик!

Презреть бы твоё предсказанье!

Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
80 С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил;
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
90 И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия,
Шипя, между тем выползала;
Как черная лента вокруг ног обвилась;
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
100 Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимы навещают
10 Места, где было все милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертные вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
20 И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я...

ГРЕЧАНКЕ

Ты рождена воспалять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.

¹⁰ Скажи: когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный

²⁰ В его сердечной глубине.
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой;
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу;
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,

³⁰ И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно все, что мило.

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели я знаю каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
¹⁰ Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто английский роман с французского преложит,
Тот оду сочинит, потея да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шутя —
До них нам дела нет; а ты читай, бесися,
²⁰ Зевай, сто раз засни — а после подпишися.

Так, цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить; Руссо, Вольтер, Бюфон,
Державин, Карамзин манят его желанье,
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,
Да, связь утратя в них, ищи ее с начала
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную брань,
³⁰ Учтивых остряков затейливую дань.

Но цензор гражданин, и сан его священный:
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов,
Не преступает сам начертанных уставов;

Закону преданный, отечество любя,
 Принять ответственность умеет на себя,
 Полезной истине пути не заграждает,
 40 Живой поэзии резвиться не мешает.
 Он друг писателю, пред знатью не труслив,
 Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?⁹
 Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами.
 Не понимая нас, мараешь и дерешь;
 Ты черным белое по прихоти зовешь:
 Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
 Глас правды мятежом, Куницына Маратом.
 Решил, а там поди хоть на тебя проси.
 50 Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси
 Благодаря тебя не видим книг доселе?⁹
 И если говорить задумают о деле,
 То, славу русскую и здравый ум любя,
 Сам государь велит печатать без тебя.
 Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
 Баллады, басенки, элегии, куплеты,
 Досугов и любви невинные мечты,
 Воображения минутные цветы.
 О варвар! кто из нас, владельцев русской лиры,
 60 Не проклинал твоей губительной секиры?⁹
 Докучным эвнухом ты бродишь между муз.
 Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
 Ни слог певца пиров, столь чистый, благородный, —
 Ничто не трогает души твоей холодной.
 На все кидаешь ты косою, неверный взгляд.
 Подозревая все, во всем ты видишь яд.
 Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:
 Парнас не монастырь и не гарем печальный,
 И право, никогда искусный коновал
 70 Излишней пылкости Пегаса не лишал.
 Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы
 Осмеивать закон, правительство иль нравы,
 Тот не подвергнется взысканью твоему,
 Тот не знаком тебе — мы знаем почему;
 И рукопись его, не погибая в Лете,
 Без подписи твоей разгуливает в свете.
 Барков шуточных од тебе не посылал,
 Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
 И Пушкина стихи в печати не бывали;
 80 Что нужды? их и так иные прочитали.
 Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
 Едва ли Шаликов не вредный человек.

Зачем себя и нас терзаешь без причины?
 Скажи, читал ли ты «Наказ» Екатерины?
 Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
 Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
 В глазах монархини сатирик превосходный
 Невежество казнил в комедии народной,
 Хоть в узкой голове придворного глупца
 90 Кутейкин и Христос два равные лица.
 Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
 Их горделивые разоблачал кумиры;
 Хемницер истину с улыбкой говорил,
 Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
 Киприду иногда являл без покрывала —
 И никому из них цензура не мешала.
 Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
 С тобой не так легко б разделались они?
 Кто ж в этом виноват? перед тобой зеркало:
 100 Дней Александровых прекрасное начало.
 Проведай, что в те дни произвела печать.
 На поприще ума нельзя нам отступать.
 Старинной глупости мы праведно стыдимся.
 Ужели к тем годам мы снова обратимся,
 Когда никто не смел отечество назвать
 И в рабстве ползали и люди и печать?
 Нет, нет! оно прошло, губительное время,
 Когда невежества несла Россия бремя.
 Где славный Карамзин снискал себе венец,
 110 Там цензором уже не может быть глупец...
 Исправся ж: будь умней и примирился с нами.

«Все правда, — скажешь ты, — не стану спорить с вами;
 Но можно ль цензору по совести судить?
 Я должен то того, то этого щадить.
 Конечно, вам смешно — а я нередко плачу,
 Читаю да крещусь, мараю наудачу;
 На все есть мода, вкус; бывало, например,
 У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер,
 А нынче и Милот попался в наши сети;
 120 Я бедный человек; к тому ж жена и дети...».

Жена и дети, друг, поверь, большое зло:
 От них все скверное у нас произошло.
 Но делать нечего; так если невозможно
 Тебе скорей домой убраться осторожно
 И службою своей ты нужен для царя,
 Хоть умного себе возьми секретаря.

ИНОСТРАНКЕ

На языке, тебе невятном,
Стихи прощальные пишу;
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
¹⁰ Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
¹⁰ Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1823

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родный обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

ЖАЛОБА

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин —
Таков об вас народный говор,
И дива нет — не вы один.
Потомку предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.

НОЧЬ

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя.

ВИГЕЛЮ

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет,
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов.
¹⁰ Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом,
Но с этим милым городком
Я Кишинев равнять не смею:
Я слишком с Библией знаком
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
²⁰ И красотой нестрогих дев!
Как жаль, что ранними громами
Его сразил Еговы гнев!
В блистательном разврате света,
Хранимый Богом человек
И член верховного совета,
Провел бы я смиренно век
В Париже Ветхого Завета!
Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
³⁰ Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца;
Однако ж кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг,
Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, пощади мой зад!

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья;
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
¹⁰ Тоской внезапной осень,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимый клеветой,
Он Провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
²⁰ Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

*Изыде сеятель сеяти
семена своя.*

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
К чему стадам дары свободы?
¹⁰ Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плавает в небесной чистоте...

- ¹⁰ Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
¹⁰ Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокий!
Хочу ль бежать, с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор,
Спокойна ты; веселый твой укор
²⁰ Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
³⁰ Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю;
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

**КНЯГИНЕ ГОЛИЦЫНОЙ,
УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЕ СУВОРОВОЙ**

Давно об ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине,
Ее минутное вниманье
Отрадой долго было мне.
Твердил я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой,
Так мило ею повторенный,
Замеченный ее душой.
Вновь лире слез и тайной муки
10 Она с участием вяла —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки...
Довольно; в гордости моей
Я мыслить буду с умилением:
Я славой был обязан ей —
А может быть, и вдохновеньем.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!.....

Но в полдень нет уж той отваги;
¹⁰ Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега.
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

1

Недвижный страж дремал на царственном пороге,
 Владыка севера один в своем чертоге
 Безмолвно бодрствовал, и жребии земли
 В увенчанной главе стесненные лежали,
     Чредою выпадали
 И миру тихую неволю в дар несли.

2

И делу своему владыка сам дивился.
 Се благо, думал он, и взор его носился
 От Тибровых валов до Вислы и Невы,
¹⁰ От саркосельских лип до башен Гибралтара:
     Все молча ждет удара,
 Все пало — под ярем склонились все главы.

3

«Свершилось! — молвил он. — Давно ль народы мира
 Паденье славили великого кумира

.....
 .....
 .....
 .....

4

Давно ли ветхая Европа свирепела?
²⁰ Надеждой новою Германия кипела,
 Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
 За Пириньями давно ль судьбой народа
     Уж правила свобода
 И самовластие лишь север укрывал?

5

Давно ль, — и где же вы, зиждители свободы?
Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу —
Вот Кесарь — где же Брут? О грозные витии,
Целуйте жезл России
³⁰ И вас поправшую железную стопу».

6

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
Повеял и затих и вновь повеял мимо,
Владыку севера мгновенный хлад объял,
На царств(енный) порог вперил, смутясь, он очи —
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость в чертог царя предстал.

7

То был сей чудный муж, посланник Провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонялися цари,
⁴⁰ Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь — исчезнувший как сон, как тень зари.

8

Но тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казенного по манию царей.

9

Нет, чудный взор его, живой, неуловимый,
⁵⁰ То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый,
Как боевой перун, как молния сверкал;
Во цвете здравия, и мужества, и мощи
Владыке полунощи
Владыка запада, грозящий, предстоял.

10

Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины севера гнала его десница
И русский в первый раз пред гибелью бежал,
Таков он был, когда с победным договором
И с миром и с позором

⁶⁰ Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

Ч(ААДАЕ)ВУ

К чему холодные сомненья?
 Я верю: здесь был грозный храм,
 Где крови жаждущим богам
 Дымились жертвоприношенья;
 Здесь успокоена была
 Вражда свирепой эмениды:
 Здесь провозвестница Тавриды
 На брата руку занесла;
 На сих развалинах свершилось
¹⁰ Святое дружбы торжество,
 И душ великих божество
 Своим созданием возгордилось.

. . . . .
 Ч(адаев), помнишь ли бывшее?
 Давно ль с восторгом молодым
 Я мыслил имя роковое
 Предать развалинам иным?
 Но в сердце, бурями смиренном,
 Теперь и лень и тишина,
²⁰ И, в умилении вдохновенном,
 На камне, дружбой освященном,
 Пишу я наши имена.

Д(АВЫДОВ)У

Нельзя, мой толстый Аристип:
Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый хрип,
Твой вкус и жирные обеды,
Но не могу с тобою плыть
К брегам полуденным Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимец Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отец
¹⁰ Немного тощей Энеиды
Пускался в море наконец,
Ему Гораций, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где другу Августов певец
Сулил хорошую погоду.
Но льстивых од я не пишу;
Ты не в чахотке, слава Богу:
У неба я тебе прошу
Лишь аппетита на дорогу.

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зонт
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки.

〈НА ВОРОНЦОВА〉

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Другая редакция

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец!..
Но тут, однако ж, есть надежда,
Что полный будет наконец.

⟨НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА⟩

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, Бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мне на рюмку рома,
Приди — потрянем мы стариной.
Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генера(л),
Достойный дружбы и похвал
Ханжи, поэта, балагура,
Тардиф, который Коленкура
¹⁰ И откормил, и обокрал,
Тардиф, полицией гонимый
За неуплатные долги,
Тардиф, умом неистоцимый
На entre-mets, на пироги —

ПРИЯТЕЛЮ

Не притворяйся, милый друг,
Соперник мой широкоплечий:
Тебе не страшен лиры звук,
Ни элегические речи.
Дай руку мне: ты не ревнив,
Я слишком ветрен и ленив,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
¹⁰ Да я в Петрарки не гожусь.

К **

Ты богоматерь, нет сомненья.
Не та, которая красой
Пленила только Дух Святой, —
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга, —
Есть бог другой, земного круга,
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
¹⁰ Им мучусь, им утешен я —
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя.

Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров,
Он на обедах — бог обедов,
В своих садах — он бог садов.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ОСТАВЛЕННЫЕ
В ЧЕРНОВИКАХ, И НАБРОСКИ

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины(?) обгорелы,
Жилище [дикое] черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,

И закубанские равнины.

Земля <   > — там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных,
Благословенные струи!

- ¹⁰ Надежда верная болез(?) изнуренных!
<   > близ дивных берегов
Увядавших юношей, отст(?)упников(?) пиров,
На муку тайную Кипридой осужд(?)енных),
И юных(?) ратников на ранних(?) костыл(?)ях),
И хилых стариков в печальных седилах.

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной,
Мне вас <не> жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной,

[Мне вас не жаль], неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые,
Мне вас не жаль, изменницы молодые, —
Задумчивый, забав чуждаюсь я.

Но где же вы, минуты умиления,
¹⁰ Младых надежд, сердечной тишины?
[Где прежний жар и] слезы вдохновенья?
Придите вновь, года моей весны.

В кругу семей, в пирах счаст(ливых)<?>
 Я гость унылый и чужой,
 Вдали друзей вольнолюб(ивых)
 Теснимый хладною толпой —

_____

<   > странник,
 Забыв и лиру и покой,
 Бегу за милою мечтой
 <   >

Забуду горесть и любовь,
¹⁰ Меня покинет при(зрак ложный),
 Забро(шу) посох свой дорожный
 И равнодушен буду вновь.

А вы, товари(щи) молодые,
 Друзья, готовьте шумный пир,
 Готовьте чаши круго(вые),
 Венки цветов и гимны лир.

К⟨нязь⟩ Г— со мною не зна⟨ком⟩.
Я не видал такой негодн⟨о⟩й смеси;
Составлен он из подлос⟨ти⟩ и спеси,
Но подлост⟨и⟩ побольше спеси в ⟨нем⟩.
В сраженьи трус, в трахтире он бур⟨лак⟩,
В передней он подлец, в гостинной он дурак.

Кто видел край, где роскошью природы
 Оживлены дубравы и луга,
 Где весело шумят <и> блещут воды
 И мирные ласкают берега,
 Где на холмы под лавровые своды
 Не смеют лечь угрюмые снега;
 [Скажите мне — кто видел край прелестный,
 Где я любил, изгнанник неизвестный?]

Златой предел! любимый край Эльвины,
 10 К тебе летят желанья мои!
 Я помню скал прибрежные стремнины,
 Я помню вод веселые струи,
 И тень, и шум, и красные долины,
 Где [в тишине] простых татар семьи
 Среди забот и с дружбою взаимной
 Под кровлею живут гостеприимной.

Все живо там, все там очей отрада,
 Сады татар, селенья, города,
 Отражена волнами скал громада,
 20 <В> морск<ой> дали теряются суда,
 Янтарь висит на лозах винограда,
 В лугах шумят бродящие стада...
 И зрит [пловец] — могил<а> Митрида<та>
 Озарена сиянием заката.

[Приду ли вновь, поклонник муз и мира,
 Забыв молву и жизни суеты,
 На берегах веселого Салгира
 Воспоминать души моей мечты?]
 И ты, мой друг, задумчивая лира,
 30 Ты, верная певица красоты,
 Певица нег, любви и разлуки,
 Найдешь ли вновь утраченные звуки?

Когда луны сияет лик двурогой
 И луч ее во мраке серебрит
 Немой залив, утесы < > отлогий,

И берега, где темный лес шумит,
И с седоком приморскою дорогой
Привычный конь над бездною бежит...
40 < > [вдохновений]
< > видений

[Если] с нежной красотой
⟨Вы⟩ чувствительны душо⟨ю⟩,
Если горести чужой
Вам ужасно быть виною,
Если тяжело помнить вам
Жертву [тайного] страданья,
Не оставлю сим листам
Моего воспоминанья.

Я не люблю твоей Кори⟨нны⟩,
Скучны любезности картины,
В ней только слезы да печ⟨аль⟩
[И] фразы г⟨оспо⟩жи де Ст⟨аль⟩.
Милее мне живая м⟨ладость⟩,
Рассудок с сердцем попола⟨м⟩,
Приятной лести жар и сладо⟨сть⟩
И смелость едких эпигра⟨мм⟩,
Веселость шуток и расска⟨зов⟩,
¹⁰ Воображенье, ум и вкус;
И для того, мой Б⟨ ⟩⟨?⟩,
К тебе

Все так же осеня(ют) своды
 < > трех цариц,
 Все те же клики юных жриц,
 Все те же вьются хоров(оды).
 Ужель умолк волшебный глас
 Семеновой, сей чудной музы?
 Ужель, навек оставя нас,
 Она расторгла с Фебом узы
 И славы русской луч угас?
¹⁰ Не верю! вновь о(на)<?> <нрзб> —
 Ей вновь готова дань сердец,
 Пред нами долго < >
 Ее торжественный венец.
 И для нее любовн(ик славы)
 Мл(адой)<?> Катен(ин) воскрес(ит)<?>
 Эшила гений велича(вый)
 И ей кинжал < > возврат(ит)<?>

〈В. Л. ДАВЫДОВУ〉

Меж тем как генерал Орлов,
Обритый рекрут Гименя,
Священной страстью пламеня,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной
И за(?) бутылками Аи
Сидят Раевские мои;
Когда везде весна младая
10 С улыбкой распустила грязь
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь, —
Тебя, Раевских и Орлова
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

На этих днях тиран(?) собора
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
20 Велел жить долго всей России
И с сыном Птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Говеет Инзов, и наемни
Я променял парна(сски) бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни
Да на сушеные грибы.
Я стал умен, [я] лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
30 Что Бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое ( ) [бранит],
А мой ненабожный желудок
Причастья вовсе не варит.
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит

Иль кло д'вужо — тогда б ни слова,
 А то, подумай, как смешно! —
 40 С водой молдавское вино...
 < >¹
 Но я мол<юсь> — и воздыхаю...
 Крещусь, не внемлю Сатане...
 А все невольно вспом<инаю>,
 Давыдов, о твоём вине...

Вот эвхаристия [другая],
 Когда и ты, и милый брат,
 Перед камином надевая
 Демократический халат,
 Спасенья чашу наполняли
 50 Беспенной, мерзлую струей
 И за здоровье *тех* и *той*
 До дна, до капли выпивали!..
 Но *те* в Неаполе шалят,
 А *та* едва ли там воскреснет...
 Народы тишины хотят,
 И долго их ярем не треснет.
 Ужель надежды луч ис<чез>?
 Но нет, мы счастьем насладим<ся>,
 Кривавой тайны причастимся,
 60 И я скажу: Христос воскрес.

¹ По-видимому, два недоработанных и не поддающихся сколько-нибудь уверенному чтению стиха

Недавно бедный музульман
В Юрзуфе жил с детьми, с женою;
Душевно почит(ал) священный Алькоран
И счастлив был своей судьбою;
Мехмет (так звался он) прилежно целый день
Ходил за ульями, за стадом
И за домашним виноградом,
Не зная, что такое лень;
Жену свою любил — (Фатима) это знала,
¹⁰ И каждый год ему детей она рожала —
По-нашему, друзья, хоть это и смешно,
Но у татар уж так заведено.
Фатима раз — (она в то время
Несла трехмесячное бремя,
А каждый ведает, что в эт(и) времена
И даже самая степенная (жена)
Имеет прихоти то эти, (то) другие,
И Боже упаси какие!)
Фатима говорит умильно муженьку:
²⁰ «Мой друг, мне хочется ужасно каймаку.
Теряю память я, рассу(док),
Во мне так и горит желудок,
Я не спала всю ночь, и посмотри, душа,
Сегодня, верно, (я) совсем нехороша;
Всего мне ( ) [опасаться],
Не смею даже почесаться,
Чтоб крошку не родить с сметаной на носу —
Такой я муки не снесу.
Любезный, миленький, красавец, мой дружочек,
³⁰ Достань мне каймаку хоть крохотный кусочек».
Мехмет ( ) сжалился — собрался; завязал
В кушак тарелку жестяную,
Детей благословил, ж(ену) поцеловал
И мигом(?) в ближнюю долину побежал,
Чтобы порадовать больную.
Не шел он, а летел — зато в обратный пут(ь)
Пустился по горам, едва, едва шагая;
И скоро стал искать, совсем изнемогая,

Местечка, где бы отдохнуть.
40 По счастью, на конце долины
Увидел он руч(ей),
Добрел до берегов и лег в тени ветвей.
Журчанье вод, дерев вершины,
Душистая трава, прохладный береж(ок),
И тень, и легкий(?) ветерок —
Все нежило, все говорило:
Люби иль почивай! — Люби! таких затей
Мехмету в ум не приходило,
Хоть было (нрзб). — Но спать! вот это мило —
50 Благоразумно и верней.—
Зато Мехмет, как царь, заснул в долине;
Положим, что царям дано
Под балдахином ( ),
Хоть это, впрочем, мудрено.

⟨П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском ⟨   ⟩ и шутками богатый,
Счастливый В⟨яземский⟩, завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над Злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой —

⟨Д. В. ДАВЫДОВУ⟩

Певец-гусар, ты пел биваки,
 Раздолье ухарских пиров,
 И грозную потеху драки,
 И завитки своих усов.

С веселых струн во дни покоя
 Походную сдувая пыль,
 Ты славил, лиру перестроя,
 Досугов мирную бутыль.

10 Я слушаю тебя и сердцем молодею —
 Мне сладок жар твоих речей,
 Печальный⟨?⟩, снова пламенею
 Воспоминаньем прежних дней.

В печальной северной пустыне
 ⟨ ⟩ воспел.
 Где ни был, но тебя донныне
 ⟨ ⟩

Я, может быть, отвык ⟨от⟩ языка ⟨ ⟩,
 Но милы мне его про⟨стые⟩⟨?⟩ звуки,
 Как звуки слов родных на чуждой стороне
 20 Во дни печальные разлуки

Элеферия, пред тобой
Затмися прелести другие —
Горю тобой <   > тобой,
Я твой навек, Элеферия!

Ее пугает света шум,
Придворный блеск ей неприятен,
Люблю тв<ой> пылкий, ясный<?> ум,
И сердцу голос т<вой> понят<ен>.

На юге в мир<но>й темноте
¹⁰ Живи со мн<ой>, Элеф<ерия>,
Твоей <   > красоте
Вредна холодная Россия.

МОЛДАВ(СКАЯ ПЕСНЯ)

Нас было два брата — мы вместе росли
И жалкую младость в нужде провели,
Но алчная страсть [овладела] душой,
И вместе мы вышли на первый разбой.

Курган серебрился при яс(ной) луне,
Купец оробелый скакал на коне,
Его мы настигли ( )
И первую кровью умыли кинжал.

Мы ( ) к убийству привыкли потом
¹⁰ И стали селеньям ужасны кругом.

Недавно я в часы свободы
Устав наездника читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога;
И — признаюсь — роптал на Бога,
Но перевертывал листы.
Я думал: ветренный певец,
¹⁰ Не сотвори себе кумира,
Перебесилась наконец
Твоя проказливая лира,
И, сердцем охладев навек,
Ты, видно, стал в угоду мира
Благоразумный человек!
О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Д(авыдову) совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
²⁰ Венчаный музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Б(ури)овой души угрозы!
И вдруг растрепанную тень
Я вижу прямо пред собою,
Пьяна, как в самый смерти день,
Столбом усы, виски горою,
Жестокий ментик за спи(ною)
И кивер чудо набекрень.

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом,
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн
За то, что ясский пан,
¹⁰ Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трус и грубиан,
Побит немножко мною
И что бояр пугнул
Я ново⟨ю⟩ тревогой,
⟨ ⟩ строгий
Приставил караул.
⟨ ⟩¹
Невинной суеты⟨?⟩,
²⁰ А именно — мараю
Небрежные черты,
Пишу карикатуры
Знакомых столько лиц,
Восточные фигуры
Ебливых кукониц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

---

¹ Здесь недостает, вероятно, от двух до пяти стихов.

Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий,
 Внемли, боже кларосский, молению старца, погибнет
 Ныне, ежели ты не предыдешь слепому вожатым.
 Рек и сел на камне слепец утомленный — но следом
 Три пастуха за ним, дети страны той пустынной,
 Скоро сбежались на лай собак, их стада стерегущих.
 Ярость уняв их, они защитили бессилие старца.
 Издали внемля ему, приближались и думали: кто же
 Сей белоглавый старик, одинокий, слепой — уж не бог ли?
¹⁰ Горд и высок. Висит на поясе бедном простая
 Лира, и голос его возмущает волны и небо.
 Вот шаги он услышал, ухо клонит и, смутясь, уж
 Руки простер для моления. — Странник несчастный, не бойся,
 Коли только не скрыт в земном и дряхлеющем теле
 Бог, покровитель Греци(и), столь величаявая прелесть
 Старость твою украшает, — вещали они незнакомцу, —
 Если ж ты смертный — то знай, что волны тебя <   >
 К людям <   > богов, <   >

АКТЕОН

⟨I. ПЛАН⟩

Актеон

Морфей влюблен в Диану — его двор — он усыпляет Ендимиона — Диана назначает ему свидание и находит его спящим — .....Актеон это узнает от Феоны, ищет(?) Диану(?) не спит — наконец видит Диану — в источнике

Актеон, un fat, après avoir séduit Théone Naiade, lui demande l'histoire scandaleuse de Diane — Théone médit Morphée etc., etc. Актеон voit Diane, en devient amoureux, la trouve au bain, meurt dans la grotte de Théone —¹

⟨II. СТИХОТВОРНЫЙ ОТРЫВОК⟩

В лесах Гаргафии счастливой
За ланью быстрой и пугливой
Стремился долго Актеон.
Уже на тихий небоскл(он)
Восходит бледная Диана,
И в сумраке пускает он
Последнюю стрелу колчана —

---

¹ Перевод:

Актеон, фат, соблазнив наяду Феону, расспрашивает ее о соблазнительном приключении Дианы. Феона злословит о Морфее и т. д., и т. д. Актеон видит Диану, влюбляется в нее, застаёт ее во время купания, умирает в гроте Феоны (фр.).

〈БОВА〉

〈1〉

[Народ ки〈пит〉, гремят народны клики,
Пред теремом грузинского владыки
Съезжаются могучие цари,
Царевичи, князья, богатыри.
〈   〉 их ласково встречает,
Готовит пир — и ровно 40 дней
Своих гостей он пы〈шно〉〈?〉 угощ〈ает〉 —]

〈2〉

Зачем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевей,
Поля и села зажжены —

〈3〉

Кого союзником и другом
Себе ты выбрал, Зензевей,
Кто будет счастливым супругом
Царевны, дочери твоей?
Она мила, как [ландыш] мая,
Резва, как лань кавказских гор

Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел
Дары природы благосклонной.
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденья лени сонной.

Я дружбу знал — и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы,
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы.

Я знал любовь не мрачною < >,
¹⁰ Не безнадежным заблужд(еньем),
Я знал любовь прелестною меч(той),
Очарованьем, упоеньем.

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд, и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волненье.

Но все прошло! — остыла в сердце кровь.
В их наготу я ныне вижу
И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь
²⁰ И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утр(атил) резвый нрав,
Душа час от часу немеет;
В ней чувств уж нет — так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Ужели он казался прежде мне
Столь величавым и прекрасным,
Ужели < > позорной(?) глубине
Я наслаждался сердцем ясным?

Что ж видел в н(ем) безумец молодой,
³⁰ Чего ж < >, к чему стремился,

Кого ж, кого возвышенной <   >
Боготворить не постыдился?

Я говорил пред хладн(ою) толпой
Языком истины [свободной],
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
<   > тиран <   > льстец
40 Иль предрассудков раб послушн(ый).

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.

Кругом простерлись по холм(ам)
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.

Гречанка верная! не плачь — он пал героем,
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль сама ему пред первым боем
Назначила кровавый чести путь?
Тогда, тяжелую предчувствуя 〈разлуку〉,
Твой друг [тебе простер] торжественную руку,¹
Младенца своего в слезах благословил —
Но знамя черное свободой восшумело,
Как Аристокитон, он миртом меч обвил,
¹⁰ Он в сечу ринулся — и падши совершил
Великое, святое дело.

---

¹ Возможно, последним по времени вариантом рукописи было:
Супруг [тебе простер] торжественную руку.

ЧИНОВНИК И ПОЭТ

— Куда вы? За город, конечно,
 Зефиром утренним дышать
 И с вашей музою мечтать
 Уединенно [и] беспечно?
 — Нет, я собирался на базар,
 Люблю базарн(ое) волнение,
 Скуфьи жидов, усы болгар,
 И спор, и крик, и торго жар,
 Нарядов пестрое стеснение.
¹⁰ Люблю толпу, лохмотья, шум
 И жадной черни < > свободный.
 — Так, наблюдаете, ваш ум
 И здесь вникает в дух народный.
 Сопровождать вас рад бы я,
 Чтоб слышать ваши замечанья,
 Но службы долг зовет меня,
 Простите, [нам] не до гулянья.
 — Куда ж?
 — В острог: сегодня мы
 Выпроваждаем из тюрьмы
 [За Прут(?)] < > [за(?)] < >
 < > [Кирджали]

〈Л. С. ПУШКИНУ〉

Брат милый, отроком расстался ты со мной —
В разлуке протекли медлительные годы;
[Теперь ты юноша] — и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы.
Какое поприще открыто пред тобой,
Как много для тебя восторгов, наслаждений,
И сладостных забот, и милых заблуждений!
Как часто новый жар твою волнует кровь!
Ты сердце пробуешь в надежде торопливой

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал [ваш] бег могуч(ий),
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И ( )
( ) усыпил?
Взыграйте, ветры, взойте воды,
¹⁰ Разружьте гибельный оплот —
Где ты, гроза — символ (свободы)?
Промчись поверх невольных вод.

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг,
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И снова ты бежишь Европы обветшалой
Для неба дального, для (   ) стран...
Ищу стихий других, земли жилец усталый,
Приветствую тебя, свободный Океан!

Как наше сердце своенравно!
<   > томимый вновь,
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покор<но>й,
В нее вливать огонь и яд.
Ты согласилась, негой влажной
10 Наполнился твой том<ный><?> взор;
Твой вид задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговор
И то, что позвол<яешь> нежно,
И то, что запрещаешь мне,
Все впечатлелось неизбежно
В моей сердечной глубине —

Бывало, в сладко⟨м⟩ ослепленье
Я верил избр⟨анным⟩ душам —
Я мнил — их ⟨ ⟩ рожденье
Угодно [тай⟨ным⟩] небесам,
На них указывало мненье,
Едва приблизился я к ним

Вечерня отошла давно,
 < > темно,
 Уже и сам < > строг<ий>
 Свои молитвы прекратил
 И кости ветхие склонил,
 Перекрестясь, на одр убогий.
 Кру<гом> и сон и тиши<на>,
 Но церкви дверь отворе<на>,
 Трепещ<ет> луч < > лампы,
¹⁰ И < > озаряет он
 И темну живопись икон,
 И < > оклады.
 Стоят за клиросом мон<ах>
 И грешник, неподвижн<ы> < >
 < >
 < >
 И мрачно дремлет в вышине
 Старинный свод, глухой и влажный,
 И раздается в тишине
²⁰ То тяжкий вздох, <то> шепот важ<ный>.

М<онах>

Несчастный, полно, перес<тань>,
 Уж<асна> исповедь злоде<я>!
 Заплачена тобою дань
 Тому, кто, в мщеньи<?> свиреп<ея><?>,
 Лукаво грешника блюдет
 И к вечной гибели ведет.
 Аминь! Опомнись [время, время]
 < > грехов
 Сложи мучительное <бремя>,
³⁰ Я разреш<ить> тебя готов<?>

〈В. Ф. РАЕВСКОМУ〉

Недаром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы.

Не тем горжусь я, мой певец,
Что 〈   〉 умел стихами
〈   〉
Играя смехом и слезами;

Не тем горжусь, что иногда
Мои коварные напевы
Смиряли в мыслях юной девы
¹⁰ Волненье страха 〈и〉 стыда;

Не тем что 〈у〉 столб〈а〉 сатиры
Разврат и злобу я казнил
И что грозящий голос лиры
Неп〈равду〉〈?〉 в ужас приводил,

Что 〈   〉 вдохн〈овеньем〉
И〈   〉
И страс〈тью〉 воли и гоненьем
Я стал известен меж людей.

Иная, 〈   〉 отрада
²⁰ Была мне роком суждена —

Придет ужас(ный) [час] — твои небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
Молчанье вечное твои сомкнет уста,
Ты навсегда сойдешь в те мрачные места,
Где прадедов твоих почуют мощи хладны;
Но я, дотопе твой поклонник безот(радный),
В обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой,
У ми(лых)(?) ног твоих, себе их на колена
¹⁰ Сложу — и буду ждать (   )
Чтоб силою (   ) мечтанья моего

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану <вновь>,
Тебя тоской преследовать не буду,
И про < >, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
¹⁰ И многими любима будешь ты.

О боги мирные полей, дубров и гор,
Мой <   > Аполлон ваш любит разговор.
Меж вами я нашел и музу молодую,
Подругу дней моих, невинную, простую,
Но чем-то милую — не правда ли, друзья?
И своенравная волшебница моя,
Как тихий ветерок, иль пчелк<а> золот<ая>,
Иль беглый поцелуй, туда-сюда летая

КОРАБЛЮ

Морей [красавец] окрилен(ный),
Тебя зову — плыви, плыви
И сохрани залог бесценный
Мольбам, надеждам и любви.

Ты, ветер, утренним дыханьем
Счаст(ливый) парус напрягай,
Ты <   > колыханьем
Ее груди не утомляй.

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный [был] свершитель?
Зачем потух, зачем блист(ал),
Земли чудесный посетитель?

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустыли алтари,
[Свободы буря] подымалась.

И вдруг нагрянула... Упали в прах и в кровь,
10 Разбились ветхие скрижали,
Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

И горд и наг пришел Разврат,
И перед (ним) сердца застыли,
За власть отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет свободы,
И им поверили народы.
И ( ) [в их речах]
20 Добро и зло, все стало тенью,
Все было предано презренью,
Как ветру предан доль(ный) прах.

* * *

В забвеньи чист⟨ом⟩⟨?⟩ насладись —
 Наслушайся речей волшебных —
 Красы небесной наглядись

* * *

[Жуковский, ⟨   ⟩
 Как ты шалишь и как ты мил.
 Тебя хвалить, тебя порочить —]

* * *

[Нет ветра — синяя волна]
 На прах Афин ⟨   ⟩ катится,
 Туда ⟨   ⟩
 Высокая могила зрится

* * *

Теснится средь толпы еврей сребролюбивый,
 ⟨   ⟩, Кавказа властелин,
 Болтливый грек, и турок молчаливый,
 И важный перс, и хитрый армянин

* * *

Генерал не попал,
 Но к обедн⟨е⟩ опоз⟨дал⟩,
 И [вздыхает] Зоя

* * *

В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз,
Любви счастливой, безмятежной
Делю с тобой последний час.

* * *

⟨   ⟩ во дни Дадона
Был монастырь, где чернецы
⟨   ⟩ без правил, без закона

* * *

В беспечных радостях, в живом очарова⟨ньи⟩,
Вы скоро утекли ⟨   ⟩
Теките медленней в моем воспоминаньи

* * *

Одна черта руки моей
[И ты]¹ довольна, друг мой нежный —

---

¹ Над строкой начата незавершенная правка: Тебе

* * *

Во мраке <   >
 <   >
 Где слез <   > льются реки,
 Откуда изгнаны навеки
 Надежда, мир, любовь и сон,
 Где море адское клокочет
 И где, <   > внимаю стон,
 Ужасный Сатана хохочет

* * *

Пловец, обманутый и ветром и волнами,
 С надежным берегом мирится наконец —
 <   > с <   > берегами

* * *

⟨ЭТЕРИСТЫ⟩

Два арнаута хотят убить А⟨лександра⟩ И⟨псиланти⟩. Иордаки убивает их — поутру Иордаки объявляет арнаутам его бегство. — Он принимает начальство и идет в горы — преследуемый турками. — Секу

<   > [ночь объемлет]
 [Под темной] сению небес
 <.....>¹ Ипс⟨иланти⟩ дре⟨млет⟩

¹ Лист оборван с утратой текста.

* * *

Певец-Давид был ростом мал,
 Но повалил же Голиафа,
 Кот<орый><?> бы<л><?> <нрзб>
 И положусь<?> не <нрзб> гр<афа><?>

* * *

Мой пленник вовсе не любезен —
 < >
 Он хладен < > бесполезен —
 Все так, но пленник мой — не я.

 < > славил
 < >
 Дидло плясать его застав<ил>,
 Мой пл<енник>, следст<венно>, — не я.

* * *

[Скажи] — не я ль тебя заметил
В толпе застенчивых подруг,
[Твой первый взор не я ли] встретил,
Не я ли был < > первый друг —

* * *

[Венере], Фебу и Фемиде
Полезно посвящая дни,
Дозором ездят по Тавриде
И проповедуют Парни —

* * *

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной,
Там никогда стесненных волн
Не умолкает гул протяжный.

ОТРЫВКИ НЕДОШЕДШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

〈М. Е. ЭЙФХЕЛЬДТ〉

Ни блеск ума, ни стройность платья
Не могут вас обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну вас пленить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.
Одна моя надежда — Зоя:
Женюсь и буду вам родня.

〈ЗАПИСКА В. П. ГОРЧАКОВУ〉

Зима мне рыхлою стеною
К воротам заградила путь;
Пока тропинки пред собою
Не протопчу я как-нибудь,
Сижу я дома, как бездельник;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет наш Варфоломей.

ОТРЫВОК ИЗ СКАЗКИ «ЦАРЬ НИКИТА»

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился понемногу,
Кушал, пил, молился Богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей,
Сорок девушек прелестных,
¹⁰ Сорок ангелов небесных,
Милых сердцем и душой.
Что за ножка, Боже мой!
А головка, темный волос,
Чудо-глазки, чудо-голос;
Ум с ума свести бы мог, —
Словом, с головы до ног
Душу, сердце все пленяло.
Одного недоставало...
Да чего же одного?
²⁰ Так, безделка, ничего,
Ничего иль очень мало...
Все равно — недоставало.
Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной нашей дуры,
Слишком чопорной цензуры?
Как бы... Помогите мне Бог!
У царевен между ног...
Нет, уж это слишком ясно
³⁰ И для скромности опасно;
Так иначе как-нибудь.
Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо,
Но сердечное огниво,
Цель желанья моего
Что такое? — Ничего,
Ничего иль очень мало...
И того-то не бывало

У царевен молодых...
(. . . . .)
40 Их чудесное рожденье
Привело в недоуменье
Все придворные сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальных;
А от бабок повивальных
Как узнал о том народ —
Всякий тут разинул рот,
Охал, ахал, дивовался,
А иной хоть и смеялся,
50 Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.
Царь собрал своих придворных,
Нянек, мамушек покорных,
Издав им такой приказ:
«Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит,
Или мыслить их приучит,
Или только намекнет,
Что у них недостает,
60 Иль двусмысленное скажет,
Или кукиш им покажет,
То шутить я не привык,
Дамам вырежу язык,
А мужчинам нечто хуже,
Что порой гораздо туже».
Царь был строг, но справедлив,
А приказ красноречив.
Всяк со страхом поклонился,
Остеречься всяк решился,
70 Ухо всяк держал востро
И берег свое добро.
Жены бедные боялись,
Чтоб мужья не проболтались;
Втайне думали мужья:
«Провинись, жена моя!»

DUBIA

〈НА ФОТИЯ〉

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, Господи, греховным,
Поменьше пастырей таких —
Полу-благих, полу-святых.

ГР. А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

РАЗГОВОР ФОТИЯ С ГР. ОРЛОВОЙ

«Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой». —
«Но что ж ты делаешь со мной?» —
«Я тело в душу превращаю».

**ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ**

В разделе «Другие редакции и варианты» печатаются все редакции стихотворений Пушкина, не вошедшие в корпус основных текстов, черновые автографы, планы, программы, отдельные наброски, относящиеся к работе над помещенными в том произведениями, варианты беловых автографов и прижизненных публикаций, разночтения копий. Подробное описание системы подачи вариантов см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 123—128. Вычеркнутые в рукописи слова заключены в квадратные скобки, редакторские конъектуры — в угловые скобки, редакторские заголовки, пометы и пояснения в тексте и подстрочных примечаниях выделены курсивом, неразобранные слова переданы обозначением <нрзб> (с указанием при возможности количества неразобранных слов: например, <2 нрзб>); недописанное неразобранное слово обозначено: <начато нрзб>). Вопросительным знаком в угловых скобках сопровождаются слова, чтение которых в рукописи вызывает сомнения. В случае предположительных конъектур вопросительный знак ставится внутри угловых скобок. Пропуск между словами в рукописи или ненаписанное начало стиха обозначаются пропуском в угловых скобках. Если не написан целый стих, он передается пустой строкой, заключенной в угловые скобки. Недописанные в рукописи концы слов и пропущенные буквы также заключаются в угловые скобки. Авторские подчеркивания и выделения, в основном корпусе переданные курсивом, в разделе «Другие редакции и варианты» выделяются разрядкой. При воспроизведении автографов в разделе «Другие редакции и варианты» по возможности сохраняется пунктуация рукописи (в частности, широко употреблявшиеся Пушкиным тире в середине и на конце стиха, двойные и тройные тире на концах стихов, не имеющие грамматического или интонационного значения). Разночтения копий подаются в соответствии с пунктуацией основного текста.

1820

«ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО...»

(С. 5)

Черновой автограф

(ПД 830, л. 7)¹

Первоначальный набросок ст. 32—38

- а. И вы забыты² мной, любовницы молодые
 б. И вы забыты мной, прелестницы молодые
 в. И вы забыты мной, волшебницы молодые
 2. И вы забыты мной, изменницы молодые
 Которым без любви я жертвовал собой —
 а. <   > и славою <   >
 б. И <   > славой и³ душой
 в. [И сла<вою ?>] Свободо<ю> <   > [и] душой
 2. Свободо<ю> святой и славой [и] душой
 Начато: [Пр< ><?>] [Все] [Мне] Но тай<ных ?>
 а. Начато: Но [ран] ра<н>
 б. Начато: Но ран любви ничто
 в. Начато: Глубоких ран любви ничто

Отдельно записанное ниже начало стиха

И вы весны моей

¹ Предшествовавший этим наброскам черновой автограф стихотворения находился, по предположению В. Б. Сандомирской (см.: *Врем. ПК. Л.*, 1986. Вып. 20. С. 138—139), в той же тетради на вырванном листе между л. 5 и 6; на корешке листа (ПД 830, л. 5а) сохранились записанные карандашом обрывки начальных букв нескольких стихов (по-видимому, 1, 2 и 4):

П<огасло ?>
 На <море ?>
 <   >
 Во<лнуйся ?>

² Первоначально с опiskой: забытой<?>

³ В ходе дальнейшей работы над стихом союз и оказался вычеркнут, по-видимому, случайно.

Варианты СО

Заглавие	Элегия
6	Земли полуденной роскошные края,
7—8	С невольным трепетом туда стремлюся я, Сердечной думой упоенный...
10	Смущенный дух во мне кипит и замирает,
12	Я вспомнил юных лет безумную любовь
17	Неси меня; корабль, неси к пределам дальным,
23	Где музы милые мне тайно улыбались,
32	И вы, наперсницы мятежных заблуждений,
40	Волнуйся подо мной, ужасный ¹ океан!
Под текстом	Черное море. 1820. Сентябрь.

Разночтения копии Вф

6	Земли полуденной роскошные края;
7—8	С невольным трепетом туда стремлюся я, Сердечной думой упоенный.
10	Смущенный дух во мне кипит и замирает
12	Я вспомнил юных лет безумную любовь ²
13 а.	И все, что я любил, и все, что сердцу мило
б.	Как в тексте. ³
17	Неси меня, корабль, неси к пределам дальным
23	Где музы милые мне тайно улыбались,
25 а.	Как в тексте.
б.	Моя утраченная младость ⁴
32	И вы, наперсницы мятежных ⁵ заблуждений,
36	Подруги тайные весны моей златыя
Под текстом	Черное море Аннибал Пушкин

Варианты Кап (по фотокопии и изд.: Майков. Материалы)

Заглавие	Элегия VI
	Черное море ⁶ (1820)
Эпиграф	Good nighth ⁷ my native land

Вургон⁸

¹ Ошибка, видимо допущенная при наборе вследствие неправильного чтения рукописи.

² Дополнительный вариант, записанный над строкой рукой А. Н. Вульф; в копии как в тексте.

³ Поправка П. А. Осиповой.

⁴ Поправка А. Н. Вульф.

⁵ Над строкой карандашом рукой П. А. Осиповой записан вариант, вычеркнутый чернилами: минутных

⁶ Заглавие: Черное море вычеркнуто и восстановлено.

⁷ Слово написано с ошибкой, должно быть: night.

⁸ Перевод: Доброй ночи, родная земля / Байрон (англ.). Обе строки эпиграфа вычеркнуты позднее карандашом, возможно, не пушкинской рукой.

- 38 а. Глубоких сердца ран ничто не излечило...
 б. Как в тексте.

Заглавие в оглавлении Ст 1826 и Ст 1829

(Погасло дневное светило). Подражание Байрону. 1820 Ст 1826
 (Погасло дневное светило). Подражание Байрону Ст 1829

К ***

(«Зачем безвременную скуку...»)

(С. 6)

Редакторская сводка чернового автографа

Зачем безвременную скуку
 Печальной думою питать
 И неизбежную разлуку
 В уныньи с страхом(?) < >
 Душа в томительном обмане
 Ценить не в силах < > час
 Я слезы лью грущу заране
 < > погас —
 < >
 10 < >
 < > наслажденья
 Беспечной жадною душой
 Они придут часы страданья
 В < >
 Ты будешь звать воспом(инанья)
 Потеря(нных) для жизни дней

Черновой автограф¹

(ПД 830, л. 7—7 об.)

- 1—4 А а. *Начато*: Зачем ты
 б. Зачем безвременную мук(у)²
 в. Зачем безвременную скуку³
 а. *Начато*: [В] Питать
 б. *Начато*: Ты
 в. В унылом сердце <нрзб>
 з. Питаешь тайною(?) мечтой! —

¹ Нумерация стихов по тексту редакторской сводки.

² В автографе: безвременную мука

³ Чтение С. М. Бонди. В настоящее время слово, по-видимому находящееся над словом: мука, почти полностью стерлось и не поддается прочтению.

- д. Питать <нрзб>¹ мечтой! —
Зачем предвидишь ты разлуку
- а. Начато: Она с <?>
- б. Начато: Еще она
- в. Начато: И <нрзб>
- г. Начато: Она <начато нрзб> <   > с
- д. <   > она с тобой
- Б   Зачем безвременную скуку
Питаю <нрзб> мечтой! —
- а. <Нрзб> предвижу я разлуку
- б. Предвижу я уже <?> разлуку
- В   Зачем безвременную скуку
- а. Мечтой <   > питать
- б. Печальной думою питать
И неизбежную разлуку
Начато: В уныньи с страхом <?>
- 5—8 А а. Зачем зовешь <   > заране —
б. Зачем ты слезы <льешь> заране
в. Начато: Заране хладное мученье
г. Начато: Заране хладное страданье
а. Начато: Твой взор
б. Начато: В
в. Тебя <   > томит
- Б а. Томимый горестью заране
б. [Т< >] Душа в мучительном обмане
в. Душа в томительном обмане
- а. Не <   > счастья час
- б. Не <2 нрзб> счастья час
- в. Ценить не смеет <   > час
- г. Ценить не в силах <   > час
- а. Ты слезы льешь <   > заране
- б. Ты <нрзб> слезы льешь заране
- в. Ты слезы льешь <нрзб> заране
- г. Ты слезы <нрзб> льешь заране
- д. Я в <?> <   > заране
- е. Час <?> <   > заране
- ж. Я слезы лью грущу заране
- а. Начато: Погасли чувства,
б. [Увяли] [чувства], [ум] погас —
- 9—12 А   Свободы баловень беспечный
- Б   Лови минуту наслажденья
Беспечной жадною душой
- В а. Начато: [Оставь] Оставь
б. <   > <нрзб> жертва

¹ Над строкой два неразборчивых слова, порознь зачеркнутых и, видимо относящихся также к работе над этим стихом.

- в. *Начато*: Безумец⟨?⟩
 з. ⟨ ⟩ воображенья¹
 д. *Начато*: Забудь безумец — —
 е. Безум⟨ ?⟩² ⟨ ⟩ тоску⟨ ?⟩²
 ⟨ ⟩
 ⟨ ⟩ наслажденья
 Беспечной³ жадною душой
- Между*
 12 и 13 А а. Лови пленительные взоры
 б. Лови томительные⟨?⟩ взоры
 а. *Начато*: Движенья каждый
 б. *Начато*: Лов⟨и⟩ речей
 в. *Начато*: Умей
 з. *Начато*: И каждый
 д. И ⟨ ⟩ каждый звук⁴
 ⟨ ⟩ разговоры
 Б а. *Начато*: Еще ты слышать⁵
 б. *Начато*: Ценою жизни⁵
- 13—16 А Они придут часы страданья
 Один в ⟨ ⟩
 Ты призовешь воспом⟨инанья⟩
 Б Они придут часы страданья
 а. *Начато*: В отраду
 б. В ⟨ ⟩ [горести] ⟨ ⟩
 Ты будешь звать воспом⟨инанья⟩
 а. *Начато*: Потее⟨рянных⟩⟨?⟩
 б. Утраченных тобою⟨?⟩ дней
 в. Утраченных ⟨нрзб⟩ дней
 з. Потеря⟨нных⟩ для счастья⟨?⟩ дней
 д. Потеря⟨нных⟩ для жизни дней
- После* 16 А ⟨Нрзб⟩ в шумном⟨?⟩ свете
 ⟨ ⟩ ⟨2 нрзб⟩⁶
 Б б. *Начато*: Тогда купить
 в. *Начато*: Ценою жизни⟨?⟩
 з. *Начато*: Ценою младости⟨?⟩
 д. ⟨ ⟩ ты⟨?⟩ будешь ⟨ ⟩ ⟨нрзб⟩
 е. Из дней минувших миг⁷ единый⁸
 а. *Начато*: Единый звук ее⁹

¹ Чтение С. М. Бонди.² Окончание слова неразборчиво.³ Над строкой отмененная поправка: Кипучей; слово: Беспечной при этом не было зачеркнуто.⁴ Над строкой написано и зачеркнуто неразборчивое слово.⁵ Незачеркнутый вариант.⁶ Незачеркнутый вариант.⁷ Слово: миг зачеркнуто и восстановлено.⁸ Незачеркнутый вариант.⁹ Слова: звук ее написаны над: [⟨нрзб⟩]

- б. *Начато:* В слезах ты стане⟨шь⟩
 в. *Начато:* [В] [И] [Тогда едины⟨й⟩] [Мечт⟨ ⟩⟨?⟩]¹
 В а. *Начато:* Беспечный сын
 б. *Начато:* Друг⟨?⟩
 в. *Начато:* Ты
 з. *Начато:* [Цен⟨ой⟩] [Тоской] Ценою² младости
 д. *Начато:* Ценою жизни ⟨нрзб⟩³
 е. Ценою⟨?⟩ жизни и свободы⟨?⟩
 ж. Ты будешь рад купить, друг⟨?⟩ милый⟨?⟩⁴
 Единый звук⁵ ⟨ ⟩

Варианты белого автографа (ПД 900)

Заглавие	Отсутствует.
2	а. Зловещей грустию питать, б. Как в тексте.
7	а. <i>Начато:</i> Я буду б. Как в тексте.
Под текстом	1 ноябр⟨я⟩ 1826 Москва

«УВЫ, ЗАЧЕМ ОНА БЛИСТАЕТ...»

(С. 8)

Варианты автографа Ав,
(ПД 830, л. 4 об.—4)⁶

Перед текстом	Юрзүф
Между 4 и 5	Первоначально следовали ст. 13—16: Спешу с волнением дум тяжелых ~ И наглядеться на нее...
5—6 А	а. <i>Начато:</i> Недолго м⟨ ⟩⟨?⟩ б. Недолго жизнью молодою

¹ Последние варианты записаны внизу л. 7 об.; дальнейшая работа велась на лицевой стороне листа, где над первыми стихами оставалось чистое место.

² Исправлено из первоначального: Ценой

³ Чтение С. М. Бонди: милой

⁴ Последние два слова остались незачеркнутыми.

⁵ Слова: Единый звук остались незачеркнутыми.

⁶ Черновой автограф стихотворения, вероятно, находился на вырванном листе между л. 4 и 5 тетради ПД 830; на корешке листа (ПД 830, л. 4а) сохранились обрывки начальных букв нескольких стихов:

Ув⟨ ⟩
 М⟨ ⟩
 [He]
 Ун⟨ ⟩
 [У⟨ ⟩]

ниже:

- в. Природой жизнью молодою
 Недолго наслаждаться ей
 Б Недолго жизнью молодою
 Беспечно наслаждаться ей
 7 а. Недолго радовать собой¹
 б. *Как в тексте.*
 8 а. Несчастной матери своей...
 б. Все мысли матери своей...
 в. [Счастливо(й)] Несчастной матери своей...
 9 Недолго милой остротою
 10—12 А а. Беседы наши оживлять.
 И тихой, ясною душою
 а. *Начато: Сердца² бо(льные ?)*
 б. Больную душу [оживлять] услаждать
 Б Беседы наши услаждать
 И тихой, ясною душою
 Больную душу оживлять
 13—16 *Первоначально следовали между ст. 4 и 5.³*
 13 Спешу с волненьем дум тяжелы(х)
 14 а. *Как в тексте.*
 б. [Спе(шу ?)]⁴ ( ) уныние мое
 в. *Как в тексте.*
 19—20 а. Одна минута разлученья;
 Ужасна для любви моей
 б. Одна минута разлученья
 Несносна для любви моей
 в. И краткий миг уединенья
 Несносен для любви моей
 Под текстом
 8 февраля
 1821.
 К и е в
 9 fév(rier)
 ар(rière) d(îner)⁵
- Разночтения копий Неизв и Щер⁶*
- 5—6 Недолго жизнью молодою
 В забвеньи наслаждаться ей;
 10 Беседы наши услаждать
 12 Больную душу оживлять

¹ Описка вместо: собою

² Слово: Сердца написано поверх начатого: Б( )

³ В ходе переделки автографа эти стихи были отчеркнуты по левому полю вертикальной чертой; место переноса указано условным значком.

⁴ Начатая и сразу отмененная правка.

⁵ Перевод: 9 февраля после обеда (фр.).

⁶ В Щер все разночтения исправлены позднее карандашом в соответствии с текстом печатных публикаций.

Варианты автографа *Ав₂*
(ПД 833, л. 2 об.—3)

Заглавие Элегия

5—6 Не долго жизнью молодою
В забвеньи наслаждаться ей

12 Больную душу услаждать.....

Под текстом 1820 Юрзуф

Заглавие в автографах *Ав₃* (ПД 50, л. 2 об.) и *Кап¹*
и публикациях ПЭ 1823 и Ст 1826

Элегия

Элегия VII (1819)

(Увы, зачем она блистает). 1819

Ав₃, ПЭ

Кап

Ст 1826 (в оглавлении)

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ

(С. 9)

Первоначальная редакция (по беловому автографу *Ав₁*)
(ПД 830, л. 25—25 об.)

ДОЧЕРИ ГЕОРГА-ЧЕРНОГО

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужас^(а)² людей и славы был достоин.
Тебя, младенца, он ласкал
На пламенной груди рукой окровавленной;
На поясе его ты трогала кинжал,
Проклятием небес запечатленный.
Как часто, разбудив мятежный сердца жар,
10 Он молча над твоей невинной колыбелью
Злодейства дерзкого обдумывал удар;
Ты улыбалася минутному веселью
Его свирепого лица,
Когда, ласкаемый победою кровавой,
Спешил он в свой шатер, насытись гордой славой.

¹ Б. В. Томашевский, пользовавшийся изданием Анн. с пометами П. А. Ефремова, указал для *Кап* кроме разночтения в заглавии отмеченный Ефремовым вариант ст. 12: Страдальца душу оживлять (Томашевский. Новые материалы. С. 852; наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 338). Существование такого варианта при отсутствии соответствующей поправки в ст. 10: Беседы наши оживлять представляется возможным лишь как случайная описка. Видимо, поэтому он не был отмечен в числе других вариантов *Кап* ни самим Ефремовым (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 546—549; Ефр. 1882. Т. 1. С. 507—508), ни Л. Н. Майковым (см.: Майков. Автографы П. С. 579; Майков. Материалы. С. 68).

² В автографе описка: ужасы

- Но ты, прелестная, ты грозну жизнь отца
 Невинной жизнью пред Богом искупила:
 С могилы мрачной к небесам
 Она как сладкий фимиам,
 20 Как чистая детей молитва восходила.
 Под текстом Кишенев. 5 окт(ября).

Правка по тексту первоначальной редакции в беловом автографе Ав₁
 (ПД 830, л. 25—25 об., 24 об.)¹

- Заглавие Дочери Черного Георга²
 9 Как часто, разбудив свирепый сердца жар
 12—16 А Ты улыбалась свирепому веселью
 а. < > бледного лица
 б. Улыбки [страш(ного)] мрачного лица³
 Когда, ласкаемый победою кровавой
 Спешил он в свой шатер, насытись гордой славой,
 а. Но ты прекрасная, ты грозный век отца
 б. Но ты прекрасная, ты страшный век отца
 Б а. Ты улыбалась лица < > веселью
 б. И улыбалась ты лица его веселью
 в. И улыбалась ты лица <нрзб> веселью
 г. [И] улыбалась [ты] лица его веселью
 [Когда, ласкаемый] кровавою(?) победо(й)⁴
 а. Начато: Он веселил себя твоей
 б. Он услаждал себя твоей беседой
 в. Он услаждал себя домашнею беседой⁵
 г. Начато: Он пир < > (начато нрзб)
 д. Начато: Он оживлял пиры
 е. Одушевлял пиры он < > беседой
 ж. Он оживлял пиры беспечною беседой
 За чашей полною < >
 Но ты, прекрасная, ты страшный век отца
 В Ты улы(балася лица его веселью)⁶
 а. Когда в кругу < > изменников-бояр⁷

¹ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

² У заглавия позднее сделана приписка: (Жара Георга). Начертание букв «р» и «а» имитирует греческое; П. О. Морозов на этом основании считал, что приписка сделана чужой рукой (Мор. 1903—6. Т. 1. С. 573).

³ Слово: мрачного в ходе дальнейшей правки осталось незачеркнутым.

⁴ Предыдущий вариант стиха: Когда, ласкаемый победою кровавой был вычеркнут, затем над строкой очень мелко и неразборчиво вписано слово: кровавой(?), а слово: победою восстановлено без изменения окончания. В ходе дальнейшей работы слово: кровавой(?) осталось невычеркнутым, слово: победою также не подвергалось повторному зачеркиванию.

⁵ Слова: домашнею беседой в ходе дальнейшей работы над стихом остались незачеркнутыми.

⁶ Вариант, намеченный на смежной странице (л. 24 об.).

⁷ Этот и следующие за ним варианты «б», «в» записаны на смежной странице (л. 24 об.).

- б. Когда в толпе < > изменников-бояр
 в. Когда в < > изменников-бояр¹
 з. Когда за чаш(ею) в кругу седых < >
 < >
 а. [Гер(оя ?)] И как < > протек²
 б. Но³ дни его(?) [и(?)] [и]⁴ < > пресек
 в. И дни бесстрашного измены < > пресек —
 з. И дни его кинжал предательский пресек
 д. И дни его кинжал [предателя] пресек
 а. Но ты, прекрасная, отца преступный век
 б. И ты, прекрасная, отца мятежный век
 18 С могилы грозной к небесам
 20 Как чистая любви молитва восходила.

Варианты белого автографа Ав₂
 (ПД 833, л. 19 об.)⁵

- Заглавие Дочери К. Г. (1820.)
 5 Тебя, младенцем, он ласкал
 7 Тебе игрушкой служил его кинжал —
 8 а. Проклятием небес запечатленный...
 б. На гибель многих обреченный....
 11 а. Начато: Зло(действия)
 б. Как в тексте.
 12 И лепет твой внимал, и не был чужд веселью...
 13 а. Другой кинжал блеснул и дни его пресек
 б. Внезапно меч блеснул и дни его пресек
 14 а. Но ты, невинная, отца преступный век
 б. Но ты, прекрасная, отца преступный век
 15 Невинной жизнью пред небом искупила
 18 а. Как чистая детей молитва восходила
 б. Как в тексте.

Примечание
 к ст. 2 Отца и брата.⁶

¹ Незачеркнутый вариант.

² Работа над стихом шла на смежной странице (л. 24 об.). Слово: протек при дальнейшей правке осталось незачеркнутым.

³ Возможно, исправлено из первоначального: И

⁴ Возможно, Пушкин дважды пытался начать слово: измены

⁵ Нумерация стихов по основному тексту.

⁶ В автографе расположено под текстом стихотворения и отделено от него сплошной горизонтальной чертой; место примечания отмечено звездочкой у ст. 2.

Варианты Кап¹

- 13—15 а. Таков был: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты страшный век отца²
Невинной жизнью пред Богом искупила.
- б. Как в тексте.

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Дочери Карагеоргия. 1820

К ПОРТРЕТУ (ВЯЗЕМСКОГО)

(«Судьба свои дары явить желала в нем...»)

(С. 10)

Черновой автограф

(ПД 830, л. 28)

- А Природа всем его желала одарить —
В счастливом баловне соединив ошибкой
И простодушие с язвительной улыбкой
- Б а. Природа все дары сложить(?) желала ( )
б. Природа все свои дары явила³ в нем —
в. Природа все свои дары сокрыла в нем —
г. Природа все дары⁴ сокрыть жел(ала) в нем —
д. Судьба свои дары соединила в нем —
е. Судьба свои дары явить хотела в нем —
В счастливом баловне соединив ошибкой

¹ Нумерация стихов по основному тексту.

² Первоначальный вариант ст. 14 в Кап реконструируется предположительно. Возможно, он читался: Но ты, прекрасная, ты грозный век отца; или, что менее вероятно: Но ты, прекрасная, ты грозную жизнь отца. По указанию Л. Н. Майкова, «ст 14-й и 15-й были сперва написаны в первоначальной редакции Библиотечной рукописи» (т. е. Ав₁) (Майков. Материалы. С. 70). При этом сам Майков приводит варианты Ав₁ неполно и неточно; в ошибочном чтении, в частности, даны им и эти стихи:

Но ты, прекрасная, ты [жизнь] век [преступного] мятежного отца
Невинной жизнью пред Богом искупила

Правка, связанная с изменением рифмы (см. выше правку по тексту первой редакции в беловом автографе, ст. 12—16 вариант В) Майковым не учтена. Б. В. Томашевский упустил из виду последнее обстоятельство и неточно интерпретировал текст Майкова: приняв как первоначальный вариант ст. 14 в Кап: Но ты, прекрасная, отца преступный век, не рифмующийся со стихом: Таков был: сумрачный, ужасный до конца, он объяснял его появление в Кап «рассеянностью Пушкина» (Томашевский. Новые материалы. С. 860); та же ошибка допущена С. М. Бонди в Акад (Т. 2. С. 630).

³ Слово: явила в ходе дальнейшей работы над стихом оставалось незачеркнутым, позднее было переправлено на: явить (см. вариант «е»).

⁴ Слова: все дары в ходе дальнейшей работы над стихом остались незачеркнутыми.

- а. *Начато*: Богатство, знатный род — с душой
 б. Богатство, знатный род — с <   >¹ умом —
 в. Богатство, знатный род — с возвыш(енным) умом —
 И простодушие с язвительной улыбкой

Отдельно записанные варианты первого стиха
 (ПД 830, л. 30)

- а. *Начато*: Смешать свои дары хотела в н(ем)
 б. Смешать свои дары Судьба хотела в н(ем)
 в. Смешать свои дары желали боги в н(ем)

Варианты белого автографа
 (ПД 833, л. 3)

Заглавие

1

К портрету В—

- а. Судьба свои дары явить хотела в нем,
 б. Различные дары Судьба явила в нем,
 в. Чудесные дары Судьба явила в нем,

Заглавие в ПЗ 1824, Ст 1826 и Ст 1829

Надпись к портрету	ПЗ
Надпись к портрету ***	Ст 1826
К портрету ***	Ст 1829

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

(«Гляжу как безумный на черную шаль...»)

(С. 11)

Черновой автограф
 (ПД 830, л. 28 об.—29)

- 1—2 А Давно мою² душу сразила печаль
 [Хра(ню ?)] Гляжу я³ на саблю на черную шаль.
 Б Гляжу я на саблю на черную шаль
 а. И <   > душу тревожит⁴ печаль.⁵

¹ Над строкой начатая и сразу отмененная правка (заполнение пропуска в стихе):
 с вы<   >

² Слова: Давно мою были вычеркнуты, но на каком-то этапе работы восстанавливались.

³ Слово: я вписано.

⁴ В автографе, по-видимому, описка: тревожит(?)

⁵ Перестановка стихов в автографе не обозначена, но очевидна при введении союза: И. Возможно, в ходе дальнейшей работы Пушкин в какой-то момент вернулся к первоначальному порядку стихов (и даже к варианту А, что можно предположить по восстановлению в автографе зачеркнутых слов: Давно мою).

- б. Увядшую душу тревожит печаль.
 в. Мин(у)вшая¹ душу терзает печаль.
 г. Мне хладную душу терзает печаль.
 д. И хладную душу терзает печаль.²
- 3—4 А а. Порою ( ) и молод я был³
 б. *Начато:* И страстен и молод —
 в. Когда-то и страстен и молод я был
 Тогда я гречанку младую (любил)
- Б а. *Начато:* Давно ли
 б. *Начато:* Когда-то(?)⁴
 в. В то время как м(олод и) счастлив я был
 а. Гречанку младую б(езумно любил ?)
 б. Мл(адую) гречанку я страс(тно любил)
- 5—6 а. Казалось гречанка любила меня
 Но женщины любят до черного дня
 б. Гречанка младая любила меня
 Я верил но дожил [до]⁵ черного дня
 в. Прелестная дева любила меня
 Но скоро я дожил (до) черного дня
- 7—8 а. Однажды ( ) [весел(ых)] друзей
 б. Однажды ( ) веселых⁶ друзей
 в. Однажды сидел я средь ( ) гостей
 г. Однажды (нрзб) я ( ) гостей
 д. [Я] Я позвал⁷ однажды веселых др(узей ?)
 е. Я созвал однажды веселых др(узей ?)
 Ко мне постучался презренный еврей
- 9 а. *Начато:* Ты средь(?) веселишь(ся ?)
 б. *Начато:* Тебя утешают, мне молвил
 в. *Начато:* Тебя утешают шепнул
 г. С тобой⁸ [⟨начато нрзб⟩] ( ) шепнул он друзья —
 д. Тебя ( ) шепнул он друзья —
 е. С тобо(ю) пируют шепнул он друзья —
- 10 а. *Начато:* А там изменяют⁹ м( )
 б. *Начато:* Меж (тем) изменя(е)т

¹ В автографе описка: Минавшая

² После ст. 1—2 стоит знак строфического деления #, далее в автографе повторяющийся не регулярно. Такой же знак стоит после ст. 8, 10 и 18; после ст. 14, 22 и 30 строфическое деление отмечено горизонтальными отчерками.

³ Слова: я был во время работы над ст. 3—4 оставались незачеркнутыми.

⁴ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: Когда-то(?) оставлено невычеркнутым.

⁵ Предлог: до в ходе правки был вычеркнут, несомненно, случайно.

⁶ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: веселых оставалось незачеркнутым.

⁷ Слова: Я позвал в ходе дальнейшей работы над стихом не были зачеркнуты; возможно, оставлены на данном этапе в рукописи как альтернативные словам: Я созвал в варианте «е».

⁸ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: С тобой оставались незачеркнутыми и неизменными (см. вариант «е»).

⁹ Возможно, описка вместо: изменяет

- 11—12   в. Тебе ⟨ж⟩ изменила гречанка твоя
               г. Меж тем¹ изменя⟨е⟩т² гречанка твоя
 а. *Начато*: Я позвал Гасса⟨на⟩
 б. Я дал ему злата, и проклял его
    И верного призвал раба своего —
- 13—14   А а. Я вышел. Мы сели на борзы⟨х⟩³ коней —
               б. Безмолвен и мра⟨чен⟩⟨?⟩ оставив гостей
               Я вышел. Мы сели на борзы⟨х⟩ коней —
       Б а. Я вышел я мчался на борз⟨ом коне⟩
               б. Мы вышли я мчался на борз⟨ом коне⟩
               И кро⟨ткая⟩ жалость молчала во мне
- 15   а. *Начато*: Коварной гречанке
               б. *Начато*: Неверной гречанке
               в. К неверной гречанке я, грозно, все⟨жал⟩
               г. *Начато*: Неверной гречанке
               д. Едва я завидел греч⟨анки⟩ порог
- 16   а. Глаза потемнели и дух изнемог
               б. Глаза потемнели я весь изнемог
- 17   а. *Начато*: Прекрасен и молод⁴
               б. *Начато*: Я видел измену —
               в. *Начато*: Колени дрожали — я к ней
               г. В покой отдаленный вошел я⁵ один —
- 18   а. Коварную деву ласкал армянин
               б. Неве⟨рную⟩ деву лобзал армянин⁶
- 19—20   А а. *Начато*: Лобзанья
               б. Прервать поцелуя злодей не успел
       Б а. В деснице⟨?⟩ ⟨   ⟩ — булат загремел
               б. В деснице [⟨2 начато нрзб⟩] — булат загремел
               в. Я вспыхнул и звон⟨кий⟩⟨?⟩ булат загремел
               Прервать поцелуя злодей не успел
- 21—22   А а. *Начато* нрзб
               б. *Начато*: Лежал он безглавый
               в. Безглавое тело я [⟨нрзб⟩⁷] долго топтал —
               г. Безглавое тело я долго⟨?⟩ рубил
               Начато: [И] Топт⟨ал⟩⟨?⟩
       Б   В счаст⟨ливое⟩ сердце вонзил я кинжал
               а. И молча на деву ⟨   ⟩⁸ взирал
               б. И молча на деву бледнея взирал

¹ Слова: Меж тем были вычеркнуты и повторены рядом.

² Была восстановлена первоначальная форма слова: изменяют без исправления, допущенной в нем вероятной описки.

³ В автографе с опиской: борзый

⁴ Слово: молод исправлено из ошибочного: молодой

⁵ Местоимение: я вписано над строкой.

⁶ На левом поле у корешка листа между ст. 18 и 19 начато неразборчивое слово.

⁷ Возможно, ошибочно начато: топт⟨ал⟩

⁸ В автографе пропуск обозначен тире после слова: деву

- В Безглавое тело я долго топтал
И долго на деву бледней взирал
- 23—26 А Она трепетала¹ и слезы ручь(ем)
Начато: Текли по ланитам —
- Б [Без( )] Гречанка погибла, я черную шаль
- а. Начато: С главы армянина
- б. Начато: Развил
- В. а. Начато: Я с( )(?)
б. Начато: Стенань(я)
в. Начато: Н( )(?)
г. Начато: Я слышал моление...
д. Стенань(я), моление ( ) слушал ея!
Погибла гречанка, отрада моя
- Г Я помню моление (и) слезы и кровь
Гречанка погибла, [*начато нрзб*] погибла любо(вь)
- а. В то время ( ) было мне жаль
б. И было в то время неверной мне жаль
в. ( ) было мне жаль
а. Начато: С главы арм(янина) снял
б. ( ) Храню ее шаль —
в. Подарок последн(ий) храню ее шаль —
г. Мой первый пода(рок) [я в(зял?)] взял(?) ее шаль —
д. Свой первый пода(рок) (я) взял(?) ее шаль —²
- 27—28 а. Начато: Мой раб [по( )] как ночная простерла(ся) мгла
б. Мой раб, как ночная сгустилася мгла
В дунайские вол(ны) их бросил (тела)
- 29—30 С тех пор не целую коварных очей
- а. Начато: Не знаю веселых
б. Вдовей(?) не знаю веселых ночей
в. С тех пор я не знаю веселых ночей
- 31—32 Гля(жу я на саблю на черную шаль
И хладную душу терзает печаль)³

Варианты СО

Заглавие	Черная шаль (Молдавская песня)
1	Гляжу я безмолвно на черную шаль,
4	Гречанку младую я страстно любил.

¹ Слова: Она трепетала в ходе дальнейшей работы над стихом на каком-то этапе восстанавливались.

² Далее в автографе следуют ст. 29—30. Ст. 27—28 вписаны внизу л. 30 после окончания работы над стихотворением; на полях после ст. 24 вписано: Мой ра(б) — запись, указывающая на первоначальное намерение поместить сюда эти стихи. Эта запись зачеркнута, и окончательное место вставки в автографе не обозначено.

³ Повторение начального двуступишия обозначено только намеченным в автографе словом: Гля(жу)

- 13 Мы вышли, — я мчался на борзом коне,
 17 Вхожу в отдаленный покой я один...
 31 Смотрю, как безумный, на черную шаль,

Варианты белого автографа

ПД 885 (Ав) и Благ.

Заглавие	Молдавская песня ¹	Ав, Благ
	12 И верного призвал раба моего.	Ав, Благ
	13 Мы вышли; я мчался на борзом коне, ²	Ав, Благ
	16 Глаза потемнели и весь изнемог.	Ав, Благ
	20 Прервать поцелую злодей не успел	Ав
Под текстом	Кишенев. 1820 года, ноября 14. ³	Ав, Благ

Варианты Ст 1826

Заглавие	Черная шаль. Молдавская песня. 1820
в оглавлении	4 Гречанку младую я страстно любил.
	17 Вхожу в отдаленный покой я один...

Заглавие в оглавлении Ст 1829

Черная шаль. Молдавская песня

НЕРЕИДА

(«Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...»)

(С. 13)

Варианты автографа Ав₁

(ПД 833, л. 1)

Заглавие	Эпиграммы во вкусе древних ⁴
	3 Сокрытый меж олив едва я смел дохнуть.
	4 Над ясной влагою — полубогиня грудь
Под текстом	Каменка ⁵

¹ В Благ. к заглавию сделано примечание: «Напечатано с ошибками в 15 № „Сына отечества“. Прим(ечание) соч(инителя)». В Ав у заглавия Пушкиным поставлен знак сноски; текст ее, находившийся внизу лицевой стороны листа, обрезан (видимо, соответствовал авторскому примечанию в публикации Благ.).

² В Ав край листа с последним словом утрачен.

³ В Ав помета подчеркнута; знаки препинания отсутствуют.

⁴ Общее со стихотворением «Редает облаков летучая гряда...».

⁵ Помета стоит под текстом стихотворения «Редает облаков летучая гряда...», но относится к обоим стихотворениям, объединенным общим заглавием.

Разночтения ПЗ 1824

- 3 Сокрытый меж олив едва я смел дохнуть,
4—5 Как ясной влагою полубогиня, грудь
Младую, белую, как лебедь, воздымала,¹

Варианты автографа Ав₂ (ПД 56, л. 1 об.)
и публикации ЛЛ

- 3 Сокрытый меж олив, едва я смел дохнуть. Ав₂, ЛЛ
4 На д² ясной влагою полубогиня грудь Ав₂

Заглавие в оглавлении Ст 1826
Нереида. 1820

«РЕДЕЕТ ОБЛАКОВ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА...»

(С. 14)

Варианты автографа Ав₁
(ПД 35)

- Заглавие Таврическая звезда
- 1 а. Редееет облаков туманная гряда.
б. Как в тексте.
- 5 а. Он сладок для меня в вечерней тишине;
б. Люблю твой бледный свет в туман(ной) вышине;
в. Люблю твой бледный свет в небесной вышине;
- 12 а. Там (помню) некогда сердечной неги полный
б. Как в тексте.
- 13—14 А Когда на хижины сходила ночи тень
а. Над морем я влачил задумчивую лень
б. У моря я влачил задумчивую лень
в. Над морем я влачил задумчивую лень
Б Как в тексте.
- 15 И дева милая во мгле тебя искала
- 16 а. И именем своим с улыбкой называла
б. Как в тексте.

¹ Эти два стиха искажены в печати. Утверждение П. Е. Щеголева, повторенное Т. Г. Зенгер (Цявловской), что в части тиража «Полярной звезды» ст. 5 напечатан не полностью, а в виде: «— — — — — — — — воздымала» (см.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // ПуС. СПб., 1911. Вып. 14. С. 129; Акад. Т. 2. С. 636), является результатом недоразумения. Щеголев принял за точную цитату сокращенную запись Пушкиным в письме к А. А. Бестужеву от 12 января 1824 г. искаженных в альманахе стихов (см. примеч. к стихотворению — наст. т., с. 530); число тире, обозначающих пропуск, выставлено Щеголевым произвольно.

² Предлог: Над в автографе подчеркнут. Тем самым Пушкин обращал внимание издателя «Литературных листков» на место грубой опечатки «Полярной звезды».

Варианты автографа Ав₂
(ПД 833, л. 1—1 об.)

Заглавие	Эпиграммы во вкусе древних ¹
11 а.	И сладостно шумят Таврические волны;
б.	Как в тексте.
Под текстом	Каменка ²

Поздняя редакция

Заглавие в оглавлении Ст 1826
(Редеет облаков летучая гряда). 1820

1821

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

(«Когда по синеве морей...»)
(С. 15)

Варианты автографа Ав₁
(ПД 36, л. 38)

Заглавие	Отсутствует.
2 а.	Зефир скользит и нежно веет
б.	Как в тексте.
4	И челны робкие лелеет;
7—8	И забываю важных муз: Мне волны мирные милее.
12	И молнии в пучине блещут
16	И жалок мне рыбак суровый.....
17—20	На утлом он челне живет Его труды среди пучины... Я внемлю шум веселых вод Ручья текущего в долине.

¹ Общее с записанным выше на листе стихотворением «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» («Нереида»).

² Помета относится к двум стихотворениям — «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» («Нереида») и «Редеет облаков летучая гряда...», — объединенным общим заглавием.

Варианты автографа *Ав₂*
(ПД 833, л. 1 об.—2)¹

Заглавие	Морской берег
Подзаголовок	Идиллия Мосха
4 а.	И челны робкие лелеет;
*б.	Как в тексте.
5 а.	Как в тексте.
*б.	[Тя(желых ?)] ( ) слагая груз ²
*в.	Тогда ( ) слагая груз
7 а.	И забываю важных муз —
*б.	И забываю голос муз —
*в.	Как в тексте.
8 а.	Мне волны смирные милее.
б.	Мне волны мирные милее.
в.	Мне моря тихий вид милее.
*г.	Мне моря тихий шум милее.
*д.	Как в тексте.
12	И молнии в пучине блещут —
17—20 а.	В опасном он челне живет; Его труды среди пучины. Я внемлю шуму смирных вод Под темным явором долины.
б.	Живет на утлом он челне; Его труды среди пучины. Я в безопасной тишине Внимаю шум ручьев долины.
*в.	Живет на утлом он челне; Игралище слепой пучины. Я внемлю ( ) тишине ( ) долины.
Под текстом	8 февр(аля) 1821. Киев

Варианты заглавия в НЛ, Кап (по изд.: Майков. Автографы П.),
Ст 1826 и Ст 1829

Море и земля	НЛ
Земля и море (Идиллия Мосха)	Кап
Земля и море. Идиллия Мосха. 1821	Ст 1826 (в оглавлении)
Земля и море. Идиллия Мосха	Ст 1829 (в оглавлении)

¹ В автографе выделяются три слоя правки. Первый слой поправок одновременный или близкий по времени к записи текста в тетрадь; два других — более поздняя правка, отмеченная в наст. изд. звездочкой. Второй слой выделяется светлыми коричневыми чернилами, к третьему, самому позднему, относятся два исправления — в ст. 5 (вариант «в») и 7 (вариант «в»). Правка второго и третьего слоя не была доведена до конца и не дает связанного текста.

² Начатая и, видимо, сразу отмененная правка; слова: Забот и дум при этом остались невосстановленными.

КРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

(«Взгляни на милую, когда свое чело...»)

(С. 16)

Варианты автографа

(ПД 833, л. 2)

<i>Заглавие</i>	Отсутствует.
1	Мила красавица когда свое чело
3	Играет локоном — и верное стекло
<i>Под текстом</i>	9 (февраля 1821) ¹

Варианты Соревн.

<i>Вм. заглавия</i>	МИЛА и пр.
1	Мила красавица, когда свое чело

Варианты Кап (по изд.: Томашевский. Новые материалы)

- 2 Она пред зеркалом цветами убирает²

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Красавица перед зеркалом. 1821

МУЗА

(С. 17)

Варианты автографа Ав₁

(ПД 42)

- 2 Она трествольную цевницу мне вручила,
6 И гимны важные, любимые богами
7 а. И песни мирные веселых пастухов.

¹ Месяц и год устанавливаются по предыдущей и последующей пометам в тетради: на той же странице, под текстом стихотворения «Морской берег. Идиллия Мосха» («Земля и море») — «8 февр(аля) 1821. Кнев»; на л. 3 об. под текстом «Элегии (из поэмы: Кавказ)» («Я пережил свои желанья...») — «Каменка 22 февр(аля) / 1821».

² Вариант отмечен П. А. Ефремовым в принадлежавшем ему экземпляре Анн. (в Ефр. 1880 и Ефр. 1882 ошибочно отмечен как вариант Соревн.). Свидетельство Ефремова расходится с показаниями Л. Н. Майкова, не отметившего в автографе Кап каких-либо разночтений. Сохранилась, однако, фотокопия смежного, шестого, листа Кап (ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7; воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 861), на которой видны части последних слов оборота пятого листа. На соответствующем месте читается окончание слова: убирает (см.: Томашевский. Новые материалы: С. 858—859; то же: наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 344).

6. И песни легкие веселых¹ пастухов.
- 11 а. Раскинув локоны от милого чела
б. Как в тексте.
- 13—14 И дивно оживлен божественным дыханьем
а. Тростник меня томил святым очарованием....
б. Тростник меня пленял святым очарованием....
- Под текстом 1821
февр(аля) 14.

Варианты автографа Ав₂
(ПД 833, л. 4)

- 2 Она трествольную цевницу мне вручила
- 6—7 а. И гимны важные любимые богами
И песни легкие фригийских пастухов
б. Как в тексте.
- 12—14 а. Сама из рук моих тростник она брала
И дивно оживлен божественным дыханьем
Он волновал меня святым очарованием...
б. Сама из рук моих свирель она брала
Тростник был оживлен божественным дыханьем;
Он волновал меня святым очарованием...
в. Сама из рук моих свирель она брала
Тростник был оживлен божественным дыханьем;
И душу наполнял святым очарованием...

Помета под текстом в СО

Кишнев
Апреля 5. 1821.

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Муза. 1821

Варианты автографов Ав₃ (ПД 909, л. 11—11 об.)
и Ав₄ (ПД 104, л. 30)

- 7 И песни нежные фригийских пастухов. Ав₃
- 14 Он душу наполнял святым очарованием. Ав₃, Ав₄
- Под текстом 30 дек(абря) Пушкин
1828
- Под текстом Москва Ав₃
Александр Пушкин Ав₄

¹ Слово: веселых было вычеркнуто вместе со словом: мирные и восстановлено.

«Я ПЕРЕЖИЛ СВОИ ЖЕЛАНЬЯ...»

(С. 18)

Варианты белого автографа¹

(ПД 833, л. 3—3 об.)

- Заглавие*
- а. Элегия.
  - б. Элегия (из поэмы: Кавказ)
- 2 а. И разлюбил свои мечты;
  - б. Как в тексте.
- 3 а. Остались хладные страданья,
  - *б. Как в тексте.
- 4 а. Плоды душевной пустоты;
  - *б. Как в тексте.
- 5 Безмолвно, жребию послушный
  - 6 Влачу страдальческой венец —
- 7 а. Живу, забытый, равнодушный
  - б. Живу, печальный, равнодушный
  - *в. Живу, забытый, равнодушный
- 8 а. И жду печальных дней конец —
  - б. Как в тексте.
- 10 а. Как ветров слышен зимний свист
  - б. Как слышен зимней бури свист
- 11 а. Один — на ветке обнаженный
  - б. Как в тексте.
- Под текстом* Каменка 22 февр (аля).
1821.

Запись на полях первого белого автографа поэмы «Кавказский пленник»

(ПД 831, л. 13)

Я пережил мои жел(анья)
 Я ра(злюбил)
 Остались мне одни страд(анья)
 Плоды ду(шевной)
 Безмолв(но) ж(ребию)
 Вл(ачу)
 Ж(иву)
 И —

¹ В автографе выделяются два слоя правки. Первый — одновременный или близкий по времени к записи текста в тетрадь; второй — более поздняя правка, отмеченная в наст. изд. звездочкой.

Варианты НЛ

Заглавие	Элегия
5—7	Безмолвно жребию послушный Влачу страдальческий венец, Живу печальный, равнодушный
10	Как ветров слышен зимний свист,

Разночтения копий Неизв и Щер

2	И разлюбил свои мечты	Неизв
3	Остались хладные страданья,	Неизв, Щер
4	Плоды душевной пустоты.	Щер
5—7	Безмолвно, жребию послушный, Влачу страдальческий венец, Живу печальный, равнодушный	Неизв, Щер
10	Как ветра слышен зимний свист,	Неизв, Щер
11	Один — на ветке обнаженный	Неизв, Щер

Заглавие в автографе Кап¹ и в оглавлении Ст 1826

- а. Элегия X (1822)
 б. Элегия X (1821) Кап
 (Я пережил мои желанья). 1821 Ст 1826 (в оглавлении)

КОКЕТКЕ

(«Послушайте: вам тридцать лет...»)
 (С. 19)

Первая редакция (Ав₂ до правки)
 (ПД 833, л. 24—25)

КОКЕТКЕ

И вы поверить мне могли,
 Как семилетняя Аньеса?
 В каком романе вы нашли,
 Чтоб умер от любви повеса?
 Послушайте: вам тридцать лет,
 Да, тридцать лет — немногим боле;
 Мне за двадцать; я видел свет,
 Кружился долго в нем на воле;

¹ Б. В. Томашевский, пользовавшийся изданием Анн. с пометами П. А. Ефремова, указал для Кап отмеченное Ефремовым отличие в последнем стихе — вместо слов: на ветке написано: на ветве (Томашевский. Новые материалы. С. 852; наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 339). Здесь с наибольшей вероятностью можно предполагать ошибочное чтение П. А. Ефремова.

- Уж клятвы, слезы мне смешны;
10 Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Тревоги сердца надоели;
Давно сердца в нас охладели,
Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
Я вами точно был пленен;
К тому же скука, муж ревнивый...
Я притворился, что влюблен,
20 Вы притворились, что стыдливы,
Мы поклялись... потом... увь!
Потом забыли клятву нашу;
Себе Клеона взяли вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Все хорошо, благопристойно,
Могли бы мы без лишних ссор
Жить мирно, дружно и спокойно;
Но нет! сегодня поутру
30 Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность —¹
Вы проповедуете вновь
Покойных рыцарей любовь,
Учтивый жар, и грусть, и ревность.²
Помилуйте — нет, право, нет,
Я не дитя, хоть и поэт.
Когда мы клонимся к закату,
Оставим юный пыл страстей
Вы — старшей дочери своей,
40 Я — своему меньшому брату.
Им можно с жизнью шалить
И слезы впредь себе готовить,
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

---

¹ Было: Такую изъявили древность — Исправление, по-видимому, сделано по ходу письма в связи с правкой в ст. 34.

² Было начато: И воскресить

Варианты *Ав₁*
(ПД 830, л. 46 об.—47 об.)¹

- Заглавие К Аглае²
- 2 а. Как пятилетняя Аньеса?
б. Как в тексте.
- 9 Слова: Уж клятвы вычеркнуты и восстановлены.
- 10 а. Начато: Проказы прав( )
б. Как в тексте.
- 12—13 а. Давно мужчины надоели —
Умы сердца в нас охладели
б. Как в тексте.
- 16 а. Живет не более недели;
б. Как в тексте.
- Между
- 16 и 17 а. Оставим юный пыл страстей
Когда склонились мы к закату —
Вы — старшей дочери своей
Я — своему меньшому брату.
б. Как в тексте.
в. Перенесено на место ст. 37—40 первой редакции.³
- 17 а. Я вами право был пленен
б. Как в тексте.
- 21 а. Мы сблизились; потом.... увы!
б. Как в тексте.
- 23 Себе гусара взяли вы,
- 25 а. Расстались мы; до этих пор
б. Как в тексте.
- 27 Могли бы мы без [глупых] ссор
- 28 а. Жить мирно, весело, спокойно
б. Жить мирно, дружно и покойно
- 29—31 Но нет в трагическом жару
Вы мне сегодня поутру
Такую воскресили древность;
- 34 а. Учтивый жар печаль и ревность.
б. Как в тексте.
- 36 Я не дитя, хотя поэт.⁴

¹ Нумерация стихов по тексту первой редакции; формула: «Как в тексте» означает совпадение с текстом первой редакции.

² Возможно, вписано.

³ Стихи отчеркнуты по левому полю фигурной скобкой; место переноса указано таковой же скобкой, поставленной под ст. 36: Я не дитя, хотя поэт.

⁴ Ниже стоит фигурная скобка, указывающая на перенос сюда четырех стихов, первоначально находившихся между ст. 16 и 17; после переноса стихи: Когда мы клонимся к закату ~ Я — своему меньшому брату стали заключительными в стихотворении; позднее текст был дополнен еще четырьмя стихами (ст. 41—44), черновой автограф которых записан отдельно, на обороте листа.

- 41—44 А а. *Начато:* Дурачиться
 б. Любить еще пристало им —
 в. Пылать еще пристало им —
 г. Любить еще пристало им —
 а. А нам пора себя готовить
 б. А нам уже себе¹ готовить
 в. А нам [*нрзб*] пора(?) себе готовить
 а. *Начато:* Занят( )
 б. ( ) другим
 Б Любить еще пристало им —
 ( )
 а. Пора заняться нам другим —
 б. *Начато:* [Ч( )(?)] Пора
 В Еще пристало им любить —
 ( )
 ( )
 А нам уже пора злословить²
 Г а. *Начато:* [Им] Они
 б. ( ) им заготовить —
 ( )
 Еще пристало им любить —
 А нам уже пора злословить
 Д а. Им можно — жизньню шалить
 б. Им можно с разумом шалить
 в. Им можно с [*нрзб*] шалить
 а. [А мы] А нам советы им готовить —
 б. Себе раскаянье готовить —
 в. И слезы для себя готовить —
 г. И слезы впредь себе готовить
 Еще пристало им любить
 А нам уже пора злословить

Правка по тексту первой редакции в Ав₂
(ПД 833, л. 24—25)³

Помета
у заглавия
 1—4

- (18)22
 а. И вы поверить мне могли
 Как простодушная Аньеса?
 В каком романе вы нашли
 Чтоб умер от любви повеса?
 б. *Вычеркнуто.*
 10—12 а. Измены утомить успели;
 Вам верно с вашей стороны
 Мужчин проказы надоели —

¹ Исправлено из первоначального: себя

² Ниже стоит фигурная скобка, обозначающая конец стихотворения. При доработке фрагмента два стиха были записаны поверх и ниже этой скобки.

³ Нумерация стихов по тексту первой редакции; формула: «Как в тексте» означает совпадение с основным текстом.

6. Проказы утомить успели;
Вам верно с вашей стороны
Измены также надоели —
- в. Как в тексте ст. 6—8.
- 13 Как в тексте ст. 9.
- 17 а. Я вами [был] обворожен;¹
б. Мы были нежные друзья
- в. Как в тексте ст. 13.
- 18 Как в тексте ст. 14.
- 19 Как в тексте ст. 15.
- 20 а. И притворились вы стыдливой?
б. [Вы]² притворилися стыдливой
- 23 а. ⟨Начато нрзб⟩ ⟨ ⟩ взяли вы
б. Как в тексте ст. 19.
- 27—28 Как в тексте ст. 23—24.
- 29—36 Вычеркнуто.
- 37—38 Как в тексте ст. 25—26.³
- 41 а. Им можно жизнь шалить
б. Как в тексте ст. 29.
- 44 а. А нам пора давно злословить
б. Как в тексте ст. 32.

АДЕЛИ

(«Играй, Адель...»)

(С. 20)

Варианты белого автографа

(ПД 833, л. 8 об.)

- Заглавие Аделе
- 9—12 а. Для наслаждений
Для упоений
Ты рождена;
Живую радость,
Минуты сладость
Лови, лови!
- б. Для наслажденья
Ты рождена;
Миг упоенья
Лови, лови!
- 15 а. Как в тексте.
б. Но в шуме света

¹ Вероятно, слово: был при правке стиха вычеркнуто случайно.

² Вероятно, слово: Вы осталось случайно невосстановленным.

³ Перестановка стихов обозначена цифрами: 1 и 2

Варианты ПЗ 1824

Заглавие В альбом малютке
9 Для наслаждений
11 Час упоений

Заглавие в Кап (по фотокопии) и в оглавлении Ст 1826

Аделе
Адели. 1822

Кап
Ст 1826 (в оглавлении)

«ГОРИШЬ ЛИ ТЫ, ЛАМПАДА НАША...»

(С. 21)

Редакторская сводка чернового автографа¹

< >
 Где своенравный произвол
 Менял бутылки разговоры,
 Рассказы, песни шалуна
 И разгорались наши споры
 От искр и шуток и вина —
 Услышу ль я мои поэ<ты>
 Богов торжественный язык
 Налейте мне <вина кометы>
 Желай мне здра<вия> к<алмык>
 10 Разлуки долгой и тяжелой
 Забыта хладная печаль;
 При<ди> Амфитрион веселый
 <Нрзб> добрый, умный враль! —
 < >
 Благослови же мой возврат —
 Но где же он, твой мил<ый> брат)
 Недавний рекрут Гименя!
 Вы оба в прежни време<на>
 В ночных беседах пиро<вали>
 20 И сладкой лестью баловали
 Певца свободы и вин<а>
 Приди, прелестный Адонис
 Улан Пафоса и Киферы
 Любимец ветр<еных> Лаис)
 Счас<ливый> балове<нь> Венеры
 И ты о гражда<нин> кулис —

¹ Сохранился не полностью. Начало, по всей видимости, находилось на предыдущем листе, вырванном из тетради.

Театра злой летописатель
 Очаровательниц актрис —
 Непостоянный обожатель

Черновой автограф
 (ПД 830, л. 60—60 об.)¹

- 1—5 А Где своенравный произвол
 а. *Начато:* Менял и
 б. Менял ( ) разговоры,
 ( ) прозу и стихи
 Б Где своенравный произвол
 Менял бутылки разговоры,
 И разгорались наши споры
 Огнем ( ) вина
 Я вижу вас друзья обжоры;
 Поэты, мудрецы ( )
 В Где своенравный произвол
 Менял бутылки разговоры,
 И разгорались наши споры
 Огнем ( ) вина
 Я с вами вновь — друзья обжоры;
 а. *Начато:* Примите
 б. *Начато:* Друзья
 в. Примите брата шалуна...
 Г Где своенравный произвол
 Менял бутылки разговоры,
 а. Рассказы, песни шалуна
 б. Балясы ( ) шалуна
 в. Рассказы, песни шалуна
 И разгорались наши споры
 а. От ( ) и шуток и вина —
 б. От искр и шуток и вина —
 в. Огнем и шуток и вина —
 г. От искр и шуток и вина —²
- 6—9 А Налейте мне вина кометы
 Желай ( )³
 Б Вы здесь, беспечные поэты
 ( )
 Налей же мне вина кометы

¹ Нумерация стихов по тексту редакторской сводки.

² Непосредственно за ст. 1—5 на л. 60 записан вариант А ст. 10—17; ст. 6—9 вписаны позднее между его строк (варианты А, Б) и доработаны на л. 60 об. (вариант В).

³ Записью этих двух неполных стихов было намечено место вставки ст. 6—9, дальше после горизонтального отчерка была продолжена работа над ст. 10—17 (варианты Б, В).

- Желай¹ мне здравия кал(мык)²
- В Услышу ль я мои³ поз(ты)
Богов торжественный язык
- а. Налей же мне (вина кометы)
б. Налейте мне (вина кометы)
Желай мне здра(вия) к(алмык)
- 10—17 А а. Приди, Амфитрион любезный,
б. Вот он, Амфитрион любезный,
а. Счастливец добр(ый)⁴, умный враль —
б. Счастливец мил(ый)⁵, умный враль —
в. Счастливец добр(ый), милый враль —
Начато: Забудем
- Б Ты здесь Амфитрион любезный
Счастливце(ц)⁶ милый, умный враль! —
Но где же он, твой мил(ый брат)
Недавний рекрут Гименя!
- В Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль;
При(ди) Амфитрион веселый
(Нрзб)⁷ добрый, умный враль! —
( )
Благослови же мой возврат —
Но где же он, твой мил(ый брат)
Недавний рекрут Гименя!⁸
- 18—21 А Вы оба в прежни време(на)⁹
- а. Начато: Любили к( )(?)¹⁰
б. ( ) розами ( )
в. В пирах свободы заседали
а. Начато: И рюмки до
б. И рюмки светлые до дна

¹ Исправлено из: Желайте

² Далее работа над фрагментом была перенесена на оборот листа, последние два стиха фрагмента на л. 60 остались незачеркнутыми и на л. 60 об. были обозначены сокращенной записью.

³ В автографе с опiskой: мой

⁴ Слово: добр(ый) написано, по-видимому, поверх другого начатого слова.

⁵ Начатая и сразу отмененная правка.

⁶ В ходе работы над стихом слово: Счастливце(ц) было вычеркнуто и восстановлено.

⁷ Это неразборчиво написанное слово С. М. Бонди прочел как: пламенея и на основании этого чтения реконструировал отсутствующий в рукописи стих: Бывало(й) (дружбой) пламенея (см.: Акад. Т. 2. С. 770, 775; также: Бонди и С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе» // П. Врем. [Т.] 1. С. 48). И чтение: пламенея, и отнесение этого слова к другому стиху не представляются убедительными; кроме того, слово: Бывало в автографе также отсутствует (это, скорее всего, недописанное слово: При(ди) в последнем слое правки предыдущего стиха: При(ди) Амфитрион веселый).

⁸ Далее в автографе записаны ст. 22—25; ст. 18—21 записаны отдельно на обороте листа после ст. 29 и отчеркнуты сверху и снизу горизонтальными штрихами.

⁹ Слова: прежни време(на) исправлены из первоначального: прежнее (начато нрзб)

¹⁰ Буква недописана.

- в. И рюмки звучные до дна
Начато: Со мно(й)
- Б Вы оба в прежни време(на)
В пирах свободы заседали
- а. Начато: За
- б. Когда < > ж< > < >
- в. Начато: И похвалами
- г. Начато: И похвалою
- В Вы оба в прежни време(на)
В ночных беседах пиро(вали)
- а. Вы оба лестью баловали
- б. И сладкой лестью баловали
- а. Начато: Младую
- б. Певца свободы и вин(а)
- 22—25 А Где ты, прелестный Адонис
Улан Пафоса и Киферы
Любимец ветр(еных Лаис)
- а. Пре(лестный ?) балове(нь) Венеры
- б. Счас(тливый) балове(нь) Венеры
- Б Приди, прелестный Адонис
Улан Пафоса и Киферы
Любимец ветр(еных Лаис)
Счас(тливый) балове(нь) Венеры
- 26—29 А Приди счастливы(й) царь кулис —
Поэт, остряк и мирный воин
- Б а. Ты здесь о гражда(нин) кулис —
б. И ты о гражда(нин) кулис —
Театра злой летопи(сатель)
- а. Начато: Остряк, поэт
- б. Начато: Поэт остряк
- в. < > обожатель
- а. < > пленительных актрис —
- б. Младых трагических актрис —
- в. Очаровательниц актрис —
- г. Прелестниц, ветреных актрис —
- д. Прелестных ветреных актрис —
Начато: Скажи
- В И ты о гражда(нин) кулис —
Театра злой летопи(сатель)
- а. Начато: Млады(х) < > актрис
- б. Начато: И наших¹ [бл< >] < > актрис
- в. Очаровательниц актрис —
Непостоянный обожатель
- После 29 А И я любил их остроту
< > разговоры

¹ Слова: И наших остались незачеркнутыми.

- а. *Начато*: Но более¹ я их
 б. <   > взоры
 Б И я любил их остроту
 а. Веселый ум и разговоры
 б. Веселый нрав² и разговоры
 в. Веселость нравы разговоры
 г. Веселый ум и разговоры
 а. <   > пленитель<ные> взоры³
 б. Улыбку, <   > и взоры
 в. Улыбку, [*начато нрзб*] речи <   > взоры
 г. Любил улыбку, нежны(?) взоры⁴
 В а. *Начато*: [Я] [И] [В] [Но] Я⁵
 б. [Мне скучны темные(?) <начато нрзб>]

*Наброски к доработке стихотворения
 (ПД 831, л. 48 об., 49)*

Редакторская сводка чернового автографа

<   > до меня доходят —
 И звуки <   > струн
 Печаль на душу мне наводят

<   > Судьбою
 Певцы давно разлучены....
 Их лиры ветреной игрою —
 Не славят счастья чередою;
 Умы тоской омрачены —

<   > утихли смехи
 10 Утих безумства вольный глас
 Любовницы забыли нас;
 И разлетелися утехи —
 В изгнаньи <скучном каждый час>⁶
 Горя <завистливым желаньем,>
 Я к вам <лечу воспоминаньем,>
 Вообра<жаю, вижу вас>

¹ Слово: более в ходе работы было вычеркнуто и восстановлено.

² Слово: нрав не было дописано до конца.

³ Последующие варианты стиха («б»—«г») записаны отдельно на левом поле листа.

⁴ Вариант остался незачеркнутым.

⁵ Местоимение: Я осталось незачеркнутым.

⁶ Стихи, обозначенные в автографе только первыми словами, восстанавливаются предположительно.

Горишь ли ты (лампада наша)
 (Начато нрзб)
 Где ты

Черновой автограф¹
 (ПД 831, л. 48 об., 49)

- 1—3 А а. И милый звук знакомых струн
 б. И звуки мне знакомых струн
 Печаль на душу мне наводят
 Б <   > до меня доходят —
 И звуки <   > струн
 Печаль на душу мне наводят

- Между 3 и 4 А а. А я, <   > изгнанник,
 б. А я, потерянный изгнанник,
 в. Наве(к)² потерянный изгнанник,
 г. Молвой покинутый изгнанник,
 В степях Молдавии забыт
 Давно с
 Б Вычеркнуто.

- 4—8 А а. Начато: Дни наши
 б. Начато: Давно
 в. Певцы давно разлучены....
 Их лиры <   >
 Окрест угрюмой тишины,
 Не <   > радостной игрой
 Б Певцы давно разлучены....
 Их лиры <   >
 Не будят <   > чере(дою)
 Окрест угрюмой тишины,
 В Непримириую Судьбою
 Певцы давно разлучены....
 а. Их лиры сладкою³ игрою
 б. Их лиры счастливой игрою —
 а. Не славят <   > чередою;
 б. Любви не славят чередою;
 в. Пиров не славят чередою;
 г. Любви не славят чередою;
 Сердца тоской омрачены —

¹ Нумерация стихов по тексту редакторской сводки.

² Начатая и сразу отмененная правка.

³ Исправлено из первоначального: сладкой

- Г <   > Судьбою
 Певцы давно разлучены....
 Их лиры ветреной игрою —
 Не славят счастья чередою;
 Умы тоской омрачены¹ —
-
- 9—12 А Младых пиров умолкли смехи
 Цирцеи позабыли нас;
 И разлетелися утехи —
 Б [Молчат пиры] утихли смехи
 Утих безумства² вольный глас
 Любовницы забыли нас;
 И разлетелися утехи —
 13—19 В изгнаньи
 Горя
 Я к вам
 Вообра(жаю)
 Горишь ли ты
 <Начато нрзб>
 Где ты

Первоначальные варианты белого автографа (ПД 1265)

26 Я слышу, верные поэты

Поправка к тексту белого автографа

Ст. 26 в а с³
 чит(ай) в новь

ДЕВА

(«Я говорил тебе: страшися девы милой...»)

(С. 22)

Варианты автографа⁴

(ПД 833, л. 4 об.)

Заглавие Отсутствует.

2 а. Увы! она сердца влечет невольной силой,

¹ Исправлено из первоначально начатого: у( )

² Исправлено из: безумья

³ Ошибочно вместо: Я

⁴ В автографе выделяются два слоя правки. Первый — одновременный или близкий по времени к записи текста в тетрадь; второй — более поздняя правка, отмеченная в наст. изд. звездочкой.

- б. Как в тексте.
- 3 а. Она волшебница; нельзя, нельзя при ней
б. *〈Начато нрзб〉*
в. Как в тексте.
- 4 Другую замечать, иных искать очей
- 6 а. Томится близ нее задумчивая младость,
*б. Как в тексте.
- 8 а. Жужжат вокруг нее напрасные мольбы,
б. Жужжат у ног ее напрасные мольбы,
в. Жужжат вокруг нее напрасные мольбы,
*г. *〈   〉* ревнивые мольбы,
*д. Жужжат вокруг нее ревнивые мольбы,

Варианты Соревн.

<i>Вм. заглавия</i>	Я ГОВОРИЛ и пр.
4	Другую замечать, иных искать очей.
8	Жужжат вокруг нее ревнивые мольбы:
10	И, очи опустя, не внемлет и не видит.

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Дева. 1821

ДЕЛЬВИГУ

(«Друг Дельвиг, мой парнасский брат...»)
(С. 23)

Первая редакция (по копии Анн)

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад...
Ты знаешь, я в минувши годы,
У берегов кастальских вод,
Любил марасть поэмы, оды.
Ревнивый зрел меня народ
На кукольном театре моды.

10 Поклонник правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иных не Русью пахнет;
О чем цензуру ни прошу
Ото всего Тимковский ахнет.
Теперь я, право, чуть дышу,
От воздержанья муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу;

К Молве болтливой я хладею
 И из учтивости одной
 20 Доне ныне волочусь за нею,
 Как муж ленивый за женой.
 Наскуча муз бесплодной службой,
 Другой богиней, тихой Дружкой,
 Я славы заменил кумир.
 Но все люблю, мои поэты,
 Фантазии волшебный мир
 И, чуждым пламенем согретьи,
 Внимаю звуки ваших лир...
 Так точно, позабыв сегодня
 30 Проказы, игры прежних дней,
 Глядит с лежанки ваша сводня
 На шашни молодых блядей...

Варианты автографа¹
 (ПД 833, л. 20—20 об.)

Помета
 у заглавия (1821 в марте)
 6 а. Начато: Н(а)
 б. Как в тексте.
 13 Ото всего Т.... ахнет,
 Вм. 17—28 а. . . . .
 б. Как в тексте.
 19 а. Начато: На(?)
 б. Как в тексте.

КИНЖАЛ

(«Лемносский бог тебя ковал...»)

(С. 25)

Редакторская сводка первоначального текста чернового автографа

Свободы тайный страж недремлющий кинжал —
 Последний судия Позора и Обиды —
 Для рук бессмертной Неме(зиды)
 [Лемносский бог тебя ковал]
 Как адский луч как молния богов —
 Немое лезвие Злодею в очи блещет
 И <   > пиров
 Злодей <   > трепещет

¹ Нумерация стихов по основному тексту.

- Везде его найдет удар нежданный твой —
 10 На гордом(?) кора(бле)(?), (на) стогнах под ш(атр)ами —
 За потаенными замками
 На ложе нег, в семье родной...

Первоначальный текст чернового автографа¹
 (ПД 830, л. 45 об.)

- 1—4 А Символ ( ) Немезиды —
 Приветствую тебя — ( ) Кинжал —
 а. Надежда ( ) Обиды
 б. ( ) за ( ) и древняя Обиды
 Б Посол(?) бессмертной Немезиды —
 а. Злодейства тайный страж — ( ) кинжал —
 б. Свободы тайный страж — недремлющий кинжал —
 Ты мститель ( )
 И Власти древняя обиды
 В Свободы тайный страж — недремлющий кинжал —
 а. Ты мститель на пирах обиды —
 б. Судья за древние обиды —
 в. Последний судья [По( )] Позора и Обиды —
 Лемносский бог тебя ковал
 Супруг божественной Кипри(ды)
 Г Свободы тайный страж недремлющий кинжал —
 Последний судья Позора и Обиды —
 Для рук бессмертной Неме(зиды)
 [Лемносский бог тебя ковал]
 5—8 А Как ( ) молния богов —
 Среди² ( ) пиров
 ( ) в глазах³ Тирана блещет
 Б Как адский луч как молния богов —
 а. Немое лезвие в глазах Злодейства блещет
 б. Немое лезвие в [оча(х)]⁴ Злодейства блещет
 в. Немое лезвие Злодею в очи блещет
 ( )
 а. И [по( )] ( ) среди пиров...
 б. И [с (начато нрзб)] ( ) пиров...⁵
 В Как адский луч как молния богов —
 Немое лезвие Злодею в очи блещет
 И ( ) пиров
 а. Начато: Тиран
 б. Схватив ( ) трепещет —

¹ Нумерация стихов по тексту редакторской сводки. Соответствует ст. 1—4 и 9—16 окончательного текста стихотворения.

² Слово: Среди зачеркнуто и написано сверху заново.

³ Слово: глаза написано, по-видимому, с опiskeй.

⁴ Начатая и сразу отмененная правка.

⁵ Ниже стоит горизонтальный разделительный штрих, означающий конец строфы.

- в. [Г< >] Тиран бледнеет и трепещет —
 з. Злодей блед<неет> и трепещет —
 д. Злодей < > трепещет —¹
- 9—12 а. Нигде, нигде не избежит
 б. Везде его найдет неожиданный² твой удар —³
 а. В шатрах, за < > замками —
 б. На стогнах < > под ш<атр>ами⁴ —
 в. В семье < > под ш<атр>ами —
 з. На суше на водах, <на> стогнах под ш<атр>ами —
 д. На гордом<?> кора<бле><?>⁵, <на> стогнах под ш<атр>ами —
 а. *Начато*: В семье <?>
 б. За потаенными замками
 а. На ложе нег, в тиши глухой
 б. На ложе сна, в семье родной...
 в. На ложе нег, в семье родной...⁶

Добавления к первоначальному тексту⁷
(ПД 830, л. 46, 64)

Редакторская сводка чернового автографа

<1>

Под Кесарем шум<ит> заветный Ру<бикон>
 Сенат и Рим — < >
 Воздвигся Брут вольнолюбивый
 Кинжал, ты кровь испил — и мертв объемлет он
 Помпея мрамор горделивый

Где Зевса гром молчит — где дремлет меч Закона
 Там ты, свершитель < > надежд —
 Таишься <ты> под сенью трона
 Под блеском праздничных одежд —

<2>

Мятежник и злодей подъяема злобный<?> крик
 На трупе Вольности безглавой
 < >

¹ Ниже повторен горизонтальный разделительный штрих, означающий конец строфы.

² Слово: неожиданный зачеркнуто и восстановлено.

³ Изменение порядка слов, предполагаемое рифмой в ст. 12, видимо, случайно осталось необозначенным.

⁴ Исправлено из слова: замками При этом исправление только намечено буквой ш, написанной поверх букв за

⁵ Чтение М. Т. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской) (Акад. Т. 2. С. 646).

⁶ Ниже поставлен росчерк — знак концовки.

⁷ Соответствуют ст. 17—21 и 5—8 окончательного текста стихотворения.

Считает жертвы он —
 < >
 Не дремлешь ты святой < >
 Восстала — Дева < >
 И пал

Черновой автограф добавлений к первоначальному тексту

<1>

(ПД 830, л. 46)

- А* а. *Начато:* Во прахе Рим — сенат
 б. *Начато:* [В] Сенат и Рим — у ног
 в. *Начато:* У ног фортуны
 г. Сенат и Рим — у ног фортуны горделивой —
 д. Сенат и Рим — у ног судьбы счаст<ливой>
 е. Сенат и Рим — у ног судьбы кичливой(?)¹
- Б* а. *Начато:* Заветный Рубик<он>
 б. *Начато:* [Б(?)>] Держав<ный> Кесарь
 в. *Начато:* Венца
 г. *Начато:* Великий <нрзб>
 д. *Начато:* [На(?)>] Корона(?)
 е. *Начато:* [О т(ы)] Ты Цез<арь>
 ж. *Начато:* Ты Юлий помрачен душой
 з. *Начато:* Он
 и. *Начато:* Идет(?) —
 к. *Начато:* Над < > лежит(?)²
 Сенат и Рим —
 Воздвигся Брут вольнолюбивый
- а. *Начато:* [И] Кинжал
 б. *Начато:* Ты пал несчастный
 в. *Начато:* Ты [кровь] кровь
 г. *Начато:* О
 д. < > заветный Ру<бикон>
 а. *Начато:* Кинжал
 б. < > и кровью смое он
 в. < > [и<начато нрзб>] и смое кровью он
 г. < >
- Помпея мрамор горделивый³
- В* Под Кесарем шум<ит> заветный Ру<бикон>
 Сенат и Рим — < >
 Воздвигся Брут вольнолюбивый
- а. Кинжал, ты кровь испил — [и<начато нрзб>]
 б. Кинжал, ты кровь испил — и мертв объемлет он
 Помпея мрамор горделивый

¹ В ходе дальнейшей работы слово: кичливой(?) осталось незачеркнутым.

² В ходе дальнейшей работы слова: Над и лежит(?) остались незачеркнутыми.

³ Слово: горделивый было зачеркнуто и восстановлено.

- а. *Начато*: Где гром Зев(еса)
 б. *Начато*: Где Зевса гром молчит — Где
 в. Где Зевса гром молчит — < > где меч Закона
 г. Где Зевса гром молчит — где дремлет меч Закона
 а. Там ты, — < > надежд —
 б. Там ты, свершитель < > надежд —
     Таишься <ты> под сенью трона
 а. Под златом праздничных¹ одежд —
 б. Под блеском праздничных одежд —

⟨2⟩

(ПД 830, л. 64)

- А Во имя вольности презренный царь возник
     Над Гильотиною кровав(ой) — —
 а. Все тихо как гроба — — < > слышен(?) крик
 б. Все тихо как гроба — < > я слышу крик
 в. [Ма(рат)] [(Нрзб)] [Он(?)] < > — слышу крик
 г. [(Начато нрзб)] [Все тихо] < > — Марата² слышу крик
- Б а. Мятежник и злодей подъявля смерти крик
 б. Презренный муж³ подъявля смерти крик
 в. Мятежник и злодей подъявля смерти крик
 г. Мятежник и злодей подъявля стра(шный)<?>⁴ крик
 д. Мятежник и злодей подъявля злобный(?) крик
 а. *Начато*: Как
 б. *Начато*: Царем воссел над < > гильотины
 в. Марат воссел над [(нрзб)] плах(ой) гильотины⁵
 г. [Марат] воссел⁶ клеймен бесчестной славой
 д. Над⁷ трупом Вольности безглавой
 е. На трупе Вольности безглавой
     Считает жертвы он —
- А а. Но дева славная < > тебя коснулась
 б. Но дева славная < > коснулась
 в. Но дева < > явилась — Эвменидой
 а. И пал Марат
 б. И мрачный(?) пал Марат⁸

¹ Слово: праздничных было зачеркнуто и восстановлено.

² В ходе дальнейшей работы слово: Марата осталось незачеркнутым.

³ Начатая и, по-видимому, сразу отмененная правка. При этом слово: Мятежник оставалось незачеркнутым; слово: злодей было зачеркнуто и восстановлено.

⁴ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: стра(шный)<?> осталось незачеркнутым.

⁵ В ходе дальнейшей работы слова: над плах(ой) гильотины остались незачеркнутыми.

⁶ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: воссел осталось незачеркнутым.

⁷ При последующей правке предлог: Над остался неизменным.

⁸ Рядом записано неразборчивое зачеркнутое слово, возможно также относящееся к работе над этим стихом.

Б 2. *Начато*: [Ты] Не дремлешь ты святой
 Восстала — Дева¹ (   )
 И пал

Варианты автографа АвПолт (ст. 30—37)²
(ПД 898, л. 53 об.)

36   И на торжественном³ могиле
 37   Горит без подписи кинжал.
Под текстом   Не А. Пушкин

Разночтения копии Полт (ст. 1—30)⁴

- 1   а. *Как в тексте.*
 * б. Лемносский бог тебя сковал
 5   Где Зевса гром молчит, где дремлет лик закона
 10   а. Злодею в очи блещет,
 * б. *Как в тексте.*
 13   Везде найдет его удар надежный твой
 17   а. Шуми под Кесарем заветный Рубикон
 * б. *Как в тексте.*
 20   Ты Кесаря сразил! и мертв объемлет он
 22   Из ряда мятежей подьмет злора крик.
 26   Апостол гибельный! усталому Андру
 27—29   а. Ты перстом жертвы назначал
               Но вышний суд к тебе послал
               Тебя⁵ и деву Эвмениду.
 *б. Ты перстом жертвы назначал
               Но вышний суд ему послал
               Тебя и деву Эвмениду.

¹ Первая буква слова: Дева исправлена, возможно, из буквы Э

² Ст. 30 со слова: избранник

³ Возможно, описка.

⁴ Звездочкой отмечены позднейшие поправки С. Д. Полторацкого, сделанные чернилами.

⁵ Слово: Тебя было, видимо, неразобрано и пропущено переписчиком; вписано Полторацким карандашом. При этом стих оказался несогласованным с предыдущим, что было исправлено позднейшей поправкой чернилами.

Разночтения

копий ОА (1), ОА (2), Олн (ст. 1—12, 26—37), Барат₁, Лиц₁ (ст. 1—21), N₁, N₂, Воц, Гуд, Алм, Нейш₁, Шер (ст. 1—27), Кон, Ос, Щер, Соб₁, Отб, БАН₁, Ромм, Як₁, Барат, ПБ, N₃, Карт, Нейш₂, Долг, Нейш₃, Пуц₂, Гд, ВВ₆, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Сем, Ал, Якуш, Гв, Даш, Мар, Е
и публикаций ПЭ, Герб, РА

Заглавие Кинжалу

1 Лемносский бог тебя сковал¹

Отб

Барат₁, N₂, Воц, Гуд, Нейш₁, Шер, Кон, Соб₁, Отб, БАН₁, Ромм, Барат, N₃, Карт, Нейш₂, Долг, Нейш₃, ВВ₆, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Сем, Ал, Якуш, Гв, Даш, Мар, Е, ПЭ, Герб, РА

3 Свободы тайный страж, карательный кинжал, Гуд

3 Свободы тайный страж, кинжал,

Барат, ПБ, N₃

4 Последний судия свободы и обиды.

Кон

5 Где Зевсов гром молчит, где дремлет меч

Закона,²

Барат₁, Воц, Нейш₁, Шер, Соб₁, Як₁, Нейш₂, Долг, Бар, Полт₂, Сем, Гв, Даш, Е

5 Где Зевса гром молчит, где дремлет лик

Закона,

Лиц₁, Алм, Щер, БАН₁, Ромм, Нейш₃, Гд

5 Где Зевсов гром молчит, где дремлет лик

Закона,

Як₁

6 Свершитель ты проклятья и надежд.³

ОА (1), ОА (2), Ос, Щер

6 Свершитель ты проклятий и надежд.⁴

Олн, Барат₁, Лиц₁, N₁, N₂, Воц, Гуд, Алм, Нейш₁, Шер, Кон, Отб, БАН₁, Ромм, Як₁, Барат, ПБ, N₃, Карт, Нейш₂, Долг, Нейш₃, Пуц₂, ВВ₆, Лон—Полт, Сем, Ал, Якуш, Гв, Даш, Мар, Е, ПЭ, Герб, РА
Соб₁, Бар, Полт₂

¹ В Долг и Якуш позднее исправлено как в тексте. В Барат с ошибкой: Лесбосский бог тебя сковал (исправление рукой Е. А. Баратынского из первоначального: Олимпийский бог тебя сковал).

² В Як₁ дополнительный вариант; в Сем и Якуш позднее исправлено как в тексте.

³ В ОА (1): Свершитель ты проклятия и надежд

⁴ В Лиц₁ с ошибкой: Свершилась вместо: Свершитель

6	Свершитель ты проклятия надежд.	Гд
6	Свершителем проклятий и надежд ¹	Сем
7	Ты кроешься везде, везде, под сенью трона, ²	ВВ ₆
7	Ты кроешься везде, под сенью трона, ³	Сем, Ал, Мар, ПЗ
9	Как яркий луч, как молния богов,	Н ₁
9	Как адский дух, как молния богов, ⁴	Сем
10	Злодею в очи блещет,	ПБ, N ₃ , Нейш ₃ , Гд
13	Везде его найдет удар надежный твой: ⁵	Алм, Щер, Соб ₁ , Ромм, Як ₁ , Барат, Нейш ₃ , ВВ ₆ , Сем, Ал, ПЗ
13	Везде найдет удар неожиданный твой:	N ₂ , Гд
13	Везде найдет удар надежный твой!	Бан ₁
13	Везде найдет его удар неожиданный твой:	Е
13	Везде найдет его удар надежный твой	Карт, Герб, РА
14	На суше, на водах, во храме, под шатрами,	Барат ₁ , N ₁ , Нейш ₁ , Шер, Кон, Соб ₁ , Як ₁ , Нейш ₂ , Долг, ВВ ₆ , Бар, Лон—Полт, Полт ₂ , Сем, Ал, Якуш, Даш, Мар, Е, ПЗ, Герб
14	На суше, на воде, во храме, под шатрами,	Воц
15	Под потаенными замками,	Гуд
16	На ложе сна, во тьме ночной.	N ₂
16	На лоне сна, в семье родной.	Кон
16	На ложе сна в земле родной.	Отб
17	Шумит под Цезарем заветный Рубикон, ⁶	N ₁ , Шер, Кон, Сем
18	Державный Рим упал, поник главой закон,	Воц, Нейш ₃ , Лон—Полт
20	Кинжал! ты кровь излил — и мертв объемлет он ⁷	Барат ₁ , Лиц ₁ , Воц, Нейш ₁ , Кон, Отб, Барат, Долг, ВВ ₆ , Сем, Ал, Якуш, Гв, Даш, Мар, Е, ПЗ, Герб
20	Кинжал! ты кровь пролил — и мертв объемлет он	Гуд, N ₂
20	Ты Кесаря сразил — и, мертв, объемлет он	Алм, Щер, БАН ₁ , Ромм, N ₃ , Карт, Нейш ₂ , Нейш ₃ , Гд, Лон—Полт, РА
20	И мертв объемлет он	Шер, Сем
20	Кинжал! ты Кесаря сразил и мертв объемлет он ⁸	Соб ₁ , Як ₁ , Долг, Пуц ₂ , Бар, Полт ₂ , Якуш

¹ Позднее исправлено как в тексте.

² Позднее исправлено как в тексте.

³ В Сем исправление в копии, первоначально было как в тексте.

⁴ Позднее исправлено как в тексте.

⁵ В Сем исправление в копии, первоначально было как в тексте.

⁶ В Сем позднее исправлено: Шумит за Кесарем заветный Рубикон

⁷ В Долг и Сем исправление в копии.

⁸ В Якуш исправление в копии.

- 20 И Кесаря сразил! и мертв объемлет он ПБ
 22 Исчадье мятежей возносит злобный крик. N₁, Шер
 22 Исчадье мятежа подьемлет злобный крик. N₂, Отб, РА
 22 Исчадьа мятежей подьемлют злобный крик. Даш
 22 Исчадье мятежей подьемлет злобы крик. Нейш₃
 22 Исчадье мятежей подьемлет злоба крик. Лон—Полт
 22 Исчадье мятежей поднимет алчный крик;¹ Сем
 23 Надменный, мрачный и кровавый, Гуд
 24 На трупе Вольности безглавой Нейш₁
 24 Над троном вольности безглавой² Сем
 26 Апостол гибели, несытому Аиду N₁, Гуд, Шер
 26 Апостол гибельный, усталому Аиду Нейш₃, Лон—Полт
 27 Перстом он жертву указал,³ Отб
 27 Перстом он жертву назначал, Нейш₂
 27 Ты перстом жертвы назначал, Нейш₃, Гд,
 Лон—Полт, Даш
 28 И адский бог ему послал N₂, Кон
 28 Но казней бог ему послал Гуд
 28 Но вышний суд ему послал Алм, Нейш₁, Кон, Щер,
 Отб, Ромм, ПБ, N₃,
 Нейш₂, Долг, Гд, Бар,
 Лон—Полт, Полт₂,
 Сем, Мар
 28 Но высший суд ему послал N₁, Соб₁, БАН₁, Як₁,
 Пуш₂, Якуш, Гв, Даш,
 Е, Герб, РА
 Барат, Ал
 28 И высший суд ему послал Барат₁, Вош, Гуд,
 30 Свободы мученик, избранник роковой, Нейш₁, Кон, Як₁,
 Барат, Долг, Пуш₂,
 ВВ₆, Ал, Мар
 30 Свободы мученик, изгнанник роковой, N₁
 30 А ты о праведник, о мученик прямой,⁴ Соб₁, Бар, Полт₂
 30 О юный праведник, изгнанник роковой, Отб
 30 Свободы мученик, избранник молодой,⁵ ВВ₆, Сем, Якуш, Е,
 ПЭ, Герб
 30 Свободы мученик! о избранник младой, Гв, Даш
 31 О Занд, твой век погиб на плахе; Гуд
 31 О Занд! — твой дух угас на плахе! Карт

¹ Позднее исправлено как в тексте.

² Позднее исправлено как в тексте.

³ В Отб исправление в копии; первоначально было как в тексте.

⁴ В Полт₂ позднее рукой С. Д. Полторацкого карандашом исправлено как в тексте.

⁵ В ВВ₆ позднейшее исправление в копии; в Якуш позднее исправлено как в тексте.

- 33 Остался блеск в казенном прахе.¹ *N₁, Вощ, Гуд, Нейш₁, Соб₁, Як₁, Долг, ВВ₆, Бар, Полт₂, Сем, Якуш, Гв, Даш, Е, Герб*
- 33 Остался глас в священном прахе. *ПБ*
- 33 Остался глас в надменном прахе. *Нейш₂*
- 34 Твоей Германии он вечной тенью стал, *Барат₁, Долг*
- 34 Твоей Германии он вечно тенью стал, *N₁*
- 34 Твоей, Германия, он вечной тенью стал,² *Вощ, Гуд, Нейш₁*
- 34 Твоей Германии ты вечно тенью стал, *Алм, БАН₁, Ромм, Карт, Нейш₂*
- 34 Твоей Германии ты вечной тенью стал, *Як₁, ПБ, Гд*
- 34 В твоей Германии ты вечно тенью стал, *Нейш₃*
- 34 В твоей Германии он вечной тенью стал,³ *Отб, N₃, Якуш, Гв, Даш, Е*
- 34 В твоей Германии ты грозной тенью стал,⁴ *ВВ₆, Сем, Ал, Мар, ПЗ, Герб*
- 35 Грозя бедой державной силе,⁵ *N₂, Кон*
- 37 Горит без подписи кинжал.⁶ *Отб, Нейш₂, Лон—Полт, Якуш, Даш, Е*

⟨НА КАЧЕНОВСКОГО⟩

(«Клеветник без дарованья...»)

(С. 27)

Вариант автографа *Ав₂*

Заглавие *Отсутствует.*

Заглавие в *Кап* (по изд.: Майков. Автографы П.)

Надпись к портрету⁷

¹ В *Як₁* дополнительный вариант; в *ВВ₆* позднейшее исправление из первоначального: Оставя глас в казенном прахе; в *Сем* исправлено как в тексте.

² В *Гуд* с ошибкой: Твоей, Германия, он вечной тенью был

³ В *Якуш* позднее исправлено как в тексте.

⁴ В *Сем* исправление в копии, первоначально было как в тексте.

⁵ В *N₂* с искажением: Грозя бедой державной силе в самом прахе

⁶ В *Лон—Полт* рукой С. Д. Полторацкого исправлено как в тексте.

⁷ Заглавие и следующая далее запись ст. 1 в *Кап* позднее вычеркнуты карандашом, возможно, не пушкинской рукой.

〈НА КАЧЕНОВСКОГО〉

(«Хаврониос! ругатель закоснелый...»)

(С. 28)

Первоначальные варианты автографа

(ПД 830, л. 8)

- Заглавие* Эпиграмма¹
- 1—2 а. Угрюмый враль, невежда закоснелый
В грязи, в пыли, в презренности поседелый
- б. Угрюмый враль, невежда поседелый
В грязи, в пыли, в презренности закоснелый
- в. Хаврониос! ругатель закоснелый
В пыли бумаг, в презренности поседелый
- 3 Уймись, мой друг², к чему [безу(мный ?)] напрасный шум
- 5 Каналья зол, с улыбкой скажет Глупость.

«ОСТАВЯ ЧЕСТЬ СУДЬБЕ НА ПРОИЗВОЛ...»

(С. 29)

Варианты автографа Ав₁

(ПД 833, л. 4 об.)

- 2 ..... живая жертва фурий
- 4 а. *Начато*: И вдруг беда; грызет
- б. *Как в тексте*.
- 6 Она больна, глаз пухнет понемногу,
- 7—8 Вдруг лопнул он; что ж дама³ — слава Богу
Все к лучшему вот лишняя дыра!

«ИНОЙ ИМЕЛ МОЮ АГЛАЮ...»

(С. 30)

Вариант автографа Ав₁

(ПД 1261, л. 11 об.)

- 7 Скажи теперь, моя Аглая,
Запись в Кап (по изд.: Майков. Автографы П.)
Эпигр(амма). Иной имел мою Данаю (а не Аглаю)³

¹ Позднее, когда ниже на листе были приписаны две другие эпиграммы («Когда б писать ты начал сдуру...» и «Как брань тебе не надоела?...»), исправлено на общее заглавие: Эпиграммы

² Слово: друг написано поверх ошибочно начато: к (чему?)

³ Вся запись зачеркнута.

«КОГДА Б ПИСАТЬ ТЫ НАЧАЛ СДУРУ...»

(С. 31)

*Варианты автографа**(ПД 830, л. 8)*

- Заглавие* Эпиграммы¹
- 3 а. Сквозь нашу узкую цензуру
б. *Как в тексте.*

«КАК БРАНЬ ТЕБЕ НЕ НАДОЕЛА!..»

(С. 32)

*Варианты автографа**(ПД 830, л. 8)*

- Заглавие* Эпиграммы²
- 1 Как брань тебе не надоела?³
- 3 а. Я не бездельник хоть без дела,
б. Ты прав. Я празден я без дела,
в. Ну так? Я празден я без дела
- 4 а. *Как в тексте.*
б. Но ты бездельник деловой.
в. *Как в тексте.*

К(АТЕНИ)НУ**(«Кто мне пришлет ее портрет...»)**

(С. 34)

Предположительный текст первой редакции³

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт,
Любил пленительные взоры,
Волшебный голос, остроту,

¹ Общее со стихотворениями «(На Каченовского)» («Хаврониос! ругатель закоснелый...») и «Как брань тебе не надоела?..».

² Общее со стихотворениями «(На Каченовского)» («Хаврониос! ругатель закоснелый...») и «Когда б писать ты начал сдуру...».

³ Реконструируется по копии Вязь, по всей видимости снятой с листа, вырванного из тетради ПД 833 между л. 4 и 5, на обороте которого находился текст ст. 1—14 белового автографа стихотворения, и по беловому автографу ст. 15—20 на л. 5 тетради ПД 833.

Улыбку, душу, разговоры,
 Но оскорбил я красоту.
 Когда она блистала славой
 10 В дыму торжественных кадил,
 С досады, может быть, неправой
 Я свистом гимны заглушил.
 Погибни мести миг единый,
 Погибни лиры ложный звук!
 Она виновна, милый друг,
 Пред Мельпоменой и Мойной.
 Так легкомысленной душой,
 О боги! смертный вас поносит,
 Но скоро трепетной рукой
 20 Вам жертвы новые приносит.

Черновой автограф¹
 (ПД 830, л. 61—61 об.)

8 Но оскорбил я красоту²
 9—12 А а. В досаде ( ) несправедливой
 б. ( ) [не( )(?)] преступной³
 в. *Начато*: [И] Я виноват⁴
 з. В досаде⁵, может быть, неправой
 Б а. Когда ( ) Заиры славой
 б. Когда ( ) блистая славой
 ( ) В чаду кадил —⁶
 В досаде, может быть, неправой
 В Когда ( ) блистая славой,⁷
 В дыму ( ) кадил

¹ Ст. 8—16 первой редакции.

² Начало работы над стихотворением ориентировано на последние, не получившие продолжения и большей частью зачеркнутые стихи первого чернового автографа стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...» на смежном листе тетради (л. 60 об.):

[И я любил их острогу]
 [Веселый ум и разговоры]
 Любил улыбку, нежны(?) взоры

³ Стих был дважды начат с недописанной прописной буквы.

⁴ Возможно, на этом этапе работы над фрагментом в нижнем правом углу листа были сделаны записи-заготовки, в дальнейшем неиспользованные и зачеркнутые:

( ) напрасно увлечен
 ( ) преступной упоен —
 ( ) забыв(?)

⁵ В автографе с опiskой: доаде

⁶ Первые два стиха фрагмента были зачеркнуты, работа над ними (варианты В, Г) продолжена ниже на листе, под стихом: В досаде, может быть, неправой

⁷ Выше на листе у зачеркнутого варианта Б записана поправка к этому стиху: Когда она

- В досаде, может быть, неправой¹
 Хвалы я свист(ом) загл(ушил)
- Г Когда (она) блистала славой,
 а. В дыму пылающих² кадил
 б. При звуках лир, в дыму кадил
 в. При гласе лир, в дыму кадил
 з. В венце любви в дыму кадил
 В досаде, может быть, неправой
 Хвалы я свист(ом) загл(ушил)
- 13—16 А а. *Начато*: Я виноват пред
 б. Я виноват ( )
 Пред Мельпоменой и Моинной —
- Б Я проклял мести миг — ( )
 И лиру ( ) разбил
 Она виновна ( )
 Пред Мельпоменой и Моинной —
- В а. Погибни мести миг — ( )
 б. ( ) миг единый
 з. Погибни мести миг единый
 а. [Раз( )] И лиры ( ) звук —
 б. Погибни лиры лживой звук —
 в. И дерзкой лиры лож(ный) звук —
 Она виновна ( )
 а. Перед Т( )³ и Моинной —
 б. Пред Мельпоменой и Моинной —

Варианты белого автографа
 (ПД 833, л. 5)⁴

- 12 Пред Мельпоменой и Моинной.
 15 Но скоро трепетной рукой
 Под текстом 5 апр(еля)

Варианты Кап

(по изд.: Майков. Материалы; Томашевский. Новые материалы)

Заглавие	К К.
Помета	
у заглавия	а. 1823 б. 1824

¹ Перенос сюда этого стиха, расположенного выше на листе, обозначен записью: В досаде м. б. (м. исправлено из начатого: б(ыть)(?)).

² В ходе дальнейшей работы слово: пылающих осталось незачеркнутым.

³ Начатая и сразу отмененная правка.

⁴ Предыдущий лист с началом стихотворения утрачен; сохранившиеся стихи соответствуют ст. 15—20 предположительно реконструируемого текста первой редакции и соответственно ст. 11—16 текста печатной (второй) редакции.

- в. 1821
12 Пред Мельпоменой и Мойной.

Варианты Ст 1826 и Ст 1929

Заглавие

	К***ну	Ст 1826, Ст 1829
	К***ну. 1821	Ст 1826 (в оглавлении)
5	С досады, может быть, напрасной, ¹	Ст 1826
12	Пред Мельпоменой и Мойной.	Ст 1826

«ХОТЬ, ВПРОЧЕМ, ОН ПОЭТ ИЗРЯДНЫЙ...»

(С. 35)

*Первоначальная редакция (текст белого автографа до правки)
(ПД 833, л. 5)*

ЭПИГРАММА

Ты прав: хоть он поэт изрядный,
Людмилин человек пустой;
Но ты, мой князь, мой шут нарядный,
Ты полон — глупости двойной,
Затем что полон сам собой.

Правка по тексту белого автографа

- 3 а. А ты, мой князь, мой шут нарядный
б. А ты (   ) шут нарядный
4—5 Ты вечно полон сам собой
Ты полон — глупости большой.²

*Варианты Кап (по изд.: Майков. Автографы П.;
Майков. Материалы; Ефр. 1880)*

<i>Заглавие</i>	Эпиграмма	<i>Майков. Автографы П.</i>
1—2 а.	Эмилий человек пустой, Хоть впрочем он поэт изрядный	
	б. <i>Как в тексте.</i>	<i>Майков. Автографы П.</i>
3 а.	А ты чем полон, шут нарядный? ³	
	б. <i>Как в тексте.</i>	<i>Майков. Автографы П.</i>
5 а.	Ты полон глупости большой.	
	б. <i>Зачеркнуто.</i>	<i>Майков. Автографы П.</i>

¹ По-видимому, ошибка, допущенная при составлении ЦР и оттуда перешедшая в печатный текст.

² После правки весь текст, кроме заглавия, был перечеркнут крест-накрест.

- 5 Ты полон глупости большой.
 6. *Как в тексте.* Майков. Материалы
 5 а. Ты полон глупости большой.
 6. Ты полон глупости большой.
 Или — Ты полон дряни, милый мой.¹ Ефр. 1880

ЭПИГРАММА

(«В жизни мрачной и презренной...»)
 (С. 36)

Первоначальные варианты автографа
 (ПД 830, л. 8 об.)

Заглавие	Отсутствует.
3	Начато: Долго все четыре
8	Начата неразборчивая первая заглавная буква

Ч(ААДАЕ)ВУ

(«В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»)
 (С. 37)

Первая редакция (по СО)²

К Ч(ААДАЕ)ВУ

- В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
 Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
 Где слава для меня предмет заботы малой,
 Тебя недостает душе моей усталой.
 Врагу стеснительных условий и оков,
 Нетрудно было мне отвыкнуть от пиров,
 Где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет
 И правду пылкую приличий клад объемлет.
 Оставя шумный круг безумцев молодых,
 10 В изгнании моем я не жалел об них.
 Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
 Врагов своих предал проклятию забвенья
 И, сети разорвав, где бился я в плену,
 Для сердца новую вкушаю тишину.
 В уединении мой своенравный гений
 Познал и тихий труд, и жажду размышлений.

¹ «Таким образом, по Ефремову выходит, что Пушкин ничего не вычеркивал и отдал оба варианта на выбор брату» (Гомашевский. Новые материалы. С. 864).

² Цензурные купюры и редакционные замены в тексте СО (ст. 12, 54—55, 82), а также фамилия Шеппинга в ст. 84 восстанавливаются по беловому автографу.

Владею днем моим; с порядком дружен ум.
 Учусь удерживать вниманье долгих дум,
 Ищу вознаградить в объятиях свободы
 20 Мятёжной младостью утраченные годы
 И в просвещении стать с веком наравне.
 Богини мира, вновь явились музы мне
 И независимым досугам улыгнулись,
 Цевницы брошенной уста мои коснулись;
 Старинный звук меня обрадовал — и вновь
 Пою мои мечты: природу, и любовь,
 И дружбу верную, и милые предметы,
 Пленившие меня в младенческие лета,
 В те дни, когда, еще незнаемый никем,
 30 Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
 Я пеньем оглашал приют забав и лени
 И царскосельские хранительные сени.

Но дружбы нет со мной: печальный, вижу я
 Лазурь чужих небес, полдневные края;
 Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
 Ничто не заменит единственного друга!
 Ты был целителем моих душевных сил;
 О неизменный друг! тебе я посвятил
 И краткий век, уже испытанный судьбою,
 40 И чувства, может быть спасенные тобою.
 Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
 Ты видел, как потом в волнении страстей
 Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
 В минуту гибели над бездной разъяренной
 Ты поддержал меня недремлющей рукой,
 Ты другу заменил надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгим взором,
 Ты оживлял ее советом иль укором;
 Твой жар воспламенял к высокому любовь;
 50 Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
 Уж голос клеветы не мог меня обидеть:
 Умел я презирать, умея ненавидеть.
 Что нужды было мне в торжественном суде
 Холопа знатного, невежды (при) звезде
 Или философа, который в прежни лета
 Развратом изумил четыре части света,
 Но, просветив себя, загладил свой позор:
 Отвыкнул от вина и стал картежный вор?
 Оратор Лужников, никем не замечаем,
 60 Мне мало досаждал своим безвредным лаем.
 Мне ль было сетовать о толках шалунов,
 О лепетаньи дам, зоилов и глупцов

- И сплетней разбирать игривую затею,
 Когда гордиться мог я дружбою твоею?
 Благодарю богов! прешел я мрачный путь;
 Печали ранние мою теснили грудь,
 К печалям я привык, расчелся я с судьбою
 И жизнь перенесу стоической душою.
 Одно желание: останься ты со мной!
 70 Небес я не томил молитвою другой.
 О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
 Когда соединим слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привет?
 Как обниму тебя!.. увижу кабинет,
 Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
 И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.
 Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
 С тобою вспоминать беседы прежних лет,
 Младые вечера, пророческие споры,
 80 Знакомых мертвецов живые приговоры;
 Посмотрим, перечтем, посудим, побраним,
 Вольнолюбивые надежды оживим,
 И счастлив буду я; но только, ради Бога,
 Гони ты <Шепинга> от нашего порога!

Черновой автограф¹
 (ПД 831, л. 26 об.—29)

- 1 В стране, где я забыл тревоги прежних лет
 2 а. Где прах Овидия пустынный мой сосед
 б. Где прах Овидия в пустыне² мой сосед
 в. Где прах Овидия пустын(ный) мой сосед
 3 а. Где Слава для меня предмет заботы малой
 б. Где для меня Молва — предмет заботы малой
 4 Тебя недостает душе моей усталой —
 [Чедаев]³
 Между 4 и 5 А а. Начато: Тебя мой первый друг
 б. Начато: Прекрасная душа⁴
 в. Высокий < > и просвещенный ум —⁵

¹ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

² В ходе дальнейшей работы над стихом Пушкин вернулся к первоначальному варианту; при этом окончание слова: пустыне осталось неисправленным.

³ Далее на листе шла работа над ст. 5—8. В ходе этой работы была намечена вставка между ст. 4 и 5, наброски которой расположены на смежном листе. Место этой вставки на каком-то этапе было обозначено вписанными над зачеркнутым словом: Чедаев словами: Чедаев верный друг —, а также фигурной скобкой, прочерченной поперек первоначальных черновых вариантов ст. 5—8.

⁴ Следующий вариант стиха предваряли наброски начала отдельных слов: [В] [П] [Сре(ди?)]. Слово: душа при дальнейшей работе над стихом осталось невычеркнутым.

⁵ В ходе дальнейшей работы над стихом вариант остался невычеркнутым. Далее следуют зачеркнутые наброски отдельных слов: [мне] [кот < >]. По-видимому, к ра-

- г. *Начато*: На жизненном
 д. В печалях ( ) дарованный Судьбо(ю)
 е. *Начато*: [Тобою(?)] Мне ( ) (нрзб)
 ж. *Начато*: Тебя ( ) чьей
 з. Тебя ( ) чья верная рука
 а. *Начато*: Простерта мне была и в
 б. Простертая всегда в минуты [(нрзб)] тайной
 в. Простертая всегда в часы печали тайной
 г. Простерта ( ) была давно ( ) [время]¹
 В а. Тебя, спасителя моих душевных сил
 б. Тебя, хранителя моих душевных сил
 Тебя которому давно я посвятил
 а. И жизнь [(нрзб)] ( ) и дух недвижимый [под] пред
 суд(ьбою)
 б. *Начато*: И жизнь
 в. И жизнь (нрзб) испыт(анный) судьбою
 а. И чувства [(начато нрзб)] ( ) спасенные тобою,
 б. И чувства [гордые] чистые спасенные тобою,²
 5—8 А а. Не трудно было мне отвыкнуть от пиров³
 б. [Не тр( )] Не трудно было мне оставить шум пиров⁴
 а. Где блещет праздный ум тогда как сердце дремлет —
 б. Где блещет хладный ум тогда как сердце дремлет —
 в. Где блещет праздный ум тогда как сердце дремлет —⁵
 а. *Начато*: [Отвы( )] Отвыкнуть от бесед где
 б. *Начато*: От ветреных бесед где
 В а. *Начато*: Оставя праздный(?) свет(?), отвыкнув
 б. Оставя праздный(?) свет(?) и праздный шум (пиров)
 а. *Начато*: Не трудно было
 б. Вдали ( ) глупцов
 в. Вдали ( ) безумцев ( )
 г. Вдали невежества безумства и врагов
 д. Вдали предательства безумства и врагов
 е. Вдали предателей безумства и врагов⁶
 Где правды нет ( )⁷ и чувства ( )
 Где блещет праздный ум тогда как сердце (дремлет)
 В Не трудно⁸ было мне отвыкнуть от (пиров)

боте над стихотворением относятся также наброски, записанные выше на листе, непосредственно под черновым наброском «Теснится средь толпы еврей сребролюбивый...»: [Мне] Мне стали чувства(?) Она

¹ В ходе дальнейшей работы над стихом вариант остался невычеркнутым.

² Далее сделана запись, отсылающая к ст. 5—8: Не трудно было

³ Над словами: от пиров был намечен параллельный вариант конца стиха: от бесед

⁴ Незачеркнутый вариант.

⁵ Незачеркнутый вариант; в ходе дальнейшей работы над фрагментом (вероятно, на стадии варианта Г) слово: Где было зачеркнуто и заменено на: И

⁶ Ниже у правого края листа повторена уже употребленная ранее сложившаяся формула: отвыкнуть от пиров

⁷ На оставленном месте позднее вписано неразборчивое слово.

⁸ В автографе описка: тродно

- Где сердца(?) [*начато нрзб*] жар [*начато нрзб*]
смешон для ветрен(ых) глупцов
Где блещет праздный ум тогда как сердце дремлет
- а. *Начато*: Где жар душ(евн)ый
б. *Начато*: Где правды нет где¹
в. Где <   > смешон где чувства хлад² объем(лет)!
- Г Не трудно было мне отвыкнуть от (пиров)
Где сердца(?) жар смешон для ветрен(ых) глупцов
- а. Где правду пылкую невольный хлад (объемлет)
б. И правду пылкую приличий хлад (объемлет)
И блещет праздный ум тогда как сердце дремлет
- Между 8 и 9 а. От ветреных бесед безумцев и врагов
б. От ветреной толпы безумцев и врагов
<   >
а. [Мне в( )] Мне <   > мне собеседник верный
б. Мне <   > мне лучший собеседник
в. Мне их не жаль <   > — мне лучший собеседник
г. Мне право их не жаль — мне лучший собеседник
- Вм. 9—14 А Оставля милые быть может заблужденья³
а. *Начато*: Я не жалел об них
б. [Врагов] И <   > проклятием забвенья⁴
- Б а. *Начато*: [Товарищи] [Вы мной(?)] Забыты может
б. *Начато*: Со мной расстался(?)
в. Безумцев [молодых] веселая семья,⁵
Вы мной покинуты веселые (друзья)
Вздохнув оставил я другие заблужденья —
- а. *Начато*: Быть
б. И я предал <   > проклятию забвенья —
в. И предал я врагов⁶ проклятию забвенья —
- 15—16 А а. *Начато*: Но ты
б. В уединен(и)и⁷ вольнее вольный Гений
в. В уединен(и)и вольнее жизни Гений,
<   > и жажда размыслен(ий)⁸
- Б а. В уединении узнает <   > Гений,
б. В уединении мой своенравный Гений,
Познал и тихий труд и жажд(у) размыслен(ий)

¹ Рядом записана сложившаяся формула, использованная позднее: ленивый наблюдатель (ср. в ст. 76: недвижимый наблюдатель).

² Слово: хлад зачеркнуто и повторено над строкой.

³ Незачеркнутый вариант.

⁴ В междустрочном пространстве записаны, по-видимому, наброски начала первого полустихия: [Враго(в)] [Покинув] [Врагов] [Друзья] [Товарищи]

⁵ Над словами: Безумцев молодых записано зачеркнутое слово: Парнаса, по-видимому, также возникшее в связи с работой над этим стихом.

⁶ Слова: я врагов дважды вычеркивались и восстанавливались.

⁷ В автографе: В уединеньи

⁸ В автографе, по-видимому, описка: размысленія; в ходе дальнейшей работы над стихом окончания обоих слов остались неизменными.

- 17—20 А *Начато:* Владею днем моим; то
Начато: Внимаю долгих дум
- Б а. Владею днем моим; стараюсь находить
б. Владею днем моим; <   > установить
Вниманье долгих дум — хочу вознаградить —
<   > утраченное время
- В а. Владею днем моим; <   > ленится(?) ум
б. Владею днем моим; в покое(?) зреет ум
в. Владею днем моим; в порядке зреет ум
г. Владею днем моим; [в] порядке <   > ум
а. Учусь [удерж(ивать)] остановить(?) вниманье важных дум —
б. Учусь удерживать вниманье важных дум —
Ищу вознаградить в объятиях свободы —
[Беспечной] Мятежной младостью утраченные годы
- 21 а. *Начато:* И знания
б. И в просвещенье¹ стать уж с веком наравне —
- 22—24 А *Начато:* Здесь музы² иногда в
Начато: Мне улыба(лись)
- Б <   > — и снова музы мне³
а. <   > улыгнулись —
б. Богини мирные, [в] <   > улыгнулись —
К цевнице брошенной уста мои коснулись —
- В а. *Начато:* Богиня мирная
б. Богин(и) мира вновь явил(и)сь⁴ музы мне
Моим увенчанным досугам улыгнулись —
Цевницы брошенной уста мои коснулись —
- 25—26 а. *Начато:* [Я вновь] И долго
б. <   > нашел я звуки вновь
в. В забытом <   > нашел я звуки вновь
[Которым] [котор< >]
г. И разбудив <   > уснувший⁵ звук и вновь
д. Дыханьем разбудив уснувший звук и вновь
е. Будить я <   > уснувший звук и вновь
ж. Нашел <   > уснувший звук и вновь
Воспел мечты мои [Геройство] Природу⁶ и любовь
- 27 а. *Начато:* [Когда] Когда
б. Мне Царского Села <   > предметы
в. И царскосельские волшебные предметы
г. И дружбу сладкую и милые предметы
- 28 а. Которые меня пленяли в прежни лета
б. Которые любил в младенческие лета

¹ По-видимому, исправлено из первоначального: И с просвещеньем

² Исправлено из первоначального: музу

³ При дальнейшей правке слова: музы мне остались незачеркнутыми и были использованы в варианте В.

⁴ В автографе: Богиня мира вновь явилась

⁵ Заменено на: умоляющий(?); потом восстановлено: уснувший

⁶ Слово: Природу зачеркнуто и восстановлено.

- 29—32 А в. Которые меня пленяли в прежни лета
 а. Когда в тиши < > незнаемый никем¹
 б. Когда во тьме дубрав незнаемый никем
 в. В те дни когда еще незнаемый никем²
 < >
 а. Я Царского Села любил живые тени
 б. Я Царского Села искал живые тени
 в. Я Царского села будил густые тени
 г. Я Царского села будил густые сени
 д. Я Царского села будил³ уснувши(?) тени
 Б а. [В те(?)] Когда еще судьбы язык во мне был нем(?)⁴
 б. Когда язык судьбы еще < > был нем
 в. Когда судьбы язык еще < > был нем
 г. [В] Когда суровый [*начато нрзб*] < > был скрыт и нем⁵
 д. В те дни когда еще незнаемый никем
 а. [Но] < > [*нрзб*] без цели и систем —
 б. Не зная ни забот ни цели, ни систем⁶
 а. *Начато*: [Но] И счастливый
 б. < > поклонник муз и лени
 в. < > во славу муз и лени
 г. Беспечный юноша поклонник⁷ муз и лени
 д. < > приют небрежной лени⁸
 е. Я пеньем оглашал [приют] обитель мирной лени
 И Царского Села хранительные сени.
 33—36 А а. *Начато*: Что
 б. Но дружбы нет со мной — напрасно вижу я
 в. Но дружбы нет со мной — напрасно видел я
 а. Страны < > роскошные⁹ поля
 б. < > брег(?) < > иль поля
 в. Лазурный неба < > веселые поля
 г. Лазурь небес других веселые поля
 а. И моря шумного¹⁰ < > равнину

¹ В месте работы над ст. 29—32 автограф очень запутан и местами переходит в трудночитаемую скоропись; ряд вариантов и чтений приводится предположительно.

² Незачеркнутый вариант, к которому Пушкин вернулся в ходе дальнейшей работы над стихом (см. вариант Б).

³ Ниже слова: будил *начато* и *зачеркнуто* неразборчивое слово.

⁴ Стиху предшествовали наброски отдельных слов: [когда] [отроком(?)] отрок(?)

⁵ Рядом зачеркнутые наброски отдельных слов: [Гр< >] [*начато нрзб*] [Рим(?)]

⁶ Этот вариант стиха, ставший окончательным, сначала намечен в соответствующем месте текста: Не зная ни забот ни; затем записан полностью разборчиво внизу листа.

⁷ Слово: поклонник осталось невычеркнутым.

⁸ Выше записано зачеркнутое неразборчивое слово; слово: лени написано поверх другого неразобранного слова.

⁹ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: роскошные было зачеркнуто и восстановлено. Правка правого и левого полуступишия в ходе дальнейшей работы над стихом не поддается точной синхронизации и дана нами предположительно.

¹⁰ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: шумного было зачеркнуто и восстановлено.

- б. И моря шумного суровое волнение
 а. [Ничто] Напрасно мне < > уединенье —
 б. Напрасно знаю < > уединенье —
 в. Напрасно < > уединенье —
- Б Но дружбы нет со мной; напрасно вижу¹ я
 Лазурь чужих небес, роскошные края,
 а. Напрасно < > ласкает вдохновенье
 б. < > ни радости досуга
 в. Ни тихие(?)² труды ни радости досуга
 г. Ни музы <ни> труды ни радости досуга
 а. Ничто³ не заменит в разлуке < > друга!..
 б. Ничто не заменит в разлуке долгой друга!..
 Ты был <хранителем моих душевных сил>
 О ты <которому давно я посвятил>⁴
- Вм. 37—40
- Вм. 41—46 А а. *Начато*: Ты сердце знал мое — ты для
 б. *Начато*: Ты знал < > меня — ты
 в. *Начато*: Ты сердце знал мое — ты помнишь
 г. Ты сердце знал мое во цвете юных дней —
 а. *Начато*: [Ты видел] Ты помнишь < > в волнении и
 б. Ты помнишь милый(?) друг(?) в волнении страстей
 [И] [<Нрзб>] Я гибнул наконец страдалец одинок(ий)⁵
- Б Ты сердце знал мое в волнении страстей
 Ты [пом(нишь)] виде(л) милый друг когда во цвете <дней>⁶
 < >
 а. Ты заменил⁷ один и Славу и покой
 б. Ты заменил один мне < > и покой
 в. Ты сердцу заменил Надежду и покой
 [Т< >] Ты поддержал меня надежною рукой
 В минуту гибели над бездною глубокой
 а. *Начато*: [Пр< >] И при тебе забыл
 б. И муку забывал страдалец одинокий
 в. И муку забывал < > жестокой(?)⁸
- 47—48 А а. Ты проникнул в меня < > взором

¹ Исправлено из первоначального: видел

² Слово: тихие(?) вписано. При дальнейшей правке вместе со словом: тихие(?) была по ошибке вычеркнута и частица: ни

³ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: Ничто было зачеркнуто и восстановлено.

⁴ Начальными словами этих двух стихов, по-видимому, обозначен перенос сюда четырех стихов, записанных ранее в несколько ином варианте между ст. 4 и 5 (см. выше). Далее в автографе записаны ст. 51—52, отделенные от предыдущего и последующего текста горизонтальными штрихами.

⁵ Незачеркнутый вариант.

⁶ Вариант записан на левом поле листа; ниже, здесь же на полях, записи, вероятно сделанные в ходе работы над фрагментом: [Ты слышал как] [жестокости(?)] (это слово было восстановлено и снова вычеркнуто) стр(астей?)

⁷ В ходе дальнейшей работы над стихом был намечен параллельный вариант: заменил, от которого впоследствии Пушкин отказался.

⁸ Далее в автографе следуют ст. 49—50; наброски ст. 47—48 записаны после них ниже на листе.

- б. < > зорким взором
в. < > строгим Дружбы взором
з. < > зорким Дружбы взором
Начато: И строгий твой укор, и
- Б а. Ты ободрял меня < > укором
б. Ты [друга] оживлял советом иль укором
Ты оживлял его < > взором
- 49—50 а. Надежда гордая во мне рождалась вновь
б. Свобода смелая во мне рождалась вновь
в. [<Нрзб>] Терпенье смелое во мне рождалось вновь
а. < > к высокому любовь
б. [Уж меньше] [Уж тише] Твой жар воспламенял к высокому
любовь¹
- 51—52 а. Уж² голос клеветы меня не мог обидеть
б. И шопот клеветы меня не мог обидеть
в. Уж голос клеветы меня не [мог] обидеть
а. О как³ я презирал умея ненавидеть
б. Умел я презирать умея ненавидеть
- 53—58 Что нужд(ы было)⁴ мне в торжественном суде⁵
а. Холопа знатного — в бесчестьи и звезде —
б. Холопа знатного — в Андреевской звезде —
а. [Того] Или клеветника который в прежни лета
б. Или философа который в прежни лета
[Развратом] изумил четыре части <света>
Но сердце просветив загладил свой позор
< > и теперь картежный толь(ко вор)
Отсутствуют.
- 59—64
65 а. Благодарю богов — прешел я страшный путь
б. Благодарю богов — прешел я тяжкий путь
- 66 а. Печали ранние мою терзали грудь —
б. Печали ранние мою теснили грудь —
- 67—68 а. Начато: К страданьям я привык — и <начато нрзб>⁶
б. К страданьям я привык в стоическом боренье
в. К печаям я привык < > самим собою

¹ Далее сделана отсылка к ст. 51—52, записанным в автографе выше, перед стихами, соответствующими ст. 41—46: Уж голос кл(еветы)

² Исправлено из первоначального: И

³ Заменено на: Тогда; потом восстановлено: О как

⁴ В автографе с опiskeй: Что нуждо

⁵ Ст. 53—58 записаны в конце автографа, после стихов, соответствующих ст. 81—82, и отделены от них горизонтальным штрихом.

⁶ Правка правого и левого полустишия в ходе работы над стихом не поддается точной синхронизации и дана предположительно. Работа над ст. 67—68 велась вверху л. 29; в ходе ее на смежной странице (л. 28 об.) наискосок, рядом со ст. 37—38 было записано еще три варианта, по всей вероятности относящихся к ст. 67:

а. < > глядел я [как] точный стоик, —

б. [И бы(л)<?>] < > был скорбный < >

в. Начато: Он был путем скорбей

Варианты «а», «в» остались незачеркнутыми.

2. К печалям я привык я прав перед судьбою
 д. К печалям я привык и новые <   >
 е. К печалям я привык расчелся я с судьбою
 Я жизнь перенесу стоической душою
- 69 а. На жизненном пути останься ты со мной
 б. На жизненном пути останься век со мной
- 70 а. *Начато:* Богов
 б. Богом не докучу молитвою другой — —
 в. Богом не докучу я <   > — —
 2. Небес я не томил молитвою другой — —
- 71 а. *Начато:* О ты
 б. *Начато:* Поклонник Истины
 в. Но скоро ли мой друг забыв <   > разлуки
 2. Но скоро ль милый друг настанет срок разлуки
- 72 а. И мы соединим <   > [речь] <   > руки —
 б. Когда соединим и сердца речь и руки —
 в. Когда соединим и на<шу><?> речь и руки —
- 73 а. Когда услышу я твой <   > привет?²
 б. Когда услышу твой<?> <   > привет?²
 в. Когда услышу я сердечный твой привет?²
- 74 а. Когда с <   > твой поэт
 б. *Начато:* [Обни< >] Обнимешь ты меня —
 в. *Начато:* Увижу я
 2. <   > твой мирный кабинет —
 д. Увижу милый друг, твой мирный кабинет —
 е. Увижу милого — и тихий кабинет
 ж. Увижу милого — я <нрзб> кабинет
 з. Увижу милого — увижу кабинет
- 75 а. Где ты <   > мудрец а иногда мечтатель —
 б. Где ты всегда мудрец а иногда мечтатель —
- 76 а. И ветреной толпы <   > наблюдатель;
 б. И ветреной толпы свободный наблюдатель;
 в. И ветреной толпы недвижимый наблюдатель;
- 77—78 А а. Приду вспоминать [тревоги прежних] минуты прежних лет
 б. С тобой вспоминать минуты прежних лет
 Б Приду приду <   > мой милый домосед
 а. <   > вспоминать минуты прежних лет
 б. С тобой вспоминать минуты прежних лет
- 79 а. [Забот< >] <   > разговоры
 б. <   > наши споры
 в. <   > заботы, наши споры
 2. Младые вечера, беседы наши, споры
- 80 а. Знакомых мертвецов живые разговоры —¹
 б. И древних мертвецов живые приговоры —
 в. И славных мертвецов живые приговоры —

¹ ПРАВКА ПРАВОГО И ЛЕВОГО ПОЛУСТИШИЯ В ХОДЕ РАБОТЫ НАД ЭТИМ СТИХОМ НЕ ПОДАЕТСЯ ТОЧНОЙ синхронизации и дана предположительно.

- Вм. 81—82 Вольнолюбивые надежды оживим —
 а. И ближних ( ) побраним — —
 б. И ближнего ( ) побраним — —
 в. Осудим ближнего и (нрзб) побраним — —
 г. [Обсудим ближнего] другого(?) побраним — —
 83—84 Посудим обо всем поспорим обо всем
 Отсутствуют.¹

Варианты белого автографа²
 (ПД 833, л. 5 об.—7об.)

- Заглавие К Чедаеву
 17—18 а. Учусь удерживать вниманье долгих дум,
 Владею днем моим; с порядком дружен ум.
 б. Как в тексте.
 29 В те дни, когда еще неведомый никем
 32 И Царского села хранительные сени.
 33 а. Но дружбы нет со мной. Напрасно видел я
 б. Как в тексте.
 34 а. Лазурь чужих небес, роскошные поля
 б. Как в тексте.
 43—44 а. Я тайно изнывал, страдалец одинокий.
 В минуту гибели над бездно³ глубокой
 б. Я тайно изнывал, страдалец утомленный.
 В минуту гибели над бездно(й) разъяренной
 в. Я тайно изнывал, страдалец утомленный.
 В минуту гибели над бездно(й) потаенной⁴
 45—46 а. Ты поддержал меня надежною рукой;
 Ты другу заменил и славу и покой;
 б. Как в тексте.
 48 Ты оживлял его советом иль укором.
 54 а. Холопа знатного, грабителя в звезде⁵
 б. Холопа знатного, невежды (при) звезде
 60 Мне мало досаждал своим осиплым лаем.
 53—60 Вычеркнуто.⁶
 63 И сплетьеь разбирать игривую затею;⁷

¹ После стиха: Посудим обо всем поспорим обо всем следует разделительный горизонтальный штрих; далее записаны ст. 53—58, место которых в общей композиции стихотворения на этом этапе работы, возможно, еще не было определено.

² Нумерация стихов по тексту первой редакции.

³ При правке стиха окончание слова: бездною осталось неизменным.

⁴ Позднейшая (вероятно, марта 1825 г.) правка.

⁵ При последующей правке предлог: в остался неизменным.

⁶ Позднейшая (вероятно, марта 1825 г.) правка.

⁷ Ст. 61—64 первоначально в автографе отсутствовали (вероятнее всего, были пропущены по ошибке); они записаны на л. 7 об. после текста послания; место вставки обозначено условным значком.

- 64 а. Когда утешен был я дружбою твоею?
б. Как в тексте.
- 67 а. К печали я привык; расчелся я с судьбою
б. Как в тексте.
- 69 а. Одно желание: останься век со мной!
б. Как в тексте.
- 76 а. И ветреной толпы холодный наблюдатель.
б. Как в тексте.
- 78 а. Начато: С тобой
б. Как в тексте.
- 79 а. Младые вечера, взыскательные споры
б. Младые вечера, чувствительные споры
в. Как в тексте.
- 84 Гони ты Шепинга от нашего порога.
Под текстом 6 апреля
1821.
Кишенев.

Разночтения СО

- Заглавие К Ч—ву
Вм. 12 Строка точек.¹
Вм. 54 Строка точек.²
55 Глупца³ философа, который в прежни лета
82 Отсутствует.⁴
84 Гони ты *** от нашего порога!
Под текстом Кишенев. 20 Апреля 1821.

Разночтения Ст 1826 и Ст 1829⁵

Заглавие	Ч***ву	Ст 1826, Ст 1829
Заглавие	Ч***ву. 1821	Ст 1826 (в оглавлении)
Между		
52 и 53	Строка точек. ⁶	Ст 1826
74	Отсутствует. ⁷	Ст 1826, Ст 1829
76	Гони ты *** от нашего порога!	Ст 1826
76	Гони ты *** от нашего порога.	Ст 1829

¹ По-видимому, цензурная купюра.

² Цензурная купюра.

³ Редакционная замена, вызванная пропуском ст. 54.

⁴ Цензурная купюра.

⁵ Нумерация стихов по основному тексту.

⁶ К этой строке дано примечание под номером 9 в конце книги (с. 191): Все пропуски в стихотворениях, означенные точками, сделаны самим автором.

⁷ Цензурная купюра.

К МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЕ

(«Подруга думы праздной...»)

(С. 39)

Черновой набросок

(ПД 831, л. 23 об.)

- А Стихи без принужд(енья)
Начато: Рождались и с
С чернильной струею
- Б [Плоды]
Стихи без принужденья
Рождались и текли
С чернильной струею
- В Стихи собою шли
Волнист(ыми) струями
Рождались и текли
- Г Стихи ( )
Рождались и текли
- а. Начато: [Пиров] [Н(?)] И (начато нрзб)
- б. Начато: Стих(и ?)
- в. Начато: И девы
- г. И девы их прочли
- д. И робкие девицы
( ) небылицы
Украдкою прочли
- Д Стихи ( )
Рождались и текли
И ( ) девицы
( ) небылицы
- а. От матерей украдкой
- б. С улыбкою (прочли)¹
Их легкие страницы

Первоначальные варианты белого автографа

(ПД 831, л. 31 об.—33 об.)

Заглавие	Отсутствует.
4	С тобою тратил я —
5	Начато: Ч(?)
9	а. Как в тексте.
	б. Под сенью хаты темной
18—20	а. Носился над тобой ²

¹ Слово: прочли, вычеркнутое при записи варианта «а», осталось в автографе невосстановленным.

² Слово: тобой в ходе последующей правки осталось неизменным.

- И с трепетом живым
За¹ дымной пеленой
- б. Носился над тобо⟨ю⟩
И с трепетом живым
За дымною волною
- в. Носился над тобо⟨ю⟩
И с трепетом живым
Волшебною ⟨   ⟩
- 21
27—30 а. Сокровища твои²
Тобою счастлив стал
Отшельник неизвестный...
Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный;
- б. Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный;
Тобою счастлив стал
Отшельник неизвестный...
- 31
36—38 а. В руке моей когда
И верные сравненья
И звуков или слов
Нежданное стечение.
- б. То верные сравненья
То звуков или слов
Нежданное стечение;³
- 39—40 То меру шутки злой
То ⟨   ⟩ стих суровый
- Между
42 и 43 А а. Наперсница свободы
б. Прислужница свободы
в. Любовница свободы
Ты с нею заодно
Прославила вино
И прелести природы
И смеху обрекла
Пустых любимцев Моды
И речи и дела;
- Б Любовница свободы
Ты смеху обрекла
Пустых любимцев Моды
И речи и дела;

¹ Вероятно, сначала было начато какое-то другое слово.

² Между ст. 20 и 21 вырван лист, на котором должно было находиться около 40 стихов.

³ Позднее, уже после записи варианта, вынесенного в настоящем томе в основной текст, в ст. 36 сделана карандашная правка, сразу отмененная: То верность выраженья

- 44 Ты¹ весело клеймил
- 50 а. Сердечной простоты
б. Но сердца простоты
- Между
52 и 53 Первоначально следовали ст. 73—78:
Беспечный сын природы ~ Наперсница моя.
- 56 а. Ужели я забуду
б. Как в тексте.
в. Ужели я забуду
- 59 Оставь, забудь порой
- 63 Смири — минуты скуки
- 73—78 Первоначально следовали между ст. 52 и 53.²
- 76 Начато: От〈ныне ?〉
- 81 а. Когда со мной заснет —
б. И верное заснет —
в. [Задремлет] Засохнет 〈и〉 заснет —
г. Когда со мной заснет —
- 83 Начато: И ты в пу〈стом углу ?〉
- 87—88 а. К себе Чедаев милый
Тебя возьмет унылый;
б. Тебя Чедаев милый
К себе возьмет унылый;³
- 91—94 а. Отсутсвуют.
б. Иссохшая, пустая
Меж двух его картин
Всегда, всегда немая —
Украсть его камин —⁴
- 97 Но друга и поэта
- Под текстом Кишенев. 11 апреля
1821

¹ Вероятно, описка.

² В ходе работы были обведены по левому полю фигурной скобкой и отмечены условным значком; место переноса обозначено такими же значком и скобкой.

³ Следующая поправка, дающая вариант основного текста, сделана карандашом.

⁴ Ст. 91—94 записаны в нижней части листа под текстом стихотворения; место вставки указано условным значком. Стихи: Меж двух его картин Всегда, всегда немая — обведены по левому полю фигурной скобкой; такой же скобкой обозначено место их переноса. Это отчетливо обозначенное Пушкиным изменение порядка стихов традиционно ускользало из поля зрения редакторов пушкинских изданий, в частности, оно было проигнорировано и Т. Г. Зенгер (Цявловской), готовившей текст стихотворения в Акад. (Т. 2. С. 184).

ХРИСТОС ВОСКРЕС

(«Христос воскрес, моя Реввека!..»)

(С. 42)

*Первоначальная редакция (текст Ав₁ до поправок)**(ПД 831, л. 24 об.)*

Христос воскрес, моя Реввека,
 Сегодня следую душой
 Закону Бога-человека,
 Погибшего за мир земной...
 А завтра верю твою
 Пленясь, готов тебе вручить,
 Чем можно верного еврея
 От православных отличить.

*Правка по тексту Ав₁**(ПД 831, л. 24 об.)¹*

- 2
 Вм. 5—6 А Сегодня следуя душой
 Готов ⟨я⟩ завтра не робей
 И то во власть твою вручить
 Б Тебя целую, Ангел мой
 А завтра в² веру Моисея
 За поцелуй готов вступить
 а. И [да⟨ ⟩] даже ⟨ ⟩ вручить
 б. И набожно тебе вручить
 в. И нежно⟨?⟩ ⟨ ⟩ тебе вручить
 В Тебя целую, Ангел мой
 А завтра веру Моисея
 а. За поцелуй, не сожалея
 б. За поцелуй же, не жалея³
 Приму Еврейка, м⟨ожет?⟩ б⟨ыть?⟩
 а. И то⟨?⟩ готов тебе вручить
 б. И сам готов тебе вручить
 в. И то готов тебе вручить

*Варианты Ав₂**(ПД 833, л. 8)⁴*

- 2 а. Сегодня следую душой
 б. Как в тексте.

¹ Нумерация стихов по тексту первоначальной редакции.² В ходе дальнейшей работы предлог: в остался невычеркнутым.³ При отмене предыдущего варианта приставка: со- в слове: сожалея осталась невычеркнутой.⁴ Нумерация стихов по основному тексту.

- Между 3 и 4 а. Погибшего за мир земной,
 б. Вычеркнуто.
 4 а. Тебя целую Ангел мой.
 б. Как в тексте.
 8 И то во власть тебе вручить,
 Под текстом 12. Апр(ель)

Разночтения копий Шер, Гаев₁, Долг, Лон—Полт,
 Ал, Якуш, Е и публикации Герб

Заглавие	Отсутствует.	Шер, Гаев ₁
Заглавие	К еврейке	Долг, Герб
Заглавие	Еврейке ¹	Лон—Полт, Якуш, Е
Заглавие	Ревекке	Ал
1	Христос воскрес, моя Ребека,	Шер
2	И ныне чествуя душой ²	Якуш
2	И ныне, следуя душой ³	Е
3	Закону Богочеловека, ⁴	Гаев ₁ , Лон—Полт, Ал, Якуш, Е
4	Тебя целую, ангел мой. ⁵	Якуш, Е
6	За поцелуй твой, не робея ⁶	Шер, Долг, Лон—Полт, Ал, Якуш, Е
Вм. 6—7	Готов я снова приступить	Гаев ₁
Вм. 6—7	Я снова должен приступить	Герб
8	И вместе то тебе вручить, ⁷	Шер, Е
8	И то взамен тебе вручить,	Гаев ₁
8	И снова то тебе вручить, ⁸	Долг, Е
8	И то во власть тебе вручить,	Лон—Полт
8	И то во власть твою вручить, ⁹	Ал, Якуш, Е
8	И то в залог тебе вручить,	Герб
9	Чем можно каждого еврея	Гаев ₁ , Долг, Герб

¹ В Е позднее карандашом дан дополнительный вариант, соответствующий основному тексту, с датой у заглавия: (1821)

² Позднее исправлено как в тексте.

³ Карандашом исправлено как в тексте.

⁴ В Гаев₁ и Лон—Полт: Бого-человека

⁵ Позднее исправлено как в тексте (в Е поправка карандашом).

⁶ В Якуш позднее исправлено как в тексте.

⁷ В Е дополнительный вариант, записанный над строкой карандашом.

⁸ В Е дополнительный вариант, записанный над строкой красным карандашом.

⁹ В Якуш позднее исправлено на: И то во власть тебе вручить, потом восстановлено первоначальное чтение; затем сделано новое исправление карандашом: На месте то тебе вручить

«РАЗЗЕВАВШИСЬ ОТ ОБЕДНИ...»

(С. 43)

Варианты автографа
(ПД 831, л. 37—37 об.)

- 2 К К— еду в дом
9 а. «Признаюсь пред целым светом
б. *Как в тексте.*
11 М— толстожопый
13 а. *Начато:* Муж! Вотще ты пятишь
б. *Как в тексте.*
16 М— мне милей.

*Начало неизвестной полностью строфы
(по публикации П. И. Бартенева)*

Дай, Никита, мне одеться:
В митрополии звонят.

ДИОНЕЯ

(«Хромид в тебя влюблен: он молод и не раз...»)

(С. 45)

Первая редакция (по НЛ)

АНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК

Подруга милая! я знаю, отчего
Ты с нынешней весной от наших игр отстала;
Я тайну сердца твоего
Давно, поверь мне, угадала:
Кларис в тебя влюблен; он молод — и не раз
Украдкой вдвоем я замечала вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея,
Твой взор потупленный желанием горит...
И долго после, Галатея!
10 Улыбку нежную лицо твое хранит.

Черновой автограф ст. 9—10, 8 первой редакции¹
(ПД 831, л. 34)

- a. И долго после о Неера
 б. И долго после, Кризеида
 в. И долго после, Хризеида
 Улыбку нежную лицо твое хранит —

- a. И томный(?) голос тв(ой) дрожит²
 б. Невнятный голос тв(ой) дрожит
 в. Невнятный твой ( ) дрожит
 з. Невнятный голос тв(ой) дрожит

Автограф текста первой редакции
(ПД 831, л. 39 об.)

- Подруга милая — я знаю для чего
 a. Ты с нынешней зимы от наших игр отстала
 б. Ты прошлою весной от наших игр отстала
 Я тайну сердца твоего
 Давно ( ) угадала
 ( ) и не раз
 ( ) я замечала вас
 Ты слушаешь его в безмолвии краснея
 Твой взор потупленный любовью горит
 И долго после, Гала(тея)
 Улыбку³

Варианты белого автографа⁴
(ПД 833, л. 9 об.)

Заглавие	Идиллия
1	Подруга милая, я знаю для чего
2	Ты с нынешней весны от наших игр отстала
5	a. Видала я тебя с Кромидом и не раз
	б. Кромид в тебя влюблен; он молод и не раз
8	Твой взор потупленный любовью горит

¹ Начало автографа, может быть, находилось на предыдущем листе, вырванном позднее Пушкиным из тетради.

² Вероятно, отдельно записанный вариант ст. 8. Чтение Т. Г. Зенгер (Цявловской): [И милый] голос твой дрожит (Акад. Т. 2. С. 684).

³ Начало заключительного стиха, записанного на л. 34.

⁴ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

Варианты Кап (вторая редакция)
(по фотокопии и изд.: Майков. Материалы)¹

- 1 а. Начато: Хромид в тебя влюблен; ты лю<бишь>
б. Как в тексте.
4 Твой взор потупленный любовью горит

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Дионея. 1821

«A SON AMANT EGLÉ SANS RÉSISTANCE...»

(С. 46)

Первоначальные варианты автографа
(ПД 831, л. 39 об.)

- 1 A son amant Laïs sans résistance²
2 Начато: Avait cédé — mais lui n'en pouv<ant plus>³
3 Se tenait coi — enfin n'en pouvant plus⁴
5 а. Отсутствует.
б. М<onsieu>г Eglé d'un ton de nonchalance⁵
8 Est-ce mépris⁶ — du tout: c'est autre chose⁷

«J'AI POSSÉDÉ MAÎTRESSE HONNÊTE...»

(С. 47)

Первоначальные варианты автографа
(ПД 831, л. 68 об.)

- 1—2 а. J'ai possédé femmes honnêtes⁸
J'eus⁹ des femmes comme il m'en faut¹⁰
б. J'ai possédé maîtresse honnête¹¹
Je l'a¹²

¹ Нумерация стихов по основному тексту.

² В автографе: resistance. Перевод: Своему любовнику Лаиса без сопротивления (фр.).

³ Перевод: Уступила — но он в изнеможении (фр.).

⁴ Перевод: Притих — наконец в изнеможении (фр.).

⁵ Перевод: Аглая небрежным тоном: Сударь (фр.).

⁶ Зачеркнутое слово неразборчиво. Т. Г. Зенгер (Дьявловская) предложила два альтернативных чтения: mépris (презрение) или infamie (позор) (см.: Акад. Т. 2. С. 690).

⁷ Перевод: Что это презрение — вовсе нет: совсем другое (фр.).

⁸ В автографе: honnetes

⁹ В автографе с ошибкой: J'eu

¹⁰ Перевод: У меня были женщины безупречного поведения
У меня были женщины, какие мне подходят (фр.).

¹¹ В автографе: honnetes

¹² Перевод: У меня была любовница безупречного поведения
Я (фр.).

«ЛЕЧИТЬСЯ — ИЛЬ БЫТЬ ТЕБЕ ПАНГЛОСОМ...»

(С. 48)

Варианты *Ав₁*
(ПД 831, л. 41 об.)

Заглавие Эпиграмм(а)

1—2 Поверь мне, быть тебе Панглосом,
Ты болен: это не мечты

ГРОБ ЮНОШИ

(«...Сокрылся он»)

(С. 49)

Первая редакция (текст белого автографа до поправок)
(ПД 832, л. 2—3 об.)

ЭЛЕГИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК¹

Увы: навеки скрылся он,
Любви, забав питомец нежный;
Кругом его глубокий сон
И тень могилы безмятежной...

Любил он игры наших дев,
Когда весной в тени дерев
Они кружились на свободе;
Но нынче в резвом хороводе
Не слышен уж его припев.

- 10 Бывало, старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили меж собой:
«И мы любили хороводы,
И наши искрились умы;
Но погоди: приспеют годы
И будешь то, чем стали мы.
И так же, мира гость игривый,
Исчезнет твой печальный след —
20 Теперь играй...». Но старцы живы,
А он увял во цвете лет,

¹ Первоначальные варианты заглавия:

а. Отсутствует.
б. Отрывок

И без него друзья пируют,
 Уж многих полюбить успев,
 И друга редко именуют
 В беседе чернооких дев.
 Из ветрениц, которых очи
 Он прежде втайне привлекал,
 Которым он во мраке ночи
 Младые бденья посвящал,
 30 Из милых жен, его любив(ших),
 Одна, быть может, слезы льет
 И память радостей¹ почивших
 Тоской привычною зовет.
 К чему?..

Над ясными водами
 Гробницы в роще вековой
 Таятся тихою семьей.
 Под их печальными крестами
 Теперь умолкнули навек
 Надежд и горестей тревоги
 40 И все, чем дышит человек.
 Там² на краю большой дороги,
 Где липа старая шумит,
 Наш бедный юноша лежит...

Блестит³ ли яркий луч денницы,
 Луна ли ходит средь небес,
 И вокруг оставленной гробницы
 Ручей журчит и шепчет лес,
 Напрасно тихою долиной
 Спешит красавица с корзиной
 50 К ручью — и в холод ключевой
 Пугливо ногу опускает
 И озабоченной рукой
 Края одежды подбирает⁴...

Черновой автограф⁵
 (ПД 831, л. 43 об.—46)

- 1—4 А а. *Начато*: Он дремлет
 б. В сырой могиле дремлет он —
 в. В могиле мрачной дремлет он —
 г. В могиле мрачной он лежит;

¹ Первоначально с опиской: радостью

² Исправлено из первоначального: И

³ Исправлено из первоначального: Блеснет

⁴ Исправлено из первоначального: подымает

⁵ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

- д. В могиле мрачной тлеет он
 е. В могиле мрачной дремлет он
 ж. В могиле темной дремлет он
 а. *Начато:* Питомец
 б. *Начато:* И муз и лиры —
 в. *Начато:* Забав и неги —
 з. Забав и нег [поклонник] питомец нежный —
 д. Любви Забав [питом(ец)] поклонн(ик нежный)
 а. И вокруг его глубокий сон —
 б. Кругом его глубокий сон —
 в. [И вк(руг)(?)] Вокруг(?) нее¹ глубокий сон —
 И тень дубравы безмятежной
- Б Увы! навеки скрылся он
 Любви Забав поклонн(ик нежный)
 Вокруг(?) (его) глубокий сон —
 И сень могилы безмятежной
- 5—9 А Любил он игры юных дев;
 а. *Начато:* [Теперь в —] Теперь
 б. ( ) на свободе
 Не слышен уж его припев
 [В] Теперь в вечернем хороводе —
- Б Любил он игры юных дев —
 В веселый(?) праздник в хороводе
 [Но] [Но] Но нынче ( ) на свободе
 Не слышен уж его припев
- В Любил он игры юных дев —
 а. Бывало пел ( ) на свободе
 б. ( ) бывало на свободе
 в. [И с] Резвился с ними на свобод(е)
 з. *Начато:* Бывало пел им
 д. *Начато:* Певал он с ни(ми)
 е. *Начато:* И ( ) пев(ал)
 ж. И пел он песни на свободе
 з. И с ними пел он на свободе
 и. И пел им [песни] на свободе
 Но нынче, в резвом хороводе —
 Не слышен уж его припев
- Г Любил он игры юных дев —
 Когда весной в тени дерев
 Они кружились на свободе
 Но нынче, в резвом хороводе —
 Не слышен уж его припев
- 10—17 А а. Бывало взоры стариков
 б. Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живой — —

¹ Слово: нее осталось незачеркнутым и неизменным; последующая правка фрагмента предполагала возвращение к первоначальному варианту: его

- а. И <   > улыбались —
 б. [Печа(льно)<?>] Уныло <   > улыбались —
 <   >
 И говорили веселися
 Ты б(удешь) <   >
- Б Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живой — —
 Полупечально улыбались —
 И говорили меж собой:
 [Ша(ли)<?>] Шути беспечный! придут годы —
 Ты будешь то что мы теперь....
- В Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живой — —
 Полупечально улыбались —
 И говорили меж собой:
 И мы любили хороводы —
 И наши искрились умы —
 Но погоди — приспеют годы —
- а. И будешь то чем стали мы
 б. И будешь то чем ныне мы
- 18—21 А Теперь играй — — Но старцы живы —
 А он увял во цвете лет —
- Б а. И скоро, <   > счастливый<?>
 б. И скоро, <   > горделивый
 в. И скоро [юноша] счастья сын игр(ив)ый
 г. И так же мира гость игр(ив)ый
 а. Остынет твой [не< >] минутный след
 [Тогда]
 б. Прост(ынет)<?> твой забытый след
 Теперь играй — — Но старцы живы —
 А он увял во цвете лет —
- 22—25 А И без него друзья пируют —
 И редко редко меж собой
- а. Его <   > именуют
 б. Его в беседе именуют
 в. В беседе <   > именуют
- Б И без него друзья пируют —
 [И <начато нрзб>] Среди веселых, <   > дев¹
- а. И редко <   > именуют
 б. [И уж<?>] И² друга³ <   > именуют
- а. Начато: Любимца
 б. Других <   > полюб< >
 в. Начато: Других у< >
 г. <   > успев

¹ Слово: дев при последующей правке осталось незачеркнутым.

² И исправлено из первоначального: У

³ Слово: друга написано, вероятно, поверх начала какого-то другого слова, выше начато неразборчивое слово (может быть, намечено повторение: друга).

- д. *Начато:* Любимца
 е. <   > полюбя¹ <   >
 ж. <   > [полюб<ить>] успеv! — —
 з. Других уж полюбить успеv! — —
 и. Уж [дру< > (?)] многих полюбить успеv! — —
- В И без него друзья пируют —
 В беседе [темно] чернооких дев²
 И друга <   > именуют
 Уж многих полюбить успеv! — —
- 26—33 А а. *Начато:* Главу <   > ве<   >
 б. *Начато:* И меж красавиц
 в. *Начато:* Из(?)
 г. Меж юных дев(?) ласкавших <   >
 д. Меж юных дев(?) его ласкавших³
 е. Из милых дев(?) его ласкавших
 а. Одна быть может иногда
 б. Одна быть может слезы льет
 а. *Начато:* Его
 б. *Начато:* Любимца
 в. *Начато:* И милого —
 г. *Начато:* Но(?) <начато нрзб>
 д. <   > дней минувших —
 е. [Но т< >] И тайно <   > дней минувших —
 В ночных бессонницах зов<ет>
 <   > его ласкавших
 Одна быть может слезы льет
- Б а. *Начато:* Но груст< >⁴
 б. <   > почивших
 [Н] Надгробный стон не воззовет⁵
- В Из милых дев, которых прежде
 Он очи <   > привлекал —
- Г Из нежных дев, которых очи
 а. <   > прежде привлекал —
 б. Он прежде втайне привлекал —
 а. Которых он во мраке ночи
 б. Которым он во мраке ночи
 а. *Начато:* [В] <   > грезой <   >
 б. [<Начато: нрзб>] Младые думы посвящав —
 в. Младые грезы посвящав —
 г. Младые бденья посвящав —

¹ Переправлено из: полюби<ть>

² Стих записан отдельно ниже на листе, после ст. 25: Уж многих полюбить успеv! — —

³ Слово: ласкавших зачеркнуто и повторено над строкой.

⁴ Выше над строкой начало неразборчивой записи, вероятно относящейся к работе над этим стихом.

⁵ Вариант Б оставлен незачеркнутым; дальнейшая работа над фрагментом шла на обороте листа.

- Из ветре(ни)щ его манивших
 Одна быть может слезы льет —
- а. И в память радостей почивших —
 б. И память радостей почивших —
 а. Напрасной думою зовет —
 б. Привычной думою зовет —
- Д Из ветрениц, которых очи
 Он прежде втайне привлекал —
 Которым он во мраке ночи
 Младые бденья посвящал —
 Из милых жен его люб(ивших)
 Одна быть может слезы льет —
 И память радостей почивших
 Привычной думою зовет —
- Между
 33 и 34 А Не воззовет!...
 его гробница
 Уединенна и темна —
- а. Над ней сидит ночная¹ птица —
 б. Над урной спит ночная птица —
 в. На урне спит ночная птица —
 а. Начато: Вбли(зи)
 б. Близ ( ) журчит волна....
 в. (И) близ нее(?) журчит волна....
- Б Вычеркнуто.
- 34—37 А а. [Ду( )] Развесистые(?) две березы²
 б. ( ) печаль ( ) слезы —
 в. ( ) [напра(сны)] напрасны слезы —
 г. К чему? — близ чистого потока —
 д. К чему? — над ясными водами
 а. Начато: [В] В тени дубравы
 б. Под сенью рощи гробовой —
 в. Под сенью рощи вековой —
 а. Гробницы³ — тихими рядами —
 б. Гробницы [ред(кими)] [чинными(?)] ре(дкими) рядами —
 а. Начато: [(Нрзб)] В
 б. Хранят ( ) пепел ( )
 в. Прияли пепел гробовой
- Б К чему? — над ясными водами

¹ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: ночная было вычеркнуто и повторено над строкой.

² Слово: две в ходе дальнейшей работы над стихом осталось незачеркнутым. Выше на правом поле листа рядом со стихом: Уединенна и темна отдельно записано зачеркнутое слово: слезы — (возможно возникшее как предположительная рифма к слову: березы). На левом поле листа начато: [их]

³ В ходе работы над стихом слово: Гробницы было заменено на: Могилы; затем восстановлено: Гробницы; слово: Могилы на каком-то этапе, по-видимому, тоже восстанавливалось.

- а. *Начато:* Таятся
 б. Гробн(ицы) рощи вековой¹
 а. *Начато:* Дремо( )
 б. Стоят в дремоте ( )
 в. *Начато:* Таятся
 з. *Начато:* Хранят
 в. ( ) рядами
 Останки ( ) земной
- В К чему? — над ясными водами
 Гробн(ицы) рощи вековой
 а. *Начато:* Таятся
 б. Хранят их пепел с именами
- Г К чему? — над ясными водами
 Гробн(ицы) рощи вековой
 Таятся тихою семьей —
 а. С их наклоненными крестами
 б. С их разноцветными крестами
 в. С их суеверными крестами
- Вм. 38—43 А а. *Начато:* Меж ими
 б. За ними — на краю дороги —
 Одна могила! — Там навек —
 а. *Начато:* Почили
 б. Почили радости, тревоги —
 И все чем дышит человек —
- Б За ними — на краю дороги —
 а. [Г( )] Одна могил(а) там сокрыт
 б. ( ) почили там навек —
 Желанья радости, тревоги —
 И все чем дышит человек²
- В За (ними — на краю дороги —)
 а. В тени берез одна стоит —
 б. В тени двух лип одна стоит —
 в. В тени берез одна стоит —
 ( )
 а. Наш ( ) юноша лежит...
 б. Наш [милый(?)] резвый юноша лежит...
 в. Наш бедный юноша сокрыт...³
- Вм. 44—47 А а. Теперь ни в тихий час денницы
 б. Теперь блестит ли луч денницы
 в. Теперь блеснет ли луч денницы
 а. Взойдет ли тихая луна —

¹ Возможно, правка не была завершена и предполагалось: Гробницы в роще вековой

² Стихи: ( ) почили там навек — ~ И все чем дышит человек отчеркнуты сверху и снизу горизонтальными штрихами. Ниже на листе Пушкин словом: За с последующим волнистым штрихом наметил повторение стиха: За ними — на краю дороги — и, по-видимому, разработал альтернативный вариант к трем последующим, отчеркнутым, стихам фрагмента.

³ Поправка более темными чернилами при позднейшем обращении к рукописи.

- б. Взойдет ли [бледная] яс⟨ная⟩⟨?⟩ луна —
 а. *Начато*: Не выдет
- б. *Начато*: Уж он не выдет
- Б   Теперь блеснет ли луч деницы
 а. *Начато*: Осветит
- б. Осеребрит живой ручей —
- В   Теперь блеснет ли луч деницы
 а. *Начато*: Луна [блес⟨нет ли ?⟩] взойдет ли
 б. *Начато*: Луна ли ходит [⟨начато нрзб⟩]
 а. И вокруг оставленной гробницы
 б. И близ оставленной гробницы
 в. И вокруг бесчувственной гробницы
 а. Ручей журчит, и шепчет лес —
 б. Волна журчит, и шепчет лес —
 а. Не выдет он взглянуть на нивы
 б. Не выдет он взглянуть на горы
 а. *Начато*: [На] [На] [Где] [На] [На славу⟨?⟩] [Одетые] На
 б. Осеребренны⟨е⟩¹ луной....
 а. *Начато*: И он —
 б. ⟨   ⟩ он — не встретят взоры
 в. ⟨   ⟩ он — ⟨   ⟩ взоры
 Не встретят утра над рекой.....
- Г   Теперь блеснет ли луч деницы
 Луна ли ходит ⟨   ⟩
 И вокруг бесчувственной гробницы
 Волна журчит, и шепчет лес —
 Не выдет он взглянуть на горы
 Осеребренны⟨е⟩ луной
 а. ⟨   ⟩ он — не встретят взоры
 ⟨   ⟩ утра над рекой.....
 б. Не улыбнется он — и взоры
 Не встретят утра над рекой.....²
- Д   Теперь блеснет ли луч деницы
 Луна ли ходит ⟨   ⟩
 И вокруг бесчувственной гробницы
 Волна журчит, и шепчет лес —
 Не выдет он взглянуть на горы
 Осеребренны⟨е⟩ луной
 ⟨   ⟩ и взоры
 Не встретят утра над рекой.....
 Над облаками скачут лани
- Вм. 48—53 А   Напрасно ранние девицы
 Идут ⟨   ⟩
- Б   Напрасно сельские³ девицы

¹ В автографе, по-видимому, описка: Осеребренный

² Следующий далее вариант Д возник в результате правки более темными чернилами при позднейшем обращении к рукописи.

³ Слово: сельские, возможно, было вычеркнуто и восстановлено.

- <   > в ближ<ний> лес идут —
 а. *Начато:* К¹
 б. *Начато:* И отдыхают
 в. <   > [у бро< >{?}] гробницы —
 з. *Начато:* К
- В** Напрасно <   > девица
 а. Идет <   > в ближ<ний> лес
 б. С корзиной в ближ<ний> лес идет
 а. *Начато:* Ногой
 б. *Начато:* Где
 в. *Начато:* И в прохладу
 з. <   > и в холод вод
 Ногою робкою [ст< >] ступает
- Г** Напрасно <   > девица
 С корзиной в ближ<ний> лес идет
 а. *Начато:* И
 б. *Начато:* Одежду
 в. Одной рукой приподымает
 [Одеж< >] Одежду <и> в про<хладу> вод
 а. Ногою легк<ою>{?} ступает
 б. Тихонько ногу опускает
- Д** Напрасно <   >
 <   >
 а. И с берега в про<хладу> вод
 б. К ручью <   > в про<хладу> вод
 Пугливо ногу опускает²
- Е** а. Напрасно дева молод<ая>
 б. <   > утренней порой
 в. <   > за долин<ой>³
 С корзино<й>
- Ж** <   > [с малиной] с корзиной
 а. <   > девушка долин<ой>⁴
 б. Идет красавица долин<ой>
 в. Спешит красавица долин<ой>
- З** а. *Начато:* За <   > ягодой
 б. *Начато:* За спелой ягодой
 в. <   > с малиной
 Спешит красавица долин<ой>
 а. И с берега в пр<охладу вод>
 б. И песни <   > поет⁵

¹ Буква не была дописана.

² Вариант Д остался невычеркнутым; фрагмент дорабатывался ниже на листе.

³ Слово, по-видимому, было не дописано. Рядом отдельная запись: по ягоду, исправленная на: по ягоды

⁴ В автографе описка: долина

⁵ Правее у корешка тетради непонятно куда относящаяся зачеркнутая запись двух (?) неразборчивых слов; чтение Т. Г. Зенгер (Цявловской): любуясь{?} (Акад. Т. 2. С. 703) представляется сомнительным. Ниже начато: За <нрзб>

- И *Начато*: [Но] [Уж он] Не
 а. *Начато*: [Де( )(?)] За поцелуем робких
 б. *Начато*: Не поцелует робких¹
- К Напрасно рошу оглашает
 Охотника веселый рог —
 а. *Начато*: И стая гончих
 б. И стая гончих пробегает
- Л Напрасно рошу оглашают
 Охоты звонкие рога
 ( ) берега
 ( ) пролетают
- М Напрасно рошу оглашают
 Охоты звонкие рога
 Напрасно кони пролетают —
- Н Напрасно рошу оглашает
 Охотника веселый рог²
- О а. *Начато*: Напрасно трубит
 б. Напрасно ( ) за долиной
Начато: [Т(рубит ?)] Охотник молодой
 На(прасно)
- П Напрасно [утренней] порой
 Трубит охотник за доли(ной)³
- Р *Начато*: Напрасно⁴

Правка по тексту первой редакции в белом автографе⁵
 (ПД 832, л. 2—3 об.)

- 4 И хлад могилы безмятежной...
 17 И будешь то, (что)⁶ ныне мы
 18—19 а. И также, мира гость игривый,
 Постынут⁷ сердцу жизнь и свет
 б. И также, мира гость игривый,
 Тебе постынут жизнь и свет

¹ Вариант И оставлен незачеркнутым. Правее у корешка тетради записан вариант, незачеркнутый, но трудночитаемый из-за записанного позднее поверх текста:

( ) за (нрзб)
 Одежды приподняв рукой

Ниже в центре страницы *начато*: Напрасно

Далее записи сделаны при позднейшем обращении к рукописи в нижней части страницы (л. 45 об.), наискосок снизу вверх, частично поверх предшествующего текста более темными чернилами.

² Вариант Н остался незачеркнутым.

³ Вариант П остался незачеркнутым.

⁴ Отдельная запись на л. 46.

⁵ Нумерация стихов по тексту первой редакции; формула: «Как в тексте» означает совпадение с текстом первой редакции.

⁶ Вычеркнув первоначальный вариант: чем стали, Пушкин вписал над строкой слово: ныне; при этом зачеркнутое слово: чем, видимо, по случайности осталось незамененным.

⁷ Исправлено из первоначального: Постынет

- в. Ты счастлив, мира гость игривый,
А нам постыл уж белый свет
- 20 а. Играй пока....» Но старцы живы
б. *Как в тексте.*
- 23 Других уж полюбить успев
- 24 а. Уж друга редко именуют
б. *Как в тексте.*
- 25 а. Они в беседе юных дев
б. В беседе златовласых дев
- 28—29 Которым он и дни и ночи
И думы сердца посвящал
- 33 Привычной думою зовет.
- 35—37 а. Гробницы мертвою семьей
Таятся в роще вековой
Под суеверными (наклоненными)¹ крестами
б. Гробницы мертвою семьей
Под суеверными (наклоненными) крестами
Таятся в роще вековой
- 38—40 а. Утихли, онемев навек
Надежд и радостей тревоги
И все чем страждет человек
б. *Вычеркнуто.*
- Между*
42 и 43 [За] Забыв сердечные тревоги —
44—46 Напрасно светит луч денницы
Иль ходит месяц средь небес
И вкруг бесчувственной гробницы
- 48—53 Напрасно утром за малиной
а. Идет красавица с корзиной
б. Спешит красавица с корзиной
К ручью — и в холод ключевой
Тихонько ногу опускает
Ничто его не вызывает
Из мирной сени гробовой...

Варианты Кап (вторая редакция)
(по изд.: Ефр. 1880 и Майков. Материалы)²

- Заглавие* а. Отрывок из элегии
б. Гроб юноши (Отрывок) *Майков. Материалы*
а. Гроб юноши (Отрывок из элегии)
б. Гроб юноши (Отрывок) *Ефр. 1880*
- 1 а. Навек, навек сокрылся он
б. *Как в тексте.*

¹ Записанные рядом альтернативные варианты для последующего выбора.

² Нумерация стихов по основному тексту. По изд.: Майков. Материалы приводится только вариант заглавия; первоначальные чтения рукописи, у Майкова отсутствующие, даны по изд.: Ефр. 1880.

- 10 Бывало старцы любовались
 б. *Как в тексте.*
- 17—19 а. И будешь то, что стали мы.
 Будь весел, мира гость игривый,
 А нам постыл уж белый свет.
 б. *Как в тексте.*
- 38 а. Напрасно светит луч денницы
 б. *Как в тексте.*
- 46—47 а. И озабоченной рукой
 Края одежды подбирает...¹
 б. *Как в тексте.*

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Гроб юноши. 1821

«УМОЛКНУ СКОРО Я... НО ЕСЛИ В ДЕНЬ ПЕЧАЛИ...»

(С. 52)

*Первая редакция (текст белого автографа до поправок)
 (ПД 833, л. 10—10 об.)*

ЭЛЕГИЯ

1821 Авг(уста) 23

Нет! поздно, милый друг, узнал я наслажденье:
 Ничто души моей уже не воскресит;
 И сердцу чуждо упоенье,
 Твой взор, твой нежный взор меня не веселит.
 Увял я в цвете лет!.. но если в день печали
 Задумчивой игрой мне струны отвечали;
 Но если² юноши, внимая молча мне,
 Дивились долгому любви моей мученью;
 И девы, нежному предавшись умиленью,
 10 Печальные стихи твердили в тишине
 И сердца моего язык любили страстный..
 Но если я любим... позволь, о милый друг,
 Позволь одушевить прощальный лиры звук
 Счастливым именем прекрасной!..
 Не бойся ветреных невест,
 Не бойся клеветы ревнивой...
 Не обмани моих надежд
 Своею скромностью пугливой:

¹ Исправлено из: подымает

² Первоначально было начато: Когда к(?)

Когда меня навек обымет хладный сон,
 20 Над урною моей промолви с умилень(ем):
 Он мною был любим, он мне был одолжен
 Последней радостью, последним вдохновеньем.

Черновой автограф (ст. 11—22 первой редакции)¹
 (ПД 831, л. 47)

- 11—14 А < . . . . . >²
 Священным именем любовницы прелестной
 Б < . . . . . >
 а. Начато: [Но если] [напрасн( )] <начато нрзб>
 б. И ты души моей язык любила страстный;
 в. И сердца моего язык любила страстный;
 з. И сердца пылкою язык любила страстный;
 а. Начато: Позволь <начато нрзб>
 б. Позволь одушевить прощальный³ лиры <звук>
 Священным именем пре(красной)
 В < . . . . . >
 И сердца пылкою язык любила страстный;
 Но если [если] я любим! Позволь о м(илый друг)⁴
 Позволь одушевить прощальный лиры <звук>
 Священным именем пре(красной)
 15—18 А Не бойся клеветы ревнивой —⁵
 Б Не бойся ветреных невежд,
 Не бойся клеветы ревнивой;
 <   > моих надежд —
 В Не бойся ветреной⁶ молвы,
 Не бойся клеветы ревнивой;
 Г Не бойся ветрен(ых) невежд,
 Не бойся клеветы ревнивой;
 а. Начато: Но⁷ робостью с( )

¹ Нумерация стихов по тексту первой редакции. Начало черного автографа, по-видимому, находилось на предшествующем листе, впоследствии вырванном или выпавшем из тетради.

² Отточием в угловых скобках обозначен недостающий текст, по-видимому находившийся на утраченном листе.

³ Над строкой неразборчивое слово, видимо имеющее отношение к работе над стихом. Возможно, это частичное повторение плохо прописанного слова «прощальный»: ощальный; возможно, какой-то вариант, альтернативный к словам: прощальный лиры

⁴ Окончание стиха только намечено; вероятно, оно было уже найдено в каком-то из предшествующих вариантов, записанных на утраченном листе тетради.

⁵ Работа над ст. 15—18 на л. 47 тетради была начата с записи этого отдельного стиха, выделенного сверху и снизу горизонтальными отчерками. После нижнего отчерка был намечен переход к следующему фрагменту: Переживи меня... (начало шестистопного стиха). Далее Пушкин зачеркнул запись: Переживи меня... и начал дорабатывать ст. 15—18.

⁶ В ходе последующей работы над фрагментом окончание слова дальнейшей правке не подвергалось.

⁷ Исправлено из первоначального: И

- Д б. Не разрушай моих надежд —
 Не бойся ветреной молвы,
 Не бойся клеветы ревнивой;
 < >
 < > стыдливой
- Е Не бойся ветрен(ых) невежд,
 Не бойся клеветы ревнивой;
 Не обмани моих надежд —
 И скромностью души стыдливой
- Вм. 19—22 А а. *Начато*: Скажи без робости¹
 б. *Начато*: Переживи меня²
 в. *Начато*: [Скажи] [Скажи]²
 а. Он мною был любим — и мне был одолжен
 б. Он мною был любим, он мне был одолжен
 а. *Начато*: Последним счастьем
 б. И < > славой и отрадой < >
 в. Последней славой [пр< ><?>] < >
 з. Последней, позднюю отрадой — < >
 д. < > последних вдохновений
 е. Последней радостью, последним вдохн(оვენьем)³
- Б а. *Начато*: Переживи меня, — и некогда
 б. [Когда] Я знаю, милый друг когда меня не будет
 в. Переживи⁴ — < > когда меня не будет
 а. *Начато*: [Твоя] [Я] Твоя
 б. < > быть может < >
 < >
 Он мною был любим, он мне был одолжен
 Последней радостью, последним вдохн(оვენьем)
- В а. *Начато*: [П<?>] И скоро ль милая
 б. И скоро милая — уже меня не будет —
 в. И скоро милая — когда меня не будет —
 з. И скоро милая — уже меня не будет —
 а. < > быть может < >
 б. Но сердце чье-нибудь — поэта не забудет —⁵
 а. *Начато*: Когда на(век)
 б. Когда — < > покроет [веч(ный)] вечный сон —
 в. Когда мой тихий(?) < > покроет вечный сон —
 з. Скажи когда меня обнимет [мирный] хладный сон —
 д. Когда меня [<начато нрзб>] навек обнимет хладный сон —
 а. *Начато*: И урну

¹ Судя по расположению на листе, начало четырехстопного стиха.

² Судя по расположению на листе, начало шестистопного стиха.

³ Далее в автографе поставлен росчерк — знак концовки. Первые стихи фрагмента записаны позднее; работа над ними велась после росчерка, ниже на листе.

⁴ В ходе дальнейшей работы над фрагментом слово: Переживи — осталось незачеркнутым.

⁵ После этих двух стихов в автографе поставлен горизонтальный разделительный отчерк, под которым была продолжена работа над фрагментом.

6. *Начато:* Переживи меня
 в. *Начато:* Когда¹
 з. Переживи <меня> и молви с умиленьем²
 Он мною был любим, он мне был одолжен
 Последней радостью, последним вдохн(овеньем)
 23 авг(уста)³
 1821

Под текстом

*Правка по тексту первой редакции*⁴

- 1—4 А Нет! поздно, милый друг, узнал я наслажденье:
 Ничто души моей уже не воскресит:
 а. Мне чуждо сердца упоенье
 б. Ей чуждо страсти упоенье
 И счастье тихое меня не веселит — —
 *Б *Вычеркнуты.*
 5 а. Увял во цвете лет!... но если в день печали
 *б. Умолкну скоро я!... но если в день печали
 9 И девы, томному предавшись умиленью
 *10 Печальные стихи читали в тишине
 13 Позволь одушевить заветный лиры звук
 14 Счастливым именем любовницы прекрасной!..
 *15—18 *Вычеркнуты.*
 *20 Над ранней урною пусть молвят с умилень(ем)
 *21 Он Лидой был любим, он <ей>⁵ был одолжен

*Варианты Кап (по воспроизведению в изд.:
 Томашевский. Новые материалы)*⁶

- Заглавие а. Элегия XI (1822)
 б. Элегия XI (1821)
 5 а. И девы тихому предавшись умиленью
 б. И девы нежному предавшись умиленью
 в. *Как в тексте.*
 9 а. Позволь одушевить заветный лиры звук
 б. *Как в тексте.*

Заглавие в оглавлении Ст 1826

(Умолкну скоро я). 1821

¹ Далее, по-видимому, написано неразборчивое зачеркнутое слово.

² Под этим стихом внизу листа стоит фигурная скобка — знак концовки — и дата.

³ Цифра 3 в дате исправлена из первоначальной: 4

⁴ Нумерация стихов по тексту первой редакции. Звездочкой отмечен последний по времени слой правки.

⁵ После замены: мною на: Лидой слово: мне случайно осталось неисправленным на: ей

⁶ Нумерация стихов по основному тексту.

2. Унынья хладного не знает легкий ум
 д. [Волненья] Унынья тяжкого не знает [нежный] легкий ум
 Как светлый день ясна младенческая совесть —
 Д К чему тебе внимать <   > и дум —
 И гибельных страстей томительную повесть;
 Унынья тяжкого не знает легкий ум
 Как светлый день ясна младенческая совесть —
 а. *Начато:* Печаль
 б. *Начато:* Тебе чужда печаль¹ — оставь
 в. *Начато:* [С унылой] Уныло
- Е Унынья тяжкого не знает легкий ум
 Как светлый день ясна младенческая совесть —
 К чему тебе внимать <   > и дум —
 И гибельных страстей томительную повесть;²
 а. Она твой ясный ум невольно возмутит
 б. Она твой тихий ум невольно возмутит
- 16 а. Ты слезы будешь лить — — —
 б. В моих объятиях ты сердцем содрогнешься
 в. <   > ты сердцем содрогнешься
- 17 а. *Начато:* Доверенность любви [без< >] веселость улетит —
 б. Доверенность увы быть может улетит —
 в. Твоя доверенность быть может улетит —
 з. Доверенность увы [*начато нрзб*] с [*начато нрзб*] улетит —
- 18 а. Любви моей, быть может ужаснешься —³
 б. И ты любви моей, быть может ужаснешься —
 в. И ты моей любви, быть может ужаснешься —
- 19—22 А а. *Начато:* Нет! нет —
 б. Быть может от <   > Нет! милая моя
 в. [Довольно] [Бы<ть может ?>] <   > Нет! милая моя
 Страшусь утратить я последних насла<ждений>
 Не [от< >?] требуй от меня печальных откровений —
 а. *Начато:* Люби меня теперь....
 б. *Начато:* Довольно
 в. Сегодня счастлив я
- Б Нет! милая моя...
 Страшусь утратить я последних насла<ждений>
 Не требуй от меня печальных откровений —
 Как я не требую неверн<ых> уверений
 а. Сегодня счастлив я
 б. Сегодня я люблю — сегодня счастлив я

¹ Слова: Тебе чужда печаль остались незачеркнутыми.

² Перестановка стихов фрагмента, никак не обозначенная в автографе, предполагается найденным вариантом следующего стиха.

³ Первоначально (недописанная заглавная буква) стих был начат как шести-стопный.

Варианты белого автографа
(ПД 833, л. 11—11 об.)

- Заглавие* Элегия
- 1 а. Мой друг, не узнавай следы минувших лет
б. Как в тексте.
- 4 а. Что взяло мертвое забвенье,
б. Что было мне в печаль и наслажденье
в. О том что было мне в печаль и наслажденье
г. Что было мне дано в печаль и наслажденье
- 6 а. Пускай я счастье вкушаю не вполне
б. Как в тексте.
- 8 Беспечно верь ему; веселья миг лови
- 9—11 а. Как в тексте.
б. Мой друг, ты создана для дружбы, для любви
Для поцелуев сладострастья
Чиста душа твоя; унынье чуждо ей;
в. < >¹ для дружбы, для любви
Для поцелуев сладострастья
< > унынье чуждо ей;
- 13 а. Как в тексте.
б. К чему тебе внимать безумства [и страстей]
в. Как в тексте.
- 16 Ты будешь слезы лить; ты сердцем содрогнешься
- 18 И ты моей любви.... быть может ужаснешься
- 19 Нет милая моя
- 20 а. Страшусь утратить я последних наслаждений
б. Боюсь лишиться я последних наслаждений
- Под текстом* 25 авг<уста>
1821

Разночтения копии Пушкин

- 8 Беспечно верь ему, веселья миг лови
- 12 а. *Начато:* Ясна
б. Как в тексте.
- 19—20 Нет, милая моя,
Боюсь лишиться я последних наслаждений.
- Под текстом* Троегорское

Варианты НЛ

- Заглавие* К ***
- 7 Но ты, прекрасная, ты рождена для счастья:
- 8 Беспечно верь ему, веселья миг лови;

¹ Зачеркнутые слова: Душа твоя были восстановлены, но затем восстановление отменено.

12 Ясна, как светлый день, младенческая совесть.
 19—20 Нет, милая моя!
 Боюсь лишиться я последних наслаждений;

Варианты Кап (по изд.: Майков. Автографы П. и Ефр. 1880)

Заглавие Элегия VIII (1821)
 8 а. Беспечно верь ему, веселья миг лови
 б. Как в тексте.

Заглавие в оглавлении Ст 1826

(Мой друг, забыты мной следы). 1821

АЛЕКСЕЕВУ

(«Мой милый, как несправедливы...»)
 (С. 54)

Первая редакция (по беловому автографу)
 (ПД 833, л. 13—14)

А—ВУ

Мой милый, как несправедливы
 Твои ревнивые мечты.
 Я позабыл любви призывы
 И плен¹ опасной красоты,
 Свободы друг миролюбивый,
 В толпе красавиц молодых
 Я, равнодушный и ленивый,
 Своих богов не вижу в них.
 Их томный² взор, приветный лепет
 10 Уже не властны надо мной,
 Забыло сердце нежный трепет
 И пламя юности живой;
 Теперь уж мне влюбиться трудно,
 Вздыхать неловко и смешно,
 Надежде верить безрассудно,
 Мужей обманывать грешно,
 Оставя счастья призрак ложный,
 Без упойтельных страстей
 Я стал наперсник осторожный
 20 Моих неопытных друзей,

¹ Первоначально было: взор

² Первоначально было: нежный

Вдали штыков и барабанов
 Так точно старый инвалид
 Встречает молодых уланов
 И им о битвах говорит.¹
 Когда любовник иступленный,
 Тоскуя, плачет предо мной
 И для красавицы надменной
 Клянется жертвовать собой,
 Когда в жару своих жел(аний)²
 30 С восторгом изъясняет он
 Неясных, темных ожиданий
 Обманчивый, но сладкий сон
 И, крепко руку сжав у друга,
 Клянет ревнивого супруга
 Или докучливую мать,
 Его безумным увереньям
 И поминутным повтореньям
 Люблю с участием внимать —
 Я льщу слепой его надежде,
 40 Я молод юностью чужой
 И говорю: так было прежде
 Во время оно и со мной!
 Я был рожден для наслажденья,
 В моей утраченной весне
 Как мало нужно³ было мне
 Для милых снов воображенья.
 Зачем же⁴ в цвете юных лет
 Мне изменило сладострастье,
 Зачем же вдруг увяло счастье
 50 И ни к чему стремленья⁵ нет?
 И что ж — изменой хладнокровной
 Я ль стану дружеству вредить⁶
 И снова тактики любовной
 Уроки хитрые⁷ твердить?
 Нет, милый! если голос томный,
 Обман улыбки, нежный взор,
 Умильный вид печали скромной
 Тобой владеют до сих пор,
 Люби, ласкай свои желанья,
 60 Надежде и Еврейке верь —

¹ Ст. 21—24 вписаны.

² Первоначально было: мечтаний

³ Первоначально было начато: б(ыло нужно ?)

⁴ Слово: же вписано над строкой.

⁵ Первоначально было: надежды

⁶ Исправлено из первоначального: дружество бесить

⁷ Первоначально было: тайные

Как тень пройдут любви мечта(нья),
И станешь тем¹, что я теперь.
Под текстом 1821

Правка по тексту первой редакции в белом автографе²
(ПД 833, л. 13—14)

Между
16 и 17 Прoшел весел(ый жизни) пра(здник)
Как м(ой задумчивый проказник)³
43—50 *Вычеркнуты.*⁴
55—58 *Вычеркнуты.*
60 Надежде, взору слепо верь —
61—62 Увы! пройдут любви мечта(нья)
И станешь то, что я теперь

Варианты ПЗ 1825⁵

Заглавие Послание к А.
После 44 И что ж? изменой хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить,
И снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить?
Люби, ласкай свои желанья,
Надежде, сердцу слепо верь.
Увы! пройдут любви мечтанья
И будешь то, чем я теперь.

¹ Исправлено из первоначального: то

² Нумерация стихов по тексту первой редакции.

³ Сокращенная запись, обозначающая вставку шести стихов (ст. 17—22 основного текста), полный автограф которых находился, по-видимому, где-то в другом месте и нам неизвестен.

⁴ Прежде чем вычеркнуть эти восемь стихов, Пушкин исправил ст. 48:

Мне стало чуждо сладострастье

⁵ Нумерация стихов по основному тексту.

НАПОЛЕОН

(«Чудесный жребий совершился...»)

(С. 56)

Первая редакция (текст белого автографа до поправок 1824 г.)

(ПД 833, л. 21—23 об.)

НА СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА

Чудесный жребий совершился;
Угас великий человек;
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед;
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
10 Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн...
Великолепная могила!
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обещанной землей?
Давно ли царства упали
20 При громах силы роковой;
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена
И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

Когда, надеждой озаренный,
От рабства пробудился мир
И галл десницей разъярени(ой)¹
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
30 Во прахе царский труп лежал
И день великий, неизбежный —
Свободы светлый день вставал, —

¹ В автографе описка: разъяренный

Тогда, в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел,
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
40 Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил.
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил;

И Франция, добыча славы,
50 Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Все пало с шумом пред тобой,
Европа гибла — сон могильный
Носился над ее главой.

И се! — в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
60 Теперь не побледнеет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливица душу волновал.

Племен полуночи царица!
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица,
Пылай, великая Москва,
Настали времена другие,
70 Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война — по гроб наш договор!

Губитель! кто тебя подвигнул,
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул

Ты с высоты надменных дум²
 Великодушного пожара
 Не предузнав, уж ты мечтал,
 Что мира вновь мы ждем как дара,
 80 Но поздно русских разгадал...

Оцепенелыми руками
 Схватив железный свой венец,
 Ты бездну видишь пред очами,
 Губитель гибнет наконец.
 Бежит Европы ополченье!
 Окровавленные снега
 Провозгласили их паденье,
 И тает с ними след врага.

Все пробудилось, закипело;
 90 Европа свой расторгла плен;
 Как гром ужасный загремело
 Проклятие земных племен.
 Рука великой Немезиды
 Простерлась над тобой, тиран!
 Омыты кровью их обиды,
 Во прах низвержен великан.

Да будет омрачен позором
 Тот малодушный, кто в сей день
 Безумным возмутит укором
 100 Твою развенчанную тень!
 Хвала! ты русскому народу
 Высокий жребий указал
 И миру вечную свободу
 Из мрака ссылки завещал.

Черновой автограф¹
 (ПД 831 л. 63 об.—66 об.)

Эпиграф   *ingrata patria.....*²
 1—4 А Угас чудесный человек
              Молва летит...
              Б Чудесный жребий совершился
              Угас великий человек
              <   > закатился —
              Наполеона <   > век...
              В Чудесный жребий совершился
              Угас великий человек

¹ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

² неблагодарное отечество..... (лат.).

- а. <   > мрачно закатился —
 б. <   > закатился —
 в. В молчаньи мрачном закатился —
 а. <   > грозный век...
 б. <   > шумный век...
 Г Чудесный жребий совершился
 Угас великий человек
 В пустыне мрачной закатился —
 Наполеонов грозный век...
 5—8 А Молва гремит и отлетает...
 Потомство мудрое встает —
 а. Начато: И ей <   > мир
 б. Начато: И ей вселенная
 Б а. Начато: Молва проснулась
 б. Угас Губитель незабвенный —
 в. Угас преступник незабвенный —
 г. Угас Изгнанник незабвенный —
 д. Угас Губитель незабвенный —
 е. Угас Властитель незабвенный —
 ж. Угас гонитель(?) осужд(енн)ый
 з. Исчез губитель осужд(енн)ый
 а. <   > сын побед
 б. Могучий баловень побед
 в. Блестя(щий)¹ баловень побед
 г. Могучий баловень побед
 а. И для изгнанника вселенной²
 б. И для страшилища вселенной
 а. Уже потомство настает
 б. Потомства <   >
 в. Уже потомство настает³
 Вм. 9—12 А а. <Начато нрзб>
 б. Молва проснулась — снова мир
 Наполнен именем забы(тым)⁴
 Б Вычеркнуто.⁵

¹ Начатая и сразу отмененная правка.

² В ходе работы над стихом слова: И для изгнанника были вычеркнуты и восстановлены. Возможно, на данном этапе работы этот и следующий, не зачеркнутый в рукописи вариант стиха существовали как альтернативные.

³ Далее в рукописи был сделан горизонтальный отчерк, означающий конец строфы, и поставлен знак строфического деления: #. Ниже начата следующая, не сложившаяся на этом этапе работы строфа.

⁴ После того как стих был вычеркнут, над словом: именем было начато и сразу зачеркнуто: имен(<   >)

⁵ Вычеркнутые стихи отчеркнуты по левому полю, под ними повторен знак строфического деления и в левой половине нижней части листа в столбце записан прозаический план стихотворения.

Прозаический план

Народы спрашивают тот ли который¹ — ⟨Нрзб⟩ он...² Угас
тот — который то и то — и Россию...

.....

Но да³ не упрекнет его русский... [он] Россия славна — бедная
Франция в унижении — Он об ней мыслил — Остр⟨ов⟩
Ел⟨ены⟩ — Там он думал об том⁴

- 13—16 А С тобою ненависть уснула⁵
Б а. Начато: На камне где
б. Над гробом где твой прах лежит
в. Над урной где твой прах зарыт
Народов ненависть уснула⁶
а. И славы яркий луч горит —
б. И столп⁷ ⟨   ⟩ горит —
в. И свет бессм⟨ертия⟩ горит —
В а. Се примиренная могила!..
б. ⟨   ⟩ твоя⁸ могила!..
в. Великолепная могила!..
Над урной где твой прах зарыт
Народов ненависть [уснула]
И свет бессм⟨ертия⟩ горит —⁹
- 33—36 А В его высоких помышленьях
Ты человечество презрел —
⟨   ⟩
И светоч разума горел¹⁰
Б а. Забытый в ⟨   ⟩ сраженьях
б. Незримый в ⟨   ⟩ сраженьях
в. Хранимый ⟨нрзб⟩¹¹ в сраженьях

¹ Возможно, план первоначально начинался со слов: Угас тот который, а начало было приписано.

² Слова: ⟨Нрзб⟩ он... вписаны между строк плана. Возможное чтение: Ф⟨ран-
ция⟩ + он; чтение М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской) (Акад. Т. 2. С. 707):
Где⟨(?)⟩ он

³ Исправлено из начато: н⟨е⟩

⁴ Следующий лист, находившийся между л. 63 и 64, из тетради вырван. Возможно, план продолжался на нем. На л. 63 об., рядом с планом, шла работа над ст. 13—16.

⁵ В ходе дальнейшей работы стих остался незачеркнутым.

⁶ Возможно, слово: уснула переправлялось на: заснула

⁷ В ходе работы над стихом слово: столп было зачеркнуто и восстановлено.

⁸ В ходе работы над стихом слово: твоя было зачеркнуто и восстановлено.

⁹ Черновой автограф следующих строк находился на вырванном из тетради листе.

¹⁰ Над строкой зачеркнутое недописанное слово: Напра⟨сно⟩⟨(?)⟩. Возможно, оно относится к правке этого стиха, в ходе дальнейшей работы зачеркнутого; возможно, является началом третьего, изначально пропущенного стиха фрагмента. Первые два стиха остались незачеркнутыми. Далее в автографе шла работа над ст. 37—40. Работа над ст. 33—36 была продолжена под ними в нижней трети листа.

¹¹ Слово густо зачеркнуто.

- а. *Начато:* Под
 б. Предвидел ты < > удел
 в. Предвидел свой < > удел
 В его высоких помышленьях
 Ты человечество презрел —
- В а. Когда < > средь бурь народных
 б. Когда [*нрзб*] < >¹ шум бурь народных
 в. Когда под ш(умом)<?> бурь народных²
 Уж голос разума гремел —
 В его надеждах благородных
 Ты человечество презрел —
- Г а. Среди шатров средь бурь <народных>³
 б. Тогда в < > бурь <народных>
 в. Тогда средь шума бурь <народных>
 г. Тогда в волнен(ьи) бурь <народных>⁴
 а. Уже предвидя свой удел
 б. Предвидя чудный свой удел⁵
 [Презрел и] < >
 [И] < >⁶
- Д Во бранях в шуме бурь нар(одных)
 [Предвидя] чудный [свой удел]
 В его надеждах благородных
 Ты человечество презрел
- 37—40 А а. *Начато:* Ты верил
 б. *Начато:* Ты славил
 в. < > счастье
 < >
 Тебя пленило самовластье
- Б а. В свое < > счастье
 б. В свое торжествен(ное) счастье⁷
 Ты верить < > дерзнул
 а. Ты < > самовластье
 б. Призвал < > самовластье⁸
 а. *Начато:* [И] К ве(нцу)
 б. Ты к трону руку протянул
 в. И к трону руку протянул

¹ Неразборчиво записанное слово в ходе работы над стихом, возможно, восстанавливалось; выше начато: [по(<)<?>]

² Слова: под ш(умом)<?> остались незачеркнутыми; слова: бурь народных были смазаны пером.

³ Слова: бурь народных не дописаны, поскольку их смазанная пером, но незачеркнутая запись находилась выше на листе.

⁴ В ходе дальнейшей работы над фрагментом вариант остался незачеркнутым.

⁵ Слова: Предвидя < > свой удел были вычеркнуты одним штрихом, слово: чудный, вписанное над строкой, осталось незачеркнутым.

⁶ Намеченный и сразу зачеркнутый альтернативный вариант двух последних стихов фрагмента.

⁷ В ходе дальнейшей работы над фрагментом вариант остался незачеркнутым.

⁸ В ходе дальнейшей работы над фрагментом вариант остался незачеркнутым.

- В В свое губительное счастье
- а. Пове(рять) < > дерзнул
- б. < > верить<?> < > душой
- в. < > веря<?> < > душой
- г. < >
- Тебя пленило самовла(стье)¹
- И к трону руку протянул²
- 41—44 А а. Свершилось — ты на трон восходишь
- б. Но тщетно жадный [трон]³ взор возводишь
На вы< >
- в. Свершилось — гордого народа⁴
- г. *Начато*: И се воздвигся на<?>
- д. *Начато*: Ты зиждешь
- е. Забыта юная свобода
< >
Средь упоенного народа⁵
- Б И обновленного⁶ народа
- а. Ты страсти буйные смирил
- б. Ты буйность юн(ую)<?> смирил
- а. И восстающая свобода
- б. [*Начато нрзб*] < > свобода
- в. От сна восст(авшая) свобода
- г. Едва восст(авшая) свобода
- а. *Начато*: [Лиш] Лишилась
- б. Вдруг онемев лиш(илась сил)
- 45—48 А < >
Ты цепи лаврами обвил⁷
- Б Средь⁸ упоенного народа
- а. *Начато*: Ты славу
- б. Ты жажду власти утолил
- в. Ты жажду славы утолил
< >
Их цепи лаврами обвил
- В а. *Начато*: Свершилось
- б. *Начато*: Среди⁹ людей в п< ><?>

¹ Стих записан отдельно ниже на листе среди вариантов ст. 33—36.

² Внизу листа отдельно записанный стих, по-видимому связанный с работой над ст. 37—40: [*Нрзб*] Желанья смелые вознес

³ Допущенная описка, сразу же исправленная.

⁴ Слово: народа осталось незачеркнутым и сохранялось, по-видимому, как рифма к слову: свобода. Было использовано в ходе дальнейшей работы над фрагментом (вариант Б).

⁵ Фрагмент дорабатывался (вариант Б) после того, как ниже на листе были записаны ст. 45—48.

⁶ Первоначально начато и сразу же зачеркнуто: [возоб< >] — возможно, описка.

⁷ Работа над начальными стихами фрагмента шла ниже на листе.

⁸ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: Средь было вычеркнуто и восстановлено.

⁹ Над зачеркнутым словом: Среди начато: в <нрзб>

- в. До упоенья до безумства
 з. [В ⟨нрзб⟩] Среди рабо⟨в⟩ до упоенья
 Ты жажду ⟨ ⟩ утолил
 а. *Начато:* Послал⟨?⟩
 б. *Начато:* Главы сокрыл
 в. *Начато:* Главы ⟨нрзб⟩ ⟨ ⟩ ⟨нрзб⟩ от
 з. Главы ⟨ ⟩ скрыв от ⟨ ⟩
 д. *Начато:* Исчезли
 е. Помчал ⟨ ⟩ их ополченья
 ж. К боям помчал их ополченья
 з. К победам мчал их ополченья
 и. На ближних мчал их ополченья
 к. К боям¹ помчал их ополченья
 л. К побед⟨ам⟩ мчал их ополченья²
 Их цепи лаврами³ обвил
- 49—52 А а. *Начато:* [Твоя⟨?⟩] И Франция
 б. *Начато:* [За⟨ ⟩] [На] З⟨ ⟩
 в. *Начато:* ⟨ ⟩ Франция
 з. *Начато:* Забыв
 д. ⟨ ⟩ добыча славы
 е. И Франция добыча славы
 ж. Твоя страна добыча славы
 з. Страна своб⟨оды⟩ жертва славы
 ⟨ ⟩
 а. *Начато:* [На] Н⟨ ⟩
 б. *Начато:* [Забыла] Забыв ⟨начато нрзб⟩⁴
 в. *Начато:* [З⟨ ⟩⟨?⟩] Забыла
 з. Забывши мысли величавы
 д. ⟨Нрзб⟩ ⟨ ⟩ величавы
 е. Забыла мы⟨сли⟩ величавы
 ж. *Начато:* Забыв удел⟨?⟩
 з. Забыв надежды [величавы]⁵
 а. [⟨Нрзб⟩] ⟨ ⟩ позор
 б. Любила ⟨ ⟩ позор
 в. Любила ⟨ ⟩ свой позор
 з. Любила [гор⟨дый⟩] блещущий позор
- Б Страна своб⟨оды⟩ жертва славы
 а. *Начато:* К тебе
 б. *Начато:* Вперив⟨?⟩

¹ Слова: К боям остались незначеркнутыми.

² Выше на листе, перед стихом: Их цепи лаврами обвил вписан альтернативный вариант стиха:

[Свой⟨?⟩] Прославил галлов униженья

³ Слова: Их цепи лаврами в автографе зачеркнуты тонким штрихом.

⁴ Написана только первая буква слова.

⁵ На правом поле отдельные записи, вероятно относящиеся к работе над стихом: [За мысли] [в⟨?⟩ ⟨нрзб⟩] дары забы⟨ ⟩⟨?⟩

- 53—56 А в. [*Нрзб*]¹ устремляя взор
Забыв надежды [величавы]
Любила блещущий позор
( )²
Европа гибла³ — и Россия
- а. Склоняла ( ) главу
б. Склоняла гордую главу
в. *Начато*: Порабощенную
- Б а. Европа гибла сон могильный
б. Европа жертвою обильной
в. *Начато*: [Над] От
г. Мечам готовя пир обильный
( )
Европа (гибла)⁴ сон могильный
Носился⁵ над ее главой....
- В а. Ты смерть ( ) пир обильный
б. Бежала смерть (на) пир обильный
в. Ты звал ее (на) пир обильный
г. Окровавленный пир обильный
( ) вся юность⁶ за тобой —
Европа (гибла) сон могильный
Носился над ее главой....
- Г Европа (гибла) сон могильный⁷
Носился над ее главой....
( )
- а. Все стало тенью гробовой
б. И стало тенью гробовой⁸
в. Все стало тенью гробовой
- Д Ты звал мечи (на) [пир обильный]
Европа гибла пред тобой
( ) дремото(ю)⁹ могиль(ной)
Носился над ее главой
- 57—60 А а. *Начато*: Молчало все

¹ Чтение М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской) (Акад. Т. 2. С. 709): На ближних. Сверху записано густо зачеркнутое и нечитаемое слово.

² На правом поле листа отдельно записанные наброски к первым стихам фрагмента: [Народы] Народы ниже: молву

³ Слова: Европа гибла остались незачеркнутыми и были повторены в ходе дальнейшей работы над фрагментом, продолженной на смежном листе (см. вариант Б «а»).

⁴ Возможно, слово было пропущено случайно.

⁵ В ходе работы над фрагментом слово: Носился было зачеркнуто и восстановлено.

⁶ В ходе дальнейшей работы над фрагментом слова: вся юность остались незачеркнутыми.

⁷ В ходе дальнейшей работы над фрагментом слово: могильный было сохранено как рифма и оставлено незачеркнутым.

⁸ После слов: И стало проведена вертикальная разделительная черта и над строкой написан зачеркнутый союз И. По-видимому, пробовался вариант: И тенью (стало) гробовой

⁹ В автографе: дремотой

- б. Тилзит... теперь мы <   >
Произнесем постыдный¹ звук....
- В Тилзит... нет русский не краснея
Произнесет постыдный звук²
- В а. *Начато*: Сбылось —
б. *Начато*: Где
в. <   > где защита
г. Где сила где ж ее защита
д. Сбылось! <   >
а. Стал <   > колосс
б. Вознесся <   > колосс
в. [Ко< >] Неколебимо — [б< >] < > колосс
г. Недвижно <   > стал колосс
д. На грудь ее <   > колосс
е. Ступил на грудь ее колосс
- Г Сбылось — в величии <   >
а. *Начато*: Ступил
б. *Начато*: На троне
г. Ступил на гр<удь ее колосс>
а. Тилзит... при сем постыдном³ звуке
б. Тилзит... при звуке сем <нрзб>
<   >
- 61—62 а. [Г] Тилзит могущего Героя
б. Тилзит надменного Героя
Последней славою⁴ венчал⁵
- 63 а. Но [т< >] <   > — — — но хлад покоя⁶
б. Но <   > мир но хлад покоя
в. Но скучный мир но хлад покоя
- 64 а. Безумца душу возмушал
б. Счастливца душу возмушал
- 65—72 А а. *Начато*: Идет на Русь — —
б. Восстал идет! восстань Россия!
Пылай великая Москва!..
Настали⁷ времена другие!
<   >
Вражда, вражда! наш до<говор>!..
- Б а. Идет на Русь — восстань, Царица —
б. На Русь!... — восстань, племен Царица —

¹ В ходе работы над стихом слово: постыдный было, по-видимому, зачеркнуто и восстановлено.

² Далее в автографе записаны ст. 61—62, затем ниже на листе после горизонтального отчерка записан вариант В ст. 57—60, а далее ст. 63—64.

³ Слова: сем постыдном вписаны над строкой.

⁴ Начата сразу отмененная правка: сча<стием>

⁵ Ниже не зачеркнутое слово: Улыбкой, возможно записанное в связи с работой над ст. 60—64.

⁶ Ст. 63—64 записаны в нижней части листа после варианта В ст. 57—60.

⁷ Исправлено из первоначального: Насталь

- а. Воспомни древние права
 б. <   > твои права
 в. Воспомни прежние пра<ва>
 Померкни солнце Австерлица!
 Пылай великая Москва!
 Настали времена другие!
 Исчезни — краткий наш позор
 В Москве не царь <   >
- 73 а. Мечи! вражда! наш до<говор>!..
 б. Война по гроб наш до<говор>!..
 а. *Начато*: И ты!.. с Кремля
 б. Безумец!... кто тебя подвиг<нул>¹
 в. Счастливец!.. кто тебя подвиг<нул>
 г. Губитель!.. кто тебя подвиг<нул>
 д. Несч<астный>!.. кто тебя подвиг<нул>
- 74 а. Кто обуял² твой гордый ум —
 б. Кто обуял твой грозный ум —
 в. Кто обуял твой гордый ум —
- 75—76 а. [Н< >] Ты сердца³ русских не по<стигнул>
 б. *Начато*: Теб< >
 в. Как <сердца русских не постигнул>
 Ты с высоты надменных дум
- 77 а. Не понял ты Москвы пожара
 б. Не понял ты Кремля пожара
- 78 а. Ты [м< >] <   > мечтал
 б. Ты в ослеплении мечтал
- 79 а. Что⁴ мира <   > ждем как дара!..
 б. Что мира снова ждем как дара!..
 в. Что мира вновь мы ждем как дара!..
- 80 а. [О] И поздно русских разгадал
 б. И <   > гибель разгадал
 в. И вдруг <   > разгадал
 г. И поздно гибель разгадал
- 81—82 А Оцепенел схватив руками
 Самодержавную главу!..
 Б а. <   > дрожащими руками
 б. Оцепенелы<ми> руками
 Схватив неверный свой венец
- 83—84 а. Ты гибель зришь перед⁵ очами
 И сам
 б. Ты бездну видишь пред очами
 Губитель! гибнешь наконец

¹ В ходе работы над стихом слова: кто тебя подвиг<нул> были зачеркнуты и восстановлены.

² В автографе первоначально с опiskой: убоаял

³ Исправлено из первоначального: сердце

⁴ Исправлено из начатого: Т< >

⁵ В ходе дальнейшей работы слово: перед осталось непереprавленным на: пред

- 85—88 А а. Падут — ( ) легионы
 б. Падут ужасных легионы
 в. Бегут бесстрашные дружины
 а. *Начато*: И хлад и меч
 б. ( ) и мертвый(?) хлад везде
 Б Бегут ( ) легионы
 Падут на чуждые брега —
 И их ( ) уроны
 Скрывают ( ) снега
 В Бегут ( ) ополчен(ья)
 Падут на чуждые брега —
 а. И возглашают [их] как спасенье
 б. И возгласили их паденье
 Окровавленные снега!...¹
- 89—92 А а. Он пал — и вслед ему народов
 б. Он пал — [и] ( ) но ропот
 Вослед
 Б Ты пал — ( )
 Гремят проклятия вослед
 В а. [О] И [*начато нрзб*] раздавался над тобою —
 б. *Начато*: Вослед
 в. И раздавалось над тобою
 г. И загремело² над тобою
 а. Проклятие земных племен
 б. Проклятие племен³ земных
 Г Ты пал — ( )
 Узрел ( ) твоих знамен
 И загремело над тобою⁴
 Проклятие земных [племен]
 Д а. И все воздвиглось(?), восшумело
 б. Все пробудилось, восшумело
 в. [И] все восторгом восшумело
 г. [И] все воздвиглось(?), восшумело
 Европа св(ой) расторгла плен
 а. И [ка( )(?)] ( ) загремело
 б. И над тобо(ю)⁵ загремело
 в. Как гром небесный загремело

¹ Под этим стихом в автографе поставлена фигурная скобка и записаны наброски, по-видимому связанные с доработкой фрагмента: В( ) и И тают. Ниже отдельно записанный незачеркнутый стих:

И ты с лица земли сокрыл(ся)

Под ним после горизонтальной разделительной черты начата работа над ст. 89—96.

² Возможно, исправлено из первоначального: возгремело

³ Слово: племен здесь было вычеркнуто, поскольку дальнейший ход работы с очевидностью предполагал возвращение к предыдущему варианту стиха, где, однако, это слово осталось невосстановленным.

⁴ В ходе дальнейшей работы над фрагментом стих остался незачеркнутым.

⁵ В автографе: над тобой

- 93—96 А Проклятие ⟨земных племен⟩¹
 Ты пал... ⟨ ⟩ и смертных роду —
 Б ⟨ ⟩
 а. Не ⟨нрзб⟩ ⟨ ⟩ истукан
 б. Разбит ⟨ ⟩ истукан
 в. Раздавлен гордый истукан
 В ⟨ ⟩
 ⟨ ⟩ тиран —
 а. Ты пал.... умолкни глас укора —
 б. Он пал.... умолкни глас укора² —
 а. Начато: Велик⟨ ⟩⟨?⟩
 б. ⟨ ⟩ падший Великан —
 в. Забыт ⟨ ⟩ Великан —
 Г а. Начато: [Простерта] [Но] Ты пал —³
 б. Рука великой Немезиды
 Простерлась..... [трепещи] тиран —
 Он пал... умолкни глас ⟨обиды⟩
 Лежит во прахе Великан...
- 97—100 А а. Начато: Не русской —
 б. Не русская ⟨ ⟩ лира
 в. Не русской лиры звук свободный
 а. Укором ⟨ ⟩ в сей день —
 б. Язвит(?) ⟨ ⟩ в сей день —
 ⟨ ⟩
 Твою развенчанную тень
 Б ⟨ ⟩
 Тот кто ⟨ ⟩ в сей день —
 [Уро⟨ ⟩] [⟨начато нрзб⟩] Укором ⟨ ⟩ ревнивым⁴
 Твою развенчанную тень
 В а. Начато: Погибни тот
 б. ⟨ ⟩ позоро⟨м⟩
 ⟨ ⟩ в сей день —
 а. Кто уязвит ⟨ ⟩ укором
 б. Кто ⟨ ⟩ возмутить⁵ укором
 Твою развенчанную тень
 Г Да будет он казнен позоро⟨м⟩
 а. Кто ⟨ ⟩ в сей день —
 б. Тот малодушный ⟨кто⟩ в сей день —
 Безумным возмути⟨т⟩ укором
 Твою развенчанную тень

¹ Слово: Проклятие, зачеркнутое при работе над последующими стихами, обозначает перенос сюда записанного выше (см. варианты В, Г) стиха: Проклятие земных [племен]

² В ходе дальнейшей работы слово: укора осталось невычеркнутым и незаменным.

³ В ходе дальнейшей работы слова: Ты пал — остались незачеркнутыми.

⁴ В автографе стих записан под стихом: Твою развенчанную тень

⁵ В ходе дальнейшей работы над фрагментом слово: возмутить осталось неизменным.

- 101—104 А а. Ты¹ мыслил² < > природу —
 б. Ты < > русскому народу
 а. [*Начато нрзб*] <Нрзб> < > доказал
 б. Высокий жребий <ука>зал³
 в. Ты <начато нрзб> жребий <ука>зал
 И миру — < > свободу —
 С утесов Эльбы заве<щал>
- Б а. <Нрзб>... ты русскому народу
 б. [*Хвала(?)!..*] Хвала ты русскому народу
 < > жребий <ука>зал
 а. И миру [веч<ную>] < > свободу —
 б. И миру [ве<чную>] позднюю свободу
 в. И миру ве<чную> свободу
 С утесов Эльбы заве<щал>⁴

Отдельно записанный набросок дополнений к тексту первой редакции
 (ПД 831, л. 63)

Редакторская сводка чернового автографа

Томясь <в> [угрюмом] заточенье
 Ты жаждал Фран<ции> своей
 И слыш<а> смерти приближенье
 Летел последней думой к <ней>
 Судьба страны где

Черновой автограф

- А В своем унылом заточенье
 а. [Г] Ты Францию свою [искал] жалел<?>
 б. *Начато*: Ты к милой Франции
 в. Ты жаждой<?> < > [горе<л>] горел<?>
 И слыш<а>⁵ смерти приближенье
 а. К ней < > думой улетел —
 б. К ней грустной думой улетел —
 в. Последней думой к <ней> летел —
- Б Томясь <в> [угрюмом] заточенье
 Ты жаждал Фран<ции> своей

¹ Исправлено из первоначального: И или Н< >

² Возможно, первоначально было: мыслил

³ В автографе не доведенное до конца изменение: [дока]зал

⁴ Ниже после горизонтальной черты отдельная запись: И ты, возможно связанная с возвращением к теме, намеченной на предыдущей странице стихом: И ты с лица земли сокрыл<ся> (см. выше, с. 265, сн. 1).

⁵ В автографе с опiskой: слышу

- И слыш(а) смерти приближенье
Летел последней думой к (ней)
а. Начато: Ее судьба
б. Начато: Судьба страны где

Разночтения копии Тург с текстом первой редакции

Заглавие	Ода
3	В пустыне дальней закатился
6	Ужасный баловень побед —
11	Приосенен своею славой
20	При громах власти роковой?
22	Войной шумели знамена,
43	Едва воскресшая свобода
52	На свой торжественный позор. —
57	Сбылось! — в величии постыдном
59—60	Тильзит.... при звуке сем обидном Теперь не побледнеет Росс!
64	Счастливица душу возмущал
65	На Русь!.... восстань племен Царица,
67	Померкни солнце Аустерлица
71	В Москве не царь! — в Москве Россия,
72	Война по гроб, наш договор!
75	Как сердце русских не постигнул
77—78	В чаду кремлевского пожара Ты позабылся..... возмечтал
80	Но поздно гибель разгадал! —
82	Схватив неверный свой венец
83	Ты видишь бездну пред очами
91	Как гром небесный загремело
94	Простерлась — трепещи тиран!
95—96	Ниспал! — умолкни глас обиды Во прах повержен великан
104	С своих утесов завещал

Первоначальные варианты белого автографа²
(ПД 833, л. 21—23 об.)

Заглавие:	Начато: См(ерть Наполеона)
3 а.	В пустыне дальней закатился
*б.	Средь волн пустынных закатился
17	Начато: О ты
20	При громах власти роковой;
22	Войной шумели знамена
43	Едва воскресшая свобода

¹ Позднейшая поправка, по-видимому, другой рукой: наш царь

² Нумерация стихов по тексту первой редакции. Звездочкой отмечены первоначальные варианты правки 1823 г.

- 57 Сбылось! — в величии постыдном
 59—60 Тильзит!... при звуке сем постыдном¹
 Уже не побледнеет Росс —
 65 а. На Русь!... восстань племен Царица!
 *б. Восстань полуночи Царица!
 *в. Восстань полночная Царица!
 69—72 а. Как в тексте.
 *б. Благослови Москву, Россия!
 Война по гроб наш договор!
 Настали времена другие,
 Исчезни, краткий наш позор!²
 77—78 а. В чаду кремлевского пожара
 Ты позабылся, возмечтал
 *б. Не предузнав Москвы пожара
 В чаду забывшись, возмечтал
 94 Простерлась.... трепещи, Тиран
 100 Его развенчанную тень
 101 Хвала! он русскому народу
 104 а. Со скал Елены завещал.
 *б. Своих утесов завещал.

Варианты автографа ПД 439
 (ст. 25—48 и 97—104 первой редакции)

- 32 Свободы яркий день вставал —

Переработка 1824 г.

⟨1⟩

Правка по тексту первой редакции в беловом автографе³
 (ПД 833, л. 21—23 об.)

- 18 Над обесславленной землей²
 65 а. Начато: Сюда
 б. О Русь полуночи Царица!
 в. Племен полуночи Царица!
 г. Россия, бранная Царица!
 65—72
 и 73—80 Поменяны местами.⁴
 83—84 а. Ты бездну видишь пред очами,
 Губитель гибнешь⁵ наконец

¹ Описка.

² Кроме того, на полях цифрами: 2) и 1) намечена перестановка местами ст. 65—72 и 73—80 (9-й и 10-й строк первой редакции), сразу отмененная (правка 1823 г.).

³ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

⁴ Указание на перестановку местами этих стихов (9-й и 10-й строк первой редакции) сделано цифрами 2 и 1 на полях.

⁵ Исправление слова: гибнет на гибнешь сразу же было отменено — поправка смазана пером.

- 89—92 А б. Он бездну види(т)¹ пред очами
Он гибнет гибнет наконец
И все как буря закипело
а. И все расторгл(о)² [*начато нрзб*] тяжкий³ плен;
б. Европа видит(?) тяжкий плен;
в. Европа [свой]⁴ расторгла плен
И над тобо(ю)⁵ загремело
Как гром проклятие племен
Б И все как буря закипело
Европа [свой] расторгла плен
а. И за тобо(ю) полетело
б. И вслед Тирану полетело
в. И вслед Героя полетело
Стрелой проклятие племен⁶
В И вслед Героя полетело
Стрелой проклятие племен
И все как буря закипело
Европа [свой] расторгла плен
93—94 а. И перст [*нрзб*] [вел(икой)] народной Немезиды
[К теб(е)] Уж поднят трепещи, Тиран
И кровью излились(?) обиды
И пал низвержен великан
б. И дл(а)нь⁷ народ(ной) Немезиды
Подъята на тебя, Тиран⁸
И кровью излились(?) обиды
И пал низвержен великан
в. < > руку Немезиды
< > видит Велик(ан)
И до последней все оби(ды)
Отплачены тебе Тир(ан)
г. И длань на(родной) Немезиды
Подъяту видит Вели(кан)
И до последней все оби(ды)
Отплачены тебе Тир(ан)
101 Хвала! он русскому народу

¹ При замене местоимения Ты на Он слово: видишь осталось неизменным.

² В ходе работы над стихом слово: расторгла оставалось неизменным и невычеркнутым.

³ В ходе работы над стихом слово: тяжкий было зачеркнуто и восстановлено.

⁴ Слово: свой осталось случайно невосстановленным.

⁵ В автографе: над тобой

⁶ Намеченная далее (вариант В) перестановка стихов обозначена цифрами 2) и 1) на левом поле.

⁷ В слове допущена описка.

⁸ Этот вариант первых двух стихов фрагмента остался незачеркнутым; работа над ними была продолжена выше на листе, на левом поле у корешка тетради.

(2)

Вставка к тексту первой редакции после ст. 96
(ПД 833, л. 23 об.)¹

Первоначальный беловой автограф

1

Он искупил свои стяжанья
И зло воинственных чудес...
Тоскою тягостной изгнанья²
Под сенью душевной тех небес
И ныне остров заточенья
Полнощный путник посетит
И тихо слово примиренья
На том он³ камне начертит⁴

2

Где устремив на волны очи
Изгнанник помнил звук мечей
И льдистый ужас полуночи⁵
И небо Франции своей
Где иногда в своей пустыне⁶
Забыв войну, потомство трон
Один, один о милом сыне⁷
С⁸ улыбкой грусти думал он

Правка по тексту белового автографа⁹

- 97—100   Искуплены его стяжанья
а. И страх(?) воинственных чудес...
б. И зло воинственных чудес...
а. Мученьем медленным изгнанья

¹ Ст. 97—104 и 105—112 (13-я и 14-я строфы) второй редакции. Записаны под цифрами 1 и 2 в два столбца под текстом заключительной строфы первой редакции, над которой поставлена цифра 3 (цифры обозначают окончательный порядок заключительных строф стихотворения); под ними поставлена фигурная скобка — знак концовки.

² Было начато: Тоской и тяжким

³ Слово: том было зачеркнуто и восстановлено; слово: он в ходе дальнейшей работы осталось незачеркнутым.

⁴ Было: На грозном камне начертит

⁵ Было начато: Изгнанник помнил прежних дней
Кр( )

⁶ Было начато: Где иногда забыв

⁷ Было начато: Один, один в

⁸ При последующей правке предлог: С остался неизменным.

⁹ Нумерация стихов по основному тексту.

6. Тоскою душего изгнанья
 Под сенью [чу( )] чуждою небес¹
 101—104 И знойный остров заточенья
 Полнощный парус посетит
 а. И ныне [сл( )] слово примиренья
 б. И русский слово примиренья
 в. И путник слово примиренья
 На ( ) камне начертит
 112 (В) уныньи горьком думал он

Разночтения Ст 1826 и Ст 1829

Заглавие	Наполеон. 1821	Ст 1826
в оглавлении		
Вм. 25—48	Две строки отточий. ²	Ст 1826, Ст 1829
Вм. 57—64	Две строки отточий. ³	Ст 1826, Ст 1829
Вм. 75	Строка отточий. ⁴	Ст 1826, Ст 1829

Разночтения копий Алм, Заб₂, Нейш₁, Соб₁, Отб, Карт, Нейш₂, Долг, Нейш₃, Тих, Бар, Лон — Полт, Полт₂, Ал, Даш, Мар, Е, Кав и публикаций ПЭ, Герб⁵

Заглавие	Смерть Наполеона	Алм, Долг
Заглавие	На смерть Наполеона	Заб ₂ , Нейш ₁
Заглавие	Ода. На смерть Наполеона	Нейш ₂
Заглавие	Ода на смерть Наполеона	Нейш ₃
Заглавие	Ода Наполеону	Кав
20	Пред громом силы роковой!	Заб ₂
28	Повергнул ветхий свой кумир;	Е
32	Свободы светлый день настал, — ⁶	Алм, Заб ₂ , Соб ₁ , Отб, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт ₂ , Ал, Даш, Мар, ПЭ
32	Свободы светлой луч вставал.	Долг
32	Свободы светлой день настал...	Герб

¹ Отдельно записанный набросок переработки первых стихов строфы:

Но полно — муч(еник) изгнанья
 Под

² Цензурная купюра.

³ Цензурная купюра.

⁴ Цензурная купюра.

⁵ В Соб₁ ст. 25—49 и 57—65; в Тих ст. 25—48, 57—65, 73—76 и 79—80; в Бар и Даш ст. 24—49 и 56—65; в Лон—Полт ст. 25—48 и 57—64; в Полт₂ ст. 25—48 и 57—65; в Мар ст. 25—80; в Е ст. 25—40, 73, 79—80; в Герб ст. 25—32, 43—44, 65, 73, 79. В Соб₁, Тих, Бар, Даш и Полт₂ под заглавием: Пропуски из «Наполеона»; в Лон—Полт под заглавием: Пропущенные строфы в стихотворении «Наполеон»; в Мар под заглавием: Пропущенные строфы из стихотворения «Наполеон»

⁶ В Тих дан дополнительный вариант как в тексте.

- 38 Ты слишком веровал душой,
39 Тебя пленило самовластье
- 42 Ты буйность юную сразил,
42 Ты буйность силою смирил,
43 Едва рожденная свобода¹
44 Вдруг онемев, лишилась крыл;
- 44 Вдруг онемев, лишилась крил;²
- 46 Ты жажду славы утолил.
46 Ты власти жажду утолил.
- 48 Их цепи лаврами увил.
50 Печальный устремила взор,
57 Сбылось, в величии постыдном³
59 Тильзит (при звуке столь обидном
60 Уже не побледнеет росс) —⁴
- 62 Последней славой увенчал,
63 Но скудный мир, но хлад покоя
64 Счастливицу душу волновал.
65 Губитель, кто тебя подвигнул?
- 67 Как сердце русских не постигнул
68 Ты с высоты надменных дум?
- 73 Но Русь! восстань племен царица!
75 Померкни, солнце Аустерлица!
- 78 Загладим краткий наш позор!
78 Загладим прежний наш позор!
79 В Москве не царь, в Москве Россия!
- 79 В Москве наш царь, в Москве Россия!
80 «Война по смерти!» наш договор.
- Нейш₁, Нейш₂, Нейш₃
Заб₂, Соб₁, Тих, Бар,
Лон—Полт, Полт₂, Даш, Мар,
ПЗ
Нейш₁
Отб
Тих
Алм, Нейш₁, Отб, Нейш₂, Долг,
Нейш₃, Лон—Полт, Ал, Мар,
ПЗ, Кав
Заб₂, Соб₁, Карт, Бар,
Лон—Полт, Полт₂, Даш, Герб
Отб
Тих, Лон—Полт, Полт₂, Ал,
Мар, ПЗ
Кав
Нейш₂, Нейш₃
Тих, Ал, Мар, ПЗ
Карт
Алм, Заб₂, Соб₁, Отб, Карт,
Долг, Нейш₃, Тих, Бар,
Лон—Полт, Ал, Даш, Кав
Нейш₂, Нейш₃
Алм, Заб₂
Нейш₁
Алм, Заб₂, Нейш₁, Соб₁, Отб,
Карт, Нейш₂, Долг, Нейш₃, Тих,
Бар, Полт₂, Даш, Мар, Кав,
Герб, ПЗ
Долг
Алм, Заб₂, Нейш₁, Карт, Нейш₂,
Долг, Нейш₃, Кав
Е, Герб
Алм, Карт, Нейш₂, Нейш₃, Ал,
Мар, ПЗ
Алм, Нейш₁, Нейш₂, Долг,
Нейш₃, Кав
Заб₂
Алм, Заб₂, Отб, Нейш₂, Долг,
Тих, Ал, Е, ПЗ, Герб
Кав
Нейш₁, Нейш₂, Нейш₃

¹ В Тих дополнительный вариант.

² В Лон—Полт и Кав исправление в копии, в Кав первоначально было как в тексте.

³ В Тих дополнительный вариант.

⁴ В Тих позднее исправлено как в тексте. В Соб₁, Нейш₂, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал и Даш в ст. 59—60 отсутствуют скобки.

81	Оцепеневшими руками	Алм
82	Схватил кровавый свой венец;	Алм
82	Схватив кровавый свой венец,	Заб ₂ , Нейш ₁ , Нейш ₂ , Долг, Нейш ₃ , Кав
83	Он видит бездну пред очами,	Алм, Заб ₂ , Нейш ₁ , Нейш ₂ , Долг, Кав
83	Он видел бездну пред очами,	Нейш ₃
85	Бежит Европы ополченье;	Заб ₂ , Нейш ₁ , Карт, Нейш ₃
89	И все как буря зашумело;	Алм, Заб ₂ , Нейш ₁ , Нейш ₂ , Кав
91	Вослед тирана полетело,	Алм, Заб ₂ , Нейш ₁ , Карт, Нейш ₂ , Долг, Нейш ₃ , Кав
93	Уж длань народной Немезиды	Нейш ₁ , Нейш ₂ , Нейш ₃
96	Оплачены тебе, тиран!	Алм, Заб ₂
96	Отомщены тебе, тиран!	Нейш ₂ , Нейш ₃
100	Под сению чужих небес.	Нейш ₁
102	Полночный парус посетит,	Нейш ₁ , Отб, Карт, Нейш ₂ , Долг, Нейш ₃ , Кав
104	На камне оном начертит, ¹	Алм, Заб ₂ , Нейш ₁ , Карт, Нейш ₂ , Долг, Нейш ₃ , Кав
109	Где некогда в своей пустыне	Заб ₂
109	Там иногда в своей пустыне	Нейш ₁ , Нейш ₂ , Нейш ₃ , Кав
112	В волненьи горьком думал он.	Нейш ₁
113	Да будет покровен позором ²	Нейш ₁
115	Безумным омрачит укором	Нейш ₁
120	Из мрака ссылки предсказал.	Нейш ₁

ВОЙНА

(«Война!... Подъяты наконец...»)

(С. 59)

Варианты автографа Ав₁ (ст. 10—20 и 30—32)³

(ПД 40)

- 10 а. Паденье ратных и вождей....
 б. Паденье грозное Беллониних детей....
 13 Все будет ново мне — простая сень шатра
 15 а. Призывный барабан, гром пушки, треск ядра
 б. Как в тексте.
 16 И страшной битвы ожиданье....
 19 а. Начато: Двойно(й)
 б. Как в тексте.

¹ В Заб₂ исправлено из первоначального: На камне гроба начертит

² Исправлено из первоначального как в тексте.

³ Верхняя часть листа оборвана; сохранились ст. 10—20 и 30—32 на обороте.

- 30 а. Томленье тяжкое душою <овладело>{?}
 б. Не сохранилось.¹
 Под текстом 29 ноябр<я>²
 1821³

Варианты автографа Ав₂
 (ПД 833, л. 12—12 об.)

- 1 а. Война! развиты наконец,
 б. Как в тексте.
 2 Шумят знамены бранной чести!
 4 а. Засвищет вокруг меня погибельный свинец
 б. Как в тексте.
 5 И сколько новых впечатлений
 7—8 а. Движенье ратных ополчений
 Тревоги стана, гром мечей
 б. Как в тексте.
 10 а. Паденье грозное беллониних друзей:
 б. Паденье грозное и ратных и вождей:
 в. Как в тексте.
 16 а. И смерти близкой ожиданье —
 б. Как в тексте.
 22 а. Свобода пылких чувств, к высокому стремленью
 б. Как в тексте.
 25 а. И ты, и ты любовь!... ужель ни славы шум
 б. Как в тексте.
 26 Ни грозные труды, ни ропот гордой Славы
 Под текстом 1821

Разночтения копии Вяз₁

- Заглавие Ожидание Войны
 1 Война!.. развиты наконец
 5 И сколько новых впечатлений
 23 Воспоминания и брата и друзей,
 26 Ни грозные труды, ни ропот гордой славы,

Разночтения ПЗ 1823⁴

- Заглавие Мечта воина.
 1 Война!.. Развиты наконец —
 5 И сколько новых впечатлений
 *14 Огни врагов, их чуждое призванье,
 *23 Воспоминание и братьев и друзей,

¹ Часть листа с текстом оборвана.

² Слово: ноябр<я> написано вместо первоначального зачеркнутого: окт<ября>

³ Цифра 2 в обозначении года переправлена из первоначально написанной по ошибке 1

⁴ Звездочкой отмечены стихи, искаженные в публикации «Полярной звезды».

- *26 Ни грозные труды, ни ропот грозной славы,
*27 Ничто не заглушит моих тревожных дум?

Варианты Кап

(по изд.: Майков. Автографы П.; Томашевский. Новые материалы¹)

- Заглавие Элегия IX. Война (1821)
5 а. И сколько новых впечатлений
б. Как в тексте.
26 а. Ни грозные труды, ни ропот гордой славы
б. Как в тексте.

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Война. 1821

ГЕНЕРАЛУ ПУЩИНУ

(«В дыму, в крови, сквозь тучи стрел...»)

(С. 60)

Черновой автограф²

- 1—4 А Хвала тебе <.....>
Грядущий наш К<виорога>
Б а. Начато: Предвидишь
б. Уже предвидишь свой уд<ел>
О Пуц<ин>, наш К<виорога>³
В а. < >
Тебе < > д<орога>
Но ты предвидел свой уд<ел>
О Пуц<ин>, наш К<виорога>
Г а. Начато: В дыму
б. В кро<ви>, в дыму < > <.....>
а. Теперь т<воя><?> д<орога>

¹ В изд.: Майков. Материалы (С. 130) отмечено, что «рукопись гр<афа> Капниста представляет текст, уже исправленный согласно предшествующему (имеется в виду текст Ав2. — Ред.), но содержит в себе еще новые поправки в стихах 8-м и 26-м». Здесь очевидна опечатка: имеются в виду ст. 5 и 26, поскольку ст. 8 был исправлен уже в Ав2, а, согласно Майкову, речь идет о стихах, которые в Ав2 «исправлены не были, но вошли в окончательную редакцию».

² Лист оборван; текст сохранился не полностью. Многоточием в угловых скобках обозначен недостающий текст на оборванном крае листа.

³ Далее был сделан отчерк, ниже которого Пушкин начал работать над стихами, соответствующими ст. 1—2 окончательного текста; прямых указаний на то, что записанные ниже отчерка два стиха должны быть перенесены вперед, в рукописи нет; на их место в тексте указывает сделанная на этом этапе работы правка в стихе: Уже предвидишь свой уд<ел> и появление в нем союза: Но

- б. Твоя теперь д(орога)
 в. < > д(орога)
 Но ты предвидел свой уд(ел)
 О Пущ(ин), наш К(виорога)
- 5—6 а. *Начато:* Оставля брань
 б. Когда умолкнет брань
 в. *Начато:* В дни
 г. *Начато:* И¹
- 7—8 < >
 а. Ты молоток <.....>
 б. Он молоток <.....>
 в. И молоток <.....>
 И воззо<.....>
- 9—12 О темный <.....>
 [Лику<й>] <.....>
 [Вы² бра<.....>]

К ОВИДИЮ

(«Овидий, я живу близ тихих берегов»)

(С. 61)

Первоначальный черновой набросок
 (ПД 831, л. 67 об.)

- А Овидий, я брожу по тем же берегам
 Которым некогда ты пепел свой оставил
- Б Задумчив и < >
 Овидий, я брожу по тем же берегам
 Которым некогда ты пепел свой оставил
 [Где] <Нрзб>
- В *Начато:* [Овидий]

Черновой автограф
 (ПД 831, л. 53 об.—56)

- 1—2 Овидий, я живу близ тихих берегов
 а. Которым изгнанных отеческих богов
 б. В которы изгнанных отеческих богов
 в. К которым изгнанных отеческих богов
 г. Которым изгнанных отеческих богов
- 3 а. Ты некогда принес, где³ < > оставил;
 б. Ты некогда принес, где легкий прах оставил;

¹ Зачеркнуто; правее на этой же строке вновь записано: И и снова зачеркнуто.

² Исправлено из первоначального: О

³ Слово: где было зачеркнуто и повторено над строкой.

- в. Ты некогда принес, где пепел свой оставил;
 з. Ты некогда принес, и ( ) след оставил;
 д. Ты некогда принес, где мирный [след] оставил;
- 4 а. *Начато:* [Где] [И] [И где] И
 б. Твой плач — ( ) страны сии прослав(ил)¹ —
 в. Твой безотрадный плач — сии берега сии прослав(ил) —
 з. Твой безотрадный плач — сии страны² прослав(ил) —
 д. Твой безотрадный плач — сии страны прослав(ил) —
 е. Твой безотрадный плач — места сии прослав(ил) —
- 5—6 А а. *Начато:* Тебя привыкли мы
 б. Еще ( ) сей предел
 в. Следы твои хранит³ печальный сей предел
 а. Зде(сь) лиры ( ) еще не улетел⁴ —
 б. Звук ( ) еще не улетел —
 в. Здесь лиры ( ) еще не улетел —
 з. Звук лиры здесь еще ( ) не улетел —
 д. *Начато:* Печальный
 е. *Начато:* [Несчастный] Знако(мый)(?)
 ж. Здесь нежный лиры глас ( ) улетел⁵
- Б а. И лиры сладкий глас еще не онемел
 Еще тобою полн угрю(мый) ( )
 б. Следы ( )
 И лиры сладкий глас еще не онемел
 в. И лиры нежный глас еще не онемел
 Следы твои хранит ( )
 з. Еще тобою полн угрюмый (сей предел)
 И лиры нежный глас еще не онемел
- 7—10 А Ты рано⁶ приучил мое воображенье
 ( ) поэта заточенье
 ( ) снега
 ( ) и тощие луга —
- Б Он рано впечатлел⁷ в моем воображеньи
 а. Твое полночное ( ) заточенье
 б. Твое пустынное ( ) заточенье
 в. Пустыню(?) мрачную(?) ( ) заточенье
 з. [Свое(?)] Твое пустынное ( ) заточенье
 д. Уединенное поэта заточенье
 е. ( ) мирное(?) поэта заточенье

¹ В слове допущена описка.

² Над строкой неразборчивое начало слова; возможно, сначала предполагался вариант: ст(раны)(?) сии

³ По-видимому, сначала было начато: [Тво( )(?)] Хранит тво(и следы). В ходе дальнейшей работы слова: Следы твои остались незачеркнутыми.

⁴ В слове: улетел описка: улець

⁵ В ходе дальнейшей работы слова: Здесь нежный лиры глас остались незачеркнутыми. Дальнейшая доработка фрагмента (вариант Б) велась ниже на листе, после того как были записаны варианты А, Б ст. 7—10.

⁶ Слово: рано вписано над строкой.

⁷ В ходе дальнейшей работы: Он впечатлел остались невычеркнутыми.

- а. <   > печальные снега
 б. Замерзлых вод хол(мы)<?> печальные снега
 в. Равнины мерзлых вод печальные снега
 з. Пустыни льдистых вод печальные снега
 д. Угрюмые хол(мы) привычные снега
 а. И краткой теплотой нагретые луга —
 б. Минутной¹ теплотой согретые луга —²
- В а. Здесь любит находить мое воображенье³
 б. Давно ты рисовал в моем вообра(женье)
 в. Давно я рисовал в моем вообра(женье)
 з. Давно ты рисовал в моем вообра(женье)
 д. Давно я рисовал в моем вообра(женье)⁴
 Твое <   > заточенье
 [Угрюмые] хол(мы) привычные снега
 Минутной теплотой согретые луга —
- Г а. Начато: Здесь
 б. Он впечатлел уже в моем воображеньи
 в. Он слабо впечатлел в моем воображеньи
 [Уединенного⁵] поэта заточенье
 [Угрюмые] хол(мы) привычные снега
 Минутной теплотой согретые луга —
- 11—14 А а. Начато: На берегах Невы
 б. Начато: Как часто на берегах Невы
 в. Начато: Как часто за тобой я сле(довал)
 з. Как часто⁶ увлечен волшебных струн игрою
 д. <   > волшебных струн игрою
 а. Начато: Я шел
 б. Начато: Спешил
 в. Начато: Я шел
 з. <.....>⁷ следовал Ов(идий) за тобою —
- Б Как часто увлечен вол(шебных струн игрою)
 <Я> сердцем [следовал] Ов(идий) за тобою —
 <.....> валов
 <.....> <берего>в —
- 15—16 а. Где ждет певца любви жестокая <на>града⁸;
 Где нивы без теней, холмы без винограда —

¹ В ходе работы над стихом слово: Минутной было вычеркнуто и восстановлено.

² Доработка фрагмента велась между строк у корешка и ниже на листе, после варианта Б ст. 5—6.

³ В ходе дальнейшей работы слова: Здесь любит находить мое остались незачеркнутыми.

⁴ В ходе дальнейшей работы стих остался незачеркнутым. Возможно, варианты «б»—«д» стиха записаны как альтернативные к варианту «а».

⁵ Исправлено из первоначального: Уединенное

⁶ Слово: часто вписано.

⁷ Лист оборван; текст сохранился не полностью. Многоточием в угловых скобках обозначен недостающий текст на оборванном крае листа.

⁸ Описка.

- б. Там ждет певца любви жестокая <на>града;
Там нивы без теней, холмы без винограда —
- в. Где ждет певца любви жестокая <на>града;
Там нивы без теней, холмы без винограда!
- 17—18 А а. *Начато*: [Там] Рожденные средь
б. <   > средь ужасов войны —
в. <   > смятение войны —
   <   > снегов суровые сыны
- Б а. В снегах родясь — <   > войны —
б. Рожденные в снегах средь ужасов войны —
в. Рожденные в снегах для ужасов войны —
   а. Холодной Скифии суровые сыны
   б. <Нрзб> Скифии суровые сыны
   в. Там холодной Скифии суровые сыны
- 19—20 А а. Грозят набегами соседям(?) осторожным
б. Грозят набегами соседям(?) беззащитным
в. *Начато*: За Истром утаясь — готовые к
   з. За Истром утаясь — готовы к нападень(ю)¹
   Грозят набегами <   > поселеньям
- Б а. За Истром утаясь — среди(?) <   >
б. За Истром утаясь добычи ожи(дают)
- а. И селам кажды(й) час набегом угрожают —
   б. И селам кажды(й) день набегом угрожают —
   в. И селам кажды(й) миг набегом угрожают —
- В а. За Истром каждый(?) <   > добычи ожи(дают)²
   И селам кажды(й) миг набегом угрожают —
- 21 а. *Начато*: Для
б. Преграды <нет> для них — в волнах они плывут
- 22 а. И по льду скользкому бестрепетно бегут³
б. И по льду хрупкому бестрепетно бегут
- 23—28 А а. *Начато*: Ты сам — изнеженный
б. Ты сам — <   > судьбе превратной —
   Ты будешь пр(инужден)
- Б а. Ты сам — [<нрзб>] дивись своей судьбе превратной —
б. Ты сам — дивись Назон — дивись судьбе превратной —
   а. Зачем(?) от юных дней, презревший меч булатный
   б. Ты с юных дней своих презревший меч булатный
   в. Ты сам от юных(?) дней(?) презревший меч булатный
   з. Ты с юн(ых дней своих) презревший меч булатный
   Ты будешь принужден⁴ на [белу(ю)] белые власы
   а. *Начато*: Взложить тяжелый

¹ Окончание слова не прописано.

² После слова: каждый(?) проведена соединительная черта ко второму полустижию следующего стиха. Возможно, таким образом намечен вариант ст. 19: За Истром каждый(?) <   > набегом угрожают, требовавший соответствующей переработки и ст. 20. Правка не учитывалась в дальнейшей работе над текстом.

³ В ходе работы над стихом слово: бегут было зачеркнуто и восстановлено.

⁴ Слова: Ты будешь принужден оставлены незачеркнутыми.

- б. < > [во дни] — — часы
 в. Венчанные [*начато нрзб*] < > — — часы
 2. [*Нрзб*] Венком¹ венчанные < > — — часы²
- В Ты сам — дивись Назон — дивись судьбе превратной —
 Ты с юн(ых дней своих) презревший меч булатный
 Привыкший миртами венчать свои власы
 И в мире провождать [беспечные] часы
 Ты будешь принужден хранить и шлем < >
 И меч хранить < > над лирою печальной
- Г Ты сам — дивись Назон — дивись судьбе превратной —
 Ты с юн(ых дней своих) презревший меч булатный
 Привыкший миртами венчать свои власы
 И в мире провождать [беспечные] часы
 Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый
- а. И меч хранить < > близ лиры онемелой
 б. И грозный(?) меч хранить близ лиры онемелой
 в. И гордый меч хранить над лирой охлад(елой)
- 29 а. Ни дочь < > на старости твоей
 б. Ни дочь ни жена — ни < > сонм друзей
 в. Ни дочь ни жена — ни прежний сонм друзей
 2. Ни дочь ни жена — ни мирный сонм друзей
 д. Ни дочь ни жена — ни *нрзб* сонм друзей
- 30 а. Ни музы верные, на старости твоей
 б. Ни муза прежняя, на старости твоей
 в. Ни музы прежние, на старости твоей
- 31 а. [Тво(ей)] < > не усладят печали — —
 б. Увы! не усладят изгнанника печали — —
 в. Певца-изгнанника не усладят печали — —
- 32 а. Напрасно грации [главу] чело твое венчали
 б. Напрасно грации главу твою венчали
 в. Напрасно грации стихи твои венчали
- 33—34 А Напрасно юноши, с волнением в крови³
 а. *Начато*: Читаю(т)
 б. Твердят стихи твои училище (любви)
 в. Стихи твои зовут училищем (любви)
 2. < > видят в них училище (любви)
- Б а. Напрасно юноши⁴ их шепчут наизусть
 б. Напрасно юноши их учат наизусть
 а. Ты [дн(и)] < > влачишь изгнание < >
 б. Напрасно! ты поешь изгнание и грусть —⁵

¹ Слово: Венком *осталось незачеркнутым.*

² *Над строкой зачеркнутые записи, относящиеся к работе над фрагментом: [от(?)] [ты ль бу(дешь)] [*нрзб*] [в бе( )(?)]. Ниже на листе записаны наброски к следующим стихам: [близ] И [грозное ко(пье)] [близ]*

³ Слова: с волнением в крови *в ходе дальнейшей работы были зачеркнуты и восстановлены.*

⁴ В автографе с опиской: юношу

⁵ На левом поле листа *начата и сразу же отменена поправка: [д( )]*

- в. В изгнаныи [в] < > влачить < > грусть —¹
 з. Ни жалобы твои — < > грусть —
 д. Ни слава, ни лета, ни жалобная грусть —
- 35 а. *Начато*: Не тронут Августа! —
 б. Ни просьбы робкие² Октавия не тронут —
 в. Ни <2 нрзб> Октавия не тронут —
 з. Ни [про(сьбы)<?>] < > Октавия не тронут —
 д. Ни лстыивые<?> [<нрзб>] стихи Октавия не тронут —³
 е. Ни просьбы ни хвалы Октавия не тронут —
- 36 а. И [струны] [звучи] < > вотще < > стонут!
 б. И струны робкие вотще [в <нрзб>] средь <нрзб> стонут!
 в. И песни робкие в < > забвеньи тонут —
 з. И звуки робкие в немом забвеньи тонут —
 д. Вотще<?> < > в <нрзб> забвеньи⁴ тонут —⁵
 е. Дни старости < > в забвен(и)и потонут —⁶
- 37 [Роск(ошный)] Златой Италии роскошный гражданин
- 38 а. Меж < > ты скучен и один
 б. Меж < > варваров ты скучен и один
 в. Меж грубых варваров ты скучен и один
 з. В отчизне варваров безвестен и один
- 39 а. Ты звука родины вокруг себя не слышишь;
 б. Ты слова родины вокруг себя не слышишь;
 в. Ты звука родины вокруг себя не слышишь;
- 40 а. *Начато*: Ты с
 б. Ты в [<начато нрзб>] горести друзьям
 в. Ты в горести своей друзьям далеким⁷ пишешь
 з. Ты в тяжкой горести далек(ой) дружбе пишешь⁸
- 41 а. О возвратите мне страну моих отцов
 б. О возвратите мне поля моих отцов
 в. О возвратите мне священный град отцов
- 42 а. *Начато*: И Рим
 б. *Начато*: И Рим < > [<начато нрзб>]
 в. И тени мирные [<нрзб>] наследственных сад(ов)
- 43—48 А О други — Августу мольбы мои несите
 а. Коль можно Кесаря мольбами преклоните
 б. < > Кесаря < > мольбами преклоните
 в. Коль можно гнев < > мольбами отклоните

¹ Над строкой *начато* и сразу же отменена поправка: [вл< >?>]

² Слова: просьбы робкие в ходе работы над стихом были вычеркнуты и восстановлены.

³ На левом поле листа *начато* поправка: Ни т< >?>

⁴ При дальнейшей правке слово: забвеньи осталось неизменным.

⁵ Следующему варианту предшествовали наброски: [И <начато нрзб>] [<нрзб>] [дни твоей] [дней] [седые]

⁶ Далее в автографе шла работа над ст. 49—68; ст. 37—48 записаны после них, отделены от последующего текста горизонтальным отчерком и отмечены условным значком (крестом); место их вставки отмечено в автографе горизонтальным штрихом.

⁷ При дальнейшей правке слово: далеким осталось неизменным.

⁸ Дальше в автографе *начато* работа над ст. 43—48 (варианты А, Б).

- г. Карающих¹ богов² мольбами отвра(тите)
 д. Карающ(ую) длань мольбами отвра(тите)
 а. *Начато*: Я здесь умру —
 б. *Начато*: Я с грусти здесь умру —
 в. *Начато*: [Хотя] [Хотя бы] [Скажите что] Хотя б
 г. *Начато*: [О если б гнев] [Хотя б] Хотя б
 д. Хотя бы наконец смягчая гнев ужасный
 Приблизил он меня к Италии прекрасной,
 Б О други — Августу мольбы мои несите
 Карающ(ую) длань мольбами отвра(тите)
 (Нрзб) [(нрзб)] (нрзб) смягчая гнев ужасный
 Приблизьте хоть мой гроб к Италии [прекрасной],³
 В О други — Августу мольбы мои несите
 Карающ(ую) длань мольбами отвра(тите)
 а. Но если гневный бог досель⁴ неумолим
 б. Но если грозный бог досель неумолим
 а. И [мне] ( ) загражден ( ) великий Рим
 б. И не увижу век, тебя, великий Рим
 а. *Начато*: Пусть(?)⁵
 б. Последнею [мо(льбой)(?)] ( ) смя(гчая) гнев ужасный
 в. Последнею мольбой смя(гчая) рок ужасный
 Приблизьте хоть м(ой гроб к Италии прекрасной)
 49 а. *Начато*: Чье сердце хладное, тебе
 б. Чье сердце строгое, презревшее харит —
 50 а. *Начато*: И долгие
 б. ( ) и слезы укорит
 в. И слезы ( ) укорит
 г. И (нрзб) [(начато нрзб)] ( ) и слезы укорит
 д. (Нрзб) и грусть и слезы укорит
 е. Твое уныние и слезы укорит
 51 а. Кто [хладн( )(?)] ( ) прочтет без умил(енья)
 б. Кто в (нрзб)⁶ ( ) прочтет без умил(енья)
 в. Кто в хладн(ой) гордости прочтет без уми(ленья)
 52 а. *Начато*: [Твой] [По(следние)] Твой
 б. Сии последние живые песнопенья
 53 а. *Начато*: [П( )] [Где] Где ты священному
 б. Где ты свой [(нрзб)] плач(?) потомству передал!
 в. Где ты свой долгий [(нрзб)] потомству передал!⁷

¹ При дальнейшей правке окончание в слове: карающих осталось неизменным.

² В ходе дальнейшей работы слово: богов осталось незачеркнутым.

³ Дальше в автографе повторен неполный стих: О други, [Август(у)] и записаны ст. 41—42; работа над ст. 43—48 (вариант В) продолжена ниже; окончательный порядок стихов не обозначен.

⁴ Слово: досель вписано над строкой.

⁵ Выше начата правка: П( )

⁶ Слово густо зачеркнуто.

⁷ При переносе работы на смежный лист начало стиха было повторено и затем вычеркнуто: [Где ты свой долгий]

- 54—56 А а. Я грубый славянин — я нежных слез не знал
 б. Я грубый славянин — я слабых(?) слез не знал
 в. Я знал несчастье — [я] но слезы я не знал
 Суровый славянин — изгнанник самовольный,
 а. *Начато:* Бродил по берегам
 б. *Начато:* Брожу по берегам
 Б Суровый славянин — я слез не проливал
 а. Я знал несчастье; изгнанник самово(льный)
 б. Но знал несчастье; изгнанник самово(льный)
 а. Забытый ( ) собою недовольный
 б. Забытый дружеством собою недовольный
- 57—58 А а. Растерзанный¹ — ( ) бродил я по холмам —
 б. Растерзанный — ( ) бродил я близ холмов —
 а. *Начато:* Где ты любимец муз² —
 б. Где тщетно ( ) глухих богов
 Б а. Страстями ( ) я некогда бродил
 б. С взволнованной(?) душой задумчив я бродил
 а. *Начато:* В стране
 б. [В] В стране где грустный век ты некогда влачил —
- 59 а. Там³ — — ( ) огонь⁴ воображенья
 б. Там ( ) оживив мечты⁵ воображенья
 в. Там тайно оживив мечты воображенья
 г. Там музой оживив мечты воображенья
 д. Там снова оживив мечты воображенья
 е. Там оживив опять мечты воображенья
 ж. Там оживив тобой мечты воображенья
- 60 а. *Начато:* Я снова повторил
 б. Я повторял твои живые песнопенья
- 61 а. *Начато:* Я видел
 б. И ( ) не поним(ал)(?)⁶
 в. *Начато:* И грубой(?) (нрзб)
 г. И ( ) картины поверял —
- 62 а. Но взор обманутый мечтаньям изменял
 б. Но взор обманутый мечтанью изменял
 в. Но взор обманутый желанью изменял
 г. Но взор обманутый мечтаньям изменял
- 63—64 А а. Воспитанный ( ) в туманах(?) полуночи⁷
 б. Воспитанный в снегах угрюмой полуночи
 в. Воспитанный в (нрзб) угрюмой полуночи

¹ Исправлено из первоначального: растерзан

² Слово: муз зачеркнуто и повторено над строкой.

³ Исправлено из первоначального: Я

⁴ В ходе работы над стихом слово: огонь вычеркивалось и восстанавливалось.

⁵ В ходе работы над стихом слова: оживив и мечты были вычеркнуты порознь и восстановлены.

⁶ По-видимому, в слове допущена описка.

⁷ В автографе с опиской: получи

2. Привыкший <   > угрюмой полуночи
 Б Твое¹ изгнание мои пленяло очи
 Привыкшие к снегам угрюмой полуночи
- 65 а. *Начато:* Декабрь
 б. *Начато:* Там поз<дно ?>²
 в. Там долго светится небесная лазурь
- 66 а. *Начато:* Не долго там
 б. <   > и <   > жестокость <   >
 в. Не долго царствует жестокость <   >
- 67—68 А а. *Начато:* Там к<?>
 б. [*Нрзб*]³ И <   > виноград, переселенец новый
 в. И южный<?> виноград, переселенец новый
 а. *Начато:* В листах
 б. На листьях роскошью блистает пурпуровой;
 в. На листьях роскошью гордится пурпуровой;
- Б а. На мирных<?> берегах переселенец но<вый>
 б. На [*нрзб*]⁴ берегах переселенец но<вый>
 а. Повсюду виноград блистает пурпуровой
 б. Сын юга виноград блистает пурпуровой
 [Генварь]⁵
- 69—84 *Отсутствуют.*
- 85—88 А а. *Начато:* Таков удел певцов —
 б. *Начато:* Так! Гений жив⁶ еще — в
 в. Так! Гений вечно жив и след его святой
 Хранит
- Б Так! Гений вечно жив и свят его венец⁷
 а. *Начато:* Но я [незна<емый>] <   > нез<наемый>
 б. *Начато:* Но я в толпе слепой
 в. Но я среди толпы затерянный певец —
 а. *Начато:* Что⁸
 б. *Начато:* Я рано⁹ знал
 в. *Начато:* Узнал я рано скорбь и
 г. *Начато:* Я [*начато нрзб*] <   > <нрзб>
 д. *Начато:* Узнал несчастье
 е. *Начато:* [Я] знал несчастье

¹ Слово: Твое вписано над строкой.

² Правее на листе отдельная запись к работе над фрагментом: — лазурь неба, виноград, <нрзб>. Слово: лазурь оставлено незачеркнутым и использовано в варианте «в»; неразборчиво написанное слово оставлено незачеркнутым.

³ Слово густо зачеркнуто.

⁴ По-видимому, недописанное и сразу густо зачеркнутое слово.

⁵ Далее в автографе следуют ст. 37—48, отмеченные для переноса условным знаком (крестом).

⁶ В ходе работы над стихом слово: жив было вычеркнуто и восстановлено.

⁷ Этому варианту стиха предшествовали отдельные зачеркнутые наброски: [след] [век] [свят] [век] [священный] [и век его]. Слова: и свят его венец в ходе дальнейшей работы остались незачеркнутыми.

⁸ Работа над следующими стихами в варианте Б велась на левом поле листа.

⁹ Слово: рано вписано.

- ж. *Начато*: < > в изгнании
 з. *Начато*: Я дни печа(льные)<?>
 и. *Начато*: Дни юности моей
 к. *Начато*: В дни юности моей
 л. В изгнании влачил дни юности моей
 м. В изгнании я влачил дни юности моей
 а. *Начато*: Волнуемый страст< >
 б. *Начато*: Род< >
 в. < > рожденный для страстей
- В а. *Начато*: Утешься! о Назон. — Твой
 б. Утешься! о Назон. — Бессм(ертен) твой венец
 Но я среди толпы затерянный певец —
 а. [Оста< >] Могу ли завещать для новых поколений
 б. < > след для новых поколений
 в. Известен буду ль <я> для новых поколений
 з. Услышат ли меня < > поколений
 д. < > ряд грядущих поколений
 а. Или навеки — < > погаснет < > гений
 б. Иль бед< > < > гений
- Г Утешься! о Назон. — Бессм(ертен) твой венец
 Но я среди толпы затерянный певец —
 Безвестен буду < > поколений
 а. И жертва горести — умрет мой < > гений
 б. И жертва тайная — умрет мой скорбный¹ гений
- 89—90 а. С минутной жизнью, с ми(ну)тною² молвой —
 б. С печальной³ жизнью, с ми(ну)тною молвой —
 Но если обо мне потомок поздний мой
- 91—92 а. *Начато*: Услышит и придет на сих б(регах)
 б. < > придет искать в стране сей отдаленной
 в. Придет отыскивать в стране сей отдаленной
 з. Услышит и найдет в стране сей отдаленной
 д. Узнав придет [искать] в стране сей отдаленной
 а. *Начато*: Близ славного
 б. Близ [гроб<а>] [праха] славного, мой след уединенный —
- 93—94 А а. *Начато*: Тень
 б. *Начато*: К нему [прил< ><?>] < > тень
 в. *Начато*: Дне< ><?>
 з. О муза, передай ему мой чистый глас
 д. *Начато*: Он вспомнит
 е. *Начато*: < > вспомнит он что
 ж. К нему приблизится < > [тень]
 з. *Начато*: К нему слетит моя оставя
 и. *Начато*: К нему слетит < > оставя

¹ Первоначально было начато: ск(орбный)<?>, потом записано: сей скорбный. Слово: мой при этом не вычеркивалось.

² В автографе описка.

³ Над строкой зачеркнутое начало наразборчивого слова, возможно записанного также в ходе работы над стихом.

- к. К нему слетит [моя] признательная тень
 а. *Начато*: [С] [Не] С берегов забвения
 б. *Начато*: С стигийских
 в. Берегов забвен(ия) оставя тайну сень
- 95—96 А а. *Начато*: И вспомнит он, что в день гоненья
 б. *Начато*: [О дн( )] И вспомнит
 в. Быть может вспомнит он, что в день гоненья ( )
 Поэт не изме(нил) ( )
- Б а. *Начато*: Быть может повторит он
 б. *Начато*: Быть может вспомнит он
 в. *Начато*: И только (начато нрзб)
 г. *Начато*: И только вспомнит он
 д. Быть может ( ) печальное преданье —
 е. Быть может вспомнит (он) печальное преданье —
 ж. Быть может обо мне печальное преданье —
 Правдиво¹ сохранит мое воспоминание —
- В И будет мило мне его воспоминанье
 [Хра(ни?)] О лира сохрани ж правдивое преданье
- После 96 А а. *Начато*: [Я] [Н( )] Но не унизил² ( ) под властью
 б. *Начато*: Но не унизил я под
 Ни гордой совести — ни лиры благородной
- Б Но не унизил (нрзб) изменой беззаконной
 а. Ни [сердца] ( ) — ни музы непр(еклонной)

Варианты первого белого автографа
 (ПД 833, л. 14 об.—17)

- Заглавие Овидию
 23 Ты сам дивись, Назон, дивись судьбе превратной
 24—25 Ты с юных дней своих презревший меч булатный
 Привыкший розами венчать свои власы
- 28 а. И праздный меч хранить без лиры оробелой:
 б. *Как в тексте.*
- 62 а. Но взор обманутый мечтанью изменял
 б. *Как в тексте.*
- 67 а. На чуждых берегах переселенец новый,
 б. *Как в тексте.*
- 79 а. В тот день замеченный крылатым вдохновеньем
 б. Нам сохраненные крылатым вдохновеньем
 в. Сей день замеченный крылатым вдохновеньем
 г. Сей день замеченный бессмертным вдохновеньем
- 82 а. И по льду — в тишине казалось, предо мной
 б. *Как в тексте.*
- 86 а. Но я — среди толпы затерянный певец,

¹ Над словом: Правдиво начата неразборчивая правка, сразу же отмененная.

² В автографе с опiskой: не узил

6. *Как в тексте.*
 88 И жертва темная умрет мой грустный Гений
 89 а. С минутной жизнью, с минутною молвой...
 б. *Как в тексте.*
 Вм. 99—104 Но не унижил ввек изменой беззаконной
 Ни гордой совести ни лиры непреклонной.
 Под текстом 1821
 дек(абря) 26

Примечание
 к заглавию

Мнение будто¹ Овидий был сослан в нынешний Акерман ни на чем не основано. В своих элегиях он ясно назначает² местом своего пребывания город³ Томи (Томі)⁴ при самом устье Дуная. Столь же несправедливо и мнение Вольтера, полагающего причиной его изгнания слишком нежную благосклонность Юлии, дочери Августа. Овидию было тогда около пятидесяти лет, а развратная Юлия 10 лет тому прежде⁵, была сама изгнана ревнивым своим родителем. Прочие догадки ученых ничто иное как догадки. Поэт сдержал свое слово и тайна его с ним умерла.

Alterius⁶ facti culpa⁷ silenda mihi.

Оv(idius)⁸

Примечание
 к ст. 45

Овидий провел 9 лет в своем изгнании а не 20 как говорит Шатобриан.

Разночтения копии Неизв

- Заглавию Овидию
 2—3 К которым, изгнанный отеческих богов,⁹
 Ты некогда пришел — и пепел свой оставил.
 9 Туманный свод небес, обильные снега
 24—25 Ты с юных дней своих презревший меч булатный,
 Привыкший розами венчать свои власы
 29 Ни дочь, ни жена, ни верных сонм друзей,
 30 Ни музы легкие, подруги прежних дней,
 53 Где ты свой долгий стон потомству передал?
 59—62 Здесь оживил тобой мечты воображенья,
 Я повторяя твои, Овидий, песнопенья

¹ Первоначально было: будто бы

² Первоначально было: описывает

³ Слово: город вписано.

⁴ Слово: (Томі) вписано.

⁵ Место: 10 лет тому прежде первоначально было: а. за 10 лет тому прежде; б. 10 лет уже тому прежде

⁶ В рукописи: Aterius

⁷ Место: culpa первоначально было: causa

⁸ Перевод: О [причине] другом преступлении должно мне умолчать. Ов(идий) (лат.).

⁹ Исправление в копии; первоначально было: Которым, изгнанный отеческих богов, / Ты некогда принес — и пепел свой оставил.

И те печальные картины поверял;
 Но взор обманутый мечтаньям изменял. —
 70 Слойми рассыпал пушистые снега,
 79 Нам сохраненные крылатым вдохновеньем,
 82 И по льду в тишине казалось предо мной
 88—89 И жертва темная умрет мой грустный Гений
 С минутной жизнью, с минутною молвой.....
 Вм. 99—104 Но не унижил век изменой беззаконной
 Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

Автограф ст. 99—101

(ПД 832, л. 17)

Здесь лирой северной пустыню оглашая

- а. Начато: Я пел
 б. Начато: Тебя я пел
 в. Скитался я — в те дни как на берега Дуная
 Великодушный грек свободу призывал

Варианты второго белого автографа

(ПД 41)

Заглавие Овидию
 23—25 Ты сам.... (дивись, Назон, дивись судьбе превратной)
 Ты с юных дней своих презревший меч булатный,
 Привыкший розами венчать свои власы
 46 И век мне не видать тебя, великий Рим,
 75 а. Начато: Чуть веял ветерок, от ветр(а)
 б. Как в тексте.

Под текстом

**

Поправка к ст. 23—25 в письме к Л. С. Пушкину от 4 сентября 1822 г.
 (ПД 1261, л. 18 об.)

В послании к О в (и д и ю) перемены таким образом
 Ты сам — дивись, Назон, дивись судьбе превратной,
 Ты с юных дней презрев [тре(воги)] волненья жизни ратной,
 Привыкнув и проч.

Варианты ПЗ 1823

Заглавие Овидию
 23—24 Ты сам... (дивись, Назон, дивись судьбе превратной)
 Ты, с юных лет забыв волненье жизни ратной,
 25 Привыкнул розами венчать свои власы,
 46 И век мне не видать тебя, великий Рим,

Разночтения Ст 1826

Заглавие	К Овидию. 1821
в оглавлении	Привыкнул розами венчать свои власы, ¹
25	

ПРИМЕТЫ

(С. 64)

Варианты автографа

(ПД 833, л. 18)

Заглавие	Отрывок
2	Пастух и рыболов в младенческие леты
5 а.	И вешние дожди младых полей отраду
б.	Как в тексте.
6 а.	И поздний хлад росы, опасной винограду.
б.	Как в тексте.
7 а.	[Знай] ² Так если лебеди у берега тихих вод
б.	Как в тексте.
10 а.	Знай завтра юных дев разбудит дождь ревучий
б.	Как в тексте.
Под текстом	27 ³

Варианты Кап (по изд.: Майков. Материалы)

- 2 а. Пастух и рыболов в младенческие леты,
б. Как в тексте.
3 Взглянув на небеса, на западную сень,⁴

«НАПЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ...»

(С. 65)

Первоначальные варианты автографа

(ПД 45)

- 5—12 Ты мирную качая колыбель
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель
Которую сама заворожила
В те времена, в вечерней тишине

¹ Кроме того, скобка закрывается не в конце ст. 23, а после ст. 26.

² Вероятно, описка.

³ Вероятно: 27 декабря 1821 г. (см. примеч. к стихотворению — наст. т., с. 681).

⁴ Вероятно, описка.

Являлась ты веселою старушкой
 И надо мной сидела в шушуне
 В больших очках и с резвою гремушкой
 18 Как мило ты в то время изменилась!
 23—26 Грудь белая под желтым¹ жемчугом
 Румянилась и тихо трепетала,
 Вся в локонах, обвитая венком
 Прелестная глава благоухала...

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

(«Добра чужого не желать...»)

(С. 66)

Разночтения копий Соб₁, Стих, N, Клоч, Долг, Юд, Нейш₃, Гер, Гаев, ЛМ₂, ВВ₆, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Врев, Якуш, Даш, Мар, Е, Онг и публикаций БЗ, БЗ₁, Атн, РА, РПЛ²

Заглавие	Г заповедь	Клоч
Заглавие	Заповедь	Гер
Заглавие	Х заповедь	Гаев, Мар
Заглавие	Возражение на Х заповедь	Врев
Заглавие	Отсутствует	БЗ
2	О Боже, ты повелеваешь...	Врев
3	Но меры сил моих ты знаешь —	Мар
4	Мне ль чувством нежным управлять? ²	N, Юд, ЛМ ₂ , Ал, РПЛ
4	Мне ль слабым чувством управлять? ³	Долг
4	Мне ль слабым сердцем управлять? ²	Гер
4	Мне ль нежным сердцем управлять...	Врев
6—7	Не надо мне его вола, Не надо мне его осла,	Стих
6—7	Не нужно мне его вола, Не нужно мне его села,	Клоч
6—7	Не нужно мне его вола, Не нужно мне его осла,	Долг, Гер
6—7	Я не хочу его вола, Не надо мне его осла,	Врев, БЗ ₁
6—7	Я не хочу его села, Не надо мне его вола,	Онг
7	Не надо мне его вола,	N, Нейш ₃ , Гаев, ВВ ₆ , Атн
7	Не надо мне его осла,	Юд
7	Не надо мне вола, осла,	ЛМ ₂

¹ Исправлено из начатого: б(елым ?)

² В Стих, Клоч, Долг, Гер, Онг и БЗ только ст. 1—16; в БЗ₁ ст. 6—7.

³ Позднее исправлено как в тексте.

7	Не надобно его вола; ¹	Ал
8—9	На все спокойно я взираю: На дом его, на скот, на раб. ²	Стих, Юд, ВВ ₆ , Бар, БЭ, РПЛ
9	Не нужен мне ни скот, ни раб — ³	Клоч, Долг, Гер
9	Ни скот его ни дом ни раб —	Н, Онг
10	Не нужна вся мне благостыня...	Клоч, Атн
10	Не лестна мне вся благостыня... ⁴	Соб ₁ , Стих, Долг, Гаев, Тих, Бар, Лон—Полт, Врев, Даш, Е, Онг, БЭ, РПЛ, РА
10	Не льстит меня вся благостыня...	Гер
10	На что его мне благостыня?	Ал
13	И ежели его супруга ⁵	Стих, Онг
13	Но ежели его подруга	Долг, РПЛ
13	Но если нежная подруга	ЛМ ₂
16	Мне зависть на блаженство друга!	Гер, ЛМ ₂
16	Мне зависти блаженству друга!	Ал
16	Мне завидно блаженство друга!	Онг
19	Как можно не любить любезных? ⁶	Соб ₁ , ЛМ ₂ , Бар, Лон—Полт, Ал
21—24	Отсутствуют. ⁷	Гаев, РПЛ
21	Смотри! Томлюся и вздыхаю,	Нейш ₃
21	Смотрю, томлюсь, изнемогаю,	ЛМ ₂ , Ал
21	Смотрю — томлюся я, вздыхаю,	Врев
22—23	Отсутствуют. ⁸	Соб ₁ , Н, Юд, Нейш ₃ , ВВ ₆ , Тих, Бар, Лон—Полт, Полт ₂ , Врев, Якуш, Даш, Мар
23	Страшусь желаньем сердце льстить,	Е, Атн
24	Молчу!.. и втайне воздыхаю!	ЛМ ₂ , Ал
24	Молчу в тоске и изнываю!	Мар

¹ В Ал отсутствует ст. 6.

² В Стих с ошибкой: На дом его, на скот и на раб; в Юд с ошибкой: На дом его, на скот и на раба; в ВВ₆ и в Бар (рукой С. А. Соболевского) исправлено как в тексте.

³ В Долг исправлено из первоначального: Не нужен мне его и раб

⁴ В Е карандашом исправлено как в тексте.

⁵ В Онг дополнительный вариант.

⁶ В Бар дополнительный вариант, вписанный С. А. Соболевским, в Лон—Полт дополнительный вариант.

⁷ В Гаев ст. 21 и 24 позднее вписаны.

⁸ В Врев заменены строкой точек, в Нейш₃ — двумя строками точек, в ВВ₆ — двумя строками тире, но позднее вписаны.

1822

БАРАТЫНСКОМУ ИЗ БЕССАРАБИИ

(«Сия пустынная страна...»)

(С. 67)

Черновой автограф

(ПД 832, л. 1 об.)

- Перед 1 а. Не я балованный дитя
 < > Аполлона
 б. Изгнание славно спору¹ нет
 Но променял бы²
-
- 1—4 а. Сия печальная страна
 б. Сия пустынная страна
 Священна для души поэта
 Она Держав(иним) воспета
 И славой русск(ою) полна
- 5—8 А Еще доньше тень Назона
 Дуная любит [бер( )] берега —
 < >
 Его < > стона
- Б Еще доньше тень Назона
 а. Начато: Дунайских
 б. Начато: Сих дальных³
 в. Дунайских ищет (берегов)
 Она летит на лирный зов
 а. < > Аполлона —
 б. Питомцев < > Аполлона —
 в. < > лиры(?) Аполлона —
 г. Питомц(ев) муз и Аполлона —
- 9—10 А а. Начато: Но призна(юсь)
 б. Начато: Но променял бы
 в. Начато: Но [начато нрзб] дух Овидия
 г. Но признаюсь мои друзья

¹ Слово: спору было зачеркнуто и над строкой начата правка: сл(ова), сразу же отмененная; восстановлено: спору

² Оставшийся незачеркнутым первоначальный набросок, отделенный от основного черновика стихотворения горизонтальным отчерком.

³ Оставленный незачеркнутым вариант начала стиха.

- д. *Начато*: Но ни⟨?⟩ за⟨?⟩¹
- Б а. *Начато*: [И] [Я с нею] Но
 б. Я с нею⟨?⟩ ⟨ ⟩ при лун⟨е⟩
 в. Сижу ⟨ ⟩ часто при лун⟨е⟩
 з. Нередко с н⟨ею⟩⟨?⟩² при ⟨луне⟩
 д. [Хожу⟨?⟩] Брожу нередко при ⟨луне⟩
 а. *Начато*: Я с ней
 б. Я⟨?⟩ ⟨ ⟩ у берега ⟨ ⟩
- В И часто бродит при³ луне
 Со мной не говоря ни ⟨слова⟩
- Г И часто ⟨ ⟩ ⟨при⟩ луне
 Сидит не говоря ни ⟨слова⟩
- Д И бродит ⟨ ⟩ ⟨при⟩ луне
 ⟨ ⟩ не говоря ни ⟨слова⟩
- 11—12 А В тебе Овидия живого
 Обнять — милее будет мне
- Б а. Овидия [⟨*начато нрзб*⟩] ⟨ ⟩ живого
 б. Но друг Овидия живого
 В тебе обнять — милее мне

Варианты белого автографа
 (ПД 833, л. 25 об.)

- 7 а. Она летит на лирный зов
 б. *Как в тексте.*
- 8 а. *Как в тексте.*
 Питомцев гордых Аполлона
 Знакомой⟨?⟩ лиры Аполлона
- 10 а. Брожу близ берега крутого
 б. *Как в тексте.*

Заглавие в Кап и СЦ 1826

Баратынскому (из Бессарабии)	Кап
Баратынскому. Из Бессарабии.	СЦ 1826
Баратынскому. (Из Бессарабии.)	СЦ 1826 (в оглавлении)

¹ Далее в автографе записаны ст. 11—12. Работа над ст. 9—10 была продолжена на левом поле листа.

² В ходе дальнейшей работы слова: с н⟨ею⟩⟨?⟩ остались незачеркнутыми.

³ В ходе дальнейшей работы предлог: при был вычеркнут, по-видимому, случайно.

«ЧУГУН КАГУЛЬСКИЙ, ТЫ СВЯЩЕН...»

(С. 69)

Варианты автографа

(ПД 832, л. 30 об.)

- 3—4 а. Ты средь торжественных знам(ен)
 ( ) пал горящий и крова(вый)
 б. Ты средь торжественных знам(ен)
 Ты пал горящий и крова(вый)¹
 в. Как в тексте.
- После 5 Начато: Но

〈Ф. Н. ГЛИНКЕ〉

(«Когда средь оргий жизни шумной...»)

(С. 70)

Варианты белого автографа Ав₁ (ст. 1—8)²

(ПД 833, л. 17 об.)

- Заглавие Ф. Н. Г—е.
- 1 а. Когда в весельях жизни шумной
 б. Как в тексте.
- 5 а. Вздохнув оставил я с досадой
 б. Как в тексте.

Разночтения копий Соб, Соб₁ (ст. 1—8), Бар (ст. 1—8),
 Лон—Полт (2), Ал

Заглавие	К Глинке	Соб
Заглавие	Федору Николаевичу Глинке	Соб ₁ , Бар, Лон—Полт (2)
Заглавие	Послание к Ф. Г.	Ал
4	Презренный, грубый эгоизм.	Соб ₁ , Бар
6	Пирьы и блеск и шум Афин,	Соб ₁ , Бар
7	Но голос твой мне был наградой,	Бар, Лон—Полт (2), Ал
7	Но голос твой был мне наградой, ³	Бар
10	Гоненье грозное мне вновь,	Лон—Полт (2), Ал
12	Как изменила мне любовь,	Лон—Полт (2), Ал

¹ Появление местоимения: Ты в ст. 4 требовало перемены в ст. 3, что, однако, сделано не было.

² Нижняя половина листа со ст. 9—16 утрачена.

³ В Бар исправление в копии.

Позднейшая правка по тексту ранней редакции в белом автографе Ав₁¹
(ПД 833, л. 17 об.)

1—4 Вычеркнуты.

Поздняя редакция

Первоначальные варианты автографа Ав₃
(ПД 833, л. 48 об.)

- 1 Вздохнув оставил я с досадой
3 Но голос твой мне был отрадой
5—8 а. Пускай судьба определила
Гоненья темные мне вновь
Пускай мне дружба изменила
Как изменяла мне любовь —
б. Пускай мне дружба изменила
Как изменяла мне любовь
Пускай судьба определила
Мне темные гоненья вновь
9 Как гордый киник, я забуду

«БРАНИСЬ, ВОРЧИ, БОЛВАН БОЛВАНОВ...»

(С. 71)

Разночтения копий Липр (ст. 4—6), Горч и Фад

1	Ворчи, шуми болван болванов,	Горч
1	Кричи, шуми, бован болванов	Фад
2	Ты недостойн друг мой Ланов	Горч
5	На бабье г..но так похожа,	Липр
5	На бабье г— так похожа,	Горч
5	..... так похожа	Фад
6	Что просит только киселя!	Липр
6	Что только просит киселей.	Фад

«У КЛАРИСЫ ДЕНЕГ МАЛО...»

(С. 72)

Варианты автографа
(ПД 833, л. 11 об.)

- Заглавие Эпиграмма.
- 2 а. Ты богат² — иди к венцу;
б. Ты богат² — иди ж к венцу;

¹ По-видимому, правка 1828 г., связанная с подготовкой Ст 1829, куда Пушкин первоначально предполагал включить стихотворение. Нижняя половина листа со ст. 9—16 в это время, несомненно, еще не была оторвана.

² Слово: богат в автографе смазано.

- 3 И богатство к ней пристало
Под текстом 1822 гевн(арь)

Заглавие в Кап (по изд.: Майков. Автографы П.)

Совет

Разночтение копии Пуш

- 2 Ты богат — иди ж к венцу:

ДРУЗЬЯМ

(«Вчера был день разлуки шумной...»)

(С. 73)

Варианты белого автографа Ав₁

(ПД 886)¹

- Заглавие* а. 15 февраля 1822
б. (К—у, П—им и Г—ву)
15 февраля 1822
- 4 а. При блеске чаш, при звуках лир.
*б. При блеске чаш, при звуке лир.
- 14 а. Что жажду пылкую поя
б. Что жажду вечную поя
в. Что жажду юноши поя
*2. Как в тексте.
- 22 а. Скорбь исчезала предо мной
б. Как в тексте.
в. Скорбь исчезала предо мной
- 23 Как исчезала в чашах пена
- 24 а. Как в тексте.
б. Над зашипевшею струей.

Варианты белого автографа Ав₂

(ПД 50, л. 1—1 об.)

- Заглавие* а. Вакхическая песнь
б. Друзьям. Вакхическая песнь²
- 4 При блеске чаш, при звуке лир.
10 Не ослепляя ваших глаз,
23 Как исчезала в чашах пена
24 а. Под зашипевшею волной.
б. Как в тексте.

¹ Звездочкой отмечены две более поздние поправки, сделанные, вероятно, непосредственно перед созданием Ав₂ и отправки стихотворения в «Полярную звезду».

² Подзаголовок: Вакхическая песнь отмечен крестом и вычеркнут не пушкинской рукой (цензурная правка, см. в примеч. к стихотворению — наст. т., с. 700).

Варианты ПЗ 1824 и НЛ

<i>Заглавие</i>	К друзьям	ПЗ 1824
<i>в оглавлении</i>		
4	При блеске чаш, при звуке лир.	ПЗ 1824, НЛ
10	Не ослепляя ваших глаз,	ПЗ 1824, НЛ
23	Как исчезала в чашах пена	ПЗ 1824, НЛ

Разночтения копии Соб

<i>Заглавие</i>	Вакхическая песнь
3	При криках юности безумной ¹
4	При блеске чаш, при звуке лир

Заглавие в Кап (по фотокопии) и в оглавлении Ст 1826

Друзьям (1822)	Кап
Друзьям. 1822	Ст 1826

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМО ОЛЕГЕ

(«Как ныне собирается вещей Олег...»)

(С. 74)

Варианты белого автографа

(ПД 832, л. 4—6 об.)

<i>Заглавие</i>	а.	Начато: О⟨лег⟩⟨?⟩
	б.	Как в тексте.
	1	Как ныне собирается вещей Олег
	3	Их селы и нивы за буйный набег
	6	а. Он по полю едет на смирном коне.
		б. Как в тексте.
	8	а. Как в тексте.
		б. Идет престарелый кудесник
		в. Как в тексте.
	11	В [мольбах и в гаданьях] проведенный весь век.
	12	а. Как в тексте.
		б. И к гордому старцу подъехал Олег
		в. Как в тексте.
	16	Могильной покроюся тьмою?
	23	а. День смерти для многих таится во мгле
		б. Как в тексте.
	29—30	а. Как в тексте.
		б. Завидует недруг столь дивной судьбе И волны и суша покорны тебе.

¹ По-видимому, ошибка копии.

- в. И волны и суша покорны тебе
Завидует недруг толь дивной судьбе
- Между*
30 и 31 а. И вновь, как на тризну, стремишься на брань
И новой победой прославлен
Твой меч собирает кровавую дань
Твой¹ недруг лукавый раздавлен —
И тайный хранитель могущему дан
Но ты под броней не ведаешь ран
- б. И вновь, как на тризну, стремишься на брань
И вновь вознесен (и) прославлен
Твой меч собирает кровавую дань
Твой недруг во прахе раздавлен —
А ты под броней не ведаешь ран
Незримый хранитель могущему дан
- в. *Вычеркнуто.*
- 32 а. И ветер в часы непогоды
б. *Как в тексте.*
- 35—36 а. Но знаю, но вижу паденье твое;
Запомни же ныне ты слово мое:
б. Под грозной броней ты не ведаешь ран
Могучий ( )
в. *Как в тексте.*
- 37 а. Твой конь был товарищ опасных трудов
б. *Как в тексте.*
- 41 а. Труд, голод и сеча ему ничего...
б. *Как в тексте.*²
- 43 а. Олег усмехнулся — но скоро чело
б. *Как в тексте.*
- 45 а. И молча, рукой опершись на седло,
б. *Как в тексте.*
- 47 а. *Как в тексте.*
б. Он верного друга прощальной рукой
в. *Как в тексте.*
- 50 а. Служил ты мне долгое время;
б. *Как в тексте.*
в. Трудился ты долгое время;
г. Служил ты мне долгое время;
- 52 а. В твое заслуженное стремя,
б. *Как в тексте.*
- 53 а. Прощай, утешайся — и помни меня
б. *Как в тексте.*
- 54 а. *Как в тексте.*
б. Вы, отроки, тотчас возьмите коня...

¹ Исправлено из первоначального: И

² Заменяя слово: голод на холод, Пушкин допустил опisku: гоход, оставшуюся неисправленной.

- в. *Как в тексте.*
- 60 а. И князю другого коня подвели.
б. *Как в тексте.*
- 64 а. Над ветхой главою кургана...
б. *Как в тексте.*
- 66 а. И битвы где дружно рубились они...
б. И битвы где славно рубились они...
в. *Как в тексте.*
- 70 а. Все тот же ль он, борзый, игривый?
б. Все тот же ль он, бодрый, игривый?
- 71—72 а. — Давно уж заснул непробудным он сном
И кости белеют на холме крутом
б. — Тоскуя заснул непробудным он сном
И кости белеют на холме крутом
в. И [слы(шит)] внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж заснул непробудным он сном
г. И внемлет ответу: на холме крутом
Тоскуя заснул непробудным он сном
- 74—76 А И думает: что же сказанье?
Кудесник ты лживый, безумный старик!
а. Презреть бы мне было гаданье!
б. Презреть бы пустые гаданья!
Б И думает: что же гаданье?
Кудесник ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предвещанье!
- 77—78 а. Мой конь и доньне носил бы меня:
И хочет он¹ видеть могилу коня —
б. Мой конь до могилы носил бы меня:
И хочет увидеть он кости коня —
в. *Как в тексте.*
- 79 а. И едет могучий Олег со двора
б. *Как в тексте.*
- 81 а. Вот видит — на холме близ тока Днепра
б. *Как в тексте.*
- 84 а. Над ними струится седая ковыль —
б. *Как в тексте.*
- 85 Князь тихо на череп ногою ступил
- 86 а. И молвил: Спи, конь одинокий!
б. *Как в тексте.*
- 89 а. Не ты надо мною ковыль обagriшь
б. *Как в тексте.*
- 91 а. И вот где таилась погибель моя!
б. *Как в тексте.*
- 95 а. На ногу — как черная лента вяась
б. Как черная лента по кости вяась

¹ Слово: он, возможно переправленное из слова: сам, в ходе дальнейшей работы было вычеркнуто, но на каком-то этапе восстанавливалось.

- в. *Как в тексте.*
 96 И крикнул внезапно ужаленный князь.
 97—100 а. Князь [игра( )] Игорь и Ольга на холме сидят
     Дружина играет у берега
     Ковши круговые, запенясь, кипят
     На тризне плачевной Олега — —
 б. *Как в тексте.*
 Под текстом 1. март 1822

Разночтения копии Тург

- 3 Их селы и нивы за буйный набег
 7 Из темного лесу, навстречу ему
 16 Могильной покроюся тьмою³
 70 Все тот же ль он бодрый, игривый³
 76 Презреть бы твое предвещанье!
 85 Князь тихо на череп ступил¹

*Позднейшая правка по тексту белого автографа
 (ПД 832, л. 4—6 об.)*

Примечание

- к ст. 28² а. но не³ с гербом России, как некто сказал⁴ для рифмы к Византии — [Гер(б)] Дв(углавый) Ор(ел) есть герб Р(имской)⁵ империи и знаменует разделение ее на Зап(адную) и Вост(очную). У нас же он нич(его) не значит.
 б. но не с гербом России, как некто сказал — во-первых потому что во время Олега Рос(сия)⁶ не имела еще герба. Наш Дв(углавый) Ор(ел) есть герб Р(имской) империи и знаменует разделение ее на Зап(адную) и Вост(очную). У нас же он нич(его) не значит.
 64 Над гордой главою кургана...
 72 Тоскуя почил непробудным он сном
 83 Их моют дожди, осыпает их пыль —
 100 И старцы пиру(ю)т у берега⁷
 101 Они поминают минувшие дни

¹ По-видимому, переписанный со случайным пропуском стих: Князь тихо на череп ногого ступил (см. выше чтение белого автографа).

² Примечание сделано к слову: щит, над которым в автографе поставлен крестик. Вписано на полях л. 4 об. при развороте тетради корешком вверх.

³ Слово: не, пропущенное по ошибке, вписано над строкой.

⁴ Слово: сказал исправлено из начатого: на(писал?)

⁵ Слово: Р(имской) вписано.

⁶ Слово: Рос(сия) вписано.

⁷ В предшествующем варианте стиха: Дружина пирует у берега слово: пирует осталось неизменным.

Разночтения СЦ 1825

- 2 Из темного лесу, навстречу ему,
 19 Волхвы не боятся могучих владык,¹
 23 «Грядущие годы таятся во мгле;
 71 И внемлют² ответу: на холме крутом

Примечание в Кап
 относительно печатания четвертой строфы (ст. 19—24)
 (по изд.: Майков. Автографы П.)

ВЗ в Пес(ни) о вещ(ем) Ол(еге) строфа
 Волхвы не боятся и пр.
 должна быть вся означена «—». Это ответ кудесника, а не мои рассуждения.

Разночтения Ст 1826 и Ст 1829

<i>Заглавие</i>		
<i>в оглавлении</i>	Песнь о вещем Олеге. 1822	Ст 1826
	19 Волхвы не боятся могучих владык, ³	Ст 1826
	23 «Грядущие годы таятся во мгле;	Ст 1826
	71 И внемлют ⁴ ответу: на холме крутом	Ст 1826, 1829

«ЛЮБЛЮ ВАШ СУМРАК НЕИЗВЕСТНЫЙ...»

(С. 77)

Первая редакция (текст белого автографа)
 (ПД 834, л. 1)

ОТРЫВОК

Ты сердцу непонятный мрак,
 Приют отчаянья слепого,
 Ничтожество! пустой призрак,
 Не жажду твоего покрова;
 Мечтанья жизни разлюбя,
 Счастливых дней не знав от века,
 Я все не верую в тебя,
 Ты чуждо мысли человека!

¹ Ошибка: кавычки, обозначающие речь волхва, поставлены не в начале этого стиха, а в начале ст. 23.

² Опечатка. Правильное чтение: внемлет указано на с. VI алманаха в списке замеченных опечаток.

³ Отсутствие в начале стиха кавычек, открывающих речь волхва, указано как «типографическая ошибка», оставшаяся «по недосмотрению корректора», на с. XII книги.

⁴ Опечатка, перешедшая из «Северных цветов».

- Тебя страшится гордый ум!
 10 Так путник, с вышины внимая
 Ручьев алпийских вечный шум
 И взоры в бездну погружая,
 Невольным ужасом томим,
 Дрожит, колеблется — пред ним
 Предметы движутся, темнеют,
 В нем чувства хладные немеют,
 Кругом оплота ищет он,
 Все мчится, меркнет, исчезает...
 И хладный обморока сон
 20 На край горы его бросает...

- Но, улетев в миры иные,
 Ужели с ризой гробовой
 Все чувства брошу я земные
 И чужд мне станет мир земной?
 Ужели там, где все блистает
 Нетленной славой и красой,
 Где чистый пламень пожирает
 Несовершенство бытия,
 Минутных жизни впечатлений
 30 Не сохранит душа моя,
 Не буду ведать сожалений,
 Тоску любви забуду я?..

Любви! — но что же за могилой
 Переживет еще меня?
 Во мне бессмертна память милой,
 Что без нее душа моя?

.....

- Мечты поэзии прелестной,
 Благословенные мечты!
 Люблю ваш сумрак неизвестный
 40 И ваши тайные цветы,
 Вы нас уверили, поэты,
 Что тени тайною толпой
 От берегов печальной Леты
 Слетаются на брег земной.
 Они уныло посещают
 Места, где жизнь была милей,
 И в сновиденьях утешают
 Сердца покинутых друзей...
 Они, бессмертие вкушая,
 50 В Элизий поджидают их,
 Как в праздник ждет семья родная
 Замедливших гостей своих...

.....

Черновой автограф¹
(ПД 832, л. 13—15)

- 1—4 А Ничтожество! печальный мрак
Отчаянья приют ужасный
Ты чуждо мне; пустой призрак
- Б Ничтожество! печальный мрак
- а. Мечта отчаянья слепого
б. Приют отчаянья слепого
в. Приют безумия слепого
г. Приют безверия слепого
Ты чуждо мне; пустой призрак
Не алчу твоего покрова
- В а. Ничтожество! приветный < >
б. Ничтожество! печальный <мрак>²
в. Ничтожество! пустой призрак
Приют отчаянья слепого
Безумия печальный мрак
Не алчу твоего покрова
- Г Ничтожество! пустой призрак
< > отчаянья слепого
- а. Приют немой печальный мрак
б. Немой приют печальный мрак
в. Глухой приют печальный мрак
г. Приют печальный вечн(ый) мрак
д. Глухая бездна, тихий мрак
е. [Не пон( )(?)] < > мрак
ж. < > непонятный мрак³
Не алчу твоего покрова
- Д Ты сердцу непонятный мрак
Приют отчаянья слепого
Ничтожество! пустой призрак
Не алчу твоего покрова
- 5—8 А Ты чуждо сердцу моему —
- а. Бессмертной мысли человека
б. И светлой мысли человека
- Б а. Душа не верует тебе
б. Я все не верую в тебя
а. Для светлой мысли человека
б. Ты чуждо мыслям человека⁴

¹ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

² Слова: печальный мрак вычеркнуты одной чертой; слово: печальный восстановлено; видимо, это предполагало восстановление всего первоначального варианта.

³ Слова: непонятный мрак остались незначеркнутыми; в ходе дальнейшей работы над фрагментом (вариант Д) они были повторены на верхнем поле листа.

⁴ Работа над первыми двумя стихами фрагмента велась ниже на листе. Им предшествовали наброски стиха:

а. Ужель исчезну навсегда

- В а. Веселья жизни [*начато нрзб*] погубя
 б. Веселья жизни разлюбя
 а. <   > не знав от века
 б. И светлых дней не знав от века
 в. Счастливых(?) дней не знав от века
 Я все не верую в тебя
 Ты чуждо мыслям человека
- 9 а. Ты ужасаешь дерзкий ум
 б. Тебя страшится¹ дерзкий ум
 в. Тебя страшится гордый ум
- 10 а. Так путник <   > внимая —
 б. Так путник с вышины внимая —
- 11 а. *Начато*: Альпийских
 б. Снегов альпийских вечный шум —
 в. Кавказских вод немолчный шум —
 г. Ручьев кавказских вечный шум —²
- 12 а. И взором пропасть измеряя
 б. И взором в пропасти блуждая
 в. И взором бездны обнимая³
 г. И взор свой в бездны погружая
- 13—16 А Теряет чувства — перед ним
 Предметы движутся, темнеют
 Хладеет сердце —
- Б Вдруг чувствует <   > страх
 а. *Начато*: В н(ем)<?>
 б. Трепещет, мысли в нем слабеют —
 а. Теряет чувства — и в [гл(азах)<?>] оч(ах)<?>
 б. <   > в глазах
 Предметы движутся, темнеют
 И смутно⁴
- В а. *Начато*: Вдруг
 б. <   > вдруг томим —
 Дрожит, шатается — пред ним
 Предметы движутся, темнеют —
 Слабея чувства в нем немеют
- Г Внезапным ужасом томим —
 Слабеет — чувства в нем немеют
 Дрожит, шатается — пред ним

б. Нет <   > навсегда

в. Ужель<?>

г. Не верю — <   > твоему

и сделанная между строк отдельная запись: моим чувствам земным(?) Окончательный порядок стихов в автографе не обозначен.

¹ Слово: страшится переправлено из начато: б<оятся?>

² Возможно, позднейшая правка.

³ Исправлено из первоначального: обнимает

⁴ Вариант Б остался незачеркнутым, работа над фрагментом была продолжена на обороте листа.

- Предметы движутся, темнеют —
- Д а. Слабеет ужасом томим —
б. Бледнеет ужасом томим —
Внезапно чувства в нем немеют
Дрожит, шатается — пред ним
Предметы движутся, темнеют —
- Е Внезапно ужасом томим —
а. < > немеют
б. Бледн(еет) чувст(ва) в нем немеют
в. < > в нем немеют
Дрожит, шатается — пред ним
Предметы движутся, темнеют —
- 17—20 А Кругом оплота ищет он —
И все пред ним уж исчезает
И обморок как смертный сон —
На край горы его бросает
- Б Кругом оплота ищет он —
а. И жизни(?) < > в нем исчезает
б. И все во взорах исчезает
И обморок как смертный сон —
На край горы его бросает
- В Вотще оплота ищет он —¹
И все во взорах исчезает
И обморок как смертный сон —
На край горы его бросает
- 21—24 [Умолкни! дух бессмертен мой —]
Но улетев в миры иные
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
И чужд мне будет мир зем(ной)?²
- 25—28 а. Начато: Когда
б. Начато: Ужели там
в. Быть может там где <нрзб>
г. Начато: Быть может
д. Ужели там где все сверкает
е. Конечно там где все сверкает
Нетленной славой и красой
а. Где в море(?)³ блага исчезает
б. Где в бездне блага исчезает
в. Где в блеске [новом(?)]⁴ чистом исчезает⁴
г. Где в блеске вечном⁵ утопает

¹ Возможно, позднейшая правка.

² Далее в автографе шла работа над ст. 29—32; ст. 25—28 вписаны позднее на левом поле листа; место вставки обозначено условным значком и, по-видимому, вписанным неразборчивым словом: *ужели(?)*

³ Слово вписано.

⁴ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: *исчезает* осталось незачеркнутым.

⁵ Слова: *блеске вечном* остались незачеркнутыми.

- д. Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия
- 29—32 А а. *Начато:* Ужели
б. Ужели прежни⟨х⟩ впечатлений¹
в. Ужель [и] минувших впечатлений
Не сохранит ⟨   ⟩
а. *Начато:* Ужели
б. *Начато:* Не⟨?⟩
в. ⟨   ⟩ питать не буду я
г. Знать ⟨   ⟩ не буду я
д. И там не⟨?⟩ ⟨   ⟩ сожале⟨ний⟩
е. И знать ⟨   ⟩ [не буду я]²
- Б Ужель минувших впечатлений
Не сохранит душа моя
И знать ⟨   ⟩ [не буду я]
а. *Начато:* Об ⟨   ⟩ жизни
б. *Начато:* Утрат
в. Своих привычных сож⟨алений⟩
- В а. Минутных жизни впечатлений
б. Минутной жизни впечатлений
в. Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя
а. Не буду ведать сожалений
б. Питать не буду сожалений
в. Не буду ведать сожалений
а. Тоску любви забуду я
б. Мою любовь забуду я
- Г Минувшей жизни впечатлений³
Не сохранит душа моя
Не буду ведать сожалений
Мою любовь забуду я⁴
- 33—34 А а. Мою ⟨   ⟩ любовь! но что же —
б. Забыть любовь! ⟨   ⟩ но что же —
в. Любовь! но что же за⁵ могилой
а. *Начато:* Переживет мои
б. Переживет еще меня
в. Меня еще переживет
г. Переживет еще меня
- Б а. Забыть [но]⁶ что же за могилой⁷

¹ Видимо, первоначально предполагалось: прежни впечатленья

² Зачеркнутые тонким штрихом в ходе предшествующей работы слова: не буду я не были восстановлены; возможно, они в этом варианте только обозначали рифму.

³ Позднейшая правка.

⁴ Далее в автографе на л. 14 шла работа над ст. 41—52; ст. 33—36 записаны отдельно на обороте листа и отчеркнуты сверху и снизу горизонтальными штрихами.

⁵ За вписано над строкой.

⁶ Союз: но, по-видимому, случайно был вычеркнут вместе со словом: любовь.

⁷ Позднейшая правка. Вариант оставлен незачеркнутым, возможно, как альтернативный записанному также в ходе позднейшей правки варианту Б, «б».

- 35—36 А 6. Любовь! [но] что же за могилой
Переживет еще меня
Нет нет ( ); образ милой,
Бессмертен как душа моя —
- Б а. *Начато*: [Она со мной] Она
6. Он вечен нет!¹ ( ) образ милой
в. Он мой он вечен образ милой
а. Что без любви душа моя!
6. Что без него душа моя!
- 37—40 А Златые, нежные мечты,
[Поэ(зии)] Мечты поэзии прелестной
Я вас люблю
- Б Мечты поэзии прелестной
Благословенные мечты —
Люблю ваш сумрак неизвестный
- а. И ваши тайные цветы —
6. И ваши ясные(?) цветы —
в. И ваши тайные цветы —
г. И ваши милые цветы —²
- Между
40 и 41 А а. Люблю ( ) Лету
6. Люблю забывчивую Лету
в. Люблю струи ( ) Леты
г. Струи(?) ( ) Леты
д. Лю(блю) ( ) Леты
е. От ( ) Леты
- а. Люблю Элизия ( )
6. И тень Элизия
в. [И] И кров Элизия святой
Вычеркнуто.
- 41—44 Б а. Сказали ( ) поэ(ты)
6. Вы (начато нрзб) ( ) поэ(ты)
в. Вы нас уверили поэ(ты)
г. Нас ( ) уверили поэ(ты)³
д. Вы увер(яли) нас поэ(ты)
а. Что тени легкою толпой
6. Что тени тайною толпой
От берегов печальной Леты
Слетаются на брег земной!..
- 45—48 А ( ) посещают
( )
И в сновиденьях утешают

¹ Слово: нет! вписано сверху над зачеркнутыми словами: Нет нет, вычеркнуто и вновь восстановлено.

² Ст. 37—40 были в какой-то момент отчеркнуты по левому полю и перенесены ниже, после ст. 41—44. От этого решения Пушкин отказался, отметив знак переноса в обоих местах минусом.

³ Вариант остался незачеркнутым.

- Об них грустящие сердца
 Б Что в тайне снова посещают
 Им в жизни милые места
 И в сновиденьях утешают
 а. Грустящие по ним сердца
 б. Об них грустящие сердца
 в. Их ( ) сердца
 В а. Они [*нрзб*] уныло посещают
 б. Они¹ ( ) посещают
 а. *Начато*: Места, где (*начато нрзб*)
 б. *Начато*: Места, в которых
 в. *Начато*: Места, где след
 г. *Начато*: Места, где жизнь
 д. *Начато*: Места, куда
 е. [*начато нрзб*] ( ) минувшее зовет
 ж. ( ) любовь зовет
 и. Места ( ) зовет²
 И в сновиденьях утешают
 а. *Начато*: Их
 б. Сердца где образ их живет
 в. Сердца где память их живет
 г. Сердца где след ( ) живет
 Г С³ унылой думой посещают
 Места — ( ) зовет
 И в сновиденьях утешают
 а. *Начато*: Того чье сердце к н(им)(?)
 б. Сердца где скорбь об них живет
 в. Сердца где грусть об них живет
 Д С унылой думой посещают
 а. Места где (*начато нрзб*)
 б. Места где жизнь была милей —
 И в сновиденьях утешают
 а. Сердца ( ) друзей
 б. Сердца потерянных друзей
 в. Сердца покинутых друзей⁴
 49—52 А а. И ждут — когда на ( ) Лет(ы)
 б. И ждут — когда ( )
 Сберется полная семья
 Пока за вечными ( )
 Ещ(е)

¹ В ходе дальнейшей работы местоимение: Они осталось незачеркнутым.

² Оставленный незачеркнутым вариант, в ходе дальнейшей работы (см. вариант Г) повторенный ниже на листе.

³ Исправлено из первоначально начатого: В

⁴ На этом стихе кончаются записи на л. 14. Дальнейшие записи, относящиеся к работе над стихотворением, расположены на обороте листа: недоработанный фрагмент: Я верю вам так если можно ~ Слетит к сим тихим(?) бер(егам); ниже после отчерка — первые наброски ст. 49—52 (варианты А—В); далее — черновик ст. 33—36. Внизу л. 14 об. при позднейшем обращении к рукописи были доработаны ст. 49—52.

- Б И ждут < >
 < >
 Пока за вечными < >
 а. < > она —
 б. Еще не собралась она
- В Пока за вечными < >
 а. *Начато:* Счастливых
 б. *Начато:* Толпа(?)
 в. < > она¹
- Г а. *Начато:* Они — —
 б. Они бессмертие вкушая
 в. Они < > семья родн(ая)
 г. Они < >
 В Элизий ожидают их
 а. Как < > семья родная
 б. Как ждет < > семья родная
 в. Как в праздник < > семья родная
 г. Как ждет < > семья родная
 д. <Нрзб> < > семья < >
 а. За трапезою ждет [го<стей>] своих
 б. < > ждет своих
- Д Они бессмертие вкушая
 В Элизий ожидают их
 Так ждет < > семья родная
 Замедливших гостей своих
- Е Они бессмертие вкушая
 В Элизий ожидают их
 На праздник так семья родная
 Ждет медлящих гостей своих²
 [Надежда вечности!]
 [Другая ж<изнь>]
- После 52 А а. Так если < > будет мож<но>
 б. Так если мне < > мож<но>
 в. Я верю вам так если можно
 а. *Начато:* От с< >(?)
 б. Отголь где вечный свет гор<ит>
 а. Где < > вечно непреложно
 б. Где все бессмертно непреложно
 в. Где счастье вечно непреложно
 г. Отголь где счастье непреложно
 а. Мой дух на землю прилетит
 Мой дух к Юрзуфу прилетит
 Туда где³

¹ Работа над фрагментом была продолжена при позднейшем обращении к рукописи (варианты Г—Е).

² Следующие два неполных зачеркнутых стиха записаны на л. 15, видимо, в непосредственное продолжение фрагмента при позднейшем обращении к рукописи.

³ Слова: Туда где остались незачеркнутыми.

- Б Я верю вам так если можно
Оттоль где вечный свет гор(ит)
Где все ( ) непреложно
Моя душа сюда слетит
- В Я верю вам так если можно
- а. *Начато:* Им отделяться
- б. Оттоле отделяться им
- в. От ( ) нам
- г. От мест ( ) нам
- д. *Начато:* За гробом
- е. Оттоле удаляться (нам)
Моя душа ( ) непреложно
Слетит к сим тихим(?) бер(егам)

Первоначальные варианты белого автографа¹
(ПД 834, л. 1)

- 5 Веселья жизни разлюбя
- 12 И взором бездну измеряя,
- 14 Дрожит, шатается — пред ним
- 17 Вотще оплота ищет он,
- 18 В очах все меркнет, исчезает...
- 19 а. И обморок — как смертный сон,
б. И обморок — иль смертный сон,
в. И хладный² обморок — как сон,
- Вм. 21—28 А Конечно там где все блистает
Нетленной славой и красой
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
- Б Но если дух бессмертен мой,
Ужели там где все блистает
Нетленной славой и красой
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
- В Конечно дух бессмертен мой
Но улетев в миры иные
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
И чужд мне станет мир земной?
Ужели там где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
- 29 Минутной жизни впечатлений

¹ Нумерация стихов по тексту первой редакции.

² В слове: хладный первоначально, по-видимому, была допущена описка.

- 35—36 Он мой, он вечен образ милой
Что без него душа моя?
После 36 Начато: Вы нас уверили
45 Что с умилением посещают

*Намеченная переработка первой редакции
(ПД 834, л. 1)*

- 37—40 Отчеркнуты слева фигурной скобкой для переноса в конце
стихотворения, после заключительной строки отточий.
Место переноса указано условным значком.
41—42 Зачем не верить вам поэты
Да т(ени тайною толпой)¹

Разночтения МТ и Ст 1829

Заглавие	Элегия	МТ
9	И невидимо навещают	МТ, Ст 1829

ГРЕЧАНКЕ

(«Ты рождена воспламенять...»)
(С. 78)

*Варианты белого автографа Ав₁
(ПД 833, л. 18 об.—19)*

- 15 Быть может в дальней стороне
18 Узнал увидел как во сне
20 В его сердечной глубине?
29 а. Мне наслаждаться ново им —
б. Как в тексте.
30 а. Как в тексте.
б. И груст(ь)ю тайно(ю)² томим

*Варианты белого автографа Ав₂
(ПД 50, л. 1 об.—2)*

- 15 Быть может, в дальней стороне
Примечание к ст. 10 См. поэму лорда Байрона Г я у р (а не Д ж а у р, как пишут некоторые)³.

¹ Сокращенная запись под текстом стихотворения.

² Перестановка слов обозначена цифрами; их форма при этом не была изменена.

³ В автографе скобки не закрыты.

Разночтения ПЭ 1823

- 15 Быть может, в дальней стороне,
 Заглавие в оглавлении Ст 1826
 Гречанке. 1822

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

(«Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...»)
 (С. 79)

Черновой автограф
 (ПД 53)¹

- 6—8 А Умы Российские, мы знаем каковы
 Сегодня разреши свободу им тисненья
 Что завтра выдет в свет: Баркова сочиненья
- Б а. Потребности у нас мы знаем каковы
 б. Потребности Ума не всюду таковы
 Сегодня разреши свободу нам тисненья
 Что завтра выдет в свет: Баркова сочиненья
-
- 12 а. Иного Автора единственный читатель
 б. Иного рифмача единственный читатель
-
- 15—20 а. *Начато*: Писателей
 б. Парнасскую толпу нелегкая встревожит
 Тот ан(глийский роман с французского предложит ?)
 Тот спит водевиль потея да крях(тя)
 Другой траг(едию) состряпает шутя
- а. До них нам дела нет — а ты читай бесися
 б. До них нам дела нет — а ты < > возися
 Зева(я)² разбирай и дремля подпишися
-
- 21—30 А < > быть может хочет он
 Ум чтеньем освежить —
- Б < > быть может он хотел

¹ Группы стихов и отдельные стихи, разделенные между собой горизонтальными отчерками.

² В автографе с опiskой: Зевай

- Ум¹ чтеньем² освежить —
- В Ум дельным ( ) порою он хотел
И чтеньем освежить —
- Г ( ) может быть
Проведать дельное иль сердце освежить;
- а. *Начато:* Роман или журнал —
- б. И чтеньем обновить души существованье
- в. И чтеньем обновить его существованье
А должен он тер(ять)(?) бесплодн(ое вниманье)
На (бредни новые какого-то враля ?)
( )
( )
( ) в них ищи его с нач(ала)
( )
То личность дерзкую, то площадную брань
Наемной Критики затейливую дань

33—42

- Он сердцем почи(тать привык алтарь и трон)
- а. Но мнений не теснит и правду терпит он
- б. [Он] Опасный умысел ( ) видит он
- в. Опасный умысел вмиг отличает он
- а. Но он ( ) пути не загра(ждает)
- б. Но Истинне ( ) пути не загра(ждает)
- в. Но правде (и) добру пути не загра(ждает)
- Мла(дой) поэзии резвиться не мешает
Принять ответств(енность) умеет на себя
Закону предан(ный), отеч(ество любя) —
- а. Он друг писателю — ( ) не труслив
- б. Он друг писателю — не низок не труслив
- а. Благора(зумен) тверд ( ) справедлив
- б. Благора(зумен) тверд ( ) прозорлив

- 43 А ты глупец и трус что дела(ешь ты с нами)
прозы нет³

Варианты белого автографа

- 2 Сегодня рассуждать задумал я с тобой⁴.
- 16 Кто Английский⁵ роман с французского предложит,
- 104 а. Ужели к тем векам мы снова обратимся
б. *Как в тексте.*

¹ Слово: Ум вычеркнуто и повторено над строкой.

² Слово: чтеньем зачеркнуто и восстановлено.

³ Видимо, набросок к ст. 55 и след.: Остались нам стихи: поэмы, триолеты и след.

⁴ Слово: тобой исправлено из первоначального: собой (по-видимому, описка).

⁵ Слово: Английский исправлено из первоначального: Английских

Разночтения копий Вел (ст. 47—86), Заб₁, Заб₂, Нейш₁, Чеб, Отб, Гаев—Якуш, Пог, Арс, Дол₁ (ст. 1—54), Дол₂, Долг, Нейш₃, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш, Е (ст. 43—58, 69—90, 102—111, 124—126), Кав и публикаций Анн (ст. 1—43, 59—70, 83—88, 91—102, 112—124, 126), БЗ (ст. 43—58, 71—82, 89—90, 103—105, 107—111), ПЗ

Заглавие	Послание к цензору ¹	Заб ₁ , Заб ₂ , Нейш ₁ , Чеб, Дол ₁ , Нейш ₃ Анн, БЗ
Заглавие	Первое послание к Аристарху ²	Отб, ПЗ
Заглавие	Цензору	Гаев—Якуш, Арс, Долг, Тих, Бар, Полт ₂ , Ал, Даш, Кав
Заглавие	К цензору ³	Дол ₂
Заглавие	К цензору. 1	Лон—Полт
Заглавие	К цензору (1)	Е
Заглавие	Первое послание Цензору	Заб ₁ , Гаев—Якуш, Арс, Дол ₁ , Дол ₂ , Долг, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Даш, ПЗ
	3 Не бойся, не хочу, прельщенный славой ложной,	Гаев—Якуш
	5 Что нужно Лондону, то дурно для Москвы.	Заб ₂ , Отб
	7 Их мыслей не тягчит цензурная расправа,	Чеб
	7 Их мыслей не темнит цензурная расправа,	Дол ₁
	7 Их мысли не теснит цензурная расправа,	Лон—Полт
	7 Их мыслей не теснит цензурная управа,	Даш
	7 Их мыслей не стеснит цензурная расправа,	Бар
	8 Их чистая душа перед тобою права. ⁴	Нейш ₁
	9 Во-первых, искренно признаюсь я тебе,	Дол ₁ , Лон—Полт
	9 Во-первых, истинно я признаюсь тебе,	Заб ₂ , Отб
	11 Людской бессмыслицы ты ложный толкователь,	Дол ₁
	11 Людской бессмыслицы смиренный толкователь,	Арс
	13 Ты верно разбирать обязан за грехи	ПЗ
	13 Ты вечно разбирать обязан их грехи:	Заб ₂
	14 То прозу глупую, то плоские стихи,	Заб ₂ , Отб
	15 Российских авторов легко тебе тревожить:	Нейш ₁
	15 Российских авторов легко тебе встревожить:	Чеб, Пог, Лон—Полт, Ал
	15 Российских авторов нелегкое тревожит:	Гаев—Якуш, Арс, Дол ₁
	15 Российских авторов нелегкая тревожит,	ПЗ

¹ В Нейш₁ с примечанием к заглавию: К Бирухову

² Цензурный вариант.

³ В Бар к заглавию карандашом приписана цифра 1

⁴ В Бар исправление в копии, первоначально было как в тексте.

- 16 Тот английский роман с французского предложит,¹ *Заб₁, Гаев—Якуш, Арс, Дол₁, Дол₂, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Даш, Кав, Анн*
- 17 Тот оду сочинит, потея и кряхтя, *Заб₁, Заб₂, Нейш₁, Отб, Гаев—Якуш, Арс, Дол₁, Дол₂, Нейш₃, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш, Кав, ПЗ*
- 18 Иной трагедию напишет нам шутя —² *Тих, Анн*
- 20 Зевай, сто раз засни — и после подпишися. *Заб₁, Дол₁, Дол₂, Нейш₃*
- 21 Наш цензор мученик; порой захочет он *Гаев—Якуш, Арс, Дол₁, Дол₂, Долг, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш, Кав, ПЗ*
- 22 Ум чтением просветить; Руссо, Вольтер, Байрон, *Нейш₁, Нейш₃*
- 22 Ум чтением освятить; Руссо, Вольтер, Бюфон, *Арс*
- 24 А должно посвятить безмолвное вниманье *Заб₂*
- 24 Но должно променять, по долгу, их писанье³ *Нейш₁*
- 24 Но должен посвятить безмолвное вниманье *Отб, ПЗ*
- 24 А должно посвятить бесплодное вниманье *Гаев—Якуш*
- 26 Которому досуг петь рощи и поля, *Заб₂, Нейш₁, Отб, Арс, Нейш₃*
- 27 И связь утраченну ты в них ищи с начала *Заб₁*
- 27 То связь утраченну ты в них ищи с начала *Заб₂, Нейш₁, Отб, Нейш₃*
- 27 Да, связь утрата в них, ищи себе сначала *Гаев—Якуш*
- 27 Да, связь утратив в них, ищи ее начала *Дол₁*
- 27 Да, связь утратив в них, ищи ее сначала *Лон—Полт*
- 29 Насмешки глупые и площадную брань, *Отб*
- 30 Учтивых авторов затейливую дань.⁴ *Заб₁, Заб₂, Нейш₁, Отб, Гаев—Якуш, Арс, Дол₁, Дол₂, Долг, Нейш₃, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш, ПЗ*
- 31 Но цензор гражданин, а сан его священный: *Гаев—Якуш*
- 34 Но мыслей не теснит и разум терпит он, *Заб₂*
- 34 Но мнения не теснит и разум любит он. *Дол₁, Дол₂*

¹ В *Заб₁*: аглинский; в *Арс*: англинский роман

² В *Тих* дополнительный вариант.

³ В *Нейш₁* стих был первоначально пропущен и вписан позднее.

⁴ Вряде копий с ошибками. В *Арс* и *Долг*: Учтивых авторов, затейливую дань; в *Дол₁* и *Долг*: Учтивых авторов затейливу дань; в *Заб₁* и *Кав*: Учтивых авторов затейливая дань. В *Тих* дан дополнительный вариант как в тексте.

- 34 Но мненья не теснит и разум терпит он.
Долг, Бар,
Лон—Полт, Полт₂,
Ал, Даш, Кав, Анн,
ПЗ
- 35 Блюститель тишины и добрых, чистых нравов
Нейш₁
- 35 Блюститель тишины, религии и нравов,
Гаев—Якуш
- 36 Не преступает он предписанных уставов;
Гаев—Якуш
- 36 Не преступает он начертанных уставов;¹
Арс, Дол₁, Дол₂,
Долг, Бар,
Лон—Полт, Ал, Кав,
ПЗ
- 39 Полезной истине путей не преграждает,
Заб₂
- 39 Полезной истине путей не заграждает,²
Заб₁, Нейш₁, Отб,
Гаев—Якуш, Дол₁,
Долг, Нейш₃, Бар,
Лон—Полт, Ал,
Даш, Кав, Анн, ПЗ
- 40 Живой поэзии развиться не мешает.
Дол₂, Лон—Полт,
Даш, Анн, ПЗ
- 41 Он друг писателей, пред знатью не труслив,
Заб₁, Заб₂, Нейш₁,
Отб, Гаев—Якуш,
Арс, Дол₁, Дол₂,
Долг, Нейш₃, Бар,
Лон—Полт, Полт₂,
Ал, Даш, Кав, ПЗ
- 44 Где б должно умствовать, ты хлопаешь глазами.
Заб₂, Нейш₁,
Гаев—Якуш, Нейш₃,
Лон—Полт
- 44 Где должно умствовать, ты хлопаешь глазами.
Отб, Арс
- 44 Где должно умствовать, ты хлопаешь ушами.
Заб₁, Дол₁, Дол₂
- 46 И черным белое по прихоти зовешь:
Гаев—Якуш
- 51 Благодаря тебе не видим книг доселе?
Заб₁, Заб₂, Арс, Дол₁,
Дол₂, Ал, ПЗ
- 51 Благодаря тебя, не видно книг доселе?
Нейш₁, Нейш₃
- 52 И если говорить задумаем о деле,
Вел, Е
- 52 А если говорить задумают о деле,
Заб₂
- 52 И если говорить задумаешь о деле,
Заб₁, Отб, Арс,
Долг, Бар, Лон—
Полт, Полт₂, Ал,
Даш, Кав, БЗ, ПЗ
- 52 И если говорить задумает о деле,
Гаев—Якуш
- 53 То, славу русскую и русский ум любя,³
Бар, БЗ
- 56 Послання, басенки, элегии, куплеты,⁴
Тих, БЗ

¹ В Бар исправлено как в тексте.

² В Гаев—Якуш исправление в копии другой рукой, первоначально было с ошибкой: Полезной тишине путей не заграждает; в Бар исправлено как в тексте.

³ В Бар исправление в копии, первоначально было как в тексте.

⁴ В Тих и БЗ дополнительный вариант.

- 59 О, варвар! Кто из нас, владетель русской лиры, *Заб₁, Заб₂, Отб, Арс, Дол₂, Долг, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш, Кав*
- 59 И варвар! кто из нас, владетель русской лиры, *Нейш₁*
- 59 О, варвар! кто ж из нас, владетель русской лиры, *Гаев—Якуш*
- 59 О, варвар! Кто из нас, владелец русской лиры, *Анн*
- 64 Ничто не трогает твоей души холодной. *Вел*
- 65 На все наводишь ты косою, неверный взгляд. *Арс*
- 66 Подозревая всех, во всем ты видишь яд. *Заб₁, Нейш₁, Гаев—Якуш, Долг, Нейш₃, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш, Кав, Анн, ПЗ*
- 66 Подозревая всех, во всех ты видишь яд! *Заб₂*
- 66 Подозреваешь все, во всем ты видишь яд! *Отб*
- 69 А право, никогда искусный коновал *ПЗ*
- 72 Осмеивать закон, правительство и нравы,¹ *Заб₁, Нейш₁, Отб, Гаев—Якуш, Арс, Дол₂, Долг, Нейш₃, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш, Е, Кав, БЗ, ПЗ*
- 72 Осмеивать закон, правительства иль нравы, *Чев*
- 73 Тот не подвергнется закону твоему, *Заб₂*
- 74 Тот незнаком тебе — ты знаешь почему; *Заб₁*
- 74 Тот незнаком тебе — все знают почему;² *Тих, БЗ*
- 74 Тот не знавал тебя — ты знаешь почему; *Арс*
- 74 Тот не знавал тебя — мы знаем почему;³ *Дол₂, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш, Е, Кав, БЗ*
- 75 И рукопись его не погибает в Лете — *Вел, Арс*
- 77 Барков шуточных од к тебе не посылал,⁴ *Заб₁, Нейш₁, Гаев—Якуш, Пог, Арс, Дол₂, Долг, Нейш₃, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Ал, Даш, Кав, БЗ, ПЗ*

¹ В БЗ с цензурной купюрой: Осмеивать ..... и нравы

² В Тих дополнительный вариант.

³ В БЗ дополнительный вариант.

⁴ В Заб₁ имя: Барков обозначено двумя первыми буквами.

- 78 Радищев, рабства враг, цензуру избежал,
79 А Пушкина стихи в печати не бывали;
79—80 И Пушкина стихи в печати не бывают,
Что нужды? Их и так иные прочитают.
80 Что нужды? нас и так иные прочитали.¹
82 Едва ль и Шаликов не вредный человек
85 Прошу, пойми его — увидишь ясно в нем
85 Прочти, пойми его: увидя ясно в нем
86 Свой долг, свои права, пойдешь своим путем.
89 Хоть в узкой голове придворного льстеца
89 Хоть в узкой голове придворного лица²
91 Державин, бич вельмож, при звуках грозной лиры
91 Державин, бич вельмож при звуке громкой лиры
91 Державин близ вельмож при звуке грозной лиры
91 Державин, бич вельмож, при звуках гордой лиры³
91 Державин, бич вельмож, при звуках громкой лиры
92 Их горделивые разоблачил кумиры;
95 Киприду иногда являв без покрывала!
97 Ты что же хмуришься? Признайся, в наши дни
98 С тобою бы не так разделались они?
99 Ты в этом виноват. Перед тобой зеркало:⁴
100 Дней Александровых приятное начало.
101 Поведай, что в те дни произвела печать.
103 Старинной глупости мы правильно стыдимся.
103 Старинной глупостью мы праведно стыдились.
104 Ужели к тем векам мы снова обратимся,
104 Ужели к тем годам мы снова возвратимся,
104 Ужели к тем годам мы снова возвратимся,
105 Когда никто не смел отечества назвать
105 Когда отечество никто не смел назвать
- Нейш₁, Нейш₃
Заб₂
Вел
Чев, Пог, Бар
Заб₁
Вел
Гаев—Якуш
Вел
Нейш₁
Нейш₃
Заб₁
Заб₂,
Гаев—Якуш, Арс,
ПЗ
Нейш₁, Нейш₃
Бар
Кав
Чев, Дол₂, Бар,
ПЗ
Отб
Нейш₃, Анн
Заб₂, Отб
Заб₁, Заб₂, Нейш₁,
Отб, Гаев—Якуш,
Арс, Дол₂, Долг,
Нейш₃, Бар,
Лон—Полт,
Полт₂, Ал, Даш,
Кав, Анн, ПЗ
Арс
Заб₁, Заб₂, Отб,
Даш
Нейш₁
Арс
Отб
Арс
Лон—Полт
Заб₂, Нейш₁,
Нейш₃, Даш
Лон—Полт*

¹ В Бар исправление в копии, первоначально было как в тексте.

² В Нейш₃ исправлено как в тексте.

³ В Бар исправление в копии, первоначально было как в тексте.

⁴ В Нейш₃ и Бар исправлено как в тексте.

- 106 А в рабстве ползали и люди и печать²
*Заб₂, Дол₂, Долг,
Тих, Лон—Полт,
Полт₂, Ал, Даш*
- 108 Когда и на устах цепей лежало время¹
Нейш₁
- 108 Исправься! Будь умней и сбрось вражды ты время.
Заб₂, Отб
- 109 Где славный Карамзин сплетал себе венец,
Заб₂
- 111 Исправься, будь умней и примирился с нами.
Заб₁, Даш
- 113 Но можно ль цензора по совести судить
Ал
- 114 Я должен то тому, то этому вредить.
*Заб₁, Заб₂,
Нейш₁, Отб,
Нейш₃*
- 114 Я должен то того, то этого бранить.²
*Гаев—Якуш, Арс,
Дол₂, Долг, Тих,
Бар, Лон—Полт,
Ал, Даш, Кав,
ПЗ*
- 115 Конечно, всем смешно, и я нередко плачу,
Арс
- 116 Читаю да крещу, мараю наудачу;
Нейш₁
- 117 На все есть моды, вкус, бывало, например,
Заб₁, Отб
- 117 На все есть в свете вкус, бывало, например,
Арс
- 118 У нас в большой чести блистал Руссо, Вольтер,
Заб₂
- 118 У нас в большой чести Руссо, Бентам, Вольтер,
Нейш₁, Нейш₃
- 118 У нас в большой чести блистал один Вольтер,
Отб
- 118 У нас в большой чести Бейрон, Руссо, Вольтер,
Арс
- 119 А ныне и Милот попался в наши сети;³
*Чаб, Отб,
Гаев—Якуш, Арс,
Долг, Нейш₃, Ал,
Даш*
- 122 От них все скверное на свет произошло.⁴
Нейш₃, Бар
- 123 Но делать нечего; так если уж не можно
Арс
- 124 Тебе домой скорей убраться осторожно⁵
*Дол₂, Долг, Бар,
Лон—Полт,
Полт₂, Ал, Даш,
Е*
- 125 Коль службою своей ты нужен для царя
Нейш₃
- 126 Хотя умней себя возьми секретаря!
Заб₁
- 126 Так ты умней себя найми секретаря.
Заб₂
- 126 Хоть умного возьми себе секретаря.⁶
Арс, Бар

¹ В Нейш₁ стих был первоначально пропущен и вписан позднее.

² В Тих дан дополнительный вариант как в тексте; в Бар, Лон—Полт, Ал, Даш и ПЗ ст. 114 и 115 поменяны местами.

³ В Гаев—Якуш вместо имени: Милот, не разобранного переписчиком, карандашом вписано: Марат

⁴ В Бар исправление в копии, первоначально было как в тексте.

⁵ В Бар исправлено как в тексте.

⁶ В Бар исправление в копии, первоначально было как в тексте.

«Кто видел край, где роскошью природы...».
Беловой автограф третьей редакции с правкой, переходящий в черновой
(ПД 831, л. 26).

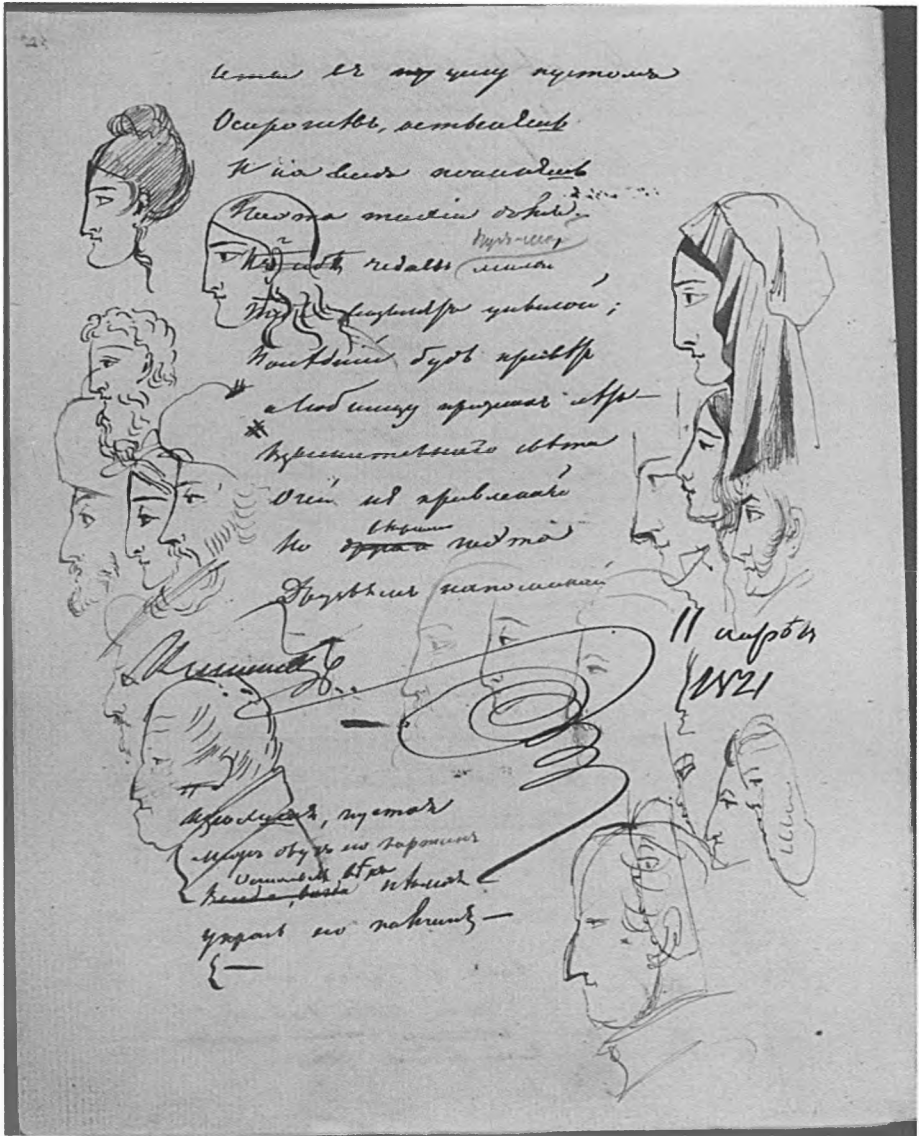
неприятно...
молчать и...
Полтора...
Камчатка...
вот так...
и пролететь...
и слыш, слыш...
не расписывая...
Заван...
[Large blacked-out redacted section]

и давай
мне то что...
и слыш, слыш...

не расписывая...
не расписывая...
не расписывая...
не расписывая...
не расписывая...
не расписывая...

«(В. Л. Давыдову)».
Черновой автограф (ПД 831, л. 30 об.).

«К моей чернильнице».
 Беловой автограф (ПД 833, л. 33 об.).

Актон

Морган - бискупски в Диакон
Его брат - оуб. гвентлепа Индуиона
- Диана (пр.) козманакра лезу Видуиис
и калодура но ет. умуе
..... Актонис сто ^{уни. оуб. банде, кун} ~~банде~~ ^{кун} ~~кун~~
наканеке будре Диакон в сиронент

Кто

Актон, унфат апри авер
се дит ^{Насиде} ~~тхоне~~, ~~ку~~ ~~омендел~~ ~~Хистон~~
ландалеуа е Диакон - ~~Тхоне~~ ~~мезд~~
~~мофпи~~ ~~8тс.~~ ~~8тс.~~ Актон ент
Диакон ин дивент аморвенел, ~~ла~~
~~тронде~~ ~~ау~~ ~~бери~~, ~~мезд~~ ~~данд~~ ~~лагете~~
де тхоне -

И-ПМ

«Актон».
План (ПД 263).

I. Узник.

Свѣтъ за рѣшеткой въ
~~Тѣмнотѣ~~ ~~въ~~ ~~о~~ ~~тѣмнотѣ~~ тѣмнотѣ вѣрой:
 Векорменавей въ нѣволѣ орелъ - помысли,
 кой оруженникъ поворинца, началъ крѣпился,
 Крѣпавро тѣмнотѣ живетъ подѣ окномъ,
 живетъ, и бродитъ, и смотритъ въ окно,
 Какъ будто волнотѣ задумалъ одно.
 Советъ мнѣ възвѣститъ и крахомъ свѣтъ
 "Дѣла въшолвафъ соудъ": "Даванъ устемилъ".
 "Мнѣ вѣселилъ птисца; поро, поро, поро".
 "Муза адъ ~~музы~~ ^{за тѣмнотѣ} ~~Болото~~ ^{вѣселилъ} софа,
 "Муза адъ шукторъ . порекидъ крадъ
 "Муза адъ ^{сѣвъ} ~~шукторъ~~ ^{Кремниль} ~~музы~~ ¹⁸⁷⁷ вѣселилъ ^{за} ~~д~~!"

Муза адъ ^{сѣвъ} ~~шукторъ~~ ^{Кремниль} ~~музы~~ ¹⁸⁷⁷ вѣселилъ ^{за} ~~д~~!"

«Узник».
Беловой автограф (ПД 420, л. 83).

Handwritten manuscript in Cyrillic script, likely a draft of a poem. The text is dense and includes several lines of verse, some of which are crossed out or heavily revised. The handwriting is cursive and somewhat difficult to decipher due to the density and corrections. The text appears to be a working draft of a poem, with various words and phrases written and then crossed out or replaced. The overall style is that of a personal, working manuscript.

Наброски, связываемые со стихотворением «Демон».

Черновой автограф.

«Свободы сеятель пустынный...».

Черновой автограф (ГД 832, л. 42).

вопе почитал:

Да будешь управителем, похорошею,
моя мановишняя кляча в седле,
бумажный возмущенный человек,
твоего рожка крошечный моток!

Клана: ты французскому народу
всехких друзей учил,
и миру стучишь свободу
наша страна свинья глотала —

А ты теперь нечестно манитесь, ах,
она пришла в кармане 1891 года — вырвалась
отсюда мои последние императорские друзья, а
западнее, а как-то на габелье подра-
жанье Баши и турецкого Демократа М

(урада станами стана стана стана)
Свободы станами пустынным,
и свиньям рано, до глотки;
Рухом кистой и суровой
и порабощенный бранье
брани: существное стана —
но потерять и только брань
Владеющим и трудом.....

«Наполеон» (последняя строфа).

«Свободы сеятель пустынный...».

Беловые автографы в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.
(ПД 439, л. 2).

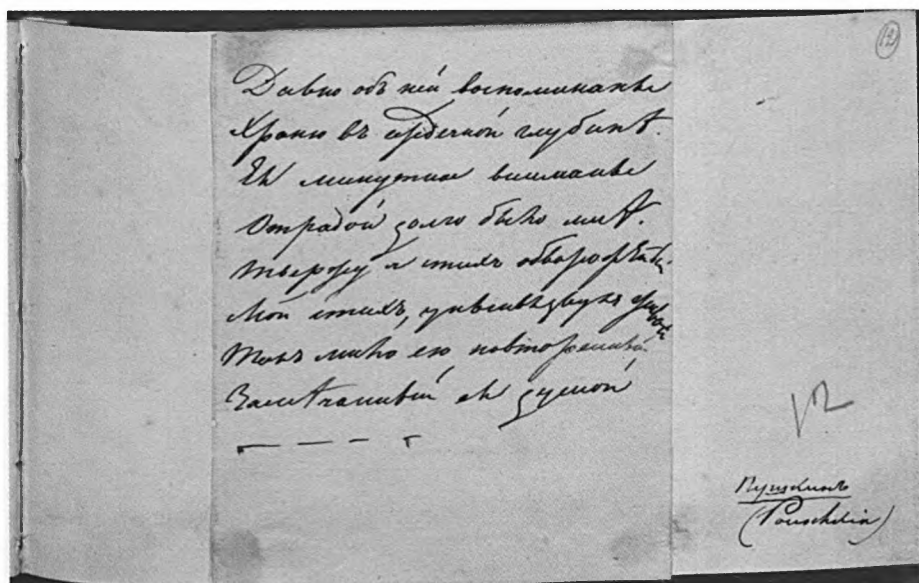
Да будетъ оураженъ похороненъ
 томъ малодушавейъ въ въ снъ гудъ
 безумавиикъ кадушнро уаорнай
 Флеръ разтошанкноу онъ еубъ
 слана, ~~съ~~ ^{съ} русскому народу
 Фвенднй уррбнй указавъ
 И мнру вбвенру свободу
~~Свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~

И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~

И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~
 И уррбнй ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~свободу~~

«Наполеон».

Беловой автограф с позднейшей переработкой (ПД 833, л. 23 об.).

«Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой».
Альбомный автограф (ПД 57, л. 12).

1825

1
Недвижный страж дремал на царственном пороге,
Взвешивая агиты бы былые времена
Суднолюбивый судорогович и предан гонимый
Он убогашиной шалит иттименский мурман
И предан бекмендман

2
Мне мурман мурману небому брэдосте мурман

2 44
Мне мурману мурману мурману мурману мурману
Те мурману мурману мурману мурману мурману
Мурману мурману мурману мурману мурману
Мурману мурману мурману мурману мурману
Мурману мурману мурману мурману мурману
Мурману мурману мурману мурману мурману

3
Мурману мурману мурману мурману мурману

Мурману мурману мурману мурману мурману
Мурману мурману мурману мурману мурману

«Недвижный страж дремал на царственном пороге...».
Беловой автограф (ГД 58, л. 1).

ИНОСТРАНКЕ

(«На языке, тебе невнятном...»)

(С. 82)

Черновой автограф Ав₁

(ПД 830, л. 63 об.)

- Заглавие <Нрзб>¹
- 1—4 А На языке тебе невнятном
Стихи заветные пишу
В забвеньи грустном и приятном
- Б На языке тебе невнятном
- а. Начато: Пишу
- б. Стихи заветные пишу
- в. Начато: Пишу тебе, мой
- г. Пишу, мо<й><?> < > тебе < >
- д. Стихи пишу тебе в альбом
- е. Друг мой пишу² тебе в альбом
В забвеньи грустном и³ приятном
Я мыслю только об одном
- В На языке тебе невнятном
Стихи заветные пишу
- а. [В] И в заблужден<ии> приятном
- б. < > приятном
Вниманья милого прошу —
- 5—8 А Твержу < > с умилением
Т< >
- Б Пока < > не [<начато нрзб>] увяну
< > погубя⁴
- а. Тебя любить не перестану
- б. Боготворить не перестану
Тебя мой⁵ друг одну <тебя>
- В а. Пока навек<?> < > не увяну
- б. Пока я сердцем⁶ не увяну
- в. < > увяну
- а. И жизнь и⁷ < > разлюбя
- б. Все в <начато нрзб> < > разлюбя

¹ Чтение П. О. Морозова: Ги или Гл (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 372); чтение Н. В. Измайлова: Гр(ечанке)<?> (Акад. Т. 2. С. 785). Заглавие вписано в ходе работы над текстом; у заглавия позднейшая карандашная помета: вот это. В левом верхнем углу листа карандашная помета: NB

² В ходе дальнейшей работы слова: Друг мой пишу остались незачеркнутыми.

³ При дальнейшей правке союз: и остался невычеркнутым.

⁴ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: погубя оставлено незачеркнутым, возможно, как альтернативная рифма.

⁵ В автографе слово: мой случайно повторено дважды.

⁶ Сначала над строкой записано: я сердцем<?>; запись вычеркнута, потом под строкой повторено: я сердцем

⁷ Дальнейшая работа над стихом велась на левом поле листа, при этом слова: И жизнь и остались незачеркнутыми.

- в. Всю ( ) разлюбя
 з. Все блага жизни разлюбя
 Боготворить не перестану
 Тебя мой друг одну (тебя)
- Вм. 9—12 А а. Пока ( ) друг любимый
 б. Я помнить ( ) друг любимый
 До гроба
 Б До гроба¹ помнить друг любимый
 ( ) ночей
 а. *Начато*: Твой
 б. Твой поцелуй неутолимый
 в. Твой поцелуй неугасимый
 з. Твой поцелуй неутолимый²
 а. *Начато*: Твой умирающий
 б. *Начато*: Твоей любви
 в. *Начато*: Твой п( ) (?)
 з. *Начато*: Твой
 д. Огонь ( ) очей
 е. *Начато*: [Огонь] Огонь
 ж. И ( ) взор и огонь очей
 з. И жар томительный очей
- В а. [Я(?)] Я (*начато нрзб*) помнить друг любимый
 б. Я ( ) друг любимый
 а. В часы ( ) ночей
 б. В уединенной тьме ночей
 в. Во тьме ( ) ночей
 Твой поцелуй неутолимый
 И жар томительный очей

Варианты белого автографа Ав₂
 (ПД 834, л. 1—1 об.)

- Заглавие а. Отсутствует.
 б. Как в тексте.
- 1—2 а. Как в тексте.
 б. Стихи прощальные пишу
 На языке тебе невнятном
- 5—6 а. Мой друг! доколе не увяну
 В разлуке сердце погубя,
 б. Мой друг! покамест не увяну
 В разлуке чувства погубя,
- 8 Тебя, мой друг, одну тебя...
- 10 а. Верь вечно сердцу моему
 б. Как в тексте.
 в. Верь Ангел сердцу моему

¹ По-видимому, в ходе дальнейшей работы над стихом, слова: До гроба подверглись исправлению: За гробом(?)

² Слово: неутолимый было повторно записано над строкой, вычеркнуто и затем восстановлено в первоначальной записи стиха (вариант «б»).

- 11 а. Как нынче¹ веришь ты ему
б. Как в тексте.

Варианты белого автографа Авз
(ПД 833, л. 27)

- Заглавие
5 а. Как в тексте
б. Мой друг, покамест не увяну

Заглавие в Кап
(по изд.: Майков. Автографы П.)

В альбом иностранке

УЗНИК

(«Сижу за решеткой в темнице сырой...»)
(С. 83)

Черновой автограф
(ПД 830, л. 58—58 об.)

- 1—2 А Ненастно и мрачно в темнице моей...
Орел обескрыленный, узник ( )
Б И тихо и грустно в темнице [глухой];
[О( )] Пленен обескрылен орел молодой
- 3—4 а. Начато: Мой верный товарищ
б. Орел мой товарищ в изгнании моем
в. Единый товарищ в изгнании моем
г. Мой верный товарищ в изгнании моем
Кровавую пищу клюет под окном
- 5 а. Ко мне сквозь решетку стучит(ся) в окно
б. В ок(но) сквозь решетку он бьет(ся) ко мне
в. Глядит на меня я гляжу на него —
г. Начато: Клюет раз( )
д. Клюет и бросает... глядит на меня —
е. Глядит сквозь решетку и бьется в окно
ж. Клюет и бросает и смотрит в окно
- 6 а. Начато: Мне вымолвить хочет
б. ( ) молвить мне слово одно —
в. [(Нрзб)] И вымолвить хочет мне слово одно —
г. ( ) вымолвить ( ) мне слово одно —
- 7 а. Тяжелое слово я понял его —
б. Начато: Мой верный товарищ
в. Начато: Не хочешь
г. Начато: [Не] Зовешь мой

¹ Слово: нынче исправлено из первоначального: ныне

- д. Зовешь <   > ты криком своим
 е. <   > товарища взором своим
 ж. <   > взором своим¹
 з. Совет меня взором и криком своим
 8 а. Я понял тебя улетим² улетим³
 б. Веселое слово: уйдем улетим
 в. Великое слово: уйдем улетим
 з. Оставим тюрьму я готов улетим
 д. Оставим тюрьму встrepенись улетим
 е. Мой верн(ый товарищ) < > улетим
 9—12 А Давай! встrepенемся! < > пора
 Нам [*начато нрзб*](< >) тюрьма не сестра
 [Ос(>)] <   > кандалы
 Семья наша <   > соколы
 Б Давай! встrepенемся! пора нам! пора
 а. Замок нам не брат < > тюрьма не сестра
 б. Замки нам не братья тюрьма не сестра
 в. Острог нам не ближний тюрьма не сестра
 а. *Начато*: Мы вольные птицы⁴
 б. *Начато*: Я вольн(ая) птиц(а) как
 в. Ты вольн(ая) птиц(а) ах волен и я
 з. Мы вольные птицы [*нрзб*]⁵ ты брат мой и я
 Где сокол и коршун⁶ там наша семья

Первоначальные варианты белого автографа⁷
 (ПД 420, л. 83)

Заглавие	Отсутствует.
1	а. Гляжу я в окошко темницы сырой *б. Сижу за решеткой темницы сырой
8	Он вымолвить хочет: «Давай улетим!»
10	а. <i>Начато</i> : Туда, где синее *б. Туда, где за тучами блещет гора
12	*Туда, где гуляет лишь ветер... да я!
Под текстом	Кишенев 1822 ⁸

¹ Следующий, окончательный, вариант стиха записан после работы над ст. 8 ниже его на листе; слова: взором своим остались невычеркнутыми.

² Слово: улетим было вычеркнуто и восстановлено, над строкой начата сразу же отмененная поправка: уйд(ем)

³ При дальнейшей работе над стихом слово: улетим оставалось невычеркнутым.

⁴ При дальнейшей правке окончания слов: вольные птицы оставались неизменными.

⁵ Возможно, случайно повторенное и вычеркнутое слово: птицы

⁶ Слова: и коршун вычеркнуты и восстановлены; над строкой начата сразу же отмененная поправка: и

⁷ Звездочкой отмечены варианты, которые предшествуют варианту основного текста, возникшему в результате позднейшей правки, сделанной Пушкиным карандашом и обведенной чернилами рукой О. М. Сомова.

⁸ Помета: Кишенев вычеркнута Пушкиным карандашом, а затем О. М. Сомовым чернилами; дата: 1822 вычеркнута О. М. Сомовым или П. А. Плетневым.

1823

ПТИЧКА

(«В чужбине свято наблюдаю...»)

(С. 84)

Варианты автографа

(ПД 436)

<i>Заглавие</i>	Отсутствует.
1 а.	В чужбине свято наблюдаю
б.	Как в тексте.
2	Родной обычай старины: ¹
3	На волю птичку отпускаю
4	На светлом празднике весны.
6	Зачем на Бога мне роптать
8	Могу я волю даровать ²

Варианты М

<i>Заглавие</i>	На выпуск птички ² .
2	Родной обычай старины;
3	На волю птичку отпускаю,
4	На светлом празднике весны.
6	Зачем на Бога мне роптать,

ЖАЛОБА

(«Ваш дед портной, ваш дядя повар...»)

(С. 85)

Первоначальные варианты автографа

(ПД 834, л. 22 об.)

2	А вы вы знатный господин —
5—7 а.	Потомок предков благородных —
	Я беден и в моей родне
	Никто не шьет мне фраков модных
б.	Потомку предков благородных —
	Увы за что в моей родне
	Никто не шьет мне фраков модных

¹ Возможно, первоначально на конце стиха стояла точка с запятой.

² Заглавие редакторское.

Запись, сохранившаяся на корешке вырванного листа
с текстом второго белого автографа
(ПД 833, л. 28а)

<   > <по>вар
 <   >
 <   > <гов>ор
 <   >
 <   > <благо>родных
 <   > <р>одне —
 <   > <м>одн<ых>
 <   >

Другая редакция

Текст Герб

К СЕВЕРИНУ

Твой дед портной, твой дядя повар,
 А вы? — вы знатный господин:
 Таков об вас народный говор,
 Высокородный Северин.
 Потомок предков благородных,
 Увы! никто в моей родне
 Не шьет мне даром фраков модных
 И не варит обеда мне.

Разночтения копий Тих, Ал, Майк, Гв, Даш, Е, и публикаций РПЛ, БЗ
(ст. 1—4), РА с текстом Герб

Заглавие	С.....у	Тих, Даш
Заглавие	С.....у	Ал
Заглавие	Отсутствует.	Майк
Заглавие	Северину	Е, РПЛ
Заглавие	К С—ину	БЗ
1	Твой дед портной, отец твой повар,	Майк
1	Ваш дед — портной, ваш дядя — повар,	РА
1	Твой брат портной, твой дядя повар,	РПЛ
2	А ты? Вы знатный господин,	Гв, РПЛ
3	Гласит о вас народный говор,	Гв
4	Высокородный С.....ъ.	Тих, Даш
4	Высокородный С.....ъ!	Ал
4	Высокородный С—инъ.	БЗ
5	Потомки предков благородных,	Майк
8	И не варит обедов мне.	Гв

НОЧЬ

«Мой голос для тебя и ласковый и томный...»

(С. 86)

Варианты автографа

(ПД 833, л. 26)

Заглавие	Отсутствует.
Перед текстом	26 окт(ября) 1823 Одесса
2	Тревожит позднее молчанье ночи темной

ВИГЕЛЮ

(«Проклятый город Кишинев...)

(С. 87)

Черновой автограф

(ПД 834, л. 23—23 об.)

1	a.	Я знаю город Кишенев
	b.	Проклятый город Кишинев
2	a.	Начато: Ты тьм⟨ ⟩⟨?⟩
	b.	⟨ ⟩ перо устанет
	v.	Начато: Перо тебя бранить
	г.	Тебя бранить язык устанет
3—5	a.	Начато: На
	b.	⟨ ⟩ на кров
	v.	Когда-нибудь на грешный кров
	г.	Когда-нибудь на старый кров Твоих запачканных домов Небесный гром конечно грянет —
6—9	A a.	И вдруг ⟨ ⟩ пламеня ¹ И пестрый дом Варфоломея И лавки грязные жидов —
	B	И не найду твоих следов Погибнет ⟨ ⟩ И рухну⟨т⟩ ⟨ ⟩ пламеня ² И пестрый дом Варфоломея И лавки грязные жидов —
	B	И не найду твоих следов
	a.	И вдруг погибнут пламеня
	b.	Падут погибнут пламеня

¹ В конце слова: пламеня допущена описка.² Начатая и сразу отмененная правка.

- И лавки грязные жидов —
И пестрый дом Варфоломея¹
- 10 а. *Начато:* Не т(ак ли ?)
б. Так точно (шлюсь на Моисея
в. Так < > (по мне(ню) Моисея²
г. Так если верить Моисе(ю)³
- 11 а. Погиб < > Содом —
б. Погиб несчастливый Содом —
- 12—20 А Но с этим милым⁴ городк(ом)
Я Кишенев равнять не смею —
- Б Но право с этим городк(ом)
[С Пар(ижем ?)]
Я Кишенев равнять не смею —
- а. *Начато:* Содом блаж( )(?)
б. Париж библейский отличался —
а. Гостеприимством и грехом —
б. Не только вежливым грехом
Но просвещением, стихами
Гостеприимством и пирами
И красотой нестрогих дам —
- В Но право с этим городк(ом)
Я Кишенев равнять не смею —
< >
И просвещеньем был отличен
Не только вежливым (грехом)
Не только < >
Но просвещением, стихами
Гостеприимством и пирами
- Г Но право с этим городк(ом)
Я Кишенев равнять не смею —
Содом ты знаешь был отличен
Не только вежливым грехом
а. (К чему я вовсе не привычен)
б. (К нему я вовсе не привычен)
в. (К чему я вовсе не привычен)
Но просвещением, пирами
Гостеприим(ными) домами
- Д Но право с этим городк(ом)
Я Кишенев равнять не смею —
- а. *Начато:* Я всё(?)
б. *Начато:* И на(?)
в. (Я слишком с Библией знаком
И к лести вовсе не привычен)
Содом ты знаешь был отличен

¹ Слева на полях начата запись: Я б; вторая буква зачеркнута.

² Начатая и сразу отмененная правка.

³ Окончание осталось неисправленным.

⁴ По-видимому, исправлено из первоначального ошибочного: милый

- Не только вежливым грехом
 Но просвещением, пирами
 Гостеприим(ными) домами
 И красотой нестрогих дев —
- 21—22 А Зачем же пламенем стрел(ами)
 Над ним ( ) божий гнев?..
- Б а. И беспощадный гром(?) ( )
 б. [И] [И] Зачем же ( ) громами
 в. Мне жаль [сердечно] (что) громами
 [Его] Его сразил Еговы гнев
- В.м. 23—27 А Но ты в обители печальной(?)
 Избранный богом человек —
 Скажи как [же] ты проводишь век
- Б а. *Начато*: Как свет
 б. *Начато*: Как мир
 в. ( ) в блистательном(?) разврате(?)
 г. ( ) большого света
 д. В печальной ( ) света
 е. В¹ разврате ( ) света
 ж. В блиста(те)льно(м)² разврате(?) света
 Избранный богом человек —
 Провел бы я смиренно век³
- 28—33 А а. *Начато*: Но ты бе( )
 б. ( ) ни книгопродавца
 Не бойся ( ) не придут
 Под вечер милых 3 красавца
- Б ( ) ни книгопродавца
 а. К тебе не бойся не придут
 б. Не бойся ежели придут
 в. ( ) и придут
 г. Не знаю⁴ придут ли ( )
 К тебе под вечер 3 красавца
- В Ты не найдешь ни милых дам
 Ни сводни, ни книгопродавца,
 [И] Жалея о твоей судьбе —
 Под вечер придут ( )
- Г Но в Кишен(ев)е, [*начато нрзб*] видишь сам
 Ты не найдешь ни милых дам
 Ни сводни, ни книгопродавца,
 Жалея о твоей судьбе —
 Не знаю прид(ут ли к тебе)
 Под вечер (милых 3 красавца)

¹ В ходе дальнейшей работы предлог: В остался незначеркнутым.

² В автографе: блиста(те)льной

³ Стихи обведены слева фигурной скобкой.

⁴ В автографе с опиской: знают

- 34—36 А Но я приеду, милый друг,
Лишь только будет мне досуг —
<   > душою —
- Б Но я явлюсь, мой милый¹ друг,
Лишь только будет мне досуг —
Прощусь с Одессою <   >
- В Но я приеду, милый друг,
Лишь только будет мне досуг —
- а. *Начато*: Явлюсь как тень
б. <   > явлюсь я вдруг
в. [Раз<   >] Прощусь с Одессою явлюсь я
- Г На всякий случай, грустный друг,
Лишь только будет мне досуг —
[Раз<   >] Прощусь с Одессою явлюсь я
- Вм. 37—39 А <   > тебе служить я рад —
Стихами прозой всей душою
Но только — пощади мой зад —
- Б Тебе служить я буду рад —
Своей беседою шальною —
Стихами прозой [всей] душою
Но [*начато нрзб*] Вигель — пощади мой зад!

Другая редакция

(по публикации РА с восстановлением цензурной купюры по РА₁)

ГОРОД КИШИНЕВ
1820—1823 гг.

Проклятый город Кишинев,
Тебя бранить язык устанет!
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет,
И не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов!
10 Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом;
Но с этим милым городком
Я Кишинев равнять не смею...
Содом, ты знаешь, был известен
И просвещеньем, и умом,
Красою женщин и садами,
Великолепными пирами
И прародительским грехом.

¹ При дальнейшей правке слово: милый осталось незачеркнутым.

А здесь, как бы назло судьбе,
 20 Ни сводни¹, ни книгопродавца,
 И разве вечером к тебе²
 Зайдут два милые красавца.³

ДЕМОН

(С. 88)

*Черновые наброски,
 предположительно связываемые с работой над стихотворением*

(1)

(ПД 832, л. 43—42 об.)⁴

Черновой автограф (л. 43)

Таков он был

- А   Мое беспечное⁵ незнание
       Он размышленьями смущал
       И я [с] (   ) существованье
       С своим невинным сочетал
       Я видел мир его глазами
- Б   Мое спокойное незнание
- а.   Лукавый Гений возмущал
- б.   Строптивый⁶ демон возмущал
       И я [свое] его существованье
       С своим⁷ невинным сочетал
       Я видел мир его глазами

- А   Непостижимое стремление
       Меня к лукаво(му)
- Б   Непостижимое волнение
       (   ) невольно увлекло —

¹ В Генн и Долг: Ни св... ; в Е — неразборчивое слово.

² В Е: И разве вечером к тебе

³ В Генн, Долг и Е: Придут два милые красавца!..

⁴ Запись карандашом.

⁵ Слово: беспечное было вычеркнуто и восстановлено.

⁶ Над словом: Строптивый начатое и зачеркнутое неразборчивое слово, возможно, также относящееся к работе над этим стихом.

⁷ Слово: своим было вычеркнуто и восстановлено в связи с правкой предшествующего стиха.

- а. *Начато*: Как(?)
 б. *Начато*: [К(огд)а б(?)¹] Хо( )
 в. *Начато*: [Ж] Желанье²
 з. *Начато*: [Он] Он обещал
 ( ) истолк(ов)ать³ творенье
 И разгадать добро и зло
- В а. ( ) — он обещал
 б. Он (нрзб) обещал
 в. Он беспрестанно обещал
 з. Он непрестанно обещал
 Истолк(ов)ать мне все творенье
 И разгадать добро и зло
 И [(начато нрзб)] ( )⁴ стремленье

Авторская сводка предшествующих набросков (л. 42 об.)⁵

Мое спокойное незнанье	Непостижимое [влеч(енье)] волненье
Строптивый демон возму(щ)ал	Меня к лукавому влекло
И я его ⁶ существованье	[И я (начато нрзб)] [желал]
С своим навеки сочетал	И разгадать добро и зло

(2)

(ПД 832, л. 42 об.—42)

Редакторская сводка чернового автографа

Души беспечно(е) незнанье
 Несча(стный) демон возмут(ил)
 И он мое существованье
 С своим навек соединил
 Я стал взирать [его глазами]
 Мне жизни дался бедный клад
 С его неясными словами
 Моя душа звучала в лад
 Взглянул на мир я взором(?) (ясным ?)
¹⁰ И ( ) в тишине
 Ужели он казал(ся) мне
 Столь величавым и прек(расным)
 Чего мечтатель мо(лодой)
 Ты в нем искал, к чему стремился
 Кого восторжен(ной) ду(шой)
 Боготворить не устыдился —

¹ Видимо, в автографе описка: Кабъ

² Слово: Желанье было зачеркнуто и восстановлено.

³ В автографе с опиской: истолкать

⁴ Над строкой, по-видимому, намечено неразборчивое слово.

⁵ Записана вверху листа в два столбца.

⁶ Над строкой было начато сразу же отмененное исправление: сво(е)

Черновой автограф¹

- 1 а. *Начато*: Природы вольной
 б. Души беспечное незнанье
 в. Мое беспечное незнанье
 г. Души беспечное незнанье
 д. Мечты(?)² беспечность (и) незнанье
 е. Души беспечно(е) незнанье
- 2 а. Строптивный демон³ возмут(ил)
 б. Несча(стный) демон возмут(ил)⁴
- 3—4 а. И я его существованье
 С моим [невольнo] навек соединил
 б. И он мое существованье
 С своим навек соединил
- 5—8 А Мою⁵ задумчивую младость
 Невольно⁶ все к нему влекло
 а. *Начато*: Он мне прочел
 б. *Начато*: Мне бедная⁷ открылась
- Б Я стал взирать его глазами
 Мне ( ) дался клад
 С его ( ) словами
 а. Мои⁸ слова звучали в лад
 б. Моя душа звучала в лад
- В Я стал взирать [его глазами]
 Мне жизни дался бедный клад
 С его неясными⁹ словами
 Моя душа звучала в лад
- 9—12 А а. Я понял мир — ( ) ясным
 б. Я понял мир — и взором ясным
 в. Взглянул на мир — я взором ясным
 г. Увидел мир я взором ясным
 д. Вдруг(?) ( ) мир ( )
 а. И молвил — ( ) в тишине
 б. И я — ( ) в тишине

¹ Нумерация стихов по тексту редакторской сводки.

² Чтение И. Н. Медведевой (Акад. Т. 2. С. 806); слово осталось в автографе незачеркнутым, но слово: Души было вторично восстановлено, на основании чего можно предполагать, что Пушкин вернулся к первоначальному варианту стиха.

³ В ходе работы над стихом Пушкин, зачеркнув слово: Строптивный, начал, по-видимому случайно, вычеркивать и слово: демон

⁴ Работа над ст. 3—4 велась в тексте расположенной выше на листе авторской сводки первого, карандашного, наброска.

⁵ Слово: Мою зачеркнуто и повторено над строкой.

⁶ Слово: Невольно вписано над строкой.

⁷ Слово: бедная было вычеркнуто и восстановлено.

⁸ Окончание слова не было отчетливо прописано и в ходе дальнейшей работы над стихом не исправлялось.

⁹ Над словом: неясными зачеркнутое начало неразборчивого слова, возможно, также относящееся к работе над этим стихом.

- в. *Начато:* И¹ [усмехнулся] изумился —
 з. *Начато:* И изъяснил
 а. Ужели мне казался он
 б. *Начато:* [Ужели] [Как он] Ужели²
 в. Ужель он мне казаться < >
 Б Взглянул на мир [уж] я взором(?)³ <ясным ?>
 И < > в тишине
 Ужели он казал(ся) мне
 Столь величавым и прек(расным)
 13—16 а. *Начато:* [Что ж] Чего же
 б. Чего иск(ал) мечт(атель)
 в. Чего мечтатель мо(лодой)
 Ты в нем искал, к чему стремился
 Кого восторжен(ной) ду(шой)
 Боготворить не устыдился —⁴

(3)

(ПД 832, л. 42)

Редакторская сводка чернового автографа

[И взор я бросил] на людей,
 Увидел их надмен(ных), низких
 < > ветрены(х) судей
 Глупцов всегда злодейству близких
 Пред боязливой их толпой
 < > суетной холодной
 Ничтожен опыт вековой
 Напрасен

Черновой автограф⁵

- 1—2 [И взор я бросил] на людей
 а. Увидел их холодных низких
 б. Увидел их ревнивых низких
 в. Увидел их надмен(ных) низких
 3—4 а. *Начато:* Всегда
 б. < > подкупленных судей
 в. Жестоких < > судей

¹ Написано поверх первоначального: Я

² Исправлено из первоначального: Ужь, сначала переправленного на: Ужель

³ Вероятно, в автографе написано именно слово: взором, в котором допущена описка: въ зором

⁴ Под этим стихом в автографе горизонтальный разделительный отчерк. Следующие стихи (фрагмент (3)), возможно, были записаны как альтернативный вариант ст. 9—16 фрагмента (2).

⁵ Нумерация стихов по тексту редакторской сводки.

2. <   >ветрены<х>¹ судей
 д. [Презрен<ных><?>] ветрены<х> судей
 Глупцов всегда злодейству близких
- 5—8 А а. Пред их ничтожною² толпой
 б. Пред боязливой их толпой
 а. *Начато*: Смешон глас правды
 б. Смешон глас <   > благой
 в. <   > правды <   > благой
 2. <   > глас<?> благой³
- Б Пред боязливой их толпой
 а. *Начато*: [Ничто<жной>] Вет<реной>
 б. <   > тупой
 в. Жестокой, ветреной, тупой
 2. Жестокой <   > холодной
 д. Подкупленной, тупой холодной
 е. <   > суетной холодной
 а. Напрасен опыт вековой
 б. [*Начато нрзб*] Смешон <   > опыт вековой
 в. Напрасен опыт вековой
 2. Ничтожен опыт вековой
 Напрасен

Варианты Мнем.

Заглавие	Мой демон
1	Когда еще мне были новы
2	Все наслажденья бытия:
8	Мне сильно волновали кровь —
9—10	В часы надежд и упоений, Тоской внезапной осень,
12	Стал втайне навещать меня.
17—18	Неистошимой клеветою Он Провиденье искушал;
22	На жизнь с насмешкою смотрел

Варианты СЦ

17—18	Неистошимой клеветою Он Провиденье искушал;
-------	--

Заглавие в оглавлении Ст 1826

Демон. 1823

¹ В автографе: ветренный² Прежде чем слово было зачеркнуто, сделано исправление: ничтожной³ Вариант остался незачеркнутым. Выше над строкой отдельно записана и тоже оставлена незачеркнутой рифма: тупой

«СВОБОДЫ СЕЯТЕЛЬ ПУСТЫННЫЙ...»

(С. 89)

Первоначальный набросок (Ав₁)

(ПД 832, л. 42)

Редакторская сводка чернового автографа

Вы правы — мудрые народы
 К чему свободы воль(ный) клич
 Стадам не нуж(ен) дар свободы
 Наследство их из рода в роды
 Ярмо с гремуш(ками да бич)

Черновой автограф

- А а. <   > ярмо да бич¹
 б. Ярмо с гремушками да бич
 Их <   > наследство
 Б Из рода в роды их наследство
 Ярмо с гремуш(ками да бич)²
 В а. Какое <   > средство
 <   > клич
 б. Начато: Ужель
 в. Начато: Их стадо
 з. Начато: На
 д. <   > резать или гнать(?)
 е. Начато: Какое(?) им (начато нрзб)
 ж. Начато: Ужель(?) стадам³
 з. Начато: К чему стадам
 и. Начато: К чему
 к. Начато: Спасать
 л. Начато: К чему спасти⁴
 м. Стадам не надобно(?) свободы
 Их долж(но) резать или стричь
 Г Паситесь, <   > народы
 Стадам не нуж(ен) дар свободы⁵
 Д а. Спасенью <   > средство⁶

¹ Работа начата на левом поле вверху листа.

² Вариант Б оставался незачеркнутым на левом поле листа и был использован в дальнейшей работе (см. вариант Е).

³ Варианты «ж» — «и» записаны в центре листа, между текстом набросков, связываемых со стихотворением «Демон»; с варианта «к» работа над этим и следующим стихом шла на правом поле листа.

⁴ В ходе дальнейшей работы слово: спасти осталось незачеркнутым.

⁵ Вариант Г оставался незачеркнутым на правом поле листа; Пушкин вернулся к нему в дальнейшей работе (см. вариант Е).

⁶ Вариант Д записан снова на левом поле листа, после черты, отделившей его от предшествующих записей (варианты А, Б, В, «а» — «е»).

- б. Свободе <   > средство
 в. [Зачем <нрзб>] К <   > средство
 з. Спасенью <   > средство¹
 а. К чему <   > вольный клич²
 б. [Н] [Что] К чему свободы воль(ный) клич³
 Е а. *Начато*: Паситесь
 б. *Начато*: Вы правы — <начато нрзб>
 в. Вы правы — мудрые <народы>⁴
 К чему свободы воль(ный) клич
 Стадам не нуж(ен) дар свободы
 Наследство их из рода в роды
 Ярмо с гремуш(ками да бич)

*Получивший распространение текст первоначального наброска
 (копии N₁, Цук)*

Паситесь, добрые народы!
 Вас не разбудит чести клич!
 К чему стадам дары свободы?
 Их должно резать или стричь...
 Наследство их из рода в роды —⁵
 Ярмо с гремушками да бич.

Разночтения копий Вяз и Кав с текстом N₁

3	На что стадам дары свободы?	Вяз
4	Их надо резать или стричь.	Кав
5	Наследство вам из рода в роды	Кав
5—6	В потомство вам из рода в роды Ярём с гремушками и бич!	Вяз

*Черновой автограф (Ав₂)
 (ПД 834, л. 25)*

- 1—2   Свободы сеятель пустынь(ный)
 а. *Начато*: В порабош(ен)ные
 б. Я вышел [ра(но)] утром до звезды
 3   а. <   > длан(ью)<?)<?> <   >

¹ В ходе дальнейшей работы вариант остался незачеркнутым.

² Отдельные слова и наброски, записанные в ходе работы над стихом: [На] [их] [К че(му)] [К чему вам(?)] [Воли] [Слово]. Ниже, по-видимому, обозначена возможная рифма:

[Надо] <   > [ст<   >?)<?)> стричь(?)

³ Далее Пушкин вернулся к незачеркнутым вариантам Г и Б, доработав первый стих варианта Г на верхнем поле листа.

⁴ Стих записан на верхнем поле листа, ниже записано: Къ — указание на перенос сюда стиха: К чему свободы воль(ный) клич

⁵ В N₁ с ошибкой: Наследство их из родов в роды —

6. Рукою чистой и безви(нно)й
 4 а. В неблагодарные бразды
 б. В порабощен(ные)¹ бразды
 5 а. Бросал я семена живые —
 б. Бросая семена живые —
 в. Бросал я семена живые —
 г. Бросал живительное семя
 6 а. Но потерял < > я время
 б. Но потерял я только время
 7 а. Начато: И < > плод(ы)<?>
 б. Благие мысли и труды —
 После 7 Пасит(есь) м< >²

Первоначальные варианты белого автографа Ав₃
 (ПД 833, л. 26 об.)

- 6 Но погубил я только время
 9 Начато: И чт(о)<?>
 10 Вас должно резать или стричь

Разночтения копий Соб₁, Дол₂, Долг, Нейш₃, N, Пог, ВВ₆, Тих, Бар, Лон—Полт, Полт₂, Раев, Озн, Ал, Якуш, Майк, Даш, Якуш₁, Эбк, Мар, Е, Мк₁ и публикаций ПЭ, РБк и Герб

Заглавие	Сеятель	Пог, Раев, Эбк, Мар, Мк ₁ , ПЭ, РБк, Герб
Эпиграф	Изыде сеятель сеяти слово свое ³	Соб ₁ , Долг, ВВ ₆ , Тих, Бар, Полт ₂ , Ал, Якуш, Майк, Даш, Якуш ₁ , Мар, Е, ПЭ, РБк, Герб
Эпиграф	Отсутствует.	Дол ₂ , Нейш ₃ , N, Озн, Мк ₁
Эпиграф	Изыде сеятель сеяти семя свое ⁴	Лон—Полт
	2 Я рано вышел, до звезды; ⁵	ВВ ₆ , ПЭ
	6 Но потерял я даром время, ⁶	Якуш ₁
	8 Паситесь, добрые народы! ⁷	Долг, N, Пог, ВВ ₆ , Раев, Озн, Якуш, Мар, Е, Мк ₁ , ПЭ, РБк, Герб
	8 Проснитесь, русские народы	Эбк

¹ В автографе: порабоще(нны)й

² Сокращенная запись указывает на перенос сюда текста первоначального наброска.

³ В Долг и ВВ₆ позднейшая поправка; первоначально эпиграф отсутствовал; в Тих, Якуш, Майк, Даш и Якуш₁ эпиграф вынесен в заглавие.

⁴ В Лон—Полт эпиграф вынесен в заглавие.

⁵ В ВВ₆ позднейшая поправка; первоначально с ошибкой: Я рано вышел, до зари

⁶ Дополнительный вариант.

⁷ В Долг и Е позднейшие поправки; первоначально было как в тексте.

Между 8 и 9	Вас не разбудит чести клич ¹	Дол ₂ , Долг, N, Пог, ВВ ₆ , Раев, Озн, Ал, Якуш, Е, Мк ₁ , ПЗ, РБк, Герб
Между 8 и 9	Вас не пробудит чести клич ²	Тих, Лон—Полт, Полт ₂ , Майк, Якуш ₁ , Е
Между 8 и 9	Вас не разбудят честь и клич	Эбк
	9 На что стадам дары свободы?	Дол ₂ , Долг, N, Пог, ВВ ₆ , Раев, Озн, Эбк, Мар, Мк ₁ , ПЗ, РБк, Герб
	9 Стадам не нужен клич свободы;	Тих
	9 К чему рабам дары свободы? ³	Ал
	9 Стадам не нужен дар свободы ⁴	Герб
	10 Их надо резать или стричь. ⁵	Дол ₂ , Долг, Эбк
	10 Их нужно резать или стричь. ⁶	Тих, Раев, Майк
	11 Наследье их из рода в роды ⁷	Дол ₂ , Долг, Якуш ₁
	12 Ярмо с гремушкой да бич. ⁸	Дол ₂ , Долг, ВВ ₆ , Раев, Озн, Мк ₁ , ПЗ, РБк, Герб
	12 Ярмо с гремушками иль бич. ⁹	Якуш ₁

«НАДЕЖДОЙ СЛАДОСТНОЙ МЛАДЕНЧЕСКИ ДЫША...»

(С. 90)

Редакторская сводка чернового автографа

Надеждо(й) сладостной младенчески дыша
 Когда бы верил я что некогда душа
 Могилу пережив уносит мысли вечны
 И память и любовь — в пучины бесконечн(ы)
 Клянусь! давно бы я покинул смертный мир
 Я сокрушил бы жизнь — уродливый кумир —
 Узнал бы я предел свободы наслаждений
 Предел где смерти нет, где нет предрассуждений
 Где мысль одна плывет в небесной чистоте.
¹⁰ Но тщетно предаюсь пленительной мечте,

¹ В Долг позднейшая поправка; первоначально было: Вам недоступен чести клич!

² В Е позднейшая поправка.

³ В Ал дан дополнительный вариант как в тексте.

⁴ Дополнительный вариант.

⁵ В Долг позднее исправлено как в тексте.

⁶ В Тих с опiskой: И нужно резать или стричь

⁷ В Якуш₁ дан дополнительный вариант как в тексте.

⁸ В Озн далее прибавлено четверостишие Б. М. Федорова «Всегда так будет, как бывало...».

⁹ Дополнительный вариант.

Мой ум упорствует — $\langle \quad \rangle$
 Меня ничтожеством могила ужаса $\langle \text{ет} \rangle$
 Как, ничего — ни мысль — ни первая любовь...
 Мне страшно — и на жизнь гляжу печально вновь
 И долго жить хочу — чтоб долго образ милый
 Таился и пылал — в душе моей унылой

Черновой автограф

(ПД 834, л. 30)

- 1—2 а. Надеждою¹ [пр $\langle \rangle \langle ? \rangle$] $\langle \quad \rangle$ [и веро $\langle \text{ю} \rangle$] дыша
 б. Надеждою $\langle \quad \rangle$ младенчески дыша
 в. Надеждою² небес младенчески дыша
 в. Надеждо $\langle \text{й} \rangle$ сладостной младенчески дыша
 Когда бы верил я что некогда³ душа
- 3—4 А а. Переживя $\langle \quad \rangle$ бесконечной
 б. $\langle \quad \rangle$ в пустыне бесконечной
 $\langle \quad \rangle$ разум вечный
 Б а. Земное пережив хранит и разум вечный
 б. Могилу пережив хранит и разум вечный
 И память и любовь — в $\langle \quad \rangle$
 В Могилу пережив уносит мысли вечны
 а. И память и любовь — к⁴ пучине бесконечн $\langle \text{ой} \rangle$
 б. И память и любовь — в пучины бесконечн $\langle \text{ы} \rangle$
- 5 Клянусь! давно бы я покинул [лжи $\langle \text{вый} \rangle \langle ? \rangle$] смертный мир
- 6 а. Начато: И жизнь
 б. [Ра $\langle \text{збил} ? \rangle$] Я⁵ сам разбил бы⁶ жизнь — $\langle \quad \rangle$ кумир —
 в. Я сокрушил бы жизнь — уродливый кумир —
- 7—9 А а. Но сердце [$\langle \text{начато нрзб} \rangle$ ⁷] $\langle \quad \rangle$ и жить желает
 б. Но тщетно гордый ум [о $\langle \text{начато нрзб} \rangle$ ⁸] $\langle \quad \rangle$ желает
 а. Меня ничтожество $\langle \quad \rangle$ ужасает
 б. Ничтожеством меня могила ужасает
 в. Меня ничтожеством $\langle \quad \rangle$ ужасает
 Как ничего во мне —
 Б в. [Но] $\langle \quad \rangle$ желает
 $\langle \quad \rangle$ ужасает
 Как ничего во мне —⁹
 В а. Узрел бы я страны $\langle \quad \rangle$ наслаждений

¹ Исправлено по ходу письма из первоначального: Надеждѣ² При дальнейшей правке окончание слова: Надеждою осталось неизменным.³ Слово: некогда вписано над строкой.⁴ Исправлено из: в⁵ Исправлено из первоначального: И⁶ В автографе с опiskой: был⁷ Записана только первая буква начатого слова.⁸ Записана только первая буква начатого слова.⁹ Вариант Б остался незачеркнутым, выделен обводящим штрихом и использован в работе над ст. 11—13. Последующая работа над ст. 7—9 продолжена ниже на листе.

6. Узрел бы я страны [востор< >] < > наслаждений
 а. Страну где < >, где нет предрассуждений
 б. Страну где нет [оков] царей, где нет предрассуждений
 а. Где мысль одна горит — свободна < >
 б. Где мысль одна горит — в свободе < >
 Г Узнал бы я предел свободы¹ наслаждений
 Предел где смерти нет, где нет предрассуждений
 Где мысль одна плывет в небесной чистоте
 10 а. Но верить не могу² пленительной мечте,
 б. Но тщетно предаюсь пленительной мечте,
 11—12 А а. *Начато*: Ум устра(шается ?)
 б. Мой ум упорствует — не верит, негодует —
 в. < > силы³
 Ничтожество зовет — невольником могилы —
 Б а. Мой ум упорствует — не верит(?) < >
 б. Мой ум упорствует — [*нрзб*] < >
 Меня ничтожеством могила⁴ ужаса(ет)⁵
 13 а. Как! ничего — < > ни [*начато нрзб*] память ни любовь
 б. Как ничего — ни [м] мысль — ни первая любовь...
 14 а. И на жизнь < > Гляжу печально вновь
 б. Мне страшно —⁶ и на жизнь гляжу печально вновь
 15—16 И долго жить хочу — чтоб долго образ милый
 Таился и пылал — в душе моей унылой⁷
 После 16 А а. [Пр< >] Так! даже < > час —
 б. [*Начато нрзб*] < > и если < > час
 в. < > [и если] [тот] [неотразим(ый)] [час]
 [Переживу] < > [разлучит] < >
 Ты без(?) <нрзб>⁸
 [Мой друг мой нежный(?)] < > так(?) <2 нрзб>⁹

¹ Сначала вместо слова: свободы было намечено восстановление недописанного и зачеркнутого в предыдущем варианте слова: востор< >

² Слова: верить не могу были зачеркнуты и восстановлены.

³ Слово: силы было вычеркнуто и вновь записано рядом.

⁴ Первоначально с опiskой: могилу

⁵ Над строкой после слова: ничтожеством начато: м(< >) Возможно, намеченный вариант перестановки слов в стихе: Ничтожеством м(еня) могила ужаса(ет). На левом поле зачеркнутые записи, также вероятно связанные с попытками доработки стиха: [Ничтожество] выше: [стра< >(?)]

⁶ Слова: Мне страшно — приписаны на левом поле.

⁷ Далее в рукописи следует горизонтальный отчерк, под которым записано еще несколько набросков, относящихся к работе над стихотворением, по большей части зачеркнутых и трудно читающихся.

⁸ Вписано.

⁹ Намеченные скорописью начала слов.

Разночтения копии Щер

- Заглавие Элегия
 1—3 Надеждой сладостной, младенческой дыша,
 Когда бы думал я, что некогда душа,
 Могилу пережив, уносит мысли вечны,
 5 Клянусь! — давно бы я покинул смертный мир,
 7—8 И убежал в предел свободы, наслаждений,
 Туда, где смерти нет, где нет предрассуждений,
 10 Но тщетно предаюсь пленительной мечте!
 14 Мне страшно!... и на жизнь гляжу печально вновь,

«ПРОСТИШЬ ЛИ МНЕ РЕВНИВЫЕ МЕЧТЫ...»

(С. 91)

Черновой автограф
 (ПД 834, л. 16—15 об.)

- 1 Простишь ли мне ревнивые мечты
 2 а. Моей души безумное волненье
 б. Моей любви несчастное волненье
 3—4 а. Да я любим — но не сама ли ты
 Всегда < > мое воображенье
 б. Ты мне верна — зачем же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье
 5—8 Окружена поклонников толпой
 Зачем для всех казаться хочешь милой —
 а. [И] Зачем дарит надеждою пустой
 б. И всех дарит надеждою пустой
 Твой чудный взор — то нежный, то унылый? —
 9—12 а. Начато: Связав¹
 б. Пленив меня — мой
 в. Пленив меня — < > мой омрачив
 г. Меня пленив — мне разум омрача
 д. Пленив меня — мне разум омрача
 е. Мной овладев — мне разум омрачив
 Уверена в любви моей безумной
 Не видишь ты, когда в толпе их шумной
 а. Терзаюсь я — < > молчалив —
 б. Терзаюсь я — угрюм — <и> молчалив —
 в. Беседе чужд угрюм — <и> молчалив —
 13 а. Терзаюсь я <в> печале одинокой²

¹ Стих вписан.² Стих приписан на левом поле листа. Ниже отдельно записанное, зачеркнутое, восстановленное и снова зачеркнутое слово: Измученный — видимо, неиспользованный вариант к ст. 12 или 13.

- 14 б. Терзаюсь я досадой одинокой
 Ни слова мне, ни взгляда — друг жестокий!
- 15 а. Хочу ль бежать — < > немой
 б. Хочу ль бежать, с [безмолвн< >] [мольб<ой>(?)] < >
 в. Хочу ль бежать, с досадой < >
 г. Хочу ль бежать, с безмолвн<ою> мольбой
- 16 а. Твой < > не следует за мной¹
 б. Твои глаза не следуют за мной²
- 17—18 а. Когда со мной красавица другая
 б. Когда со мной красавица с улыбкой
 в. < > при мне с улыбкой
 г. Когда со мной красавица другая
 Двусмысленный заводит разговор —
- 19—20 А Ты слушаешь — < > укор —
 Ни ревности < > н< > < >
 Б Спокойна ты [*начато нрзб*] — веселый твой укор —
 а. *Начато*: Мне(?)
 б. Меня мертвит любви не выражая —
 [Но я любим —]
- Вм. 21—28 А а. А между тем соперник мой надменный
 б. А между тем соперник мой лукаво
 Всегда везде [пл< > (?)] преследует тебя —
 Что ж он тебе — — скажи, какое право
 а. *Начато*: Имеет он —
 б. Имеет он бледнеть и ревновать,
 в. Имеет он ревнивым быть как я,
 Б А между тем соперник мой надменный
 а. *Начато*: Вниманьем
 б. Предательски тобою ободренный
 Всегда везде преследует меня —
 а. Перед тобой колена преклоня
 б. Он вечно тут колена преклоня
 Что ж он тебе — — скажи, какое право
 Имеет он бледнеть и ревновать,
 В нескромный³ час, когда [еще] твоя лампада
 а. *Начато*: Еще темна —
 б. *Начато*: Не зажжена —
 В А между тем соперник мой надменный
 Предательски тобою ободренный
 Всегда везде преследует меня —
 Он вечно тут колена преклоня
 а. Являюсь я — [заче<м>] < > бледнеет он —

¹ Слово: мной вычеркнуто и повторено над строкой.

² После ст. 16 в автографе записаны ст. 36—37, отчеркнутые сверху и снизу горизонтальными штрихами и обведенные, чтобы отметить их перенос в другое место стихотворения.

³ В автографе с опiskой: нескромный

- б. Являюсь я — зачем бледнеет он —¹
 А ты меня приветствуешь лукаво
 Что ж он тебе — — скажи, какое право
 Имеет он бледнеть и ревновать,
- а. В нескромный час меж сумрака и света
 б. В нескромный час меж вечера и света
 в. В нескромный час меж < > и света
 Без матери — одна, полуодета
 Зачем его должна ты принимать
- Г А между тем соперник мой надменный
 Предательски тобою ободренный
 Всегда везде преследует меня —
 Он вечно тут колена преклоня²
- а. *Начато:* П< ><?>
 б. Иль иногда предупрежденный мной
 а. *Начато:* Застав меня
 б. Наедине застав меня с тобой
 Зачем тебя приветствует лу<каво>
 Что ж он тебе — — скажи, какое право
 Имеет он бледнеть и ревновать,
 В нескромный час меж < > и света
 Без матери — одна, полуодета
 Зачем его должна ты принимать
- 29—30 Но я любим — наедине со мною
 [Та<к><?>] Ты так нежна, лобзания твои³
- 31 а. Так пламенны⁴; слова твоей любви
 б. Так пламенны; твои⁵ слова любви
- 32 а. Так истинно полны твоей душ<ою> —
 б. Так искренно⁶ полны твоей душ<ою> —
- 33—34 а. *Начато:* Ты
 б. Мою любовь ты хочешь искушать —
 в. Ты < > мучения мои
 г. < > льстят — < > мучения мои
 д. Тебе смеш<ны> мучения мои
 Но я любим — тебя я понимаю —
- 35 а. Мой милый друг не мучь меня, молю

¹ В ходе дальнейшей работы над фрагментом слова: зачем бледнеет он были зачеркнуты и восстановлены. Этот и следующий стихи, как и сменившие их (см. вариант Г) стихи: Иль иногда предупрежденный мной / Наедине застав меня с тобой / Зачем тебя приветствует лу<каво> записаны отдельно ниже на листе и выделены горизонтальными отчерками как вставка. Место вставки указано вертикальным штрихом на левом поле против стихов: Что ж он тебе — — скажи, какое право / Имеет он бледнеть и ревновать

² В ходе дальнейшей работы первые четыре стиха фрагмента: А между тем соперник мой надменный ~ Он вечно тут колена преклоня были вычеркнуты. Фрагмент остался недоработанным.

³ В автографе с опiskой: твой

⁴ Возможно, в какой-то момент слово переправлялось на: пламенно

⁵ Слово: твои зачеркнуто и восстановлено.

⁶ В автографе с опiskой: искренний

- 36—37 б. [Не искушай] не мучь меня, молю
 Не знаешь ты как сильно я люблю¹
 Не знаешь ты как тяжело я страдаю

Варианты белого автографа

ПД 55 (ст. 33—37)²

- 34 а. Как в тексте.
 б. Но ты верна; тебя я понимаю —
 35 а. Мой нежный друг! не мучь меня, молю!
 б. Как в тексте.
 Под текстом 11 нояб(ря)
 1823.
 Од(есса).

Разночтения публикации ПЗ 1824

- Заглавие Элегия
 2 Моей любви несчастное волнение?
 7—12 И всех даришь надеждою пустой?
 Твой чудный взор, то нежный, то унылый,
 Мной овладел, мне чувства омрачив;³
 Уверена в любви моей безумной,
 Не видишь ты, когда в толпе их шумной
 Беседе чужд⁴, угрюм и молчалив
 15 Хочу ль уйти; с болезнью⁵ и мольбой —
 34 Но ты верна, тебя я понимаю.

Варианты белого автографа ПД 56 и публикации ЛЛ

- Заглавие Элегия
 2 Моей любви несчастное волнение?
 9—12 Мной овладев, мне чувства омрачив,
 Уверена в любви моей безумной,
 Не видишь ты, когда в толпе их шумной,⁶
 Беседы⁷ чужд, угрюм и молчалив,

¹ Ст. 36—37 в автографе записаны после ст. 16: Твои глаза не следуют за мной и отчеркнуты для переноса в конце стихотворения.

² Первый лист автографа оборван. На его корешке сохранились начальные буквы ст. 1—7. Поправка была сделана в ст. 4 — вместо зачеркнутого: Все(гда) начато: М(ое)(?)

³ Ст. 7—9 искажены при наборе.

⁴ В тексте, посланном Булгарину (ПД 56), Пушкин изменил начало ст. 12 на: Беседы чужд (см. ниже варианты автографа ПД 56 и публикации ЛЛ), однако вряд ли это разночтение в тексте ПЗ следует относить к числу опечаток (ср. чтение ст. 12 в черновом автографе).

⁵ Опечатка.

⁶ В автографе ПД 56 отсутствует запятая перед словом: когда

⁷ В автографе ПД 56 слово: Беседы подчеркнуто, вероятно, чтобы обратить особое внимание Булгарина на изменение в этом стихе.

- 15 Хочу ль уйти — с боязнью и мольбой¹
 26—28 Отсутствуют.
 34 Но ты верна: тебя я понимаю.

Варианты Кап (по фотокопии ст. 1—16 и Ефр. 1880)

- Заглавие* Элегия XII (1823)
 2 а. Моей любви несчастное волнение²
 б. Как в тексте.
 10—11 а. Уверена в любви моей безумной,
 Не видишь ты, когда в толпе их шумной
 б. Как в тексте.
 34 Но ты верна, тебя я понимаю
 б. Как в тексте.

Заглавие в оглавлении Ст 1826

(Простишь ли мне ревнивые мечты). 1823

**КНЯГИНЕ ГОЛИЦЫНОЙ,
 УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЕ СУВОРОВОЙ**

(«Давно об ней воспоминашь...»)

(С. 92)

*Варианты автографа Ав₁
 (ПД 834, л. 44 об.)*

- Заглавие* К. М. А. Г.
 5 а. Твержу я стих обвороженный
 б. Как в тексте.
 9 а. Вновь лире слез и хладной скуки
 б. Но лире слез и мертвой скуки
 в. Вновь лире слез и хладной скуки
 13—14 а. Умолкну в гордости моей
 Но мыслить² буду с умилением:
 б. ( ) в гордости моей
 Но мыслить буду с умилением:
 в. Умолкну в гордости моей
 И мыслить буду с умилением:
 г. Как в тексте.

¹ В автографе ПД 56 слово: с боязнью подчеркнуто, вероятно, чтобы обратить особое внимание Булгарина на чтение этого стиха, бессмысленно искаженного в ПЭ. В ЛЛ стих напечатан с ошибочной пунктуацией, также искажающей смысл: Хочу ль уйти — с боязнью и мольбой —

² Слово: мыслить вписано.

Варианты автографа Ав₂
(ПД 57)

Заглавие Отсутствует.
2 Храню в сердечной глубине.
5 Твержу я стих обвороженный
Вм. 9—16 — — — —

Помета под текстом первой публикации
(«Карманная книжка... на 1830 год»)
1823 года.
Одесса.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

(«Хоть тяжело подчас в ней бремя...»)
(С. 93)

Варианты автографа
(ПД 1284)

7 И презирая страх и негу,
8 Кричим: валяй, ебена мать!
Под текстом 1823

Разночтения МТ

6 Мы погоняем с ямщиком
8 Кричим: «валяй по всем, по трем!»

Разночтения Ст 1826

Заглавие
в оглавлении Телега жизни. 1823
6 Мы погоняем с ямщиком
8 Кричим: валяй по всем по трем!
12 Кричим: потише¹, дуралей!
16 И² время гонит лошадей.

¹ Вероятно, случайная ошибка.

² Вероятно, опечатка.

**«НЕДВИЖНЫЙ СТРАЖ ДРЕМАЛ
НА ЦАРСТВЕННОМ ПОРОГЕ...»**

(С. 94)

Черновой автограф ст. 1—12

(ПД 834, л. 41 об.)

- 1—3 А Властитель севера один в своем чертоге
Как сторож(?) бодрствовал дав жребиям земли
- Б а. *Начато*: Как страж — —
б. Как страж ( ) на царственном пороге
в. Как верный страж ( ) на царственном пороге¹
г. Как бедный страж ( ) недвижно на² ( )
д. Как ( ) страж недвижно на ( )
е. Как неподвижный страж на ц(арственном пороге)
Владыка севера один в своем чертоге
Во мраке бодрствовал и жребии земли
- 4 а. В увенчанной главе сокрытые лежали
б. В увенчанной главе стестненные лежали
- 5 а. И только ожидали —
б. И тихо(?) ожидали —
в. *Начато*: Чредой ( ) (начато нрзб)³
г. *Начато*: Но только тихо(?)⁴
д. Чредою тихо — выпада(ли)
е. ( ) выпадали
- 6 а. И свету новых уз ( ) несли
б. И свету ( ) неволю в дар несли
в. И свету новую неволю в дар несли
г. И свету мертвую неволю в дар несли⁵
- 7—8 И делу своему властитель улыбался
а. Се благо, думал он — и взор его носился
б. Се благо, думал он — ( )
- 9 а. *Начато*: От (нрзб)
б. *Начато*: От (нрзб)
в. От Вислы ( ) от Тибра до Невы
- 10—12 От замка Грузина до башен Гибралтара
Все молча ждет удара —
а. *Начато*: Все⁶ под
б. *Начато*: Все пало перед ним
в. *Начато*: Все смолкло перед ним
г. Все пало! под ярем склонились все гла(вы)

¹ Вариант остался незачеркнутым; следующие варианты («г»—«е») записаны отдельно выше на листе.

² Предлог: на не дописан.

³ По-видимому, трехстопный стих.

⁴ По-видимому, шестистопный стих.

⁵ После ст. 6 поставлен знак строфического деления: #

⁶ В автографе: Всь

Отдельно записанный стих
(ПД 834, л. 42)

[Но вновь свободою Гишпания кипела]¹

Первоначальные варианты белого автографа²
(ПД 58)

- 28 Вот Кесарь — где же Брут? о робкие витии
33 Владыку севера холодный страх объял
34 Он в оживленный мрак вперил недвижно очи —
35 Раздался глас полночи —
37 То был сей чудный муж, сей Витязь провиденья
39 Сей всадник перед кем унизились цари,
45—48 Ни пламень гаснувший нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного тирана
В темнице Океана
Судьбой казненного во мщенье царей —
60 Пред юношей царем в Тильзите предстоял —

1824

Ч(ААДАЕ)ВУ

(«К чему холодные сомненья?..»)
(С. 97)

Первоначальные наброски
(ПД 834, л. 45)

- а. Вот он, сей <   > алтарь
б. Вот он, <   > вот алтарь
   <   >
а. *Начато*: Здесь видел
б. Здесь видели народ и царь
а. <   > Ореста и Пилада
б. Атридов [*нрзб*]³ <   > и Пилада
в. Атрея внука и Пилада

   <   > [*начато нрзб*] во время <   >
а. Пылая пламенем иным

¹ Ср. ст. 20—23 основного текста.

² В автографе два слоя правки, давшей окончательный текст, — одновременная и более поздняя в ст. 33—39 другими пером и чернилами.

³ Слово не дописано.

6. Огнем пылая роковым
Хотел развалинам иным
Оставить имя роковое

Основной черновой автограф
(ПД 834, л. 44 об.—45)

- 1—4 К чему холодные сомненья;
а. Я верю — здесь был дивный храм
б. Я верю — здесь был древний храм
в. Я верю — здесь был грозный храм
а. Где жадным ( ) богам
б. Где жаждущим ( ) богам
в. Где крови жаждущим богам
Свершались жертвоприношенья
- 5—8 А Здесь тайна страшная была
а. Здесь дева ( ) Тавриды
б. Здесь дева [*начато нрзб*] грозная Тавриды
За святотатственны обид(ы)
На брата руку занесла —
- Б Здесь успокоена была
( )
а. И здесь таинствен(ная) дева —
б. [Та( )] ( ) дева —
На брата руку занесла —
- В Здесь успокоена была
а. Вражда ( ) Эвмениды
б. Вражда бессмертной Эвмениды
в. Вражда свирепой Эвмениды
г. Вражда бессмертной Эвмениды
а. *Начато*: Когда
б. *Начато*: Здесь дева
в. ( ) невольница(?) Тавриды(?)
г. Когда ( ) Тавриды(?)
На брата руку занесла —¹
- Г Здесь успокоена была
Вражда бессмертной Эвмениды
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла — — —
- 9—12 А ( )
И совершилось торжество
( ) Пилада —²

¹ Далее в автографе записаны первые варианты ст. 9—12 (варианты А, Б); работа над ст. 7—8 продолжена на смежном листе (л. 45), верхняя часть которого была занята первоначальными набросками стихотворения. Продолжение основного черновика отделено от первоначальных набросков на л. 45 горизонтальным отчерком. Ст. 7—8 варианта В на л. 44 об. при этом остались незачеркнутыми.

² Строка вписана.

- Здесь Дружбы¹ <   > божество
 Б а. [Ее] И <   > свершилось
 б. <   > совершилось
 [Ее] Святое дружбы торжество
 Здесь <   > божество²
 В а. Здесь <   > совершилось
 б. Здесь был алтарь <   > совершилось
 в. Здесь был алтарь где совершилось
 а. Священной дружбы торжество
 б. Святое дружбы торжество
 И душ высоких божес(тво)
 Своим созданием возгордилось
 После 12 А а. Начато: [Так] Мой друг
 б. Начато: [Во(?)³ <нрзб>] [Я помню —] Мой друг
 в. Начато: Я помню в(ремя ?)
 з. Начато: Забуду ль в(ремя ?)
 Б Давно ли я — <   >⁴
 <   >
 а. Начато: Мой друг —
 б. Начато: Прошли —⁵
 в. Я <   > младенец
 з. <   > пылкой вольности младенец
 д. В объят(ях) вольности младенец

Разночтения СПч

- Заглавие К Ч.
 Под
 заглавием 1820. Морской берег Тавриды
 13 — — — — — — — 6
 14 Ч— , помнишь ли былое?

Разночтения Ст 1826 и Ст 1829

Заглавие	Ч***ву	Ст 1826, Ст 1829
Заглавие		
в оглавлении	Ч***ву. С морского берега Тавриды. 1820	Ст 1826
	Ч***ву. С морского берега Тавриды	Ст 1829
14	Ч***, помнишь ли былое?	Ст 1826, Ст 1829

¹ В ходе работы слово: Дружбы было вычеркнуто и восстановлено.

² Записано отдельно на левом поле листа. Вариант В ст. 9—12 записан на л. 45 одновременно с вариантом Г ст. 7—8.

³ Возможно, исправлено из: Въ

⁴ Ниже оставленная незачеркнутой запись: я

⁵ Слову: Прошли — в автографе предшествовали зачеркнутые первые буквы слов:

[Б] [(2 нрзб)] [в]

⁶ В СПч после ст. 13 строфическое деление.

Д(АВЫДОВ)У

(«Нельзя, мой толстый Аристип...»)

(С. 98)

Варианты автографа

(ПД 894)

- Заглавие а. *Начато:* Д*у
предлагавшему
- б. Д*у
на приглашение его ехать с ним
морем на полуденный берег Крыма
1824
- в. Д*у
на его приглашение ехать с ним
морем на полуденный берег Крыма
1824
- 2 а. *Начато:* М( )
- б. *Как в тексте.*
- 3 Твой милый нрав, твой милый хрип
- 8 а. Питомец Ваखा и Киприды.
- б. *Как в тексте.*¹
- 11 а. Пустился в море наконец,
- б. *Как в тексте.*
- Под текстом А. П.

Разночтения МВ и Ст 1829

Заглавие	Д...у.	
	На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма. (1824)	МВ Ст 1829
Заглавие	Д***у	
Заглавие	Д—у.	МВ
в оглавлении		
Заглавие	Д***у. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма	Ст 1829
в оглавлении		
6	К брегам полуденной Тавриды.	МВ, Ст 1829

¹ В автографе на конце стиха стоит точка.

«ОХОТНИК ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ...»

(С. 99)

Варианты автографа

(ПД 833, л. 29)

- 2 Сей утомительный Зоил
 3 а. Начато: Разводит яд сво⟨их⟩
 б. Как в тексте.

⟨НА ВОРОНЦОВА⟩

(«Полу-милорд, полу-купец...»)

(С. 100)

Разночтения копий Шах, Бек, Гаев, Тих, Рост₂, Ал, Якуш, Гв,
 Гаев—Якуш₁, Даш, Е и публикации Герб, РПЛ и РА

Заглавие	Отсутствует.	Шах, РА
Заглавие	Эпиграмма на гр. М. С. Ворон.....	Бек
Заглавие	На Воронцова	Гаев, Якуш, Гв, Гаев—Якуш ₁ , Даш
Заглавие	На князя Воронцова	Тих
Заглавие	На князя Мих. Сем. Воронцова	Рост ₂
Заглавие	Графу Воронцову ¹	Ал, Герб
Заглавие	На кн. Воронцова	Е
Заглавие	Воронцову	РПЛ
1—2	Полу-мудрец, полу-невежда, Полу-министр, полу-купец,	Бек
3	Полу-подлец, и есть надежда,	Бек, Гаев—Якуш ₁
4	Что будет полный наконец.	Бек, Рост ₂
4	Что будет целый наконец.	РПЛ

⟨НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА⟩

(«Вот Хвостовой покровитель...»)

(С. 101)

Разночтения копий Изм, Дол₂, Долг, Рост₂, Бар, Лон—Полт, Ал, Полт₂,
 Дл, Якуш, Якуш₁, Гв, Гаев—Якуш₁, Даш, Е и публикаций Герб, РПЛ
 и Чир (ст. 3, 7—8)

Заглавие	Отсутствует.	Изм
Заглавие	На К. А. Н. Г.	Дол ₂

¹ В Герб: Графу В—ву

Заглавие	Эпиграмма на Г.....	Долг
Заглавие	Эпиграмма на кн. А. Н. Г. ¹	Долг
Заглавие	На князя Алекс. Ник. Голицына	Рост ₂
Заглавие	На Голицына ²	Бар, Полт ₂ , Якуш ₁
Заглавие	На него же ³	Лон—Полт
Заглавие	К портрету кн. А. Н. Голицына	Ал
Заглавие	Стихи А. С. Пушкина на князя А. Н. Голицына	Дл
Заглавие	На кн. Голицына	Якуш, Даш
Заглавие	На князя А. Н. Голицына ⁴	Гв, Гаев—Якуш ₁
Заглавие	На кн. А. Н. Голицына	Е
Заглавие	Князю А. Н. Голицыну ⁵	Герб
Заглавие	Кн. А. Н. Голицыну	РПЛ
1	Вон Хвостовой покровитель	Дол ₂ , Долг, Лон—Полт, Гаев—Якуш ₁ , РПЛ
1	Вон, Хвостовой покровитель!	Бар, Полт ₂
1	Подлецов всех покровитель	Дл
2	Вон холопская душа	Дол ₂ , Долг, Лон—Полт, Гаев—Якуш ₁ , РПЛ
2	Вон, холопская душа!	Бар, Полт ₂
2	Вот продажная душа	Дл
3	Просвещения гонитель ⁶	Дол ₂ , Долг, Лон—Полт, Дл, РПЛ, Чир
4	Благодетель Бантыша	Изм, Дол ₂ , Долг, Бар, Лон—Полт, Ал, Полт ₂ , Дл, Гаев—Якуш ₁
5	Напирайте ж, Бога ради,	Дл
7	Не испробовать ли сзади?	Дл
7—8	Не попробовать ли — сзади, Говорят, слабее он? ⁷	РПЛ

¹ В Долг позднейшая карандашная поправка.

² В Якуш₁ приписка к заглавию: (министра народного просвещения)

³ После эпиграмм «Он добрый малый, брат сестрицам...» и «Полу-фанатик, полу-плут...», имеющих общее заглавие: На князя А. Н. Голицына

⁴ В Гв с ошибкой в первом инициале: П. Н. Голицына

⁵ Под общим заглавием с эпиграммами «Полу-фанатик, полу-плут...» и «Он добрый малый, брат сестрицам...».

⁶ В Чир дополнительный вариант.

⁷ Дополнительный вариант.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

«СЕГОДНЯ Я ПОУТРУ ДОМА...»

(С. 102)

Первоначальные варианты автографа

(ПД 51)

- Вм. 3—4 а. *Начато:* Тря⟨хнем⟩⟨?⟩
 б. Приди — тряхнем мы стариной
- 6 а. *Начато:* Достой⟨ный⟩
 б. *Начато:* Тар⟨диф⟩
- 11 *Начато:* Тардиф з⟨аконами⟩⟨?⟩

ПРИЯТЕЛЮ

(С. 103)

Варианты автографа

(ПД 833, л. 25)

- 3 а. *Начато:* В люб⟨ви⟩
 б. *Как в тексте.*
- 7 а. Она к несчастью не дура:
 б. *Как в тексте.*

СТИХОТВОРЕНИЯ, ОСТАВЛЕННЫЕ В ЧЕРНОВИКАХ,
И НАБРОСКИ

«Я ВИДЕЛ АЗИИ БЕСПЛОДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ...»

(С. 106)

Автограф

(ПД 830, л. 6—6 об.)

- 1—2 Я видел Азии бесплодные пределы
 а. Кавказа дальний край, пустыни обгорелы
 б. Кавказа дальний край, долины⟨?⟩ обгорелы
- 3 а. Жилище знойное черкесских табунов
 б. Жилище [дикое] черкесских табунов
- 4—6 А < > стремнины
 а. < > < > ные⟨?⟩ вершины
 б. [Кругом]¹ < > < > ные⟨?⟩ вершины
 Кругом оббитые венцом ⟨из ?⟩ облаков —

¹ Ниже зачеркнутого слова: Кругом записано: Машук с⟨?⟩ Запись оставлена незачеркнутой, она может относиться к работе как над этим, так и над следующим стихом.

- Б а. Утесы мрачные <   > стремнины
 б. Кипящие ручьи(?) <   > стремнины
 в. Кипящие струи¹ <   > стремнины
 г. И мутный <   > стремнины
 д. Кубани² мутный <   > стремнины
 е. Я видел <   > стремнины
 ж. *Начато*: Я видел ск(ал) (?)³
 з. Я видел <   > гор вершины
 и. <   > гор вершины
 к. И быстрюю Кубань и грозные (вершины)
 Обвитые венцом летучих облаков
 И закубанские равнины!
- В а. *Начато*: Станицы бранные без
 б. <   > бранные(?) станицы
 в. Подкумка [бр(ег ?)] <   > бранные(?) станицы
 г. Я видел пред собой <   > гор вершины
 д. Я видел снежных(?) гор блестящие вершины
 е. Я видел снежных(?) гор кристальные(?) вершины
 ж. Машука и Бешту кристальные(?) вершины
 з. Подкумка быстрый ток <   > вершины
 и. Подкумка знойный брег пустынные вершины
 Обвитые венцом летучим облаков
 И закубанские равнины — —
- 7—10 А Ужасный край чудес! — — там жаркие [ключи] ручьи
 Кипят [и] в утесах раскаленных
 а. И их <   > струи
 б. И их целебные струи
 Поят <   > (нрзб)
- Б а. Чудесный край <   > — — там жаркие ручьи
 б. *Начато*: Земля(?)
 в. Земля [(начато нрзб)] <   > — — там жаркие ручьи
 Кипят в утесах раскаленных
 Благословенные струи!
 а. Надежда <   > осужденных
 б. *Начато*: Надежды
 в. Надежда верная <   > осужденных
 г. Надежда верная болез(нью) осужденных
 д. Надежда бранных сил⁴ болез(нью) изнуренных!
 е. Надежда верная болез(нью) изнуренных!
- 11 а. *Начато*: [К] Близ
 б. *Начато*: Там <   > встречал
 в. *Начато*: Мой взор встречал
 г. *Начато*: Я <   > встречал

¹ Чтение С. М. Бонди.

² Чтение С. М. Бонди.

³ Чтение С. М. Бонди.

⁴ Чтение С. М. Бонди.

- д. <   > [цел(ебных)] волшебных берегов
 е. <   > близ дивных берегов
- 12 а. *Начато:* И дряхлых юношей Кипри( )
 б. И <   > веселий (и) пиров —
 в. Отступников <   > веселий (и) пиров —
 г. И <   >¹ молодых отст(упников) пиров —
 д. И бледных юношей отст(упников) пиров —
 е. Увядших юношей отст(упников) пиров —
- 13 а. *Начато:* На муку
 б. *Начато:* На муки
 в. На муки <   > Кипридой осужд(енных)
 г. На муку тайную Кипридой осужд(енных)
- 14 а. *Начато:* И рат(ников)
 б. *Начато:* На горд(ых)<?>
 в. *Начато:* На гордых костыл(ях)
 г. *Начато:* На ранних<?>² костыл(ях)
 д. И Марсовых сын(ов) на ранних<?> костыл(ях)
 е. И воинов <   > на ранних<?> костыл(ях)
 ж. И <   > путников на ранних<?> костыл(ях)
 з. И юных<?>³ ратников на ранних<?> костыл(ях)
- 15 а. И старость <   > в седицах
 б. И хилых стариков в <нрзб> седицах
 в. И хилых стариков⁴ в печальных седицах
- После 15 а. *Начато:* От <   > годов
 б. *Начато:* Искали⁵
 в. *Начато:* Неизлечи( )
 г. *Начато:* Не здра( )
 д. *Начато:* Не возр( )

«МНЕ ВАС НЕ ЖАЛЬ, ГОДА ВЕСНЫ МОЕЙ...»

(С. 107)

Автограф

(ПД 830, л. 5)

- 1—4 А а. Мне вас не жаль, о дни моей весны
 б. Мне вас не жаль, о дни весны моей
 а. *Начато:* Протекшие в мятежны(х)
 б. Протекшие в [мятежном заблуждени —]
 а. Мне вас <не> жаль⁶, пиры молодых друзей
 б. Мне вас <не> жаль, пиры моих ночей
 в. Мне вас <не> жаль, пиры молодых ночей

¹ Над строкой зачеркнуто начало неразборчивого слова.² Чтение С. М. Бонди.³ Чтение С. М. Бонди.⁴ *Начата* дальнейшая правка: И стар(ость) хилая⁵ Чтение С. М. Бонди.⁶ В автографе с опiskой: Мне вас жаль

2. Мне вас <не> жаль, о таинства ночей¹
 Воспетые цевницею моей
- Б а. Мне вас не жаль, о дни весны моей
 б. Мне вас не жаль, лета весны моей²
 в. Мне вас не жаль, года весны моей
 Протекшие в мечтах любви напрасной
 Мне вас <не> жаль, о таинства ночей
 Воспетые цевницей сладострастной,
- 5—8 А Мне вас не жаль, неверные друзья
 Мне вас не жаль изменницы молодые —
 а. [З(?)] Невольно вас < > чуждался я
 б. Невольно вас всегда чуждался я
- Б Мне вас не жаль, неверные друзья
 а. < > и чаши круговые
 б. Венки пиров и чаши круговые
 Мне вас не жаль³ изменницы молодые —
 а. [В< >] Забав < > чуждался я
 б. < > пиров чуждался я
 в. < > всегда чуждался я
2. Задумчивый забав чуждался я
- В < > неверные друзья
 Венки пиров и чаши круговые
 Забыты⁴ < > изменницы молодые —
 Задумчивый забав чуждаюсь⁵ я
- 9—10 Но где же вы минуты умиления
 а. Начато: Часы любви —
 б. Начато: Тоски любви —
 в. Начато: Немой тоски —
 2. Тоски немой унылой тишины —
 д. Свят<ой><?> меч<ты><?> сердечной тишины —
 е. Часы⁶ < > сердечной тишины —
 ж. Младых надежд сердечной тишины —
- 11 а. Где < > и слезы вдохновенья —

¹ Между ст. 3 и 4 начато и зачеркнуто: И < > т< >

² Этот и следующий варианты, по-видимому, появились несколько позднее и связаны с правкой в ст. 12.

³ Слова: Мне вас не жаль остались незачеркнутыми.

⁴ Слово: Забыты вписано позднее, другими чернилами; теми же чернилами вычеркнуты слова: Мне вас не жаль в ст. 5, оставшиеся незаменными. Видимо, эта не доведенная до конца правка связана с поиском нового анафорического начала в ст. 5 и 7. Если принять это предположение, вторая строфа стихотворения с учетом последнего слоя правки должна выглядеть следующим образом:

<Забыты> < > неверные друзья
 Венки пиров и чаши круговые
 Забыты < > изменницы молодые —
 Задумчивый забав чуждаюсь я

⁵ Поправка в слове: чуждаюсь сделана одновременно с правкой ст. 5 и 7.

⁶ При последующей работе над стихом слово: Часы осталось незачеркнутым.

- 12 б. Где жар ( ) и нега¹ вдохновенья —
 в. [Где прежний жар и] слезы вдохновенья —
 а. Придите вновь, о дни моей весны —
 б. Придите вновь, года моей весны —
 1820 Юрзуф
 20 сентября(?)²
- Под текстом

«В КРУГУ СЕМЕЙ, В ПИРАХ СЧАСТ(ЛИВЫХ)(?)...»

(С. 108)

Автограф

(ПД 830, л. 64 об.—65)³

- 1—4 А В пирах унылый и чужой —
 а. Томимый грузом дум тяжелых
 б. Убитый грузом дум тяжелых
 Вдали родных друз(ей)
 Б ( ) [в кр(угу)(?)] в сем(ье) счастливой —⁴
 Я гость унылый и чужой —
 а. Начато: Вдали родных
 б. Начато: Вдали друзей
 в. Вдали ( ) вольнолюб( )⁵
 Теснимый хладною толпой —
 В а. В пирах ( ) веселых
 б. В пирах домашних(?) ( )
 Я гость унылый и чужой —
 ( )
 Теснимый хладною толпой —
 Г В кругу семей в пирах счаст(ливых)(?)⁶
 Я гость унылый и чужой —
 Вдали друзей вольнолюб(ивых)
 Теснимый хладною толпой —⁷
- 5—8 А ( ) странник —
 Бегу за милою мечтой —

¹ При последующей работе над стихом слово: нега осталось незачеркнутым.

² В ряде изданий принято чтение: 20 октября (подробнее см. в примеч. к стихотворению — наст. т., с. 817).

³ Звездочкой отмечена правка последнего слоя, сделанная чернилами.

⁴ В автографе: в семей счастливой — Возможно, след первоначально намечавшегося иного варианта: в семей( )

⁵ Недописанное слово: вольнолюб( ) было зачеркнуто, но потом, видимо, восстановлено (вариант Г).

⁶ Конъектура С. М. Бонди (Акад. Т. 2. С. 772); слово написано неразборчиво.

⁷ Работа над ст. 1—4 шла в верхней части л. 64 об.; далее работа была перенесена на смежный л. 65. Оставленная свободной большая часть л. 64 об., возможно, предназначалась для переработки ст. 1—4, возможно, для их продолжения.

- Где ж отдохнет молодой изгнанник
Обнимет сладостный покой —
- Б <   > странник —
Забыв и [лир(у)] лиру и покой
Бегу за милою мечтой — —
Где ж отдохну молодой изгнанник¹
- В а. Непостоянный <   > странник —
б. <   > вечный странник —
в. <   > влюбленный странник —
г. Певец любви, печальный странник —
д. <   > влюбленный странник —
е <   > забытый странник —
ж. <   > странник —
Забыв и лиру и покой
Бегу за милою мечтой — —
- а. *Начато:* Повсюду
б. *Начато:* Везде(?) печальный
в. <   > всем чужой —
г. *Начато:* Чужим(?)²
- 9—12 А Где позабудет он страданья
<   > любовь
<Нрзб>³ мечтанья⁴
- Б а. Где позабуду я любовь
б. <   > меня(?) любовь
в. <   > любовь
а. <Нрзб>⁵ <   > призрак ложный —
б. Меня покинет [призрак ложный]
а. И брошу посох свой дорожный —
б. [Ос<тавлю>(?)] Оставлю(?) посох свой дорожный —
в. Забро<шу> посох свой дорожный —
И равнодушен буду вновь —
- В Забуду горесть и любовь
Меня покинет при<зрак ложный>⁶
Забро<шу> посох свой дорожный —

¹ В ходе дальнейшей работы слова в стихе вычеркивались порознь:

[Где ж отдохну] [молодой] [изгнанник]

Слово: молодой при этом вычеркнуто дважды.

² Стих не был дописан; слово: Чужим(?) осталось незачеркнутым.

³ Чтение С. М. Бонди: Неосторожные(?) не выглядит убедительным; не вполне понятно даже число неразборчиво написанных слов. Вероятно, к работе над этим стихом относится и записанное выше над строкой, зачеркнутое и восстановленное слово: Души. Возможно, существовал вариант: Души <нрзб> мечтанья

⁴ Вариант А ст. 9—12 был записан одновременно с вариантом А ст. 5—8.

⁵ Неразборчиво написанное слово осталось незачеркнутым.

⁶ Этот вариант первых двух стихов фрагмента, записанный отдельно ниже на листе (после того как там был записан вариант Б ст. 13—16), стал последней записью карандашом в работе над стихотворением. Он оставлен незачеркнутым; последующая незавершенная чернильная правка в этих стихах сделана по тексту варианта Б.

- И равнодушен буду вновь —
 Г Забуду горесть и любовь
 *а. Начато: И пыл ⟨нрзб⟩¹
 *б. И сердца пыл ⟨нрзб⟩ ⟨ ⟩
 Забро⟨шу⟩ посох свой дорожный —
 И равнодушен буду вновь —
 13—16 А а. Начато: Друзья г⟨отовьте⟩⟨?⟩
 б. Готовьте ⟨ ⟩ друзья молодые
 в. Готовьте мне друзья молодые
 а. Златую чашу и венец
 б. Златые чаши и венец
 в. Заздравный кубок и венец
 Б Готовьте мне друзья молодые
 ⟨ ⟩ пир
 ⟨ ⟩ чаши круговые⟨?⟩
 [И гимны]²
 *В [Дру⟨зья⟩⟨?⟩] А вы товари⟨щи⟩ молодые
 а. Готовьте мне ⟨ ⟩ пир —
 б. Друзья готовьте [буйный] шумный пир —
 Готовьте чаши круго⟨вые⟩
 Венки цветов и гимны лир

«К⟨НЯЗЬ⟩ Г— СО МНОЮ НЕ ЗНА⟨КОМ⟩...»

(С. 109)

Автограф

(ПД 830, л. 59 об.)

- А Мишурный Князь, состав негодный³ смеси;
 Составлен он из глупости и песни⁴
 Б а. ⟨ ⟩ я вовсе не знак⟨ом⟩⁵
 б. К⟨нязь⟩ Г—. со мною не зна⟨ком⟩
 Я не люблю такой⁶ негодн⟨о⟩й смеси;
 Составлен он из глупости и песни
 Но глупости побольше песни в ⟨нем⟩⁷
 В К⟨нязь⟩ Г—. со мною не зна⟨ком⟩
 Я не видал такой негодн⟨о⟩й смеси;

¹Чтение С. М. Бонди: неосторожный (Акад. Т. 2. С. 773, 776) не выглядит убедительным; по-видимому, здесь незавершенная правка.

²Дальнейшая правка сделана чернилами.

³При дальнейшей правке окончание слова: негодный не было изменено.

⁴Под стихом стоит горизонтальный штрих — знак концовки; возможно, записав это сложившееся двустишие, Пушкин сначала не предполагал продолжения.

⁵Над строкой зачеркнутое слово: давно⟨?⟩, вероятно относящееся к работе над этим стихом.

⁶Слово: такой зачеркнуто и восстановлено.

⁷Под стихом стоит росчерк — знак концовки.

[В]

Составлен он из подлос<ти> и спеси

Но подлост<и> побольше спеси в <нем>

а. Он в поле брани трус — на улице бурлак —

б. В сраженьи трус — в трахтире он бур<лак>

В передней он подлец, в гостинной он дурак¹**«КТО ВИДЕЛ КРАЙ, ГДЕ РОСКОШЬЮ ПРИРОДЫ...»**

(С. 110)

*Первая редакция**(по беловому автографу ПД 37)*

Кто видел край, где роскошью природы

Оживлены дубравы и луга,

Где весело, синяя, блещут воды

И пышные объемлят берега,

Где на холмы под лавровые своды

Не смеют лечь угрюмые снега?²

Скажите мне: кто видел край чудесный,

Где я любил, изгнанник неизвестный?²

Златой предел! любимый край Эльвины,

10 Туда летят желанья мои!

Я помню гор высокие вершины,

Среди лугов текущие струи,

И тень, и шум, и красные долины,

Где бедные простых татар семьи

Среди забот и с дружбою взаимной

Под кровлею живут гостеприимной.

Все живо там: и тополей прохлада,

И в их тени уснувшие стада,

Спокойных скал приморская громада,

20 Монастыри, селенья, города,

Прилива шум, и говор водопада,

И средь валов летучие суда,²

И яркие лучи золотого Феба,

И синий свод полуденного неба.

Все мило там, красою безмятежной³

Все путника пленяет и манит,

¹ Под стихом стоит горизонтальный штрих — знак концовки.² Возможно, стих должен читаться: И средь валов бегущие суда³ В автографе пунктуация в стихе отсутствует; традиционно во всех изданиях, печатавших эту строфу, начиная с Посм. и до Акад. (Спр. том. С. 19), запятая ставилась на конце стиха. Принятая в наст. изд. иная синтаксическая интерпретация первых двух стихов строфы, восстанавливающая синтаксический параллелизм этой и предшествующей строф, представляется нам более вероятной.

Как в ясный день дорогою прибрежной
 Привычный конь его в горах бежит.
 Повсюду труд веселый и прилежный
 30 Сада татар и нивы богатит —
 Холмы цветут, и в листьях винограда
 Висит янтарь, ночных пиров отрада.

И там, где мирт шумит над падшей урной,
 Увижу ль вновь сквозь темные леса
 И своды скал, и моря блеск лазурный,
 И ясные, как радость, небеса?
 Утихнет ли волнение жизни бурной?
 Минувших лет воскреснет ли краса?
 Приду ли вновь под сладостные тени
 40 Душой уснуть на лоне тихой лени?

Приду ли вновь, поклонник муз и мира,
 Забыв молву и света суеты,
 На берегах веселого Салгира
 Воспоминать души моей мечты?
 В моих руках Овидиева лира,
 Счастливая певица красоты,
 Певица нег, изгнанья и разлуки,
 Найдет ли вновь свои живые звуки?

Первоначальный набросок
 (ПД 830, л. 38)

Редакторская сводка чернового автографа

[Я помню] край — во всей красе природы —
 Давно моим откры(лся) он очам —
 Там ясн(ые) бегут Салгира воды —
 И тополы шумят по берегам —
 И страшных скал ( ) своды

Черновой автограф

- 1—2 А а. Я помню край — роскошная природа —
 б. Я помню край — [и] куда ( )
 а. [⟨Начато нрзб⟩]! Меня влечет ( ) невольню ( )
 б. Меня влечет и радость и печаль
 Б а. Я помню край — [в] [плен⟨ ⟩] ( )
 б. [Я помню край] — во всей красе природы —
 а. Начато: Явился он очам
 б. Начато: Откры(лся) он очам

¹ Начата первая буква какого-то слова.

- в. Тогда моим откры(лся) он очам —
 з. Давно¹ моим откры(лся) он очам —
 3—5 А а. [Там] Там вознеслись ( ) по горам —
 б. Там вознеслись дубравы по горам —
 а. Там [ясн( )] [ти( )] ( ) воды —
 б. Там ( ) Салгира воды —
 в. Там мирные бегут Салгира воды —²
 Б Там ясн(ые) бегут Салгира воды —
 И тополя шумят по берегам —
 а. [Т(ам?)] Угрюмых скал ( ) своды
 б. И страшных скал ( ) своды

Черновой автограф строф 3, 5 и 6 (ст. 17—24, 33—48) первой редакции³
 (ПД 830, л. 43 об.—45)

- 17 а. *Начато*: Все живо там топол( )
 б. Все живо там и тополей прохлада
 18 а. И в их тени ( ) стада
 б. И в их тени бродящие стада
 в. И в их тени уснувшие стада
 19—20 а. И диких⁴ скал приморская громада
 б. И грозных(?) скал приморская громада
 в. [Пон( )(?)] Поникших скал приморская громада
 з. Склоненных скал приморская громада
 Развалины, селенья, города,
 21—24 А а. И моря шум и говор водоп(ада)
 б. И моря блеск и говор водоп(ада)
 И ( ) сада
 И яркий свет лучей золотого Феба
 И синий свод полуде(нного) неба —
 Б И моря шум и говор водоп(ада)
 а. И ( ) [*начато нрзб*] сада
 б. *Начато*: И полные(?)
 в. *Начато*: И [среть] в море
 з. И на море [бегущие] крылатые суда —
 л. [И] [среть] [И(?)] И средь ( ) крылатые суда —
 е. И на волнах крылатые суда —
 И яркий блеск лучей золотого Феба
 И синий свод полуде(нного) неба —⁵

¹ Слово: Давно зачеркнуто и вновь записано над строкой: Давно(?)

² Изменение порядка ст. 3 и 4, возникшее в ходе дальнейшей правки, в автографе не обозначено.

³ Нумерация стихов по тексту первой редакции. Четвертая строфа (ст. 25—32), судя по первоначальному тексту первой редакции, в черновом автографе предшествовала третьей (ст. 17—24). Черновой автограф первых трех строф стихотворения (по окончательному счету — первой, второй и четвертой) до нас не дошел.

⁴ Слово: диких вписано над строкой.

⁵ После ст. 24 в автографе стоит горизонтальный штрих — разделительный знак между строфами.

- После 24 А а. Когда луна сияет средь Эфира —
 б. Когда луна блистает¹ средь Эфира —
 а. Начато: И сквозь ⟨нрзб⟩
 б. И [⟨начато нрзб⟩] ⟨ ⟩ сквозь ⟨ ⟩ сень
 в. И ⟨ ⟩ сквозь ⟨нрзб⟩ сень
 О² берега веселого Салгира —
- Б а. Начато: Приду ли
 б. Начато: Я помню вас³
 в. Начато: Обитель
 з. Начато: [Как я любил]⁴
- 33—40 А а. Начато: Когда [⟨начато нрзб⟩] луна
 б. Начато: Когда луна
 в. Начато: Увижу ль вновь
 з. Приду, приду под ⟨ ⟩ сени —
 д. Приду ли вновь под сладостные тени —
 а. [В] Еще уснуть встревоженной душой —
 б. [Воскр⟨еснуть ?⟩] Уснуть ⟨ ⟩ и сердцем и душой —
 в. Уснуть ⟨ ⟩ и сердцем отдохнуть
 з. Средь ⟨ ⟩ развалин ⟨ ⟩
 В объят⟨и⟩ях ⟨ ⟩ лени —
 [Уснуть]⁵
- Б а. Начато: В развалинах —
 б. Начато: Над урною⁶ —
 в. ⟨ ⟩ над падшей урно⟨й⟩ —⁷
 а. Взирает он ⟨ ⟩ темные леса
 б. Взирает он сквозь темные леса
- В а. Близ падших стен⟨?⟩ один над дряхл⟨ой⟩ урно⟨й⟩ —
 б. В вечерн⟨ей ?⟩⁸ ⟨ ⟩ над дряхл⟨ой⟩ урно⟨й⟩ —
 в. Близ груди стен один над дряхл⟨ой⟩ урно⟨й⟩ —
 з. [У] Близ ветхих стен над ⟨ ⟩ урно⟨й⟩ —
 а. Увижу ль⁹ сквозь роскошные⟨?⟩¹⁰ леса
 б. Увижу ль я [лазурь] сквозь те⟨мные⟩⟨?⟩ леса
 а. И ⟨ ⟩ долин и моря блеск лазурный —

¹ Вероятно, исправлено из первоначального: блистая

² Исправлено из первоначального: И

³ Над строкой незачеркнутое отдельное местоимение: Я

⁴ После этих зачеркнутых, не сложившихся в связные варианты набросков в автографе следует строфа, соответствующая ст. 41—48 первой редакции; после нее шла работа над строфой, соответствующей ст. 33—40 первой редакции.

⁵ Вариант А в ходе дальнейшей работы над строфой остался невычеркнутым.

⁶ В ходе дальнейшей работы над стихом окончание слова: урною осталось неизменным.

⁷ Выше на листе записано: О неба свод лазурный —, по-видимому, подобранная рифма к слову: урной, использованная в дальнейшей работе над строфой. Запись осталась незачеркнутой.

⁸ Окончание слова неразборчиво.

⁹ В ходе дальнейшей работы слова: Увижу ль остались незачеркнутыми; в следующем варианте стиха были вновь записаны выше на листе.

¹⁰ В ходе дальнейшей работы слово: роскошные⟨?⟩ осталось незачеркнутым.

- б. И своды скал — и моря блеск лазурный —
 а. И ясные как <   > небеса —
 б. И ясные как утро небеса —
 в. И ясные как радость небеса —
 а. Уснет <   > жизни бурной —
 б. Утихнет <   > жизни бурной —
 в. Там <   > волнение жизни бурной —
 г. Забуду ль там волнение жизни бурной —
 д. <   > волнение жизни бурной —
 а. <   > краса —
 б. Воскреснет <   > краса —
 в. Воскреснет ли <   > краса —
 г. И [ми<лых><?>] юных лет воскреснет ли краса —
 Приду ли вновь под сладостные<?>¹ тени —
 Еще заснуть на лоне тихой лени —²
 41—44 Приду ли вновь, [лю<бовник ?>] поклонник муз и мира —
 а. *Начато*: Оставля свет, и
 б. Оставля свет, [любов<   >] <   > суеты,
 в. Забыв молву и света суеты
 На берегах веселого Салгира
 Воспоминать души моей мечты?
 45—46 а. [И] В руках <   > Овидиева лира —
 б. В моих<?> руках Овидиева лира —
 Счастливая певича красоты —
 47—48 А а. Найдет ли вновь задумчивые звуки
 б. Найдет ли вновь неправильные звуки
 в. Найдет ли вновь задумчивые звуки
 И радостей, и неги и разлуки!...
 Б а. И радостей и неги и разлуки!...³
 б. И⁴ счастья и горестной разлуки!...
 в. Певича неги⁵, счастья, разлуки!...
 г. Певича нег, изгнанья и разлуки!...
 Найдет ли вновь свои живые⁶ звуки
 После 48 А а. *Начато*: Как я любил над
 б. Как я любил <   > над заливом⁷ —

¹ В автографе, видимо, с опiskой: послад<остные><?>

² Далее в автографе после горизонтального штриха (разделительного знака между строфами) на л. 44 об.—45 шла работа над строфой, не имеющей соответствия в тексте первой редакции. Эту строфу Пушкин не доработал и не включил в текст первой редакции (ПД 37); в нашей росписи вариантов этот фрагмент представлен ниже как следующий после ст. 48.

³ Слова: И радостей и записаны на левом поле листа у корешка тетради, выше стиха: Найдет ли вновь задумчивые звуки, что, по-видимому, указывает на смену порядка стихов.

⁴ В ходе дальнейшей работы над стихом союз: И остался невычеркнутым.

⁵ При переходе к следующему варианту слово: неги осталось неизменным.

⁶ Слова: свои живые записаны после отчерка в конце строфы.

⁷ В ходе дальнейшей работы над стихом окончание слова: заливом оставалось неизменным.

- в. Увы искал на берегу залив(а) —
 з. Как я искал на берегах залив(а) —
 д. Как я искал у берегов залив(а) —
 е. Как я ( ) над заливом —
 а. Развалины, оббитые плющом —
 б. Развалины, венчаные плющом —
 а. Твердыни ( ) в паденьи молчаливом
 б. Твердынь ( ) в паденьи молчаливом
 Я их любил ( ) челом —
 И стен углы и башни ( )
 Б Как я ( ) над заливом —
 Развалины, венчаные плющом —
 а. [О( )] Твердынь ( ) [в]¹ забвеньи горделивом
 б. Они [с(тоят ?)] ( ) [в] забвеньи горделивом
 в. Безмолв(ные)(?) [в] забвеньи горделивом
 а. Я их любил прекрасные челом —
 б. Они стоят² прекрасные челом —
 В Как я ( ) над заливом³ —
 Развалины, венчаные плющом —⁴
 а. Когда луна в сияньи молчаливом
 б. Златой луны в сияньи молчаливом
 а. И Азии ( ) (нрзб)
 б. И дремлет все в безмолвии (нрзб)
 в. И всё ( ) в безмолвии (нрзб)⁵
 Г Когда луна [блест(ала)] сияла⁶ над заливом
 [Как] Любил бродить на берегу морс(ком)
 Д Когда луна сия(ет) над заливом
 а. Пойду бродить на берегу морс(ком)
 б. ( ) на берегу морс(ком)
 в. [Пойду бродить в ун( )] ( ) морс(ком)
 а. И созерцать в паденьи(?)⁷ гор(деливом)(?)
 б. И созерцать в паденьи(?) мол(чаливом)(?)
 в. ( ) в забвеньи(?) мол(чаливом)(?)
 а. Развалины [(начато нрзб)] венчаные пл(ющом) —
 б. Развалины поникшие челом —
 в. Развалины ( )
 а. [И] [Стари(к)] ( ) Сатурн в полете молч(аливом)⁸
 Снедает их невидимым ( )⁹

¹ Предлог: в, вычеркнутый в автографе вместе со словами: паденьи молчаливом (вариант А), видимо, случайно остался не повторен или не восстановлен.

² В ходе дальнейшей работы над строфой слова: Они стоят остались незачеркнутыми.

³ В ходе дальнейшей работы над строфой слова: над заливом остались незачеркнутыми; в следующем варианте стиха были вновь записаны ниже на листе.

⁴ В ходе дальнейшей работы над строфой вариант остался незачеркнутым.

⁵ В ходе дальнейшей работы над строфой вариант остался незачеркнутым.

⁶ В ходе дальнейшей работы слово: сияла осталось неизменным.

⁷ Слово: паденьи(?) зачеркнуто и повторено над строкой.

⁸ В ходе дальнейшей работы слова: полете молч(аливом) остались незачеркнутыми.

⁹ Над строкой начато: [По( )(?)]

- б. [Вода] [Вода грызет]
[Сии] [И] [Столпы гробов обвитые плющом]⟨?⟩]
- а. *Начато:* И сте⟨н ?⟩
- б. Вкруг ветхих стен и башен опустелых
- в. И ветхих стен и башен опустелых
- г. *Начато:* И белых стен
- д. *Начато:* И море
- е. И вол⟨ны⟩⟨?⟩ бьют вкруг валов обгорел⟨ых⟩⟨?⟩
- ж. И вол⟨ны⟩⟨?⟩ бьют [о] о каме⟨нь⟩⟨?⟩ обгорел⟨ый⟩⟨?⟩
- з. И вол⟨ны⟩⟨?⟩ бьют вкруг валов обгорел⟨ых⟩⟨?⟩¹
- и. И море ⟨ ⟩ о башни опустелы

Первоначальные варианты белого автографа ПД 37²

- 4 Цветущие объемля берега
- 5 Где на холмы под миртовые своды
- 7 Скажите мне: кто видел край прелестный
- 9 Предел любви! любимый край Эльвины
- 12 а. И между скал бегущие струи
- б. И между скал текущие струи
- в. И средь лугов текущие струи
- 14 а. *Как в тексте.*
- б. Где в тишине простых татар семьи
- 15—16 а. Под кровлею живут гостеприимной
В труде, в миру, и с дружбою взаимной!
- б. Под кровлею живут гостеприимной
Вдали забот и с дружбою взаимной!³
- 17 а. *Как в тексте.*
- б. И шелковиц и тополей прохлада
- 20 Развалины, селенья, города
- 21 а. И моря шум и говор водопада
- б. Залива шум и говор водопада
- 22 а. И средь валов торговые суда —
- б. И средь валов крылатые суда —
- в. И в пристани крылатые суда —
- г. И по волнам бегущие⁴ суда —
- 23 И ясные лучи золотого Феба,

¹ Незачеркнутый вариант.

² Нумерация стихов по тексту первой редакции; формула: «Как в тексте» означает совпадение с текстом первой редакции.

³ Последующее изменение порядка стихов указано в автографе цифрами: 1 и 2 слева от них. Далее в автографе первоначально следовала строфа 4 (ст. 25—32), а за ней строфа 3 (ст. 17—24). В ходе работы Пушкин менял эти строфы местами, обозначив правильный порядок цифрами 1 и 2.

⁴ Слово: бегущие зачеркнуто и восстановлено. Возможно, это восстановление было сделано на последнем этапе работы над текстом первой редакции и слово: бегущие должно было заменить слово: летучие, оставшееся в автографе незачеркнутым (см. текст первой редакции на с. 362).

- 30 а. Сады татар и нивы богатит —
 б. Холмы, сада и нивы богатит —
 31 Стада шумят и в листьях винограда
 32 Горит янтарь, ночных пиров отрада.¹
 33 а. У ветхих стен или над падшей урной
 б. Где кипарис шумит над падшей урной
 34 а. Как в тексте.
 б. Увижу ль я сквозь темные леса
 38 а. И юности воскреснет ли краса?²
 б. И прежних лет воскреснет ли краса?²
 40 Еще заснуть на лоне тихой лени

Вторая редакция

(по беловому автографу ПД 37 с учетом более поздней правки)

Кто видел край, где роскошью природы
 Оживлены дубравы и луга,
 Где весело², синяя, блещут воды
 И пышные ласкают берега,
 Где на холмы под лавровые своды
 Не смеют лечь угрюмые снега?
 Скажите мне: кто видел край прелестный,
 Где я любил, изгнанник неизвестный?

- Златой предел! любимый край Эльвины,
 10 Туда летят желания мои!
 Я помню гор высокие³ вершины,
 И беглых вод веселье струи,⁴
 И тень, и шум, и красные долины,
 Где бедные простых татар семьи
 Среди забот и с дружбою взаимной
 Под кровлею живут гостеприимной.

И шелковиц и тополей прохлада,
 В тени олив уснувшие стада,
 Вокруг домов решетки винограда,⁵

¹ Далее в автографе первоначально следовала строфа 6 (ст. 41—48), а за ней строфа 5 (ст. 33—39). В ходе работы Пушкин менял эти строфы местами, обозначив правильный порядок цифрами 1 и 2.

² Слово: весело было вычеркнуто и восстановлено.

³ Первоначально исправлено на: веселье(?), затем восстановлено: высокие

⁴ Предшествовавшие варианты:

- а. В тиши лугов текущие струи
 б. Спокойных вод прозрачные струи
 в. Прозрачных вод веселье струи

⁵ Предшествовавшие варианты:

- а. И гордых скал приморская громада
 б. Над кровлями решетки винограда

20 Монастыри, селенья, города,
 [Прилива шум], и говор водопада,
 И средь валов летучие суда,¹
 И яркие лучи золотого Феба,
 И синий свод полуденного неба.²

И там, где мирт шумит над падшей урной,
 Увижу ль вновь сквозь темные леса
 И своды скал, и моря блеск лазурный,
 И ясные, как радость, небеса?
 Утихнет ли волнение жизни бурной?
 30 Минувших лет воскреснет ли краса?
 Приду ли вновь под сладостные тени
 Душой уснуть на лоне мирной лени?

Третья редакция

(по автографу в Тетр. ПД 831 до правки)

Кто видел край, где роскошью природы
 Оживлены дубравы и луга,
 Где весело, синяя, блещут воды
 И пышные объемлют берега,
 Где на холмы под лавровые своды
 Не смеют лечь угрюмые снега;
 Скажите мне — кто видел край прелестный,
 Где я любил, изгнанник неизвестный?

Златой предел! любимый край Эльвины,
 10 Туда летят желанья мои!
 Я помню скал³ высокие вершины,
 По склону гор бегущие струи,
 И тень, и шум, и красные долины,
 Где бедные простых татар семьи
 Среди забот и с дружбою взаимной
 Под кровлею живут гостеприимной.

Все живо там: холмов и скал громада,
 Сады татар, селенья, города,
 И шелковиц и тополей прохлады,
 20 Морская даль — далекие суда,
 Янтарь висит на лозах винограда,
 В лугах шумят веселые стада...⁴

¹ Возможно, стих должен читаться: И средь валов бегущие суда

² В первой редакции далее следовала строфа: Все мило там, красою безмятежной ~ Висит янтарь, ночных пиров отрада (ст. 25—32; см. выше, с. 362—363). Прежде чем всю ее вычеркнуть, Пушкин исправил ст. 28: Привычный конь по склону гор бежит

³ Первоначально было: гор

⁴ Стих первоначально был начат: Стада

Приду ли вновь под сладостные тени
 Душой уснуть на лоне тихой лени?

Приду ли вновь, поклонник муз и мира,
 Забыв молву и света суеты,
 На берегах веселого Салгира
 Воспоминать души моей мечты?
 В моих руках Овидиева лира,
 30 Счастливая певица красоты,
 Певица нег, изгнанья и разлуки,
 Найдет ли вновь свои живые звуки?

*Правка по тексту третьей редакции
 (ПД 831, л. 25—26)¹*

- 1—6 Кто видел край где роскошью природы
 Оживлены дубравы и луга
 а. Где в тишине синяя блещут воды
 б. Где весело шумят (и) блещут воды
 И мирные ласкают берега;
 Где на холмы под лавровые своды
 Не смеют лечь угрюмые снега;
- 7—8 А а. Скажите мне — кто знает край прелестный
 б. Скажите мне — кто видел край прелестный
 Где я любил изгнанник неизвестный
 Б *Зачеркнуто.*
- 9—10 Златой предел! любимый край Эльвины
 К тебе летят желания мои!
- 11—12 А а. Я помню гор высокие вершины
 б. Я помню скал приморские вершины
 По склону их бегущие струи
 Б Я помню там приморские вершины
 а. В развалинах журчащие струи
 б. *Начато:* Я помню там
 в. *Начато:* В развалинах
 г. По склону гор бегущие струи
 В Я помню скал прибрежные стремнины
 Я помню вод веселые струи
- 13—16 И тень, и шум — и красные долины
 а. Где в тишине простых татар семьи
 б. Где ( ) простых татар семьи
 Среди забот и с дружбою взаимной
 Под кровлею живут гостеприимной

¹ Нумерация стихов по тексту третьей редакции.

- 17—18   а. Все манит взор холмов и скал громада,
           б. Все манит взор все там очей¹ отрада,
           в. Все нежит ум все там очей отрада,
           г. Все нежит взор все там очей отрада,
           д. Все живо там все там очей отрада,
           Сады татар, селенья, города,²
- 19—20   А   И шелковиц и тополей прохлада,
           В морской дали плывущие суда —
           Б   а. *Начато:* И отра( )
           б. *Начато:* Волнами (начато нрзб)
           в. Отражена волнами скал громада
           а. *Начато:* В д(али ?)
           б. *Начато:* Морскую³ даль
           в. (В) морск(ой) дали теряются суда —
- 21—22   Янтарь висит на лозах винограда,
           В лугах шумят бродящие стада....
- 23—24   А   а. И зрит пловец на синеве зака(та)
           б. И зрит пловец могилу Митрида(та)
           в. И зрит ( ) могилу Митрида(та)
           а. [*Начато нрзб*] На синеве померкшего заката
           б. И⁴ ( ) заката
           Б   И зрит ( ) могил(а) Митрида(та)
           Озарена сиянием заката
- 25—28   А   Приду ли вновь, поклонник муз и мира
           Забыв молву и жизни суеты,
           На берегах веселого Салгира
           Воспоминать души моей мечты
           Б   *Зачеркнуто.*
- 29—32   а. И ты, мой друг, задумчивая лира
           б. И ты, моя задумчивая лира
           в. И ты, мой друг, задумчивая лира
           а. Волшебная певица красоты
           б. Ты, верная певица красоты
           Певица нег, любви и разлуки
           Найдешь ли вновь утраченные звуки
- После 32   А   а. Когда луны восходит лик двурогой —
           б. Когда луны сияет лик двурогой —
           а. *Начато:* И луч ее веселый(?)
           б. И луч ее ( ) серебрит —
           И с путником приморскою⁵ дорогой

¹ Исправлено из первоначального: очам

² Слева у этого стиха зачеркнутый и снова повторенный значок: 2, по-видимому указывающий на неосуществленный перенос стиха.

³ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: Морскую осталось неизменным.

⁴ Союз: И в ходе дальнейшей работы остался невычеркнутым.

⁵ Слово: приморскою исправлено из начато: до( )

- Привычный конь над бездною¹ бежит — — —
- а. В развалинах сидит унылый гений
- б. Над ( ) унылый бродит гений
И ждет поэт [ми( )] ( ) вдохновений
- Б Когда луны сияет лик двурогой —
И луч ее во мраке серебрит —
- а. Залив и гор ( ) склон отлогий —
- б. Залив ( ) склон горы отлогий —
- в. Пустой залив [холм( )] горы наклон отлогий —
- г. Брега, залив горы наклон отлогий —
- д. Скалы, залив наклон [берегов] холмов отлогий —
- е. Холмы, залив утесы ( ) отлогий —
- ж. Немой залив утесы ( ) отлогий —
И берега где темный² лес шумит
( ) приморскою дорогой
Со всадником³ над бездною бежит⁴ — — —
( ) [вдохновений —]
( ) видений
- В Когда луны сияет лик двурогой —
И луч ее во мраке серебрит —
Немой залив утесы ( ) отлогий —
И берега где темный лес шумит⁵
- а. И с путником приморскою дорогой
- б. И с седоком приморскою дорогой
Привычный конь над бездною бежит — — —
( ) [вдохновений —]
( ) видений⁶
- а. *Начато:* И волны
- б. *Начато:* И ветерок ( ) струит
- в. И ( ) волн кристалл(?) струит —
- г. ( ) (нрзб) вод⁷ ( )
- д. *Начато:* Когда одна шумит
- е. *Начато:* Когда [едва] едв(а)
- ж. И [(начато нрзб)] ( ) развалин(?) чуть(?) ( )
- з. *Начато:* Где гордо мор(е)(?)⁸

¹ Исправлено из первоначального: безднами

² Слово: темный вписано над строкой.

³ Слова: Со всадником в ходе дальнейшей работы остались незачеркнутыми.

⁴ Над словом: бежит записано начало неразборчивого слова, относящегося или к работе над этим стихом, или над стихом: И берега где темный лес шумит, вписанным рядом на правом поле листа.

⁵ Ниже на листе отдельно записан, по-видимому, альтернативный вариант стиха:

а. *Начато:* И хижины где слабый

б. И хижину где поздний огонь горит —

⁶ Далее в автографе следуют отдельные наброски, по-видимому связанные главным образом с работой над последней строфой.

⁷ В ходе дальнейшей работы эти два слова остались невычеркнутыми.

⁸ Чтение С. М. Бонди: Где гордо лавр (Акад. Т. 2. С. 671).

- а. Все путника пленяет ум и взоры
 б. <   > манит ум и взоры
 в. <   > пленяет ум и взоры
 а. Лес <   > горы
 б. Душистый(?) лес¹, долины, волны, горы
 в. Развалины, долины, волны, горы
- А а. *Начато:* В тени
 б. *Начато:* И в темноте вельблюд
 в. *Начато:* Вельблюд неутомимый
 г. Вдали <   > вельблюд неутомимый
Начато: рисуется(?)
- Б И в темноте как призрак безо(бразный)
 а. Верблюд идет <   > не<   >
 б. Верблюд стоит <   >
- В а. *Начато:* <нрзб>
 б. [И в(?)] И в темноте как при(зрак безобразный)²
 а. *Начато:* Вельблюд стоит
 б. Вельблюд в <   > вкушает отдых праздный
 в. Стоит вельблюд <   > отдых праздный³

«[ЕСЛИ] С НЕЖНОЙ КРАСОТОЙ...»

(С. 112)

Автограф

(ПД 830, л. 45)

- 1—4 А Когда с цветущей красотой
 Тебе чувствительность дана
 [Когд(а)] Когда <   >
 Тебе ужасно быть виною —
- Б Если с нежной красотой
 Вам чувствительность дана
 <   >
 Вам ужасно быть виною —
- В а. Когда ей(?)⁴ с нежной красотой
 <   > чувствительность дана

¹ В ходе дальнейшей работы слова: Душистый(?) лес остались незачеркнутыми.

² Слова: как при(зрак безобразный) не прописаны, поскольку выше имеется их зачеркнутый вариант.

³ Левее этих набросков отдельная запись, частично зачеркнутая в ходе работы над ними: прозрачный яхонт [винограда] — по-видимому, вариант к ст. 21, который находится в автографе на смежном листе.

⁴ Слово: Когда было зачеркнуто, снова начато над строкой и снова зачеркнуто: [Ког(да)]. Как показывает ход дальнейшей работы над стихотворением, Пушкин, по-видимому, решил вернуться к предыдущему варианту, однако слово: Если осталось невосстановленным, а слово: ей(?) незачеркнутым.

- Скучны любезности картины
В ней только слезы да печ(аль)
[И] фразы г(оспо)жи де Ст(аль)
- 5—8 а. *Начато*: Но мне
б. Милее мне живая м(ладость)
Рассудок с сердцем попола(м)
Приятной¹ лести жар и сладо(сть)
И смелость едких эпигра(мм)
- 9—12 Веселость шуток и расска(зов)
а. *Начато*: Воображенье сердца
б. Воображенье ум и вкус
И для того, мой Б... (?)
К тебе

«ВСЕ ТАК ЖЕ ОСЕНЯ(ЮТ) СВОДЫ...»

(С. 114)

Автограф

(ПД 830, л. 61 об.—62)

- 1—4 А Увижу я сей храм волшебный
Увижу² хороводы
- Б а. Увижу я сей храм чудесный
б. Увижу я сей храм знакомый
а. И хороводы милых жриц
б. ( ) храм парнасских жриц
в. Сей храм ( ) трех цариц
Услышу хоры юных жриц³
- В Вхожу под ( )⁴ своды
[Где пр( )(?)] Вот ( ) трех цариц
а. ( ) юных жриц
б. [(*Начато нрзб*)] ( ) юных жриц
а. *Начато*: Я слышу
б. Я вижу вьются хоров(оды)
- Д Все так же осеня(ют) своды
( ) трех цариц
Все те же клики юных жриц
Все те же вьются хоров(оды)⁵
- 5—9 А Ужель умолк волшебный глас
а. *Начато*: Семеновой,
б. *Начато*: Семеновой — царицы

¹ В автографе с опiskой: пропущено я² По-видимому, переправлено из какого-то другого начатого слова.³ По-видимому, в слове допущена описка.⁴ Вписывалось: [блещ(ушие)(?)] [театр( )(?)]⁵ Между этим и следующим стихом на левом поле листа *начато*: Ген(ий)(?) — за-пись, сделанная, по-видимому, позднее, в ходе работы над ст. 14—17.

- в. Семеновой, сей [чуд(ной)] дивной музы
 з. Семеновой, сей чудной музы
 И славы луч ее погас —
- Б Ужель умолк волшебный глас
 Семеновой, сей чудной музы
- а. *Начато:* Ужель
 б. <   > расторгла узы
 И славы луч ее погас —
- В Ужель умолк волшебный глас
 Семеновой, сей чудной музы
- а. Со Славой <   > расторгла узы
 б. Ужель она расторгла узы
 в. Она с Молвой расторгла узы
 з. Она расторгла с Фебом узы
 И славы русской луч угас —
- Г Ужель умолк волшебный глас
 Семеновой, сей чудной музы
 Ужел(ь)¹ навек оставя нас
 Она расторгла с Фебом узы
 И славы русской луч угас —
- 10—13 А а. *Начато:* Нет, нет! мы²
 б. *Начато:* Нет мы
 в. *Начато:* Нет!³
 а. *Начато:* Мы встрет(им)
 б. <   > Сцены божество,
 Мы ей готовим славы чистой
- а. Венец <   > торжество
 б. Венок <   > торжество
 в. Хвалы <   > торжество
 з. Хвалы [*начато нрзб*] и плеск и торжество
 д. Хвалебный плеск и торжество⁴
- Б а. *Начато:* Мы
 б. Нет игры пышной Мельпо(мены)
 в. *Начато:* Полн( )(?)
 з. [Нет] Не верю нет — не увядает
 д. Нет нет дру( ) < > — не увядает
 е. Не верю нет — не увядает
 Ее торжественный венец —
- В а. *Начато:* [Не(т)] Нет, нет Трагедия,
 б. Не верю! вновь о(на)<?> <нрзб> —
 а. *Начато:* Воспламеняет жар

¹ В автографе с опиской: Ужели

² Зачеркнув эту строку, Пушкин ниже на листе работал над ст. 14—17; дальнейшая работа над ст. 10—13 велась на смежном листе (л. 62).

³ Слово оставлено незачеркнутым.

⁴ Прежде чем продолжить ниже на листе работу над фрагментом, Пушкин записал на верхнем поле листа вариант стиха: Готов венец и торжество. Из предшествующих вариантов оставлено невычеркнутым рифмующееся с этим вариантом слово: божество

- б. <   > сердец —
И долго <   >
Ее торжественный венец —
- Г Не верю! вновь о(на)<?> <нрзб> —
- а. Начато: Нам<?>
- б. <   > ей¹ дань сердец
- в. Ей вновь готова дань сердец —
Пред нами долго <   >
Ее торжественный венец —
- 14—17 А Кате(ни)н <   > воскресит
Эшила призрак велича(вый)²
- а. Начато: На сцене
- б. Начато: [И слезы] И снова
- в. И ей кинжал <   > возврат(ит)<?>
- Б И для нее младый любовн(ик)
- а. Катен(ин) <   > воскресит
- б. Катен(ин) <   > воскресить<?>³
Эшила гений велича(вый)
- а. И ей [порфи(ру)] корону возврат(ить)<?>
- В И для нее <   > любовн(ик)⁴
Мл(адо)й<?> Катен(ин) воскрес(ит)<?>⁵
Эшила гений велича(вый)
И ей кинжал <   > возврат(ит)<?>⁶

¹ Слово: ей осталось невычеркнутым.

² Слово: велича(вый) или первоначально было написано с опiskой, или исправлено из какого-то другого слова.

³ Окончание слова: воскресит зачеркнуто: воскрес[ит], поправка над строкой неразборчива и только предположительно может читаться как: ть

⁴ Конъектура С. М. Бонди: И для нее любовн(ик славы) (см.: Бонди С. М. Стихи об актрисе Семеновой // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. М., 1931. С. 43); в Акад. (Т. 2. С. 175) слово: славы, отсутствующее в автографе, не отмечено как редакторская конъектура.

⁵ Над этим стихом записаны два неясно к чему относящихся незачеркнутых слова: Наперсник и Важных. При первом чтении автографа С. М. Бонди предположил, что слово: Мл(адо)й<?> в этом стихе можно прочесть как: сла(вы), и возможно, существовал вариант: наперсник сла(вы) (вместо: любовн(ик славы)) (см.: Бонди С. М. Стихи об актрисе Семеновой. С. 43). В Акад. (Т. 2. С. 175) им было предложено чтение: И для нее любовник<?> славы, / Наперсник важных Аонид<?>. Однако слово: Аонид в автографе отсутствует.

⁶ В автографе ст. 14—17 записаны раньше ст. 10—13 (см. примеч. 2 на с. 377). Место фрагмента в стихотворении обозначено плохо читаемой сокращенной записью на л. 62 под ст. 10—13:

И для нее лю(бовник)<?> сл(авы)<?>
<Начато нрзб>
[На] <   > воскресит
<Начато нрзб>

Первый стих, по предположению С. М. Бонди (Бонди С. М. Стихи об актрисе Семеновой. С. 46) может читаться как: И для нее на(персник)<?> сла(вы)<?>. Последнее неразборчивое слово в записи С. М. Бонди читал как: Слезам<?>, а Б. В. Томашевский (Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 31; Пушкин 1955. С. 123) как: Софокла, заменяя в тексте стихотворения стих: Эшила гений велича(вый) на: Софокла гений величавый

〈В. Л. ДАВЫДОВУ〉

(«Меж тем как генерал Орлов...»)

(С. 115)

Автограф

(ПД 831, л. 30—31)

- 1—4 А Меж тем как генерал Орлов —
Недавный рекрут гименеи¹,
Идет под меру Гименея —
А ты 〈   〉
- Б Меж тем как генерал Орлов —
Недавный рекрут Гименея,
Под меру подойти готов —
Любовью нежной пламеня / А ты весельем пламеня²
- а. В пиру домашних веселясь —
б. В пиру домашнем веселясь —
а. *Начато*: В приют
б. 〈   〉 от скуки удалясь —
в. В приют от скуки удалясь —
- В Меж тем как Генерал Орлов —
[Как(?) Обритый рекрут Гименея,
Священной страстью пламеня
Под меру подойти готов;
- 5—8 А А ты 〈   〉
За ужином 〈   〉
С моим Раевским³ 〈   〉
- Б Меж тем как ты проказник умный
〈   〉 в беседе шумной,
- а. Ночь за бутылками Аи
б. Ночь пред бутылками Аи
- В Меж тем как ты проказник умный
- а. За ужином в беседе шумной,
б. [Зав〈 〉(?)] Проводишь ночь в беседе шумной,
И за(?)⁴ бутылками Аи
Сидят Раевские мои —
[И твой любезный брат,]
- 9—12 А а. *Начато*: Меж тем как
б. *Начато*: Когда в〈 〉(?)
в. Меж тем как уж весна младая
Повсюду распустила грязь

¹ Так в автографе.² Записанные один под другим альтернативные варианты стиха.³ Имя: Раевским на протяжении дальнейшей работы над фрагментом оставалось невычеркнутым и потом было исправлено на: Раевские (вариант В).⁴ Неразборчивая поправка. Чтение Т. Г. Зенгер (Цявловской): И за (Акад. Т. 2. С. 178).

- Б Когда везде весна молодая
С улыбкой распустила грязь
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь....
- 13—16 А Скажу тебе два слова <   >
Про [жи<энь>] Кишенев и про себя — —
- Б Тебя, Раевских и Орлова —
- а. <   > Каменку любя —
- б. Душою — Каменку любя —
- в. [Вс<ем>(<?>)] И(<?> сердцем(<?>) Каменку любя —
- г. И память Каменки любя —
- Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя — —
- 17—22 а. На этих днях среди собора
б. На этих днях тиран¹ собора
Митрополит, седой обжора —
Перед обедом невзначай:
Велел жить долго всей России
И с сыном Птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
- 23—31 А Говее Инзов — и я верю
Что бог простит ему грехи —
Как государь мои стихи —
- Б <   > я лицемерю —
Говее Инзов — и я верю
Что бог простит ему грехи —
Как государь мои стихи —
Я променял <   > намедни —
- а. Вот <нрзб> <   > Судьбы
- б. Вот какова(<?>) <   > Судьбы
- В Говее Инзов и намедни —
- а. Я променял² Вольтера бредни
- б. Я променял парнасски бредни
- в. Я променял <   > бредни
- г. Я променял парна<сски> бредни
- а. И лиру, тайный дар судьбы
- б. И лиру, грешный дар судьбы
На часослов и на обедни
Да на сушеные грибы —
Я стал умен, [я] лицемерю —
- а. Пощусь — <   > и твердо верю
- б. Пощусь молюсь и твердо верю

¹ Чтение, впервые введенное Л. Н. Майковым (Майков. Материалы. С. 101) и принятое в Венг. (Т. 2. С. 61), АН 1900—29 (Т. 3. С. 20) и во всех изданиях под редакцией М. А. Цявловского, начиная с КН до Асад. в 6 т. включительно. Т. Г. Зенгер (Цявловская) ввела в текст предыдущий, зачеркнутый в рукописи вариант: [среди] собора (см.: Акад. Т. 2. С. 178); то же решение во всех последующих изданиях.

² В автографе с опiskой: промел

- Что бог простит мои грехи —
 Как государь мои стихи —
- 32 а. *Начато*: Одно кому(?)¹
 б. Однако ж моему рассудку
 в. Однако ж гордый мой рассудок
- 33 а. *Начато*: Мне ничего
 б. < > говорит
 в. < > бранит
 г. [Мое раска(янье)]² < > бранит
 д. [Раска(янье)] За святость < > бранит
 е. Желанья святости бранит
 ж. Мое < > [бранит]
- 34—35 а. *Начато*: А своенравный
 б. А мой ненабожный желудок
 Причастья вовсе не варит³
- 36—44 А [Он] Он говорит < >⁴
 Еще когда бы кровь Христова
 Была бы < > лафит...
 Иль кло-д'вужо⁵ — тогда ни слова
 Но я крещусь и Сатане
- Б Еще когда бы кровь Христова
 Была хоть например лафит...
 Иль кло-д'вужо — тогда б ни слова
- а. *Начато*: А то (мне <начато нрзб>
 б. А то... подумать как смешно
 в. А то... подумай как смешно²
 С водой молдавское вино...
 Но я крещусь — и воздыхаю...
 Не внемлю Сатане....

¹ Вероятно, описка.

² По-видимому, начатый и сразу отмененный вариант.

³ Утверждение Т. Г. Цявловской, что этот стих был Пушкиным зачеркнут и заменен на стих: Помилуй, братец(?), — говорит (см.: Цявловская Т. Г. Как были раскрыты два автографа Пушкина // Огонек. 1949. № 23. С. 24), совершенно неосновательно. Стих: Причастья вовсе не варит был написан Пушкиным сразу, не исправлялся и не вычеркивался, что подтверждает и копия П. В. Анненкова. Предложенный Цявловской стих: Помилуй, братец(?), — говорит, введенный в текст Акад. (Т. 2. С. 179), произвольно сложен из зачеркнутых слов, относящихся к работе над следующим стихом, причем даже предположительное чтение: братец ни для одного из этих слов не представляется вероятным.

⁴ В ходе дальнейшей работы над фрагментом (перед переходом к варианту Б) Пушкин дорабатывал стих, однако последующие его варианты плохо поддаются прочтению и интерпретации, поскольку впоследствии почти полностью были в рукописи вымараны. Предположительное чтение:

- а. *Начато*: Вот <2 (?) нрзб>
 б. *Начато*: Еще(?)
 в. *Начато*: И очень(?) тихо(?)
 г. И бог <2 (?) нрзб>
 д. [Помилуй] Что(?) < > <2 нрзб>
 е. Помилуй < > <2 нрзб>

⁵ В автографе: кло-д'вожо

- В Еще когда бы кровь Христова
 Была хоть например лафит...
 Иль кло-д'вужо — тогда б ни слова
 А то... подумай как смешно¹
 С водой молдавское вино...¹
- а. Но я пощусь — и воздыхаю...
 б. Но я крещусь — и воздыхаю
 в. Но я мол(юсь) — и воздыхаю...
 Крещусь.² Не внемлю Сатане...
 А все невольню вспом(инаю)
 Давыдов о твоём вине...³
- 45—50 А Вот эвхаристия другая
 Когда твой милый брат и ты
 Спасенья чашу наливая —
- Б а. Вот эвхаристия прямая
 б. Вот эвхаристия другая
 в. Вот эвхаристия прямая
 г. Вот эвхаристия другая
 д. Вот эвхаристия золотая
 е. Вот эвхаристия прямая
 ж. Вот эвхаристия [другая]
 Когда и ты и милый брат,
 Перед камином надевая —
 Демократический халат —
 Спасенья чашу наполняли
- а. Начато: Беспенным
 б. Начато: Беспенной, холодной
 в. Беспенной, мерзлую струей
- 51—52 А а. Начато: И трюфлям(и)(?)
 б. Начато: И трюфли
 в. И все до капли выпивали! — —
- Б И за здоровье тех и той
 До дна до капли выпивали! — —⁴

¹ После этого стиха на полях вписаны еще два стиха, оставшиеся недоработанными:

- а. Тебе — ( ) (нрзб)
 б. Тебе ж ( ) нездорово
 И (нрзб) говорить(?) ( )

Во втором стихе чтение П. О. Морозова (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 30) и М. А. Цявловского (КН. Т. 1. С. 329): переварить. Чтение Т. Г. Зенгер (Цявловской): говоришь(?). Вопреки утверждению Т. Г. Зенгер (Цявловской) (Акад. Т. 2. С. 653), место вставки этих стихов в рукописи точно обозначено. Тем не менее в текст стихотворения, помещаемый в основном корпусе, они традиционно не вводятся (единственное исключение — публикация М. А. Цявловского в КН. Т. 1. С. 329).

² Исправлено из начато: П(ощусь)(?)

³ Далее в автографе стоит знак строфического деления: #

⁴ Далее в рукописи шла работа над ст. 57—60; ст. 53—56 записаны ниже на листе после отчерка.

- 53—56 А Но те в Неаполе шалят
 а. А та едва ль, едва ль воскреснет...
 б. А та едва ль когда воскреснет...
 в. А та едва ли там воскреснет...
 Цари ( )
 а. И долго <нрзб> не треснет
 б. И долго <2 нрзб> не треснет
 в. И долго трон еще не треснет
- Б Но те в Неаполе шалят
 А та едва ли там воскреснет...
 а. Народы ( ) <начато нрзб>
 б. Народы робкие стоят
 в. Народы ( ) устоят
 г. Народы долго устоят
 д. Народы тишины хотят
 а. И долго [<начато нрзб>] ( ) их¹ не треснет
 б. И долго их ярем не треснет
- 57—60 А Придут ли вновь сии часы
 а. Начато: Приду с
 б. Приду ли ( ) повеселиться
 а. ( ) причаститься
 б. Веселый грешник, причаститься
 И вам скажу: Христос воскрес —
- Б а. Начато: О вы далек(ие)
 б. Начато: О ты
 в. Начато: Ужели
 г. Ужель Веселья час исчез
 д. Ужель надежды луч ис(чез)
 Но нет мы счастьем насладим(ся)
 а. ( ) — [<крова(вой)>] причастимся
 б. [<Начато нрзб>] Кровавой тайны причастимся
 И я скажу: Христос воскрес —

«НЕДАВНО БЕДНЫЙ МУЗУЛЬМАН...»

(С. 117)

Автограф

(ПД 831, л. 34 об.—35 об.)

- 1—4 А В Юрзуфе бедный музульман
 а. Когда-то жил с детьми, с женою;
 б. Недавно жил с детьми, с женою;
 Читал прилежно Алькоран
 И счастлив был своей судьбою;
- Б Недавно бедный музульман
 В Юрзуфе жил с детьми, с женою;

¹ Слово: их осталось незачеркнутым.

- Ходил за вишнями, трудился всей душою;
 Читал прилежно Алькоран
 И счастлив был своей судьбою;
 В Недавно бедный музульман
 В Юрзуфе жил с детьми, с женою;
 Душевно почит(ал) священный Алькоран
 И счастлив был своей судьбою;
 4—8 А а. *Начато*: [От( )<?>] Ме<хмет><?>
 б. Мехмет (так звался он) прилежно целый день,
 а. Смотрел за ульями, за стадом
 б. Ходил за ульями, за стадом
 И за домашним виноградом —
 Работой ( )
 Б а. Мехмет (так звался он) прилежно целый век,
 б. Мехмет (так звался он) прилежно целый день,
 Работой услаждая лень —
 Ходил за ульями, за стадом
 И за домашним виноградом —
 В Мехмет (так звался он) прилежно целый день,
 Ходил за ульями, за стадом
 И за домашним виноградом —
 Не зная что такое лень —
 9—12 А а. Супругу он любил — и каждый год ( )
 б. Жёну свою любил — бывало каждый год
 Она детей ему рождала —
 Б Жёну свою любил — Селима это знала;
 И каждый год ему детей она рожала,
 У богомольных бедняков —
 а. Ребенок ( ) готов,
 б. Ребенок завсегда<?> готов,
 в. Ребенок [кажды(й)<?>]! ( ) готов,
 В Жёну свою любил — Селима это знала;
 И каждый год ему детей она рожала,
 ( ) уж так заведено —
 Г Жёну свою любил — Селима² это знала;
 И каждый год ему детей она рожала,
 а. *Начато*: Хоть то кому
 б. Хоть³ ( ) у нас это смеш(но)
 в. *Начато*: Хоть, это может и кому
 г. *Начато*: По-нашему⁴ хоть и
 д. По-нашему, друзья, хоть это и смешно
 а. ( ) у татар уж так заведено —

¹ Начатая и, по-видимому, сразу отмененная правка.

² В ходе дальнейшей работы имя: Селима было заменено на: Фатима (см. ст. 13 вариант А). Здесь осталось неисправленным.

³ При дальнейшей правке слово: Хоть осталось незачеркнутым.

⁴ Исправлено из первоначального: По-моему

6. Но¹ только у татар уж так заведено —
 в. Но у татар уж так заведено —
- 13—18 А а. *Начато*: Сели(ма)
 б. Фатима раз² — (она была тогда брюхата:
 А в это время
 Б Фатима раз — (она в то время
 а. Несла < > бремя)
 б. Несла недавно бремя
 в. Несла трехмесячное бремя
 А в эт(и)³ времена;
 а. Бог веда(ет) < >
 б. < > жена
 В Фатима раз — (она в то время
 Несла трехмесячное бремя
 А каждый ведает, что в эт(и) времена;
 а. И самая степенная жена
 б. И даже самая степенная [жена]⁴
 а. Имеет прихоти такие
 Что < >
 б. Имеет прихоти [дру(гие)] то эти <то> другие
 И Боже упаси какие!
- 19—24 А а. Фатима говорит < > муженьку —
 б. Фатима < > сказала муженьку —
 в. Фатима говорит однажды муженьку —
 з. Итак Фатима < > муженьку —
 д. Фатима говорит умильно муженьку —
 Мой друг, мне хочется ужасно каймаку,
 Всю ночь я не спала, во мне < >
 Б Фатима говорит умильно муженьку —
 Мой друг, мне хочется ужасно каймаку,
 Во мне так и горит желудок
 а. *Начато*: Я не спала всю ночь; [кай( )] каймак
 б. Я не спала всю ночь; пожалуйста, мой друг
 в. Я не спала всю ночь; пожалуйста душа,
 з. Я не спала всю ночь; < > смотри душа,
 Теряю [я] прямо(?) я < >
 В Фатима говорит умильно муженьку —
 Мой друг, мне хочется ужасно каймаку,
 а. *Начато*: [В( )] [(*начато нрзб*)] Об чем
 б. *Начато*: [(*начато нрзб*)] Теряю я рассу(док)
 в. Теряю память я рассу(док)
 Во мне так и горит желудок
 Я не спала всю ночь; [ну п( )] [и] и посмотри душа,

¹ Возможно, исправлено из первоначального: А

² Возможно, было сделано исправление: Фатиме раз, потом отмененное.

³ В автографе с опиской: А в это

⁴ Слово: жена в автографе зачеркнуто, несомненно, по ошибке; возможно, при правке следующего стиха.

- 25—28 А
- а. *Начато:* [Не] Сегодня верно¹ не совсем
 б. Сегодня верно ⟨я⟩ совсем не хороша;
 Не смею даже почесаться
- а. *Начато:* А то родится сын с
 б. Чтоб не родить ⟨ ⟩ с ⟨ ⟩ на носу
 в. ⟨ ⟩ дочь с ⟨ ⟩ на носу
- а. *Начато:* [Я] Что мне⟨?⟩ родится
 б. ⟨ ⟩ перенесу
- Б
- а. Всех мне ⟨ ⟩ опасаться
 б. Всего⟨?⟩ долж⟨ ⟩⟨?⟩ ⟨ ⟩ опасаться
 в. *Начато:* Всего мне
 Не смею даже почесаться
- а. А то родится дочь с сметаной на носу —
 б. Чтоб крошку не родить с сметаной на носу —²
 а. [Я] Такого горя не снесу —
 б. Такой я муки не снесу —
- 29—30
- а. *Начато:* Красив(ый)
 б. Любезный, миленький, красавец, мой дружочек
 а. Достань пожалуйста мне каймаку кусочек
 б. Достань мне каймаку хоть крохотный кусочек
- 31—35 А
- Мехмет разнежился — кушак ⟨ ⟩
 С собою взял [ж⟨ ⟩⟨?⟩] тарелку жестяную
- а. И в ближнее³ село ⟨ ⟩ побежал
 б. И в ближн⟨юю⟩ деревню побежал
 в. И в ближн⟨юю⟩ долину побежал
- а. *Начато:* Порадовать [подр⟨угу⟩] супр⟨угу⟩
 б. Порадовать жену больную —
- Б
- а. Мехмет разнежился — собрался; завязал
 б. Мехмет ⟨ ⟩ сжалил⟨ся⟩⁴ — собрался; завязал
 В кушак тарелку жестяную
- а. *Начато:* Детей бл⟨агословил⟩
 б. Супругу в лоб поцеловал
 в. Детей благословил [и⟨?⟩] ж⟨ену⟩ поцеловал
 И [⟨начато нрзб⟩] мигом⟨?⟩ в ближн⟨юю⟩ долину побежал
- а. Чтобы порадовать супругу ⟨ ⟩
 б. Чтобы порадовать больную
- 36
- а. Не шел он а летел — зато путем⁵ обратным
 б. Не шел он а летел — зато в обратный пут⟨ь⟩
- 37
- а. Пустился он едва едва шагая;
 б. Пустился по горам едва едва шагая;
- 38—39
- И скоро стал искать, совсем изнемогая,

¹ Исправлено из: верю

² Более поздняя поправка, сделанная карандашом; слово: родится при этом осталось неизменным.

³ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: ближнее осталось неизменным.

⁴ Более поздняя поправка, сделанная карандашом. Ниже у корешка тетради еще раз отдельно записано карандашом: сжалился

⁵ При последующей правке слово: путем осталось неизменным.

- Местечка, где бы отдохнуть,
- 40—42 А а. По счастью видит он в конце долины¹
 б. По счастью видит на конце долины
 в. По счастью на конце долины
 2. По счастью видит на конце долины
 а. *Начато*: Широкий ручеек под се(нию)
 б. Под сенью шелковиц — < > ручеек
 в. < > лесок
- Б По счастью на конце долины
 а. *Начато*: Увидел он²
 б. *Начато*: Увидел он³
 в. Он видит [ручеек] в тени густых < >
 2. Он видит ручеек
 И, радуясь добрел до берегов < >
- В По счастью на конце долины
 Увидел он руч(ей)
 Добрел до берегов и лег в тени ветвей
- 43—46 А а. *Начато*: Прохлада вод и
 б. Прохлада вод, дерев вершины,
 в. Журчанье вод, дерев веселые вершины,
 2. Журчанье вод, дерев вершины,
 Прохладный луг, и ветерок
- Б Журчанье вод, дерев вершины,
 Прохладный береж(ок) [(нрзб)](< >) светлый ток
 Душистая трава, и легкий(?)⁴ ветерок
 а. *Начато*: Все гов(орило)
 б. < > Все так мило.
 в. *Начато*: Все так отрад(но)
 2. *Начато*: И <начато нрзб>
- В Журчанье вод, дерев вершины,
 Душистая трава, прохладный береж(ок)
 а. И пенье птиц и тень, и легкий(?) ветерок
 б. И тень, и легкий(?) ветерок
 а. < > все < > говорило
 б. Все нежило, все говорило
- 47—50 А Люби иль почивай! люби! Мехмету в ум
 Такой < > не приходило,
 Б Люби иль почивай! люби! таких затей
 Мехмету в ум не приходило
 а. *Начато*: Любить оно бы
 б. Любить оно конечно мило —
 Но поживать ему казалось милей —
 Благоразумно и верней —

¹ Исправлено из, по-видимому, ошибочного первоначального: долину

² Вероятно, начало шестистопного стиха.

³ Вероятно, начало четырехстопного стиха.

⁴ Слово над строкой только намечено и не читается; легкий(?) — конъектура Т. Г. Зенгер (Цявловской).

- В Люби иль почивай! люби! таких затей
Хоть было бы <нрзб> — Мехмету в ум не приходило
- а. *Начато*: Но спать вот это
б. *Начато*: [По( )] Но
в. *Начато*: Поспать, [(начато нрзб)] вот это
г. *Начато*: Поспать, это <нрзб>
Благоразумно и верней —
- Г Люби иль почивай! люби! таких затей
Мехмету в ум не приходило
Хоть было <нрзб>. — Но спать! вот это мило —
Благоразумно и верней —
- 51—54 А а. *Начато*: Зато
б. И < > Мехмет заснул < > в долине
Как царь на пуховой перине —
а. *Начато*: Полож(им)
б. Положим что царям приятно спать дано
Хоть это, впрочем мудрено
- Б а. Зато Мехмет как царь другой [(начато нрзб)] в долине
б. Зато Мехмет как царь заснул в долине
Положим что царям дано
Под балдахином < >
Хоть это, впрочем мудрено

⟨П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

(«Язвительный поэт, остряк замысловатый...»)

(С. 119)

Редакторская сводка чернового автографа

Язвительный поэт остряк замысловатый
И смелостью ума и шут(ками богатый)
Счастли(вый) В(яземский) завидую тебе,
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над глупостью ревнивой
Невежество разить анафемой игривой —

И в глупом бешенстве кричу я наконец
Хвос(тову) — ты дурак — а Стурдзе ты подлец —

- Клим пошлою меня щекотит остротой
- ¹⁰ Кто Фирс? ничтожный шут красавец молодой...
Жеманный говорун когда-то бывший в моде —
Толстому верный друг — по греческой методе
И < > комара < > не раздавить

И в грязь словцом одним глупца не превратить
 А шутку не могу придумать я другую
 Как только < > <нрзб> Толсто<го> к хую

Так точно трусивший буян обиняком
 Решит в харчевне спор надеж<ным> кулаком

20 Блажен Фирсей < > рифмач миролюбивый
 < > услужливый учтивый
 < > добра хвалитель записной —
 Довольный изредко журнальной похвалой —
 Невинный фабулист — или смиренный лирик
 Или покойников < > сатирик
 < > горит
 Браниться жажду я — рука моя свербит —

Будь мне наставником насмешливой нау<ки>!
 Едва лукавый ум твой поймает звуки
 Он рифму грозную невольно затвердит
 30 И память темное прозвание затвердит¹

Черновой автограф
 (ПД 38)

- 1—3 А Язвительный остряк замысловатый;
 Завидую тебе
- Б а. Язвительный поэт остряк замысловатый
 б. Блистате<льный> поэт остряк замысловатый
 в. Язвительный поэт остряк замысловатый
 < > и шутками богатый,
 а. Завидую тебе, сатирик молодой
 б. Завидую тебе, сатирик смелый наш —²
- В Язвительный поэт остряк замысловатый
 а. И смелостью < > и шутками богатый
 б. И славо<ю> < > и шутками богатый
 в. < > умом и шутками богатый,
 2. [Умом] Веселостью, умом и шутками богатый,

¹ Возможно, стих записан как альтернативный предыдущему.

² Прервав на этом работу над ст. 1—3, Пушкин после горизонтального разделительного штриха написал ст. 7—8, после чего вернулся к доработке ст. 1—3, а ниже ст. 7—8, отделив их также разделительным штрихом, записал ст. 4—6.

- д. [Весе⟨ ⟩] Умом и смело⟨стью⟩ и шутками богатый,
 е. Веселой смелостью и шут⟨ками богатый⟩¹
 ж. И смелостью ума, и шут⟨ками богатый⟩
 а. Сатирик В⟨яземский⟩² завидую тебе,
 б. Счастли⟨вый⟩ В⟨яземский⟩ завидую тебе,
 4 Ты право получил, благодаря судьбе,
 5 а. *Начато*: Смеяться над Вражд⟨ой⟩
 б. Смеяться весело над глупостью ревни⟨вой⟩
 в. Смеяться весело над злобою ревнивой
 з. Смеяться весело над глупостью ревнивой
 6 а. Невежество разить анафемой шутиной —
 б. Невежество разить анафемой игривой —³
-
- 7—8 И в глупом бешенстве кричу я наконец
 а. Хвос⟨тову⟩ ты дурак — ⟨ ⟩ ты подлец —
 б. Хвос⟨тову⟩ ты дурак — а Стурдзе ты подлец —
-
- 9—12 А а. Щекотит ⟨ ⟩ меня [б⟨ ⟩] ⟨ ⟩ остротой
 б. *Начато*: Клим ⟨нрзб⟩
 в. *Начато*: [Задорный] [Жеманный] Жеманный Клим
 з. Клим пошлою меня щекотит остротой
 а. Кто Фирс? да ⟨ ⟩ невежда молодой...
 б. Кто Фирс? ⟨ ⟩ шут ⟨ ⟩ красавец молодой...
 в. Кто Фирс? ⟨ ⟩ шут [д] [нев⟨жда⟩] красавец молодой...
 з. Кто Фирс? [ничт⟨ожный⟩] задорный шут красавец молодой...
 Толстова тайный друг — по греческой методе,
 Б Клим пошлою меня щекотит остротой
 Кто Фирс? ничтожный шут красавец молодой...
 а. Задорный говорун когда-то бывший в моде —
 б. Жеманный говорун когда-то бывший в моде —
 Толстому верный друг — по греческой методе
 13—14 А а. *Начато*: [Но] Возмо⟨жно⟩⟨?⟩ И можно ли его
 б. И можно ль комара тотчас не раздавить
 Б а. *Начато*: Ну можно ли глупца
 б. Глупца ⟨ ⟩ [можно⟨?⟩] побранить⁴
 И злого комара тотчас не раздавить
 В И ⟨ ⟩ комара ⟨ ⟩ не раздавить

¹ Этот и следующий варианты записаны отдельно, под ст. 3.

² В автографе имя обозначено: В—

³ Ст. 7—8 в автографе записаны выше, перед ст. 4—6. После ст. 6 написаны ст. 15—16, отделенные от предыдущего и последующего текста горизонтальными штрихами.

⁴ При дальнейшей правке слово: побранить осталось незачеркнутым. Выше над строкой отдельно написано и зачеркнуто слово: комар

- а. [В(?)]¹ И в пыль ( ) глупца не превратить
 б. И в грязь словом одним глупца не превратить²
- 15 а. Но шутку не могу придумать я другую
 б. А шутку не могу придумать я другую
- 16 а. Как только отослать³ его *** к хую
 б. Как только [отослать] (нрзб) Толсто(го) к хую
-
- 17—18 Так точно трусивший буян обиняком
 Решит в харчевне спор надежн(ым) кулаком
-
- 19—24 А Когда б еще я был рифмач миролюбивый
 [Н] Никем не знаемый, смиренный, молчаливый
- а. Начато: Не(нрзб)⁴
 б. ( ) добра союзник записной⁵
 Довольный изредко журнальной похвалой —
- Б Блажен Фирсей ( ) рифмач миролюбивый
- а. Никем не знаемый, покорный⁶, молчаливый
 б. Никем не знаемый, Парнасса гость учтивый
 в. Начато: Пред знатью, пред (начато нрзб)
 а. Начато: Смиренный(?)
 б. Как ( ) Ш(аликов)⁷ хвалебник записной
 в. Как ( ) Ш(аликов) любезник запи(сной)
 г. Как ( ) Ш(аликов) хвалебник запи(сной)
 д. ( ) добра хвалитель записной —⁸
 Довольный изредко журнальной похвалой —
- а. Начато: Или
 б. ( ) [покорн(ый)] смиренный лирик
 в. ( ) всегда учтивый лирик
 г. Невинный фабулист — или смиренный лирик
 а. Но Феб во гневе, мне ( ) будь сатир(ик)
 б. Но Феб во гневе мне промолвил будь сатир(ик)⁹

¹ Далее начата неразборчивая заглавная буква, тоже зачеркнутая.

² Этому варианту предшествовала отдельная запись на левом поле: в грязь его. Следующая далее сокращенная запись: А шут(ку) отсылает к ст. 15—16, записанным выше на листе, перед ст. 9. Ниже ст. 14 после отчерка отдельная запись: Комар .... зол

³ В слове: отослать допущена и исправлена описка.

⁴ Слово не было дописано.

⁵ Слово: записной вписано как найденная рифма к следующему стиху, возможно, не одновременно со словами: добра союзник

⁶ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: покорный осталось незачеркнутым.

⁷ Предположительная конъектура Т. Г. Зенгер (Дявловской) (Акад. Т. 2. С. 679).

⁸ Не полностью сохранившаяся запись на оборванном крае листа; от предшествующих вариантов, записанных здесь же, сохранились только отдельные слова: [(го)товый пламенеть] [И (начато нрзб)] [кот( )] [Союзник]

⁹ Работа над ст. 19—24 была продолжена после того, как в нижней половине листа был записан план послания (см. ниже, с. 393).

- В Блажен Фирсей < > рифмач миролюбивый
 а. *Начато*: Пред знатю
 б. < > услужливый учтивый¹
 < > добра хвалитель записной —
 Довольный изредко журнальной похвалой —
 Невинный фабулист — или смиренный лирик
 а. [Но Феб во гневе] мне промолвил будь сатир<ик>
 б. Иль мирных мертвецов < > сатирик²
 в. Иль давних мертвецов < > сатирик
 г. Или покойников < > сатирик³
- 25—26 а. С тех <пор> бесплодный жар в груди моей горит
 б. < > горит
 Браниться жажду я — рука моя свербит⁴ —
-
- 27—30 А < > пробежит —
 И рифму грозную невольно затвердит
- Б а. *Начато*: [Лукавый ум] Твой
 б. Едва лукавый ум твой поимает звуки
 Он рифму грозную невольно затвердит
- В Искусен<?>⁵ в хитростях насмешливой науки⁶
 Едва лукавый ум твой поимает звуки
 Он рифму грозную невольно затвердит
 И темной глупости прозвание затвердит⁷
- Г а. Знаток < > в хитростях насмешливой науки⁸
 б. *Начато*: [У] [Знаток] [Профессор и] [<нрзб>] Горч< ><?>⁹
 в. < > Фон Визина насмешливой нау<ки>!
 г. Профессор <нрзб> насмешливой нау<ки>!
 д. < > в <нрзб> насмешливой нау<ки>!

¹ Вариант, записанный отдельно в нижней половине листа.

² Этот и следующие варианты стиха записаны отдельно, в нижней части листа, в ином его развороте (корешком вниз), под планом послания.

³ Под строкой, возможно относящееся к работе над этим стихом отдельно записанное слово: именем<?>

⁴ В слове: свербит допущена описка: сербит

⁵ Выше неразборчивая карандашная запись, возможно, исправление к слову: Искусен<?>

⁶ Карандашный вариант.

⁷ Карандашный вариант. М. А. Цявловский считал слово: затвердит в этом стихе опиской и предложил конъектуру: прозвание <сохранит> (Асад. в 6 т. Т. 1. С. 708), принятую и в Акад. (Т. 2. С. 679). Возможно, однако, стих был записан как альтернативный предыдущему. Работа над ст. 27—30 была продолжена, после того как в нижней половине листа был записан план послания (см. ниже, с. 393).

⁸ ПРАВКА чернилами по предшествующему карандашному варианту. Последующие варианты стиха записаны отдельно, в нижней части листа, в ином его развороте (корешком вниз), под планом послания.

⁹ Чтение, предложенное Т. Г. Зенгер (Цявловской) в Акад. (Т. 2. С. 680): Горчак<?>

- е. Будь мне наставником насмешливой нау(ки)!¹
 Едва лукавый ум твой поимает звуки
 Он рифму грозную невольно затвердит
 И память темное прозвание затвердит²

- После 30 а. И глупость <   > хлестать умом —³
 б. <   > ее хлестать умом —
 в. *Начато:* И по мидасовым
 г. *Начато:* [Зоила] Казнить

Перебеленный автограф ст. 1—6
 (ПД 831, л. 36)

- 1 а. Поэт блистательный всегда замысловатый
 б. Блистательный поэт, остряк замысловатый
 в. Блистательный остряк, поэт замысловатый
 г. Язвительный поэт, остряк замысловатый
 2 а. И <   > и шутками богатый
 б. И смелой колкостью и шутками богатый
 в. *Начато:* И вольны <   >
 г. И блеском колких слов и мыслями богатый
 д. И блеском [колких(?)] <   > и шутками богатый
 3—6 а. Счастливый В(яземский)⁴ завидую тебе
 Ты право получил, благодаря судьбе
 Смеяться весело над Злобою ревнивой
 Невежество разить Анафемой игривой — —
 После 6 а. *Начато:* И глупость
 б. И во услышаньи мидасовым⁵ ушам
 в. [И во услышаньи мидасовы(х) ушей]

Набросок плана послания
 (ПД 38)

Поведай мне тайну смеха
 Я проклиная день(?) <   > я бешусь
 [Когда]
 Еще когда б я мог последо(вать) Измайлову, но я <нрзб>
 Блажен —

¹ Ниже отсылка к ст. 28—30, записанным в верхней половине листа: Едва

² Правка чернилами по предшествующему карандашному варианту.

³ Эта и последующие записи сделаны в нижней части листа, в ином его развороте (корешком вниз), под планом послания.

⁴ В автографе имя обозначено: В—

⁵ При дальнейшей правке окончание слова: мидасовым осталось неизменным.

〈Д. В. ДАВЫДОВУ〉

(«Певец-гусар, ты пел биваки...»)

(С. 120)

Первоначальный набросок

(ПД 831, л. 38)

Я слушаю тебя — и сердцем молодею,

- а. Пиров ( ) блистательный певец —
 б. Пиров и радости блистательный певец —¹

Основной автограф

(ПД 831, л. 38—38 об.)

- 1—4 А а. Ты пел вино, ты пел биваки
 б. [Д(авыдов)] Певец-гусар, ты пел биваки
 Любви ( ) красы,
 а. И пылкую забаву драки
 б. И грозную потеху драки
 в. И [〈начато нрзб〉] потеху драки
 д. И грозную потеху драки
 Б Певец-гусар, ты пел биваки
 а. ( ) воинственных пиров
 б. Начато: Пиры
 в. Начато: Ты
 г. Начато: Под сен(ью)〈?〉
 д. Раздолье ухарских пиров
 И грозную потеху драки
 И завитки своих усов —²
- 5—8 А а. [Ты] Во дни ( ) мира
 б. ( ) под сенью мира
 в. Твоя проказливая лира
 Бряцала радость и любовь
 И своевольная сатира
 Б а. Начато: С³ ( ) струн
 б. С веселых струн во дни покоя
 а. Походную стирая пыль
 б. Походную сдувая пыль
 Ты славил лирою 〈нрзб〉
 а. Начато: Любовь и д( )
 б. Любовь и мирную бутылъ —
 В С веселых струн во дни покоя
 Походную сдувая пыль

¹ Стих: Я слушаю тебя — и сердцем молодею остался незачеркнутым.² После этого стиха сделан горизонтальный отчерк, возможно указывающий на намеченное строфическое деление.³ Исправлено из первоначального: Со

- < > лиру < > настроя
 Ты славил мирную бутылку —
 Г С веселых струн во дни покоя
 Походную сдувая пыль
 Ты славил лиру перестроя
 а. Любовь и мирную бутылку —
 б. Досугов мирную бутылку —¹
- 9—12 А Я слушаю тебя и сердцем молодею —
 а. Мне < > глас страстей
 б. < > мне сладок глас страстей
 в. Во мне < > глас страстей
 И снова < > пламенею
 а. Воспоминаньем прежних лет²
 б. Воспоминаньем прежних дней
 Б Я слушаю тебя и сердцем молодею —
 а. Люблю язык восторгов <и> страстей
 б. < > веселья и страстей
 в. [М(не)] < > речей
 г. Люблю < > твоих речей
 д. [Мне] [Л(юблю)<?>] < > жар речей
 е. Мне сладок жар твоих речей³
 а. Я снова томно<?> пламенею
 б. Я в грусти томно<?> пламенею
 в. Печальный<?> томно<?> пламенею
 г. [С тоб< >] < > снова пламенею
 д. Печальный<?> снова пламенею
 Воспоминаньем прежних дней
- 13—16 А а. Ты пел любовь, ты пел измену —⁴
 б. Начато: Ты —
 в. Начато: [В] Любовь
 г. Начато: Ты пел
 д. Начато: Лелеял
 Б а. В < > северной пустыне,
 б. В печальной северной пустыне
 а. < > ты воспел⁵
 б. Разлуку < > ты пел

¹ Следующие далее ст. 9—12 выделены сверху и снизу горизонтальными отчерками, возможно указывающими на намеченное строфическое деление.

² Слово: лет — вероятно, случайная ошибка, сразу же исправленная.

³ В стих вошли ранее зачеркнутые слова, находящиеся в разных местах автографа: мне сладок (см. вариант А, «б») и твоих (см. вариант Б, «г»), поэтому он был повторен (записан по тексту фрагмента наискосок от левого поля).

⁴ Над строкой справа у края листа отдельно записанное слово: доньше — возможно записанное как найденная рифма, использованная в ходе дальнейшей работы над фрагментом.

⁵ В ходе дальнейшей работы над стихом слово было изменено на: пел (при этом буква: с случайно осталась незачеркнутой). Над строкой зачеркнутая неразборчивая правка; возможно: во<?>, т. е. отмененное восстановление слова: воспел. Указание на восстановление начала слова: воспел сделано также под строкой.

- в. Восторги <   > ты пел
 з. <   > воспел¹
 а. И <   > доныне...
 б. Где ни был но(?) тебя доныне...
    <   >
 17—20 А а. *Начато*: Я все люблю страстей²
 б. Люблю язык <   >страстей
 а. *Начато*: Как звуки родины³
 б. *Начато*: Пленительны мне⁴
 в. Его пленительны мне звуки
 з. Душе <   > звуки
 д. Его <   > звуки
    Приятны мне как глас друзей⁵
 а. Как после <   > разлуки
 б. Как <   > во дни разлуки
 Б Люблю язык <   >страстей
    Его <   > звуки
 а. *Начато*: Еще приятны мне
 б. *Начато*: Родной(?)
 в. *Начато*: В отчиз(не)
 з. <   > родных друзей
    [Как] Во дни печальные⁶ разлуки
 В а. *Начато*: От(вык)
 б. *Начато*: Я не отвык
 в. *Начато*: Отвы(к)
 з. *Начато*: Отвык от
 д. Я все(?) <   > для языка <   >
 е. Рассудок мой(?) <   > для языка⁷ <   >
 ж. *Начато*: Рассудок(?) мой(?) отвык(?)⁸
 з. *Начато*: Я может быть отвык <   >
 а. Люблю [пл< >(?)] простые(?) <   > звуки
 б. Но милы мне <   > звуки
 в. Но сладостны мне <   > звуки
 з. Его пленительные звуки
 д. Но милы мне его про(стые) (?) звуки
 а. *Начато*: Как родины

¹ Выше у левого поля листа, непонятно к чему точно относящаяся запись, также сделанная в ходе работы над фрагментом: [т( )(?)] любил(?)

² По-видимому, начало четырехстопного стиха.

³ По-видимому, начало шестистопного стиха.

⁴ По-видимому, начало четырехстопного стиха.

⁵ В ходе дальнейшей работы весь стих был вычеркнут, но перед этим над строкой исправлено окончание слова: Приятны на: Приятна. Возможно, это свидетельствует о существовании задуманного, но не опробованного варианта правки, предполагавшей замену слова: звуки в предыдущем стихе.

⁶ Возможно, исправлено из первоначального: печальныя

⁷ Слово: языка осталось незачеркнутым.

⁸ Чтение Т. Г. Зенгер (Цявловской) (Акад. Т. 2. С. 687).

- б. *Начато*: Как звуки(?)¹ родины
 в. Как звуки слов родных на чуждой стороне
 Во дни печальные разлуки
 [Но пожалей, счастливец обо мне]

«ЭЛЛЕФЕРИЯ, ПРЕД ТОБОЙ...»

(С. 121)

Автограф

(ПД 831, л. 34)²

- 1—4 А Гречанка, я люблю тебя
 Затмися³ красоты другие —
 Б а. Моя богиня! пред тобой
 б. Гречанка, прелесть! пред тобой
 в. Моя Гречанка, пред тобой
 з. Эллеферия, пред тобой
 Затмися прелести другие —
 а. *Начато*: Н(?)⁴
 б. <   > Навек я твой
 а. *Начато*: Мой
 б. <   > Навек, Эллеферия!
 В Эллеферия, пред тобой
 Затмися прелести другие —
 а. Я вечно твой дышу тобой,
 б. Я вечно твой горю тобой,
 в. Люблю <   > горю тобой,
 з. Горю тобой <   > тобой,⁵
 Я твой навек, Эллеферия!⁶
 Между 4 и 5 А Пускай иных⁷ пленяет блеск —
Начато: Придворной
 Б Пускай иных пленяет свет(?) —
 Придворный блеск <   > драгие —
 Милее мне Эллеферия
 В Пускай иных пленяет⁸ <   >

¹ Над словом: звуки(?) неразборчивая густо зачеркнутая поправка.

² Сверху на листе расположен черновой автограф заключительных стихов первой редакции стихотворения «Дионя», средняя часть занята рисунками. Работа над стихотворением начата в остававшейся свободной нижней трети листа.

³ Первая буква исправлена из первоначального: С

⁴ Буква не дописана.

⁵ После слов: Горю тобой намечена первая буква какого-то слова. В Акад. (Т. 2. С. 197) стих напечатан Т. Г. Зенгер (Дьяловской) с конъектурой и произвольным включением зачеркнутых слов из предыдущих слов текста: Горю тобой, я (?) [вечно] [твой]

⁶ Далее следует горизонтальный разделительный штрих. Работа была продолжена под ним на нижнем поле листа.

⁷ Возможно, было исправлено из первоначально начатого: пл(еняет)

⁸ Слово: пленяет было вычеркнуто и восстановлено.

- Придворный блеск ( ) драгие —
И ласки муз, и света шум —
Милее мне Эллеферия
Г Вычеркнуто.¹
- 5—8 А Люблю в ней пылкий резвый ум —
И голос ( ) внятен —
Б Ее страшит придворный шум —²
Столичный³ блеск ей неприятен
Люблю в ней пылкий ясный(?)⁴ ум —
И (нрзб) ( ) сердцу внятен —
В Ее пугает света шум
Придворный блеск ей неприятен⁵
Люблю в ней пылкий ясный(?) ум —
И сердцу глас ее⁶ понят(ен)
Г Ее пугает света шум
Придворный блеск ей неприятен
Люблю тв(ой) пылкий ясный(?) ум —
И сердцу голос т(вой) понят(ен)⁷
- 9—12 А Твоей⁸ ( ) красоте
Вредна холодная Россия —
Привыкнешь там
Б а. Со мною в мир(но)й темноте
б. На юге в мир(но)й темноте

¹ Работа над стихотворением была продолжена в верхней части листа над рисунками. Сначала на свободном месте у правого поля листа записан вариант А ст. 9—12; затем левее записаны ст. 5—8, частично между строк чернового автографа стихотворения «Дионея»; после на правом поле дорабатывались ст. 9—12 (вариант Б).

² В ходе дальнейшей работы слова: придворный шум — остались незачеркнутыми.

³ В ходе дальнейшей работы слово: Столичный осталось незачеркнутым.

⁴ Чтение П. О. Морозова (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 204); чтение Т. Г. Зенгер (Цявловской) (Акад. Т. 2. С. 197): правый(?)

⁵ Слова: пугает света шум и придворный блеск записаны на верхнем поле листа над черновым автографом стихотворения «Дионея».

⁶ Слово: ее при дальнейшей правке осталось незачеркнутым.

⁷ Правка на этом этапе работы не была проведена последовательно: замена местоимений третьего лица на второе была сделана Пушкиным только в ст. 7—8, тогда как в первых двух стихах фрагмента третье лицо оставлено без изменений. В Акад. (Т. 2. С. 197) ст. 5—6 напечатаны Т. Г. Зенгер (Цявловской) с редакторской конъектурой:

(Тебя) пугает света шум
Придворный блеск ( ) неприятен

Иное решение предложено в изданиях под редакцией М. А. Цявловского, начиная с КН по Асад. в 6 т. включительно: не учитывая последнюю незавершенную правку, сохранить во всех четырех стихах местоимения третьего лица. То же решение было принято и Б. В. Томашевским в изданиях Пушкин 1955 (С. 140) и Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 92).

⁸ В ходе дальнейшей работы слово: Твоей было вычеркнуто и повторено над строкой. Выше записаны отрывочные наброски, видимо относящиеся к работе над фрагментом: [Во] [Тебя] [востор(?)]

Живи со мной Эллеф(ерия)
 Твоей ( ) красоте
 Вредна холодная Россия —¹

МОЛДАВ(СКАЯ ПЕСНЯ)

(«Нас было два брата — мы вместе росли...»)

(С. 122)

Автограф
 (ПД 831, л. 51)

- Заглавие: Молдав( )²
- 1 Нас было два брата — мы вместе росли —
- 2 а. И в бедности жалкой
 б. Мы в нужде суровую младость вели — —
 в. И жалкую младость мы ( ) вели — —
 з. И жалкую младость в нужде провели
- 3 а. *Начато*: Но жажда
 б. Но [жаж( )] алчная страсть овладела душой
 в. Но алчная мысль(?) овладела душой
 з. Но алчная страсть ( ) душой
- 4 а. И вместе пошли мы на ( ) разбой
 б. И вместе мы выш(ли) на братский разбой
 в. И вместе мы выш(ли) на тайный разбой
 з. И вместе мы выш(ли) на первый разбой
- 5—6 А В степи ( )
 Ездок одинокий ( ) скакал
 Б а. Ездок одинокий в дубраве скакал
 б. К(упец) ( ) скакал
 В а. (Нрзб) ( ) при яркой луне
 б. Мы ночью напали при яркой луне
 в. Курган сереб(рил)ся при яс(ной) луне
 а. Ездок оробелый³ скакал на коне —
 б. Купец оробелый³ скакал на коне —⁴
- 7—8 А а. *Начато*: Я с брат(ом)
 б. Купца ( ) пронзив(?)
 И перво(ю)⁵ кровью кинжал обагрив

¹ Ниже фигурная скобка, — вероятно, знак окончания текста. Справа под скобкой неразборчивая зачеркнутая запись из трех или четырех слов (набросок стиха ?), по-видимому связанная с работой над стихотворением.

² Слово не дописано. Конъектура С. М. Бонди: Молдав(ская песня) (Асад. в 9 т. Т. 4. С. 510). Возможно, первоначально заглавие отсутствовало, вписано в ходе работы над стихотворением.

³ В автографе: обробелый

⁴ Далее в автографе шла работа над ст. 9—10; ст. 7—8 вписаны.

⁵ В автографе: первой

- Б Его мы настигли <   >
И перво<ю> кровью умыли¹ кинжал
- 9—10 а. Начато: И
б. Начато: И сердцу
в. Мы <   > к убийству привыкли потом
а. И стали в <   > ужасны кругом
б. И стали селеньям ужасны кругом

«НАПЕРСНИЦА МОИХ СЕРДЕЧНЫХ ДУМ...»

(С. 123)

Автограф

(ПД 830, л. 56 об.)

- 1—4 А Наперсница моих сердечны<х>² дум —
а. Начато: О ты, чей глас — приятный
б. О ты, чей глас — небрежный <и> приятный
в. О ты, чей глас — приятный <и> небрежный
г. О ты, чей глас — приятный³ <и> унылый
д. О ты, чей глас — унылый <и> при<ятный>
е. О ты, чей глас — прият<ный и небрежный>
Не в первый раз <   > ум —
И <   > страстей порыв⁴ мятежный
- Б Наперсница моих сердечны<х> дум —
О ты, чей глас — прият<ный и небрежный>
а. Развеселял <   > ум —
б. <   > утешал <   > ум —
в. <   > [печаль<ный>] мрачный ум —
г. <   > во мне <   > ум —
И <   > страстей порыв мятежный⁵
- В Наперсница моих сердечны<х> дум —
О ты, чей глас — прият<ный и небрежный>
Во мне <   > страстей порыв мятежный
И утешал <   > ум —
- Г Наперсница моих сердечны<х> дум —
О ты, чей глас — прият<ный и небрежный>
Смирал [<начато нрзб>⁶] <   > страстей порыв мятежный
а. Мог иногда <   > ум —
б. Мог утешать <   > ум —

¹ Исправлено из какого-то начатого другого слова.² В автографе с опиской: сердечный³ При последующей правке слово: приятный осталось незачеркнутым.⁴ В ходе дальнейшей работы над стихом слова: страстей порыв были зачеркнуты и восстановлены.⁵ Произведенная в следующем варианте перестановка ст. 3 и 4 в автографе не обозначена, она следует из перестановки союза И в начале стиха.⁶ Конъектура С. М. Бонди: п<орой><?>

Кто дал Д(авыдов)у¹ совет
 Оставить лавры, мирты, розы!
 20 Как мог унизиться до прозы
 Венчанный славою поэт
 Презрев и славу прежних лет
 И тени Б(урц)ова² угрозы!

Правка по первоначальному тексту автографа³

- 3 а. И хоть неясно понимал
 б. И даже ясно понимал
- 4 Его искусные доводы;
- 7—8 а. Но⁴ перевертывал листы
 И — признаюсь — роптал на Бога⁵
 б. И — признаюсь — роптал на Бога
 Но перевертывал листы
- 9—12 а. Я думал: Аполлона жрец
 Не сотвори себе⁶ кумира
 Перебесилась наконец
 Твоя проказливая лира —
 б. Я думал: < > Певец
 < >
 Перебесилась наконец
 Его проказливая лира —
 в. Я думал: нового Певец
 Не сотвори себе кумира
 Перебесилась наконец
 Твоя проказливая лира —
 г. Я думал: ветренный певец
 Не сотвори себе кумира
 Перебесилась наконец
 Твоя проказливая лира —
- Вм. 13—16 а. Он видно стал⁷ в угоду мира
 Благоразумный человек
 А муза присмирив навек
 Пошла в отставку без мундира⁸
 б. И видно присмирив навек

¹ В автографе: Д—у

² В автографе: Б — о в а

³ Нумерация стихов по первоначальному тексту.

⁴ Но сначала было написано поверх первоначального И, потом повторено над строкой.

⁵ Перестановка стихов в автографе не обозначена и, видимо, подразумевалась заменой союзов И и Но; вернувшись в ходе дальнейшей работы к первоначальному порядку стихов, Пушкин поставил около них цифры: 1) и 2)

⁶ Слово: себе по ошибке написано дважды.

⁷ При дальнейшей правке слова: Он видно и стал зачеркивались порознь.

⁸ Перестановка стихов, впоследствии отмененная, могла быть сделана непосредственно по ходу письма; во всяком случае она, по-видимому, предшествовала правке в ст. 9—12, когда в ст. 12 появилось местоимение: Твоя

- Ты <   > в угоду мира
 Благоразумный человек
- 17 О горе молвил я сквозь слезы
- 19 Оставить лавр, оставить розы
- 21 Венчанный музою поэт
- 23 И Б <урц> о в ой души угрозы!
- После 23 А а. Сия <?> разгневанная тень
 б. Его прогневанная тень
 а. Сама явилась предо мною
 б. Сама явилась пред очами
 а. *Начато:* Имея
 б. *Начато:* Она
 в. <   > кивер набекрень
 <   > ментик за <   >
- Б а. Его прогневанную тень
 б. Его растрепанную тень
 а. Я видел <   > пред собою
 б. Я вдруг <   > пред собою
 а. <   > ментик <   >
 б. *Начато:* Имея
 в. *Начато:* Она
 г. <   > ментик за спино<ю>¹
 д. Блестящий ментик за спино<ю>²
 е. Жестокий ментик за сп<иною>
 а. И кивер зверски набекрень
 б. [Небреж<но>] И чудо кивер набекрень
 в. И кивер чудо набекрень
- В а. Его растрепанную тень
 Я вдруг <   > пред собою
 а. Пьяна как в <   > смертный день³
 б. Пьяна — как в самый смерти день
 а. *Начато:* Пья<на>⁴
 б. Столбом усы, виски горою
 Жестокий ментик за сп<иною>
 И кивер чудо набекрень
- Г а. И вдруг растр<епанную> те<нь>⁵

¹ В автографе ошибочно: за спиной

² Вариант остался незачеркнутым; вариант «е» записан отдельно, ниже следующего стиха.

³ Этот и следующий стихи записаны отдельно ниже на листе, место их вставки перед стихом: Жестокий ментик за сп<иною> обозначено сделанной под ними пометой: Жест<окий>

⁴ Вероятно, случайная ошибка.

⁵ Первые два стиха фрагмента в варианте Г дорабатывались под текстом, ниже на листе.

- а. Увидел прямо пред собою
 б. Я вижу прямо пред собою
 Пьяна — как в самый смерти день
 Столбом усы, виски горою
 Жестокий ментик за сп(иною)
 И кивер чудо набекрень

«МОЙ ДРУГ, УЖЕ ТРИ ДНЯ...»

(С. 125)

Автограф

(ПД 832, л. 7)

- 1—4 А а. *Начато:* Уже три дня
 б. Уже прошло три дня
 Как ( ) под
 Б Мой друг уже три дня
 Сижу я¹ под (а)рестом²
 И не видался я
 а. Еще с моим Орестом
 б. Давно с моим Орестом
 5—8 А Смиренный Иоанн
 Бахметьева наместник
 Хранитель молдаван
 Законов провозвестник
 Б Спаситель молдаван
 Бахметьева наместник
 Законов провозвестник
 Смиренный Иоанн
 Между 8 и 9 А Поставя ни во что
 Что я Волтера крестник
 Б а. *Начато:* Забыв³ мой
 б. *Начато:* Презрев
 в. Забыв (мой) род и сан
 г. Забыв (мой) светлый сан
 И что я Феба крестник
 В Забыв мой светлый сан
 (Я муз и Феба крестник)
 Г *Вычеркнуто.*
 9—14 А За то что яцкий пан
 Побит немножко мною
 ( ) болван

¹ Местоимение: я вписано.

² В автографе с опиской: орестом

³ В ходе работы над стихом слово: Забыв было зачеркнуто и восстановлено.

- Б   За то что ясский пан
          ⟨   ⟩ болван
          Под шалеовой чалмою
- В   За то что ясский пан
          Известный нам болван
          Мазуркою,¹ чалмою
- а.   И глупой бородою —
б.   Несносной бородою —
а.   И трус и грубиан —
б.   Подлец и грубиан —
в.   ⟨Нрзб⟩ грубиан —
г.   И трус и грубиан —
          Побит немножко мною
- 15—18 А   За то что я пугнул —
а.   *Начато*: Орду бояр
б.   Бояр орду тревогой
          Ко мне ⟨   ⟩ строгий
          Приставил караул
- Б   За то что их пугнул
          Нежданной ⟨   ⟩ тревогой
          Ко мне ⟨   ⟩ строгий
          Приставил караул
- В   И что бояр пугнул
          Я ново⟨ю⟩ тревогой
- а.   К моей канурке строгий
б.   К моей ⟨   ⟩ строгий
в.   ⟨   ⟩ строгий
          Приставил караул²
- 19   а.   Невинною³ игрою —
          б.   Невинной суеты⟨?⟩
- 20   а.   А именно — мараю
          б.   А именно — рисую
          в.   А именно — мараю
- 21   а.   *Начато*: Бумаж⟨ ⟩⟨?⟩
          б.   Небрежные черты
- 22—27 А   Пишу карикатуры
а.   Порою ⟨   ⟩ лиц
б.   [⟨Нрзб⟩] ⟨   ⟩ молдавских лиц
          ⟨   ⟩ фигуры
- Б   Пишу карикатуры
          ⟨   ⟩ брадатых лиц
          ⟨   ⟩ фигуры
- В а.   ⟨Нрзб⟩ фигуры

¹ Исправлено из первоначального: Мазуркой

² Далее недостает от двух до пяти стихов, работа над которыми шла на утраченной части листа.

³ Исправлено из первоначального: Невинной

- б. Восточные фигуры
 а. Жем(анных)<?> кукониц
 б. Кукон(ов) кукониц¹
 Пишу карикатуры!
 Г Пишу карикатуры
 а. Знакомых < > лиц
 б. Душе<?> знакомых лиц
 в. Знакомых столько лиц
 а. Тяжелые фигуры
 б. Восточные фигуры
 а. Куконов, кукониц,
 б. Ебливых кукониц,
 И их мужей рогатых
 а. Обритых, бородатых!
 б. Обритых и брадатых!

«ВНЕМЛИ, О ГЕЛИОС, СЕРЕБРЯНЫМ ЛУКОМ ЗВЕНЯЩИЙ...»

(С. 126)

Автограф

(ПД 832, л. 37—38)

- 1 а. Боже Кларосский < >, серебряный лук < >
 б. О Гелиос-Аполлон, серебряным луком звенящий
 в. Внемли о Гелиос, серебряным луком звенящий
 2 а. Внемли, о боже Кларосский², молению старца, погибнет
 б. Внемли, боже Кларосский, молению старца, погибнет
 3 а. Бедный слепец, если ты да ему не предыдешь, < >
 б. Ныне слепец, если ты ему не предыдешь, < >
 в. Ныне ежели ты не предыдешь слепому, < >
 г. Ныне он ежели ты не предыдешь слепому вожатым
 д. Ныне ежели ты не предыдешь слепому вожатым
 4—6 А Рек и садился на камне³ слепец утомленный — за старцем
 Шли три пастыря, дети страны той пустынной, < >
 Б а. Рек и воссел на камне слепец утомленный — но следом
 б. Рек и сел на камне слепец утомленный — но следом
 а. Шли за ним [*начато нрзб*] < >, дети страны той
 пустынной,
 б. Три пастуха шли за ним < > страны той пустынной,
 Лаем собак привлеченны, стерег<ших><?> < >
 В Рек и сел на камне слепец утомленный — но следом

¹ Этот вариант, записанный на правом поле листа, при дальнейшей работе над фрагментом остался незачеркнутым и был повторен ниже на листе.

² Слова: боже Кларосский написаны скорописью, в одно слово, с пропуском букв.

³ Слово записано скорописью с пропуском букв.

- Три пастуха за ним дети страны той пустынной
- а. Шли, сбежавшись на лай [сте⟨ ⟩⟨?⟩] их собак стада стерегущих
- б. Скоро¹ сбежались на лай собак их стада стерегущих
- 7 а. Ярость уняв их, они защитили бессильного старца
- б. Ярость уняв их, они защитили бессилие старца
- 8 а. Издали внемля ему², приближались; и молвили: кто же
- б. Издали внемля ему, приближались; и думали: кто же
- 9 а. *Начато:* Старец
- б. *Начато:* Сей белоглавый старик, слепой
- в. Сей белоглавый старик, одинокий слепец — уж не бог ли?³
- г. Сей белоглавый старик, одинокий, слепой — уж не бог ли?³
- 10—11 А а. Горд³ и высок он. Висит — на поясе бедном простая
- б. Видом ⟨ ⟩ и высок. Висит — на поясе бедном простая
- в. Горд и высок. Висит — на поясе бедном простая
- а. Лира, и голос его [в⟨?⟩⁴] струит и ⟨ ⟩
- б. Лира, и гласа его чудесные звуки ⟨ ⟩
- в. Лира, и гласа его звуки чудесные [дви⟨ ⟩] движут
Небо и волны ⟨ ⟩
- Б Горд и высок. Висит — на поясе бедном простая
- а. Лира, и голос его двигает волны ⟨ ⟩
- б. Лира, и голос его возмущает волны и небо
- 12 а. Вот их шаги он услышал, ухо склоняет в надежде
- б. Вот их шаги он услышал, ухо он клонит с⟨?⟩ надежд⟨ой⟩⁵
- в. Вот шаги он услышал, ухо он клонит и смут⟨ ⟩⟨?⟩
- г. Вот шаги он услышал, ухо он клонит и смутен
- д. Вот шаги он услышал, ухо клонит и смутясь уж
- 13 а. Руки простер для⁶ моления — не бойся странник несчастн⟨ый⟩
- б. Руки простер для моления — странник несчастн⟨ый⟩ не бойся
- 14 а. *Начато:* Если ж однако не скрыл ты в⁷ т⟨ ⟩
- б. Если ж однако не скрыл ты в земном и стареющем теле
- в. Коль⁸ однако не скрыл ты в земном и дряхлеющем теле
- г. Коли только не скрыт в земном и дряхлеющем теле
- 15 а. *Начато:* Бог покровитель!
- б. *Начато:* Некий бог покровитель; старости
- в. *Начато:* Некий бог покровитель; величава в тебе
- г. *Начато:* Некий бог — Такова
- д. *Начато:* Некий бог — величава
- е. *Начато:* Некий бог покровитель; такова
- ж. *Начато:* Некий бог покровитель; старости

¹ Выше зачеркнутое слово: Скоро⟨?⟩

² Слово: ему вписано над строкой.

³ Возможно, в слове допущена описка: Горды; возможно, не переправлено из первоначально начатого: Горды⟨й⟩

⁴ Буква не дописана.

⁵ Видимо, начатая и сразу отмененная правка; слово: надежде осталось неизменным.

⁶ Исправлено из первоначального: на

⁷ Предлог в исправлен из начатого: к⟨?⟩

⁸ Вероятно, исправлено из первоначального: Коли

- з. *Начато*: Некий бог покровитель Греци⟨и⟩¹
 и. *Начато*: Некий бог покровитель такова⟨?⟩ ⟨нрзб⟩
 к. Некий Бог покровитель зане² величаяя прелесть
 л. Бог покровитель Греции столь величаяя прелесть
 16 а. *Начато*: Старости
 б. Старость твою украшает — вещали пастыри ⟨   ⟩
 в. Старость твою украшает — вещали они — если ж⟨?⟩ только⟨?⟩
 з. Старость твою украшает — вещали они незнакомцу
 17 а. Если ж ты смертный — то знай — здесь люди к несчастны⟨м⟩
 б. Если ж ты смертный — то знай — ты ⟨   ⟩
 в. Если ж ты смертный — то знай — принесли ⟨   ⟩
 з. Если ж ты смертный — то знай — принесен ты волнами ⟨   ⟩
 д. Если ж ты смертный — то знай — что волны тебя ⟨   ⟩
 18 К людям ⟨   ⟩ богов, [дружелюбным] ⟨   ⟩

«АКТЕОН»

(С. 127)

(I. ПЛАН)

Первоначальные варианты автографа
(ПД 263)

Заглавие

Отсутствует.³После: Диана начато: пр.⟨?⟩⁴

Актеон это узнает ~ не спит — / Актеон это видит не спит —

После: в источнике стоит знак концовки — перевернутая фигурная скобка.⁵séduit Théone Naiade / séduit Théone⁶

(II. СТИХОТВОРНЫЙ ОТРЫВОК)

Автограф

(ПД 831, л. 56 об.)

- 1—3 А а. *Начато*: В ле⟨сах⟩
 б. В лесах Гаргафии счастливой
 За ланью быстрой боязливой
 Стремился юный Актеон. —
 С утра до ночи молчаливой
 а. *Начато*: Напрасно напря⟨   ⟩

¹ В автографе слово оба раза (см. также ниже вариант «л») написано с ошибкой: Греций

² Слово: зане было вычеркнуто и восстановлено.

³ Вписано позднее другими пером и чернилами.

⁴ Запись взята в скобки и оставлена незачеркнутой.

⁵ Ниже нее зачеркнутая запись: [Кои]

⁶ Слово: Naiade вписано позднее теми же пером и чернилами, что и заглавие.

- б. *Начато:* За нею
 в. Вотще за нею гнался он
 з. За ней напра(сно) гнался он
 Б В лесах Гаргафии счастливой
 а. Вотще за ланью боязливой
 б. За ланью быстрой и пугливой
 а. Стремился долго Актеон. —
 б. Стремился юный Актеон. —
 в. Стремился долго Актеон. —
 4—7 А а. ( ) уже Диана
 б. Уже сребристая Диана
 Идет
 Б а. Уже на темный небоскл(он)
 б. Уже на тихий небоскл(он)
 а. Взошла ( ) Диана
 б. Восходит¹ бледная Диана
 а. [(*Нрзб*)] ( ) вынул о(н)
 б. И в сумраке пускает он
 а. Стрелу последнюю колчана —
 б. Последнюю стрелу колчана —

⟨БОВА⟩

(С. 128)

⟨I. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ⟩

⟨1⟩

Автограф ПД 265

[Бова в конюшне —] Зензевей осажден — Маркобруном — Бова слышит и едет ночью дерется с воинами — с Лукапером и возвращается;² раненый приезжает — рассказывает свою историю — смерть Гвидона — темницу — [ца( )] любовницу — побег, взятие его разбойник(ами) — продан [Маркобруну] Зензевею — на другую ночь она его сажает на коня — он [ее любовник] разбивает войско — [по наущ(ению)] Зензевей по наущению посылает его к Маркобруну — он обокраден волшебником — [освобождает Булата-молдца] приезжает к Маркобруну — [Д] Мельчигрея влюбляется в него(?) предлагает руку — Бова в темнице — находит меч к нему [по( )] посылают палача он его убивает и [посылае(т)] выходит вон — за ним погоня — он с Полканом разбивает ее — [находит коня] Булат рассказывает ему сказки — Маркобрун в отсутствие осаждает город и берет в плен Дружневну.³ Бова на море разбойничает — находит пилигрима который отдает ему коня и 3 зели(я) — приезжает в царство Зензевея оно разорено — едет к себе убивает

¹ Первоначально слово: Восходит в автографе было дважды записано и зачеркнуто.

² Далее в автографе первоначально следовал фрагмент: на другую ночь ~ разбивает войско; он взят в скобки и условным обозначением перенесен ниже, после фрагмента: раненый приезжает ~ продан Зензевею —

³ Фрагмент: разбивает ее ~ берет в плен Дружневну отчеркнут по левому полю.

⟨2⟩

Автограф ПД 264

Бова на престоле отца своего.¹

Осада — ночь на башне — бой; жених убит — невеста влюбляется, [он⟨?⟩] Бова проводит ночь у нее открывает свою историю. [уз⟨ ⟩⟨?⟩] Царь узнает и высы-
 лает вон Бову² — Бова едет вон из государства (освобождает — разб⟨ойника⟩
 3 службы) — — старец пилигрим обкрадывает его спящего³ — на границах б. ж. у.⁴
 воины его находят, приводят царю — Бова в темнице, царевна его ободряет — он
 ее презирает — (она чародейка, старец дух ею подосланный). Бова осужден на
 смерть — 1 служба. Он видит корабль и едет к себе — буря корабль разрушен
 2 служба⁵ — приезжает убивает Дадона. Едет к невесте находит пилигрима берет
 у него 3 зелья. По ск⟨азке⟩.

Бова Дружневна —⁶
 Сувор
 Милетриса
 Дадон
 Гвидон —
 Мельчигрея

⟨3⟩

Автограф

(ПД 832, л. 31—33)

Le plus ancien des poèmes romantiques est: *Buovo d'Antona nel qual si tratta delle gran battaglie⁷ e fatti⁸ che lui fece, con la sua morte etc in ottava rima, 1489 Venezia.*

Le héros⁹ est *Beuves d'Antone* descendant de Constantin, et bisaïeul de Milon d'Anglante, père de Roland. Brandonie, mère de Beuves fait assassiner Guidon son mari, duc

¹ Под текстом отчерк, далее рисунки (верх башни с зубцами и флагом, фигура рыцаря со щитом в шлеме, латы) и в правой части листа записи:

Rouslane et Ludmilla
 [Услава]
 [Б] [⟨Нрзб⟩да]
 Руслан

Ниже после отчерка продолжены записи, относящиеся к замыслу о Бове.

² Над словами: высылает вон Бову зачеркнутая запись: на смерть осуждает

³ Слово: спящего вписано.

⁴ М. К. Азадовский читал сокращенную запись как: б. ж. у. и расшифровывал ее предположительно: бывшего женихова царства (см.: КН. Т. 3. С. 263). Такое чтение продержалось во всех собраниях до Акад. Чтение, предложенное Н. В. Измайловым в Акад. (Т. 5. С. 155): б⟨ывшего⟩⟨?⟩ ж⟨енихова⟩⟨?⟩ у⟨дела⟩⟨?⟩

⁵ Слова: буря ~ 2 служба вписаны.

⁶ Строка вписана.

⁷ Первоначально было: grand battaglie

⁸ Первоначально было: fetti

⁹ В автографе: heros

d'Antone, par Dudon de Mayence qu'elle épouse. Le jeune Beuves s'enfuit sous la conduite de Sinibalde, son père nourricier et de Thierry son fils — il tombe, Dudon l'enlève¹; le reste comme dans le conte russe.

Beuves, à la cour du roi d'Arménie² devient amoureux de Drusiane (—) un tournoi est ouvert — Beuves est vainqueur de ses rivaux — un fils du soudan de Boldraque attaque le roi d'Arménie, le fait prisonnier — mais Beuves le replace sur le trône et tue le fils du s(oudan) (—) ne pouvant obtenir Drusiane il fuit avec elle — après grand nombre d'aventures Drusiane accouche de deux jumeaux et suit son époux — ils rencontrent enfin Thierry et sa troupe — retourne à Antone, blesse dans un combat Dudon puis se présente au palais déguisé en médecin, tire de dessous sa robe son épée — et le force à fuir (pourquoi ne pas le tuer?) (—) en attendant il fait murer sa mère à l'exception³ de la tête (—) elle meurt un an après — Beuves la fit ensevelir richement dit le poète. — Dudon réfugié chez Pepin — Beuves le poursuit tue les mayençois, prend le roi Pepin tue le traître⁴ Dudon, le fait écarteler⁵, et remet Pepin sur le trône — pendant cette guerre le roi le prenant pour un diable envoie⁶ son chapelain pour l'exorciser; Beuves le poursuit à coups⁷ de paumeau d'épée — et lui démontre⁸ qu'il est fait de chair et d'os.

Beuves, en Sardaigne se bat encore contre les Sarrasins — il en tue une partie et convertit l'autre — en attendant Antone est assiégé⁹ — Beuves fait lever le siège¹⁰ et ensuite celui de Paris — de là il passe en Hongrie tue et baptise (toujours les Sarrasins).

Il revient enfin à Antone après d'autres grandes aventures en Europe et en Asie — mais il perd Drusiane, et lui même est assassiné dans une église¹¹ par un assassin, soudoyé par Raymond de Mayence — ancêtre de Ganelon —

Qu'est-ce qu'Antone? Le roman des *Reali di Francia* la place en Angleterre, près de Londres et dit qu'elle fut fondée par *Bovet*, aïeul de *Бова* (c'est probable) il paroît par un passage de l'Arioste qu'Antone étoit un port de mer¹² en Angleterre — le poème fut composé quelque temps avant 1348, époque où mourut l'historien Villani qui en fait mention (donc le conte est de la¹³ 1-re moitié du 14-me siècle)

(extrait de *Gi(n)guené*)¹⁴

¹ В автографе: l'enleve

² В автографе здесь и далее: Армения

³ В автографе: а l'exception

⁴ В автографе: traître

⁵ В автографе: ecarteler

⁶ В автографе: envoie

⁷ В автографе: а coups

⁸ В автографе: demontre

⁹ В автографе: assiegé

¹⁰ В автографе: siege

¹¹ В автографе: eglise

¹² Первоначально с ошибкой: mère

¹³ Первоначально было: donc dans la

¹⁴ Перевод:

Самой старой из романтических поэм является: «Буово из Антоны, где говорится о больших битвах, в коих он участвовал, и деяниях, им совершенных, вместе с его смертью и проч. в рифмованных октавах, 1489 Венеция».

Герой ее — Бёв из Антоны, потомок Константина и прадед Милона Англандского, отца Роланда. Брандония, мать Бёва, заставляет Дюдона Майнцского убить мужа ее, Гидона, герцога Антоны, и выходит за Дюдона замуж. Молодой Бёв бежит, руководимый Синнибалдом, мужем своей кормилицы, и сыном последнего — Тьерри. Он падает и попадает в руки Дюдона; остальное как в русской сказке.

⟨II. ВАРИАНТЫ НАЧАЛА СКАЗКИ⟩

(1)

Автограф
(ПД 832, л. 33 об.)

- А а. В Армении, в палаты Зензевея
 б. Во светлые палаты Зензевея
 в. В веселые палаты Зензевея
 а. Съезжаются могучие цари
 б. Съезжались могучие цари
 в. Съезжаются могучие цари
 Царевичи, князья, богатыри —
 Армянский царь их ласково встречает
 За ⟨   ⟩ столы свои сажает
 а. И шум и гром и ровно сорок дней —
 б. [Зардел⟨ся⟩⟨?⟩] И пир горой и ровно сорок дней —
 в. И пир горой и добрый Зензевей
 Три дня поит ⟨   ⟩ гостей
- Б Пред теремом грузинского владыки
 Съезжаются могучие цари
 Царевичи, князья, богатыри —
 Грузинский царь их ласково встречает
 За ⟨   ⟩ столы свои сажает

Бёв при дворе армянского царя влюбляется в Друзиану. Объявляется турнир. Бёв — победитель своих соперников. Сын султана Болдракского нападает на царя армянского и берет его в плен, но Бёв возвращает ему престол и убивает сына султана. Не имея возможности добиться Друзианы, он бежит с ней. После целого ряда приключений Друзиана родит близнецов и следует за своим супругом. Наконец они встречаются Тьерри и его отряд. Возвращается в Антону. Ранит в сражении Дюдона, затем является во дворец, переодетый врачом, обнажает выхваченный из-под платья меч и обращает его в бегство (почему не убить его?). Тем временем он замуровывает свою мать, оставив ей свободной одну голову; она умирает год спустя. Бёв богато ее похоронил, говорит поэт. Дюдон, укрывающийся у Пипина, Бёв преследует его, убивает жителей Майнца, захватывает короля Пипина, убивает предателя Дюдона, велит его четвертовать и возвращает Пипину престол. Во время этой войны король, принимая Бёва за черта, посылает своего капеллана, чтобы изгнать из него духа. Бёв преследует капеллана ударами рукоятки меча и доказывает ему, что сделан из плоти и костей.

В Сардинии Бёв сражается еще против сарацинов. Часть их он убивает, часть обращает в христианство. Тем временем Антона подвергается осаде. Бёв заставляет снять осаду, а затем и осаду с Парижа. Оттуда он переходит в Венгрию, убивает и крестит (все сарацинов).

Он возвращается наконец в Антону после новых больших приключений в Европе и Азии. Но он теряет Друзиану, сам же он убит в церкви убийцей, подкупленным Раймондом Майнцским, предком Ганелона.

Что такое Антона? Роман «Реали ди Франчия» помещает ее в Англию, близ Лондона, и говорит, что она была основана Б о в е, предком Б о в ы (это вероятно). Судя по одному отрывку из Ариоста, Антона была морским портом в Англии. Поэма сочинена немного ранее 1348 года, когда умер историк Виллани, который ее упоминает (таким образом сказка относится к 1-й половине 14 века)

(извлечение из Женгена) (фр.).

- а. *Начато:* И сорок дней
 б. И пир горой и ровно сорок дней
 <   > царь поит своих гостей
- В а. *Начато:* Народ кипит
 б. Народа <   > шум и клики
 в. Народа <   > торжественные клики
 з. Народ ки<пит> гремят народны клики
 Пред теремом грузинского владыки
 Съезжаются могучие цари
 Царевичи, князья, богатыри —
 Царь Зензевей их ласково встречая
 За пышные столы свои сажая
 Готовит пир — и ровно 40 дней
- Г Народ ки<пит> гремят народны клики
 Пред теремом грузинского владыки
 Съезжаются могучие цари
 Царевичи, князья, богатыри —
 [Царь Зензевей] их ласково встречает
- а. За пышные столы свои сажает
 б. [Сажает их] <   >
 Готовит пир — и ровно 40 дней
 Своих гостей он пы<шно><?> угощ<ает> —
- Д Зачеркнуто.

Наброски к переработке фрагмента

Они шатры <   >
 <   >
 И с ними добрый Зензевей
 Пирует ровно 40 дней —

<2>

Черновой автограф
 (ПД 832, л. 17 об.)

- А а. Зачем война <   > гремит
 б. Зачем оружие гремит
 Во славном царстве Зензевей²
- а. *Начато:* Зачем армянский конь
 б. *Начато:* Зачем ретивый конь
 в. Зачем <   > свирепея
- а. *Начато:* Храп<ит>
 б. <   > армянский конь храпит
- Б а. Зачем войны раздался гром
 б. Зачем оружие гремит
 в. Зачем раздался гром войны
 Во славном царстве Зензевей
 Поля и села зажжены —

- Я знал любовь —
 В Я дружбу знал — и жизни молодой
 Ей отдал ветреные годы
 И верил ей за чашей круговой¹
 В часы веселий и свободы —
- 9—12 А а. *Начато:* Я знал любовь, не
 б. Я знал любовь, прелестную мечту —
 Ума и сердца упоенье
 а. *Начато:* Боготво(рил ?)
 б. ( ) и красоту
 Б а. Я знал любовь, не странную мечту
 б. Я знал любовь, не мрачную мечту
 в. Я знал любовь не мрачной ( )
 г. Я знал любовь не томною(?) мечтой —
 а. Ума и сердца упоеньем
 б. *Начато:* Но легкой жизни ( )
 в. *Начато:* Прелест(ной) жизни ( )
 В Я знал любовь не мрачную мечтой —
 а. *Начато:* Не долгим тягостным
 б. *Начато:* Не долгим тяж(ким)
 в. Не томным(?) тягостным волн(еньем)
 г. Не тяж(ким) томным(?) заблужд(еньем)
 Я знал любовь веселой суетой
 Прелестной жизни упоеньем —
 Г Я знал любовь не мрачную ( )
 Не безнадежным заблужд(еньем)
 Я знал любовь прелестною меч(той)
 а. ( ) жизни упоеньем —
 б. Очарованьем упоеньем —²

*План продолжения стихотворения
 (ПД 831, л. 57)*

Муз —
 Ко всему была охо(та)(?)
 Ко всему охладел
 Ветреный³ я стал бесчув(ствен)(?)

¹ Первая буква в слове: круговой исправлена из первоначального: з(?)

² Ниже после знака строфического деления # в правой трети страницы записан план продолжения стихотворения, левые две трети оставлены пустыми.

³ Слово: ветреный вписано над строкой.

Теперь пою утрату
И это смешно —¹
Как мертвец я(?) охладел(?)²
Хочу возобновить дружбу
любовь
труды [не могу]³

- 13—16 А Я знал ( )
Я знал — ( ) и вдохновенье
И полноту кипучих⁴ ( ) дум —
Б а. ( ) пиров ( ) блеск и шум —
б. Младых пиров оставя блеск и шум —
в. Младых бесед оставя блеск и шум —
Я знал и труд и вдохновенье
И сладостно мне было [пылких] жарких дум —
Уединенное волненье —⁵

¹ Эта и предыдущая строки объединены фигурной скобкой по левому краю — знак переноса в другое место или перестановки с соседними записями; место переноса не обозначено.

² Строка вписана между строками: Хочу возобновить дружбу и любовь; по левому краю отчеркнута, что должно обозначать ее перестановку; место переноса не обозначено.

³ Поскольку места переносов отчеркнутых строк во второй части плана в автографе не обозначены, план допускает разную интерпретацию. В настоящем издании принята последовательность строк, предложенная И. Н. Медведевой в Акад. (Т. 2. С. 778). В Акад., однако, не оговорена фигурная скобка, объединяющая две строки плана, следующие после отчерка. Можно предположить, что она обозначает перенос их в конец плана. Ср. композицию этого фрагмента, предложенную С. А. Фомичевым:

Хочу возобновить дружбу
любовь
труды не могу
Как мертвец я охладел
Теперь пою утраты (sic)
и это смешно

(Неизданный Пушкин.
Вып. 1. С. 32).

По мнению В. Д. Рака, поскольку пункты: Ко всему охладел и Как мертвец я(?) охладел(?) явно повторяют друг друга, помета около второго из них могла означать какую-то перестановку с целью исключить это дублирование (Рак В. Д. О тексте пушкинского послания «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» // Рак 2003. С. 188). Предположение В. Д. Рака (см.: Там же), что Пушкин записал план двух следующих строф, разделив их между собой отчеркиванием, не очевидно. Вполне возможно рассматривать вторую часть плана не как продолжение первой, а как альтернативную ей.

⁴ По-видимому, исправлено из начатого: кипя(щих)

⁵ Далее в нижней части л. 57 записаны ст. 21—24 (вариант А), составлявшие, таким образом, первоначально пятую строфу стихотворения. Дальнейшей работе, продолженной на л. 57 об., вероятно, предшествовала отдельная запись набросков трех строф на л. 36 об.

- Б а. Я обнажил [пленитель(ный)] < > кумир
 б. Но обнажив < > кумир
 в. Я обнажив < > кумир
 г. В них обнажив < > кумир
 д. Разоблачил [пл( )(?)] < > кумир
 е. Я < > разоблачил кумир
 Я вижу призрак безобразный
 Но что ж теперь тревожит холодный мир
 Души бесчувственной и праздной
 Красы лаис, заветные пиры
 И клики радости безумной,
 И мирных муз минутные дары —
 И лепетанье славы шумной

- А Любил я жизнь и славу и любовь —
 а. И < > дружбе верил —
 б. И многому на свете верил —
 Б Любил < >¹ и славу и любовь —
 И многому я в жизни верил —
 а. *Начато:* И долго
 б. *Начато:* Мечты прошли
 в. Когда еще кипела в сердце кровь
 г. Тогда еще кипела в сердце кровь
 а. И сам с собой² я лицемерил
 б. Я сам с собо(ю) лицемерил
 В Любил < > и славу и любовь —
 И многому я в жизни верил —
 < >

(3)

Продолжение основного автографа первого фрагмента (ст. 1—24)
 (ПД 831, л. 57—57 об.)

- 17—20 А И жизнь и свет и дружбу и любовь³
 В их нагоде теперь я вижу —
 Прошли мечты! — остыла в сердце кровь

¹ Над зачеркнутым словом: жизнь начато и зачеркнуто неразборчивое начало слова.

² В ходе дальнейшей правки при замене начального И на Я слово: собой осталось неизменным.

³ Ст. 17—20 и 21—24 (следующие две строфы) первоначально были записаны в другой последовательности: после четвертой строфы (ст. 13—16): Младых пиров оставя блеск и шум ~ Уединенное волненье внизу л. 57 Пушкин записал пятую строфу: Свою печать утрат(ил) резвый нрав ~ В ключах кавказских каменеет — (ст. 21—24), а далее, на обороте листа, следующую, шестую, строфу: И жизнь и свет и дружбу и любовь ~ Чего

Чего искал, то ненавижу:¹
Разоблачив пленительный кумир
Я вижу

- Б Но все прошло — остыла в сердце кровь
В их нагоде я ныне вижу —
И свет и жизнь и дружбу и любовь
- а. Угрюмый Опыт ненавижу —
  - б. И мрачный опыт ненавижу —
  - в. И ранний опыт ненавижу —
  - г. И мрачный опыт ненавижу —

21—24 А Не знаю слез — хладеет² пылкий нрав —
Душа час от часу немеет;

Так³ легкий лист дубравный < >

В ключах кавказских каменеет —

- Б а. [Пе< >] Свою печать утратил пылкий нрав —
б. Свою печать теряет пылкий нрав —
в. Свою печать утрат(ил) резвый нрав —
Душа час от часу немеет;
- а. Не знаю слез⁴ — так нежный лист дубрав
  - б. В ней чувства нет — так легкий лист дубрав
  - в. В ней чувств уж нет — так легкий лист дубрав
- В ключах кавказских каменеет —

После 24

- а. Начато: Как
- б. Как [<начато нрзб>] бьется лань пронзенная свинцом
- в. Как бьется лань пронзенная стрелой
И силится⁵

искал, то ненавижу и два неполных стиха седьмой: Разоблачив пленительный кумир / Я вижу (ст. 17—20, вариант А). После этого пятая и шестая строфы были переставлены местами, что показано в автографе отчеркиванием их фигурными скобками и цифрой: 2 у пятой строфы. С перестановкой строф была связана переработка шестой строфы и вычеркивание начала седьмой (ст. 17—20, вариант Б).

¹ Перестановка стихов в строфе при ее последующей переработке показана цифрами: 1, 2 и 4 у соответствующих стихов.

² Слово: хладеет было вычеркнуто и восстановлено.

³ Исправлено из начато: К(ак)

⁴ Слова: Не знаю слез были вычеркнуты и выше записаны снова.

⁵ Эти два неполных стиха обведены по левому полю. Ниже в рукописи через всю страницу проведена горизонтальная черта, отделяющая первый фрагмент стихотворения от второго, работа над которым была начата под чертой в нижней половине л. 57 об.

〈4〉

Автограф второго фрагмента (ст. 25—36)
(ПД 831, л. 57 об.—58)

- 25 Ужели он казался прежде мне
- 26 а. *Начато:* Творень〈ем〉
б. 〈   〉 столь величавым
в. Столь величавым и прекрасным
- 27 а. Ужели [в] в 〈нрзб〉¹ презренной стороне
б. Ужели в сей презренной глубине
в. Ужел〈ь〉² в его презренной глубине
г. Ужели в сей нечистой〈?〉 глубине
д. Ужели в сей мятежной глубине
е. Ужели 〈   〉 позорной〈?〉 глубине
- 28 а. 〈   〉 столь 〈   〉 ясным
б. Я наслаждался³ сердцем ясным
- 29 а. *Начато:* Кого любить
б. Чего искал безумец молодой
в. Чего ж〈?〉 искал безумец молодой
г. Что ж видел в н〈ем〉 безумец молодой
- 30 а. 〈   〉 к чему стремился
б. Кого любил к чему стремился
в. Что ж〈?〉 〈   〉 к чему стремился
г. Чего ж 〈   〉 к чему стремился
- 31 а. *Начато:* И дове〈рял ?〉
б. *Начато:* Что
в. И для кого ж возвышенной 〈   〉
г. И перед кем возвышенной 〈   〉
д. Кого кого ж возвышенной 〈   〉
е. Кого, кого возвышенной 〈   〉
ж. Кого ж, кого возвышенной 〈   〉
- 32 а. Он [〈начато нрзб〉] 〈   〉 не постыдился
б. Боготворить не постыдился
- 33—36 А а. *Начато:* [В〈   〉] Он говорил — пред⁴
б. *Начато:* Он говорил с бессмысленной
в. *Начато:* Он говорил пред холодной
г. Он говорил пред [〈2 начато нрзб〉] холодной толпой
Языком правды и свободы
а. *Начато:* Его язык —
б. 〈   〉 но для толпы глухой

¹ В ходе дальнейшей работы над стихом слово густо зачеркнуто.

² В ходе работы над стихом слово: Ужели не изменялось.

³ Вторая половина слова зачеркнута: насла[ждался] и вновь записана над строкой.

⁴ Слово: пред было вычеркнуто и восстановлено.

- з. Но что же в избранных увидел
 д. Но что и в избранных я видел
 е. Но что и в избранных увидел¹
- Г < >
 Поработили мир послушный²
 < >
 Одежда спеси малодушной —
- Д а. *Начато*: Везде ярем
 б. *Начато*: Ничтожный блеск
 в. *Начато*: Насилье
 з. *Начато*: Повсюду
 д. *Начато*: Везде
 е. *Начато*: Всё
 ж. *Начато*: Одежда
 з. *Начато*: Обман — [п< >] [пр< >]
 и. *Начато*: Есть
 к. *Начато*: Конечно есть —
 л. *Начато*: Везде
 м. *Начато*: Везде ярем секира
 н. И мир предрассужденьям < >³
- Е < >
 < > послушный
 < >
 Везде злодей иль малодушный
- Ж Везде ярем, секира иль венец
 Везде злодей иль малодушный
 < >
 Предрассуждений < >
- З Везде ярем, секира иль венец
 Везде злодей иль малодушный
 а. *Начато*: Что
 б. *Начато*: А человек —
 в. < > тиран — < > льстец
 Иль предрассудков⁴ раб послушный

¹ Слово: увидел при дальнейшей работе над фрагментом осталось незачеркнутым.

² Слово: послушный в ходе дальнейшей работы над фрагментом оставалось незачеркнутым как возможная рифма; было использовано в варианте Е.

³ Незачеркнутый вариант.

⁴ Исправлено из начатого: Предрассуждени(й)

«НА ТИХИХ БЕРЕГАХ МОСКВЫ...»

(С. 131)

Автограф

(ПД 832, л. 17 об.)

- 1—4 А На тихих берегах Москвы
 а. Начато: В тени дубов —
 Возносит ветхие главы
 С ( ) крестами
 Б На тихих берегах Москвы
 В лесу венчанные крестами
 а. Златые светятся главы
 б. Церквей ( ) главы
 а. Над монастырскими стенами —
 б. За монастырскими стенами —
 в. Над монастырскими стенами —
 В На тихих берегах Москвы
 Церквей венчанные крестами
 Сияют ветхие главы
 Над монастырскими стенами —
- 5—8 А а. Кругом ( ) по холм(ам)
 б. ( ) по холм(ам)
 ( ) рощи — —
 ( ) [т] ( ) там —
 Угодника святые мощи —
 Б Кругом — ( ) по холм(ам)
 а. Густеют сумр(ачные) рощи — —
 б. Густеют липовые рощи — —
 в. Простерлись (нрзб) рощи — —
 з. [Заве(тные?)]¹ Густеют ( ) рощи
 Издавна почивают² там —
 Угодника святые мощи —
 В Кругом простерлись по холм(ам)
 Вовек не рубленные рощи — —
 Издавна почивают там —
 Угодника святые мощи —
- 9—12³ А [(нрзб)]⁴ ( ) цариц
 (.....) молитвы —
 (.....) (в)довиц(?)
 (.....) ( )ие битвы⁵

¹ Начатая и сразу отмененная правка.² Исправлено из первоначального: почивали³ Нижняя часть листа оборвана; сохранились только концы стихов. Многоточием в угловых скобках обозначен недостающий текст на оборванной части листа.⁴ Большая часть слова на оборванной части листа.⁵ Слова: ( )ие битвы в ходе работы были зачеркнуты и восстановлены.

- Б Щедротой царск<ой?> < >
 <.....> [моленья]
 <.....> [<в>довиц<?>]
 <.....> [< >ие битвы]

«ГРЕЧАНКА ВЕРНАЯ! НЕ ПЛАЧЬ — ОН ПАЛ ГЕРОЕМ...»

(С. 132)

Автограф

(ПД 49)

- 1—4 А Гречанка смелая! не плачь он пал героем
 < >
 Не ты ль сама пред первым боем —
 Ему назначила кровавый чести путь —
- Б Гречанка верная! не плачь он пал героем
- а. *Начато:* Свинец врага пронзил ему
 б. Свинец врага в его вонзился грудь
 а. Не плачь — не ты ль ему сама пред первым боем —
 б. Не плачь — не ты ль сама ему пред¹ первым боем —
 Назначила кровавый чести путь —
- 5—9 А Так он угадывал < > разлуку
 Когда в последний раз тебе простер он руку
 Как Аристокитон он миртом меч обвил —
 Знамена черные свободой восшумели —
- Б а. Быть может втайне он угады<вал> разлуку²
 б. Быть может вечную³ предчувствуя <разлуку>⁴
 в. Тогда тяжелую предчувствуя <разлуку>
 а. Супруг тебе простер торжественную руку
 б. Твой друг тебе простер торжественную руку
 в. Супруг [тебе простер] торжественную руку
 г. Твой друг [тебе простер] торжественную руку⁵
 Младенца своего в слезах благословил
 Но зная черное свободой восшумело —
 Как Аристокитон он миртом меч обвил —⁶
- 10—11 А а. *Начато:* Он в сечу ринулся —
 б. *Начато:* Он в битву ринулся⁷ —

¹ Изменение порядка слов обозначено в рукописи цифрами 1 у слова: ему и 2 (ошибочно) у слова: пред

² Вариант был полностью вычеркнут.

³ Слово: вечную осталось невычеркнутым.

⁴ Слово: разлуку, вычеркнутое в предыдущем варианте, очевидно, случайно осталось невосстановленным.

⁵ В ходе работы над стихом слова: Супруг и Твой друг были зачеркнуты и восстановлены, поэтому трудно с определенностью утверждать, какой вариант стиха был последним по времени.

⁶ Порядок двух последних стихов обозначен в автографе цифрами 1) и 2)

⁷ При дальнейшей работе над стихом слово: ринулся оставалось не зачеркнутым.

- в. *Начато*: Восстав
 Свершить великое, святое дело —
 Б Великое, святое дело
 < > [брань] — падший совершил —
 В Он в сечу ринулся — и падиши совершил —
 Великое, святое дело —

ЧИНОВНИК И ПОЭТ

(«Куда, вы? За город, конечно...»)

(С. 133)

Автограф

- Заглавие а. *Отсутствует.*
 б. Чиновник и поэт¹
 1—2 Куда вы? За город конечно
 Зефиром утренним дышать
 3—4 А а. *Начато*: Уединенно
 б. Уединенно — и беспечно
 О нов< >
 Б а. < > [и] и мечтать
 б. Обдумывать [с< >] < > и мечтать
 в. И с вашей музою мечтать
 Уединенно — [и] беспечно
 5—9 А а. *Начато*: Нет — я
 б. Нет — на базар — люблю я шум
 < > крики
 Б Нет — я сбирался² на базар
 Люблю народное волнение
 И шум и крик — < >
 Скуфьи жидов, усы болгар
 В Нет — я сбирался на базар
 а. Люблю народное стеснение³
 б. Люблю стеснен(и)е базара
 в. Люблю народное стеснение
 г. Люблю базарн(ое)⁴ волнение
 [И конск< >(?)] И крики < >
 Скуфьи жидов, усы болгар
 Г Нет — я сбирался на базар
 Люблю базарн(ое) волнение
 Скуфьи жидов, усы болгар

¹ Вычеркнуто и восстановлено.

² Исправлено из начато: собираю(сь)

³ В ходе дальнейшей правки слово: стеснение оставалось неизменным.

⁴ В автографе: базарный

- а. *Начато*: И шум и толкот(ню)
 б. Люблю — ( ) торго жар
 в. Люблю — ( ) споров жар
 Вокруг
- Д Нет — я собирался на базар
 Люблю базарн(ое) волнение
 Скуфьи жидов, усы болгар
- а. Нарядов, лиц, племен стеснение —
 б. Племен ( ) стеснение —
 в. Одежды пестрое стеснение —
 г. Нарядов пестрое стеснение —
 д. [Лохмоть(ев)] ( ) стеснение —
 е. Нарядов пестрое стеснение —¹
- Е Нет — я собирался на базар
 Люблю базарн(ое) волнение
 Скуфьи жидов, усы болгар
 Цыгана дикого ( )
 Нарядов пестрое стеснение
- Ж Нет — я собирался на базар
 Люблю базарн(ое) волнение
 Скуфьи жидов, усы болгар
 Нарядов пестрое стеснение
 И крик и торг и споров жар
- З Нет — я собирался на базар
 Люблю базарн(ое) волнение
 Скуфьи жидов, усы болгар
- а. *Начато*: И спор и крик —
 б. И шум и крик — и споров жар
 в. И спор и шум — и торго жар
 г. И спор и крик — и торго жар
 Нарядов пестрое стеснение
- 10—11 А Люблю — цены ( ) крики
 И груды пыльные плодов
- Б а. Люблю ( ) народ
 б. Люблю — толкаться меж народа
 в. Люблю — толкаться средь народа
 г. Люблю — признаться — шум ( )
 д. Люблю ходить в [т(?)] толпе народной
 е. Люблю бродить в² толпе народной
- В Люблю толпу ( )
 В ее лохмотьях и в пыли —
- Г а. *Начато*: Люблю я чернь
 б. Люблю я черни шум свободный
 а. Ее лохмотья, дикий шум —

¹ Работа над фрагментом была продолжена (варианты Е, Ж, З), после того как ниже на листе были записаны первые варианты ст. 10—11.

² В ходе дальнейшей работы над фрагментом слова: Люблю бродить в остались незачеркнутыми.

- б. Ее лохмотья, пыль и шум —
 Д Люблю толпу лохмотья, шум —
 а. И говор черни < > свободный
 б. Люблю я черни лай свободный
 в. [Лю] [Люб<лю>] < > свободный
 з. И жадной черни < > свободный
 12 а. Так < > [ва<ш><?>] < >
 б. О наблюдаете ваш ум
 в. Так наблюдаете ваш ум
 13 а. Вникает < > в дух народный —
 б. Вникает [(начато нрзб)] < > в дух народный —
 в. И здесь вникает в дух народный —
 14—15 А а. Желал бы с вами погуля(ть)
 б. [Ва<с><?>] Вас проводить желал бы я
 И слышать ваши замечанья — —
 Б а. Начато: Спе< >
 б. Сопровождать вас рад бы я
 Чтоб слышать ваши замечанья — —
 16—19 А а. Начато: Но долг
 б. Но службы долг зовет меня
 Куда же вы — —
 Б Но мне увьи! не до гу<лянья>
 Куда же вы — —
 В Но службы долг зовет меня
 а. Простите, < > не гулянье
 б. Простите, [нам] не до гулянья
 Куда ж —
 В острог — сегодня мы
 Выпроваждаем из тюрьмы
 После 19 а. Начато: По просьбе
 б. < > Паши < >
 в. К < > Паше < >
 з. За молдаван<скую> границу
 д. [За Прут<?>] < > [за<?>]
 < > [Кирджали]

(Л. С. ПУШКИНУ)

(«Брат милый, отроком расстался ты со мной...»)

(С. 134)

Автограф

(ПД 834, л. 4)

- 1—4 А а. Друг милый, отроком расстался ты со мною —
 б. Друг милый, отроком расстался ты со мной —
 а. Теперь ты юноша — и полною душой

- б. Теперь ты юноша — ты полною душой
 в. Теперь ты юноша — и полною душой
 Ты жаждешь
- Б Друг милый, отроком расстался ты со мной —
- а. Невидимо ( ) мелькнули годы,
 б. Прошли невидимо медлительные годы,
 в. В разлуке протекли медлительные годы,
 [Теперь ты юноша] — и полною душой
- а. Цветешь для радостей, для жизни для свободы
 б. Цветешь для радостей, для света¹ для свободы
- 5 а. *Начато*: Как много прелести
 б. *Начато*: Как много для тебя
 в. Какое поприще отверзто пред тобой
 г. Какое поприще открыто пред тобой
- 6—7 а. Как много для тебя явилось обольщений
 б. Как много для тебя прелестных обольщений
 в. Как много для тебя веселых наслаждений
 г. Как много для тебя восторгов, наслаждений
 И сладостных забот и милых заблуждений!
- 8—9 А а. Ты чувство пробуешь ( ) оно
 Торопишься
 б. Ты сердце пробуешь твой [т( )⟨?⟩] ( ) ум
 в. Ты сердце пробуешь торопишься ( )
- Б а. Какой ( ) жар твою волнует кровь
 б. Какой веселый⟨?⟩ жар твою волнует кровь
 в. Как новый жар в груди твою волнует кровь
 г. Какой ( ) жар твою волнует кровь
 д. Как новый жар в груди твою волнует кровь
 е. Как часто новый жар твою волнует кровь
 а. Ты сердце пробуешь в надежде торопливой
 б. Ты сердце пробуешь с надеждой торопливой
 в. Ты сердце пробуешь в надежде торопливой
- После 9 а. *Начато*: Зовешь вверя( )
 б. Зовешь ( ) и дружбу и любовь
 в. *Начато*: Вверяясь то любви, то дружбе
 г. *Начато*: Вверяешься мечтам, и дружб(е)
 д. *Начато*: Вверяешься мечтам; и дружбе
 е. Беспечною душой вверяешь⟨ся⟩ любви —
 ж. ( ) вверяешь⟨ся⟩ любви —²

¹ Слово: света было вычеркнуто и восстановлено.

² При дальнейшей работе это окончание стиха не могло быть оставлено, так как в нем нарушена рифма. В сводке верхнего слоя автографа, вынесенной в корпус настоящего издания, этот стих не отражен.

«КТО, ВОЛНЫ, ВАС ОСТАНОВИЛ...»

(С. 135)

Автограф
(ПД 834, л. 9)

Первоначальный карандашный набросок

- Кто, волны, вдруг остановил
 а. Ваш бег мятежный и могучий
 б. Кто оковал(?) < > бег могучий
 Кто в пруд безмолвный и дремучий
 Поток мятежный обратил
 а. Кто < > (нрзб)
 б. Скажите кто (нрзб)
 в. Кто жизнь мою (нрзб)
 а. Ужасной силою сразил —
 б. Мертвящей(?) силой усыпил
 Взыграйте

Доработка первоначального наброска¹

- 1—2 А Кто, волны, вдруг остановил
 Скажите мне [ваш] бег ревучий
 Б Кто, волны, вас остановил
 а. Кто оковал [ваш] бег ревучий
 б. Кто оковал [ваш] бег могуч(ий)
 3 а. И в пруд безмолвный и дремучий
 б. Кто в пруд безмолвный и дремучий
 4 а. Поток ваш < > обратил
 б. Поток мятежный обратил
 5 а. Начато: Скажите мне
 б. Начато: Чей жезл могучий
 в. Чей жезл < > усы(пи)л
 з. Чей жезл волшебный поразил
 6 а. Во мне надежду, страсть(?) и радость
 б. Во мне надежду, скорбь и радость
 7 а. Начато: И душу [<начато нрзб>] пы<лкую>(?)
 б. Начато: И [бурну(ю)<?>] прежде
 в. Начато: И [ныне]
 8 а. Дремотой лени осенил —
 б. Одной дремотой осенил —
 в. Надолго < > усыпил
 з. [Дремотой] < > усыпил
 9—10 а. Взыграйте [во(лны)] ветры взройте воды²
 б. Взыграйте бури взройте воды

¹ Работа велась чернилами поверх карандашного текста. Нумерация стихов по основному тексту.

² Исправлено из первоначального: воду

- в. Взыграйте ветры, взойте воды
Разружьте гибельный оплот —
- 11—12 а. *Начато:* А во⟨лны⟩⟨?⟩
б. ⟨ ⟩ ты символ ⟨свободы⟩¹
в. Ты [⟨*начато нрзб*⟩] бур⟨ ⟩ ⟨ ⟩ ты символ ⟨свободы⟩
г. Ты буря ⟨ ⟩ ты символ ⟨свободы⟩
д. Где ты гроза — символ ⟨свободы⟩
Промчись поверх невольных вод —

«ЗАВИДУЮ ТЕБЕ, ПИТОМЕЦ МОРЯ СМЕЛЫЙ...»

(С. 136)

Автограф

(ПД 834, л. 12)

- 1—2 Завидую тебе, питомец моря смелый
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
- 3—6 А Желанной пристани давно ли ты достиг —
а. И вновь тебя зовут заманчивые волны —
б. И вновь тебя влекут заманчивые волны —
в. И вновь тебя зовут заманчивые волны —
Дай руку — для меня настал ⟨ ⟩
- Б Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые волны —
а. ⟨ ⟩ в нас сердца [одн⟨ою⟩] единой страстью полны —
б. Дай руку — в нас сердца единой страстью полны —
а. Для неба нового⟨?⟩, для новых² ⟨ ⟩ стран —
б. Для неба чуждого, для новых ⟨ ⟩ стран —
в. Для неба [⟨*нрзб*⟩] дального, для отдаленных стран —
а. Оставив берега Европы обветшалай
б. Оставишь берега Европы обветшалай³
- В Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
а. *Начато:* И снова ты бежишь земли
б. И снова ты бежишь Европы обветшалай
Для неба дального, для ⟨ ⟩ стран⁴
- 7—8 а. Стихий других ищю, ⟨ ⟩ усталый
б. Ищю стихий других земли жалец усталый
а. *Начато:* Приве ⟨ ⟩
б. Приветствую тебя свободный Океан —⁵

¹ В рукописи ошибочно дважды написано: символ² После слова: новых *начата* и зачеркнута первая буква какого-то слова.³ В ходе дальнейшей работы над фрагментом слова: Европы обветшалай оставались невычеркнутыми. Перестановка местами двух последних стихов, сделанная на следующем этапе работы, в автографе не обозначена.⁴ Ниже на листе намечена рифма к слову: [ок⟨еан⟩] [О⟨кеан⟩]⁵ Под этим стихом в автографе стоит фигурная скобка — знак концовки.

«КАК НАШЕ СЕРДЦЕ СВОЕНРАВНО...»

(С. 137)

Первоначальные варианты автографа

(ПД 832, л. 34 об.—34)

- 2 < > желаю вновь
 5 Участьем, томностью притворной
 6 Одушевлять свой дивный взор
 10 а. Наполнился твой чудный взор
 б. Сияет твой < > взор
 13 *Начато:* И то, что р<азрешаешь><?>

«БЫВАЛО, В СЛАДКО<М> ОСЛЕПЛЕНЬЕ...»

(С. 138)

Автограф

- 1—2 а. Бывало в < > ослепление
 б. Бывало в сладко<м> ослепление
 Я верил избр<анным> душам
 3—5 А а. Я мнил — их <нрзб> явление
 б. Я мнил — их редкое<?> явление
 в. Я мнил — их тай<ное> рождение
 Угодно¹ властным небесам
 [Т< ><?>] Я слушал < > мнение
 Б Я знал — их < > рождение
 Угодно тай<ным> небесам
 а. *Начато:* Я мнил
 б. *Начато:* Я <нрзб>
 в. Я думал их укажет нам²
 а. Народное³, святое мнение
 б. Самовластительное мнение
 в. [Народ< >] < > мнение
 В Я мнил — их < > рождение
 Угодно [тай<ным>] небесам
 а. *Начато:* Их
 б. На них указывало мнение
 6 а. И я приблизился тогда
 б. *Начато:* И
 в. И я приблизился тогда
 г. Едва приблизился я к ним

¹ Слово: Угодно вычеркнуто и повторено над строкой.² Слова: их укажет нам зачеркнуты и записаны снова.³ Слово: Народное исправлено из первоначального: Народа

«ВЕЧЕРНЯ ОТОШЛА ДАВНО...»

(С. 139)

Первоначальный набросок

(ПД 834, л. 30)

[⟨Начато нрзб⟩] Вечерня отошла. Монах

- а. Начато: Идет
 б. Начато: Сидит один в п⟨ ⟩⟨?⟩
 в. Идет один в ⟨ ⟩ келью
 з. Идет ⟨ ⟩ келью

Основной автограф

(ПД 830, л. 51 об.—52)

- 1—6 А Вечерня отошла давно
 Монахи спят — Игумен строг⟨ий⟩
 Свои молитвы прекратил
- Б Вечерня отошла давно
- а. Но в кельях тихо и темно
 б. Всё ⟨ ⟩ тихо и темно
 в. ⟨ ⟩ темно
 Уже и сам ⟨ ⟩ строг⟨ий⟩
 Свои молитвы прекратил
- а. И [п⟨?⟩] сонну⟨?⟩ голову склонил
 б. И сон главу его склонил
 в. И кости дряхлые склонил
 з. И кости ветхие склонил
- 7—12 А Перекрестясь¹, на одр убогий
 Но в церкви дверь отворе⟨на⟩
 Перед иконами лампы
 Горят и ⟨ ⟩ озарена
- Б а. [По⟨?⟩] Повсюду сон и тишина
 б. Кру⟨гом⟩ и сон и тишина
 Но церкви дверь отворе⟨на⟩
- а. Печально теплятся лампы
 б. ⟨ ⟩ [свет] луч² лампы
 в. Трепещ⟨ет⟩ луч ⟨ ⟩ лампы
 И [тускло⟨?⟩] озаряет он —
- а. Начато: Алтарь
 б. ⟨Нрзб⟩ живопись³ икон
 в. И темну живопись икон
 а. И позлащенные оклады

¹ Слово: Перекрестясь зачеркнуто и восстановлено.² Слово: луч в ходе дальнейшей работы над стихом осталось незачеркнутым.³ В слове: живопись первоначально, по-видимому, допущена описка, исправленная над строкой.

- Раскаянья <нрзб>¹
- В Аминь! Опомнись — <   >
- а. Я разрешу тебя смиришь —²
- б. Я разреш<ить> тебя готов<?>³
- а. И здесь — <   > грехов
- б. И в <начато нрзб> <   > грехов
- Сложи мучительное <бремя>⁴
- Г Аминь! Опомнись — <   >
- <   > грехов
- Сложи мучительное <бремя>
- Я разреш<ить> тебя готов<?>

(В. Ф. РАЕВСКОМУ)

(«Недаром ты ко мне воззвал...»)

(С. 140)

Автограф

(ПД 830, л. 48—49)

- 1—2 Недаром ты ко мне воззвал
- а. Начато: Из глубины темницы
- б. Из глубины глухой темницы⁵
- 3—6 А Не тем горжусь я мой певец
- а. Начато: Что <   > звук т<   >
- б. Начато: Что зв<ук>
- в. Начато: Что <   > [з<вук><?>]
- а. Начато: Узнал⁶
- б. Начато: Владел
- в. Начато: Владел
- Б Не тем горжусь я мой певец
- а. Начато: Что звук
- б. Начато: Что иногда мой стих
- в. Что возбуждать умел я прежде
- г. Что привлекать<?> умел я прежде
- д. Что [про<буждать ?>] вызывать умел я прежде

¹ Продолжение стиха обозначено волнистой чертой. Конъектура И. Н. Медведевой (Акад. Т. 2. С. 814): Раскаянья настало<?> <время>

² Стих обведен по левому полю для указания на его перенос. Возможное место переноса диктуется правилом альтернанса.

³ В ходе работы над стихом слово: разрешу осталось неизменным; в настоящем издании приняты чтение и конъектура С. А. Фомичева (см.: Неизданный Пушкин. Вып. 1. С. 43—44).

⁴ Не вызывающая сомнений конъектура, предложенная еще П. О. Морозовым (см.: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 307) и, по-видимому предполагающая возвращение к рифме: время в ст. 27.

⁵ Далее в автографе стоит горизонтальный разделительный отчерк.

⁶ Начальная буква У переправлена из Э

- а. Движенья томные сердце
 б. Смятенье <   > сердце
 в. Движенья <   > сердце
 2. Смяте(нье) <   > сердце
 д. [Движ(енья)] [Во(лнение)<?>] <   > сердце
- В Не тем горжусь я мой певец
 Что <   > умел стихами¹
 а. Вниманье <   > сердце
 б. Движенья быстрые сердце
 в. Вниманье² <   > сердце
 2. Волнение пламенных сердце
 Владея смехом и слезами
- Г Не тем горжусь я мой певец
 Что <   > умел стихами
 <   >
 Играя смехом и слезами
- 7—10 А а. Не тем <   > что иногда
 б. *Начато*: Не тем горжусь что иногда
 Мои небрежные напевы
 Вливали негу в сердце <   >
- Б Не тем горжусь что иногда
 Мои коварные напевы
 а. Смиряли в сердце³ милой девы
 б. Смиряли в мыслях юной девы
 а. Порывы тайного стыда
 б. Движенья страха <и> стыда
 в. Волнение страха <и> стыда
- 11—12 А Не тем что мой <   > кинжал
 Казнил презренного злодея
- Б а. Не тем что пламенной сатир(ой)⁴
 б. Не тем что на столбе сатир(ы)
 в. Не тем что <у> столб(а) сатиры
 Разврат и злобу я казнил
- 13 а. И звук моей <   > лиры
 б. И гл(ас ?) <   > лиры
 в. И что грозящий голос лиры
- 14 а. Тирана в ужас приводил —
 б. Неправду в ужас приводил —
 в. Бесправье(?) в ужас приводил —
 2. Неп(равду)<?> в ужас приводил —
- 15—18 А Не тем что <   > гоненьем

¹ Слово: стихами записано отдельно, ниже на листе, как рифма к стиху: Владея смехом и слезами. Потом оно скорописью повторено на своем месте во втором стихе фрагмента.

² Над строкой записано неразборчивое зачеркнутое слово, видимо, также относящееся к работе над этим стихом.

³ Слова: в сердце в ходе дальнейшей работы остались незачеркнутыми.

⁴ Окончание слова не прописано.

- Мятежной юностью моей
- Б Не тем что дерзким вдохн(овеньем)
И бурной юностью моей
И ( ) гоненьем —
Я стал известен меж люд(ей)
- В Что ( ) вдохн(овеньем)
- а. И дерзкой юностью моей
- б. И [бой( )(?)] ( ) юностью моей
- в. И бурной юностью моей
- г. И жизнью бурною моей
- д. И( )
- а. И страстью правды и гоненьем —
- б. И жаждой воли и гоненьем —
- в. И страс(тью) воли и гоненьем —
Я стал известен меж людей
- 19—22 А а. Нет нет, не суетной наградой
б. Нет нет, возвышен(ной) наградой
в. [Н] ( ) высокая¹ награда
г. Нет нет высокая награда
Мне [ро(ком)] ( ) Роком суждена —
- Б Нет нет мне высшая награда
[Бы(ла)] Была Судьбою суждена —
- В Иная, высшая отрада
Была мне роком суждена
- а. [(Начато нрзб)] Отныне ( ) она(?)
- б. Отныне, мой певец(?) она(?)
- в. Начато: Да будет слава
- г. [И да] Мне ( ) награ(да)
- д. И для моей души награ(да)
- е. Начато: Замена счастьем
- ж. Начато: Замена славы
- з. Начато: До гроба
- и. [(Начато нрзб)] Отныне
- Г Иная, высшая награда
Была мне роком суждена
- а. Самолюбивая отрада!
- б. Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!...
- Д Иная, ( ) отрада
Была мне роком суждена
( )
( ) } сна!...²

¹ Исправлено из первоначального: высокую

² Возможно, не доведенное до конца зачеркивание.

«ПРИДЕТ УЖАС(НЫЙ) [ЧАС] — ТВОИ НЕБЕСНЫ ОЧИ...»

(С. 141)

Автограф

(ПД 834, л. 29)

- 1—2 А а. *Начато:* Когда
 б. *Начато:* Мой друг когда твои
 в. *Начато:* Когда твои
 г. *Начато:* Пройдет пора твои —
 д. Пройдет пора < > твои небесны очи
 Покроются, мой друг
 Б Пройдет пора < > твои небесны очи
 а. < > туманом вечной ночи —
 б. Они покроются туманом вечной ночи —
 в. Покроются, мой друг туманом вечной ночи —
 В а. Не вечна молод(ость)<?> твои небесны очи
 б. Час вечного<?> < > твои небесны очи
 в. Нет < > твои небесны очи
 г. Час < > твои небесны очи
 д. Неотразимый час твои небесны очи
 е. Придет ужас(ный) [час] твои небесны очи
 Покроются, мой друг туманом вечной ночи —
- 3—5 а. *Начато:* [На< >] И навсегда сойдешь
 б. *Начато:* Ты навсегда сойдешь
 в. *Начато:* Недвижно
 г. Молчанье вечное твои сомкнет уста
 Ты навсегда¹ сойдешь² в те мрачные места
 Где прадедов твоих починут мощи хладны
- 6—8 А а. Но я [т< >] дотоле < > [любви] < > жадный
 б. Но я твой < > жадный
 а. В [могильн< >] < > сойду я³ за тобой
 б. В обитель < > за тобой
 в. В [пещерн< >] < > сойдя<?> к тебе<?> < >
 Я сяду близ тебя недвижимый и живой
 Б Но я дотоле твой поклонник безот(радный)
 а. В < > сойдя<?> к тебе<?> < >
 б. В < > к тебе<?> сойдя<?> ж(ивой)<?>⁴
 Я сяду близ тебя печальн(ый) и немой
 В Но я дотоле твой поклонник безот(радный)
 В обитель скорбную сойду я за тобой
 И сяду близ тебя печальн(ый) и немой

¹ Слово: навсегда вписано над строкой.² Исправлено из первоначального: пойдешь³ я вписано над строкой.⁴ Слова: к тебе<?> и ж(ивой) <?> остались незначеркнутыми.

- Между 8 и 9 А а. *Начато*: И ноги хладные сложу
 б. Лампада < > гроб <начато нрзб> осветит
 в. Лампада < > твой бледный(?) труп осветит
 г. Лампада верная твой хладный труп осветит
 д. Лампада верная бездвижный(?)¹ труп осветит
 е. Лампада бледн(ая) твой хладный труп осветит
 а. Мой < > не встретит —
 б. Улыбки < > не встретит —
 в. Недвижим — < > взор² уж не [отме(тит)] заметит
 г. Недвижим будет < > взор уж не заметит
 д. Не будет < > взор уж не заметит
 Ни сожаления, ни гнева³ на лице —⁴
 Б Лампада бледн(ая) твой хладный труп осветит
 а. < > движенья [не]⁵ заметит
 б. В лице < > движенья [не] заметит
 в. Мой < > движенья [не] заметит
 г. [Ни] [Ни гнева ни(?)] Мой взор < > движенья [не] заметит
 д. Мой < > движенья [не] заметит
 а. *Начато*: Ни чувства на лице, ни
 б. Ни чувства на лице, напрасно робкий < >
 в. Ни чувства на лице, напрасно жадн(ый)(?) < >⁶
 9—11 А < > перемена
 а. < > на колена
 б. < > к себе я на колена
 Б а. *Начато*: Не поразит суд(ьбы)
 б. *Начато*: Не поразит меня судьбы моей
 в. Не поразит меня коварн(ая)⁷ измена⁸
 а. И ноги(?) < > обняв их на колена
 б. Я ноги хладные [к] обняв их, на колена
 в. И ноги хладные [себ(е)(?)] < > на колена
 г. И ноги хладные обняв их, на колена
 а. *Начато*: Сложу — твоё лицо
 б. *Начато*: Сложу — к се(бе)(?)
 В а. Коснусь я хладных ног — к себе их на колена
 б. Коснусь я < > ног — себе их на колена⁹
 а. Сложу — и буду ждать.... чего... чтоб наконец
 б. Сложу — и буду ждать с печалью... но чего

¹ Слово оставлено незачеркнутым.

² В автографе описка: врозь

³ Слово: гнева было зачеркнуто и восстановлено.

⁴ Прежде чем продолжить работу над фрагментом, Пушкин ниже на листе наметил ритму следующих стихов (см. вариант А ст. 9—11).

⁵ По-видимому, было вычеркнуто случайно одним штрихом со словами: взор уж

⁶ Фрагмент не был вычеркнут; обведен полукруглой скобкой, возможно, для переноса.

⁷ В автографе описка: коварной

⁸ Вариант остался незачеркнутым.

⁹ Вариант остался незачеркнутым.

- в. Сложу — и буду ждать <   >
 Чтоб силою <   > мечтанья моего
 [Я<?>] [Мне] [д< >]
- Г а. У <   > ног твоих к себе их на колена¹
 б. У ног <нрзб> твоих к себе их на колена
 в. У ми<лых><?> ног твоих себе их на колена
 Сложу — и буду ждать <   >
 Чтоб силою <   > мечтанья моего

«ВСЕ КОНЧЕНО: МЕЖ НАМИ СВЯЗИ НЕТ...»

(С. 142)

Автограф

(ПД 834, л. 43 об.)

- 1 а. Все² кончено: меж нами связи нет
 б. Все кончено: и связи <   >³
 в. Все кончено: меж нами связи нет
- 2 В последний раз обняв твои колени
- 3—4 а. Произношу бессмысленные пени
 б. Я произнес бессмысленные пени
 в. Произношу я горестные пени
- 5—8 А Все кончено — я слышу твой ответ —
 Б <   >
 Тебя тоской преследовать не буду
 И может быть
- В а. *Начато*: Слезами умолять
 б. Доказывать тебе не стану <вновь>⁴
 в. Обманывать себя не стану <вновь>
 Тебя роптанием преследовать не буду
 И невозвратное быть может позабуду —
- а. *Начато*: Я знал: не для меня блаженство
 б. Я знал: не для меня <   > любовь
 в. Не для меня блаженство <и> любовь
- Г Обманывать себя не стану <вновь>
 Тебя тоской⁵ преследовать не буду

¹ Ниже записано: Сложу — указание на перенос сюда двух заключительных стихов фрагмента, работа над которыми велась выше на листе.

² Исправлено из: Въ

³ Намеченное и сразу отмененное исправление над строкой. Слова: меж нами при этом оставались невычеркнутыми.

⁴ Традиционно принимаемая конъектура, предложенная М. А. Цявловским (ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 458).

⁵ Зачеркнутое слово: тоской, судя по всему, восстановлено: под ним начата штриховка — знак восстановления.

- а. И ⟨нрзб⟩¹ быть может позабуду —
 б. И про ⟨   ⟩ быть может позабуду —²
 Не для меня сотворена любовь —
- Между
 8 и 9 а. Не для меня сотворено блаженство
 б. Не для меня восторгов упоенье
 в. *Вычеркнуто.*
- 9—10 Ты молода душа твоя прекрасна
 И многими любима будешь ты

«О БОГИ МИРНЫЕ ПОЛЕЙ, ДУБРОВ И ГОР...»

(С. 143)

Автограф

(ПД 82)

- 1—2 А О боги мирные лесов полей и гор
 И³ Гений и стихи ваш любят разговор
 Б О боги мирные полей дубров и гор
 а. Мой робкий Аполлон ваш любит разговор
 б. Мой ⟨   ⟩ Аполлон ваш любит разговор
- 3—5 Меж вами я нашел и Музу молодую
 Подругу дней моих невинную, простую —
 Но чем-то милую — не правда ли друзья
- 6—8 А И своенравная —
 Как тихий ветерок, иль пчелки⁴ золотые⁵
 Иль беглый поцелуй — холмы, леса густые
 Жемчужные ключи —⁶
 Б И своенравная волшебница моя
 Как тихий ветерок, иль пчелк⟨а⟩ золот⟨ая⟩
 Иль беглый поцелуй — туда сюда летая

¹ Густо зачеркнутое слово над строкой, по-видимому относящееся к работе над этим стихом.

² Предложенное М. А. Цявловским (см.: ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 458) конъектурное чтение: Про(шедшее) быть может позабуду —, принятое последующими изданиями, не представляется достаточно обоснованным.

³ Исправлено из первоначального: Я

⁴ Исправлено из первоначального: пчелку

⁵ В ходе дальнейшей работы над стихом окончание слова: золотые осталось неизменным.

⁶ Слово: ключи исправлено из начатого: с⟨   ⟩ (возможно: с⟨трун⟩).

КОРАБЛЮ

(«Морей [красавец] окрилен(ный)...»)

(С. 144)

Автограф

(ПД 835, л. 7 об.)

КОРАБЛЮ¹

- 1—2 А а. Начато: Красавец вод!
 б. Тебя молю — морей красавец
 в. Зову тебя — морей красавец
 а. Начато: Лети(?)
 б. < > — пльиви пльиви
 Б Морей [красавец] окрилен(ный)
 Тебя зову — пльиви пльиви
- 3—4 а. Начато: Попу(тный)
 б. Начато: Храни
 в. Начато: Храни залог
 з. Начато: О сохрани
 д. < > храни залог бесценный
 е. О сохрани залог бесценный
 ж. О возврати залог бесценный
 з. И сохрани залог бесценный
 Мольбам, надеждам и любви²
- 5—6 А а. Да не теснит ее дыханья
 б. Начато: Один(?)
 в. Эол, дыханьем благосклон(ным)
 Наду(й)
 з. Эол < > благосклон(ным)
 Ветрило вет( )
 д. Наполни верное ветрило
 < >
 е. [*Начато нрзб*] Наду(й) < > ветрилом
 Дыханием < > Эол³
 ж. Послушный парус < >
 < > дыханьем на< >
 з. < >
 Послушный парус напр(ягай)
- Б а. Эол — [послу(й)] < > дыханьем
 б. Ты ветер⁴ счастливым дыханьем

¹ В автографе первоначально с опiskой: Кобабло, затем неверно исправленной: Кобабло

² После ст. 4 поставлен знак стрoфического деления: #

³ Стих записан отдельно выше на листе; в ходе дальнейшей работы остался незачеркнутым.

⁴ Слово: ветер в ходе работы над стихом было вычеркнуто и восстановлено.

- в. Ты ветер западным дыханьем
 з. Ты ветер [ут⟨ ⟩⟨?⟩] утренним дыханьем
 [⟨Начато нрзб⟩] Счаст⟨ливый⟩ парус напрягай
 7 а. Ты ⟨ ⟩ колыханьем
 б. Одним⟨?⟩ ⟨ ⟩ колыханьем
 в. ⟨ ⟩ незапным колыханьем
 з. Ты ⟨ ⟩ колыханьем
 8 а. Начато: Ее
 б. Ей сердца — ⟨ ⟩ не утомляй
 в. Ее груди не утомляй¹
 После 8 А а. Начато: И в пристани
 б. ⟨ ⟩ в пристани она
 в. Услышит в пристани она
 з. Начато: Пускай она
 д. Пускай услышит ⟨ ⟩
 ⟨ ⟩ привет
 Б [Пускай услышит ⟨ ⟩]
 Об милых счастливую весть

«ЗАЧЕМ ТЫ ПОСЛАН БЫЛ, И КТО ТЕБЯ ПОСЛАЛ?..»

(С. 145)

Автограф

(ПД 835, л. 7—6 об.)

- 1—4 А Зачем ты послан был и кто тебя послал
 Земли чудесный посетитель —
 ⟨ ⟩
 Начато: Неизъяснимый
 Б Зачем ты послан был и кто послал тебя
 Земли чудесный посетитель —
 [И к⟨то⟩] ⟨ ⟩ рождая иль губя
 Чего ты был таинственный свершитель
 В Зачем ты послан был и кто тебя послал
 а. Чего добра иль зла ты² чудный был свершитель —
 б. Чего добра иль зла явился ты свершитель —
 в. Чего добра иль зла ты [был] [⟨нрзб⟩] ⟨нрзб⟩ свершитель —
 з. Чего добра иль зла ты ⟨нрзб⟩ свершитель —
 д. Чего добра иль зла ты верный [был] свершитель —
 а. Начато: Так быстро ты
 б. Начато: Почто так быстро ты
 в. Начато: Куда так быстро ты
 Д Зачем ты послан был и кто тебя послал
 Чего добра иль зла ты верный [был] свершитель —

¹ Наброски продолжения записаны отдельно на верхнем поле листа.

² При дальнейшей работе над стихом местоимение: ты оставалось незачеркнутым.

- а. Зачем угас, куда пропал¹
 б. Зачем потух, зачем блист(ал)²
 Земли чудесный (посетитель)³
 5—8 А Дряхлели троны, алтари
 Свободы [буря] туча подымалась
 а. ( ) мудрецы( )
 б. Вещали книжники внимали им цари,
 Толпа ( ) волновалась —
 Б а. Склонялись троны, алтари
 б. Престолы ( ) склонялись алтари
 в. Склонялись дряхлые прест(олы)⁴, алтари
 з. Престолы ( ) дрожали алтари
 Над ними буря собиралась —
 а. Вещали книжники смирялись⁵ цари,
 б. Вещали, книжники (нрзб) цари,
 в. Вещали книжники, тревожились цари
 а. Толпа пред ними волновалась —
 б. Толпа свободой волновалась —
 [Родился ты]⁶
 В Вещали книжн(ики) тревож(ились цари)
 а. Толпы пред ними волно(вались)⁷
 б. Престолы ( ) волно(вались)
 ( ) пустели алтари
 Свободы буря подымалась
 Г Вещали книжн(ики) тревож(ились цари)
 а. Семья народов волно(валась)
 б. Толп(а) пред ними волно(валась)
 Разоблаченные пустели алтари⁸
 [Свободы буря] подымалась
 9—12 А И вдруг нагрянула... Все пало в прах и в кровь
 ( ) ветхие скрижали
 Явился человек и все затихло вновь
 Оковы ( ) зазвучали
 Б И вдруг нагрянула... Упали в прах и в кровь
 а. Народов⁹ ветхие скрижали
 б. Разбились ветхие скрижали

¹ Стих записан справа на полях; место вставки не обозначено.

² Позднейшая правка.

³ Вновь написанные слова: Земли чудесный указывают на восстановление ранее зачеркнутого варианта (см. варианты А, Б).

⁴ Слова: Склонялись дряхлые прест(олы) остались незачеркнутыми.

⁵ Исправлено из первоначального: смирялись

⁶ Работа была продолжена на смежном листе (л. б об.). Вариант Б, записанный на л. 7, при этом остался незачеркнутым.

⁷ В ходе дальнейшей работы над стихом слово: Толпы осталось неисправленным; местоимение: ними не было зачеркнуто.

⁸ К работе над стихом, видимо, относится записанное слева на листе и зачеркнутое слово: разоблачались

⁹ Слово: Народов было зачеркнуто и записано вновь.

- а. Явился Муж меча рабы затихли вновь
 б. Явился чудный Муж рабы затихли вновь
 в. Явился Муж судеб рабы затихли вновь¹
- а. И вновь оковы зазвучали
 б. И снова(?) < > зазвучали
 в. Мечи да цепи зазвучали
 < > разврат —²
 < >
 < > продал брата брат
 Отечество рабы забыли³
- Б а. И стал < > разврат
 б. И горд и наг пришел Разврат
 а. Начато: Раздался(?)
 б. И < > сердца остыли
 в. И перед <ним ?> сердца застыли
 Законы падшие забыли
 За злато продал брата брат
- В И горд и наг пришел Разврат
 И перед <ним ?> сердца застыли
 За злато продал брата брат
- а. За власть отечество забыли
 б. Цари отечество забыли
 в. [Ра(бы)] За власть отечество забыли⁴
- Г И горд и наг пришел Разврат
 И перед <ним ?> сердца застыли
 За власть отечество забыли
 За злато продал брата брат
- 17—18 а. Цари сказали: нет Свободы
 б. И поклонились им народы
 Рекли безумцы: нет Свободы
 И им поверили народы
- 19—22 А а. И безразлично, в их речах⁵
 б. И < > в их речах
 Добро и зло все стало⁶ тенью
 а. Они [солг(али)] < > лгали Провиденью
 б. Созданье [<начато нрзб>] лгало Провиденью

¹ Рядом намечен альтернативный вариант стиха, предполагавший дальнейшую переработку строфы:

- а. Начато: Обняв с(вободы)
 б. Свободы лик обняв рабы земных судеб
 в. Свободы тень обняв рабы земных судеб

² Слово: разврат осталось незачеркнутым; в ходе дальнейшей работы было повторено выше на листе.

³ Стих оставался невычеркнутым и далее был использован в вариантах В и Г.

⁴ Ниже намечен альтернативный вариант стиха: В отчаянье — < > забыли. Перестановка местами двух заключительных стихов фрагмента (см. вариант Г) обозначена в автографе цифрами 1) и 2)

⁵ По-видимому, исправлено из первоначального: устах

⁶ Слово: стало зачеркнуто и восстановлено.

- в. Начато: И в о⟨ ⟩⟨?⟩
 з. Все жертвой ⟨ ⟩¹ презренью
 д. Начато: И кроме власти
 е. Все было предано презрень⟨ю⟩
 ж. Начато: Все было
 з. Начато: Все кроме власти
 Б И ⟨ ⟩ [в их речах]
 Добро и зло все стало тенью²
 а. И всемогущему презренью
 б. Все было предано — как ⟨ ⟩
 в. И царствовал расчет ⟨ ⟩
 з. Все было предано презренью
 а. Как ветру ⟨ ⟩ прах
 б. Как ветру предан доль⟨ный⟩ прах

«В ЗАБВЕНЬИ ЧИСТ⟨ОМ⟩⟨?⟩ НАСЛАДИСЬ...»

(С. 146)

*Первоначальные варианты автографа
(ПД 830, л. 7)*

- 1 Начато: В
 3 Начато: [Н⟨?⟩] К

«[НЕТ ВЕТРА — СИНЯЯ ВОЛНА]...»

(С. 146)

*Автограф
(ПД 49)*

Прозаический французский перевод

traduction littérale

pas un souffle d'air pour briser le flot, qui roule sur la grève d'Athènes; près de cette tombe élevée sur le rocher (стремнина) — premier objet que salue sur cette terre qu'il sauva en vain le vaisseau qui s'en revient. Quand revivra un tel héros?

¹ Над строкой начато неразборчивое слово, оставшееся в ходе работы незначеркнутым.

² Доработка двух следующих стихов (ст. 21—22) велась в левой части листа и, видимо, позднее. Ей предшествовали отдельные записи:

- а. [Заветы всех веков]
 б. [⟨начато нрзб⟩]
 в. ⟨ ⟩ и [провиденью]
 з. Казалось изменена
 д. Всех царств и всех

.....

.... Doux climat! où chaque saison sourit doucement sur les [*начато нрзб*] îles bénies qui vues des hauteurs de Colonna enchantent le cœur, qui réjouissent¹ l'œil et plonge(nt) dans une contemplation rêveuse.

Là la surface riante de l'Océan réfléchi(t)²

Первоначальные варианты прозаического перевода

près de cette tombe ~ le vaisseau / а. cette tombe qui apparait sur le rocher (стремнина) sur la terre qu'il sauva en vain et que salue le premier³

б. près de cette tombe élevée haut sur le rocher (стремнина) premier objet que salue de cette terre qu'il sauva en vain le vaisseau plonge(nt) dans / l'attirent sur⁴

Стихотворный набросок

- А а. Нет ветра [*начато нрзб*] — тихая волна
 б. Нет ветра — синяя волна
 а. *Начато*: На прах Афин
 б. Афин < > тихо(?) орошает
 В(?) могил < > (?)
- Б < >
 а. *Начато*: Там —
 б. На прах Афин — < > катится
 Туда —
 а. Возвышенно могила зрится
 б. Высокая могила зрится

¹ В автографе с ошибкой: réjouit

² В автографе в словах: littérale, grève, Athènes, héros, bénies, Là отсутствуют диакритические знаки.

Перевод:

дословный перевод

ни одного дуновения воздуха, чтобы разбить волну, которая катится на песчаный берег Афин, близ этой возвышенной на скале (стремнина) могиле — первом предмете, который приветствует на этой земле, напрасно и м спасенной, корабль, туда возвращающийся. Когда вновь родится такой герой?

.....

.... Мягкий климат, где каждое время года тихо улыбается на благословенные острова, которые, когда смотришь на них с высот Колонны, чаруют сердце, которые раду(ю)т глаз и погружают в мечтательное созерцание.

Там смеющаяся поверхность океана отражает

³ *Перевод:*

близ этой могилы ~ корабль / а. эта могила, которая является на скале (стремнина) на земле, напрасно и м спасенной, и которую приветствует первый

б. близ этой могилы, которая является высоко на скале (стремнина) — первом предмете, который приветствует на земле, напрасно и м спасенной, корабль

⁴ *Перевод:* погружают в / влекут его к

«ТЕСНИТСЯ СРЕДЬ ТОЛПЫ ЕВРЕЙ СРЕБРОЛЮБИВЫЙ...»

(С. 146)

Автограф

(ПД 831, л. 26 об.)

- А а. *Начато:* Толпятся(?)
 б. <   > — Еврей трудолюбивый
 Болтливый Грек и Турок молчаливый
 И важный Перс и хитрый Армянин —
- Б Теснится среди толпы Еврей сребролюбивый
 Болтливый Грек и Турок молчаливый
 И важный Перс и хитрый Армянин —
- а. И злой Черкес, Кавка(за) дикий сын
 б. И злой Черкес, товар( )(?)
- В Теснится среди толпы Еврей сребролюбивый
- а. *Начато:* Казак
 б. *Начато:* Под буркою Казак
 в. <   >, Кавказа дикий <начато нрзб>
 з. <   >, Кавказа властелин
 Болтливый Грек и Турок молчаливый
 И важный Перс и хитрый Армянин —

«ГЕНЕРАЛ НЕ ПОПАЛ...»

(С. 146)

Автограф

(ПД 38)

- А а. *Начато:* В митро( )(?)
 б. К Инзову не обещал
 [К] Ко всему(?) он¹ опоз(дал)²
- Б [Н( )(?)] Генерал не попал
 Но к обедн(е) опоз(дал)
 И [вздыхает] Зоя

¹ При дальнейшей работе над наброском слово: он осталось невычеркнутым.

² Поврежден край листа.

«В ТВОЮ СВЕТЛИЦУ, ДРУГ МОЙ НЕЖНЫЙ...»

(С. 147)

Редакторская сводка чернового автографа

В твою светлицу друг мой нежный
 Я прихожу в последний раз —
 Утех отрады безмятежной
 Делю с тобой (последний час)
 Вперед одна в надежде томной
 Не жди меня средь ночи те(мн)ой
 До первых утренних луч(ей)
 Не жги свечей — —

Черновой автограф

(ПД 831, л. 42 об.)

- 1 а. *Начато:* Скажи
 б. *Начато:* В твой тихий терем, д(руг ?)(?)
 в. В твою светлицу друг мой нежный
- 2 Я прихожу в последний раз —
- 3—4 А а. *Начато:* Настал
 б. ( ) безмятежной
 в. Любви счастливой безмятежной
 з. [(*Начато нрзб*)¹] И ( ) жизни безмятежной
 Я провожу последний час
- Б ( )
 а. ( ) последний час
 б. [Н] Настал разлуки² скорбный(?) час
- В а. *Начато:* Утех восторгов
 б. Отрады ( ) безмятежной
 ( ) по(следний час ?)
 в. Утех отрады безмятежной
 Делю с тобой (последний час)
- 5—8 А а. *Начато:* Не жди меня³
 б. *Начато:* Прости — вперед —
 в. Не зажигай ( ) свечи
 з. Не жги ( ) свечи
 д. Не жди меня во мраке ночи
 е. Не жди ( ) во мраке ночи
 ж. Не жди меня во тьме ( )
 з. Не жди вперед ( )

¹ Недописанная прописная буква.² Над этими словами над строкой записано неразборчивое зачеркнутое слово, видимо, также относящееся к работе над стихом.³ Правее на листе отдельно записано слово: тогда

- и. Вп(е)ред до утреннего¹ света
Не жди
- к. Вперед во мраке тихой ночи —
Не жги
- л. *Начато:* Во мраке
- м. *Начато:* Вперед во мраке
- н. *Начато:* Не жди
- о. *Начато:* Вперед
- п. Во мраке тихой полуночи —
Не раскрывай окна
- р. Во мраке тихой полуночи —
Не [подв( )(?)]² ( ) окна
- с. Во мраке тихой полуночи —
Не открывай окна
- т. Вперед окна (не) открывай³
- у. *Начато:* На улицу во мраке
- ф. *Начато:* Прости
- Б а. *Начато:* Не жди меня в ночи
б. Не жди меня средь темной ночи;⁴
а. *Начато:* Не жги свечей
б. *Начато:* До первых
в. [И д( )] Смыкая⁵ сном унылы очи —⁶
Не жги ( ) свечей
а. [В] И( ) комнате ( )
б. В [печа(льной ?)] девичей комнате твоей
- В а. *Начато:* В
б. Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи те(мн)ой
До первых утренних луч(ей)
а. *Начато:* И
б. Не жги свечей — —

¹ Исправлено из первоначального: утренней

² По-видимому, начатая и сразу отмененная правка.

³ Незачеркнутый вариант.

⁴ В ходе дальнейшей работы над фрагментом слова: средь темной ночи; остались незачеркнутыми.

⁵ Исправлено из первоначального: Смыкай

⁶ В ходе дальнейшей работы над фрагментом стих остался незачеркнутым.

«(   ) ВО ДНИ ДАДОНА...»

(С. 147)

Автограф

(ПД 831, л. 43)

- 1—3 А Был монастырь где в тишине —
 Б Во времена царя Дадона —
 Был ⟨нрзб⟩ монастырь
 В Во времена царя Дадона —
 В какой не знаю стороне
 Был монастырь где в тишине —
 Г а. ⟨   ⟩ в монастыре
 б. В монастыре, во время оно
 в. В монастыре, во дни Дадона
 а. [Свят(ые)] ⟨   ⟩ жили чернецы —
 б. Когда-то жили чернецы —
 ⟨   ⟩ и там отцы —
 Достойны были Вавилона
 а. Никто ⟨   ⟩ не соблюдал
 б. Игумен их не соблюдал
 в. *Начато*: И правила
 Д ⟨   ⟩ во дни Дадона
 Был монастырь, где чернецы —
 а. *Начато*: Без правил там
 б. ⟨   ⟩ без правил, без закона

«В БЕСПЕЧНЫХ РАДОСТЯХ, В ЖИВОМ ОЧАРОВАНЬ(И)...»

(С. 147)

Автограф

(ПД 831, л. 43 об.)

- А Вы пролетевшие ⟨   ⟩ в очаровань(и)
 б. Вы пролетевшие в живом очаровань(и)
 Дни пылких радостей, надежды ⟨   ⟩
 Теките медленней в моем воспоминаньи
 Б а. Вы дни протекшие [⟨начато нрзб⟩] ⟨нрзб⟩ в очаровань(и)
 б. Вы дни протекшие в живом очаровань(и)
 а. Дни пылких радостей, о дни весны моей
 б. [Дни]¹ сладостных надежд, восторгов ⟨   ⟩
 Теките медленней в моем воспоминаньи
 В а. Вы⟨?⟩ протекли⟨?⟩ ⟨   ⟩ в живом очаровань(и)

¹ Вероятно, слово: Дни оказалось случайно зачеркнутым вместе со словами: пылких радостей

- б. Вы скоро протекли(?) в живом очаровань(и)
 в. Вы утекли ( ) в живом очаровань(и)
 г. Вы дни(?)¹ ( ) в живом очаровань(и)
 а. Вы [бы(стро)] скоро утекли ( )
 Теките медленней в моем воспоминаньи
 Г В беспечных² радостях, в живом очаровань(и)³
 Вы скоро утекли ( )
 Теките медленней в моем воспоминаньи

«ВО МРАКЕ ( ) ...»

(С. 148)

Автограф

(ПД 831, л. 50)

- А Начато: В Геенне праздник
 Б а. ( ) во тьме кромешной
 б. Начато: В аду
 Есть отдаленный уголок
 В а. Начато: Вдали той пропасти
 б. Вдали тех пропастей глубоких
 Где
 в. [Въ] Во мраке пропастей глубоких
 Где в муках вечных и жестоких
 Г Во мраке ( )
 ( )
 [Где свищут адские бичи]
 Где море адское клокочет
 Где грешника внимая стон
 Ужасный Сатана хохочет
 Д Во мраке ( )
 ( )
 а. Начато: Где вечных
 б. Где слез ( ) льются реки
 а. Начато: Куда
 б. Откуда изгнаны навеки
 а. Начато: Надежда
 б. Любовь ( ) и сладкий (сон)
 в. [На(дежда ?)] ( ) и сладкий (сон)
 г. Любовь ( ) и сладкий (сон)
 д. [Н] Надежда, мир, любовь и сон
 Где море адское клокочет
 И где ( ) внимая стон
 Ужасный Сатана хохочет

¹ В ходе дальнейшей правки слова: Вы дни(?) остались незачеркнутыми.² Исправлено из первоначального: беспечной³ Отдельно записанный после отчерка ниже на листе вариант.

«ПЛОВЕЦ, ОБМАНУТЫЙ И ВЕТРОМ И ВОЛНАМИ...»

(С. 148)

Автограф

(ПД 831, л. 54 об.)

- а. Обманутый пловец и ветром и волнами —
 б. Пловец обманутый и ветром и волнами —
 а. *Начато*: С приветным
 б. С покоем берега дружится наконец —
 в. С роди(мым?) берег(ом) дружится наконец —
 з. С надежным берегом мирится наконец —
 <   > с <   > берегами

〈ЭТЕРИСТЫ〉

(С. 148)

Варианты автографа

(ПД 43)

Прозаическая программа

Слова: Иордаки убивает их вписаны.

Стихотворный набросок¹

- А Глухая ночь <   > объемлет
 В лесу в толпе своих <начато нрзб>
 <.....> Ипс<иланти> дре<млет>
- Б а. [По< >] <   > и небо ночь объемлет
 б. Поля и горы ночь объемлет
 з. Ночная тень <   > объемлет
 д. <   > ночь объемлет
 е. Глухая горы ночь объемлет
 ж. <   > [ночь объемлет]²
 а. *Начато*: В горах у
 б. [Под темной] сению небес
 <.....> Ипс<иланти> дре<млет>

¹ Лист оборван. Многоточием в скобках обозначен недостающий текст на оборванном крае листа.

² Сверху отдельно записанное в позиции рифмы и зачеркнутое слово: шумит

«МОЙ ПЛЕННИК ВО ВСЕ НЕ ЛЮБЕЗЕН...»

(С. 149)

Автограф

(ПД 54)

- 1—4 А Мой пленник вовсе не любезен —
 < >
 < >
 Все так — но пленник мой — не я
- Б Мой пленник вовсе не любезен —
 < >
 а. Он скучен < > бесполезен —
 б. Он хладен < > бесполезен —
 Все так — но пленник мой — не я¹
- 5—8 а. Напрасно < > славил
 б. < > славил
 < >
 Дидло плясать его застав<ил>
 Мой пл<енник> следст<венно> не я

«[СКАЖИ], НЕ Я ЛЬ ТЕБЯ ЗАМЕТИЛ...»

(С. 150)

Автограф

(ПД 834, л. 6 об.)

- А Умом и нежной красотой
 а. Ты развивалась передо мной —
 б. Ты развивалась предо мной —
 Я первый
- Б а. Твой ум и нежные красы —
 б. Твой ум и ранние красы —
 в. Свой<?> ум и ранние красы —
- В а. Не я ль < > тебя заметил²
 б. Не я ль скажи — тебя заметил
 в. Скажи — не я ль тебя заметил
 г. < > — не я ль тебя заметил
 В толпе³ застенчивых подруг
 а. Твой первый взор не я ли встретил
 б. < > встретил
 Не я ли был⁴ < > первый друг —

¹ Под ст. 4 в автографе знак строфического деления: #² На левом поле листа против этого стиха зачеркнутое начало слова: [К< >]³ Слова: В толпе были зачеркнуты и восстановлены.⁴ Слово: был вписано.

«[ВЕНЕРЕ], ФЕБУ И ФЕМИДЕ...»

(С. 150)

Автограф

(ПД 834, л. 35 об.)

- 1—4 А [Т⟨ ⟩]¹ ⟨ ⟩ ездят по Тавриде
И проповедуют Парни —
Под
- Б Венере Фебу и Фемиде
Полезно посвящая дни
⟨ ⟩ ездят по Тавриде
И проповедуют Парни —
- В Т⟨нрзб⟩² Фебу и Фемиде
Полезно посвящая дни
Дозором ездят по Тавриде
И проповедуют Парни —

«ПРИЮТ ЛЮБВИ, ОН ВЕЧНО ПОЛН...»

(С. 150)

Первый черновой набросок

(ПД 835, л. 3)

- А а. Начато: У моря между
б. Есть у моря под ветхою скалой
Уединенная пещера
Она полна прохладной темнотой
- Б Под ⟨ ⟩ скалой
Пещера дикая таится
Она прохладной темнотой
Полна ⟨ ⟩ как
- В Под ⟨ ⟩ скалой
Пещера дикая таится
Она ⟨ ⟩
⟨ ⟩ прохладной темнотой
- Г Под ⟨ ⟩ скалой
Пещера дикая таится
Обитель неги, в летний зной
Она прохладной темнотой

¹ После буквы: Т начата какая-то буква.² Начало неразборчивого слова.

Второй черновой набросок
(ПД 835, л. 6)

- А Пещера дикая видна,
Она полна прохлады влажной
В ней плещут волны — и всегда
Не умолкает — гул протяжный
- Б Пещера дикая видна
а. <   > наводнена
б. [В те<ни>] <   > полу-наводнена
Исполнена прохлады влажной
<   > и никогда<?> <   >
Не умолкает — гул протяжный
- В а. *Начато*: Приют —
б. Приют любви он вечно полн
а. *Начато*: Мо<   >
б. И день и <ночь> прохлады влажной
в. Прохлады сумрачной и влажной
а. И никогда <   > волн
б. Там никогда — стесненных волн
Не умолкает — гул протяжный

ОТРЫВКИ НЕДОШЕДШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ОТРЫВОК ИЗ СКАЗКИ «ЦАРЬ НИКИТА»

(С. 153)

Редакторская сводка чернового автографа ст. 1—26

Царь Никита жил когда-то
Славно мирно [и] богато —
Не творя добра ни зла
И земля его цвела
Царь трудился понемногу
Кушал пил, молился Богу
И от разных матерей
Прижил 40 дочерей;
40 ангелов небесных
10 40 девушек преле<стных>
Милых видом и душ<ой>
Что за глазки — Боже мой
Ротик алый, темный волос —
Ножки — чудо! Нежный голос —
Вас с ума свести бы мог
Словом — с головы до ног
Чувство, душу все пленяло

Одного недоставало
 Да чего же одного
 20 Так безделки ничего
 Ничего иль очень мало
 Все равно — недоставало —
 Как бы это изъяснить?
 Чтобы нам не прогневить
 Богомольной важной дур(ы)
 Или чопорной цензур(ы)

Черновой автограф
 (ПД 832, л. 8 об.)

- 1—4 А Царь Василий жил когда-то
 Славно мирно и богато —
 И земля его цвела¹
- Б Царь Никита жил когда-то
 Славно мирно и богато —
 ( ) зло
 Все кругом его цвело
- В Царь Никита жил когда-то
 Славно мирно [и]² богато —
 Не творя добра ни зла
 И земля его цвела
- 5—8 А Так угодно было Богу
 Он под старость понемногу
 Прижил 40 дочерей;
- Б Так угодно было Богу
 Что под старость понемногу³
 [И] Он от разных матерей
 Прижил 40 дочерей;
- В Царь трудился понемногу
 Кушал пил, молился Богу
- а. И на старости своей
 б. И от разных матерей
 Прижил 40 дочерей;
- 9—16 А 40 девушек преле(стных)⁴
 40 ангелов небесных⁵
 Милых видом и душ(ой)

¹ Работа на листе была начата со ст. 5; ст. 1—4 записаны в нижней части листа после ст. 25—26 и отделены от них горизонтальным отчерком.

² Союз и был зачеркнут и не восстановлен; видимо, след намеченной и неосуществленной правки.

³ Перестановка стихов, сделанная в ходе дальнейшей правки, в автографе не обозначена.

⁴ Стих вписан.

⁵ Дальнейшая перестановка стихов указана проставленными слева от них цифрами: 1 и 2

- Тут заметит сам косой
 Ножки стройны темный волос —
- Б 40 ангелов небесных
 40 девушек преле(стных)
 Милых видом и душ(ой)
 Что за глазки — Боже мой
- а. Ножки, зубки, темный волос —
 б. Ротик алый, темный волос —
 Ножки¹ — чудо — Нежный голос —
- а. Всех с ума свести бы мог²
 б. Вас с ума свести бы мог
 Словом — с головы до ног
- 17—18 а. Все в них < > обво(рожало)
 б. Все < > обв(орожало)
 в. Чувство, душу все пленяло
 Одного недоставало
- 19—20 А Начато: Так бездельное(?)
 Б Да чего же одного
 Так безделки ничего
- 21—22 Ничего иль очень мало
 Все равно — недоставало —
- 23—26 А а. Начато: Н(?)
 б. Как бы это объяснить?
 в. Как бы это изъяснить?
 Что могла бы пропустить
- а. Наша < > цензур(а)³
 б. < > [*начато нрзб*] цензур(а)
 в. <*Нрзб*> строгая цензур(а)
 Слишком чопорная⁴ дур(а)⁵
- Б Как бы это изъяснить?
 Чтобы [мне] нам не прогневить
 Богомольной важной дур(ы)
 а. Начато: [Или] Или
 б. Или чопорной цензур(ы)

Разночтения копий Соб₂, Лон—Полт, Полт₂, Бабст, Даш, Якуш₁, Блок, Эбк, Птл, Як, Е(1), Е(2) (ст. 1—75), Долг (ст. 1—75), Ал (ст. 1—75), Ст и публикаций БЭ (ст. 1—22), РБк, Герб(1), РПЛ (ст. 1—75)

Заглавие Отрывок из сказки «Царь Никита»

Соб₂, Полт₂, Даш,
 Блок, Е(1)

Заглавие Отрывки из сказки «Царь Никита»

Лон—Полт

¹ Исправлено из первоначального: Ножка

² Стих вписан.

³ Окончание слова не дописано.

⁴ Слово: чопорная или первоначально написано с опiskой, или исправлено из другого слова.

⁵ Окончание слова не дописано.

Заглавие	«Царь Никита». (Отрывок из сказки)	Якуш ₁
Заглавие	Царь Никита ¹	Бабст, Як, Ал, Ст, РПЛ
Заглавие	Царь Никита (отрывок из сказки соч. Пушкина)	Збк
Заглавие	Сказка «Царь Никита». (Отрывок из сказки)	Птл
Заглавие	Царь Никита. (Сказка)	Е(2), Долг
Заглавие	«Царь Никита». Отрывок из сказки	РБк
Заглавие	Царь Никита. Простонародная сказка	Герб(1)
Заглавие	Отсутствует. ²	БЗ
	3 Не творил добра и зла, ³	Бабст, Ст
	4 Так земля его цвела. ⁴	Лон—Полт, Полт ₂ , Бабст, Даш, Якуш ₁ , Блок, Як, Е(1), Е(2), Ст, БЗ, Герб(1), РПЛ
	5 Он трудился понемногу,	Ст, РПЛ
	10 Отсутствует. ⁵	Збк, Птл, Ст, РБк
	11 Чудо сердцем и душой. ⁶	Бабст, Якуш ₁ , Птл, БЗ, Герб(1)
	11 Чудных сердцем и душой!	Долг
	12 Что за ножки — Боже мой!	Блок, Як, Долг, Ал
12—14	Что за глазки — Боже мой!	
	Чудо ножка, чудо волос, Чудо зубки, чудо голос,	Бабст
	13 А головки — чудо волос, ⁷	Як, Ал
	13 А головки, темный волос, ⁸	Блок, Збк, Як
	13 И головка, темный волос,	Ст
13—14	Чудо глазки, чудо голос, Чудо груди, чудо волос. ⁹	Якуш ₁
13—14	Что за шейки! что за голос! Что за глазки! что за волос!..	Долг
	15 Он с ума свести бы мог;	Соб ₂

¹ В Бабст у заглавия помета рукой В. П. Гаевского: Сказка А. Л. (sic) Пушкина

² В БЗ текст приведен в примечании к фразе из письма Пушкина к Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу от 15 марта 1825 г.: «...не прислать ли вам для наполнения Ц (аря) Никиту и 40 его дочерей?»

³ В Бабст исправление в копии рукой В. П. Гаевского; первоначально читалось как в тексте.

⁴ В Бабст в примечании рукой В. П. Гаевского дан вариант как в тексте; в Як дополнительный вариант; в Е(2) карандашом исправлено как в тексте.

⁵ В Птл вписан на полях вместе с дополнительным вариантом ст. 11.

⁶ В Якуш₁ и БЗ дан дополнительный вариант как в тексте; в Птл дополнительный вариант, вписанный на полях вместе с первоначально отсутствовавшим в копии ст. 10.

⁷ В Ал в примечании дан вариант «по другому списку»: Что за груди! Темный волос

⁸ В Як исправление в копии.

⁹ В Якуш₁ дан дополнительный вариант как в тексте.

- 15 Ум с ума свести бы мог, —
Лон—Полт, Полт₂,
Даш, Якуш₁, Блок, Як,
Е(1), Е(2), Долг, Ал,
Ст, БЗ, Герб(1), РПЛ
Бабст, Эбк, Птл, РБк
- 15 Отсутствует.¹
17 Сердце, чувство — все пленяло.
19 Отсутствует.
Соб₂, Лон—Полт,
Полт₂, Даш, Блок,
Эбк, Птл, Е(2), БЗ,
РБк
- 19—22 Отсутствуют.²
19 Да чего же одного?³
Якуш₁, Е(1)
Бабст, Як, Е(1), Долг,
Ал, Герб(1)
19 Но чего же одного?
Ст, РПЛ
20 Так, безделки, ничего,³
Полт₂, Блок, Эбк,
Птл, Як, Е(1), Долг,
Ал, Ст, РБк, Герб(1)
- 21—22 Отсутствуют.
23 Как бы это пояснить,
23 Как бы это объяснить,⁴
Долг, Бабст
Даш, Герб(1)
Долг, Бабст, Як, Е(1),
Ал
- 24 Чтобы тем не раздражить
24 Чтоб совсем не раздражить⁵
Бабст, Якуш₁
24 Чтобы тем не прогневить
Якуш₁, Блок, Герб(1)
Долг
25 Нашей богомольной дуры,
Лон—Полт
25 Богомольной важной дуры,
Бабст, Герб(1)
25 Бестолковой старой дуры,
Долг
26 Нашей чопорной цензуры?
Бабст, Долг, Герб(1)
27 Как быть? Помоги мне Бог!⁶
Лон—Полт, Полт₂,
Бабст, Даш, Якуш₁,
Як, Е(1), Е(2), Ал,
Герб(1), РПЛ
- 27 Как же быть, поможь мне Бог!
Эбк, Птл, РБк
29 Нет, уж это очень ясно
Бабст
32 Я люблю Венеры грудь,
Е(2), Долг
33 Ручки, ножку особливо,
Як, Ал
33 Губки, ножки особливо,
Блок, Эбк, Ст
34 Отсутствует.
Эбк, Птл, РБк
34 Но любовное огниво,
Ст, РПЛ
35 Что влечет сильней всего?
Долг
38 И того не доставало
Бабст

¹ В Птл вписан на полях как в тексте.

² В Е(1) вписаны позднее карандашом с пометой: Напечатано.

³ В Е(1) вписан позднее карандашом.

⁴ В Е(1) карандашная поправка; первоначально читалось как в тексте. В Як дан до-
полнительный вариант как в тексте.

⁵ В Якуш₁ дополнительный вариант.

⁶ В Полт₂ исправлено из первоначального ошибочного: Как быть! поможь мне Бог!

Между 39 и 40	Пылких, резвых и живых. ¹	Е(2)
Между 39 и 40	Девок пылких и живых. ²	Ал
45	Отсутствует.	Збк, Птл, РБк
45—46	Как от бабок повивальных	
	Разузнал про то народ —	Долг
47	Отсутствует.	Соб ₂ , Даш, Збк, Долг, РБк
47	Всякий тут разинул рот, ³	Лон—Полт, Полт ₂ , Бабст, Якуш ₁ , Птл, Е(1), Ал, Герб(1)
47	До ушей разинул рот,	Блок
47	С ужасом разинул рот, ⁴	Як, Е(1), Е(2)
47	То-то охал во весь рот,	Ст, РПЛ
48	Охал, охал, дивовался,	Соб ₂ , Блок, Ст, РПЛ
48	Охал, ахал, дивовался,	Лон—Полт, Полт ₂ , Даш, Якуш ₁ , Як, Е(1), Е(2), Ал
48	Ахал, охал, дивовался,	Бабст, Збк, Птл, Долг, РБк, Герб(1)
50	Но тихонько, чтобы в путь	Ст, РПЛ
51	Куда в ссылку не махнуть.	Долг
Между 52 и 53	Чтоб зажать всем сплетням рот, ⁵	Долг
52	Царь созвал своих придворных, ⁶	Бабст, Якуш ₁ , Як, Е(2), Ал, Герб(1)
52	Царь собрав своих придворных,	Птл, Долг, РБк
53	Отсутствует.	РБк
54	Издад им такой указ:	Бабст, Збк, Птл, РБк
54	Выдал им такой приказ:	Долг
54	И издад такой приказ:	Ст, РПЛ
54	Им держал такой приказ:	Герб(1)
57	Или думать их приучит,	Якуш ₁
57	Отсутствует.	Збк, Ст
61	Или кукиш там покажет, ⁷	Лон—Полт, Полт ₂ , Даш, Якуш ₁ , Як, Е(1), РПЛ
63	Бабам вырежу язык,	Герб(1)

¹ В Е(2) стих взят в скобки карандашом.

² В Ал стих вписан.

³ В Е(1) позднейшее карандашное исправление в копии.

⁴ В Як дано как дополнительный вариант с ошибкой: Всякий с ужасом разинул рот

⁵ В Долг этот стих должен был заменить отсутствующий ст. 47, что, однако, требовало исключения из текста ст. 48—51, которые и были отчеркнуты по левому полю фигурной скобкой как «лишние».

⁶ В Якуш₁ дополнительный вариант; в Як дан дополнительный вариант как в тексте.

⁷ В Як дополнительный вариант; в Е(1) позднее карандашом исправлено как в тексте. В РПЛ дан дополнительный вариант как в тексте; кроме того, в РПЛ ст. 60 и 61 поменяны местами.

65	Что порой бывает ту же. ¹	Бабст, Якуш ₁ , Блок, Збк, Як, Долг, Ал, Ст, Герб(1), РПЛ
67	А указ красноречив.	Бабст, Як, Ал
68	Всяк со страхом покорился,	Якуш ₁
68	Всяк со страхом удалился, ²	Як, Ал
71	И хранил свое добро.	Герб(1)
74	Зато думали мужья: ³	Бабст

Продолжение текста после ст. 75 по Герб(2)

- (Видно, сердцем были гневны).
 Подросли мои царевны.
 Жаль их стало. Царь — в совет;
 Изложил там свой предмет:
 80 Так и так — довольно ясно,
 Тихо, шепотом, негласно,
 Осторожнее от слуг.
 Призадумались бояры,
 Как лечить такой недуг.
 Вот один советник старый
 Поклонился всем — и вдруг
 В лысый лоб рукою брякнул
 И царю он так вавакнул:
 «О, премудрый государь!
 90 Не взыщи мою ты дерзость,
 Если про плотскую мерзость
 Расскажу, что было встарь.
 Мне была знакома сводня
 (Где она? и чем сегодня?)
 Верно, тем же, чем была.)
 Баба ведьмою слыла,
 Всем недугам пособляла,
 Немошь членов исцеляла.
 Вот ее бы отыскать!
 100 Ведьма дело все поправит:
 Что там надо — то и вставит». —
 «Так за ней сейчас послать! —
 Возражает царь Никита,
 Брови сдвинувши сердито, —
 Тотчас ведьму отыскать!
 Если ж нас она обманет,
 Чего надо не достанет,

¹ В Як дан дополнительный вариант как в тексте; в Ст с ошибкой переписчика: Что порой бывает хуже!

² В Як дан дополнительный вариант как в тексте.

³ В Бабст первоначально после ст. 73 стояли две строки отточий, указывающие на незавершенность текста; ст. 74—75 вписаны поверх них рукой В. П. Гаевского.

- На бобах нас проведет
Или с умыслом солжет, —
110 Будь я шельма и бездельник,
Если в чистый понедельник
Сжечь колдунью не велю:
И тем небо умолю».
Вот секретно, осторожно,
По курьерской подорожной
И во все земли концы
Были посланы гонцы.
Они скажут, всюду рыщут
И царю колдунью ищут.
120 Год проходит и другой —
Нету вести никакой.
Наконец один ретивый
Вдруг напал на след счастливый.
Он заехал в страшный лес
(Точно ввел его сам бес),
Видит там — стоит избушка;
Ведьма в ней живет старушка.
Как он был царев посол,
Так к ней прямо и зашел,
130 Поклонился ведьме смело,
Объяснил ей, в чем все дело:
Как царевны рождены
И чего все лишены.
Ведьма тотчас все смекнула...
В дверь гонца она толкнула,
Так примолвив: «Уходи
Поскорей и без оглядки,
Не то — бойся лихорадки...
Через три дня приходи
140 За посылкой и ответом,
Только помни — чур с рассветом».
После ведьма заперлась,
Уголечком запаслась,
Трое суток ворожила,
Так что беса приманила.
Чтоб отправить во дворец,
Сам принес он ей ларец,
Полный грешными вещами,
Обожаемыми нами.
150 Их там было всех сортов,
Всех размеров, всех цветов,
Всё отборные, с кудрями...
Ведьма все перебрала,
Сорок лучших оточла,
Их в салфетку завернула

- И под ключ в ларец замкнула;
С ним отправила гонца,
Дав на путь серебреца.
Едет он. Заря зарделась...
- 160 Роздых сделать захотелось.
Захотелось закусить,
Жажду водкой утолить:
Он был малый аккуратный,
Всем запасся в путь обратный.
Вот коня он разнуздал
И покойно кушать стал.
Конь пасется. Сам мечтает,
Как его царь вознесет,
Графом, князем назовет.
- 170 Что же ларчик заключает?
Что царю в нем ведьма шлет?
В щелку смотрит: нет, не видно —
Заперт плотно. Как обидно!
Любопытство страх берет
И всего его тревожит.
Ухо он к замку приложит —
Ничего не чует слух;
К носу — да, знакомый дух...
Тьфу ты пропасть! что за чудо?
- 180 Посмотреть бы мне не худо!
И не вытерпел гонец...
Но лишь отпер он ларец,
Птички — порх и улетели,
На сучках прямых засели
И хвостами завертели.
Ну он плакать, ну их звать,
Сухарями их прельщать:
Крошки сыплет — всё напрасно
(Видно, кормятся не тем):
- 190 На сучочках им прекрасно,
А в ларце сидеть зачем?
Вот тащится вдоль дороги,
Вся согнувшись дугой,
Баба старая с клюкой.
Наш гонец ей бухнул в ноги:
«Пропаду я с головой!
Помоги! будь мать родная!
Посмотри — беда какая:
Не могу их изловить!
- 200 Как же горю пособить?»
Вверх старуха посмотрела,
Плюнула и прошипела:
«Поступил ты хоть и скверно,

Но не плачься, не тужи...
 Ты им только покажи —
 Сами все слетят наверно».
 «Ну, спасибо!» — он сказал...
 И лишь только показал —
 Птички вмиг к нему слетели
 210 И квартирой овладели.
 Чтоб беды не знать другой,
 Он, без дальних отговорок,
 Тотчас их под ключ все сорок
 И отправился домой.
 Как княжны их получили,
 Прямо в клетки посадили.
 Царь на радости такой
 Задал тотчас пир горой:
 Семь дней сряду пировали,
 220 Целый месяц отдыхали;
 Царь совет весь наградил,
 Да и ведьму не забыл:
 Из кунсткамеры в подарок
 Послан ей в спирту огарок
 (Тот, который всех дивил),
 Две ехидны, два скелета
 Из того же кабинета...
 Награжден был и гонец.
 Вот и сказочки конец.

*Разночтения копий Е(2), Долг, Ал, Ст и публикации РПЛ
с Герб (2) (текст после ст. 75)*

83	Призадумались бояре,	РПЛ
86	Как бы вдохновенный вдруг,	Долг
86	Поклонился сам и вдруг,	Ст
90	Не взыщи на мою дерзость, ¹	Долг, Ал, Ст
92	Помяну ² , что было встарь.	Долг
95—96	Чародейкою слыла И как черт умна была;	Долг
96	Она ведьмою слыла, ³	Е(2), Ал, Ст, РПЛ
100	Она дело все поправит:	Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ
101	И что нужно, то и вставит.	Долг
101	А что нужно, то и вставит.	Ал
101	А что надо — то и вставит.	Е(2), Ст, РПЛ
103	Отвечает царь Никита,	Долг

¹ В Ал дополнительный вариант.

² Первоначально было начато: Рас(скажу)

³ В Е(2) ст. 95—96 отчеркнуты по левому полю карандашом.

105	Да! Колдунью отыскать!	<i>Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ</i>
107	Если нас она обманет,	<i>Ст</i>
107	<i>Отсутствует.</i>	<i>Ст, РПЛ</i>
108	На бобах всех проведет	<i>Долг</i>
109	<i>Отсутствует.</i>	<i>Ал, Ст, РПЛ</i>
110	Будь не царь я, а бездельник,	<i>Долг</i>
115	По открытой подорожной ¹	<i>Е(2), Ал, Ст, РПЛ</i>
121	А нет вести никакой.	<i>Е(2), Долг, Ал, Ст</i>
125	Как бы вел его сам бес.	<i>Долг</i>
125	Как бы ввел его сам бес.	<i>Е(2), Ал, Ст, РПЛ</i>
128	А как он царев посол,	<i>Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ</i>
129	То к ней прямо и зашел,	<i>Долг</i>
129	То к ней прямо он зашел,	<i>Ст</i>
133	И чего-то лишены.	<i>Е(2), Долг, Ал, Ст</i>
136	Так промолвив: «Уходи!	<i>Ст</i>
137	Поскорее без оглядки,	<i>Ст</i>
138	<i>Отсутствует.</i>	<i>Ст</i>
139	Через три дня ты приходи ²	<i>Е(2), Долг, Ал, Ст</i>
139	Через три дня ты приди	<i>РПЛ</i>
140	<i>Отсутствует.</i>	<i>Ал</i>
141	Только помни — чуть с рассветом.	<i>Долг, Ал</i>
141	Помни только — чуть с рассветом.	<i>Е(2), Ст, РПЛ</i>
142	Потом ведьма заперлась,	<i>Долг</i>
146	<i>Отсутствует.</i>	<i>Ал, РПЛ</i>
147	Там принес он ей ларец,	<i>Ст</i>
148	Полный чудными вещами,	<i>Ст, РПЛ</i>
152	Всё отборных, всё с кудрями... ³	<i>Ст, РПЛ</i>
153	Ведьма их перебрала,	<i>Долг, Ст</i>
161	Пожелалось закусить,	<i>Долг</i>
172	В щелку посмотреть — не видно —	<i>Е(2), Ал, РПЛ</i>
172	В щель посмотрит — нет! не видно! ⁴	<i>Е(2)</i>
172	В щелку посмотреть — не видно,	<i>Ст</i>
178	Нюхает — знакомый дух... ⁵	<i>Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ</i>
179	Тьфу ты черт! какое чудо!	<i>Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ</i>
182	Но лишь только вскрыл ларец,	<i>Долг</i>
182	Но лишь он открыл ларец, ⁶	<i>Е(2), Ал, Ст, РПЛ</i>
183	Птички роем улетели,	<i>Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ</i>
184	На сучках прямых уселись	<i>Долг</i>
186	Он ну кликать, ну их звать, ⁷	<i>Е(2), Долг</i>
186	Ну он плакать, ну он звать,	<i>Ст</i>

¹ В *Е(2)* позднее карандашом исправлено как в тексте.

² В *Ст* с ошибкой переписчика: Через три дня ты приходи

³ В *Ст* с ошибкой переписчика: Всё отборные, всё с кудрями...

⁴ В *Е(2)* карандашная поправка.

⁵ По свидетельству М. Н. Лонгинова со слов Л. С. Пушкина (см. наст. т., с. 942), стих Пушкина.

⁶ В *Ст* с ошибкой переписчика: Но лишь открыл ларец

⁷ В *Е(2)* исправление в копии; первоначально читалось как в тексте.

	188	Хлебца крошит — все напрасно	Долг
	189	Отсутствует.	Ст
	190	На сучках им петь прекрасно,	Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ
	190	На сучках им так прекрасно, ¹	Е(2)
	193	Отсутствует.	Ст
	195	Наш гонец к ней бухнул в ноги:	Долг
	195	Наш гонец ей бух да в ноги:	Ст, РПЛ
	202	Плюнула и покраснела.	Долг, Ст, РПЛ
	204	Но ты, глупый, не тужи...	Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ
	205	Сядь да только покажи — ²	Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ
	205	Вынь да только покажи —	Ал
	208	Сел и только показал —	Долг
Между 208 и	209	Весь рой птичек запорхал,	Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ
	209	Быстро все к нему слетелись	Долг
	209	Прямо все к нему слетели ³	Е(2), Ал, Ст, РПЛ
	210	И квартирой завладели.	Долг, Ст
	211	Чтоб беды не знать иной,	Ст
	212	Знать не хочет отговорок	Долг
	212	Он, без дальних оговорок,	Ал
	213	И тотчас под ключ все сорок —	Долг
	213	Их под ключ тотчас всех сорок	Ст, РПЛ
	214	И направил путь домой.	Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ
	215	Княжны птичек получили,	Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ
	224	Ей послал в спирту огарок,	Ал
	224	В спирте ей послал огарок,	Ст, РПЛ
	229	Две строки отточий.	Ст
	229	Вот и сказки всей конец:	РПЛ
После 229		Многие меня поносят...	
		И теперь, пожалуй, спросят,	
		Глупо так зачем шучу?	
		Что за дело им — хочу! ⁴	Е(2), Долг, Ал, Ст, РПЛ

¹ В Е(2) позднейшая поправка карандашом.

² В Ал дополнительный вариант.

³ В Ст с ошибкой: Прямо все к нему слетелись

⁴ В Ал и Е(2) последние четыре стиха отделены от предыдущего текста отчерком, в Долг — пробелом; в Ст — двумя строками отточий, поставленных вместо ст. 229.

DUBIA

〈НА ФОТИЯ〉

(«Полу-фанатик, полу-плут...»)

(С. 155)

Разночтения копий Бар, Лон—Полт, Ал, Якуш, Якуш₁, Даш, Е и публикаций Герб, РПЛ

<i>Заглавие</i>	Ему же ¹	<i>Бар, Даш</i>
<i>Заглавие</i>	На него же ²	<i>Лон—Полт</i>
<i>Заглавие</i>	А. Н. Голицын	<i>Ал</i>
<i>Заглавие</i>	Фотию	<i>Якуш, Е, РПЛ</i>
<i>Заглавие</i>	Князю А. Н. Голицыну ³	<i>Герб</i>
	2 Его орудием духовным	<i>РПЛ</i>
	4 Пошли нам, Боже, недостойным	<i>Бар, Лон—Полт, Ал, Якуш, Якуш₁, Даш, Е, РПЛ</i>

ГР. А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

(«Благочестивая жена...»)

(С. 156)

Разночтения копий Якуш, Якуш₁, Укр и Е и публикации РПЛ

<i>Заглавие</i>	К граф. А. А. Орловой-Чесменской	<i>Якуш</i>
<i>Заглавие</i>	Гр. А. А. Орловой	<i>Укр</i>
<i>Заглавие</i>	К гр. Анне Алексеевне Орловой-Чесменской	<i>Е</i>
<i>Заглавие</i>	Граф. А. А. Орловой	<i>Якуш₁, РПЛ</i>
	1 Богоподобная жена	<i>Якуш₁, Укр, РПЛ</i>
	3 А грешною плотию	<i>Якуш₁</i>

¹ В *Бар* после эпиграмм: «Вот Хвостовой покровитель...» и «Он добрый мальй, брат сестрицам...», первая из которых озаглавлена: На Голицына; в *Даш* после эпиграммы: «Он добрый мальй, брат сестрицам...», которая озаглавлена: К Голицыну.

² Между эпиграммами «Он добрый мальй, брат сестрицам...» и «Полу-фанатик, полу-плут...», первая из которых озаглавлена: На князя А. Н. Голицына.

³ Перед эпиграммами «Вот Хвостовой покровитель...» и «Он добрый мальй, брат сестрицам...».

РАЗГОВОР ФОТИЯ С ГР. ОРЛОВОЙ

(«Внимай, что я тебе вещаю...»)

(С. 157)

Разночтения копий Лон—Полт, Ал, Якуш, Е и публикации РПЛ

<i>Заглавие</i>	Разговор Фотия с графиней Орловой	<i>Лон—Полт</i>
<i>Заглавие</i>	Разговор Фотия с Орловой	<i>Ал, Якуш, РПЛ</i>
<i>Заглавие</i>	К гр. Анне Алексеевне Орловой-Чесменской	<i>Е</i>
2—3	Я телом евнух, муж душою.	
	— Но что ж ты делаешь со мною?	<i>Ал</i>

КОММЕНТАРИИ

Е. О. Ларионова

ЮЖНАЯ ЛИРИКА ПУШКИНА

Четыре года, проведенные на юге, занимают особое место в пушкинской биографии. Никакой другой период, пожалуй, не может сравниться с ними по разнообразию жизненных обстоятельств, по пестроте и обилию внешних впечатлений. Эти впечатления и обстоятельства находили живой отклик в пушкинской поэзии, развивавшейся в южный период под знаком непрерывного творческого поиска, в сфере действия столь же разнообразных, порой прямо противоречивых, художественных тенденций и литературных влияний. Весной 1820 г. Петербург покинул молодой поэт, известность которого еще не выходила за пределы достаточно узкого литературного круга. Пушкинский поэтический гений получил полное признание в ближайшем литературно-дружеском окружении (В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, Е. А. Баратынский, П. А. Плетнев), но за его пределами Пушкина знали, по замечанию А. И. Тургенева, «только по мелким стихам и по крупным шалостям».¹ Южная ссылка стала в творчестве Пушкина временем смелых экспериментов, непрерывного расширения жанрового, тематического и стилистического диапазона. В эти четыре года произошло окончательное становление Пушкина-художника. Ко времени приезда в августе 1824 г. в Михайловское он имел безусловную славу первого национального поэта, за судьбой которого следила вся читающая Россия.

1

6 мая 1820 г. Пушкин отправился из Петербурга в Екатеринослав курьером к председателю Попечительного комитета о колонистах южной России генерал-лейтенанту И. Н. Инзову. Он вез Инзову предложение принять пост полномочного наместника Бессарабии и сам должен был потом остаться сверхштатным чиновником при его канцелярии.² В Екатеринославе Пушкин встретился с проезжавшими через город Раевскими — генералом Николаем Николаевичем, его сыном Николаем и дочерьми Марией и Софьей, — кото-

¹ ОА. Т. 2. С. 24 (письмо к П. А. Вяземскому от 25 февраля 1820 г.).

² См.: Оксман Ю. Г. К истории высылки Пушкина из Петербурга // Памяти П. Н. Сакулина : Сб. статей. М., 1931. С. 162—165.

рые с разрешения Инзова взяли его с собой на Кавказские минеральные воды. На Горячих водах (в Пятигорске) к ним присоединился старший сын Раевского Александр. После двухмесячного пребывания на Кавказе Раевские и Пушкин перебрались в Крым: через Тамань морем в Керчь, далее в Феодосию, далее снова морем на военном бриге вдоль южного берега в Гурзуф, где их ждали жена генерала С. А. Раевская с дочерьми Екатериной и Еленой. С 19 августа по 4 сентября Пушкин прожил в Гурзуфе, потом совершил с Раевскими-младшими четырехдневное путешествие по Крыму, провел несколько дней в Симферополе и через Одессу отправился к месту службы — в Кишинев, куда за это время перебрался новый бессарабский наместник.

«Не только Пушкина, одаренного самым пламенным воображением, но и каждого из нас, внезапно перенесшегося в край, вовсе не схожий с тем, что мы видели в Европе, должно было занимать все встречающееся в Кишиневе», — замечал познакомившийся там с Пушкиным И. П. Липранди.³ Пушкин прожил в Кишиневе с 21 сентября 1820 г. по 2 июля 1823 г. Разлука с близкими, не оставлявшая поэта тоска по Петербургу, бытовые и денежные неурядицы, столкновения с молдаванскими «боярами», вспышки и выходы, кончавшиеся кое-как улаженными дуэлями, не мешают признать первые два года пушкинской ссылки одними из самых благополучных в его жизни. Генерал Инзов не принял на себя обязанности полицейского надзора за ссыльным поэтом, относился к нему отечески и как в мае 1820 г. легко отпустил с Раевскими,⁴ так и в дальнейшем не особо препятствовал отлучкам из Кишинева. Зимой 1820/21 г. Пушкин длительное время провел в имении А. Л. и В. Л. Давыдовых Каменке, откуда вместе с хозяевами ездил в Киев на «контракты», в декабре 1821 г. он сопровождал И. П. Липранди в Аккерман и Измаил, пару раз выезжал в Одессу. «Инзов очень меня любил, — писал впоследствии сам Пушкин в «(Воображаемом разговоре с Александром I)», — за всякую ссору с молдава(нами) объявлял мне комнатный арест и присылал мне скуки ради Франк(фуртский) жур(нал)» (Акад. Т. 11. С. 296). Резко вырванный из столичной литературной и светской среды, Пушкин нашел в Кишиневе новых друзей и новый круг общения, оказавший на него существенное влияние. Этот круг составляли в большинстве своем люди военные — офицеры 16-й дивизии, которой командовал петербургский знакомый Пушкина «арзамасец» М. Ф. Орлов, незадолго до приезда поэта получивший назначение и обосновавшийся в Кишиневе, а также молодые выпускники Московского училища для колонновожатых, занимавшиеся военно-топографической съемкой Бессарабии. «Главнейшая услуга», которую оказала Пушкину новая обстановка, заключалась, по замечанию П. В. Анненкова, в том, что она пробудила в нем «жажду учения, самообразования, подняла в уме его вопросы, для которых требовалась уже вседневная привыч-

³ П. в восп. Т. 1. С. 313.

⁴ «Расстроенное его здоровье в столь молодые лета и неприятное положение, в коем он по молодости находится, требовали, с одной стороны, помочи, а с другой — безвредной рассеянности, а потому отпустил я его с генералом Раевским...», — писал Инзов К. Я. Булгакову (РА. 1863. № 12. Стб. 900).

ка к размышлению и круг познаний, доселе ему не достававший».⁵ В распоряжении Пушкина была обширная библиотека И. П. Липранди, который вспоминал, что Пушкин «смирался, когда шел разговор о каких-либо науках, в особенности географии и истории, и легким, ловким спором как бы вызывал противника на обогащение себя сведениями», а после, «на другой или на третий день, брал у меня книги, касавшиеся до предмета, о котором шла речь».⁶ Сам Пушкин уже в написанном в конце марта—начале апреля 1821 г. послании «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») говорил о себе:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

В числе ближайших знакомых и приятелей поэта оказались активные деятели декабристского движения — участники Союза благоденствия М. Ф. Орлов, П. С. Пушин, В. Ф. Раевский, К. А. Охотников, В. Л. Давыдов и люди идейно к ним близкие, хотя и организационно с Союзом не связанные, такие как И. П. Липранди и Н. С. Алексеев. В апреле 1821 г. Пушкин познакомился с приехавшим в Кишинев П. И. Пестелем, будущим главой Южного общества. В 1821—1822 гг. русские тайные общества переживали непростой период «переформирования». В январе 1821 г. на московском съезде Союза благоденствия было принято решение о его роспуске. В новых формах конспирации большая часть пушкинских кишиневских знакомых (кроме В. Л. Давыдова) участия уже не принимала, во взглядах на дальнейшие пути освободительного движения, его тактику и идеологию среди них, по-видимому, тоже не было полного единства.⁷ Тем не менее градус политических дискуссий был высок, чему в 1820—1821 гг. в немалой мере способствовали европейские события: в январе 1820 г. вспыхнула революция в Неаполе, осенью начались волнения в Португалии, в феврале 1821 г. — греческое восстание, в марте — возмущение в Пьемонте, лето и осень 1821 г. Кишинев жил ожиданием скорой войны с турками. «Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами», — писал Пушкин 4 декабря 1820 г. Н. И. Гнедичу из Каменки, где в одно время с ним

⁵ Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 153—154.

⁶ П. в восп. Т. 1. С. 327, 299.

⁷ См.: Немировский И. В. Кишиневский кружок декабристов (1820—1821 гг.) // Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 135—150. Декабристское окружение Пушкина во время его южной ссылки не раз становилось предметом исследовательского внимания. См., например: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. М., 1975. С. 169—179; Иова И. Ф. Декабристы в Кишиневе. Кишинев, 1975; Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 11—65.

гостили генерал Раевский с сыном Александром, М. Ф. Орлов, К. А. Охотников и И. Д. Якушкин (Акад. Т. 13. С. 20). «У нас беспрестанно идут шумные споры, философские, политические, литературные и др.», — сообщала Е. Н. Орлова брату А. Н. Раевскому в конце 1821 г.⁸ О спорах, «серьезных разговорах» и «шумливых беседах» у себя и у М. Ф. Орлова вспоминал И. П. Липранди.⁹

В 1822 г. ситуация в Кишиневе переменялась. В декабре 1821—январе 1822 г. случились беспорядки в Камчатском и Охотском пехотных полках дивизии М. Ф. Орлова; солдаты подали жалобы на батальонных и ротных командиров. Орлов, уничтоживший в своей дивизии телесные наказания и строго борющийся против произвола в отношении нижних чинов, начал расследование, но в дело вмешался командующий корпусом генерал И. В. Сабанеев, который решил воспользоваться поводом и покончить с «революционными» настроениями во вверенных ему войсках. Кишиневский кружок декабристов был разгромлен. 6 февраля 1822 г. был арестован В. Ф. Раевский, заведовавший в дивизии Орлова солдатскими школами ланкастерского обучения, а Орлов, находившийся в это время в Киеве, вызван для дачи объяснений в штаб Второй армии в Тульчин и фактически отстранен от командования. В Кишинев Орлов больше не вернулся. В конце марта 1822 г. получил отставку П. С. Пущин, в апреле 1823 г. вышел из службы и уехал из города К. А. Охотников, также привлекавшийся к следствию по делу Раевского. Надежды на скорое возвращение в Петербург, которыми Пушкин жил первые годы ссылки, постепенно таяли, а после полученного поэтом в марте 1823 г. отказа даже в кратком отпуске совершенно исчезли. «Он скучает своим безнадежным положением», — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 30 апреля 1823 г.¹⁰

В мае 1823 г. на пост новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабии был назначен граф М. С. Воронцов, и петербургские друзья воспользовались случаем перевести Пушкина в канцелярию Воронцова в Одессу. Оживленный, строящийся торговый город с театром и светским обществом представлял гораздо больше разнообразия, чем захолустный Кишинев. «Кажется, это пойдет на лад, — писал А. И. Тургенев Вяземскому 15 июня. — Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть; за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся. Впрочем, я одного боюсь: тебя послали в Варшаву, откуда тебя выслали; Батюшкова — в Италию — с ума сошел; что-то будет с Пушкиным?»¹¹ Высказанные в шутку опасения Тургенева оказались вполне основательными. Отношения с Воронцовым не сложились: Пушкин продолжал вести независимую жизнь свободного поэта, Воронцов смотрел на него как на нерадивого чиновника своей канцелярии. Новое окружение также не могло удовлетворять Пушкина, признававшегося И. П. Липранди, что «он отвык и (...) никогда не любил аристократических, семейных, этикетных обществ».¹² С ли-

⁸ Гершензон М. О. История молодой России. М., 1908. С. 27.

⁹ См.: П. в восп. Т. 1. С. 296—300.

¹⁰ АбТ. Вып. 6. С. 16.

¹¹ ОА. Т. 2. С. 334.

¹² П. в восп. Т. 1. С. 340.

тературной средой Одессы Пушкин не искал сближения. Из живших в Одессе литераторов он более других общался с поэтом В. И. Туманским, но и с ним был «не так и не в тех отношениях, в каких он был в Кишиневе с В. Ф. Раевским и В. П. Горчаковым», и с иронией третировал его за участие в литературных вечерах у В. Д. Казначеевой, жены правителя воронцовской канцелярии.¹³ Липранди, часто по делам службы бывавший в Одессе, не видел уже в Пушкине «той веселости, которая одушевляла его в Кишиневе», а, напротив, находил поэта «более и более недовольным».¹⁴ «Душа моя, меня тошнит с досады, — писал сам Пушкин брату во второй половине января — начале февраля 1824 г., — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть?» (Акад. Т. 13. С. 86). Весной 1824 г. противостояние с Воронцовым вылилось в открытый конфликт. 2 июня Пушкин подал прошение об отставке, охотно пересланное Воронцовым в Петербург. 11 июля управляющий Коллегией иностранных дел К. И. Нессельроде сообщил графу об исключении Пушкина из службы и высылке под надзор в имение родителей.

2

Литературную славу в южные годы Пушкину принесли прежде всего, конечно, поэмы. В конце июля или начале августа 1820 г. вышла из печати поэма «Руслан и Людмила». Написанная еще в Петербурге и «отобранная» старшими друзьями у поэта перед его отъездом на юг,¹⁵ первая пушкинская поэма в некотором смысле подводила итог петербургскому периоду его творчества — периоду «переломному», основной литературный смысл которого можно кратко охарактеризовать вслед за Ю. Н. Тыняновым как выход за рамки поэтической школы Жуковского—Батюшкова и преодоление традиций «карамзинизма», сказавшееся и в отношении к поэтическому слову, и в иной системе жанровых ориентиров: «...тогда как лицейский Пушкин движется почти исключительно в лирических жанрах, Пушкин после перелома (...) является поэтом большой формы».¹⁶ Южное творчество Пушкина проходит под знаком поэм. В августе 1822 г. появился «Кавказский пленник», в марте 1824 г. — «Бахчисарайский фонтан», получивший некоторую известность еще до печати. В начале декабря 1823 г. Пушкин переслал П. А. Вяземскому окончательный текст поэмы «Братья разбойники», к этому времени также уже распространявшейся в списках.¹⁷ С конца 1823 г. в литературных

¹³ Там же. С. 340—341.

¹⁴ Там же. С. 342.

¹⁵ См. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому в Варшаву от 5 мая 1820 г.: «Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем. Мы постараемся отобрать от него поэму, проч(итаем) и предадим бессмертию, то есть тиснению» (ОА. Т. 2. С. 37).

¹⁶ Тынянов Ю. Н. Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 133.

¹⁷ См. упоминание о поэме в переписке А. И. Тургенева с П. А. Вяземским в мае 1823 г. (ОА. Т. 2. С. 322, 327). Летом 1824 г. А. Ф. Вейков осуществил «пират-

кругах появляются сведения об еще одном большом пушкинском замысле — «Евгении Онегине», — пока называемом самим поэтом в основном «новой поэмой».¹⁸ В 1824 г. начаты «Цыганы». Целый ряд замыслов южного периода («Вадим», «Бова», «Мстислав») не получил воплощения и остался в планах и черновых набросках. Было бы неверным, однако, считать, что собственно лирические жанры теперь отходят для Пушкина на второй план и занимают какое-то подчиненное положение. Напротив, если в отношении к первой пушкинской поэме лирика являлась в некотором смысле «опытным полем для эпоса»,¹⁹ то южная «большая форма» полностью лирикой питается и только в ее контексте может быть адекватно прочитана.

При том что южная лирика сохраняет жанровое разнообразие предыдущих лет, наиболее значительные художественные решения Пушкина в это время оказываются так или иначе связанными с жанром элегии. Элегия, выражающая душевный мир частного человека, разные психологические оттенки и градации индивидуального лирического переживания, занимала центральное место в жанровой системе позднего карамзинизма. Два первых десятилетия XIX в., как отмечал В. Э. Вацуро, проходят в русской литературе под знаком элегии, которая «окрашивает своими рефлексами или прямо подчиняет себе едва ли не все соседствующие поэтические жанры — идиллию, песню, послание, даже оду».²⁰ Однако в начале 1820-х гг. элегия начинает испытывать ощутимую жанровую инерцию. В 1824 г. В. К. Кюхельбекер в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»²¹ полемически выступит против нее как жанра, исчерпавшего свое эстетическое содержание, замкнувшегося в определенном круге тем, мотивов, сюжетно-композиционных конструкций, интонационных ходов и словесных формул и почти сошедшего в сферу эпигонской поэзии. Пушкин также ощущал эту исчерпанность. Отдав дань «унылой элегии» в лицейские и петербургские годы, он и в дальнейшем сохранял внутреннюю связь с «элегической школой», о чем свидетельствует «батьюшковский» субстрат его лирического стиля, но уже в пушкинской петербургской лирике «чистые» образцы сочетаются с попытками преодоления элегической условности. Обращение к элегии на юге имело целью не обновление угасавшей традиции, а высвобождение ее художественного потенциала, заключенных в жанре возможностей лирического самовыражения.

скую» публикацию первых 35 стихов поэмы по имевшемуся у него списку (НЛ. 1824. Кн. 9, № 7. С. 12—13; в составе статьи А. Ф. Войекова «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой орды»); полностью «Братья разбойники» были напечатаны в альманахе А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева «Полярная звезда» на 1825 г.

¹⁸ См.: Акад. Т. 13. С. 80 (письмо Пушкина к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.); Там же. С. 81 (пушкинская приписка в письме В. И. Туманского к В. К. Кюхельбекеру от 11 декабря 1823 г.). В то же время уже 4 ноября 1823 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах...» (Там же. С. 73).

¹⁹ Тынянов Ю. Н. Пушкин. С. 133.

²⁰ Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 5.

²¹ Напечатана в издававшемся В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским альманахе «Мнемозина» (1824. Ч. 2. С. 29—44).

В Гурзуфе и в первые дни по приезде в Кишинев Пушкин написал несколько стихотворений, в которых, в каждом по-своему, делались попытки трансформации устоявшейся элегической модели. Стихотворение «Зачем безвременную скуку...» содержит прямое отрицание абстрактного «элегического переживания», противопоставление поэтическому «унынию» реального любовного страдания. В построенном на батюшковских реминисценциях стихотворении «Увы, зачем она блистает...» изменения касаются субъектно-объектных отношений: лирическая медитация оказывается направлена на другое «я». «Мне вас не жаль, года весны моей...» варьирует мотивы «унылой элегии» в ритмо-мелодической форме романа. Все три стихотворения не были Пушкиным завершены. К элегии «Мне вас не жаль, года весны моей...» он больше не возвращался, «Увы, зачем она блистает...» и «Зачем безвременную скуку...» доработал позднее. Произведением, открывшим новую страницу пушкинской поэтической биографии, стала элегия «Погасло дневное светило...», напечатанная в ноябрьском номере «Сына отечества» 1820 г.

В жанровом отношении стихотворение было достаточно традиционным: в основе его, как справедливо отмечает О. А. Проскурин, лежал мотивный комплекс поздних элегий К. Н. Батюшкова (коллизия несчастной любви, разлуки, странствия), осложненный темой «охлаждения» и «измены» друзей и «подруг» из поэтического арсенала «унылой элегии». На уровне языка и стиля элегия «органически связана с установками и поэтическими задачами „школы гармонической точности“». ²² «Знаковым» стихотворение стало благодаря лирическому герою, новому не только в пушкинском творчестве, но и вообще в русской поэзии. Этот герой, оставивший родину беглец, странствователь, «искатель новых впечатлений», испытывавший раннее разочарование в людях, любви и дружбе, отрекшийся от «порочных заблуждений» прежней рассеянной жизни, но носящий в исполненном «хладного страдания» сердце «глубокие раны» тайной «безумной любви», читался современниками не в элегическом или во всяком случае не только в элегическом контексте. «Не я ли наговорил ему эту байронщищу...», — восклицал П. А. Вяземский. ²³ Пользуясь словами А. И. Тургенева, Пушкин «угадал» Байрона. ²⁴

Герой первой южной элегии вновь появляется в напечатанном год спустя стихотворении «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), варьирующем те же элегические мотивы, но уже в форме исповедального по тону дружеского послания, и получает дальнейшее развитие в поэме «Кавказский пленник», с выходом которой критика заговорила о пушкинском «байронизме». «„Кавказским пленником“, — писал И. В. Киреевский в 1828 г. в статье «Нечто о характере поэзии Пушкина», — начинается вто-

²² Проскурин 1999. С. 66.

²³ ОА. Т. 2. С. 107 (письмо к А. И. Тургеневу от 27 ноября 1820 г.).

²⁴ Там же. С. 118 (письмо к П. А. Вяземскому от 8 декабря 1820 г.). Замечание А. И. Тургенева тем более верно, что к моменту создания элегии знакомство Пушкина с творчеством Байрона еще только начиналось: он немного читал Байрона на Кавказе и в Гурзуфе в английском оригинале с помощью Н. Н. Раевского-младшего. В Кишиневе в распоряжении Пушкина было французское собрание Байрона в прозаических переводах А. Пишо и Э. де Саля (см. подробнее в примеч. к элегии «Погасло дневное светило...» — наст. т., с. 504—506).

рой период пушкинской поэзии, который можно назвать *отголоском лиры Байрона*».²⁵

Вопрос о влиянии Байрона, таким образом, имеет для поэзии Пушкина этого периода первостепенное значение, однако рассматривается он, как правило, на материале пушкинских «южных» поэм в их сравнении к байроновскими «восточными». Пушкин действительно нашел у Байрона современную стиховую форму — лирическую поэму с новеллистическим сюжетом (поэму-повесть, *tale*), принципиально противостоящую в структурно-тематическом отношении всем типам классической поэмы XVIII в., и повторил в своих поэмах ряд байроновских мотивов и композиционных приемов, усвоив, в частности, выработанный английским поэтом тип «вершинного» повествования. Вместе с тем проблема пушкинского «байронизма» несомненно затрагивает и лирические жанры, и выдвинутый еще в 1924 г. Б. М. Эйхенбаумом тезис, что в лирике Пушкин остался «вне Байрона», поскольку здесь Байрон ему был «еще не нужен»,²⁶ требует некоторой коррекции.

«Поистине исключительное явление в литературе, — замечал А. Пишо в открывавшем издание французских переводов эссе «О Байроне и его сочинениях», — видит молодого поэта, который пишет с небрежностью большого вельможи, пренебрегая любой критикой и любым мнением, придает всем своим героям одни черты и беспрестанно отступает от предмета повествования ради изображения собственных страстей».²⁷ Никакой другой поэт, «ни Гомер, ни Шекспир, ни Мильтон», не выразился так отчетливо в своих поэтических созданиях: лица, порожденные свободой их творческого гения, отличны от авторов. Байрон чужд этой свободы, он, как кажется, на всем напечатлел свой образ.²⁸ Произведения Байрона читались его современниками как поэтическая автобиография: Байрон, «разыграв свою личную жизнь на глазах у всей Европы, превратил поэзию в цепь жгучих автобиографических признаний».²⁹ Это отмечали П. А. Вяземский в рецензии на «Кавказского пленника»: «Бейрон себя списывал в изображении *Child-Harold*»;³⁰ В. К. Кюхельбекер в «Разговоре с Ф. В. Булгаринным»: «Байрон однообразен и доказать сие однообразие не трудно. (...) *Гяур, Корсар, Лара, Манфред, Чайльд-Гарольд* Байрона — повторения одного и того же страшного лица...»;³¹ и впоследствии сам Пушкин в черновой заметке, печатающейся в собраниях сочинений под редакторским заглавием «(О драмах Байрона)»: «Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею (...) он постиг, создал и описал единый характер (именно свой)...» (Акад. Т. 11. С. 51). Несмотря на то что байроновский мятежный герой выразился в

²⁵ МВ. 1828. Ч. 8, № 6. С. 178; П. в критике, II. С. 76.

²⁶ Эйхенбаум Б. М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки // Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 162.

²⁷ *Œuvres complètes de lord Byron, traduites de l'anglais par A. E. de Chastopalli*. 2-me éd., rev., corr. et augm. de plisieurs poèmes. Paris, 1820. Т. 1. Р. II.

²⁸ *Ibid.* Р. XVIII.

²⁹ Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 57.

³⁰ СО. 1822. Ч. 82, № 49. С. 121; П. в критике, I. С. 126.

³¹ Мнем. Ч. 3. С. 172—173; Кюхельбекер. Путешествие. С. 466—467.

пушкинском творчестве лишь в «чайльд-гарольдовском», и то сильно смягченном, «элегическом» варианте, он оказался не менее важен для Пушкина, чем структурная типология «восточных поэм»: подсказанное Байроном соотношение лирического героя с автором определило один из путей трансформации элегического стиливого материала.

Изменение элегического героя в пушкинском южном творчестве связано с установкой на «биографизм» текста. Этот «биографизм», в принципе, потенциально был заложен в элегии. Он мог выразиться в своего рода циклизации стихотворений, выстраивании лирического сюжета с единым героем. Таким образом, например, перекомпоновал свои элегии («*Poésies érotiques*», 1778) Э. де Парни (Parny; 1753—1814) при переиздании в 1781 г., превратив их в один роман, рассказ об одной любви. Так построены и «Любовные элегии» («*Les Amours*», 1780) А. де Бертена (Bertin; 1752—1790).³² По образцу «Эротических стихотворений» Парни Д. В. Давыдов, задумывая в 1817—1818 гг. издание своих стихотворений, создает из элегий, написанных в разное время и посвященных разным адресатам, единый лирический цикл — историю последовательно развивающегося любовного чувства.³³ В поздних элегиях Батюшкова, служивших для Пушкина отправной точкой, также можно при желании видеть «род лирического романа с неназванной героиней». ³⁴ Однако ни у Парни, ни у Батюшкова, ни даже у Давыдова герой еще не вполне персонален, его лирическая биография не поддерживается реальной, эксплицированной для читателя биографией автора.

Достаточно шумная и публичная пушкинская петербургская жизнь, обстоятельства его удаления из столицы, сама ссылка, которая стараниями друзей внешне была оформлена как перевод по службе и легко могла трактоваться как добровольное изгнание, создавали вполне конкретную биографическую основу для мотивов пресыщения, измен, разочарования и конфликта с обществом. При публикации первой южной элегии эта основа Пушкиным сознательно актуализируется. Посылая стихотворение брату, Пушкин сообщает, что оно написано «ночью на корабле», он просит опубликовать его без подписи, как бы подчеркивая личный характер текста, но сопровождает пометой «Черное море. 1820. Сентябрь», которая в этих обстоятельствах становится ключом к прочтению текста как прямо автобиографического.³⁵ Автобиографизм лирического героя закрепляется посланием «Ч(аадае)ву», напечатанным уже за полной подписью Пушкина. В «Кавказском пленнике»

³² См.: Томашевский Б. В. Французские поэты XVIII века : (По поводу антологии, составленной И. М. Брюсовой) // Аполлон. 1915. № 6—7. С. 77. Томашевский, впрочем, отмечает, что сборники Парни и Бертена «почти исключительное в XVIII веке по построению явление» (Там же).

³³ См.: Вацуро В. Э. 1) Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 27 (Б-ка поэта; Большая сер.); 2) Лирика пушкинской поры. С. 191.

³⁴ Проскурин 1999. С. 61.

³⁵ Ср. замечание О. А. Проскурина: «Характерно, что „конфиденциальную“ информацию о времени и обстоятельствах создания элегии Пушкин сообщает брату Льву, известному своей болтливостью. (...) Во всей этой истории ощущим явный расчет на то, что и имя автора, и обстоятельства создания анонимного текста немедленно станут достоянием весьма широких читательских кругов — по крайней мере в Петербурге» (Проскурин 1999. С. 60).

граница между героем поэмы и повествователем также оказывается пронизываемой. Внутренний биографизм поэмы прямо заявлен в «Посвящении»:

Ты здесь найдешь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противуречия страстей,
Мечты знакомые, знакомые страданья
И тайный глас души моей.

(Акад. Т. 4. С. 92)³⁶

Элегию «Я пережил свои желанья...» равным образом возможно и включать в монолог Пленника, и печатать за авторской подписью. Элегия «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...», написанная во время доработки поэмы, варьирует мотивы монолога Пленника из второй части (ст. 44—91). В письме к В. П. Горчакову Пушкин по существу ставит знак равенства между собой и героем: «Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гождусь в герои романтического стихотворения» (Там же. Т. 13. С. 52).

Несколько иной тип биографической проекции в южной лирике Пушкина связан с фигурой Овидия. Само пребывание в местах, близких к тем, где прошли последние годы жизни Овидия, высланного Августом из Рима на далекую окраину империи, в устье Дуная, подсказывало Пушкину сопоставление своей судьбы с судьбой римского поэта. Первых биографов Пушкина, однако, занимал вопрос, «как мог горделивый образ Байрона мирно уживаться в душе Пушкина рядом с образом бедного римского денди, лишённого всякой нравственной энергии, разливавшегося постоянно в лесты, жалобах и мольбах к Августу из надежды возвратиться опять в Рим, к месту своих прежних подвигов».³⁷ Такого рода недоумения показывают, как долго держалось в литературном сознании предубеждение против поздних элегий Овидия, предубеждение, судя по всему, в юношеские годы свойственное и Пушкину, но решительно отброшенное им вскоре после приезда в Кишинев. Пушкин нашел в понтийских элегиях Овидия (как можно судить по его позднейшей рецензии на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова) «индивидуальность», понимаемую как искренность и конкретность лирической эмоции, отсутствие элегической условности переживания («простодушие», противостоящее «холодному остроумию») и изобразительную предметность — «яркость в описании чуждого климата и чуждой земли» (Акад. Т. 12. С. 84), т. е. именно те черты, с кото-

³⁶ Близкая реминисценция из стихотворения Батюшкова «К друзьям», открывавшего раздел стихов в «Опытах в стихах и прозе» (отмечено О. А. Проскуриным: Пушкин. Поэмы и повести 2007. С. 205, 2-я паг.). У Батюшкова:

Но дружество найдет мои, в замену, чувства,
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья...

(Батюшков. Соч. 1934. С. 55)

³⁷ Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 166.

рыми в немалой степени сам он в южные годы связывал развитие лирических жанров поэзии.

Образ Овидия — поэта, преследуемого самовластным правителем, как отмечал М. Ю. Лотман, сыграл большую роль в «самоосмыслении» Пушкина, задавая «масштаб для измерения собственной личности».³⁸ Лирический герой пушкинских стихотворений сходен с Овидием судьбой, но не модусом поведения:

Где эгегическую лиру	Октавию — в слепой надежде —
Глухому своему кумиру	Молебнов лести не пою
Он малодушно посвятил...	

(«Из письма к Н. И. Гнедичу»)

Твой безотрадный плач места сии	Суровый славянин, я слез не проливал...
прославил...	
	Но не унижил век изменой беззаконной
	Ни гордой совести ни лиры
	непреклонной. ³⁹

(«К Овидию»)

Изгнанник, сохраняющий душевную твердость в борьбе с судьбой, — типаж не эгегический, и Овидиева тема связана у Пушкина в первую очередь с жанром послания⁴⁰ — «Из письма к Н. И. Гнедичу» («В стране, где Юлией венчанный...») (1821), «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821), «К Овидию» (1821), «Баратынскому из Бессарабии» (1822). В стихотворении «К Овидию» с уподоблением себя Овидию соседствует, однако, афористическая «чайльд-гарольдовская» характеристика:

...изгнанник самовольный,
И светом и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой...

«Поэт-изгнанник», таким образом, не противостоит «чайльд-гарольдовскому» лирическому герою, не замещает его, а усложняет его образ. И в стихотворении «К Овидию», и в стихотворении «Ч(аадае)ву», эгегическая тоналность которых определяется ориентацией на Овидиевы «Ex Ponto» и «Tristia», происходит очевидная жанровая интерференция между посланием и элегией.

Биографические проекции индивидуализировали достаточно условного эгегического героя, разрушая литературную конвенциональность жанра и

³⁸ Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя. С. 66.

³⁹ Первоначальный вариант заключительных стихов (первый беловой автограф) см. в разделе «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 288.

⁴⁰ См.: Кибальник С. А. Тема изгнания в поэзии Пушкина // ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 42.

усиливая эмоциональное напряжение. Герой «лирического романа» Парни, Бертена, Батюшкова или Д. В. Давыдова был порожден самим элегическим текстом, в котором автобиографические мотивы «теряли свою индивидуальность, поглощаясь типовым целым». ⁴¹ Лирический герой Пушкина тексту внеположен. Он не имеет четкой жанровой прикрепленности и, появляясь в элегии, послании, поэме, скрепляет пушкинские южные произведения разнообразными межтекстовыми связями и способствует проницаемости жанровых границ — «сквозь смещенные формы традиционной лирики проступает единый авторский образ». ⁴²

3

Как и в предыдущий период, южная лирика Пушкина обнаруживает многочисленные точки соприкосновения с творчеством Батюшкова: достаточно указать здесь на высокую частотность реминисценций, на «батюшковскую» фонетико-мелодическую инструментовку пушкинского стиха, на то, что варьируемые Пушкиным устойчивые поэтические формулы находят наиболее близкие соответствия у Батюшкова. В. В. Виноградов отмечал органическое усвоение Пушкиным батюшковских достижений в области «синтаксической изобразительности»: освобождение элегического стиля от описательных длиннот, от номинативного перечисления чувств и эмоций, неожиданные сближения лирических образов, вопросы и восклицания, внимание к разорванным и сдвинутым присоединительным конструкциям. ⁴³ «Эмоция не называется, а отражается в фразеологическом и синтаксическом рисунке речи. (...) Риторическая симметрия словесного построения, характерная для языка карамзинской школы, преобразуется экспрессивной красочностью, яркостью, изобразительным богатством синтаксических форм...». ⁴⁴ С батюшковскими переводами греческих эпиграмм связаны первые опыты Пушкина в антологическом роде — написанные еще в Петербурге в конце 1819 г. «Дорида» («В Дориде нравятся и локоны златые...») и «Дориде» («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...»).

Выполненные Батюшковым переводы двенадцати греческих стихотворений были напечатаны в брошюре С. С. Уварова и К. Н. Батюшкова «О гре-

⁴¹ Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 230.

⁴² Гинзбург Л. Я. Проблема личности в поэзии декабристов // Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 181.

⁴³ Виноградов. Стиль П. С. 306—318.

⁴⁴ Там же. С. 317. Как один из примеров «экспрессивных форм синтаксиса», необычность которых ощущалась современниками, Виноградов приводит пушкинское стихотворение «Война». Ср. его оценку у Н. М. Языкова: «...ни начала, ни середины, ни конца — нечто чрезвычайно романтическое» (Языковский архив. СПб., 1913. Вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). С. 31—32; см. также: наст. т., с. 660). Сам Пушкин признавал влияние на свою лирику экспрессивного стиля Д. В. Давыдова (см. письмо Д. В. Давыдова к П. А. Вяземскому от 29 января 1830 г. — Спб. Пг., 1917. Т. 22. С. 43; см. также: Вацуро В. Э. Денис Давыдов — поэт. С. 27—29).

ческой антологии» (СПб., 1820).⁴⁵ В характеристике Уварова античная эпиграмма — это любая «небольшая пьеса, элегическим размером писанная», «мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотами природы или памятниками художества», «она почти никогда не заключается разительною, острою мыслию, и чем древнее, тем проще». Подробности «нравственного бытия» древних, их «народный дух, обычаи, нравы», запечатленные в антологии, определяют ее эстетическое и историческое значение.⁴⁶ Влияние брошюры Уварова и Батюшкова на антологические стихотворения Пушкина несомненно, но на юге на эту основу наложилось влияние Андре Шенье.

В «Биографическом известии об А. С. Пушкине до 1826 года» Л. С. Пушкин писал: «Он радостно преклонился перед Байроном, но не был, как утверждают некоторые, его вечным, безусловным подражателем. Андрей Шенье, француз по имени, а, конечно, не по направлению таланта, сделался его поэтическим кумиром».⁴⁷ Творчество Андре Шенье (Chénier; 1762—1794), французского поэта, погибшего на эшафоте в дни термидорианского террора, стало фактом европейской литературной жизни только с выходом в 1819 г. посмертного сборника его произведений, подготовленного по сохранившимся рукописям литератором Анри де Латушем (Latouche; наст. имя Я.-Ж.-А. Табо; 1785—1851). Е. Н. Орлова (Раевская) утверждала, что с поэзией Шенье, как и с поэзией Байрона, Пушкина познакомил в Гурзуфе ее брат Н. Н. Раевский.⁴⁸ Это не совсем точно. Сборник Латуша Пушкин держал в руках еще в Петербурге, о чем свидетельствует реминисценция из Шенье в стихотворении «Дориде».⁴⁹ Но, вероятно, как путешествие по Кавказу создало реальную этнографическую основу для восприятия байроновских «восточных» поэм, так и начавшемуся в Гурзуфе увлечению Пушкина поэзией Шенье способствовали впечатления от Крыма, воспринятого (не без влияния знаменитой элегии Батюшкова) как античная Таврида.⁵⁰ В этом

⁴⁵ Цenz. разр. 7 ноября 1819 г.; Пушкину батюшковские переводы были известны еще до печати: 7 апреля 1818 г. Уваров читал «о греческой антологии» в присутствии Пушкина на заседании «Арзамаса» (см.: письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 7 апреля 1818 г. — ОА. Т. 1. С. 99; письмо В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому от 17 апреля 1818 г. — *Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма*. М., 1989. С. 225—226; Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 61).

⁴⁶ О греческой антологии. СПб., 1820. С. 6—7; «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 102—103.

⁴⁷ П. в восп. Т. 1. С. 64. Обширную библиографию темы «Пушкин и Шенье» см.: *Рак В. Д. Шенье // Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии»*. СПб., 2004. С. 387—388 (ПИМ. Т. 18—19).

⁴⁸ П. в восп. Т. 1. С. 488 (запись Я. К. Грота со слов Е. Н. Орловой).

⁴⁹ Последняя строка пушкинского стихотворения («И ласковых имен младенческую нежность») является почти буквальным переводом стиха из XXVI элегии сборника 1819 г. («S'ils n'ont point le bonheur, en est-il sur la terre!..»): «Et des mots caressants la mollesse enfantine». Можно отметить также александрийский стих первых пушкинских антологических стихотворений — это размер Шенье, переводы Батюшкова сделаны вольным ямбом.

⁵⁰ Ср. замечания О. А. Проскурина: «батюшковская „Таврида“ давала не только ситуативную и хронологическую модель для варьирования антиклизированных образов и ситуаций, но и образцовый „антологический“ стиль»; «едва ли не большинство „антологических“ пьес Пушкина оказались вариациями на темы „Тавриды“»; «ситуация „Тав-

смысле можно вслед за М. Гринлиф рассматривать обращение Пушкина к антологии при переезде на юг как «союз уже готовой формы и лирического события».⁵¹

Пушкин нашел у французского поэта тонкое проникновение в «другую» культуру и совершенные образцы поэтической интерпретации античности с установкой на «древнюю» простоту, с гармонией и пластичностью образа, с определенностью выражаемого чувства — «эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях» (Акад. Т. 11. С. 58).⁵² «Истинный грек», «из класси(ков) классик», «подражатель ученый и вдохновенный» («un imitateur savant et inspiré»), — писал Пушкин о Шенье в черновике письма к Вяземскому от 4 ноября 1823 г. (ПД 834, л. 32 об.; Акад. Т. 13. С. 380; Акад. в 10 т. (2). Т. 10. С. 650).⁵³ В характеристике Вяземского, данной в статье 1830 г. «О Ламартине и современной французской поэзии», Шенье «был классик не французский, но классик греческий, совершенно пластический, не довольствующийся одним подражанием списков, но созидающий формы новые по образцам древним».⁵⁴ К «новым формам» Шенье можно по праву отнести близкие по типу к антологической эпиграмме «фрагменты» («Fragments») идиллий и элегий, помещенные А. де Латушем в сборнике 1819 г. в конце соответствующих жанровых разделов. Распределение «фрагментов» было достаточно произвольным: ряд отрывков, в современных критических изданиях печатающихся как идиллии или эклоги, Латушем был отнесен к элегиям. Жанровой диффузии способствовала общность александрийского стиха, употреблявшегося Шенье и как собственно элегический размер, и как французский аналог гекзаметра и элегического дистиха.

Написанные на юге стихотворения, объединенные Пушкиным в сборнике 1826 г. в раздел «Подражания древним», ориентированы в первую очередь именно на «фрагменты» Шенье, воспринятые русским поэтом не как неоконченные произведения, а как оригинальное жанровое образование — своего рода «открытый» текст, сюжетная и интонационная незавершенность которого входит в художественное задание. О жанровой определенности «фрагмента» в понимании Пушкина свидетельствует появляющаяся в его рукописях дефиниция «Отрывок» применительно к законченным и полностью отделанным стихотворениям. Так в беловом автографе были озаглавлены «Приметы»; заглавие «Антологический отрывок» получило в журнальной публикации стихотворение «Дионея» (в рукописи названное «Идил-

---

риды» оказывается как бы рассредоточенной по антологическому циклу» (Проскурин 1999. С. 87—89).

⁵¹ Гринлиф М. Пушкин и романтическая мода : Фрагмент. Элегия. Ориентализм. Ирония. СПб., 2006. С. 71.

⁵² Из характеристики идиллий А. А. Дельвига, «угадавшего», как писал Пушкин, «греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы».

⁵³ Выражение «из классиков классик» было вновь повторено применительно к Шенье в письме Пушкина к Вяземскому от 5 июля 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 102).

⁵⁴ ЛГ. 1830. Т. 2, № 47, 19 авг.; Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 122.

лия»)⁵⁵ Как и во «фрагментах» Шенье, в пушкинских «подражаниях» можно отметить жанровую интерференцию (идиллия, эклога, элегия, собственно эпиграмма), совершающуюся при сохранении элегического модуса, который, видимо, сохранял в глазах Пушкина значение одного из конститутивных признаков антологии. В переписке с А. А. Бестужевым поэт называет свои стихотворения (по всей вероятности, «Нереиду» и «Редет облаков летучая гряда...») то «анфологией», то «элегическими отрывками».⁵⁶ Пушкин учитывает опыт французского поэта в интонировании и инструментовке александрийского стиха — его мелодичность и гибкость за счет enjambements, сдвигов цезуры, параллелизма синтаксических периодов и лексических подхватов (ср., например, в «Ночи», последнем из написанных на юге антологического стихотворений: «Близ ложка моего печальная свеча / Горит; мои стихи, сливаясь и журча, / Текут, ручьи любви, текут, полны тобою...»). Под воздействием элегий и «фрагментов» Шенье александрийский стих не только становится основным размером антологического стихотворения Пушкина, но и вообще начинает восприниматься им как размер, способный элегически интонировать иные жанровые формы (как послания «Ч(аадае)ву» или «К Овидию»). Характерно, что, перейдя от элегий и «фрагментов» Шенье к неэлегическому стиховому материалу, в переводе идиллии «Слепец» («Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...») Пушкин, напротив, меняет размер оригинала на более соответствующий античной жанровой и сюжетной основе гекзаметр.

Через поэзию Шенье Пушкин обращается к древним образцам: к греческой эпиграмме («Нереида»), к идиллиям Биона и Мосха («Редет облаков летучая гряда...» и «Земле и море»), к «Георгикам» Вергилия («Приметы»). Два из написанных на юге антологического стихотворения — «Дева» и «Ночь» — не имеют никаких специфических примет античности, являясь вольной обработкой мотивов элегий Шенье. Антология, однако, представляет отличный от элегии тип лирической ситуации. Лирический субъект антологического стихотворения не выражен открыто в тексте. Картина мира явлена сквозь призму его взгляда, но читателю оставлены свобода «сотворчества» и широкий диапазон эмоционального сопереживания. В этом отношении художественные открытия в пушкинской южной лирике, связанные с Шенье, определенным образом уравнивали байроновскую «субъективность». Ко всем пушкинским «подражаниям древним» приложима характеристика, данная П. А. Плетневым стихотворению «Муза»: «...не имеет никакой частности ни по времени, ни по месту. Оно принадлежало бы грекам, принадлежать может нам и так же будет принадлежать самым отдаленным потомкам. Это совершенство таланта, ничем не привязанного к какому-нибудь одному месту на земле, но свободного и всем общего».⁵⁷

⁵⁵ Ср. варианты заглавия элегии «Гроб юноши» в утраченном беловом автографе в Тетради Капниста — «Отрывок из элегии» и «Гроб юноши (Отрывок)» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 242).

⁵⁶ См. пушкинские письма от 21 июня 1822 г. и 13 июня 1823 г. (Акад. Т. 13. С. 38, 64; также наст. т., с. 536).

⁵⁷ Соревн. 1822. Ч. 19, № 7. С. 31; П. в критике, I. С. 113.

4

Пушкин обращался к Шенье на протяжении всего периода пребывания на юге,⁵⁸ но в отличие от «подражаний древним» собственно любовные элегии Шенье, также ориентированные на античные образцы — Тибулла, Проперция, Овидия, но сохраняющие зависимость от «легкой поэзии», достаточно традиционные по набору поэтических тем и мотивов, несколько многословные,⁵⁹ имели для пушкинской поэзии меньшее значение. Художественные поиски Пушкина в области элегии движутся в русле тенденций, определившихся в европейской традиции в более позднюю эпоху, в творчестве Ш.-Ю. Мильвуа (Millevoeu; 1782—1816), а на русской почве наиболее отчетливо выразившихся в поздних элегиях Батюшкова. Мильвуа никогда не относился к числу любимых пушкинских поэтов, как например, А. Шенье или в более ранний период Э. де Парни. В черновике письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г. Пушкин оценивает его достаточно сдержанно: «Millevoeu ни то ни се, но хорош только в мелочах элегиче(ских)» (Акад. Т. 13. С. 381). Отправной точкой пушкинских жанровых экспериментов, по-видимому, стали именно элегии Батюшкова.

С Мильвуа связаны «Последняя весна» (1815) и «Умиравший Тасс» (1817) — «две принципиально важные элегии позднего Батюшкова, имевшие особое значение для дальнейшего развития жанра».⁶⁰ «Последняя весна» была вольным переводом стихотворения Мильвуа «Падение листьев» («La Chute des feuilles», 1811; 2-я редакция 1815), ставшего классическим образцом «унылой элегии», в котором объединились ее основные мотивы и композиционно-сюжетные клише. Новым в элегии Мильвуа была попытка раздвинуть границы жанра за счет объективации лирического героя: центром стихотворения становится монолог умирающего героя, «персонаж» занимает место «поэта». В пушкинском стихотворении «Гроб юноши» (1821) даны главные опознавательные мотивы этого типа элегии — безвременная смерть юноши, описание забытой могилы. Однако Пушкин идет существенно дальше и Мильвуа, и Батюшкова в трансформации субъектного элегического пространства, вообще отказываясь от традиционного лирического героя. Элегический монолог отсутствует, «умирание» происходит за пределами текста, превращающегося, таким образом, во внеперсональную лирическую медитацию на тему уже состоявшейся смерти.

В поле зрения Пушкина несомненно были и другие переводы и переложения «Падения листьев», пользовавшегося среди русских поэтов популяр-

⁵⁸ Мнение В. Б. Сандомирской, что познакомиться с творчеством Шенье во всей полноте Пушкин смог только в Михайловском, а до этого сборник Латуша попадал к нему трижды, но лишь на короткое время: в конце 1819—начале 1820 г. в Петербурге, в августе 1820 г. в Гурзуфе и в 1823 г. в Одессе от В. И. Туманского (см.: Сандомирская В. Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // ПИМ. Л., 1979. Т. 9. С. 74—75), ни в какой мере не может считаться основательным.

⁵⁹ См.: Гречаная Е. П. Андре Шенье — поэт // Шенье А. Сочинения. 1819. М., 1995. С. 429—430 (Сер. «Литературные памятники»).

⁶⁰ Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 203.

ностью,⁶¹ но некоторые детали свидетельствуют, что отталкивался он в первую очередь от «Последней весны» Батюшкова. Как и в стихотворении Батюшкова, у Пушкина, в частности, появляется отсутствующий у Мильвуа мотив «измены» друзей («И без него друзья пируют, / Других уж полюбить успев»). Батюшков заменил классическую осеннюю пейзажную экспозицию Мильвуа на контрастную весеннюю, усилив поэтическую метафорику подчеркнутой сентиментальностью описания («горлиц воркованье», «томное трепетание» листьев, обращение к «цветочкам милым»). Пушкин отказывается от метафоры, помещая могилу юноши в нейтральный идиллический летний пейзаж, живописно конкретный и содержащий черты русского колорита. Драматизм элегической ситуации усиливается Пушкиным за счет трансформации устойчивого мотива, присутствующего и у Батюшкова, и у Мильвуа, и у других его русских переводчиков, — мотива памяти за гробом. Умиравший элегический герой надеется на приход возлюбленной на его могилу:

Si mon amant échevelée
Venait pleurer quand le jour fuit,
Eveille par ton léger bruit
Mon ombre un instant consolée.⁶²

В поэтическом мире пушкинского стихотворения связь между мертвым и живыми оказывается навсегда разорванной: «Ничто его не вызывает / Из мирной сени гробовой». Этот мотив «окончательного умирания» получил дальнейшее развитие в черновом наброске «Придет ужасный час — твои небесны очи...» (1823): «Молчанье вечное твои сомкнет уста, / Ты навсегда сойдешь в те мрачные места, / Где прадедов твоих починут мощи хладны...». В стихотворении «Люблю ваш сумрак неизвестный...» (и в первой его редак-

⁶¹ Первым и наиболее близким к французскому оригиналу был перевод М. В. Милонова (1811), к 1821 г. несколько раз перепечатанный. Когда Пушкин позднее будет стилизовать под характерный образец жанра элегию Ленского, он обратится в первую очередь именно к «Падению листьев» Милонова. В 1820 г. в «Благонамеренном» (Ч. 12, № 22. С. 248—250) было опубликовано вольное переложение В. Н. Григорьева «Романс» («Осень хладною рукою...»). В 1823 г. появились переводы В. И. Туманского (Соревн. 1823. Ч. 22, № 3. С. 266—267) и Е. А. Баратынского (НЛ. 1823. Кн. 3, № 11. С. 186—187). О русских переводах «Падения листьев» см. также: Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1983. С. 109—113.

⁶² Перевод: «Если моя возлюбленная, с неубранными волосами, придет на закате дня плакать (над моей могилой), разбуди своим легким шумом мою в это мгновение утешенную тень» (фр.). В переводе М. В. Милонова: «Тогда буди ты легким шумом / Мою утешенную тень». У Батюшкова:

Но если Делия с тоскою
К нему приблизится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!

(Франц. элегия. С. 240—241, 475; Батюшков. Соч. 1934. С. 85).

ции 1822 г. — «Отрывке» («Ты сердцу непонятный мрак...»)) Пушкин приходит к переосмыслению одной из мифопоэтических констант «элегической школы» — темы Элизия. В стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша...» (1823) выходит за границы собственно элегического семантического диапазона, достигая философского отрицания бессмертия души: «Мой ум упорствует, надежду презирает... / Ничтожество меня за гробом ожидает...».

В отличие от «Гроба юноши», в читательском и исследовательском сознании остающегося на периферии пушкинского творчества, стихотворение «К Овидию» (1821) безусловно занимает место в ряду признанных поэтических шедевров южной лирики. Пушкин его особенно ценил. «Каковы стихи к Овидию? — писал он брату 30 января 1823 г. после публикации стихотворения в «Полярной звезде», — душа моя, и Руслан, и Пленник, и Noël, и всё дрянь в сравнении с ними» (Акад. Т. 13. С. 56). В этом стихотворении трансформации подверглась другая устойчивая поэтическая модель — так называемая «элегия о бедном поэте» (как вариант о «поэте-изгнаннике», об «умирающем поэте»), образцы которой дал Мильвуа в «Споре Гомера и Гесиода» («Combat d'Homère et d'Hésiode», 1815) и «Нищем Гомере» («Homère mendiant», 1815), а на русской почве непосредственно опиравшийся на Мильвуа Батюшков в «Умирающем Тассе». ⁶³ Здесь, как и в «Падении листьев», Мильвуа, а вслед за ним и Батюшков движутся от субъективной «унылой элегии» к более широкому «медитативному лирическому повествованию с объективированным героем», получившим временную, национальную и историческую определенность. ⁶⁴ Пушкинское «К Овидию» сохраняет элегические жанровые константы, в частности традиционный для этого типа монолог элегического героя («О, возвратите мне священный град отцов...» и след.). Подобно Батюшкову, опиравшемуся в монологе Тасса на его кантоны, Пушкин варьирует стихи Овидиевых элегий, впрочем, значительно расширяя границы «чужой речи»: не только монолог Овидия, но вся первая половина стихотворения построена на цитатах и парафразах стихов «Tristia». Однако элегическая структура и здесь, как и в «Гробе юноши», претерпевает резкую трансформацию: по сути дела, в стихотворении оказываются два почти равноправных элегических субъекта, два типа эмоционального переживания. Картина мира, изображенная в первой части стихотворения сквозь призму переживаний римского поэта, во второй корректируется авторским взглядом, лирическая эмоция усложняется.

В определенные жанровые рамки стихотворения Пушкина не укладывались. Не случайно, наверное, в Тетради Капниста, посланной Пушкиным в марте 1825 г. в Петербург для подготовки издания первого сборника своих стихотворений, около «Гроба юноши» появилась уточняющая авторская помета: «Поместить в элегиях». ⁶⁵ По мнению Б. В. Томашевского, «личная тема», занимающая столь большое место в стихотворении «К Овидию», в той

⁶³ Батюшкову принадлежит также элегия «Гезиод и Омир — соперники» (1816—1817) — перевод «Спора Гомера и Гесиода» Мильвуа.

⁶⁴ Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 224.

⁶⁵ См.: Майков. Автографы П. С. 576; Рукою П. 1997. С. 168; наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 341.

же мере, что и ориентация на исторические элегии Батюшкова, позволяет отнести его к жанру элегии.⁶⁶ Сам Пушкин, первоначально, ориентируясь на достаточно определенную и продолжительную жанровую традицию поэтических обращений к великим поэтам-предшественникам, по-видимому, определял «К Овидию» как послание. Во всяком случае ни среди элегий, ни в перечне произведений раздела «Смесь» в Тетради Капниста «К Овидию» не значится (листы раздела посланий в Тетради Капниста не сохранились). Обсуждая композицию и состав будущего сборника в письме к брату от 27 марта 1825 г., Пушкин тоже называет стихотворение посланием, хотя, впрочем, прибавляет: «Думаю, что *Посл(ание) к Ов(идию), Вчера был день и Море* могут быть, разнообразия ради, помещены в Элегиях...» (Акад. Т. 13. С. 158). В конечном счете он отказался от жанрового определения, поместив «К Овидию» в раздел «Разных стихотворений».⁶⁷

Новое отношение к античности, формировавшееся у Пушкина под воздействием Шенье и поддержанное историческими элегиями Мильвуа,⁶⁸ вело к отказу от условной античной метафорики, входившей в арсенал традиционных изобразительных средств «элегической школы». Тот же переход от метафорических перифрастических оборотов к прямой номинации наблюдается и в поздних элегиях Батюшкова, в частности в «Умиравшем Тассе».⁶⁹ Характерна в данном отношении трансформация темы дружеского пира в пушкинских южных стихотворениях. «Венки пиров и чаши круговые» в одном из первых южных стихотворений (элегия «Мне вас не жаль, года весны моей...») соседствуют с вполне конкретными «бутылками Аи» в послании «(В. Л. Давыдову)». Та же точность биографической ситуации и в стихотворении «Горишь ли ты, лампада наша...»: «Налейте мне вина кометы / Желай мне здравия, калмык!».

К опыту Мильвуа Пушкин вновь обратился позднее, в 1823 г., уже независимо от Батюшкова, в стихотворении «Простишь ли мне ревнивые мечты...», явившемся вольной переделкой «Беспокойства» («L'Inquiétude», 1815). В этом стихотворении и в предварявшей его незавершенной элегии «Как наше сердце своенравно...» намечаются характерные для пушкинской лирики последующих лет «усложнение и конкретизация лирической ситуации»: ⁷⁰ внимание перенесено на незнакомые традиционной «унылой элегии» парадоксальность и противоречивость чувства (мучения счастливой, разделенной любви). Поворот к аналитической рефлексивной лирике вполне орга-

⁶⁶ Томашевский. Пушкин, I. С. 540.

⁶⁷ Это решение не встретило понимания у занимавшегося изданием П. А. Плетнева, который спрашивал Пушкина: «Кажется, в распоряжении есть странности. Отчего, напр(имер), К Лицинию в Посланиях, а К Овидию в Раз(ных) стих(отворениях)?» (Акад. Т. 13. С. 234).

⁶⁸ В предисловии к своему сборнику 1815 г. сам Мильвуа писал, что, «вдохновляясь творчеством великих мастеров», он пытался «воссоздать наивную прелесть их произведений и, если можно так выразиться, передать аромат античности, от них исходящий» (*Élégies, en trois livres, par Charles Millevoüe. Paris, 1815. P. 74; цит. по: Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века. С. 101*).

⁶⁹ См.: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 227.

⁷⁰ Сидяков Л. С. Изменения в стиле лирики Пушкина 1820—1830-х годов // ПИМ. Л., 1982. Т. 10. С. 57—58.

нично вписывался в характерный для всего южного творчества Пушкина процесс обновления художественных форм, расширения жанровых границ, преодоления жанровой и стилевой конвенциональности.

5

По мнению П. В. Анненкова, первые кишиневские годы ссылки Пушкина прошли под знаком «байронических» настроений, характеризовавшихся прежде всего преувеличенным представлением о праве личности «относиться свободно ко всем явлениям жизни исторического, политического и общественного характера». ⁷¹ Этот период, названный Анненковым периодом пушкинского «Sturm und Drang», отмечен наиболее манифестированными проявлениями пушкинского политического и религиозного вольнодумства.

О радикализме пушкинских взглядов дают представление записи в дневнике П. И. Долгорукова, не склонного к публичному либерализму чиновника кишиневской канцелярии, регулярно встречавшегося с Пушкиным у генерала Инзова: «Вместо того чтобы прийти в себя и восчувствовать, сколько мало правила, им принятые, терпимы быть могут в обществе, он всегда готов у наместника, на улице, на площади всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России» (запись от 11 января 1822 г.); «Пушкин ругает правительство, помещиков, говорит остро, убедительно, а за стульями слушают и внимают соблазнительным мыслям и суждениям...» (30 апреля 1822 г.); «Штатские чиновники подлецы и воры, генералы скоты большею частью, один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли» (20 июля 1822 г.). ⁷²

Предположительно мартом 1821 г. датируется пушкинский «Кинжал» — единственное, впрочем, южное стихотворение, вошедшее в «агитационный фонд» декабристской литературы. В апреле того же года в финале послания «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...») Пушкин выражает надежду приобщиться к «кровавой тайне» революционного причастия; в октябре в стихотворении «Наполеон» «вечная свобода» мира провозглашается конечной целью современной политической эпохи. В это же время Пушкин впервые пробует силы в жанре политической публицистики. Написанные в первой половине 1822 г. «Некоторые исторические замечания» ⁷³ содержат резкую характеристику Екатерининского царствования, полемическую по отношению к общепринятой трактовке, выраженной, в частности, в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй» Н. М. Карамзина (1801). Тема рабства, затронутая в «Некоторых исторических замечаниях» («...ныне же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян...» —

⁷¹ Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 150.

⁷² П. в восп. Т. 1. С. 350, 360, 361.

⁷³ Заглавие копии в сборнике Н. С. Алексеева (ПД, ф. 244, оп. 6, № 24); в белом автографе (ПД 285), с датой под текстом: «2 авг(уста) 1822», заглавие отсутствует; в современных изданиях печатается под редакторским заглавием: «(Заметки по русской истории XVIII века)».

Акад. Т. 11. С. 15), по-видимому, должна была как-то прозвучать и в начале в июне 1821 г. «(Комедии об игроке)». Вскоре после приезда в Кишинев Пушкин задумал трагедию о Вадиме, легендарном противнике Рюрика, борце за новгородское общенародное правление, литературный образ которого традиционно имел отчетливые тираноборческие коннотации. В мае 1821 г. написана «Гавриилиада», как называл ее сам Пушкин, «сочинение во вкусе Апокалипсиса» или «поэма в мистическом роде»,⁷⁴ в духе Вольтера и Парни трагестивующая Священное Писание. К тому же году относятся еще несколько «кошунственных» поэтических выступлений Пушкина — «(В. Л. Давыдову)», «Христос воскрес», «Десятая заповедь».

Для решения вопроса о действительном влиянии в это время на нравственную личность Пушкина «байронизма» с его индивидуализмом, духом отрицания, презрением к общественным установлениям вряд ли есть твердые основания. Рефлексы «чайльд-гарольдовского» образа, с одной стороны, и бунтарское независимое поведение поэта, с другой — провоцировали современников соотносить его с Байроном. «Пушкин написал другую поэму: „Кавказский пленник“; но в поведении не исправился: хочет непременно не одним талантом походить на Байрона», — писал А. И. Тургенев к И. И. Дмитриеву 13 мая 1821 г.⁷⁵ Издание «Кавказского пленника» выдавалось читателям с юношеским портретом автора — гравюрой Е. Гейтмана, явно стилизованной под известный портрет Байрона в мягкой рубашке с расстегнутым воротом.⁷⁶ В. Ф. Раевский из Тираспольской крепости именем Байрона призывал Пушкина обратиться к гражданской поэзии:

Коснись струнам, и Аполлон,
Оставя берег Альбиона,
Тебя, о юный Амфион,
Украсит лаврами Байрона...⁷⁷

Пушкину и самому, конечно, не была чужда некоторая стилизация. Так, например, на появление своего портрета он ответил характерным «байроническим» жестом — французским письмом к брату (несомненно рассчитанным на огласку), где изложил систему «правил», приобретенных, как он писал, «ценой горького опыта»: «Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. (...) Будь холоден со всеми (...). Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение (...). Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы (...) чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. (...) Никогда не забывай умышленной обиды...» и пр. (Акад. Т. 13. С. 49—50, 524). Однако

⁷⁴ См. его письма к А. И. Тургеневу от 7 мая 1821 г. и к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1822 г. (Акад. Т. 13. С. 29, 44).

⁷⁵ РА. 1867. № 4. Стб. 664.

⁷⁶ Отмечено Ю. М. Лотманом: Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя. С. 71. Идея портрета, несомненно, принадлежала не Пушкину.

⁷⁷ Цит. по: Сперанская Л. Автограф В. Ф. Раевского // Литературный критик. 1939. № 2. С. 215.

характеристические формулы первой южной элегии Пушкин употребляет в собственной переписке с неизменной иронией: «...дайте знать минутным друзьям моей минутной младости, чтобы они прислали мне денег, чем они чрезвычайно обяжут искателя новых впечатлений» (письмо к А. И. Тургеневу от 7 мая 1821 г. — Акад. Т. 13. С. 29); «...постарайся увидеть Никиту Всеволожского, лучшего из минутных друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец» (письмо к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. — Там же. С. 101).⁷⁸ Иронией окрашены и автохарактеристики своего «равнодушия» и охлаждения к жизни в дружеских посланиях «Дельвигу» и «Алексееву». Что же касается собственно «байронического» героя, то он достаточно рано становится для Пушкина предметом анализа и художественной рефлексии.

Чайльд-Гарольд явился своего рода «образцовым» типажом современности. Под его прямым влиянием к традиционному разочарованию элегического «унылого» героя, очерченного предшествующей литературной традицией, стали добавляться мотивы равнодушия к жизни, пресыщения, скуки, нравственного релятивизма. «Кавказский пленник», где они лишь намечены, стал первым шагом на пути от жанрового героя к «характеру». «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века», — пояснял Пушкин своего героя в письме к В. П. Горчакову (Акад. Т. 13. С. 52), а позднее в «(Опровержении на критики)» признавал: «Кавк(азский) Плен(ник) — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил...» (Акад. Т. 11. С. 145). Л. Я. Гинзбург объясняла широкую читательскую популярность пушкинской поэмы, особенно в среде вольнолюбивой молодежи, тем, что Пушкин дал в своем герое «формулу слияния свободолюбия с разочарованием, трагизмом», «формулу еще наивную, но действительную, в которую в дальнейшем можно было вкладывать многое другое».⁷⁹ Попытку усложнения современного героя демонстрирует стихотворение 1822 г. «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...», где тема разочарования конкретизируется мотивами презрения к человечеству и скептицизма в отношении общественных установлений («Везде ярем, секира иль венец, / Везде злодей иль малодушный...»). В дальнейшем вопрос «характера», очевидно не решаемый в пределах лирических жанров, вновь становится прерогативой «большой формы» — романа в стихах «Евгений Онегин».

Наиболее «байроническим» произведением Пушкина в глазах его современников было стихотворение «Демон», относящееся ко второй половине октября или началу ноября 1823 г. «В нескольких стихах начертана живая картина, под которую Байрон не постыдился бы подписать своего имени», — отзывался о «Демоне» Ф. В. Булгарин.⁸⁰ «Это Байрон! это последний, высочайший певец разочарованного мира...», — восторженно восклицал

⁷⁸ Ср. также позднейшее признание Пушкина в болдинских полемических заметках 1830 г. «(Опровержение на критики)», что он вместе с Александром и Николаем Раевскими «вдоволь насмеялись» над «Кавказским пленником» (Акад. Т. 11. С. 145).

⁷⁹ Гинзбург Л. Я. Проблема личности в поэзии декабристов. С. 183.

⁸⁰ СО. 1825. Ч. 99, № 3. С. 309; П. в критике, I. С. 250.

К. А. Полевой.⁸¹ Исследователями пушкинского творчества стихотворение традиционно воспринималось как своего рода автобиографическое высказывание, выступая свидетельством душевного кризиса, переживавшегося Пушкиным в 1823 г.

В некоторых пушкинских стихотворениях середины—второй половины 1823 г. действительно звучат ноты скептицизма, социальной и политической усталости, во многом, думается, определявшиеся политическими событиями. В Европе торжествовала политика Священного союза. С европейскими революциями было покончено: в апреле 1823 г. в Испанию вступили французские войска, к октябрю восстановившие монархию Фердинанда VII. В России очевидно усиливалась внутренняя реакция. Тема поработанных покорных народов, ранее с легкой иронией затронутая в послании В. Л. Давыдову («Народы тишины хотят, / И долго их ярем не треснет»), развивается в стихотворении «Свободы сеятель пустынный...» и отзывается в образе скованной стихии в стихотворении «Кто волны вас остановил...», прямо проецируясь на внутренний мир поэта («Чей жезл волшебный поразил / Во мне надежду, скорбь и радость»). В декабре 1823 г. Пушкин вновь обращается к наполеоновской теме в стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», теперь оценивая смысл современной эпохи прямо противоположным образом, чем это было сделано в «Наполеоне» в 1821 г.: мир ожидает не «вечная свобода», а «тихая неволя» («Все молча ждет удара, / Все пало — под ярем склонились все главы»). Однако эти стихотворения не дают оснований для утверждений о «разочаровании Пушкина в просветительских идеалах, в человеческом роде вообще»⁸² и о «пересмотре своего жизненного пути».⁸³ Интенсивность творчества в это время также противоречит любым представлениям о «кризисе»: в марте—начале апреля 1823 г. Пушкин завершает поэму «Бахчисарайский фонтан», в мае начат «Евгений Онегин», к концу года окончена первая глава и уже идет работа над второй.

Характеристика Онегина на протяжении первой главы романа не остается неизменной. Образ «модного» светского героя, отделенного от автора тоном легкой иронии, к концу главы углубляется и осложняется чертами неделанной «разочарованности» («мечтам невольная преданность», «неподражательная странность», «резкий охлажденный ум», «игра страстей», «сердца жар угас»). Стихотворение «Демон» было написано в одно время с XLV и XLVI строфами первой главы, в которых Пушкин вплотную подошел к проблеме литературной характерологии, к вопросу о «чайльд-гарольдовской» составляющей современного характера. И хотя в позднейшей заметке о стихотворении Пушкин ссылался на Гете, можно предположить, что сам образ «демона» как персонафикация неких душевных движений непосредственно связывался им с Байроном. «Скептицизм лорда Байрона, — писал А. Пишо, — есть примечательный феномен в поэзии нашего века; корни его кроются в смутном беспокойстве, в опустошающем сомнении, порожденных нашими размышлениями о тайнах бытия и судеб человеческих». Байрон «со всей присущей ему силой выразил тос-

⁸¹ МТ. 1829. Ч. 27, № 10. С. 229; П. в критике, II. С. 180.

⁸² Гречаная Е. П. Андре Шенье в России // Шенье А. Сочинения. 1819. С. 453.

⁸³ Томашевский. Пушкин, I. С. 549.

ку непреходящего глубокого скептицизма, которому подвержен рассуждающий и размышляющий ум, — этот род душевной болезни, спасти от которой может только вера»; он «превратил мир в сцену, а человечество в зрителей и явил им себя в непрестанной борьбе с преследующим его демоном».⁸⁴

В рецензии на поэму «Кавказский пленник» П. А. Вяземский попытался дать своего рода социально-психологическое объяснение «чайльд-гарольдовского» характера, развившегося, по его мнению, из противоречия внутренней жизни личности и «нынешнего положения общества», из невозможности реализовать себя в современных условиях общественной жизни.⁸⁵ Пушкинский «Демон» может рассматриваться как параллель к рассуждениям Вяземского — осмысление философско-психологических оснований современного «байронизма». Кажется, именно так «Демон» был прочитан в пушкинском литературном окружении, не вызвав у друзей особых тревог за душевный мир поэта. «Обнимаю тебя за твоего Демона, — писал Пушкину Жуковский 1 июня 1824 г. — К черту черта! Вот пока твой девиз. Ты создан попасть в боги — вперед» (Акад. Т. 13. С. 94).

В первой главе «Евгения Онегина» «байронизм» является важной, но не единственной и не определяющей составляющей в характере современного героя. При этом, хотя связь этого героя с автором еще не окончательно потеряна, мир Онегина подчеркнута разделен с миром автора:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

(Акад. Т. 6. С. 28—29)

«Демоном» завершается период пушкинского «байронизма». В начатой вскоре поэме «Цыганы» «авторское лицо», по справедливому замечанию Ю. Н. Тынянова, совершенно отсутствует, перенесено в эпилог, а «байрони-

⁸⁴ Œuvres complètes de lord Byron. Т. 1. P. XX—XXI.

⁸⁵ «Британский поэт не воображению обязан характером, приданным его герою (...). Подобные лица часто встречаются взору наблюдателя в нынешнем положении общества. Преизбыток силы, жизни внутренней, которая в честолюбивых потребностях своих не может удовлетворяться уступками внешней жизни, щедрой для одних умеренных желаний так называемого благоразумия; необходимые последствия подобной распри: волнение без цели, деятельность пожирающая, не прикладываемая к существенному; упования, никогда не совершаемые и вечно возникающие с новым стремлением, — должны неминуемо посеять в душе тот неистребимый зародыш скуки, приторности, пресыщения, которые знаменуют характер *Child-Harold*, *Кавказского Пленника* и им подобных» (СО. 1822. Ч. 82, № 49. С. 121—122; П. в критике, I. С. 126).

ческий» характер становится предметом аналитического рассмотрения.⁸⁶ Готовя в 1825 г. в Михайловском первый сборник своих стихотворений, Пушкин показательно дезавуировал «автобиографизм» своей первой южной элегии, снабдив ее подзаголовком «Подражание Байрону».⁸⁷

Через «императивный биографизм»⁸⁸ южной лирики Пушкин двигался к тому же, к чему в литературной перспективе вела тенденция к «объективации» субъектного строя элегии, — к приоритету непосредственного «видения поэта» над «условиями жанра» и соответственно к отказу от предписанного традицией модуса самовыражения, к персонализации лирического высказывания. Появление принципиально нового лирического героя, представляющего «индивидуальными чертами означенное единство авторского сознания»,⁸⁹ во многом определило пути дальнейшего развития пушкинской поэтической системы.

* * *

29 июля Пушкину было объявлено высочайшее решение о его высылке из Одессы, воспринятое и им самим, и его окружением как жизненная катастрофа. В. Ф. Вяземская, приехавшая в Одессу с детьми в начале июня и близко общавшаяся с Пушкиным в течение двух последних месяцев его пребывания в городе, писала мужу 1 августа 1824 г.: «Я уверена, что ты не покинешь его в несчастии (...) единственная радость, которая останется бедному Пушкину, похороненному в глуши возле уездного города Порхова в Псковской губернии, это получать изредка известия, чтобы не умереть окончательно нравственной смертью. Полюбопытствуй, хорошо ли приняли его родители; упрекать его в чем-либо было бы бессмысленно; в чем, впрочем, можно было бы упрекнуть его, раз он не знает за собой иной вины, как то, что он подал в отставку? Я обещала изредка писать ему. Я проповедую ему покорность судьбе, а сама не могу с ней примириться (...). У меня сплин, не знаю, что такое, но эта высылка, преследования, неизвестно с чьей стороны, с чего и почему, переполняют меня смутной тревогой и черными мыслями до такой степени, что я не нахожу себе места».⁹⁰ Утром этого дня Пушкин оставил Одессу. Началась его вторая, михайловская, ссылка, изначально обещавшая быть гораздо более втягивающей, чем южная.

⁸⁶ Тынянов Ю. Н. Пушкин. С. 145.

⁸⁷ Литературный жест можно видеть и в публикации в январе 1825 г. в «Северной пчеле» (за полной подписью Пушкина) послания «Ч(аадае)ву» («К чему холодные сомненья?..»), начатого на юге, но доработанного уже в Михайловском. Мистифицирующая помета в заглавии: «1820. Морской берег Тавриды» отсылала к элегии «Погасло дневное светило...», противопоставляя первому южному стихотворению последнее, с его спокойным поэтическим мироощущением, нестилизированным лирическим героем, верным дружбе и чуждым прежних вольнолюбивых порывов и бурных страстей.

⁸⁸ Определение Б. В. Томашевского, см.: *Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения*. Л., 1925. С. 61; то же: *Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет*. М., 1990. С. 46.

⁸⁹ Гинзбург Л. Я. Проблема личности в поэзии декабристов. С. 180.

⁹⁰ Цит. по: Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // *Прометей*. М., 1974. Т. 10. С. 30—31 (оригинал по-фр.).

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ СТИХОТВОРЕНИЙ

Настоящий том включает стихотворения Пушкина, написанные им во время южной ссылки, с 6 мая 1820 г. (дата высылки из Петербурга) по 1 августа 1824 г. (день отъезда из Одессы в Михайловское). По отношению к корпусу южных стихотворений, представленному Акад., в настоящем издании в состав текстов внесен ряд изменений.

Незавершенные стихотворения 1821 г. «Примите новую тетрадь...», «О вы, которые любили...» и «Вот муза, резвая болтунья...», являющиеся набросками посвящения к «Гавриилиаде», перенесены в приложение к тексту поэмы. Также в том поэм вынесены черновые отрывки, объединенные в Акад. под заглавием «Таврида» («Ты вновь со мною наслажденье...» и «За нею по наклону гор...»), и набросок «Один, один остался я...», которые с вескими основаниями могут рассматриваться как возникшие в ходе работы над элегическими фрагментами (сначала «вступлением», потом «эпилогом») поэмы «Бахчисарайский фонтан». ¹Набросок «Она ( ) подарила...», датированный Т. Г. Цявловской в Акад. (Т. 2. С. 1187) предположительно апрелем—маем 1822 г. и напечатанный как самостоятельный текст, согласно с уточнением его датировки, перенесен в черновые рукописи второй главы «Евгения Онегина». ²Набросок «Как узник, Байроном воспетый...», в Акад. отнесенный к концу мая—началу июня 1824 г., датирован по положению в тетради ПД 835 (л. 9) более поздним временем и вынесен в том «михайловских» стихотворений.

Из состава стихотворных текстов выведены: строка «Ведите же прежде телят вы к вымени ( ) юницы», которая может быть понята только в контексте сопутствующих ей на л. 47 об. тетради ПД 830 записей «внушить — внять —» и церковнославянской цитаты из пророка Иеремии и вместе с ними, по-видимому, должна печататься в том «Рукою Пушкина»; напечатанная в Акад. как самостоятельный отрывок запись «Улыбка уст улыбка взоров» на л. 1 об. тетради ПД 834 на полях рукописи не вошедшего в окончательный текст «Бахчисарайского фонтана» вступления к поэме; эпиграмма «Кто ты ( ) не смей(?)...», представляющая собой искусственный текст, реконструированный Т. Г. Цявловской на основании неразборчивой записи на л. 1 тетради ПД 835, на полях черновика письма Пушкина к А. И. Казначееву от 22 мая 1824 г. и не включавшийся в последующие издания.

Отдельную проблему, не нашедшую корректного решения в предшествующих томах настоящего издания, представляет особая категория пушкинских текстов — устные экспромты, вызванные каким-то конкретным разговором или бытовой ситуа-

¹ См.: Ларионова Е. О. Еще раз о пушкинской «Тавриде» (в печати).

² См. наст. т., с. 904.

цией и случайно сохраненные памятью современников. Представляется, что такого рода шуточные стихотворные «реплики» следует рассматривать скорее как зафиксированный речевой акт, чем как полноценное сочинение поэта. Редакцией принято решение выделить тексты пушкинских экспромтов в особый раздел внутри собрания сочинений. В этот раздел должны быть перенесены экспромты «Мы недавно от печали...» и «И останешься с вопросом...» из тома лицейских стихотворений, эпиграммы «〈На Дембровского〉» («Когда смотрю я в зеркала...») и «〈На Гнедича〉» («С тобою в спор я не вступаю...»), без достаточных оснований отнесенные в томе петербургских стихотворений к дубиальным текстам, эпиграмма «Накажи, святой угодник...», двестише «Мадам Ризнич с римским носом...» и четверостишие «〈Из письма к Вигелю〉» («Скучной ролью Телемака...») из числа южных стихотворений, вошедших в корпус Акад.³ Планируемый раздел, объединяющий пушкинские «экспромты» разных лет, будет помещен в конце четвертого тома издания.

В состав тома введена эпиграмма «〈На кн. А. Н. Голицына〉» («Вот Хвостовой покровитель...»), в Акад. входившая в корпус петербургских стихотворений, но убедительно передатированная Т. Г. Цявловской 1824 г.,⁴ а также в соответствии с традицией изданий, предшествовавших Акад., наброски к неосуществленным замыслам «Актеон», «〈Бова〉» и «〈Этеристы〉», в Акад. вынесенные в том поэм.

Обоснование многочисленных изменений и уточнений датировок внутри тома даны в примечаниях к конкретным стихотворениям.

Тексты расположены в соответствии с композицией, определенной в томе петербургских стихотворений (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 458—459), в хронологическом порядке. Отступление от строгой хронологии допущено, однако, внутри раздела «Стихотворений, оставленных в черновиках, и набросков»: мелкие наброски исключены из общего хронологического ряда и сгруппированы в конце раздела. Переводы иноязычных текстов, помещенные под строкой в основном корпусе, принадлежат редакции. Том следует общему орфографическому и пунктуационному режиму издания (см. наст. изд., т. 1, с. 566—567; т. 2, кн. 1, с. 459).

ТЕКСТЫ ПОДГОТОВИЛИ И ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИЛИ

Стихотворения 1820 г.

«Погасло дневное светило...» — С. А. Фомичев;

«К ***» («Зачем безвременную скуку...»), «К портрету В(яземского)» — А. И. Рогова, С. Б. Федотова;

«Аптеку забудь ты для венков лавровых...», «Увы, зачем она блистает...» — А. И. Рогова;

«Дочери Карагеоргия», «Черная шаль» — А. С. Лобанова, Г. Е. Потапова;

«Нереида» — А. А. Долинин, Н. Г. Охотин, А. И. Рогова;

«Редеет облаков летучая гряда...»; «Редеет облаков летучая гряда...». *Поздняя редакция* — Е. О. Ларионова, А. И. Рогова.

³ Обоснование этого эдиционного решения см. подробнее: Ларионова Е. О. Мелочи о Пушкине. 3. Устные экспромты Пушкина и их место в собраниях сочинений // Врем. ПК. СПб., 2013. Вып. 31. С. 155—163.

⁴ См. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 457.

Стихотворения 1821 г.

«Земля и море», «Кинжал», «На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой», «Эпиграмма» («В жизни мрачной и презренной...»), «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), «Гроб юноши», «Наполеон», «К Овидию» — *Е. О. Ларионова*;

«Красавица перед зеркалом», «Дева», «(На Каченовского)» («Клеветник без дарованья...»), «(На Каченовского)» («Хаврониос! ругатель закоснелый...»), «Оставя честь судьбе на произвол...», «Иной имел мою Аглаю...», «Когда б писать ты начал сдуру...», «Как брань тебе не надоела!..», «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...», «Христос воскрес», «Раззевавшись от обедни...», «Лечись — иль быть тебе Панглосом...», «Тадарашка в вас влюблен...» — *А. И. Рогова*;

«Муза», «Я пережил свои желанья...», «Адели», «Дельвигу», «(Из письма к Н. И. Гнедичу)» («В стране, где Юлией венчаный...»), «Наперсница волшебной старины...», «Десятая заповедь» — *М. Н. Виролайнен*;

«Кокетке», «A son amant Eglé sans résistance...», «J'ai possédé maîtresse honnête...» — *Н. Л. Дмитриева*;

«Горишь ли ты, лампада наша...», «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») — *Е. О. Ларионова, С. Б. Федотова*;

«К моей чернильнице» — *Г. Е. Потапова*;

«Дионея», «Умолкну скоро я. Но если в день печали...» — *А. И. Рогова, С. Б. Федотова*;

«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» — *А. И. Рогова, С. А. Фомичев*;

«Алексееву» — *А. С. Лобанова, Г. Е. Потапова*;

«Война» — *Е. О. Ларионова, Н. Г. Охотин, С. Б. Федотова*;

«Генералу Пушину» — *Г. Е. Потапова, С. Б. Федотова*;

«Приметы» — *Т. А. Китанина*.

Стихотворения 1822 г.

«Баратынскому из Бессарабии», «(Баратынскому)» («Я жду обещанной тетради...»), «Послание цензору» — *Е. О. Ларионова*;

«Чугун кагульский, ты священ...» — *Н. Л. Дмитриева*;

«Ф. Н. Г(лин)ке», «Гл(ин)ке». *Поздняя редакция* — *С. Б. Федотова*;

«Бранись, ворчи, болван болванов...», «У Кларисы денег мало...» — *А. И. Рогова*;

«Друзьям» — *М. Н. Виролайнен*;

«Песнь о вещем Олеге» — *И. В. Немировский, Г. Е. Потапова*;

«Люблю ваш сумрак неизвестный...» — *Т. А. Китанина*;

«Гречанке», «Узник» — *А. С. Лобанова, Г. Е. Потапова*;

«Иностранке» — *С. А. Фомичев*.

Стихотворения 1823 г.

«Птичка», «Жалоба» — *М. Н. Виролайнен*;

«Ночь», «Демон», «Свободы сеятель пустынный...», «Простишь ли мне ревнивые мечты...» — *Е. О. Ларионова*;

«Вигелю», «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой» — *Г. Е. Потапова*;

«Надеждой сладостной младенчески дыша...» — *А. С. Бодрова*;

«Телега жизни» — *Н. Г. Охотин*;

«Недвижный страж дремал на царственном пороге...» — *Е. О. Ларионова, О. С. Муравьева.*

Стихотворения 1824 г.

«Ч(аадае)ву» («К чему холодные сомненья?...»), «(На Воронцова)» («Полу-милорд, полу-купец...») — *Е. О. Ларионова;*

«Д(авыдов)у» («Нельзя, мой толстый Аристип...») — *Е. О. Ларионова, Н. Г. Охотин;*

«Охотник до журнальной драки...», «(На кн. А. Н. Голицына)» («Вот Хвостовой покровитель...») — *А. И. Рогова.*

Стихотворения неизвестных годов

«Сегодня я поутру дома...» — *Г. Е. Потапова;*

«Приятелю» — *А. И. Рогова;*

«К **» («Ты богоматерь, нет сомненья...»), «Лихой товарищ наших делов...» — *Е. О. Ларионова.*

Стихотворения, оставленные в черновиках, и наброски

«Я видел Азии бесплодные пределы...», «В кругу семей, в пирах счаст(ливых) (?)...», «(П. А. Вяземскому)» («Язвительный поэт, остряк замысловатый...»), «(Бова)», «Завидую тебе, питомец моря смелый...», «Бывало в сладко(м) ослепленье...», «В забвеньи чист(ом) (?) насладись...», «[Нет ветра — синяя волна]...», «Во мраке ( )...», «Певец-Давид был ростом мал...», «[Венере], Фебу и Фемиде...» — *Е. О. Ларионова;*

«Мне вас не жаль, года весны моей...», «Князь Г — со мною не зна(ком)...», «Я не люблю твоей Кори(нны)...», «Молдав(ская песня)» («Нас было два брата — мы вместе росли...»), «Мой друг, уже три дня...», «Мой пленник вовсе не любезен...», «[Скажи — не я ль тебя заметил...]» — *А. И. Рогова;*

«Кто видел край, где роскошью природы...» — *Е. О. Ларионова, А. И. Рогова, С. Б. Федотова;*

«[Если] с нежной красотой...», «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...»), «Элеферия, пред тобой...» — *С. Б. Федотова;*

«Все так же осеняют своды...», «(Д. В. Давыдову)» («Певец-гусар, ты пел биваки...»), «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...», «(В. Ф. Раевскому)» («Недаром ты ко мне воззвал...») — *Е. О. Ларионова, С. Б. Федотова;*

«Недавно бедный музульман...» — *Н. Л. Дмитриева;*

«Наперсница моих сердечных дум...», «Недавно я в часы свободы...» — *М. Н. Виролайнен;*

«Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» — *Т. А. Китанина;*

«Актеон» — *Н. Л. Дмитриева, Е. В. Кардаш;*

«На тихих берегах Москвы...», «Вечерня отошла давно...» — *Е. В. Кардаш;*

«Гречанка верная! не плачь — он пал героем...», «Чиновник и поэт», «(Л. С. Пушкину)» («Брат милый, отроком расстался ты со мной...»), «Как наше сердце своенравно...», «Все кончено: меж нами связи нет...» — *А. С. Лобанова, Г. Е. Потапова;*

«Кто, волны, вас остановил...» — *Г. Е. Потапова, С. Б. Федотова;*

«Придет ужасный [час] — твои небесны очи...» — *М. Н. Виролайнен, А. И. Рогова;*

«О боги мирные полей, дубров и гор...», «Кораблю», «В твою светлицу, друг мой нежный...» — *Г. Е. Потапова*;

«Зачем ты послан был и кто тебя послал...» — *Е. О. Ларионова, А. С. Бодрова*;

«[Жуковский, ( ) Как ты шалишь...]», «Теснится средь толпы еврей сребролюбивый...», «Генерал не попал...», «( ) во дни Дадона...», «В беспечных радостях, в живом очарова(ньи)...», «Одна черта руки моей...», «Приют любви, он вечно полн...» — *С. А. Фомичев*;

«(Этеристы)» — *А. С. Лобанова*.

Отрывки недошедших произведений

(Записка В. П. Горчакову) («Зима мне рыхлою стеною...») — *Г. Е. Потапова*;

(М. Е. Эйхфельдт) («Ни блеск ума, ни стройность платья...») — *С. А. Фомичев*;

Отрывок из сказки «Царь Никита» — *Г. А. Левинтон, Н. Г. Охотин*.

Dubia

«(На Фотия)», «Разговор Фотия с гр. Орловой», «Гр. А. А. Орловой-Чесменской» — *А. И. Рогова*.

Авторский коллектив тома с благодарностью воспользовался указаниями контрольного рецензента тома В. Д. Рака. Редакция издания выражает свою глубочайшую признательность ученому хранителю пушкинских рукописей Т. И. Краснобородько, оказавшей неоценимую помощь при работе с рукописными материалами; С. А. Фомичеву и М. Н. Виролайнен, участвовавшим на первых этапах в редактировании тома, а также А. И. Роговой, взявшей на себя существенную часть работы по его редакционной подготовке, В. В. Зельченко, внесшему ряд ценных дополнений к примечаниям, и редактору тома А. И. Строевой.

1820

«ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО...»

(С. 5 и 162)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 7 — черновой набросок ст. 32—38 и отдельно написанное ниже начало стиха: «И вы весны моей», запись чернилами поверх черного карандашного автографа стихотворения «К ***» («Зачем безвременную скуку...»). Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 571 (в виде неполной сводки верхнего слоя черновика). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2. Первый черновой автограф стихотворения, предшествовавший этому наброску, по предположению В. Б. Сандомирской, находился на вырванном позднее из этой тетради листе между л. 5 и 6; сохранился корешок листа (ПД 830, л. 5а) с записанными карандашом обрывками начальных букв нескольких стихов (по-видимому, 1, 2 и 4). Напечатано: Сандомирская В. Б. О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она блистает...»: (К вопросу о датировке) // Врем. ПК. Л., 1986. Вып. 20. С. 138—139. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) ПД 34 — белой ст. 1—4; ст. 5—40 записаны рукой Е. Н. Вульф с поправками рукой А. Н. Вульф и П. А. Осиповой (Вф). Под текстом помета: «Черное море» и подпись: «Аннибал Пушкин», сделанные рукой Е. Н. Вульф. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 627—628 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

Утраченный автограф в Тетр. Капниста (Кап) — белой, обозначенный как «Элегия VI», под заглавием: «Черное море», зачеркнутым и восстановленным, с датой у заглавия: «(1820)», с эпиграфом: «Good night my native land / Вулон» (Доброй ночи, родная земля! / Байрон. — *англ.*) (стих Байрона: «My native land — Good Night!», записанный по памяти с перестановкой слов и опиской); эпиграф вписан и позднее зачеркнут карандашом, возможно, не пушкинской рукой. Фотокопия ст. 1—16 и первых слов ст. 17—34 на смежном листе: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 579 (заглавие и эпиграф); Майков. Материалы. С. 63 (первоначальный вариант ст. 38; публ. В. И. Саитова). Воспроизведение фотокопии: Томашевский. Новые материалы. С. 845.

Копии:

1) Тетр. Вошинина (Вош) — под заглавием: «Элегия», с искажением ст. 37.

2) Сб. Алмазова (Алм) — под заглавием: «Элегия с Черного моря», с подписью: «А... Пушкин», с ошибками в ряде стихов, с пропуском ст. 33—36; частично выправлена позднее по тексту Ст 1826 или Ст 1829.

3) Первая тетр. из собр. Забелина (Заб₁) — под заглавием: «Элегия. На Черное море (подражание Байрона)».

4) Альбом Голенищева-Кутузова (ГК) — под заглавием: «Элегия. С Черного моря», с подписью: «Пушкин».

5) Альбом Горчакова (Грч) — под заглавием: «Элегия».

6) Тетр. из архива Голохвастовых (Гол) — под заглавием: «Элегия на Черное море».

7) Вторая тетр. из собр. Забелина (Заб₂) — под заглавием: «Элегия с Черного моря», с подписью: «А. П.», с пропуском ст. 35—36 и искажением ст. 17.

8) Первая тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₁) — под заглавием: «Элегия с Черного моря», с подписью: «А. Пушкин», с пропуском ст. 35—36 и искажением ст. 23.

9) Первый сб. из архива Помяловского (Пом₁) — под заглавием: «Элегия», с подписью под текстом: «А. П.» и пометой: «Черное море. 1820», с ошибками в ряде стихов.

10) Тетр. Полторацкого (Полт) — под заглавием: «Ветрило. Элегия», с пропуском ст. 35—36.

11) Чебоксарский сб. (Чеб) — под заглавием: «Элегия с Черного моря», с подписью: «А. Пушкин», с ошибками в ряде стихов.

12) Первая тетр. из собр. Литературного музея (ЛМ₁) — под заглавием: «Элегия к Черному морю», с подписью: «А. Пушкин», с искажением ст. 32—38.

13) Тетр. К. М—ва (Мв) — под заглавием: «Элегия».

14) Альбом А. Л. Баратынской (Барат) — под заглавием: «Элегия», с подписью под текстом: «А. Пушк(ин)» и пометой: «Черное море. Сентябрь 1820», с ошибками в ряде стихов.

15) Вторая тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₂) — под заглавием: «Элегия», с большим количеством ошибок.

16) Н. В. Путяты (Пут) — под заглавием: «Элегия с Черного моря», с ошибкой в ст. 23 и пропуском ст. 35—36.

17) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Элегия Черному морю», с большим количеством ошибок.

18) Третья тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₃) — под заглавием: «Элегия», с подписью: «А. Пушкин», с пропуском ст. 35—36.

Копия в Цензурной рукописи Ст 1826 (ЦР), которой пользовался П. В. Анненков (см.: Анненков. Материалы 1855. С. 74), в настоящее время неизвестна.

Заглавие вошло в список стихотворений на внутренней стороне передней крышки переплета тетради ПД 833 (вторая половина апреля 1821 г.) — в записи: «Черн(ое) море» (см.: Рукою П. 1997. С. 211). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: СО. 1820. Ч. 65, № 46. С. 271—272, под заглавием: «Элегия», без подписи, с пометой под текстом: «Черное море. / 1820. Сентябрь», с делением на астрофические фрагменты после ст. 4, 8, 16, 31; с ошибкой в последнем стихе, видимо допущенной при наборе вследствие неправильного чтения рукописи («Волнуйся подо мной, ужасный океан!» вместо: «Волнуйся подо мной, угрюмый океан!»). Перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности. СПб., 1821. Ч. 2. С. 111—112, с подписью: «А. Пушкин», с повторением ошибки в последнем стихе и пропуском (вероятно, по недосмотру) ст. 35—36, с делением на астрофические фрагменты после ст. 4, 8, 27, 31. Вошло в Ст 1826. С. 22—23 (отдел «Элегии», с обозначением в оглавлении: «(Погасло дневное светило). Подражание Байрону» и датой в оглавлении: «1820») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 83—85 (отдел стихотворений 1820 г., с тем же, что и в Ст 1826, обозначением в оглавлении), без изменений в тексте, с пунктуационными отличиями. Самым существенным изменением пунктуации в Ст 1829 стало снятие восклицательных знаков, которыми в Ст 1826 заканчивались ст. 3, 4, 15, 16, 27, 29, 31, 39, 40, а также в середине ст. 37 («И вы забыты мной!.. Но прежних сердца ран»). (В этих стихах текст Ст 1826 повторял пунктуацию текста СО; кроме того, в СО восклицательный знак стоял также на конце ст. 36 и 38).

Стихотворение широко распространялось в списках. Перечисленные выше копии восходят к варианту текста, представленному журнальной публикацией, но дают правильное чтение последнего стиха («Волнуйся подо мной, угрюмый океан»). Это свидетельствует о том, что одним из источников списков стихотворения был неизвестный нам автограф (возможно, тот, который был послан Пушкиным в Петербург для публикации в «Сыне отечества»), и подтверждает ошибку в ст. 40 журнального текста. Из разночтений копий следует отметить два наиболее часто встречающиеся — в ст. 9: «Я чувствую: в очах родились слезы вновь» (Вош, ГК, Заб₂, ЛМ₁, Отб; в Нейш₂ то же разночтение, но сам стих искажен) и в ст. 31: «Минутной радости минутные друзья» (Вош, Алм, Гол, Заб₂, Нейш₁, Полт, Барат, Нейш₂, Пут, Долг; в ГК: «Минутных радостей минутные друзья»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 19 августа — 24 сентября 1820 г.

По-видимому, первые контуры будущей элегии определились во время плавания Пушкина с семейством Раевских на военном корабле из Феодосии в Гурзуф в ночь с 18 на 19 августа 1820 г. В письме к брату от 24 сентября 1820 г. Пушкин сообщал: «...морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в *Юрзуф*, где находилось семейство Раевского. Ночью на корабле написал я Элегию, которую тебе присылаю; отошли ее *Гречу* без подписи» (Акад. Т. 13. С. 19). В 1856 г. М. Н. Волконская, опираясь на семейные предания, рассказывала П. И. Бартеневу: «Из Керчи в *Юрзуф* они плыли на военном бриге, который нарочно отдан был в распоряжение Раевским. Ночью Пушкин ходил по палубе и бормотал стихи» (П. в восп. Т. 1. С. 217). Первый черновой автограф стихотворения, по предположению В. Б. Сандомирской (см. выше), находился в тетради ПД 830 на вырванном позднее листе между л. 5 и 6. Л. 4а—9 тетради ПД 830 поначалу последовательно заполнялись карандашом, лишь позднее на некоторых из них появились автографы, выполненные чернилами. Карандашные записи на этих листах могут быть выстроенны в отдельный хронологический ряд и датированы временем между 19 августа (приезд Пушкина в Гурзуф) и 24 августа (помета на л. 9: «1820 А(в)густа 24» — последняя по времени карандашная запись на первых листах тетради ПД 830). Черновой набросок к ст. 32—38 был записан на л. 7 в ходе работы чернилами поверх карандашных записей, не ранее 20 сентября (дата под стихотворением «Мне вас не жаль, года весны моей...» на л. 5). Подробнее историю заполнения л. 4а—9 тетради ПД 830 см.: Рак В. Д. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // ПиС (Нов. серия). Вып. 1 (40). С. 133—152; Рак. Записная книжка ПД 830. С. 5—21. Нижняя граница датировки определяется цитируемым выше письмом Пушкина к брату от 24 сентября 1820 г., при котором стихотворение было послано в Петербург.

Правка, давшая текст Ст 1826, относится к 1825 г., в основном ко времени до 15 марта — даты отправки в Петербург тетради Капниста (Кап), куда вошел переработанный текст стихотворения. Отдельные поправки вносились и позднее. Видимо, уже после отсылки тетради Пушкин отказался от эпиграфа из Байрона, который в соответствии с его указаниями там был вычеркнут карандашом (вероятно, в ходе изготовления ЦР). Судя по всему, до последнего момента Пушкин колебался относительно заглавия: в Кап заглавие «Черное море» было вычеркнуто и восстановлено; в оглавлении ЦР, посланном П. А. Плетневым Пушкину в письме от 26 сентября 1825 г. (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 353; Акад. Т. 13. С. 232), Пушкин заключил

заглавие «Черное море» в скобки (хотя и оставил невычеркнутым). По свидетельству П. В. Анненкова, в ЦР еще сохранялось заглавие «Черное море». «Пушкин зачеркнул заглавие и написал вместо него „Подражание Байрону“» (Анненков. Материалы 1855. С. 74). В конечном счете слова «Подражание Байрону» отошли в оглавление как подзаголовок.

Автограф ПД 34, где после ст. 1—4, записанных Пушкиным, текст продолжен рукой Е. Н. Вульф, относится ко времени пребывания Пушкина в Михайловском. Он не отразил изменений, внесенных в текст Кап, и соответственно никак не связан с подготовкой Ст 1826. Запись сделана, таким образом, в промежутке между 9 августа 1824 г. (датой приезда Пушкина в Михайловское — Летопись 1999. Т. 1. С. 431) и мартом 1825 г. (временем составления Кап).

Эпиграф из Байрона в Кап и подзаголовок «Подражание Байрону» в оглавлении Ст 1826 и Ст 1829 выдвигают на первый план вопрос об отношении пушкинской элегии к творчеству английского поэта и о возможности рассматривать «Погасло дневное светило...» как первое в ряду пушкинских произведений, отмеченных печатью «байронизма». Мнения, высказывавшиеся по этому поводу, располагаются в очень широком диапазоне: от утверждений, что элегия написана «под живым впечатлением только что прочитанного „Чайльд-Гарольда“» (Майков Л. Н. Пушкин : Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 141) и «воспроизводит в трансформированном виде» не только «почти все мотивы первой песни „Паломничества“», но и байроновскую фразеологию (Кибальник С. А. Тема изгнания в поэзии Пушкина // ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 36—37; см. также: Баевский В. С. Из предыстории пушкинской элегии «Погасло дневное светило...» // Проблемы современного пушкиноведения : Сб. статей. Псков, 1994. С. 86—90), до полного отрицания следов прямого воздействия Байрона в пушкинском стихотворении (Проскурин 1999. С. 58—67). Отправной точкой в рассуждениях о «байронизме» пушкинской элегии является вопрос о степени знакомства Пушкина с произведениями Байрона ко времени его отъезда из Петербурга и в первые месяцы южной ссылки. Впервые фактические сведения об этом были с достаточной полнотой собраны и проанализированы в 1913 г. М. А. Цвяловским в работе «Пушкин и английский язык» (ПиС. СПб., 1913. Вып. 17—18. С. 48—73), на которую и опирались все позднейшие исследователи. Лишь в последнее время выводы Цвяловского были пополнены и несколько скорректированы. См.: Рак В. Д. 1) Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона // РЛ. 2000. № 2. С. 3—25 (то же: Рак В. Д. Заметки к теме «Пушкин и Байрон». I. Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона // Рак 2003. С. 64—100); 2) Байрон // Пушкин и мировая литература : Материалы к Пушкинской энциклопедии. СПб., 2004. С. 38—43 (ПИМ. Т. 18—19).

Пушкин мог знать имя Байрона еще с 1815 г.: с публикации в журнале «Российский музей» (1815. Ч. 1, № 1. С. 37—42) первого в русской печати сообщения об английском поэте. Поскольку в том же номере журнала было напечатано послание Пушкина «К Б(атюшк)ову» («Философ резвый и пиит...»), есть основания считать, что Пушкин прочел и помещенную рядом заметку об «одном из нынешних славных поэтов английских», содержащую краткий обзор его творчества и выдержки из «Корсара» («The Corsaire : A Tale», 1814) с параллельным прозаическим переводом. Сообщения о Байроне, появлявшиеся время от времени в русской периодике в последующие годы, упоминание его имени и переводы его произведений во французских журналах также, вероятно, попадали в поле зрения Пушкина, но не вызывали у

него ни интереса, ни тем более какого-либо творческого отклика. Ситуация должна была измениться в 1819 г. с началом горячего увлечения Байроном в близком пушкинском окружении: его читают в подлиннике А. И. Тургенев, В. А. Жуковский, И. И. Козлов; последний в том же году выполнил перевод на французский язык «Абидосской невесты» («The Bride of Abydos : A Turkish Tale», 1813) (см.: Гликман И. Д. И. И. Козлов // Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 12 (Б-ка поэта; Большая сер.)). П. А. Вяземский, не владевший английским языком, знакомится с творчеством Байрона осенью 1819 г. в Варшаве во французских переводах и пересказах в женеvском журнале «Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et art» («Всеобщая библиотека наук, изящной словесности и искусств») и в устном переводе польского поэта Францишка Моравского. «Bibliothèque universelle» имела хождение и в России, о чем свидетельствуют заимствованные из нее материалы в русских журналах. Правда, печатавшиеся в ней переводы из Байрона, судя по всему, не произвели особого впечатления на русского читателя; во всяком случае они не стали источниками русских переводов. Восторженная оценка Байрона Вяземским на основе публикаций «Bibliothèque universelle» была индивидуальна и, по справедливому замечанию В. Д. Рака, вероятно, во многом определялась совместным чтением и беседами с Ф. Моравским, большим поклонником английского поэта (Рак В. Д. Заметки к теме «Пушкин и Байрон». С. 76—77, 83). Наибольшее восхищение Вяземского вызывает «Паломничество Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage», 1812—1818). «Я все это время купаюсь в пучине поэзии, — писал Вяземский А. И. Тургеневу 11 октября 1810 г., — читаю и перечитываю лорда Байрона, разумеется, в бледных выписках французских. Что за скала, из коей бьет море поэзии! (...) Знаешь ли ты его „Пилигрима“ (т. е. «Паломничество Чайльд-Гарольда». — *Ред.*), четвертая песнь? Я не утерплю и, верно, хотя для себя, переведу с французского несколько строф, разумеется, сперва прозою; и думаю, не оставить ли маленькую статью о нем, где мог бы я перебрать лучшие его места, а более бросить перчатку старой, изношенной шляхе — нашей поэзии, которая никак не идет языку нашему. (...) Племянник (А. С. Пушкин. — *Ред.*) читает ли по-англински? Кто в России читает по-англински и пишет по-русски? Давайте мне его сюда! Я за каждый стих Байрона заплачу ему жизнью своею» (ОА. Т. 1. С. 326—327). «Ты проповедуешь нам Байрона, которого мы все лето читали, — отвечал Тургенев 22 октября. — Жуковский им бредит и им питается. В планах его много переводов из Байрона. Я нагреваюсь им и недавно купил полное издание в семи томах. Четвертая песнь „Пилигрима“ и моя любимая» (Там же. С. 334). В письме к Тургеневу от 17—18 октября Вяземский приводит свой прозаический перевод отрывков из четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» — строфы 179—180, 184, 178, 130, 131, 121 и 124 (см.: Там же. С. 330—332), а в письмах от 25 октября и от 15 ноября дважды цитирует по французскому переводу «Bibliothèque universelle» заключительную строфу прощальной песни Чайльд-Гарольда из первой песни поэмы (см.: Там же. С. 338, 353). Тургенев, скорее всего, узнал Пушкина с письмами Вяземского. Возможно, не случайно в тексте элегии «Погасло дневное светило...» находится близкое соответствие именно тому отрывку из прощальной песни Чайльд-Гарольда, который цитировался Вяземским (см. ниже, примеч. к ст. 17—20). Таким образом, к моменту отъезда из Петербурга Пушкин, не знавший английского языка, совершенно очевидно не мог читать Байрона в оригинале, возможно, не читал и французских переводов, но был уже достаточно наслышан о его творчестве. В первые месяцы ссылки, проведенные с семейством Раевских на

Кавказе и в Крыму, Пушкин вновь оказался в кругу русских поклонников Байрона. Елена Николаевна Раевская «отлично знала по-английски и переводила из Байрона и В. Скотта на французский язык» (П. в восп. Т. 1. С. 215). Когда, может быть, еще на Кавказе и определенно в Гурзуфе Пушкин с помощью Н. Н. Раевского-сына принялся учить английский язык, для занятий также были избраны сочинения Байрона. По-видимому, Пушкин с Раевским читали «Корсара», влияние которого сказалось прежде всего в начатом в Гурзуфе «Кавказском пленнике» (см.: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. 2-е изд. Л., 1978. С. 46—54); вероятно, также читали «Гяура», что позволяют предположить выполненные Пушкиным и Раевским переводы отрывков из этой поэмы (см.: *Рак В. Д.* Заметки к теме «Пушкин и Байрон». С. 68—69, 93—97; также примеч. к стихотворению «[Нет ветра — синяя волна]...» — наст. т., с. 914—915). Сведений о чтении Пушкиным в это время «Паломничества Чайльд-Гарольда» нет. Записанный по памяти эпиграф к элегии «Погасло дневное светило...» в Кап свидетельствует, что к марту 1825 г. Пушкину в какой-то мере был знаком английский текст прощальной песни Чайльд-Гарольда, однако нельзя с уверенностью относить вслед за М. А. Цявловским это знакомство к гурзуфским дням, только потому, что «у нас положительно нет никаких серьезных оснований утверждать, что Пушкин до 1828 года читал в подлиннике английских писателей (кроме трехнедельного пребывания в Гурзуфе)» (*Цявловский М. А.* Заметки о Пушкине. II. Пушкин и английский язык. С. 64). Английскими текстами, прочтенными с Раевским, следует, по-видимому, ограничить непосредственное знакомство Пушкина с произведениями Байрона к моменту создания элегии «Погасло дневное светило...». Ни на Кавказе, ни в Гурзуфе в распоряжении Пушкина не было многотомного французского собрания прозаических переводов Байрона, выпущенного А. Пишо (Pichot; 1796—1877) и Э. де Салем (Salle), — *Œuvres de lord Byron, traduites de l'anglais... Paris, 1819—1821. Vol. 1—10* (т. 1—8 вышли в Париже в сентябре 1819—середине марта 1820 г., т. 9, 10 — в 1821 г.; в начале августа 1820 г. вышли т. 1—3 второго, незавершенного, издания: *Œuvres complètes de lord Byron, traduites de l'anglais par A. E. de Chastopalli. 2-me éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris, 1820—1822. Vol. 1—5*). Французское собрание сочинений дошло до Пушкина (полностью или в разрозненном виде) только между серединой октября 1820 и февралем 1821 г. (см.: *Рак В. Д.* Заметки к теме «Пушкин и Байрон». С. 70—71, 83—91). Не располагал Пушкин и французским двухтомником избранных произведений Байрона, Вальтера Скотта и Мура (*Choix de poésies de Byron, Walter Scott et Moore. Genève ; Paris, 1820*), который был объявлен к продаже в Париже только 22 (10) июля 1820 г. (см.: *Bibliographie de la France. 1820. № 30, 22 juil. P. 404 (№ 2712)*; *Рак В. Д.* Заметки к теме «Пушкин и Байрон». С. 89).

Изложенные факты не позволяют ни утверждать влияния «Паломничества Чайльд-Гарольда» на пушкинскую элегию, ни категорически его отрицать. Знакомство Пушкина с поэзией Байрона ко времени создания стихотворения «Погасло дневное светило...» следует охарактеризовать как «весьма, по всем имеющимся признакам, поверхностное» (*Рак В. Д.* Заметки к теме «Пушкин и Байрон». С. 69—70), и, таким образом, более чем сомнительны приводимые в работах С. А. Кибальника и В. С. Баевского многочисленные примеры ориентации Пушкина на байроновскую фразеологию. Тем не менее это знакомство было достаточным, «чтобы воспринять всю ее (поэзии. — *Ред.*) новизну и современность» и «получить от нее первый сильный творческий импульс» (Там же. С. 70). Лирическое обраще-

ние поэта к морю и кораблю, стремление от родной земли к «пределам дальним», мотивы разочарования и пресыщения радостями жизни, звучащие в стихотворении, находят соответствие у Байрона. Сама ситуация ссылки, трансформировавшаяся на этом этапе в поэтическом сознании Пушкина в ситуацию добровольного изгнания (см.: *Кибальник С. А.* Тема изгнания в поэзии Пушкина. С. 33—36), создавала почву, для того чтобы поэзия Байрона нашла отзвук в творчестве Пушкина. У современников Пушкина, знакомых с произведениями английского поэта, «байронический» генезис основных мотивов и общего духа элегии не вызывал сомнения. На вопрос А. И. Тургенева, читал ли Вяземский «Черное море» Пушкина, Вяземский в письме от 27 ноября 1820 г. передает Тургеневу свое впечатление: «Не только читал Пушкина, но с ума сошел от его стихов. Что за шельма! Не я ли наговорил ему эту байронизиану:

Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей...

Мне жаль, что в этой элегии дело о любви одной. Зачем не упомянуть о других неудачах сердца? Тут было где поразгуляться» (ОА. Т. 2. С. 104, 107). Немногим позднее, 31 декабря 1820 г., Вяземский приводит те же пушкинские строки как прямую цитату из Байрона применительно к Александру I: «Никто более его не придерживается слов Байрона:

Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей»

(Там же. С. 133).

На письмо Вяземского от 27 ноября с отзывом об элегии Тургенев отвечает: «Пушкин угадает все, что захочет» (Там же. С. 118; письмо от 8 декабря 1820 г.). При этом замечание Вяземского относительно ограниченности стихотворения традиционной элегической любовной темой, равно как и слово «угадает» в письме Тургенева, говорят о том, что, кажется, оба корреспондента, не склонны были преувеличивать степень пушкинского «байронизма», предполагая у поэта скорее интуитивное постижение духа поэзии Байрона, чем ее сколько-нибудь твердое знание. Подзаголовок «Подражание Байрону» появился у стихотворения пять лет спустя, в оглавлении Ст 1826, причем, как показывает правка в Кап и ЦР, Пушкин до последнего момента колебался, делать ли это указание. По мнению Б. В. Томашевского, подзаголовок служил тому, «чтобы не вызвать упреков критиков, готовых во всем видеть подражания Байрону» (Томашевский. Пушкин, I. С. 388).

Элегия «Погасло дневное светило...», где были «впервые намечены общие очертания поэтической биографии автора» (Там же. С. 389), открывала в творчестве Пушкина новый период — одной из его особенностей было стремление поэта к созданию «литературной биографии», «которая служила бы в глазах читателей связующим контекстом для его произведений» (*Лотман Ю. М.* А. С. Пушкин : Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 71; см. подробнее наст. т., с. 478—482). В момент работы над элегией ни для Пушкина, ни для русского читателя, только начавшего знакомство с английским поэтом, «байронизм» как историко-культурный факт еще не существовал. Однако спустя совсем немного времени ему суждено было стать важной составляющей пушкинской «литературной личности». В этом смысле появление в 1825 г. подзаголовка «Подражание Байрону», действительно, может рассматриваться как «уступка, по-видимому, стойкому убеждению читателей»

(Рак В. Д. Заметки к теме «Пушкин и Байрон». С. 66), «образец авторской реконтекстуализации старого произведения» (Проскурин 1999. С. 67) и вместе с тем как сознательное обнажение одного из «ключей» к пониманию литературно-бытового авторского образа, который сложился у читателя за годы южной ссылки Пушкина и в какой-то мере создавался самим поэтом, но к 1825 г. уже в сущности утратил для Пушкина значение.

Отмечалось очевидное влияние на пушкинское стихотворение элегической системы Батюшкова (см.: *Чтец [Энгельгардт Н. А.] Пушкин и Батюшков // Новое время. 1900. № 8890, 25 ноября (8 дек.); также: Дашкевич Н. Отголоски увлечения Байроном: Разочарование, грезы о свободе вне цивилизованного общества и сомнения в поэзии Пушкина // Венг. Т. 2. С. 431; Проскурин 1999. С. 58—67; в последней работе категорически оспаривается влияние Байрона и единственным реальным фоном стихотворения Пушкина признаются элегии Батюшкова). Выдвинутая в этой связи гипотеза В. С. Баевского об определенном воздействии Байрона на самого Батюшкова, сказавшемся в первую очередь в элегии «Тень друга» (1814) (см.: *Баевский В. С. Из предыстории пушкинской элегии «Погасло дневное светило...». С. 83—86), не может быть принята, так как основана на не имеющем никаких фактических оснований допущении, что во время двухнедельного пребывания в Англии в 1814 г. Батюшков, не знавший английского языка, мог познакомиться с первыми песнями «Паломничества Чайльд-Гарольда».**

Элегия «Погасло дневное светило...» была положена на музыку И. И. Геништой. По воспоминаниям Вяземского, осенью 1826 г., после возвращения Пушкина из ссылки в Москву, эту элегию в первый день знакомства с поэтом исполняла в его присутствии кн. Э. А. Волконская (П. в восп. Т. 1. С. 148). Композиция Геништы, созданная не позднее первой половины декабря 1825 г. (ее исполнение Геништой отмечено в дневнике Клер Клермонт под 18 декабря 1825 г. — см.: *Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 509 (ЛН. Т. 91)), была написана на текст журнальной публикации. В 1828 г. напечатана с текстом на русском и немецком языках под нотами: *Elégie d'Alexandre Pouschkine mis en musique et respectueusement dédiée à Madame la Princesse Zeneide de Volkonsky par Joseph Genischta. A Moscou, gravé et impr. chez C. Wenzel* (П. в печати. С. 55). При публикации русский текст под нотами был частично приведен в соответствие со Ст 1826, по-видимому, там, где композитор счел это возможным: ст. 7, 10 и 17 остались в варианте «Сына отечества», кроме того, ст. 9 звучит: «Я чувствую: в очах родились слезы вновь» (несомненно отсюда распространенность этого разночтения в копиях — см. выше, с. 503). Вероятно, романс, бывший «на слуху», повлиял на последующее распространение пушкинского текста в читательской среде: сложились условия для широкого бытования контаминированного текста. В текст, напечатанный в Ст 1826 и Ст 1829, попадали отдельные варианты «Сына отечества», и наоборот. Второй случай — когда в текст журнальной публикации вносились исправления единичных стихов по Ст 1826 и Ст 1829 — может быть проиллюстрирован, в частности, прижизненными перепечатками пушкинской элегии в альманахе «Эвтерпа, или Собрание новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых русских поэтов» (М., 1831. С. 133—135) и сборнике «Песни, романсы и куплеты из водевилей известных и любимых поэтов» (М., 1833. С. 34—37) (в обоих изданиях под заглавием «К морю» и с рядом произвольных искажений). Вероятно, в начале 1830-х гг. над музыкальной «балладой» на текст пушкинского стихотворения работал также А. А. Алябьев (до нас дошли рукописи двух*

незавершенных симфонических версий и камерная версия для голоса с фортепиано) (см.: *Штейнпресс Б. С.* Очерки и этюды. М., 1980. С. 235—239).

Ст. 1. *Погасло дневное светило...* — Ударение на первом слоге в слове «дневное» (ср. также «днёвный свет» в лицейской «Элегии» («Опять я ваш, о юные друзья...») 1817 г. — см. наст. изд., т. 1, с. 262, 263) определяется стойкой русской поэтической традицией, опиравшейся на произношение этого слова в XVIII в.: «Словарь русского языка XVIII века» (Л., 1991. Вып. 6. С. 146) фиксирует лишь ударение «днёвный(ой)». Ср. в «Оде спокойствию» С. А. Тучкова: «Спустилось дневное светило / По синей сфере вниз к водам...» (Беседующий гражданин. 1789. Ч. 1. С. 177; см.: *Семенников В. П.* По поводу стихотворения Пушкина «Погасло дневное светило...» (1820 г.) // *ПиС. СПб., 1913. Вып. 16. С. 108*; высказанное в данной работе предположение о знакомстве Пушкина с одой Тучкова вызывает, впрочем, большие сомнения); в «Умиравшем Тассе» (1817) Батюшкова: «Светило дневное уж к западу текло / И в зареве багряном утопало...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 167). См. также: *Бем А. Л.* «Днёвной» и «дневной» у Пушкина // *ПиС. Пг., 1917. Вып. 28. С. 103—107* (примеры из М. В. Ломоносова, И. Ф. Богдановича, В. И. Майкова). В других случаях у Пушкина всегда «дневной» (см.: *СЯП. Т. 1. С. 651—652*).

Ст. 2. *На море синее вечерний пал туман.* — Возможно, парфраз завета русской народной песни «Уж как пал туман на сине море...» (Благой, I. С. 255).

Ст. 3. *Шумы, шуми, послушное ветрило...* — Ср. тот же прием звукоподражания в элегиях Батюшкова: «Шумы, шуми волнами, Рона...» («Пленный», 1814; стих опирается на русскую поэтическую традицию, в частности на «Водопад» Г. Р. Державина: «Шумы, шуми, о водопад!»); «О вей, попутный ветер, вей тихими устами / В ветрила кораблей!» («На развалинах замка в Швеции», 1814; здесь в связи с темами ветра и ветрила) (Батюшков. Соч. 1934. С. 59, 91; см.: *Проскурин 1999. С. 62—63, 388*). Еще в статье Н. А. Энгельгардта «Пушкин и Батюшков» (см. выше) было высказано мнение, надолго закрепившееся в последующей литературе, что источником ст. 3—4 пушкинской элегии стала строка из стихотворения Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов...», традиционно датированного 1819 г.: «Шумы же ты, шуми, огромный океан!». Это утверждение, однако, неверно. Незавершенное стихотворение Батюшкова, вольный перевод 178-й и начала 179-й строф четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда», в 1820 г. Пушкину не могло быть известно. Более того, весьма вероятно, что оно вообще написано позднее и приведенный выше стих, открывающий вторую строфу, сам является неосознанной реминисценцией из пушкинской элегии (см.: *Вацуро В. Э.* Последняя элегия Батюшкова : К истории текста // *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 150—166).

Ст. 4. *Волнуйся подо мной, угрюмый океан.* — Ср. в элегии К. Н. Батюшкова «Разлука» (1815): «...и грозный океан / Кругом меня роптал и волновался...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 82; см.: *Проскурин 1999. С. 63*).

Ст. 17—20. *Лети, корабль, носи меня к пределам дальным По грозной прихоти обманчивых морей, Но только не к брегам печальным Туманной родины моей...* — У Байрона в прощании Чайльд-Гарольда в первой песни поэмы:

With thee, my bark, I'll swiftly go
Athwart the foaming brine;
Nor care what land thou bear'st me to,
So not again to mine.

Welcome, welcome, ye dark-blue waves!
 And when you fail my sight,
 Welcome, ye deserts, and ye caves!
 My native Land — Good Night!

⟨С тобой, мой корабль, быстро понесусь над кипящей пучиной; неважно, к какой стране ты домчишь меня, лишь бы не обратно к моей. Привет, привет вам, синие волны! И когда вы уже скроетесь из глаз, — привет вам пустыни, пещеры! Родная страна — прощай! — *англ.*) (The Works of Lord Byron. A new, revised and enlarged ed. / Ed. by E. H. Coleridge. London, 1904. Poetry. Vol. 2. P. 31). Ср. во французском переводе из «Bibliothèque universelle» (1819. Т. 11), цитируемом в письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 25 октября 1819 г.: «Roule tes flots, océan azuré, roule tes eaux profondes! Vaisseau léger! Vaisseau propice! Tu voles sur l'onde écumante! Peu m'importe le rivage, où tu me conduis, pourvu que ce ne soit pas le mien! Salut, salut, o vagues bleuâtres! O mon pays natal, adieu!» (Кати свои волны, лазурный океан, кати свои глубокие воды! Корабль легкий! Корабль послушный! Ты летишь над кипящей пучиной! Неважно, к какому берегу ты несешь меня, лишь бы это не был мой родной берег! Привет, привет, о голубеющие валы! О моя родная страна, прощай! — *фр.*) (ОА. Т. 1. С. 338); в письме от 15 ноября та же цитата приводится Вяземским снова в сокращенном виде (Там же. С. 353). По мнению Б. В. Томашевского, это единственное фразеологическое совпадение с Байроном в элегии Пушкина (Томашевский. Пушкин, I. С. 389). Эпитет «туманный» в ст. 20, традиционный в «образе» Англии (ср., например, в «Тени друга» Батюшкова: «Я берег покидал туманный Альбиона...»), но внутренне слабо мотивированный применительно к России, также может восприниматься как одна из черт «байронизма» элегии (ср. приведенную выше оценку именно этих стихов как «байронщины» в письмах Вяземского).

Ст. 31. *Минутной младости минутные друзья...* — К этому стиху Пушкин неоднократно обращался в своей переписке. См., например, в письме к А. И. Тургеневу от 7 мая 1821 г.: «...дайте знать минутным друзьям моей минутной младости, чтоб они прислали мне денег, чем они чрезвычайно обяжут *искателя новых впечатлений*» (Акад. Т. 13. С. 29; Ю. М. Лотман видел в этой цитате сознательное столкновение романтической легенды, к созданию которой сам Пушкин прилагал усилия, с миром жизненной прозы, см.: Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 71). См. также письма к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. и к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 47, 101).

Ст. 37 — 38. *...Но прежних сердца ран, Глубоких ран любви ничто не излечило...* — Ср. в элегии Батюшкова «Разлука»: «Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!» (Батюшков. Соч. 1934. С. 82; Виноградов. Стиль П. С. 242).

Другие редакции и варианты

Варианты Кап. Эпиграф. *Good nigh my native land / Byron* — Неточная цитата, записанная по памяти и с ошибкой, из прощания Чайльд Гарольда в первой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона: «My native Land — Good Night!» (см. выше, примеч. к ст. 17—20).

Разночтения копии Вф. Под текстом. *Аннибал Пушкин.* — Аннибал — французская форма произношения имени Ганнибал (Hannibal) выдающе-

гося африканского (карфагенского) полководца Ганнибала Барка (247—183 до н. э.). Фамилию Ганнибал взял себе прадед поэта. Такая подпись под копией стихотворения могла быть вызвана ассоциацией со строфой L первой главы «Евгения Онегина», развивающей впервые появившийся в элегии «Погасло дневное светило...» образ поэта-беглеца:

Брожу над морем, жду погоды
 Маню ветрила кораблей.
 Под ризой бурь, с волнами споря,
 По вольному распутью моря
 Когда ж начну я вольный бег?
 Пора покинуть скучный брег
 Мне неприятной стихии,
 И средь полуденных зыбей,
 Под небом Африки моей,
 Вздыхать о сумрачной России,
 Где я страдал, где я любил,
 Где сердце я похоронил.

(Акад. Т. 6. С. 26)

Здесь «образ усложнен картиной двойного изгояства: тоскующий и одинокий на одной своей родине, автор обречен на второй — Африке — вздыхать по оставленной им России» (Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 66). С этим связано, по мнению Ю. М. Лотмана, подчеркивание Пушкиным в этот период своего африканского происхождения, в частности и в примечаниях к строфе L в отдельном издании первой главы романа в 1825 г.: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь» и т. д. (Акад. Т. 6. С. 654).

К ***

(«Зачем безвременную скуку...»)

(С. 6 и 164)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 7—7 об. — черновой, карандашом, поверх которого сделаны записи чернилами: на л. 7 черновой набросок ст. 32—38 элегии «Погасло дневное светило...» и набросок «В забвеньи чист(ом) (?) насладись...», на л. 7 об. — зачеркнутый набросок двух неполных стихов, позднее (л. 31 об.) использованных в черновике «Кавказского пленника», и пробы пера: слова «И красота» и шесть вариантов пушкинской подписи. Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 571 (2 неполных стиха); АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 320—322 (неполная транскрипция; публ. В. Е. Якушкина) — обе публикации вне связи со стихотворением «К ***» («Зачем безвременную скуку...»). Идентификация как чернового автографа стихотворения впервые: Лернер Н. О. «Загадочное» стихотворение Пушкина // ЖМНП. 1909. № 1. С. 99—105. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) ПД 900 — белой, с поправками, без заглавия, с подписью и пометой под текстом: «1 ноябр(я) / 1826 / Москва»; на листке писчей бумаги 197 × 155 мм, без водяных знаков, с синим напылением по обрезу, вырванном из тетради (альбома) московского приятеля Пушкина В. П. Зубкова (1799—1862); сохранилось еще 2 листа из той же тетради с автографами Пушкина: ПД 897 — белой, с поправками, автограф стихотворения «Ф. Т***» («Нет! не черкешенка она...») и ПД 808 — обрывок листа с портретными рисунками. Вместе с другими автографами Пушкина, бывшими у Зубкова, перешел от него к Павлу И. Колошину (ум. в 1854 г.); его сыном С. П. Колошиным предоставлен в распоряжение П. И. Бартенева, а в 1866 г. официально передан в Чертковскую библиотеку в Москве, но оставался в личном архиве П. И. Бартенева (до 1873 г. заведовавшего Чертковской библиотекой); приобретен в 1935 г. ГАМ у последней владелицы, И. Ю. Гаттенберг-Бартеневой (см.: РА. 1867. № 2. С. 317; Цявловские. Вокруг П. С. 55, 220—221). Напечатано: *Бартенев П. И.* Пушкин в южной России // Русская речь и Московский вестник. 1861. № 98, 7 дек. С. 722 (поправка в ст. 2 и помета под текстом). Воспроизведение: *Цявловский М. А.* Новые автографы Пушкина // Московский пушкинист. М., 1930. Т. 2. Между с. 176 и 177.

Вошло в список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «Зачем безвременную скуку» (см.: Рукою П. 1997. С. 177). По предположению М. А. Цявловского, оно же обозначено как «элег(ия)» в списке стихотворений, предназначенных для издания, ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) (Там же. С. 179—180).

Впервые: МВ. 1827. Ч. 1, № 2. С. 91. Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 142 (отдел стихотворений 1821 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 19—24 августа 1820 г. по положению чернового автографа в тетради ПД 830. Автограф принадлежит к массиву карандашных записей и рисунков, сделанных последовательно на л. 4а—9 тетради ПД 830 в первые дни после приезда Пушкина в Гурзуф 19 августа 1820 г. (Летопись 1999. Т. 1. С. 196). Нижняя граница датировки определяется последней по времени карандашной записью в этой части тетради — пометой в верхней части л. 9: «Владимир 1820 А(в)густа 24». Подробнее историю заполнения л. 4а—9 тетради ПД 830 см.: *Рак В. Д.* «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // ПиС (Нов. серия). Вып. 1 (40). С. 133—152; *Рак.* Записная книжка ПД 830. С. 5—21. Записи чернилами поверх карандашного текста на л. 7 об. представляют собой пробы пера, непосредственно предшествовавшие началу работы над поэмой «Кавказский пленник» (не ранее 24 августа): тем же тонким пером и темными чернилами на л. 9 об. записан эпиграф из «Фауста» Гете, а на л. 10 — заглавие «Кавказ» и первый стих поэмы (к концу стиха чернила светлеют и приобретают тот оттенок, который имеет последующий текст на л. 10—11). Таким образом, к моменту начала работы над «Кавказским пленником» записанный карандашом черновик элегии «К ***» («Зачем безвременную скуку...») Пушкину был уже не нужен; можно с большой долей вероятности предполагать, что существовал другой, доработанный и перебеленный автограф, до нас не дошедший. Беловой автограф ПД 900 датируется, согласно помете в нем, 1 ноября 1826 г.

Черновой автограф в тетради ПД 830 представляет собой трудночитаемую карандашную запись. Наиболее полно и точно в сравнении с предшествующими изда-

ниями он был представлен С. М. Бонди в Акад. (Т. 2. С. 624—626). По-видимому, в момент подготовки Акад. автограф находился в лучшем состоянии, поэтому в отношении ряда наименее разборчивых слов настоящее издание следует чтению, предложенному Бонди, хотя оно и вызывает некоторые сомнения (эти случаи отмечены в разделе «Другие редакции и варианты»).

Вопрос о дате создания и адресате пушкинского стихотворения традиционно вызывал у исследователей затруднения. П. В. Анненков и Г. Н. Геннади относили стихотворение к 1821 г. в соответствии с авторской датой в Ст 1829. При этом П. В. Анненков отметил: «...по рукописи видно, что писано было к Пле—ееву» (Анн. Т. 2. С. 310; в алфавитном указателе к изданию — Анн. Т. 7. С. 165, 2-я паг. — стихотворение значится как «К—керу», т. е., видимо, «К(юхельбе)керу», что надо признать случайной ошибкой). Примечание Анненкова основано, вероятно, на неверном прочтении названия «Алексееву» в пушкинском перечне стихотворений 1821—1822 гг. на л. 53 тетради ПД 831 (та же ошибка была допущена впоследствии В. Е. Якушкиным — см.: Якушкин. № 4. С. 103; исправление см.: Щеголев П. Е. Заметки к тексту Пушкина // ПиС. СПб., 1910. Вып. 13. С. 164). На основании примечания Анненкова Г. Н. Геннади произвольно раскрыл заглавие как «К Плещееву» (Генн. 1859. Т. 1. С. 234) и «К Александру Павловичу Плещееву» (Генн. 1869—71. Т. 1. С. 248; здесь с неверным отчеством вместо: «Александру Алексеевичу»). П. И. Бартенев, первым указавший в печати на принадлежавший В. П. Зубкову белой автограф с датой 1 ноября 1826 г., не счел возможным ставить под сомнение авторскую дату «1821» (в Ст 1829), считая, что Пушкина «тогда часто просили писать в альбомы, и чтобы отделаться, он иногда писал свои старые стихи» (Бартенев П. И. Пушкин в южной России // РА. 1866. № 8—9. Стб. 1172; то же: Бартенев. П. в южной России. С. 115; Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 197). В издании 1880 г. П. А. Ефремов напечатал стихотворение по-прежнему среди текстов 1821 г., но в примечаниях отметил, что дата белого автографа «кажется вернее»; он сохранил также авторское заглавие: «К ***», сославшись на невозможность решить, к кому относится это «загадочное стихотворение» (Ефр. 1880. Т. 1. С. 557; то же: Ефр. 1882. Т. 1. С. 516; в Ефр. 1887. Т. 1. С. 280 помещено под 1821 г. с заглавием «К Плещееву»). Впоследствии Ефремов датировал стихотворение 1826 г. (Ефр. 1903—05. Т. 2. С. 78; Т. 8. С. 264; та же датировка: Мор. 1887. Т. 2. С. 4; Мор. 1903—06. Т. 2. С. 41). В 1904 г. А. Ф. Кони, публикуя письмо Пушкина к его московскому приятелю В. П. Зубкову от 1 декабря 1826 г., в котором идет речь о сватовстве поэта к свояченице Зубкова Софье Федоровне Пушкиной (1806—1862), высказал предположение, что именно С. Ф. Пушкину поэт имел в виду в стихотворении «Зачем безвременную скуку...», написанном, как считал Кони, 1 ноября 1826 г., накануне отъезда Пушкина из Москвы в Михайловское (см.: Кони А. Ф. Страничка из жизни Пушкина : (Сообщение (...) в торжественном годовом заседании Академии наук 29 декабря 1904 г.) // Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 1. С. 407; то же: Кони А. Ф. Письмо А. С. Пушкина: 1 декабря 1826 года // Журнал для всех. 1905. № 1. С. 40 (Отд. отд.: СПб., 1905. С. 11); см. также: Кони А. Ф. Первое сватовство Пушкина // Венг. Т. 3. С. 184). Предположение Кони было осторожно поддержано Б. Л. Модзалевским (см.: Модзалевский Б. Л. Василий Петрович Зубков и его Записки // ПиС. СПб., 1906. Вып. 4. С. 105), но спустя несколько лет, после идентификации Н. О. Лернером карандашного наброска 1820 г. в тетради ПД 830 как черновика

стихотворения «Зачем безвременную скуку...» (см. выше), отвергнуто П. О. Морозовым (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 149—150; см. также: *Лернер Н. О.* После ссылки в Москве // Венг. Т. 3. С. 344). В позднейшем своем примечании (Венг. Т. 4. С. XI; сам текст стихотворения был напечатан здесь в т. 2 еще под 1826 г.) Лернер, впрочем, оставил за предположением Кони и Модзалевского «некоторую вероятность» в смысле возможной своего рода «переадресации» поэтического текста: «...поэт припомнил свое старое стихотворение, так близко подходившее теперь к его новым душевным переживаниям, и записал его...». Тем не менее в изданиях КН (Т. 2. С. 28), ГИХЛ 1931 (Т. 2. С. 43), ГИХЛ 1934 (Т. 2. С. 16) стихотворение помещено среди произведений 1826 г. под редакторским заглавием: «К С. Ф. Пушкиной». В ГИХЛ 1935 и Асад. в 9 т. М. А. Цявловский и Ю. Г. Оксман вернулись к авторской дате «1821 г.», во всех последующих изданиях датировалось 1820 г. по времени чернового автографа.

Исходя из положения черновика в тетради ПД 830 среди гурзуфских записей, Б. В. Томашевский отнес стихотворение «К ***» («Зачем безвременную скуку...») к группе произведений, связанных с так называемой «утаенной любовью» Пушкина, предметом которой исследователь считал Екатерину Раевскую, и предположил, что в Ст 1829 «Пушкин отнес его к 1821 г., может быть, из тех же соображений, из которых он скрыл дату элегии „Увы, зачем она блистает...“» (*Томашевский Б. В.* «Таврида» Пушкина // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 122. Сер. филол. наук. Вып. 16. С. 99). Эта гипотеза нашла отражение в Летописи (С. 237; то же: Летопись 1991. С. 224; Летопись 1999. Т. 1. С. 197). Т. Г. Цявловская считала, что стихотворение было «посвящено Елене или Екатерине Раевской», и уверенно говорила о его последующей «переадресации» (Госл. в 10 т. Т. 1. С. 573).

Вряд ли наличие автографа из тетради В. П. Зубкова с датой «1 ноября 1826 г.» позволяет с определенностью решить вопрос, связывал ли поэт в 1826 г. свое старое произведение с чувством к С. Ф. Пушкиной. Встречающееся в литературе утверждение, что стихотворение было переписано Пушкиным для С. Ф. Пушкиной на отдельном листе, впоследствии вклеенном в альбом Зубкова (см.: Асад. в 9 т. Т. 2. С. 438, коммент. Ю. Г. Оксмана, М. А. Цявловского; *Тюнькин К. И.* «Нет, не черкешенка она...» // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 178; Летопись 1999. Т. 2. С. 197—198), неверно. Оба стихотворения, автографы которых сохранились у Зубкова, — «Зачем безвременную скуку...» и «Нет! не черкешенка она...» — были записаны непосредственно в тетради Зубкова, причем записи отличаются некоторой торопливостью и небрежностью. В сентябре—декабре 1826 г. в Москве Пушкин достаточно тесно общался с Зубковым и мог оставить автограф в его тетради при разных обстоятельствах. Кроме того, по некоторым свидетельствам современников, в эти месяцы Пушкин был увлечен не только С. Ф. Пушкиной, уже практически считавшейся невестой В. П. Панина (1803—1880), за которого она и вышла несколько месяцев спустя, но и ее сестрой, женой Зубкова, Анной Федоровной (1803—1889). См. записи П. В. Анненкова: «В Москве (...) Пушкин влолчился за Зубковой, прикинувшись, что влюблен в сестру ее Пушкину, которая сделалась потом Паниной»; «Нет не Черкешенка — Паниной, урожденной Пушкиной, в которую он был влюблен, а по другим в сестру ее Зубкову, с которой через нее хотел <нрзб>» (Модзалевский. С. 482, 483; первая запись — со слов К. К. Данзаса, ошибочно отнесшего это к 1829 г.; см. также: *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина. 2-е изд. СПб., 1999. С. 51—53).

Ст. 10—12. *Несчастный, будешь ты готов ~ Хоть легкий шум ее шагов.* — А. А. Ахматова отметила в этих стихах реминисценцию из послания ХХ «Отшельник» («Le Chartreux») Жана-Батиста-Луи Грессе (Gresset; 1709—1777): «Je voudrais de toute ma vie / Acheter un de vos instants!» («Я хотел бы всей своей жизнью Купить одно ваше мгновенье! — *фр.*») (Œuvres de Gresset. Paris, 1817. Т. 1. P. 165). См.: Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Врем. ПК. 1970. Л., 1972. С. 41—42.

«АПТЕКУ ПОЗАБУДЬ ТЫ ДЛЯ ВЕНКОВ ЛАВРОВЫХ...»

(С. 7)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 6 об. — запись карандашом ниже последней строки черного наброска «Я видел Азии бесплодные пределы...». Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 274 (с неточностью в ст. 2: «утешай» вместо: «усыпляй»); АН 1900—29. Т. 2. С. 207 (публ. В. Е. Якушкина с правильным чтением ст. 2). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 274.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется 19—24 августа 1820 г. по положению автографа в тетради ПД 830.

Автограф принадлежит к массиву карандашных записей и рисунков, сделанных последовательно на л. 4а—9 тетради ПД 830 в первые дни после приезда Пушкина в Гурзуф 19 августа 1820 г. (Летопись 1999. Т. 1. С. 196), Нижняя граница датировки определяется последней по времени карандашной записью в этой части тетради — пометой в верхней части л. 9: «Владимир 1820 А(в)густа 24». Подробнее историю заполнения л. 4а—9 тетради ПД 830 см.: Рак В. Д. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // ПиС (Нов. серия). Вып. 1 (40). С. 133—152; Рак. Записная книжка ПД 830. С. 5—21.

Вариация довольно распространенного эпиграмматического мотива: врач-поэт мучает больных своими стихами. См., например, эпиграмму Марана (Marant) «Против врача-поэта»:

Contre un médecin poète

Heureux qui reçoit la mort
Des mains du docteur Valère!
Car avant qu'il vous enterre
Par ses vers il vous endort.

⟨Счастлив, кто принимает смерть от рук доктора Валера! Ибо прежде, чем предать вас земле, он усыпляет вас своими стихами. — *фр.*⟩ (Anthologie française. Paris, 1816. Т. 1. P. 85; см.: Новикова Е. В. «В состоянии эпиграммы»: (Пушкинская эпиграмма и французская традиция) // Пушкин и русская культура : (Работы молодых ученых). М., 1999. Вып. 2. С. 40). Ср. также эпиграммы П. А. Вяземского «Уездный врач» (1815):

Уездный врач Пахом в часы свободы
 От должности убийственной своей
 С недавних пор пустился в переводы.
 Дивлюсь, Пахом, упорности твоей:
 Иль мало перевел в уезде ты людей?
 (РЭ 1988. С. 207)

А. Д. Илличевского:

Клит, лекарь и поэт, не выйдет век из моды,
 С его талантами ему легко лечить:
 Есть драмы у него больного рассмешить,
 А усыпить есть оды.

(Благ. 1821. Ч. 13, № 3. С. 147;
 под заглавием: «Лекарь-поэт» во-
 шло в кн.: *Илличевский А. Д.*
 Опыты в антологическом роде.
 СПб., 1827. С. 73)

Подробнее см.: *Добрицын А. А.* Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII—начала XIX века. Вегн, 2008. С. 423—426.

П. О. Морозов при первой публикации эпиграммы предположительно отнес ее к Е. П. Рудыковскому (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 581). Эта адресация, не имеющая, впрочем, никаких фактических подтверждений, в той или иной мере была принята большей частью позднейших исследователей. Евстафий Петрович Рудыковский (1784—1851) — выпускник Киевской академии, а затем Медико-хирургической академии в Петербурге, штаб-лекарь Томского пехотного полка, участник войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, в 1818 г. перешел на службу в Киевский военный госпиталь и вскоре был прикомандирован к штабу 4-го корпуса. В мае—сентябре 1820 г. сопровождал командующего корпусом генерала Н. Н. Раевского с семьей в их путешествии на Кавказ и в Крым. Лечил присоединившегося к Раевским в Екатеринославле Пушкина от лихорадки (см. мемуарную заметку Рудыковского «Встреча с Пушкиным: (Из записок медика)» — П. в восп. Т. 1. С. 211—213). Пушкин упоминает Рудыковского в письме к брату от 24 сентября 1820 г. из Кишинева, рассказывая о своей болезни и лекаре, который, по словам Пушкина, «обещал меня в дороге не уморить» (Акад. Т. 13. С. 17). По свидетельству В. И. Щербины, внука Рудыковского, «склонность к литературным занятиям» зародилась у Рудыковского еще во время учения его в Киевской академии (см.: *Щербина В. И.* Из семейного архива. II. Стихотворения Евстафия Петровича Рудыковского (1784—1851) // *Киевская старина.* 1892. № 5. С. 194). До нас дошли только более поздние его литературные опыты (1830—1840-х гг.).

«УВЫ, ЗАЧЕМ ОНА БЛИСТАЕТ...»

(С. 8 и 167)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 4 об.—4 (Ав₁) — беловой, с правкой, без заглавия, с пометами перед текстом: «Юрзуф», под текстом: «8 февраля/1821. / Киев» и рядом «9 fév<rier> / ap<rès> d<îner>» («9 февраля после обеда» — фр.). Напечатано: Из рукописей А. С. Пушкина: Три неизданные стихотворения и первоначальная рукопись одного печатного стихотворения // РА. 1865. № 12. Стб. 1530 (как «текст первой редакции» под заглавием: «Юрзуф»; публ. П. П. Вилинского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. ПД 833, л. 2 об.—3 (Ав₂) — беловой, под заглавием: «Элегия», с пометой под текстом: «1820 Юрзуф». Напечатано: Майков. Материалы. С. 68 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

3) ПД 50, л. 2 об. (Ав₃) — беловой, под заглавием: «Элегия», посланный Пушкиным издателям «Полярной звезды», на одном листе со стихотворениями «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...») (1822) и «Гречанке» («Ты рождена воспламенять...») (1822). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 623 (заглавие; публ. С. М. Бонди).

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), обозначенный как «Элегия VII», с датой: «(1819)», утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 579 (обозначение «Элегия VII», с ошибочной датой: «1820», и первая строка с указанием, что далее следует «вся пьеса»); Майков. Материалы. С. 67, 68 (в виде описания с указанием, что в Кап дата: «1819»; публ. В. И. Саитова).

Черновой автограф, вероятно, находился на вырванном позднее из тетради ПД 830 листе между л. 4 и 5; сохранился корешок листа (л. 4а) с обрывками начальных букв нескольких стихов. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 622 (публ. С. М. Бонди). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Отдельная запись трех стихов («В забвеньи чист(ом)<?> насладись...») на л. 7 тетради ПД 830, которую Т. Г. Цявловская и С. М. Бонди, а позднее вслед за ними В. Б. Сандомирская считали «наброском первоначальной редакции» ст. 13—16 (см.: Акад. Спр. том. С. 17; Сандомирская В. Б. О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она блистает»: (К вопросу о датировке) // Врем. ПК. Л., 1986. Вып. 20. С. 135—139) в настоящем издании печатается как самостоятельный отрывок (обоснование см. наст. т., с. 912).

Копии:

1) На листах из тетр. неустановленного происхождения (Неизв).

2) Тетр. Щербакова (Щер) — под № 6 в разделе «Элегии».

Вошло в список стихотворений на внутренней стороне передней крышки переплета тетради ПД 833 (вторая половина апреля 1821 г.) — в записи: «Увы зачем» (см.: Рукою П. 1997. С. 211). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: ПЗ 1823. С. 335—336, под заглавием «Элегия». Перепечатано (без изменений в тексте): НЛ. 1823. Ч. 3, № 1. С. 13—14. Вошло (без изменений в тексте, с незначительными пунктуационными отличиями) в Ст 1826. С. 7 (отдел «Элегии», с датой в оглавлении: «1819») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 55—56 (отдел стихотворений 1819 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно концом августа—20 сентября 1820 г.

Пушкин дважды в печати, в Ст 1826 и Ст 1829, указывал год создания стихотворения как 1819-й. Вслед за Пушкиным оно было отнесено к 1819 г. в изданиях П. В. Анненкова (в примечаниях Анненков, однако, заметил, что более вероятным представляется год пометы в белой рукописи, т. е. 1820 — см.: *Анн.* Т. 2. С. 260—261, 265) и Г. Н. Геннади (*Генн.* 1859. Т. 1. С. 208; *Генн.* 1869—71. Т. 1. С. 206). П. А. Ефремов первым отнес элегию к 1820 г. на основании пометы в белом автографе Ав₂ (Ефр. 1880. Т. 1. С. 319, 546), что было принято во всех последующих изданиях. В списке стихотворений на крышке переплета тетради ПД 833 элегия «Увы, зачем она блистает...» помещена Пушкиным между стихотворениями «Черн(ое) море» (т. е. «Погасло дневное светило...») и «Черн(ая) шаль» (оба 1820 г.). Устойчивое сохранение Пушкиным локальной пометы «Юрзуф» в рукописях элегии свидетельствует о ее связи с гурзуфскими впечатлениями поэта (Пушкин был в Гурзуфе с 19 августа по 5 сентября 1820 г. — см.: *Летопись* 1999. Т. 1. С. 196—200). Вероятным представляется предположение С. М. Бонди, что черновой автограф стихотворения находился на вырванном из тетради ПД 830 листе (4а) между л. 4 и 5 (см.: *Акад.* Т. 2. С. 1078). В пользу этого говорит расположение автографа Ав₁ в тетради ПД 830: текст писался на остававшейся свободной смежной странице (л. 4 об.), а когда на ней не хватило места, был перенесен на лицевую сторону того же листа. Таким образом, несохранившийся черновой автограф стихотворения на л. 4а в тетради ПД 830 мог быть первым из текстов, последовательно записанных чернилами на л. 4а—7 поверх предшествовавших им карандашных записей, и должен был появиться в тетради между 24 августа (помета на л. 9 — «1820 А(в)густа 24» — последняя по времени карандашная запись на первых листах тетради ПД 830) и 20 сентября (помета под текстом элегии «Мне вас не жаль, года весны моей...», записанной чернилами на л. 5). Подробнее историю заполнения л. 4а—9 тетради ПД 830 см.: *Рак В. Д.* «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // *ПиС* (Нов. серия). Вып. 1 (40). С. 133—152; *Рак.* Записная книжка ПД 830. С. 5—21. Перебеливание и доработка стихотворения на л. 4—4 об. тетради ПД 830 датируется 8 февраля 1821 г., согласно помете под текстом. Помета «Юрзуф» перед текстом того же автографа в соотношении с датой под ним должна быть понята как указание на место, с которым элегия связана (замыслом, началом работы над нею, своим лирическим содержанием). На следующий день, 9 февраля 1821 г., Пушкин, по-видимому, еще раз просмотрел текст и поставил под ним вторую, французскую помету. По мнению В. Б. Сандомирской, французской пометой «9 fév(rier) / ap(près) d(’)îner» определяется время записи второго белого автографа (Ав₂) в тетрадь ПД 833 (см.: *Сандомирская В. Б.* Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // *Врем.* ПК 1975. Л., 1979. С. 18—19). Это предположение принято в *Летописи* 1991 (С. 258). Сомнение в том, что дата второго белого автографа могла быть проставлена в другой тетради под предшествовавшим ему текстом, см.: *Рак В. Д.* «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830. С. 150. Есть основание считать, что Ав₁ и Ав₂ были разделены между собой каким-то промежутком времени: копии Неизв и Щер, по-видимому, отражают текст стихотворения на стадии, предшествовавшей появлению Ав₂. Нижняя дата Ав₂ — 22 февраля 1821 г. (помета под текстом белого автографа элегии «Я пережил свои желанья...» на л. 3 об. тетради ПД 833). Последние исправления в

текст были внесены при отправке его в Петербург для публикации в «Полярной звезде». Авз, посланный издателем альманаха, может датироваться предположительно июнем 1822 г. Вероятно, именно о нем идет речь в письме Пушкина к А. А. Бестужеву от 21 июня 1822 г.: «Посылаю вам мои бессарабские бредни и желаю, чтоб они вам пригодились» (Акад. Т. 13. С. 38; два из трех содержащихся в Авз стихотворений были напечатаны в «Полярной звезде» на 1823 г. вместе со стихотворением «К Овидию», посланном Бестужеву при том же письме).

Стихотворение долгое время связывалось с дочерью генерала Н. Н. Раевского Еленой Николаевной Раевской (1803—1852), от рождения болезненной (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 546; Ефр. 1882. Т. 1. С. 508; Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 142; Мор. 1887. Т. 1. С. 224; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 578; *Лобода А. М.* Пушкин и Раевские // Венг. Т. 2. С. 107; Венг. Т. 2. С. 551, коммент. П. О. Морозова; АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 325, коммент. В. Е. Якушкина; *Гофман М. Л.* Пушкин — Дон-Жуан. Париж, 1935. С. 58). 5 декабря 1824 г. В. И. Туманский писал С. Г. Туманской: «Елена сильно нездорова; она страдает грудью и хотя несколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую. Она никогда не танцует, но любит присутствовать на балах, которые некогда собою украшала» (*Туманский В. И.* Стихотворения и письма. СПб., 1912. С. 272). Видеть в Елене Раевской «адресата» пушкинской элегии склонны и некоторые позднейшие исследователи (см.: *Лотман Ю. М.* Посвящение «Полтавы»: (Адресат, текст, функция) // *Лотман. Пушкин.* С. 263; *Долинин А. А.* Еще раз о загадке Таврической звезды // *Седьмая Междунар. летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы.* СПб., 2011. С. 16—17). Другая версия была предложена Б. В. Томашевским, связавшим элегию, как и ряд других пушкинских произведений, задуманных в Крыму или навеянных крымскими впечатлениями, с именем старшей дочери Н. Н. Раевского Екатерины Николаевны (1797—1885) (см.: *Томашевский Б. В.* «Таврида» Пушкина // *Учен. зап. ЛГУ.* 1949. № 122. Сер. филол. наук. Вып. 16. С. 121—122; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 397; см. также: *Кибальник.* Русская антологическая поэзия. С. 186; высказанное С. А. Кибальником предположение, что дата 8 февраля 1821 г. под текстом Ав₁ указывает на время помолвки Ек. Н. Раевской с М. Ф. Орловым, а дата 9 февраля — на время, когда Пушкин узнал об этом, не имеет реальных оснований). Как видно из семейной переписки Раевских, именно болезнью Екатерины была вызвана их поездка в Крым (см.: *Арх. Раевских.* Т. 1. С. 220—221, 516—517, 524).

Стихотворение выдержано в жанре унылой элегии с обычным набором ее мотивов и соответствующей фразеологией: страдание лирического героя, «увядание» во цвете лет (некоторые наблюдения см.: *Иванова Н. Н.* Поэтическая «глагольная» перифраза у Пушкина // *Поэтическая фразеология Пушкина.* М., 1969. С. 339—343; *Проскурин* 1999. С. 69—70). Однако основным предметом элегической медитации здесь становится другое «я» — лирическая героиня (см.: *Грехнев В. А.* Другое «я» в элегиях Пушкина // *Болдинские чтения.* [1982]. Горький, 1983. С. 138; *Гаспаров М. Л.* Три типа русской поэтической элегии: (Индивидуальный стиль в жанровом стиле) // *Контекст.* 1988. М., 1989. С. 54). Элегия считается первой в ряду произведений Пушкина, так или иначе связанных с мотивом мертвой/умирающей возлюбленной. Образ «больной девушки, обреченной на смерть, но необыкновенно привлекательной для поэта», впоследствии получил у Пушкина развитие в стихотворении «Осень» (1833) (см.: *Муравьева О. С.* Образ «мертвой возлюблен-

ной» в творчестве Пушкина // *Врем. ПК. Л.*, 1991. Вып. 24. С. 21—22; также: *Благой Д. Д.* Социология творчества Пушкина. М., 1931. С. 201—203, 208—210). При жизни Пушкина стихотворение трижды перепечатывалось в песенниках и сборниках романсов (1831—1833; см.: П. в печати, по указ.); было положено на музыку А. А. Алябьевым (1832).

Ст. 3—4. *Она приметно увядает Во цвете юности живой...* — Ср. в элегическом послании К. Н. Батюшкова «К Г<неди>чу» (1806): «Он приметно увядает, / Как от зноя василек...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 86).

Ст. 5—6. *Увянет! Жизнью молодою Не долго наслаждаться ей...* — Ср. в элегии К. Н. Батюшкова «Выздоровление» (1807 ?): «Я вянул, исчезал, и жизни молодой, / Казалось, солнце закатилось» (Батюшков. Соч. 1934. С. 67).

«ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ»

(«Гроза луны, свободы воин...»)

(С. 9 и 169)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 25—25 об., 24 об. (Ав₁) — беловой (текст первой редакции), с последующей не доведенной до конца правкой, под заглавием: «Дочери Георга-Черного» (исправлено на: «Дочери Черного Георга» с припиской у заглавия: «(Кара Георга)»), с пометой под текстом: «Кишенев. 5 окт(ября)». Напечатано: Сб. снимков с автографов русских деятелей 1801—1825. СПб., 1873. С. 31 (факсимильное воспроизведение л. 25—25 об.); Приложения. С. 50 (первоначальные варианты ст. 7—8, 9, 11 и отдельные варианты правки по тексту первой редакции для ст. 16; публ. Ф. К. Опочинина и М. И. Семевского); Майков. Материалы. С. 69 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. ПД 833, л. 19 об. (Ав₂) — беловой, с поправками, под заглавием: «Дочери К. Г.», с пометой у заглавия: «(1820)», с примечанием к ст. 2: «Отца и брата». Напечатано: Анн. Т. 2. С. 278 (помета у заглавия, примечание к ст. 2, варианты ст. 8, 13—15); Майков. Материалы. С. 70 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой, с поправками, автограф в Тетр. Капниста (Кап) утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 577 (заглавие и начало первого стиха, с указанием, что далее следует «вся пиеса»); Майков. Материалы. С. 69, 70 (в виде описания и вариантов ст. 14 и 15; публ. В. И. Саитова). В Кап стихотворение входило в отдел «Послания», но Пушкиным была сделана приписка, относящаяся, по-видимому, к «Дочери Карагеоргия» и предшествовавшему ей стихотворению «К К<атени>ну» («Кто мне пришлет ее портрет...»): «NB. Эти 2 штуки можно поместить и в Смеси. Твоя воля» (Майков. Автографы П. С. 577).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Разные стихотворения»).

Л. Н. Майков (Майков. Материалы. С. 70) и вслед за ним В. Е. Якушкин (АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 341—342) ошибочно считали беловым автографом список из собрания П. Я. Дашкова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 8), представляющий собой, как указал С. М. Бонди (Акад. Т. 2. С. 1080), копию, выполненную рукой

Л. С. Пушкина (на полулисте большого почтового формата; на обороте позднее рукой П. А. Плетнева записана копия стихотворения «Желание славы» с датой под текстом: «7 июля 1825»). За исключением незначительных пунктуационных отличий, совпадает с печатным текстом.

Впервые: Ст 1826. С. 166 (отдел «Послания», с датой в оглавлении: «1820»). Вошло без изменений в Ст 1829. Ч. 1. С. 99—100 (отдел стихотворений 1820 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 5 октября 1820 г. по помете в беловой автографе Ав₁. Беловой автограф Ав₂ в тетради ПД 833 можно датировать лишь предположительно 1822—1823 (не позднее 26 октября) гг., ориентируясь на пометы: «27 <декабря 1821 ?>» на л. 18 под текстом стихотворения «Приметы» («Старайся наблюдать различные приметы...») (в ПД 833 под заглавием: «Отрывок») и «26 окт<ября> 1823 Одесса» на л. 26 перед текстом стихотворения «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...»). Твердых оснований для уточнения датировки внутри этого периода нет. Окончательная правка, давшая текст Ст 1826, относится, вероятнее всего, к марту (до 15) 1825 г. — времени составления Кап.

В стихотворении отразился интерес Пушкина к личности Карагеоргия — Георгия Петровича по прозвищу Черный (по-турецки «кара») (1768—1817), руководителя национально-освободительной борьбы сербов против турецкого владычества, вождя сербского восстания 1804—1813 гг., с 1808 по 1813 г. сербского князя. После разгрома восстания Георгий Черный бежал в Австрию; в 1814 г. перебрался в Россию и поселился в Бессарабии, в уездном городе Хотине. В 1817 г. он тайно вернулся в Сербию, где был предательски убит по приказу его бывшего соратника Милоша Обреновича, ставшего в 1815 г. верховным князем Сербии. В Хотине осталась семья Карагеоргия. О Георгии Черном Пушкин мог знать еще до отъезда на юг, по публикациям в русских журналах: Георгий Петрович Черный, предводитель сербов: (Из нем<ецкого> журнала) // ВЕ. 1808. Ч. 37, № 2. С. 164—167; *Свиньин П. П.* Письмо к брату — из Хотина // СО. 1816. Ч. 31, № 30. С. 140—149 (то же с дополнениями и заглавием в оглавлении: «Сведения из Хотина о Георгии Петровиче Черном, знаменитом верховном вожде сербского народа» — ОЗ. 1818. Кн. 1. С. 45—58; у Свиньиной, в частности, намечен контраст между обликом грозного воителя и мирного семьянина, см.: *Прийма Ф. Я.* Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 102); Георг Петрович Черный: (Краткая биография) // ВЕ. 1817. Ч. 95, № 20. С. 287—298 (перевод из немецкого журнала; то же в другом переводе: Георг Черный // Дух журналов. 1817. Ч. 24, кн. 48. С. 957—972). Достаточно подробные сведения о Черном Георге Пушкин мог найти и в книге Д. Н. Бантыш-Каменского «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» (М., 1810. С. 119—129).

По словам И. П. Липранди, в Кишиневе «рассказы о Кара-Георгии Пушкин мог слышать от всех» (П. в восп. Т. 1. С. 305). В первую очередь здесь следует назвать кишиневского приятеля Пушкина Н. С. Алексеева, собиравшего по поручению генерала П. Д. Киселева (о чьей встрече с Карагеоргием в 1815 г. тоже могло быть известно Пушкину) архивные данные о дипломатических отношениях России и Сербии. В числе кишиневских жителей, с которыми Липранди познакомил Пушкина, были дипломат Ф. И. Недоба, «игравший знаменательную роль в Сербии, во

время побега из оной Георгия Черного в Австрию», и сербские воеводы Вучич, Не-надович, Живкович, два брата Македонские и др. (Там же. С. 298, 305), однако не ясно, с кем из них Пушкин мог общаться уже в первые две недели своего пребывания в Кишиневе (см. о них, в частности: *Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 72—73). Сведения о Карагеоргии как о реальном историческом лице послужили Пушкину лишь материалом для создания далекого от исторической конкретности романтически контрастного образа «преступника и героя». Не случайно даже реальные события жизни Карагеоргия даются в стихотворении лишь перифрастическими намеками (см.: *Виноградов. Стиль П.* С. 192; *Благой, I.* С. 271—272; *Благой Д. Д.* Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном // *Славяне и Запад*: Сб. ст. М., 1975. С. 24—25).

«Пушкин никогда не видал дочери Кара-Георгия, — свидетельствовал Липранди. — Мать ее, в начале 1820 года, приезжала на некоторое время в Кишинев, провожая обратно в Россию старшего сына Кара-Георгия, корнета наших войск, скоро умершего. В Кишиневе находился младший сын, впоследствии князь, обучался под надзором жившего в Кишиневе воеводы Вучича, но как с мальчиком никак нельзя было совладать, то она взяла его и, месяца за три до приезда Пушкина, возвратилась в Хотин; Пушкин же, что я знаю положительно, никогда в Хотине не был, а притом в это время дочь Кара-Георгия имела не более 6—7 лет» (П. в восп. Т. 1. С. 305). Последнее утверждение мемуариста, впрочем, неточно. Как показали позднейшие разыскания *А. В. Соловьева*, опиравшегося, в частности, на родословные таблицы сербского историка *А. Ивича*, в семье Георгия Черного были три взрослые дочери: старшая, замужняя, Савка; вторая, Сарка, вышедшая замуж в 1810 г., к 1820 г. — вдова с детьми, и младшая, незамужняя, Стаменка, лет двадцати или чуть больше (см.: *Соловьев А. В.* Югославянские темы в произведениях Пушкина // *Белградский пушкинский сборник*. Белград, 1937. С. 48—49). Тем не менее представляется маловероятным, что Пушкин, даже если и обладал сколько-нибудь подробными сведениями о семье Карагеоргия, обращал свое стихотворение к какой-либо из них конкретно.

К образу Карагеоргия Пушкин вернулся в 1834 г. в стихотворении «Песня о Георгии Черном» из цикла «Песни западных славян» и в незаконченном наброске «Менко Вуич грамоту пишет...», примыкающем к этому циклу.

Ст. 1. *Гроза луны...* — «Луна» здесь метонимическое обозначение Турции, в чей герб входит полумесяц.

Ст. 2 — 8. *Покрытый кровию святой ~ Братоубийством изощренный.* — В Ав₂ ст. 2 сопровождается примечанием: «Отца и брата». Об убийстве Черным Георгом отца (на самом деле отчима) (см.: *Соловьев А. В.* Югославянские темы в произведениях Пушкина. С. 51) и брата Пушкин мог знать и до приезда в Кишинев из печатных источников. См., например, в указанном выше биографическом известию о Карагеоргии из «Вестника Европы» 1817 г.: «Отец Георгия, как сказывают, напоследок отделился от него и принял даже намерение предать его туркам. Георгий всячески старался уговорить старика, чтоб он остался с ним и не ходил в Белград; но, видя усилия свои тщетными, застрелил его из пистолета. Утверждают также, будто по поводу сего поступка, и еще потому что Георгий брата своего за какую-то вину приказал повесить, его стали называть *Черным*» (ВЕ. 1817. Ч. 95, № 20. С. 289; далее, на с. 297, автор статьи, впрочем, замечает, что убийство Карагеоргием отца и брата не доказано). См. также: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. С. 121, 126—127.

К ПОРТРЕТУ (ВЯЗЕМСКОГО)

(«Судьба свои дары явить желала в нем...»)

(С. 10 и 172)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 28, 30 — черновой, среди черновиков поэмы «Кавказский пленник»: л. 28 — основной черновик, л. 30 — отдельно записанные варианты ст. 1. Напечатано: АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 343 (в виде транскрипции; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. ПД 833, л. 3 — белой, с позднейшей правкой, под заглавием: «К портрету В—». Напечатано: Майков. Материалы. С. 137 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Эпиграммы, надписи и пр.» — в записи: «Надпись к портрету (Пол(ярная) Звезд(а))» (см.: Майков. Автографы П. С. 580).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: ПЗ 1824. С. 319, под заглавием: «Надпись к портрету», подписано астрономом: «*». Вошло в Ст 1826. С. 110 (отдел «Эпиграммы и надписи»), под заглавием: «Надпись к портрету ***», и без изменений в тексте, под заглавием: «К портрету ***» в Ст 1829. Ч. 2. С. 164 (отдел стихотворений разных годов). Перепечатывалось: Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 157; Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе... / Изд. Н. Гречем. 2-е изд. СПб., 1830. Ч. 3. С. 221; Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах / Сост. И. Пеннинский. СПб., 1834. Ч. 2. С. 362. Фамилия Вяземского в заглавии, обозначенная в белом автографе: «В—», раскрыта: Анн. Т. 2. С. 310.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется октябрём (после 5) 1820 г. по положению чернового автографа в тетради ПД 830: на л. 25—25 об., 24 об. находится автограф стихотворения «Дочери Карагеоргия» с датой под текстом: «5 окт(ября)»; на л. 28 об.—29 — черновой автограф стихотворения «Черная шаль», датируемого концом октября 1820 г. (см. примеч. к нему — наст. т., с. 525). Беловой автограф в тетради ПД 833 датируется временем между 9 и 22 февраля 1821 г. Он расположен между вторым беловым автографом элегии «Увы, зачем она блистает...» (л. 2 об.—3), первый беловой автограф которой в тетради ПД 830 датируется 8—9 февраля 1821 г. (см. наст. т., с. 517), и элегией «Я пережил свои желанья...» (л. 3—3 об.), имеющей помету под текстом: «Каменка 22 февр(аля) 1821».

Начиная с Анн. стихотворение традиционно датировалось 1821 г. по положению белового автографа в тетради ПД 833. Дата «1820», мотивированная положением чернового автографа в тетради ПД 830, впервые была предложена П. О. Морозовым (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 575). М. А. Цявловский высказал предположение, что стихотворение не могло быть написано ранее июля 1822 г., когда Вяземский посылал друзьям свои портреты, гравированные К. Я. Афанасьевым, и тогда же и было вписано в обе тетради (см.: Цявловский М. А. Заметки о Пушкине: I. О дати-

ровке стихотворения «К портрету князя П. А. Вяземского» // *ПиС.* СПб., 1913. Вып. 17—18. С. 45—47). Черновой автограф на л. 28 и 30 тетради ПД 830, действительно, в обоих случаях занимает нижнюю, остававшуюся свободной от черновиков «Кавказского пленника» часть листа, но чернила, почерк и само взаимное расположение записей очевидно свидетельствуют о тесной временной близости работы на этих листах над поэмой и четверостишием. Относительно записи в тетради ПД 833 М. А. Цявловский ссылался на мнение П. Е. Щеголева, что эта тетрадь начала заполняться беловыми автографами в 1822 г. Это утверждение, однако, не является верным. Тетрадь заполнялась с начала 1821 г. Так, например, стихотворение «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»), автограф которого расположен после четверостишия к портрету Вяземского (л. 4), было к лету 1822 г. уже доработано и напечатано (СО. 1821. Ч. 70, № 23); то же относится и к посланию «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (беловой автограф на л. 5 об.—7 об.; напечатано: СО. 1821. Ч. 72, № 35). Послание «К Овидию» («Овидий, я живу близ тихих берегов...») (беловой автограф на л. 14 об.—17) не могло появиться в тетради ПД 833 после июля 1822 г., поскольку к этому времени доработанное стихотворение было отослано А. А. Бестужеву для публикации в «Полярной звезде» (см. письмо Пушкина к Бестужеву от 21 июня 1822 г. — *Акад.* Т. 13. С. 38—39; автограф, отосланный Бестужеву, — ПД 41). Положение надписи к портрету Вяземского в тетради ПД 833 показывает, что она не могла быть вписана туда позднее, но появилась в ходе последовательного заполнения тетради. Нет оснований также связывать пушкинское четверостишие именно с портретом К. Я. Афанасьева. Существовали более ранние портреты Вяземского: И.-Е. Вивьена де Шатобрена (середина 1810-х), К. Х. Ф. Рейхеля (1817), П. Ф. Соколова (вторая половина 1810-х); см., например, надпись К. Н. Батюшкова к портрету Вяземского в письме от 9 марта 1817 г. («Кто это так, насыпая брови...» — *Батюшков* 1989. Т. 2. С. 429). Тем не менее в изданиях от КН до Асад. в 6 т. включительно стихотворение датировалось 1822 г. Т. Г. Зенгер (Цявловская) в *Акад.* (Т. 2. С. 1081) вернулась к дате 1820 г.

Характеристика Вяземского в пушкинском четверостишии близко перекликается с другими пушкинскими поэтическими обращениями к Вяземскому (см. примеч. к стихотворению «Язвительный поэт, остряк замысловатый...» — наст. т., с. 850). В письме к П. И. Бартеневу от 27 сентября 1868 г. Вяземский сообщил: «Стихи Пушкина, обыкновенно приписываемые к моему портрету, стали мне известны только в печати. Но никогда о них ни я ему, ни он мне не говорил» (*Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 407). Пушкинское стихотворение в 1861 г. было перефразировано В. С. Курочкиным в эпиграмме на Вяземского «Эпитафия Бавию» («Судьба весь юмор свой явить желала в нем...»), см.: *РЭ* 1988. С. 415.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

(«Гляжу как безумный на черную шаль...»)

(С. 11 и 173)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 28 об. — 29 — черновой, без заглавия. Напечатано: *Мор.* 1903—06. Т. 1. С. 576 (в виде вариантов); *АН* 1900—29. Т. 2. Примеч.

С. 363—365 (в виде транскрипции; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) ПД 885 — белой, под заглавием: «Молдавская песня», с подписью: «Александр Пушкин» и пометой под текстом: «Кишнев / 1820 года ноября 14», посланный Пушкиным А. Е. Измайлову для публикации в «Благонамеренном». Автограф был подарен Измайловым С. Д. Пономаревой и вклеен в ее альбом, ныне хранящийся в РГАЛИ (ф. 1336, оп. 1, № 45); при вклейке лист был сильно обрезан с утратой части текста (окончания ст. 9, 13—18, 29). У заглавия Пушкиным поставлен знак сноски; текст ее, находившийся внизу лицевой стороны листа, также обрезан (видимо, соответствовал авторскому примечанию в публикации Благ., см. ниже). Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 295 (публ. Т. Г. Цявловской; здесь же, с. 296, описание). Воспроизведение: Лет. ГЛМ. Между с. 304 и 305.

Заглавие вошло:

1) В список стихотворений на внутренней стороне передней крышки переплета тетради ПД 833 (вторая половина апреля 1821 г.) — в записи: «Черн(ая) шаль» (см.: Рукою П. 1997. С. 211). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) В Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Смесь», с датой у заглавия: «(1820)» (см.: Майков. Автографы П. С. 577). Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Баллады и песни»).

Впервые: СО. 1821. Ч. 69, № 15. С. 34—35, под заглавием: «Черная шаль», с подзаголовком «(Молдавская песня)», с подписью: «А. Пушкин». Номер вышел в свет 9 апреля 1821 г. (П. в печати. С. 17). Перепечатано с изменениями: Благ. 1821. Ч. 14, № 10. С. 142—143, под заглавием: «Молдавская песня», с подписью: «Александр Пушкин» и примечанием к заглавию: «Напечатано с ошибками в 15 № „Сына отечества“. Прим(ечание) соч(инителя)». Номер вышел в свет 21 июня 1821 г. (П. в печати. С. 17). Явных опечаток публикация «Сына отечества» не содержит. Говоря об «ошибках», Пушкин, по-видимому, имел в виду редакторское вмешательство в текст. О публикации в «Сыне отечества» он писал брату из Кишинева 27 июля 1821 г.: «„Черная шаль“ тебе нравится — ты прав, но ее черт знает как напечатали. Кто ее так напечатал? пахнет Глинкой» (Акад. Т. 13. С. 31). Перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности. СПб., 1821. Ч. 2. С. 182—184 (текст СО). Вошло в Ст 1826. С. 50—52 (отдел «Разные стихотворения», с заглавием в оглавлении: «Черная шаль. Молдавская песня» и датой в оглавлении: «1820») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 86—88 (отдел стихотворений 1820 г., с заглавием в оглавлении: «Черная шаль. Молдавская песня»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется концом октября 1820 г. И. П. Липранди сообщает, что стихотворение было написано в октябре 1820 г. (см.: П. в восп. Т. 1. С. 294). По воспоминаниям В. П. Горчакова, основанным на его дневниковых записях, в момент его приезда в Кишинева в первых числах ноября 1820 г. в обществе Ф. Ф. Орлова, А. Л. и В. Л. Давыдовых и других много говорили «о так названной Пушкиным Молдавской песне „Черная шаль“, на днях им только написанной» (Там же. С. 238). Согласно Горчакову, «начиналась она прямо рассказом: „Когда легковерен и молод я

был” — и проч.» (Там же. С. 239). Ср. рассказ Горчакова о встрече Пушкина 8 ноября 1820 г. с М. Ф. Орловым, вернувшимся из поездки на охранительную линию, расположенную по берегам Прута и Дуная: «Вошел Пушкин, генерал его обнял и начал декламировать: „Когда легковерен и молод я был” — и пр. Пушкин засмеялся и покраснел. „Как, вы уже знаете?” — спросил он. „Как видишь”, — отвечал генерал» — Там же. С. 240). Такая редакция не известна ни в автографах, ни в копиях. Беловой автограф ПД 885 датируется предположительно маем 1821 г.: он писался для отправки в журнал «Благонамеренный», видимо, уже после того, как Пушкину стала известна публикация в «Сыне отечества». Дата «ноября 14» в этом автографе, возможно, перешла из более ранней, не дошедшей до нас рукописи и означает время окончательного завершения работы над стихотворением.

Уже некоторые современники Пушкина высказывали мнение о переводном или подражательном характере стихотворения, несомненно основывающееся на подзаголовке «Молдавская песня». Сообщение А. Е. Грена (опиравшегося якобы на неизданные записки В. Г. Теплякова), повторенное затем П. И. Бартеневым, что в Кишиневе Пушкин часто заходил в некий «Зеленый трактир», где прислуживала молодая молдаванка Марионилла, и что «Черная шаль» — переложение одной из ее песен (Общезанимательный вестник. 1857. № 1. С. 25—26; Бартенев П. И. Пушкин в южной России // Русская речь и Московский вестник. 1861. № 90, 9 ноября. С. 591; то же: Бартенев. П. в южной России. С. 56—57; Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 162) следует признать явно апокрифичным. «Зеленый трактир» действительно существовал, но не в Кишиневе, а в Киеве (см.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // РА. 1866. № 8—9. Стб. 1265; Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине // Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 133, 219; Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899. Т. 2. С. 18). Утверждение Ф. Ф. Вигеля, что в «Черной шали» Пушкин переложил на русский язык одну из «ужасных, мрачных турецких песен», которые педа ему в Кишиневе гречанка Калипсо Полихрони (Вигель. Ч. 6. С. 153; П. в восп. Т. 1. С. 224), также неверно, поскольку Полихрони, как указал И. П. Липранди, приехала в Кишинев «после гетерии, в половине 1821 года», т. е. много позже создания «Черной шали» (РА. 1866. № 8—9. Стб. 1247; П. в восп. Т. 1. С. 294). В начале XX в. А. И. Яцимирский во время поездки по Румынии записал от народных певцов два варианта песни на сюжет «Черной шали» и опубликовал их как ее непосредственный источник (см.: Яцимирский А. И. «Черная шаль» А. С. Пушкина и румынская песня // Изв. ОРЯС. 1906. Т. 11, кн. 4. С. 372—378). Однако эта песня является фольклоризацией румынского перевода «Черной шали», выполненного молдавским писателем К. Негруцци (см.: Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967. С. 41—42). Другие гипотезы о связи «Черной шали» с народной песней см.: Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 87. Фольклорный оригинал «Черной шали», если и существовал, остается неизвестным. Пушкин употребляет традиционные для лиро-эпической поэзии устойчивые эпитеты («черный день», «веселье гости», «верный раб», «быстрый конь» и др., см.: Виноградов. Стилъ П. С. 354), а мотивы, нашедшие отражение в стихотворении, — измена возлюбленной, жестокое наказание изменницы и соперника — присутствуют в балканском (греческом, болгарском, албанском), молдавском и румынском фольклоре. Как представляется, используя их, поэт не имел никакого готового образца для перевода или подражания (см.: Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. С. 54—58).

Б. В. Томашевский указал на метрическое сходство «Черной шали» с балладой В. А. Жуковского «Мщение» (1816) — переводом баллады Л. Уланда «Die Rache» (1810). Баллада Жуковского была напечатана в № 2 журнала «Невский зритель» за 1820 г. (в том же номере опубликовано стихотворение Пушкина «Дорида» («В Дориде нравятся и локоны златые...») (1819)). Сходство стихотворений, по мнению исследователя, указывает на балладный генезис «Черной шали» (Томашевский. Пушкин, I. С. 531). «Черная шаль», как и «Мщение», написана достаточно редким в русской поэзии размером — двустопными четырехстопного амфибрахия с мужской клаузулой. Им же воспользовался Жуковский в балладе «Лесной царь» (1818) — переводе баллады Гете «Erlkönig» (1782). Пушкин, видимо, ощущал изначально присущий этому размеру «балладный» семантический ореол. Им написаны также «Молдав(ская песня)» («Нас было два брата — мы вместе росли...») (1821) (в Акад. Т. 4. С. 373—374 напечатана как первоначальный вариант разработки сюжета поэмы «Братья разбойники») и «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой...») (1822) (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 531; Томашевский. Строфика П. С. 57—58; Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха : Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000. С. 127—128; Вахтель М. «Черная шаль» и ее метрический ореол // Русский стих : Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика: В честь 60-летия М. Л. Гаспарова. М., 1996. С. 64—65; указание на «Лесного царя» Жуковского как метрический образец «Черной шали» и «Молдав(ской песни)» см. также: Гудзий Н. К. «Братья-разбойники» Пушкина // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1937. № 2/3. С. 644—645). Позднее некоторые исследователи, развивая наблюдения Б. В. Томашевского, характеризовали «Черную шаль» как откровенную пародию на баллады Жуковского (см.: Городецкий. С. 266; Seemann K. D. Del'vig, Vjazemskij und Puškin, oder Aspekte der Parodie // Zeitschrift für Slavistik. 1987. Bd. 32, Hft. 1. S. 61; Строганов М. В. Судьба «Черной шали» : Три лекции по истории русской культуры. Тверь, 2003. С. 33—39). Эта точка зрения не представляется достаточно обоснованной. Сюжетных соприкосновений, которые делали бы объект литературной полемики узнаваемым, между «Черной шалью» и «Мщением» нет. М. В. Строганов причисляет к литературному фону «Черной шали» еще одну балладу Жуковского — «Алина и Альсим» (1814), однако заимствование мотивов из нее также сомнительно: убийство из ревности — весьма распространенный сюжет, а к созданию образов гречанки, армянина, молдаванина и еврея скорее предрасполагал пестрый национальный состав Кишинева, нежели воспоминание о балладе Жуковского шестилетней давности. Более того, жанровое определение «Черной шали» как баллады представляется неточным, см. в этой связи наблюдения О. А. Проскурина, определяющего «Черную шаль» как «„песню” с балладным содержанием» и рассматривающего ее в связи с поиском Пушкиным новых форм лиро-эпического повествования (Проскурин 1999. С. 101).

В южном окружении Пушкина стихотворение получило известность еще до появления в печати (см. приведенные выше свидетельства В. П. Горчакова). В конце декабря в Тульчине сослуживцы Горчакова записывали стихотворение Пушкина с его слов. Знали к этому времени «Черную шаль» и в Киеве, где в разговоре с Горчаковым ее цитировал генерал Н. Л. Великопольский (см.: П. в восп. Т. 1. С. 253—254). До Петербурга стихотворение дошло, видимо, только к марту 1821 г. 23 марта А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому в Варшаву сообщал, что «Пушкин написал какие-то стихи, но я не могу еще достать их». 30 марта он послал Вяземскому «Черную шаль» со словами: «Кстати: вот тебе „Шаль” шалуна Пушки-

на. Ты бы угадал автора и без меня» (ОА. Т. 2. С. 182, 185). 4 апреля 1821 г. стихотворение читалось на заседании Вольного общества любителей российской словесности и было одобрено к печати (см.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 396).

Популярности стихотворения способствовали его музыкальные обработки, особенно кантата А. Н. Верстовского, сочиненная в 1823 г. (Черная шаль. *Le Schal noir, Complainte Moldave, paroles russes de Mr Pouchkine, imitées en français par H. S. D. Mis en musique avec accompagnement de piano-forte par Mr Werstowski. Gravé et impr. à St.-Petersbourg chez Dalmas. 1824*; с русским и французским текстом под нотами. Написана на текст СО, в котором первый и последний стихи выправлены по публикации Благ., в ст. 12 произвольное изменение: «И верного позвал раба своего» вместо: «И верного позвал раба моего». В том же году в Москве напечатана вторым изданием с посвящением Мих. Ю. Виельгорскому, только с русским текстом; см.: Пушкин в романах и песнях его современников (с 1816 до 1837 г.). М., 1936. С. 223, примеч. В. Киселева и С. Попова). Ее инсценированное исполнение 10 января 1824 г. на московской сцене певцом П. А. Булаховым, одетым в молдавский костюм, вызвало восторг зрителей (см. письмо А. Я. Булгакова к К. Я. Булгакову от 12 января 1824 г. — РА. 1901. Т. 2, № 5. С. 30—31; также статью В. Ф. Одоевского «Несколько слов о кантатах г. Верстовского» — ВЕ. 1824. № 1. С. 64—69) и резкую критику стихотворения Пушкина в печати — в статье «Вестника Европы» «Московские записки» (ВЕ. 1824. № 1. С. 69—72; подпись: «Н. Д.»; предположительно атрибутируется М. А. Дмитриеву). Называя «Черную шаль» «красивой безделкой» и упрекая композитора за использование недостаточно «значительного» материала в традиционно высоком жанре кантаты, критик писал: «В песне г-на Пушкина представляется нам какой-то молдаванин, убивший какую-то любимую им красавицу, которую соблазнил какой-то армянин. Достойно ли это того, чтобы искусный композитер изыскивал средства потрясать сердца слушателей, чтобы для песни тратил сокровища музыки?» (Там же. С. 70—72; П. в критике, I. С. 149—150). Сходные выпады прозвучали через год в статье М. А. Дмитриева «Мысли и замечания»: «...поклонники рифм и стихотворных безделок (...) затягивают на разлад шальную кантату» (ВЕ. 1825. № 3. С. 227; подпись: Юст Веридиков; П. в критике, I. С. 256). Романы на слова «Черной шали» при жизни Пушкина написали также И. И. Геништа (издан в 1828 г. с текстом под нотами; текст тот же, что и при кантате Верстовского, но последние 8 стихов опущены) и М. Ю. Виельгорский (в изд.: Лирический альбом на 1829 год. Издан М. Глинкою и Н. Павлищевым. СПб., 1828; под нотами текст только ст. 1—2). В 1831 г. балетмейстер А. П. Глушковский поставил в московском Большом театре пантомиму-балет под названием «Черная шаль, или Наказанная неверность» (см. о нем: *Денисенко С. В.* 1) Переработки пушкинских текстов и сюжетов для музыкальной и драматической сцены при жизни поэта // ПИС (Нов. серия). Вып. 3 (42). С. 219—220, 231—234; 2) Пушкинские тексты на театральной сцене в XIX веке. СПб., 2010. С. 93—96).

«Черная шаль» неоднократно перепечатывалась в песенниках (см.: П. в печати, по указ.; *Мельц М. Я.* Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825—1917 гг. и русском фольклоре: Библиогр. указатель: (По материалам Пушкинского Дома). СПб., 2000. С. 68—74); быстро приобрела популярность и в народной среде. Как писал К. А. Полевой: «Музыка Верстовского на черную шаль пробралась и в великопепные, и в укромные залы, и в города, и в деревни — ее поет и *знать*, и простой

народ...» (ЛЛ. 1824. Ч. 4, № 23—24. С. 163; П. в критике, I. С. 429). Спустя год Н. А. Полевой отмечал в «Обзрении русской литературы в 1824 году»: «Песни Пушкина сделались народными: в деревнях поют его „Черную шаль”» (МТ. 1825. Ч. 1, № 1. С. 86; П. в критике, I. С. 243). С 1839 г. широкое распространение получили лубочные картинки с изображениями отдельных эпизодов стихотворения (их описание и воспроизведение см., например: Венг. Т. 2. С. 13; А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке / Научное описание, коммент., вступ. ст. С. А. Клепикова. М., 1949. С. 26—27; Зименко Е. Пушкин в народной картинке // Декоративное искусство СССР. 1987. № 6. С. 32—33). Широкое бытование получили песенные переделки «Черной шали», вошедшие в репертуарный фонд русского фольклора (библиографию по теме см.: Мельц М. Я. Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825—1917 гг. и русском фольклоре. С. 174—185).

Популярность пушкинского стихотворения подтверждают также подражания и пародии. Первое в их ряду стихотворение С. Т. Аксакова «Уральский козак : (Истинное происшествие)» появилось уже в июльском номере «Вестника Европы» 1821 г. (Ч. 119, № 14. С. 88—90). Наиболее популярными оказались пародия, приписываемая М. Ю. Лермонтову («Когда легковверен и молод я был, Браниться и драться я страстно любил...» — см.: Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1954. Т. 2. С. 249) и пародия Козьмы Пруткова «Романс» («На мягкой кровати лежу я один...» — см.: Козьма Прутков. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965. С. 71). Некоторые тексты см.: Мельц М. Я. Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825—1917 гг. и русском фольклоре. С. 203—212; Строганов М. В. Судьба «Черной шали». С. 5—31.

При жизни Пушкина стихотворение несколько раз было переведено на иностранные языки. В 1822 г. В. Л. Пушкин перевел «Черную шаль» на французский язык и неоднократно читал свой перевод в Москве (см. в переписке П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым в мае 1822 г. — ОА. Т. 2. С. 253, 254, 256; изд.: Bulletin du Nord. 1828. Т. 1, № 1. Р. 58—59; см. также: Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 2005. С. 350, коммент. С. И. Панова). В 1837 г. появился французский прозаический перевод П. де Жульвекура (1807—1845) (*La Balalayka, chants populaires russes et autres morceaux de poésie, traduits envers et en prose par Paul de Julvécourt*. Paris, 1837. P. 27). Было выполнено также три перевода «Черной шали» на немецкий язык. Первый из них, относящийся к 1822 г. и принадлежащий К. Ф. фон дер Боргу, напечатан не был (19 ноября 1822 г. Н. М. Языков писал об этом переводе своему брату А. М. Языкову, см.: Языковский архив. Вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913. С. 21—22, 2-я пар.). Позднее появился анонимный перевод в газете «Blätter für literarische Unterhaltung» (1830. № 19, 19 Jan. S. 73) и перевод, принадлежавший литератору Ф. Титцу (Tietz; 1803—1879), лично познакомившемуся с Пушкиным в Петербурге в 1833 г. (Blätter zur Kunde der Literatur des Auslands. 1836. № 71. S. 281). См.: Raab H. Die Lyrik Puškins in Deutschland (1820—1870). Berlin, 1964. S. 28, 31, 47.

Ст. 16—17. Глаза потемнели, я весь изнемог... В покой отдаленный вхожу я один... — В. П. Горчаков вспоминал о своем «придирчивом замечании» по поводу этих стихов в разговоре с Пушкиным в начале ноября 1820 г.: «...как же, — заметил я, — вы говорите: „в глазах потемнело, я весь изнемог”, и потом: „вхожу в отдаленный покой”. — Так что ж, — прервал Пушкин с быстротою молнии, вспыхнув сам, как зарница, — это не значит, что я ослеп» (П. в восп. Т. 1. С. 239).

НЕРЕИДА

(«Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...»)

(С. 13 и 177)

Автографы:

1) Тетр. ПД 833, л. 1 (Ав₁) — беловой, под общим заглавием: «Эпиграммы во вкусе древних» с записанным ниже стихотворением «Редет облаков летучая гряда...». Под текстом стихотворения «Редет облаков летучая гряда...» на л. 1 об. помета: «Каменка», очевидно относящаяся к обоим стихотворениям. Напечатано: Анн. Т. 2. С. 277 (заглавие «Эпиграммы во вкусе древних» и помета под текстом как относящиеся к двум указанным стихотворениям); Майков. Материалы. С. 65 (ст. 3; publ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) ПД 56 (Ав₂) — беловой, на одном листе со стихотворением «Простишь ли мне ревнивые мечты...» (1823), ниже него, с подписью: «АП». Был послан Ф. В. Булгарину для публикации в «Литературных листках» при письме от 1 февраля 1824 г. Напечатано: Майков. Материалы. С. 65 (ст. 3; publ. В. И. Саитова).

По-видимому, обозначено (вместе со стихотворением «Редет облаков летучая гряда...») записью «Эпигр(аммы)» (т. е. «Эпиграммы во вкусе древних») в списке стихотворений на внутренней стороне передней крышки переплета тетради ПД 833 (вторая половина апреля 1821 г.) (см.: Рукою П. 1997. С. 211). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Подражания древним» — в записи: «IV. Нереида. / Среди зеленых волн и проч.» (см.: Майков. Автографы П. С. 576). Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 857.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: ПЗ 1824. С. 29, с подписью: «А. Пушкин», с искажением ст. 4—5 («Как ясной влагою полубогиня, грудь / Младую, белую, как лебедь, воздымала» вместо: «Над ясной влагою полубогиня грудь / Младую, белую как лебедь, воздымала»). В этой же книжке «Полярной звезды» также с ошибками была напечатана элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...» (см. наст. т., с. 91, 769). Пушкин указал на опечатки в письме к А. А. Бестужеву от 12 января 1824 г.: «...какой же смысл имеет: *Как ясной влагою полубогиня грудь — воздымала* или: *с болезнью и мольбой Твои глаза*, и проч.?» (Акад. Т. 13. С. 84). 1 февраля он отослал оба стихотворения Ф. В. Булгарину для публикации в журнале «Литературные листки». «Вы очень меня обяжете, — писал Пушкин, — если поместите в своих листках здесь прилагаемые две пьесы. Они были с ошибками напечатаны в „Полярной звезде“, отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда не большая, но стихи не люди» (Там же. С. 85). Исправленный текст напечатан: ЛЛ. 1824. Ч. 1, № 4. С. 135, после текста «Элегии» («Простишь ли мне ревнивые мечты...») на с. 134—135, с относящимися к обоим стихотворениям подписью: «А. Пушкин» и примечанием Булгарина: «Автор сих стихов прислал оные ко мне для помещения в „Литературных листках“, по той причине, что они были напечатаны в другом издании с некоторыми ошибками. *Изд(атель)*» (с. 134). Вошло в Ст 1826. С. 127 (отдел «Подражания древним», с датой в оглавлении: «1820») и Ст 1829. Ч. 1. С. 95 (отдел стихотворений 1820 г.). Перепечатывалось: Опыт русской анфологии, или

Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 180.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется ноябрем (после 18)—декабром 1820 г. Год определяется по авторским указаниям в Ст 1826 и Ст 1829, более точная верхняя граница — по помете «Каменка», вписанной под текстом стихотворения «Редет облаков летучая гряда...» в тетради ПД 833 (Пушкин приехал в Каменку между 18 и 22 ноября 1820 г. и оставался там до 28 января 1821 г. — см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 222, 229). Дошедший до нас первый беловой автограф стихотворения записан в тетрадь ПД 833 в начале февраля 1821 г., не позднее 8 февраля — даты на л. 2 тетради под текстом белого автографа стихотворения «Земля и море» («Когда по синеве морей...») (здесь под заглавием: «Морской берег. Идиллия Мосха»).

Жанровое определение «эпиграммы во вкусе древних», вынесенное в тетради ПД 833 в общий заголовок для стихотворений «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» и «Редет облаков летучая гряда...», возникло у Пушкина, по-видимому, под влиянием определения древней эпиграммы в книге К. Н. Батюшкова и С. С. Уварова «О греческой антологии» (СПб., 1820; в феврале 1820 г. книга уже вышла и обсуждалась в дружеском кругу; см. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 25 февраля 1820 г. — ОА. Т. 2. С. 23; Пушкину была известна еще до выхода из печати, см. примеч. к стихотворению «Лаиса, я люблю твой смелый < > взор...» — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 659). «Мы называем эпиграммою краткие стихи сатирического содержания, кончающиеся острым словом, укоризною или шуткою. Древние давали сему слову другое значение, — писал Уваров. — У них каждая небольшая пиеса, размером элегическим писанная (...), называлась эпиграммою. Ей все служит предметом: она то поучает, то шутит, и почти всегда дышит любовию. Часто она не что иное, как мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотою природы или памятниками художества. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна, иногда небрежна и не кончена... как звук, вдали исчезающий. Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслию, и чем древнее, тем проще» (О греческой антологии. С. 6—7; «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 102). Графическое оформление л. 1—1 об. тетради ПД 833 со всей определенностью свидетельствует, что, переписывая в тетрадь стихотворения «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду» и «Редет облаков летучая гряда», Пушкин относил заглавие «Эпиграммы во вкусе древних» только к этим двум текстам: собственных заглавий на данном этапе стихотворения не имели, они отделены одно от другого значком #, которым Пушкин пользовался для разделения частей внутри одного целого, под текстом второго стихотворения стоит заключительный знак — обращенная вниз фигурная скобка. Сокращенная запись «Эпигр.» в списке стихотворений на внутренней стороне передней крышки переплета тетради ПД 833 (см. выше) также может быть предположительно отнесена только к этим двум стихотворениям: уже непосредственно следующее за ними в тетради на л. 1 об.—2 «Земля и море» («Когда по синеве морей...») (здесь под заглавием: «Морской берег. Идиллия Мосха») внесено под своим собственным заглавием: «Мосх. Ид(иллия)» (см.: Рукою П. 1997. С. 211; наст. т., с. 539). Трактовка рядом современных исследователей заглавия «Эпиграммы во вкусе древних» как заглавия более широкого цикла, другие стихотворения которого (в разных вариантах от четырех до девятнадцати) были записаны Пушкиным на последующих

листах тетради, не представляется достаточно аргументированной и убедительной. Подробнее разбор этого вопроса см.: *Рак В. Д.* О гипотетическом пушкинском цикле «Эпиграммы во вкусе древних» // *ПиС.* (Нов. серия). Вып. 4 (43). С. 260—278.

В Ст 1826 «Нереида» включена в отдел «Подражания древним», непосредственным образцом для большинства стихотворений которого послужили опыты «в древнем роде» Андре Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484). Пушкинское стихотворение перекликается с эклогой «Je sais, quand le midi leur fait désirer l'ombre...», напечатанной в издании Шенье 1819 г. как шестой фрагмент идиллий (Chénier. P. 71—72; см.: Якубович. Античность в творчестве П. С. 131). Для «Нереиды», однако, находятся более близкие античные источники и параллели.

Вероятно, в основе пушкинского описания лежит цикл греческих эпиграмм из так называемой «Антологии Плануда» (составляет 16-ю книгу Палатинской антологии), в которых дается экфрасис картины Апеллеса «Афродита Анадиомена» (Ἀφροδίτη Ἀναδιόμηνη — всплывающая, поднимающаяся (из воды)). Во всех эпиграммах цикла (Anth. Pal., XVI, 178—182) новорожденная Венера, появляясь из моря, выжимает влагу или пену из волос. В эпиграмме Демокрита (Democritus; 460—370 до н. э.) (XVI, 180) эта деталь сочетается с описанием груди богини. Текст Демокрита, как и некоторые другие эпиграммы цикла — Антипатра Сидонского (XVI, 178), Архия (XVI, 179), Юлиана Египетского (XVI, 181), — был приведен во французском прозаическом переводе в трактате известного археолога графа А.-К.-Ф. де Келюса (Caylus; 1692—1765) «О Венере Апеллеса, так называемой Анадиомене» («Mémoire sur la Vénus d'Apelles, dite Anadyomène», 1759):

Lorsque Cypris, toute trempée de l'écume qui découle de ses cheveux, sortit nue du sein des flots, elle porta d'abord ses mains, sur la chevelure qui couvrait ses belles joues; elle exprimait ainsi de ses cheveux humides, l'eau écumante de la mer. La Déesse montrait son sein à découvert, et tout ce qu'il est permis d'exposer à la vue. Mais si Vénus est aussi belle en effet qu'elle le paraît dans ce tableau, qu'à la vue de la Déesse toute la fierté du courage de Mars s'étonne et se confonde.

(Когда обнаженная Киприда, вся в пене, которая стекала с ее волос, вышла из лона вод, она сначала подняла руки к волосам, покрывавшим ее прекрасные щеки; и она выжимала из мокрых волос пенистую морскую влагу. Открылась грудь богини, то что можно явить взору. Но если Венера столь прекрасна в действительности, как она изображена на этой картине, вид ее смутил бы и изумленного Марса в его горделивой отваге. — *фр.*) (Mémoires de littérature tirés des registres de l'Académie royale des inscriptions et belles lettres. Paris, 1764. Т. 30. P. 446—447). Переводы и замечания Келюса вплоть до начала XIX в. неоднократно воспроизводились не только в пособиях по истории древнего искусства, но и в общих справочниках, в частности в переизданиях Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера (см.: Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Nouvelle éd. Genève, 1777. Т. 2. P. 472—474; статья «Anadyomène»).

В античной литературе известны и другие примеры экфрасических описаний Венеры Анадиомены, которые могут рассматриваться как отдаленные параллели к пушкинской эпиграмме: см., например, у Овидия в «Искусстве любви» (Ars. III, 1, 223—224), в «Любовных элегиях» (Amores I, 14, 34—35), в «Письмах с Понта» (Ex Ponto, IV, 1, 29—30), в «Скорбных элегиях» (Tristia, II, 527—528), а также у

Авзония (Auson. Epigr. 106). В ряду источников «Нереиды» назывались эпиграммы Руфина (Anth. Pal., V, 60, 73) (см.: Reeder R. The Greek Anthology and its influence on Pushkin's poetic style // Canadian-American Slavic Studies. 1976. Vol. 10, № 2. P. 216—217; Кибальник С. А. 1) Русская антологическая поэзия. С. 178—179; 2) Античная поэзия в России : XVIII—первая половина XIX века : Очерки. СПб., 2012. С. 311), однако знакомство Пушкина с этими текстами маловероятно (французский и русский переводы появились позднее). Указывалось также на связь «Нереиды» с 64-м эпиллием Катулла «Свадьба Пелея и Фетиды» (Carmina, LXIV, 12—18), ранее уже, по-видимому отразившимся в стихотворении «Торжество Вакха» (1817 или 1818) (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 506) (см.: Соколов Д. Н. К вопросу о пушкинских местах в Гурзуфе // ПиС. Пг., 1916. Вып. 23—24. С. 197—198; Якубович. Античность в творчестве П. С. 131).

Картина играющей в волнах нимфы, увиденной пастухом, присутствует в хорошо знакомых Пушкину «Превращениях Венеры» («Les Déguisements de Venus», 1805) Эвариста-Дезире де Форжа де Парни (Parny; 1753—1814) (картина V):

Des Naïades la plus jolie
 Se jouait au milieu des eaux.
 Tantôt sous le cristal humide
 Elle descend, remonte encore,
 Et présente au regard avide
 De son sein le jeune trésor;
 Tantôt glissant avec souplesse,
 Elle étend ses bras arrondis,
 Et sur l'onde qui la caresse,
 Elève deux globes de lis.
 {.....}
 Myrtis, écartant le feuillage,
 Voit tout, et de plaisir sourit.

«Самая прекрасная из наяд забавлялась среди вод; то в хрустальную влагу она опустится, то вновь подыметя и явит жадному взору сокровище юной груди; то, гибко скользя, протянет округлые руки и над ласкающей ее волной, подымет две лилейные округлости. {...} Миртис, раздвинув листву, все видит и улыбается от удовольствия. — фр.» (Parny E. de. Œuvres. Paris, 1809. Т. 2. P. 10; см.: Морозов П. О. Пушкин и Парни // Венг. Т. 1. С. 391; Якубович. Античность в творчестве П. С. 130—131).

«Нереида», как и стихотворение «Редет облаков летучая гряда...», была, по выражению Б. В. Томашевского, «данью восприятия Крыма как античной Тавриды» и навеяна гурзуфскими впечатлениями поэта (Томашевский. Пушкин, I. С. 487). Так, ст. 3 «Нереиды» в обоих беловых автографах и журнальных публикациях содержит конкретную локальную деталь: «Сокрытый меж олив...» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 177—178) — указание на оливковую рощу на берегу моря, недалеко от дома Ришелье, где жил Пушкин с семейством Раевских (см.: Соколов Д. Н. К вопросу о Пушкинских местах в Гурзуфе. С. 195). Некоторыми исследователями замена в Ст 1826 и Ст 1829 «меж олив» на более общее «меж дерев» связывалась с желанием Пушкина убрать из текста гурзуфские приметы и тем самым — возможное указание на семейство Раевских (в Ефр. 1880, Ефр. 1882, Ефр.

1887, Мор. 1887, Мор. 1903—06 печаталось «меж олив»; см. решительное возражение В. Е. Якушкина: АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 361). Стихотворение обнаруживает некоторые фразеологические переключки с элегией К. Н. Батюшкова «Таврида» (1815); ср. у Батюшкова: «Где волны кроткие Тавриду омывают»; «Летающий Зефир власы твои развеет / И взору обнажит снегам подобну грудь, / Твой друг не смеет и вздохнуть...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 83—84). При жизни Пушкина появился польский перевод А. Станевича (Dziennik Wileński. 1824. N 11. S. 290).

«РЕДЕЕТ ОБЛАКОВ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА...»

(С. 14 и 178)

Автографы:

1) ПД 35 (Ав₁) — белой, с поправками, под заглавием: «Таврическая звезда»; бумага № 117 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского — внешняя сторона левого полулиста, сложенная пополам (описание автографа см.: Рукоп. П. 1937. С. 16). Напечатано: АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 353—356 (в виде вариантов; публ. В. Е. Якушкина).

2) Тетр. ПД 833, л. 1—1 об. (Ав₂) — белой, с поправкой в ст. 11, под общим заглавием: «Эпиграммы во вкусе древних» с записанным выше стихотворением «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» («Нереида»), с пометой под текстом: «Каменка», очевидно относящейся к обоим стихотворениям. Напечатано: Анн. Т. 2. С. 277 (заглавие «Эпиграммы во вкусе древних» и помета под текстом как относящиеся к двум указанным стихотворениям, первоначальный вариант ст. 11); Майков. Материалы. С. 64 (в виде вариантов; публ. В. И. Саятова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

По-видимому, обозначено (вместе со стихотворением «Нереида») записью «Эпигр(аммы)» (т. е. «Эпиграммы во вкусе древних») в списке стихотворений на внутренней стороне передней крышки переплета тетради ПД 833 (вторая половина апреля 1821 г.) (см.: Рукою П. 1997. С. 211). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Подражания древним» — в записи: «П. Таврида. / Редает облаков и проч. (без 3 последн(их) стих(ов))» (см.: Майков. Автографы П. С. 576). Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 857.

Впервые: ПЗ 1824. С. 198, под заглавием: «Элегия». Поздняя редакция впервые: Ст 1826. С. 125 (отдел «Подражания древним», с датой в оглавлении: «1820»). Вошло без изменений в текст в Ст 1829. Ч. 1. С. 94 (отдел стихотворений 1820 г.). Перепечатано: Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземского и проч. М., 1835. С. 17.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по ПЗ 1824; поздняя редакция по Ст 1829.

Датируется ноябрем (после 18) — декабрем 1820 г. на том же основании, что и стихотворение «Нереида». Беловой автограф в тетради ПД 833 записан в начале февраля (не позднее 8) 1821 г. (подробнее см. примеч. к стихотворению «Нереида» — наст. т., с. 531). Окончание работы над поздней редакцией датируется второй половиной марта—октябрем 1825 г., временем подготовки Ст 1826 (поправки в

ст. 8 и 12 были внесены уже после 15 марта, так как в посланной в этот день в Петербург тетради Капниста сделано только указание печатать элегию по «Полярной звезде» без последних трех стихов).

На публикацию элегии в «Полярной звезде» Пушкин откликнулся в письме к А. А. Бестужеву от 12 января 1824 г. «Конечно, я на тебя сердит и готов с твоего позволения браниться хоть до завтра. Ты напечатал именно те стихи, об которых я просил тебя: ты не знаешь до какой степени это мне досадно. Ты пишешь, что без трех последних стихов Элегия не имела бы смысла. Велика важность! (...) Я давно не сержусь за опечатки, но в старину мне случалось забалтываться стихами, и мне грустно видеть, что со мною поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности. Это протительно Воейкову, но *et tu autem, Brute!* (и ты, Брут! — лат.)» (Акад. Т. 13. С. 84). В черновике письма Пушкин объяснял свое нежелание печатать три последних стиха более подробно: «Ты не знаешь до какой степени это мне досадно [et] [и сколько я желал не выдавать в публику] — [они [писаны] относятся к женщине — которая первая прочитала их...]» (Там же. С. 386). Спустя некоторое время эта не названная Пушкиным женщина вновь упоминается им в переписке с Бестужевым, на этот раз в связи с поэмой «Бахчисарайский фонтан». В № 4 «Литературных листков», вышедшем в свет 3 марта, Ф. В. Булгарин процитировал частное письмо поэта к Бестужеву от 8 февраля 1824 г.: «Автор сей поэмы («Бахчисарайский фонтан». — *Ред.*) писал к одному из своих приятелей в Петербурге: „Недостает плана; не моя вина, я суеверно переключивал в стихи рассказ молодой женщины.

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

(К нежным законам стиха я приносивал звуки ее милых и бесхитростных уст. — *фр.*) — Впрочем, я писал «Бахчисарайский фонтан» единственно для себя, а печатаю потому, что” и проч.» (ЛЛ. 1824. Ч. 1, № 4. С. 147; П. в критике, I. С. 148; французская цитата — из стихотворения А. Шенье «Молодая узница» («*La jeune captive*», опубл. 1795); текст пушкинского письма см.: Акад. Т. 13. С. 87—88). По поводу булгаринской публикации Пушкин писал Бестужеву 29 июня 1824 г.: «Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти. Я обыкновенно в [это время] таком случае пишу элегии (...). Бог тебя простит! но ты осрамил меня в нынешней „Звезде” — напечатав 3 последние стиха моей элегии; черт дернул меня написать еще к стати о „Бахч(исарайском) фонт(ане)” какие-то чувствительные строчки и припомнить тут же (переправлено из «ту же». — *Ред.*) элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными — журнал может попасть в ее руки. Что ж она подумает [обо мне], видя с какой охотою беседую об ней с одним из *n(етер)б(ургских) моих приятелей*. Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгариним — что проклятая элегия доставлена тебе черт знает кем — и что никто не виноват. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики. Голова у меня закружилась» (Акад. Т. 13. С. 100—101).

В Анн. и Генн. 1859, Генн. 1869—71 стихотворение печаталось по тексту Ст 1826 и Ст 1829 (в Анн. три стиха, завершавшие элегию в автографах и первой публикации, приведены в примечаниях). П. А. Ефремов, полностью приняв объяс-

нения Пушкина в письмах к Бестужеву, счел исключение трех последних стихов элегии автокупурой, сделанной поэтом по личным соображениям, и восстановил их, присоединив к тексту Ст 1826 и Ст 1829. В результате в Ефр. 1880 возник контаминированный текст, печатавшийся дальше во всех последующих изданиях: ст. 1—13 печатались по тексту Ст 1826 и Ст 1829, ст. 14—16 — по ПЗ (в Ефр. 1880, Ефр. 1882, Ефр. 1887, Мор. 1887, Ефр. 1903—05 и Мор. 1903—06 контаминация усугублялась исправлением в ст. 11 «полуденные волны» на «таврические волны» в соответствии с первоначальным чтением этого стиха в автографе тетради ПД 833; это исправление мотивировалось тем, что замена слова «таврические» также была вызвана желанием поэта скрыть местную окраску стихотворения). Традиционно печатающийся контаминированный текст нельзя признать корректным. Есть все основания считать тексты, напечатанные в ПЗ и Ст 1826 и Ст 1829, разными редакциями стихотворения. Написанная в Каменке в конце 1820 г. элегия была не «черт знает кем» доставлена Бестужеву, а, судя по всему, послана в Петербург для публикации самим поэтом, причем послана именно в составе 16 стихов. Есть некоторые основания считать, что произошло это не позднее начала 1822 г. В первом письме к Бестужеву из Кишинева, 21 июня 1822 г., Пушкин пишет о каких-то своих «элегических отрывках», встревоживших «целомудренность» цензуры и не попавших в печать, прибавляя: «...однако должно нам настоять из одного честолюбия — отдаю их в полное ваше распоряжение» (Акад. Т. 13. С. 38). 13 июня 1823 г. он спрашивает Бестужева: «...нельзя ли вновь осадить цензуру и, со второго приступа, овладеть моей Анфологией?» (Там же. С. 64). Из написанного Пушкиным к 1822 г. под определение одновременно «элегических отрывков» и «анфологии» больше всего подходят «Нереида» и «Редет облаков летучая гряда...» («целомудренность» цензуры могла «встревожить» «Нереида», а поскольку вполне вероятно, что на этом этапе оба стихотворения еще были объединены, как в автографе ПД 833, в один мини-цикл, запрет распространился и на второе; оба стихотворения были напечатаны в ПЗ 1824). При подготовке ПЗ 1824 в распоряжении Бестужева был полный текст стихотворения. Желание исключить последние три стиха, возникшее к этому времени у Пушкина, не встретило понимания у издателей «Полярной звезды» и было реализовано поэтом только в Ст 1826, где после сокращения текст подвергся дополнительной правке: были внесены изменения в ст. 8 и 12. При этом, поскольку стихотворение недавно было напечатано в полном виде, исключение трех последних стихов скорее могло только привлечь к ним дополнительное читательское внимание. В сокращении текста элегии нельзя категорически отрицать личных мотивов, однако, думается, наряду с ними существенную роль для Пушкина играли соображения чисто художественные. Обрыв текста на нерифмующемся стихе обострял ощущение его фрагментарности, отчетливо отсылая к жанровому образцу — фрагментам идиллий А. Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484). См. также точку зрения Ю. М. Лотмана, видевшего в действиях Пушкина прямую мистификацию, целью которой было выстраивание «литературной биографии», создание вокруг своего творчества некой «романтической легенды» (Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 69—70).

Традиция поэтических обращений к вечерней звезде (Венере / Гесперу) в европейской литературе восходит к XVI идиллии греческого лирика Биона, часто приписывавшейся Мосху (II в. до н. э.). В поле зрения Пушкина был прежде всего перевод идиллии Биона, выполненный А. Шенье и напечатанный в его издании 1819 г.

как «Элегия XIII, подражание идиллии Мосха» («Elegie XIII, tirée d'une idylle de Moschus»):

Bel astre de Vénus, de son front délicat,
Puisque Diane encore voile le doux éclat,
Jusques à ce tilleul, au pied de la colline,
Prête à mes pas secrets ta lumière divine...

⟨Прекрасная звезда Венеры, поскольку Диана еще прячет свое мягкое сияние, озари чудесным светом твоего нежного лика мой тайный путь к тополю у подножия холма... — фр.⟩ (Chénier. P. 105). По всей вероятности, Пушкину был известен французский прозаический перевод Ж.-Ж. Мутонне де Клерфона (Moutonnet de Clairfons; 1740—1813), вошедший в его сборник переводов из греческих поэтов «Anacréon, Sapho, Bion et Moschus: traduction nouvelle en prose...» (Paris, 1773; многократно переизд.) как первая идиллия Мосха. На перевод Мутонне де Клерфона опирался Н. Ф. Кошанский в своем стихотворном переложении идиллии Биона, напечатанном вместе с оригинальным текстом в его книге «Цветы греческой поэзии» (М., 1811; Кошанский указывает, что идиллия приписывалась также Мосху). «Содержание сей идиллии, — писал Кошанский в пояснении к тексту, — весьма просто: „Поэт приветствует вечернюю звезду, или звезду Венеры, и просит, чтоб она, когда зайдет луна, пролила тихий блеск свой и озарила его шествие; ибо он не хищник, не нарушитель покоя, но страстный, идущий на свидание с любезной...”» (Кошанский Н. Цветы греческой поэзии. С. 97; см. также: Якубович. Античность в творчестве П. С. 132—133). В числе европейских поэтов, в разное время обращавшихся к идиллии Биона, были Ронсар (Ronsard; 1524—1585), П.-Ф. Тиссо (Tissot; 1768—1854) и др. (подробнее см.: Долинин А. А. Еще раз о загадке Таврической звезды // Седьмая Междунар. летняя школа по русской литературе : Статьи и материалы. СПб., 2011. С. 28—33).

Связь элегии с крымскими воспоминаниями поэта побуждала исследователей искать упоминаемую в ней «деву юную» среди дочерей Н. Н. Раевского. М. О. Гершензон предполагал, что, возможно, Пушкин имел в виду Елену (1803—1852) (см.: Гершензон М. О. Северная любовь А. С. Пушкина // ВЕ. 1908. № 1. С. 286). Того же мнения придерживался П. К. Губер, отметивший, что существовал древний миф о превращении в звезду Елены Спартанской, возможно, известный сестрам Раевским и Пушкину из какой-нибудь французской мифологической книжки (см.: Губер П. К. 1) Пушкин и графиня Н. В. Кочубей // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 113; 2) Донжуанский список Пушкина. Пг., 1923. С. 77—78). П. Е. Щеголев, включивший стихотворение в ряд произведений, связанных с так называемой «утраченной любовью» Пушкина, а вслед за ним Ю. Г. Оксман и М. А. Цявловский называли имя Марии (1805—1863) (см.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // ПиС. СПб., 1911. Вып. 14. С. 128 и след.; Асад. в 9 т. Т. 1. С. 469; Асад. в 6 т. Т. 1. С. 701). К Елене или Марии относил элегию и Л. П. Гроссман (см.: Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // ПИМ. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 94, 98). В. И. Иванов, разбирая пушкинскую элегию, ссылаясь на средневековые католические гимны, где выражение «stella maris» (звезда морей) употреблялось как имя Девы Марии (см.: Соколов Б. М. М. Н. Раевская—кн. Волконская в жизни и поэзии Пушкина. М., 1922. С. 23—24; Вересаев В. В. Таврическая звезда // ПиС. Л., 1928. Вып. 37. С. 124). Название «Stella

paris», несомненно, было известно Пушкину (см. в черновике «Акафиста Екатерине Николаевне Карамзиной» (1827): «Звезде морей, Небесной Деве»), хотя, вопреки мнению В. И. Иванова и его последователей, обозначало не Венеру, а Полярную звезду. Впрочем, было высказано мнение, что Пушкин, говоря о «вечерней звезде», и не мог иметь в виду Венеру, которая и во время пребывания Пушкина в августе—сентябре в Гурзуфе, и в ноябре—декабре в Каменке появлялась на утреннем небе (ср. в «Отрывках из Путешествия Онегина»: «Прекрасны вы, брега Тавриды, / Когда вас видишь с корабля / При свете утренней Киприды, / Как вас впервой увидел я» — Акад. Т. 6. С. 199—200). Яркая же звезда, всходящая на вечернее небо, которую Пушкин мог наблюдать и в Гурзуфе, и в Каменке, скорее всего, была планетой Юпитер, и имя ее, таким образом, никак прямо не указывает на имя «девы юной» (см.: Кузнецов Н. Н. Вечерняя звезда в одном стихотворении Пушкина // Мироведение. 1923. Т. 12, № 1 (44). С. 87—90; Вересаев В. В. Таврическая звезда. С. 124—125). П. О. Морозов (Мор. 1887. Т. 1. С. 225; Венг. Т. 2. С. 555) и В. Е. Якушкин (АН. 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 355) считали, что в элегии упоминается старшая дочь Раевских Екатерина (1797—1885), 15 мая 1821 г. вышедшая замуж за М. Ф. Орлова. Это предположение надолго утвердилось, после того как Б. В. Томашевский опубликовал отрывок из письма М. Ф. Орлова к жене от 3 июля 1823 г.: «Среди кучи дел, одни докучнее других, — пишет Орлов, — я вижу твой образ как образ милой подруги и приближаюсь к тебе или воображаю тебя близкой всякий раз, как вижу достопамятную Звезду, которую ты мне указала. Будь уверена, что едва она восходит над горизонтом, я ловлю ее появление с моего балкона» (см.: Томашевский Б. В. «Таврида» Пушкина // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 122. Сер. филол. наук. Вып. 16. С. 121; Томашевский. Пушкин, I. С. 488; оригинал по-фр.). В последнее время в работе А. А. Долинина «Еще раз о загадке Таврической звезды» была предпринята аргументированная попытка вернуться к версии Елены.

Все эти гипотезы в той или иной степени основываются на признании несомненного автобиографизма лирического сюжета элегии. Этот вопрос вряд ли может быть решен однозначно. Однако в связи с ним заслуживает внимания замечание М. Л. Гофмана о бесплодности поисков подходящего женского имени для звезды: не звезде дается конкретное женское имя, а наоборот, женщине имя звезды — Венеры, богини любви (см.: Гофман М. Л. Пушкин — Дон-Жуан. Париж, 1935. С. 58—59). Пушкин, таким образом, в финале стихотворения в несколько измененном виде повторяет лирический ход, отсутствующий у Биона и найденный в переложении А. Шенье, где поэт, обращаясь к «прекрасной звезде Венеры», сравнивает с ней свою возлюбленную:

J'aime: je vais trouver des ardeurs mutuelles,
Une nymphe adorée, et belle entre les belles,
Comme, parmi les feux que Diane conduit,
Brillent tes feux si purs, ornement de la nuit.

(Я люблю: меня ждет пылкое свидание с возлюбленной, с нимфой, обожаемой мною и прекрасной среди прекрасных, подобно тому как среди светил, ведомых на небосклон Дианой, блистает твое чистое сияние, украшение ночи. — фр.) (Chénier. P. 105).

Как и стихотворение «Нереида», элегия «Редет облаков летучая гряда...» обнаруживает некоторые фразеологические переключки с элегией К. Н. Батюшкова «Таврида» (1815).

О заглавии «Эпиграммы во вкусе древних», объединяющем в автографе ПД 833 стихотворения «Нереида» и «Редееет облаков летучая гряда...», см. в примеч. к «Нереиде» — наст. т., с. 531.

Ст. 3—4. *Твой луч осеребрил увядшие равнины, И дремлющий залив, и черных скал вершины.* — Здесь можно видеть описание залива реки Тясмина в Каменке. «Берега Тясмина здесь довольно возвышенны; в одном месте они несколько сближаются и образуют нависшие над рекой скалистые утесы, от которых и самое местечко получило свое название; особенно красивы утесы с реки» (Лобода А. М. Пушкин в Каменке // Памяти Пушкина : Научно-литературный сб., составленный профессорами и преподавателями Имп. ун-та Св. Владимира. Киев, 1899. С. 82; АН. 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 359—360; коммент. В. Е. Якушкина).

1821

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

(«Когда по синеве морей...»)

(С. 15 и 179)

Автографы:

1) ПД 36, л. 38 (Ав₁) — белой, с поправкой в ст. 2, без заглавия и подзаголовка, в альбоме Н. Н. Раевского. Напечатано: Майков. Материалы. С. 79 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова); Модзалевский Б. Л. Из семейного архива Раевских // Пис. СПб., 1904. Вып. 2. С. 15—16.

2) Тетр. ПД 833, л. 1 об.—2 (Ав₂) — белой, с тремя слоями разновременной правки (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 180), под заглавием: «Морской берег», с подзаголовком: «Идиллия Мосха», с пометой под текстом: «8 февр(аля) 1821. Киев» (слово: «Киев», возможно, вписано позднее). Напечатано: Анн. Т. 2. С. 312 (помета под текстом); Майков. Материалы. С. 79 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Вошло:

1) В список стихотворений на внутренней стороне передней крышки переплета тетради ПД 833 (вторая половина апреля 1821 г.) — в записи: «Мосх. Ид(иллия)» (см.: Рукою П. 1997. С. 211). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) В Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Подражания древним» — в записи: «IX. Земля и море (Идиллия Мосха). / Когда по синеве и пр.». Напечатано: Майков. Автографы П. С. 576.

Впервые: НЛ. 1825. Ч. 11, № 1. С. 27, под заглавием: «Море и земля». Вошло без изменений в тексте, с пунктуационными отличиями в Ст 1826. С. 133 (отдел «Подражания древним»), под заглавием: «Земля и море» (в оглавлении с подзаголовком: «Идиллия Мосха» и датой: «1821») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 129—130 (отдел стихотворений 1821 г.), под заглавием: «Земля и море» (в оглавлении с подзаголовком: «Идиллия Мосха»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 8 февраля 1821 г., по помете Пушкина в Ав₂. Последний слой правки в Ав₂, по-видимому, относится к началу октября 1824 г.: она сделана такими же пером и чернилами, какими велась доработка стихотворения «Наполеон» на л. 21—23 об. тетради ПД 833 (датировку второй редакции стихотворения «Наполеон» см. наст. т., с. 644—645).

После публикации стихотворения в «Новостях литературы» Пушкин в конце февраля 1825 г. писал брату: «Клянйся моему другу Воейкову (редактору «Новостей литературы». — *Ред.*). Над или под „Морем и землею” должно было поставить „Идиллия Мосха”. От этого я бы не удавился — а Бион старик при своем остался б» (Акад. Т. 13. С. 146). В Кап Пушкин, несколько изменив заглавие стихотворения, восстановил подзаголовок, однако в оглавлении ЦР, посланном П. А. Плетневым Пушкину в письме от 26 сентября 1825 г. (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 355; Акад. Т. 13. С. 234), он отсутствует. В Ст 1826 и Ст 1829 отнесен в оглавление.

Обращение Пушкина к жанру античной идиллии, ранее никогда его не привлекавшему, было определено влиянием А. Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484), в сборник которого 1819 г. вошли несколько подражаний идиллиям древнегреческих поэтов Мосха и Биона (II в. до н. э.). Непосредственным источником для Пушкина, как было указано А. А. Долининым, по-видимому, послужил прозаический французский перевод Ж.-Ж. Мутонне де Клерфона (Moutonnet de Clairfons; 1740—1813) пятой идиллии Мосха, вошедший в его сборник переводов из греческих поэтов «Anacréon, Sapho, Bion et Moschus: traduction nouvelle en prose» (1773; многократно переизд.) под заглавием «Его любовь к спокойствию»:

Son amour pour la tranquillité

Lorsque les zéphirs soufflent légèrement sur les flots azurés, une douce paresse s'empare de mes esprits. Les Muses cessent alors de m'être agréables; le calme délicieux de la mer me plaît davantage: mais quand l'onde blanchissante mugit horriblement, que les flots sont agités, que les vagues mutinées s'élèvent à gros bouillons pleines d'écume, je m'éloigne de la mer, et je porte mes regards sur la terre et sur les arbres. La terre dans cet instant me paraît un séjour plus sûr; les forêts épaisses m'enchantent, surtout lorsque les vents font résonner les pins élevés. Le pêcheur, il faut l'avouer, mène une vie bien dure et bien pénible; sa maison, c'est une frêle barque; ses travaux sont tous sur la mer; une pêche souvent infructueuse consume tout son temps. Pour moi, couché nonchalamment sous un platane touffu, je goûte les douceurs du sommeil auprès d'une claire fontaine, dont le murmure flatte l'oreille sans l'effrayer.

⟨Когда зephyры нежно веют над лазурными волнами, мои чувства охватывает сладкая лень. Музы перестают меня привлекать; мне милее упоительное спокойствие моря. Но когда седая пучина страшно ревет, и волны вздымаются, и мятежные валы кипят и пенятся — я удаляюсь от моря и обращаю свои взоры к земле и деревьям. Земля в этот момент кажется мне более надежным пристанищем; меня пленяют густые леса, особенно когда ветер гудит в их далеких вершинах. Рыбак, надо признать,

ведет жизнь весьма суровую и тягостную; его дом — ненадежная лодка; его труды — все на море; ловля, часто бесплодная, отнимает все его время. Что до меня, то беспечно простершись под густым платаном, я наслаждаюсь сладким сном подле ясного источника, журчание которого ласкает слух, не беспокоя его. — *фр.*) (Anacréon, Sapho, Bion et Moschus: traduction nouvelle en prose; suivie de la «Veillée des fêtes de Vénus», et d'un choix de pièces de différents auteurs. Par M. M*** C**. Paris, 1775. P. 177—178; см.: Долинин А. А. Еще раз о загадке Таврической звезды // Седьмая Междунар. летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. СПб., 2011. С. 29—31). Помимо других французских переводов идиллии Мосха, которые мог знать Пушкин (И.-Б. Рекелэна де Лонжпьера (Requeleune de Longepierre; 1659—1731), Л. Пуансине де Сиври (Poinsinet de Syvry; 1733—1804)), он был знаком и с ее французскими переложениями — элегией «Подражание Мосху» («Imitation de Moschus» (IV, 2)) П.-Д. Экушара-Лебрена (Écouchard-Lebrun; 1729—1807) и стихотворением Н.-Ж. Леонара (Léonard; 1744—1793) «Преимущества жизни на берегу» («Les plaisirs du rivage») (см. ниже).

Из русских переводов идиллии Мосха в поле зрения Пушкина, скорее всего, было ее вольное стихотворное переложение, выполненное Н. Ф. Кошанским, — «К спокойствию» («Когда Зефир подует нежно...»). Переложение Кошанского, вошедшее в его книгу «Цветы греческой поэзии» (М., 1811. С. 341—342), долгое время рассматривалось как основной источник пушкинского стихотворения (см.: АН 1899. Примеч. С. 186—187; АН 1900—29. Т. 1. Примеч. С. 202, примеч. Л. Н. Майкова; также: Черняев П. А. С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древне-классических поэтов. Казань, 1899. С. 50—51; Якубович. Античность в творчестве П. С. 133—135; Кибальник С. А. Идиллия Пушкина «Земля и море»: (Источники, жанровая форма и поэтический смысл) // Врем. ПК. СПб., 2004. Вып. 29. С. 179—181). Однако определенные лексические соответствия с первой частью переложения Кошанского, обнаруживаемые в «Земле и море», объясняются тем, что Кошанский ориентировался на тот же перевод Мутонне де Клерфона, что и Пушкин (см.: Долинин А. А. Еще раз о загадке Таврической звезды. С. 30). Вряд ли Пушкину был памятен или вообще известен напечатанный в 1816 г. в «Украинском вестнике» (Ч. 1, № 3. С. 349—351) перевод П. С. Куницкого — «Мосхова идиллия» («Когда средь тишины приятной, безмятежной...»), так же как и выполненный в 1820 г., но опубликованный только в конце 1824 г. перевод К. П. Масальского «Море и земля. (С греческого, 1820)» («Море когда светло-синее легким колеблется ветром...») (СЦ 1825. С. 278—279; выход в свет — последние числа декабря 1824 г., см.: П. в печати. С. 26; из всех современных Пушкину переложений идиллии Мосха этот перевод отличается наибольшей точностью, он выполнен гекзаметром и не выходит за пределы 13 стихов греческого оригинала). Предположение о знакомстве Пушкина ко времени создания стихотворения с переводом Масальского было в свое время высказано Н. О. Лернером, но после знакомства с комментарием Л. Н. Майкова в АН 1899 снято самим исследователем (см.: Лернер Н. О. 1) Разъяснение о происхождении стихотворения А. С. Пушкина «Земля и море»: (Библиографическая попытка) // РА. 1899. Т. 3, № 11. С. 451; 2) Еще о стихах Пушкина «Земля и море» // Там же. № 12. С. 612). Через год после написания Пушкиным своей идиллии в печати появился перевод М. П. Загорского «Море и земля. (Из Мосха)» («Когда голубая пучина струится...») (Благ. 1822. Ч. 19, № 34. С. 304—305). Вполне возможно, что Пушкин ориентировался на перевод Загорского, давая стихотворению при первой публикации заглавие

«Море и земля», и несколько изменил его позднее после появления названного так же перевода Масальского.

В ряду стихотворений, вошедших в Ст 1826 в раздел «Подражания древним», «Земля и море» выделяется своим размером — четырехстопным ямбом на фоне доминирующего в этом разделе шестистопного. Б. В. Томашевским было высказано предположение, что «по выбору формы, необычной для передачи античного гекзаметра», пушкинская идиллия напоминает «Преимущества жизни на берегу» Н.-Ж. Леонара (см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин — читатель французских поэтов // Пушкинист, IV. С. 215—216; Томашевский. П. и Франция. С. 450). Некоторая текстуальная близость «Земли и моря» к стихотворению Леонара (см. ниже, примеч. к ст. 9—12) свидетельствует в пользу этого предположения. Стихотворение обнаруживает фразеологические переключки с элегиями К. Н. Батюшкова, но попытки искать генезис пушкинского стихотворения в конкретных текстах Батюшкова (см., например: *Зарецкий А. Р.* Об идиллии Пушкина «Земля и море» // Университетский пушкинский сборник. М., 1999. С. 342) выглядят малоубедительными.

Ст. 2—3. *Зефир скользит и тихо веет В ветрила гордых кораблей...* — Ср. в элегии К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814): «О, вей, попутный ветер, вей тихими устами / В ветрила кораблей!» (Батюшков. Соч. 1934. С. 59; см.: *Элиаш Н. М.* К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // ПиС. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 32).

Ст. 9—12. *Когда же волны по брегам ~ И молнии во мраке блещут...* — Ср. картину грозы, сопровождающей бурю на море, в стихотворении Леонара (у Мосха она отсутствует):

Mais quand le terrible Aquilon
Gronde sur l'onde bondissante,
Que dans le liquide sillon
Roule la foudre étincelante...

⟨Но когда ужасный аквилон гремит над буйной волной и, проводя борозду по воде, мелькает сверкающая молния... — фр.⟩ (*Léonard N.-G.* Idylles et roèmes champêtres. La Haye, 1782. P. 154—155; см.: Томашевский. П. и Франция. С. 450; *Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик // П. Врем. [Т.] 4—5. С. 314). Ср. также в «Подражании Мосху» П.-Д. Экушара-Лебрена:

Mais quand l'azur des Eaux se trouble et se noircit,
Quand d'un voile orageux Diane s'obscurcit...

⟨Но когда лазурь вод мутится и чернеет, когда Диана набрасывает грозовой покров... — фр.⟩ (Euvre de Ponce Denis (Écouchard) Le Brun. Paris, 1811. T. 2. P. 96).

Ст. 17—18. *Живет на утлом он челне, Игралище слепой пучины...* — Ср. в элегии К. Н. Батюшкова «Вечер» (1810): «Игралище стихий среди пучины пенной, / И ты, рыбарь, спешись на брег уединенный! / Там, сети приклонив ко утлой ладие...» (Батюшков. Соч. 1834. С. 232—233; см.: *Зарецкий А. Р.* Об идиллии Пушкина «Земля и море». С. 342).

КРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

(«Взгляни на милую, когда свое чело...»)

(С. 16 и 181)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 2 — беловой, без заглавия, с пометой под текстом: «9 (февраля 1821)» (месяц и год устанавливаются по предыдущей и последующей пометам в тетради: на той же странице, под текстом стихотворения «Земля и море» (здесь под заглавием: «Морской берег. Идиллия Мосха») — «8 февр(аля) 1821. Киев»; на л. 3 об. под текстом «Элегии (из поэмы: Кавказ)» («Я пережил свои желанья...») — «Каменка 22 февр(аля) / 1821»). Напечатано: Якушкин. № 5. С. 339 (ст. 1). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), в составе отдела «Подражания древним» под номером X, утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 577 (заглавие и начало первой строки с указанием, что далее следует «вся пьеса»); Томашевский. Новые материалы. С. 858—859 (вариант ст. 2).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Соревн. 1825. Ч. 29, № 3. С. 295, под заглавием, обозначенным записью: «МИЛА и пр.». Вошло в Ст 1826. С. 134 (отдел «Подражания древним», с датой в оглавлении: «1821») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 131 (отдел стихотворений 1821 г.), с незначительным пунктуационным разночтением (снят восклицательный знак в конце последнего стиха).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 9 февраля 1821 г., по помете в автографе ПД 833.

МУЗА

(«В младенчестве моем она меня любила...»)

(С. 17 и 181)

Автографы:

1) ПД 42 (Ав₁) — беловой, с поправками, с пометой под текстом: «1821 / февр(аля) 14», на четверке фабричного листа, бумага № 223 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (полное описание автографа см.: Рукоп. П. 1937. С. 19). Напечатано: Анн. Т. 2. С. 313 (в виде вариантов; публ. П. В. Анненкова). Факсимильное воспроизведение: Анненков. Материалы 1855. Прилож.

2) Тетр. ПД 833, л. 4 (Ав₂) — беловой, с поправками. Напечатано: Майков. Материалы. С. 84 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

3) ПД 909, л. 11—11 об. (Ав₃) — беловой, в альбоме Н. Д. Иванчина-Писарева, с пометой под текстом: «30 дек(абря) / 1828 / Москва» и подписью: «Пушкин». Внизу листа рукой Н. Д. Иванчина-Писарева сделано примечание к подписи: «Александр». Напечатано: Барсуков Н. П. Альбом автографов Н. Д. Иванчина-Писарева // СиН. М., 1905. Т. 10. С. 482.

4) ПД 104, л. 30 (Ав₄) — беловой, в альбоме А. Е. Шиповой, с подписью: «Александр Пушкин». Напечатано: Модзалевский Б. Л. Альбом Анны Евграфов-

ны Шиповой, рожд. графини Комаровской // ПиС. СПб., 1909. Вып. 11. С. 80. Факсимильное воспроизведение: Там же, между с. 80 и 81.

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Подражания древним» — в записи: «III / Муза. / В младенчестве моем и проч.» (см.: Майков. Автографы П. С. 576). Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 857.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: СО. 1821. Ч. 70, № 23. С. 132—133, с пометой под текстом: «Кишенев. Апреля 5. 1821». Вошло (без изменений в тексте, с незначительными пунктуационными отличиями) в Ст 1826. С. 123 (отдел «Подражания древним», с датой в оглавлении: «1821») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 125 (отдел стихотворений 1821 г.). Перепечатывалось: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности. СПб., 1821. Ч. 2. С. 276—277; Новые Аониды на 1823 г. М., 1823. С. 109; Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 170; Роза граций, или Собрание стихотворений для прекрасного пола на 1831 год. М., 1830. С. 3—4.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 14 февраля 1821 г. по помете в автографе Ав₁. Беловой автограф Ав₂ датируется временем между 22 февраля и 5 апреля 1821 г. по его положению в тетради ПД 833, в этой своей части заполнявшейся последовательно (на л. 3 об. под текстом «Элегии (из поэмы: Кавказ)» («Я пережил свои желанья...») помета: «Каменка 22 февр(аля) / 1821», на л. 5 под посланием «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») — «5 апр(еля)»; помета под текстом в «Сыне отечества», вероятно, соответствует дате отсылки стихотворения в журнал. Запись в альбоме Н. Д. Иванчина-Писарева сделана, согласно помете при ней, 30 декабря 1828 г.; запись в альбоме А. Е. Шиповой — не ранее второй половины 1827 г. (на л. 27 под стихотворением Эмиля Дешана стоит дата: «5 juin 1827»; на альбомные листы, следующие за пушкинским автографом, наклеивались автографы разных лет).

Традиционно стихотворение сопоставлялось с эклогой А. Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484) «Toujours ce souvenir m'attendrit et me touche...», напечатанной в сборнике 1819 г. среди фрагментов идиллий:

Toujours ce souvenir m'attendrit et me touche,
 Quand lui-même appliquant la flûte sur ma bouche,
 Riant et m'asseyant sur lui, près de son cœur,
 M'appelait son rival et déjà son vainqueur.
 Il façonnait ma lèvre inhabile et peu sûre
 A souffler une haleine harmonieuse et pure.
 Et ses savantes mains prenant mes jeunes doigts,
 Les levaient, les baissaient, recommençaient vingt fois,
 Leur enseignant ainsi, quoique faibles encore,
 A fermer tour à tour les trous du buis sonore.

⟨Это воспоминание всегда умиляет меня и трогает: прикладывая флейту к моим устам, смеясь и усаживая меня на колени, возле своего сердца, он называл меня сво-

им соперником и уже — своим победителем. Он приучал мои неискusstvenные и неуверенные губы к гармоничному и чистому дыханию. И его искусные руки брали мои юные пальцы, подымали их, опускали по двадцать раз, обучая их так, хотя они все еще были слабы, закрывать поочередно отверстия звучного самшита. — *фр.*) (Chénier. P. 70; см.: Пол. Т. 1. С. 107—108; Любомудров С. Античный мир в поэзии Пушкина. СПб., 1899. С. 31; ср., впрочем, мнение Д. П. Якубовича, который, не отрицая связи «Музы» со стихотворением «Toujours se souvenir m'attendrit et me touche...», отмечал все же, что, «заинтересовавшись образом учителя игры на флейте и ученических пальцев, касающихся скважин дерева (<...>), Пушкин не мог найти в нем, кроме общеидиллического тона, ничего специфически античного», см.: Якубович. Античность в творчестве П. С. 136). Л. П. Гроссман находил в «Музе» также параллель с предыдущим идиллическим «фрагментом» Шенье из сборника 1819 г. — «J'étais un faible enfant qu'elle était grande et belle...» (Я был слабое дитя, она же была взрослой и прекрасной... — *фр.*) (см.: Гроссман Л. П. Пушкин и Андрэ Шенье // Гроссман Л. П. От Пушкина до Блока : Этюды и портреты. М., 1926. С. 26). В пушкинском стихотворении можно отметить переключки и с другими стихотворениями Шенье, в которых поэт обращается к музам. См., например, элегию «Ah! je les reconnais, et mon cœur se réveille...»:

Ah! je les reconnais, et mon cœur se réveille.
 O sons! ô douces voix chères à mon oreille,
 O mes Muses, c'est vous. Vous, mon premier amour;
 Vous, qui m'avez aimé dès que j'ai vu le jour.
 Leurs bras, à mon berceau dérobant mon enfance,
 Me portaient sous la grotte où Virgile eut naissance,
 Où j'entendais le bois murmurer et frémir,
 Où leurs yeux dans les fleurs me regardaient dormir.

(Ах! я их узнаю, и мое сердце пробуждается. О звуки! о сладостные голоса, дорогие моему слуху! О мои музы, это вы. Вы, моя первая любовь; вы, кто любил меня с момента моего появления на свет! Их руки, похитив меня младенцем из колыбели, перенесли меня под своды грота, где родился Вергилий, где я слышал шепот и трепет леса, где они смотрели на меня, спящего среди цветов. — *фр.*) (Chénier. P. 83).

См. также в элегии «O Muses, accourez; solitaires divines...»:

Vous savez si toujours, dès mes plus jeunes ans,
 Mes rustiques souhaits m'ont porté vers les champs;
 Si mon cœur dévorait vos champêtres histoires;
 Cet âge d'or si cher à vos doctes mémoires...

(Вы знаете, что всегда, с самых юных лет, мои безыскусные желания влекли меня к полям; что мое сердце жаждало ваших сельских историй о золотом веке, столь дорогим для вашей просвещенной памяти... — *фр.*) (Chénier. P. 107).

В «Музе», как и в других стихотворениях, включенных Пушкиным в Ст 1826 в раздел «Подражания древним», влияние Шенье несомненно сказалось в пластичности образов, безупречности стиховой формы и гармонизации стиха (анализ стихотворения с точки зрения композиционной и ритмической симметрии см.: Эткин Е. Г. Симметрические композиции у Пушкина. Париж, 1988. С. 15—19). Г. Д. Влади-

мировский относил «Музу» к числу вольных переводов Пушкина из Шенье (см.: *Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик // П. Врем. [Т.] 4—5. С. 318). Следует, однако, признать вслед за Б. В. Томашевским (см.: *Томашевский. Пушкин*, I. С. 528), что сопоставление «Музы» с каким-либо одним конкретным текстом Шенье выглядит совершенно произвольным.

«Муза» относится к числу немногих стихотворений Пушкина, получивших сразу по публикации отклик в критике — в статье П. А. Плетнева «Антологические стихотворения: „Муза“ и „К уединенной красавице“» (*Соревн.* 1822. Ч. 19, № 7. С. 17—32). «...Можно решительно сказать, никому не приходило счастливее мысли сочинителя приведенного нами стихотворения „Муза“, — писал Плетнев. — Вымысл его имеет необыкновенную прелесть простоты, естественности и поэзии. Читая сие стихотворение, не подумаешь, что сочинителю много стоило труда добраться до такой мысли: это свободное, живое и нежное воспоминание первых минут, когда в нем начал действовать гений поэзии. Ход сего стихотворения исполнен живости, разнообразия и легкости. (...) Нет ни одного слова лишнего, ни одного стиха невыдержанного, ни одной картины недоделанной. Нужно ли прибавлять, что гармония стихов в сем сочинении составляет приятнейшую музыку для слуха? (...) Это совершенство таланта, ничем не привязанного к какому-нибудь одному месту на земле, но свободного и всем общего. Его можно сравнить с греческою статуею, на которой художник ничего не оставил, по чему бы кто-нибудь мог узнать, к какому народу и какому веку она относится, потому что он изобразил ее в прелестной наготе» (*Соревн.* 1822. Ч. 19, № 7. С. 25—26, 30—31; П. в критике, I. С. 111—113). Н. Д. Иванчин-Писарев вспоминал: «В 1828 году я часто встречался с Пушкиным и однажды предложил ему вписать что-нибудь из своих стихов в мой альбом. Он при мне же вписал известные стихи „Муза“. На мой вопрос: отчего эти пришли ему на память прежде всяких других? — „Я их люблю, — отвечал Пушкин, — они отзываются стихами Батюшкова“» (*Москв.* 1842. № 3. С. 147; *Барсуков Н. П.* Альбом автографов Н. Д. Иванчина-Писарева. С. 482). При жизни Пушкина стихотворение было положено на музыку А. Н. Верстовским (см.: *Пушкин в романах и песнях его современников (с 1816 по 1837 г.)*. М., 1936. С. 184—197 и 220, примеч. В. Киселева и С. Попова).

Ст. 1. *В младенчестве моем она меня любила...* — Этот мотив прозвучал у Пушкина еще в лицейском послании «Батюшкову» (1815):

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но музам не сучал.

(Наст. изд., т. 1, с. 105)

См. также в поздней редакции лицейского послания «К Дельвигу» (копия в тетради Всеволожского, 1819 г.):

О милый друг, и мне богини песнопенья
 Еще в младенческую грудь
 Влияли искру вдохновенья,
 Украсив розами поэта первый путь.
 (Наст. изд., т. 1, с. 265, 401)

Ст. 2. *Цевница* — свирель, флейта. *Цевница* или свирель — образ, стилистически объединяющий характеристику первых поэтических опытов, — присутствует у Пушкина также в стихотворениях «К Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821) и «Наперсница волшебной старины...» (1821—1822) (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 529).

Ст. 9. *Прилежно я внимал урокам девы тайной...* — См. эпитет «тайный» применительно к музе в стихотворениях К. Н. Батюшкова: «С ним муза тайная живет во всех местах...» («Послание И. М. М(уравьеву)-А(постолу)», между июлем 1814 г. и 24 мая 1815 г.); «...в сей тайной сени муз...» («Беседка муз», 1817) (Батюшков. Соч. 1934. С. 127, 169). В 1825 г., готовя к печати лицейское послание «К Дельвигу» (см. выше), Пушкин в копии тетради Всеволожского исправил стих «Украсив розами поэта первый путь» на «И тайный указали путь» (см. наст. изд., т. 1, с. 265, 401).

«Я ПЕРЕЖИЛ СВОИ ЖЕЛАНЬЯ...»

(С. 18 и 183)

Автографы:

1) Тетр. ПД 833, л. 3—3 об. — белой, с двумя слоями разновременной правки, под заглавием: «Элегия», с вписанным подзаголовком: «(из поэмы: Кавказ)», с пометой под текстом: «Каменка 22 февр(аля). / 1821». Напечатано: Анн. Т. 2. С. 311 (подзаголовок, дата, ст. 5—8); Якушкин. № 5. С. 339 (заглавие и дата); Майков. Материалы. С. 87 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 831, л. 13 — сокращенная запись ст. 1—8 на полях «Кавказского пленника», куда Пушкин предполагал включить эти стихи (после ст. 55 второй песни поэмы). Напечатано: Якушкин. № 4. С. 89; точнее: Акад. Т. 4. С. 357 (в виде вариантов к «Кавказскому пленнику»; публ. С. М. Бонди). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), обозначенный как «Элегия X», с датой: «(1821)», исправленной из первоначальной: «(1822)», утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 580 (заглавие и дата); Майков. Материалы. С. 87 (указание, что «текст вполне согласен с текстом изданий 1826 и 1829 гг.»); Томашевский. Новые материалы. С. 852 (разночтение, отмеченное П. А. Ефремовым на принадлежавшем ему экземпляре Анн).

Копии:

1) На листах из тетр. неустановленного происхождения (Неизв), без строфического деления.

2) Тетр. Щербакова (Щер) — под № 7 в разделе «Элегии», без строфического деления.

3) Ф. Ф. Вигеля из архива Тургеневых (ПД, ф. 244, оп. 4, № 61) (Тург) — под заглавием: «Элегия», на одном листе с копиями стихотворений «Наполеон» (текст первой редакции под заглавием: «Ода») и «Песнь о вещем Олеге»; лист голубой бумаги большого почтового формата, с водяным знаком, с золотым обрезом; после заполнения был сложен вчетверо (для вложения в конверт), с карантинными проколами. Копия была послана Вигелем А. И. Тургеневу в конце октября—начале ноября 1823 г. (см. примеч. к стихотворению «Наполеон» — наст. т., с. 643—644). Дает текст, соответствующий тексту первой публикации и, по-видимому, прямо восходит к неизвестному нам автографу.

Вошло в список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1821») — в записи: «Я пережил» (см.: Рукою П. 1997. С. 212). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: НЛ 1823. Ч. 6, № 48. С. 144, под заглавием: «Элегия». Вошло в Ст 1826. С. 14 (отдел «Элегии», с обозначением в оглавлении: «(Я пережил мои желанья)» и датой в оглавлении: «1821») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 107 (отдел стихотворений 1821 г.), без изменений в тексте, с незначительным пунктуационным отличием в ст. 8 (восклицательный знак на конце заменен вопросительным). Перепечатано: Собрание новых русских стихотворений, вышедших в свет с 1823 по 1825 год, служащее дополнением к Собранию образцовых русских сочинений и переводов. СПб., 1826. Ч. 2. С. 279.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 22 февраля 1821 г. по помете под текстом белого автографа в тетради ПД 833.

Среди исследователей преобладает точка зрения, что элегия явилась переработкой восьми стихов, сокращенно записанных на полях белой рукописи «Кавказского пленника» в тетради ПД 831 как дополнение к лирическому монологу героя поэмы. Наиболее развернутую аргументацию эта точка зрения получила в работе С. Д. Селивановой, опирающейся на неизданный комментарий С. М. Бонди к «Кавказскому пленнику». Первый черновой набросок ст. 1—8, по мнению С. Д. Селивановой, был записан среди черновых вариантов «Кавказского пленника» на не сохранившемся листе, вырезанном из ПД 831 перед л. 12. Перебеляя монолог пленника, Пушкин отказался от мысли включить в него данные стихи, затем опять вернулся к этому намерению и, наконец, снова отверг его. Тогда и появился белой автограф элегии в качестве самостоятельного стихотворения в тетради ПД 833 (Селиванова С. Д. Над пушкинскими рукописями. М., 1980. С. 72—79). Эта версия не может быть принята, равно как и предполагаемая ею хронологическая иерархия автографов. Сам факт существования вырванных Пушкиными листов и не сохранившихся записей в ПД 831 перед л. 12 ничем не подтверждается, а белая рукопись «Кавказского пленника» нигде не перебивается черновиками. Сокращенная запись восьми стихов на полях поэмы предполагает отсылку к некоторому уже прочно закрепленному в другом месте тексту. Подзаголовок «(из поэмы: Кавказ)» (а не «Кавказский пленник») в автографе тетради ПД 833 скорее указывает на связь элегии с черновой, а не с белой рукописью первой южной поэмы Пушкина. Хотя в дошедших до нас черновиках поэмы соответствующие стихи отсутствуют, можно с большой долей вероятности предполагать, что элегия возникла как обработка лирико-психологического материала черновой рукописи, исключенного в ходе работы из

текста поэмы, и была записана в тетрадь ПД 833. Намерение использовать ее текст в монологе Пленника возникло у Пушкина позднее (именно такая последовательность записей была предложена В. Н. Стефанович, см.: *Стефанович В. Н.* Из истории «Кавказского пленника» Пушкина // *Творческая история : Исследования по русской литературе.* М., 1927. С. 27—28). Некоторые особенности краткой записи на полях «Кавказского пленника» также свидетельствуют в пользу ее более позднего, чем автограф в тетради ПД 833, происхождения. Пушкин очевидным образом приспособливает текст элегии к поэме, усиливая лирическую персонификацию: «мой желанья» вместо «свои желанья» в первом стихе, «мне одни страданья» вместо «хладные страданья» — в третьем. Именно эти два стиха, измененные по сравнению с автографом элегии в тетради ПД 833, записаны на полях поэмы почти полностью, в то время как другие только обозначены. Отказавшись от включения элегии в текст поэмы, Пушкин исправил ст. 3 в автографе ПД 833 в соответствии с его вариантом, записанным на полях «Кавказского пленника». Однако еще до того, как было сделано это исправление, элегия получила некоторое распространение, о чем свидетельствуют копии Неизв и Щер, восходящие к более раннему варианту текста. В беловом автографе «Кавказского пленника» в тетради ПД 831 намеченное Пушкиным дополнение на полях вычеркнуто не было, но не вошло во вторую беловую рукопись поэмы (ПД 46), предположительно датируемую летом (около июля) 1821 г. (по всей видимости именно о ней идет речь в письме Пушкина к Н. И. Гнедичу от 21 сентября 1821 г. — *Акад. Т. 13.* С. 32—33; подробнее см.: *Пушкин. Поэмы и повести 2007.* С. 165—166, 2-я паг., коммент. О. А. Проскурина).

Сразу после публикации элегия была переведена на французский язык Ф. Ф. Кокошкиным. Этот перевод А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому в письме от 4 апреля 1824 г. (см.: *ОА. Т. 3.* С. 29—30). При жизни Пушкина появились две музыкальные обработки стихотворения: романс неизвестного композитора «Юлии. Мои думы» (СПб., 1831; с указанием на титуле, что написан в 1827 г.; на текст журнальной публикации) и романс Н. С. Титова (в издании: *Два романса. Слова А. Пушкина. Музыка Н. С. Титова.* М., 1834; вместе с романсом «Что в имени тебе моем»; на текст Ст 1826 и Ст 1829). Стихотворение пользовалось популярностью; при жизни Пушкина многократно перепечатывалось в песенниках (см.: П. в печати, по указ.).

Ст. 9—12. *Так поздним хладом пораженный ~ Трепещет запоздалый лист.* — Сравнение человека с опавшим листом, восходящее к Библии (Иов 13: 25), популярно в преромантической литературе и элегической поэзии начала XIX в. См., например, неоднократно переводившееся в России стихотворение А.-В. Арно (Arnaut; 1766—1834) «Листок» («La Feuille», 1815) и элегию Ш.-Ю. Мильвуа (Millevoüe; 1782—1816) «Падение листьев» («La Chute des Feuilles», 1811). Французские тексты и русские переводы см.: *Франц. элегия.* С. 236—237, 472—473, 238—245, 474—478; также с. 640, коммент. В. Э. Вацууро, В. А. Мильчиной). Именно с этой поэтической традицией связывалось в сознании современников пушкинское стихотворение. Так, А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому дал ему заглавие «Запоздалый лист».

Другие редакции и варианты

Варианты белого автографа. Ст. 4. *Плоды душевной пустоты*. — Цитата из «Послания к А. А. Плещееву» (1794) Н. М. Карамзина (см.: Виноградов. Стиль П. С. 395):

Тогда пустынною явятся
Химеры, адские мечты,
Плоды душевной пустоты!

(Карамзин Н. М. Полн. собр.
стихотворений. М.; Л., 1966.
С. 143 (Б-ка поэта; Большая сер.)

КОКЕТКЕ

(«Послушайте: вам тридцать лет...»)

(С. 19 и 184)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 46 об.— 47 об. (Ав₁) — белой ст. 1—40 первой редакции, с правкой и черновым окончанием (ст. 41—44), под заглавием: «К Аглае». Напечатано: Анн. Т. 7. С. 27—29, 1-я паг. (ст. 1—40 по верхнему слою автографа, с неверным чтением ст. 13, пропуском ст. 35—36 и без учета перестановки ст. 37—38; с интерполяцией в текст чтений второго белого автографа (Ав₂) — ст. 31 и ст. 41—44); Майков. Материалы. С. 89—90 (публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. ПД 833, л. 24—25 (Ав₂) — белой; текст первой редакции с правкой, дающей вторую редакцию, под заглавием: «Кокетке», с пометой у заглавия: «(18)22». Напечатано: Анн. Т. 7. С. 27—29 (ст. 31, 41—44 в составе текста Ав₁); Якушкин. № 5. С. 342 (ст. 35—36 первой редакции); Майков. Материалы. С. 87—88 (публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3. Впервые: Анн. Т. 7. С. 27—29, 1-я паг.

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается по автографу Ав₂.

Датируется предположительно декабрем 1820—мартом 1821 г. по положению белого автографа Ав₁ в тетради ПД 830. Автограф, по-видимому, принадлежит к первым записям, сделанным в тетради после записи на л. 39 об. окончательного плана «Кавказского пленника» и прекращения систематической работы над черновиком поэмы, что, по убедительному предположению В. Д. Рака, произошло в Каменке, во второй половине ноября—первых числах декабря 1820 г. (см.: Рак В. Д. Пушкин на подступах к поэме «Кавказ» и в работе над нею // Рак 2003. С. 154—159; Рак. Записная книжка ПД 830. С. 29—32). Нижняя граница датировки определяется положением в тетради черного автографа стихотворения «Кинжал». «Кинжал» предположительно датируется мартом 1821 г. (см. подробнее наст. т., с. 574—575). Основной черновик «Кинжала» расположен на л. 45 об.—46, работа над продолжением стихотворения велась на свободном месте в конце тетради (л. 64), что, вероятнее всего, объясняется тем, что листы, следующие за л. 46, уже были заняты белым автографом послания «К Аглае».

Доработка первой редакции послания, связанная с добавлением ст. 41—44, датируется второй половиной 1822—1823 г. Черновой автограф этих стихов расположен в нижней трети л. 47 об. под наброском четырех стихов, вошедших в текст поэмы «Бахчисарайский фонтан» (ст. 149—152). В окончательном тексте «Бахчисарайского фонтана» ст. 149—152 относятся к портрету Заремы, над которым Пушкин работал, видимо, уже после создания чернового автографа поэмы в тетради ПД 832, датирующегося предположительно маем—июнем 1822 г. (см.: Пушкин. Поэмы и повести 2007. С. 256—259, коммент. О. А. Проскурина). Скорее всего, доработка первой редакции одновременна с беловым автографом Ав₂ в тетради ПД 833. Ав₂ датируется второй половиной сентября—октябрем (до 26-го) 1823 г.: непосредственно перед ним в тетради ПД 833 на л. 21—23 об. находится беловой автограф стихотворения «Наполеон» (см. его датировку — наст. т., с. 643—644), после него, на л. 26 — беловой автограф стихотворения «Ночь» с пометой перед текстом: «26 окт(ября) Одесса». Правка по тексту первой редакции в Ав₂, давшая вторую редакцию стихотворения, может относиться к более позднему времени.

В Генн. 1859, Генн. 1869—71, Ефр. 1880 и Ефр. 1882 стихотворение печаталось по тексту Анн. В Мор. 1887, Ефр. 1887, Мор. 1903—06 и Ефр. 1903—05 печатался тот же текст, дополненный ст. 35—36 первой редакции по публикации В. Е. Якушкина (Якушкин. № 5. С. 342). В Венг. (Т. 2. С. 59) текст напечатан по верхнему слою белового автографа Ав₂, но в составе 44 стихов, т. е. с включением вычеркнутых в автографе ст. 1—4 и 29—36, хотя и обозначенных при публикации как зачеркнутые (также допущены ошибки в ст. 2 и 27, ст. 23 напечатан по тексту предшествующих изданий в чтении Ав₁). Л. Н. Майковым (Майков. Материалы. С. 87—90) было указано на существование двух разных редакций стихотворения, после чего В. Е. Якушкин в корпусе АН 1900—29 (Т. 3. С. 58—59) и М. А. Цявловский в КН (Т. 1. С. 230—231), ГИХЛ 1931 (Т. 1. С. 319) и ГИХЛ 1934 (Т. 1. С. 331—332) поместили вторую редакцию стихотворения в составе 32 стихов (в АН 1900—29 с неточностями в ряде стихов; в КН, ГИХЛ 1931 и ГИХЛ 1934 без учета последней незавершенной правки в ст. 16 (ст. 20 первой редакции)). Начиная с ГИХЛ 1935 М. А. Цявловский вернулся к решению Венг., дав текст по верхнему слою Ав₂, но в составе 44 стихов (ст. 1—4 и 29—36 обозначены как зачеркнутые; последний слой правки в ст. 20, как и в предшествующих изданиях, не учтен). Эта очевидная контаминация двух редакций стихотворения, принятая и Т. Г. Зенгер (Цявловской) в Акад., не представляется оправданной.

По мнению П. И. Бартенева (РА. 1866. № 8—9. Стб. 1137; то же: Бартенев. П. в южной России. С. 67; Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 168), традиционно принимавшемуся позднейшими исследователями, стихотворение адресовано Аглае Антоновне Давыдовой (урожд. герцогиня де Граммон; 1787—1842), жене Александра Львовича Давыдова (1773—1833), сводного брата генерала Н. Н. Раевского и двоюродного брата Д. В. Давыдова. Д. В. Давыдов во время своего пребывания в имении Давыдовых Каменке между 1809 и 1811 гг. был увлечен Аглаей Давыдовой. Он посвятил ей стихотворение «Если б боги милосердия...». В. Д. Давыдов в биографическом очерке об отце писал: «Эта женщина, весьма хорошенькая, ветреная и кокетливая, как истая француженка, искала в шуме развлечений средство не умереть со скуки в варварской России, но так ее полюбила со временем, что с горестию возвращалась во Францию. Зато она в Каменке была магнитом, при-

влекающим к себе всех железных деятелей славного Александровского времени. От главнокомандующих до корнетов, все жило и ликовало в селе Каменке, но главное, умирало у ног прелестной Аглаи» (РС. 1872. № 4. С. 632). Пушкин познакомился с Аглаей Давыдовой в Каменке, куда приехал из Кишинева между 18 и 22 ноября 1820 г. (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 222), в ноябре 1820—феврале 1821 г. общался с ней в Каменке и Киеве и, по-видимому, пережил недолгое увлечение ею. Имя Давыдовой есть в перечне женских имен в «донжуанском списке» Пушкина («Аглая» с пометой рядом рукой П. С. Киселева (?): «Давыдова в Каменке») (см.: Рукою П. 1997. С. 265, 268; факсимильное воспроизведение: Ушаковский альбом. С. 90).

Стихотворение ориентировано на французскую гривуазную поэзию XVIII в. Были отмечены некоторые частные переключки с анонимной эпиграммой «Моей первой любовнице» («A ma première maîtresse») (подпись: «D***»; в первой публикации в «Mercure de France» (1780. 20 mai) подпись: «Par M. D***, Avocat au Parlement de Rennes»):

Pourquoi m'appelez-vous infidèle, volage?
 Nous ne pouvions nous aimer bien longtemps:
 Vous avez plus de quarante ans;
 Moi je n'ai pas encore la moitié de votre âge.
 Je promis autrefois de ne changer jamais;
 Vous jurâtes aussi d'être toujours la même.
 Vous laissez par le temps moissonner vos attraits,
 Et vous voulez que je vous aime!
 Je ne vois plus en vous la belle que j'aimais...
 Quelle métamorphose étrange!
 Vos yeux mornes n'ont plus ce feu que j'admirais:
 Donc c'est vous qui changez, ce n'est pas moi qui change.

⟨Почему вы зовете меня неверным, ветреным? Мы не могли бы любить друг друга очень долго: вам больше сорока, я не достиг и середины вашего возраста. Я обещал когда-то постоянство; но и вы поклялись не меняться. Однако вы позволили времени похитить ваши прелести, и вы хотите, чтоб я продолжал любить вас! Я не вижу в вас больше той красавицы, которую любил... Какое странное превращение! В ваших потускневших глазах нет более того огня, что восхищал меня: что ж, это вы — изменница, я не меняюсь. — *фр.*⟩ (Almanach des muses, ou Choix des poésies fugitives de 1781. Paris, 1782. P. 8; Anthologie française, ou Choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes... Paris, 1816. T. 2. P. 352 (книга имела в личной библиотеке Пушкина — Библиотека П. № 546); см.: Дмитриева Н. Л. Пушкинские эпиграммы «на Аглаю» и жанр французской гривуазной эпиграммы // ПИМ. СПб., 2003. Т. 16—17. С. 128).

Ст. 27. Вы — старшей дочери своей... — У А. А. Давыдовой было две дочери — Екатерина (1806—1882), воспитанница Екатерининского института, и Адель (1810 — после 1882), которой посвящено стихотворение Пушкина «Адели» (см. ниже примеч. к нему).

Другие редакции и варианты

Первая редакция. Ст. 1—2. *И вы поверить мне могли, Как семилетняя Аньеса?* — При переработке стихотворения Пушкин, прежде чем вычеркнуть ст. 1—4 первой редакции, исправил ст. 2: «Как простодушная Аньеса» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 187). Аньеса — персонаж комедии Мольера «Школа жен» («L'Ecole des femmes», 1662), тип наивной, простодушной девушки.

АДЕЛИ

(«Играй, Адель...»)

(С. 20 и 188)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 8 об. — белой, с поправками, под заглавием: «К Аделе». Напечатано: Майков. Материалы. С. 166 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова).

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) — в записи: «Аделе (а не: В альбом малютке)» (перечень стихотворений отдела «Смесь»). Напечатано: Майков. Автографы П. С. 517. Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Впервые: ПЗ 1824. С. 60, под заглавием: «В альбом малютке». Вошло в Ст 1826. С. 70 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1822»), под заглавием: «Адели», и в Ст 1829. Ч. 1. С. 151—152 (отдел стихотворений 1822 г.), с незначительными пунктуационными отличиями (сняты восклицательные знаки в ст. 2 и 17). Перепечатано: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. Иждивением московского купца Осипа Иванова Хрусталева. М., 1831. Ч. 3. С. 82—83.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно декабрем 1820—мартом 1821 г. (см. ниже).

Традиционно стихотворение датировалось 1822 г., согласно указанию Пушкина в Ст 1826 и Ст 1829. Этой датировке противоречит положение белого автографа среди текстов 1821 г. в тетради ПД 833, заполнявшейся на этом этапе последовательно. На необходимость передатировки стихотворения было указано Р. В. Иезуитовой (см.: Летопись 1991. С. 269; *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 : (История заполнения) // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 246), однако предложенная исследовательницей дата «12 апреля 1821 г.» вряд ли может быть принята. Даже если согласиться с наблюдениями Р. В. Иезуитовой, что автограф «Адели» на л. 8 об. записан в тетрадь одновременно (тем же почерком и теми же чернилами) с белым автографом стихотворения «Христос воскрес» («Христос воскрес, моя Реввека...») на л. 8 с датой под текстом: «12 апр(еля)», речь может идти только о времени записи автографа в тетрадь, куда Пушкиным наряду с только что написанными вносились и более ранние произведения.

Еще П. В. Анненков указал, что стихотворение «напоминает одно лицо из семейства деревни Каменки, где некоторое время проживал Пушкин» (Анн. Т. 2.

С. 338). По свидетельствам П. А. Плетнева (см.: Герб. С. 150, 1-я паг.) и А. О. Смирновой-Россет (см.: *Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 189* (Сер. «Литературные памятники»)), стихотворение посвящено Адели Давыдовой (1810—после 1882), дочери Аглаи Антоновны и Александра Львовича Давыдовых (см. о них в примеч. к стихотворениям «Кокетке» и «Давыдову» («Нельзя, мой толстый Аристип...»)) — наст. т., с. 551—552 и 793—794). И. Д. Якушкин, вспоминая о своем пребывании в Каменке, писал, что у Аглаи Давыдовой «была премиленькая дочь, девочка лет 12. Пушкин вообразил себе, что он в нее влюблен, беспрестанно на нее заглядывался и, подходя к ней, шутил с ней очень неловко. Однажды за обедом он сидел возле меня и, раскрасневшись, смотрел так ужасно на хорошенькую девочку, что она, бедная, не знала, что делать, и готова была заплакать; мне стало ее жалко, и я сказал Пушкину вполголоса: „Посмотрите, что вы делаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бедное дитя“. — „Я хочу наказать кокетку, — отвечал он, — прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочет взглянуть на меня“. С большим трудом удалось мне обратить все это в шутку и заставить его улыбнуться» (П. в восп. Т. 1. С. 363—364). П. И. Бартнев также называл адресатом стихотворения Адель Давыдову, ссылаясь на «общее предание», хотя и отметил, что «в Крыму живет семейство, приписывающее стихи одному из своих членов» (Бартнев. П. в южной России. С. 161; *Бартнев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 225*). Имя Адели Давыдовой как адресата стихотворения позволяет предположительно датировать его декабрем 1820—мартом 1821 г., временем общения Пушкина с семейством Давыдовых в их имении Каменке и в Киеве.

Высказывавшееся в печати мнение, что адресатом стихотворения является княжна Александра Петровна Хованская, побочная дочь В. А. Всеволожского, которую Пушкин мог видеть в Петербурге в доме Всеволожских (см.: *Казанцев П. М. Пушкин и Всеволожские // Врем. ПК 1980. Л., 1983. С. 98—101*), основано на неверном понимании дневниковой записи М. П. Погодина от 2 июня 1826 г. («Чит(ал) стихи Пушкина Агр(афене) Ив(ановне Трубецкой), когда списывали с нее портрет, между прочим к Адели. Это наша Сашенька, сказала она. — За обедом А(лександра) И(вановна) была в самом деле Аделью, в белом платье» — см.: Пушкин по документам Погодинского архива / Публ. М. А. Цявловского // *ПиС. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 72*), где речь идет не об адресате стихотворения, а лишь о сходстве с пушкинской Аделью и имеется в виду не А. П. Хованская, а А. И. Трубецкая.

Еще при жизни А. Л. Давыдова Адель уехала с матерью в Париж, приняла католичество и постриглась в монахини. А. О. Смирнова-Россет, цитируя в своих воспоминаниях пушкинское стихотворение, замечает: «Хороши же были лучшие годы цветущей Адели за решеткой в монастыре. (...) Эта Адель была потом в парижском Sacré-cœur: вздумала сделаться игуменьей и, наконец, к великому скандалу благородного Faubourg St.-Germain (Сен-Жерменского предместья — *фр.*), бросила le froc aux ordures (монашество; букв.: забросила рясу в крапиву — *фр.*) и теперь неизвестно где живет с двоюродной сестрой Кити Кудашевой» (*Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 189*).

По предположению С. А. Венгерова (Венг. Т. 2. С. 602), заглавие в автографе и запись в Кап свидетельствуют, что заглавие первой публикации «В альбом малютке» не являлось авторским. До публикации стихотворение распространялось в списках, что следует, в частности, из письма К. Ф. Рыльева к В. И. Туманскому в Одессу от 3 октября 1823 г.: «Просим позволения у Пушкина напечатать Турецкую

песню и маленькую пиеску к малютке, которые здесь ходят по рукам» (Рылев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 473).

Ст. 3—4. *Хариты, Лель Тебя венчали...* — Лель в конце XVIII—начале XIX в. считался славянским языческим богом любви (см., например: Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804. С. 12, 18, 70—72); хариты — в греческой мифологии богини радости, красоты, вечной юности.

«ГОРИШЬ ЛИ ТЫ, ЛАМПАДА НАША...»

(С. 21 и 189)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 60—60 об. — черновой неполного текста (начало находилось, по всей вероятности, на вырванном из тетради листе, предшествовавшем л. 60). Напечатано: Мор. 1887. Т. 7. С. 40—41 (отдельные варианты в примеч. к письму Пушкина Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г.); Мор. 1903—06. Т. 8. С. 427—428 (ст. 4—29 в примеч. к письму Пушкина к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г.). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. ПД 831, л. 48 об., 49 — черновой набросков к доработке стихотворения. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 101—102. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

3) ПД 1265 — белой, в письме Пушкина к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г., с опiskой в ст. 10 («В изгнаныи скучным» вместо: «В изгнаныи скучном»). На л. 2 об. (страница с адресом) поправка к ст. 26 (сделана после того, как письмо было сложено и запечатано). Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 187 (по копии, снятой с копии в ТЖ (см. ниже, с. 559—560); с цензурным пропуском ст. 15—20 и без учета поправки в ст. 26). Воспроизведение л. 1—2: Левичева. С. 247—248.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 187, с цензурным пропуском ст. 15—20; цензурная купюра восстановлена: Совр. 1857. № 4. Отд. V. С. 265 (публ. М. Н. Лонгинова по копии Я. Н. Толстого с письма Пушкина, сообщенной Я. Н. Толстым М. Н. Лонгинову при письме от 1 / 13 ноября 1856 г. из Парижа (см. ниже, с. 559—560)). Поправка в ст. 26 впервые учтена: Акад. Т. 2. С. 264 (публ. С. М. Бонди).

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855. С. 187; Генн. 1859. Т. 1.

Печатается по беловому автографу с исправлением описки в ст. 10 и учетом поправки в ст. 26.

Датируется первый черновой автограф предположительно январем—серединой февраля 1821 г. До и после него в тетради ПД 830 находятся записи, относящиеся к работе над поэмой «Кавказский пленник»: на л. 59 об. черновой автограф ст. 256—263 первой песни поэмы, на л. 62 об.—63 черновой автограф ст. 286—301 второй части. Оба этих фрагмента «Кавказского пленника» записаны уже по окончании систематической работы над черновым текстом поэмы в тетради ПД 830 (вторая половина декабря 1820—первая половина января 1821 г.; см.: Рак. Записная книжка ПД 830. С. 29—32), во время ее доработки и переделки в тетрадь ПД 831 (их белой текст расположен здесь соответственно на л. 9 и л. 17 об.—18), завершённой

23 февраля 1821 г. (дата под текстом поэмы на л. 18 тетради ПД 831). Сам характер записей, пера и чернил на л. 59 об.—63 тетради ПД 830 позволяет с достаточной долей вероятности утверждать их временную близость. Доработка стихотворения в тетради ПД 831 (л. 48 об., 49) датируется временем после 24 августа 1821 г. («24 авг⟨уста⟩ в ночь» — помета у чернового автографа элегии «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» на л. 47 об. тетради, заполнявшейся до этого достаточно последовательно). Между л. 48 и 49 из тетради вырван один лист (48а), однако маловероятно, что он также был занят черновым автографом стихотворения (см.: Раб. тетр. Т. 1: Описание. С. 71). Во всяком случае сохранившиеся на корешке обрывки слов (на лицевой стороне: «в боя⟨ ⟩» / «Пром⟨ ⟩⟨?⟩» / «с др⟨ ⟩»; на обороте: «он») не имеют соответствий в известном тексте стихотворения. Скорее всего, л. 48а был вырван из тетради раньше и записи с л. 48 об. непосредственно перешли на л. 49. Они носят характер фрагментарных изменений и дополнений к уже сложившемуся в целом тексту, в части своей обозначенному в автографе первыми словами стихотворных строк. Окончательный текст стихотворения, сообщенный Пушкиным в письме к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г., может быть датирован только достаточно широко: сентябрем 1821—сентябрем (до 26) 1822 г.

С. М. Бонди, основываясь на сопоставлении черновых автографов с окончательным текстом, высказал предположение о существовании первоначальной, «распространенной» редакции стихотворения и предложил ее гипотетическую реконструкцию в составе 89 стихов (см.: Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе» // П. Врем. [Т.] 1. С. 33—52). Этот гипотетический текст первоначальной редакции с незначительными изменениями был затем повторен в разделе «Другие редакции и варианты» Акад. (Т. 2. С. 774—776); на заседании Пушкинской комиссии в Москве 29 ноября 1934 г., где обсуждался доклад С. М. Бонди «Неосуществленное послание Пушкина к „Зеленой лампе“», в поддержку предложенной реконструкции однозначно высказался М. А. Цявловский, против ее включения в состав Акад., как гипотетичной и произвольной, был Д. Д. Благой (см.: Протокол № 4 заседания Пушкинской комиссии от 29 ноября 1834 г. — СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1 (1934), № 9, л. 47; на этом заседании обсуждался вариант реконструкции, по-видимому, несколько отличающийся от окончательного, — в составе 83 стихов). Предложенный С. М. Бонди текст первоначальной редакции получен путем достаточно механического соединения текстов известных нам автографов. Начало (ст. 1—12: «...до меня доходит ~ И разлетелися утечи») печатается по второму черновому автографу в тетради ПД 831 (не вполне точно и без учета последнего слоя поправок). Далее реконструкция следует намеченному во втором черновом автографе порядку стихов, записанные сокращенно строки раскрываются по беловому автографу. Таким образом ст. 13—16 реконструкции («В изгнании скучном каждый час ~ Воображаю, вижу вас») соответствуют ст. 10—13 белового автографа, ст. 17—25 реконструкции («Горишь ли ты, лампада наша ~ Свободы, лени и безделья?») — ст. 1—9 белового автографа. Ст. 26—37 реконструированного текста («Вот он, приют гостеприимный ~ От искр и шуток и вина») соответствуют ст. 14—25 белового автографа; ст. 38—57 («Разлуки долгой и тяжелой ~ Непостоянный обожатель») даются по тексту первого чернового автографа в тетради ПД 830 (со ст. 10). Далее (ст. 58—69: «И я любил их остроту ~ Пред Мельпоменой и Моинной») в текст реконструкции интерполирован черновой автограф послания «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...»), расположенный на л. 61—61 об.

тетради ПД 830, который С. М. Бонди объединил с черновым автографом стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...». Ст. 70—73 реконструированного текста («Услышу ль я, мои поэты ~ Желай мне здравия, калмык») соответствуют ст. 6—9 первого чернового автографа. Окончание (ст. 74—89) представляет собой черновой набросок «В кругу семей, в пирах счаст(ливых) (?)...», записанный в тетради ПД 830 отдельно, на л. 64 об.—65 (см. его текст — наст. т., с. 108). Б. В. Томашевский отмечал, что стихотворение, писавшееся в 1821 г., вероятно, было «тогда же брошено неоконченным и недоработанным» (Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 400). Тем не менее он поддержал идею реконструкции первоначального текста, предложив несколько иной, чем у С. М. Бонди, ее вариант: открывает ее (ст. 1—16) набросок «В кругу семей, в пирах счаст(ливых) (?)...»; ст. 17—28 («...до меня доходят ~ И разлетелися утехи») печатаются по второму черновому автографу в тетради ПД 831; ст. 29—32 («В изгнании скучном каждый час ~ Воображаю, вижу вас») соответствуют ст. 10—13 белого автографа; ст. 33—36 («Горишь ли ты, лампада наша ~ Свободы, лени и безделья?») — ст. 1—4 белого автографа (ст. 5—9 белого автографа Томашевский в отличие от Бонди в реконструкцию не включил); ст. 37—43 («Где ты, приют гостеприимный ~ Садилось милое равенство») соответствуют ст. 14—20 белого автографа (с произвольным изменением первого стиха, в белом автографе читающегося: «Вот он, приют гостеприимный»); ст. 44—84 («Где своенравный произвол ~ Пред Мельпоменой и Моинной») дают полный текст первого чернового автографа в тетради ПД 830 и присоединенный к нему текст чернового автографа послания «К(атени)ну»; далее (ст. 85—102: «Вот храм парнасских трех царей ~ И ей порфиру возвратит») Томашевский включил в свою реконструкцию черновой набросок, непосредственно примыкающий в тетради ПД 830 к черновому автографу послания «К(атени)ну», но в Акад. (Т. 2. С. 175, 648—650) напечатанный С. М. Бонди отдельно как самостоятельное стихотворение «Все так же (ль) осеняют своды...» (см. также наст. т., с. 114 и примеч. к этому стихотворению на с. 833). Реконструированный текст в составе 102 стихов при этом печатался Томашевским в основном корпусе, а не в разделе «Из ранних редакций», т. е. как самостоятельный относительно стихотворения из письма к Я. Н. Толстому «Горишь ли ты, лампада наша...» (см.: Пушкин 1955. С. 121—123; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 28—31). Еще один вариант предположительной реконструкции первой редакции стихотворения см.: *Фомичев С. А.* Записная книжка Пушкина ПД 830 : (История заполнения: л. 43—66 об.) // ПИМ. СПб., 2003. Т. 16—17. С. 54—55.

Ни одна из реконструкций первой редакции стихотворения, основанная на произвольной контаминации черновых и белого автографов, не может быть, однако, признана корректной и претендовать на включение ни в корпус пушкинских текстов, ни даже в раздел «Другие редакции и варианты». Имеющиеся в нашем распоряжении рукописи в принципе не дают оснований утверждать, что вообще существовала какая-либо отличная от окончательной «редакция» стихотворения (т. е. завершённый в целом и перебранный текст, подвергшийся потом переработке). О первоначальном пушкинском замысле мы можем судить только по двум разновременным черновым автографам, тексты которых прямо не соотносятся между собой. Так, например, к моменту появления второго чернового автографа в тетради ПД 831 ст. 17 («Недавний рекрут Гименя») первого чернового автографа был в несколько изменённом виде перенесен в послание «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...») и не может быть использован в предлагаемых реконструкциях. Неоправдан-

ным представляется и введение в текст реконструкций черного автографа послания «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») и набросков «Все так же осеняют своды...» и «В кругу семей, в пирах счаст(ливых)⟨?⟩...». В работе над стихотворением «Кто мне пришлет ее портрет...» (л. 61 — 61 об.), которое представляет собой по сути не столько послание к П. А. Катенину, сколько стихотворение, посвященное актрисе А. М. Колосовой, Пушкин, действительно, непосредственно оттакаивался от последних стихов черновика стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...», записанных внизу л. 60 об., впрочем не сложившихся, не получивших развития и в рукописи зачеркнутых. Автограф стихотворения «Все так же осеняют своды...», посвященного актрисе Е. С. Семеновой (л. 61 об.—62), отделен от последних стихов черного автографа стихотворения «Кто мне пришлет ее портрет...» только небольшим горизонтальным штрихом. Стихотворение «Все так же осеняют своды...» впервые было напечатано С. М. Бонди в 1931 г. как самостоятельный текст, извлеченный из пушкинских черновых рукописей (см.: Бонди С. М. Стихи об актрисе Семеновой // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина : Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 34—46, 206—207). Позднее Бонди высказал предположение, что «отрывок об актрисе Семеновой» мог входить в текст первой редакции стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...», однако в реконструкцию его все же не включил, заметив, что трудно «найти точное место в „послании“, где должен был находиться этот несколько обособленный эпизод» (Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе». С. 49, 50). Записи на л. 60—62 несомненно близки по времени. Они смотрятся единым текстовым массивом, но таковым не являются. Во-первых, автограф стихотворения «Кто мне пришлет ее портрет...» отделен от автографа стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...» наброском «Я не люблю твоей Кори(нны)...», расположенным в верхней половине л. 61. Во-вторых, ни стихи о Колосовой, ни стихи о Семеновой не выглядят органичным продолжением стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...», композиционно развивавшегося как последовательное обращение поэта к своим прежним друзьям по петербургскому кружку «Зеленая лампа». По всей вероятности, мы имеем здесь дело с новыми замыслами, возникшими, возможно, под влиянием театральной темы в стихотворном обращении к «лампистам». Набросок «В кругу семей, в пирах счаст(ливых)⟨?⟩...» еще П. О. Морозовым был дважды напечатан как относящийся к черновым вариантам послания «Горишь ли ты, лампада наша...» (Мор. 1903—06. Т. 8. С. 428; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 248). Это решение, однако, вряд ли может быть убедительно аргументировано. Набросок записан отдельно на л. 64 об.—65, карандашом, и любые указания на возможную связь его с автографом стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...» в рукописи отсутствуют. В настоящем издании печатается как самостоятельный текст.

Стихотворение обращено к петербургским товарищам Пушкина по литературно-театральному обществу «Зеленая лампа» — Н. В. и А. В. Всеволожским, Я. Н. Толстому, Ф. Ф. Юрьеву, Д. Н. Баркову, П. Б. Мансурову и др. О «Зеленой лампе» см. подробнее: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 39—68; Модзалевский Б. Л. К истории «Зеленой лампы» // Модзалевский. С. 9—66; Томашевский. Пушкин, I. С. 193—234; Быт пушкинского Петербурга : Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2003. [Т. 1]: А—К. С. 230—234 (статья И. С. Чистовой); также: наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 261—264. Предположение С. М. Бонди, что замысел послания связан с получением Пушкиным в 1821 г. какого-то известия от

Я. Н. Толстого, председателя «Зеленой лампы» (см. о нем — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 620—621), и, вероятно, даже его стихов (см.: *Бонди С. М.* Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе». С. 51), вряд ли может быть принято. Первое время пребывания на юге Пушкин, кажется, не поддерживал никаких контактов со своими приятелями-«лампистами». Это во всяком случае прямо следует из цитируемого ниже письма Пушкина к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. То же можно заключить и из более раннего письма к брату от 27 июля 1821 г., где идет речь о рукописи пушкинских стихотворений (так называемой Тетради Всеволожского; подробнее о ней см.: *Томашевский Б. В.* История Тетради Всеволожского // *Лет. ГЛМ.* С. 30—76; то же: наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 303—324), право на издание которой Пушкин перед отъездом из Петербурга «полу-продал, полу-проиграл» Н. В. Всеволожскому. К июлю 1821 г. Пушкин не знал о судьбе рукописи и, вполне допуская, что она может быть уже напечатана, просил брата повидаться со Всеволожским и взять некоторое число экземпляров издания. «Скажи ему, — прибавляя он в заключение, — что я люблю его, что он забыл меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, Лампу его — и всё елико друга моего. Поцелуй, если увидишь Юрьева и Мансурова — пожелай здравия калмыку — и напиши мне обо всем» (Акад. Т. 13. С. 31; V. C. P. — шампанское Вдова Клико Понсарден (*Veuve Cliquot Ponsardin*); что такое L. D. — неизвестно; Е. И. Овошникова — ученица балетной школы, предмет увлечения Н. В. Всеволожского). 24 января 1822 г. Пушкин жаловался брату: «Представь себе, что до моей пустыни не доходит ни один дружный голос — что друзья мои как нарочно решились оправдать элегическую мою мизантропию — и это состояние несносно» (Акад. Т. 13. С. 35). Первым известием от приятелей по «Зеленой лампе» для Пушкина стало письмо Я. Н. Толстого от июля 1822 г., дошедшее до Кишинева только к концу сентября (ключительная фраза ответного пушкинского письма от 26 сентября 1822 г.: «Письмо твое, писанное в июле, я получил только вчера»). Толстой сообщал Пушкину о желании князя А. Я. Лобанова-Ростовского перекупить у Н. В. Всеволожского тетрадь пушкинских стихотворений и издать их в Париже, а также писал о выходе в 1821 г. своего поэтического сборника «Мое праздное время», куда в числе прочего было включено и «Послание к А. С. Пушкину». Какие-то слухи о возможной перепродаже Всеволожским принадлежащей ему рукописи дошли до Кишинева уже раньше, видимо, через А. С. Пушкина (см. письмо Пушкина к нему от 4 сентября 1822 г. — Акад. Т. 13. С. 45). В ответном письме Толстому Пушкин подробно объяснял причины, побуждающие его медлить с изданием, и продолжал: «Покамест прими мои сердечные благодаренья — ты один из всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне кстати или некстати. Два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова...». (Далее следует текст стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...» — Акад. Т. 13. С. 47).

По поводу этого пушкинского письма его адресат, Я. Н. Толстой, писал 1/13 ноября 1856 г. М. Н. Лонгинову из Парижа: «Я сообщил его однажды в 1837-м году Жуковскому, который занимался тогда первым изданием стихотворений Пушкина; но мы решили, что его печатать было невозможно, потому что нужно было многое пояснить и те объяснения казались нам неудобными в тогдашнее время. Я не знаю, от кого г-н Анненков получил копию с этого письма; я его хранил как драгоценный *автограф*, единственный уцелевший из значительного числа писем ко мне Пушкина» (ПД, ф. 244, оп. 17, № 47, л. 1 об.; при письме Толстой посылал снятую

им копию с пушкинского письма (там же, л. 3—4); по этой копии М. Н. Лонгиновым была восполнена цензурная купюра публикации П. В. Анненкова). Копия, выправленная рукой В. А. Жуковского, сохранилась в составе ТЖ. В ней отсутствует приведенная выше последняя фраза письма, записанная уже после даты и не учтена поправка к ст. 26, записанная на странице с адресом. С этой копии была снята копия, бывшая в распоряжении П. В. Анненкова (ПД, ф. 244, оп. 7, № 5; рукой Ф. В. Анненкова), по которой им была осуществлена первая публикация стихотворения и части прозаического текста письма. При подготовке в 1937 г. 13 Акад., включающего переписку Пушкина 1815—1827 гг., местонахождение подлинника письма Пушкина к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. было еще неизвестно. Письмо и входящий в него текст стихотворения напечатаны здесь по копии ТЖ. По автографу стихотворение впервые напечатано в т. 2 Акад. (С. 264; публ. С. М. Бонди), вышедшем в 1947—1949 гг.

Ст. 1. *Горишь ли ты, лампада наша...* — Общество «Зеленая лампа» получило свое название от лампы зеленого цвета, которая освещала комнату в доме Н. В. Всеволожского, где проходили собрания участников (см.: Цеголев. Из жизни и творчества П. С. 42—43, 62). Собрания «Зеленой лампы» прекратились еще в конце 1820 г. И. Г. Бурцов в своих показаниях Следственной комиссии по делу декабристов сообщал, что «при исследовании происшествия Семеновского полка (18 октября 1820 г. — *Ред.*) открыто было полициею в Петербурге много тайных обществ и из них одно именовалось „Зеленая лампа“...» (см.: Там же. С. 45). «Однажды член отставной полковник Жадовский, — свидетельствовал Я. Н. Толстой, — объявил обществу, что правительство имеет о нем сведения и что мы подвергаемся опасности, не имея дозволения на установление Общества. — С сим известием общество рушилось» (всеподданнейшее письмо Я. Н. Толстого из Парижа от 26 июля 1826 г., где дается объяснение его отношения к тайным обществам, цит. по: Там же. С. 62). «...На стихи Пушкина, — сообщал Я. Н. Толстой М. Н. Лонгинову, — я отвечал следующими двумя стихами:

Ах, лампа погасла,
Не стало в ней масла!»

(ПД, ф. 244, оп. 17, № 47, л. 1 об.;
Совр. 1857. № 4. Отд. V. С. 266)

Ст. 19—20. *Где в колпаке за круглый стол Садилось милое равенство...* — Здесь имеется в виду «якобинский» красный колпак как символ свободомыслия и независимости. Ср. в послании «Товарищам» (1817):

Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
(. . . . .)
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак...

(Наст. изд., т. 1, с. 280)

Ст. 28. *Налейте мне вина кометы...* — «Вином кометы» (от фр. «vin de la comète») называлось вино особо удачного урожая 1811 г., который связывался с кометой, появившейся на небе северного полушария в августе и достигшей необыкновенной яркости к сентябрю—октябрю. На шампанских пробках этого года была изображена комета (впрочем, штемпель стал впоследствии ставиться и на шампанском других годов как знак того, что вино это того же достоинства, что и знаменитое «вино кометы») (см.: *Кузнецов Н. А.* Вино кометы // *ПиС. Л.*, 1930. Вып. 38—39. С. 71—75). О шампанском Всеволожского Пушкин упоминает в письме П. Б. Мансурову от 27 октября 1819 г. («Зеленая Лампа нагорела — кажется гаснет — а жаль — масло есть (т. е. шампанское нашего друга)» — *Акад. Т. 13. С. 11*) и в цитированном выше письме к Л. С. Пушкину от 27 июля 1821 г. Ср. также в первой главе «Евгения Онегина»:

Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток...

(*Акад. Т. 6. С. 11*)

Ст. 29. *Желай мне здравия, калмык!* — У Н. В. Всеволожского был в услужении мальчик-калмык, вывезенный с астраханских рыбных промыслов Всеволожских. «Мальчика этого выкрестили и назвали, кажется, Всеволодом; но для шутки, а после по привычке в доме Всеволожских его называли калмыком, почему и все коротко знакомые и часто посещавшие дом гг. Всеволожских, подражая хозяевам, называли и кликали этого мальчика не иначе как родовым его названием, т. е. калмык» (*МВед.* 1855. № 146, 6 дек.; сообщено В. Журавлевым). В письме к М. Н. Лонгинову от 1/13 ноября 1856 г. из Парижа Я. Н. Толстой рассказывал: «Заседания наши оканчивались обыкновенно ужином, за которым прислуживал юный калмык, весьма смысленный мальчик. Само собою разумеется, что во время ужина начиналась свободная веселость; всякий болтал, что в голову приходило, — остроты, каламбуры лились рекою, и как скоро кто-нибудь отпускал пошлое красное словцо, калмык наш улыбался насмешливо; и, наконец, мы решили, что этот мальчик всякий раз, что он услышит плоское словцо, должен подойти к тому, кто его отпустит, и сказать: здравие желаю! С удивительною сметливостию калмык исполнял свою обязанность. Впрочем, Пушкин ни разу не подвергался калмыцкому желанию здравия. Он иногда говорил: „Калмык меня балует; Азия протезирует Африку“. Конечно, мудро было осудить искры ума Пушкина, который в эти минуты не только расточал остроты, но даже импровизировал прекрасные стихи» (*ПД*, ф. 244, оп. 17, № 47, л. 2; *Совр.* 1857. № 4. Отд. V. С. 266). См. в цитированном выше письме Пушкина к брату от 27 июля 1821 г.: «...пожелай здравия калмыку...» (*Акад. Т. 13. С. 31*).

Другие редакции и варианты

Черновой автограф (*ПД* 830, л. 60—60 об.). Ст. 12—13. *При(ди) Амфитрион веселый [Счастливе(ц)] добрый, умный враль!* — Имеется в виду Н. В. Всеволожский, хозяин дома, где собирался кружок (см. о нем — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 604). Амфитрион — легендарный фиванский герой, женой которого овладел Зевс, принявший облик Амфитриона. Этот мифологический сюжет был

обработан Плавтом (ок. 250—184 до н. э.). Пьеса Плавта послужила источником для комедий Жана де Ротру (Rotrou; 1609—1650) «Двое Созиев» («Les deux Sosies», 1638) и Мольера (Molière; 1622—1673) «Амфитрион» («Amphitruon», 1668). В обеих французских пьесах сохранена имевшаяся и у Плавта сцена, когда Зевс в виде Амфитриона приглашает к себе на обед. См., например, у Мольера: «Спор окончательно решен: / Тот истинный Амфитрион, / Кто приглашает нас к обеду» (действ. 3, явл. 5; пер. В. Я. Брюсова). Видимо, именно благодаря пьесам Ротру и Мольера имя Амфитриона стало нарицательным для обозначения хлебосольного радужного хозяина. Ср. обращение к адресату в послании Пушкина «К Всеволожскому» (1819): «Прости, счастливый сын пиров / Балованный дитя свободы!» (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 57).

Ст. 16—17. *Но где же он, твой мил(ый брат) Недавний рекрут Гименя!* — Имеется в виду Александр Всеволодович Всеволожский (1793—1864), также участник «Зеленой лампы», брат Н. В. Всеволожского, штабс-ротмистр Кавалергардского полка, адъютант генерал-адъютанта А. А. Закревского, в 1819 г. вышедший в отставку и к отъезду Пушкина из Петербурга, видимо, уже помолвленный с княжной Софьей Ивановной Трубецкой (1800—1852) (свадьба состоялась 12 ноября 1820 г., см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Т. 1. С. 93). Выражение «недавний рекрут Гименя» было в несколько измененном виде («Обритый рекрут Гименя») использовано Пушкиным в послании «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...») (см. наст. т., с. 115) для характеристики М. Ф. Орлова.

Ст. 22—25. *Приди, прелестный Адонис Улан Пафоса и Киферы Любимец ветр(еных Лаис) Счас(тливый) баловень Венеры...* — Стихи обращены к Ф. Ф. Юрьеву (см. о нем наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 601—602). Являются автореминисценцией из послания «Ю(рьеву)» (1820):

Любимец ветренных Лаис,
Прелестный баловень Киприды —
Умей сносить, мой Адонис,
Ее минутные обиды!

(Наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 73)

Город Пафос (на Кипре) и остров Кифера (Цитера) к югу от Пелопоннеса — центры культа богини любви Афродиты (Венеры), возлюбленным которой был Адонис, славившийся своей красотой.

Ст. 26—29. *И ты о гражда(нин) кулис — Театра злой летопис(атель) Очаровательниц актрис — Непостоянный обожатель* — Имеется в виду Дмитрий Николаевич Барков (1796—1855), театральный критик и переводчик, член «Зеленой лампы», систематически выступавший там с театральной хроникой — «недельными репертуарами» (см. о нем: Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 163 (статья В. Ю. Проскуриной)). Барков был поклонником оперной певицы Н. С. Семеновы (см. стихотворение «(Нимфодоре Семеновой)» (1817—1820) и примеч. к нему — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 82, 637), сестры знаменитой трагической актрисы Е. С. Семеновы. С появлением на петербургской сцене юной А. М. Колосовой, ученицы П. А. Катенина и соперницы Е. С. Семеновы, он стал восторженным адептом Колосовой (см., например, его четверостишие «На игру актрисы госпожи Колосовой м(ладшей)» — СО. 1819.

Ч. 58, № 50. С. 179). Стихи о Баркове Пушкин впоследствии использовал в XVII строфе первой главы «Евгения Онегина»:

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру...
(Акад. Т. 6. С. 11—12)

ДЕВА

(«Я говорил тебе: страшися девы милой...»)

(С. 22 и 195)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 4 об. — белой, с одновременной правкой, без заглавия. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 340 (указание на автограф); Майков. Материалы. С. 80 (в виде вариантов; публ. В. И. Сантова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Белой автограф в Тетр. Капниста (Кап), в составе отдела «Подражания древним» под номером VI, утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 576 (заглавие и начало первой строки с указанием, что далее следует «вся пьеса»).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Соревн. 1825. Ч. 29, № 3. С. 295, под заглавием, обозначенным записью: «Я ГОВОРИЛ и пр.». Вошло в Ст 1826. С. 130 (отдел «Подражания древним», с датой в оглавлении: «1821») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 127 (отдел стихотворений 1821 г.), без изменений в тексте.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется временем между 22 февраля и 5 апреля 1821 г. по положению автографа в тетради ПД 833, в этой своей части заполнявшейся последовательно (на л. 3 об. под текстом «Элегии (из поэмы: Кавказ)» («Я пережил свои желанья...») помета: «Каменка 22 февр(аля)/1821», на л. 5 под посланием «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») — «5 апр(еля)»).

Антологическое стихотворение, ориентированное на «фрагменты» идиллий и элегии А. Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484). Ср. ст. 41—50 элегии Шенье «O nuit, nuit douloureuse! ô toi, tardive aurore...» (Элегия XXIII в сборнике 1819 г.):

Mais celle qui partout fait conquête nouvelle,
Celle qu'on ne voit point sans dire: «Qu'elle est belle!»
Insulte, en son triomphe, aux soupirs de l'amour.
Souveraine au milieu d'une tremblante cour,
Dans son léger caprice, inégale et soudaine,
Tendre et douce aujourd'hui, demain froide et hautaine.
Si quelqu'un se dérobe à ses enchantements,

Qu'est-ce enfin qu'un de moins dans ce peuple d'amants!
 On brigue ses regards, elle s'aime et s'admire,
 Et ne connaît d'amour que celui qu'elle inspire.

⟨Но та, у которой всюду новые победы, та, при взгляде на которую все говорят: «Как она хороша!», оскорбительна в своем торжестве для вздохов любви. Царица посреди трепещущего двора, неверная и непостоянная в своих мельчайших капризах, нежная и мягкая сегодня, завтра она холодна и надменна. Если кто-то и избежит ее чар, то это единицы из толпы воздыхателей! Все домогаются ее внимания, она себя любит, собой любуется и знает лишь ту любовь, которую внушает она. — *фр.*⟩ (Chénier. P. 129—130). Д. П. Якубович отмечал также незначительное сходство с фрагментом Сафо «Обиженной», где описана девушка, также не внемлющая мольбам (см.: Якубович. Античность в творчестве П. С. 137). Предположение Л. Н. Майкова (см.: Майков Л. Н. Пушкин : Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 105—106), что стихотворение относится к кишиневской красавице Пульхерии Егоровне Варфоломей (1802—1868), дочери члена Бессарабского верховного совета Е. К. Варфоломея, которой, по свидетельству А. Ф. Вельтмана, Пушкин «посвятил несколько стихов» (П. в восп. Т. 1. С. 278), не может быть принято как не имеющее никаких фактических оснований. Возражения Майкову см., в частности: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 16—17 (коммент. В. Е. Якушкина); Венг. Т. 2. С. 557 (коммент. Н. О. Лернера).

ДЕЛЬВИГУ

(«Друг Дельвиг, мой парнасский брат...»)

(С. 23 и 196)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 20—20 об. — белойой, текст второй редакции, с пометой у заглавия: «(1821 в марте)», с опiskой в ст. 12 («Об чему цензуру не прошу» вместо: «Об чем цензуру ни прошу»); первоначально без ст. 17—28, вместо которых стояла строка точек и ниже — росчерк, обозначающий концовку; текст продолжен ниже, после строки отточий поверх росчерка. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 342 (ст. 21—25, 28—29 в виде вариантов к первой редакции); Майков. Материалы. С. 93—94 (публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Автограф первой редакции стихотворения в письме к Дельвигу от 23 марта 1821 г. из Кишинева утрачен.

Копия П. В. Анненкова (ПД, ф. 244, оп. 7, № 19) (Анн) — текст первой редакции, без заглавия, в копии с письма Пушкина к А. А. Дельвигу от 23 марта 1821 г. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 81—82, в составе письма, с цензурными купюрами: исключены ст. 13—14 и 29—32, слово «свободы» в ст. 10 заменено многоточием.

Копия, находившаяся в распоряжении А. Н. Афанасьева, по которой им были сделаны публикации в Москв. и БЗ (см. ниже), в настоящее время неизвестна.

Впервые: Москв. 1854. Т. 2, № 5. Отд. IV. С. 4—5, первая редакция в составе письма, по копии А. Н. Афанасьева (с редакционной пометой: «Буквально списано с подлинника и сообщено нам А. Н. Афанасьевым»), с цензурными купюрами: слова «свободы» в ст. 10, «сводня» в ст. 31, «блядей» в ст. 32 и полностью ст. 13—14

заменены многоточиями. Цензурные купюры восстановлены: БЗ. 1858. Т. 1, № 12. Стб. 369 (слово «свободы» в ст. 10; ст. 13—14, с сокращенным написанием фамилии Тимковского в ст. 14: «Тим—ский»; публ. А. Н. Афанасьева); Генн. 1859. Т. 1. С. 259—260 (фамилия Тимковский в ст. 14, слова «сводня» в ст. 31 и «блядей» в ст. 32 обозначены первыми буквами); ПЗ 1861. Кн. 6. С. 91 (публ. А. И. Герцена) и Мор. 1903—06. Т. 8. С. 13 (полностью слово «сводня»).

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855. С. 81—82; Генн. 1859. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется 23 марта 1821 г. по дате письма к Дельвигу, которое открывалось этим стихотворением; вторая редакция — 1822—октябрем (до 26-го) 1823 г. по положению автографа в тетради ПД 833, в этой своей части заполнявшейся последовательно (на л. 17 под текстом первого белого автографа послания «К Овидию» помета: «1821/дек(абря) 26»; на л. 18 под текстом стихотворения «Приметы» («Старайся наблюдать различные приметы...») (здесь под заглавием: «Отрывок») помета: «27 <декабря 1821 г. ?>»; следующая дата в тетради — «26 окт(ября) 1823» на л. 26 перед стихотворением «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...»)).

Как видно из автографа в тетради ПД 833, Пушкин, перерабатывая стихотворение, сначала предполагал остановиться на ст. 16, обозначив строкой отточий неполноту текста. Возможно, в таком сокращении стихотворения играло роль желание поэта приспособить его к публикации. Ср. в Ст 1826 и Ст 1829 строки отточий в стихотворениях «N. N.» («Я ускользнул от Эскулапа...») (поздняя редакция послания «К Энгельгардту», 1819) и «Уединение» («Приветствую тебя, пустынный уголок...») (поздняя редакция стихотворения «Деревня», 1819) (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 46, 52). На приспособление к печати указывает и исключение полного имени Тимковского в ст. 13. Однако даже в таком виде послание вряд ли могло пройти цензуру, и, отказавшись от мысли о публикации, Пушкин записал ниже окончание текста. Маловероятным в этой связи представляется предположение М. А. Цявловского, что послание могло войти в число посвященных А. А. Дельвигу стихотворений, предназначавшихся для издания в Ст 1832 и обозначенных в подготовительном списке ПД 515, л. 1 (1830—сентябрь 1831 г.) зачеркнутой записью: «[Дельвигу 4]» (см.: Рукою П. 1997. С. 194, 195).

В изданиях 1930-х гг., предшествовавших Акад., М. А. Цявловский вслед за Л. Н. Майковым (см.: Майков. Материалы. С. 94) сохранял строку отточий после ст. 16. Это решение, повторенное впоследствии Б. В. Томашевским (см.: Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 34; Пушкин 1955. С. 111), не представляется обоснованным. Как видно из первой редакции стихотворения, здесь не было пропуска стихов, и строка отточий, изначально указывавшая на обрыв текста, при его продолжении полностью лишалась своего значения. В Акад. (Т. 2. С. 168) строка отточий была М. А. Цявловским снята (то же в Акад. в 10 т. (1) и в тексте, подготовленном Т. Г. Цявловской, в Госл. в 10 т., Худ. лит. в 10 т.).

Посланием начиналось письмо Пушкина к А. А. Дельвигу от 23 марта 1821 г. из Кишинева (см.: Акад. Т. 13. С. 24—26), отправленное на адрес Н. И. Гнедича в одном конверте с письмом к Гнедичу от 24 марта, также открывавшемся стихами (см. «<Из письма к Н. И. Гнедичу>» — наст. т., с. 124). Пушкин отвечал на письмо Дельвига, доставленное ему Гнедичем, вместе с экземплярами издания «Руслана

и Людмилы». Это письмо Дельвига не сохранилось, и текст его неизвестен. Не получив ответа ни от одного из двух адресатов, Пушкин справлялся о них в письме к Н. И. Гречу от 21 сентября 1821 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 32), а 24 января 1822 г. писал брату: «Спроси у Дельвига, здоров ли он, все ли, слава Богу, поет и кушает — каково нашел мои стихи к нему и пр.» (Там же. С. 36).

Ст. 4. *Стихам я больше был бы рад.* — В прозаической части письма Пушкин писал: «В твоём отсутствии сердце напоминало о тебе, об твоей музе — журналы. Ты все тот же — талант прекрасный и ленивый. Долго ли тебе шалить, долго ли тебе разменивать свой гений на серебряные четвертаки. Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени, напиши своего „Монаха“. Поэзия мрачная, богатая, сильная, байроническая — твой истинный удел — умертви в себе ветхого человека — не убивай вдохновенного поэта» (Акад. Т. 13. С. 25—26; Пушкин здесь иронически цитирует послание А. Ф. Воейкова «К Ж(уковскому)»: «Напиши четыре части дня, / Напиши четыре времени, / Напиши поэму славную, / В русском вкусе повесть древнюю...» — ВЕ. 1813. Ч. 68, № 5—6. С. 28). После отъезда Пушкина из Петербурга несколько стихотворений Дельвига появилось в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» («Труды Вольного общества любителей российской словесности»): «Тихая жизнь» (1820. Ч. 10, № 4); «Разговор с гением» (Там же. № 6); «К Амуру. (Из Геснера)» (1820. Ч. 12, № 10); «К Шульгину», «Дифирамб» («Други, пусть года несутся...») (Там же. № 11); «Романс» («Дедушка! девицы...») (Там же. № 12). Из этих стихотворений только «Разговор с гением» подписан полным именем, остальные напечатаны за подписью: «— Д —». Пушкин, однако, мог знать большую часть этих стихотворений еще до печати, поскольку, кроме «Романса», все они были написаны Дельвигом в лицейские годы.

Ст. 11. *Все для иных не Русью пахнет...* — Пушкин имеет в виду критические отклики на поэму «Руслан и Людмила». Так, в одном из наиболее резких отзывов о пушкинской поэме, появившемся в журнале «Невский зритель», анонимный рецензент замечал: «Поэма „Руслан и Людмила“ могла бы почесться народным старинным рассказом, если бы борода Черномора и голова брата его существовали хотя в изустных преданиях. Поэт сотворил их сам, подражая только оным, и представил никем не читанные и не слыханные чудеса. Он желал идти по следам Ариоста, но, не имея столь возвышенных дарований, вместо действия целого мира, который является у сего поэта-гения, изобразил четыре или пять лиц, сделал из всего чудесную смесь смешного с простонародным, нежным и разными картинами» и т. д. (НЗ. 1820. Ч. 3, № 7. С. 70; П. в критике, I. С. 70). А. Ф. Воейков среди других разнообразных претензий к поэме высказывал, в частности, упрек, что «молодой поэт заплатил дань огерманизированному вкусу нашего времени» (СО. 1820. Ч. 64, № 37. С. 153; П. в критике, I. С. 68). «Так ли говорили русские богатыри?» — спрашивал автор «Письма к сочинителю критики на поэму „Руслан и Людмила“» Д. П. Зыков (СО. 1820. Ч. 64, № 38. С. 228; П. в критике, I. С. 81; статья, напечатанная за подписью: N. N., приписывалась П. А. Катенину, см., например: ОА. Т. 2. С. 74). Во вступлении к «Руслану и Людмиле», появившемся во втором издании поэмы (1828), Пушкин перефразировал строку из послания «Дельвигу»: «Там русский дух... Там Русью пахнет!».

Ст. 12—13. *Об чем цензуру ни прошу, Ото всего Т(имковский) ахнет...* — Иван Осипович Тимковский (1768—1837), петербургский цензор в

1804—1821 гг., 15 мая 1820 г. разрешил к печати «Руслана и Людмилу». Возможно, Пушкин общался с ним в Петербурге в послелицейский период. Семнадцать стихотворений Пушкина прошли через его цензуру, отличающуюся строгостью и придирчивостью. В 1819 или 1820 г. он запретил, в частности, пушкинское стихотворение «Русалка». Кроме данного послания Тимковский фигурирует также во «Втором послании к цензору» (1824).

Ст. 15—16. *От воздержанья муза чахнет, И редко, редко с ней грешу.* — Ср. аналогичную метафору в поэме «Монах»: «Я не хочу седлать коня Пегаса, / Я не хочу из муз наделать дам» (наст. изд., т. 1, с. 14).

Ст. 17—20. *К неверной славе я хладею И по привычке лишь одной Лениво волочусь за нею, Как муж за гордою женой.* — По наблюдению В. Д. Рака, Пушкин, переведа французское словосочетание «*cougir après quelqu'un*» («гоняться за кем-либо») русским глаголом «волочиться», создает здесь комически окрашенный галлицизм: русское «волочиться за славой» выступает аналогом французского выражения «*cougir après la gloire*» («гнаться за славой»). См.: Рак В. Д. Заметки к теме «Пушкин и Байрон». II. «Унижусь до презренной прозы...» // Рак 2003. С. 109—110. Ср. автореминисценцию этих стихов в шестой главе «Евгения Онегина» (строфа XLIII):

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь —
За ней ленивей волочусь.

(Акад. Т. 6. С. 135)

Ст. 23—24. *Но все люблю, мои поэты, Счастливый голос ваших лир.* — Ср. сходный мотив в заключительных стихах поздней редакции (копия в Тетради Севеоложского, 1819 г.; вошла в Ст 1826) лицейского послания «Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью...»):

...в бездействии счастливом
Забуду милых муз, мучительниц моих;
Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

(Наст. изд., т. 1, с. 265)

⟨ИЗ ПИСЬМА К Н. И. ГНЕДИЧУ⟩

(«В стране, где Юлией венчанный...»)

(С. 24)

Автограф (ПД 428) — беловой, в письме к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 г., с исправлением описки в ст. 2, где вместо «изгнанный» первоначально было по ошибке повторено: «венчанный». Напечатано: Грот Я. К. Первенцы Лицея и его предания // Складчина. СПб., 1874. С. 363—370. Воспроизведение: Левичева. С. 195—196.

Впервые: Грот Я. К. Первенцы Лицея и его предания. С. 369—370.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется 24 марта 1821 г. по дате письма к Н. И. Гнедичу.

Посланием начиналось письмо Пушкина к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 г. из Кишинева, отправленное в одном конверте с письмом к А. А. Дельвигу от 23 марта 1821 г., также открывавшимся стихами (см. «Дельвигу», первая редакция — наст. т., с. 196). Личное знакомство Пушкина с Николаем Ивановичем Гнедичем (1784—1833), поэтом, эллинистом, переводчиком «Илиады» Гомера (1807—1829), библиотекарем Публичной библиотеки (1811—1831), увлеченным театралом и глубоким знатоком театра, в частности учившим декламации актрису Е. С. Семенову, состоялась, по-видимому, по выходе Пушкина из Лицея. Пушкин встречался с Гнедичем в доме А. Н. Оленина, в литературных и театральных кругах Петербурга, на заседаниях общества «Зеленая лампа», бывал в доме самого Гнедича (см. воспоминание об «эпикурейском кабинете» Гнедича в первом письме Пушкина к Гнедичу с юга, 4 декабря 1820 г. — Акад. Т. 13. С. 21). В апреле 1820 г., когда по Петербургу разнесся слух о предстоящей ссылке Пушкина, Гнедич, по воспоминаниям Ф. Н. Глинки, «с заплаканными глазами (...) бросился к Оленину» с просьбой заступиться за поэта (см.: П. в восп. Т. 1. С. 208). После отъезда Пушкина из Петербурга Гнедич, видимо, по просьбе Жуковского выступил издателем «Руслана и Людмилы». Экземпляры книги, вышедшей в свет в Петербурге между 23 июля и 10 августа 1820 г. (см.: П. в печати. С. 16) были получены Пушкиным в марте 1821 г. вместе с не дошедшим до нас письмом Гнедича, ответом на которое и явилось пушкинское письмо от 24 марта 1821 г., открывавшееся стихотворным посланием. Архаик по своим литературным вкусам, член Российской Академии, Гнедич не принадлежал к кругу ближайших единомышленников Пушкина, и в их отношениях сохранялась известная дистанция, хотя с авторитетом Гнедича в литературном мире Пушкин безусловно считался.

Ст. 1 — 3. *В стране, где Юлией венчанный И хитрым Августом изгнанный Овидий мрачны дни влачил...* — В 8 г. н. э. по указу императора Октавиана Августа римский поэт Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso; 43 до н. э. — 17 н. э.) был выслан из Рима в город Томы (теперешняя Констанца в Румынии), расположенный на самой окраине империи, на Черном море в устье Дуная. О месте ссылки Овидия и об отношении Пушкина к его творчеству периода ссылки см. примеч. к стихотворению «К Овидию» (наст. т., с. 670—673). Формальной причиной ссылки Овидия была книга «Наука любви», якобы содействовавшая падению нравов и разложению устоев семьи. Подлинная причина неясна. Обзор различных версий, высказанных по этому поводу, см.: *Thibault J. C. The Mystery of Ovid's Exile*. Berkeley; Los Angeles (California), 1964. В начальных стихах своего послания Пушкин имеет в виду распространяемую версию (ее, в частности, придерживался Вольтер), согласно которой ссылка Овидия была вызвана его связью с дочерью Августа Юлией. Сам Пушкин относился к этой версии скептически (см. его примеч. в первом беловом автографе послания «К Овидию» — раздел «Другие редакции и варианты», наст. т., с. 288; также в примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 679—680), хотя и повторил ее позднее в «(Замечаниях на Анналы Тацита)» (1825) («Юлия, дочь Августа, славная своим распутством [и] ссылкой Овидия...» — Акад. Т. 12. С. 194).

Ст. 13. *С Орловым спорю...* — Живя в Кишиневе, Пушкин с начала марта 1821 г. по начало января 1822 г. постоянно бывал у Михаила Федоровича Орлова (1788—1842), генерал-майора, командовавшего 16-й пехотной дивизией, участника литературного общества «Арзамас», пушкинского знакомого еще по Петербургу. Жена Орлова Екатерина Николаевна писала своему брату А. Н. Раевскому в ноябрьских письмах 1821 г.: «У нас беспрестанно идут шумные споры — философские, политические, литературные и др.; мне слышно их из дальней комнаты...»; «Пушкин (...) очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно»; «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах» (*Гершензон М. О. История молодой России. М., 1908. С. 27*).

Ст. 14. *Октавий* — видоизмененная под влиянием французского «Octave» форма имени Октавиана Августа (63 до н. э.—14 н. э.), римского императора с 27 г. до н. э. Аллюзионный смысл ст. 14—15 указывает на Александра I, высланного Пушкина из Петербурга.

Ст. 21. *Отраде жизни одинокой...* — Не исключено, что одиночество поэта здесь не только литературный мотив, но и намек на реальные обстоятельства жизни Гнедича, который был холост и страдал от бессемейной жизни (см. его собственное признание по этому поводу в кн.: *Тиханов П. Н. И. Гнедич (1784—1884): Несколько данных для его биографии по неизданным источникам. СПб., 1884. С. 76*). В 1819 г. Гнедич тяжело перенес смерть любимой сестры, Г. И. Бужинской, последней его близкой родственницы.

Ст. 22—23. *О ты, который воскресил Ахилла призрак величавый...* — Ахилл — главный герой воспетой в «Илиаде» Гомера Троянской войны. В наброске «Все так же осеня(ют) своды...» (1821) вариант этой же формулы был адресован театральному антагонисту Гнедича П. А. Катенину: «Мл(адо)й Катен(ин) воскрес(ит) / Эшила гений велича(вый)» (наст. т., с. 114). Ср. также в «Евгении Онегине»: «Там наш Катенин воскресил / Корнеля гений величавый» (глава первая, строфа XVIII — Акад. Т. 6. С. 12).

Ст. 26. *От звонких уз освободил...* — Имеются в виду «узы» александрийского стиха, которым до Гнедича переводили «Илиаду». Так Е. И. Костровым был выполнен перевод первых шести песен, за продолжение которого, александрийским же стихом, Гнедич принялся в 1807 г. В 1813 г. он оставил эту работу и стал переводить «Илиаду» с самого начала уже гекзаметром. Ср. в «Письме к Н. И. Гнедичу о греческом экзаметре» С. С. Уварова: «...перестанем отягощать младенчество нашей словесности тяжелыми цепями французского вкуса» (Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 13. С. 66; «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 82).

Ст. 27—29. *Твой глас достиг уединенья, Где я сокрылся от гоненья Ханжи и гордого глупца...* — Здесь намечен развивающийся в стихотворениях южной ссылки мотив добровольного изгнания и содержатся автопарафразы из написанного в 1819 г. стихотворения «Уединение» (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 64).

Ст. 35—39. *Его враги ему презренны ~ Зоила хлещет — мимоходом.* — Конкретный повод возникновения этих стихов — критические отзывы о «Руслане и Людмиле», появившиеся до выхода в свет полного издания поэмы, сразу по публикации первых ее фрагментов (см. примеч. к посланию «Дельвигу» и к эпиграмме «(На Каченовского)» («Хаврониос! ругатель закоснелый...») — наст. т., с. 566, 588). Отношение к литературной полемике, выраженное в послании к Гнедичу, вы-

сказано и в письме к Вяземскому от 2 января 1822 г.: «...бранюсь с тобою за одно послание к Каченовскому; как мог ты сойти в *арену* вместе с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой веночек кровью, желчью и сивухой... Как с ним связываться — довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы» (Акад. Т. 13. С. 34). Имя Зоила, одного из первых критиков поэм Гомера (IV в. до н. э.), стало нарицательным для обозначения недоброжелательного критика.

КИНЖАЛ

(«Лемносский бог тебя ковал...»)

(С. 25 и 197)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 45 об.—46, 64 — черновой. Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 239—240 (изменение по черновому автографу порядка стихов в принятом за основу тексте публикации РА (см. ниже): изменен порядок ст. 1—4; ст. 5—7 идут после ст. 21; ст. 7 и 12 даны по черновому автографу); Майков. Материалы. С. 109 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) ПД 898, л. 53 об. (АвПолт) — белой, в Тетр. Полторацкого, ст. 30 (со слова: «избранник») — 37, с опиской в ст. 36 («И на торжественном могиле») и подпись под текстом: «Не А. Пушкин». Запись продолжает писарскую копию в Тетр. Полторацкого (Полт), с делением на два астрофических фрагмента после ст. 16, с пометой рукой С. Д. Полторацкого у заглавия: «Напечатано в Полярной звезде 1856, в Лондоне» и поправками его же рукой: в ст. 11, 22, 29, 30 карандашом исправлены ошибки переписчика; в ст. 1, 10, 17, 28 позднейшие поправки чернилами. Напечатано: Майков. Материалы. С. 107—108, 110 (публ. В. И. Саитова). В другом списке произведений Пушкина, принадлежавшем Полторацкому, в так называемой Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт), сохранилось свидетельство Полторацкого о происхождении этого пушкинского автографа. В примечании к списку оды «Вольность» Полторацкий пишет: «У меня была рукопись этого стихотворения с 1821 г. Я ее показывал Пушкину, в Москве, в сентяб⟨ре⟩ 1826 года, в нашем доме за Калужскими воротами, и просил его посмотреть и поправить. Но он не исполнил моей просьбы и не хотел даже взглянуть на эту оду. Но умилился в отношении своего стихотворения „Кинжал“. Увидев на странице 160-й (ошибка Полторацкого: на с. 106 — л. 53 об. — *Ред.*) (рукописной книжки in 8°), что „Кинжал“ недописан, Пушкин взял перо и написал сам последние *семь с половиною стихов* и под ними подписался: „Не А. Пушкин“. В предпоследнем своем стихе он сделал следующую ошибку: „И на торжественном могиле“» (Лон—Полт, кн. 2, л. 77 об.—78).

Заглавие вошло в список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1821») (см.: Рукою П. 1997. С. 212). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Копии:

1) В Остафьевском архиве Вяземских (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5549) (ОА) — две копии: л. 13—13 об. (ОА (1)) — неизвестной рукой, на четверке лис-

та плотной бумаги; с исправлением рукой П. А. Вяземского пропусков переписчика в ст. 10 (слово: «лезвие») и 22 (слово: «Исчадь»); слово: «проклятя» в ст. 6 в написании: «проклятія». Напечатано: Майков. Материалы. С. 110 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова); л. 14—14 об. (ОА (2)) — неизвестной рукой (отличной от копии ОА (1)), на сложенном вдвое фабричном листе, с подписью под текстом: «П....ъ». Тексты копий совпадают; в обеих копиях со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21 и 29.

2) Из архива А. А. Олениной-Андро (ПД, ф. 244, оп. 4, № 195) (Олн) — список 1820-х гг., неизвестной рукой, на отдельном листе, с подписью «А. Пушкин», с ошибкой в ст. 11; после ст. 12 сделан отчерк, ст. 13—25 пропущены; без строфического деления.

3) Е. А. Баратынского из бумаг Н. В. Путяты (РГАЛИ, ф. 384, оп. 1, № 29, л. 4 — 4 об.) (Барат₁) — на половине фабричного листа плотной белой бумаги с водяным знаком «Patio»; со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 25, 29 и 33. Напечатано (ошибочно как автограф Пушкина): *Голос Минувшего*. 1923. № 1. С. 24—25 (публ. М. А. Цявловского).

4) Из собрания Пушкинского Лицейского музея (ПД, ф. 244, оп. 4, № 60) (Лиц₁) — список ст. 1—21, неизвестной рукой, на четверке писчего листа бумаги 1823 г., с ошибкой в ст. 3 и искажением в ст. 11—12, объединенных в один («И, озираясь, он трепещет средь пиров»); без строфического деления.

5) Неизвестного (ПД, ф. 244, оп. 4, № 170) (N₁) — список 1820-х гг., на отдельном листе, с подписью «А. Пушкин», с ошибками и искажениями в ст. 3, 11, 18 (стих не дописан), 20—21 («И мертв объемлет он Помпея... / Мрамор горделивый»), 23, 25, 31; без строфического деления.

6) Неизвестного из архива А. А. Прокофьева (ПД, ф. 244, оп. 4, № 246) (N₂) — список 1820-х гг., на половине листа бумаги малого почтового формата без водяных знаков, с подписью: «А. Пушкин», с пропуском ст. 32—33, с ошибками в ст. 17 и 35; со строфическим делением после ст. 16, 25 и 29.

7) Тетр. Вошинина (Вош) — с пропуском ст. 15, с ошибкой в графическом оформлении ст. 20—21; без строфического деления; с примечаниями составителя сборника к ст. 25 («Марат») и 29 («Шарлота Корде»). Напечатано: *Лященко А. И. Две старинные тетради со стихами А. С. Пушкина // Новое время*. 1913. Еженед. прилож. № 13315.

8) Тетр. из архива Гудовичей (Гуд) — с пропуском ст. 5—8 и ошибкой в ст. 34.

9) Сб. Алмазова (Алм) — с подписью: «А... Пушкин»; без строфического деления.

10) Первая тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₁) — с подписью: «А. П.», с пропуском ст. 19, и ошибкой в ст. 26 («Апостол гибели усталому Сеиду»); со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 25, 29, 33; с примечаниями составителя сборника.

11) Тетр. Шереметева (Шер) — ст. 1—27; без строфического деления.

12) В. Г. Коноплева (Кон) — с ошибкой в ст. 1 (в слове «Лемносский») и 26; без строфического деления. Напечатано: *Дела III Отделения о П. С. 279* (с ошибочным чтением в ст. 1: «Ангельский бог тебя сковал»; публ. С. С. Сухонина).

13) Сб. Остафьевского архива № 8 (Ос) — с подписью: «П....ъ», с исправлением в ст. 10 ошибки переписчика рукой П. А. Вяземского; без строфического деления. Текст совпадает с ОА (1) и ОА (2).

14) Тетр. Щербакова (Щер) — с ошибкой в ст. 11 («И озаряясь он трепещет»); без строфического деления. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 173—174, 648.

15) Сб. Соболевского «*Avant les voyages*» (Соб₁) — с делением на два астрофических фрагмента после ст. 29.

16) Сб. «От безделья и от скуки» (Отб) — под заглавием: «Кинжалу», с подписью: «Пушкин»; без строфического деления.

17) Первый сб. Библиотеки Академии наук (БАН₁) — с ошибками и искажениями в ст. 4, 11 («И озаряясь он трепещет»), 16 и 24; без строфического деления.

18) Сб. «Нечто из сочин(ений) А. Пушкина» (из собр. М. Д. Ромма) (ПД, ф. 244, оп. 8, № 118, л. 9—9 об.) (Ромм) — бумага 1825 г.; с пропуском ст. 17, ст. 26 неполный (без слова: «Аиду»); со строфическим делением после ст. 16, 21, 25, 29 и 33.

19) Из собр. В. И. Яковлева (из БАН) (ПД, ф. 244, оп. 4, № 59) (Як₁) — список 1820—1830-х гг.; без строфического деления, с дополнительными вариантами к ст. 5 и 33; на сложенном вдвое полулисте вместе со стихотворением «Сказки. (Noël)».

20) Альбом А. Л. Баратынской (Барат) — с подписью: «А. Пушкин», с ошибками в ст. 1, 2, 7, 18 и 22 (в ст. 1, 2 и 7 поправки рукой Е. А. Баратынского); без строфического деления.

21) Из собр. Публичной библиотеки (РНБ, ф. 619, № 29, л. 4—5) (ПБ) — список неизвестной рукой 1820-х (?) гг.; со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 25, 29, 33.

22) Неизвестного (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 629, л. 37 об.—39) (N₃) — в тетради 1829 г. со списками стихотворений Пушкина, К. Ф. Рыльева и других авторов; с подписью: «А. П.», с искажением в ст. 26.

23) Тетр. из собр. Картавова (Карт) — с подписью «А. Пушкин», с пропуском ст. 22—29; без строфического деления.

24) Вторая тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₂) — с большим количеством ошибок и искажений (в ст. 3, 10, 12, 17, 18, 22, 30); без строфического деления.

25) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — с датой под текстом: «1821»; без строфического деления.

26) Третья тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₃) — с подписью: «А. Пушкин», с ошибками и искажениями в ст. 14, 18 и 30, с пропуском ст. 24; с делением на два астрофических фрагмента после ст. 29.

27) Туринско-ялutorовская тетр. И. И. Пушина (РГБ, ф. № 243 (И. И. Пушина), к. 5, № 1) (Пущ₂) — без строфического деления, с пропуском ст. 32—33.

28) Сб. Гедеонова (Гд) — с пропуском ст. 24, с ошибкой в ст. 11 («И озаряясь он трепещет») и искажениями в ст. 25, 32—33; со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 25, 29, 33.

29) Сб. «Всякая всячина», ч. 6 (ВВ₆) — с подписью: «А. С. Пушкин»; ст. 35—36 поменяны местами; с позднейшими исправлениями (возможно, по Герб (см. ниже)) и примечаниями к ст. 25 («Марат»), 29 («Шарлота Корде») и 31 («Студент Карл Занд, убийца Коцебу»), с выставленной позднее под текстом датой: «1821»; с делением на три астрофических фрагмента после ст. 16 и 29, позднее исправленным на строфическое деление после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 25, 29 и 33.

30) Тетр. Бартенева (Бар) — с пометами рукой С. А. Соболевского: между ст. 4 и 5 и 16 и 17 поставлены кресты, а внизу страницы сделана запись: «Тут пропуски: вообще этот список неверен» (примечание ошибочное, пропусков в копии нет).

Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 516—517 (в виде вариантов к тексту копии Барат₁ (см. выше № 3)).

31) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — с искажением в ст. 30; с делением на два астрофических фрагмента после ст. 16; с примечанием после текста: «Стихотворение это импровизовано за ужином»; с позднейшими поправками рукой С. Д. Полторацкого в ст. 30 и 37 и его примечаниями в конце сборника (кн. 2, л. 80—82): приведены разночтения копии Полт и публикации ПЗ; дана библиографическая справка о публикациях французского прозаического перевода Ж.-А. Ансело (см. ниже).

32) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233 (Полт.), к. 49, № 9, с. 43—45) (Полт₂) — писарская, в переплетенной тетради со списками стихотворений Пушкина и псевдопушкининой; без строфического деления.

33) Тетр. Семевского (Сем) — с подписью: «А. Пушкин», с ошибкой в ст. 23, с примечанием к ст. 31, с позднейшими исправлениями (по ПЗ (см. ниже), в частности, поменяны местами ст. 35 и 36); без строфического деления.

34) Сб. Александрова (Ал) — с датой под текстом: «1821»; ст. 35—36 поменяны местами; без строфического деления.

35) Тетр. Якушкина (Якуш) — с датой при заглавии: «1821», с примечаниями составителя, с исправлениями.

36) Тетр. Гаевского (Гв) — с ошибкой в ст. 8 и пропуском ст. 22—25; со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 29, 33. Под текстом другой рукой дано указание на публикацию в «Собрании стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов» (Лейпциг, 1858).

37) Тетр. Дашкова (Даш) — с ошибкой в ст. 3 («Свободы тайный страх, карающий кинжал»); со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 25, 29, 33.

38) Тетр. Марина (Мар) — ст. 35—36 поменяны местами; со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 25, 29, 33.

39) П. А. Ефремова (Е) — с проставленной карандашом датой: «1821», с примечаниями к ст. 25, 29 и 31; со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 25, 29, 33.

Во всех копиях, кроме Отб, заглавие: «Кинжал». Копии 4, 8—11, 13, 15—17, 19, 20, 23—26, 28, 29, 31, 33—39 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 648 (в виде вариантов; publ. М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

Утраченные копии:

1) Бывшая в распоряжении А. И. Герцена, по которой им была осуществлена публикация стихотворения (см. ниже) (ПЗ) (без строфического деления, ст. 35—36 поменяны местами).

2) Бывшие в распоряжении Н. В. Гербеля, по которым им были осуществлены публикации стихотворения в кн.: Герб. С. 18—20 (Герб) (с датой под текстом «1821»; ст. 35 и 36 поменяны местами; со строфическим делением после ст. 4, 8, 12, 16, 21, 25, 29, 33) и в статье «Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина» (РА. 1876. Т. 3, № 10. С. 211—212) (РА).

Местонахождение некоторых копий, учтенных и напечатанных М. А. Цявловским в Акад. (Т. 2. С. 648, 1090—1091; в виде вариантов), в настоящее время не установлено. Ученная в Акад. копия неизвестного (ПД, ф. 244, оп. 4, № 122) является списком конца XIX в. с текста Герб.

Перечень не является исчерпывающим; учтены ранние или достаточно авторитетные списки. Публикацию и упоминание ряда других копий см.: *Ляцкий Е.* Один

из списков Пушкинского стихотворения «Кинжал» // *Slovonský sborník věnovaný prof. Frontišku Postnřkovi*. Praha, 1923. С. 194—197 (по копии на бумаге без водяных знаков, «типичной для первых двух десятилетий XIX века»); *Новополин Т.* Пушкин і Катеринослав : Історико-літературний нарис // Штурм. Дніпропетровськ, 1936. № 11—12. С. 104—105, 107—108 (из библиотеки Миклашевских; в виде разночтений; с воспроизведением списка).

Впервые во французском прозаическом переводе: *Ancelot J.-A.-F.-P.* Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintines, en 1826, à l'époque du Couronnement de S. M. l'Empereur. Bruxelles, 1827. P. 234—235 (2-me éd. Paris, 1827. P. 306—307); перепечатано: *Ancelot J.-A.-F.-P.* Œuvres complètes. Paris, 1838. P. 555—556 (издание стереотипно переиздавалось в 1855 и 1858 гг.). Русский текст впервые: ПЗ 1856. Кн. 2. С. 18—20 (публ. А. И. Герцена); перепечатано: Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов. Лейпциг, 1858. С. 11—12 (с опечаткой в ст. 19 и разночтением в ст. 34: «Твоей Германии Ты грозной тенью стал»). В России впервые: РА. 1876. № 10. С. 211—212 (публ. Н. В. Гербеля).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по копиям ОА (1), ОА (2), Ос, дающим идентичный текст, с исправлением ст. 6 в соответствии с чтением большинства известных копий и публикаций («Свершитель ты проклятий и надежд» вместо: «Свершитель ты проклятья и надежд»).

Датируется предположительно мартом 1821 г. на основании списка на л. 53 тетради ПД 831, в котором произведения 1821 г., по-видимому, расположены в хронологическом порядке. «Кинжал» помещен в списке между элегией «Я пережил свои желанья...», датируемой 22 февраля 1821 г., и посланием «Ч(аадае)-ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), датируемым 6 апреля 1821 г.

Первоначальный текст чернового автографа находится на л. 45 об. тетради ПД 830. Он состоит из двенадцати стихов (соответствуют ст. 1—4 и 9—16 окончательного текста стихотворения) и заключается росчерком — знаком концовки. Этот текст Пушкин сразу же (что следует из характера записи, пера и чернил) начал расширять. Дополнения записаны на смежном листе (л. 46; здесь черновой автограф стихов, соответствующих ст. 17—21 и 5—8 окончательного текста) и на л. 64 (здесь запись в правой половине листа в горизонтальном развороте тетради). Перенос работы в конец тетради, вероятнее всего, объясняется тем, что л. 46 об.—47 уже были заняты беловым автографом послания «К Аглае» (первая редакция стихотворения «Кокетке», см. примеч. к нему — наст. т., с. 550). Левая половина л. 64 занята портретными зарисовками, среди которых находится французская помета: «22 juin 1822 t. m.» (или «f. m.»). Однако эта помета («22 июня 1822»), как и часть рисунков, появилась на листе позднее черновых набросков к «Кинжалу» и, вопреки мнению С. А. Фомичева (см.: *Фомичев С. А.* Записная книжка Пушкина ПД 830 : (История заполнения: л. 43—66 об.) // ПИМ. СПб., 2003. Т. 16—17. С. 46—47), никак не может служить к определению времени работы над стихотворением. Среди рисунков в тетради ПД 831, на л. 46, записи на котором делались между 18 и 26 июля 1821 г. (по французским пометам на соседних листах: на л. 45 об. — «18 juillet 1821»; на л. 46 об. — «26 juillet 1821»), есть подписанные изображения Марата и Занда. Соотнеся рисунки с работой над «Кинжалом», П. О. Морозов (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 593) датировал стихотворение июлем

1821 г. Эта же датировка была принята в изданиях под редакцией М. А. Цявловского начиная с КН (Т. 2. С. 315). В изданиях 1920—1930-х гг. под редакцией Б. В. Томашевского «Кинжал» датирован «22 июня 1821 г.» (Пушкин. Соч. Л.: ГИЗ, 1924. С. 499) и «около 22 июня 1821 г.» (Пушкин А. Соч. Л., 1935. С. 953 (и переизд.), дата в алфавитном указателе стихотворений; в примечаниях датирован июлем 1821 г.). Эта дата, по-видимому, результат случайной ошибки, когда французская помета «22 juin 1822» на листе с черновым автографом стихотворения оказалась отнесена к 1821 г. В Acad. в 6 т. (Т. 1. С. 704) и Акад. (Т. 2. С. 1091) стихотворение датировано М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер (Цявловской) предположительно мартом на основании списка произведений на л. 53 тетради ПД 831. В изданиях Пушкин 1955 и Акад. в 10 т. (2) также отнесено Б. В. Томашевским к марту (что видно из положения стихотворения в корпусе относительно других, точно датированных).

Текст стихотворения, сохранившийся только в списках, в разных изданиях различается в зависимости от выбранного редактором источника публикации. При этом (что обычно при работе со списками) в большей части изданий представлен текст, полученный в результате контаминации двух или более источников. В Ефр. 1880 (Т. 1. С. 370—371), Ефр. 1882 (Т. 1. С. 346—347), Ефр. 1887 (Т. 1. С. 271—272) «Кинжал» печатался по публикации Н. В. Гербеля в «Русском архиве» (РА) (в Ефр. 1880 с неточностью в ст. 27). П. О. Морозов (Мор. 1887. Т. 1. С. 239—240) произвольно внес в текст РА изменения по черновому автографу (см. выше, с. 570); этот текст первоначально был повторен и в Ефр. 1903—05 (Т. 1. С. 388—389), однако к тому примечаний приложен новый вариант страниц с текстом «Кинжала» (см.: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 626). Сделанное здесь указание, что стихотворение печатается по копии Щер, неверно: новый вариант текста, предложенный П. А. Ефремовым, представляет собой тот же текст РА с исправлением ст. 13 и 37 по рукописи в тетради С. Д. Полторацкого (АвПолт и Полт), напечатанной в «Материалах» Л. Н. Майкова (см. выше). Мнение Л. Н. Майкова, что стихотворение следует печатать по копии Полт, дописанной собственноручно Пушкиным и, таким образом, обладающей «авторитетом достоверности» (Майков. Материалы. С. 110), не получило полной поддержки. Несмотря на заявления П. О. Морозова и Н. О. Лернера, что ими принят к публикации текст рукописи Полторацкого, в изданиях под их редакцией по ней были исправлены только отдельные стихи (см.: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 282—283, 592; Венг. Т. 2. С. 70, 571). В. Е. Якушкин (АН 1900—29. Т. 3. С. 62—63) печатал стихотворение по публикации А. И. Герцена (ПЗ) с коррекцией по РА, исправив по АвПолт только чтение последнего стиха («Горит без подписи кинжал» вместо: «Горит без надписи кинжал») (то же решение в Брюс. С. 157—158). Возражения Майкову см. также: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 626. Копия Полт действительно не является в строгом смысле слова авторизованной. Пушкин не просматривал и не выправлял текст копии (поправки в нем рукой С. Д. Полторацкого явно позднейшие, сделанные после выхода публикации ПЗ), а только приписал недостающий конец стихотворения, при этом допустив, по-видимому, случайную опisku в предпоследнем стихе. Что касается последнего стиха, то замена в нем слов «без надписи» на «без подписи» никак не может считаться авторским вариантом. М. А. Цявловский справедливо рассматривал эту замену как пушкинскую шутку: она прямо связана с подписью под текстом: «Не А. Пушкин», т. е. с выраженным нежеланием публично признавать свое авторство (Цявлов-

ский М. А. Автограф стихотворения Пушкина «Кинжал» // *Голос минувшего*. 1923. № 1. С. 23).

В 1923 г. М. А. Цявловский напечатал стихотворение по копии Е. А. Баратынского из бумаг Н. В. Путяты (Барат₁), ошибочно принятой им за беловой автограф Пушкина. Как автографический текст Барат₁ перепечатывался во всех последующих изданиях до Акад. (в изданиях под редакцией Б. В. Томашевского с изменением ст. 34: «Твоей Германии ты вечной тенью стал» (*Пушкин*. Соч. Л.: ГИЗ, 1924. С. 81), «В твоей Германии ты вечной тенью стал» (*Пушкин А.* Соч. Л., 1935. С. 342; и переизд.) вместо: «В твоей Германии он вечной тенью стал» в Барат₁; в изданиях, начиная с ГИХЛ 1934, с немотивированным изменением ст. 28: «И высший суд ему послал» вместо: «И высший суд ему послал» в Барат₁). После того как в ходе подготовки Акад. выяснилось, что копия Барат₁ не является пушкинским автографом, М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер (Цявловской) был предложен новый текст стихотворения (Акад. Т. 2. С. 173—174). В основу его, как здесь заявлено, положена копия Щер; чтение Щер исправлено в пяти стихах: в ст. 1, 6, 11 и 13 — по копии Шер; в ст. 5 — по черновому автографу и ряду других копий (см.: Там же. С. 1091). Это обоснование текста не может не вызывать вопросов хотя бы потому, что копия Щер не принадлежит к самым ранним и уступает ряду других копий в авторитетности, копия Шер неполная и не дает индивидуальных чтений, чтобы опираться в исправлениях только на нее, чтение ст. 1 в Щер имеет соответствие в ряде других копий и в черновом автографе и не требует исправления. Есть основания полагать, что на самом деле для Акад. был подготовлен некий «усредненный» вариант текста, каждое чтение которого находит подтверждение в значительном числе списков, обоснование же к нему достаточно «случайно» и, по-видимому, написано вообще постфактум. Тот же текст можно было бы получить, например, на основе публикации РА, исправленной по другим копиям в трех стихах, на основе копий ОА (1), ОА (2) или Ос, исправленных в четырех стихах, на основе копии Барат₁, исправленной в пяти стихах, и т. д.

В настоящем издании в основу текста положены копии ОА (1), ОА (2) и Ос, принадлежавшие П. А. Вяземскому (ОА (1) и Ос собственноручно им выправленные). Они безусловно относятся к числу самых ранних и, по-видимому, могут быть признаны и самыми авторитетными, возможно восходящими напрямую к тексту, присланному Пушкиным из Кишинева и читавшемуся, в частности, у Карамзиных (см. ниже). Текст всех трех копий идентичен и допускает исправление по большинству известных копий только в ст. 6 («Свершитель ты проклятья и надежд»). Что касается чтения ст. 20 («Кинжал! ты кровь испил — и мертв объемлет он»), то оно находит подтверждение в черновом автографе и, по всей видимости, ему надо отдать предпочтение перед представленным другими копиями своего рода «упрощенным» вариантом «Кинжал! ты кровь излил — и мертв объемлет он» (другое, столь же распространенное в копиях чтение этого стиха «Ты Кесаря сразил — и мертв объемлет он», несомненно, является авторским вариантом).

Непосредственным литературным импульсом к созданию стихотворения, по-видимому, следует признать оду А. Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. о нем наст. т., с. 483—484) «Шарлотте Корде» («A Marie-Anne-Charlotte Corday», 1793). В посвященном французскому поэту стихотворении «Андрей Шенье» (1825) Пушкин обращается к нему, в частности, как к автору оды «Шарлотте Корде» с парафразой собственных стихов: «Ты пел Маратовым жрецам / Кинжал и деву-эвмениду».

На зависимость «Кинжала» от оды Шенье было указано еще В. Д. Спасовичем, назвавшим пушкинское стихотворение «близким подражанием» Шенье (см.: Спасович В. Д. Байронизм Пушкина и Лермонтова // ВЕ. 1888. № 3. С. 61). Более корректными представляются замечания Б. В. Томашевского о «сходстве мысли и сходстве образов» (Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине. [П.] «Кинжал» и m-me de Staël // ПиС. Пг., 1923. Вып. 36. С. 82) и Е. Г. Эткинда, что Пушкин в «Кинжале» развивает тему оды Шенье (см.: Pouchkine A. Œuvres complètes. Lausanne, 1981. Т. 2. P. 379—380). Последние стихи оды Шенье заключают в себе основную идею пушкинского стихотворения:

O vertu, le poignard, seul espoir de la terre,
Est ton arme sacrée, alors que le tonnerre
Laisse régner le crime et te vend à ses lois.

(О добродетель, кинжал, единственная надежда на земле, — вот твоё священное оружие, когда божий гром позволяет править преступлению и предаёт тебя его власти. — фр.) (Chénier. P. 213).

Можно отметить и другие переключки со стихами Шенье:

La Grèce, ô fille illustre, admirant ton courage,
Épuiserait Paros pour placer ton image
Auprès d'Harmodius, auprès de son ami;
Et des chœurs sur ta tombe, en une sainte ivresse,
Chanteraient Némésis, la tardive déesse,
Qui frappe le méchant sur son trône endormi.

(Греция, о славная дева, восхищаясь твоей отвагой, исчерпала бы мрамор Пароса, чтобы запечатлеть твой образ рядом с образом Гармодиуса и его друга; и хоры на твоей гробнице, опьяненные священным восторгом, воспевали бы Немезиду — богиню, которая медлит наказанием, но разит злодея, коснеющего на троне. — фр.) (Chénier. P. 211—212).

П. И. Бартенев сообщал, со слов Д. Н. Блудова, что перед высылкой Пушкина из Петербурга Н. М. Карамзин, хлопотавший о смягчении его участи, взял с него слово в продолжение года не писать ничего «противного правительству». «Пушкин дал ему слово и сдержал его: не раньше 1821 года прислал из Бессарабии, без подписи, стихи свои „Кинжал“». Хотя стихи и не были подписаны, «у Карамзиных тотчас догадались, кто автор „Кинжала“» (Бартенев. П. в южной России. С. 13—14; то же: Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 136). Сам Пушкин писал Жуковскому в апреле 1825 г.: «Я обещал Н(иколаю) М(ихайловичу) два года ничего не писать противу правительства и не писал. „Кинжал“ не против правительства писан, и хоть стихи и не совсем чисты в отношении слога, но намерение в них безгрешно» (Акад. Т. 13. С. 167). Из слов Пушкина можно заключить, что «Кинжал» был написан им раньше, чем через два года после высылки из Петербурга, что также свидетельствует в пользу датировки стихотворения 1821 г. Авторское же утверждение, что стихотворение не носит антиправительственного характера, может быть принято лишь отчасти.

Пафос тираноубийства действительно заключается не в нарушении, а, наоборот, в восстановлении законного порядка вещей. В европейской традиции тираноубийст-

ва, основанной на сформировавшемся в позднесредневековой Европе комплексе этико-политических представлений, убийство лица, нарушающего божественные, человеческие и естественные законы, — тирана, узурпатора законной власти или веротступника рассматривается не как преступление, а как юридический акт восстановления справедливости в ситуации, когда это бессилён сделать закон. Эта традиция изначально была ориентирована на классические примеры героев-тираноборцев античности: Гармония и Аристокитона (см. ниже примеч. к ст. 7—8) и Брута (см. ниже примеч. к ст. 19), сам акт убийства в ней был ритуализован: оружием, по античному образцу, чаще всего служил кинжал, убийца не бежал, но оставался на месте преступления. Так были убиты Вильгельм Оранский (1584), французские короли Генрих III (1589) и Генрих IV (1610), фаворит Карла I герцог Бекингем (1628) (см.: *Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора : (А. Пушкин, Ф. Достоевский, Андрей Белый, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 81—84*). В русле этой традиции рассматривалось современниками и убийство Шарлоттой Корде республиканца, «друга народа» Ж.-П. Марата. См., например, приведенные впоследствии Пушкиным в «Table-talk» (1834) слова его лицейского учителя, брата Марата, Д. де Будри, называвшего Корде «вторым Равальяком» (Акад. Т. 12. С. 166; имя Франсуа Равальяка (Ravillac; 1578—1610), заколовшего кинжалом Генриха IV, стало нарицательным для цареубийцы). Сама Шарлотта Корде соотносила себя с Брутом и писала из тюрьмы накануне казни о своей встрече с ним на Елисейских полях (см.: *Couet-Gironville. Charlotte Corday décapitée à Paris le 16 juillet 1793, ou Mémoires pour servir à l'histoire de la vie de cette femme célèbre. Paris, an IV (1795). P. 140*). А. Шенье в оде, посвященной Шарлотте Корде, ставил ее в ряд с Гармонием и Аристокитоном.

Об актуальности концепции тираноубийства для современного европейского политического сознания свидетельствует, к примеру, замечание о деспотическом правлении в книге Ж. де Сталь «Десять лет в изгнании»: «...que deviendrait un pays gouverné despotiquement, si un tyran au-dessus de toutes les lois n'avait rien à craindre des poignards?» («...что случилось бы со страной, управляемой деспотически, не страшись тиран, презирающий любые законы, удара кинжала?» — *фр.*) (*Œuvres complètes de Mme la Baronne de Staël; publiées par son fils. Paris, 1821. T. 15: Dix années d'exil; fragments d'un ouvrage inédit, composé dans les années 1810 à 1813. Paris, 1821. P. 331; Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании / Пер. с фр., ст., коммент. В. А. Мильчиной. М., 2003. С. 231*). Высказывавшееся мнение, что этот пассаж г-жи де Сталь является прямым источником «Кинжала» (см.: *Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине. [II.] «Кинжал» и m-me de Staël. С. 82—83; см. также: Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // Томашевский. П. и Франция. С. 153*), опровергается хронологией: книга Сталь вышла в Париже только в июне 1821 г. Это мнение основывается на неточности в каталоге библиотеки Пушкина (Библиотека П. № 1406), где все тома посмертного собрания сочинений г-жи де Сталь помечены 1820 г., тогда как некоторые из них, в том числе 15-й, вышли в 1821 г. (см.: *Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. С. 436—437, коммент. В. А. Мильчиной; Мильчина В. А. Пушкин и книга Жермены де Сталь «Десять лет в изгнании»: Заметки комментатора // ПиС. (Нов. серия). Вып. 4 (43). С. 303—305*).

В тюремной оде А. Шенье «*Byzance, mon berceau, jamais tes janissaires...*» выдвинут тот же тезис об убийстве как пределе деспотического правления, благодаря чему деспотическая Византия, в глазах Шенье, более свободна, чем якобинский Париж:

Tes mœurs et ton Coran sur ton sultan farouche
 Veillent, le glaive nu, s'il croyait tout pouvoir;
 S'il osait tout braver; et dérober sa bouche
 Au frein de l'antique devoir.

Voilà donc une digue où la toute-puissance
 Voit briser le torrent de ses vaste progrès!

(Твои обычаи и твой Коран бдительно следят за твоим жестоким султаном, обнажив меч, — да не возомнит он, что ему дозволено все, что ему нечего бояться, да не осмелится сбросить узду вековых обязательств. Вот она преграда, о которую всемогущество разбивается в своих стремлениях! — *фр.*) (Chénier. P. 201— 202).

Байрон в 1816 г. в XX строфе третьей песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage») (к марту 1821 г., несомненно известной Пушкину по французскому переводу А. Пишо и Э. де Саля, — см. примеч. к стихотворению «Погасло дневное светило...», наст. т., с. 506) вспоминал о тираноубийстве в связи с политическими процессами в посленаполеоновской Европе:

If not, o'er one fallen Despot boast no more!
 In vain fair cheeks were furrowed with hot tears
 For Europe's flowers long rooted up before
 The trampler of her vineyards; in vain, years
 Of death, depopulation, bondage, fears,
 Have all been borne, and broken by the accord
 Of roused-up millions: all that most endears
 Glory, is when the myrtle wreathes a Sword,
 Such as Harmodius drew on Athens' tyrant Lord.

(Не хвались одним свергнутым деспотом! Иначе напрасно прекрасные ланиты избородили морщины от жарких слез над цветами Европы, вырванными с корнем еще прежде, чем он растоптал ее виноградники; напрасно претерпевались годы смертей, опустошений, рабства, страхов, конец которым положил совместный порыв поднявшихся миллионов: слава дороже нам, когда миртовый венок обвивает меч, как тот меч, который Гармодий обнажил против тирана Афин. — *англ.*) (The Works of Lord Byron. A new, revised and enlarged ed. / Ed. by E. H. Coleridge. London, 1904. Poetry. Vol. 2. P. 228). Во французском переводе:

Ou plutôt, cessons de nous vanter de la chute d'un despot! c'est en vain que des larmes brûlantes ont sillonné les joues de nos femmes et de nos mères; c'est en vain que l'Europe a gémi sur ses moissons foulées aux pieds par un tyran; c'est en vain qu'après avoir supporté des années de mort, de ravage, de chaînes et de terreur, des millions d'hommes se sont réveillés dans un généreux transport: la gloire ne peut être chère aux peuples délivrés que lorsque la myrte couronne l'épée dont Harmodius perça le sein de l'opresseur d'Athènes.

(Так перестанем же хвалиться свержением деспота! напрасно гругие слезы орошали щеки наших жен и матерей; напрасен был стон Европы над жатвой, попанной тира-

ном; напрасно после долгих лет смерти, разрушения, цепей и страха миллионы пробудились в благородном порыве: если освобожденным народам дорога слава — под миртом скрывается меч, как у Гармодия, пронзившего грудь тирана Афин. — *фр.*) (*Œuvres complètes de lord Byron, traduites de l'anglais par A. E. de Chastopalli. 2-me éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris, 1820. T. 3. P. 169.*)

Практика политического убийства вскоре получила продолжение. 11 (23) марта 1819 г. иенский студент Карл Людвиг Занд (*Sand; 1795—1820*), член одного из студенческих союзов (буршеншафтов), выступавших в поддержку идеи германского национального единства, «казнил» известного драматурга и политического публициста А. Ф. Ф. Коцебу как «изменника» Германии, считая, что «должно истребить всех тех, которые препятствуют вольности и единству земли сей» (*СО. 1819. Ч. 53, № 14. С. 85*). Спустя год, в ночь с 13 на 14 февраля 1820 г., Луи-Пьер Лувель (*Louvel; 1783—1820*) заколол в Париже кинжалом герцога Беррийского, чтобы пресечь династию Бурбонов, предавших, по мнению Лувеля, свой народ и потому не имеющих законных прав на французский трон. В начале апреля 1820 г. Пушкин ходил по театральному залу в Петербурге и показывал портрет Лувеля со своей надписью: «Урок царям» (*Летопись 1999. Т. 1. С. 175*). И в этом контексте написанный весной 1821 г. «Кинжал» может восприниматься как образец крайне радикальной политической лирики.

Стихотворение быстро получило широкое распространение. Несомненно его имел в виду А. Г. Родзянко, давая в 1822 г. в своей сатире «Два века» памфлетную характеристику Пушкина: «И все права пока — иль два, иль три ноэля, / Гимн Занду на устах, в руке портрет Лувеля» (*Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 164* (Б-ка поэта; Большая сер.)). 19 июня 1823 г. Н. В. Путьята, сообщая С. Д. Полторацкому новое стихотворение Пушкина «Птичка», писал: «Если вы не читали еще его „Кинжал Занда” и других пиес, то можете требовать их у меня...» (*ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 40*). 1 мая 1824 г. в Москве С. Д. Нечаев, И. М. Снегирев, М. Т. Каченовский и И. И. Давыдов «разбирали Пушкина „Кинжал” и романтиков и слепое им удивление, плод невежества» (*Снегирев И. М. Дневник // РА. 1902. Т. 2, № 7. С. 400*). И. Д. Якушкин называл «Кинжал» в ряду пушкинских стихотворений, которые «были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть» (*П. в восп. Т. 1. С. 365*). В декабристских кругах стихотворение прямо использовалось в агитационных и пропагандистских целях. Так, согласно показаниям поручика Пензенского пехотного полка П. Ф. Громнитского, летом 1825 г. М. П. Бестужев-Рюмин читал и давал списывать «Кинжал» членам Общества соединенных славян, агитируя за цареубийство (см.: *Восстание декабристов: Документы. М., 1975. Т. 13. С. 298—305*, с воспроизведением сокращенного текста «Кинжала», записанного Громнитским и густо зачеркнутого военным министром А. И. Татищевым; см. также: *Мейлах Б. С. Пушкин в ходе следствия над декабристами // Изв. АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1955. Т. 14, вып. 2. С. 130—131*). Д. И. Завалишин в своих мемуарных записках упоминал «Кинжал» как стихотворение, возбуждавшее «к крайним революционным мерам» и вызывавшее «ненависть и презрение к правительству» (*Завалишин Д. И. Пребывание декабристов в тюремном заключении в казематах в Чите и в Петровском Заводе // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 246*). Политическую репутацию стихотворения подчеркивал и его переводчик и первый публикатор французский поэт и драматург Жак-Арсен-Франсуа-Поликарп Ансело (*ancelot; 1794—1854*), назы-

вавший его «преступным панегириком убийству» и считавший, что «стихи эти дышат республиканским фанатизмом, а необузданная сила вдохновивших их чувств говорит о том, какие идеи зреют в умах многих молодых москвитов...» (*Ancelet J.-A.-F.-P. Six mois en Russie. P. 235—236 (2-me éd. P. 307—308); Ансело Ф. Шесть месяцев в России / Вступ. ст., сост., пер. с фр., коммент. Н. М. Сперанской. М., 2001. С. 128—129*). При этом, по мнению Е. Г. Эткинда (см.: *Эткинд Е. Г. Поэзия А. С. Пушкина во французских переводах // Пушкин А. С. Избранная поэзия в переводах на французский язык. М., 1999. С. 7*), в последних двух строфах перевода Ансело радикализм стихотворения был несколько усилен по сравнению с оригиналом:

Le Poignard

Le dieu de Lemnos t'a forgé pour les mains de l'immortelle
Némésis, ô Poignard vengeur! mystérieux gardien de la liberté, dernier
juge de la violence et de l'opprobre! Lorsque la foudre divine est muette,
lorsque le glaive des lois est rouillé, tu brilles, tu viens réaliser les
espérances ou les malédictions. L'ombre du trône, la pourpre des habits
de fête dérobent en vain ton éclat aux regards du scélérat que tu
menaces. Son œil épouvanté te presse et te cherche au milieu des repas
splendides. Tes coups inévitables le trouvent, et sur les routes et sur
les flots, près des autels et sous la tente, malgré le rempart de mille
verrous, et sur un lit de repos et dans les bras de sa famille.

Le Rubicon sacré bouillonne franchi par César; Rome succombe,
la loi n'est plus qu'un vain fantôme! Soudain Brutus se lève, et César
meurt abattu aux pieds de Pompée, que réjouit son dernier soupir.

De nos jours, la Proscription, ténébreux enfant de la Révolte, poussait
des cris sanguinaires. Un bourreau hideux veillait auprès du cadavre
mutilé de la Liberté nationale; cet apôtre du carnage envoyait les
plus nobles victimes à l'enfer insatiable; mais le tribunal des cieus te remit
à l'Euménide vengeresse.

O Sand, martyr de l'indépendance! meurtrier libérateur! Que le
billot soit le terme de ta vie, la vertu n'en consacre pas moins ta cendre
proscrite; un souffle divin s'y conserve encore; ton ombre courageuse
plane sur le pays si cher à ton cœur; elle menace toujours la force usurpatrice,
et sur ton auguste mausolée brille, au lieu d'épithape, un poignard
sans inscription.

⟨Бог Лемноса сковал тебя для рук бессмертной Немезиды, о мстительный Кинжал! тайный страж свободы, последний судия насилия и позора! Когда божественный гром молчит, когда меч законов покрывается ржавчиной, ты блещешь, ты исполняешь надежды и проклятия. Ни тень трона, ни пурпур праздничных одежд не скроют твой блеск от очей злодея, которому ты грозишь. Его пугливый взор угадывает и ищет тебя посреди пышных пиров. Твои неотвратимые удары настигают его и в дороге, и на морях, у алтарей и под шатром, и на ложе отдыха, и в объятиях семьи, несмотря на ограду тысяч замков.

Священный Рубикон бурлит, пересекаем Цезарем; Рим склонил голову; закон превратился в пустой призрак! Внезапно восстал Брут, и Цезарь умирает, сраженный у ног Помпея, которого радует его последний вздох.

Проклятие наших дней, мрачное порождение Мятежа, испускало кровожадные крики. Уродливый палач бодрствовал над искалеченным трупом народной Свободы;

этот апостол резни отправлял в ненасытный ад самых благородных, приносимых им в жертву; но небесный суд вложил тебя в руки карающей Эвмениды.

О Занд, мученик независимости! убийца-освободитель! Пусть твоя жизнь окончилась на плахе, тем не менее твой отверженный прах освящен добродетелью; он хранит еще божественное дыхание; твоя мужественная тень витает над столь дорогой твоему сердцу страной; она продолжает угрожать захватнической силе, и на твоей торжественной могиле горит, вместо эпитафии, кинжал без надписи. — *фр.*) (*Anselot J.-A.-F.-P. Six mois en Russie. P. 234—235; 2-me éd. P. 306—307.*)

«Кинжал» был единственным произведением Пушкина, упомянутым английским путешественником Томасом Рейксом (1777—1848) в рассказе о посещении Петербурга зимой 1829—1830 гг. Познакомившийся со стихотворением по французскому переводу, Рейкс вслед за Ансело оценил его как произведение «дерзкое и преступное», имеющее прямое отношение к революционной деятельности, которое «при существующих обстоятельствах ни один деспотический государь не мог бы никогда забыть или простить» (*Raikes Th. A visit to St. Petersburg in the winter of 1829—1830. London, 1838. P. 85—87; см. также: Глинка С. Ф. Англичанин о Пушкине зимою 1829—1830 гг. // ПиС. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 105—110; Алексеев М. П. Пушкин и английские путешественники в России // Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 585—587 (ЛН. Т. 91)). А. Мицкевич в своих парижских лекциях о славянских литературах говорил о «Кинжале» как стихотворении, «проникнутом суровым якобинством и глубокой ненавистью к существующему строю»: «Вскоре имя Пушкина стало лозунгом для всех недовольных элементов России. Его стихи переходили из рук в руки, о них говорили повсюду — от Петербурга до Одессы и Кавказа; во всех гарнизонах распевали его стихотворение „Кинжал“, имевшее, впрочем, мало достоинств, но каждый находил в нем выражение своих собственных чувств» (лекция 7 июня 1842 г. — *Mickiewicz A. Les Slaves. Cours professé au Collège de France. Paris, 1849. T. 3. P. 284; цит. пер. Ю. Мирской: Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 4. С. 382.*)*

Ст. 1—2. *Лемносский бог тебя ковал Для рук бессмертной Немезиды...* — В древнегреческой мифологии остров Лемнос — место пребывания бога кузнечного дела Гефеста. Немезида — богиня возмездия; одним из ее атрибутов был меч.

Ст. 7—8. *Ты кроешься под сенью трона, Под блеском праздничных одежд.* — В 514 г. до н. э. афинские юноши Гармодий и Аристоклитон, прославленные в греческой традиции тираноубийцы, убили Гиппарха, брата афинского тирана Гиппия, на праздничной процессии в день Великих Панафиней, ежегодных празднеств в честь богини Афины, скрыв кинжалы под миртовыми венками. Возможно, в данных стихах «Кинжала» содержится также аллюзия на убийство Юлия Цезаря, совершенное в день его торжественного выхода в Сенат.

Ст. 17—18. *Шумит под Кесарем заветный Рубикон, Державный Рим упал, главой поник Закон...* — В 48 г. до н. э. Гай Юлий Цезарь (102—44 до н. э.), находившийся с войском в Галлии, перешел через пограничную реку Рубикон и занял город Армин, находившийся уже не на территории галльской провинции, наместником которой был Цезарь, а в самой Италии. Этот захват был равносильным объявлению гражданской войны. Одержав в гражданской войне победу над своими противниками, Цезарь фактически стал единовластным правителем Рима. «...Склонившись перед счастливой судьбой этого человека и позволив надеть на себя

узд, — пишет Плутарх, — римляне считали, что единоличная власть есть отдых от гражданских войн и прочих бедствий. Они выбрали его диктатором пожизненно. Эта несменяемость в соединении с неограниченным единовластием была открытой тиранией» (Цез., 57).

Ст. 19. *Но Брут восстал вольнолюбивый...* — Образ Марка Юния Брута (85—42 до н. э.) — одного из предводителей заговорщиков, совершивших в 44 г. до н. э. убийство Юлия Цезаря, имел длительную традицию бытования в русской и мировой литературе (см.: *Ниабет С. The Classical Tradition. Oxford, 1949*, по указ.). Даже политические противники Брута воспринимали его как образец добродетели, что нашло отражение в хорошо известном Пушкину жизнеописании Брута у Плутарха.

Ст. 20 — 21. *Кинжал! ты кровь испил — и, мертв, объемлет он Помпея мрамор горделивый.* — Цезарь был убит перед статуей своего давнего политического противника, Гнея Помпея (106—48 до н. э.). См. также в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» («Julius Caesar», 1599): «...и к подножию Помпеевой статуи, с которой во все время кровь текла, пал великий Цезарь» (Юлий Цезарь, трагедии Виллама Шекспира / Пер. Н. М. Карамзина. М., 1787. С. 85).

Ст. 24 — 25. *Над трупом Вольности безглавой Палач уродливый возник.* — Имеется в виду Ж.-П. Марат (Marat; 1743—1793), один из основных деятелей якобинской диктатуры; лицо его было обезображено болезнью.

Ст. 28 — 29. *И вышний суд ему послал Тебя и деву Эвмениду.* — Эвмениды (иначе — эринии) — богини мщения в древнегреческой мифологии. Здесь имеется в виду Марианна-Шарлотта Кордэ д'Армон (Corday; 1768—1793), которая 13 июля 1793 г. убила Марата, а затем спокойно отдалась в руки правосудия и была казнена. По ее признанию, окончательное решение свершить тираноубийство пришло к ней тогда, когда в газете Марата «Друг народа» («L'amî du peuple») она прочла о том, что для окончательного торжества революции необходимо еще двести тысяч жизней.

Ст. 30 — 31. *О юный праведник, избранник роковой, О Занд, твой век угас на плахе...* — Об убийстве К. Л. Зандом Коцебу см. в примеч. к эпиграмме «(На Стурдзу)» («Холоп венчанного солдата!..») (1819) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 565—566. Убийство подробно освещалось в русской периодике, где обнаруживаются также и параллели пушкинским характеристикам Занда как «юного праведника» и «избранника рокового». В помещенном в «Сыне отечества» отчете о состоянии Занда (пытавшегося совершить самоубийство) говорилось: «Он всегда отличался благонравием, кротостию, прямодушием, смелостию, решительностию и пламенною любовью к отечеству и истине...» (СО. 1819. Ч. 53, № 15. С. 139). «Вестник Европы» сообщал, что следователи подозревают, «будто некоторым иенским студентам известно было о предположенном убийстве и будто Занд по жребию назначен исполнителем сего злодеяния» (ВЕ. 1819. Ч. 104, № 8. С. 321). Занд сравнивался с Жаком Клеманом (Clement; 1567—1589), убийцей Генриха III (см.: ВЕ. 1819. Ч. 105, № 9. С. 78).

Ст. 36 — 37. *И на торжественной могиле Горит без надписи кинжал.* — Ансело, печатая перевод стихотворения, сопроводил эти слова замечанием: «Особенно примечательной кажется мне заключительная мысль: трибунал свободных судей закреплял имя жертвы на орудии возмездия, здесь же кинжал — без надписи, он угрожает всем тиранам, кто бы они ни были!» (Anselot J.-A.-F.-P. Six mois en Russie. P. 236; 2-me éd. P. 309); Ансело Ф. Шесть месяцев в России. С. 129).

Трибунал свободных судей — средневековый тайный суд, существовавший в Германии, некоторые традиции которого были унаследованы буршеншафтами. Сведения о практике немецких тайных союзов попадали в Россию непосредственно от их участников. Так, например, М. Ф. Орлов общался в 1820 г. в Киеве с немецким студентом Адольфом Иорданом, который вместе с Зандом был членом тайных националистических обществ «Черных» и «Непримиримых» (см.: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. М., 1975. С. 166—167; Цявловская Т. Г. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина» // Пушкин : Исследования и материалы : Труды III Всесоюз. Пушкинской конф. М.; Л., 1953. С. 369—371). О надписях на кинжалах упоминалось и в русской печати. Так, в журнале «Сын отечества» сообщалось о съехавшихся после убийства Коцебу в Прагу студентах разных университетов: «Через несколько времени приметили, что они ходят с черными тростями, носят под жилетами черные ленточки, что в их тростях находят кинжалы с разными подозрительными надписями» (СО. 1819. Ч. 54, № 21. С. 91—92).

〈НА КАЧЕНОВСКОГО〉

(«Клеветник без дарованья...»)

(С. 27 и 206)

Автографы:

1) Тетр. ПД 833, л. 3 об. (Ав₁) — белой, под заглавием: «Эпиграмма». Напечатано: Якушкин. № 5. С. 340 (указание на автограф, заглавие и ст. 1). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) ПД 1261, л. 11 об. (Ав₂) — белой, в письме к Л. С. Пушкину от 24 января 1822 г., без заглавия, с указанием в тексте письма: «на Каченовско〈го〉». Напечатано: БЗ. 1858. Т. 1, № 1. Стб. 6 (публ. С. А. Соболевского). Воспроизведение: Левичева. С. 218.

3) ПД 1268, л. 2 об. (Ав₃) — белой, в письме к П. А. Вяземскому от марта 1823 г., под общим заглавием: «Эпиграммы», с записанными ниже «Лечись — иль быть тебе Панглосом...», «Иной имел мою Аглаю...» и «Оставя честь судьбе на произвол...» (в чтении: «Эпиграмма», принято в изд.: Переписка П. Т. 1. С. 43; Письма. Т. 1. С. 43; Акад. Т. 13. С. 60, заглавие относится только к первому из записанных стихотворений). Напечатано: Письма Пушкина и к Пушкину. М., 1903. С. 15 (публ. В. Я. Брюсова «по старинной копии, сохранившейся в тетради, где списаны стихи Пушкина, не бывшие в свое время в печати»); Переписка П. Т. 1. С. 62 (публ. В. И. Саитова по автографу). Воспроизведение: Левичева. С. 280.

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Эпиграммы, надписи и проч.» — в записи: «Надпись к портрету. / Клеветник без дарованья и проч.»; вся запись позднее вычеркнута карандашом, возможно, не пушкинской рукой (вероятно, зачеркивание было сделано в ходе изготовления ЦР). Напечатано: Майков. Автографы П. С. 578.

Впервые: БЗ. 1858. Т. 1, № 1. Стб. 6.

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1859. Т. 1.

Печатается по автографу Ав₃.

Датируется временем между 22 февраля и 5 апреля 1821 г. по положению Ав₁ в тетради ПД 833, в этой своей части заполнявшейся последовательно (на л. 3 об. под

текстом «Элегии (из поэмы: Кавказ)» («Я пережил свои желанья...») помета: «Каменка 22 февр(алья) / 1821», на л. 5 под посланием «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») — «5 апр(еля)». Вполне вероятным представляется предположение В. Б. Сандомирской, что эпиграмма, судя по оттенку чернил, была записана в тетрадь ПД 833 в одно время с элегией «Я пережил свои желанья...» — 22 февраля 1821 г. (см.: Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // Врем. ПК 1975. Л., 1979. С. 19).

Эпиграмма вызвана полемикой между П. А. Вяземским и редактором журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовским, развернувшейся в начале 1821 г. в связи с публикацией «Послания к М. Т. Каченовскому» Вяземского. Послание было задумано Вяземским еще в 1818 г. после появления направленной против Карамзина статьи Каченовского «К господам издателям „Украинского вестника“» (ВЕ. 1818. Ч. 100, № 13. С. 39—51; подпись: «Лужники»). Впервые Вяземский упомянул о своем замысле в письме к А. И. Тургеневу от 31 августа 1818 г., в котором, в частности, призывал к борьбе с Каченовским и Пушкина: «Скажи поэту Пушкину, что ему непременно должно высечь мстительным стихом мерзавца Каченовского. Моя плеть здесь совсем развилась и стала мочалка. Не надобно личностей, но сильный приговор к смерти: la mort sans phrases (смерть без разговоров — фр.). У меня была мысль написать ему самому послание о зависти, но черт знает, сию, как рак на песке» (ОА. Т. 1. С. 118—119). В 1818 г. арзамасцы, несмотря на взаимные призывы к совместным действиям, не выступили в печати. В ответ Каченовскому прозвучала только эпиграмма Пушкина «(На Каченовского)» («Бессмертною рукой раздавленный зонл...»). Послание Вяземского, завершнное в декабре 1820 г. и напечатанное в январском номере «Сына отечества» (1821. Ч. 67, № 2. С. 76—81), явилось, таким образом, прямым продолжением полемики 1818 г. (см. о ней — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 525—526). Арзамасцы втретили послание Вяземского с горячим одобрением (подробнее см.: Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 475—476, коммент. К. А. Кумпан (Б-ка поэта; Большая сер.)). И. И. Дмитриев, также восторженно приветствовавший его появление, противопоставлял позицию Вяземского литературной пассивности других молодых друзей Карамзина. «Вчера я писал к Карамзину и шутил насчет сделанного ему сюрприза, — сообщал он Вяземскому 3 февраля 1821 г. — Верно, вам не миновать журбы его. Но да постыдятся Батюшков и Жуковский! Они не имели вашей энергии подать по-авторски явно свой голос в пользу первого нашего автора; они оробели восстать на его оскорбителя, а не критика, — оробели потому только, чтобы самим не попасть под его критику. А им надлежало поступить иначе: публика наша еще сама на себя не полагается. Смелость в печати всегда покоряет ее. Прибавьте к тому, какое направление дает это малодушное молчание, с одной стороны, и наглое оскорбление талантов, с другой, незрелым умам юношества. Какое развращение будет для вкуса, сколько еще прибавится у нас пачкунов в литературе!» (Син. СПб., 1898. Т. 2. С. 144—145). Пушкин же, напротив, к самому факту появления послания отнесся скорее неодобрительно. Он писал Вяземскому 2 января 1822 г.: «Благодарю тебя за все твои сатирические, пророческие и вдохновенные творенья, они прелестны — благодарю за все вообще — бранюсь с тобою за одно послание к Каченовскому; как мог ты сойти в арену вместе с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венчик кровью, желчью и сивухой... Как с ним связываться — довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы» (Акад. Т. 13. С. 34). Он отклик-

нулся на полемику эпиграммой, в которой, как и в эпиграмме 1818 г., подчеркивал ничтожество Каченовского. С журнальной войной против Вяземского, развернувшейся на страницах «Вестника Европы» после публикации «Послания к М. Т. Каченовскому», связаны также замысел пушкинского послания к Вяземскому «Язвительный поэт, остряк замысловатый...» и, по-видимому, эпиграмма на Каченовского «Хаврониос! ругатель закоснелый...» (см. наст. т., с. 119, 28).

Ответ Каченовского на полемический выпад Вяземского последовал незамедлительно. Каченовский перепечатал послание Вяземского в «Вестнике Европы» (1821. Ч. 116, № 2. С. 98—106), сопроводив его издательскими примечаниями. Насмешкам, в частности, подверглась рифма «жалок — весталок» в первых стихах послания Вяземского:

Перед судом ума сколь, Каченовский! жалок
Талантов низкий враг, завистливый зоиц.
Как оный вечный огонь при олтаре весталок,
Так втайне вечный яд, дар лютый адских сил,
В груди несчастного неугасимо тлеет.

(СО. 1821. Ч. 67, № 2. С. 76;

Вяземский П. А. Стихотворения. С. 148)

Каченовский сравнивал ее с примером дурной рифмы, приведенным в сатире И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794): «...Чалмоносна Порта! / Но что же к ней прибрать мне в рифму, кроме черта?» (см.: ВЕ. 1821. Ч. 116, № 2. С. 99). В последующей полемике (уже после того как Пушкиным была написана эпиграмма) авторы «Вестника Европы» еще дважды возвращались к этой рифме — в «Письме к редактору» Ф. И. Яковлева («Огонь в храме Весты был священнейшим, благотельнейшим для римлян (...); а здесь, для рифмы, он служит примером мучительному огню зависти!!» — ВЕ. 1821. Ч. 117, № 5. С. 33) и в «Послании к Птелинскому-Ульминскому» С. Т. Аксакова («Священной Весты огонь не оскорблю сравненьем / Сего фанатика с безумным ослепленьем» — Там же. Ч. 118, № 9. С. 12—13). По воспоминаниям Е. Ф. Розена, когда много позднее в разговоре с Пушкиным он как-то упомянул неудачно употребленные Вяземским слова «огнь весталок», Пушкин «расхохотался» и признался, что, «читая это место, он невольно закричал в рифму: „Палок!“» (П. в восп. Т. 2. С. 278—279). Пушкинская эпиграмма, по мнению В. Э. Вацура, каламбурна и имеет в виду примечание Каченовского о «весталках»: «Нападая на рифму „жалок” — „весталок”, Каченовский подсказывает («ищет чутьем») другую, более естественную — „палок”». Вяземский, отмечает исследователь, и сам шел к этому каламбуру, но остановился на полпути: в письме к А. И. Тургеневу от 19 февраля 1821 г. он писал о Каченовском: «Напрасно нападает он на рифму: *весталок*, как на неизбежную. Можно прибрать *и палок* и *галок*, и все это будет не hors-d'œuvre (неуместно — фр.)» (ОА. Т. 2. С. 165) (см.: Вацура В. Э. Из разысканий о Пушкине. 4. К истории пушкинского экспромта // Врем. ПК 1972. Л., 1974. С. 107). Позднее Пушкин вернулся к рифме «весталка — палка — жалко» в шутовском экспромте «К портрету NN» («Вот вам весталка...») (см.: Трофимов И. Т. Автограф А. С. Пушкина // Советские архивы. 1973. № 2. С. 108—109; Вацура В. Э. Из разысканий о Пушкине. 4. К истории пушкинского экспромта. С. 108; Головин В. В. Новейшие публикации автографов Пушкина // Врем. ПК 1980. Л., 1983. С. 74—75).

〈НА КАЧЕНОВСКОГО〉

(«Хаврониос! ругатель закоснелый...»)

(С. 28 и 207)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 8 — беловой, чернилами, с поправками, под заглавием: «Эпиграмма», которое позднее, после того как ниже на этом же листе были записаны эпиграммы «Когда б писать ты начал с дуру...» и «Как брань тебе не надоела?..», было переправлено на: «Эпиграммы». Напечатано: РА. 1865. № 12. Стб. 1529 (публ. П. П. Вилинского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: РА. 1865. № 12. Стб. 1529.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом февраля — мартом 1821 г. (см. ниже).

Эпиграмма традиционно печаталась среди текстов 1820 г., написанных после отъезда Пушкина из Петербурга. При этом положение автографа в тетради ПД 830 позволяет датировать его достаточно широко: концом августа (после 24) 1820—июнем (до 27) 1822 г. Л. 8 и верхняя часть л. 8 об. тетради ПД 830, содержащие тексты эпиграмм «〈На Каченовского〉» («Хаврониос! ругатель закоснелый...»), «Когда б писать ты начал с дуру...», «Как брань тебе не надоела!..» и «В жизни мрачной и презренной...», по всей вероятности, не могли быть заполнены до приезда в Гурзуф. Догурзуфские записи в тетради ПД 830 заканчиваются перебеленным на л. 3—4 эпилогом поэмы «Руслан и Людмила» с датой: «26 июля 1820». Маловероятно, чтобы Пушкин стал перед записью эпиграмм в только что начатой и не предназначенной для какого-либо большого замысла тетради пропускать так много чистых листов (восемь, считая вырванные позднее из тетради, — см.: Раб. тетр. Т. 1: Описание. С. 46—48). В Гурзуфе работа чернилами в тетради ПД 830 велась после 24 августа. Последняя по времени гурзуфская карандашная запись — помета в верхней части л. 9: «Владимир 1820 А(в)густа 24» (подробнее историю заполнения л. 4а—9 тетради ПД 830 см.: Рак В. Д. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // ПиС (Нов. серия). Вып. 1 (40). С. 133—152; Рак. Записная книжка ПД 830. С. 5—21). На л. 10 чернилами начата работа над поэмой «Кавказский пленник». Л. 8, таким образом, среди листов, занятых карандашными записями, оставался пробельным и мог быть заполнен в любое время после 24 августа. Нижнюю границу датировки определяет запись на л. 8 об. под текстом эпиграммы «В жизни мрачной и презренной...» — переработка ст. 269—277 второй части поэмы «Кавказский пленник». Судя по положению этой записи, к моменту ее появления в тетради л. 8 и верхняя часть л. 8 об. были уже заняты. Переработка была вызвана цензурными замечаниями, которые сообщил Пушкину издатель поэмы Н. И. Гнедич в не дошедшем до нас письме. «Кавказский пленник» находился в петербургской цензуре с 1 по 12 июня 1822 г. Окончательный вариант этих стихов был послан Пушкиным Н. И. Гнедичу в Петербург в письме от 27 июня 1822 г. Пушкин должен был получить письмо Гнедича и заниматься переработкой стихов на л. 8 об. тетради ПД 830 непосредственно перед этой датой.

Адресат эпиграммы — редактор журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовский (см. о нем в комментарии к эпиграмме «〈На Каченовского〉» («Бессмертной рукой раздавленный зои...») (1818) — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 525—527). Выска-

зывалось мнение, что поводом к эпиграмме могла послужить напечатанная в «Вестнике Европы» (1820. Ч. 111, № 11. С. 213—220; выход в свет 28 июня) за подписью «Житель Бутырской слободы» статья «Еще критика. (Письмо к редактору)», содержащая разбор опубликованных в апрельских номерах «Сына отечества» отрывков из «Руслана и Людмилы» (см.: Пушкин 1955. С. 769—770; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 398; в обоих изданиях коммент. Б. В. Томашевского). В статье, направленной не столько против поэмы Пушкина, сколько против «новой» школы поэзии в целом, пушкинская поэма уподоблялась мужику «с бородою, в армяке, в лаптях», «втершемуся» в Московское благородное собрание (ВЕ. 1820. Ч. 111, № 11. С. 219; П. в критике, I. С. 27). Статья вызвала непродолжительную журнальную полемику: появился ответ в «Сыне отечества» («К издателю „Сына отечества“» — СО. 1820. Ч. 63, № 31. С. 228—232; подпись: «.....ев»; выход в свет 31 июля), вслед за чем последовало новое выступление «Жителя Бутырской слободы» («Ответ на письмо к издателю „Сына отечества“» — ВЕ. 1820. Ч. 112, № 16. С. 283—296; выход в свет 9 сентября). Под псевдонимом «Житель Бутырской слободы» скрывался критик, фольклорист и теоретик литературы, активный сотрудник редакции М. Т. Каченовского А. Г. Глаголев (1793 (по другим данным, 1799)—1844), однако в литературных кругах авторство статей приписывалось самому редактору «Вестника Европы» Каченовскому (см. подробнее: П. в критике, I. С. 355—356). Трудно сказать, когда Пушкин имел случай познакомиться со свежими номерами «Вестника Европы». Вряд ли это даже важно, поскольку более вероятным представляется, что поводом к эпиграмме послужила не критика «Жителя Бутырской слободы», а журнальная война, разгоревшаяся в январе—мае 1821 г. после публикации «Послания к М. Т. Каченовскому» П. А. Вяземского (см. примеч. к стихотворениям «(На Каченовского)» («Клеветник без дарованья...») и «(П. А. Вяземскому)» («Язвительный поэт, остряк замысловатый...») — наст. т., с. 585—586, 848—849). Характеристики — «журнальный шум», «пасквилей томительная тупость» — во всяком случае больше подходят к обстоятельствам журнальной кампании «Вестника Европы» против Вяземского, чем к выступлению «Жителя Бутырской слободы». Таким образом, эпиграмма «Хаврониос! ругатель закоснелый...» была, по-видимому, написана примерно в одно время с эпиграммой «Клеветник без дарованья...» (см. ее датировку — наст. т., с. 584—585). Эта датировка вполне согласуется с предположительной нижней границей датировки «Эпиграммы» («В жизни мрачной и презренной...») — первые числа апреля 1821 г. (см. наст. т., с. 602).

Ст. 1. *Хаврониос! ругатель закоснелый...* — стилизация слова «Хавронья» под греческую форму мужского рода (Каченовский был по происхождению грек); явная отсылка к басне И. А. Крылова «Свинья» (опубл. 1811):

Не дай Бог никого сравнюмъ мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

(Крылов И. А. Соч. М., 1946. Т. 3. С. 76)

На эту басню, вероятно, приняв ее на свой счет, в первую очередь обрушился Каченовский в рецензии на «Новые басни» Крылова (СПб., 1811): «...стихотворцу

вздумалось Хавроньи уподобить критика (...) Но что ж другое может увидеть критик в некоторых сочинениях, и именно, например, в этой Хавроньиной истории?» (ВЕ. 1812. Ч. 61, № 4. С. 311). Басня «Свинья» устойчиво ассоциировалась у Пушкина с именем Каченовского — ср. запись, сделанную В. Ф. Щербаковым (вероятно, со слов М. П. Погодина, или на основании его записей): «Каченовский, извещая в своем журнале об итальянском импровизаторе Скричи, сказал, что он ничего б не мог сочинить на темы, как: „К ней“, „Демон“ и пр.

— Это правда, — сказал Пушкин, — все равно, если б мне дали тему „Михайло Трофимович“, — что из этого я мог бы сделать? Но дайте сию же мысль Крылову — и он тут же бы написал басню — „Свинья“» (П. в восп. Т. 2. С. 35).

«ОСТАВЯ ЧЕСТЬ СУДЬБЕ НА ПРОИЗВОЛ...»

(С. 29 и 207)

Автографы:

1) Тетр. ПД 833, л. 4 об. (Ав₁) — беловой, с поправкой в ст. 4, под заглавием: «Эпиграмма». Напечатано: Якушкин. № 5. С. 340 (без варианта в ст. 4); Майков. Материалы. С. 179—180 (текст и вариант). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) ПД 1268, л. 2 об. (Ав₂) — беловой, в письме к П. А. Вяземскому от марта 1823 г., под общим заглавием: «Эпиграммы», с записанными выше «Клеветник без дарованья...», «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» и «Иной имел мою Аглаю...» (в чтении: «Эпиграмма», принято в изд.: Переписка П. Т. 1. С. 43; Письма. Т. 1. С. 43; Акад. Т. 13. С. 60, заглавие относится только к первому из записанных стихотворений); имя в ст. 2 обозначено волнистым росчерком. Напечатано: Письма Пушкина и к Пушкину. М., 1903. С. 15 (публ. В. Я. Брюсова «по старинной копии, сохранившейся в тетради, где списаны стихи Пушкина, не бывшие в свое время в печати»; с обозначением имени в ст. 2: «NN»); Переписка Пушкина. СПб., 1906. Т. 1. С. 62 (публ. В. И. Саитова по автографу). Воспроизведение: Левичева. С. 281.

Впервые: Якушкин. № 5. С. 340.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 7. С. LVIII.

Печатается по автографу Ав₂.

Датируется временем между 22 февраля и 5 апреля 1821 г. по положению автографа в тетради ПД 833, в этой своей части заполнявшейся последовательно (на л. 3 об. под текстом «Элегии (из поэмы: Кавказ)» («Я пережил свои желанья...») помета: «Каменка 22 февр(аля) / 1821», на л. 5 под посланием «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») — «5 апр(еля)»).

Под текстом приведенных в письме к Вяземскому (см. выше) эпиграмм Пушкин приписал: «Этих двух не показывай никому — ни Денису Давыдову» (Акад. Т. 13. С. 61). Приписка имела в виду две последние эпиграммы — «Иной имел мою Аглаю...» и «Оставя честь судьбе на произвол...». На основании пушкинских слов Н. О. Лернер предположил (см.: Венг. Т. 2. С. 582), что обе они относятся к Аглае Антоновне Давыдовой (см. о ней в примеч. к стихотворению «Кокетке» — наст. т., с. 551). Предположение Н. О. Лернера было очень осторожно поддержано

В. Е. Якушкиным (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 18). Б. Л. Модзалевский отверг его как неосновательное (см.: Письма. Т. 1. С. 260). В изданиях КН и ГИХЛ 1930-х гг. имя в ст. 2 обозначалось точками; то же решение принято и М. Г. Цявловским в Acad. в 9 т. и Acad. в 6 т., но в комментарии (Acad. в 9 т. Т. 2. С. 439; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 712) указано, что эпиграмма обращена к А. А. Давыдовой. В Акад. (Т. 2. С. 226) Т. Г. Зенгер (Цявловская) ввела в текст предположительную конъектуру: «⟨Давыдова⟩⟨?⟩, живая жертва фурий» и дала эпиграмме редакторский подзаголовок: «⟨На А. А. Давыдову⟩». В последующих изданиях имя Давыдовой вводилось в основной текст (в Госл. в 10 т. Т. 1. С. 625 и Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 718. Т. Г. Цявловская сделала в примечаниях оговорку, что имя Давыдовой было введено редакцией Акад. «по догадке», при этом сама эпиграмма почему-то помещена здесь в разделе незавершенных стихотворений, отрывков и набросков).

Ст. 4. ...казнит ее Меркурий... — Т. е. ртуть, которую содержали препараты, применявшиеся при лечении сифилиса.

Ст. 8. Все к лучшему... — «Все к лучшему в этом лучшем из миров» — любимое утверждение Панглоса, героя повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» («Candide, ou L'optimisme», 1759), пародирующее теорию философского оптимизма Г. В. Лейбница (von Leibniz; 1646—1716). Как и героиня пушкинской эпиграммы, Панглос остался без глаза, заболев сифилисом (см. также эпиграмму «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» — наст. т., с. 48).

«ИНОЙ ИМЕЛ МОЮ АГЛАЮ...»

(С. 30 и 207)

Автографы:

1) ПД 1261, л. 11 об. (Ав₁) — беловой, в письме к Л. С. Пушкину от 24 января 1822 г. Напечатано: Письма А. С. Пушкина к брату Льву Сергеевичу // БЗ. 1858. Т. 1, № 1. Стб. 6 (публ. С. А. Соболевского). Воспроизведение: Левичева. С. 218.

2) ПД 1268, л. 2 об. (Ав₂) — беловой, в письме к П. А. Вяземскому от марта 1823 г., под общим заглавием: «Эпиграммы с записанными выше «Клеветник без дарованья...» и «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» и ниже «Оставля честь судьбе на произвол...» (в чтении: «Эпиграмма», принятом в изд.: Переписка П. Т. 1. С. 43; Письма. Т. 1. С. 43; Акад. Т. 13. С. 60, заглавие относится только к первому из записанных стихотворений). Напечатано: Письма Пушкина и к Пушкину. М., 1903. С. 14—15 (публ. В. Я. Брюсова «по старинной копии, сохранившейся в тетради, где списаны стихи Пушкина, не бывшие в свое время в печати»); Переписка П. Т. 1. С. 62 (публ. В. И. Саитова по автографу). Воспроизведение: Левичева. С. 281.

Копии:

1) В. Ф. Вяземской из Остафьевского архива (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 917, л. 26 об.) (Вяз₁) — на отдельном листе с записанным ниже четверостишием «На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой» (см. наст. т., с. 33); без разночтений с текстом Ав₂, кроме имени в ст. 6, написанного, впрочем, неразборчиво: Дермид⟨?⟩; на другой стороне листа находится копия ст. 1—14 пер-

вой редакции стихотворения «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 208—209);

2) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «На княгиню Елену Александровну Голицыну», с примечанием М. Н. Лонгинова.

Вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень отдела «Эпиграммы, надписи и пр.» — в записи: «*Эпигр(амма)*. Иной имел мою Данаю (а не Аглаю)»; вся запись зачеркнута. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 580.

Впервые: БЗ. 1858. Т. 1, № 1. Стб. 6 (перепечатано: СПбВед. 1858, № 31).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по автографу Ав₂.

Датируется предположительно временем между 22 февраля и 5 апреля 1821 г. Представляется совершенно обоснованным предположение С. М. Бонди, что текст четырнадцати стихов послания «К(атени)ну» в Вяз₁ списан с автографа Пушкина, находившегося на листе, вырванном из тетради ПД 833 и предшествовавшем в этой тетради л. 5 (см.: Акад. Т. 2. С. 1094). Само расположение скопированных стихотворений на обеих сторонах листка позволяет считать, что В. Ф. Вяземская, по-видимому, точно воспроизвела этот вырванный лист, на лицевой стороне которого находились две эпиграммы, а на обороте начинался текст стихотворения «Кто мне пришлет ее портрет...». Таким образом, можно с большой долей вероятности восстановить порядок стихотворений на л. 4 об.—5 тетради ПД 833 с учетом вырванного листа (4а): «Дева» (верхняя половина л. 4 об.)—«Оставля честь судьбе на произвол...» (низ л. 4 об.)—«Иной имел мою Аглаю...» (верхняя половина л. 4а)—«На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой» (низ л. 4а)—«Кто мне пришлет ее портрет...» (л. 4а об.—5). Первые четыре стихотворения датируются одним временным промежутком по окружающим их пометам в последовательно заполнявшейся тетради ПД 833 (на л. 3 об. под текстом «Элегия (из поэмы: Кавказ)» («Я пережил свои желанья...») помета: «*Каменка 22 февр(а-ля) / 1821*», на л. 5 под посланием «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») — «5 апр(еля)»).

По-видимому, в пушкинской эпиграмме варьируется один из анекдотов французского писателя-моралиста и поэта Себастьяна-Роша Никола де Шамфора (Chamfort; 1741—1794): «*Madame Desparbès couchant avec Louis XV, le roi lui dit: Tu as couché avec tous mes sujets. — Ah! sir. — Tu as eu le duc de Choiseul. — Il est si puissant! — Le maréchal de Richelieu. — Il a tant d'esprit! — Monville. — Il a une si belle jambe! — A la bonne heure; mais le duc d'Aumont, qui n'a rien de tout cela. — Ah! sire, il est si attaché à votre majesté*» («Однажды, когда у г-жи д'Эпарбе было любовное свидание с Людовиком XV, король сказал ей: „Ты жила со всеми моими подданными“. — „Ах, государь!..“ — „Ты спала с герцогом Шуазелем“. — „Но он так влиятелен!“ — „С маршалом Ришелье“. — „Но он так остроумен!“ — „С Монвилем“. — „У него такие красивые ноги!“ — „В добрый час!.. Ну, а герцог д'Омон? У него-то ведь нет ни одного из этих достоинств“. — „Ах, государь, он так предан вашему величеству!“» — *фр.*) (Œuvres complètes de Chamfort, de l'Académie Française. 3-me éd. Paris, 1812. Т. 2. P. 172—173 (это издание имелось в личной библиотеке Пушкина — Библиотека П. № 724); Шамфор. Максимы, мысли. Характеры и анекдоты. Л., 1966. С. 163 (Сер. «Литературные памятники»), пер. Ю. Б. Корнеева, Э. Л. Линецкой) (см.: Гроссман Л. П. Этюды о Пушкине. М.; Пг., 1923. С. 17; Козмин Н. К. Пушкин-прозаик и французские остроловы XVIII в.: (Шам-

фор, Ривароль, Рюльер) // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 551—552).

В письме к брату от 24 января 1822 г., предворяя текст эпиграммы, Пушкин писал: «Если хочешь, вот тебе еще эпиграмма, которую ради Христа не распускай, в ней каждый стих — правда» (Акад. Т. 13. С. 36). В письме к П. А. Вяземскому от марта 1823 г. (см. выше) он приписал под эпиграммами «Иной имел мою Аглаю...» и «Оставля честь судьбе на произвол...»: «Этих двух не показывай никому — ни Денису Давыдову» (Там же. С. 60—61). На основании пушкинских слов Н. О. Лернер предположил (см.: Венг. Т. 2. С. 589—590), что обе пушкинские эпиграммы относятся к Аглае Антоновне Давыдовой (см. о ней примеч. к стихотворению «Кокетке» — наст. т., с. 551). Адресация эпиграммы А. А. Давыдовой была безусловно принята в последующих изданиях. Пушкинские слова, кажется, действительно содержат намек если не на адресата эпиграммы как такового, то во всяком случае на возможность применения ее к Давыдовой. При этом следует отметить, что имя Аглая само по себе никаких указаний на адресата не дает. Оно (так же как Клита и Дамон) принадлежит к общему фонду условных литературных имен и широко употреблялось во французской легкой поэзии XVII—XVIII вв. (см. примеч. к эпиграмме «A son amant Eglé sans résistance...» — наст. т., с. 624).

Когда после публикации эпиграммы в «Библиографических записках» С. Д. Полторацкий в письмах к М. Н. Лонгинову и С. А. Соболевскому выразил сомнение в авторстве Пушкина, Соболевский отвечал ему 14 марта 1858 г.: «Эту эпиграмму читал мне Пушкин, я знаю имена Аглаи, Француза, Клита и Дамона, знаю, за что ее написал автор и чем был рассержен на Аглаю...» (цит. по: Крамер В. В. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Врем. ПК 1967—1968. Л., 1970. С. 70). Несомненно, именно Соболевский еще до публикации сообщил эпиграмму М. Н. Лонгинову: копия Лон—Полт восходит к тексту письма Пушкина к брату. Здесь, однако, эпиграмма озаглавлена: «На Елену Александровну Голицыну» и сопровождается посвященным ей пространственным примечанием. О знакомстве Пушкина с Е. А. Голицыной (урожд. Нарышкина; 1785—1885), в 1821 г. еще Суворовой, вдовой князя А. А. Суворова-Рымниковского (1784—1811), впоследствии (в 1823 г. в Бадене) вышедшей вторично замуж за князя Василия Сергеевича Голицына (1792—1856), нет никаких сведений и адресация ей резкой эпиграммы, написанной весной 1821 г., представляется совершенно невероятной. Запись М. Н. Лонгинова, судя по всему, свидетельствует о бытовании эпиграммы, применявшейся к разным лицам.

Возможно, от Пушкина знал эпиграмму и Р. И. Дорохов, тесно общавшийся с поэтом в августе—начале сентября 1829 г. во Владикавказе и на Кавказских минеральных водах: в бумагах С. Д. Полторацкого имелась переделка пушкинской эпиграммы, записанная рукой Дорохова (см.: Крамер В. В. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина. С. 70).

Публикация писем Пушкина к брату в «Библиографических записках» вызвала протест со стороны наследников поэта и привлекла внимание цензуры (см.: Переселенков С. А. Материалы для истории отношений цензуры к А. С. Пушкину. <4>. К истории журнала «Библиографические записки» // ПиС. СПб., 1908. Вып. 6. С. 34—43). В одном из цензурных рапортов, в частности, указывалось на перепечатку в «Санкт-Петербургских ведомостях» эпиграммы, содержание которой «безнравственное», а «выражения, в ней употребленные, весьма неблагопристойные». По этому рапорту министром народного просвещения А. С. Норовым было сделано

замечание в адрес редакции «Ведомостей» и издателя «Библиографических записок» Н. М. Щепкина (Там же. С. 37—38). Вероятно, поэтому эпиграмма не была включена в Генн. 1859 и Генн. 1869—71.

«КОГДА Б ПИСАТЬ ТЫ НАЧАЛ СДУРУ...»

(С. 31 и 208)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 8 — беловой, с поправкой, под общим заглавием: «Эпиграммы», со стихотворениями «〈На Каченовского〉» («Хаврониос! ругатель закоснелый...») и «Как брань тебе не надоела...», записанными на том же листе. Напечатано: РА. 1865. № 12. Стб. 1529 (публ. П. П. Вилинского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: РА. 1865. № 12. Стб. 1529.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом февраля—первыми числами апреля 1821 г. Эпиграмма записана на л. 8 тетради ПД 830 ниже и позднее эпиграммы «〈На Каченовского〉» («Хаврониос! ругатель закоснелый...»), но, судя по всему, ранее «Эпиграммы» («В жизни мрачной и презренной...») на обороте листа. Положение автографа в тетради позволяет датировать его достаточно широко: концом августа (после 24-го) 1820—июнем (до 27-го) 1822 г. Предположительное сужение датировки внутри этого периода основано на наиболее вероятных датировках эпиграмм «Хаврониос! ругатель закоснелый...» и «В жизни мрачной и презренной...» (см. наст. т., с. 587 и 602).

В эпиграмме обыгрываются евангельские выражения. Ср., например: «Внидите узкими вратами: яко претранныя врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящиим: что узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его» («Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их») (Мф. 7:13—14); «...подвизайтесь внити сквозе тесная врата...» («...подвизайтесь войти сквозь тесные врата...») (Лк. 13:24); «...удобнее бо есть вельбуду сквозе иглине уши проити, неже богату в царствие божие внити» («...ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие») (Лк. 18:25).

«КАК БРАНЬ ТЕБЕ НЕ НАДОЕЛА!..»

(С. 32 и 208)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 8 — беловой, с поправками, под общим заглавием: «Эпиграммы», со стихотворениями «〈На Каченовского〉» («Хаврониос! ругатель закоснелый...») и «Когда б писать ты начал сдуру...», записанными на том же листе. Напечатано: РА. 1965. № 12. Стб. 1529 (публ. П. П. Вилинского); Майков. Материалы. С. 76 (публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), под заглавием: «Эпиграмма» (отдел «Эпиграммы, надписи и пр.»), утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 580 (заглавие и первая строка, с указанием, что далее следует «вся пиеса»).

Копия Л. С. Пушкина (РГАЛИ, ф. 2567 (Ю. Г. Оксмана), оп. 2, № 6, л. 3 об.) на сложенном вдвое листке почтовой бумаги малого формата с водяным знаком 1820 г.; на первой из получившихся четырех страничек (л. 2) — автограф стихотворения Е. А. Баратынского «Очарованье красоты» (1824), затем записи рукой Л. С. Пушкина: на л. 2 об. — пушкинские эпиграммы «Как, жив еще курилка журналист?» (1825) и «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» (1821), на л. 3 — «В Элизии Василий Тредьяковский...» (1825) и «У Кларисы денег мало...» (1822), на л. 3 об. — «Как брань тебе не надоела!..», «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...» и эпиграмма Баратынского «Так, он ленивец, он негодник...». Напечатано: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 332—334. Воспроизведение страницы с тремя последними эпиграммами: Там же. С. 333.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Ст 1826. С. 116 (отдел «Эпиграммы и надписи»); вошло без изменений в Ст 1829. Ч. 2. С. 166 (отдел стихотворений разных годов).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно концом февраля—первыми числами апреля 1821 г., так же как и эпиграмма «Когда б писать ты начал сдуру...», одновременно с которой, по всей видимости, стихотворение было записано в тетрадь (см. примеч. к эпиграмме «Когда б писать ты начал сдуру...» — наст. т., с. 593).

М. Л. Гофман предположил, что эпиграмма направлена на то же лицо, что и соседствующая с ней в записи Л. С. Пушкина эпиграмма Баратынского:

Так, он ленивец, он негодник,
Он только что поэт, он человек пустой;
А ты, ты ябедник, шпион, торгаш и сводник...
О! человек ты деловой.

(Баратынский Е. А. Полн. собр. соч.
СПб., 1914. Т. 1. С. 157, 264)

И. Н. Медведева, указав на близость к тексту Баратынского еще одной пушкинской эпиграммы — «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» (1821) (см. наст. т., с. 35), — высказала гипотезу, согласно которой все три произведения направлены против фольклориста, поэта и критика князя Николая Андреевича Цертелева (1790—1869), члена «Вольного общества любителей русской словесности, наук и художеств», «под псевдонимом „Житель Васильевского острова“ печатавшего в „Благонамеренном“ статьи против пушкинского круга и самого Пушкина и нападавшего в них на „легкомыслие“ молодых поэтов» (Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. 1936. Т. 2. С. 286 (Б-ка поэта; Большая сер.)). Эта гипотеза была поддержана Е. Н. Куприяновой, также отмечавшей, что «на протяжении 1818—1820-х гг. Цертелев (...) выступал против Пушкина и поэтов его круга, силясь представить их легкомысленными бумагомарателями и бездельниками» (Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 377—378 (Б-ка поэта; Большая сер.)). Б. В. Томашевский сначала высказывался менее определенно: «Против кого направлена эпиграмма, не установлено. По-видимому, она связана с полемикой 1820 г., когда представители старого, консервативного лагеря (Каразин, Цертелев, Федоров и др.) обвиняли молодых поэтов в легкомыслии» (Пушкин А.

Соч. Л., 1935. С. 868; и переизд.). Позднее он принял точку зрения И. Н. Медведовой и предположил, что, кроме эпиграмм «Как брань тебе не надоела!..» и «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...», к князю Цертелеву можно отнести еще одну — «К(нязь) Г— со мною не знак(ом)...» (см. наст. т., с. 109) (см.: Пушкин 1955. С. 770, 772). Эта гипотеза нашла отражение в Справочном томе Акад. (С. 444; здесь в именном указателе под фамилией Цертелева даны со знаком вопроса номера страниц всех трех эпиграмм). В Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 398, 402, 406, примеч. Б. В. Томашевского) о возможной адресации эпиграмм Цертелеву ничего не сказано.

То, что адресатом пушкинских эпиграмм (или во всяком случае эпиграммы «Как брань тебе не надоела...» и, возможно, «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...») был князь Н. А. Цертелев, нельзя категорически исключить, хотя нельзя и подтвердить сколько-нибудь убедительными доводами. Каких-либо журнальных нападок на самого Пушкина Цертелев при этом не допускал. Возглавленная им кампания против поэтов «новой школы» развернулась на страницах «Благонамеренного» существенно позднее — со второй половины 1822 г. Однако предвестниками ее в 1820 г. явились две статьи Цертелева, напечатанные под псевдонимом «Житель Васильевского острова». В первой из них — «Спор (отрывок из моего журнала)» (Благ. 1820. Ч. 9, № 5. С. 307—315; № 6. С. 391—397) — Цертелев выступил против нового «мистического» направления в поэзии В. А. Жуковского. Упрекая Жуковского в неясности мысли и слога (на примерах из элегии «Славянка» (1815) и баллады «Вадим» (1817)), Цертелев писал: «...сочинитель читанных нами стихов может назваться превосходным переводчиком, удачным подражателем и хорошим поэтом. Его можно было бы назвать даже классическим, если бы он — особенно в последних своих сочинениях — дорожил более языком и менее предавался таинственным мечтаньям» (с. 397). Начинаясь же его статья выпадами в адрес пустых «бумагомарателей»: «...думаю, что многие заблуждаются, принимая часто суетное желание быть известным и охоту марать бумагу за дарование; думаю, что страсть к авторству отвлекает многих достойных людей от занятий полезнейших для общества» (с. 310); «...я уважаю истинные таланты; но не люблю писателей, убивающих понапрасну время, труды и деньги. Человек принадлежит обществу; он обязан избрать занятие приличное его силам и способностям, иначе он бесполезен» (с. 311). Впрочем, эти упреки не адресовались никому конкретно, в том числе и Жуковскому. Во втором июльском номере «Благонамеренного» за 1820 г. (Ч. 11, № 13. С. 15—32) появилась еще одна статья «Жителя Васильевского острова» — «Письмо к г. Марлинскому». Ее Цертелев посвятил издательскому разбору стихотворения А. А. Дельвига «Видение (В. К. Кюхельбекеру)» (опубл.: Соревн. 1820. Ч. 9, № 3. С. 314—319; подпись: —Д—), предлагаемого им в экспонаты будущего «кабинета литературных редкостей». Трудно сказать, могли ли эти статьи спровоцировать эпиграммы Пушкина «Как брань тебе не надоела...» и близкую к ней «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...». Последняя действительно направлена против какого-то князя (в первоначальных вариантах: «мой князь, мой шут нарядный», см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 211).

НА ТРАГЕДИЮ ГРАФА ХВОСТОВА, ИЗДАННУЮ С ПОРТРЕТОМ АКТРИСЫ КОЛОСОВОЙ

(«Подобный жребий для поэта...»)

(С. 33)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) П. А. Вяземского в письме к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1824 г. (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2890, л. 252). Напечатано: ОА. Т. 3. С. 83 (публ. В. И. Саитова).

2) Из Остафьевского архива (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 917, л. 26 об.) — рукой В. Ф. Вяземской (Вяз₁) — под заглавием: «На трагедию гр(афа) Х(востова), изданную с портретом К(олосовой)», на отдельном листе с записанной выше эпиграммой «Иной имел мою Аглаю...» (см. наст. т., с. 30); на другой стороне листа находится копия ст. 1—14 первой редакции стихотворения «К(атени)ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 208—209).

Впервые: ОА. Т. 3. С. 83 (в составе письма, без каких-либо указаний, что речь идет о стихотворении Пушкина).

В собрание сочинений впервые включено: Акад. Т. 2.

Печатается по копии в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу.

Датируется предположительно временем между 22 февраля и 5 апреля 1821 г. (тем же временем, что и эпиграмма «Иной имел мою Аглаю...»; подробнее см. примеч. к ней — наст. т., с. 591).

Письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу, содержащее текст стихотворения, было послано при следующих обстоятельствах. И Вяземский, и Тургенев находились в это время в Москве. Вяземский ожидал возвращения жены из Одессы. Утром 12 сентября, уезжая из города в свое подмосковное имение Остафьево, он послал Тургеневу записку, в которой приглашал 17 сентября в Остафьево на именины В. Ф. Вяземской и сообщал: «Если сегодня жена в Остафьеве не будет, то завтра отправлюсь к ней навстречу до Тулы или далее, потому что я обуреваем нетерпением и беспокойством» (ОА. Т. 3. С. 82). В следующем письме, от 15 сентября из Остафьева, Вяземский повторяет свое приглашение на 17-е, просит Тургенева съездить к И. И. Дмитриеву и сообщить о приезде В. Ф. Вяземской, а в заключение прибавляет: «Прощай! Сейчас возвращаюсь из Тулы, где встретился с женою. Сообщил Ив(ану) Ив(ановичу) (Дмитриеву. — Ред.) одесский гостинец» (далее следует текст) (Там же. С. 82—83; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2890, л. 252). Таким образом, экспромт Пушкина был привезен В. Ф. Вяземской из Одессы. Текст четверостишия в письме Вяземского к Тургеневу полностью совпадает с текстом копии В. Ф. Вяземской, за исключением заглавия, которое Вяземский дает развернуто и с одним отличием («с портретом актрисы Колосовой»). С небольшой долей вероятности можно в принципе предположить, что В. Ф. Вяземской был привезен в Москву сам пушкинский автограф (лист, вырванный из рабочей тетради) и обе копии напрямую восходят к этому источнику.

Несмотря на совершенно очевидное указание Вяземского («одесский гостинец»), стихотворение долгое время не попадало в поле зрения пушкинистов и даже

приписывалось Вяземскому (см., например: *Тынянов Ю. Н.* Ода его сиятельству графу Хвостову // *Пушкинист*, IV. С. 76; Эпиграмма и сатира : Из истории литературной борьбы XIX века. М.; Л., 1931. С. 173; публ. В. Н. Орлова). На авторство Пушкина в 1936 г. указал Д. Д. Благой (см.: *Благой Д. Д.* Неизвестный экспромт Пушкина // *П. Врем.* [Т. 2]. С. 12—16). При этом о существовании копии В. Ф. Вяземской исследователь знал со слов Ю. Г. Оксмана (см.: Там же. С. 14), сам ее, судя по всему, не видел и не мог соотнести с пушкинской тетрадь, поэтому датировал стихотворение неточно и широко — временем между 5 апреля 1821 г. и 30 июля 1824 г. (утром 1 августа 1824 г. Пушкин выехал из Одессы — *Летопись* 1999. Т. 1. С. 427).

В пушкинском четверостишии речь идет о пятом издании трагедии «*Андромаха*» («*Andromaque*», 1667) Ж. Расина (*Racine*; 1639—1699) в переводе графа Д. И. Хвостова (1-е изд. СПб., 1794), к которому был приложен гравированный портрет актрисы А. М. Колосовой, исполнявшей в ней роль Гермiony (первое выступление Колосовой в этой роли состоялось 21 октября 1820 г.). Д. Д. Благой считал, что пушкинское четверостишие написано, после того как издание попало в руки Пушкина. Отсюда принятая Благим верхняя граница датировки 5 апреля — дата под автографом послания «*К(атени)ну*» («*Кто мне придет ее портрет...*»), из текста которого прямо следует, что Пушкин знает о появлении портрета актрисы, но еще не имеет его. Гипотетически устанавливаемое положение утраченного автографа в тетради ПД 833 противоречит датировке Д. Д. Благого. Четверостишие совершенно справедливо определено им как «экспромт» и, скорее всего, явилось первой реакцией на известие о выходе под одной обложкой достаточно одиозного хвостовского перевода и портрета актрисы. Мы не знаем, попало ли вообще к Пушкину новое издание «*Андромахи*». В кишиневской и одесской переписке Пушкина упоминаний о нем нет, да и вряд ли Пушкина могло заинтересовать очередное переиздание несомненно известного ему текста. Сообщения о выходе книги Пушкин мог прочесть в февральских и мартовских журналах. Самое раннее и самое сдержанное было напечатано в «*Соревнователе просвещения и благотворения*» (1821. Ч. 13, № 2. С. 241). В комплиментарном тоне отозвался о переводе Хвостова «*Сын отечества*»: «В пользу сей трагедии говорят имя автора и слава переводчика, издание пятым исправленным тиснением и возобновление оной на здешней сцене в конце прошлого года. К сему изданию приложен портрет актрисы А. М. Колосовой, игравшей с отличным успехом ролю Гермiony» (1821. Ч. 68, № 10. С. 136—137; выход в свет 5 марта). Предисловие Хвостова датировано 16 марта; в Прибавлении к № 4 и 5 журнала «*Благонамеренный*», датированном 18 марта, сообщалось: «Недавно вышло и, вероятно, скоро разойдется пятое издание трагедии „*Андромаха*“, украшенное искусно литографированным портретом придворной актрисы А. М. Колосовой, которой прекрасная игра в роле Гермiony заслужила отличное одобрение публики. (...) Опытные словесники замечают, что слог в „*Андромахе*“ почтенного графа Д. И. Хвостова равномерно отделяется как от нынешнего вновь вводимого слухом уже *манерного*, так и от прежнего чрез меру *книжного* и не похожего на *разговорный*» (1821. Ч. 13. Прибавл. к № 4 и 5. С. 30—31).

Среди эпиграмматической «хвостовианы» тема Хвостова — переводчика Расина была отчетливо обозначена. Пушкин должен был помнить эпиграмму Вяземского «*Как „Андромахи“ перевод / Известен стал у стихских вод...*»; возможно, ему была известна и эпиграмма А. Е. Измайлова «*Как на французов зол Хвостон!..*» (см.: РЭ 1988. С. 173, 204). На выход пятого издания «*Андромахи*» эпиграмматическим

псевдопанегириком откликнулся К. Ф. Рылеев («Переводчику „Андромахи“. (На случай пятого издания перевода сей прекрасной Расиновой трагедии)» («Пусть современники красот не постигают...») — НЭ. 1821. Ч. 5, № 3. С. 259; без подписи; ценз. разр. номера — 12 марта).

Экспромту своему Пушкин, судя по всему, значения не придавал и текста его не сохранил. Высказанное Д. Д. Благим предположение, что в 1825 г. П. А. Вяземский собирался опубликовать пушкинский экспромт в журнале «Московский телеграф», представляется совершенно неосновательным.

К(АТЕНИ)НУ

(«Кто мне пришлет ее портрет...»)

(С. 34 и 208)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 61—61 об. — черновой. Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 595. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. ПД 833, л. 5 — беловой, ст. 15—20 первой редакции (соответствуют ст. 11—16 второй редакции), с пометой под текстом: «5 апр(еля)». Предыдущий лист, на котором было записано начало стихотворения, вырван. Напечатано: Анн. Т. 2. С. 310 (помета под текстом); Якушкин. № 5. С. 340 (указание на автограф); Мор. 1903—06. Т. 1. С. 515 (вариант ст. 12). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), под заглавием: «К К.», с датой у заглавия: «1821» (написано вместо зачеркнутого: «1824», переправленного из «1823»), утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 577 (заглавие и дата: «1821», с обозначением первоначальной даты: «1823» и указанием, что далее следует «вся пьеса»); Майков. Материалы. С. 95 (вариант ст. 12; публ. В. И. Саитова); Томашевский. Новые материалы. С. 860 (уточнение исправлений в дате). В Кап стихотворение входило в отдел «Послания», но Пушкиным была сделана приписка, относящаяся, по-видимому, к стихотворениям «К К(атени)ну» и следовавшему за ним «Дочери Карагеоргия»: «NB. Эти 2 штуки можно поместить и в Смеси. Твоя воля» (Майков. Автографы П. С. 577).

Копия из Остафьевского архива (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 917, л. 26) — рукой В. Ф. Вяземской (Вяз₁) — без заглавия, на обороте листа с копиями эпиграмм «Иной имел мою Аглаю...» и «На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой» (см. наст. т., с. 30, 33); предположительно текст ст. 1—14 первой редакции. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 655 (ст. 4—12; публ. С. М. Бонди). Совершенно обоснованным представляется предположение С. М. Бонди (см.: Акад. Т. 2. С. 1094), что копия снята с автографа Пушкина, находившегося на листе, вырванном из тетради ПД 833 и предшествовавшем в этой тетради л. 5. Копия, вероятно, точно воспроизводит этот лист, на лицевой стороне которого находились две эпиграммы, а на обороте начинался текст стихотворения «Кто мне пришлет ее портрет...». Следует отметить, однако, что на листе рабочей тетради Пушкина обычно помещалось около 20 строк, а не 14. Возможно, текст первой редакции изначально был более пространным, но подвергся правке, и копия В. Ф. Вяземской снята с так называемого верхнего слоя текста.

Заглавие вошло в список стихотворений на внутренней стороне передней крышки переплета тетради ПД 833 (вторая половина апреля 1821 г.) — в записи: «Катен(ину)» (см.: Рукою П. 1997. С. 211). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Послани(я)»).

Впервые: Ст 1826. С. 155 (отдел «Послания»), под заглавием: «К***ну», с датой в оглавлении: «1821», с ошибкой в ст. 5, допущенной, вероятно, на этапе составления ЦР и оттуда перешедшей в печатный текст. Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 135—136 (отдел стихотворений 1821 г.). Фамилия адресата раскрыта: Анн. Т. 2. С. 310.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется черновой автограф предположительно январем—серединой февраля 1821 г. (тем же временем, что и первый черновой автограф стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...») по положению в тетради (подробнее см. примеч. к стихотворению «Горишь ли ты, лампада наша...» — наст. т., с. 555—556). Окончательный текст первой редакции датируется 5 апреля 1821 г., число и месяц определяются по помете в автографе, год — по положению автографа в тетради ПД 833, в этой своей части заполнявшейся последовательно (на л. 3 об. под текстом «Элегии (из поэмы: Кавказ)» («Я пережил свои желанья...») помета: «Каменка 22 февр(аля) / 1821», на л. 7 об. под беловым автографом послания «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») — «6 апреля / 1821 / Кишенев»). В дальнейшем Пушкин обращался к тексту стихотворения, по-видимому, не один раз, о чем могут свидетельствовать колебания в авторской дате в Кап. Летом 1824 г. лист с началом текста, скорее всего подвергшимся к тому времени значительной правке, был вырван из рабочей тетради и оказался у В. Ф. Вяземской (см. примеч. к стихотворению «На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой» — наст. т., с. 596—597). Возможно, именно к этому времени сложилась вторая редакция послания, текст которой впоследствии вошел в Кап и был напечатан в Ст 1826.

Стихотворение написано Пушкиным в извинение за резкую эпиграмму на А. М. Колосову «Все пленяет нас в Эсфири...» (1820). Об отношениях Пушкина с Александрой Михайловной Колосовой (1802—1880), в замужестве Каратыгиной, и об истории возникновения эпиграммы см. в примеч. к стихотворениям «(Колосовой)» («О ты, Надежда нашей Сцены!...») и «(На Колосову)» («Все пленяет нас в Эсфири...») (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 659—660, 622—624). Посредником в примирении Пушкина с актрисой выступал П. А. Катенин, наставник Колосовой, еще в 1820 г. «пенявший» Пушкину за его «выходку» и убедивший ехать к Колосовой «с повинной» (П. в восп. Т. 1. С. 201). Тогда объяснению Пушкина с Колосовой помешала высылка поэта из Петербурга. В письме к Колосовой от 26 августа 1822 г. Катенин сообщал: «Саша Пушкин пишет ко мне из Кишинева и насчет вас дает мне тысячу поручений: винится, просит прощения и расхваливает на чем свет стоит» (РС. 1893. № 3. С. 635). Стихотворение «Кто мне пришлет ее портрет...» было отправлено Пушкиным в письме к Катенину, но письмо не дошло до адресата. После выхода в свет Ст 1826 Катенин писал Пушкину 3 февраля 1826 г.: «...скажи пожалуйста, к какому К—ну ты пишешь нечто о Колосовой? Многие думают, что ко мне, но я в первый раз прочел эти стихи в печатной книге. Ты часто изволишь ставить на-

чальные буквы таинственно...» (Акад. Т. 13. С. 258). Пушкин отвечал: «Стихи о Колосовой были написаны в письме, которое до тебя не дошло. Я не выставил полного твоего имени, потому что с Катениным говорить стихами только о ссоре моей с актрисой показалось бы немного странным» (Акад. Т. 13. С. 261). 11 мая 1826 г. Катенин сообщил Пушкину: «...меня просила Колосова непременно в первом к тебе письме сказать за нее пропасть хороших вещей...» (Акад. Т. 13. С. 277). Личная встреча Пушкина с Колосовой (тогда уже Каратыгиной), закрепившая их примирение, состоялась в 1827 г.

Ст. 1. *Кто мне пришлет ее портрет...* — Речь идет о гравированном портрете Колосовой, который был приложен к пятому изданию трагедии Ж. Расина «Андромаха» в переводе Д. И. Хвостова (СПб., 1821). О скором выходе нового издания «Андромахи», «украшенного» портретом актрисы, сообщалось в февральских и мартовских номерах петербургских журналов (см. примеч. к стихотворению «На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой» — наст. т., с. 597).

Ст. 12. *Пред Селименной и Моиной.* — В автографе и в Ст 1826 стих читается: «Пред Мельпоменой и Моиной». Роль Селимены в комедии Ж.-Б. Мольера «Мизантроп» («Le Misanthrope», 1666), шедшей в переводе Ф. Ф. Кокоскина, Колосова впервые сыграла 27 ноября 1823 г. Имя Селимена появилось лишь в Ст 1829, оно подчеркивало разносторонность дарования актрисы, первоначально исполнявшей только трагические роли. Моина — главная героиня в трагедии В. А. Озерова «Фингал» (пост. 1805, опубл. 1807). В роли Моины Колосова впервые выступила 30 декабря 1818 г. Ср. в первоначальных вариантах незавершенного пушкинского стихотворения «〈Колосовой〉» («О ты, Надежда нашей Сцены!..»): «Моина, Слава нашей Сцены —» (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 234).

«ХОТЬ, ВПРОЧЕМ, ОН ПОЭТ ИЗРЯДНЫЙ...»

(С. 35 и 211)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 5 — беловой, с поправками, под заглавием: «Эпиграмма»; после правки весь текст был перечеркнут крест-накрест. Напечатано: Майков. Материалы. С. 180 (по верхнему слою автографа; публ. В. И. Саитова); Мор. 1903—06. Т. 1. С. 316. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), под заглавием: «Эпиграмма» (отдел «Эпиграммы, надписи и пр.»), утрачен. Напечатано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 534 (не полностью, в виде описания); Майков. Автографы П. С. 580 (в виде транскрипции); Майков. Материалы. С. 180 (варианты ст. 5; публ. В. И. Саитова). Сведения о ст. 5 в двух последних публикациях расходятся: в первой из них сказано, что стих был зачеркнут; во второй указано, что он был сначала написан так же, как в автографе («Ты полон глупости большой»), но затем изменен так, как читается в тексте («Ты полон дряни, милый мой!»). Согласно помете П. А. Ефремова, на принадлежавшем ему экземпляре Анн. было написано: «Ты полон глупости большой», а затем поставлено: «Или — Ты полон дряни, милый мой». Таким образом, «по Ефремову выходит, что Пушкин ничего не вычеркивал и отдал оба варианта на выбор брату» (Томашевский. Новые материалы. С. 864; наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 350).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Ст 1826. С. 114, без заглавия (отдел «Эпиграммы и надписи»); вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 165 (отдел стихотворений «разных годов»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1821 г., предположительно началом апреля по положению в тетради (верхнюю часть л. 5 занимает окончание послания «К⟨атени⟩ну» («Кто мне пришлет ее портрет...»), с датой под текстом: «5 апр⟨еля⟩»; л. 5 об.—7 об. — послание «Ч⟨аадае⟩ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), с пометой под текстом: «6 апреля / 1821 / Кишенев»). По мнению Р. В. Иезуитовой, эпиграмма была вписана позднее окружающих ее текстов на оставшееся свободным место на л. 5 (см.: *Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 : (История заполнения) // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 246*). Исходя из палеографических признаков это предположение не может быть с определенностью ни подтверждено, ни опровергнуто.

В эпиграмме варьирован афоризм французского литератора и поэта Жана-Пьера-Жака-Огюста де Лабуисс-Рошфора (Labouisse-Rochefort; 1778—1852): «Il n'y a point de gens plus vides que ceux qui sont pleins d'eux-mêmes» (Нет людей более пустых, чем те, кто полны сами собой. — *фр.*) (Porte-feuille français pour l'an 1803, ou Choix d'épigrammes, calembours, madrigaux... Paris, 1803. P. 40; афоризм вошел в сборник Лабуисс-Рошфора «Мысли и нравственные, литературные и философские размышления»: *Labouisse A. de. Pensées et réflexions morales, littéraires et philosophiques. 2-me éd. Paris, 1809. P. 179*; см.: *Добрицын А. А. Вечный жанр : Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII—начала XIX века. Верн, 2008. С. 452*).

По предположению И. Н. Медведевой, эта эпиграмма, так же как и эпиграмма «Как брань тебе не надоела!..», направлена против князя Н. А. Цертелева (см.: *Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений : В 2 т. Л., 1936. Т. 2. С. 286* (Б-ка поэта; Большая сер.)). Б. В. Томашевский, также отмечавший возможную связь между собой этих двух эпиграмм (см.: *Пушкин А. Соч. Л., 1935. С. 872*; и переизд.), впоследствии осторожно поддержал гипотезу И. Н. Медведевой (см.: *Пушкин 1955. С. 770, 772*), но отказался от нее в *Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 402)*. Еще П. О. Морозов (*Мор. 1903—06. Т. 1. С. 622*) высказал мнение, что имя Людмили в тексте автографа в тетради ПД 833 (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 211) указывает на самого Пушкина как автора «Руслана и Людмилы». Таким образом, считает Томашевский, поэт адресовал эпиграмму кому-то из своих критиков, имя которого остается неустановленным (*Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 402*). Следует заметить, однако, что имя Людмили равным образом могло указывать на Жуковского, автора баллады «Людмила» (1808), с которой собственно и началась литературная мода на это искусственное славянское имя. Это может служить некоторым аргументом как раз в пользу адресации пушкинской эпиграммы Цертелеву, нападавшему на Жуковского в своей статье «Спор (отрывок из моего журнала)» (*Благ. 1820. Ч. 9, № 5. С. 307—315; № 6. С. 391—397*), подписанной псевдонимом «Житель Васильевского острова» (см. подробнее в примеч. к эпиграмме «Как брань тебе не надоела...» — наст. т., с. 595). Предположение Б. А. Трубецкого, что адресатом пушкинских эпиграмм «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» и «К⟨нязь⟩ Г— со мною не зна⟨ком⟩...» является князь А. Н. Голи-

цын (доклад на VII конф. пушкинистов юга 16—18 июня 1960 г. в Кишиневе; *Трубецкой Б. А.* Пушкин в Молдавии. 6-е изд. Кишинев, 1990. С. 306—310), должно быть признано совершенно неосновательным, так как автор в своих построениях допускает целый ряд фактических неточностей и опирается на малоубедительные текстуальные параллели.

ЭПИГРАММА

(«В жизни мрачной и презренной...»)

(С. 36 и 212)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 8 об. — беловой, с поправками, с вписанным заглавием: «Эпиграмма». Напечатано: РА. 1865. № 12. Стб. 1529 (публ. П. П. Вишинского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: РА. 1865. № 12. Стб. 1529.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно мартом—началом апреля (до 6-го) 1821 г.

Положение автографа в тетради ПД 830 позволяет датировать его достаточно широко: концом августа (после 24) 1820—июнем (до 27) 1822 г. (см. подробнее в примеч. к эпиграмме «(На Каченовского)» («Хаврониос! ругатель закоснелый...») — наст. т., с. 587—588). Предположительное уточнение верхней границы основано на наиболее вероятной датировке эпиграммы «Хаврониос! ругатель закоснелый...», записанной на лицевой стороне л. 8, судя по всему, раньше эпиграммы «В жизни мрачной и презренной...»; уточнение нижней границы — на датировке первой редакции послания «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), завершённой 6 апреля 1821 г. Эпиграмма близко перекликается со ст. 55—58 послания (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 213). В черновом автографе эти стихи послания записаны не в ходе последовательной работы над текстом, а в конце и отделены от предшествующего текста горизонтальным штрихом. Есть все основания полагать, что Пушкин переработал для включения в текст послания написанную около этого же времени эпиграмму, весьма вероятно именно поэтому не получившую самостоятельного распространения.

Адресат эпиграммы — граф Федор Иванович Толстой (1782—1846), сын графа Ивана Андреевича Толстого (р. 1747) и Анны Федоровны Майковой, был одним из ярких и неординарных людей своего времени. Он учился в Морском корпусе, откуда был выпущен в гвардию — в Преображенский полк. Уже в эти годы Толстой привлекал к себе внимание вызывающим поведением, шутками сомнительного свойства, дуэлями, крупной карточной игрой. В 1803 г., по-видимому, во избежание наказания после очередной дуэли, был отправлен родными в кругосветное плавание с экспедицией И. Ф. Крузенштерна—Ю. Ф. Лисянского на паруснике Крузенштерна «Надежда» в свите камергера Н. П. Резанова, посланного для заключения торгового договора с Японией. В начавшемся конфликте Резанова с Крузенштерном принял сторону последнего и был исключен Резановым из состава миссии еще во время плавания. 25 декабря 1803 г., во время продолжительной стоянки корабля у берегов Бразилии, Резанов уведомлял руководство Российско-Американской кампании:

«Крузенштерн взял себе в товарищи гвардии подпоручика Толстого, человека без всяких правил и не чтущего ни Бога, ни власти, от него поставленной. Сей развращенный молодой человек производит всякий день ссоры, оскорбляет всех, беспрепятственно сквернословит и ругает меня без пощады...» (цит. по: *Военский К.* Русское посольство в Японию в начале XIX века // *РС.* 1895. № 10. С. 210—211). В Петропавловске, где «Надежда» стояла с 14 июля по 30 августа 1804 г., Толстой был высажен на берег и отправлен в Охотск для дальнейшего возвращения в Петербург, куда прибыл к августу 1805 г. (см.: *Петрицкий В. А., Суетов Л. А.* К истории одного прозвища : (Ф. И. Толстой-«Американец») // *РЛ.* 1987. № 2. С. 99—103). История путешествия Толстого еще при его жизни обросла разнообразными рассказами о его выходках и бесчинствах, о том, как он был высажен на каком-то острове, где жил среди туземцев, пока его не подобрал проходящий корабль; по другой версии — высажен на один из Алеутских островов. Сам Толстой распространению этих рассказов не препятствовал и их не опровергал. Во время путешествия, видимо, во время стоянки на Маркизовых островах, он сделал себе на всем теле туземные татуировки, которые потом, по свидетельству мемуаристов, охотно демонстрировал (см.: *Каменская М. Ф.* Воспоминания. М., 1991. С. 176—177). Вероятно, отсюда и прозвище «Американец», что в языковой традиции начала XIX в. было синонимично слову «индеец» (см.: *Березкина С. В.* Почему Федора Толстого прозвали «Американцем»? // *РЛ.* 2001. № 3. С. 92—94). После возвращения с Камчатки Толстой был переведен из гвардии в гарнизон Нейшлотской крепости. Только в 1808 г. ему удалось избавиться от гарнизонной службы: он был назначен адъютантом к кн. М. П. Долгорукову, а после его смерти возвращен в Преображенский полк. Отличился в войне со шведами, но после войны некоторое время провел в заключении в Выборгской крепости за убийство на дуэли А. И. Нарышкина и в октябре 1811 г. был уволен от службы. В 1812 г. вступил в московское ополчение, был ранен при Бородине, за храбрость награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Выйдя в отставку, Толстой поселился в Москве, занял видное положение в московском светском обществе, завел обширные знакомства в литературном мире. «Граф Т〈олстой〉 был, как ныне говорят, человек эксцентрический, — характеризует его Ф. В. Булгарин, — т. е. имел особый характер, выходявший из обыкновенных светских форм и во всем любил одни крайности. Все, что делали другие, он делал вдесятеро сильнее. Тогда было в моде и в нравах 〈...〉 молодечество — и граф Ф. И. Т〈олстой〉 довел его до отчаянности! 〈...〉 Страсть его была дуэли! Но он был опасный соперник, потому что стрелял превосходно из пистолета, фехтовал не хуже Севербрика (общего учителя любителей фехтования того времени) и рубился мастерски на саблях. При этом граф Ф. И. Т〈олстой〉 был точно храбр и, невзирая на пылкость характера, хладнокровен и в сражении, и на поединке. 〈...〉 Он был прекрасно образован, говорил на нескольких языках, любил музыку и литературу, много читал и охотно сближался с артистами, литераторами и любителями словесности и искусств. Умен он был как демон и удивительно красноречив. Он любил софизмы и парадоксы, и с ним трудно было спорить» (*Булгарин Ф. В.* Воспоминания. СПб., 1848. Ч. 5. С. 202, 204—206). К Толстому обращены дружеские послания Д. В. Давыдова «Болтун красноречивый...» (1815), В. Л. Пушкина «К графу Ф. И. Толстому» (1816), П. А. Вяземского «Толстому» («Американец и цыган...») (1818). Толстой был также в приятельских отношениях с В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, П. И. Шаликовым и др. В октябре—ноябре 1819 г. он провел два месяца в Петербурге, где жил у А. А. Шаховского, своего давнего товарища еще по Преображенскому полку;

к этому времени относится его знакомство с Пушкиным (Летопись 1999. Т. 1. С. 163, 491). В Москве Толстой держал открытый дом, был известен как тонкий гастроном и славился своими обедами, вел крупную карточную игру, не всегда добросовестную, выигрывая огромные суммы, которые тратил на кутежи. Во время своих кутежей с цыганами он увлекся цыганской певицей Авдотьей Максимовной Тугаевой, увез ее к себе и спустя некоторое время, 10 января 1821 г., женился на ней. По сообщению С. Л. Толстого, «Лев Толстой, не раз бывавший у Авдотьи Максимовны в 40-х и 50-х годах, когда она была уже вдовою, и хорошо знавший дочь Ф(едора) И(вановича) Прасковью Федоровну, рассказывал, что, обвенчавшись, Ф(едор) И(ванович) поехал вместе со своей молодой женой с визитами во все знакомые ему дома. В некоторых чванных семьях, где раньше, несмотря на его порочную жизнь, его холостого охотно принимали, теперь, когда он приехал с женой цыганкой, его не приняли. Тогда он, как человек самолюбивый и с чувством собственного достоинства, никогда больше к этим знакомым не ездил» (Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. М., 1926. С. 48). Был он также знаменитым бретером. «Убитых им он сам насчитывал 11 человек. И он, как Иоанн Грозный, аккуратно записывал имена их в свой синодик» (Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 179). Толстой послужил одним из прототипов для портрета Удушьева в «Горе от ума» А. С. Грибоедова (действ. 4, явл. 4; монолог Репетилова), и эти стихи могут служить для характеристики его общественной репутации:

Ночной разбойник, дуэлист.
 В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
 И крепко на руку нечист;
 Да умный человек не может быть не плутом.
 (Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. :
 В 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 106)

Об отношении к этой характеристике самого Толстого см.: Там же. С. 340. Л. Н. Толстой, приходившийся Ф. И. Толстому двоюродным племянником, воспользовался рассказами о Толстом для создания двух героев своих произведений: старого гусара — графа Турбина в повести «Два гусара» (1856) и Долохова в романе «Война и мир» (1863—1869). Враждебно настроенный к Толстому мемуарист П. Х. Граббе в своих «Памятных записках» называет Толстого представителем «школы безнравственности». «Таинственное значение этого человека для тогдашней молодежи, — пишет Граббе, — особенно в Москве, отразилось на многих и в раннем цвете погубило надежды общества и родителей во многих юношах, природою счастливо одаренных. (...) Я даже забыл упомянуть, что граф Т(олсто)й был по превосходству карточный игрок наверняка, по их выражению, и забыл, вероятно, потому, что разорение или расстройство имущества не считало главным злом для жертв, попадавших в его руки, но постепенное приготовление к тому всякого рода растлением нравов, искоренением или искажением всех понятий о честности, мужестве, скромности, порядке жизни» (Граббе П. Х. Из памятных записок. М., 1873. С. 094—095, 1-я паг.). Известность Толстого как шулера прочно установилась и подтверждается многими свидетельствами, в том числе и его собственными признаниями. А. Н. Вульф рассказывал со слов Пушкина: «Где-то в Москве Пушкин встретился с Толстым за карточным столом. Была игра. Толстой передернул. Пушкин заметил ему это. „Да, я сам это знаю, — отвечал ему Толстой, — но не люблю,

чтобы мне это замечали» (П. в восп. Т. 1. С. 413). Вульф относит этот эпизод ко времени до ссылки Пушкина — тогда он мог случиться только в Петербурге осенью 1819 г.; возможно, мемуарист допустил хронологическую неточность и рассказанная сцена имела место в Москве, но уже после сентября 1826 г. Вероятнее всего, подобного разговора у Пушкина с Толстым вообще никогда не происходило, а Вульф применил к Пушкину один из общезвестных анекдотов о Толстом; ср. в воспоминаниях П. Х. Граббе: «Помню, что рассказывали об нем, будто остановленный противником при передергивании карты, он нисколько не смущаясь отвечал ему: „Это правда; но я не люблю, чтобы мне это говорили“. Это слово принадлежит не ему первому. Я нашел его в „Записках“ Сен-Симона. Жаль, что отнимаю у него право на это жалкое преимущество» (*Граббе П. Х. Из памятных записок. С. 096, 1-я паг.*). О Толстом см. также: *Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. М., 1926 (переизд.: М., 1990).*

Зимой или весной 1820 г. по Петербургу распространились слухи, будто бы Пушкин был высечен в тайной канцелярии Министерства внутренних дел (во всех изданиях «Летописи» эпизод датируется декабрем 1819—январем 1820 г. без особых на то оснований, см.: Летопись. С. 198, 202; Летопись 1991. С. 193, 197; Летопись 1999. Т. 1. С. 167, 169; единственное датированное упоминание этих слухов — в письме В. Н. Каразина к министру внутренних дел гр. В. П. Кочубею от 2 апреля 1820 г., см.: *Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 139*). В черновом письме к Александру I от начала июля — сентября (до 22) 1825 г. Пушкин говорит о событиях, предшествовавших его высылке из Петербурга в 1820 г.: «Необдуманные речи, сатирические стихи [обратили на меня внимание в обществе], распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен. — До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 (году) — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить — В(аше величество ?)...» (Акад. Т. 13. С. 227, 548; оригинал по-фр.). Только уже на юге Пушкин узнал, что автором порочащих его измышлений был Толстой и что вся сплетня основана на каком-то письме Толстого к А. А. Шаховскому (см. письмо Пушкина к Вяземскому от 1 сентября 1822 г.: «Ему по(ка)за(лось) (за)бавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак к(нязя) Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан...» — Акад. Т. 13. С. 43; также письмо к брату от октября 1822 г.: «...вся моя ссора с Толстым происходит от нескромности к(нязя) Шаховского» — Там же. С. 51). Пушкин откликнулся комментируемой эпиграммой, а также резким выпадом против Толстого в первой редакции послания «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 213). Прапорщик Ф. Н. Лугинин, познакомившийся с Пушкиным в мае 1822 г. в Кишиневе, 15 июня 1822 г. записал в дневнике: «Носились слухи, что его высекли в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге имел он за это дуэль. Также в Москве этой зимой хочет он ехать, чтоб иметь дуэль с одним графом Толстым, Американцем, который главный распускает эти слухи. Как у него нет никого приятелей в Москве, то я предложил быть его секундантом, если этой зимой буду в Москве, чему он очень обрадовался» (П. в восп. Т. 1. С. 234). Пушкин долго не оставлял мысли о дуэли с Толстым. Об отношениях Пушкина с Толстым см. также в примеч. к стихотворению «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») — наст. т., с. 607—608.

Ч(ААДАЕ)ВУ

(«В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»)

(С. 37 и 212)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 26 об.—29 — черновой, без заглавия. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 91 (варианты четырех стихов с л. 26 об.); Майков. Материалы. С. 98—99 (отдельные варианты; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 833, л. 5 об.—7 об. — белой, под заглавием: «К Чедаеву», с пометой под текстом: «6 апреля / 1821. / Кишенев», текст первой редакции, с делением на три астрофических фрагмента: ст. 1—32, 33—68, 69—84, с одновременной и позднейшей (вероятно, марта 1825 г.) правкой. В автографе карандашные пометы посторонней рукой: отчеркнуты ст. 53—60, исключенные Пушкиным из текста второй редакции и вычеркнутые в автографе, в них отмечены места цензурной купюры и редакционной замены в журнальной публикации. Напечатано: Анн. Т. 2. С. 314 (помета под текстом); Майков. Материалы. С. 99—100 (отдельные варианты; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Заглавие в записи: «Чедаеву» вошло в список стихотворений на внутренней стороне верхней крышки переплета тетради ПД 833 (вторая половина апреля 1821 г.) и в список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1821») (см.: Рукою П. 1997. С. 211, 212). Факсимильное воспроизведение обоих списков: Раб. тетр. Т. 3.

Вошло Собр. ст. 1836 г. (отдел «Послания»).

Впервые: СО. 1821. Ч. 72, № 35. С. 82—84, первая редакция под заглавием: «К Ч—ву», с подписью: «Александр Пушкин» и пометой под текстом: «Кишенев. 20 Апреля 1821»; с делением на два астрофических фрагмента между ст. 32 и 33, с цензурным пропуском ст. 12, 54 и 82, редакционной заменой в ст. 55 («Глупца философа, который в прежни лета» вместо: «Или философа, который в прежни лета») и заменой в ст. 84 фамилии Шеппинга на: «***». Ст. 12 восстановлен уже в Ст 1826. Остальные цензурные купюры и искажения восстановлены: Анн. Т. 7. С. 56, 1-я паг. (ст. 55; раскрыта фамилия адресата в заглавии); БЗ. 1858. Т. 1, № 11. Стб. 349 (ст. 54; публ. А. Н. Афанасьева); Генн. 1859. Т. 1. С. 247 (фамилия Шеппинга в ст. 84 в виде: «Шёп—га»); БЗ. 1861. Т. 3, № 9. Стб. 275 (ст. 82; публ. П. А. Ефремова); Ефр. 1880. Т. 1. С. 366 (полностью фамилия Шеппинга). Вторая редакция в составе 76 стихов впервые: Ст 1826. С. 169—172 (отдел «Послания»), под заглавием: «Ч***ву», с датой в оглавлении: «1821», со строкой точек между ст. 52 и 53 (место исключенного фрагмента журнального текста: «Что нужды было мне в торжественном суде ~ Мне мало досаждал своим безвредным лаем»), цензурным пропуском ст. 74 и заменой в ст. 76 фамилии Шеппинга на: «***». Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 137—141 (отдел стихотворений 1821 г.), с незначительными пунктуационными отличиями от текста Ст 1826 и без строки точек между ст. 52 и 53.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829 с восстановлением ст. 74 и имени Шеппинга в ст. 76 по беловому автографу.

Датируется 6 апреля 1821 г., согласно помете под текстом белового автографа; текст «Сына отечества» — 20 апреля 1821 г., согласно помете под текстом журналь-

ной публикации (вероятно, дата отсылки стихотворения в журнал). Окончательная правка, давшая текст Ст 1826, относится, вероятнее всего, к марту 1825 г. (см. ниже).

При публикации стихотворения в «Сыне отечества» из текста были исключены три стиха. Ст. 82 («Вольнолюбивые надежды оживим») был не пропущен цензурой. Замена ст. 12 («Врагов своих предал проклятию забвенья») и 54 («Холопа знатного, невежды при звезде») строками точек, также продиктованная цензурными соображениями, была сделана, возможно, самим редактором журнала, Н. И. Гречем. Кроме того, отсутствие ст. 54 вызвало вынужденное редакторское вмешательство в следующий ст. 55 (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 223). По поводу цензурных купюр и замен Пушкин писал Гречу 21 сентября 1821 г. из Кишинева: «Вчера видел я в „С(ыне) о(тчества)“ мое послание к Ч—у; уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее *libéral*, оно прямо русское, и верно почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем. Там напечатано *глупца философа*; зачем глупца² стихи относятся к Американцу Толстому, который вовсе не глупец; но лишняя брань не беда» (Акад. Т. 13. С. 32). Ст. 55—58 первой редакции стихотворения, содержащие резкий выпад против Ф. И. Толстого-Американца (см. о нем в примеч. к стихотворению «Эпиграмма» («В жизни мрачной и презренной...») — наст. т., с. 602—605), вызвали строгую критику Вяземского в не дошедшем до нас письме к Пушкину в Кишинев. Пушкин возражал в ответном письме от 1 сентября 1822 г.: «Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было (не) заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякий раз, как представлялся тому случай. Ему по(ка)за(лось) (за)бавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак к(нязя) Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже послан и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей, — в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достает меч законов, туда достает бич сатиры. Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая, не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля. Сам Вольтер это чувствовал. Ты упрекаешь меня в том, что из Кишенева, под эгидою ссылки, печатаю ругательства на человека, живущего в Москве. Но тогда я не сомневался в своем возвращении. Намерение мое было (е)хать в Москву, где только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападение на гр(афа) Толстого не есть малодушие. Сказывают, что он написал на меня что-то ужасное. Журналисты должны были принять отзыв человека, обруганного в их журнале. Можно подумать, что я с ними заодно, и это меня бесит. Впрочем я свое(?) дело сделал и(?) с Толстым(?) на бумаге более связываться не хочу. Я бы мог оправдаться перед тобой сильнее и яснее, но уважаю твои связи с человеком, который так мало на тебя походит» (Акад. Т. 13. С. 43—44). «Что-то ужасное», написанное Толстым, — это ходившая в рукописи его ответная эпиграмма на Пушкина:

Сатиры нравственной язвительное жало
С пасквильной клеветой не сходствует нимало.
В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл.

Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
 Примером ты рази, а не стихом пороки
 И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

Впервые она была опубликована в 1923 г. Б. В. Томашевским по списку в Тетр. Шереметева (Шер) (Литературная мысль. Альманах. Пг., 1923. Вып. 2. С. 238). В Шер эпиграмма Толстого непосредственно следует за копией ст. 53—58 первой редакции пушкинского послания (пушкинский текст записан, видимо, по памяти, с искажениями).

Отношение Пушкина к Толстому долго оставалось резко враждебным; Пушкин и в Михайловском не оставлял мысли о дуэли и, по свидетельству А. Н. Вульфа, готовясь к ней, тренировался в стрельбе (см.: П. в восп. Т. 1. С. 412). В первый же день по возвращении в Москву из ссылки, 8 сентября 1826 г., он намеревался послать вызов Толстому (см.: Лонгинов М. Н. Заметка о Пушкине // РА. 1865. № 3. С. 391). Тем не менее в конце марта—начале апреля 1825 г., в период подготовки Ст 1826, Пушкин писал Вяземскому из Михайловского: «Из послания к Чудаеву вымарал я стихи, которые тебе не понравились, — единственно для тебя, из уважения к тебе — а не потому, что они другим не по нутру» (Акад. Т. 13. С. 160). В письме к брату от 22—23 апреля 1825 г. Пушкин подтвердил свое решение: «О посл(аних) к Ч(едаеву) скажу тебе, что пощечины повторять не нужно — Толстой явится у меня во всем блеске в 4-ой песне *Онег(ина)*, если его пасквиль этого стоит, и посему попроси его эпиграмму и пр. от Вяземского (непрерменно)» (Там же. С. 163). По всей вероятности, именно в это время Пушкин вычеркнул выпад против Толстого в белой рукописи послания в тетради ПД 833 (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 222). Вместе с ним были вычеркнуты и тесно связанные с предыдущим фрагментом два стиха, обращенные против редактора журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовского, о котором, впрочем, Пушкин еще 2 января 1822 г. писал Вяземскому: «Ежели я его задел в послании к Че(даеву) — то это не из ненависти к нему, но чтобы поставить с ним на одном ряду Американца Толстого, которого презирать мудренее» (Акад. Т. 13. С. 34). В Ст 1826 место исключенного фрагмента обозначено строкой точек; в примечании (№ 9) в конце книги (с. 191) сказано: «Все пропуски в стихотворениях, означенные точками, сделаны самим автором». В Ст 1829 строка точек была снята. К этому времени уже состоялось полное примирение Пушкина с Толстым; в апреле 1829 г. Толстой даже выступил посредником при сватовстве Пушкина к Н. Н. Гончаровой (см. письмо Пушкина к Н. И. Гончаровой от 1 мая 1829 г. — Акад. Т. 14. С. 45). Об отношениях Пушкина с Толстым-Американцем см. также: Черейский. С. 438—439.

Таким образом, с некоторой долей условности, можно говорить о двух редакциях послания: распространенной (с памфлетными строками), представленной беловым автографом и текстом «Сына отечества», и второй, сокращенной, напечатанной впервые в Ст 1826 и закрепленной в Ст 1829. Во всех собраниях сочинений, начиная с издания Анненкова (Анн.), воспроизводился текст Ст 1829 с включением фрагмента «Что нужды было мне в торжественном суде ~ Мне мало досаждал своим безвредным лаем», который печатался по «Сыну отечества» с дополнением и исправлением ст. 54—55 (цензурной купюры и вынужденной редакционной замены) по беловому автографу. Такая контаминация не представляется корректной. Текст послания, напечатанный в Ст 1826 и Ст 1829, не может рассматриваться просто как

сокращенный вариант журнальной публикации: готовя стихотворение для Ст 1826, Пушкин не ограничился исключением из него памфлетного фрагмента, но также внес изменения в ряд стихов и в строфический облик текста. Кроме того, появление сокращенной редакции было отделено от первой значительным временным промежутком и несомненно отражает изменение авторской позиции. В корпусе настоящего издания печатается текст второй редакции, включавшийся самим Пушкиным в собрания своих стихотворений. Первая редакция помещена в разделе «Другие редакции и варианты».

Это второе пушкинское стихотворное обращение к Петру Яковлевичу Чаадаеву; первое относится к петербургскому периоду: «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...») (1818). Об отношении Пушкина с Чаадаевым см. наст. т., кн. 1, с. 547—548. Имя Чаадаева появляется также в заключительных строках стихотворения «К моей чернильнице» (см. наст. т., с. 41), датированного в рукописи 11 апреля 1821 г. Примерно в это же время Пушкин сделал запись в своем дневнике (по-видимому, 9 апреля): «Получил письмо от Чаадаева. — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье. — Одного тебя может любить холодная душа моя. — Жалею, что не получил он моих писем: они бы его обрадовали. — Мне надобно его видеть» (Акад. Т. 12. С. 303). Запись близко соотносится с посланием и содержит указание на несохранившуюся кишиневскую переписку Пушкина с Чаадаевым.

Послание принадлежит к кругу стихотворений кишиневского периода, связанных между собой именем Овидия (о знакомстве Пушкина с творчеством и биографией Овидия см. наст. т., с. 670—672). Сам избранный Пушкиным жанр элегического послания, обращенного к далекому другу с рассказом о своем изгнании, тяготеет к литературной модели, сложившейся в понтийских элегиях римского поэта. Сквозь все «Скорбные элегии» («Tristia») и «Письма с Понта» («Epistulae ex Ponto») Овидия проходят мотивы дружбы, понятой как высшая духовная общность, и тоски о друге, похвала достоинствам друга, воспоминание о днях совместной жизни, когда друзья вместе читали, беседовали, не замечая времени, и т. д. (см.: *Жирицкий Л. В.* Пушкин и Овидий // Изв. Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 93—94; *Кибальник С. А.* Тема изгнания в поэзии Пушкина // ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 44—45). Прямых заимствований или реминисценций из Овидия у Пушкина нет, однако вторая половина послания (со ст. 37) обнаруживает определенные точки соприкосновения с 5-й элегией первой книги «Тристий», которая в имевшемся у Пушкина французском переводе (см. наст. т., с. 672) была озаглавлена «Верный друг» («L'ami constant»), а также с посланиями «Аттику» («Ex Ponto», II, 4) и «Грецину» («Ex Ponto», II, 6) (см. ниже, примеч. к ст. 37, 61—62, 69—72).

Ст. 2. *Где прах Овидиев пустынный мой сосед...* — О месте ссылки и смерти Овидия см. подробнее в примеч. к стихотворению «К Овидию» — наст. т., с. 673.

Ст. 30. *Не зная ни забот, ни цели, ни систем...* — Л. И. Поливанов видел в этом стихе отголоски «бесед с Чаадаевым, в которых он юным слушателям указывал цели жизни и развивал свои системы, увлекавшие их ум» (Пол. Т. 1. С. 118).

Ст. 37 и след. *Ты был целителем моих душевных сил...* — Ср. в «Скорбных элегиях» Овидия («Tristia», I, 5, ст. 1—6):

O mihi post ullos numquam memorande sodales,
 O cui praecipue sors mea visa sua est!
 Attonitum qui me, memini, carissime, primus
 Ausus es adloquio sustinuisse tuo,
 Qui mihi consilium vivendi mite dedisti,
 Cum foret in misero pectore mortis amor.

O vous à qui je dois le premier rang entre mes amis, et qui avez toujours regardé ma disgrâce comme la vôtre même; vous qui dans la consternation où je fus quand on m'annonça mon exil, osâtes le premier (je m'en souviens) me soutenir un peu par vos discours consolants, et qui, d'un air si doux et si touchant sâtes me persuader de vivre, lorsque je ne songeais plus qu'à mourir.

(Œuvres complètes d'Ovide, traduites en français / Ed. imprimée par les soins de J. Ch. Poncelin. Paris, an VII (1799). T. 6. P. 47)

Ты, кто меж прочих друзей не бывал мною назван не первым,
 Ты, кто долю мою долей считаешь своей,
 Кто, когда грома удар поразил меня, первым решился
 Вовремя дух поддержать, помню, беседой своей,
 Ты, кто мягко совет мне подал в живых оставаться
 В день, когда сердце мое страстно лишь к смерти влеклось.
 (Пер. С. В. Шервинского)

Ст. 44 — 45. *В минуту гибели над бездной потаенной Ты поддержал меня недремлющей рукой...* — Речь идет о помощи и поддержке, оказанных Чаадаевым Пушкину весной 1820 г., когда решался вопрос о высылке поэта из Петербурга. См. позднюю дневниковую запись О. М. Бодянского от октября 1850 г. о беседе с Чаадаевым: «Рассказ Чаадаева о том, как он спас Пушкина от Соловков заступничеством своим у Карамзина, к которому явился рано утром и который взял у него ручательство, что Пушкин в течение года не станет ничего писать подобного. Карамзин отправился к государыне Елизавете Алексеевне. Переписка всех важных листов Пушкина у Милорадовича, отвезшего их государю, и отправление Пушкина к Инзену в Одессу (*sic*). К этому случаю относится стих в одном стихотворении Пушкина: „Ты спас меня над бездной” и проч.» (РС. 1889. № 10. С. 129). По мнению Т. Г. Цявловской, эти стихи, где Пушкин благодарит друга за помощь «в минуту гибели над бездной потаенной», соотносятся с черновым письмом Пушкина к Александру I от июля—сентября 1825 г., и, вероятнее всего, именно Чаадаев был тем не названным в письме по имени другом, чья поддержка в истории с клеветой и сплетнями помогла Пушкину отказаться от мысли о самоубийстве (см.: Цявловская Т. Г. Неясные места биографии Пушкина // ПИМ. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 40—42).

Ст. 55. *И сплетней разбирать игривую затею...* — Этот стих принял на свой счет П. А. Катенин, увидев в нем намек на свою комедию «Сплетни» (подражание комедии Ж.-Б.-Л. Грессе (Gresset; 1709—1777) «Le Méchant» («Злоязычный»)), представленную в Петербурге 31 декабря 1820 г. Видимо, Катенин допускал возможность подобного выпада со стороны Пушкина, потому что в одном из действующих лиц комедии — Зельском — при желании можно было найти опреде-

ленные намеки на Пушкина. Отвечая на не дошедшее до нас письмо Катенина, Пушкин писал ему 19 июля 1822 г.: «Я не читал твоей комедии, никто об ней мне не писал; не знаю, задел ли меня Зельской. Может быть, да, вероятнее — нет. Во всяком случае не могу сердиться. Если б я имел что-нибудь на сердце, стал ли бы я говорить о тебе наряду с теми, о которых упоминаю? Лица и отношения слишком различны» (Акад. Т. 13. С. 41). В письме к Л. С. Пушкину от 21 июля 1822 г. Пушкин также просил брата оправдаться за него перед Катениным. Никаких более конкретных указаний на слухи, связывавшие Пушкина с фигурой Зельского, нет.

Ст. 61—62. *Одно желание: останься ты со мной! Небес я не томил молитвою другой.* — Ср. в послании Овидия «Грецину» («Ех Ронто», II, 6, ст. 35—36):

Fac modo permanes lasso, Graecine, fidelis,
Duret et in longas impetus iste moras.

Persévérez seulement, cher Grécin, et aimez constamment un ami qui est tombé dans une cruelle disgrâce; surtout que cette ardeur si vive de me servir ne se ralentisse point.

(Œuvres complètes d'Ovide... Т. 7. P. 135)

Только останься, Грецин, и впредь изнемогшему верен
Другу, и дружбы твоей будь неизменен порыв!

(Пер. М. Л. Гаспарова)

Ст. 69—72. *Приду, приду я вновь, мой милый домосед ~ Знакомых мертвецов живые разговоры...* — Ср. в послании Овидия «Аттику» («Ех Ронто», II, 4, ст. 9—12):

Seria multa mihi tecum conlata recordor,
Nec data iocundis tempora pauca iocis.
Saepe citae longis visae sermonibus horae,
Saepe fuit brevior, quam mea verba, dies.

Je me souviens toujours avec plaisir de cet heureux temps, où nous nous entretenions souvent ensemble de nos affaires les plus sérieuses: mais aussi je n'ai pas oublié ces conversations si enjouées, où les heures passaient si vite, et les jours nous paraissaient trop courts pour ce que nous avions à nous dire.

(Œuvres complètes d'Ovide... Т. 7. P. 126)

Мне никогда не забыть разумных твоих разговоров,
Как никогда не забыть наших веселых забав.

Часто в беседах часы пролетали у нас незаметно,
Часто бывало речам мало и целого дня.

(Пер. М. Л. Гаспарова)

Ст. 76. *Гони ты <Шеппинга> от нашего порога.* — Барон Оттон Дмитриевич (Отто-Густав) Шеппинг, упоминаемый Пушкиным также в «Послании к

кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...») (1819) (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 41), адъютант генерала А. И. Чернышева, с марта 1819 г. помощник начальника штаба гвардейского корпуса; был близко знаком с Чаадаевым и по светским, и по служебным отношениям. Шеппинг жил в той же гостинице Демута, что и Чаадаев, и часто навещал его по соседству. Характеристику Шеппинга, данную М. Н. Лонгиновым, и свидетельство о недоброжелательном отношении Пушкина к Шеппингу см.: Лон—Полт, кн. 1, л. 24 об.—25; наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 572. В конце 1810-х гг. Шеппинг был одной из самых блестящих фигур петербургского высшего общества. Сам Шеппинг, как свидетельствует его биограф, считал, что именно его светские успехи подали Пушкину повод к эпиграмматическому выпадку, который он в старости любил, смеясь, повторять (см.: Сб. биографий кавалергардов, 1801—1826. СПб., 1906. С. 248). В октябре 1820 г. П. Я. Чаадаев был послан к Александру I, находившемуся на конгрессе Священного союза в Троппау, с донесением о восстании Семеновского полка и сразу по возвращении подал в отставку. И. Д. Якушкин в позднейшем письме к А. И. Герцену так объяснял причины этой отставки: «По возвращении Чаадаева в Петербург Шеппинг и многие другие поздравляли его с будущим счастьем, пророча, что он непременно будет флигель-адъютантом; чтоб доказать Шеппингу и другим, как он мало дорожит такого рода счастьем, Чаадаев вышел в отставку» (Былое. 1906. № 4. С. 189). Ср. со словами самого Чаадаева в письме к А. М. Щербатовой от 2 января 1821 г.: «Меня забавляло выказывать мое презрение к людям, которые всех презирают. Как видите, все это очень просто. В сущности, я должен вам признаться, что я в восторге от того, что уклонился от их благодетельных...» (Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 14; оригинал по-фр.). П. О. Морозов на основании неверного чтения рукописи печатал в последнем стихе: Шенинга (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 286, 566); эта же ошибка была повторена Н. О. Лернером (Венг. Т. 2. С. 63, 566).

Другие редакции и варианты

Первая редакция. Ст. 53—54. *Что нужды было мне в торжественном суде Холопа знатного, невежды <при> звезде... — Делалась попытка, опираясь на один из черновых вариантов ст. 54 («Холопа знатного — в Андреевской звезде —»), найти его конкретного адресата среди кавалеров ордена Андрея Первозванного, в связи с чем было высказано предположение, что Пушкин имел в виду министра юстиции князя Д. И. Лобанова-Ростовского (см.: Меликьян М. Невежда // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 158—159). Однако о личных столкновениях Пушкина с Лобановым-Ростовским в эти годы ничего не известно. Упоминание в черновиках Андреевской звезды, высшего ордена Российской империи, служит указанием скорее на видное общественное положение и знатность вообще, чем на определенное лицо; окончательный вариант стиха тем более не дает оснований видеть здесь конкретный намек.*

Ст. 58. *Отвыкнул от вина... — П. А. Вяземский вспоминал о том, как Толстой по каким-то причинам «наложил на себя эпитимию и месяцев шесть не брал в рот ничего хмельного» (Вяземский. ПСС. Т. 8. С. 375—376). Этот эпизод, по-видимому, следует отнести к концу 1818—началу 1819 г. (ср. замечание в письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 16 января 1819 г.: «...Шаликов пьет у Толстого, который теперь ничего не пьет» — ОА. Т. 1. С. 189).*

Ст. 59—60. *Оратор Лужников, никем не замечаем, Мне мало досаждал своим безвредным лаем.* — Речь идет о редакторе «Вестника Европы» М. Т. Каченовском, одним из журнальных псевдонимов которого был «Лужницкий старец». О критике поэмы «Руслан и Людмила» на страницах «Вестника Европы» см. примеч. к эпиграмме «Хаврониос! Ругатель закоснелый...» — наст. т., с. 588.

К МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЕ

(«Подруга думы праздной...»)

(С. 39 и 224)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 23 об. — черновой пяти стихов, не вошедших в текст белого автографа. Расположен между дополнениями к тексту поэмы «Кавказский пленник» (выше на листе черновой карандашный набросок ст. 189—191 второй части; ниже — черновой набросок пером ст. 321—324 первой части; на л. 24 черновой автограф пером «Черкесской песни» из второй части поэмы; характер записей пером на л. 23 об.—24 с большой долей вероятности позволяет предположить, что они сделаны примерно в одно время). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 655—656 (публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской)). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 831, л. 31 об.—33 об. — белой, с поправками; с пометой под текстом: «Кишенев. 11 апреля 1821»; в тексте отсутствует около 40 стихов после ст. 20, так как из тетради был вырван (еще при жизни Пушкина) лист, на каждой стороне которого, судя по сохранившимся листам, могло быть по 20—22 стиха. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 245—248 (по копии ТЖ; публ. В. А. Жуковского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Заглавие в записи: «Чернильнице» вошло в список стихотворений на внутренней стороне верхней крышки переплета тетради ПД 833 (вторая половина апреля 1821 г.) и в список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1821») (см.: Рукою П. 1997. С. 211, 212). Факсимильное воспроизведение обоих списков: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 245—248.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по беловому автографу.

Датируется 11 апреля 1821 г. по помете в беловом автографе.

Предположение Р. В. Иезуитовой, что в тетради ПД 833 на листах, вырванных после л. 9, мог находиться еще один белой автограф, по которому стихотворение было напечатано В. А. Жуковским (см.: *Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 246*), не может быть принято. Основой первой публикации послужила копия ТЖ, несомненно снятая с автографа тетради ПД 831. Копия содержит ошибки в ст. 33 («Без всякого труда» вместо: «Без вялого труда»), ст. 65 («Уныния разлуки» вместо: «Уныние разлуки») и в ст. 81 («Когда со мной заснет» вместо: «Когда навек уснет»); ст. 20 и 41, судя по всему, были плохо разобраны переписчиком и записаны не полностью; ст. 90 искажен; пропущены ст. 40 и 91—94; не учтена обозначенная в рукописи перестановка ст. 73—78, первоначально следовавших после ст. 52; в ст. 87—88 неверно понята правка Пушкина, в результате чего они оказались переставлены местами; фамилия

Чаадаева в ст. 87 обозначена первой буквой с отточием; помета под текстом отсутствует. Публикация Жуковского повторяет большую часть ошибок копии. Ст. 3, читающийся в Посм.: «Мой век однообразный» вместо: «Мой век разнообразный», возможно, явился результатом редакторской правки Жуковского; в ст. 16 допущена опечатка («воображенья» вместо: «воображенье»); ст. 17—20, не дающие завершённого текста, были при публикации исключены; ст. 90 дополнен с ошибкой («Любимцу праздных лет» вместо: «Любимцу прежних лет»); исправленными оказались только ст. 41 и 65. Пропуски и искажения первой публикации исправлены: Анн. Т. 2. С. 309 (ст. 16; 17—20, без точного указания места в тексте); Генн. 1859. Т. 1. С. 230 (фамилия Чаадаева в ст. 87); РА. 1881. Т. 1, № 2. С. 447 (ст. 40 не точно; ст. 87—88 в правильной последовательности; ст. 91—94 без точного указания места в тексте; зачеркнутые семь стихов между ст. 42 и 43; публ. П. И. Бартенева); Якушкин. № 4. С. 93 (указание на место в тексте ст. 17—20, 91—94); Майков. Материалы. С. 103—106 (публ. В. И. Саитова).

Стихотворение примыкает в пушкинском творчестве к серии лицейских посланий, написанных трехстопным астрофическим ямбом и продолжающих традицию «Моих пенатов» (1811—1812) К. Н. Батюшкова, — «К сестре» (1814), «Городок» (1815), «Батюшкову» («В пещерах Геликона...») (1815), «К П(ушкин)у. (4 мая)» (1815), «Послание к Г(алич)у» («Где ты, ленивец мой?..») (1815), «К Д(ельвигу)» («Послушай, муз невинных...») (1815) (см. наст. изд., т. 1, с. 38—40, 88—97, 105, 114—115, 123—129, 587—588, 625, 636, 641, 644, 646). В нем присутствуют характерные структурные элементы выбранной жанровой модели: упоминания «хаты скромной» и поэта-«отшельника», поэтического «пира воображенья», «лени». Несмотря на очевидный жанровый сдвиг (адресацию дружеского послания этого типа не «лицу», а «предмету»), Пушкин, по-видимому, не мог не ощущать инерцию уже несколько архаичной к 1821 г. литературной формы, к которой и сам не обращался после Лицея. Последним соображением несомненно руководствовался В. А. Жуковский, включивший «К моей чернильнице» в Посм. в раздел лицейских стихотворений. Ошибка была исправлена в Анн. на основании автографа. Стихотворение было оставлено Пушкиным в рукописи и не получило при жизни поэта никакого распространения. Судя по всему, Пушкин не считал его полностью завершённым, но к работе над ним больше не возвращался, а ряд найденных здесь образов и поэтических выражений использовал в позднейших произведениях.

Ст. 15—16. *И музу призывал На пир воображенья.* — Стихи будут почти дословно повторены Пушкиным в ст. 21—22 «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824): «Где я на пир воображенья, Бывало, музу призывал».

Ст. 29—30. *Заветный твой кристалл Хранит огонь небесный...* — Ту же метафору Пушкин в 1830 г. использует в строфе L восьмой главы «Евгения Онегина»: «И даль свободного романа Я сквозь магический кристалл Еще неясно различал» (Акад. Т. 6. С. 190; см.: *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 595; *Фомичев С. А.* Из комментария к «Евгению Онегину». 6. «И даль свободного романа...» // *Врем. ПК* 1981. Л., 1985. С. 167—168).

Ст. 32. *Перо по книжке бродит...* — Имеется в виду записная книжка, рабочая тетрадь, такая, в частности, как тетрадь ПД 831, в которой находится автограф стихотворения.

Ст. 47 — 49. *Но их не разводил Ни тайной злости пеной, Ни ядом клеветы.* — Ср. в эпиграмме на М. Т. Каченовского «Охотник до журнальной драки...» (1824): «Разводит опиум чернил / Слюнею бешеной собаки».

Ст. 50 — 52. *И сердца простоты Ни лестью, ни изменой Не замарала ты.* — Ср. последние строки белого автографа стихотворения «К Овидию» (1821): «Но не унизил век изменой беззаконной / Ни гордой совести, ни лиры непреклонной» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 288).

Ст. 54 — 58. *Я слышу нежны пени Заботливых друзей... Ужели их забуду, Друзей души моей, И им неверен буду?* — Здесь можно видеть отклик на только что полученное Пушкиным письмо от П. Я. Чаадаева (не сохранилось). См. запись в кишиневском дневнике поэта (по-видимому, от 9 апреля 1821 г.): «Получил письмо от Чадаева. — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье. — Одного тебя может любить холодная душа моя. — Жалею, что не получил он моих писем...» (Акад. Т. 12. С. 303).

Ст. 63 — 64. *Минуты хладной скуки, Сердечной пустоты...* — Реми-нисценция из «Послания к А. А. Плещееву» (1794) Н. М. Карамзина. Ср. ст. 4 элегии «Я пережил свои желанья...» (наст. т., с. 18, 183 и примеч. к ней, с. 550).

Ст. 79 — 80. *Когда же берег ада Навек меня возьмет... — Берег ада* — берег Леты, реки в Аиде, царстве мертвых в древнегреческой мифологии. Ср. ст. 93—96 «Моих пенатов» К. Н. Батюшкова: «Когда же парки тощи / Нить жизни допрядут, / И нас в обитель ночи / Ко прадедам снесут...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 114).

ХРИСТОС ВОСКРЕС

(«Христос воскрес, моя Реввека!...»)

(С. 42 и 227)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 24 об. (Ав₁) — белой первоначальной редакции, с последующей правкой, переходящий в черновой, без заглавия. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 91 (вариант ст. 6 первоначальной редакции); Майков. Материалы. С. 159 (ст. 4 первоначальной редакции; публ. В. И. Саитова); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 36—37 (правка в ст. 5—6 первоначальной редакции, в виде транскрипции; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 833, л. 8 (Ав₂) — белой, с поправками, с датой под текстом: «12. Апр(ель)». Напечатано: Якушкин. № 5. С. 340 (помета под текстом); Майков. Материалы. С. 158 (публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

3) ПД 1268, л. 2 (Ав₃) — белой, в письме к П. А. Вяземскому от марта 1823 г.; слово «даже» в ст. 8, пропущенное по ходу письма, вписано над строкой. Предваряется словами: «Вот тебе несколько пакостей», ниже стихотворения следуют тексты эпиграмм «(На Каченовского)» («Клеветник без дарованья...») (1821), «Лечись — иль быть тебе Пангломом...» (1821), «Иной имел мою Аглаю...» (1821) и «Оставя честь судьбе на произвол...» (1821). Напечатано: Письма Пушкина и к Пушкину. М., 1903. С. 14 (публ. В. Я. Брюсова «по старинной копии, сохранившейся в тетради, где списаны стихи Пушкина, не бывшие в свое время в печати», с

цензурной заменой ст. 8 строкой точек); Переписка П. Т. 1. С. 61 (полностью по автографу; публ. В. И. Саитова). Воспроизведение: Левичева. С. 280.

Копии:

1) Тетр. Шереметева (Шер) — без заглавия, с подписью: «А. П.», с ошибкой в ст. 3.

2) В. П. Гаевского из архива В. Е. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 144) (Гаев₁) — без заглавия, с подписью: «А. Пушкин», с примечанием под текстом: «Стихотворение это сообщено мне Я. П. Полонским, который узнал его от Льва Пушкина, брата поэта».

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К еврейке», с подписью под текстом: «А. Пушкин» и пометой: «12 апреля 1821. Кишенев».

4) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «Еврейке».

5) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «Ревекке», с примечанием: «Писса, нигде не напечатанная».

6) Тетр. Якушкина (Якуш) — под заглавием: «Еврейке», с датой: «1821».

7) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «Еврейке», с двумя слоями позднейших поправок (карандашом и красным карандашом), с карандашной пометой под текстом: «12 апреля 1821 г. Кишинев». Напечатано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 369 (с цензурным искажением ст. 8—10: ст. 8 заменен строкой точек, на конце ст. 10 стоит вопросительный знак).

Копия, бывшая в распоряжении Н. В. Гербеля, по которой им была осуществлена публикация стихотворения (см. ниже), в настоящее время неизвестна.

Впервые: Герб. С. 26, под заглавием: «К еврейке»; в России впервые: Ефр. 1880. Т. 1. С. 369 (под заглавием: «Еврейке», с цензурным искажением ст. 8—10 (см. выше)); цензурная купюра восстановлена: Якушкин. № 4. С. 91 (ст. 8 по Ав₁).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по Ав₃.

Датируется 10—12 апреля 1821 г. по расположению Ав₂ в тетради ПД 833 в ряду последовательно записывавшихся текстов 1821 г., дате Пасхи, приходившейся в 1821 г. на 10 апреля, и помете «12 апреля» в Ав₂.

Именно это стихотворение, написанное в пасхальные дни 1821 г., имел в виду П. В. Анненков, говоря о «цинических эпистолах к еврейке, содержательнице одного постоялого дома...» (Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 178). Анненков опирался на записанное им свидетельство К. К. Данзаса: «О еврейке, о которой часто упоминает Пушкин, он говорил, что это должна быть дочь одной из двух хозяек-жидовок, содержавших два трактира в Кишиневе» (Модзалевский. С. 481; ср. другую запись Анненкова со слов Данзаса: «...одна еврейка содержала в старом городе *chambres garnies* (меблированные комнаты — фр.), и дочка ее была предметом стихов и страсти Пушкина и многих его приятелей» — Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 178). В кишиневском окружении Пушкина «еврейкой» называли М. Е. Эйхфельдт, жену кишиневского чиновника горного ведомства И. И. Эйхфельдта (см. о ней в примеч. к стихотворению «〈М. Е. Эйхфельдт〉» — наст. т., с. 935—936), но П. В. Анненков, писавший о «красавице молдаванке» Эйхфельдт, «которая получила прозвание „еврейки“ за воображаемое сходство с Ревеккой вальтер-скоттовского романа „Айвенго“», подчеркивал, что «не должно смешивать ее с еврейкой цинических эпиграмм Пушкина» (Анненков П. В.

А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 190). Н. О. Лернер высказал тем не менее предположение, что пушкинское стихотворение обращено именно к Эйхфельдт (см.: Венг. Т. 2. С. 567—568), однако оно не было поддержано другими исследователями (см. возражения С. А. Венгерова в редакторском примечании к комментарию Лернера — Там же. С. 568; также точку зрения Б. Л. Модзалевского — Письма. Т. 1. С. 260).

«РАЗЗЕВАВШИСЬ ОТ ОБЕДНИ...»

(С. 43 и 229)

Автограф в тетради ПД 831, л. 37—37 об. — беловой, с двумя поправками. Последняя строфа (ст. 41—48) вписана на левом поле л. 37 об.; под ст. 48 — фигурная скобка, обозначающая конец текста. Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 217—218 (ст. 1—8, 17—26, 28—30, 33—36, 41—48, с эвфемистическими заменами и искажениями в ст. 5 («Подогнув под *платье* ноги»), ст. 28 («*Пена* на его лице»), ст. 34 («И тебя простил Амур» вместо: «И тебя пронзил Амур»), ст. 44 («Черноокая Тарсис» вместо: «Пучекокая Тарсис», с раскрытием имени Катакази в ст. 2; публ. П. И. Бартенева); дополнения и исправления: Якушкин. № 4. С. 96—97 (ст. 5, 8—16, 27, 31—32, 34, 37—40); АН 1900—29. Т. 3. С. 35 (ст. 28, 44; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

По свидетельству В. П. Горчакова, стихотворение начиналось стихом: «Дай, Никита, мне одеться...» (см. запись Горчакова на полях рукописи воспоминаний И. П. Липранди: «У губернатора Катакази была сестра, девица некоторых лет, некрасивая, но умная и образованная. Ее-то Пушкин называет „кишиневскою Жанлис“, и далее — „Будь глупа, да хороша“, и все это говорится в одном шутовом и неизданном стихотворении, написанном Пушкиным в 1821 г. „Дай, Никита, мне одеться“» — П. в восп. Т. 1. С. 290). Два стиха этой неизвестной нам строфы были в 1861 г. сообщены, по-видимому, со слов того же Горчакова, П. И. Бартеневым, писавшим что слуга Пушкина Никита остался в памяти кишиневских приятелей поэта «по двум стихам какого-то шуточного стихотворения (следует текст. — *Ред.*)» (Бартенев П. И. Пушкин в южной России // Русская речь и Московский вестник. 1861. № 90, 9 ноября. С. 591).

Впервые: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 217—218 (см. выше; то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып.] 1: Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 129—130); полностью впервые: АН 1900—29. Т. 3. С. 34—35.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1882. Т. 1 (под редакторским заглавием: «Описание кишиневских дам»); стихи «Дай, Никита, мне одеться: В митрополии звонят»: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 33 (как начало самостоятельного стихотворения).

Печатается по автографу. Два стиха из не дошедшей до нас строфы стихотворения («Дай, Никита, мне одеться: В митрополии звонят»), которые до публикации в 1974 г. свидетельства В. П. Горчакова печатались как самостоятельный отрывок, приводятся в разделе «Другие редакции и варианты» по публикации П. И. Бартенева (см. выше). Их связь с комментируемым стихотворением настоятельно подчеркивал Н. Я. Эйдельман: «...размер один и тот же. Да и сюжет тот же самый: Никита

дает одеться, Пушкин едет к обедне, а спать все хочется, и вот — Раззевавшись от обедни... То ли Пушкин, переписывая набело стихи в свою тетрадь, снял первые две строки (и по меньшей мере еще две, рифмующиеся), чтобы сохранить „единство места, времени и действия”, то ли был другой вариант стихотворения. Но, кажется, можно считать установленным, что эти два отрывка в какой-то момент составляли одно целое» (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин и южные декабристы // *ВЛ.* 1974. № 6. С. 198; исследователь допускает одну неточность: за сообщенными Бартевым стихами должно было следовать не менее шести стихов, поскольку стихотворение написано восьмистишиями). Вполне возможно, что могли существовать и другие не дошедшие до нас строфы.

Датируется апрелем (после 11) — началом июня (до 4) 1821 г. по положению автографа в тетради ПД 831. «11 апреля 1821» — помета на л. 33 об. под текстом стихотворения «К моей чернильнице», л. 37, 37 об. и 38, судя по отпечаткам чернил на смежных листах, заполнялись последовательно, так что стихотворение не могло быть вписано на пробельном листе; на л. 40 об. — помета «4 июня ночью / 5 июня поутру». Несколько позднее могла появиться в тетради только последняя строфа (ст. 41—48), записанная на левом поле л. 37 об. другим пером и чернилами.

Стихотворение представляет собой сатирические куплеты на кишиневское общество. Ритмически оно связано с известным жанром молдавского фольклора — стригатурой (сатирические куплеты по 4 стиха). В Кишиневе были очень популярны такого рода куплеты, сочиненные А. Ф. Вельтманом как припев к танцу «джок»:

Музыка Варфоломея,
Становись скорей в кружок,
Инструменты строй скорее
И играй на славу джок!
Наблюдая нежны связи,
С дамой всяк ступай любой:
В первой паре Катакази
С скромной Скиновой женой, и т. д.

(*Вельтман А. Ф.* Странник.
М., 1977. С. 178—179

(Сер. «Литературные памятники»))

Одно время «джок» Вельтмана приписывался Пушкину (см. об этом: *Барте-нев П. И.* Пушкин в южной России // *Русская речь и Московский вестник.* 1861. № 94, 23 ноября. С. 658; то же: *Барте-нев П.* в южной России. С. 97; *Барте-нев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 186; *Мацевич Л.* Кишиневские предания о Пушкине // *ИВ.* 1883. № 5. С. 396; *Вельтман А. Ф.* Странник. С. 327, коммент. Ю. М. Акутина). По воспоминаниям И. П. Липранди, куплеты эти «составлялись в веселой беседе на словах, а не на бумаге», при приездах Вельтмана в Кишинев они дополнялись и переделывались (*РА.* 1866. № 10. Стб. 1411—1412). Таким же образом дополняться и изменяться мог и текст пушкинского стихотворения.

Ст. 2. К К<атакази> еду в дом. — Константин Антонович Катакази (1775—?), бессарабский гражданский губернатор (1817—1827), женатый на Екатерине Константиновне, урожд. Ипсиланти, сестре князя А. К. Ипсиланти (см. о

нем примеч. к стихотворению «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...») — наст. т., с. 840—841). По свидетельству И. П. Липранди, Пушкин не мог бывать в доме Катакази. «Недоумеваю, — писал Липранди, — как при исчислении домов, знакомых Пушкину в Кишеневе, упоминаются даже и такие, в которых никогда не было приема, как например у Катакази, которого Пушкин мог только встречать в митрополии, в большие праздники у Инзова, пожалуй, и у Орлова, в особенные торжественные дни в клубе, но, конечно, не у него самого» (П. в восп. Т. 1. С. 291). Вопреки мнению В. Е. Якушкина (см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 48—49), нам не кажется, что данный стих обязательно свидетельствует о посещении Пушкиным дома Катакази и опровергает воспоминания Липранди.

Ст. 3. *...греческие бредни...* — Возможно, здесь обыграно название водевиля Н. И. Хмельницкого «Греческие бредни, или Ифигения в Тавриде наизнанку» (см.: Венг. Т. 2. С. 583, примеч. Н. О. Лернера). Водевиль не был поставлен на сцене и появился в печати лишь в 1825 г., но, по всей видимости, был написан раньше, и Пушкин мог иметь о нем представление, поскольку был знаком с Хмельницким еще со времен Лицея и общался с ним в Петербурге до ссылки (см.: Черейский. С. 477).

Ст. 4. *Содом* — Сравнение Кишинева с Содомом, нечестивым городом, истребленным Богом вместе с Гоморрой, Адмой и Севонмом (Быт. 19) и ставшим нарицательным названием греховного места, было впоследствии развернуто Пушкиным в стихотворении «(Из письма к Ф. Ф. Вигелю)» («Проклятый город Кишинева!...») (1823) (см. наст. т., с. 87).

Ст. 5—7. *Подогнув под жопу ноги, За вареньем, средь прохлад, Как египетские боги...* — По замечанию Е. М. Двойченко-Марковой, картина, изображенная Пушкиным, — «обычный молдавский „тайфаз“, т. е. отдых после обильного утреннего завтрака, описанный в мемуарах яских старожил» (*Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 57*). Далее исследовательница приводит цитату из воспоминаний Р. Росетти: «Завтрак подавался часов в десять утра, после чего все усаживались на диванах в турецкой позе, дамы отдельно, и часто, отдыхая, перебирали четки» (Там же). Прохлада — прохладительный напиток (холодная вода, подслащенная вода, вино с водой и др.). См. также: *Богач Г. Ф. Далече северной столицы: О творчестве Пушкина в Молдавии. Иркутск, 1979. С. 76—80*.

Ст. 10. *Хромоногая* — Предположительно, Роксандра Суццо, урожд. Раковицэ, бежавшая вскоре после открытия этерии в марте 1821 г. со своим мужем Константином Суццо, сыном князя Георгия Суццо (1763—1836), из Ясс в Кишинева. Роксандра, как пишет И. П. Липранди, принадлежала «к одной из древнейших валахских фамилий, сохранившей еще большое состояние», но «была дурна собою и не посещала обществ» (РА. 1866. № 8—9. Стб. 1241).

Ст. 11. *М(аврогени)* — Имя Петра (Петраки) Дмитриевича Маврогени (?— 1861), бессарабского помещика, балы и обеды которого посещал Пушкин, было впервые раскрыто в ст. 11 и 16 в издании Ефр. 1903—05 (Т. 1. С. 444) со слов К. К. Данзаса, записанных в бывшей в распоряжении П. А. Ефремова одной из рабочих тетрадей П. В. Анненкова: «Маврогений, молдаванин, женатый на Стурдзе и с развитой жопой» (ПД, ф. 244, оп. 8, № 55, л. 5 об.).

Ст. 17. *Здравствуй, круглая соседка!* — По указанию К. К. Данзаса, речь идет о Смаранде Богдан, вдове молдавского боярина, державшей открытый дом, где собирались играть в карты (см.: ПД, ф. 244, оп. 8, № 55, л. 5 об.; Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 445; Т. 8. С. 178; см. о ней также в воспоминаниях И. П. Липранди —

РА. 1866. № 8—9. Стб. 1242—1243). Именно на вечеринке в доме Богдан 6 марта 1822 г. произошла ссора Пушкина с ее зятем Тодором Балшем, закончившаяся домашним арестом поэта (см. в примеч. к стихотворению «Мой друг, уже три дня...» — наст. т., с. 864—865).

Ст. 25. *Вот еврейка с Тадарашкой.* — Комментируя этот стих, К. К. Данзас пояснял: «...одна еврейка содержала в старом городе *chambres garnies* (меблированные комнаты — фр.), и дочка ее была предметом стихов и страсти Пушкина и многих его приятелей» (см.: ПД, ф. 244, оп. 8, № 55, л. 5 об.; Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 178). Поскольку стихотворение Пушкина посвящено сатирическому описанию кишиневских дам, более вероятным кажется предположение Н. О. Лернера (см.: Венг. С. 583), что здесь речь идет о М. Е. Эйхфельдт (см. о ней в примеч. к стихотворению «(М. Е. Эйхфельдт)» — наст. т., с. 935—936); ср. мнение В. Е. Якушкина, считавшего, что «едва ли в этих грубых стихах» речь идет об Эйхфельдт и принимавшего на этом основании версию К. К. Данзаса (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 49). Тадарашка — согласно указанию К. К. Данзаса (см.: ПД, ф. 244, оп. 8, № 55, л. 5 об.; Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 445), Федор (Теодор, Тудор) Егорович Крупенский (1787—1843), чиновник особых поручений при И. Н. Инзове, брат бессарабского вице-губернатора (1816—1823) М. Е. Крупенского, кузен М. Е. Эйхфельдт. По словам В. П. Горчакова, всегда в обществе «ее окружали родственники: то Алеко, то Тодораки, то Костаки» (П. в восп. Т. 1. С. 242). И. П. Липранди также вспоминал, что Эйхфельдт, «окружая себя разными родственниками, молдаванами и греками, желала казаться равнодушной к русской молодежи» (Там же. С. 286). Той же паре, по-видимому, адресовано стихотворение «Тадарашка в вас влюблен...» (1821) (см. наст. т., с. 51), а ироническое отношение к «родственникам» отразилось в стихотворении «(М. Е. Эйхфельдт)» («Ни блеск ума, ни стройность платья...») (1823) (см. наст. т., с. 151).

Ст. 31—32. *Если верить Моисею, Скотоложница умрет!* — Исх. 22: 19.

Ст. 33—40. *Ты наказана сегодня, ~ С указательным перстом.* — По словам К. К. Данзаса, «кажется, дело идет тоже» о Смаранде Богдан (см.: ПД, ф. 244, оп. 8, № 55, л. 5 об.; Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 178).

Ст. 41—48. *Ты умна, велеречива, ~ Будь глупа, да хороша.* — По словам И. П. Липранди, «кишиневской Жанлис» (по имени французской писательницы, автора многочисленных нравоучительных сочинений Стефани-Фелисите де Жанлис (de Genlis; 1746—1830)) была прозвана сестра губернатора Тарсис Антоновна Катакази, «дева лет сорока, некрасивая, но образованная (вроде уroda с претензией)» (П. в восп. Т. 1. С. 291; см. также приведенное выше, с. 617, свидетельство В. П. Горчакова).

Другие редакции и варианты

Начало неизвестной полностью строфы. Ст. 1. *Никита* — Никита Тимофеевич Козлов (1778—не ранее 1851), болдинский крепостной Пушкиных, «дядька» поэта, приставленный к нему в детские годы в Москве и прослуживший ему до смерти (см.: Черейский. С. 198). Известен отзыв о нем В. П. Горчакова, знавшего Н. Т. Козлова в кишиневский период: «очень верный и преданный мальи́й» (РА. 1900. Т. 1, № 3. С. 403).

Ст. 2. *В митрополии...* — в кишиневском архиерейском доме. Посещения воскресной службы (обедни) для чиновников и военнослужащих было обязательно. По воспоминаниям П. В. Дыдицкой, Пушкин «в митрополию также часто приезжал с Инзовым на богослужение. Инзов станет впереди — возле клироса, а Пушкин сзади, чтоб Инзов не видел его. А он станет бывало на колена, бьет поклоны — а между тем делает гримасы знакомым дамам, улыбается или машет пальцем возле носа, как будто за что-нибудь журит или предостерегает» (Мацевич Л. Рассказ П. В. Дыдицкой // ИВ. 1883. № 5. С. 390).

ДИОНЕЯ

(«Хромид в тебя влюблен: он молод и не раз...»

(С. 45 и 229)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 34 — черновой заключительных стихов первой редакции. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 94. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 831, л. 39 об. — без заглавия, текст первой редакции, с поправкой в ст. 2; ст. 4, 5, 6 неполные (возможно, является авторской сводкой не дошедшего до нас чернового автографа). Напечатано: Якушкин. № 4. С. 97. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

3) Тетр. ПД 833, л. 9 об. — белой, под заглавием: «Идиллия», текст первой редакции, с поправкой в ст. 5. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 340 (заглавие и вариант ст. 5); Майков. Материалы. С. 82 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой автограф текста второй редакции в Тетр. Капниста (Кап), в составе отдела «Подражания древним» под номером V, утрачен. Фотокопия листа со ст. 1—3: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 576 (заглавие и начало первого стиха, с указанием, что далее следует «вся пьеса»); Майков. Материалы. С. 81 (вариант ст. 4; публ. В. И. Саитова). Воспроизведение фотокопии: Томашевский. Новые материалы. С. 857.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: НЛ. 1825. Ч. 12, № 4. С. 50, первая редакция под заглавием: «Антологический отрывок». Вошло в Ст 1826. С. 128 (отдел «Подражания древним»; текст второй редакции, с датой в оглавлении: «1821») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 126 (отдел стихотворений 1821 г.), без изменений в тексте.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4; Т. 9 (первая редакция).

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно апрелем (после 11)—началом июня (до 4) 1821 г. по положению черновых автографов в рабочей тетради ПД 831. Черновой автограф заключительных стихов на л. 34 записан, судя по всему, после 11 апреля 1821 г. (дата на л. 33 об. под стихотворением «К моей чернильнице»); автограф, расположенный в центральной части л. 39 об., появился в тетради, по-видимому, до 4 июня 1821 г. (помета на л. 40 об.: «4 июня ночью / 5 июня поутру»). Беловой автограф в тетради ПД 833 (л. 9 об.) расположен между стихотворениями, имеющими пометы «12. Апр(ель)» («Христос воскрес» на л. 8) и «1821 Авг(уста) 23» (элегия

«Умолкну скоро я. Но если в день печали...» на л. 10). Вторая редакция датируется, вероятнее всего, мартом (до 15) 1825 г. по времени составления Кап. Последняя поправка (в ст. 4) была внесена Пушкиным уже после отсылки Кап.

Стихотворение, особенно в первой своей редакции, напечатанной в «Новостях литературы», содержит очевидные переключки с эклогой Андре Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484) «Jeune fille, ton cœur avec nous veut se taire...», напечатанной в издании 1819 г. как пятая элегия:

Jeune fille, ton cœur avec nous veut se taire.
 Tu fuis, tu ne ris plus; rien ne saurait te plaire.
 La soie à tes travaux offre en vain des couleurs;
 L'aiguille sous tes doigts n'anime plus des fleurs.
 Tu n'aime qu'à rêver, muette, seule, errante;
 Et la rose pâlit sur ta bouche mourante.
 Ah! mon œil est savant et depuis plus d'un jour,
 Et ce n'est pas à moi qu'on peut cacher l'amour.
 Les belles font aimer. Elles aiment. Les belles
 Nous charment tous. Heureux qui peut être aimé d'elles!
 Soit tendre; même faible; on doit l'être un moment;
 Fidèle, si tu peux. Mais conte-moi comment,
 Quel jeune homme aux yeux bleus, empressé, sans audace,
 Aux cheveux noirs, au front plein de charme et de grâce?..
 Tu rougis? on dirait que je t'ai dit son nom.
 Je le connais pourtant. Autour de ta maison
 C'est lui qui va, qui vient, et laissant ton ouvrage,
 Tu cours, sans te montrer, épier son passage.
 Il fuit vite; et ton œil, sur sa trace accouru,
 Le suit encore longtemps quand il a disparu.
 Nul en ce bois voisin où trois fêtes brillantes
 Font voler au printemps nos nymphes triomphantes,
 Nul n'a sa noble aisance et son habile main
 A soumettre un coursier aux volontés du frein.

⟨Девушка, твое сердце не отзывается нам. Ты убегаешь нас, ты больше не смеешься, ничто не увлекает тебя. Напрасно шелк предлагает тебе краски для работы; игла в твоих пальцах больше не оживляет цветов. Тебе нравится лишь предаваться мечтам, молчаливо бродить в одиночестве; и розы блекнут на твоих помертвевших устах. О, мой взгляд уже давно все примечает, от меня не утаишь любовь. Красавицы пробуждают любовь. Они любят. Красавицы всех нас очаровывают. Счастлив тот, кого они полюбят! Будь нежна; даже слаба; иногда нужно быть слабой; будь верна, если можешь. Но скажи же мне, как, какой юноша, голубоглазый, предупредительный, скромный, черноволосый, с лицом, исполненным очарования и изящества... Ты краснеешь? Можно подумать, я назвал его имя. Я, однако же, знаю его. Вокруг твоего дома он бродит, а ты, оставив работу, бежишь украдкой посмотреть, как он пройдет. Он спешит уйти, но твой взгляд, привлеченный им, долго следует за ним и после того, как он исчезнет из виду. Никто в ближнем лесу, куда на три блистательных праздника по весне слетаются наши торжествующие нимфы, никто с такой благород-

ной легкостью, столь искусной рукой, не умеет подчинить коня прихотливой узде. — *фр.*) (Chénier. P. 85—86). Имена Хромид (в беловом автографе Кромид), Галатея (в первой редакции), Неера (в черновом автографе заключительных стихов) также восходят к Шенье, см. напечатанный в сборнике 1819 г. в разделе идиллий фрагмент «Accours, jeune Chromis, je t'aime, et je suis belle...» («Ко мне, молодой Хромид, я люблю тебя и я прекрасна...» — *фр.*) (см.: *Фомичев С. А. Служенье муз: О лирике Пушкина.* СПб., 2001. С. 130; Chénier. P. 22; в критических изданиях Шенье последние четыре стиха («Néère, ne va plus te confier aux flots ~ La blanche Galatée et la blanche Néère») печатаются как первые стихи элегии «Неера» («Néère»), стихотворение «Accours, jeune Chromis, je t'aime, et je suis belle...» — печатается в эклогах). По мнению В. Б. Сандомирской, «Дионея» «явилась, по-видимому, непроизвольной и бессознательной реминисценцией из Шенье» (*Сандомирская В. Б. Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // ПИМ. Л., 1978. Т. 8. С. 99*). Позднее, в 1824 г., Пушкин вновь обратился к стихотворению Шенье «Jeune fille, ton cœur avec nous veut se taire...» и перевел его — «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...».

В воспоминаниях М. В. Юзефовича рассказывается, как, находясь в Одессе, Пушкин однажды утром зашел к А. Н. Раевскому и прочитал ему «свое новое антологическое стихотворение» «Подруга милая, я знаю, отчего...», а за обедом в тот же день уже при гостях Раевский сам продекламировал это стихотворение Пушкина, переделав второй стих: «Ты с нынешней весной от наших игр удрала...». «Эта вздорная шутка всех рассмешила, — пишет Юзефович, — и ее было достаточно, чтоб Пушкин всю жизнь не решался напечатать вполне этого стихотворения, и оно оставалось в печати урезанным, начиная со слов: „Хромид в тебя влюблен”» (П. в восп. Т. 2. С. 104—105). Юзефович познакомился с Пушкиным только в 1829 г., и эпизод рассказан им с чужих слов, — возможно, со слов А. Н. Раевского. Кроме того, рассказ неточен: первая редакция стихотворения в 1825 г. была напечатана в «Новостях литературы» и, таким образом, насмешка Раевского, если и задела Пушкина, то все же не стала непосредственным поводом к переделке стихотворения.

«A SON AMANT EGLÉ SANS RÉSISTANCE...»

(С. 46 и 231)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 39 об. — беловой, с поправками. Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 218 (с ошибкой в ст. 1: «A son amant Julie sans résistance...»; публ. П. И. Бартенева). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 218; то же: А. С. Пушкин: Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып. 1:] Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 130.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1882. Т. 1. С. 524 (в рубрике «Из кишиневских тетрадей» раздела библиографических примечаний).

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 4—5 июня 1821 г. Характер записи, перо и чернила с большой долей вероятности позволяют предполагать, что эпиграмма писалась в одно время с расположенным на смежном листе тетради (л. 40) планом «(Комедии об игроке)», датируемом этими днями (см. наст. изд., т. 7, с. 968).

Высказанное Н. О. Лернером (см.: Венг. Т. 2. С. 586) осторожное предположение, что «имя Eglé приводит на память Аглаю Антонову Давыдову, к которой

эпиграмма по содержанию могла относиться», нашло поддержку у ряда позднейших исследователей (см.: Acad. в 9 т. Т. 2. С. 430, коммент. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского; Acad. в 6 т. Т. 1. С. 709, коммент. М. А. Цявловского; Акад. в 10 т. Т. 2. С. 408, коммент. Б. В. Томашевского; Госл. в 10 т. Т. 1. С. 625, коммент. Т. Г. Цявловской). Впрочем, Лернер отмечал, что «Пушкину случалось записывать чужие французские стихи» и даже наличие в автографе поправок «не свидетельствует об авторстве Пушкина, который мог поправить воспоминаемые им чужие стихи» (Венг. Т. 2. С. 586). В Мор. 1887 и Мор. 1903—06 эпиграмма не входила; в АН 1900—29 помещена П. О. Морозовым в примечаниях вместе с четверостишием «J'ai possédé maîtresse honnête...» (см. наст. т., с. 47) как «два французских стихотворения, может быть, только записанные Пушкиным на память, а может быть, им и сочиненные» (Т. 3. Примеч. С. 189). В пользу авторства Пушкина высказались С. А. Венгеров в редакционном примечании к комментарию Лернера («...обилие поправок как будто говорит о творчестве. Характерно именно для творчества то, что Eglé первоначально названа у Пушкина Laïs — имя, постоянно тогда вертевшееся под пером Пушкина» — Венг. Т. 2. С. 586) и В. Я. Брюсов (Брюс. С. 182). В КН и всех последующих изданиях включено в основной корпус пушкинских текстов.

Эпиграмма сама по себе направлена не столько против дамы, сколько против кавалера-неудачника, и адресация ее А. А. Давыдовой (см. о ней примеч. к стихотворению «Кокетке» — наст. т., с. 551) не представляется достаточно убедительной. Еще П. О. Морозов отметил, что имя Eglé (Аглая) — одно из обычных условных имен французской легкой поэзии XVII—XVIII вв. (см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 189). См., например: Anthologie française, ou Choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes. Paris, 1816. Т. 1. P. 32, 81, 128, 341, 344, 369, 407, 449 (другой вариант имени — Aglaé — см.: Там же. Т. 2. P. 140, 396). Условное имя Аглая продолжает использоваться и в начале XIX в. Так, например, его употребляет для обозначения кокетки-соблазнительницы Огюст-Франсуа Крезе де Лессер (Creuzé de Lesser; 1771—1839) в комедии «Секрет семейной жизни» («Le secret du ménage»; пост. в 1809 г.). А. С. Грибоедов в «Молодых супругах» (опубл. в 1815 г.), своей переделке комедии Крезе де Лессера, также называет кокетку, которой увлекается склонный к измене муж, Аглаей, притом что в других случаях не сохраняет персонажам имен оригинала. В эпиграмме Пушкина первоначальный вариант имени: «Laïs». Лаиса — имя знаменитых греческих гетер (V—IV вв. до н. э.), ставшее нарицательным во французской поэзии XVII—XVIII вв.; имя Eglé может использоваться как вполне нейтральное, но часто также обозначает определенный женский тип — женщины вольного поведения, развратницы.

«A son amant Eglé sans résistance...» и ряд других пушкинских эпиграмм 1821—1822 гг. («Оставя честь судьбе на произвол...», «Иной имел мою Аглаю...», «У Кларисы денег мало...», французское четверостишие «J'ai possédé maîtresse honnête...») с их иронией и откровенной вольностью несут черты французской салонной эпиграммы XVI—XVIII вв. — жанра, в котором упражнялись как вполне посредственные, так и крупные поэты. См., например, позднейший пушкинский отзыв о Жане-Батисте Руссо (Rousseau; 1670—1741), в творчестве которого эпиграмма занимала значительное место: «...его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов» (письмо к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 135). В библиотеке Пушкина сохранились две книги, содержащие большое число подобных эпиграмм, — «Сатирический кабинет» (Le Cabinet satyrique, ou Recueil parfait des vers

riquans et gaillards de ce temps. [S. 1.], 1672. Т. 2; Библиотека П. № 699) и упомянутая выше «Французская антология» (Библиотека П. № 546). Эпиграмма «A son amant Eglé sans résistance...» обнаруживает некоторые точки соприкосновения со стихотворением Матюрена Ренье (Régnier; 1573—1613) «Бессилие. (Подражание Овидию)» («Impuissance. (Imitation d'Ovide)»). У Ренье дама спрашивает:

...mais, mon cœur, qu'est-ce qui vous retarde?
N'aurais-je point en moi quelque chose qui peut
Offenser vos désirs, ou bien qu'il vous déplaît?
Ma grâce, ma façon, ha Dieu! ne vous plaît-elle?
Quoi, n'ai-je assez d'amour, ou ne suis-je assez belle?

(...но, друг мой, что же вас останавливает? Разве во мне есть что-то, что может оскорбить ваши желания, или что-то вам не понравилось? Моя грация, моя осанка, Бог мой! разве они вас не привлекают? Что, разве я недостаточно страстна, или недостаточно красива? — *фр.*) (Le Cabinet satyrique... Р. 300). Характеризуя незадачливого любовника, Пушкин использует то же прилагательное, что и Ренье, — «perclus» (бессильный). Стихотворение М. де Ренье нельзя считать источником пушкинской эпиграммы, но оба текста имеют общую тональность, характерную для модной во Франции XVII—XVIII вв. легкой гривуазной поэзии (подробнее см.: *Дмитриева Н. Л.* Пушкинские эпиграммы «на Аглаю» и жанр французской гривуазной эпиграммы // ПИМ. СПб., 2004. Т. 16—17. С. 126—130; см. также ниже, примеч. к эпиграмме «J'ai possédé maîtresse honnête...»).

Ст. 4. ...*tira... sa révérence*. — Каламбур: обыгрывается употребление французского фразеологизма «tirer sa révérence» — «откланяться, распрощаться» с одновременным использованием глагола «tirer» в его первичном, основном значении — «тащить, вытаскивать».

«J'AI POSSÉDÉ MAÎTRESSE HONNÊTE...»

(С. 47 и 231)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 68 об. Напечатано: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 177 (по копии в рабочей тетради П. В. Анненкова, снятой с автографа). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 177.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1903—05. Т. 8.

Печатается по автографу.

Датируется 1821 г., предположительно серединой апреля—июнем. Эпиграмма записана в тетрадь не в ходе ее последовательного заполнения, а на чистых листах в конце. Оттенок чернил автографа не находит соответствия в рукописях второй половины 1821 г., но близок ко многим записям в первой половине тетради. На л. 69 находится карандашный рисунок, изображающий сцену в кишиневской церкви, с представленной позднее под ним чернилами датой: «12 Апр(еля)». Между л. 68 и 69 — корешки двух вырванных листов, на которых, судя по отпечаткам на л. 69, поверх рисунка и на л. 68 об., были записи, сделанные теми же чернилами, что и текст эпиграммы на л. 68 об. Таким образом, с некоторой долей вероятности можно предпо-

лагать, что л. 68 об., 68а, 68б заполнялись после 12 апреля. Под текстом эпиграммы в перевернутом положении тетради позднее и другими чернилами сделан рисунок, на котором изображен вид из окна, — считается, что это вид из кишиневской комнаты Пушкина в доме Инзова (см.: *Эфрос А. М.* Рисунки поэта. 2-е изд. М., 1933. С. 204—205). Вполне вероятно, эпиграмма близка по времени к другой пушкинской французской эпиграмме 1821 г. «*A son amant Eglé sans résistance...*», датированной предположительно 4—5 июня (см. наст. т., с. 623).

Эпиграмма связана с традицией французской салонной эпиграммы XVII—XVIII вв. (см. выше, примеч. к стихотворению «*A son amant Eglé sans résistance...*»). См., например, эпиграмму Ж.-Б. Руссо (Rousseau; 1671—1741) «*Maîtresse comme il la faut*» («Идеальная любовница», дословно: «любовница, такая, как надо, как подобает») (I, 8), где есть и употребленное Пушкиным выражение «*maîtresse honnête*».

«ЛЕЧИСЬ — ИЛЬ БЫТЬ ТЕБЕ ПАНГЛОСОМ...»

(С. 48 и 232)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 41 об. (Ав₁) — беловой, под заглавием: «Эпиграмм(а)». Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 219 (с опечаткой в ст. 4: «без носу» вместо «без носа»; публ. П. И. Бартенева). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) ПД 1268, л. 2 (Ав₂) — беловой, в письме к П. А. Вяземскому от марта 1823 г., под заглавием: «Эпиграммы», с записанными выше «Клеветник без дарованья...» и ниже «Иной имел мою Аглаю...» и «Оставя честь судьбе на произвол...» (в чтении: «Эпиграмма», принятом в изд.: Переписка П. Т. 1. С. 43; Письма. Т. 1. С. 43; Акад. Т. 13. С. 60, заглавие относится только к первому из записанных стихотворений). Напечатано: Письма Пушкина и к Пушкину. М., 1903. С. 15 (публ. В. Я. Брюсова «по старинной копии, сохранившейся в тетради, где списаны стихи Пушкина, не бывшие в свое время в печати»; с пропуском первых двух слов); Переписка П. Т. 1. С. 62 (публ. В. И. Саитова по автографу). Воспроизведение: Левицева. С. 280.

Копия Л. С. Пушкина (РГАЛИ, ф. 2567 (Ю. Г. Оксмана), оп. 2, № 6, л. 2 об.) на сложенном вдвое листке почтовой бумаги малого формата с водяным знаком 1820 г.; на первой из получившихся четырех страничек (л. 2) — автограф стихотворения Е. А. Баратынского «Очарованье красоты...» (1824), затем записка рукой Л. С. Пушкина: на л. 2 об. — пушкинские эпиграммы «Как, жив еще курилка журналист?..» (1825) и «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» (1821), на л. 3 — «В Элизии Василий Тредьяковский...» (1825) и «У Кларисы денег мало...» (1822), на л. 3 об. — «Как брань тебе не надоела!..», «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...» и эпиграмма Баратынского «Так, он ленивец, он негодник...». Текст, по-видимому, записан по памяти с разночтением в ст. 3—4 («Уж то-то, братец, будешь с носом, / Когда без носу будешь ты»). Напечатано: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 332—334 (описание копии).

Впервые: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 219; то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып.] 1: Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 131.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1882. Т. 1.

Печатается по автографу Ав₂.

Датируется предположительно 6 июня 1821 г. по положению Ав₁ в тетради ПД 831. Перо и чернила записи с большой долей вероятности позволяют предполагать, что она сделана одновременно с расположенной на смежном листе тетради (л. 42) карикатурой на Дегильи (см.: Пушкин А. С. Рисунки / Ред. С. А. Фомичев // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Воскресенье, 1996. Т. 18 (доп.). С. 198, 549), проживавшего в Кишиневе бывшего французского офицера, с которым накануне у Пушкина было столкновение и которому 6 июня поэт послал резкое письмо в ответ на отказ Дегильи принять вызов на дуэль (см.: Акад. Т. 13. С. 30).

С т. 1. *Панглос* — философ-оптимист из повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» («Candide, ou L'optimisme», 1759), из-за сифилиса лишившийся носа, глаза и уха (см. также эпиграмму «Оставя честь судьбе на произвол...» и примеч. к ней — наст. т., с. 29, 590).

ГРОБ ЮНОШИ

(«...Сокрылся он...»)

(С. 49 и 232)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 43 об.—46 — черновой. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 100 (стихи: «Напрасно рошу оглашает / Охотника веселый рог...», без указания на их связь с каким-либо стихотворением); Майков. Материалы. С. 122—123 (в виде сводки; публ. В. И. Саитова).

2) ПД 832, л. 2—3 об. — белой (текст первой редакции), с последующей правкой, под заглавием: «Элегический отрывок». Напечатано: Майков. Материалы. С. 123—124 (варианты последних шести стихов; публ. В. И. Саитова).

Беловой, с поправками, автограф в Тетр. Капниста (Кап) — текст второй редакции, под заглавием: «Гроб юноши (Отрывок)», написанным вместо первоначального: «Отрывок из элегии» или «Гроб юноши (Отрывок из элегии)» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 242), с датой «1821» и пометой у заглавия: «Поместить в элегиях» — утрачен. Напечатано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 558 (первоначальные варианты автографа); Майков. Автографы П. С. 576 (заглавие, помета и первый стих).

По-видимому, обозначено (вместе со стихотворениями «Умолкну скоро я. Но если в день печали...» и «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...») записью «3 элегии» в списке произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1821») (см.: Рукою П. 1997. С. 212). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Ст 1826. С. 16—18 (отдел «Элегии»; текст второй редакции, с датой в оглавлении: «1821»). Вошло без изменений в текст в Ст 1829. Ч. 1. С. 109—111 (отдел стихотворений 1821 г.). Перепечатано: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. Иждивением московского купца Осипа Иванова Хрусталева. М., 1831. Ч. 1. С. 74—76.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 18 июля 1821 г. по положению черного автографа в тетради ПД 831.

Основанием датировки черного автографа в тетради ПД 831 служит французская помета на л. 45 об.: «18 juillet / nouvelle de la mort de Napoléon / bal chez l'archevêque / Agnénien. 1821» («18 июля известие о смерти Наполеона, бал у армянского архиепископа. 1821»). Судя по расположению записи и цвету чернил, она была сделана в ходе заполнения листа, после того как уже была заполнена его верхняя часть (до варианта «К» стихов, соответствующих ст. 48—53 первой редакции; см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 241). Заключительные варианты на л. 45 об., написанные наискосок, поверх уже бывшего там текста, запись на л. 46 (слово: «Напрасно»), последняя из относящихся к черновику стихотворения, и отдельные поправки в предшествующих стихах сделаны позднее более темными чернилами (ими же рядом с записью «18 juillet» еще раз проставлена дата: «1821»). По перу, характеру почерка и чернилам, похожим на записи на л. 46—48, где имеются хронологические пометы («26 juillet 1821» на левом поле л. 46 об. с черновым наброском дополнений к тексту поэмы «Кавказский пленник»; «23 авг(уста) 1821» на л. 47 под текстом черного автографа элегии «Умолкну скоро я. Но если в день печали...»; «24 авг(уста) в ночь» на л. 47 об. у текста элегии «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»), они могут быть условно датированы концом июля—августом 1821 г. Беловой автограф в тетради ПД 832 может быть предположительно датирован концом августа 1821—началом 1822 г. (до 1 марта — даты под беловым текстом «Песни о вещем Олеге» на л. 6 об.); текст Кап относится к марту (не позднее 14) 1825 г.

Из более поздних записей на л. 45 об. два стиха: «Напрасно рошу оглашает / Охотника веселый рог...» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 241), напечатанные В. Е. Якушкиным (см. выше), в Венг. (Т. 2. С. 88) были включены как самостоятельный набросок, относящийся к неизвестному замыслу «эпического характера» (Там же. С. 588). Указание на то, что они относятся к черновому автографу «Гроба юноши», сделано П. Е. Щеголевым (см.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // ПиС. СПб., 1911. Вып. 14. С. 77). Последний стих на л. 45: «Над облаками скачут лани», также записанный более темными чернилами при последующем обращении к рукописи и напечатанный П. О. Морозовым в составе черного автографа стихотворения (см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 82), был выделен Т. Г. Цявловской (Акад. Т. 3. С. 1308—1309) и вслед за ней Б. В. Томашевским (Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 101) в самостоятельный набросок. Такое решение не представляется достаточно обоснованным. Стих написан в развитие темы горного пейзажа, намеченной в предыдущем фрагменте, и органично связан с черновым текстом стихотворения.

Тема стихотворения — безвременная смерть юноши, описание одинокой, забытой могилы — принадлежит к общему фонду элегической поэзии 1810-х гг., в первую очередь тому типу «унылой элегии», который кристаллизовался в стихотворении «Падение листьев» («La Chute des feuilles», 1811) Шарля-Юбера Мильвуа (Millevoye; 1782—1816) и в его русских переводах («Падение листьев» М. В. Милонова, 1811; «Последняя весна» К. Н. Батюшкова, 1815). Это позволило Б. В. Томашевскому признать стихотворение «типичной элегией» (Томашевский. Пушкин, I. С. 530). Отмечалась также интонационная близость стихотворения к элегическо-

му творчеству Пушкина последних лицейских лет (см.: *Никольский Б. В.* Поэт и читатель в лирике Пушкина. СПб., 1899. С. 9 — сопоставление с заключительными строками лицейского стихотворения «Наездники» (1816)). Ближайшим образом для Пушкина послужила элегия К. Н. Батюшкова «Последняя весна» (1815):

⟨.....⟩
 В полях цветы не увядали,
 И Гальционы в тихий час
 Стенанья рощи повторяли;
 А бедный юноша... погал!
 И дружба слез не уронила
 На прах любимца своего;
 И Делия не посетила
 Пустынный памятник его,
 Лишь пастырь в тихий час денницы,
 Как в поле стадо выгонял,
 Унылой песнью возмущал
 Молчанье мертвое гробницы.

(Батюшков. Соч. 1934. С. 85—86)

Общим структурным принципам жанра противоречит, однако, отсутствие в стихотворении традиционного лирического субъекта с его монологом-ламентацией. Ситуация «умирания» остается за пределами текста, непосредственное его содержание составляет восприятие смерти героя окружающими. Сам «бедный юноша» лишен элегически маркированных черт (одиночество, печать меланхолии и т. д.), его образ, скорее, даже «анти-элегичен» — он любил «игры наших дев», пировал с друзьями, окружающие любовались «его веселостью живой». По замечанию О. А. Проскурина, «пушкинский герой — не „унылый поэт“, а скорее безмятежный и жизнерадостный аркадский пастух», а сама пушкинская элегия попадает, таким образом, в семантический ареал темы «Et in Arcadia ego» («И я жил в Аркадии»), берущей начало в европейской литературе и изобразительном искусстве позднего Ренессанса (Проскурин 1999. С. 73). Фраза «Et in Arcadia ego» появилась как подпись под картиной, написанной между 1621 и 1623 гг. (Галерея Корсини, Рим), итальянского художника Джованни Гверчино (Guercino; 1591—1666), но стала особенно известной благодаря знаменитому полотну (середина 1630-х гг.; Лувр, Париж) Никола Пуссена (Poussin; 1594—1665), сюжет которого был опосредован многочисленными живописными и графическими вариациями. От Пуссена идет элегическая интерпретация темы смерти в Аркадии (подробнее см.: *Пановский Э.* «Et in Arcadia ego»: Пуссен и элегическая традиция / Пер. с англ. А. Кавтаскина // НЛО. 1998. № 33. С. 30—50). Ее популярности в XVIII в. способствовала поэма Ж. Делиля (Delille; 1738—1813) «Сады» («Les Jardins, ou L'Art d'embellir les paysages», 1782), включавшая соответствующий пассаж:

Imitez Le Poussin: aux fêtes bocagères
 Il nous peint les bergers et les jeunes bergères,
 Les bras entrelacés, dansant sous des ormeaux,
 Et près d'eux une tombe où sont écrits ces mots:
 Et moi, je fus aussi pasteur dans l'Arcadie.

Ce tableau des plaisirs, du néant de la vie,
Semble dire: «Mortels, hâtez-vous de jouir;
Jeux, danses, et bergers, tout va s'évanouir»;
Et, dans l'âme attendrie, à la vive alégresse
Succède, par degrés, une douce tristesse.

(*Delille J. Les Jardins, ou L'Art d'embellir les paysages.*
Nouvelle éd. considérablement augm. Paris,
an IX — 1801. P. 94)

Пуссен тебе урок прекрасный представляет,
Когда на празднике весны изображает,
Как резвый хоровод пастушек, пастухов,
Сплетясь рука с рукой на зелени лугов,
Кружится весело под сенью вязов темной;
Недалеко от них могила, камень гробный,
Полубрушенный, обросший серым мхом,
С простою надписью, начертанной на нем:
«И я был пастухом в Аркадии счастливой!»
Такое зрелище в противности с игривой,
Беспечной юностью, бегущей по цветам,
Столь выразительно изображая нам
Забавы, радости, ничтожность жизни нашей,
Вещает: «Смертные! Спешите полной чашей
Пить наслаждение! Ах! Песней сладкий глас,
И пляски, и пиры, и сами вы на час!»

(Пер. А. Ф. Воейкова (1816);
цит. по: *Делиль Ж. Сады. Л., 1987. С. 151*
(Сер. «Литературные памятники»))

«Перед нами не просто смерть юноши, а, так сказать, „смерть в Аркадии” — смерть на фоне патриархальной идиллии, что придает «ситуации „унылой элегии” более напряженный экзистенциальный смысл» (Проскурин 1999. С. 73). С темой «Et in Arcadia ego» связывали пушкинскую элегию и современники поэта. Так, именно цитатой из «Гроба юноши» иллюстрировалось прорисованное изображение картины Пуссена, приложенное к одному из номеров «Московского телеграфа» за 1831 г. (см.: МТ. 1831. Ч. 39, № 10. С. 276—277).

При правке в Кап, заменив начало первого стиха многоточием, Пушкин подчеркнул композиционную «отрывочность» стихотворения. Первоначально эту функцию выполняли заголовки: «Элегический отрывок», «Отрывок из элегии» и «Отрывок» (последний подзаголовок сохранялся в Кап и был исключен позднее, вероятно, на этапе подготовки ЦР Ст 1826), указывающие на связь с исходным жанровым образцом — «элегическими фрагментами» Андре Шенье (*Chénier; 1762—1794*) (см.: *Сандомирская В. Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // ПИМ. Л., 1979. Т. 9. С. 71—72 и след.; также наст. т., с. 483—484*). Общая трансформация элегических мотивов в стихотворении также относится к опытам Пушкина 1820—1821 гг. в антологическом роде, связанным с влиянием поэзии Шенье.

Жанровые смещения, в том числе попытка сочетать элементы элегии и идиллии, привели к ощутимому стиливому и семантическому диссонансу, что тем не менее не

мешало, например В. К. Кюхельбекеру, предпочитать «Гроб юноши» другим элегиям Пушкина (см.: Кюхельбекер. Путешествие. С. 363). Элегия была отмечена и В. Г. Белинским в четвертой статье о сочинениях Пушкина (1843): критик особо подчеркнул найденную здесь поэтом интонацию «светлой, ясной и отрадной грусти», «поэтического раздумья» (Белинский. Т. 7. С. 296). Эта интонация и картина могилы юноши на деревенском кладбище прямо предвосхищают описание могилы Ленского в «Евгении Онегине» (строфа XL шестой главы; строфы VI и VII седьмой главы). П. В. Анненков высказал предположение, что одним из внешних импульсов к созданию элегии могло послужить известие о смерти лицейского товарища Пушкина Н. А. Корсакова, скончавшегося 26 сентября 1820 г. во Флоренции (см.: Анн. Т. 2. С. 311). Это предположение, принятое в ряде последующих изданий (Мор. 1887. Т. 1. С. 251; Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 412, с подзаголовком: «При известии о смерти Корсакова»; Асад. в 9 т. Т. 2. С. 430, коммент. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского; Асад. в 6 т. Т. 1. С. 709, коммент. М. А. Цявловского; Госл. в 10 т. Т. 1. С. 581, коммент. Т. Г. Цявловской), остается более чем гипотетическим. См. также: *Благой Д. Д.* Об одной элегии Пушкина // *Современные проблемы литературоведения и языкознания.* М., 1974. С. 235—245.

Другие редакции и варианты

Первая редакция. Ст. 26—29. *Из ветрениц, которых очи ~ Младые бденья посвящал...* — Эти стихи были варьированы Пушкиным в черновой рукописи второй главы «Евгения Онегина», где говорится о любви Ленского к Ольге (строфа XXIIa):

Кто ж та была, которой очи
Он, без искусства, привлекал
Которой он и дни и ночи
И думы сердца посвящал
Меньшая дочь — соседей бедных —
(Акад. Т. 6. С. 287)

Черновой автограф. Вм. 48—53 (варианты К—М). *Напрасно рошу оглашает Охотника веселый рог — И стая гончих пробегаёт; Напрасно рошу оглашают Охоты звонкие рога...* — Вероятно, неосознанная реминисценция из элегии К. Н. Батюшкова «Пробуждение» (1815) (см.: Проскурин 1999. С. 75):

Ни быстрый лет коня ретива
По скату бархатных лугов
И гончих лай и звон рогов
Вокруг пустынного залива —
Ничто души не веселит...
(Батюшков. Соч. 1934. С. 82)

«ТАДАРАШКА В ВАС ВЛЮБЛЕН...»

(С. 51)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 43 — белой. Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 219 (публ. П. И. Бартенева). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 219 (то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып.] 1: Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 131).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1882. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно июлем (после 18-го)—августом 1821 г. Стихотворение вписано наискосок на оставшейся пустой нижней части л. 43 теми же темными чернилами, которыми сделаны запись заключительных вариантов в черновом автографе стихотворения «Гроб юноши» на л. 45 об.—46 и записи на л. 46—48 тетради ПД 831, и, по-видимому, должно датироваться тем же временным промежутком (см. примеч. к стихотворению «Гроб юноши» — наст. т., с. 628).

Стихотворение, судя по всему, представляет собой экспромт, адресованный, вероятно, М. Е. Эйхфельдт (см. о ней в примеч. к стихотворению «(М. Е. Эйхфельдт)» — наст. т., с. 935—936).

Ст. 1. *Тадарашка* — Видимо, Ф. Е. Крупенский (см. примеч. к стихотворению «Раззевавшись от обедни...» — наст. т., с. 620).

«УМОЛКНУ СКОРО Я. НО ЕСЛИ В ДЕНЬ ПЕЧАЛИ...»

(С. 52 и 243)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 47 — черновой ст. 11—22 первой редакции (начало черного автографа, по-видимому, находилось на предшествующем листе, впоследствии вырванном или выпавшем из тетради), с датой под текстом: «23 авг(уста) / 1821» (цифра «23» исправлена из первоначального «24»). Напечатано: Якушкин. № 4. С. 101 (в виде неполной и не вполне точной сводки верхнего слоя автографа). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 833, л. 10—10 об. — белой (текст первой редакции), с последующей правкой, под заглавием: «Элегия», с датой у заглавия: «1821 Авг(уста) 23». Напечатано: Анн. Т. 2. С. 314 (ст. 15—18); Якушкин. № 5. С. 341 (ст. 1—4); Майков. Материалы. С. 125—126 (публ. В. И. Сантова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), обозначенный как «Элегия XI», с датой: «(1821)», исправленной из первоначальной: «(1822)», утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 580 (заглавие и дата); Майков. Материалы. С. 126 (в виде вариантов, с неточностями; публ. В. И. Сантова). Фотокопия листа из Кап (поступила в Пушкинский Дом из собрания П. Е. Рейнбота вместе с фотокопиями еще пяти листов; см.: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7; наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 331), переданная И. С. Зильберштейну для воспроизведения в т. 16—18 «Лите-

ратурного наследства», не была возвращена. Воспроизведение фотокопии: Томашевский. Новые материалы. С. 849.

По-видимому, обозначено (вместе с стихотворениями «Гроб юноши» и «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...») записью «3 элегии» в списке произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1821») (см.: Рукою П. 1997. С. 212). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Ст 1826. С. 15 (отдел «Элегии», с датой в оглавлении: «1821»). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 108 (отдел стихотворений 1821 г.), без изменений в тексте, с пунктуационными отличиями (восклицательные знаки в ст. 10 и 14 заменены точкой).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 23 августа 1821 г. по помете Пушкина в автографах.

Долгое время адресатом стихотворения считали М. А. Голицыну (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 382, здесь под заглавием: «Элегия», с редакторским подзаголовком: «к М. А. Г—ой»; то же: Ефр. 1882. Т. 1. С. 355; Ефр. 1887. Т. 1. С. 279, под тем же заглавием, с подзаголовком: «(кн. М. А. Голицыной)»; Ефр. 1903—08. Т. 1. С. 419, с тем же подзаголовком; Мор. 1887. Т. 1. С. 256; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 613; Венг. Т. 2. С. 572—573, примеч. Н. О. Лернера). М. О. Гершензон, считая элегию «Умолкну скоро я. Но если в день печали...», как и еще два стихотворения — «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» и «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой» («Давно об ней воспоминанье...»), — несомненно относящимися к Голицыной, предположил, что именно М. А. Голицына (см. о ней в примеч. к стихотворению «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой» — наст. т., с. 772—773) была предметом так называемой «утаенной» любви Пушкина на юге (см.: Гершензон М. О. Северная любовь А. С. Пушкина : Очерк // ВЕ. 1908. № 1. С. 275—302). Опровергая гипотезу М. О. Гершензона, П. Е. Щеголев указал на отсутствие каких-либо фактических оснований адресовать элегии «Умолкну скоро я. Но если в день печали...» и «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» Голицыной (см.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // ПиС. СПб., 1911. Вып. 14. С. 74—95; то же: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 166—180). Он объяснил и ошибку, допущенную Ефремовым, который первым адресовал элегию «Умолкну скоро я. Но если в день печали...» княгине М. А. Голицыной: Ефремов неверно истолковал приведенный П. В. Анненковым (Анненков. Материалы 1855. С. 89) перечень стихотворений кишиневского периода («Дионея, Дева, Муза (В младенчестве моем она меня любила), Желание (Кто видел край), Умолкну скоро я, М. А. Г.»), приняв «М. А. Г.» за подзаголовок предыдущего стихотворения («М. А. Г.» в перечне Анненкова — данное по автографу заглавие стихотворения «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой», ошибочно отнесенного здесь к кишиневским произведениям) (см.: Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. С. 93; то же: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 179—180). По справедливому замечанию Щеголева, пушкинская элегия не имеет автобиографического содержания и есть произведение «чисто литературное», «вполне в том условно-элегическом роде, в котором Пушкин писал в годы лицейской юности и петербургской молодости по образцам французской *доромантической* элегии, представленной в лирике Парни, Лебрена, Бертена, Мильвуа» (Там же. С. 106, 117; то же: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 188, 194—195).

Мнение Е. Г. Эткинда, что стихотворение создано «под прямым влиянием Ламартина» (*Эткинд Е. Г. Божественный глагол : Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 113*), вряд ли может быть принято. Пушкинская элегия не обнаруживает точек соприкосновения ни с одним из стихотворений, вошедших в изданные в 1820 г. «Поэтические размышления» («*Méditations poétiques*») Альфонса Мари Луи де Ламартина (*Lamartine; 1790—1869*) — его первый поэтический сборник, который единственно мог быть известен Пушкину в 1821 г. Е. Г. Эткинд, по-видимому, основывался в своем утверждении на комментарии Н. О. Лернера в Венг. (Т. 2. С. 573). Однако приведенные Н. О. Лернером стихи Ламартина («*Ah! qu' au moins tu puisses te dire: „Ces chants qui m'ont ému, c'est moi qui les inspire, Et sa muse est mon souvenir!“*» (По крайней мере ты сможешь себе сказать: «Это мной вдохновлены так тронувшие меня песни, и его муза — память обо мне!» — *фр.*)) — цитата из стихотворного посвящения к поэме Ламартина «Последняя песнь паломничества Чайльд-Гарольда» — появились в печати только в 1825 г. (*Le Dernier chant du Pèlerinage d'Harold, par Alph. de Lamartine. Paris, 1825*). Реминисценция из Ламартина (на что указывает и Лернер) отмечалась не для пушкинского стихотворения, а для его французского перевода, выполненного польским поэтом Игнацием Деспотом Зеновичем (*Despot-Zenowicz; ок. 1796—после 1866*) и вошедшего в его сборник «*Imionnik*» (*SPb., 1830*). См. рецензию на «*Imionnik*» Ш. де Сен-Жюльена (*Saint-Julien; 1802—1869*) в петербургской французской газете «*Le Furet*» (1830. № 24, 23 марта. С. 95).

Тема заключительных стихов элегии получила развитие в предсмертных стихах Ленского в шестой главе «Евгения Онегина»:

...но ты
Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!
(Акад. Т. 6. С. 126)

См. также: *Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. С. 118*; то же: *Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 195*.

«МОЙ ДРУГ, ЗАБЫТЫ МНОЙ СЛЕДЫ МИНУВШИХ ЛЕТ...»

(С. 53 и 247)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 47 об.—48 — черновой, с вписанной сбоку перед текстом датой: «24 авг(уста) в ночь». Напечатано: *Анн. Т. 2. С. 310* (помета у текста); *Якушкин. № 4. С. 101* (первоначальные варианты ст. 1 и 3); *АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 143—145* (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: *Раб. тетр. Т. 3.*

2) Тетр. ПД 833, л. 11—11 об. — белой, с поправками, под заглавием: «Элегия», с датой под текстом: «25 авг(уста) 1821». Напечатано: Анн. Т. 2. С. 310 (заглавие, помета под текстом); Якушкин. № 5. С. 341 (ст. 19); Майков. Материалы. С. 127 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), обозначенный как «Элегия VIII», с датой: «(1821)», с поправкой в ст. 8, утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 579 (заглавие и начало первой строки с указанием, что далее следует «вся писеса»); Ефр. 1880. С. 558 (первоначальный вариант ст. 8).

Копия Л. С. Пушкина из архива села Тригорского (ПД, ф. 244, оп. 4, № 65) (Пушк), с пометой под текстом: «Троегорское».

По-видимому, обозначено (вместе со стихотворениями «Гроб юноши» и «Умолкну скоро я. Но если в день печали...») записью «3 элегии» в списке произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1821») (см.: Рукою П. 1997. С. 212). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: НЛ. 1825. Кн. 11, № 3. С. 149, под заглавием: «К***». Вошло в Ст 1826. С. 8 (отдел «Элегии», с датой в оглавлении: «1821»), и в Ст 1829. Ч. 1. С. 103—104 (отдел стихотворений 1821 г.), с пунктуационными отличиями. Существенным изменением пунктуации в Ст 1829 стало снятие восклицательных знаков, которыми в Ст 1826 заключались ст. 5, 6, 8, 21 и 22, а также восклицательного знака в ст. 1 (после слов: «Мой друг»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 24—25 августа 1821 г., согласно пометам в автографах.

Копия Л. С. Пушкина датируется периодом совместного пребывания Пушкина с братом в Михайловском, т. е. августом (после 9)—октябрем 1824 г. (см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 431, 455, 515). К этому времени стихотворение было доработано. Текст копии в целом соответствует тексту первой публикации в «Новостях литературы», куда стихотворение, по-видимому, было передано Л. С. Пушкиным по приезду из Михайловского в Петербург. Журнальный текст отличается от копии в ст. 7 и 12. Журнальный вариант ст. 12 («Ясна, как светлый день, младенческая совесть» вместо: «Светла, как ясный день, младенческая совесть»), вполне вероятно, может быть признан авторским (ср. чтение этого стиха в черновом автографе, см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 248—249; ср. также поправку в копии). Что же касается ст. 7, то он сложился уже в черновом автографе и далее не изменялся. Вариант «Новостей литературы», не находящий соответствия ни в пушкинских автографах, ни в копии («Но ты, прекрасная, ты рождена для счастья» вместо: «Но ты, невинная, ты рождена для счастья»), по всей видимости, возник в результате редакторской правки.

Окончательная правка, давшая текст Ст 1826, относится к марту (не позднее 14) 1825 г. — времени подготовки Кап.

Стихотворение, как и написанная днем раньше элегия «Умолкну скоро я. Но если в день печали...», долгое время считалось адресованным княгине М. А. Голицыной (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 558; Ефр. 1882. Т. 1. С. 517; Ефр. 1887. Т. 1. С. 280; Мор. 1887. Т. 1. С. 256; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 613—614; Ефр. 1903—08. Т. 1. С. 420—421; Венг. Т. 2. С. 573, примеч. Н. О. Лернера). На несомненность этой адресации в 1911 г. указал П. Е. Щеголев (см.: Щего-

лев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // ПиС. СПб., 1911. Вып. 14. С. 74—95; то же: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 166—180; подробнее см. в примеч. к стихотворению «Умолкну скоро я. Но если в день печали...» — наст. т., с. 633). Щеголев, однако, находил в стихотворении реальное биографическое содержание, включая его в ряд произведений, связанных с так называемой «угаенной любовью» Пушкина.

АЛЕКСЕЕВУ

(«Мой милый, как несправедливы...»)

(С. 54 и 251)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 13—14 — белой, с поправками (текст первой редакции), под заглавием: «А—ву», с пометой под текстом: «1821», с последующей правкой, дающей текст, близкий к тексту второй редакции, представленному первой публикацией (ПЗ). Напечатано: Якушкин. № 5. С. 341—342 (ст. 21—24, 43—50, 55—58 первой редакции); Майков. Материалы. С. 92—93 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Более ранний автограф, по-видимому, находился в той же тетради на вырванном листе между л. 11 и 12 (сохранился корешок — л. 11а). На л. 11 об. отпечатались верхняя строчка вырванного смежного листа, где отчетливо читается заглавие: «Алексееву».

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Послания»).

Заглавие вошло в список произведений 1821—1822 гг. в тетр. ПД 831 (л. 53) под датой: «1821» (Рукою П. 1997. С. 212). Факсимильное воспроизведение списка: Раб. тетр. Т. 3.

Учтенная в Акад. (Т. 2. С. 735, 1108) копия, предположительно принадлежавшая М. А. Щербинину и известная по публикации Ю. Н. Щербачева (Щербачев. С. 17—18), является искаженным списком с печатного текста. Другие встречающиеся в рукописных сборниках копии стихотворения также восходят к печатным источникам.

Впервые: ПЗ 1825. С. 109—110, под заглавием: «Послание к А.», с подписью: «А. Пушкин». Вошло (с исключением последних восьми стихов и пунктуационными отличиями) в Ст 1826. С. 153—154 (отдел «Послания», под заглавием: «Алексееву», с датой в оглавлении: «1821») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 132—134 (отдел стихотворений 1821 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется концом августа (после 25-го)—декабром (до 26-го) 1821 г. Верхняя граница определяется датой: «25 авг(уста) 1821» под текстом элегии «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» на л. 11 об. тетради ПД 833 (эпиграмма «У Кларисы денег мало...» в нижней части л. 11 об. с пометой под текстом: «1822 генв(арь)», по всей очевидности, записана позднее на оставшейся свободной части листа и при датировке послания «Алексееву» может не приниматься во внимание). Далее из тетради вырван лист (л. 11а), на котором предположительно находился автограф послания (см. выше). Он, таким образом, мог появиться в тетради ПД 833 сразу после 25 августа. Позднее Пушкин переписал послание «Алексееву» в ту же

тетрадь, уже после стихотворения «Война», первый беловой автограф которого (ПД 40) датирован 29 ноября 1821 г. Нижняя граница датировки определяется датой: «1821 дек(абр) 26» под беловым автографом стихотворения «К Овидию» на л. 17 тетради ПД 833. В списке произведений 1821—1822 гг. в тетр. ПД 831 (см. выше) помещено под 1821 г. между записями: «3 элегии» (вероятно, имеются в виду стихотворения «Гроб юноши», «Умолкну скоро я. Но если в день печали...» и «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»); датировки этих стихотворений см.: наст. т., с. 628, 632, 635) и посланием «К Овидию» (здесь под заглавием: «Овидию»), что косвенно подтверждает хронологические рамки предложенной датировки. Правка по тексту первой редакции в беловом автографе связана с доработкой послания перед публикацией и может датироваться предположительно летом 1823 г., поскольку Пушкин собирался напечатать стихотворение в «Полярной звезде» на 1824 г.

Послание «Алексееву» было отправлено издателям «Полярной звезды» вместе со стихотворениями «Иностранке» и «Приютелю» (см. наст. т., с. 82, 103), по-видимому, в августе или начале сентября 1823 г. через В. И. Туманского. К. Ф. Рылеев 3 октября 1823 г. благодарил Туманского за содействие в получении пушкинских стихов и писал ему по поводу цензурования альманаха: «Боюсь за Послание к А(лексееву) и именно за то место, где иступленный любовник

Клянет ревнивого супруга
Или докучливую мать.

Бируков цензор-деспот и ревнивый муж. Страшусь также за стихи к *Иностранке*, где есть слово *богтворить*: оно верно не будет пропущено» (Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 472). В сделанной несколько позднее приписке он сообщил: «Сейчас от Бирукова. Варвар не пропустил ни одной из пьес Пушкина, за самые те места, об которых писал я выше; в пьеске же к приютелю находит он не нравственную цель; говорит: *двое за одной волочатся*» (Там же. С. 473). Спустя три дня, 6 октября, Рылеев писал о том же Е. А. Баратынскому, цитируя относящиеся к нему стихи послания (см.: *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского* / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 127—128). Через год, когда после падения министерства князя А. Н. Голицына и назначения министром народного просвещения А. С. Шишкова цензурная ситуация несколько улучшилась, стихотворение было пропущено в печать без каких-либо нареканий.

Адресат послания — кишиневский друг Пушкина Николай Степанович Алексеев (1789—1854), отставной майор, участник войны 1812 г., чиновник особых поручений при наместниках Бессарабии А. Н. Бахметеве и сменившем его генерале И. Н. Инзове. «Коллежский секретарь Николай Степанович Алексеев, — свидетельствовал И. П. Липранди, — по крайней мере десятью годами старше Пушкина, был вполне достоин дружеских к нему отношений Александра Сергеевича. У них были общие знакомые в Петербурге и Москве; и в Кишиневе Алексеев, будучи старожилом, ввел Пушкина во все общества. Русская и французская литература не были ему чужды. Словом, он из гражданских чиновников был один, в лице которого Пушкин мог видеть в Кишиневе подобие образованным столичным людям, которых он привык видеть...» (П. в восп. Т. 1. С. 286). В 1822 г. землетрясение повредило

дом Инзова, в котором квартировал поэт, и спустя некоторое время Пушкин переехал жить к Алексееву (см. свидетельство И. П. Липранди — РА. 1866. № 10. Стб. 1480; также: *Вельтман А. Ф.* Воспоминания о Бессарабии // П. в восп. Т. 1. С. 278). По-видимому, к Алексееву обращены стихотворения «Приятелю» и «Мой друг, уже три дня...» (1822) (см. наст. т., с. 125). Возможно, ему же Пушкин думал посвятить и «Гаврилиаду» (см.: *Пушкин А. С.* Гаврилиада : Поэма / Ред., примеч., коммент. Б. В. Томашевского. Пб., 1922. С. 43, 46—48). «Вероятно, никто не имеет такого полного сборника всех сочинений Пушкина, как Алексеев. Разумеется, многие не могут быть изданы по отношениям», — писал А. Ф. Вельтман (П. в восп. Т. 1. С. 279). После отъезда Пушкина из Кишинева Алексеев виделся с ним в феврале 1824 г. в Одессе (Летопись 1999. Т. 1. С. 372). В середине марта 1824 г. Пушкин, приехав на две недели в Кишинев, вновь поселился у Алексеева (см.: Вигель. Ч. 6. С. 152).

Биографической основой послания «Алексееву», так же как, возможно, стихотворения «Приятелю», послужило мнимое соперничество Пушкина и Алексеева в ухаживании за М. Е. Эйхфельдт, женой кишиневского чиновника горного ведомства И. И. Эйхфельдта, бывшей предметом многолетнего любовного увлечения Алексеева (см. о ней в примеч. к стихотворению «(М. Е. Эйхфельдт)» — наст. т., с. 935—936). И. П. Липранди, приехавший в Кишинев в 1820 г., уже застал Алексеева верным поклонником Эйхфельдт (см.: П. в восп. Т. 1. С. 286). По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, из-за привязанности к ней Алексеев долгое время оставался в Кишиневе, жертвуя заманчивой возможностью перейти на службу к М. С. Воронцову в Одессу. «Страстно влюбленный, счастливый и верный, он являл в себе неслыханное чудо» (Вигель. Ч. 6. С. 116). По поводу соперничества Пушкина и Алексеева И. П. Липранди замечал: «Сколько я понимал Пушкина, то он, зная связи Алексеева, никогда не посягнул бы на его права» (П. в восп. Т. 1. С. 287).

В конце 1826 г. Алексеев с Пушкиным после большого перерыва обменялись письмами. «С какою завистью воображаю я московских моих знакомых, имеющих случай часто тебя видеть, — писал Алексеев Пушкину 30 октября 1826 г. из Кишинева, — с каким удовольствием хотел бы я быть на их месте и с какою гордостью сказал бы им: мы некогда жили вместе; часто одно думали, одно делали и почти — одно любили; иногда ссорились, но расстались друзьями или, по крайней мере, я так льстил себе. Как бы желал я позавтракать с тобою в одной из московских ресторанов и за стаканом бургонского пройти трехлетнюю кишиневскую жизнь, весьма занимательную для нас разными происшествиями. Я имел многих приятелей, но в обществе с тобою я себя лучше чувствовал, и мы, кажется, оба понимали друг друга; несмотря на название: *лукавого соперника* и *черного друга* я могу сказать, что мы были друзья-соперники — и жили приятно!» (Акад. Т. 13. С. 300). «Не могу изъяснить тебе моего чувства при получении твоего письма, — отвечал Пушкин 1 декабря. — Твой почерк опрятный и чопорный, кишневские звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии! (...) Был я в Москве и думал: авось, Бог милостив, увижу где-нибудь чинно сидящего моего черного друга, или в креслах театральных, или в ресторации за бутылкой. Нет — так и уехал во Псков — так и теперь опять еду в белокаменную» (Там же. С. 309).

Готовя текст послания для публикации в «Полярной звезде», Пушкин переработал его и существенно сократил, что вызвало упреки адресата. Алексеев, видимо

знавший о цензурных трудностях, с которыми столкнулось послание в 1823 г., посчитал изменения в тексте результатом цензурного и редакторского вмешательства. 20 марта 1827 г. он писал Пушкину из Хотина: «...я намерен объяснить тебе давнишнее мое неудовольствие на цензуру и на издателей за твое послание ко мне; литера А не показывает еще Алексева, а выкинутые лучшие стихи испортили всю пиэсу; именем всего прошу тебя, исправь эту ошибку; мое самолюбивое желание было, чтоб через несколько лет сказали: Пушкин был приятель Алексева, который, не равняясь с ним ни в славе, ни познаниях, превосходил всех чувствами привязанности к нему» (Акад. Т. 13. С. 324—325). Между тем к этому времени в Ст 1826 Пушкин уже раскрыл фамилию адресата в заглавии.

Послание с одобрением было упомянуто О. М. Сомовым в рецензии на альманах в «Северной пчеле» (1825. № 41, 4 апр.; подпись: С.). Рецензент «Сына отечества» (Ф. В. Булгарин ?), напротив, отозвался о стихотворении сдержанно: «Послание к А. (...) принадлежит к тому роду поэзии, которую г. Кюхельбекер весьма удачно обозначил в 3 части „Мнемозины” под именем *тоски о погибшей молодости*. Признаюсь тебе, я не люблю этого рода; не люблю слышать поэтов во цвете лет и в полном блеске славы, твердящих нам о своей горькой опытности, о разочарованье в жизни, об увядшей душе и т. п. Впрочем, это послание имеет свое пиитическое достоинство и найдет своих читателей и почитателей» (Д. Р. К. Четвертое письмо на Кавказ // СО. 1825. Ч. 101, № 10. С. 197; П. в критике, I. С. 296; об авторстве см. там же, с. 430—431).

Пушкинское стихотворение обнаруживает переключки с первой частью элегического послания Е. А. Баратынского к Н. М. Коншину, прямо цитируемого Пушкиным в ст. 20—21:

Пора покинуть, милый друг,
 Знамена ветреной Киприды —
 И неизбежные обиды
 Предупредить, пока досуг!
 Прошла пора слепых мечтаний,
 И мы лишились наших прав
 На своеволие забав,
 На своеволие желаний.
 Уж отлетает век молодой;
 Уж сердце опытнее стало:
 Теперь ни в чем, друг милый мой,
 Нам исступленья не пристало.
 Оставим буйным шалунам
 Слепую жажду сладострастья!
 Не упоения, а счастья
 Теперь искать уж время нам.
 Пресытись грубым наслажденьем,
 Пресытись ласками цирцей,
 Шепчу я часто с умиленьем
 В тоске задумчивой моей:
 Нельзя ль найти любви надежной?
 Нельзя ль найти подруги нежной,
 С кем мог бы в счастливой глуши

Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души...

(Соревн. 1821. Ч. 15, № 8. С. 237—238, под заглавием: «(Н. М. К.)» и общим заглавием: «Элегии» со стихотворением «Прощай, отчизна непогоды...»; билет на выход в свет от 5 августа 1821 г. см.: *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского*. С. 109; *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1. С. 160—161)

Противопоставление пылкого возлюбленного и его наперсника, охладевшего к жизни и к страсти, отзовется позднее в XVIII—XIX строфах второй главы «Евгения Онегина» (см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 94—95, коммент. П. О. Морозова; *Ходасевич В. Ф.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 66—67; см. также ниже, примеч. к ст. 21—24 первой редакции).

Ст. 1—2. *Мой милый, как несправедливы Твои ревнивые мечты...* — Эти строки позднее были обыграны Пушкиным в письме к Алексееву от 26 декабря 1830 г.: «Мой милый, как несправедливы — — твои упреки моей забывчивости и лени!» (Акад. Т. 14. С. 135).

Ст. 17—18. *Прошел веселый жизни праздник. Как мой задумчивый проказник...* — Рифма «праздник — проказник» летом 1823 г. была использована Пушкиным в строфе XV первой главы «Евгения Онегина»: «У графа бал, у князя праздник / Куда ж явится мой проказник» (ПД 834, л. 9; Акад. Т. 6. С. 227; см. также окончательный вариант этих стихов: Акад. Т. 6. С. 10—11). «Праздник жизни» — распространенная поэтическая формула, здесь обозначающая молодость (см.: *Бочаров С. Г.* Праздник жизни и путь жизни : Сотый май и тридцать лет : Кубок жизни и клейкие листочки // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 192—206).

Другие редакции и варианты

Первая редакция. Ст. 21—24. *Вдали штыков и барабанов ~ И им о битвах говорит.* — Здесь перефразированы строки из стихотворения Эвариста-Дезире де Форжа де Парни (Ramy; 1753—1814) «Взгляд на Киферу» (« *Coup d'œil sur Cythère*») (1787):

Et je ressemble au vieux guerrier
Qui rencontre ses frères d'armes
Et leur parle encore du métier

⟨И я похож на старого воина, который встречается со своими собратьями по оружию и все еще говорит с ними о военном деле — фр.⟩ (*Ramy E. de. Œuvres*. Paris, 1809. Т. 2. P. 147; здесь под заглавием: «Вздорные стихи к моим друзьям» («*Radotage à mes amis*»)). Ср. в строфе XVIII второй главы «Евгения Онегина»:

⟨.....⟩
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный

И нам он сердце шевелит.
 Так точно старый инвалид
 Охотно клонит слух прилежный
 Рассказам юных усачей,
 Забытый в хижине своей.

(Акад. Т. 6. С. 39)

См.: *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 249—250. Приведенные выше три стиха Парни были выписаны Пушкиным в черновике примечаний к тексту «Евгения Онегина», составлявшихся при подготовке первого полного издания романа 1833 г. (см.: Акад. Т. 6. С. 534).

Ст. 60. *Надежде и Еврейке верь...* — Еврейка — М. Е. Эйхфельдт, «которая получила прозвание „еврейки“ за воображаемое сходство с Ревеккой вальтер-скоттовского романа „Айвенго“» (см.: *Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху.* СПб., 1874. С. 190). Этим именем Пушкин неизменно называл Эйхфельдт в своих письмах к Алексею (см. выше письмо от 1 декабря 1826 г.; также см. в письме от 26 декабря 1830 г.: «Пиши мне, мой милый, о тех местах, где ты скучаешь, но которые сделались уже милы моему воображению — о берегах Быка, о Кишеневе, о красавицах, вероятно состаревшихся, — о Еврейке, которую так долго и так упорно таил ты от меня, своего черного друга...» — Акад. Т. 14. С. 136).

НАПОЛЕОН

(«Чудесный жребий совершился...»)

(С. 56 и 254)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 63 об.—66 об., 63 — черновой, без заглавия, с эпиграфом: «*ingrata patria.....*» («неблагодарное отечество» — *лат.*); между л. 63 и 64 один лист (63а) вырван; в левой нижней части л. 63 об. в столбец записана прозаическая программа; на л. 63 — отдельно записанный черновой набросок дополнений к тексту. Напечатано: *Анненков. Материалы 1855.* С. 140 (прозаическая программа); *РА. 1881. Т. 1, № 1.* С. 220 (эпиграф и варианты ст. 63—65, 103—104; публ. П. И. Бартенева); *Якушкин. № 4.* С. 108 (первые два стиха чернового наброска на л. 63 и ст. 65—72); *Майков. Материалы.* С. 115—116 (в виде неполной и неточной сводки верхнего слоя черновика; публ. В. И. Саитова); *АН 1900—29. Т. 3. Примеч.* С. 122—127 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: *Раб. тетр. Т. 3.*

2) Тетр. ПД 833, л. 21—23 об. — белой, с правкой, под заглавием: «На смерть Наполеона»; текст первой редакции, с позднейшей переработкой (правкой и добавлением двух строф), дающей текст второй редакции. Напечатано: *Майков. Материалы.* С. 117—119 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: *Раб. тетр. Т. 3.*

3) ПД 439 — белой ст. 25—48 и 97—104 первой редакции, в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. Напечатано: *РА. 1866. № 4. Стб. 655* (ст. 25—28, 113—120; публ. П. И. Бартенева); *Ефремов П. А.* Стихотворение и письмо А. С. Пушкина // *РС. 1880. Июль.* С. 541—542. Воспроизведение: *ИВ. 1899. № 5.* С. 13—15; *Левичева. С. 330—331.*

Копии:

1) Ф. Ф. Вигеля из архива Тургеневых (ПД, ф. 244, оп. 4, № 61) (Тург) — текст первой редакции, под заглавием: «Ода», на одном листе с копиями стихотворений «Песнь о вешем Олеге» и «Я пережил свои желанья...» (здесь под заглавием: «Элегия»); лист голубой бумаги большого почтового формата, с водяным знаком, с золотым обрезом; после заполнения был сложен вчетверо (для вложения в конверт), с карантинными проколами. Копия была послана Вигелем А. И. Тургеневу в конце октября—начале ноября 1823 г. (см. ниже). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 714—716 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

2) Сб. Алмазова (Алм) — под заглавием: «Смерть Наполеона», с ошибками в ст. 56 и 112.

3) Вторая тетр. из собр. Забелина (Заб₂) — под заглавием: «На смерть Наполеона», с подписью: «А. Пушкин», с ошибками в ст. 2, 11, 13 и 42.

4) Первая тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₁) — под заглавием: «На смерть Наполеона», с ошибкой в ст. 97.

5) Сб. Соболевского «*Avant les voyages*» (Соб₁) — ст. 25—49, 57—65 под заглавием: «Пропуски из „Наполеона“».

6) Сб. «От безделья и от скуки» (Отб) — под заглавием: «Наполеон».

7) Тетр. из собр. Картавова (Карт) — под заглавием: «Наполеон», с ошибками в ст. 62, 100, 106.

8) Вторая тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₂) — под заглавием: «Ода. На смерть Наполеона», с ошибками в ст. 46, 58, 87, 91.

9) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Смерть Наполеона», с ошибками и неточностями в ряде стихов и позднейшими поправками (исправлены ошибки в ст. 33, 46 и 69).

10) Третья тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₃) — под заглавием: «Ода на смерть Наполеона», с подписью: «А. Пушкин», с ошибками в ст. 89, 97 и 106.

11) Тетр. Тихонравова (Тих) — 1) ст. 25—48, 57—65, под заглавием: «Пропуски из „Наполеона“» (л. 14 об. — 16); 2) ст. 73—76, 79—80, под заглавием: «Пропуски из „Наполеона“» (л. 121).

12) Тетр. Бартенева (Бар) — ст. 24—49, 56—65, под заглавием: «Пропуски из „Наполеона“», с пометой под текстом: «Наполеон умер 5 мая 1821 года». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 517 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

13) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — ст. 25—48, 57—64, под заглавием: «Пропущенные строфы в стихотворении „Наполеон“», с указанием на публикацию ПЗ и публикацию ст. 75 в Анн. Т. 2 (см. ниже).

14) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233 (Полт.), к. 49, № 9, с. 38—39) (Полт₂) — писарская, в переплетенной тетради со списками стихотворений Пушкина и псевдопушкинианой; ст. 25—48, 57—65, под заглавием: «Пропуски из „Наполеона“».

15) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «Наполеон», с пометой под текстом: «1821».

16) Тетр. Дашкова (Даш) — ст. 24—49, 56—65, под заглавием: «Пропуски из „Наполеона“».

17) Тетр. Марина (Мар) — ст. 25—80, под заглавием: «Пропущенные строфы из стихотворения „Наполеон“».

18) П. А. Ефремова (Е) — ст. 25—40 и варианты ст. 73 и 79—80, под заглавием: «Наполеон».

Копии 2—5, 7—11, 13, 15—18 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 718—719 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

Утраченные копии:

1) Тетр. Каверина (Кав) — под заглавием (в оглавлении): «Ода Наполеону», с пометой: «4 августа 1825. Калуга». Напечатано: Цербачев. С. 121—122 (в виде вариантов).

2) Бывшая в распоряжении А. И. Герцена, по которой им осуществлена публикация в ПЗ 1856. Кн. 2 (см. ниже) (ПЗ).

3) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербеля, по которой им осуществлена публикация в Герб. С. 78, 148—149 (ст. 25—32 и ст. 43—44, 65, 73, 79 в виде вариантов).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Стихотворения лирические»).

Впервые: Ст 1826. С. 91—95 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1821»), с цензурным пропуском ст. 25—48 (заменены двумя строками точек), 57—64 (заменены двумя строками точек) и ст. 75 (заменен строкой точек). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 118—124 (отдел стихотворений 1821 г.), без изменений в тексте, но с пунктуационными отличиями. Полностью впервые: ПЗ 1856. Кн. 2. С. 14—15 (публ. А. И. Герцена). В русской печати цензурные купюры восстановлены: Анн. Т. 2. С. 316 (ст. 75); Анн. Т. 7. С. 57—58, 1-я паг. (ст. 33—38, 41—48, 57—64); БЗ. 1858. Т. 1, № 11. Стб. 349 (ст. 39—40; публ. А. Н. Афанасьева); БЗ. 1861. Т. 3, № 19. Стб. 592 (ст. 25—28; публ. П. А. Ефремова); Генн. 1869—71. Т. 1. С. 235 (ст. 29 и 31—32); ВЕ. 1871. № 3. С. 455 (ст. 30; в анонимной статье «Библиографическая судьба Пушкина»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829 с восстановлением пропущенных стихов по беловому автографу в тетради ПД 833. Первая редакция в разделе «Другие редакции и варианты» печатается по тексту белового автографа в тетради ПД 833 до позднейшей переработки.

Датируется первая редакция сентябрем—началом ноября (до 12-го) 1821 г. Переработка, давшая вторую редакцию стихотворения, относится к началу октября 1824 г.

Черновой автограф в тетради ПД 831 появился не ранее сентября (24 августа — дата у стихотворения «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» на л. 47 об. тетради, заполнявшейся до этого времени последовательно). Нижняя граница датировки определяется письмом Е. Н. Орловой, 12 ноября 1821 г. сообщавшей А. Н. Раевскому о Пушкине: «Он только что кончил оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнению, хороша, сколько я могу судить, слышав ее частью один раз» (*Гершензон М. О. История молодой России*. М., 1908. С. 27). По всей вероятности, существовал не дошедший до нас беловой автограф, к которому восходит копия Ф. Ф. Вигеля из архива Тургеневых (Тург). Она датируется серединой августа—сентябрем (до 17) 1823 г., временем общения Вигеля с Пушкиным в Одессе (см. примеч. к стихотворению «Вигелю» — наст. т., с. 745), и дает представление о наиболее раннем тексте стихотворения, существовавшем до этого времени. Он, судя по всему, распространения не получил, но какие-то известия о стихотворении дошли до Петербурга и вызвали интерес у А. И. Тургенева. 29 ноября 1823 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому в Москву: «Я получил от Вигеля премилое письмо о Пушкине и стихи его, из коих две пьесы тебе посылаю, третью...» (точки в подлин-

нике) (ОА. Т. 2. С. 368). Из дальнейшего текста письма понятно, что в числе при-
сланных Вигелем было стихотворение «Наполеон» (тогда еще называвшееся просто:
«Ода»), которое Тургенев сравнивает с только что появившимся стихотворением
Альфонса Луи Мари де Ламартина (Lamartine; 1790—1869) «Бонапарт» («Вона-
parte»): «Оставленная у меня пьеса превосходнее Мартиновой. Чувство, мысли!
Слог удивительный!» (Там же. С. 369; «пиесы», которые Тургенев послал Вя-
земскому, — «Песнь о вешем Олеге» и элегия «Я пережил свои желанья...», пере-
писанные Вигелем на одном листе с «Наполеоном»).

Позднее, видимо, уже после отъезда Вигеля из Одессы, Пушкин вернулся к ра-
боте над стихотворением и переписал его под заглавием «Наполеон» в тетрадь
ПД 833. Этот беловой автограф можно, таким образом, с полной вероятностью да-
тировать второй половиной сентября—октябрем (до 26) 1823 г. Нижняя граница
его датировки определяется находящимся после «Наполеона» на л. 26 тетради
ПД 833 беловым автографом стихотворения «Ночь» с пометой перед текстом:
«26 окт(ября) 1823 Одесса». 1 декабря 1823 г. Пушкин, в свою очередь отвечая на
вопросы А. И. Тургенева, писал ему: «Кстати о стихах; вы желали видеть оду на
смерть Н(аполеона). Она не хороша, вот вам самые сносные строфы...» (далее при-
ведены ст. 25—48 и 97—104 первой редакции) (Акад. Т. 13. С. 78). Текст в пись-
ме к Тургеневу учитывает поправки белового автографа и дает по сравнению с ним
единственный вариант в ст. 32 («Свободы яркий день вставал» вместо: «Свободы
светлый день вставал»). После публикации П. А. Ефремовым полного текста пуш-
кинского письма (РС. 1880. № 7. С. 539—542) этот вариант традиционно вводит-
ся в основной текст стихотворения. Такое решение, однако, не представляется впло-
не оправданным. Пушкин не закрепил такое чтение ст. 32 в автографе стихотворения
в тетради ПД 833, где стих «Свободы светлый день вставал» остался неизменным
и при переработке стихотворения в 1824 г. Текст второй редакции, получивший рас-
пространение в копиях, также не дает чтения «Свободы яркий день вставал». В на-
стоящем издании пропущенные в Ст 1826 и Ст 1829 строфы восстанавливаются
строго по беловому автографу в тетради ПД 833.

Вновь к тексту «Наполеона» Пушкин вернулся в начале октября 1824 г. в Ми-
хайловском, расширив его за счет строф, писавшихся им первоначально для стихо-
творения «К морю». Черновик этих строф на л. 18 тетради ПД 835 датируется вре-
менем между 26 сентября и 2 октября 1824 г. (на л. 17 — дата «26 сент(ября)
1824» под стихотворением «Разговор книгопродавца с поэтом», на л. 20 — дата
«2 окт(ября) 1824» под черновым автографом строфы ХLI третьей главы «Евгения
Онегина»). В окончательный текст стихотворения «К морю» эти строфы не вошли,
причем решение исключить их было принято не позднее 10 октября 1824 г., когда
стихотворение было послано Пушкиным П. А. Вяземскому (см.: Акад. Т. 13.
С. 111; сам автограф, посланный Вяземскому, не сохранился, по нему была осущест-
влена первая публикация стихотворения «К морю» в альманахе «Мнемозина»).
По-видимому, исключенные строфы были перенесены в стихотворение «Наполеон»
около этого времени. Мнение Н. В. Измайлова, что работа над второй редакцией
«Наполеона» относится к лету 1825 г. и связана с подготовкой Ст 1826 (см.: *Из-
майлов Н. В. Строфы о Наполеоне и Байроне в стихотворении «К морю» //*
П. Врем. [Т.] 6. С. 28—29), не представляется убедительным. Из письма Пуш-
кина к брату от первой половины мая 1825 г. можно заключить, что речь идет о уже за-
вершенном и известном адресату стихотворении: «Богатая мысль напеч(атать) „На-
полеона”, да цензура... лучшие строфы потонут» (Акад. Т. 13. С. 175). По-видимо-

му, вторая редакция «Наполеона» входила в число новых пушкинских стихотворений, оказавшихся в руках Л. С. Пушкина при его отъезде из Михайловского в первых числах ноября 1824 г. (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 455). К тексту, бывшему у Л. С. Пушкина, скорее всего, восходят получившие распространение списки ее полного текста.

Стихотворение явилось откликом на смерть Наполеона 23 апреля /5 мая 1821 г. в Лонгвуде на острове Св. Елены. В Петербурге о смерти французского императора узнали 10 июля (см. дневниковую запись Н. И. Тургенева от этого числа: «Сейчас я слышал, что посланный из Парижа курьер привез известие о смерти Наполеона» — АБТ. Вып. 5. С. 272), в Кишиневе на неделю позднее. На полях своей рабочей тетради Пушкин сделал памятную французскую помету: «18 juillet nouvelle de la mort de Napoléon» («18 июля известие о смерти Наполеона») (позднее другими чернилами к числу приписан год: «1821»; см.: ПД 831, л. 45 об.; Рукою П. 1997. С. 230—231). К наполеоновской теме Пушкин неоднократно обращался в предшествующие годы. В своих лицейских стихотворениях («Воспоминания в Царском Селе», 1814; «Наполеон на Эльбе», 1815; «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», 1815; «Принцу Оранскому», 1816) и в оде «Вольность» (1817) он отдал дань общерусской антинаполеоновской риторике с набором традиционных эпитетов, применявшихся к характеристике Наполеона: «коварством, дерзостью венчанный царь», «вселенной бич», «тиран», «губитель», «хищник», «самовластительный злодей», «ужас мира», «стыд природы» (см. наст. изд., т. 1, с. 70, 71, 106, 108, 130, 176; т. 2, кн. 1, с. 13). За прошедшие с момента создания «Вольности» четыре года пушкинские оценки Наполеона существенно изменились, отражая общие изменения в отношении к Наполеону в русской общественной мысли. Эти изменения в общих чертах могут быть охарактеризованы как движение от публицистики к историческому анализу, в котором не последнее место занимали размышления над личностью человека, на протяжении полутора последних десятилетий определявшего ход европейской истории. Так, например, во французской политической статье А. Д. Улыбышева «Беседа Бонапарта с английским путешественником» («Conversation entre Bonaparte et un Voyageur Anglais»), читавшейся в 1819 г. на одном из заседаний петербургского общества «Зеленая лампа», Наполеон назван «величайшим человеком» столетия, а его жизнь — «рядом дел, из которых одного было бы достаточно, чтобы заслужить бессмертие» (цит. по: Модзалевский Б. Л. К истории «Зеленой лампы» // Модзалевский. С. 51—52; пер. В. Б. Враской).

Прежняя поэтическая трактовка наполеоновской темы, таким образом, отошла в прошлое, новый же литературный канон (так называемая «наполеоновская легенда») к 1821 г. еще не сложился. Начало его формирования можно заметить в произведениях Байрона 1815—1816 гг., написанных после Ста дней и ссылки Наполеона на остров Св. Елены — «Прощание Наполеона» («Napoleon's Farewell», 1815), «С французского» («From the French», 1816), «Ода с французского» («Ode from the French», 1816), «О Звезда Почетного легиона» («On the Star of „the Legion of Honour”», 1816), строфы XXXVI—XLII третьей песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage»). Все эти произведения должны были быть знакомы Пушкину по французским прозаическим переводам. Вместе с более ранней «Одой Наполеону Бонапарту» («Ode to Napoleon Buonaparte», 1814) они вошли во второе (незавершенное) издание А. Пишо и Э. де Сая (см. о нем в примеч. к стихотворению «Погасло дневное светило...» — наст. т., с. 506). В байро-

новских стихотворениях 1815—1816 гг. начинается романтическая героизация образа Наполеона. См. в стихотворении «С французского»:

Idol of the soldier's soul!
First in fight, but mightiest now;
Many could a world control;
Thee alone no doom can bow.

(Кумир души солдата! Первый в бою, но более могущественный сейчас. Многие могли бы подчинить себе мир; но тебя одного не смог подчинить рок. — *англ.*) (The Works of Lord Byron. A new, revised and enlarged ed. / Ed. by E. H. Coleridge. London, 1904. Poetry. Vol. 3. P. 429). Ср. французский перевод (под заглавием: «Прощание поляка с Наполеоном» («Adieux d'un polonais à Napoléon»)): «Idole de tes guerriers! grand au milieu des batailles, tu es devenu plus grand encore dans ton malheur: comme toi, d'autres ont pu conquérir le monde; mais toi seul as supporté les coups du sort sans te laisser abattre» (Кумир своих солдат! великий в сражениях, ты стал еще более велик в своем несчастье: другие умели, как ты, завоевать мир, но ты один смог вынести удары судьбы, не склонившись перед ней. — *фр.*) (Œuvres complètes de lord Byron, traduites de l'anglais par A. E. de Chastopalli. 2-me éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris, 1820. T. 2. P. 320).

Для Пушкина французский император теперь тоже «великий человек» — «надменный герой», оценка которого не укладывается в рамки обычных человеческих критериев (см. многократные эпитеты «чудесный» и «дивный» — ст. 1: «чудесный жребий»; ст. 34: «чудный свой удел»; ст. 66: «дивный ум»; ст. 98: «зло воинственных чудес»). Тем не менее стихотворение сохраняет ощутимую связь с предшествующей традицией, отчасти проявившуюся в характерных антинаполеоновских эпитах («тиран» в ст. 91 и 96; «губитель», неоднократно употребленное в черновых вариантах; см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 255—257, 264), но даже в большей степени в самом ходе развития поэтической темы. Здесь Пушкин, может быть, произвольно, но достаточно очевидно ориентировался на послание В. А. Жуковского «Императору Александру» (1814) — произведение, впрочем, при всей его конвенциональности наиболее индивидуальное в русской военно-политической поэзии 1812—1815 гг. и Пушкиным высоко ценимое (см. его позднейший отзыв в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—начала июня 1825 г.: «Прочти послание к А(лександр)у (Жук(овского) 1815 году). Вот как русский поэт говорит русскому царю» — Акад. Т. 13. С. 179). Давая широкую панораму исторических событий эпохи, Пушкин прямо следует за Жуковским:

«Императору Александру»

ст. 59—63

Под наклонившихся престолов царских тень,
Как в неприступную для бурь и бедствий сень,
Народы ликовать стекались толпами...
И первый лилий трон у галлов над главами
Вспылал, разверзнувшись как гибельный вулкан.

ст. 69—71

Сказав: нет Промысла! гигантскою стопою
Шагнул с престола он и следом за звездой
Помчался по земле во блеске и громах...

«Наполеон»

ст. 25—28

Когда, надеждой озаренный,
От рабства пробудился мир
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир...

ст. 37—38

В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой...

ст. 92—93

Все, раболепствуя мечтам тирана, дань
К его ужасному престолу приносило...

ст. 105—108

Все поколение, для жатвы бранной зрея,
И созидать себе грядущего не смея,
Невольно подвигов пленился мечтой
И бросилось на брань с отважной слепотой...

ст. 109—112, 115—117, 123—124

И вслед ему всяк час за ратью рать летела;
Стенящая земля в пожарах пламенела,
И, хитростью подрыв, изменой потрясен,
Добитый громами, за тронем падал трон...
От Рейнских твердынь до Немана валов,
От Сциллы древняя до Бельта берегов
Одна ужасная простерлася могила...
Погибло все — окрест один лишь стук оков
Смуцал угрюмое молчание гробов...

ст. 168—175

Грядет, грядет слепец, Москва, к твоим стенам!
О радость!.. он вступил!.. зажгись, костер свободы!
Пылает!.. цепи в прах! воскресните, народы!
Ваш стыд и плен Москва, обрушась, погребла,
И в пепле мщенья свобода ожила,
И при сверкании кремлевского пожара,
С развалин вставшая, призрак ужасный, Кара
Пошла по трепетным губителя полкам...

ст. 180—182

Тогда помчались вспять; и грудями костей
И брошенными в прах потухшими громами
Означили свой след пред русскими полками...

ст. 245—249

И лишь горе взлетел орел наш двоеглавый,
Лишь крикнул голосом давно молчавшей славы,
Как всколебалися тевтонов племена!
К ним Герман с норда нес свободы знамена —
И все помчалось в строй под знамена свободы...

ст. 296—297

Гром русский берега Секваны огласил —
И над Парижем стал орел Москвы и мщенья...
(Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 366—378)

ст. 45—46

Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил.

ст. 47—48

Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

ст. 53—56

Ты вел мечи на пир обильный;
Все пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

ст. 76—80

Пылай, великая Москва!
Настали времена другие;
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война — по гроб наш договор!

ст. 85—88

Бежат Европы ополченья;
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

ст. 89—92

И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Вослед тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.

ст. 95—96

И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Возможно, именно эту особенность своего стихотворения Пушкин имел в виду, когда в 1823 г. писал А. И. Тургеневу, что его ода «не хороша» (см. выше, с. 644). Тургеневу были посланы «самые сносные», т. е., надо полагать, с точки зрения

Пушкина, наиболее оригинальные четыре строфы: три, посвященные Французской революции, и заключительная строфа. В «революционных» строфах пушкинской оды на первый взгляд тоже воспроизведена общепринятая политическая формула, приобретшая, по замечанию Б. В. Томашевского, характер «поэтического штампа»: «Везде было принято представлять революционную Францию по одному шаблону: все сводилось к казни короля и воцарению Наполеона» (Томашевский. П. и Франция. С. 178). Ср. ту же схему в оде «Вольность» (1817) (ст. 49—56): «Восходит к смерти Людовик /... И се — злодейская порфира / На Галлах скованных лежит» (наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 13, 15). Консульство и Империя включались в эпоху Французской революции. Соответственно «в Наполеоне (<...> видели только прямое порождение Французской революции и победа над ним как бы сама собой означала прекращение этой революции и возвращение к старому режиму» (Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М., 2010. С. 15). Ср., например, в послании В. А. Жуковского «Императору Александру»:

И гордо по зыбям потек от Альбиона
 Спасительный корабль, несущий кровь Бурбона;
 Питомец бедствия на трон отцов грядет..
 (< . . . . . >)
 И Людовикова наброшена порфира
 На преступления минувших страшных лет!..
 (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 374)

В апреле 1818 г. в Париже вышло посмертное издание «Размышлений об основных событиях Французской революции» («*Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française*») Жермены де Сталь (Staël; 1766—1817) — первое сочинение, содержащее исторический анализ революционной эпохи. В книге г-жи де Сталь доказывалась закономерность и неизбежность революции — одной из величайших эпох в истории общества, целью которой была борьба за законную (конституционную) свободу как единственную основу спокойствия и благоденствия любой нации. Наполеоновский режим, якобинская диктатура, абсолютизм Людовика XIV и Людовика XV, с точки зрения г-жи де Сталь, явления одного порядка — разные формы политического деспотизма, во все времена противостоявшего идеям свободы. «Независимо от того, будет ли Наполеон жив или погибнет, появится или нет он вновь на европейском континенте, у меня есть причина продолжать говорить о нем: это горячее желание, чтобы друзья свободы во Франции полностью отделили его дело от своего и чтобы они остерегались смешивать принципы революции с установлениями империи» (Staël G. de. *Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française*. 3-me éd. Paris, 1820. Т. 3. Р. 150). Падение Наполеона не может, таким образом, перечеркнуть революцию, открывшую новую страницу в жизни общества, — «эпоху установления представительных правлений» (см.: Ibid. Т. 1. Р. 14). «Необходимость свободного правления, иначе говоря, ограниченных монархий для больших государств и независимых республик для малых, столь очевидна, что трудно поверить, чтобы кто-то чистосердечно отказался признать эту истину...» (Ibid. Т. 1. Р. 369). Пушкин, по всей вероятности, познакомился с сочинением г-жи де Сталь еще в 1818 г. в Петербурге. Летом—осенью 1818 г. «Размышления» читали и активно обсуждали в близком пушкинском окружении — Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, А. И. и Н. И. Тургеневы, И. И. Пущин. Большим поклонником

книги был, в частности, Н. И. Тургенев, оказывавший в те годы на Пушкина значительное идейное влияние (см., например, отзыв в письме Н. И. Тургенева к брату Сергею от 13 октября 1818 г.: «Я читаю теперь M-me Staël о революции. Пропасть ума и в особенности благородства, и по сему я думаю, что сия книга будет иметь свое действие...» — Декабрист Тургенев. С. 267; о книге г-жи де Сталь и восприятию ее в России см. также: *Вольперт Л. И.* 1) А. С. Пушкин и госпожа де Сталь : К вопросу о политических взглядах Пушкина до 1825 года // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 286—297; 2) Пушкинская Франция. СПб., 2007. С. 377—396). В стихотворении «Наполеон», казалось бы, в традиционную политическую схему Пушкиным было вложено принципиально новое понимание Французской революции, сформировавшееся, по-видимому, в значительной мере под воздействием идей г-жи де Сталь: «Когда, надеждой озаренный, / От рабства пробудился мир...»; «И день великий, неизбежный — / Свободы светлый день вставал...».

Прямо связанной с революционной темой оказывалась и последняя строфа пушкинской оды, о которой в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1821 г. сам Пушкин заметил: «Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года — впрочем, это мой последний либеральный бред...» (Акад. Т. 13. С. 79). Современные политические происшествия на деле свидетельствовали о невозможности восстановления старого порядка. «Возвращение Бурбонского дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии, — показывал П. И. Пестель на следствии, — могу я назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей; ибо начал рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введенных революциею, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против революции и я сам всегда против нее восставал» (Восстание декабристов : Документы и материалы. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 90; см. также: *Парсамов В. С.* Декабристы и Франция. С. 15—16). Реставрация абсолютистских режимов в Испании и итальянских государствах вызвала волну революций: в январе 1820 г. — в Испании, в июле — в Неаполе (см. подробнее в примеч. к стихотворениям «Генералу Пушкину» и «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...») — наст. т., с. 669, 841—843), в марте 1821 г. — в Пьемонте. Если итальянские революции были уже в апреле 1821 г. подавлены австрийскими войсками, то в Испании в марте 1820 г. восстановлена конституция кортесов. В августе—сентябре 1820 г. начались волнения в Португалии, и в июле 1821 г. португальский король Жуан VI, вернувшийся из Бразилии, где королевская семья находилась с момента вторжения Наполеона в 1808 г., присягнул конституции. Около этого времени Пушкин записал в рабочей тетради одну из сентенций М. Ф. Орлова: «O... disoit en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains vous avez fait une sottise en détrônant Napoléon» (O... говорил в 1820: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона — фр.) (ПД 830, л. 40; Акад. Т. 12. С. 304, 486). Ср. также запись в дневнике П. И. Долгорукова от 27 мая 1822 г.: «За столом у наместника Пушкин (...) начал рассуждать о Наполеонове походе, о тогдашних политических переворотах в Европе, и, переходя от одного обстоятельства к другому, вдруг отпустил нам следующий силлогизм: „Прежде народы восставали один против другого, теперь король неаполитанский воюет с народом, прусский воюет с народом, гишпан-

ский — тоже; нетрудно расцель, чья сторона возьмет верх”» (П. в восп. Т. 1. С. 360—361).

При этом, вопреки предостережениям г-жи де Сталь, фигура Наполеона начинала ассоциироваться в политическом сознании эпохи с идеями свободы, чему немало способствовали, с одной стороны, охранительная политика Священного союза, с другой — память о либеральной (если не прямо революционной) политической программе Ста дней (упразднение знати и отмена феодальных титулов, принятие конституции, свободные выборы, свобода прессы, возвращение к революционной символике — трехцветному знамени и национальной кокарде) (см.: Парсамов В. С. Декабристы и Франция. С. 37—40). «Когда он был побежден, низвержен, — писал Ф. Ф. Вигель, — цари и народы возрадовались, в нем одном видя корень зла, причину всех бедствий и потрясений в мире. Они забыли о революции, об оставшейся после него осиротевшей матери, которая хотя более других восставала на него, но не могла не питать к нему нежности и для которой остался он последним упованием при возвращении отчасти старого порядка» (Вигель. Ч. 6. С. 4). «Европа, среди тьмы, в которую ее повергло отсутствие славы и гения, все время устремляет взоры к Св. Елене, как к блистающему маяку», — писал А. Д. Улыбышев в своем «Разговоре Бонапарта с английским путешественником» (Модзалевский Б. Л. К истории «Зеленой лампы». С. 52). «Ода к Наполеону Бонапарту» Байрона 1814 г. еще содержала резкие инвективы в адрес властителя, пережившего свое падение и смирившегося с судьбой, а свобода мира представляла свободой от наполеоновского владычества:

Or trace with thine all idle hand,
In loitering mood upon the sand
That Earth is now as free!

⟨Или в безделье черти своей праздной рукой на песке, что Земля теперь свободна! — *англ.*⟩ (The Works of Lord Byron. Poetry. Vol. 3. P. 311). Во французском переводе («Ode à Napoléon»): «Ou bien, que ta main, devenue oisive, écrive négligemment sur le sable que la terre est aussi libre que la mer...» ⟨Или пусть твоя рука, ныне праздная, небрежно пишет на песке, что земля теперь так же свободна, как море... — *фр.*⟩ (Œuvres complètes de lord Byron. T. 2. P. 309—310). В байроновских стихотворениях 1815—1816 гг. тема получает уже иную трактовку: мир не обрел свободы, свергнув Наполеона, но именно в движении к свободе видит теперь Байрон исторический смысл наполеоновской эпохи. См. в «Прощании Наполеона»:

Farewell to thee, France! when thy diadem crowned me,
I made thee the gem and the wonder of earth, —
But thy weakness decrees I should leave as I found thee,
Decayed in thy glory, and sunk in thy worth.
(. . . . .)
Farewell to thee, France! — but when Liberty rallies
Once more in thy regions, remember me then...

⟨Прощай, Франция! когда я был увенчан твоей короной, я сделал тебя жемчужиной и чудом земли, — но твоя слабость все определила: я должен оставить тебя такой же, какой нашел: в твоей угасающей славе и твоем исчезающем достоинстве. ⟨...⟩ Прощай, Франция! — но когда Свобода возродится в твоих областях, вспомни обо

мне тогда... — *англ.*) (The Works of Lord Byron. Poetry. Vol. 3. P. 428). Во французском переводе (под заглавием: «Прощание Наполеона с Францией» («Adieux de Napoléon à la France»)):

Adieu, France! pendant que ta couronne ornait mon front, je te fis
la perle et la merveille du monde! ta faiblesse l'ordonne: je t'abandonne
comme je t'ai trouvée, déçue de ta gloire et privée de tes vertus. (...) *Adieu, France! mais si la liberté renaît encore une fois sur ton sol...*

⟨Прощай, Франция! в то время, когда твоя корона украшала мое чело, я сделал из тебя жемчужину и чудо мира! Твоя слабость все решила: я оставляю тебя такой же, какой нашел, — утратившей свою славу и забывшей свою доблесть. (...) Прощай, Франция! но если возродится еще раз свобода на твоей земле... — *фр.*⟩ (Œuvres complètes de lord Byron. T. 2. P. 325—326; последняя фраза во французском переводе оборвана).

В стихотворении «О Звезде Почетного легиона»:

Star of the brave! thy ray is pale,
And darkness must again prevail!
But, oh thou Rainbow of the free!
Our tears and blood must flow for thee.
When thy bright promise fades away,
Our life is but a load of clay.

And Freedom hallows with her tread
The silent cities of the dead;
For beautiful in death are they
Who proudly fall in her array;
And soon, oh, Goddess! may we be
For evermore with them or thee!

⟨Звезда храбрых! твой луч бледен, и тьма должна снова восторжествовать! Но ты, о Радуга свободных! Наши слезы и кровь должны течь для тебя. Когда гаснет твой многообещающий свет, наша жизнь становится тяжким грузом. И свобода освящает своей поступью тихие города мертвых; потому что прекрасны в смерти те, кто гордо погибает в ее войске. О богиня, да будем мы скоро с ними или с тобой навеки! — *англ.*⟩ (The Works of Lord Byron. Poetry. Vol. 3. P. 437—438). Во французском переводе (под заглавием: «Ода на Звезду Почетного легиона» («Ode sur l'Étoile de la Légion-d'Honneur»)):

Étoile des braves! tes rayons ont pâli, et les ténèbres vont couvrir
l'univers! mais toi, arc-en-ciel de la liberté, viens faire couler encore
notre sang et nos pleurs: notre vie n'est qu'un poids de fange, depuis
que nous avons vu se dissiper les brillantes espérances que son appari-
tion nous avais données.

Les pas de la liberté sanctifient les villes silencieuses des morts. Le
trépas est glorieux pour les braves qui le reçoivent en combattant sous

ses drapeaux! O Liberté, puissions-nous te revoir bientôt sur la terre,
ou que nos ombres aillent s'unir aux ombres des guerriers qui ne sont
plus!

〈Звезда отважных! твои лучи померкли, и тьма покрывает мир! но ты радуга свободы, мы прольем вновь за тебя кровь и слезы: наша жизнь тонет в грязи с тех пор, как развеялись блестящие надежды, поданные тобой. Шаги свободы освящают молчаливые города мертвых. Смерть славна для храбреца, встречающего ее со знаменем в руке! О Свобода, да увидим мы тебя вскоре вновь на земле, или пусть наши тени сойдут к теням ушедших бойцов! — фр.〉 (Œuvres complètes de lord Byron. Т. 2. P. 315—316).

В «Оде с французского»:

Even in this low world of care
Freedom ne'er shall want an heir;
Millions breathe but to inherit
Her for ever bounding spirit —
When once more her hosts assemble,
Tyrants shall believe and tremble —
Smile they at this idle threat?
Crimson tears will follow yet.

〈Даже в этом низком мире забот свобода не останется без наследника; миллионы живут только для того, чтобы унаследовать ее неиссякающий дух. — Когда еще раз соберется сонм ее воинов, тираны поверят и задрожат. Улыбнутся ли они этой будто бы тщетной угрозе? Кровавые слезы все же прольются. — англ.〉 (The Works of Lord Byron. Poetry. Vol. 3. P. 435). Во французском переводе (под заглавием: «Ода» («Ode»)): «Même dans ce monde de soucis et de lâcheté, la liberté ne manquera jamais d'héritiers. Des milliers d'hommes ne respirent aujourd'hui que pour elle» 〈Даже в этом мире низости и забот всегда найдутся наследники свободы. Миллионы людей дышат сегодня только ею. — фр.〉 (Œuvres complètes de lord Byron. Т. 2. P. 332; последние четыре стиха во французском тексте отсутствуют).

Состоянию посленаполеоновской Европы посвящена строфа XIX третьей песни «Паломничества Чайльд-Гарольда», вышедшей в 1816 г.:

Fit retribution! Gaul may champ the bit
And foam in fetters; — but is Earth more free?
Did nations combat to make *One* submit?
Or league to teach all Kings true Sovereignty?
What! shall reviving Thralldom again be
The patched-up Idol of enlightened days?
Shall we, who struck the Lion down, shall we
Pay the Wolf homage? proffering lowly gaze
And servile knees to Thrones? No! *prove* before ye praise!

〈Достойное возмездие! Пусть галл грызет удила и беснуется в путах, стала ли Земля от того более свободной? Разве народы бились для того, чтобы сломить одного? Или объединились, чтобы научить всех королей истинному единовластию? Как! неужели

оживающее рабство снова станет подштопанным идиолом нашего просвещенного века? Неужели мы, сразившие льва, воздадим почести волку? Предстанем перед тронами с потупленным взором, рабски склонив колени? Нет! *испытай*, прежде чем прославлять!) (The Works of Lord Byron. Poetry. Vol. 2. P. 228). Во французском переводе:

Quelle terrible justice! La France est domptée à son tour, et rugit en mordant le fer qui l'enchaîne. Mais la terre est-elle plus libre? les nations n'ont-elles combattu que pour vaincre un seul homme? Ne se sont-elles liguées que pour apprendre à tous les rois jusqu'où va leur puissance? Eh quoi! l'esclavage sera-t-il de nouveau l'idole de ces siècles de lumière: irons-nous rendre des hommages aux loups après avoir terrassé le lion; irons-nous fléchir humblement le genou devant les trônes, et leur payer le tribut d'une basse admiration? Avant de prodiguer les louanges aux rois, laissons-les nous prouver qu'ils n'en sont pas indignes!

⟨Какой ужасный урок! Франция в свою очередь покорена и рычит, грызя сковавшие ее цепи. Но стала ли земля свободнее? Или нации сражались, чтобы победить одного человека? Не соединились ли они, чтобы показать всем царям границы их власти? Куда там! И что же, рабство станет новым кумиром этих веков просвещения: повергнув льва, мы будем оказывать почтение волкам; униженно преклоним колени пред тронами и заплатим им дань низкого обожания? Прежде чем расточать похвалы царям, дадим им убедить нас, что они их достойны! — *фр.*⟩ (Œuvres complètes de lord Byron. Т. 3. P. 169). Именно на эти стихи Байрона ссылался П. А. Вяземский, размышляя в письме к А. И. Тургеневу от 21 ноября 1820 г. о неаполитанской революции: «Неужели Неаполю готовят участь Польши? Политический разбой! Как не вспомнить Байрона: „К чему праздновать кончину льва, когда пируют нами волки?“» (ОА. Т. 2. С. 105). Некоторые из приведенных выше примеров см.: *Кибальник С. А.* Тема изгнания в поэзии Пушкина // ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 41.

В период работы над стихотворением «Наполеон» Пушкин был постоянным посетителем дома М. Ф. Орлова. «У нас беспрестанно идут шумные споры, — писала Е. Н. Орлова брату А. Н. Раевскому, — философские, политические, литературные и др.; мне слышно их из дальней комнаты. Они заняли бы тебя, потому что у нас немало оригиналов» (*Гершензон М. О.* История молодой России. С. 27). В письме к А. Н. Раевскому от 23 ноября 1821 г. она сообщала: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — *вечный мир аббата Сен-Пьера*. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия. Я хотела бы видеть, как бы ты сцепился с этими спорщиками» (Там же. С. 27—28). Речь идет об одном из наиболее ранних европейских проектов «вечного мира», содержащемся в трактате «Проект установления вечного мира в Европе» («Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe», 1713—1716) французского писателя раннего просвещения Шарля-Ирене Кастела де Сен-Пьера (Castel de Saint-Pierre; 1658—1743), но более известном по его краткому изложению Ж.-Ж. Руссо («Сокращение проекта вечного мира» («Extrait du projet de paix perpétuelle», 1756; издано в 1761 г.), а также о

написанном по этому поводу трактате самого Руссо «Суждение относительно проекта о вечном мире» («*Jugement sur la paix perpétuelle, de M. L'abbé de Saint-Pierre*», 1756; впервые издано после смерти Руссо, в 1782 г.). Обсуждение обоих этих сочинений должно было быть прямо связано с дискуссиями о судьбах посленаполеоновской Европы. Священный союз вполне мог рассматриваться в свете изложенной Сен-Пьером идеи некоей международной организации, созданной на основе союза европейских держав и способной бескровно разрешать конфликты между государствами. Однако современные события актуализировали возражения Руссо: захватнические войны прямо связаны с деспотическим правлением; утопично полагать, что самодержавные правители и их министры будут когда-либо руководствоваться идеей «общего блага»; обеспечить действенную международную организацию может только «принуждение» государей, откуда вытекает оправдание революции как неизбежного средства будущего умиротворения народов (см. подробнее: *Алексеев М. П. Пушкин и проблема «вечного мира» // Алексеев. Пушкин. С. 160—207*). В бумагах Пушкина сохранилась конспективная французская запись, относящаяся к спорам о «вечном мире» (ПД 284; на листе, вырванном из той же тетради ПД 831, в которой Пушкин работал над черновиком «Наполеона»). Обозначив место для цитаты из Руссо, Пушкин заключает его мысль: «Очевидно, что эти ужасные средства, о которых он говорил, — революции. Вот они и настали» (Акад. Т. 12. С. 189, 480). Другой отмеченный Пушкиным пункт спора, достаточно точно изложенный Е. Н. Орловой («Что же до великих страстей и великих военных талантов, то на это всегда будет гильотина, так как обществу мало заботы до восхищения великими комбинациями победоносного генерала...». — Там же), мог иметь в виду как Наполеона, так и выраженные бонапартистские настроения пушкинского оппонента — М. Ф. Орлова (см.: *Парсамов В. С. Декабристы и Франция. С. 266—271, 344—345*).

Когда Пушкин осенью 1823 г. дорабатывал и переписывал в тетрадь ПД 833 «Наполеона», ему еще не было известно стихотворение Ламартина «Бонапарт» («*Bonaparte*»). Стихотворение вошло в состав сборника Ламартина «Новые поэтические размышления» («*Nouvelle Méditations poétiques*»), вышедшего в Париже в конце сентября 1823 г. (см.: *Франц. элегия. С. 652, коммент. В. А. Мильчиной*). В Петербурге «Новые поэтические размышления» стали известны к началу ноября. В письме к П. А. Вяземскому от 6 ноября 1823 г. А. И. Тургенев отозвался о «Бонапарте»: «Ода Мартина на кончину Наполеона превосходна некоторыми строфами и стихами» (ОА. Т. 2. С. 365). 26 ноября 1823 г. было разрешено к печати петербургское стереотипное издание; в конце декабря в Париже сборник вышел вторым изданием. Пушкин познакомился со стихотворением Ламартина в декабре 1823 или в начале 1824 г. (вошедшее в «Новые поэтические размышления» стихотворение «Умиравший поэт» («*Le poète mourant*») цитируется Пушкиным в письме к брату от середины января—начала февраля 1824 г. — см.: *Акад. Т. 13. С. 86*). Оно отозвалось в написанных в сентябре 1824 г. строфах стихотворения «К морю», вошедших в переработанном виде во вторую редакцию «Наполеона» (см. ниже, примеч. к ст. 101, 104—112).

Ст. 17. *Давно ль орлы твои летали...* — Бронзовая фигура имперского орла украшала древка полковых знамен Великой армии Наполеона.

Ст. 35—36. *В его надеждах благородных Ты человечество презрел.* — Презрение к человечеству, отмечавшееся всеми современниками Наполеона и авторами, о нем писавшими, служит доминантой развернутого психологического портре-

та Наполеона в «Десяти годах в изгнании» («Dix années d'exil») г-жи де Сталь. Книга вышла в Париже в июне 1821 г. (см.: Мильчина В. А. Пушкин и книга Жермены де Сталь «Десять лет в изгнании»: Заметки комментатора // ПиС. (Нов. серия). Вып. 4 (43). С. 303—304), и знал ли ее Пушкин к моменту работы над «Наполеоном», неизвестно. Однако значительная часть рассуждений, касающихся личности Наполеона, была практически без изменений перенесена Сталь в «Рассуждения о Французской революции». См., например: «...я различала в его уме глубокую иронию, от которой не ускользает ничто великое и прекрасное, не исключая и его собственной славы; так, он презирал нацию, одобрения которой искал, и ни искры энтузиазма не примешивалось у него к потребности поражать род человеческий» (Stael G. de. *Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française*. Т. 2. Р. 196; с незначительными изменениями эта фраза вошла и в «Десять лет в изгнании»: Сталь Ж. де. *Десять лет в изгнании* / Пер., статьи, коммент. В. А. Мильчиной. М., 2003. С. 56); «...в выражении его лица было нечто неопределенное и равнодушное и его взгляд выражал лишь то, что он всегда любил демонстрировать, — безразличие к судьбе и презрение к людям» (Stael G. de. *Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française*. Т. 2. Р. 255; Сталь Ж. де. *Десять лет в изгнании*. С. 76). Ср., например, в «Европейских письмах» В. К. Кюхельбекера (письмо VII): «Буонапарте, сей необыкновенный человек, счастливый питомец революции, жертва своего честолюбия и презрения к человечеству, является в стенах Рима — новый Одоакр...» (Соревн. 1820. Ч. 9, № 3. С. 279); в послании «Императору Александру» В. А. Жуковского: «И, к человечеству презреньем ополчен, / На первый свой народ ты двинул рабства плен...» (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 368); также у Пушкина в «Некоторых исторических замечаниях» («Заметках по русской истории XVIII века», 1822): «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более чем Наполеон» (Акад. Т. 11. С. 14).

Ст. 59 — 60. *Тильзит!...* (при звуке сем обидном Теперь не побледнеет росс)... — Мирный договор, подписанный в Тильзите 25 июня / 7 июля 1807 г., завершил войну четвертой коалиции (Россия, Пруссия, Англия) 1806—1807 гг. На мирные переговоры Россия была вынуждена согласиться после сражения при Фриланде 2 / 14 июня 1807 г. Между Наполеоном и Александром был заключен союз, после чего произошло резкое изменение внешней политики России: она разорвала отношения с Англией, своим прежним союзником по антифранцузской коалиции, и присоединилась к континентальной блокаде. 23 октября / 4 ноября 1807 г. Россия и Англия были объявлены находящимися в состоянии войны. В России и среди военных, и среди либеральной дворянской молодежи отношение к Тильзитскому миру было резко негативным; он считался событием более постыдным, чем военные поражения под Аустерлицем и Фриландом. «Как бы не обращая никакого внимания на пристрастие своих подданных к союзной с ними дотоле Англии, — вспоминал Ф. Ф. Вигель, — на явную ненависть их к омрачившим их воинскую славу великому французскому полководцу и его победоносному народу, государь во всем обнаружил новую симпатию свою к ним и удивление. Изъявлений всеобщего за то неудовольствия не было возможности не только наказывать, но даже удерживать: ибо от знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до солдата, всё, повинувшись, роптало с негодованием» (Вигель. Записки. Ч. 3. С. 3).

Ст. 69 — 70. *Великодушного пожара Не предузнав...* — За пожаром Москвы 2—6/15—18 сентября 1812 г., уничтожившим значительную часть города, и в

сознании современников, и в исторической памяти народа прочно закрепилось символическое значение акта самопожертвования и национальной гордости. В «Наполеоне» пожар Москвы рассматривается Пушкиным как сознательная жертва (см. эпитет «великодушный»). Ср. «Воспоминания в Царском Селе», где то же событие изображалось как бедствие, взывавшее к отмщению (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 560).

Ст. 75. *Померкни, солнце Австерлица!* — В битве под Аустерлицем 20 ноября / 2 декабря 1805 г. французская армия полностью разгромила соединенные силы союзников — России и Австрии. Наполеон считал Аустерлиц самой замечательной из всех своих побед. Стала легендарной фраза Наполеона в день Бородинского сражения: «Вот оно солнце Аустерлица!». См., например, в изданной анонимно брошюре А. Я. Булгакова: «Настало 26 число августа — тот страшный день, в который должна была решиться участь Европы, а может быть, и целого света. Наполеон истощал все употребляемые им в сих случаях лукавые способы для ободрения и очарования войска своего. При восхождении солнца он воскликнул громогласно: „C'est le soleil d'Austerlitz!“ (Это Аустерлицкое солнце!). Рабы его отвечали все: „Nous en acceptons l'Augure Sire!“ (Приемлем предвещание Вашего Величества!)» (Русские и Наполеон Бонапарте, или Рассмотрение поведения нынешнего обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнании его из древней российской столицы... М., 1813. С. 46—47).

Ст. 79. *Благослови Москву, Россия!* — В копиях распространено чтение: «В Москве не царь, в Москве Россия» (Алм, Заб₂, Отб, Нейш₂, Долг, Тих, Ал, Е, ПЗ, Герб). Данное чтение несомненно отражает авторский вариант (ср. его же в копии Тург и в черновом автографе, см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 268, 264 (ст. 65—72, вариант Б)). Возможно, к этому первоначальному чтению Пушкин вернулся в несохранившемся беловом автографе 1824 г. В Тург стих исправлен другой рукой на: «В Москве наш царь — в Москве Россия». По свидетельству В. П. Горчакова, записанному в 1849 г. С. Д. Полторацким, чтение «В Москве наш царь, в Москве Россия» принадлежит ему (см.: *Эйдельман Н. Я. Южные декабристы и Пушкин: (По новым материалам)* // ВЛ. 1974. № 6. С. 200; то же: *Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы.* М., 1979. С. 39). Можно предположить, что поправка в Тург сделана именно Горчаковым в Кишиневе осенью 1823 г. Мнение Б. В. Томашевского, что вариант: «Благослови Москву, Россия!» возник «едва ли не из цензурных соображений» (Томашевский. Пушкин, I. С. 560), вряд ли может быть принято, поскольку он появился уже в беловом автографе в тетради ПД 833.

Ст. 82. *Схватив железный свой венец...* — Через полгода после того как Наполеон стал императором Франции, он провозгласил создание Итальянского королевства со столицей в Милане. 26 мая 1805 г. Наполеон короновался на итальянский трон в Милане так называемой железной короной Лангобардского королевства. Эта реликвия, хранящаяся в кафедральном соборе в Монде около Милана, согласно легенде, была изготовлена в 593 г. по приказу лангобардской принцессы Теоделинды для коронования ее супруга Агилульфа; ее железный обруч сделан из гвоздя Креста Господня, привезенного из Святой Земли св. Еленой и подаренного Теоделинде папой Григорием Великим. Железной короной короновались лангобардские короли, а затем большая часть германских императоров, начиная с Карла Великого. Миланская коронация, одно из наиболее знаковых событий в жизни Наполеона, была в подробностях известна современникам. См., например, сообщения о ней в

русской печати: «22-го числа церемониймейстер в провожании пятидесяти конных солдат привез в Милан из Монцы железную корону ломбардскую, хранившуюся там в катедральной церкви. (...) Надобно знать, что в старину корона сия употребляема была при короновании римских императоров на Ломбардское королевство; она вся вылита из золота, украшена многими алмазами и имеет внутри железный обруч» (ВЕ. 1805. Ч. 21, № 12. С. 339—340); «...Карл Великий, переименовав Ломбардию королевством Италии, объявил себя королем и приказал миланскому архиепископу венчать себя железною короною» (Там же. Ч. 22, № 13. С. 81); «В двенадцать часов Наполеон вышел из дворца, имея на голове две короны, императорскую и королевскую, а в руках скипетр и державу. (...) Потом Наполеон, подошед к олтарию, принял из рук архиепископа перстень, мантию, меч, скипетр и державу, а железную корону взял собственными руками с олтара и возложил ее на голову, произнося громко следующие достойные примечания слова: *Бог мне дал ее; никто ее не тронь (gare à qui la touche)!* Сняв железную корону, он опять возложил на себя корону Италии» (Там же. С. 82).

Ст. 85. *Бежат Европы ополченья...* — Великая армия Наполеона в 1812 г. только наполовину состояла из собственно французских войск. В ее состав входили войска стран, включенных Наполеоном в состав Французской империи, и стран-сателлитов — Австрии, Пруссии, немецких королевств и княжеств, королевств Италии, Польши, а также набранные путем насильственной мобилизации испанский и португальский легионы.

Ст. 101. *И знойный остров заточенья...* — В 1815 г. Наполеон был сослан на принадлежавший Англии остров Св. Елены в южной части Атлантического океана. Выбор места ссылки определило прежде всего географическое положение острова, удаленного на две тысячи километров от самого близкого берега. См. начало «Бонапарта» Ламартина:

Sur un écueil battu par la vague plaintive,
Le nautonnier de loin voit blanchir sur la rive
Un tombeau près du bord par les flots déposé;
Le temps n'a pas encore bruni l'étroite pierre,
Et sous le vert tissu de la ronce et du lierre
On distingue... un sceptre brisé!

(На краю скалы, о которую с жалобой бьется океан, пловец издалека видит белеющую на берегу гробницу, доступную волнам; узкий камень еще не потемнел от времени, и в гуще зелени плюща и ежевики различим... разбитый скипетр! — фр.) (*Lamartine A. de. Nouvelles Méditations poétiques. St.-Petersbourg, 1824. P. 14; Франц. элегия. С. 410*).

Ст. 104 — 112. *Где, устремив на волны очи ~ В уныньи горьком думал он.* — Ср. в «Бонапарте» Ламартина:

Tel qu'un pasteur debout sur la rive profonde
Voit son ombre de loin se prolonger sur l'onde
Et du fleuve orageux suivre en flottant le cours;
Tel du sommet désert de ta grandeur suprême,
Dans l'ombre du passé te recherchant toi-même,
Tu rappelais tes anciens jours!

Ils passaient devant toi comme des flots sublimes
 Dont l'œil voit sur les mers étinceler les cimes,
 Ton oreille écoutait leur bruit harmonieux!
 Et, d'un reflet de gloire éclairant ton visage,
 Chaque flot t'apportait une brillante image
 Que tu suivais longtemps des yeux!

Là, sur un pont tremblant tu défiais la foudre!
 Là, du désert sacré tu réveillais la poudre!
 Ton coursier frissonnait dans les flots du Jourdain!
 Là, tes pas abaissaient une cime escarpée!
 Là, tu changeais en sceptre une invincible épée!

⟨Подобно тому как пастух, стоя на берегу глубокой реки, видит свою тень, простертую вдаль и колеблемую бурными волнами, так с пустынной вершины своего величия, пытаясь различить себя в тени прошлых лет, ты вспоминал прежние дни! Они проходили перед тобой как величественные волны, блестящие гребни которых видит взор на поверхности моря, ты слушал их стройное звучание! И, освещая твое лицо отблеском славы, каждая волна несла тебе сияющий образ, который ты долго провожал взором! Вот на колеблющемся мосту ты бросаешь вызов молнии! Вот ты возмущаешь прах священной пустыни! Твой скакун охвачен дрожью в водах Иордана! Вот твоя нога попирает крутую вершину! Вот ты меняешь непобедимую шпагу на скипетр! — фр.) (Lamartine A. de. Nouvelles Méditations poétiques. P. 19; Франц. элегия. С. 418).

По мнению Е. Г. Эткинда, Пушкин, подчеркивая человеческие черты Наполеона (томление изгнания, горечь одиночества, любовь к малолетнему сыну), полемизирует с «бесчеловечным» образом, созданным Ламартином (см.: Эткинд Е. Г. Пушкин и Ламартин // РЛ. 1999. № 2. С. 60—61; то же: Эткинд Е. Г. Божественный Глагол : Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 189—190). Скорее, в этих стихах нашли отзвук мнения М. Ф. Орлова: «Наполеон не был кровожаден! Сердце его в дружеских беседах часто открывалось для самых нежных ощущений; он тысячу раз доказывал в продолжение государственной жизни своей, что эта официальная жестокость была не столько природная, как притворная» (Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 21 (Сер. «Литературные памятники»)). Сын Наполеона — Наполеон II (Франсуа Шарль Жозеф Бонапарт, с 1818 г. герцог Рейхштадтский; 1811—1832), от второй жены Наполеона Марии-Луизы Габсбург-Лотарингской (1791—1847), дочери австрийского императора Франца I, был разлучен с отцом в 1814 г. в возрасте трех лет и воспитывался при австрийском дворе.

Ст. 113—116. *Да будет омрачен позором ~ Его развенчанную тень.* — Высказывалось предположение (см.: Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 147—148), что эти строки явились полемическим выпадом против М. Т. Каченовского, поместившего в августовском номере «Вестника Европы» под заглавием «Выписки о Бонапарте» три фрагмента из «Десяти лет в изгнании» г-жи де Сталь, сочинения ярко выраженной антинаполеоновской направленности (в числе переведенных фрагментов, в частности, эпизод убийства герцога Энгиенского). «Не страшимся укоризны в мнимом оскорблении гроба, еще недавно лишь закрытого: в минуту смерти человека, имевшего обширный круг деятельности в

свете, историки его вступают в права свои. Ужас налагал на всех молчание во время могущества тирана — этого и довольно!» — предварял свою публикацию Каченовский (1821. Ч. 119, № 15. С. 203). Неизвестно, впрочем, знал ли Пушкин эту публикацию в момент работы над стихотворением. Вероятнее, здесь общий поэтический ход, продиктованный самой личностью Наполеона и обстоятельствами его смерти в изгнании. Ср. в написанном двумя годами позднее стихотворении Ламартина:

Ne crains pas, cependant, ombre encore inquiète,
Que je vienne outrager ta majesté muette!
Non. La lyre aux tombeaux n'a jamais insulté.
La mort fut de tout temps l'asile de la gloire.
Rien ne doit jusqu'ici poursuivre une mémoire.

⟨Не бойся, однако, беспокойная тень, что я оскорблю твое безмолвное величие! Нет. Лира никогда не оскорбляла гробов. Смерть во все времена была убежищем для славы. Ничто не должно преследовать память за этим пределом. — фр.⟩ (*Lamartine A. de. Nouvelles Méditations poétiques. P. 15; Франц. элегия. С. 412.*)

Другие редакции и варианты

Черновой автограф. *ingrata patria* — Латинский эпитаф, по-видимому, содержит намек на известный рассказ Тита Ливия (59 до н. э.—17 н. э.) о неблагодарности Рима по отношению к герою второй Пунической войны — знаменитому Публию Корнелию Сципиону Африканскому Старшему (ок. 235—ок. 183 до н. э.), победителю Ганнибала при Заме (202 г. до н. э.); рассказ стал хрестоматийным примером неблагодарности отечества по отношению к своему герою. Устранение этого эпитафа из окончательной редакции связано с тем, что тема «неблагодарной Франции», получившая впоследствии столь яркое выражение в стихотворении Лермонтова «Последнее новоселье» (1841) у Пушкина лишь косвенно затронута и уходит в сторону от основной идеи стихотворения «Наполеон», выраженной в его последней строфе (см.: *Боровский Я. М. Необъясненные латинские тексты у Пушкина // Врем. ПК. 1972. Л., 1974. С. 118.*)

ВОЙНА

(«Война!.. Подъяты наконец...»)

(С. 59 и 274)

Автографы:

1) ПД 40 (Ав₁) — белой, с поправками, под текстом дата: «29 ноябр(я) 1821» (исправленная из: «29 окт(ября) 1821») и подпись-монограмма: «АП» (текст на двух сторонах листа, верхняя часть которого оборвана; сохранились ст. 10—20, 30—32). Напечатано: *Анн. Т. 2. С. 311* (помета: «29 ноября 1821» под текстом); *АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 151* (в виде вариантов; публ. П. О. Морозова).

2) Тетр. ПД 833, л. 12—12 об. (Ав₂) — белой, с поправками, с датой под текстом: «1821». Напечатано: *Майков. Материалы. С. 130* (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова).

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), обозначенный как «Элегия IX», с датой у заглавия: «1821», утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 580 (заглавие и первая строка); Майков. Материалы. С. 130 (указания на исправления в ст. 5 (здесь опечатка: ошибочно указан ст. 8) и ст. 26; публ. В. И. Саитова); Томашевский. Новые материалы. С. 852 (варианты ст. 5 и 26, отмеченные П. А. Ефремовым в принадлежавшем ему экземпляре Анн.).

Копия В. Ф. Вяземской в первой записной книжке П. А. Вяземского (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1104, л. 74 об.—75) (Вяз₁) — под заглавием: «Ожидание Войны», с пометой у заглавия рукой П. А. Вяземского: «Александра Пушкина», с ошибками в ст. 11 и 27. Напечатано: *Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848)*. М., 1963. С. 383 (Сер. «Литературные памятники») (в виде краткого описания; публ. В. С. Нечаевой).

Впервые: ПЗ 1823. С. 388—389, под заглавием: «Мечта война», без подписи (подписано астрономом: «**»), с ошибками в ст. 14 («Огни врагов, их чуждое призыванье» вместо: «Огни врагов, их чуждое взыванье»), 23 («Воспоминание и братьев и друзей» вместо: «Воспоминание и брата и друзей»), 26 («Ни грозные труды, ни ропот грозной славы» вместо: «Ни грозные труды, ни ропот гордой славы») и 27 («Ничто не заглушит моих тревожных дум?» вместо: «Ничто не заглушит моих привычных дум?»). Перепечатано (по тексту ПЗ 1823, без подписи): *Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданное Обществом любителей отечественной словесности*. 2-е изд., испр. и умнож. СПб., 1822. Ч. 6. С. 221—222. Вошло в Ст 1826. С. 12—13 (отдел «Элегии», с датой в оглавлении: «1821») и в Ст. 1829. Ч. 1. С. 105—106 (отдел стихотворений 1821 г.), с незначительными пунктуационными отличиями.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 29 ноября 1821 г. по помете в автографе Ав₁. Беловой автограф Ав₂ датируется декабрем (до 26-го) 1821 г. Верхняя граница определяется по времени предшествовавшего ему автографа Ав₁, нижняя граница — по помете «1821 дек(абря) 26» под текстом белового автографа стихотворения «К Овидию» на л. 17. Текст Кап относится к марту (не позднее 14-го) 1825 г.

Стихотворение было послано Пушкиным в Петербург и получило распространение еще до публикации. «„Ожидание войны“ А. Пушкина послал к тебе через брата», — писал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому 24 ноября 1822 г. (ОА. Т. 2. С. 284). К тексту, сообщенному Тургеневым Вяземскому, по-видимому, непосредственно восходит копия Вяз₁. «Читал ли ты новую пьеску Пушкина *К войне?* — спрашивал Н. М. Языков брата А. М. Языкова в письме из Дерпта от 20 декабря 1822 г. — Стихосложение, как всегда, довольно хорошо: зато ни начала, ни середины, ни конца — нечто чрезвычайно романтическое (...). Я читал ее у г-жи Протасовой» (Языковский архив. СПб., 1913. Вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). С. 31—32). В числе произведений, отправленных Пушкиным А. А. Бестужеву для публикации в «Полярной звезде» при письме от 21 июня 1822 г., «Войны» не было (Пушкин послал стихотворения «К Овидию» (автограф ПД 432, под заглавием: «Овидию»), «Гречанке», «Друзьям» и «Увы, зачем она блистает...» (автограф ПД 50; см. в примеч. к стихотворению «Увы, зачем она блистает...» — наст. т., с. 517, 519)). Бестужев, видимо, позднее получил от Пушкина разрешение на публикацию стихотворения, текст которого к

тому времени уже был известен в Петербурге, и напечатал его по не вполне исправной копии. На ошибки в публикации «Полярной звезды» Пушкин указывал в письме к брату от 30 января 1823 г.: «*Мечта война* привела в задумчивость воина, что служит в иностранной коллегии и находится ныне в бессарабской канцелярии. Эта Мечта напечатана с ошибочного списка — призванье вместо взыванье, *тревожных дум*, слово, употребляемое знаменитым Рылеевым, но которое по-русски ничего не значит. *Воспоминание и брата и друзей* стих трогательный, а в „Звезде” просто плоский» (Акад. Т. 13. С. 56).

Стихотворение явилось одним из поэтических откликов Пушкина на греческое восстание, начавшееся в феврале 1821 г. и положившее начало войне греков за независимость от Оттоманской империи. О ходе восстания в 1821 г. см.: *Lesur Ch.-L. Annuaire historique universel pour 1821. Paris, 1822. P. 373—436; Арш Г. Л. Этеристское движение в России : Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 245 и след. Восстание готовилось тайной патриотической организацией «Филики Этерия» (по-греч. «Дружеское общество»), созданной в 1814 г. в Одессе Н. Скуфасом, Э. Ксантосом и А. Цакалофом. В 1820 г. Этерию возглавил князь Александр Ипсиланти (см. о нем в примеч. к стихотворению «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...») — наст. т., с. 840—841). Открытому выступлению греков предшествовали события в Молдавии: 15/27 января внезапно умер молдавский и валахский господарь Александр Суццо, и через несколько дней после его смерти вспыхнуло восстание пандуров (крестьян-ополченцев, несущих пограничную стражу) под предводительством Тудора Владимиреску, поддерживавшего контакты с этеристами. В это же время в руки турецких властей попали тайные документы этеристов, что грозило раскрытием планов восстания и побуждало греков ускорить свое выступление. Военные действия начались в дунайских княжествах. 21 февраля / 5 марта отряд этеристов Василиоса Карависа, перерезав турецкую стражу, овладел Галацем. 22 февраля / 6 марта 1821 г. князь Александр Ипсиланти с братьями Георгием и Николаем пересекли молдавскую границу; на другом берегу Прута к ним присоединилось 200 всадников. Отряд Ипсиланти беспрепятственно вошел в Яссы, где на следующий день была обнародована прокламация о начавшемся восстании. Ипсиланти обратился с письмом к императору Александру, которого призывал оказать ему военную помощь и стать «освободителем Греции» (см.: *Арш Г. Л. Этеристское движение в России. С. 308—309*). 27 февраля / 11 марта в Яссах состоялся торжественный молебен и освящение знамен и меча князя Ипсиланти. Через три дня после этого Ипсиланти выступил из Ясс и двинулся к Бухаресту, который 3 / 15 марта был занят отрядами Владимиреску. Известно черновое письмо Пушкина с рассказом о начале восстания, адресованное, по мнению П. В. Анненкова, «кому-либо из каменных жителей» (т. е. жителей имения Давыдовых Каменка, в котором Пушкин гостил в ноябре 1820—январе и феврале 1821 г.) (см.: *Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 185; в современных изданиях печатается как предположительно адресованное В. Л. Давыдову, см.: Акад. Т. 13. С. 22; также: Письма. Т. 1. С. 224, примеч. Б. Л. Модзалевского; Левкович Я. Л. Три письма Пушкина о греческой революции 1821 года // Врем. ПК. Л., 1987. Вып. 21. С. 16—17*). «Там издал он прокламации, которые быстро разлились повсюду, — писал Пушкин о пребывании Ипсиланти в Яссах, — в них сказано — что Феникс Греции воспрянет из своего пепла, что час гибели для Турции настал и проч. и что Великая держава*

одобряет подвиг великодушный! Греки стали стекаться толпами под его трое знамен, из которых одно трехцветно, на другом развевается крест, обвитый лаврами, с текстом *сим знаменем победиши*, на третьем изображен возрождающийся Феникс. — Я видел письмо одного инсургента — с жаром описывает он обряд освящения знамен и меча князя Ипсиланти — восторг духовенства и народа — и прекрасные минуты Надежды и Свободы...» (Акад. Т. 13. С. 22—23). В Ефр. 1882 (Т. 7. С. 149), Ефр. 1887 (Т. 7. С. 133); Мор. 1887 (Т. 7. С. 18), Мор. 1903—06 (Т. 8. С. 15) письмо датировано мартом—апрелем 1821 г.; В. И. Саитов (Переписка П. Т. 1. С. 24) датировал его мартом; Б. Л. Модзалевский (Письма. Т. 1. С. 19) — маем; Д. Д. Благой (Акад. Т. 13. С. 22) — первой половиной марта. По содержанию («(И)звестие о возмуш(ении) (пора)зило К(онста)нтинополь. Ожидают уж(асов, но)(?) еще их нет»; «Ипсиланти идет на соединение с Владимирско» — Акад. Т. 13. С. 23) письмо следует отнести к марту. В конце марта началось восстание в Морее (южный Пелопоннес), быстро распространившееся на часть континентальной Греции, Крит, Кипр и некоторые другие острова Эгейского моря.

Несмотря на имеющуюся в первом беловом автографе Ав₁ помету под текстом: «29 ноябр(я) 1821» датировка стихотворения вызывала разногласия. Л. Н. Майков считал, что «Война» написана Пушкиным в марте 1821 г. по случаю обряда освящения знамен в Яссах (см.: *Майков Л. Н.* Пушкин : Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 119—120; Майков упустил из виду автограф Ав₁, находившийся при этом в его собрании, и считал указание П. В. Анненкова на дату в рукописи ошибочным). Во всех изданиях, начиная с Венг. до Асад. в 6 т. включительно, принималась дата Ав₁ — 29 ноября 1821 г. Однако в Акад. М. А. Цявловский вновь связал стихотворение с началом восстания Ипсиланти, предположительно отнеся его ко времени между 7 и 31 марта. В помете в Ав₁ Цявловский видел только указание на дату переделки текста (см.: Акад. Т. 2. С. 1088; *Летопись*. С. 283, 317). Возможно, на решение Цявловского отчасти повлияла и позиция В. И. Селинова, считавшего, что стихотворение вызвано не слухами о возможной войне с Турцией, а определенными настроениями Пушкина весны 1821 г., его мечтой присоединиться к этеристам (см.: *Селинов В. И.* Пушкин и греческое восстание : (Опыт исторического комментария к филэллинистическим пьесам Пушкина) // Пушкин : Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 5—14). Думается все же, что для пересмотра датировки стихотворения в соответствии с авторской пометой в Ав₁ нет никаких оснований.

Пушкину не был совершенно чужд филэллинизм, охвативший в эти месяцы большую часть русского общества. См., например, его дневниковую запись от 2 апреля: «Вечер провел у Н. Г. — прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек — все отчаялись в успехе предприятия *Этери*. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Еллады законным наследникам Гомера и Фемистокла» (Акад. Т. 12. С. 302; позднее в Москве даже распространились слухи, что Пушкин «ускользнул к грекам», см. письмо М. П. Погодина к В. Д. Корнильеву от 11 августа 1821 г. — *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 109). Следует, однако, принять во внимание мнение одного из ближайших приятелей Пушкина В. П. Горчакова, как раз в начале греческого восстания, в первых числах марта вернувшегося из Москвы в Кишинев и с Пушкиным непрерывно общавшегося: «Развитие Ипсиланти знамя и движение греков нисколько не воспламенили Пушкина, и вначале ни один из поэтических его звуков не был посвящен делу

греков; может быть, потому, что первоначальные действия самого Ипсилантия, несмотря на всю важность неожиданных последствий, не имели в себе ничего уважительного: Ипсилантий в Яссах и в окрестностях предался вполне обычным веселостям, окружил себя одним блеском власти, не утвердив ее силы» (П. в восп. Т. 1. С. 262).

Более вероятным все-таки кажется связывать пушкинское стихотворение с ожиданием именно русско-турецкой войны. Мнение, что при любом обострении греко-турецких отношений Россия должна будет выступить естественным союзником и помощником греков, существовало в русском обществе задолго до начала восстания. Так, М. Ф. Орлов, только что назначенный командиром 16-й пехотной дивизии в Кишиневе, комментировал в письме к А. Н. Раевскому от 27—29 июня 1820 г. дошедшие до него слухи о конфликте янинского Али-паши с султаном Махмудом II: «В Турции также беспокойно. Янинский Али-паша на 80-м году своей жизни, говорят, принял веру христианскую и грозит туркам освобождением Греции. Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить» (Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 225 (Сер. «Литературные памятники»)). Сам А. Ипсиланти, хотя восстание готовилось в строгой тайне от русских властей, в своих письмах и прокламациях намеренно давал понять, что рассчитывает на обещанную ему помощь «великой державы» (см.: Арш Г. Л. Этеристское движение в России. С. 289—290, 305). Тем не менее в марте возможность военного участия России в греко-турецком конфликте оставалась еще достаточно неопределенной. Пушкин в цитированном выше письме к В. Л. Давыдову (?) задавался вопросом, «что станет делать Россия»: «...зайдем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов?» (Акад. Т. 13. С. 24). См. также в письме А. Я. Булгакова к брату К. Я. Булгакову от 15 марта из Москвы: «Ужели отдадим на жертву бедных греков? Это не неапольская история, это не интрига четырех мошенников, но порыв целого народа угнетенного. И негров защищают все державы, разве греки хуже негров?» (РА. 1901. Т. 1, № 1. С. 63; здесь с датой «25 марта», что является, по-видимому, опечаткой, так как далее следуют письма от 17, 18, 21 и т. д. марта; см. также: Селинов В. И. Пушкин и греческое восстание. С. 8—9). В апреле все разговоры о войне на Дунае вообще должны были прекратиться, поскольку Россия официально заявила о своем невмешательстве в греческие дела. 28 марта/9 апреля (войска Ипсиланти в это время подошли к Бухаресту) русский консул в Яссах выступил с официальным заявлением, в котором Ипсиланти приказывалось немедленно вернуться в границы России. 6/18 апреля находившийся на конгрессе Священного союза в Лайбахе Александр I исключил А. Ипсиланти из русской службы, осудил восстание как «действие исступления, которым ознаменовано нынешнее время, неопытности и легкомыслия сего молодого человека», «позорную и преступную акцию» и заявил, что Россия не окажет восставшим ни малейшей помощи, о чем довел и до сведения султана через русского посланника в Константинополе барона Г. А. Строганова. Русский император подчеркивал, что «имеет одну цель и одно желание: поддержание и строгое исполнение существующих между обеими державами трактатов». Армии Витгенштейна на русско-молдавской границе было приказано хранить строжайший нейтралитет (см.: РИ. 1821. № 80, 6 апр.; СО. 1821. Ч. 69, № 15 (9 апр.). С. 50—51; Арш Г. Л. Этеристское движение в России. С. 309—314). Возможно, именно отношение русских властей к этерии дало

повод к каким-то критическим замечаниям Пушкина. В одном из донесений агента тайной полиции (предположительно между 28 марта и 5 апреля) говорилось: «Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство» (см.: РС. 1883. № 12. С. 657; Летопись 1999. Т. 1. С. 239, 499). В эти месяцы речь вообще шла о другой войне, не вызывавшей в обществе никакого энтузиазма: участия русской армии в союзе с австрийцами в подавлении революций в Неаполе и Пьемонте. 10/22 марта из Лайбаха граф М. А. Милорадович отдал приказ о выступлении армии и гвардии из Петербурга (см.: *Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I : Опыт исторического исследования.* СПб., 1912. Т. 2. С. 352), одновременно были приведены в движение и отдельные части 2-й армии. 15 апреля Н. И. Тургенев писал из Петербурга брату Сергею, находившемуся в составе русской миссии в Константинополе, что греческими делами «мало публика занимается, как потому, что не ожидают ничего слишком важного, так и потому, что внимание всех устремлено теперь на Лайбах, на Италию и на движение наших войск» (*Декабрист Тургенев.* С. 333; см. также в его письме от 1 мая: «О движениях нашей армии известно здесь, что 1-я армия получила приказание остаться по-прежнему на мирном положении. Гвардия же продолжает выступать отсюда к Витебску и Могилеву. Один или два корпуса второй армии идут, как видно из австрийских газет, через Венгрию в Италию». — Там же. С. 336). О настроениях в гвардии перед итальянским походом см. в донесении командира гвардейского корпуса И. В. Васильчикова начальнику Главного штаба князю П. М. Волконскому (*Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование.* 2-е изд. СПб., 1905. Т. 4. С. 192—194).

Ситуация изменилась в последующие месяцы. Восстание в Море положило в Турции начало жестоким репрессиям против греческого населения, которые в первую очередь обрушились на фанариотов (греческая элита, селившаяся в квартале Фанар в Константинополе) и православное духовенство. 10/22 апреля, в первый день Пасхи, турками был казнен константинопольский патриарх Григорий V. За этим последовали казни других церковных иерархов, началось массовое разрушение церквей. Глава Коллегии иностранных дел граф И. А. Каподистрия писал 15/27 апреля 1821 г. А. С. Стурдзе о русской политике нейтралитета: «По-моему, мы уже переступили эту черту, так как поддерживаем Порту в тех репрессивных мерах, которые она предприняла против константинопольской церкви» (цит. по: *Ари Г. Л. Этеристское движение в России.* С. 329). В мае турки в нарушение Кайнарджийского (1774) и Бухарестского (1812) договоров, и несмотря на протесты русского посла, ввели войска в Дунайские княжества и начали задерживать русские суда в проливах. Весь июнь продолжались массовые убийства греческого населения в Смирне и в Константинополе. Русский посол барон Г. А. Строганов 29 мая/10 июня был вынужден переехать из Константинополя в более безопасный загородный дом русской миссии в Буюкдере, откуда обратился ко всем русским негодьям с призывом как можно скорее прекратить свои дела и покинуть Турцию. С конца мая в русской печати начали появляться известия о турецких расправах с христианским населением (см., например: РИ. 1821. № 118, 25 мая; № 133, 11 июня; № 136, 15 июня; СО. 1821. Ч. 70, № 25 (18 июня). С. 235—236; Ч. 71, № 30 (22 июля). С. 183). 19 июня в Одессе состоялись торжественные похороны патриарха Григория, тело которого было выкуплено греками и доставлено на корабле под российским флагом. Общее мнение, недовольное очевидным давлением венского кабинета на политику России в отношении Греции, стало склоняться в пользу войны с

Турцией. «У вас продолжают злодействовать, пишешь ты. Я не знаю, зачем европейские министры смотрят на все это, — замечал Н. И. Тургенев 30 мая в письме к брату Сергею. — Что теперь могут сделать переговоры дипломатические? А в таком случае и дипломатам лучше бы удалиться» (Декабрист Тургенев. С. 339). Через месяц, в письме к брату от 30 июня, он говорит о «слухах о войне, которая кажется быть у нас популярною» (Там же. С. 343). «Ну только туркам несдобровать, — писал А. Я. Булгаков брату К. Я. Булгакову 2 июля из Москвы. — Они дошалаются до чего-нибудь. Сколь ни убеждены все государи блаженством наслаждаться миром, но нужда заставит взять оружие. Кроме других причин, религия то велит» (РА. 1901. Т. 1, № 2. С. 270).

«Этой войны тогда несколько раз ожидали», — замечал впоследствии П. И. Бартенев (Бартенев. П. в южной России. С. 98; то же: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 187). Первый период напряженного ожидания войны пришелся на июль—середину августа 1821 г. К этому времени восстание набирало силу на островах и в континентальной Греции, но в Дунайских княжествах после поражения этеристов 7/19 июня у Драгошан и 17/29 июня в сражении при Скулянах его можно было считать завершенным. А. Ф. Вельтман в своих воспоминаниях относил «общий голос, что война с турками неизбежна», ко времени после «скулянского дела» (П. в восп. Т. 1. С. 274). 6/18 июля русский посланник в Константинополе барон Г. А. Строганов вручил султанскому правительству ноту с требованием прекратить преследование христианской религии, восстановить свободу судоходства в проливах и вывести войска из Дунайских княжеств. В донесении французского посла в Петербурге графа де Ла Ферронне от 10/22 июля о войне говорилось как о деле решенном (см.: *Вел. кн. Николай Михайлович.* Император Александр I. Т. 2. С. 369—370; см. также донесение от 19/31 июля. — Там же. С. 375—377). 17/29 июля Строганов, не получив на свой ультиматум удовлетворительного ответа, объявил о разрыве дипломатических отношений между Россией и Турцией, и спустя два дня русское посольство покинуло Константинополь (см.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. С. 329—330). А. И. Тургенев, сообщая П. А. Вяземскому 12 августа о благополучном прибытии в Одессу своего брата Сергея и всей константинопольской миссии, замечал: «Ожидают войны...» (ОА. Т. 2. С. 198). Пушкин, 7 мая еще просивший А. И. Тургенева выхлопотать ему хотя бы краткую поездку в Петербург, 21 августа, приветствуя С. И. Тургенева с возвращением в Одессу, пишет: «...но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии» (Акад. Т. 13. С. 32).

К концу августа эти затянувшиеся ожидания стали несколько ослабевать. Усилиями европейской дипломатии, в первую очередь английского посла в Константинополе виконта Стрэнгфорда, от турецкой стороны удалось добиться выполнения ряда требований русского ультиматума, в частности, снятия эмбарго с русских судов и некоторого контроля за ситуацией в турецкой столице. 23 августа Н. И. Тургенев отмечал в дневнике: «О войне не слышно, но вряд ли избежать ее» (АбТ. Вып. 5. С. 279). Следующий период напряжения пришелся на конец октября—декабрь 1821 г. 7/19 октября в Константинополе была получена новая русская нота, в которой повторялись основные требования предыдущей. Вместе с тем Александр I обратился со своего рода дипломатическим циркулярным письмом к европейским державам. В письме указывалось, что Россия имеет все основания силой принудить Турцию к выполнению поставленных условий. Тем не менее русский император готов был пожертвовать своими интересами ради общего спокойствия Европы, если евро-

пейские державы проявят большую политическую активность, со своей стороны добиваясь от Турции гарантий безопасности христианского населения, терпимости к православной церкви и выполнения существующих русско-турецких договоров. На новую ноту петербургского кабинета турецкие власти не реагировали более месяца (официальный ответ, не удовлетворявший вполне ни одному ее пункту, был передан английскому послу для отправления в Петербург только 28 ноября/10 декабря). Но в октябре состоялись новые казни — захваченных в Валахии инсургентов и очередных фанариотов, обвиненных в измене. В числе последних 13/25 октября был обезглавлен Скарлат Каллимаки, валахский господарь, сменивший умершего в январе Александра Суццо; казнен был и его брат Янко Каллимаки. «Бедные греки! Опять кровь потекла! — писал А. Я. Булгаков брату 2 декабря из Москвы. — Но снятие Каллимакиевой головы может иметь дурные последствия. Это довольно противно трактатам с нами» (РА. 1901. Т. 1, № 2. С. 302). 25 ноября М. Ф. Орлов в завершение письма к П. А. Вяземскому сообщал: «У нас все на военной ноге, а за границей на разбойничьей. Когда позволят зарядить ружья, не знаю, а, кажется, время приближается, где после семилетнего спокойствия начнется час испытания военного» (Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. С. 236). Как видно из писем Е. Н. Орловой к брату А. Н. Раевскому (см. примеч. к стихотворению «Наполеон» — наст. т., с. 653), в ноябре Пушкин постоянно бывал в доме М. Ф. Орлова, где, несомненно, велись разговоры о военных приготовлениях.

Ст. 2 — 3. *Шумят знамена бранной чести! Увижу кровь, увижу праздник мести...* — Здесь устойчивая в поэзии XVIII в. рифма *честь / мечь*, характерная, в частности, для текстов батальной тематики. Наиболее актуальным прецедентом для Пушкина, вероятно, является широкая эксплуатация данной рифмопары в поэзии 1812 г. Ср. у В. А. Жуковского в «Песни русскому царю от его воинов» (1815): «В отчизну с поля бранной чести / Его мы славу принесли! / Се гром, Его свершитель мести! / Се знамена еще в пыли» (СО. 1815. Ч. 26, № 48. С. 95; см. также: Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 25); в «Певце в Кремле» (1814—1816): «Он в дым Москвы себя облек, / И знаменем мести, / Как пред Израилем, потек / Перед полками чести»; «За твердое презренье бед; / За благодать в правой мести; / За кротость на вершине побед / И верность царской чести»; «Благословляем ваш возврат / В отчизну с поля чести! / Святое титло верных чад / Ценой кровавой мести / Ценою ран купили вы...» (Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 38, 41, 43); в «Стихах, петых на празднестве английского посла лорда Каткарта...» (1816): «И честь тому — кто, верный чести, / Свободе меч свой посвятил, / Кто в грозную минуту мести / Лишь благодатью отмстил» (Там же. С. 29); у К. Н. Батюшкова в послании «К Дашкову» (1813): «Нет, нет! пока на поле чести / За древний град моих отцов / Не понесу я в жертву мести / И жизнь, и к родине любовь...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 88).

Ст. 19. *Венок ли мне двойной достанется на часть...* — Двойной венок — двойная награда, здесь: признание боевой и одновременно поэтической славы. Ср. в стихотворении «Княгине Э. А. Волконской» («Среди рассеянной Москвы...») (1827): «Царица муз и красоты, / ... И над задумчивым челом, / Двойным увенчанным венком, / И вьется и пылает гений» (Акад. Т. 3. С. 54).

ГЕНЕРАЛУ ПУЩИНУ

(«В дыму, в крови, сквозь тучи стрел...»)

(С. 60 и 276)

Автограф (ПД 47) — черновой карандашный набросок, на обороте листа с французским текстом. Бумага № 106 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 317). После заполнения лицевой части, лист был сложен в несколько раз и уже в сложенном виде использован для записи чернового наброска. Напечатано: АН. 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 480 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова).

Копия Ф. В. Анненкова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 70), с примечанием к ст. 7: «Он (П. С. Пушкин. — *Ред.*) был председателем масонской ложи в Кишиневе» и припиской рукой П. В. Анненкова (?): «Стихи написаны экспромтом». Напечатано: *Анненков П. В.* Пушкин в Александровскую эпоху // ВЕ. 1874. № 1. С. 40 (ст. 5—12); *Срезневский В. И.* Пушкинская коллекция, принесенная в дар Академии наук А. А. Майковой // ПиС. СПб., 1906. Вып. 4. С. 37 (ст. 1); АН 1900—29. Т. 3. С. 38 (полностью; публ. В. Е. Якушкина).

Впервые: ВЕ. 1874. № 1. С. 40 (ст. 5—12); полностью впервые: АН 1900—29. Т. 3. С. 38.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по копии Ф. В. Анненкова.

Датируется предположительно концом ноября—декабром 1821 г. (см. ниже).

Стихотворение обращено к Павлу Сергеевичу Пушкину (1789—1865), участнику войны 1812 г. и заграничных походов, с мая 1818 г. — генерал-майору, командиру 2-й бригады 16-й дивизии (М. Ф. Орлова), члену Союза благоденствия, основателю и руководителю масонской ложи «Овидий» в Кишиневе. В «Биографическом известии об А. С. Пушкине до 1826 года» Л. С. Пушкин писал, что в Кишиневе «Пушкин коротко сошелся с генералами Орловым и Пушциным и проводил с ними большую часть времени» (П. в восп. Т. 1. С. 62). П. С. Пуштин упоминается в числе самых близких кишиневских знакомых поэта и другими мемуаристами. «Обязательное обращение Павла Сергеевича Пуштина, — писал В. П. Горчаков, — его образованный ум и постоянная любезность в коротком обществе невольно сближали с ним многих (...). Пушкин, как знакомый, нередко навещал Павла Сергеевича...» (Там же. С. 261). См. также запись в дневнике П. И. Долгорукова, сделанную после отъезда Пуштина из Кишинева: «Пушкин в бытность Орлова и Пуштина почти вовсе не ходил к Инзову. Теперь редкий день у него не обедает» (Там же. С. 359). И. П. Липранди, напротив, указывал, что Пушкин «не так был близок» с Пушциным и «неоднократно подсмеивался над ним» (Там же. С. 301). «4 мая был я принят в масоны», — записал Пушкин в своем кишиневском дневнике 1821 г. Этот акт был чистой условностью, так как ложа «Овидий» была официально организована только 7 июля 1821 г. (17 сентября занесена в списки петербургской верховной ложи «Астрея»). Ложа просуществовала недолго. Уже в ноябре правительство обратило внимание на ее деятельность (см. подробнее: *Кульман Н. К.* К истории масонства в России: Кишиневская ложа «Овидий» // ЖМНП. 1907. № 10. С. 343—373; *Фомичев С. А.* Масоны // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2005. Т. 2: Л—Я. С. 38—46). 9 декабря Пуштин закрыл ложу и

решил воспользоваться предоставленным ему еще в феврале 1821 г. заграничным отпуском для лечения. Однако в это время началось следствие по делу о беспорядках в 16-й дивизии. 6 февраля 1822 г. был арестован В. Ф. Раевский, М. Ф. Орлов с февраля фактически отстранен от командования дивизией, а Пушкин вместо отпуска 28 марта 1822 г. был уволен в отставку личным распоряжением Александра I. В последних числах мая или в июне того же года он переселился в Одессу, перед отъездом подарив вместе с Н. С. Алексеевым Пушкину три тетради, предназначавшиеся для приходно-расходных записей логи «Овидий» (рабочие тетради Пушкина ПД 834—836) (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 284). О П. С. Пушкине и о его позднейшем общении с Пушкиным см.: *Бортневский В. Г. Декабрист П. С. Пушкин и его дневник // Дневник Павла Пушкина (1812—1814). Л., 1987. С. 5—25; Бортневский В. Г., Анисимов В. Е. Новые материалы о П. С. Пушкине // Врем. ПК. Л., 1989. Вып. 23. С. 157—161.*

Стихотворение непосредственно связано с ожиданиями войны с Турцией и, по всей видимости, близко по времени написания к стихотворению «Война», в первом беловом автографе датированному 29 ноября 1821 г. (о датировке стихотворения «Война» см. также в примеч. к нему — наст. т., с. 660—666). Вряд ли оно могло быть написано позднее декабря 1821 г., когда П. С. Пушкин подал просьбу об отпуске.

Бумага № 106 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского в рукописях Пушкина встречается пять раз. Кроме ПД 47 на ней написаны автографы: ПД 1066 — «Note sur la révolution d'Ipsylanti» («Заметка о революции Ипсиланти». — *фр.*), датируемая декабрем 1821—февралем 1822 г. (см.: *Рукоп. П. 1964. С. 34*); ПД 886 — первый беловой автограф стихотворения «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...»), датируемый 16 февраля 1822 г. (см. наст. т., с. 699—700); ПД 45 — стихотворение «Наперсница волшебной старины...» и ПД 48 — стихотворение «Недавно я в часы свободы...» (бумага последних двух автографов по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского числится как № 97, однако в распоряжении исследователей при составлении описания были только автографы ПД 47, ПД 45 и ПД 48, написанные на фрагментах листов; сравнение пяти автографов — ПД 47, ПД 1066, ПД 886, ПД 45 и ПД 48 — позволяет считать, что бумаги № 106 и 97 представляют один сорт). Французский текст, на обороте которого записаны карандашом наброски послания П. С. Пушкину, был впервые напечатан П. В. Анненковым в русском переводе как «часть чернового пространного письма к какому-то дальнему приятелю о греческом движении в княжествах и его героях», написанного Пушкиным из Одессы в 1823 г. (см.: *Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 203*). В Ефр. 1882 (Т. 7. С. 152—153, 460) вошел как письмо 1823 г., адресованное предположительно А. Н. или Н. Н. Раевскому. В последующих изданиях печатался как письмо к А. Н. Раевскому (?) 1823—1824 гг. (в Венг. (Т. 5. С. 526) П. О. Морозов датировал его июнем 1824 г.; та же дата в изд.: *Переписка П. Т. 1. С. 112—113*). В Акад. указанный французский текст также помещен в корпусе писем. Здесь Д. Д. Благим было принято предположение Н. О. Лернера (РС. 1909. № 4. С. 201), что адресатом письма является В. Л. Давыдов, а само письмо датировано июнем 1823—июлем 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 105). Позднее Я. Л. Левкович, вернувшись к атрибуции текста на лицевой стороне листа ПД 47 как письма к А. Н. Раевскому, предложила датировать его 1821—1823 гг. (см.: *Левкович Я. Л. Три письма Пушкина о греческой революции 1821 года // Врем. ПК. Л., 1987. Вып. 21. С. 23*). Следует отметить, однако,

что датировка этого текста временем позднее конца 1821 г. вообще исключена, поскольку он явно был написан раньше набросков послания к Пушкину на обороте листа. Кроме того, рассматриваемая французская запись не несет никаких очевидных признаков эпистолярного текста. Убедительным представляется предположение Т. И. Левичевой, соотнесшей ее с пушкинской «*Note sur la révolution d'Ipsilanti*» (Акад. Т. 12. С. 190—191). Оба текста, записанные на одной и той же бумаге и посвященные одной и той же теме, должны быть близки как по жанру, так и по времени возникновения (см.: Левичева Т. И. К заметкам Пушкина о греческой революции // Врем. ПК. Вып. 23. С. 109—111).

Строфически послание ориентировано на «Певца во стане русских воинов» (1812) В. А. Жуковского: 12 строк, чередование четырех- и трехстопного ямба. Перифразой стихов «Певца...» является и первая строка послания. Ср. у Жуковского: «И мчит грозу ударов / Сквозь дым и огонь, по грудам тел, / В среду врагов Кайсаров» (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 234).

Ст. 4. *Грядущий наш Квируга!* — Имеется в виду Антонио Кирога (Quiroga; 1784—1841) — испанский генерал и политический деятель, участник национальной войны против Наполеона (1808—1813), один из главных деятелей испанской революции 1820—1823 гг. После реставрации абсолютистской монархии Фердинанда VII, в 1815 г., был арестован по делу о республиканском заговоре генерала Хуана Диаса Порлье (Porlier; 1788—1815), предан суду военного трибунала, но оправдан. Вновь арестован и заключен в монастырь в 1819 г. по подозрению в участии в конституционалистском заговоре офицеров экспедиционного корпуса в Кадисе. Из заключения продолжал руководить заговором. Когда 20 декабря 1819/1 января 1820 г. расквартированный в Лас-Кабесас-де-Сан-Хуан в провинции Севилья второй Астурийский батальон под командованием Рафаэля дель Риго (Riego y Núñez; 1785—1823) поднял вооруженное восстание и двинулся на Аркос, Кирога вышел из монастыря, возглавил предназначавшиеся ему войска и захватил Исла-де-Леон (Сан-Фернандо). Избранный восставшими офицерами командующим революционной армией, он обратился 24 декабря 1819 / 5 января 1820 г. с воззванием к солдатам и заявлением о создании временного правительства. Возмущение вышло за пределы Андалузии и быстро начало распространяться на другие области Испании. Начавшиеся волнения в Мадриде побудили Фердинанда VII объявить 23 февраля / 6 марта о немедленном созыве кортесов, а 24 февраля / 7 марта восстановить конституцию 1812 г. Были освобождены политические заключенные; 28 февраля / 11 марта объявлена свобода прессы и запрещена инквизиция (о ходе испанской революции см. подробнее: *Lesur Ch.-L. Annuaire historique universel pour 1820. Paris, 1821. P. 386—416*). Кирога был избран депутатом кортесов, начавших работу с июля 1820 г. Впоследствии, в 1823 г., во время французского вторжения командовал батальоном, защищавшим Ла-Корунью. После поражения революции эмигрировал в Англию и вернулся в Испанию в 1833 г. по амнистии королевы Изабеллы.

Ст. 7. *Ты молоток возьмешь во длань...* — Деревянный молоток — предмет масонской обрядности, атрибут мастера логи.

К ОВИДИЮ

(«Овидий, я живу близ тихих берегов..»)

(С. 61 и 277)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 67 об., 53—56 — черновой. Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 154—156 (в виде вариантов; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 833, л. 14 об.—17 — белой, с поправками, под заглавием: «Овидию», с датой под текстом: «1821 / дек(абря) 26», с примечаниями к заглавию и к ст. 45. Напечатано: Анн. Т. 2. С. 315 (указание на примечание к заглавию, примечание к ст. 45, дата под текстом); Майков. Материалы. С. 135 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

3) Тетр. ПД 832, л. 17 — белой, под заглавием: «Овидию», с поправкой в ст. 99—101. Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 154 (в виде вариантов; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

4) ПД 41 — белой, посланный А. А. Бестужеву при письме от 21 июня 1822 г., по которому была сделана первая публикация стихотворения (см. ниже), с подписью под текстом: «**». Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 157 (варианты ст. 24 и 46; публ. П. О. Морозова).

5) Поправка к ст. 23—25 в письме к Л. С. Пушкину от 4 сентября 1822 г. (ПД 1261, л. 18 об.). Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 188. Воспроизведение: Левичева. С. 243.

Копия на листах из тетради неустановленного происхождения (Неизв) — под заглавием: «Овидию», с жанровым обозначением перед заглавием: «Элегия»; с опиской в ст. 6: «Еще твоей молбой наполнен сей предел» (т. е. «мольбой» или «молвой»), с искажениями в ст. 11, 51 и 65 и пропуском ст. 23 и 92. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 727 (публ. М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

Копия, бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина, по которой им был напечатан первоначальный вариант двух заключительных стихов (см.: БЗ. 1858. Т. 1, № 11. Стб. 342), неизвестна.

Впервые: ПЗ 1823. С. 81—84, под заглавием: «Овидию», без подписи (подписано астрономом: «**»). Вошло в Ст 1826. С. 39—43 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1821»), с потерей строфического деления между ст. 84 и 85 и в Ст 1829. Ч. 1. С. 112—117 (отдел стихотворений 1821 г.), с потерей строфического деления между ст. 84 и 85. Перепечатано: Русская стихотворная хрестоматия / Собр. Васильем Золотовым. М., 1829. Ч. 2. С. 296—299 (по тексту Ст 1826); Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах / Сост. И. Пенинский. СПб., 1834. Ч. 2. С. 517—520.

Печатается по Ст 1829, с восстановлением строфического деления по беловым автографам и публикации ПЗ.

Датируется 26 декабря 1821 г. в соответствии с датой под текстом белого автографа в тетради ПД 833.

На юге происходит существенная переоценка Пушкиным творчества Публия Овидия Назона (Publius Ovidius Naso; 43 до н. э.—17 н. э.), римского поэта «золотого века», автора сборника любовных элегий («Amores»), «Героид» («Heroides»),

послания от мифологических героинь к покинувшим их мужьям и возлюбленным), поэм «Наука любви» («*Ars amatoria*», «*Ars amandi*») и «Метаморфозы» («*Metamorphoses*»), высланного императором Августом в 8 г. н. э. на далекую окраину античного мира — в город Томы на западном берегу Черного моря и умершего в ссылке. В лицейские и первые послелицейские годы Овидий воспринимался Пушкиным в первую очередь как любовный поэт. Написанные им в ссылке книга элегий «Скорби» («Скорбные элегии», «*Tristia*») и сборник посланий «Письма с Понта» («*Epistulae ex Ponto*») пушкинского внимания не привлекали, отчасти, вероятно, в силу достаточно распространенного взгляда на них как на произведения, не отличающиеся ни высоким художественным достоинством, ни благородством мысли. См., например, в «Лицее» Ж.-Ф. де Лагарпа упреки Овидию в низкопоклонстве перед Августом («*basse idolâtrie*»), в «постоянной утомительной лести» («*l'excès continué et fatigant de ses flatteries*») в адрес своего гонителя, которые не извиняются несчастными обстоятельствами, поскольку «ничто не обязывает человека к низости» («*rien n'oblige d'être vil*»), и оценку «Тристий» как произведения весьма посредственного, в котором однообразие темы сочетается с однообразием выражения и мысль преобладает над чувством (Laharpe. Lycée. Т. 2. Р. 193). Резко отрицательно отзывался о поведении Овидия в изгнании П. Е. Георгиевский в своих лицейских лекциях (см.: Красный архив. 1937. Т. 1. С. 159). См. также в хорошо знакомой Пушкину «Обители» («*La Chartreuse*», 1735) Ж.-Б.-Л. Грессе (Gresset; 1709—1777), цитировавшейся, кстати, и Лагарпом:

Je cesse d'estimer Ovide
Quand il vient sur de faibles tons
Me chanter, pleureur insipide,
De longues lamentations...

⟨Я перестаю ценить Овидия, когда он, ничтожный плакальщик, принимается петь мне вялым слогом свои длинные жалобы... — фр.⟩ (Gresset J.-B.-L. Œuvres. Paris, 1811. Т. 1. Р. 47). Упоминание Овидия в лицейском послании «К Б(атюшк)ову» (1814) («...тебя молодой Назон / Эрот и грации венчали») показывает, что Пушкин уже в это время имел достаточно ясное представление о разных периодах жизни и творчества Овидия. При этом судьба Овидия, определившая ему одно из первых мест в ряду знаменитых поэтов-изгнанников, осмыслялась как сюжет литературный. «Овидий в Скифии: вот предмет для элегии, счастливее самого Тасса», — писал К. Н. Батюшков Н. И. Гнедичу в начале июля 1817 г. (Батюшков 1989. Т. 2. С. 448).

Высылка из Петербурга в места, близкие к тем, куда был сослан Овидий, способствовала появлению у Пушкина нового интереса к его творчеству и проводила к проведению параллелей собственной судьбы с судьбой римского поэта. «Действительно, Овидий очень занимал Пушкина, — писал И. П. Липранди, — не знаю, читал ли он его прежде, но знаю то, что первая книга, им у меня взятая, был Овидий, во французском переводе, и книги эти оставались у него с 1820 по 1823 год» (П. в восп. Т. 1. С. 306). Теперь Пушкин обратился к «Скорбным элегиям» и «Письмам с Понта». Уже первое упоминание Пушкиным имени Овидия в стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» («...Овидиева лира, / Счастливая певича красоты, / Певича нег, изгнанья и разлуки — см. наст. т., с. 363, 371) указывает на новые аспекты в восприятии творчества римского поэта. И если в стихотворении «В стране, где Юлией венчанный...», включенном в письмо к Н. И. Гнедичу от

24 марта 1821 г., дан вполне традиционный образ Овидия в ссылке («...элегическую лиру / Глухому своему кумиру / Он малодушно посвятил»), а его элегии названы «молебнами лести» (см. наст. т., с. 24), то послание «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), датированное в беловом автографе 6 апреля 1821 г., прямо строится по литературной модели понтийских элегий (см. примеч. к нему — наст. т., с. 609—611). Отсылая Н. И. Гнедичу 29 апреля 1822 г. рукопись поэмы «Кавказский пленник», Пушкин начинает письмо с латинской цитаты из первой элегии первой книги «Tristia» (см.: Акад. Т. 13. С. 37); скрытое уподобление себя Овидию содержится в письме к Гнедичу от 27 июня 1822 г. («Пожалейте обо мне: живу меж гетов и сарматов; никто не понимает меня». — Там же. С. 39). По свидетельству И. П. Липранди, Пушкин «сам любил себя сравнивать с Овидием», а В. Ф. Раевский в Кишиневе называл Пушкина «Овидиевым племянником» (П. в восп. Т. 1. С. 327, 328).

«Скорбные элегии» и «Письма с Понта» Пушкин читал, несомненно, во французском переводе Ж.-М. де Кервийяра (Kervillars; 1668—1745) (*Les Élégies d'Ovide, écrites pendant son exil. Paris, 1723. Vol. 1 («Tristes»); 1726. Vol. 2 («Pontiques»)*), выдержавшем несколько отдельных изданий (1738, 1756, с параллельным латинским текстом) и вошедшем в 6-й и 7-й тома французского семитомного собрания 1798 г., которое, скорее всего, и имелось в библиотеке Липранди. В предисловии переводчик давал поздним произведениям Овидия очень высокую оценку: «В действительности, эти элегии в большей степени творения сердца, нежели ума: в каждом из дистихов неравной меры, которые их составляют, так естественно выражен язык скорби, все время прерываемый вздохами (...). Овидий достиг совершенства в этом жанре, и никто лучше его не умел понять подлинной элегической манеры и подлинных элегических красот (...) сколько простодушия в этих картинах, какое богатство выражения, какая живость чувствований!» (*Œuvres complètes d'Ovide, traduites en français / Ed. imprimée par les soins de J. Ch. Poncelin. Paris, an VII (1798). T. 6. P. XIV—XV*). Ср. позднейшую пушкинскую рецензию на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова, в которой, приведя стихи Грессе об Овидии, Пушкин пишет: «Книга *Tristium* не заслуживала такого строгого осуждения. Она выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кроме «Превращений»). Героиды, элегии любовные и самая поэма „*Ars amandi*”, мнимая причина его изгнания, уступают „Элегиям понтийским”. В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!» (Совр. 1836. Т. 3. С. 174; Акад. Т. 12. С. 84).

Стихотворение свидетельствует о внимательном чтении Пушкиным обеих книг элегий Овидия. Вся его первая часть построена на скрытых цитатах и пересказе стихов римского поэта. Отмечалось, что Пушкин в своих описаниях придерживается даже последовательности, в какой расположен поэтический материал «Tristia»: описание путешествия (кн. I), жизнь Овидия на побережье (пустыньность местности, отсутствие лесов и виноградников, частые нападения гетов и сарматов) (кн. III), характеристика манеры поведения Овидия в изгнании (кн. IV и многочисленные элегии разных книг) (см.: *Вулих Н. В. Образ Овидия в творчестве Пушкина // Врем. ПК 1972. Л., 1974. С. 69; указания на конкретные параллели с текстами Овидия см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 163—165, коммент. П. О. Морозова; Малевин А. И. Пушкин и Овидий : (Отрывочные замечания) // ПиС. Пг., 1916.*

Вып. 23—24. С. 48—57; *Жирицкий Л. В.* Пушкин и Овидий // Изв. Таврического о-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 93—95; Томашевский. Пушкин, I. С. 538—539; *Ивьесте М.* Заметки к теме «Пушкин и Овидий» // Русская филология. 2. Тарту, 1967. С. 171—190 (Тартуск. гос. ун-т); также ниже построчные примеч.). Латинские цитаты в письмах Пушкина и в примечаниях к стихотворению в первом беловом автографе позволяют предположить, что в его распоряжении был также и оригинальный текст.

Замысел стихотворения относится ко времени поездки Пушкина с И. П. Липранди в Аккерман и Измаил 13—23 декабря 1821 г. (Летопись 1999. Т. 1. С. 265—268). См. в воспоминаниях Липранди: «...Пушкин что-то писал, по обычаю, на маленьких лоскутках бумаги и как ни попало складывал их по карманам, вынимал опять, просматривал и т. д. Я его не спрашивал, что он записывает, а он, зная, что я не сторонник до стихов, ничего не говорил. Помню очень хорошо, что он жалел, что не захватил с собою какого-то тома Овидия...» (П. в восп. Т. 1. С. 309). Это было 17 декабря по пути из Аккермана в Измаил, в Татар-Бунаре; так же, на лоскутках бумаги, Пушкин продолжал писать и в Измаиле, 19 и 20 декабря. Вопрос о месте ссылки и смерти Овидия (т. е. о местоположении римского города Тома) в пушкинское время оставался дискуссионным. По одной из версий, Тома соотносилась как раз с Аккерманом (совр. Белгород-Днестровский). Эта версия отразилась, в частности, в известном Пушкину (см. воспоминания Липранди — П. в восп. Т. 1. С. 311) «Историческом, географическом и политическом описании Молдавии» (1715; рус. изд.: М., 1789) Дмитрия Кантемира (1673—1723) и в названии крепости Овидиополь, построенной в 1793—1796 гг. напротив Аккермана на левом берегу Днестровского лимана; в начале 1821 г. об этом вновь писал П. П. Свинын в статье «Воспоминания о степях Бессарабских», напечатанной в январском номере «Отечественных записок» (см.: ОЗ. 1821. Ч. 5, № 9. С. 7—10). Однако, как убедительно свидетельствует Липранди, Пушкин ее не разделял: «Думаю, что для памяти Александра Сергеевича следовало определить положительно, что он, по прибытии в Кишинев, хотя и не очень твердо был ознакомлен с историческою и современною географией, но знал положительно, что Овидий не мог быть сослан Августом на левый берег Дуная, страну, в которой в первый раз появились имперские орлы только при Траяне в 105 году по Р. Х.; следовательно, 91 год после смерти Августа» (П. в восп. Т. 1. С. 306). «Не раз случалось мне, — пишет далее Липранди, — быть свидетелем разговора об этом предмете Пушкина с В. Ф. Раевским и К. А. Охотниковым, разговора, к которому приставал иногда и я. Пушкин одинаково, как и мы все, смеялся над П. П. Свиныным (...) из всего того, что привелось мне читать в Пушкине, не вижу, однако же, чтобы он полагал Аккерман местом ссылки любимого им поэта, а напротив, если он и не определяет места, то ищет его на берегах Дуная, а не Днестра» (Там же. С. 306—307; см. также: *Формозов А. А.* Пушкин и легенда о гробнице Овидия // *Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. С. 41—57). В устье Дуная помещает Тома и французский переводчик Овидия (см.: *Œuvres complètes d'Ovide*. Т. 6. P. 104—105). Позднее местоположение города Тома было скорректировано и он был отождествлен с румынским городом Констанцой (историческое обоснование этой версии см. уже в «Письмах о Болгарии» (1833) В. Г. Теплякова). Вообще же в южных произведениях Пушкина, связанных с именем Овидия, место изгнания римского поэта трактуется расширительно — не конкретный город, а вообще область северного Причерноморья.

По возвращении из поездки в Аккерман и Измаил работа над стихотворением была перенесена в тетрадь ПД 831. Есть основания считать, что существовал не дошедший до нас беловой автограф, который предшествовал беловому автографу в тетради ПД 833 и к которому восходит копия Неизв. Дата «26 декабря» под текстом белового автографа в тетради ПД 833, скорее всего, указывает на окончание работы над стихотворением (возможно, перенесена с неизвестного нам предшествующего автографа); в тетрадь же стихотворение было переписано, вероятно, несколько позднее, в начале 1822 г., но точно до 21 июня, даты отсылки его А. А. Бестужеву. Перед отправкой стихотворения для публикации в «Полярной звезде» Пушкин переработал конец стихотворения: два заключительных стиха он заменил шестью новыми. Первоначальный их автограф на л. 17 тетради ПД 832 расположен под черновиком письма к П. А. Катенину, традиционно датирующимся концом апреля—маем 1822 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 37). Вариант заключительных стихов, зафиксированный автографом ПД 41 и принятый в публикации ПЗ, в Ст 1826 и Ст 1829, воспроизводился в первых пушкинских собраниях (Посм., Анн., Генн. 1859, Генн. 1869—71). Стихи «Но не унизил век изменой беззаконной / Ни гордой совести, ни лиры непреклонной» были напечатаны в 1858 г. Е. И. Якушкиным по неизвестному списку как вариант двух последних стихов послания (БЗ. 1858. Т. 1, № 11. Стб. 342; без точного указания, что эти два стиха заменяют собой шесть). В 1880 г. П. А. Ефремов ввел опубликованные Якушкиным стихи в основной текст, механически присоединив к ст. 99—102 переделанного варианта (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 387). Этот контаминированный текст печатался во всех последующих изданиях (кроме изд.: Майков. Материалы). Ошибка Ефремова исправлена Б. В. Томашевским (см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин : Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 29—30; также: *Пушкин.* Соч. Л.: ГИЗ, 1924. С. 14—15). По мнению Б. В. Томашевского, переработка заключительных стихов диктовалась соображениями художественными: они были устранены как «слишком обнаруживавшие личность автора». Кроме того, новый вариант подключал к личной, элегической и объективно-исторической темам еще и тему современности («Скитался я в те дни, как на берега Дуная / Великодушный грек свободу вызывал...») (Томашевский. Пушкин, I. С. 542—543). См. также мнение, что новый вариант «представляет собой типичную античную sphragis — „печать“, которой любили заканчивать свои произведения поэты древности» (*Albrecht M. von.* Der verbannte Ovid und die Einsamkeit des Dichters im frühen XIX Jahrhundert // *Arcadia : Zeitschrift für vergleichende Literaturwissenschaft.* Berlin; New York, 1971. Bd. 6, Th. 1. S. 36—37; *Булик Н. В.* Образ Овидия в творчестве Пушкина. С. 71—72). Думается, однако, что в первую очередь здесь сказались цензурные опасения, прямо высказанные Пушкиным и в письме к Бестужеву от 21 июня 1822 г.: «Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице; кажется, голубушка еще поумнела. (...) Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — по-видимому, ее настрашали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно (...). Главное дело в том, чтобы имя мое до нее не дошло, и все будет слажено» (Акад. Т. 13. С. 39). Стихотворение, подписанное, в соответствии с указанием самого Пушкина в посланном Бестужеву автографе, астрономом «**», благополучно прошло цензуру. Поправки к ст. 23—25, сообщенные Пушкиным в письме к брату 4 сентября 1822 г. (см.: Акад. С. 45), в публикации «Полярной звезды» были учтены лишь частично (возможно, по оплошности Л. С. Пушкина, передававшего их по памяти); в Ст 1826 эти стихи

также напечатаны с ошибкой (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 289—290).

Сам Пушкин очень ценил это стихотворение. В письмах к Л. С. Пушкину лета—осени 1822 г. он регулярно интересовался его судьбой: «Каково идет издание Бестужева? читал ли ты мои стихи, ему посланные?» (21 июля 1822 г. — Акад. Т. 13. С. 42); «Кстати: получено ли мое послание к Овидию? будет ли напечатано?» (октябрь 1822 г. — Там же. С. 51). Получив в Кишиневе альманах, он писал брату 30 января 1823 г.: «Каковы стихи к Овидию? душа моя, и Руслан, и Пленник, и Noël, и все дрянь в сравнении с ними» (Там же. С. 56). См. также замечание о поэме «Братья разбойники» в черновике письма к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г.: «...как сюжет с'est un tour de force (это диковина — фр.) (это не похвала, напротив) — но как слог — я ничего лучше не написал — (кроме посл(ания) к Ов(идию))...» (Там же. С. 377).

Ст. 4. *Твой безотрадный плач...* — Овидий называет свои элегии «жалобными песнями» («lacrimosum carmen»; во французском переводе: «plaintives élégies») (Tristia, V, 1, 35). Ср. заглавие русского перевода «Скорбных элегий» И. Е. Срезневского: «Плач Публия Овидия Назона» (М., 1795) (это издание впоследствии имело в личной библиотеке Пушкина. — Библиотека П. № 260).

Ст. 6. *Еще твоей молвой наполнен сей предел.* — О легендах об Овидии, бытовавших среди местного населения, упоминалось в «Истории Молдавии и Валахии» Жана-Луи Карра (Carra; 1743—1793). Отметив существование таких топонимов, как Овидиево озеро и Овидиев источник, Карра писал о римском поэте: «Один из тамошних жителей уверял меня, что он написал много стихов на местном языке; я приложил все усилия, чтобы найти хоть какие-то фрагменты, но безуспешно. Память об этом великом человеке составляет предмет гордости местного населения: меж ними существует предание, что пришел с берегов Тибра необычный муж, имеющий нежность младенца и отеческую доброту; что этот человек непрестанно вздыхал и по временам говорил сам с собой, но что, когда он обращал свою речь к кому-либо, казалось, медоточили его уста (le miel semblait couler de sa bouche)» (Carra J.-L. Histoire de la Moldavie et de la Valachie. Paris, 1777. P. 7—8). Сочинение Карра, существовавшее также в русском переводе (История Молдавии и Валахии с рассуждением о настоящем состоянии сих обоих княжеств г... К..., долгое время в оных жившем. СПб., 1791), скорее всего, имело в библиотеке И. П. Липранди. Посвященный Овидию фрагмент был переведен-пересказан (с глухой ссылкой на «многие молдавские хроники») в статье П. П. Свиньина «Воспоминания о степях Бессарабских» (см.: ОЗ. 1821. Ч. 5, № 9. С. 7—9; см. также: Двойченко-Маркова Е. М. Источники легенды об Овидии в «Цыганах» Пушкина // Вопросы античной литературы и классической филологии : Сб. памяти С. И. Соболевского. М., 1966. С. 321—329; Формозов А. А. Пушкин и легенда о гробнице Овидия. С. 54—55). В поэме «Цыганы» Пушкин привел переданную Карра легенду в рассказе отца Земфиры:

Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(.....)
Он был уже летами стар,

Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный...

(Акад. Т. 4. С. 186)

Ст. 13. *Я видел твой корабль игралищем валов...* — Во второй элегии первой книги «Скорбных элегий» Овидий описывает сильную бурю, в которую его корабль попал на пути в Томы.

Ст. 15 и след. *Там нивы без теней, холмы без винограда...* — См., например: *Tristia*, III, 10, 71—72, 75:

Non hic pampinea dulcis latet uva sub umbra;
Nec cumulant altos fervida musta lacus.
<.....>
Adspiceres nudos sine fronde, sine arbore campos.

On ne voit point ici de raisin croître à l'ombre de ses feuilles, ni le vin bouillir dans la tonne. <...> On voit toujours les arbres sans feuilles, ou les campagnes sans arbres.

(Œuvres complètes d'Ovide, traduites en français /Ed. imprimée par les soins de J. Ch. Poncelin. Paris, an VII (1798). Т. 6. Р. 201)

Здесь под тенью лозы не скрываются сладкие гроздья,
Емкий сосуд не шипит, полный вином до краев,
<.....>
Видишь без зелени здесь, без деревьев нагие равнины.
(Пер. С. Шервинского)

Ex Ponto, I, 3, 49—52, 57—58:

Orbis in extremi iaceo desertus arenis,
Sert ubi perpetuas obruta terra nives.
Non ager hic pomum, non dulces educat uvas,
non salices ripa, robora monte virent.
<.....>
Hostis dest dextra laeva que a parte timendus,
Vicinoque metu terret utrumque latus.

Je me vois relégué à l'extrémité du monde, abandonné au milieu des sables de la Scythie, où la terre est presque toujours couverte de neiges. Ici les campagnes ne portent ni fruits ni raisin; on n'y voit point reverdir les saules sur le bord des rivières, ni les chênes sur les montagnes <...> nuls défenseurs contre les ennemis redoutables, qui serrent le pays des deux côtés et le tiennent toujours en alarmes.

(Œuvres complètes d'Ovide, traduites en français. Т. 7. Р. 33)

Маюсь в бесплодных песках отдаленнейшей области света,
Где беспрерывно земля снегом укрыта от глаз,

Где не найдешь нигде ни плодов, ни сладостных гроздей,
Ив лишены берега, горные склоны — дубов.

⟨.....⟩

Слева и справа враги, которые ужас внушают,
Близко подкравшийся страх с разных сторон обступил.

(Пер. А. Парина)

Tristia, III, 10, 51—54:

Sive igitur nimii Boraе vis faeva marinas,
Sive redundatas flumine cogit aquas;
Protinus, aequato siceis Aquilonibus Istro,
Invehitur celeri barbarus hostis equo...

Soit donc que la bise fasse gêler les eaux de la mer ou celles du fleuve qui se débordent, nos barbares ennemis trouvant un chemin tout uni sur les glaces, et montés sur ses chevaux d'une vitesse étonnante, viennent fondre tout-à-coup sur nous...

(Œuvres complètes d'Ovide. T. 6. P. 200)

Так едва лишь Борей могучею, грозною силой
Полые воды реки, волны на море скует,
Истр под ветром сухим становится ровен и гладок
И по нему на конях дикий проносится враг.

(Пер. С. Шервинского)

Ст. 24 — 28. Ты, с юных лет презрев волнение жизни ратной ~ И грозный меч хранить близ лиры оробелой. — См.: Tristia, IV, 1, 71—74:

Aspera militiae iuvenis certamina fugi,
nec nisi lusura novimus atma manu.
Nunc senior gladioque latus scutoque sinistram,
canitiam galeae subicioque meam.

Moi qui dans ma jeunesse ai toujours fui la guerre et les combats, qui n'ai jamais manié les armes que pour mon plaisir; aujourd'hui dans ma vieillesse je me vois condamné à ne marcher plus que l'épée au côté, le bouclier à la main, et le casque en tête sur mes cheveux gris.

(Œuvres complètes d'Ovide. T. 6. P. 247)

В юности я избегал сражений на службе военной,
Разве лишь ради игры в руки оружие брал.
Ныне, состарившись, меч я привешивать вынужден к боку,
Левой придерживать щит, в шлем облекать седину.

(Пер. С. Шервинского)

Ст. 29. *Ни дочь, ни жена, ни верный сонм друзей...* — Совместное упоминание жены и друзей см.: Tristia, III, 8, 9—10. Дочь Овидия во французском переводе ошибочно названа поэтесса Перилла, которой адресована элегия о величии поэзии (Tristia, III, 7; французское заглавие: «Ovide à Perille, sa fille, où il l'exhorte à s'immortaliser par la poésie». — Œuvres complètes d'Ovide. Т. 6. Р. 188).

Ст. 34—35. *Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть, / Ни песни робкие Октавия не тронут...* — Возможно, реминисценция из «Оды на изгнание Овидия» («Ode sur l'exil d'Ovide») французского поэта Жана де Ленжанда (Lingendes; 1580—1616), традиционно печатавшейся при многократно переиздававшемся на протяжении XVII в. французском переводе «Метаморфоз» Н. Ренуара (Renouard), а в изданиях перевода Кервийара открывавшей книгу «Писем с Понта»:

Mais ni ton nom fameux jusqu'au bords d'où l'aurore
Se lève pour nous voir,
Ni tes justes regrets, ni tes beaux vers encore
Ne purent l'émouvoir.

(Но ни твое имя, известное до тех берегов, откуда встает для нас заря, ни твои справедливые жалобы, ни твои прекрасные стихи не смогли еще его тронуть. — *фр.*) (Œuvres complètes d'Ovide. Т. 7. Р. 5) (см.: Кибальник С. А. Тема изгнания в поэзии Пушкина // ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 45—46). Об имени Октавий см. примеч. к стихотворению «(Из письма к Н. И. Гнедичу)» — наст. т., с. 569.

Ст. 45—48. *Но если гневный бог досель неумолим ~ Приблизьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!* — См.: Tristia, III, 3, 63—66:

Inter Sarmaticas Romana vagabitur umbras,
Perque feros manes hospita semper erit.
Ossa tamen facito parva referantur in urnâ:
Sic ego non etiam mortuus exul ero.

...Il faudra donc qu'une âme romaine demeure toujours errante parmi des ombres Sarmates, qu'elle fixe son séjour avec des mânes farouches et barbares. Ayez soin pourtant, je vous en conjure, de faire rapporter mes ossements en Italie, renfermés dans une urne; ainsi ne serai-je plus exilé du moins après ma mort.

(Œuvres complètes d'Ovide. Т. 6. Р. 174)

Между сарматских теней появится римская, будет
Вечно скитаться среди них, варварским манам чужда.
Сделай, чтоб кости мои переправили в урне смиренной
В Рим, чтоб изгнанныком мне и после смерти не быть.
(Пер. С. Шервинского)

Ст. 74. *Свободные поля взрывал уж ранний плуг...* — В Бессарабии не было крепостного права. Ср., например, одну из первых кишиневских записей в дневнике прапорщика Ф. Н. Лугинина, выпускника Муравьевского училища для колонново-

жатых, весной 1822 г. командированного на военно-топографическую съемку Бессарабии: «Бессарабия и Молдавия ужасно плодородны — жители свободны, отчего здесь пропасть русских, бежавших от господ. Господа имеют здесь только землю, мужики живут на условии работать несколько времени 25 и 30 дней на господина» (П. в восп. Т. 1. С. 232).

Ст. 78 — 81. *Я вспомнил опыты несмелые твои ~ Шаги свои волнам, окованным зимой.* — См.: Tristia, III, 10, 37—40:

Vidimus ingentem glacie consistere pontum,
Lubricaque inmotas testa premebat aquas.
Nec vidisse sat est: durum calcavimus aequor,
Undaque non udo sub pede summa fuit.

J'ai vu une vaste mer toute glacée, et ses eaux couvertes d'une croûte épaisse qui les rendait glissantes et immobiles: non seulement je l'ai vue, mais j'ai marché moi-même sur cette mer ferme et solide, et j'ai foulé aux pieds la surface des eaux.

(Œuvres complètes d'Ovide. Т. 6. P. 199)

Видел я сам: подо льдом недвижим был Понт необъятный,
Стылую воду давил скользкою коркой мороз.
Мало увидеть — ногой касался я твердого моря,
Не намокала стопа, тронув поверхность воды.

(Пер. С. Шервинского)

Другие редакции и варианты
(Беловой автограф в тетр. ПД 833)

Примечание к заглавию. — Примечание было снято уже перед отправкой стихотворения в «Полярную звезду», позднее напечатано Пушкиным в отдельном издании первой главы «Евгения Онегина» (СПб., 1825. С. 51—52; 2-е изд. СПб., 1829; Акад. Т. 6. С. 653) к стихам:

Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

Мнение, будто Овидий был сослан в нынешний Акерман ни на чем не основано. — Полемический выпад по поводу статьи П. П. Свинына «Воспоминания о степях Бессарабских» (см. выше).

Столь же несправедливо и мнение Вольтера ~ ревнивым своим родителем. — Пушкин имеет в виду статью «Август Октавиан» («Auguste Octave») в «Философском словаре» («Dictionnaire philosophique», 1764), где Вольтер писал: «Почти все латинские авторы, которые говорят об Овидии, утверждают, что Август

дерзнул отправить в ссылку этого римского вельможу, много более знатного, чем он сам, лишь потому, что был застигнут им в момент инцеста со своей дочерью Юлией, и что и дочь свою он изгнал из ревности. Это тем более вероятно, что Калигула во всеуслышанье заявлял, что его мать родилась от кровосмешения Августа с Юлией, как передает это Светоний в жизнеописании Калигулы» (*Œuvres complètes de Voltaire*. Nouv. éd. Paris, 1818. Т. 23 (*Dictionnaire philosophique*. Т. 1). Р. 548; то же повторено в примечаниях к трагедии «Триумвират» («*Le Triumvirat*», 1764), см.: *Ibid.* Т. 5 (*Théâtre*. Т. 4). Р. 425). В словах «ревнивым своим родителем» Пушкин прямо цитирует Вольтера: «изгнал из ревности» («*qu'il ne reléguâ même sa fille que par jalousie*»). Ср. упоминание Августа в послании «Горацию» («*A Horace*», 1771):

Amant incestueux de sa fille Julie,
De son rival Ovide il proscrit les vers...

⟨Любовник-кровосмеситель своей дочери Юлии, он подверг гонению стихи своего соперника Овидия... — *фр.*⟩ (*Ibid.* Т. 9 (*Poésies*. Т. 3). Р. 359). Однако дочь Августа Юлия, обвинявшаяся в разврате и прелюбодеянии, была выслана на остров в Тирренском море во 2 г. до н. э., тогда как Овидий изгнан только в 8 г. н. э. Эту отмеченную Пушкиным хронологическую неувязку видел и сам Вольтер. В статье «Философского словаря» «Овидий» («*Ovide*») он уже упоминает Юлию младшую, внучку Августа: «Преступление Овидия, несомненно, заключалось в том, что он стал свидетелем чего-то постыдного в семье Октавия (...). Ученые не решились, видели ли он Августа с мальчиком (...) или видел какого-нибудь конюшего в объятиях императрицы Ливии, которая вышла за Августа беременной от другого, или он видел императора Августа в связи со своей дочерью или внучкой, или же наконец он видел императора Августа, делающего нечто еще худшее (...). Наиболее вероятно, что Овидий застал Августа при акте кровосмешения» (*Ibid.* Т. 26 (*Dictionnaire philosophique*. Т. 4). Р. 110). См. также: *Малеин А. И.* Пушкин и Овидий. С. 62; *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 122). Французский переводчик также решительно отводил версию, что Овидий был любовником дочери Августа. Овидий, по его мнению, стал свидетелем какой-то тайны, относящейся непосредственно к императорской семье, причем нельзя исключить, что причиной его ссылки была Юлия младшая: поэт мог быть причастен или сочтен причастным к какой-то ее интриге (см.: *Œuvres complètes d'Ovide*. Т. 6. Р. VII—XII).

Alterius facti culpa silenda mihi. — Цитата из второй книги «Скорбных элегий»:

Perdiderint cum me duo crimina, carmen et error,
Alterius facti culpa silenda mihi.

(Tristia, II, 207—208)

Две погубили меня причины: стихи и оплошность,
Мне невозможно назвать эту вторую вину.

(Пер. Э. Морозкиной)

Примечание к ст. 45. — Имеется в виду пассаж из седьмой книги романа Франсуа-Рене де Шатобриана (*Chateaubriand*; 1768—1848) «Мученики» («*Les*

Martyrs», опубл. 1809): «...Рим двадцать лет сухими глазами взирает на слезы Овидия» (*Chateaubriand F. R. de. Les Martyrs, ou le Triomphe de la religion chrétienne. 3-me éd. Paris; Lion, 1810. Т. 2. Р. 24*).

ПРИМЕТЫ

(«Старайся наблюдать различные приметы...»)

(С. 64 и 290)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 18 — беловой, с поправками, под заглавием: «Отрывок», с датой под текстом: «27» (дата предположительно раскрывается: «27 декабря 1821 г.» по аналогии с датой на предыдущем л. 17 под текстом белового автографа стихотворения «К Овидию»: «1821 / дек(абря) 26»). Напечатано: *Анн. Т. 2. С. 312* (заглавие и вариант ст. 2); *Майков. Материалы. С. 149* (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: *Раб. тетр. Т. 3*.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), под заглавием: «Приметы», в составе отдела «Подражания древним» под номером VIII, утрачен. Напечатано: *Майков. Автографы П. С. 576* (заглавие и начало первой строки с указанием, что далее следует «вся пьеса»); *Майков. Материалы. С. 149* (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова).

Заглавие в записи: «Старайся и пр.» вошло в список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1822») (см.: *Рукою П. 1997. С. 211, 212*). Факсимильное воспроизведение списка: *Раб. тетр. Т. 3*.

Вошло в рукопись *Собр. ст. 1836 г.* (отдел «Сонеты»).

Впервые: *Ст 1826. С. 132* (отдел «Подражания древним», с датой в оглавлении: «1821»). Вошло в *Ст 1829. Ч. 1. С. 128* (отдел стихотворений 1821 г.), с некоторыми пунктуационными отличиями.

В собрание сочинений впервые включено: *Посм. Т. 4*.

Печатается по *Ст 1829*.

Датируется предположительно 27 декабря 1821 г. согласно помете в автографе в тетради ПД 833 (см. выше) и в соответствии с указаниями Пушкина в *Ст 1826* и *Ст 1829*. В тетрадь ПД 833 стихотворение было переписано несколько позднее, скорее всего, в начале 1822 г., чем и объясняется его включение в список произведений 1822 г. в тетради ПД 831.

Антологическое стихотворение, ориентированное на эклоги и фрагменты идиллий А. Шенье (*Chénier; 1762—1794*) (см. наст. т., с. 483—484). На связь с Шенье, в частности, указывает заглавие «Отрывок» в беловом автографе (см.: *Сан-доминская В. Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // ПИМ. Л., 1979. Т. 9. С. 72 и след.*). Как отмечал Д. П. Якубович, «сочетание „пастух и земледел“, конкретность деревенских наблюдений, южный колорит (виноград), архаика языка («леты, предречь, ветер, младых, мразов, лоне, окличут, печальны, злак») — все говорит о тончайшей стилизации, об изобретательных способах передачи антологической картинке средствами русского поэтического языка, о стремлении художника перевоплотиться в элементарную, но гармоническую и целостную психологию сельского поэта, по образу Тибулла, греческих идилликов или Вергилия как автора „Георгик“» (*Якубович. Античность в творчестве П. С. 137—138*). Наиболее близки «Приметы» к «Георгикам» (I, 257 и след.) Публия Вергилия Марона (*Vergilius; 70—*

19 до н. э.), известным Пушкину с лицейского времени в латинском оригинале (см.: *Модзалевский Л. Б.* Библиотека Пушкина. Новые материалы // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 1022) и, несомненно, во французском переводе Ж. Делиля (Delille; 1738—1813). Ср. в вышедшем в середине 1821 г. русском переводе С. Е. Раича:

На нивах ищущий и славы и возмездий,
Заране наблюдать учись пути созвездий.
(.....)

Луна, свершая путь в воздушном океане,
И ведро и дожди пророчит нам заране
И ветры, по своим ведущие следам
Убийственный мороз; тогда пастух стадам
Указывает путь под кровы безмятежны.

(Виргилиевы Георгики.
Пер. А. Р... М., 1821. С. 26—27)

Ср. также начало второй части земледельческой поэмы Гесиода (конец VIII—начало VII в. до н. э.) «Труды и дни» в переводе П. И. Голенищева-Кутузова: «С вниманьем наблюдай все дни благоприятны» (Творения Гезиода, переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1807. С. 48). Впрочем, указывавшиеся в литературе (см.: *Немировский М. Я.* Пушкин и античная поэзия // Изв. Сев.-Кавказск. пед. ин-та им. М. Ю. Гадиева. Орджоникидзе, 1937. Т. 12. С. 80) переключки пушкинского стихотворения с поэмой Гесиода обусловлены тем, что на «Труды и дни» были ориентированы «Георгики» Вергилия.

Ст. 13—14. *Услыша бури шум, не выйдет на работу И погрузится вновь в ленивую дремоту.* — Ср., например, в переводе Н. М. Карамзина описательной поэмы Дж. Томсона (Thomson; 1700—1748) «Времена года» («The Seasons», 1726—1730), продолжающей традиции Вергилиевых «Георгики»: «Между тем поселянин спокойно лежит в избе своей, рассказывает жене и детям своим сказки и смеется, несмотря на то, что буря сыплет кучи снега на хижину его и потрясает низкую кровлю» ([Томсон Дж.] Зима // Детское чтение для сердца и разума. 2-е изд. М., 1804. Ч. 12. С. 132).

«НАПЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ...»

(С. 65 и 290)

Автограф (ПД 45) — беловой, с поправками, на отдельном листе. Напечатано: *Бартенев П. И.* А. С. Пушкин : Материалы для его биографии. Глава 2: Лицей // МВед. 1854. № 118, 2 окт. (Отд. отг. С. 27) (ст. 13—16 по копии в Тетр. Бартенева (Бар), по-видимому снятой непосредственно с автографа); *Анненков.* Материалы 1855. С. 41 (полностью).

Впервые: *Бартенев П. И.* А. С. Пушкин : Материалы для его биографии (ст. 13—16); *Анненков.* Материалы 1855 (полностью).

В собрание сочинений впервые включено: *Анненков.* Материалы 1855; *Генн.* Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно декабрем 1821—февралем 1822 г. по бумаге.

Бумага автографа ПД 45 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского числится под № 97 (см.: Рукоп. П. 1937. С. 315). Кроме ПД 45 указана еще для автографа ПД 48 — стихотворение «Недавно я в часы свободы...» (его датировку см. наст. т., с. 861). На самом деле она представляет собой тот же сорт бумаги, что и № 106, на которой записаны автографы ПД 47 (наброски послания «Генералу Пушкину» на обороте листа с французским текстом, посвященным греческой революции), ПД 886 (первый беловой автограф стихотворения «Друзьям») и ПД 1066 («*Note sur la révolution d'Ipsylanti*») («Заметка о революции Ипсиланти». — *фр.*)), датируемые декабрем 1821—февралем 1822 г. (см. в примеч. к стихотворению «Генералу Пушкину» — наст. т., с. 668).

Еще П. В. Анненковым была отмечена близость стихотворения «Наперсница волшебной старины...» к стихотворению «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...») (1821), которое он относил к пушкинским «антологическим подражаниям» и связывал с влиянием А. Шенье (*Chénier*; 1762—1794) (Анн. Т. 2. С. 313) (см. примеч. к стихотворению «Муза» — наст. т., с. 544—546).

Персонификация музы характерна для поэзии Пушкина 1821—1822 и позднейших годов. Явление музы поэту в его раннем детстве — мотив, звучащий в пушкинской лирике еще с лицейских лет. Прообразом «веселой старушки» могла служить и няня сестры Пушкина, А. Р. Яковлева, и его бабушка М. А. Ганнибал (ср. ст. 173—189, посвященные ей в стихотворении «Сон» (1816), и примеч. к нему — наст. изд., т. 1, с. 191 и 704).

Ст. 7. *Шушун* — распашная кофта, душегрейка.

Ст. 15. *Средь важных муз тебя лишь помнил он...* — Ср. ст. 1 «Послания к Н. И. Гнедичу (Подражание VII посланию Дездемоны)» К. Ф. Рыльева: «Питомец важных муз...» (СО. 1821. Ч. 74, № 50. С. 175) и ст. 20 послания Пушкина «(Из письма к Н. И. Гнедичу)» («В стране, где Юлией венчанный...») (1821): «И важным песням обрекла» (наст. т., с. 24).

Ст. 21. *Покров, клубясь волною непослушной...* — Образ, вероятно, восходит к стихотворению «Вакханка» К. Н. Батюшкова (опубл. в 1817 г.): «Эвры волосы взвивали, / Перевитые плющом; / Нагло ризы поднимали / И свивали их клубком» (Батюшков. Соч. 1934. С. 132); ср. в «Кавказском пленнике»: «...Ветер шумный, / Свистя, покров ее клубил» (Акад. Т. 4. С. 111); см.: Виноградов. Стиль П. С. 179.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

(«Добра чужого не желать...»)

(С. 66 и 291)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Сб. Соболевского «*Avant les Voyages*» (Соб.) — с пометой под текстом: «1821», с пропуском ст. 22—23; со строфическим делением после ст. 4 и 8. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 231 (публ. М. А. Цявловского).

2) Сб. «Стихотворения разных сочинителей» (Стих) — ст. 1—16, с подписью: «Пушкин», с ошибкой в ст. 9. Напечатано: КН. Т. 1. С. 384 (публ. М. А. Цявловского).

3) Неизвестного (ПД, ф. 244, оп. 4, № 247) (N) — список 1820—1830-х гг., с подписью: «А. Пушкин», с искажениями в ст. 3 и 10 («Не лестна вся его мне благодать») и пропуском ст. 22—23.

4) Тетр. Клочкова (Клоч) — под заглавием: «I заповедь», ст. 1—16.

5) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — ст. 1—16, с пометой под текстом: «1821».

6) Тетр. из собр. Юдина (Юд) — с подписью: «А. Пушкин», с искажениями в ст. 9 и 17 и пропуском ст. 22—23.

7) Третья тетр. из собр. Нейштадта (Нейшз) — с подписью: «А. Пушкин», ст. 22—23 заменены двумя строками точек.

8) Тетр. Герасимова (Гер) — под заглавием: «Заповедь», ст. 1—16, с подписью: «А. Пушкин»; со строфическим делением на четверостишия.

9) Листы из тетр. Гаевского (Гаев) — под заглавием: «X заповедь», изначально без ст. 21—24, позднее другой рукой вписаны ст. 21 и 24 и проставлена дата под текстом: «1819».

10) Вторая тетр. из собр. Литературного музея (ЛМ₂) — с подписью: «А. Пушкин»; со строфическим делением на четверостишия.

11) Сб. «Всякая всячина», ч. 6 (ВВ₆) — с подписью: «А. С. Пушкин», с пропуском ст. 22—23, вписанных позднее, с позднейшими поправками составителя сборника; на полях помета: «поверено».

12) Тетр. Тихонравова (Тих) — с пометой под текстом: «1821», с искажением в ст. 10 и пропуском ст. 22—23.

13) Тетр. Бартенева (Бар) — с пропуском ст. 22—23; со строфическим делением на четыре четверостишия и шестистишие; с поправками С. А. Соболевского. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 519 (в виде вариантов к тексту ГИХЛ 1931; публ. М. А. Цявловского).

14) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — с пропуском ст. 22—23.

15) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233 (Полт), к. 49, № 9, с. 36—37) (Полт₂) — писарская, в переплетенной тетради со списками стихотворений Пушкина и псевдопушкинианой; с искажением в ст. 10 («Не лестна мне его вся благодать») и пропуском ст. 22—23.

16) Сб. Александрова (Ал) — с пометой под текстом: «1821», с пропуском ст. 6 и искажением в ст. 9 («На скот, на дом, на раб»); в примечании составителя на л. 165—165 об. даны варианты публикаций БЗ и Атн (см. ниже).

17) Тетр. из архива Вревских (Врев) — под заглавием: «Возражение на X заповедь», ст. 22—23 заменены строкой точек.

18) Тетр. Якушкина (Якуш) — с пометой под текстом: «1819», с искажением в ст. 10 («Не лестна мне его вся благодать») и пропуском ст. 22—23.

19) Тетр. Дашкова (Даш) — с пропуском ст. 22—23.

20) Тетр. Марина (Мар) — под заглавием: «X заповедь», с пропуском ст. 22—23.

21) П. А. Ефремова (Е) — с пропуском ст. 22—23, вписанных позднее, с позднейшими карандашными поправкой в ст. 10 и пометой: «(1821)».

22) Из собрания А. Ф. Онегина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 63) (Онг) — список, присланный А. Ф. Онегину Г. Степановым, бывшим управляющим у А. О. Смирновой; ст. 1—16, с подписью: «А. Пушкин», с пропуском ст. 8.

Утраченные копии:

1) Бывшая в распоряжении Е. И. Якушкина, по которой им была осуществлена первая публикация стихотворения (см. ниже) (БЗ).

2) Копия неизвестного (Н. К.), по которой осуществлена публикация в журнале «Атеней» (1858. Ч. 3, № 25. С. 596—597; здесь с опечаткой в ст. 4: «Мне ль плотским чувством управлять?» вместо: «Мне ль нежным чувством управлять»; опечатка исправлена: Там же. № 26. С. 662) (Атн).

3) В сборнике, принадлежавшем А. В. Кольцову, по которой были напечатаны ст. 6—7 в журнале «Библиографические записки» (1858. Т. 1, № 24. Стб. 751; публ. А. Меринского) (БЗ₁).

4) Бывшие в распоряжении Н. В. Гербея, по которым им были осуществлены публикации стихотворения в кн.: Герб. С. 27—28 (в примеч. на с. 216 дан дополнительный вариант ст. 6—7, по-видимому, по публикации БЗ₁) и в статье «Для будущего полного собрания сочинений Пушкина» (РА. 1876. Т. 3, № 10. С. 212) (РА); с единственным разночтением в ст. 10; в обеих публикациях с пометой под текстом: «1821».

5) Бывшая в распоряжении Н. А. Огарева, по которой им была осуществлена публикация стихотворения в кн.: РПЛ. С. 34, с пропуском ст. 21—24, с искажением в ст. 6—7 («Не надо мне его скота, Не надо мне его раба»).

6) Бывшая в распоряжении Г. С. Чирикова, по которой им были приведены варианты ст. 10, 16 и 24 (не находящие соответствия в других известных копиях и представляющие явные искажения) в статье «Заметки на новое издание сочинений Пушкина» (РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 187).

7) Бывшие в распоряжении М. А. Цявловского из бумаг князя Н. А. Долгорукова (ст. 1—16) и из сборника Библиотеки Академии наук (БАН₃) (см.: Акад. Т. 2. С. 1108—1109).

Впервые: БЗ. 1858. Т. 1, № 11. Стб. 342 (ст. 1—16, без заглавия, с пометой под текстом: «1822»; публ. Е. И. Якушкина).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по Герб.

Датируется предположительно 1821 г. по дате, указанной в ряде копий, в частности в достаточно авторитетной в этом отношении копии Соб₁. Такая датировка подтверждается и близостью стихотворения к ряду написанных в 1821 г. произведений, пародирующих и травестирующих религиозные темы и мотивы («Гавриилада», «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...»), «Христос воскрес»).

Копии стихотворения в большинстве своем дают неполный текст с большим числом явно не авторских разночтений и искажений. Наиболее исправными представляются тексты Герб и Герб₁, незначительно расходящиеся между собой только в чтении ст. 10 (в Герб: «Не лестна вся мне благостыня...»; в Герб₁: «Не лестна мне вся благостыня...»). В Ефр. 1880 (Т. 1. С. 376—377) напечатано по Герб₁ с единственным разночтением в ст. 13, вероятно допущенным по недосмотру («Но ежели его подруга» вместо: «И ежели его подруга»). Этот текст перепечатывался и в последующих собраниях (в Венг. (Т. 2. С. 80) с разночтением в ст. 10: «Не нужна вся мне благостыня»). В изданиях под редакцией М. А. Цявловского было отдано предпочтение рукописным источникам. В КН (Т. 1. С. 384), ГИХЛ 1931 (Т. 1. С. 520) и ГИХЛ 1934 (Т. 1. С. 539—540) стихотворение печаталось в составе ст. 1—16 по копии Стих (с исправлением ошибки в ст. 9); начиная с ГИХЛ 1935 (Т. 1. с. 380—381) —

по копии Соб₁, с восполнением по другим источникам отсутствующих в ней ст. 22—23. Это решение, закрепленное в Акад. (Т. 2. С. 231, 1108—1109), не представляется оптимальным. Кроме того, что в Соб₁ отсутствуют ст. 22—23, определенные сомнения вызывает и чтение ст. 19 («Как можно не любить любезных»), не поддерживаемое большинством известных списков стихотворения.

Стихотворение традиционно входило в собрания сочинений Пушкина с датой 1821 г., хотя принадлежность его Пушкину вызывала у издателей сомнения. Так, Н. В. Гербель писал, что «последние восемь стихов (начиная со слов: «Кто сердцем...»), по мнению некоторых, не принадлежат Пушкину» (Герб. С. 217). П. А. Ефремов также считал, что «принадлежность этого стихотворения Пушкину ничем не подтверждается, а последние 8 стихов наводят полное в этом сомнение» (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 172). В Венг. (Т. 2. С. 80) было напечатано с редакторским подзаголовком: «(Приписывается Пушкину)», а в примечаниях Н. О. Лернера (Там же. С. 583) отмечена безосновательность атрибуции Пушкину этой «песни», которая «пресна и весьма мало остроумна». П. О. Морозов в своем ответе рецензенту 1-го тома Мор. 1903—06 С. Ашевскому (М. Н. Столярову) признал, что поступил «недостаточно осмотрительно», включив в издание «Десятую заповедь», принадлежность которой Пушкину «ничем не доказывается» (Образование. 1903. № 11. Отд. III. С. 162). В АН 1900—29 стихотворение не вошло. Все же в пользу авторства Пушкина имеются авторитетные свидетельства С. А. Соболевского: наличие «Десятой заповеди» в копии Соб₁ в числе несомненных пушкинских стихотворений и упоминание его Соболевским как принадлежащего Пушкину в письме к М. Н. Лонгинову от конца июня—начала июля 1858 г. (см.: ПиС. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 43).

Стихотворение трагедизирует десятую ветхозаветную заповедь: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20:17).

1822

БАРАТЫНСКОМУ ИЗ БЕССАРАБИИ

(«Сия пустынная страна...»)

(С. 67 и 293)

Автографы:

1) Тетр. ПД 832, л. 1 об. — черновой, без заглавия. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 325 (два стиха, предшествующие основному черновику, без связи со стихотворением); Мор. 1903—06. Т. 1. С. 630 (наброски, предшествовавшие ст. 1 как начало самостоятельного стихотворения и первоначальные варианты ст. 11—12). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 833, л. 25 об. — белой, с поправками. Напечатано: Майков. Материалы. С. 168 (варианты ст. 7 и 10; публ. В. И. Саитова); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 206 (в виде вариантов; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Заглавие вошло:

1) В Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Эпиграммы, надписи и пр.» — в записи: «Баратынскому (из Бессарабии)». Было вычеркнуто из списка, возможно, в связи с публикацией в альманахе «Северные цветы», подготовка которого совпала по времени с подготовкой Ст 1826, причем подзаголовок «(из Бессарабии)» остался незачеркнутым (см.: Майков. Автографы П. С. 580).

2) В список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «к Бара» (см.: Рукою П. 1997. С. 176—177).

3) В список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Барат.», под № 2, 3 вместе с четверостишием «Я жду обещанной тетради...», отмечено условным значком жанра посланий (см.: Рукою П. 1997. С. 178—180).

Впервые: СЦ 1826. «Поэзия». С. 29. Вошло без изменений в текст в Ст 1829. Ч. 1. С. 166 (отдел стихотворений 1822 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1822 г. предположительно началом января.

К 1822 г. стихотворение было отнесено самим Пушкиным в Ст 1829. Вероятнее всего, было написано под свежим впечатлением от совместной поездки с И. П. Липранди в Аккерман и Измаил 13—23 декабря 1821 г. (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 265—268; примеч. к стихотворению «К Овидию» — наст. т., с. 673). На этих основаниях Т. Г. Цявловская отнесла стихотворение к началу января (см.: Акад. Т. 2. С. 1110; Госл. в 10 т. Т. 1. С. 583). Та же датировка с произвольным сужением до 1—5 (?) января в «Летописи» (С. 324). В Акад. в 10 т. (2) послание открывает раздел стихотворений 1822 г. Предложенная С. А. Фомичевым и принятая в ряде последующих работ датировка послания концом марта—апрелем 1821 г. (см.: Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 832 : (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 234; Летопись 1991. С. 265, 662; Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 104; Летопись 1999. Т. 1. С. 238, 499) не выглядит достаточно обоснованной. С. А. Фомичев исходил из связи послания с перечнем имен на л. 1 тетради ПД 832, традиционно считавшимся списком лиц, которым надо написать письма:

— Катенину
— Вяземскому
— Баратынскому
[Дельвигу]
[Раевскому]
Брату —

(см.: Рукою П.
1997. С. 233)

По мнению исследователя, этот список представляет собой перечень адресатов не писем, а стихотворных посланий, частью написанных или начатых в конце марта—начале апреля 1821 г., и упоминание в нем имени Баратынского следует соотно-

сти именно со стихотворением «Баратынскому из Бессарабии», работа над которым была начата тогда же на обороте листа. Такая трактовка списка, однако, вызывает серьезные сомнения: нет полного соответствия между вычеркнутыми из списка фамилиями и написанными в марте—апреле 1821 г. посланиями. Так, имя Катенина оставлено незачеркнутым, хотя послание к нему было написано (см. стихотворение «К〈атени〉ну» («Кто мне пришлет ее портрет...») — наст. т., с. 34); имя Раевского вычеркнуто, но послание «〈В. Ф. Раевскому〉» («Недаром ты ко мне воззвал...») относится к более позднему времени и не было завершено (см. наст. т., с. 140). В то же время все лица, перечисленные в списке, в 1821—1822 гг. действительно состояли с Пушкиным в переписке. Беловой автограф в тетради ПД 833 может быть датирован серединой сентября—октябрем (до 26-го) 1823 г.: на предыдущих листах тетради (л. 21—23 об.) находится беловой автограф стихотворения «Наполеон» (см. его датировку — наст. т., с. 643—644), на последующем (л. 26) — беловой автограф стихотворения «Ночь» с пометой перед текстом: «26 окт(ября) 1823 Одесса».

Начало личного общения Пушкина с Е. А. Баратынским относится к концу 1818—1819 г., когда Баратынский, исключенный в 1816 г. за юношеский проступок из Пажеского корпуса без права вступать в службу, вернулся в столицу. В феврале 1819 г. Баратынский был определен рядовым в лейб-гвардейский Егерский полк, в начале января 1820 г. произведен в унтер-офицеры и переведен в Нейшлотский пехотный полк, расквартированный в Финляндии. Сводку данных о литературных и личных взаимоотношениях Пушкина и Баратынского см.: Черейский. С. 26—27; Песков А. М. Пушкин и Баратынский: Материалы к истории литературных отношений // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995—1996. С. 239—270.

Возможно, пушкинское послание явилось отдаленным ответом на дружеское обращение Баратынского к Пушкину в поэме «Пиры»:

Сберемтесь дружеской толпой
 Под мирный кров домашней сени,
 Ты, верный мне, ты, Д(ельвиг) мой,
 Мой брат по музам и по лени;
 Ты, поневоле милый льстец,
 Очаровательный певец,
 Любви, свободы и забавы,
 Ты, П(ушкин) — ветреный мудрец,
 Наперсник шалости и славы,
 Молитву радости запой,
 Запой — соседственные боги,
 Сатиры, фавны козлоноги
 Сбегутся слушать голос твой,
 Певца внимательно обстанут
 И, гимн веселый затвердив,
 Им оглашать наперерыв
 Мои леса не перестанут.
 (Соревн. 1821. Ч. 13, № 3. С. 392—393;
 при переиздании поэмы в 1826 г.
 фрагмент переработан)

«Пирь» дважды, 13 декабря 1820 г. и 28 февраля 1821 г., читались в «Вольном обществе любителей российской словесности» (см.: *Базанов В. Г. Ученая республика*. М.; Л., 1964. С. 390; *Благ.* 1821. Ч. 13, № 4. С. 251—252); № 3 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1821 г. с «Пирами» вышел в свет между 25 и 31 марта 1821 г. (*Летопись* 1999. Т. 1. С. 238—239). В пушкинском «Послании цензору» 1822 г. («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...») Баратынский упоминается именно как «певец пиров» (см. наст. т., с. 80).

Вполне возможно, стихотворение связано с не дошедшей до нас перепиской Пушкина с Баратынским этого времени (см.: *Бартенев П.* в южной России. С. 144; *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 215). Оно могло быть откликом и на какое-то конкретное обращение Баратынского, полученное Пушкиным или прямо, или через Дельвига и Л. С. Пушкина. Публикация послания вместе со стихотворением «Я жду обещанной тетради...» (см. наст. т., с. 68) в «Северных цветах» носила характер подчеркнуто дружеского жеста: Пушкин приветствовал Баратынского, произведенного в апреле 1825 г. после длительных хлопот друзей (А. И. Тургенева, Жуковского и др.) в офицеры и получившего возможность вернуться из Финляндии.

Ст. 3. *Она Державиным воспета...* — Имеется в виду ода Г. Р. Державина «На взятие Измаила» (1790).

Ст. 4. *И славой русской полна.* — Речь идет о военных победах русских войск в Бессарабии. В черновом наброске примечаний к поэме «Цыганы» Пушкин, цитируя эти стихи своего послания, писал о Бессарабии: «От Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была феатром наших вечных войн» (Акад. Т. 11. С. 294).

Ст. 9—10. *И с нею часто при луне Брожу вдоль берега крутого...* — Как было отмечено П. И. Бартеневым, в этих стихах тоже содержится указание на Измаил, берег Дуная в котором действительно крут (Бартенев. П. в южной России. С. 127; то же: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 204).

Ст. 11—12. *Но, друг, обнять милее мне В тебе Овидия живого.* — Здесь отразилось общее всем современникам Баратынского восприятие его службы в Финляндии как изгнания. Баратынский, подобно Овидию, поэт, сосланный на Север (для Овидия это Бессарабия, для Баратынского — Финляндия). В признании «живым Овидием» звучит, кроме того, высшая оценка поэтических заслуг Баратынского в области любовной элегии, повторяющаяся и в пушкинских письмах. См. в письме к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 г.: «Но каков Баратынской? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова, если впредь зашагает, как шагал до сих пор, — ведь 23 года счастливцу! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет» (Акад. Т. 13. С. 34; ближайшим поводом к этому высказыванию, по-видимому, явилось впечатление от двух элегий Баратынского, напечатанных в ноябрьском номере «Соревнователя просвещения и благотворения» 1821 г. (Ч. 16, № 11. С. 204—205; подпись: **) — «Нет, не бывать тому, что было прежде!..» и «Не искушай меня без нужды...»). 1 сентября 1822 г. Пушкин писал ему же: «Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского. Он более, чем подражатель подражателей, он полн истинной элегической поэзии» (Акад. Т. 13. С. 44).

(БАРАТЫНСКОМУ)

(«Я жду обещанной тетради...»)

(С. 68)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 26 — белой, после текста стихотворения «Баратынскому из Бессарабии», под заглавием: «Ему же». Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Вошло в списки стихотворений, предназначенных для издания: 1) ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «к —», после записи «к Бара», обозначающей послание «К Баратынскому из Бессарабии»; 2) ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Барат.», под № 2, 3 вместе со стихотворением «Баратынскому из Бессарабии», отмечено условным значком жанра посланий (см.: Рукою П. 1997. С. 176—180).

Впервые: СЦ 1826. «Поэзия». С. 29, напечатано вслед за стихотворением «Баратынскому из Бессарабии» на той же странице, под заглавием: «Ему же» (в оглавление не вынесено). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 167 (отдел стихотворений 1822 г.), без изменений в тексте, под заглавием: «Ему же».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1822 г. на основании авторского указания в Ст 1829. Твердых оснований для ограничения датировки внутри года нет.

Долгое время (в Посм.; Анн.; Генн. 1859; Генн. 1869—71; Ефр. 1880; Ефр. 1882; Ефр. 1887; Ефр. 1903—05; Мор. 1903—06; АН 1900—29) печаталось вслед за стихотворением «Баратынскому из Бессарабии» под заглавием: «Ему же» (то же решение в Акад. в 10 т. (2)). В Венг. в редакционном примечании к комментарию Н. О. Лернера (Т. 2. С. 601) было отмечено, что нет оснований тесно связывать между собой эти два стихотворения и относить их к одному времени в пределах 1822 г. Начиная с КН четверостишие датировалось январем—июлем 1822 г. В Акад. (Т. 2. С. 1111) предположительно отнесено Т. Г. Зенгер (Цявловской) к началу года. В «Летописи» (С. 150; то же: Летопись 1991. С. 299) — к январю—февралю 1822 г. Предложенные ограничения датировки в пределах 1822 г. не могут, однако, быть аргументированы. В тетрадь ПД 833 четверостишие было записано тогда же, что и стихотворение «Баратынскому из Бессарабии», — в середине сентября—октябре (до 26-го 1823 г.).

По-видимому, стихотворение явилось откликом на обещание Баратынского прислать Пушкину тетрадь своих стихотворений, готовившихся для издания. Позднее, осенью 1823 г., Баратынский передал свои стихи А. А. Бестужеву и К. Ф. Рылееву (см.: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 127). Издание не состоялось; 20 сентября 1824 г. в письме к П. А. Вяземскому Бестужев жаловался, что Баратынского «научили увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно» (ЛН. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 223).

Ст. 2. *Что ж медлишь, милый трубадур!* — Ср. то же обращение к Баратынскому в стихотворном послании А. А. Дельвига «К Е(вгению)» («Ты в Петербурге, ты со мной...») (1821; опубл. в 1853 г.): «О трубадур веселый мой...» (Дельвиг. Соч. С. 155).

«ЧУГУН КАГУЛЬСКИЙ, ТЫ СВЯЩЕН...»

(С. 69 и 295)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 30 об. — белой, с позднейшей поправкой в ст. 4; текст обрывается на первом слове ст. 6. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 334. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 5. С. 334.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно началом 1822 г.

В Мор. 1887 (Т. 1. С. 265) и Венг. (Т. 2. С. 88) печаталось среди черновых набросков 1821 г. В АН 1900—29 (Т. 3. С. 121) стихотворение отнесено к 1822 г., что было принято во всех последующих изданиях. Т. Г. Зенгер (Цявловская) датировала стихотворение предположительно началом 1822 г., считая, что в нем отразились впечатления от поездки Пушкина с И. П. Липранди в Аккерман и Измаил 13—23 декабря 1821 г. (подробнее об этой поездке см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 265—268; также в примеч. к стихотворению «К Овидию» — наст. т., с. 673). Высказанное С. А. Фомичевым мнение, что записи на л. 30 об.—33 об. и 37—38 тетради ПД 832 «по ряду косвенных признаков» относятся ко времени жизни Пушкина в Михайловском (вероятно, к 1825 г.) и стихотворение «Чугун кагульский, ты священ...» ассоциативно связано со строками эпилога поэмы «Цыганы», посвященными победе русских при Кагуле и написанными в октябре 1824 г. (см.: Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832 : (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 241; Раб. тетр. Т. 1: Описание. С. 78), не имеет сколько-нибудь убедительной аргументации и вряд ли может быть принято (см. также примеч. к стихотворению «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» — наст. т., с. 867).

На обратном пути из Измаила в Кишинев в ночь с 21 на 22 декабря Пушкин с Липранди проезжали мимо Кагульского поля. «Подъезжая ко второй станции, к Гречени, — вспоминал И. П. Липранди, — он дремал, но когда я ему сказал: жаль, что темно, он бы увидел влево Кагульское поле, при этом слове он встрепенулся, и первое его слово было: „Жаль, что не ночевали, днем бы увидели“. Тут я опять убедился, что он вычитал все подробности этой битвы, проговорил какие-то стихи и потом заметил, что Ларга должна быть вправо, и пр.» (П. в восп. Т. 1. С. 311). Сражение при реке Кагул 1 августа 1770 г. было одним из ключевых событий русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Тремя неделями ранее, 7 июля 1770 г., русские войска под командованием фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского одержали важную стратегическую победу над турками и крымскими татарами в сражении при реке Ларге, левом притоке Прута.

Трудно сказать, насколько Пушкин продвинулся в работе над стихотворением. По-видимому, автографу в тетради ПД 832 должны были предшествовать какие-то черновые наброски. Ранее Пушкин уже обращался к теме кагульской победы в набросках «Элегии» («Воспомянем упоенный...») (1819), тоже оставшейся незавершенной (см. примеч. к ней — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 560—562). Начальные стихи элегии «Воспомянем упоенный...» Пушкин в середине апреля—августе 1821 г. перебелил в тетради ПД 833 (л. 9). Насколько по написанным фрагментам можно реконструировать ее сюжет, за обращением к Кагульскому обелиску должен

был следовать отказ петь победы русского оружия и переход к лирической теме личных воспоминаний. Декабрьская поездка 1821 г., осмотр Аккерманской и Измаильской крепостей, разговоры с Липранди «о последних войнах и некоторых лицах, участвовавших в оных» (П. в восп. Т. 1. С. 309) естественным образом могли провоцировать на решение темы в ином, условно говоря, «героическом» ключе. Ср. в написанном около того же времени послании «Баратынскому из Бессарабии» характеристику Бессарабии как страны русских военных побед: «Она Державиным воспе-та / И славой русскою полна» (наст. т., с. 67). Характерна в этой связи и смена «адресата»: поэт обращается не к обелиску в Царскосельском парке, а «к осколку бомбы, найденному на поле сражения при Кагуле» (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 229, коммент. П. О. Морозова).

Ст. 5. *Героев севера губя...* — Герои севера — в поэзии русского классицизма устойчивая формула обозначения русских воинов. См., например, название второй части поэмы С. С. Боброва «Рассвет полночи...» (СПб., 1804): «Бранноносные и миролюбивые гении России, или Герои севера в лаврах и пальмах» (1804) (об ироническом использовании Пушкиным выражения «герои севера» см. наст. изд., т. 1, с. 604).

Ф. Н. Г(ЛИНК)Е

(«Когда средь оргий жизни шумной...»)

(С. 70 и 295)

Автографы:

1) Тетр. ПД 833, л. 17 об. (Ав₁) — беловой, под заглавием: «Ф. Н. Г—е»; текст ст. 1—8 первой редакции с двумя слоями одновременной правки. Нижняя половина листа с текстом продолжения стихотворения утрачена; была вырезана из тетради при жизни Пушкина (во время «посмертного обыска» л. 17 как неполный уже не нумеровался), но, вероятно, после того как Пушкин вновь обратился к тексту стихотворения, переделывая его для публикации в Ст 1829 (этому этапу работы соответствует второй слой правки в автографе — вычеркивание ст. 1—4). Напечатано: Майков. Материалы. С. 169 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) ПД 1261, л. 23—23 об. (Ав₂) — беловой, в письме Пушкина к брату конца 1822 г. (датировка В. И. Саитова, см.: Переписка П. Т. 1. С. 63; Б. Л. Модзалевский датировал это письмо началом января 1823 г., см.: Письма. Т. 1. С. 44; Д. Д. Благой — 1—10 января 1823 г., см.: Акад. Т. 13. С. 54), без заглавия, предваряется словами: «Чем тебя порадовать? вот стихи Ф. Глинке»; текст первой редакции. Напечатано: *Бартенев П. И.* А. С. Пушкин : Материалы для его биографии. Глава 3: (1817—1820) // МВед. 1855. № 145, 3 дек. (отд. отт. С. 48) (ст. 1—8; по копии с письма Пушкина к брату, сообщенной С. А. Соболевским); БЗ. 1858. Т. 1, № 1. Стб. 14—15 (в составе письма, с ошибкой в ст. 12: «Как изменила мне любовь» вместо: «Как изменяла мне любовь»; публ. С. А. Соболевского); ст. 12 исправлен: Письма. Т. 1. С. 275. Воспроизведение: Левичева. С. 262—263.

3) Тетр. ПД 833, л. 48 об. (Ав₃) — беловой, с двумя слоями одновременной правки (первый, сделанный, вероятно, по ходу письма; второй, последние поправки в ст. 1, 3, 5 и 9, — позднее, другими чернилами), под заглавием: «Гл(инке)»; текст

поздней редакции. Напечатано: Майков. Материалы. С. 168—170 (публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Автограф стихотворения, о котором упоминает Пушкин в письме к брату от конца 1822 г. («Я послал было их через тебя, но ты письма моего не получил...» — Акад. Т. 13. С. 54—55), неизвестен.

Копии:

1) С. А. Соболевского в тетради В. К. Кюхельбекера (ПД, ф. 244, оп. 3, № 17, л. 16) (Соб) — под заглавием: «К Глинке»; конца 1824—начала 1825 г. (на последующих листах, л. 19—23, находится написанная рукой В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского рукопись статьи «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности»). Без разнотчений с текстом Ав₂; по-видимому, восходит непосредственно к письму Пушкина к брату.

2) Сб. Соболевского «*Avant les voyages*» (Соб₁) — ст. 1—8, под заглавием: «Феодору Николаевичу Глинке».

3) Тетр. Бартенева (Бар) — ст. 1—8, под заглавием: «Феодору Николаевичу Глинке», с примечанием Бартенева на полях: «По свидетельству С. А. Соболевского, Пушкин очень любил эти стихи». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 517 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

4) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — две копии: 1) л. 82 об.—83 (Лон—Полт (1)) — под заглавием: «Отрывок», ст. 1—8; 2) л. 138—138 об. (Лон—Полт (2)) — под заглавием: «Феодору Николаевичу Глинке», с примечанием: «Пушкин особенно любил это стихотворение». Копия Лон—Полт (2) напечатана: Совр. 1856. № 7. Отд. V. С. 9—10 (публ. М. Н. Лонгинова).

Все копии восходят к тексту ранней редакции.

Заглавие вошло:

1) В список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 — в записи: «Ф. Г.—», под датой: «1822» (см.: Рукою П. 1997. С. 212). Факсимильное воспроизведение списка: Раб. тетр. Т. 3.

2) В список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Глинке», под № 50, отмечено условным значком жанра посланий (см.: Рукою П. 1997. С. 179).

Впервые: *Бартенев П. И. А. С. Пушкин: Материалы для его биографии. Глава 3: (1817—1820) // МВед. 1855. № 145, 3 дек. (отд. отт. С. 48) (ст. 1—8; публ. П. И. Бартенева по копии с письма Пушкина к брату, сообщенной С. А. Соболевским); полностью: Совр. 1856. № 7. Отд. V. С. 9—10 (публ. М. Н. Лонгинова по копии Лон—Полт (2)). Поздняя редакция впервые: Майков. Материалы. С. 168—169 (публ. В. И. Саитова).*

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается ранняя редакция по беловому автографу Ав₂ в письме Пушкина к брату, заглавие восстанавливается по Ав₁; поздняя редакция — по беловому автографу Ав₃.

Датируется предположительно концом 1821—началом 1822 г.; поздняя редакция датируется предположительно сентябрем 1827—1828 г.

Пушкин в списке произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (см. выше) отнес стихотворение к 1822 г., причем поставил его после «Братьев разбойников», «Олега» (т. е. «Песни о вещем Олеге»), «Царя Никиты» и «Цензору» (т. е. «Послания цензору»). По положению стихотворения в списке можно было бы за-

ключить, что оно написано не ранее весны 1822 г. (во всяком случае после 1 марта — даты под беловым автографом «Песни о вешем Олеге» на л. 6 об. тетради ПД 832). Однако относительно произведений 1822 г. список, судя по всему, не отражает хронологию их создания. Положение белового автографа Ав₁ в тетради ПД 833 (л. 17 об.) указывает на более раннюю дату: послание расположено здесь среди стихотворений конца 1821 г.: «Война» (л. 12—12 об.; с датой под текстом: «1821»), «Алексееву» (л. 13—14; под заглавием: «А—ву», с датой под текстом: «1821»), «К Овидию» (л. 14 об. —17; под заглавием: «Овидию», с датой под текстом: «1821 дек(абря) 26»), «Приметы» (л. 18; под заглавием: «Отрывок», с датой под текстом: «27 <декабря 1821 ?>»). Нельзя, впрочем, исключать, что стихотворения на эти листы тетради переписывались не непосредственно по мере создания, а спустя некоторое время, возможно, в начале 1822 г. (ср. дату: «1822 гевв(арь)» под текстом эпиграммы «У Кларисы денег мало...» на л. 11 об.). Пушкин вновь обратился к тексту послания Глинке, по-видимому желая приспособить его к печати в связи с замыслом нового издания своих стихотворений. При этом в подготовительном списке стихотворений для издания, составленном между концом апреля и августом 1827 г. (ПД 291, л. 2 об.; см.: Рукою П. 1997. С. 176—177) послание отсутствует. Ав₃ в тетради ПД 833 расположен на л. 48 об., верхнюю часть которого занимает отрывок «Мне пришла в голову мысль...», вошедший в «Отрывки из писем, мысли и замечания», работа над которыми велась в августе—сентябре 1827 г. (см.: Акад. Т. 11. С. 536). Послание вошло список стихотворений конца мая—июня 1828 г. (ПД 95). Возможно, переработка его осуществлялась около этого времени. Т. Г. Цявловская, видимо считая, что послание было переработано вскоре после составления списка, предлагала датировать позднюю редакцию концом мая—июлем 1828 г. (Акад. Т. 2. С. 1121). В Ст 1829, две части которых вышли в мае и июне 1829 г., послание, однако, не вошло.

В основном корпусе традиционно помещалась ранняя редакция стихотворения из письма к Л. С. Пушкину. Только Л. Н. Майков считал позднюю редакцию «окончательным» текстом (см.: Майков. Материалы. С. 168—169). Появление позднего текста объяснялось попыткой Пушкина приспособить стихотворение к цензурным требованиям (см.: Акад. Т. 2. С. 1121; *Иезутова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833 : (История заполнения) // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 247), что вовсе не очевидно. По-видимому, Пушкин в большой степени, если не полностью, руководствовался соображениями чисто художественными. В тексте 1828 г. резко уменьшена семантическая формульность языка. Пушкин вычеркнул ст. 1—4 и изменил ст. 13, в которых говорилось о его изгнании: в 1828 г. изгнанником был уже не Пушкин, а Глинка, в марте 1826 г. арестованный по делу декабристов, в июне исключенный из военной службы и высланный в Петрозаводск под надзор полиции. После исключения ст. 1—4 из текста ушло романтически клишированное противопоставление поэтического «я» «презренной толпе». Также был убран еще один поэтический штамп — «изменившая дружба» в ст. 11. По замечанию Ю. М. Лотмана, «в 1828 г., в сочетании с именем Ф. Глинки, слово „дружба“ звучало как сигнал уже прошедшей декабристской эпохи и не должно было сочетаться со снижающим понятием измены» (*Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста : Структура стиха. Л., 1972. С. 158).

Стихотворение адресовано Федору Николаевичу Глинке (1786—1880), поэту, прозаику и публицисту, участнику войны 1805—1806 гг., Отечественной войны

1812 г. и заграничных кампаний 1813—1815 гг., гвардии полковнику (с 1818 г.), в 1819—первой половине 1821 г. чиновнику по особым поручениям при петербургском генерал-губернаторе графе М. А. Милорадовиче, видному деятелю ранних этапов декабристского движения, члену Союза спасения и Союза благоденствия, околосекретарской масонской ложи «Избранного Михаила» (с 1816 г., вскоре — один из руководителей), общества «Зеленая лампа» и Вольного общества любителей российской словесности, где представлял левое крыло и в 1819—1825 гг. избирался председателем. Следование высоким нравственным идеалам, независимая и смелая гражданская позиция Глинки, проявлявшиеся, в частности, в благотворительности и борьбе с разного рода злоупотреблениями и неправосудием, вызывали уважение у его современников, что не мешало им, впрочем, с некоторой иронией относиться к некоторым комическим сторонам его личности. «Я часто выдался с поэтом Федором Глинкою, которому граф Милорадович поручил в Петербурге смотрение за тюрьмами и богоугодными заведениями, — писал в своих воспоминаниях А. И. Михайловский-Данилевский. — Глинка есть истинный друг человечества, я не встречал подобного энтузиаста ко всему доброму. Расскажите при нем о каком-нибудь благородном поступке, тотчас цвет лица его переменится и вид его, обыкновенно мрачный, делается веселым. Он жил в бедности, но, невзирая на то, послал однажды заключенным в тюрьмах сто горшков цветов. Он думал, что государь его не жаловал за смелые речи, которые он произносил в масонских ложах, о чем он узнал, служа при генерал-губернаторе, от членов тайной полиции, которые сообщили ему выписки из сих его речей. Соединяя редкое благородство чувств с пламенным воображением и убедительным красноречием, он не знал людей, а особенно двора, а потому, не соображаясь с духом времени, он иногда в ложах бывал неосторожен» (РС. 1899. № 12. С. 555). Сочетание почтительности и иронии в отношении к Глинке было характерно и для Пушкина, познакомившегося с Глинкой вскоре по выходе из Лицея и достаточно тесно общавшегося с ним в 1818—1820 гг. К поэтическому творчеству Глинки Пушкин относился холодно (см., например, определение Глинки как «довольно плоского певца» в «Послании В. Л. Пушкину» (1817) — наст. изд., т. 1, с. 274; также эпиграмму «Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах...» (1825)). Впрочем, в основной части иронические отзывы Пушкина о Глинке относятся к более позднему времени, когда в поэзии Глинки заметно усиливаются ноты религиозной экзальтированности и пафос христианского нравоучения.

Весной 1820 г. Глинка одним из первых узнал о грозящей Пушкину опасности и, воспользовавшись своим влиянием при Милорадовиче, принял участие в судьбе поэта. Историю этих дней Глинка рассказал в написанной по просьбе П. И. Бартенева в 1866 г. мемуарной записке «Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году». Пушкин обсуждал с Глинкой свой визит к М. А. Милорадовичу, и Глинка рекомендовал ему идти к генерал-губернатору, «не смущаясь и без всякого опасения» и «положиться безусловно на благородство его души» (П. в восп. Т. 1. С. 207). Отослав свой мемуар издателю «Русского архива», Глинка писал к нему 12 апреля 1866 г.: «По желанию вашему, я объяснил вам дело о Пушкине, как оно было и почему рассказанное мною может объяснить содержание того прекрасного (стихи изумительно прелестные!) послания, которое адресовал ко мне Пушкин после своего острацизма» (Там же. С. 483).

В письме к А. С. Пушкину от 27 июля 1821 г. Пушкин писал о Глинке: «Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что он славная душа — и что я люблю его, как должно» (Акад. Т. 13. С. 31), а посылая в Петербург адресованные

Глинке стихи, поручал брату: «...покажи их Глинке, обними его за меня и скажи ему, что он все-таки почтеннейший человек здешнего мира» (Там же. С. 55). Получив ответное письмо от Л. С. Пушкина, он писал ему 30 января 1823 г.: «Я рад, что Глинке полюбились мои стихи — это была моя цель» (Там же. С. 56). Публикуя полный текст стихотворения, М. Н. Лонгинов отметил: «Это превосходное послание было одною из любимейших пьес самого поэта, который, по свидетельству одного из самых близких его друзей, С. А. С(оболевского), часто приводил в разговорах стихи из него» (Совр. 1856. № 7. Отд. V. С. 10; см. также приведенные выше примечания в копиях Бар и Лон—Полт (2)).

Ст. 2. *Меня постигнул остракизм...* — Пушкин имеет здесь в виду свою высылку из Петербурга в апреле 1820 г. Остракизм — временное изгнание из пределов государства в древних Афинах, решение о котором принималось по воле народа путем общего тайного голосования. Он, по словам Плутарха, не был наказанием за какой-нибудь низкий поступок, но назывался «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества». Так, Плутарх рассказывает об остракизме Аристиды (см. ниже примеч. к ст. 16) в 482 г. до н. э., главную причину которого видит в недоброжелательстве народа к каждому, «кого возвышала над толпой слава или громкое имя». «И вот, сойдясь со всех концов страны в город, афиняне подвергли Аристиду остракизму, скрывши ненависть к славе под именем страха перед тиранией» (Ар., 7; *Плутарх. Сравнительные жизнеописания* : В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 301, пер. С. П. Маркиша (Сер. «Литературные памятники»). Тема изгнания, по-разному звучащая в пушкинском творчестве южного периода, таким образом, находит здесь новое преломление: изгнание как отверженность «толпой» — мотив, получивший развитие в ряде последующих южных стихотворений («Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...», «Свободы сеятель пустынный...», наброски, предположительно связываемые со стихотворением «Демон», — см. наст. т., с. 129—130, 89, 331—335).

Ст. 6. *Венки пиров и блеск Афин...* — В иносказательном смысле имеется в виду Петербург. Использование словосочетания «венки пиров» см. также в элегии «Мне вас не жаль, года весны моей...» (1820) (наст. т., с. 107).

Ст. 7. *Но голос твой мне был отрадой...* — После высылки Пушкина из Петербурга, в сентябре 1820 г., Глинка опубликовал в журнале «Сын отечества» (Ч. 64, № 38. С. 231—233) свое послание «К Пушкину» («О Пушкин, Пушкин! Кто тебя...»), написанное, как следует из авторского примечания («Стихи сии написаны за год пред сим, по прочтении двух первых песней „Руслана и Людмилы“»), еще летом 1819 г. и заканчивавшееся стихами:

Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..

См. также указание М. Н. Лонгинова в копии Лон—Полт (2), что стихотворение Пушкина сочинено «по поводу послания к нему Глинки (...) и воспоминания поэта о Глинке, смело заступившемся за него в мае 1820 года...».

Ст. 16. *Тобой оправдан, Аристид.* — Аристид (ок. 540—ок. 468 до н. э.) древнегреческий государственный деятель и полководец, один из стратегов, руково-

дивших афинским войском в битвах с персами при Марафоне (490 до н. э.), Саламине (480 до н. э.) и Платее (479 до н. э.). Был известен своими гражданскими добродетелями: честностью, бескорыстием, твердостью и постоянством в делах и начинаниях, присутствием духа в несчастиях. Плутарх в жизнеописании Аристида отмечает, что из всех его качеств справедливость более других обращала на себя внимание и доставила ему любовь афинян. «Вот почему этот бедняк, человек совсем незнатный, получил самое что ни на есть царственное и божественное прозвище „Справедливого“...» (Ар. 2—4, 6; *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. С. 300—301).

«БРАНИСЬ, ВОРЧИ, БОЛВАН БОЛВАНОВ...»

(С. 71 и 296)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) П. И. Долгорукова (ПД, ф. 244, оп. 17, № 112, л. 6 об.) (Долг₁) — без заглавия, в рукописи его дневника «35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья»; запись от 28 января. Напечатано: Правда. 1936. № 340, 11 дек. (публ. В. Д. Бонч-Бруевича).

2) И. П. Липранди (ПД, ф. 244, оп. 17, № 122, л. 129) (Липр) — запись ст. 4—6 в наборной рукописи «Из записок И. П. Липранди». Напечатано: П. в восп. Т. 1. С. 325 (публ. Н. Я. Эйдельмана).

3) В. П. Горчакова (ПД, ф. 244, оп. 17, № 122, л. 129) (Горч) — без заглавия, запись карандашом на полях наборной рукописи «Из записок И. П. Липранди». Напечатано: Акад. Т. 2. С. 739 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копия, бывшая в распоряжении А. М. Фадеева, кишиневского знакомого Пушкина (Фад), по которой им была осуществлена первая публикация эпиграммы (см. ниже), утрачена.

Впервые: РА. 1891. Т. 1, № 3. С. 393 (в ст. 5 напечатаны только два последних слова; публ. А. М. Фадеева).

В собрание сочинений впервые включено: Акад. Т. 2.

Печатается по Долг₁.

Датируется 20-ми числами (до 28-го) января 1822 г. на основании записи в дневнике П. И. Долгорукова.

Адресат эпиграммы — Иван Николаевич Ланов (ок. 1755—?), кишиневский знакомый Пушкина, член Попечительного комитета о колонистах, статский советник. П. И. Долгоруков 28 января 1822 г. записал в своем дневнике: «Пушкин на днях выпустил стишки на моего товарища, и они уже пошли по рукам». Далее Долгоруков приводит пушкинскую эпиграмму, к тексту которой им сделано примечание на нижнем поле страницы: «У Ланова с Пушкиным произошла за столом в присутствии наместника ссора, и Пушкин вызвал Ланова на поединок, но товарищу было не до пистолетов. Он хотя и принял предложение и звал Пушкина к себе на квартиру, но пригрозил несколько солдат, чтоб его высечь розгами. Это проведаль Пушкин и написал свою эпиграмму. Наместник грозил запереть его. „Вы это можете сделать, — отвечал Пушкин, — но я и там себя заставляю уважать”» (ПД, ф. 244, оп. 17, № 112, л. 6 об.; П. в восп. Т. 1. С. 351). О ссоре Пушкина с Лановым, не называя

имени последнего, в печати было рассказано П. И. Бартевым: «...на одном обеде в Кишеневе какой-то солидный господин, охотник до крепких напитков, вздумал уверять, что водка лучшее лекарство на свете и что ею можно вылечиться даже от горячки. „Позвольте усумниться“, — заметил Пушкин. Господин обиделся и назвал его *молокососом*. „Ну, уж если я *молокосос*, — сказал Пушкин, — то вы, конечно, *виносос*”» (Бартев П. И. Пушкин в южной России // Русская речь и Московский вестник. 1861. № 101, 17 дек. С. 769; то же: РА. 1866. № 8—9. Стб. 1186; Бартев П. в южной России. С. 134—135; Бартев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 209). В своих воспоминаниях о Пушкине, написанных как замечания на работу Бартева, Липранди подробно остановился на эпизоде с Лановым. По его словам, Ланов «был в бесперывной вражде с Пушкиным, или, правильнее сказать, первый враждовал, а второй отделялся острыми эпиграммами и шутками без всякой желчи и был счастлив, когда смеялись тому». «Ланов, — пишет далее Липранди, — бывший адъютант Потемкина, человек не без образования, на старинную руку и с понятиями о разделении лет и чинов. Ему было за 65 лет, среднего роста, плотный, с большим брюхом, лысый, с широким красным лицом, на котором изображалось самодовольствие; вообще он представлял собою довольно смешной экземпляр, всегда налитый вином. Он постоянно обедал у Инзова и потому должен был часто встречаться за тем же столом с Пушкиным. Ланову не нравилось свободное обращение Александра Сергеевича и ответы его Инзову, который всегда с улыбкой возражал. (...) Ланов назвал Пушкина *молокососом*, а тот его *винососом*; это случилось перед самым окончанием стола; Инзов улыбнулся, встав из-за стола, вошел к себе, а Ланов вызывал Пушкина на поединок. Пушкин хохотал и, видя, что тот настаивает, рассказывая о своих поединках при князе Таврическом, сказал ему: „То было тогда... А теперь:

Твоя торжественная рожа
На бабье г..но так похожа,
Что только просит киселя!”

Ланов выходил из себя, тем более что сказанное Пушкиным вызвало общий более или менее сдерживаемый смех каждого из присутствующих. Ланов несколько успокоился тогда только, когда Пушкин принял его вызов. Инзов услышал смех в столовой, или уведомленный о происшедшем, возвратился в столовую и скоро помирил их. Ланов, из чиновничества к Инзову, согласился оставить все без последствий, а Пушкин был очень рад, чтобы не сделаться смешным» (ПД, ф. 244, оп. 17, № 122, л. 129—129 об.; П. в восп. Т. 1. С. 324—325). В. П. Горчаков в заметках на полях воспоминаний Липранди настаивал на том, что «Ланов не вызывал Пушкина, и в наказание Ланову Пушкин ограничился только известным тогда стихотворением» (далее следует текст) (ПД, ф. 244, оп. 17, № 122, л. 129; П. в восп. Т. 1. С. 325). Та же версия, что Ланов не вызывал Пушкина на дуэль, изложена Горчаковым и в «Выдержках из дневника об А. С. Пушкине». Здесь, приведя пушкинскую фразу о «*молокососе*» и «*винососе*», Горчаков пишет: «При этом все расхохотались, противник не обиделся, а ошалел. По воспитанию и понятиям он держался поговорки простолюдинов: брань на вороту не виснет; но Пушкин уронил его во мнении...» (П. в восп. С. 247).

Ст. 6. ...просит киселей. — пинков коленом (см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 1914. Т. 2. Стб. 27).

«У КЛАРИСЫ ДЕНЕГ МАЛО...»

(С. 72 и 296)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 11 об. — беловой, с поправкой в ст. 2, под заглавием: «Эпиграмма», с пометой под текстом: «1822 Генв(арь)». Напечатано: Майков. Материалы. С. 151 (вариант ст. 2); Венг. Т. 2. С. 589 (публ. С. А. Венгерова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), под заглавием: «Совет», в составе отдела «Эпиграммы, надписи и пр.», утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 578 (заглавие и начало первой строки с указанием, что далее следует «вся пьеса»).

Копия Л. С. Пушкина (РГАЛИ, ф. 2567 (Ю. Г. Оксмана), оп. 2, № 6, л. 3) (Пуш) — на сложенном вдвое листке почтовой бумаги малого формата с водяным знаком 1820 г.; на первой из получившихся четырех страничек (л. 2) — автограф стихотворения Е. А. Баратынского «Очарованье красоты...» (1824), затем записи рукой Л. С. Пушкина: на л. 2 об. — пушкинские эпиграммы «Как, жив еще курилка журналист?...» (1825) и «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» (1821), на л. 3 — «В Элизии Василий Тредьяковский...» (1825) и «У Кларисы денег мало...», на л. 3 об. — «Как брань тебе не надоела!...» (1821), «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи...» и эпиграмма Баратынского «Так, он ленивец, он негодник...». Напечатано: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 334 (разночтение в ст. 2).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Ст 1826. С. 101 (отдел «Эпиграммы и надписи»); вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 158 (отдел стихотворений «разных годов»). Перепечатывалось: Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, аполонги и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 176 (под заглавием: «Эпиграмма»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется январем 1822 г. согласно помете в автографе.

Предположение Н. О. Лернера (Венг. Т. 2. С. 589), что эпиграмма относится к Аглае Антоновне Давыдовой (см. о ней в примеч. к стихотворению «Кокетке» — наст. т., с. 551—552), представляется лишенным каких-либо оснований (справедливые возражения П. О. Морозова см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 192).

ДРУЗЬЯМ

(«Вчера был день разлуки шумной...»)

(С. 73 и 297)

Автографы:

1) ПД 886 (Ав₁) — беловой, с одновременными и двумя более поздними поправками в ст. 4 и 14; под заглавием: «15 февраля 1822», позднее выше заглавия приписано: «(К(ек)у, П(олторацк)им и Г(орчако)ву»); под текстом — фигурный росчерк в виде птицы. На отдельном листе. Описание: *Модзалевский Л. Б.* Рукописи Пушкина в собрании Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде. Л., 1929. С. 8.

Бумага № 106 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (определено Т. И. Краснобородько). Лист был сложен вчетверо. Напечатано: Отчет ИПБ за 1888 г. С. 176 (в виде вариантов; публ. И. А. Бычкова). Воспроизведение: *Полевой П. Н.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней. СПб., 1903. Т. 3. С. 141—142.

2) ПД 50, л. 1—1 об. (Ав₂) — белой, под заглавием: «Друзьям. Вакхическая песнь», исправленным из первоначального: «Вакхическая песнь» (подзаголовок «Вакхическая песнь» отмечен слева крестом и вычеркнут не пушкинской рукой — позднейшая цензурная поправка, см. ниже), с подписью-монограммой: «АП»; на одном листе со стихотворениями «Гречанке» («Ты рождена воспламенять...») (1822) и «Элегия» («Увы, зачем она блистает...») (1820). Был послан Пушкиным издателем «Полярной звезды». Напечатано: Майков. Материалы. С. 158 (в виде вариантов; публ. В. И. Сантова).

Копия С. А. Соболевского в тетради В. К. Кюхельбекера (ПД, ф. 244, оп. 3, № 17, л. 16 об.—17) (Соб) — под заглавием «Вакхическая песнь», с подписью под текстом: «1 дурак».

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) — в записи: «Друзьям (1822)», в перечень стихотворений отдела «Смесь». Напечатано: Майков. Автографы П. С. 577. Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Песни. Стансы. Сонеты»).

Впервые: ПЗ 1824. С. 24—25, под заглавием: «Друзьям» (в оглавлении: «К друзьям»), с подписью: «А. Пушкин». Перепечатано с незначительными пунктуационными отличиями: НЛ. 1824. Ч. 7, № 10. С. 159. Вошло в Ст 1826. С. 81—82 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1822») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 153—155 (отдел стихотворений 1822 г.).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 16 февраля 1822 г. на основании даты в Ав₁.

По воспоминаниям В. П. Горчакова, стихотворение было написано на другой день после прощального обеда на квартире А. П. и М. А. Полторацких, устроенного по случаю отъезда из Кишинева В. Т. Кека (см.: *Горчаков В. П.* Воспоминание о Пушкине: По поводу статьи «Еще о Пушкине», помещенной в № 11-м «Общезанимательного вестника» // Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 191). М. А. Цявловский в изданиях под своей редакцией начиная с КН до Асад. в 6 т. и в «Летописи» (С. 329—330; то же: Летопись 1991. С. 301; Летопись 1999. Т. 1. С. 275) и Б. В. Томашевский (см.: Пушкин 1955. С. 781; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 409) датировали стихотворение 15 февраля 1822 г. по заглавию в Ав₁. Однако дата, вынесенная Пушкиным в заглавие, несомненно указывает на день самого прощального обеда, стихотворение же должно датироваться следующим днем, т. е. 16 февраля. Именно эта дата принята Т. Г. Зенгер (Цявловской) в Акад. (Т. 2. С. 1112). Ав₂, посланный издателем альманаха, может датироваться предположительно июнем 1822 г. (см. в примеч. к стихотворению «Увы, зачем она блистает...» — наст. т., с. 519).

В Ав₂, посланном издателем «Полярной звезды», стихотворение имело заглавие: «Друзьям. Вакхическая песнь». Снятие подзаголовка было вызвано цензурными претензиями. В 1822 г. стихотворение не было пропущено цензурой. Год спустя,

3 октября 1823 г. К. Ф. Рылеев сообщил В. И. Туманскому: «„Вакхическая песнь“, не пропущенная прошлого года, под именем стихов к Друзьям проскользнула сквозь тесную калитку цензуры и с торжеством вошла в широкие ворота „Полярной звезды“» (Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 473). Видимо, подзаголовок «Вакхическая песнь» в Ав₂, бывшем в распоряжении издателей «Полярной звезды», был вычеркнут кем-то из них при подготовке стихотворения к повторному цензурованию.

Копия Соб, датирующаяся концом 1824—началом 1825 г. (на последующих листах, л. 19—23, находится написанная рукой В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского рукопись статьи «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности»), восходит не к тексту первой публикации и не к автографу Ав₂, посланному в «Полярную звезду».

Валерий Тимофеевич Кек (1801—после 1862), Алексей Павлович Полторацкий (1802—1863), Михаил Александрович Полторацкий (1801—1836) и Владимир Петрович Горчаков (1800—1867) — кишиневские приятели Пушкина. Все четверо — выпускники Муравьевского училища для колонновожатых, офицеры Генерального штаба, занимавшиеся в Кишиневе военно-топографической съемкой Бессарабии. «Все офицеры Генерального штаба того времени, — писал И. П. Липранди, — составляли как бы одно общество, конечно, с подразделениями, иногда довольно резкими. С одними Пушкин был неразлучен на танцевальных вечерах, с другими любил покутить и поиграть в карты, с иными был просто знаком, встречая их в тех или других местах...» (П. в восп. Т. 1. С. 296). В. Т. Кек был выпущен из училища прапорщиком в апреле 1821 г., с июня служил в Кишиневе. В феврале 1822 г. он получил отпуск, по случаю чего и давалась дружеская пирушка, и в Кишиневе уже не возвращался. С июня 1822 г. состоял при военно-топографической съемке Литовско-Виленской губернии, в апреле 1823 г. по домашним обстоятельствам вышел в отставку в чине подпоручика и жил в своем имении в Пензенской губернии (см.: Черейский Л. А. Забытый знакомый Пушкина: (По архивным данным) // Врем. ПК 1971. Л., 1973. С. 88—90). А. П. Полторацкий (Полторацкий 1-й), подпоручик Квартирмейстерской части, был выпущен из училища в марте 1820 г., впоследствии — штабс-капитан лейб-гвардии Павловского полка (сентября 1827 г.), полковник Генерального штаба (с апреля 1836 г.), председатель Тверской казенной палаты (1839—1863), действительный тайный советник. Его двоюродный брат М. А. Полторацкий (Полторацкий 2-й) окончил училище одновременно с Кеком и, вероятно, служил в Кишиневе также с июня 1821 г., впоследствии штабс-капитан. После отъезда из Кишинева Пушкин встречался с Полторацкими в 1828 г. в Петербурге (см.: Черейский. С. 341—342). В. П. Горчаков выпущен из училища в 1819 г., с ноября 1820 г. — квартирмейстер при штабе 16-й пехотной дивизии М. Ф. Орлова, в апреле 1822 г. произведен в подпоручики, с мая — участник военно-топографической съемки; один из ближайших друзей Пушкина в Кишиневе, впоследствии автор воспоминаний о Пушкине, основанных на дневниковых записях кишиневского времени.

Предположение П. И. Бартенева, что именно это стихотворение под заглавием «Прощание» было прочитано А. А. Бестужевым в публичном заседании Вольного общества любителей российской словесности 22 мая 1823 г. в доме Д. А. Державиной (см. официальный отчет о заседании: Соревн. 1823. Ч. 22, № 6. С. 296—297; Бартенов. П. в южной России. С. 138—139; Бартенов П. И. О Пушкине. М.,

1992. С. 211—212), не может быть принято. Сам Бестужев в письме к П. А. Вяземскому от 23 мая 1823 г. сообщал, что прочел в собрании «Пушкина маленькую пьеску „Прощание с жизнью“» (ЛН. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 204). Вполне возможно, Бестужев читал стихотворение «Кривцову» («Не пугай нас, милый друг...»), которое собирался напечатать в ПЗ 1824 (намерение Бестужева вызвало какие-то возражения Пушкина, видимо просившего издателей «Полярной звезды» не печатать стихотворения, однако еще раньше оно не было пропущено цензурой; см. письмо К. Ф. Рылеева к В. И. Туманскому от 3 октября 1823 г. — *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. С. 473).

Ст. 1. *Вчера был день разлуки шумной...* — Написание автографов и прижизненных публикаций традиционно сохраняется во всех изданиях, тем самым эпитет «шумной» однозначно относится к «разлуке» («день шумной разлуки»). Вполне вероятно все же, что речь идет о «шумном дне», и в соответствии с современной орфографией следовало бы печатать: «Вчера был день разлуки шумный».

Ст. 7 — 8. *Когда вы, други, отличили Почетной чашею меня.* — «Пили из складных походных стаканов, которые вставляются один в другой; Пушкину дали самый большой, наружный» (Бартенев. П. в южной России. С. 137—138; то же: *Бартенев П. И.* О Пушкине. С. 211).

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

(«Как ныне собирается вещей Олег...»)

(С. 74 и 298)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 4—6 об. — белой, с одновременной правкой, с помтой под текстом: «1. март 1822»; с приписанным позднее примечанием к словам «Твой щит» в ст. 28. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 326 (примеч. к словам «Твой щит»); Майков. Материалы. С. 154—156 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Копия Ф. Ф. Вигеля из архива Тургеневых (ПД, ф. 244, оп. 4, № 61) (Тург) — с ошибкой в ст. 85 («Князь тихо на череп ступил»); на одном листе с копиями стихотворений «Наполеон» (текст первой редакции под заглавием: «Ода») и «Я пережил свои желанья...» (под заглавием: «Элегия»); лист голубой бумаги большого почтового формата, с водяным знаком, с золотым обрезом; после заполнения был сложен вчетверо (для вложения в конверт), с карантинными проколами. Копия датируется серединой августа—сентябрем (до 17-го) 1823 г.; была послана Вигелем А. И. Тургеневу в Петербург в конце октября—начале ноября 1823 г. (см. выше примеч. к стихотворению «Наполеон» — наст., т., с. 643—644).

Заглавие в записи: «Олег» вошло в список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1822») (см.: Рукою П. 1997. С. 211, 212). Факсимильное воспроизведение списка: Раб. тетр. Т. 3.

Вошло в Тетр. Капниста (Кап) — заглавие в записи: «Олег», исправленном на «Песнь о вещем Олег(е)», в перечне стихотворений отдела «Смесь» и отдельно записанное распорядительное примечание, как печатать четвертую строфу (ст. 19—24). Напечатано: Майков. Автографы П. С. 577, 578. Фотокопия листа с перечнем отдела «Смесь»: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Баллады и песни»).

Впервые: СЦ 1825. С. 253—257, с ошибками в ст. 19 и 23 (кавычки, открывающие речь волхва, поставлены не в ст. 19, а в ст. 23) и в ст. 71 («И внемлют ответу: на холме крутом» вместо: «И внемлет ответу: на холме крутом»), исправленной здесь же на с. VI. Вошло в Ст 1826. С. 59—64 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1822»), с повторением ошибок первой публикации в ст. 19, 23 и 71 (отсутствие в начале ст. 19 кавычек, обозначающих речь волхва, указано в числе замеченных ошибок на с. XII), и в Ст 1829. Ч. 1. С. 153—155 (отдел стихотворений 1822 г.), с повторением ошибки в ст. 71 и с пунктуационными отличиями. Самым существенным изменением пунктуации в Ст 1829 стало снятие восклицательных знаков, которыми в Ст 1826 заключались ст. 17, 25, 49, 53 и 58, а также в середине ст. 51 («Теперь отдыхай! Уж не ступит нога»). Перепечатано: Русская стихотворная хрестоматия / Собр. Васильем Золотовым. М., 1829. Ч. 2. С. 292—293; Греч Н. И. Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы. 2-е испр. изд. СПб., 1830. Ч. 3. С. 318—320 (под заглавием: «Смерть Олега»); Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. Иждивением московского купца Осипа Иванова Хрусталева. М., 1831. Ч. 3. С. 33—39; Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах / Сост. И. Пенинский. СПб., 1834. Ч. 2. С. 440—444 (под заглавием: «Смерть Олега»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829, с исправлением ошибки в ст. 71 по беловому автографу и указанию в СЦ 1825.

Датируется 1 марта 1822 г. по помете в автографе. Во второй половине января—начале февраля 1824 г. Пушкин писал брату: «Дельвигу буду писать, но если не успею, скажи ему, чтоб он взял у Тургенева Олега вещего и напечатал» (Акад. Т. 13. С. 87). Пушкин несомненно имел в виду посланный Ф. Ф. Вигелем Тургеневу список стихотворения (см. выше). Однако по сравнению с текстом копии в публикацию «Северных цветов» были внесены дополнительные поправки, которые могли быть сообщены Пушкиным после февраля 1824 г. в одном из не дошедших до нас писем к Дельвигу. Примечание к словам «Твой щит» и позднейшая правка в тексте автографа, не вошедшие в печатные тексты стихотворения (кроме поправки в ст. 72, фиксирующей уже ранее внесенное в текст изменение), по-видимому, относятся к еще более позднему времени — не ранее середины марта 1825 г. (см. ниже примеч. к ст. 28). Вероятно, сделаны в период подготовки Ст 1826 (апрель—сентябрь 1825 г.).

Ранее имя Олега было упомянуто Пушкиным в конспективной записи на л. 46 тетради ПД 831: «Олег — в Византию — Игорь и Ольга — Поход», датирующей 18—26 июля 1821 г. по окружающим ее пушкинским пометам (на л. 45 об. и 46 об.). Предложенная Т. Г. Зенгер (Цявловской) в Акад. (Т. 2. С. 741) трактовка этой записи как «программы» «Песни о вещем Олеге» представляется неправомерной. Запись отражает события, изложенные в гл. V и VI первого тома «Истории государства Российского» Карамзина, но легендарный сюжет о смерти Олега в ней как раз не отмечен. По-видимому, она должна рассматриваться в ряду других таких же записей Пушкина конца 1820—1822 г., связанных с перечитыванием первых томов «Истории» Карамзина: на л. 39 об. тетради ПД 830 — названия месяцев у древних славян, выписанные из гл. III первого тома «Истории» (см.: Рукою П.

1997. С. 456; запись расположена в конце основного чернового автографа «Кавказского пленника», после окончательного плана поэмы и датируется временем пребывания Пушкина в Каменке в декабре 1820—январе 1821 г.); на л. 50 тетради ПД 830 — выписка «Славен оснует город Славянск...» и т. д. (под заглавием: «Предания») из открывавшей труд Карамзина историографической справки «Об источниках российской истории до XVII века», и ниже через отчерк ссылака на рассказ о путешествии игумена Даниила к Святым местам из гл. VI второго тома; на л. 7 об. тетради ПД 832 — о детях Владимира и данных им уделах из гл. IX первого тома (см.: Акад. Т. 5. С. 505).

Источником баллады послужило летописное сказание о смерти в 912 г. Олега, варяжского князя, правившего после Рюрика, с 879 по 912 г. Олег начал править как регент при малолетнем сыне Рюрика Игоре, но его власть с совершеннолетием Игоря не закончилась. В 882 г., вероломно убив киевских варяжских князей Аскольда и Дира, он захватив Киев и стал киевским князем. «Олег, обогранный кровию невинных князей, знаменитых храбростию, — пишет Н. М. Карамзин в своей «Истории» (т. 1, гл. V), — вошел как победитель в город их, и жители, уstraшенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя» (Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 1. С. 124—125). В 906 г. Олег совершил победоносный поход на Царьград и заключил выгодный мир. «В знак победы герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега *вещим*, то есть мудрым или волхвом» (Там же. С. 134—135). О смерти Олега Карамзин пишет: «Сей герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия. Окруженный знаками побед и славы, государь народов многочисленных и повелитель войска храброго мог казаться грозным и в самом усыплении старости. Он совершил на земле дело свое — и смерть его казалась потомству чудесною. „Волхвы, — так говорит Летописец, — предсказали князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года; в осень пятого вспомнил Олег о предсказании и, слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила князя, и герой скончался...”. Уважение к памяти великих мужей и любопытство знать все, что до них касается, благоприятствуют таким вымыслам и сообщают их отдаленным потомкам. Можем верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его; но мнимое пророчество волхвов или кудесников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности» (Там же. С. 142—143). Ранее в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин указал на два исторических сюжета, связанных с именем Олега: «Олег, победитель греков, героическим характером своим может воспламенить воображение художника. Я хотел бы видеть его в ту минуту, как он прибывает щит свой к царьградским воротам, в глазах греческих вельмож и храбрых его товарищей, которые смотрят на сей щит как на верную цель будущих своих подвигов. В эту минуту Олег мог спросить: *кто более и славнее меня в свете?* — Сей же князь может быть предметом картины другого рода — философической, если угодно. Во всяких старинных летописях есть басни, освященные древностию и самым просвещенным историком уважаемые, особливо

если они представляют живые черты времени, или заключают в себе мораль, или остроумны. Такова есть басня о смерти Олеговой». Далее следует пересказ предания (ВЕ. 1802. Ч. 6, № 24. С. 293—294; то же: Карамзин М. Н. Соч. М., 1820. Т. 7. С. 251). Тема смерти Олега была отвергнута современниками Карамзина как «баснословная» и не заключающая в себе «ничего чрезвычайного» (см.: Тургенев А. И. Критические примечания, касающиеся до древней словено-русской истории // Северный вестник. 1804. № 6. С. 288; Писарев А. А. Предметы для художников, избранные из российской истории, славенского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и прозе. СПб., 1807. Ч. 2. С. 261—262). Первый из указанных Карамзиным сюжетов, напротив, получил признание и был рекомендован российским живописцам (см.: Тургенев А. И. Критические примечания, касающиеся до древней словено-русской истории. С. 288; Писарев А. А. Предметы для художников, избранные из российской истории... Ч. 1. С. 20—21). Сюжет вполне укладывался в литературную программу Союза благоденствия, призывавшую авторов обращаться к героическим эпизодам русской истории (см.: Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 270), и именно он лег в основу исторической «думы» К. Ф. Рылеева «Олег Вещий» (см. ниже, примеч. к ст. 28). Проводником «декабристской» трактовки исторической темы в ближайшем кишиневском окружении Пушкина был В. Ф. Раевский (см. о нем наст. т., с. 880—881), у Пушкина же этот несколько тенденциозный подход особых симпатий, судя по всему, не вызывал. См., например, рассказ И. П. Липранди о чтении Пушкиным пересланного в Кишинев тюремного послания Раевского: «Начав читать „Певца в темнице“, он заметил, что Раевский упорно хочет брать все из русской истории, что и тут он нашел возможность упоминать о Новгороде и Пскове, о Марфе Посаднице и Вадиме...» — П. в восп. Т. 1. С. 328). См. также отзыв о «думах» Рылеева в письме к нему от второй половины мая 1825 г.: «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы „Петра в Остр(огожске)“ чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест (loci topici). Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен...» (Акад. Т. 13. С. 175). Для своей исторической баллады Пушкин выбрал сюжет не «героический», а мифопоэтический и в этом отношении даже не строго национальный. В примечаниях к рассказу о смерти Олега в «Истории государства Российского» Карамзин указывает на исландскую сагу о рыцаре Орваре Одде: «Вещунья предсказала ему смерть от любимого коня его, именем Факса. Конь умер, и рыцарь, стоя на его могиле, думал, что вся опасность миновалась; но ящерица (lacerta) выползла из гниющего черепа Факсова и в пяту укусила Орвара» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 410—411; о принадлежности сюжета о смерти Олега к международному сюжетно-мотивному фонду и о связях его с традиционной культурой см., например: Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России : Юбилейный сб., посвященный чл.-кор. РАН Я. Н. Щапову. М., 2005. С. 95—108; Неклюдов С. Ю. Легенда о вещем Олеге : Опыт исторической реконструкции // Соп атоге : Историко-филол. сб. в честь Л. Н. Киселевой. М., 2010. С. 366—395). «Национализация» стиля происходит в пушкинской балладе за счет исторически точного словоупотребления и введения в текст историко-бытовых реалий (дружина, цареградская броня, кудесник, Перун, тризна, отроки-други и т. д.), просторечных фор-

мул, за счет предпочтения, отдаваемого устойчивым эпитетам (буйный набег, верный конь, темный лес, мудрый старец, могильная земля, синее море, грозная броня, конь ретивый и т. д.), и своего рода эпической объективации повествования (см. подробнее: Виноградов. Стиль П. С. 428—435; *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. 2-е изд. М., 1965. С. 331—334; *Творогов О. В.* Лексика «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1959. Т. 169. С. 229—253).

Балладный стиль определил метрику стихотворения (амфибрахий) и его строфика — четырехстишие с чередованием четырех- и трехстопного амфибрахия и заключительное двустишие четырехстопного амфибрахия (434344); рифмовка совпадает со сменной размеров: все четырехстопные стихи мужские, а трехстопные — женские (аВаВсс). Как указал Б. В. Томашевский, строфа «Песни» совпадает с первым шестистишием десятистишной строфы баллады В. А. Жуковского «Граф Гапсбургский» (опубл.: *Für Wenige. Для немногих.* 1818. Кн. 5. С. 13—25) — перевода одноименной баллады Ф. Шиллера («*Der Graf von Habsburg*», 1803). Еще ближе она к «Горной песни» Жуковского (опубл.: *Für Wenige. Для немногих.* 1818. Кн. 4. С. 2—7; в позднейших изданиях под заглавием: «Горная дорога») — переводу стихотворения Шиллера «*Berglied*» (1804). «Горная песнь» идентична балладе Пушкина по размеру и рифмовке (кроме первой и четвертой строф, где последняя пара стихов женские). Б. В. Томашевский полагал, что Пушкин исходил из строфы «Графа Гапсбургского», но, считая ее перегруженной, отбросил четверостишную заключительную часть, основываясь на примере «Горной дороги» (см.: Томашевский. Строфика П. С. 107—108; Томашевский. Пушкин, I. С. 545). Еще ранее В. В. Виноградов отметил, что кроме «Графа Гапсбургского» возможное влияние на ритмико-синтаксическую структуру пушкинского стихотворения могла оказать историческая элегия К. Н. Батюшкова «Гезиод и Омир соперники» (1817) (см.: Виноградов. Стиль П. С. 307; также: *Сандомирская В. Б.* К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // *Врем. ПК* 1972. Л., 1974. С. 24—25). См. о семантическом ореоле размера Ам4/3 наблюдения А. С. Немзера: *Немзер А. С.* «Песнь о вещем Олеге» и ее следствия // *Acta Slavica Estonica IV: Тр. по рус. и славянской филологии. Литературоведение, IX: Хрестоматийные тексты: Русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон.* Тарту, 2013. С. 239—247 и след. Рассмотрение «Песни о вещем Олеге» в связи с «Графом Гапсбургским» и в более широком контексте европейской и русской балладной традиции о властителе и певце см.: *Keil R. D.* *Der Fürst und der Sänger: Varianten eines Balladenmotivs von Goethe bis Puškin* // *Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa.* Giessen, 1978. S. 219—268 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen. Bd. 13); *Немзер А. С.* 1) «Сии чудесные виденья...» // *Зорин А., Немзер А., Зубков Н.* «Свой подвиг свершив...». М., 1987. С. 221—227; 2) Песнь о вещем Олеге и ее следствия. С. 243—250.

Новизна пушкинского подхода к изображению исторического предмета вызвала восторженный отзыв П. А. Плетнева: «„Песнь о вещем Олеге“ должна обратить на себя особенное внимание критики. У нас многие справедливо жалуются на малое число стихотворений, которые бы можно было назвать национальными. Поэты наши, увлекаясь красотою общими, как бы убегают отечественных. По нашему мнению, это происходит оттого, что мы не успели еще открыть всех поэтических сторон своего отечества, его истории и особенно того способа, как ими надобно пользоваться в поэзии. Истинный гений тем и отличается от простого дарования, что он с первого

раза чувствует поэзию своего нового предмета, поэзию его изложения, не отнимая у него красот времени и места. Это можно ясно видеть, читая рассматриваемое нами новое произведение Пушкина. Оно должно быть образцом для всех, покушавшихся писать в этом роде. Имена лиц, верность происшествий, место действия, упоминаемые в стихотворении, прозаически только делают его национальным. Поэзия требует резких красок, душевной полноты, быстрого одушевления. Кто в состоянии соединить все это и оживить целую картину необходимыми для поэзии подробностями избранного им времени и места, тот не напрасно будет воскрешать давно минувшие события: они сделаются священными для современников и потомков. Таково стихотворение Пушкина» (Соревн. 1825. Ч. 29, № 1. С. 105—107; П. в критике, I. С. 254). В околодекабристских кругах пушкинская баллада была, однако, встречена сдержанно. Возражения, видимо, вызывали и выбор сюжета, и историческая трактовка образа, лишенная героической пафосности. «Тебе, кажется, Олег не нравится, — писал Пушкин А. А. Бестужеву в конце января 1825 г. из Михайловского, — напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического» (Акад. Т. 13. С. 139). Мнением Бестужева несомненно был определен сдержанный тон отзыва журнала «Сын отечества». «Никто более меня не уважает дарований А. С. Пушкина, — писал рецензент, скрывшийся за подписью: «Д. Р. К.» (вероятно, Ф. В. Булгарин), — и это самое заставляет меня сказать откровенно, из уважения к нему, что его стихотворение „Песнь о вещем Олеге“, хотя имеет много прекрасного, но в общем составе несколько отстает от прочих его произведений. — В нем видна какая-то холодность, совершенно противоположная тем порывам чувства и воображения, которые нас восхищают и, так сказать, увлекают в мир, всегда удачно создаваемый поэтом; но эта пиеса в сравнении с произведениями одного только Пушкина может иметь недостатки: она составила бы славу многих наших так называемых *первоклассных* поэтов; в ней есть все, кроме пылости Пушкина и той обворожительной прелести, игривости в стихах, которую мы лучше постигаем, нежели умеем выразить» (СО. 1825. Ч. 99, № 3. С. 308—309; П. в критике, I. С. 250; о возможной принадлежности псевдонима «Д. Р. К.» Булгарину см. там же, с. 430—431). Сам Бестужев, впрочем, от печатной полемики воздержался и в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов» назвал «думу» «Олег» в числе тех стихотворений «Северных цветов» на 1825 г., которые «прелестны наиболее» (ПЗ 1825. С. 20; П. в критике, I. С. 292).

Ст. 2. *Отмстить неразумным хозарам...* — Хозары (хазары, козары) — тюркский народ, первоначально кочевавший в степях на западной стороне Каспийского моря. К VII в. относится возникновение Хазарского каганата и начало военной экспансии хазар. «Рассеянные племена славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в начале VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители киевские, северяне, радимичи и вятичи признали над собою власть каганову» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 41—42 (гл. II)). К этому времени хазары уже перестают быть только кочевниками, у них появляются селения и целые города (см.: Там же. С. 43). После призвания на Русь варягов (862) хазары вынуждены были уступить им Киев, а несколько позднее, уже при князе Олеге, в 884—885 гг., и другие земли. «...Соединив цепию завоеваний Киев с Новымгородом, Олег уничтожил господство хана

козарского в Витебской и Черниговской губернии. Сей хан дремал, кажется, в приятностях восточной роскоши и неги: изобилие Тавриды, долговременная связь с цветущим Херсоном и Константинополем, торговля и мирные искусства Греции усыпили воинский дух в козаках, и могущество их уже клонилось к падению» (Там же. С. 126—127 (гл. V)).

Ст. 9. *Покорный Перуну старик одному...* — «В России, до введения христианской веры первую степень между идолами занимал *Перун*, бог молнии, которому славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного *мироправителя*» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 88 (гл. III)).

Ст. 28. *Твой щит на вратах Царьграда...* — В № 11 журнала «Новости литературы» за 1822 г., вышедшем в свет 5 сентября (П. в печати. С. 19), была напечатана дума К. Ф. Рылеева «Олег Вещий», где, в частности, были стихи:

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.
(НЛ. 1822. Ч. 1, № 11. С. 171)

Получив в Кишиневе журнал, Пушкин писал брату: «*Душа моя, как перевести по русски *bévue*s (промах — фр.)?* — должно бы издавать у нас журнал „*Revue des Bévue*s” („Обозрение промахов” — фр.). Мы поместили бы там выписки из критик Воейкова, полудневную денницу Рылеева, его же герб российский на вратах византийских (во время Олега герба русского не было — а двуглавый орел есть герб византийский и значит разделение Империи на Зап(адную) и Вост(очную) — у нас же он ничего не значит). Поверишь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи ваших журналов, чтоб не найти с десяток этих *bévue*s, поговори об этом с нашими...» (Акад. Т. 13. С. 54; здесь письмо датировано 1—10 января 1823 г.; В. И. Саитов датировал его концом 1822 г. — Переписка П. Т. 1. С. 63; Б. Л. Модзалевский началом января 1823 г. — Письма. Т. 1. С. 44; говоря о «полудневной деннице» Пушкин имеет в виду строки «Средь мрачной и сырой темницы, / Куда лишь в полдень проникал, / Скользя по сводам, луч денницы...» из думы Рылеева «Богдан Хмельницкий», напечатанной в 1822 г. трижды: РИ. 1822. № 54, 1 марта; Соревн. 1822. Ч. 18, № 6. С. 342; СО. 1822. Ч. 78, № 23. С. 130; при переиздании в 1825 г. стихи были Рылеевым поправлены). Тот же анахронизм отметил Н. М. Карамзин в «Хронике Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» польского историка М. Стрыйковского (Strykowski; ок. 1547—после 1582): «Стрыйковский (см. в его Хронике гл. III) видел на Галатских воротах, против Константинополя, изображение всадника, бывшего Московским гербом, и думал, что сей всадник списан там с древнего щита Олегова! Князь мог повесить щит свой на царьградских воротах, но греки не захотели бы долго им любоваться, и Св. Георгий не был, конечно, гербом Олеговым» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 402—403, примеч. 315). В середине марта 1825 г. в Михайловском Пушкин получил от И. И. Пущина только что вышедшее отдельное издание рылеевских «Дум» (см. письма И. И. Пущина к Пушкину от 18 февраля и 12 марта 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 144—151). Во второй половине мая 1825 г. Пушкин в письме к Рылееву вновь вернулся к вопросу о щите: «Ты напрасно не поправил в „Олеге” герба России. Древний герб, с(вятой) Георгий, не мог находиться на щите

язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III. Не прежде. Летописец просто говорит: Тоже повеси щит свой на вратах на показание победы» (Акад. Т. 13. С. 175—176). Здесь Пушкин приводит цитату из «Летописца русского от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича», изданного Н. А. Львовым в 1792 г. и более известного под названием Львовской летописи. Высказывалось предположение, что при создании «Песни о вещем Олеге» Пушкин обращался непосредственно к Львовской летописи (см.: *Немировская К. А.* «Песнь о вещем Олеге» и летописное сказание // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1949. Т. 76. С. 13—56; *Томашевский. Пушкин, I.* С. 546—547). Эта гипотеза не представляется достаточно обоснованной: ссылка Пушкина на Львовскую летопись в 1825 г., во время работы над «Борисом Годуновым», никак не может служить аргументом в пользу его знакомства с летописью в 1822 г. По-видимому, после чтения с отдельного издания «Дум», т. е. не ранее середины марта 1825 г., Пушкин на полях автографа в тетради ПД 832 вписал соответствующее примечание к слову «щит» в ст. 28 (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 301). Оно отсутствует и в копии Вигеля, и в тексте публикации «Северных цветов» и, вероятно, предназначалось для Ст 1826, но, как и вся правка этого времени, в окончательный текст не вошло.

Ст. 29. *И волны и суша покорны тебе...* — Реминисценция из стихотворения Батюшкова «Песнь Гаральда Смелого» (1816): «И море и суша покорствуют нам...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 131; см.: *Владимиров П. В.* А. С. Пушкин и его предшественники в русской литературе. Киев, 1899. С. 27).

Ст. 33. *И пращ, и стрела, и лукавый кинжал...* — Пращ (праща) — метательное орудие для кидания камней. Здесь Пушкин, по-видимому, употребляет слово «праща» неточно, имея в виду не сам снаряд, а выпускавшийся из него камень. Ср. то же словоупотребление в послании В. А. Жуковского «К Воейкову» (1814): «От стука палиц, свиста пращей / Далече слышен гул дрожащий», в балладе П. А. Катенина «Ольга» (1816): «Мчатся всадник и девица / Как стрела, как пращ, как птица». На неточность в катенинской «Ольге» указывал Н. И. Гнедич: «Пращи не летают. Пращ есть веревка или ремень, которые всегда остаются в руках человека, мечущего ими камни» (Гнедич Н. И. О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» // СО. 1816. Ч. 31, № 27. С. 17).

Ст. 54 — 56. *Вы, отроки-друзи, возьмите коня! Покройте попоной, мохнатым ковром; В мой луг под узды отведите...* — Реминисценция из исторической элегии Батюшкова «Гезиод и Омир соперники»: «Коней отрешите от тягостных уз / И в стойлы прохладны ведите...» (Батюшков. Соч. 1934. С. 93). Отроки — «молодые отборные воины (<...>, которые служили при князе» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. С. 240 (гл. X)).

Ст. 88 — 90. *На тризне, уже недалеко, Не ты под секирой ковыль обгаршишь И жаркою кровью мой прах напоишь!* — О ритуале заклания коня на тризне (помянок по умершему в языческой Руси) говорится в «Истории» Карамзина: «Славяне российскийские — кривичи, северяне, вятичи, радимичи — творили над умершим тризну: показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. (...) Но славяне киевские и волынские издревле погребали мертвых; (...) ближние умершего язвили лица свои и закаляли на могиле любимого коня его» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. С. 102—103 (гл. III)).

Ст. 99. *Князь Игорь и Ольга на холме сидят...* — Игорь (ум. в 945 г.) — сын Рюрика, великий князь киевский с 912 г., преемник Олега; княгиня Ольга (ок. 890—969) — его жена (с 903 г.).

«ЛЮБЛЮ ВАШ СУМРАК НЕИЗВЕСТНЫЙ...»

(С. 77 и 302)

Автографы:

1) Тетр. ПД 832, л. 13—15 — черновой первой редакции, без заглавия. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 331 (указание на автограф); Майков. Материалы. С. 147—148 (в виде сводки; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 834, л. 1 — белой, с правкой; текст первой редакции, под заглавием: «Отрывок». Напечатано: Посм. Т. 9. С. 168—170 (по копии ТЖ); Ефр. 1882. Т. 1. С. 526—527 (отдельные первоначальные варианты). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Копия Л. С. Пушкина в письме к С. А. Соболевскому от 26 окт. 1825 г. (ПД, ф. 244, оп. 17, № 136, л. 339—339 об.) — текст второй редакции, без заглавия.

Вошло в список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Вы нас уверили поэты», под № 1, отмечено условным значком жанра элегий (см.: Рукою П. 1997. С. 178).

Впервые: МТ. 1826. Ч. 7, № 1. Отд. II. С. 5—6, под редакторским заглавием: «Элегия», с неточностью в ст. 9 («И невидимо навещают» вместо: «И невидимы навещают»). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 168—169 (отдел стихотворений 1822 г., без заглавия, с обозначением в оглавлении: «(Люблю ваш сумрак)»), с повторением неточности первой публикации в ст. 9.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4. С. 266—267; Т. 9. С. 168—170 (первая редакция).

Печатается по Ст 1829 с исправлением ст. 9 по копии Л. С. Пушкина.

Датируется предположительно второй половиной марта—апрелем 1822 г.; белой автограф в тетради ПД 834 датируется второй половиной 1822—началом 1823 г. (до марта—начала апреля).

Черновому автографу в тетради ПД 832 предшествуют белой автограф «Песни о вещем Олеге» (л. 4—6 об.), датированный 1 марта 1822 г., и черновик стихотворения «Мой друг, уже три дня...» (л. 7), писавшегося 10—11 марта 1822 г. (см. примеч. к нему — наст. т., с. 864). Далее, однако, тетрадь заполнялась не строго последовательно, и хронология появления в ней различных записей поддается лишь условной реконструкции. Черновой автограф стихотворения «Ты сердцу непонятный мрак...» (первой редакции стихотворения «Люблю ваш сумрак неизвестный...») на л. 13—14 об., по всей вероятности, появился раньше, чем в тетради была начата работа над поэмой «Бахчисарайский фонтан», автограф которой занимает л. 19—29. Работу над черновиком поэмы в тетради ПД 832 Пушкин завершил предположительно в июне 1822 г. (на л. 33 об. у стихотворного наброска к «Бове») («Народ [кипит], гремят народны клики...») датирующие пометы: «30 июня» и «1 июля»). Записи на л. 12 об. и 15—16, которыми окружен черновик «Отрывка», — прозаическая программа «Страсти мои утихают...», стихотворные наброски «Ты вновь со

мною, наслаждение...», «Счастливей край, где блещут воды...», «Один, один остался я...» и, возможно, «За нею по наклону гор...» — сделаны в другое время и другими чернилами. С определенной долей вероятности их можно связать с лирическими фрагментами задуманных Пушкиным вступления (посвящения) и эпилога «Бахчисарайского фонтана» и датировать временем переделки и доработки поэмы, т. е. второй половиной 1822—началом 1823 г. (сужение этого периода только до начала 1823 г. (см.: Пушкин. Поэмы и повести 2007. С. 260, 2-я паг., коммент. О. А. Проскурина) не представляется правомерным: обычно Пушкин приступал к переделке текста непосредственно по завершении основного черновика). Ход записей на л. 12 об.—16 тетради ПД 832 на этапе доработки «Бахчисарайского фонтана» предположительно выстраивается следующим образом: записав на л. 12 об., на обороте оформленного (возможно, ранее) титульного листа с заглавием «Таврида», прозаическую программу «Страсти мои утихают...», в которой вполне можно видеть программу «элегического эпилога» поэмы, Пушкин начал ее реализовывать на л. 15—15 об., следующем свободном от записей листе тетради. Перед этим он вновь просмотрел текст стихотворения «Ты сердцу непонятный мрак...» на л. 13—14 об., внес в него отдельные поправки, внизу л. 14 об. доработал ст. 49—52, а сверху л. 15 наметил еще один стих. Тогда же, видимо, «Отрывок» был переделан на л. 1 тетради ПД 834, начало которой уже было занято рукописями «Бахчисарайского фонтана» (объем и содержание автографа «Бахчисарайского фонтана» в тетради ПД 834 неясны, поскольку после л. 1 из тетради было вырвано 29 листов, см.: Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 834 : (История заполнения) // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 203). Переделавшееся, судя по перу, чернилам и характеру письма, одновременно с «Отрывком» ниже него на листе стихотворение «Иностранке» завершено на л. 1 об. под текстом вступления к поэме, которое в окончательный текст не вошло. Из этого следует, что л. 1 заполнялся после л. 1 об. Поэма была окончательно завершена в марте—начале апреля 1823 г. Так датируются последние относящиеся к ней записи на л. 3 об. тетради ПД 834 — белой, с поправками автограф заключительных строк поэмы: «Я помню столь же милый взгляд ~ Вокруг утесов Аю-дага...» (на л. 4 тетради записано незавершенное стихотворение «Брат милый, отроком расстался ты со мной...», датирующееся, вероятно, серединой апреля 1823 г. — см. примеч. к нему, наст. т., с. 892, на л. 4 об. — даты «9 мая» и «28 мая» перед текстом чернового автографа первой главы «Евгения Онегина»).

Вторая редакция датируется временем между мартом 1823 и ноябрем 1824 г.: стихотворение, как следует из его дальнейшей печатной истории, было в числе пушкинских произведений, оказавшихся в распоряжении Л. С. Пушкина при его отъезде из Михайловского в первых числах ноября 1824 г. (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 455). 27 марта 1825 г. Пушкин писал брату: «Об Вяз(емском) получил известие. Перешли ему, душа моя, все, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений» (Акад. Т. 13. С. 157; см. также в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г.: «Брат писал мне, что ты в Д(арском) С(еле), что он переписал для тебя мои стихи...» — Там же. С. 187). 26 октября 1825 г. Л. С. Пушкин писал С. А. Соболевскому: «...помнится, я князю Вяземскому вручил все новые пьесы моего брата, но однако впоследствии оказалось, что одна из них ускользнула, почему я и препровождаю ее на его благорасположение» (далее следует текст стихотворения) (ЛН. М., 1834. Т. 16—18. С. 728; Ларионова Е. О. Письмо Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому от 26 октября 1825 г. // Врем. ПК. Вып. 32 (в печати)). Получив стихотворение, С. А. Соболевский своей волей отдал его в

«Московский телеграф», чем вызвал возмущение Л. С. Пушкина: «Что за своевольное распоряжение пьесой, мною присланной не к тебе, а к Вяземскому; почему ты знаешь, что Вяземский, *единственный и полный* ее хозяин, отдал бы ее в „Телеграф“?» (ЛН. Т. 16—18. С. 729). Соболевский, однако, несомненно основывался на разрешении, данном Пушкиным Н. А. Полевому на публикацию имеющихся в распоряжении П. А. Вяземского его новых стихотворений (см. в письме П. А. Вяземского к Пушкину от 16 и 18 октября 1825 г.: «Телеграф получил от тебя письмо, уполномочивающее его взять у меня твоих стихов мелких. Я все боюсь, потому что ты превздорный на этот счет. Того и смотри, что рассердишься...» — Акад. Т. 13. С. 238). Источником первой публикации, таким образом, явилась копия стихотворения в письме Л. С. Пушкина к Соболевскому. Ст. 9—10 в ней читаются: «И невидимы навещают / Места, где было все милей». Различение печатных изданий («И невидимо навещают») следует приписать неточности или Соболевского, переписывавшего стихотворение для «Московского телеграфа», или типографских наборщиков. При перепечатке стихотворения в Ст 1829 Пушкин, скорее всего, просто не обратил на это различие внимания. В настоящем издании восстанавливается чтение копии Л. С. Пушкина, как непосредственно восходящей к авторскому тексту.

Б. В. Томашевский выдвинул гипотезу, что все записи на л. 12—16 тетради ПД 832 относятся к одному замыслу, и на этом основании создал реконструкцию незавершенной пушкинской «синтетической элегии» (своего рода полупоэмы) «Таврида», а стихотворение «Люблю ваш сумрак неизвестный...» как самостоятельное, возникшее на основе «Тавриды», перенес в корпус текстов 1825 г. (см.: *Томашевский Б. В.* «Таврида» Пушкина // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1949. № 122. Сер. филол. наук. Вып. 16. С. 102—120; Томашевский. Пушкин, I. С. 492—496; Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 106—109, 296—297; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 110—113; 293—294). Это решение не может быть признано обоснованным. Томашевский не учел одновременности записей в тетради. Представленный им текст фрагментарен и семантически и интонационно противоречив. Самостоятельность стихотворения «Ты сердцу непонятный мрак...» зафиксирована беловым автографом под заглавием «Отрывок», которое должно рассматриваться как жанровое определение, а не как обозначение включенности текста в состав более крупного произведения (см.: *Сандомирская В. Б.* «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // ПИМ. Л., 1979. Т. 9. С. 72). Подробнее см.: *Ларионова Е. О.* Еще раз о пушкинской «Тавриде» // Врем. ПК. Вып. 32 (в печати).

В беловом автографе первой редакции в тетради ПД 834 под текстом стихотворения вписан иной вариант ст. 41—42: «Зачем не верить вам, поэты / Да т(ени)» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 312). В самом тексте стихи остались неисправленными. Этот «дополнительный» вариант не был учтен в копии Тетради Жуковского (ТЖ) и тем самым в Посм. и последующих изданиях. М. А. Цявловский в ГИХЛ 1935 (Т. 1. С. 563) ввел его в основной текст, но Т. Г. Зенгер (Цявловская) в Акад. (Т. 2. С. 757) от такого решения отказалась. С вопросом об окончательном чтении ст. 41—42 связана также проблема места в композиции стихотворения фрагмента «Мечты поэзии прелестной ~ И ваши тайные цветы» (ст. 37—40). В черновом и беловом автографах первой редакции эти стихи неоднократно подвергались переносу. Изначально написанные до ст. 41—48 («Вы нас уверили поэты ~ Сердца покинутых друзей»), они уже в ходе работы над черновым автографом были перемещены в позицию после него (см. раздел «Другие редак-

ции и варианты» — наст. т., с. 308). Это решение было Пушкиным отменено, однако белой автограф в тетради ПД 834 свидетельствует о продолжавшихся колебаниях: Пушкин после ст. 36 начал стих: «Вы нас уверили», зачеркнул его, записал фрагмент «Мечты поэзии прелестной ~ И ваши тайные цветы», затем отчеркнул эти четыре стиха фигурной скобкой и отметил перенос их в конец стихотворения. Такой порядок стихов был зафиксирован копией ТЖ, Посм. и всеми последующими изданиями как окончательный. Запись исправленных стихов 41—42 сделана, однако, после знака, отмечающего место переноса, что может означать еще одно возвращение к прежней композиции стихотворения. В настоящем издании текст первой редакции (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 302—303) печатается без учета намеченной в белом автографе переработки ст. 37—42, не вполне ясной, не подтвержденной никакой другой рукописью и не отразившейся в тексте второй редакции.

Стихотворение примыкает к группе пушкинских произведений южного периода, поднимающих темы загробного бытия и возможности или невозможности сохранения памяти сердца за гробом. Оно ориентировано на обширную традицию легкой поэзии. См., например, элизейские мотивы в стихотворении К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (1811—1812):

Пускай веселы тени
 Любимых мне певцов,
 Оставля тайны сени
 Стигийских берегов
 Иль области эфиры,
 Воздушною толпой
 Слетят на голос лирный
 Беседовать со мной!..
 (Батюшков. Соч. 1934.
 С. 111)

Тема посмертного общения, утешения и продолжения за гробом земной любви была устойчивым топосом поэзии начала XIX в. Весь перечисленный комплекс мотивов: незримые посещения «мест, где было все милей», утешение оставшихся на земле, ожидание «странников» («замедливших гостей») в их истинном отечестве — присутствует у В. А. Жуковского в послании «К Б(лудо)ву» (1810):

Над вами буду я,
 Древес под зыбкой сенью,
 Невидимую тенью
 Летать, рука с рукой
 С утраченным Филоном.
 Тогда вам тихим звоном
 Покинутая мной
 На юном клене лира
 Пришельцев возвестит
 Из таинственна мира,
 И тихо пролетит
 Задумчивость над вами;
 Увидите сердцами
 В незнаемой дали

Отечество желанно,
 Приют обетованный
 Для странников земли.
 (Жуковский. ПСС.
 Т. 1. С. 152)

Ср. развитие мотивов этого фрагмента в «Эоловой арфе» (1814). См. также стихотворения Батюшкова «К Тассу» (1808), «Привидение» (1810; вольный перевод X элегии 1-й книги эротических стихотворений Э.-Д. де Форжа де Парни «Le Revenant»), «Элегия из Тибулла» (1815); А. А. Дельвига «Элизиум поэтов» (1814—1817), «В день моего рождения...» (1819); Е. А. Баратынского «Елизийские поля» (1821—1824), «Богдановичу» (1824) и др.

См. также в стихотворении Альфонса Мари Луи де Ламартина (Lamartine; 1790—1869) «Вечер» («Le Soir», 1819):

Peut-être ces mânes heureux
 Glissent ainsi sur le bocage?
 Enveloppé de leur image,
 Je crois me sentir plus près d'eux!

Ah! si c'est vous, ombres chéries!
 Loin de la foule et loin du bruit,
 Revenez ainsi chaque nuit
 Vous mêler à mes rêveries.

⟨Может быть, это их счастливые тени скользят в роще? Окруженный их образами, Я ощущаю себя ближе к ним! Ах, если это вы, дорогие тени! Вдали от толпы и от шума, прилетайте каждую ночь смешиваться с моими мечтаниями. — фр.⟩ (Lamartine A. de. Méditations poétiques 7-me. éd. St.-Petersbourg, 1821. P. 17—18; Франц. элегия. С. 328). Ср. в переводе В. Н. Григорьева, напечатанном в феврале 1822 г. в «Благонамеренном» (Ч. 17, № 7. С. 275—277):

Так — может быть — их счастливые тени
 Смущают сон дряхлеющих дубов —
 И мнится мне, что я в вечерней сени
 Сижу близ них под говором листов.

Так — если вы, о тени незабвенных,
 Вы точно здесь виетесь толпой —
 Слетайтесь в час, думам посвященный,
 Дарить меня беседою немой!

(Франц. элегия. С. 508)

Мотив отказа от загробного забвения во имя сохранения памяти о прекрасном земном в шуточной инструментовке представлен в стихотворении Мильвуа «Река забвения» («Le fleuve d'oubli», 1808), переведенном в начале 1823 г. Баратынским под заглавием «Лета». Подробный анализ источников и контекстов элизейской топикки у Батюшкова см.: Пильщиков И. А. Символика Элизия в поэзии Батюшкова // Антропология культуры / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2004. Вып. 2. С. 86—123; см.

также: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры : «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 101—107.

В первой редакции стихотворения очевидны следы чтения вышедшего в 1820 г. первого поэтического сборника Ламартина «Поэтические размышления» («Méditations poétique»; в 1820— 1822 гг. выпущено 9 изданий, не считая зарубежных перепечаток).

Ст. 18 — 19. *Быть может, с ризой гробовой Все чувства брошу я земные...* — Параллель к этим стихам отмечена в элегии Батюшкова «К другу» (между 1813 и 1817 гг.):

Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен:
Ногой надежно ступаю
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.
(Батюшков. Соч. 1934. С. 99)

См.: Кибальник С. А. «Придет ужасный час... твои небесны очи» // Незавершенные произведения Пушкина : Материалы науч. конф. М., 1993. С. 10. Еще более близкие стихи обнаруживаются у Батюшкова в элегии «Надежда» (1815 ?):

Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?
(Батюшков. Соч. 1934. С. 57)

По всей вероятности, у Пушкина это была именно переключка с Батюшковым: как отметил В. Э. Вацуро, «мотив освобождения от „земной ризы” спустя десятилетие с лишним станет вполне тривиальным», тогда как в элегиях Батюшкова «он только прокладывает себе путь в русской поэзии» (Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. С. 196—197).

Другие редакции и варианты

Первая редакция. Ст. 12 и след. *И взоры в бездну погружая...* — Эти стихи, возможно, восходят к «Тавриде» (во 2-м издании: «Херсонида») С. С. Боброва:

По тем ужасным кривизнам,
Отколе взоры непривычны
По скату, как крутой стене,
В глубоку пропасть упая,
Мутятся и дрожат в закруге.
(Бобров С. С. Таврида, или Мой летний день в таврическом Херсонисе. Николаев, 1798. С. 93;
Бобров С. С. Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом : Лиро-эпическое песнотворение. СПб., 1804. С. 108)

Поэма Боброва в период южной ссылки привлекала внимание Пушкина: в письме из Кишинева к Л. С. Пушкину от 27 июля 1821 г. он просил прислать ему «Тавриду» (Акад. Т. 13. С. 30), а Вяземскому 1—8 декабря 1823 г. в связи с перефразированным стихом Боброва в ранней редакции «Бахчисарайского фонтана» признавался: «Меня ввел во искушение Бобров: он говорит в своей „Тавриде“: *Под стражею скопцов гарема. Мне хотелось что-нибудь у него украсть*» (Акад. Т. 13. С. 80; о других случаях обращения к поэме Боброва в пушкинских произведениях см.: Коровин В. Л. Поэзия С. С. Боброва в творчестве Пушкина // Пушкин и русская культура. М., 1999. Вып. 2. С. 47—58).

Ст. 22—24. *Ужели с ризой гробовой Все чувства брошу я земные И чужд мне станет мир земной?* — См. в «Бессмертии» («L'Immortalité», 1817) Ламартина:

...Au néant destinés,
Est-ce pour le néant que les êtres sont nés?
Partageant le destin du corps qui la recèle,
Dans la nuit du tombeau l'âme s'engloutit-elle?
Tombe-t-elle en poussière? ou, prête à s'envoler
Comme un son qui n'est plus, va-t-elle s'exhaler?
Après un vain soupir, après l'adieu suprême
De tout ce qui t'aimait, n'est-il plus qui t'aime?..

⟨...Обреченные небытию, для небытия разве рождены живые существа? Разделит ли душа судьбу заключающего ее тела, поглотит ли ее могильная ночь? Рассеется ли она во прахе или, стремясь улететь, исчезнет, как угасающий звук? После тщетных вздохов, после последнего прощания из всего, что тебя любило, не остается ничего, что тебя любит?.. — фр.) (Lamartine A. de. Méditations poétiques. P. 24; Франц. элегия. С. 336).

ГРЕЧАНКЕ

(«Ты рождена воспламенять...»)

(С. 78 и 312)

Автографы:

1) Тетр. ПД 833, л. 18 об.—19 (Ав₁)— белой, с поправками. Напечатано: Майков. Материалы. С. 160 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) ПД 50, л. 1 об.—2 (Ав₂) — белой, с примечанием к ст. 10 и подписью-монограммой: «АП»; на одном листе со стихотворениями «Друзьям. Вакхическая песнь» («Вчера был день разлуки шумной...») (1822) и «Элегия» («Увы, зачем она блистает...») (1820). Был послан Пушкиным издателем «Полярной звезды». Напечатано: Майков. Материалы. С. 160 (примеч. к ст. 10).

Заглавие вошло в список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1822») (см.: Рукою П. 1997. С. 212). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: ПЗ 1823. С. 107—108. Вошло в Ст 1826. С. 164—165 (отдел «Послания»; с датой в оглавлении: «1822») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 156—157 (отдел сти-

хотворений 1822 г.), с опечаткой в ст. 13 («Уж на тебя ль изображал» вместо: «Уж не тебя ль изображал»). Перепечатано: Собрание новых русских стихотворений, вышедших в свет с 1821 по 1823 год, служащее дополнением к собранию образцовых русских сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. 1. С. 276—277; Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземского и проч. М., 1835. С. 47—49.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829 с исправлением опечатки в ст. 13.

Датируется первой половиной 1822 г. (не позднее 21 июня). К 1822 г. стихотворение отнесено самим Пушкиным в Ст 1826 и Ст 1829. Об Ав₂, по-видимому, идет речь в письме Пушкина к А. А. Бестужеву от 21 июня 1822 г.: «Посылаю вам мои бессарабские бредни и желаю, чтоб они вам пригодились» (Акад. Т. 13. С. 38).

По свидетельству В. П. Горчакова и Ф. Ф. Вигеля, стихотворение обращено к кишиневской знакомой Пушкина Калипсо Полихрони (см.: *Горчаков В. П.* Воспоминание о Пушкине : По поводу статьи «Еще о Пушкине», помещенной в № 11-м «Общезанимательного вестника» // *Цявловский М. А.* Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 192; *Вигель Ч. 6.* С. 152—153). В начале этерии Полихрони с матерью, вдовой логофета (чиновника государственного управления), бежали из Константинополя в Одессу, потом, как пишет И. П. Липранди, «около половины 1821 года» (П. в восп. Т. 1. С. 294), поселились в Кишиневе. «В Кишиневе, — вспоминал Ф. Ф. Вигель, — проживала не весьма в безызвестности гречанка-вдова, называемая Полихрония, бежавшая, говорили, из Константинополя. При ней находилась молодая, но не молоденькая дочь, при крещении получившая мифологическое имя Калипсо (<...>). Она была невысока ростом, худощава, и черты у нее были правильные; но природа с бедняжкой захотела сыграть дурную шутку, посреди приятного лица ее прилепив ей огромный ястребиный нос. (<...> Исключая турецкого и природного греческого, хорошо знала она еще языки арабский, молдавский, итальянский и французский. Ни в обращении ее, ни в поведении не видно было ни малейшей строгости; если б она жила в век Перикла, история, верно, сохранила бы нам имя ее вместе с именами Фрины и Лаисы» (Вигель. Ч. 6. С. 152—153). Ср. портрет Калипсо Полихрони в воспоминаниях И. П. Липранди: «Она была чрезвычайно маленького роста, с едва заметной грудью; длинное сухое лицо всегда, по обычаю некоторых мест Турции, нарумяненное; огромный нос как бы сверху донизу разделял ее лицо; густые и длинные волосы, с огромными огненными глазами, которым она еще более придавала сладострастия употреблением „сурьме“. (<...> В обществах она мало показывалась, но дома радушно принимала. Пела она на восточный тон, в нос; это очень забавляло Пушкина, в особенности турецкие сладострастные заунывные песни, с аккомпанементом глаз, а иногда жестов» (П. в восп. Т. 1. С. 294). О матери Калипсо, «старухе Полихронии», Вигель рассказывал: «По всему городу носилась молва о силе ее волшебства. Она была упованием, утешением всех отчаянных любовников и любовниц. Ее чары и по заочности умягчали сердца жестоких и гордых красавиц и холодных, как мрамор, мужчин и притягивали их друг к другу» (Там же. С. 153).

Видимо, сама Калипсо Полихрони делала какие-то намеки на свою прошлую любовную связь с Байроном. В письме к П. А. Вяземскому от 5 апреля 1823 г. Пушкин звал друга в Кишинев, обещая, в частности, познакомить «с гречанкою, которая

целовалась с Байроном» (Акад. Т. 13. С. 61). Вигель говорил об увлечении Пушкина Калипсо, замечая, что воображение поэта было разгорячено «мыслию, что лет пятнадцати будто бы впервые познала она страсть в объятиях лорда Байрона, путешествовавшего тогда по Греции» (Вигель. Ч. 6. С. 153). Любовная связь Калипсо Полихрони с Байроном является, однако, несомненной легендой. Байрон прожил два месяца в Константинополе в 1810 г., когда Калипсо была еще ребенком, а с 1816 г. жил в Швейцарии и Италии, где встретиться с Калипсо они не могли. См.: *Simmons E. Byron and a Greek Maid // Modern Language Review. 1932. Vol. 27, № 3. P. 318—323; Алексеев М. П. Байрон и русская дипломатия // Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 435—436 (АН.Т. 91).*

В перечне женских имен в «донжуанском списке» Пушкина есть имя «Калипсо» (рядом зачеркнутая помета рукой П. С. Киселева (?): «гречанка») (см.: Рукою П. 1997. С. 265—266, 268; факсимильное воспроизведение: Ушаковский альбом. С. 90). О любовном увлечении Пушкина Полихрони писал также румынский поэт Костаки Негруцци (1808—1868) в своем мемуарно-художественном очерке «Калипсо» (1839), неоднократно перепечатававшемся, в том числе и в русском переводе (см., например: *Киров Х. С. Пушкинская гречанка // ИВ. 1884. № 2. С. 337—340; Отзывы о Пушкине с юга России / Собр. В. А. Яковлев. Одесса, 1887. С. 96—99; Негруцци К. Избранное. М., 1956. С. 134—137; указание на неправдоподобности и фактические ошибки в очерке Негруцци см.: Двойченко-Маркова Е. М. 1) Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века. М., 1966. С. 212—213; 2) Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 156—157). Увлечение это вряд ли было сильным и продолжительным. В марте 1824 г., когда Пушкин во время приезда в Кишинев познакомил Вигеля с Полихрони, Вигель не нашел в нем «и остатков любовного жара» (Вигель. Ч. 6. С. 153). И. П. Липранди вообще утверждал: «...Пушкин не был влюблен в Калипсу: были экземпляры несравненно лучше, и, как я полагаю, что ни одна из бывших тогда в Кишиневе не могла в нем порождать ничего, более временного каприза...» (П. в восп. Т. 1. С. 294). Традиционная атрибуция неоднократно повторяющегося в кишиневских рукописях Пушкина «греческого» женского профиля как портрета Полихрони (см.: *Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина : Каталог атрибуций. СПб., 1996. № 615—622*) более чем сомнительна: первый раз рисунок этого профиля появляется на л. 42 тетради ПД 830, записи на котором датируются второй половиной декабря 1820—первой половиной января 1821 г., т. е. задолго до времени возможного знакомства Пушкина с Полихрони (см.: *Рак В. Д. Пушкин на подступах к поэме «Кавказ» и в работе над нею // Рак 2003. С. 160—161; Рак. Записная книжка ПД 830. С. 32—33*).*

Опубликованные в «Полярной звезде» на 1823 г. пушкинские стихотворения «Гречанке» и «Элегия» («Увы, зачем она блистает...») были особо отмечены рецензентом альманаха, писавшим, что они «по всей справедливости могут стать наряду с теми совершеннейшими произведениями древних, которые сохранились для нас в их *Антологии*» (Соревн. 1823. Ч. 21, № 1. С. 113; без подписи).

Ст. 10. Скажи: когда певец *Леилы*... — *Леила* — героиня поэмы Дж. Г. Байрона «Гяур» («*The Giaour : A Fragment of a Turkish Tale*», 1813). В авторском примечании к этому стиху в Ав₂ (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 312) содержится выпад против редактора журнала «Вестник Ев-

ропы» М. Т. Каченовского, озаглавившего свой прозаический перевод поэмы Байрона «Джяур» (ВЕ. 1821. Ч. 119, № 15. С. 165—179; № 16. С. 249—269; Ч. 120, № 17. С. 3—20).

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

(«Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...»)

(С. 79 и 313)

Автографы:

1) ПД 53 — черновой групп стихов и отдельных стихов (в пределах ст. 6—43). Напечатано: АН. 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 232—233 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). На оборотной стороне листа (по ошибочной архивной нумерации отмечена как лицевая) карандашные пометы посторонней рукой (возможно, Л. Н. Майкова, в коллекции которого находился автограф): «1-е послан.» (т. е. «Первое послание цензору») и «1824». Воспроизведение: ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 301—302.

2) ПД 888 — белой, с поправками (в ст. 2, 16 и 104); на сложенном пополам фабричном полном листе; с карантинными проколами, свидетельствующими, что автограф выполнен в Кишеневе и посылался с письмом (такие же проколы на письмах Пушкина к брату 1822—1823 гг., на письмах к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. и Н. И. Гнедичу от 27 сентября 1822 г.); на л. 2 об. продавленный след почтового штампа, на котором просматривается: «Киш( ) 23 ( )». Бумага № 20а по описанию. Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (определено Т. И. Краснобородько). Внизу л. 2 об. под текстом стихотворения дарительная запись П. В. Жуковского: «Рукопись Александра Сергеевича Пушкина. Из коллекции рукописей Василия Андреевича Жуковского. В дар Саратовскому музею. Павел Жуковский. Баден Баден 7/19 августа 1884». Напечатано: КН. Т. 1. С. 239—241 (публ. М. А. Цявловского). Воспроизведение: ЛН. Т. 16—18. С. 293—296.

Копии:

1) Тетр. Великопольского (Вел) — ст. 47—86 (начало находилось на вырванном листе, от которого сохранился только корешок); с искажениями в ст. 63, 70, 77, с пропуском ст. 74; без строфического деления.

2) Первая тетр. из собр. Забелина (Заб₁) — под заглавием: «Послание к цензору», с подписью: «А. П.»; с искажениями в ст. 8, 24—25, 45, 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), 64, 98 и 102, с пропуском ст. 36, 108 и 112; с примечанием составителя сборника к ст. 54 («Это относится к „Истории Рос(сийского) госуд(арства)”, напечатанной по высочайшему повелению»); без строфического деления.

3) Вторая тетр. из собр. Забелина (Заб₂) — под заглавием: «Послание к цензору», с подписью: «А. П.»; с искажениями в ст. 6, 16, 19—20, 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), 64 и 77; между ст. 18 и 19 две строки отточий, ст. 111—112 отсутствуют; без строфического деления.

4) Первая тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₁) — под заглавием: «Послание к цензору», с подписью: «А. Пушкин»; с искажениями в ст. 52 и 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), с пропуском ст. 24, 64, 107 и 112 (ст. 24, 64

и 107 позднее вписаны); без строфического деления; с примечаниями составителя сборника.

5) Чебоксарский сб. (Чеб) — под заглавием: «Послание к цензору», с подписью: «Пушкин», с пропуском ст. 68, 74 и 113.

6) Тетр. Шереметева (Шер) — ст. 85—126 (начало на утраченных листах), с пропуском ст. 112 и большим количеством искажений.

7) Сб. «От безделья и от скуки» (Отб) — под заглавием: «Цензору», с подписью: «П.....ъ»; с искажениями в ст. 8, 19—20, 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный») и 102, с пропуском ст. 64 (заменен строкой отточий) и ст. 111—112; без строфического деления.

8) Листы из тетр. Гаевского (из архива В. Е. Якушкина) (Гаев—Якуш) — под заглавием: «К цензору», с подписью: «А. Пушкин»; с искажениями в ст. 1, 4, 20, 38 и 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), с пропуском ст. 74 (вписан другой рукой), 108, 112 и 115; с делением на астрофические фрагменты после ст. 30, 82, 111 и 120.

9) Из бумаг А. Ф. Воейкова (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5547а) (В) — под заглавием: «Послание к цензору»; список 1830-х гг.

10) О. М. Сомова из архива журнала «Русская старина» (ПД, ф. 244, оп. 4, № 67) (Сом) — под заглавием: «Послание к цензору», с ошибкой в ст. 60 («Твоей губительной не проклинал Сатиры?»).

11) Из собр. М. П. Погодина (РНБ, ф. 588, № 288, л. 3—5) (Пог) — под заглавием: «Послание цензору», неизвестной рукой, с пропуском ст. 27 и 74; с делением на астрофические фрагменты после ст. 8, 20, 30, 42, 58 и 120; бумага 1831 г.

12) Тетр. Арсеньева из бумаг Поленова (Арс) — под заглавием: «К цензору», с подписью: «А. Пушкин»; с искажением в ст. 11, 34, 62, 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), 71, 90, 92, 110 и 113, с пропуском ст. 12, 24 (заменен строкой отточий), 39, 64, 68, 102, 108 и имени Кунцидына в ст. 48 (заменено точками); с делением на два астрофических фрагмента после ст. 80.

13) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 1 (Дол₁) — под заглавием: «Послание к цензору», ст. 1—54 (текст недописан); с ошибкой в ст. 8 и 48, с пропуском ст. 12; с делением на астрофические фрагменты после ст. 42.

14) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 (Дол₂) — под заглавием: «К цензору. 1», с ошибкой в ст. 8 и 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), с пропуском ст. 12, 108, 112; с делением на два астрофических фрагмента после ст. 42.

15) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «К цензору», с искажением в ст. 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), с пропуском ст. 108 и 112.

16) Третья тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₃) — под заглавием: «Послание к цензору», с подписью: «А. Пушкин»; с искажениями в ст. 8, 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный») и 110, с пропуском ст. 64, 108 и 112 (ст. 64 и 108 вписаны); без строфического деления.

17) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «К цензору», с пометой под текстом: «1824», с рядом дополнительных вариантов.

18) Тетр. Бартенева (Бар) — под заглавием: «К цензору», с ошибкой в ст. 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный») и 90 (в имени Кутейкина), ст. 114 и 115 поменяны местами, ст. 58, 65 и 111, первоначально читавшиеся как в тексте, исправлены с искажениями, с пропуском ст. 108 и 112; без строфического

деления. Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 520 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

19) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «К цензору (1)», с ошибками в ст. 64 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный») и 92, ст. 114 и 115 поменяны местами; без строфического деления; с примечаниями составителя сборника.

20) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233 (Полт), к. 49, № 9, с. 66—73) (Полт₂) — под заглавием: «К цензору», с ошибками в ст. 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный») и 90 (в имени Кутейкина), с пропуском ст. 108 и 112, ст. 114 и 116 поменяны местами; без строфического деления.

21) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «К цензору» и пометой под текстом: «1824», с искажением имени Куницына в ст. 48, ошибкой в ст. 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), ст. 114 и 115 поменяны местами, с пропуском ст. 108; с делением на два астрофических фрагмента после ст. 54.

22) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «К цензору», с неточностью в ст. 55, ошибкой в ст. 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), с пропуском ст. 108 и 112, ст. 114 и 115 поменяны местами.

23) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «Первое послание цензору», ст. 43—58 (ст. 59 не полностью: «О варвар! кто из нас и пр.»), 69—90 (ст. 69 не полностью: «...никогда искусный коновал», ст. 91 начат: «Державин.... и пр.»), 102—111, 123—126 (ст. 123 не полностью: «так если невозможно»), с датой у заглавия: «(1824)»; ст. 108 вписан позднее карандашом.

Утраченные копии:

1) Тетр. Каверина (Кав) — под заглавием: «К цензору», с пометой под текстом: «16 июня 825. Калуга», с ошибкой в ст. 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»); с делением на астрофические фрагменты после ст. 30, 54, 82, 111 и 120. Напечатано: Щербачев. С. 107—109 (в виде вариантов к Ефр. 1882, Ефр. 1903—05).

2) Бывшая в распоряжении П. В. Анненкова, по которой им была осуществлена первая публикация стихотворения (см. ниже) (Анн).

3) Бывшая в распоряжении А. Н. Афанасьева, по которой им были восполнены цензурные купюры первой публикации в дополнении к статье Е. И. Якушкина «По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина» (см. ниже) (БЗ).

4) Бывшая в распоряжении А. И. Герцена, по которой им была осуществлена первая полная публикация стихотворения за границей (см. ниже) (ПЗ).

Публикации ряда других копий см.: *Малышева И. В.* Потаенные тетради пушкинской поры в Перми // *Литература и фольклор Урала: Респ. сб. науч. трудов.* Пермь, 1979. С. 57—58; *Revue des études slaves.* Paris, 1987. Т. 59. Fasc. 1—2. P. 353—355 (варианты копии начала 1830-х гг. в тетради из архива И. С. Гагарина в Славянской библиотеке в Париже; публ. Л. А. Шура); *Трофимов И. Т.* Незвестный вариант стихотворения А. С. Пушкина «Послание цензору» // *Записки Отдела рукописей / Рос. гос. б-ка. М., 1995. Вып. 50. С. 167—169* (публикация списка 1831 г. из альбома П. Яснопольского).

Копии дают достаточно устойчивый набор разночтений, лишь немногие из которых могут быть предположительно отнесены к авторским вариантам. Из общего ряда выделяется только копия рукой О. М. Сомова из архива «Русской старины» (см. выше № 10). В ней отсутствуют обесмысливающие текст искажения, пропуски и перестановки отдельных стихов, сохранено авторское заглавие и деление на стро-

фические фрагменты. Однако большое число изменений, архаизирующих язык стихотворения и не имеющих аналогов в других списках, позволяет предполагать, что мы имеем здесь дело с сознательной «переделкой» пушкинского текста. В настоящем издании разночтения копии Сом не учитываются.

Заглавие в записи: «Цензору» вошло в список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1822») (см.: Рукою П. 1997. С. 211, 212). Факсимильное воспроизведение списка: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: ЛПРИ. 1831. № 1, 3 янв. Здесь в очерке «Журналист» А. Ф. Воейкова (подпись: А. Кораблинский) приведены без указания имени Пушкина ст. 9—27 в переделанном виде: «А сколько надобно ему перечитать книг, журналов, газет иностранных, сделать из них выписки, отметить и отослать статьи для перевода; пробежать все вновь выходящие русские книги и дать о их достоинстве свое мнение; перелистовать до 40 разных русских периодических изданий. К такому издателью журнала или газеты справедливо можно обратиться следующие стихи из послания к цензору:

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о своей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хлыстова, Рюмкина единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то вялые стихи.

Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто английский роман с французского предложит,
Тот оду сочинит, потея да крехтя,
Другой трагедию напишет нам шутя —
До них нам дела нет, а ты зевай и ахай;
И хочешь или нет, разбор свой напечатай.
Газетчик — мученик, порой захочет он
Ум чтеньем освежить; Руссо, Волтер, Бюфон,
Державин, Карамзин манят его желанье;
А должно посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,
Да связь утратя в них, ищи ее сначала!»

Ранее два стиха в искаженном и переделанном виде («Стопа и рифма, друг, у нас большое зло: / От них все скверное в стихах произошло») были процитированы в «анекдотической сцене» М. А. Бестужева-Рюмина «Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин» (СПб., 1828. С. 60).

Полнее: Анн. Т. 7. С. 30—33, 1-я паг., под цензурным заглавием: «Первое послание к Аристарху», с датой: «1824», с цензурным пропуском ст. 44—58, 71—82, 89—90, 103—111, 125 и искажением в ст. 43 («А ты...! что делаешь ты с нами?») и ст. 113 («Но можно ль мне, друзья, по совести судить?»). Цензурные пропуски и искажения восстановлены: БЗ. 1858. Т. 1, № 11. Стб. 347—348 (ст. 43, 44—58, 71—82, 89—90, 103—105, 107—111; публ. А. Н. Афанасьева; здесь по цензурным соображениям фамилия Куницына в ст. 48 заменена на «К.....», имя Христа в ст. 90 на «Х.....», в ст. 72 заменены отточием слова: «закон» и «правительство», в

ст. 78 — слова: «рабства враг», в ст. 105 напечатано только первое слово); Генн. 1859. Т. 1. С. 317 (ст. 125); Генн. 1869—71. Т. 1. С. 299—301 (ст. 72, 78, 105 полностью, ст. 106 и фамилия Куницына в ст. 48); РА. 1876. Т. 3, № 10. С. 241 (имя Христа в ст. 90; публ. Н. В. Гербеля). Полностью впервые за границей: ПЗ 1858. Кн. 4. С. 268—270 (публ. А. И. Герцена), под заглавием: «Цензору», с датой: «1816», по не вполне исправному списку, с искажением ст. 7 («Их мыслей не стягнет цензурная расправа»), 63 («Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный»), 107—115 (ст. 108 и 112 пропущены, ст. 111 зарифмован со ст. 107, ст. 114 и 115 поменяны местами) и 125 («И службою своею ты нужен для царя»); с делением на астрофические фрагменты после ст. 111 и 120; перепечатано в изд.: Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Лейпциг, 1859. С. 39—43 (Русская библиотека. Т. 8). До 1930 г. стихотворение печаталось по спискам или сделанным на их основе публикациям; начиная с Ефр. 1880 под заглавием: «Первое послание Цензору».

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается по беловому автографу.

Датируется предположительно концом июня—началом октября 1822 г.

По-видимому, создание стихотворения связано с историей цензурирования поэмы «Кавказский пленник». В конце июня 1822 г. Н. И. Гнедич, издатель поэмы, сообщил Пушкину о претензиях петербургской цензуры, степень цензурного вмешательства Пушкин смог оценить в конце сентября, получив в Кишиневе от Гнедича отпечатанные экземпляры (см. ниже). «Послание цензору» было отправлено Пушкиным именно Н. И. Гнедичу (см. письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г. — Акад. Т. 13. С. 57; также ниже, с. 727). Первое упоминание о недавно полученном в Петербурге послании содержится в приписке А. И. Тургенева в письме Н. И. Греча к П. А. Вяземскому от 3 ноября 1822 г.: «Уведомь, есть ли у вас послание Пушкина к цензору? Если нет — пришлю» (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 37). До 1903 г. датировалось всеми издателями 1824 г. по связи со «Вторым посланием цензору», написанным в 1824 г. в Михайловском. К 1822 г. впервые отнесено П. О. Морозовым (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 327, 632—633) на основании упоминания в списке произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831 (см. выше).

Б. В. Томашевский объяснял особенности сохранившегося чернового автографа (ПД 53) — отрывочность, намеченные и недописанные стихи (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 313—314) — тем, что Пушкин начал стихотворение с создания своего рода «поэтических заготовок» — афористически отточенных формул и отдельных стихов. Автограф ПД 53, по мнению ученого, представляет собой «вторую стадию» обработки этих «ответственных мест послания», в целом еще не написанного (Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 284—286). Следует, однако, отметить, что последовательность фрагментов в известном нам черновом автографе соответствует их взаимному расположению в окончателном тексте послания, а разделительные отчерки между ними (кроме выделенного ст. 12) каждый раз совпадают с переходом к новому строфическому фрагменту (после ст. 8, 20, 30, 42). Вполне вероятно, что к этому времени стихотворение было уже вчерне готово, и автограф ПД 53 может рассматриваться как «дополнительный» к не дошедшему до нас основному черновику.

Для русской литературы конца 1810-х—начала 1820-х гг. вопрос о цензуре был достаточно острым. Начатые правительством преобразования в сфере общественно-

го воспитания повлекли за собой осязаемое усиление цензурного гнета. Принципы нового учреждения цензуры сформулировал М. Л. Магницкий, один из главных идеологов этих преобразований, в 1819—1820 гг. «реформировавший» на основе благочестия и верноподданничества Казанский университет, а в 1821 г. ставший одним из инициаторов обвинения ряда профессоров Петербургского университета во «вредном» преподавании естественного права, статистики, всеобщей истории, философии: «Благоразумная цензура, соединенная с утверждением народного воспитания на вере, есть единый оплот бездне, затопляющей Европу неверием и развратом» (речь Магницкого на заседании Ученого комитета при Главном правлении училищ цит. по: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 186). В 1820—1823 гг. Магницкий занимался проектом нового цензурного устава и секретной инструкции цензурным комитетам, по которым запрещению подлежала даже «большая часть переводимых романов и сладострастных стихотворений, кои начинают наводнять литературу» (Там же. С. 474). И хотя формально вплоть до 1826 г. продолжал действовать либеральный цензурный устав 1804 г., составленный академиками Н. И. Фуссом и Н. Я. Озерецковским, реальная цензурная практика сильно расходилась с ним. Совершенному забвению был предан один из важнейших параграфов (§ 21) цензурного устава 1804 г., предписывавший цензору «удаляться всякого пристрастного толкования сочинений» и трактовать сомнительные места «выгоднейшим для сочинителя образом» (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 89). Самому широкому цензурному произволу открывали путь разные интерпретации § 2, где рекомендовалось «удалять» сочинения, не способствующие «истинному просвещению ума и образованию нравов», и § 18, запрещающего оскорблять «личную честь гражданина, благопристойность и нравственность» (Там же. С. 85, 89). Характерными представителями цензурного режима последних лет царствования Александра I были цензоры Санкт-Петербургского цензурного комитета А. С. Бируков и А. И. Красовский, имена которых употреблялись как нарицательные для обозначения трусливого и глупого цензора. К этому времени относятся анекдотические запрещения эпитетов «небесный» и «ангельский» применительно к женской красоте или улыбке, «соблазнительных» выражений, описаний и проч. В записке «О народном воспитании» (1826) Пушкин называл цензуру начала 1820-х гг. «самой своенравной» (Акад. Т. 11. С. 43). Еще более определенное суждение содержит черновик его деловой записки июля—августа 1830 г., предназначенной для А. Х. Бенкендорфа: «Литераторы во время царствования покойного императора были оставлены на произвол цензуре своенравной и притеснительной — редкое сочинение доходило до печати» (Там же. Т. 14. С. 253). Почти то же самое повторено в черновике письма к Д. В. Давыдову августа 1836 г., где Пушкин вспоминает «последнее пятилетие царствования покойного императора», когда вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову» (Там же. Т. 16. С. 260). Возмущенные голоса раздавались даже из кругов, далеких от всякого либерализма. А. С. Шишков в поданной Александру I в феврале 1822 г. записке по делу о петербургских профессорах резко высказывался в адрес действующей в России цензуры, подчеркивая, что «цензура должна быть ни слабая, ни строгая; но к сему надо еще присокупить: и разумеющая силу языка; ибо без сего она будет препятствовать усилиям просвещения» (цит. по: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России... С. 389). Проблемы цензуры несомненно обсужда-

лись в пушкинском петербургском окружении, в первую очередь в кружке Николая Ивановича Тургенева (1789—1871), убежденного сторонника свободы книгопечатания. Вернувшись в октябре 1816 г. из Европы, Тургенев 2 января 1817 г. присутствовал на годовом торжественном собрании Публичной библиотеки, где читалось «Обозрение русской литературы 1815 и 1816 годов» Н. И. Греча (напечатано: СО. 1817. Ч. 34, № 1. С. 3—22; № 2. С. 55—67). Рассказывая о собрании в письме к брату Сергею 4 января 1817 г., Тургенев не мог сдержать негодования по поводу услышанного: «Все прочее слушал я спокойно, хотя и с сожалением. Но это обозрение раздасадовало меня. Соч(инитель) говорит между прочим, что в других странах (!) просвещение не может распространяться, ибо там нет терпимости (какой вздор!), а что у нас она есть; что узаконения о цензуре у нас основывают какую-то благоразумную свободу и почитаются шедевром по всей Европе!!! Вот что должно здесь спокойно слушать!» (Декабрист Тургенев. С. 208). Возражение Гречу Тургенев сделал темой своей вступительной «арзамасской» речи 24 февраля 1817 г.: «От терпимости вероисповеданий „Сын отечества” перешел к терпимости книгопечатания, и первое слово, невольно вылившееся из пера его, было — цензура. (...) Таким образом, говоря о свободе книгопечатания и вместе с сим превознося цензуру, „С(ын) от(ечест)ва” выводит следствием существование благоразумной свободы. Я невольно вспомнил о том, как не только у нас, но и во всей Европе приятными наименованиями стараются покрывать наготу деспотизма и порока. Давно уже прямодушные люди не верят словам, сопровождаемым эпитетом благоразумия, и под благоразумным человеком разумеют эгоиста, под благоразумным поведением — тонкое, часто подлое, поведение, под благоразумием цензуры — благоразумие полиции» («Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 391).

Пушкин прямо столкнулся с «своенравной» петербургской цензурой летом 1822 г. при издании поэмы «Кавказский пленник». Цензуровал поэму Александр Степанович Бируков (1772—1844), статский советник, начальник отделения Департамента народного просвещения, 2 апреля 1821 г. назначенный цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета и исполнявший эту должность до 2 октября 1826 г. (СПбВед. 1821. № 44, 3 апр.; ОА. Т. 2. С. 521; Дневник Пушкина. 1833—1835 / Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. 247—248). Еще до официальной подачи рукописи поэмы в цензуру В. А. Жуковский и Н. И. Гнедич, видимо, по предварительному согласованию с цензором, подвергли существенной переработке текст «Посвящения». О других цензурных придирках Гнедич известил Пушкина, получив рукопись из цензуры 12 июня 1822 г. Бируков, в частности, потребовал замены выражений «небесный пламень», «долгий поцелуй» и стихов «Его томительную негу / Вкусила тут она вполне», «Не много сладостных ночей / Судьба на долю ей послала». «Но какова наша цензура? — иронически писал Пушкин Гнедичу 27 июня 1822 г. в ответном письме, посылая некоторые исправления к тексту поэмы, — признаюсь, никак не ожидал от нее таких больших успехов в эстетике. Ее критика приносит честь ее вкусу. Принужден с нею согласиться во всем: *Небесный пламень* слишком обыкновенно; *долгий поцелуй* поставлено слишком на выдержку (*trop hasardé*). *Его томительную негу / вкусила тут она вполне* — дурно, очень дурно...» (Акад. Т. 13. С. 39). Получив от Гнедича отпечатанные экземпляры поэмы, Пушкин 27 сентября 1822 г. благодарил его и писал: «Перемены, требуемые цензурою, послужили в пользу моего; признаюсь, что я думал увидеть знаки роковых ее когтей в других местах и беспокоился...» (Там же. С. 48; о цензуровании «Кавказского пленника» см. также: Пушкин. Поэмы и повести 2007. С. 169—173,

2-я паг., коммент. О. А. Проскурина). Беспокойство Пушкина было тем основательнее, что летом 1822 г. тот же А. С. Бируков, цензуравший первый выпуск альманаха А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева «Полярная звезда», запретил к печати пушкинские элегические отрывки (речь, по всей вероятности, шла о «Нереиде» и элегии «Редет облаков летучая гряда...», см. примеч. ко второму стихотворению — наст. т., с. 536). «Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице; кажется, голубушка еще поумнела, — писал Пушкин Бестужеву 21 июня 1822 г., посылая в альманах еще стихи для публикации, в частности послание «Овидию». — Не понимаю, что могло встревожить ее целомудренность в моих элегических отрывках — однако должно нам настоять из одного честолюбия — отдаю их в полное ваше распоряжение. Предвигая препятствия в напечатании стихов к Овидию, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — по-видимому, ее настраивали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно...» (Акад. Т. 13. С. 38—39; из посланных Пушкиным Бестужеву произведений Бируковым было запрещено стихотворение «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...»), см. примеч. к нему — наст. т., с. 700—701; послание же «Овидию» появилось в печати без имени Пушкина, подписано: «**»). С Бируковым связан и самый громкий цензурный скандал 1822 г. — запрещение баллады Жуковского «Замок Смальгольм» как сочинения, не содержащего ничего полезного и нравственного. Возмущенный Жуковский апеллировал лично к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну. В двух письмах к министру, 12 и 17 августа 1822 г., поэт просил защитить его от произвола цензуры и подробно пояснил несостоятельность цензурных претензий. 1 сентября Голицын потребовал объяснений от Цензурного комитета. Завязалась долгая тяжба, получившая достаточно широкую огласку (см. подробнее: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России... С. 436—447; РС. 1900. № 4. С. 71—89; *Жуковский В. А.* Стихотворения. Л., 1939. Т. 1. С. 403—406, коммент. Ц. Вольпе). «Жуковский теперь в состязании с ценсурой за свою последнюю балладу», — писал Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву 7 сентября 1822 г. (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 336).

Выпад против цензуры содержался в статье П. А. Вяземского о «Кавказском пленнике», вышедшей в декабре 1822 г.: «Спешу пояснить строгим толкователям, что и слово *любить* приемлется здесь в чистом, нравственном и строгом значении своем. Кстати о строгих толкователях, или, правильнее, *перетолкователях*, заметим, что, может быть, они поморщатся и от нового произведения поэта пылкого и кипящего жизнью. Пускай их мертвая оледенелость не уживается с горячностью дарования во цвете юности и силы, но мы, с своей стороны, уговаривать будем поэта следовать независимым вдохновениям своей поэтической Эгерии — в полном уверении, что бдительная цензура, которой нельзя упрекнуть у нас в потворстве, умеет и без помощи посторонней удерживать писателей в пределах дозволенного. — Впрочем, увещевание наше излишне: как истинной чести двуличною быть нельзя, так и дарование возвышенное двуязычным быть не может. В непреклонной и благородной независимости оно умело бы предпочесть молчание языку заказному, выражению обоюдному и холодному мнений неубедительных, ибо источник их не есть внутреннее убеждение» (СО. 1822. Ч. 82, № 49. С. 123—124; П. в критике, I. С. 127). Пушкин благодарил Вяземского за отзыв о поэме и писал ему 6 февраля 1823 г.: «Благодарю за щелчок цензуре, но она и не этого стоит: стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусли-

вого дурака. Мы смеемся, а кажется лучше бы дельно приняться за Бируковых; пора дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим голосом — презрение к русским писателям нестерпимо; подумай об этом на досуге, да соединимся — дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную — читал ли ты мое послание Бирукову? если нет, вытребуй его от брата или от Гнедича...» (Акад. Т. 13. С. 57).

Никаких прямых свидетельств об отношении Пушкина в петербургские и кишиневские годы к самому институту цензуры, однако, нет. Как полагал, Б. В. Томашевский, мнение Пушкина о цензуре складывалось под влиянием пропаганды Бенжамена Констан (*Constant de Rebecque*; 1767—1830) и сводилось к полному неприятию цензуры (Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей. С. 284). Таким образом, оно должно было быть близко взглядам Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова и других представителей пушкинского декабристского окружения, внимательно следивших в эти годы за публицистикой Констан. Говоря о влиянии Констан, Томашевский прежде всего имеет в виду главу о свободе печати в его комментариях к наполеоновской конституции Ста дней «*Principes de politique, applicables à tous les gouvernements représentatifs*» (Paris, 1815). Прямое свидетельство о знакомстве Пушкина с этим сочинением относится, впрочем, к существенно более позднему времени: в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834—1835) Пушкин вольно пересказывает одно из рассуждений Констан, являвшееся в свою очередь автоцитатой из более раннего его сочинения «*Réflexions sur les constitutions et les garanties; publiées le 24 mai 1814, avec une esquisse de constitution*» (см.: Акад. Т. 11. С. 236, 264, 473; Томашевский Б. В. Французские дела 1830—1831 гг. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927. С. 351 (Труды Пушкинского Дома. Вып. 46); Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей. С. 316—317). Здесь, однако, Пушкин возражает Констану и признает необходимость в государстве института цензуры, выступая сторонником умеренного ограничения свободы печати.

В письме к Вяземскому Пушкин называет свое стихотворение «посланием Бирукову», тем не менее оно не является ни личным памфлетом на Бирукова, ни даже, как кажется, выступлением против института цензуры как такового: в нем говорится лишь о существующей цензурной практике и деятельности трусливых, невежественных цензоров.

Ст. 5. *Что нужно Лондону, то рано для Москвы.* — Пушкин следует общему представлению об Англии как стране, в максимальной степени обладающей свободой книгопечатания. Ср., например, в статье П. А. Корсакова «Краткая история свободы тиснения во Франции»: «Где же та неограниченная свобода тиснения, которую Франция столько думает величаться?.. Может быть, она существует в одной только Англии; может быть, одна только конституция сего государства совместна с нею; одному смешенному правлению или чистой демократии причлично неограниченная свобода книгопечатания; другого рода правительствам она вряд ли свойственна» (СН. 1817. Ч. 2, № 18. С. 145—146). «Классической страной» в отношении свободы печати называет Англию и Бенжамен Констан (*Constan B. Principes de politique, applicables à tous les gouvernements représentatifs*. P. 248). В Англии предварительной цензуры не существовало с 1694 г., а с 1794 г. все «преступления печати» находились в компетенции суда присяжных.

Ст. 11—12 и след. *Людской бессмыслицы присяжный толкователь, Хвостова, Буниной единственный читатель...* — Устойчивый комплекс «арзамасских» литературных мотивов — насмешки над стихами графа Дмитрия Ивановича Хвостова (1757—1835) и Анны Петровны Буниной (1774—1829), над присяжными одописцами и т. д. См., например, у Пушкина в «Тени Фон-Визина» (ст. 92—156, 182—185) (наст. изд., т. 1, с. 136—138). Ср. также во вступительной «арзамасской» речи М. Ф. Орлова (22 апреля 1817 г.): «Я прощаю великодушно Хв(остову) оба издания его басен, ибо сам не ведает, что делает, но никогда не прошу ни тем, кто раскупили первое издание, ни тому, кто напечатал второе. (...) Я опасаясь, чтоб угрюмое воображение Шекспира Шихма(това) не имело для публики дурных последствий, то есть сочинения какой-нибудь новой трагедии. — Я полагаю, что меланхолическая нежность Буниной одна может усыпить пылкость российского Ротру. — Я советую им вступить в законный брак и определяю старца Мешкова их посаженным отцом. (...) Я исповедую, что не будет у нас словесности до тех пор, пока цензура не примирится с здравым рассудком и не перестанет вооружаться против географических лексиконов и обверточных бумаг» («Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 407).

Ст. 31 и след. *Но цензор гражданин и сан его священный...* — Ср. в главе о цензуре в черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург»: «Цензор есть важное лицо в гос(ударстве), сан его имеет нечто священное. Место сие должен занимать гражданин честный и нравственный, известный уже своим умом и познаниями (...). Рассмотрев книгу и дав оной права гражд(анства), он уже за нее отвечает...» (Акад. Т. 11. С. 237).

Ст. 43—44. *А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами? Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами...* — Парафраза из оды Державина «Вельможа» (1794):

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.

(Державин Г. Р. Соч.

С объяснит. примеч. Я. Грота.

СПб., 1864. Т. 1. С. 626)

В читательском восприятии стих ассоциировался с державинской одой; ср. характерную описку в копиях Заб₁, Дол₁ и Дол₂: «Где должно умствовать, ты хлопаешь ушами» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 317); то же в копиях в тетради из архива И. С. Гагарина (см.: *Revue des études slaves*. Paris, 1987. Т. 59. Fasc. 1—2. P. 353) и в альбоме П. Яснопольского в РГБ (см.: *Трофимов И. Т.* Неизвестный вариант стихотворения А. С. Пушкина «Послание цензору». С. 167).

Ст. 45. *Не понимая нас, марашь и дерешь...* — Возможно, реминисценция из «Путешествия из Петербурга в Москву» (1789) А. Н. Радищева, ср.: «Обыкновенные правила цензуры суть: почеркивать, марать, не позволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению...» и т. д. (*Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 81 (Сер. «Литературные памятники»)).

Ст. 48. ...*Куницына Маратом*. — Александр Петрович Куницын (1783—1840) — выпускник Петербургского педагогического института и Геттингенского университета, адъюнкт-профессор нравственных и политических наук в Лицее в 1811—1820 гг., в 1817—1821 гг. параллельно преподавал в Главном педагогическом институте (с 1819 г. — Петербургский университет). В период университетских преобразований, проводившихся Магницким и Руничем, его книга «Право естественное» (СПб., 1818—1820. Ч. 1—2) была запрещена, ее экземпляры изъяты и уничтожены. Выступая в ученом комитете при Главном правлении училищ с требованием о запрещении книги Куницына Рунич объявил ее разрушительной в отношении веры: «...Сличив последствия сего философизма во Франции с наукою, изложенною Куницыным, увидим только раскрытие ее и приложение к гражданскому порядку. Марат был ни что иное, как искренний и практический последователь сей науки» (цит. по: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России... С. 205). Запрещению подверглась не только книга Куницына, но и само преподавание естественного права. В своем «Мнении о науке естественного права» Магницкий вслед за Руничем рассматривал его как науку, «которая сделалась умозрительною и полною системою всего того, что мы видели в революции французской на самом деле» (РА. 1864. Кн. 1. Стб. 322). Хотя никакие материалы процесса Куницына в печати не появлялись, он был хорошо известен. «Мнение» Магницкого было включено в рукописный сборник общественно-политических сочинений, составленный в основной своей части в 1821—1823 гг. кишиневским приятелем Пушкина Н. С. Алексеевым (ПД, ф. 244, оп. 8, № 24; о сборнике Алексеева см.: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. М., 1979 С. 108—131; то же: *Эйдельман Н. Я.* Статьи о Пушкине. М., 2000. С. 89—92).

Ст. 53—54. *То, славу русскую и здравый ум любя, Сам государь велит печатать без тебя*. — Книги, печатавшиеся «по высочайшему повелению», цензурой не рассматривались. Так печаталась «История государства Российского» Карамзина, встретившая сначала цензурные затруднения. 28 октября 1816 г. А. И. Тургенев сообщал Жуковскому в Дерпт: «Карамзин имел неудовольствия по военной типографии, ибо начальник ее варвар и, как говорит брат Николай, — хам. Но князь (А. Н. Голицын) доложил государю и освободил „Историю“ от цензуры» (ПД, ф. 309, № 4713б, л. 51). См. также: *Чистова И. С.* О публикации «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // НЛО. 1997. № 27. С. 106—111.

Ст. 63. *Ни слог певца пиров, столь чистый, благородный...* — Речь идет о Е. А. Баратынском, авторе поэмы «Пирры» (1820; опубл.: Соревн. 1821. Ч. 13, № 3). О непонимании этого стиха читателями свидетельствует его устойчивое искажение в копиях: «Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный».

Ст. 72. *Осмеивать закон, правительство иль нравы...* — § 15 цензурного устава предписывал цензору при рассмотрении сочинений наблюдать, «чтобы ничего не было в оных противного закону Божию, Правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина» (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 88).

Ст. 77. *Барков шутивных од тебе не посылал...* — Имеются в виду порнографические оды, широко распространявшиеся в рукописных сборниках под именем поэта и переводчика Ивана Семеновича Баркова (1732—1768), на самом деле являвшегося автором лишь небольшой их части. Знакомство Пушкина с рукописной «барковианой» отразилось в «Монахе» (1813; Песнь первая, ст. 17—20) и «Городке» (1815; ст. 212—232).

Ст. 78. *Радищев, рабства враг, цензуры избежал...* — Имеется в виду «Путешествие из Петербурга в Москву», напечатанное А. Н. Радищевым в 1790 г. в собственной типографии. Ср. высказывание Пушкина о Радищеве в главе «О цензуре» в «Путешествии из Москвы в Петербург»: «Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием Торжок. В ней дело идет о свободе книгопечатания; любопытно видеть о сем предмете рассуждение человека, вполне разрешившего сам себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит из всех пределов» (Акад. Т. 11. С. 263).

Ст. 79. *И Пушкина стихи в печати не бывали...* — Речь идет о поэме Василия Львовича Пушкина «Опасный сосед», широко распространявшейся в рукописях и литографически изданной П. Л. Штиллингом в Мюнхене в 1815 г. (см.: Степанов В. П. Заметки о В. Л. Пушкине. 2. Первое издание «Опасного соседа» // ПИМ. Л., 1983. Т. 11. С. 262—266). В читательском восприятии этот стих, однако, нередко связывался не с Василием Львовичем, а с самим автором послания, на что указывает чтение ст. 80 в копиях (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 319).

Ст. 82. *Едва ли Шаликов не вредный человек.* — Князь Петр Иванович Шаликов (1768 или 1769—1852), эпигон Карамзина, в произведениях которого был доведен до предела карамзинский культ чувствительности, что вызывало неизменную иронию, а также эпиграмматические и пародийные характеристики Шаликова, особенно в арзамасских кругах. В копии Бар к этому стиху сделано примечание: «По словам Соболевского, этот стих Пушкин любил повторять» (см.: Лет. ГЛМ. С. 520).

Ст. 84. *Скажи, читал ли ты «Наказ» Екатерины?* — «Наказ» — изложение общих принципов государственного устройства, написанное Екатериной II в руководство созданной ею комиссией по составлению проекта уложения законов и выдержанное в духе французской просветительской философии. Вопросам свободы слова и печати посвящены статьи 480—484 «Наказа». В ст. 484 говорится: «Запрещаются в самодержавных государствах сочинения очень язвительные: но оные делаются предлогом подлежащим градскому чиновничеству, а не преступлением; и весьма беречься надобно изыскания о сем далече распространять, представляя себе ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение: а сие ничего иного не произведет, как невежество, опровергнет дарования разума человеческого и охоту писать отнимет» (Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, с принадлежащими к тому приложениями. СПб., 1820. С. 233).

Ст. 87—90. *В глазах монархини сатирик превосходный ~ Кутейкин и Христос два равные лица.* — Имеется в виду комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1781) и один из ее персонажей — недоучившийся семинарист Кутейкин.

Ст. 94—95. *Наперсник Душеньки двусмысленно шутил, Киприду иногда являл без покрывала...* — Имеется в виду И. Ф. Богданович (1743—1803), автор шуточной поэмы «Душенька» (1778—1783) на сюжет об Амуре и Психее.

Ст. 100 и след. *Дней Александровых прекрасное начало...* — Резкий поворот к внутренней реакции под влиянием событий Французской революции в конце Екатерининского царствования повлек за собой ограничения в сфере книгопечатания. Частные типографии были упразднены еще при Екатерине указом от 16 сентября 1796 г. В царствование Павла I свобода печати была окончательно стеснена ря-

дом последовательных запретительных мер. Иностранные книги подвергались строжайшей цензуре, устроенной прямо при портах, ввоз их был ограничен, а позднее, по указу от 18 апреля 1800 г., и вовсе запрещен (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 33, 46, 59). Начало царствования Александра I было ознаменовано рядом либеральных постановлений по свободе печати. 31 марта 1801 г. императорским указом отменено установленное Павлом I запрещение на ввоз книг из-за границы и распечатаны упраздненные в 1796 г. частные типографии; по указу 9 февраля 1802 г. уничтожены устроенные при Павле цензуры в городах и при портах, дозволено учреждать вольные типографии, книги в которых могли печататься с разрешения губернаторов (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 65, 72). В 1804 г. принят «Устав о цензуре», ограничивавшийся только изложением общих принципов и оставивший самым либеральным по духу из всех действовавших впоследствии в России цензурных уставов. Устав 1804 г. воспринимался современниками как либеральное установление, возвращающее к традициям Екатерининского царствования и гарантирующее определенный уровень свободы печати. См., например, мнение П. А. Корсакова: «Если бы читатель спросил меня, что мне кажется пристойнейшим для России: неограниченная свобода печатания или совершенное стеснение мыслей, то я подумал бы о первой. Но если бы мне дали на выбор полную свободу тиснения или умеренную цензуру, основанную на правилах Великой Екатерины и Цензурном уставе Министерства просвещения, — то я, верно, остался бы при последней» (Корсаков П. А. Краткая история свободы тиснения во Франции // СН. 1817. Ч. 2, № 18. С. 146). В неопубликованной французской статье начала 1823 г. «Замечания на книгу доктора Фора „Воспоминания о Севере“» («Observations sur l'ouvrage du Docteur Faure, intitulé „Les Souvenirs du Nord“»), предназначавшейся для парижского журнала «Revue Encyclopédique», Вяземский писал: «Первые годы нового царствования были ознаменованы самыми прекрасными начинаниями. Установления мудрые, реформы либеральные обещали большие успехи в развитии нашей образованности, народного просвещения и всех отраслей национального благосостояния. Положение о цензуре подало нам надежду, что если цензура вообще может быть мудрым установлением, у нас она будет именно такой. Вверенная профессорам университетским и членам других ученых обществ, людям образованным, которые по меньшей мере по своему положению являются друзьями просвещения и должны с пониманием относиться к своему занятию, она обеспечила бы права авторов. И куда привели нас эти прекрасные надежды? Цензура неприступная, ханжеская, отданная во власть наемных сендов обскурантизма, призванных задушить любую мысль, любой признак жизни, полностью остановила ход нашей литературы. Книги, печатавшиеся при императоре Павле, были бы сегодня запрещены. Философия, изучение естественного права, науки политические преследуемы наравне с мифологией» (ПиС (Нов. серия). Вып. 5 (44). С. 61—62; оригинал по-фр.).

Ст. 118 — 119. У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер, А нынче и Милот попался в наши сети... — Общее ужесточение внутренней политики в начале 1820-х гг. сказалось и на отношении к иностранной литературе, ввоз которой в Россию осуществлялся Комитетом цензуры иностранной при Министерстве внутренних дел. Почти четверть зарубежных изданий, поступивших на цензурный просмотр в 1820—1822 гг., была запрещена (см.: Оксман Ю. Г. Очерк истории цензуры зарубежных изданий в России в первой трети XIX века // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1965. Вып. 71. С. 341—365).

Характеризуя это усиление цензурного гнета, Пушкин ставит в один ряд сочинения Иеремии Бентама (Bentham; 1748—1832), английского юриста и социолога, теоретика политического либерализма, Жан-Жака Руссо (Rousseau; 1712—1778), автора «Общественного договора» («Du contrat social», 1762) и «Эмиля» («Emile, ou De l'éducation», 1762), запрещенного при Екатерине II в 1763 г. особым указом (см.: Кобеко Д. Ф. Екатерина II и Жан-Жак Руссо // ИВ. 1883. № 6. С. 611), Вольтера, поэма которого «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans», 1762) также всегда находилась под цензурным запретом, и французского историка аббата Клода-Франсуа-Ксавье Милло (Millot; 1726—1785), учебные книги которого в России широко переводились и печатались. Однако последние тома французских переизданий «Начальных оснований английской истории» и «Начальных оснований французской истории» Милло (Eléments de l'Histoire d'Angleterre, depuis la conquête des Romains jusqu'à George II. Par l'abbé Millot. 7-me éd., rev., corr. et augm. (...) jusqu'à la paix de Tilsitt... Paris, 1813. Т. 4; Eléments de l'Histoire de France, depuis Clovis jusqu'à Louis XV. Par l'abbé Millot, continués (...) jusqu'au jour du couronnement de Napoléon... 9-me éd. Paris, 1814. Т. 4), где повествование было продолжено Ж.-Б.-К. Делилем де Салем (Delisle de Sales; 1739?—1816) и доведено до современности, действительно были запрещены для ввоза и распространения в России еще в 1816—1817 гг. (см.: Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною ценсурою... СПб., 1855. С. 243).

Ст. 126. *Хоть умного себе возьми секретаря.* — В басне И. А. Крылова «Оракул» (1807) говорится о судьях, «которые весьма умны бывали, пока у них был умный секретарь».

Другие редакции и варианты

Черновой автограф. Ст. 8. *Что завтра выдет в свет: Баркова сочиненья.* — Ср. слова Пушкина в разговоре с П. П. Вяземским осенью 1836 г.: «Барков — это одно из знаменитейших лиц в русской литературе; стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение. В прошлом году я говорил государю на бале, что царствование его будет ознаменовано свободой печати, что я в этом не сомневаюсь. Император рассмеялся и отвечал, что он моего убеждения не разделяет. Для меня сомнения нет, — продолжал Пушкин, — но также нет сомнения, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание стихотворений Баркова...» (Вяземский П. П. Собр. соч. СПб., 1893. С. 545).

ИНОСТРАНКЕ

(«На языке, тебе невнятном...»)

(С. 82 и 321)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 63 об. (Ав₁) — черновой, с вписанным над текстом в ходе работы сокращенным (две первые буквы) неразборчивым заглавием; в левом верхнем углу листа — карандашная помета: «NB»; у заглавия — карандашная помета: «вот это», вероятно сделанная на одном из позднейших этапов работы над текстом. Напечатано: Сб. снимков с автографов русских деятелей 1801—1825. СПб.,

1873. С. 28 (факсимильное воспроизведение л. 63 об.); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 371, 372 (ст. 9—12; сокращенная запись заглавия, прочитанная как «Ги» или «Гл»; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. ПД 834, л. 1—1 об. (Ав₂) — белой, с поправками, с вписанным позднее заглавием. Напечатано: Майков. Материалы. С. 198 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

3) Тетр. ПД 833, л. 27 (Ав₃) — белой, с поправкой, под заглавием: «В альбом». Под текстом фигурная скобка — знак концовки, правее дата: 18/19 mai 1824 (18 / 19 мая 1824 — фр.); левее даты французская запись: «veux tu m'aimer» («хочешь ли меня любить»), по-видимому не имеющая отношения к стихотворению (ср. близкую французскую запись: «veux tu / m'aimer / beauté» (хочешь ли / меня любить / красота) на корешке вырванного листа в конце кишиневской записной книжки (ПД 830, л. 65а об.); см. также: Рукою П. 1997. С. 234, 238); под датой французская помета, предположительно читающаяся: «pl. d. D'». Напечатано: Анн. Т. 2. С. 377 (заглавие и дата «19 мая 1824 г.»); Якушкин. № 5. С. 343 (поправка в ст. 5, французская запись под текстом). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Заглавие и первая строка вошли в Тетр. Капниста (Кап), в перечень стихотворений отдела «Эпиграммы, надписи и пр.» — в записи: «В альбом иностранке / На языке, тебе невнятном, и проч.». Напечатано: Майков. Автографы П. С. 580.

Впервые: Ст 1826. С. 115 (отдел «Эпиграммы и надписи»). Вошло без изменений в Ст 1829. Ч. 2. С. 148 (отдел стихотворений разных годов).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно концом 1822—началом 1823 г. (см. ниже).

Л. С. Пушкин вспоминал: «О поэзии и литературе Пушкин говорить вообще не любил, а с женщинами никогда и не касался до сего предмета. Многие из них, особенно в то еще время, и не подозревали в нем поэта. Одна иностранка, оставляя Россию, просила Пушкина написать ей что-нибудь в память самых близких двухлетних отношений. Он написал ей пьесу: „На языке тебе невнятном“ — и пр. Она очень удивилась, узнав, что стихи собственного его сочинения, просила перевода, но Пушкин предоставил ей обратиться для сего к первому русскому, которого она встретит за границею» (П. в восп. Т. 1. С. 63). Если принять свидетельство Л. С. Пушкина о «двухлетних отношениях» Пушкина с «иностранкой», то верхняя граница датировки стихотворения предположительно может быть отнесена к концу 1822 г. Нижняя определяется положением Ав₂ в тетради ПД 834: л. 1 тетради заполнялся во время работы над автографом поэмы «Бахчисарайский фонтан» (сохранился фрагментарно на л. 1 об., 1а—1а об., 3), шедшей во второй половине 1822—начале 1823 г. (до марта—начала апреля) (см.: Пушкин. Поэмы и повести 2007. С. 260, 2-я паг., коммент. О. А. Проскурина; примеч. к стихотворению «Люблю ваш сумрак неизвестный...» — наст. т., с. 711). В августе—начале сентября 1823 г. стихотворение было послано издателем альманаха «Полярная звезда». В письме к В. И. Туманскому от 3 октября 1823 г. К. Ф. Рылеев сообщал, что «Иностранка» запрещена к печати цензором Бируковым за слово «боготворить» в стихах «Боготворить не перестану / Тебя, мой друг, одну тебя» (см.: Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 472—473).

Адресат стихотворения неизвестен. Имя Амалии Ризнич, предлагавшееся К. П. Зеленецким (см.: *Зеленецкий К. Г-жа Ризнич и Пушкин // РВ. 1856. № 11. С. 206, 208; Генн. 1869—71. Т. 1. С. 271*), не может быть принято, поскольку не согласуется с датировкой стихотворения. Другие выдвигавшиеся гипотезы — Калипсо Полихрони (см.: *Пушкин 1955. С. 784; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 412, в обоих изд. примеч. Б. В. Томашевского; Госл. в 10 т. Т. 1. С. 585, примеч. Т. Г. Цявловской*); «прелестная гречанка», упоминаемая Пушкиным в кишиневском дневнике (см.: *Летопись 1999. Т. 1. С. 503, примеч. Я. Л. Левкович; эта и предыдущая адресации несомненно основаны на расшифровке Н. В. Измайловым неразборчивой записи над текстом в Ав₁ как «Гр(ечанке ?)» — Акад. Т. 2. С. 785; наст. т., с. 321*); Полихрони с переадресацией Каролине Собаньской (см.: *Иезутова Р. В. «Утаенная любовь» в жизни и творчестве Пушкина // Легенды и мифы о Пушкине. 2-е изд. СПб., 1995. С. 234—236; то же: Утаенная любовь Пушкина. СПб., 1997. С. 26—27*). Все они столь же фактически неосновательны и не согласуются с рассказом Л. С. Пушкина.

УЗНИК

(«Сижу за решеткой, в темнице сырой...»)

(С. 83 и 323)

Автографы:

1) В тетр. ПД 830, л. 58 — черновой, без заглавия. Напечатано: Майков. Материалы. С. 162 (публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) ПД 420, л. 83 — белой, с поправками, с пометой под текстом: «Кишенев / 1822», с позднейшей карандашной правкой, обведенной чернилами рукой О. М. Сомова, — в составе Цензурной рукописи Ст 1832; в левом верхнем углу листа помета П. А. Плетнева: «Разн. годов» (обозначение раздела в составе Ст 1832). Напечатано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 562 (в виде вариантов). Воспроизведение: Рукоп. П. Изд. О. К.

Впервые: Ст 1832. С. 185 (отдел стихотворений разных годов).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1832.

Датируется 1822 г., согласно помете в белом автографе. Оснований для уточнения датировки внутри года нет. Карандашная правка в рукописи относится ко времени подготовки Ст 1832.

Размер (четырёхстопный амфибрахий с мужской клаузулой) сближает стихотворение с написанными ранее «Черной шалью» (1820) и «Молдав(ской песней)» («Нас было два брата — мы вместе росли...») (1821) (см. наст. т., с. 11, 122 и примеч. к «Черной шали», с. 527). По мнению Б. В. Томашевского, объединяет все три произведения и то, что они «так или иначе связаны с темой преступления» (Томашевский. Пушкин, I. С. 449). Однако, сохраняя некоторую преемственность с «Молдав(ской песней)» и «Черной шалью», «Узник» демонстрирует существенные отличия. Мотив преступления здесь сильно редуцирован, сюжетность почти полностью утрачена, и выбранный стихотворный размер теряет изначально присущий ему «балладный» семантический ореол (см.: Проскурин 1999. С. 103). Тематически и

образно стихотворение ориентировано на народную поэзию. В параллелизме поэтических образов скрыто метафорическое уподобление узника в темнице птице в неволе, молодца-сокола, вырывающегося из неволи, — птице, вылетающей из клетки. В тексте пушкинского стихотворения неявно присутствует ряд традиционных формул народной поэзии: формулы желания («если б я был птицей, полетел бы»); горестного раздумья, грусти (глядение в окно, см. в разделе «Другие редакции и варианты» первоначальный вариант белого автографа: «Гляжу я в окошко темницы сырой» — наст. т., с. 324). См., например: Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1900. Т. 6. № 229, 230, 232, 338, 429, 439, 472, 474—476, 479—481, 485—492, 494, 499—508, 511, 525, 532, 533.

Истоки темы узника в пушкинских кишиневских произведениях («Узник», «Братья разбойники») можно видеть в поэме Байрона «Шильонский узник» («The Prisoner of Chillon», 1816), известной Пушкину по французскому прозаическому переводу в издании А. Пишо и Э. де Саля (см. о нем в примеч. к стихотворению «Погасло дневное светило...» — наст. т., с. 506). В поэме Байрона, в частности, есть эпизод, когда герой смотрит из окна своей темницы на парящего орла:

The eagle rode the rising blast,
 Methought he never flew so fast
 As then to me he seemed to fly;
 And then new tears came in my eye,
 And I felt troubled — and would fain
 I had not left my recent chain...

⟨Орел взмывал все выше, и думал я, что нет ничего более быстрого, чем казался мне его полет; и новые слезы затуманили мои глаза, и я почувствовал себя взволнованным — и рад был бы не расставаться со своей недавней цепью... — *англ.*⟩ (The Works of Lord Byron. A new, revised and enlarged ed. / Ed. by E. H. Coleridge. London, 1905. Poetry. Vol. 4. P. 27). Во французском переводе: «L'aigle traversait le ciel, porté sur le souffle des vents. Son vol ne m'avait jamais paru si prompt et si libre. Alors, de nouveaux pleurs coulèrent de mes yeux, je laissai retomber ma tête sur ma poitrine, et j'aurais souhaité de n'avoir jamais abandonné mes chaînes» ⟨Орел парил в небе, несомый ветром. Его полет никогда еще не казался мне столь быстрым и свободным. Тогда слезы вновь полились из моих глаз, я уронил голову на грудь и желал бы никогда не покидать своих цепей. — *фр.*⟩ (Œuvres complètes de lord Byron, traduites de l'anglais par A. E. de Chastopalli. 2-me éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris, 1820. T. 2. P. 74). О преломлении этого эпизода поэмы Байрона в пушкинских «Братьях разбойниках» см.: *Проскурин О. А.* «Братья-разбойники» и «Шильонский узник»: (Как и почему Пушкин сошелся с Жуковским) // Russian Literature and the West : A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. P. 140—141. У Пушкина происходит своеобразная трансформация байроновского образа: орел оказывается таким же невольником, как и узник.

Из кишиневского дневника Пушкина (см.: Акад. Т. 12. С. 308) известно, что он посещал кишиневский острог. О том же свидетельствовал со слов Пушкина Н. И. Куликов, рассказавший, в частности, эпизод, когда «главный, первостатейный каторжник, всеми уважаемый» (может быть, упомянутый в пушкинском дневнике Тарас Кирилов) сообщает поэту о своем намерении бежать: «...клетка надломлена, настанет ночь, а мы ночные птицы и вольные!» — и осуществляет его в ту же

ночь (Куликов Н. И. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин : Очерки и воспоминания // РС. 1881. № 8. С. 613—614).

В 1832 г. А. А. Алябьев написал на текст пушкинского стихотворения романс для голоса и фортепиано. Всего на тему «Узника» создано около 40 музыкальных произведений: романсы и песни, хоровые произведения, инструментальные и симфонические сочинения (см.: *Винокур Н. Г., Казан Р. А.* Пушкин в музыке. М., 1974. С. 147—149; *Stöckl E.* Puškin und die Musik. Leipzig, 1974. S. 330—332).

Фольклорная основа стихотворения, его образная и тематическая близость к народным разбойничьим и тюремным песням и балладам предопределили широчайшее распространение его в народе. С 70-х гг. XIX в. стихотворение неоднократно перепечатывается в массовых сборниках и песенниках. Народные редакции «Узника» известны с 1885 г. (первая публикация текста: *Донские казацьи песни / Собрал и издал А. Пивоваров.* Новочеркасск, 1885. С. 5—6). Из всех стихотворений Пушкина «Узник» имеет наибольшее число народных вариантов (перечень публикаций устных переделок «Узника» см.: *Мельц М. Я.* Поэзия А. С. Пушкина 1825—1917 гг. в русском фольклоре : Библиогр. указ. : (По материалам Пушкинского Дома). СПб., 2000. С. 174—183). Все это протяжные лирические песни и баллады; в зависимости от среды бытования они разнятся тематически: разбойничьи, казачьи, солдатские, матросские, тюремные (к ним примыкают песни каторги и ссылки). Среди политзаключенных и политкаторжан царской России бытовали и народные редакции стихотворения в виде песен, в которых оно приобретало ярко выраженный революционный характер, и авторские переделки в духе революционного романтизма (например, стихотворение И. И. Ионова «В плену»; см.: *Назарова В. Г.* Поэзия политической каторги и ссылки Сибири : По страницам журнала «Каторга и ссылка» // Советская литература и фольклор Бурятии. Улан-Удэ, 1962. Вып. 2. С. 198—199). Украинские варианты сходны с русскими, часто возникали на их основе и бытовали в той же среде (см.: *Охрименко П. П.* А. С. Пушкин и украинское народно-песенное творчество // Науч. доклады высшей школы. Филолог. науки. 1976. № 2. С. 31—38; см. также о молдавских вариантах: *Сидельников В. М.* Народные редакции пушкинского «Узника» // Писатель и жизнь : Сб. историко-литературных, теоретических и критических статей. М., 1967. Вып. 6. С. 130—131). Изучение фольклорных вариантов «Узника» показывает, что в настоящее время в народной среде происходит фольклоризация пушкинского произведения, а контаминация на его сюжетной основе мотивов традиционных лирических песен и баллад.

1823

ПТИЧКА

(«В чужбине свято наблюдаю...»)

(С. 84 и 325)

Автограф (ПД 436) — белой, в письме к Н. И. Гнедичу от 13 мая 1823 г., без заглавия. Напечатано: Современное обозрение. 1868. № 1. Янв. С. 142 (в составе письма; публ. П. А. Ефремова). Воспроизведение: Левичева. С. 284—285.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: ЛЛ. 1823. № 2. С. 28, под заглавием: «На выпуск птички», с подписью: «А. П.» и примечанием издателя: «Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп из тюрьмы невинных должников, и проч. — *Издат(ель)*». Вошло в Ст 1826. С. 119 (отдел «Эпиграммы и надписи») и в Ст 1829. Ч. 2. С. 147 (отдел стихотворений разных годов). Перепечатывалось: Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 90; Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземского и проч. М., 1835. С. 176—177 (без заглавия).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно апрелем—началом мая (не позднее 13) 1823 г. по дате письма к Н. И. Гнедичу.

В письме к Гнедичу стихотворение предваряется словами: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое воскресенье выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это —» (Акад. Т. 13. С. 63). В пушкинском письме речь, таким образом, идет о Пасхе. На этом основании стихотворение было датировано И. Н. Медведевой в Акад. (Т. 2. С. 1123) Святой неделей 1823 г. — 22—29 апреля. Эта датировка не может быть принята. Поводом к написанию стихотворения вряд ли могли послужить непосредственные жизненные впечатления. Обычай выпускать на волю птиц был распространен в некоторых собственно русских областях (особенно популярен в Москве), но наблюдать его среди молдавского населения Кишинева Пушкин вряд ли мог (в письме собственно и говорится об «обычае русского мужика»). Он не пасхальный, а приурочен к Благовещенью (25 марта) (см.: *Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома*. СПб., 2007. С. 174) и связывался с Пасхой, видимо, потому что Благовещенье и Пасха нередко приходились на близкие дни. Ср., например, запись в дневнике Н. И. Тургенева в Светлое воскресенье 28 марта 1820 г.: «Этот праздник имеет некоторым свойством освобождение. Искупают должников из тюрьмы. У нас на Руси покупают даже птиц и пускают их под небо, на свободу» (АбТ. Вып. 5. С. 227).

Первая публикация была осуществлена не по письму к Гнедичу, а, вероятно, восходит к другому, неизвестному нам автографу: в ней уже изменен ст. 8, и поправка эта, несомненно авторская, поскольку в таком виде стихотворение еще до публикации распространялось в списках. Так, 19 июня 1823 г. Н. В. Путята писал к С. Д. Полторацкому: «Несколько новых рукописей Пушкина разгуливают по свету (...) наудачу посылаю и я Вам стишки автора „Руслана и Людмилы“, они коротки и удобопоместимы в письме, и я надеюсь, что Вам понравятся». Далее следует текст стихотворения, в целом соответствующий тексту журнальной публикации, без заглавия и с неточностью в ст. 3 («На волю птичек отпускаю» вместо: «На волю птичку отпускаю») (РНБ, ф. 603, оп. 1, № 175, л. 4; тот же текст с той же ошибкой в ст. 3, позднее исправленной, дает и другая копия Н. В. Путяты (Пут); здесь под заглавием: «На праздник Благовещенья»).

Посылая стихотворение в письме к Н. И. Гнедичу от 13 мая 1823 г., Пушкин спрашивал: «Напечатают ли без имени в „С(ыне) От(чества)“?» (Акад. Т. 13.

С. 63). По-видимому, Пушкин предполагал, что публикация стихотворения за его подписью может встретить цензурные затруднения, связанные с его положением ссыльного и возможными отсюда биографическими аллюзиями. Последние могли быть тем более очевидны, что именно в это время последовал высочайший отказ на просьбу Пушкина о двух- или трехмесячном отпуске в Петербург. 13 января Пушкин обратился к министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде с письмом, в котором просил разрешить ему приехать в столицу в связи с семейными делами. 21 февраля Нессельроде докладывал по письму Пушкина императору. 27 марта датирован проект официального отношения Нессельроде к И. Н. Инзову в Кишинев об отказе Александра I в просьбе Пушкина, но уже 5 апреля Пушкин, зная о постигшей его неудаче, писал П. А. Вяземскому: «Мои надежды не сбылись: мне нынешний год нельзя будет приехать ни в Москву, ни в Петербург» (Акад. Т. 13. С. 55, 61; А. С. Пушкин : Документы к биографии : 1799—1829. СПб., 2007. С. 400—401, 403—406).

Цензуровавший «Сын отечества» А. И. Красовский стихотворение действительно не пропустил, после чего Ф. В. Булгарин вызвался провести его через цензуру и напечатать в «Литературных листках» — литературном прибавлении к издававшемуся им журналу «Северный архив». Это намерение было резко негативно встречено издателем «Сына отечества» Н. И. Гречем, обвинившим Булгарина в перебивании у него журнальных материалов. Булгарин вынужден был объясняться. «Я сказал тебе на смех: „вот тебе не позволят, а мы напечатаем“; а ты принял это в насмешку и назвал воейковщиной, — писал он Гречу 16 июля 1823 г. — Если тебе угодно заниматься пустяками, т. е. дружбою, то спроси у Корниловича, не говорил ли я ему в тот же день, что у меня стихи Пушкина пройдут, но я не напечатаю никогда, и ничего, что было запрещено у Греча, как разве по его собственному желанию» (Булгарин Ф. В. Письмо к Н. И. Гречу / Публ., коммент. А. Лященко // Литературные портфели : Статьи, заметки и неизданные материалы по новой русской литературе из собраний Пушкинского Дома. 1. Время Пушкина. Пб., 1923. С. 51). В результате стихотворение все же было напечатано с вуалирующим издательским примечанием в № 2 «Литературных листков», цензурное разрешение на выпуск которого дал 29 июля цензор А. С. Бируков.

С пушкинской «Птичкой» связано создание стихотворений А. А. Дельвига «К птичке, выпущенной на волю» («Во имя Делии прекрасной...») и Ф. А. Туманского «Птичка» («Вчера я растворил темницу...»). Все три стихотворения переписаны на одном листе в Первой тетради Е. П. Ростопчиной (Рост, л. 109 об.): ст. 1—4 стихотворения Дельвига — рукой Е. П. Ростопчиной, запись продолжена рукой Л. С. Пушкина, им же переписаны следующие далее стихотворения Пушкина (запись по памяти с неточностью в ст. 1: «соблюдаю» вместо: «наблюдаю») и Туманского. Вверху листа пояснение рукой Е. П. Ростопчиной: «Стихи в роде конкурса или пари, или стипль-чеза, написанные на заданную тему, в собрании молодых поэтов наших, в Петербурге» (стипель-чез (англ. steeple-chase) — скачка с препятствиями); под текстом помета: «соріе chez moi par Léon Pouschkine. Moscou. 22 septembre 1849» («переписано у меня Львом Пушкиным. Москва. 22 сентября 1849» — фр.). «Конкурс или пари», о котором говорится в пояснении, должен был состояться летом 1823 г., после того как пушкинская «Птичка» стала известна в Петербурге (датировка его 1822 г., предложенная Ю. Н. Верховским, неверна, на что было указано еще Б. В. Томашевским; см.: Верховский Ю. Н. Барон Дельвиг : Материалы биографические и литературные. Пб., 1922. С. 98; Дельвиг А. А. Полн.

собр. стихотворений. Л., 1934. С. 450, примеч. Б. В. Томашевского (Б-ка поэта; Большая сер.)). С большой долей вероятности можно предполагать, что инициатором «пари» выступила С. Д. Пономарева (Делия дельвиговского стихотворения), постоянным посетителем дома которой был в это время влюбленный в нее Дельвиг (см.: Вацуро В. Э. С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 220—222). Туманский в 1823 г. также находился в Петербурге: с июня 1821 г. он служил в Департаменте духовных дел вместе с Б. М. Федоровым и В. И. Панаевым, завсегдатаем салона Пономаревой. Именно к этому времени относится его сближение с кружком Дельвига и Баратынского. Стихотворения Дельвига и Туманского, как и пушкинская «Птичка», представляют собой восьмистишия четыреххостного ямба с перекрестной рифмовкой и чередованием женских и мужских рифм (АВАВ). Видимо, не случайно стихотворение Дельвига было напечатано тоже в «Литературных листках» (1823. № 4. С. 52), где ни до, ни после этого Дельвиг не публиковался, и под тем же заглавием «На выпуск птички», что и пушкинское стихотворение. «Птичка» Ф. А. Туманского напечатана в «Северных цветах» на 1827 г. и в современных изданиях (см.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 316 (Б-ка поэта; Большая сер.)) ошибочно датируется 1827 г. по дате публикации.

Летом 1824 г. стихотворение было отмечено во французской печати: С. Д. Полторацкий в заметке «Feuilles littéraires, rédigées par M. Boulgarin...» («Литературные листки, редактируемые г. Булгариним...» — *фр.*) упомянул «очаровательное стихотворение г. Александра Пушкина на выпуск на волю птички» (Revue Encyclopédique. 1824. Т. 22, ch. 66 (juin). P. 651; оригинал по-фр.).

Ст. 2. *Родный обычай старины...* — Более архаичная форма «родный» (вместо «родной») появилась в Ст 1826 и была повторена в Ст 1829. При подготовке Ст 1826 стихотворение подверглось авторской правке. Нет оснований считать написание «родный» не пушкинским и заменять его на «родной», как делалось во всех изданиях, начиная с Посм. Ср. аналогичную форму «круговой» в тексте послания «Кривцову» в прижизненных изданиях (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 18 и 503).

ЖАЛОБА

(«Ваш дед портной, ваш дядя повар...»)

(С. 85 и 325)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 22 об. — белой, с поправками. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 151 (по копии в ТЖ с повторением ошибки копии в ст. 4—5: «И дива нет — не вы один / Потомок предков благородных» вместо: «И дива нет — не вы один. / Потомку предков благородных»; публ. В. А. Жуковского); Якушкин. № 6. С. 557 (правильное чтение ст. 5). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Второй белой автограф, находившийся в тетради ПД 833 на листе между л. 28 и 29, позднее вырванном, утрачен; сохранился корешок листа (л. 28а) с обрывками конечных слов нескольких стихов. Стихотворение занимало третье место среди шести нумерованных эпиграмм (см. ниже). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 800 (публ. И. Н. Медведевой). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Копии:

- 1) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «С.....у».
- 2) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «С.....у», с датой под текстом: «1822».
- 3) Из архива Майковых в РНБ (Майк) — без заглавия, с подписью: «А. Пушкин», с ошибками в ст. 6 («в моей семье» вместо: «в моей родне») и ст. 8 («И не дает обедов мне» вместо: «И не варит обеда мне»).
- 4) Тетр. Гаевского (Гв) — под заглавием: «К Северину».
- 5) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «С.....у».
- 6) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «Северину», с проставленной карандашом у заглавия и под текстом датой: «1822».

Напечатаны: Акад. Т. 2. С. 800 (в виде вариантов; публ. И. Н. Медведевой).

Утраченные копии:

1) Бывшие в распоряжении Н. В. Гербея, по которым им были осуществлены публикации стихотворения в кн.: Герб. С. 46 (под заглавием: «К Северину», с датой под текстом: «1826») и в статье «Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина» (РА. 1876. Т. 3, № 10. С. 234) (под заглавием: «К Северину», с датой под текстом: «1824») (РА).

2) Бывшая в распоряжении Н. П. Огарева, по которой им была осуществлена публикация стихотворения в кн.: РПЛ. С. 85 (под заглавием: «Северину»).

Все копии дают другую редакцию сравнительно с текстом автографа.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 151 (с ошибкой в ст. 4—5; указание на правильное чтение ст. 5 сделано в статье Г. С. Чирикова «Заметки на новое издание сочинений Пушкина» — РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 190). Другая редакция: Герб. С. 46 (см. выше); в русской печати: БЗ. 1861. Т. 3, № 19. Стб. 592 (ст. 1—4, под заглавием: «К С—ину»; публ. П. А. Ефремова).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по автографу.

Датируется серединой сентября—октябрем 1823 г. по времени ссоры Пушкина с Д. П. Севериным (см. ниже). В тетрадь ПД 834 стихотворение было записано в конце октября (после 22-го). Его автограф расположен на л. 22 об.; верхняя часть листа занята последней строфой первой главы «Евгения Онегина» с французской пометой под текстом: «Octobre 22 / 1823. / Odessa» («Октября 22 / 1823. / Одесса»). Тетрадь заполнялась последовательно. На следующих листах французские пометы: «1 nov(embre)» («1 ноября») — на полях л. 29 об.; «3 nov(embre) 1823» («3 ноября 1823») — на полях л. 30 об. В тетради ПД 833 стихотворение занимало третье место среди шести нумерованных эпиграмм, которые были расположены на л. 28а—29 (сохранился текст только двух последних на л. 29: V. «Охотник до журнальной драки...» и VI. «Лихой товарищ наших дедов...»). Судя по положению в тетради, запись сделана в сентябре 1824 г.: на л. 28 об. — дата: «26 августа 1824» под стихотворением «Прозерпина»; на л. 29 об. — 30 об. расположены беловые автографы двух стихотворений из цикла «Подражания Корану» («Смутясь, нахмурился Пророк...» и «С тобою древле, о Всесильный...»), черновые автографы которых в тетради ПД 835 (л. 18 об., 20) датируются концом сентября—первыми числами октября 1824 г. (по пометам на предыдущих и последующих листах: «26 сент(ября)» 1824 на л. 17 под текстом белового автографа «Разговора книгопродавца с поэтом»; «2 окт(ября) 1824» на л. 20 под текстом чернового автографа строфы ХLI третьей главы «Евгения Онегина»).

Адресат эпиграммы — Дмитрий Петрович Северин (1792—1865), школьный товарищ П. А. Вяземского по иезуитскому пансиону, хороший знакомый А. И. Тургенева и В. А. Жуковского, участник литературного общества «Арзамас», чиновник Коллегии иностранных дел, с 1826 г. — поверенный в делах, с апреля 1836 г. — посланник в Швейцарии, а в 1837—1863 гг. — в Баварии, действительный статский советник. Пушкин познакомился с Севериным в послелицейские годы в Петербурге, мог встречаться с ним в среде арзамасцев, в литературных кругах, в частности у Карамзиных. Ф. Ф. Вигель оставил в своих «Записках» нелюбимый портрет Северина — человека, угодливого перед вышестоящими, высокомерно с низшими, терзаемого неудовлетворенным честолюбием. «Что касается до характера, — писал о нем Вигель, — это было удивительное слияние дерзости с подлостью; но надобно признаться — никогда еще не видал я холопство, облеченное в столь щеголеватые и благородные формы» (Вигель. Ч. 5. С. 40). В этом случае характеристика, данная Вигелем, по-видимому, имеет основания. Так, А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому от 6 декабря 1821 г. замечал о Северине (невысоком и хрупкого телосложения), что «душа его мельче его роста и тонее его ног» (ОА. Т. 2. С. 231). 21 августа 1823 г. Тургенев сообщал Вяземскому, что Северин «хотел надевать мерзостей» Д. В. Дашкову (Там же. С. 339). В сентябре 1823 г. Северин приехал в Одессу, где у них с Пушкиным произошла какая-то ссора. 25 сентября 1823 г. Тургенев писал Вяземскому, что Пушкин «был в Одессе у Северина, который сказал, чтобы он не ходил к нему; обошелся с ним мерзко, и африканец едва не поколотил его» (ОА. Т. 2. С. 352). 14 октября 1823 г. и сам Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Здесь Северин, но я с ним поссорился и не кланяюсь» (Акад. Т. 13. С. 70). Результатом этой ссоры стала написанная Пушкиным эпиграмма (предположение, что, наоборот, именно эпиграмма послужила поводом к конфликту (см.: Венг. Т. 2. С. 610, комментарий Г. Н. Карасика; Пушкин: Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Вып. 3: Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. Одесса, 1926. С. 83) не выглядит убедительным). Позднее, перед высылкой Пушкина из Одессы, Вяземский и Тургенев пытались при посредстве Северина, служившего в Министерстве иностранных дел и близкого к управляющему Коллегией министерства графу К. В. Нессельроде, способствовать облегчению судьбы поэта. «Сделай одолжение, — писал Вяземский Тургеневу 7 июля 1824 г., — попроси Северина устроить что можно к лучшему. Он его, кажется, не очень любит: тем более должен стараться спасти его; к тому же, верно, уважает его дарование...» (ОА. Т. 3. С. 58). Однако, как сообщал в ответ Тургенев, Северин решительно отказался принимать участие в деле Пушкина (см.: Там же).

Ст. 1. *Ваш дед портной, ваш дядя повар...* — Происхождение Д. П. Северина не вполне ясно. «О портном Северине могли дойти до меня только темные слухи, и то по случаю знакомства моего с его почтенным внуком», — писал Ф. Ф. Вигель (Вигель. Ч. 5. С. 39). Сохранилась записка императрицы Елизаветы Алексеевны от 29 мая 1747 г. к В. И. Демидову, где упоминается портной Северин: «Скажи Северину сделать полшляфрок и юпку на булочку из самой лучшей пунцовой двойной тафты» (РА. 1878. Т. 1, № 1. С. 11). Отец Северина Петр Иванович (1761—1830) был капитаном гвардии, сослуживцем и приятелем И. И. Дмитриева, в 1797 г. вышел в отставку в чине генерал-майора, в 1823 г. — сенатор, тайный советник. «Спросят, почему Северин был немец, когда в фамильном имени его нет ничего немецкого? Почему капитан гвардии был сын портного? Последний вопрос ни-

кто не сделает ныне, когда в России искусная маршировка доводит до высоких чинов. Во время же оно гвардия была военно-придворный штат; для того, чтобы удостоиться чести быть в ней офицером, нужны были известное имя и большое покровительство. Чье же имя может быть известнее, если не людей, прославившихся в ремеслах?» — иронично замечал Ф. Ф. Вигель (Вигель. Ч. 5. С. 39). Впоследствии Пушкин частично перефразировал свою эпиграмму в «Романе в письмах» (1829), в первоначальных вариантах рассуждений героя: «Говоря в пользу аристократии, я не корчу англ(ийского) лорда (как) дипломат Сев(ерин) внук портного и повара» (Акад. Т. 8. С. 53, 573).

НОЧЬ

(«Мой голос для тебя и ласковый и томный...»)

(С. 86 и 327)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 26 — беловой, без заглавия, с пометой перед текстом: «26 окт(ября) 1823 Одесса». Напечатано: Якушкин. № 5. С. 343 (помета). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Беловой автограф в Тетр. Капниста (Кап), в составе отдела «Подражания древним» под номером VII, утрачен. Напечатано: Майков. Автографы П. С. 576 (заглавие и начало первой строки, с указанием, что далее следует «вся пьеса»); Майков. Материалы. С. 193 (указание, что текст везде одинаков; публ. В. И. Саитова).

Впервые: Ст 1826. С. 131 (отдел «Подражания древним»), с датой в оглавлении: «1823»; вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 182 (отдел стихотворений 1823 г.), с заменой в конце ст. 8 восклицательного знака с многоточием на точку.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 26 октября 1823 г., согласно помете в автографе.

Антологическое стихотворение, образцом для которого послужили элегические фрагменты А. Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484). А. Ахматова указала на переключку стихотворения с элегией Шенье «O nuit, nuit douloureuse! ô toi, tardive aurore...» (Элегия XXIII в сборнике 1819 г.). Ср. ст. 11—18 элегии Шенье:

Mon âme, comme un songe, autour de ton sommeil
 Voltige. En me lisant demain à ton réveil,
 Tu verras, comme toi, si mon cœur est paisible.
 J'ai soulevé, pour toi, sur ma couche pénible,
 Ma tête appesantie. Assis et plein de toi,
 Le nocturne flambeau qui luit auprès de moi
 Me voit, en sons plaintifs et mêlés de caresses,
 Verser sur le papiers mon cœur et mes tendresses.

⟨Моя душа как сон витает над тобой. Завтра по пробуждении, читая мои строки, ты увидишь тревогу моего сердца. Я поднимаю для тебя отягченную голову со своего мучительного ложа. Ночной светильник, горящий предо мной, видит меня, сидящего

и полного тобою, изливающего на бумагу мое сердце и мою нежность в жалобных и ласковых звуках. — *фр.*) (Chénier. P. 128—129; см.: Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой : (По материалам архива П. Лукницкого) // ВЛ. 1978. № 1. С. 189; Лукницкий П. Н. Асупиана : Встречи с Анной Ахматовой. Париж; Москва, 1997. Т. 2: 1926—1927. С. 117).

Относить стихотворение к «подражаниям древним» позволял «принцип гармонизации стиха, характерный для всего отдела» (Якубович. Античность в творчестве П. С. 137). Высказывавшиеся в литературе предположения о конкретном адресате стихотворения не представляются обоснованными.

ВИГЕЛЮ

(«Проклятый город Кишинев...»)

(С. 87 и 327)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 23—23 об. — черновой, в черновике письма к Ф. Ф. Вигелю. Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 224 (ст. 1—6, 14—19, 34—39, с ошибками, в составе письма; публ. П. И. Бартенева; то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып.] 1: Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 136); Якушкин. № 6. С. 558—559 (с неточностями; последние два стиха исключены по цензурным соображениям, см.: Оксман Ю. Г. Эпизод из истории пушкинского печатного текста // ПиС. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 64—66). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Копии:

1) Ф. В. Анненкова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 70) (Анна) — под заглавием: «Вигелю», с подписью: «П.». Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. С. 193—194 (публ. П. О. Морозова).

2) Г. Н. Геннади (ПД, ф. 244, оп. 4, № 142) (Генн) — другая редакция в составе 22 стихов; под заглавием: «Послание к Ф. Ф. Вигелю», с подписью: «А. Пушкин», с примечаниями к заглавию (биографические сведения о Вигеле) и к фамилии «Варфоломей» в ст. 8 («Негоциант кишиневский, у которого бывал Пушкин»), с пояснительной записью Г. Н. Геннади: «Эти стихи сохранились в преданиях Кишинева о пребывании там Пушкина и записаны, к сожалению, не совсем верно; к 14-му стиху недостает соседствующего с рифмой». При письме Г. Н. Геннади к одному из редакторов или главных сотрудников журнала «Век» (1861—1862) (вероятно, А. В. Дружинину или П. П. Вейнбергу).

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — другая редакция в составе 22 стихов; под заглавием: «Город Кишинев», с подписью: «А. Пушкин», с примечанием к фамилии «Варфоломей» в ст. 8: «содержатель известной гостиницы в 1820 г. в Кишиневе»; между ст. 13 и 14 строка отточий. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 1128 (в виде вариантов; публ. И. Н. Медведевой).

4) Тетр. Бобровой (Бобр) — ст. 1—13 под заглавием: «Пушкин о Кишиневе», с ошибками в ст. 4, 6, 8.

5) П. А. Ефремова (Е) — другая редакция в составе 22 стихов, под заглавием: «Город Кишинев (1820—1823). Послание к Ф. Ф. Вигелю», с примечанием к фамилии «Варфоломей» в ст. 8: «богатый молдавский боярин» и указанием под тек-

стом на публикацию РА (см. ниже). Напечатано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 447—448 (с цензурной заменой в ст. 20: «Ни свахи» вместо: «Ни сводни»).

б) П. А. Ефремова (Е₁) — ст. 20—22 другой редакции, приписанные к тексту публикации П. И. Бартенева (РА) (см. ниже) на принадлежавшем П. А. Ефремову экземпляре «Русского архива» (Библиотека Пушкинского Дома).

Утраченные копии:

1) Бывшая в распоряжении П. И. Бартенева, по которой им была осуществлена первая публикация стихотворения (см. ниже) (РА) — другая редакция, под заглавием: «Город Кишинев 1820—1823 г.».

2) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербея (Герб₁) другой редакции в составе 22 стихов, по которой им были напечатаны ст. 19—22: *Гербель Н. В. Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина // РА. 1876. Т. 3, № 10. С. 234 (РА₁)*.

Впервые: Москв. 1854. № 9. Отд. V. С. 7 (три искаженных стиха: «О ты, прескучный город Кишинев, / Тебя язык бранить не перестанет. / Там лавки грязные жидов...», в статье К. П. Зеленецкого «Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и в Одессе и примечания к описанию Одессы, помещенному в „Евгений Онегин“»); РА. 1863. № 5—6. Стб. 384 (публ. П. И. Бартенева) — редакция в составе 22 стихов, с цензурной заменой ст. 20—22 тремя строками точек. Цензурная купюра восстановлена: РА. 1876. Т. 3, № 10. С. 234 (публ. Н. В. Гербея).

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по копии Ф. В. Анненкова.

Датируется концом октября (вероятно, вскоре после 22-го) по положению в тетради: автограф расположен на л. 23—23 об.; на л. 22 об. под текстом последней строфы первой главы «Евгения Онегина» — французская помета: «Octobre 22/1823./ Odessa» («Октябрь 22/1823./Одесса»). Тетрадь заполнялась последовательно, на полях л. 29 об. — французская помета: «1 nov<embre>» («1 ноября»).

В черновом автографе стихотворный текст открывает письмо Пушкина к Ф. Ф. Вигелю. «Это стихи, следственно шутка — не сердитесь и усмехнитесь, любезный Фил(ипп) Фил(иппович)...», — писал далее Пушкин (ПД 834, л. 23 об.; Акад. Т. 13. С. 72). Копия Ф. В. Анненкова, по-видимому, сделана с неизвестного автографа, находившегося в бумагах Пушкина. Она дает текст первоначальной редакции стихотворения, близкий к тексту чернового автографа. Распространение получила другая редакция, представленная копиями Генн, Долг и Е и публикациями РА и РА₁, скорее всего, восходящими к одному источнику (еще одна известная копия в Сб. Александрова (Ал) сделана с текста публикации РА). Текст этой редакции несомненно является результатом авторской переработки стихотворения, однако дошел до нас не вполне исправным и, видимо, неполным (о чем свидетельствуют отточие на конце ст. 13 и нерифмующийся следующий стих). Первый публикатор его, П. И. Бартенев, писал в своем сопроводительном примечании: «Эти стихи сохранились в преданиях кишиневских жителей, но записаны, к сожалению, не совсем верно. Говорят, что они были отданы Пушкиным Ф. Ф. Вигелю. Стихи шуточные, оброненные великим поэтом; в них, однако, заметны его обычные приемы». Беловик пушкинского письма к Вигелю до нас не дошел, поэтому неизвестно, какой текст стихотворения был послан адресату, первоначальный или уже переработанный, со смягченной концовкой. Стихотворение распространялось среди знакомых самим Вигелем. Так, 29 ноября 1823 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «Желал бы

прочешь тебе письмо Вигеля, в котором есть и отрывки послания к нему Пушкина» (ОА. Т. 2. С. 368).

Филипп Филиппович Вигель (1786—1856) — петербургский знакомый Пушкина, член «Арзамаса», впоследствии известный мемуарист. В 1800—1802 гг. Вигель служил в Московском архиве коллегии иностранных дел, с 1802 по 1823 г. — в разных ведомствах министерств иностранных дел, внутренних дел и финансов. Дружеское сближение Пушкина и Вигеля, прежде относившихся друг к другу прохладно, приходится на август—сентябрь 1823 г. По свидетельству Вигеля, перед его отъездом в Одессу В. А. Жуковский и Д. Н. Блудов наказывали ему стараться войти в доверенность Пушкина, «дабы по возможности отклонять его от неосторожных поступков» (Вигель. Ч. 6. С. 97). Вигель приехал в Одессу, где рассчитывал получить место правителя особой канцелярии бессарабского наместника, 26 июля. Пушкин в эти дни был в Кишиневе. Он вернулся в первую неделю августа (Летопись 1999. Т. 1. С. 335) и поселился в той же гостинице Рено, что и Вигель. «Простое доброжелательство мое ему полюбилось, — писал Вигель, — и с каждым днем наши беседы и прогулки становились продолжительнее» (Там же). Пушкин читал Вигелю свои еще не напечатанные стихотворения, в частности и недавно начатого «Евгения Онегина». 17 сентября 1823 г. Вигель, получив новое служебное назначение (см. ниже, примеч. к ст. 25), уехал в Кишинев, который с первых же дней произвел на него самое отталкивающее впечатление (см.: Вигель. Ч. 6. С. 103—104). 8 октября 1823 г. он писал Пушкину: «Скажите, мой милый безбожник, как вы могли несколько лет выжить в Кишиневе? хотя за ваше неверие и должны вы были от Бога быть наказаны, но не так много. Что касается меня, я скажу тоже: хотя мои грехи или лучше сказать мой грех велик, но не столько, чтобы судьба определила мне местопребыванием помойную эту яму. (...) Напишите ко мне несколько строчек, вы тем большим мне сделаете удовольствие, а если в них возвестите намерение сюда приехать, то сделаете меня счастливым» (Акад. Т. 13. С. 68). Говоря о своем «грехе», Вигель имеет в виду свой гомосексуализм, который обыгрывается и в пушкинском послании.

Ст. 4. *Твоих запачканных домов...* — Ср. характеристику Кишинева как «помойной ямы» в письме Вигеля (см. выше), а также описание старой части города в «Замечаниях на нынешнее состояние Бессарабии»: «...она вся состоит в излучистых переулках, наполненных жидами и унизанных лачужками, тесно друг к другу приклеенными. Помои и нечистота стекаются сюда из всех мест» (Вигель. Ч. 6. Прилож. С. 26). Нечистота улиц и убожество строений неоднократно подчеркиваются Вигелем в воспоминаниях о Кишиневе (Там же. Ч. 6. С. 103—104, 145—146).

Ст. 5 и след. *Небесный гром, конечно, грянет...* — Пушкин уподобляет Кишинев библейскому Содому — городу, истребленному Богом за грехи его жителей. «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и нисповерг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастания земли» (Быт. 19: 24—25). Ср. в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г.: «...Вигель здесь был и поехал в Содом-Кишинев, где, думаю, будет виц-губернатором» (Акад. Т. 13. С. 70).

Ст. 8. *И пестрый дом Варфоломея...* — В доме члена Бессарабского верховного совета Егора Кирилловича (Иордаки Кириака) Варфоломея (1764—1842) постоянно собиралось кишиневское общество. Как писал А. Ф. Вельтман, Варфоло-

мей, «владелец больших имений в Бессарабии, председатель палаты и откупщик всего края, во время Пушкина жил открыто; ему нужен был зять русский, сильная рука которого поддержала бы предвидимую несостоятельность по откупам» (П. в восп. Т. 1. С. 276). «Предчувствуя собирающуюся над ним грозу, — продолжает Вельтман, — он пристроил к небольшому дому огромную залу, разрисовал ее как трактир и стал давать балы за балами, вечера за вечерами...» (П. в восп. Т. 1. С. 276). Из-за этой аляповатой росписи дом Варфоломея и был прозван «пестрым». Ко времени пребывания в Кишиневе Вигеля «пестрый дом» уже был сдан Варфоломеем внаем для казны, в нем должен был в свои приезды располагаться наместник Бессарабской области граф М. С. Воронцов. Вигель с разрешения графа некоторое время после переезда в Кишинев жил в «пестром доме»: «...тут нашел я атласные, бархатные диваны, мебели всех времен и фасонов, в азиатском и европейском вкусе, некоторые предметы роскоши, странные, стародавние, перемешанные с самыми новомодными, стены, расписанные всевозможными цветами», — вспоминал он впоследствии (Вигель. Ч. 6. С. 105).

Ст. 17. *...вежливым грехом...* — Прилагательное «вежливый» могло появиться здесь как калька с французского языка: французское слово «galant» имеет значения «пикантный», «фривольный» и «вежливый» (см.: *Кайль Р. Д.* «Я слишком с Библией знаком...», или Ветхозаветная Троица у А. С. Пушкина // «Он видит Новгород Великой...»: Материалы VII Междунар. пушкинской конф. «Пушкин и мировая культура», 31 мая—4 июня 2004 г. СПб.; Великий Новгород, 2004. С. 21).

Ст. 25. *И член Верховного совета...* — Бессарабский верховный совет был высшим судебным и распорядительным органом в Бессарабии. В сентябре 1823 г. М. С. Воронцов предложил Вигелю занять там вакантное место члена от короны (см.: Вигель. Ч. 6. С. 98—99, 102). Крайне резкую оценку деятельности Верховного совета дает Вигель в «Замечаниях на нынешнее состояние Бессарабии» (Там же. Прилож. С. 5—11).

Ст. 32—33. *Не знаю, придут ли к тебе Под вечер милых три красавца...* — Имеется в виду библейский рассказ о явлении Бога праведнику Лоту в Содоме в виде двух ангелов (Быт. 19). «Три красавца» у Пушкина объясняются контекстом письма: «Желаю вас рассеять хоть на минуту — и сообщаю вам сведения, которых вы требовали от меня в письме к Шв(арцу); из 3 [крас(авцев)] зна(комцев)(?), думаю, годен на употребление в пользу собств(енно) самый меньшей...» и т. д. (ПД 834, л. 23 об.; Акад. Т. 13. С. 72, 379). Ср. в получившей распространение другой редакции послания: «И разве вечерком к тебе / Зайдут два милые красавца» (раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 331).

Ст. 35—36. *Лишь только будет мне досуг, Явлюся я перед тобою...* — Пушкин приехал в Кишинев около середины марта 1824 г. (Летопись 1999. Т. 1. С. 378) и, по словам Вигеля, «многих, разумеется в том числе и меня, обрадовал своим приездом» (Вигель. Ч. 6. С. 152).

ДЕМОН

(«В те дни, когда мне были новы...»)

(С. 88 и 331)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 43—42 — черновые наброски, предположительно связываемые с работой над стихотворением; первоначально (л. 43—42 об.) карандашом, продолжение работы (л. 42 об.—42) чернилами. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 337 (в виде неполной и неточной сводки).

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень стихотворений отдела «Смесь» с пометой у заглавия: «1823» (см.: Майков. Автографы П. С. 577). Фотокопия листа с перечнем: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Воспроизведение: Томашевский. Новые материалы. С. 865.

Впервые: Мнем. 1824. Ч. 3. С. 11—12, под заглавием: «Мой демон», с подписью: «А. Пушкин». Вторая (независимая) публикация: СЦ 1825. С. 275—276, под заглавием: «Демон», с подписью: «А. Пушкин», с опечаткой в ст. 10 (точка вместо запятой на конце стиха), исправленной в списке замеченных опечаток (с. VI). Вошло в Ст 1826. С. 87—88 (отдел «Разные стихотворения», с датой в оглавлении: «1823») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 178—179 (отдел стихотворений 1823 г.), с некоторыми пунктуационными отличиями. Перепечатано: Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземского и проч. М., 1835. С. 83—84.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по Ст 1829.

Датируется второй половиной октября—началом ноября 1823 г. (см. ниже). Первое известное упоминание о «Демоне» содержится в письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1823 г.: «Он написал другую пиесу: „Мой демон“. Ее хвалят более всех других его произведений» (ОА. Т. 2. С. 368).

Традиционно с работой над стихотворением связывались черновые наброски на л. 43—42 тетради ПД 832. Эти листы заполнялись в обратном направлении в перевернутом корешком вверх положении тетради. Записи на них были сделаны, как минимум, в два приема — карандашом и чернилами. Они были начаты карандашом на л. 43 с отчеркнутого горизонтальной чертой полустия: «Таков он был», являющегося явной отсылкой к какому-то конкретному, уже определенному образу. Под горизонтальной разделительной чертой были записаны карандашные наброски «Мое спокойное незнанье ~ Я видел мир его глазами» и второй, со стиха «Непостижимое стремлень» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 331, (1)). Они в свою очередь отделены один от другого горизонтальным штрихом, в принципе позволяющим рассматривать их как альтернативные друг другу. Авторская сводка обоих набросков сделана в два столбца на смежном листе (л. 42 об). На этом этапе в работе, по-видимому, наступил перерыв, и Пушкин, перевернув лист, так же карандашом на л. 41 об. начал работу над наброском «Бывало, в сладко(м) ослепленье...» (см. наст. т., с. 138), никак очевидным образом не связанным с предшествующими записями. Работа на л. 42 об. спустя какое-то время была продолжена чернилами ниже авторской карандашной сводки первого фрагмента, с частичным использованием ее текста. Этот второй фрагмент состоит из шестнадцати стихов без строфическо-

го деления: «*Души беспечно*(е) *незнание* ~ *Боготворить* не устыдился —» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 332, (2)). Далее в рукописи вновь сделан горизонтальный отчерк и записаны еще восемь стихов: «*[И взор я бросил]* на людей ~ *Ничтожен* опыт вековой» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 334, (3)), которые варьируют тему разочарования в мире и людях, развивавшуюся в ст. 9—16 второго фрагмента. На полях л. 42 тогда же был записан черновой набросок стихов, вошедших впоследствии в стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 336—337). До Акад. наброски на л. 43—42 тетради ПД 832 печатались (в разном объеме) как черновые автографы «Демона». В. Е. Якушкин присоединил к ним набросок «Бывало, в сладко(м) ослепленье...», из которого, впрочем, напечатал только первые два стиха (Якушкин. № 5. С. 337); в Мор. 1887 (Т. 1. С. 299) и Мор. 1903—06 (Т. 1. С. 654) фрагмент (3) был напечатан в комментариях к стихотворению «Свободы сеятель пустынный...», хотя и не отнесен прямо к нему. В 1938 г. И. Н. Медведевой фрагменты (2), (3) и присоединенный к ним набросок к стихотворению «Свободы сеятель пустынный...» были напечатаны как единый самостоятельный текст, представляющий собой первую попытку развития еще не дифференцированных между собой поэтических тем «Демона» и стихотворения «Свободы сеятель пустынный...». К этому тексту исследовательница присоединяла и набросок «Бывало, в сладком ослепленье...», который рассматривала как своего рода недоработанное «вступление», «зачин» стихотворения (см.: *Медведева И. Н.* Два стихотворения Пушкина // ЛГ. 1938. № 8 (715), 10 февр. С. 3; с уточнением в чтении ряда стихов: *Медведева И. Н.* Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // П. Врем. [Т.] 6. С. 57—59). Как самостоятельное стихотворение «*[Мое] беспечно* *незнание*...» реконструированный И. Н. Медведевой текст вошел в Акад. (Т. 2. С. 293) и последующие издания. В Акад., Акад. в 10 т. (1) (Т. 2. С. 152) и Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 483) напечатан без «вступления» «Бывало, в сладком ослепленье...», помещенного как самостоятельный набросок; в Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 157—158) и Пушкин 1955 (С. 201—202) набросок «Бывало, в сладко(м) ослепленье...» включен в реконструкцию. Предложенное И. Н. Медведевой решение не представляется достаточно обоснованным. В полустихии «Таков он был», с которого началась работа над набросками в тетради ПД 832, можно видеть свидетельство их изначальной связи с каким-то замыслом. Наброски, разделенные горизонтальными штрихами, не демонстрируют четкого композиционного единства. Набросок (3) («*[И взор я бросил]* на людей...»), вполне вероятно, писался не в продолжение наброска (2), а как альтернативный вариант его восьми последних стихов («*Взглянул на мир я взором(?)* ясным(?)» и след.). Записанный на полях листа набросок стихов, вошедших в состав стихотворения «Свободы сеятель пустынный...», по-видимому, самим Пушкиным рассматривался как достаточно самостоятельный, о чем свидетельствует распространение его текста в копиях (см. раздел «Другие редакции и варианты» и примеч. к стихотворению «Свободы сеятель пустынный...» — наст. т., с. 337 и 758).

Первые карандашные наброски на л. 43—42 об., начатые полустихием «Таков он был» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 331—332, (1)), с большой долей вероятности можно датировать тем же временем, что и стихотворение «Как наше сердце своенравно...» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 896). Есть все основания связать их с работой над строфами XLV—XLVI первой главы «Евгения Онегина», где поэт говорит о своем знакомстве с героем романа. Черновой автограф этих строф находится в тетради ПД 834 (л. 17 об.—18):

Приличий света свергнув бремя
 Как он отстав (от) суеты
 С ним подружился я в т(о время)
 Мне нравились его черты — —
 Мечтам невольная преданность —
 И незаимственная странность —
 И резкий охлажденный ум
 Я был сердит, он был угрюм
 Страстей игру мы знали оба —
 Томила жизнь обоих нас —
 В обоих сердца жар угас — —
 Обоих ожидала злоба
 Судьбы, фортуны и людей
 На самом утре наших дней

Кто жил и мыслил — тот не может
 Не презирать ( ) людей
 Кто чувствовал — того тревожит
 Призрак невозврат(имых) дней
 Тому уж нет очарований
 Того змия воспоминаний
 Того раская(нье) грызет
 [И] часто — это придает —
 Большую прелесть разговору
 Сперва Онегина язык —
 Мне был тяжел (но я) привык —
 Его язвительному спору —
 И желчи ( ) эпиграмм —
 И скуке с желчью пополам

(ПД 834, л. 17 об.—18;
 Акад. Т. 6. С. 247—248)

Он датируется временем между 14 и 22 октября 1823 г. (на л. 16 находится окончание черновика письма к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г.; на л. 22 об. — под текстом последней строфы первой главы «Евгения Онегина» французская помета: «Octobre 22 / 1823. / Odessa » («Октября 22 / 1823. / Одесса»)). Возможно, карандашные наброски в тетради ПД 832 еще предназначались для текста романа в стихах, однако при следующем обращении к рукописи (записи чернилами, см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 332—335, (2) и (3)) Пушкин продолжал над ними работу как над самостоятельным стихотворением, без соблюдения онегинской строфы. Видимо, на этом этапе и произошла кристаллизация самой поэтической идеи «демона» как философско-психологического воплощения разочарованности и скептических настроений.

Окончательный текст стихотворения «Демон», впрочем, был создан без опоры на наброски в тетради ПД 832 и не имеет с ними текстуальных совпадений и переключек, наброски же Пушкин пытался применить к роману в стихах, о чем свидетельствуют намеченные в рукописях романа дополнения к тексту первой главы. Первое из них на л. 29 об. тетради ПД 834 («Мне было грустно, тяжело больно...»)

представляет собой, судя по написанным семи стихам, незавершенную онегинскую строфу и датируется 1 ноября 1823 г. по французской помете рядом с ним на полях: «1 povet(bre)». Стихи записаны в нижней части листа после черновиков строфы XVI второй главы романа, но стоящее над ними зачеркнутое число «45» указывает, что строфа предназначалась для первой главы. Учитывая число строф в первой главе на этот момент, 45-я строфа должна была следовать за строфой «Придет ли час моей свободы...» (L в окончательной нумерации). Место вставки, таким образом, оказалось обозначенным неточно, и, видимо заметив это, Пушкин сразу зачеркнул номер 45. Впервые напечатано П. В. Анненковым как черновой набросок, содержащий «основную мысль „Демона“», но относящийся к строфам первой главы «Евгения Онегина», описывающим знакомство автора с героем романа в Петербурге (Анненков. Материалы 1855. С. 229; в Акад. (Т. 6. С. 279—280) ошибочно как строфа XVI второй главы; указание на связь с первой главой: Там же. Т. 2. С. 1131). Второй набросок («Мою задумчивую младость...») находится также в рукописях второй главы романа на л. 40 об. тетради ПД 834 и записан уже точно после создания «Демона», между 1 и 8 декабря 1823 г. (расположен непосредственно под черновиком письма к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.; «8 декабр(я) 1823» — помета вверху л. 41 об.). Впервые напечатанный П. И. Бартеневым (РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 231), набросок был отнесен Л. И. Поливановым к XLV строфе первой главы (см.: *Поливанов Л. «Демон» Пушкина на основании нового пересмотра рукописей поэта // РВ. 1886. № 8. С. 842*; при подготовке Акад. первоначально был ошибочно исключен из рукописей «Евгения Онегина» и отнесен к стихотворению «Демон» (Акад. Т. 2. С. 814—815); исправление, сделанное после уточнения датировки, см.: Там же. С. 1131).

Как следует из письма А. А. Дельвига к Пушкину от 10 сентября 1824 г., «Демон» был в числе пушкинских стихотворений, уже отданных к этому времени в альманах «Северные цветы». Однако еще до выхода «Северных цветов» (в последних числах декабря 1824 г., см.: П. в печати. С. 26) стихотворение было напечатано в 3-й части альманаха В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского «Мнемозина», вышедшего в свет 27 октября 1824 г. (Летопись 1999. Т. 1. С. 451). «Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего демона! моего демона! после этого он и Верую напечатает ошибочно. Не давать ему за то ни „Моря“, ни капли стихов от меня», — писал Пушкин брату 4 декабря 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 126). Публикация Кюхельбекера сделана, по-видимому, по не вполне исправному списку, текст которого к тому же не отражал последних авторских изменений, в частности в заглавии (первоначальное заглавие «Мой демон» см. также в письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1823 г. и в копии рукой А. А. Воейковой в ее альбоме (ПД, № 22728, л. 41 об.), предположительно первой половины 1824 г.).

Начиная с Ефр. 1880 в большинстве изданий ст. 17—18 печатались в варианте «Северных цветов»: «Неистошмой клеветою / Он Провиденье искушал». Только в изданиях: АН 1900—29. Т. 3. С. 187 (текст подгот. В. Е. Якушкин); *Пушкин. Соч. Л.: ГИЗ, 1924. С. 23* (ред. Б. В. Томашевский и К. И. Халабаев); *Пушкин А. Соч. Л., 1935. С. 360* (и переизд.; ред. Б. В. Томашевский); *Пушкин. Полн. собр. художественных произведений. СПб.; М., 1999. С. 49* (ред. С. А. Фомичев) предпочтение отдано чтению Ст 1826 и Ст 1829: «Неистошмый клеветою, / Он Провиденье искушал». Последнее решение представляется более пра-

вильным. Нет никаких оснований признавать вариант ст. 17—18, появившийся в Ст 1826, не авторским (ср. то же словоупотребление в стихотворении «Сегодня я поутру дома...»: «Тардиф, умом неистощимый...») или ошибочным, поскольку он был повторен и в издании Ст 1829, при подготовке которого текст стихотворения пересматривался, о чем свидетельствуют внесенные в него пунктуационные изменения. Ошибку, скорее, можно предполагать в публикациях «Мнемозины» и «Северных цветов» (пропуск запятой на конце стиха при вариативности в написании окончаний именительного падежа мужского рода: «неистощимой»/«неистощимый»).

Стихотворение было восторженно встречено современниками. «Обнимаю тебя за твоего „Демона“, — писал Пушкину Жуковский 1 июня 1824 г. — К черту черта! Вот пока твой девиз. Ты создан попасть в боги — вперед» (Акад. Т. 13. С. 94). Дельвиг в письме к Пушкину от 10 сентября 1824 г. выражал опасение, что «толпа» не сумеет понять «всей красоты» «Демона» (Акад. Т. 13. С. 108), но все без исключения критические отзывы, появившиеся в печати, содержали высокую оценку стихотворения. «„Демон“ есть одно из минутных вдохновений гения, которыми поэт изливает свои чувствования, не думая о плане и о цели. Демон Пушкина не есть существо воображаемое: автор хотел представить развратителя, искушающего неопытную юность чувственностью и лжемудрствованием. В нескольких стихах начертана живая картина, под которою Байрон не постыдился бы подписать своего имени», — писал рецензент «Сына отечества» (скорее всего, Ф. В. Булгарин) (СО. 1825. Ч. 99, № 3. С. 309; П. в критике, I. С. 250, об авторстве рецензии см. там же, с. 430—431). «...У нас только Пушкин может высказывать такие истины и в таких стихах: они невольно врезаются в память», — замечал Н. А. Полевой, обещавший посвятить «Демону» отдельную статью как одному из лучших сочинений Пушкина (МТ. 1825. Ч. 1, № 4. С. 334; П. в критике, I. С. 255). Обещанный разбор «Демона» в «Московском телеграфе» так и не появился, но похвалы ему продолжали звучать в других статьях Полевого: «Демон» назван в числе «других превосходных сочинений» Пушкина, «подобных которым не находим ни у одного из современных русских поэтов» («Толки о „Евгении Онегине“, соч. А. С. Пушкина» — МТ. 1825. Ч. 4, № 15. Особ. прибавл. С. 8; П. в критике, I. С. 274); он и «Братья разбойники» «превзойдут все прошлогодние произведения подобного рода во французской и немецкой словесности» («Известия о России и русской литературе, помещаемые во французских журналах» — МТ. 1825. Ч. 4, № 16. С. 360—361). К «наиболее прелестным» стихотворениям альманаха «Северные цветы» относил «Демона» А. А. Бестужев в своем «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» (ПЗ 1825. С. 20; П. в критике, I. С. 292).

В первом же из печатных отзывов в «Сыне отечества» (см. выше) была дана определенная трактовка стихотворения. Со сходной, в принципе, интерпретацией выступил несколько месяцев спустя В. Ф. Одоевский. Во вступлении к своему апологу «Новый демон» он писал: «С каким сумрачным наслаждением читал я произведение, где поэт России так живо олицетворил те непонятные чувствования, которые хладят нашу душу посреди восторгов самых пламенных. Глубоко проникнул он в сокровищницу сердца человеческого, из нее похитил ткани, неприкосновенные для простолюдина, — которыми облек он своего таинственного Демона. Но не только *внутри* существует сей злобный Гений, он находится и *вне* нас; последний не так опасен, как первый, но не менее мучителен» (Мнем. Ч. 4. С. 35; выход в свет 2 июля 1825 г., см.: П. в критике, I. С. 482). Отзыв «Сына отечества»

вызвал опровержение Пушкина, которое он предполагал напечатать от третьего лица:

[Думаю, что критик ошибся]. Многие того же мнения, иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в „Демоне” цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало по малу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство [мучительное, но] непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрасудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения*? и в приятной картине начертал [отличительные признаки и] печальное влияние [оного] на нравствен(ность) нашего века.

(Акад. Т. 11. С. 30)

Говоря о реальном лице, якобы изображенном в «Демоне», Пушкин, по всей видимости, в первую очередь имел в виду мнение, укрепившееся в семейном кругу Раевских, видевших в демоне портрет Александра Николаевича Раевского (1795—1868), старшего сына генерала Н. Н. Раевского. С А. Н. Раевским, участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, адъютантом графа М. С. Воронцова, полковником (с 1817 г.), прикомандированным с апреля 1819 г. к Кавказскому отдельному корпусу, Пушкин близко сошелся во время своего пребывания с семьей Раевских на Кавказских минеральных водах и в Крыму в июне—сентябре 1820 г. В письме к брату от 24 сентября 1820 г., говоря о семействе генерала Раевского, он замечал: «Старший сын его будет более нежели известен» (Акад. Т. 13. С. 19), а несколько позднее советовал отправляющемуся в Киев В. П. Горчакову познакомиться с А. Н. Раевским как с человеком «образованным и вообще замечательным» (П. в восп. Т. 1. С. 256). Поэт встречался с А. Н. Раевским в Каменке в ноябре 1820 г. и в Киеве в январе—феврале 1821 г. В 1822 г. Раевский был уволен по болезни до излечения за границу, но остался в России и жил в Белой Церкви, имени графини Браницкой (Браницкие находились в родстве с Раевскими), матери графини Е. К. Воронцовой, пользуясь услугами домашнего врача Воронцовых английского доктора В. Гутчинсона (Hutchinson, 1793—1850), будущего одесского знакомого Пушкина (см. об этом в рапорте графа М. С. Воронцова на высочайшее имя от 23 мая 1824 г. — *Сербский Г. П.* Дело «О саранче»: (Из разысканий в области одесского периода биографии Пушкина) // П. Врем. [Т.] 2. С. 279—280). Вместе с М. С. Воронцовым Раевский приехал в Одессу 21 июля 1823 г. (Летопись 1999. Т. 1. С. 333). Как долго пробыл Раевский в Одессе летом 1823 г., неизвестно. Возможно, к началу сентября он уехал на маневры в Орел, куда его настоятельно звал Н. Н. Раевский-младший (см. его письмо к А. Н. Раевскому от 11 июля 1823 г. — Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 231). В письмах Пушкина к брату от 25 августа 1823 г. и к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г. в числе находящихся в Одессе или ожидаемых туда знакомых Раевский не упоминается. Пушкин тесно общался с Раевским во время его следующих приездов в Одессу, в декабре 1823 г.—начале января 1824 г. и с середины февраля до начала июня 1824 г. (см.: Летопись. Т. 1. С. 353, 372).

Версия о «портретности» стихотворения опиралась на действительные черты характера и нравственного облика Раевского, отмечавшиеся всеми близко знавшими его современниками. «С Александром живу в мире, — писал в 1820 г. Н. Н. Раевский-старший дочери Екатерине, — но как он холоден! Я ищу в нем проявления любви, чувствительности и не нахожу их. Он не рассуждает, а спорит, и чем более он неправ, тем его тон становится неприятнее, даже до грубости. <...> Я думаю, что он не верит в любовь, так как сам ее не испытывает и не старается ее внушить. Я делаю для него все, когда только есть случай, но я скрываю чувство, которое побуждает меня к этому, потому что он равнодушно принимает все, что бы я ни делал для него» (цит. по: Гершензон М. О. История молодой России. М.; Пг., 1923. С. 45). «...Поэзия была ему дело вовсе чуждое, равномерно и нежные чувства, в которых видел он одно смешное сумасбродство. Однако же он умел воспалить их в других; и вздохи, сладкие мучения, восторженность Пушкина, коих один он был свидетелем, служили ему беспрестанной забавой», — отмечал Вигель (Вигель. Ч. 6. С. 170—171). По воспоминаниям М. В. Юзефовича, «Раевский действительно имел в себе что-то такое, что придавливало душу других. Сила его обаяния заключалась в резком и язвительном отрицании» (П. в восп. Т. 2. С. 104). В том, что в «Демоне» описан А. Н. Раевский, был убежден его дядя А. Л. Давыдов, любивший декламировать это стихотворение, «восхищаясь тем, что его племянник увековечен стихами Пушкина» (см.: Де-Рибас М. Рассказы одесского старожилы // Отзвывы о Пушкине с юга России / Собр. В. А. Яковлев. Одесса, 1887. С. 115—116). 18 октября 1824 г. С. Г. Волконский, сообщая Пушкину о своей помолвке с М. Н. Раевской, писал: «Посылаю я вам письмо от Мельмота; сожалею, что сам не имею возможность доставить вам оное и вам подтвердить о тех сплетнях, кои московские вертушки вам настряпали. Неправильно вы сказали о Мельмоте, что он в природе ничего не благоговял, прежде я был с вами согласен, но по опыту знаю, что он имеет чувства дружбы — благородными и неизменными обстоятельствами» (Акад. Т. 13. С. 112). Имя Мельмота, демонического героя-искусителя из романа Ч. Р. Метьюрина (Maturin; 1780—1824) «Мельмот Скиталец» («Melmoth the Wanderer», 1820), вероятно, закрепилось за А. Н. Раевским в родственном и дружеском кругу. С определенностью связывали «Демона» с Раевским Ф. Ф. Вигель (см.: Вигель. Ч. 6. С. 170) и П. И. Капнист, опиравшийся на рассказы своего дяди А. В. Капниста, адъютанта Н. Н. Раевского-старшего и близкого знакомого А. Н. Раевского (см.: Капнист П. И. К эпизоду о высылке Пушкина из Одессы в его имение Псковской губернии / Сообщил Л. Н. Майков // РС. 1899. № 5. С. 242). О большом влиянии, которое в определенный период А. Н. Раевский оказывал на Пушкина, писал со слов поэта М. В. Юзефович, также считавший «Демона» портретом Раевского: «Пушкин сам вспоминал со смехом некоторые случаи подчиненности своему демону, до того уже комические, что мне даже казалось, что он пересаливает свои рассказы. Но потом я проверил их у самого Раевского, который повторил мне буквально то же» (П. в восп. Т. 2. С. 105). Е. Н. Раевская (Орлова) пыталась представить образ демона результатом сознательной мистификации брата: «...когда они виделись в Каменке и Одессе, Александр Раевский, заметив свое влияние на Пушкина, вздумал трунуть над ним и стал представлять из себя ничем не довольного, разочарованного, над всем глумящегося человека. Поэт поддался искусной мистификации и написал своего „Демона“. Раевский долго оставлял его в заблуждении, но наконец признался в своей шутке, и после они часто и много смеялись, перечитывая это стихотворение, об источниках и значении которого так много было написано

и истощено догадок» (П. в восп. Т. 1. С. 447—448). Прозвище «демон» прочно закрепилось за Раевским и широко применялось к нему в московском обществе еще в 1830-е гг. (см. в письмах А. Я. Булгакова октября—ноября 1834 г. к его дочери княгине О. А. Долгоруковой — РА. 1906. Кн. 2. С. 546—547, 550; см. здесь же, с. 554, эпиграмму С. А. Неелова на Раевского под заглавием: «Демону»). В Ефр. 1880 (Т. 1. С. 441); Ефр. 1882 (Т. 1. С. 407); Ефр. 1887 (Т. 1. С. 328); Мор. 1887 (Т. 1. С. 292); Мор. 1903—06 (Т. 1. С. 340) стихотворение печаталось с редакторским подзаголовком: «Ал. Ник. Раевскому». Н. О. Лернер утверждал, что в стихотворении «слишком ярок абстрактный символизм, чтобы можно было назвать его чьим-нибудь портретом», отмечая, впрочем, что Александр Раевский из тех, кого знал Пушкин, наиболее подходил к этому образу (Венг. Т. 2. С. 621). Тем не менее версия о «портретности» стихотворения устойчиво продолжает повторяться (см., например: Acad. Т. 1. С. 723—724, коммент. М. А. Цявловского; *Ахматова А. А. Болдинская осень* (8-я глава «Онегина») // Ахматова А. А. О Пушкине : Статьи и заметки. 2-е изд. Горький, 1984. С. 182, 185; *Лакшин В. Я. «Спутник странный»* : (Александр Раевский в судьбе Пушкина и роман «Евгений Онегин») // Лакшин В. Я. *Пять великих имен*. М., 1988. С. 4—112); совершенно неубедительна трактовка «Демона» как портрета В. Ф. Раевского (см.: *Дамдинов Н.* Прообраз пушкинского «Демона» // *Вопросы литературы*. 1972. № 8. С. 179—184 и опровержение этой гипотезы: *Никишов Ю.* Пушкинский «Демон» — не портрет // Там же. 1973. № 8. С. 206—209).

В своей незавершенной и неопубликованной заметке о «Демоне» Пушкин сам указал его основной литературный источник — «Фауста» И. В. Гете. Определение Демона как «духа отрицающего» прямо соответствует характеристике Мефистофеля в III сцене «Фауста»: «Ich bin der Geist, der stets verneint» («Я дух, который вечно отрицает»). Демон, однако, не тождествен персонифицированному Мефистофелю «Фауста». Пушкинская поэтическая концепция демона, выдвигающая на первый план символическое и психологическое понимание этого образа как персонификации immoralных движений души, опиралась не на непосредственное восприятие образа Мефистофеля, а на его интерпретацию в XXIII главе книги «О Германии» («De l'Allemagne», 1810) Жермены де Сталь (Staël; 1766—1817) (см.: *Вацуро В. Э.* К генезису пушкинского «Демона» // *Сравнительное изучение литератур* : Сб. статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 253—257). В понимании г-жи де Сталь Мефистофель — фигура одновременно реальная и фантастическая, носитель «адской иронии, которая распространяется на все творение» («une ironie infernale qui porte sur la création tout entière»), «когда его слушаешь, ни одно верование, ни одно мнение не остается непоколебимым» («Aucune croyance, aucune opinion ne reste fixe dans la tête après avoir entendu Méphistophèlès»), он внушает человеку глубокое безразличие к радостям, так же как и к добродетелям («une indifférence profonde pour les plaisirs aussi bien que pour les vertus»); варьируя гетевскую формулу, г-жа де Сталь говорит, что «демоны это те, которые отрицают» («les démons ce sont ceux qui nient») (Staël Holstein G. de. De l'Allemagne. Londres, 1813. Т. 2. P. 160, 169, 172; о значении книги г-жи де Сталь как источника представлений Пушкина о немецкой литературе, в частности о «Фаусте», см.: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 106). М. П. Алексеев называл в числе возможных литературных источников «Демона» также роман Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец», прочитанный Пушкиным в Одессе в 1823 г. (см.: *Алексеев М. П.* Ч. Р. Метьюрин

и его «Мельмот Скиталец» // Метьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец. 2-е изд. М., 1983. С. 622—623 (Сер. «Литературные памятники»)).

Еще П. В. Анненков указал на связь «Демона» с «Кавказским пленником», отнеся перекличку начальных строк стихотворения со стихами поэмы, в рукописи относящимися к характеристике героя (Анненков. Материалы 1855. С. 99):

В те дни, когда луга, дубравы,
Морей и бури вольный шум,
Девичий голос, гимны славы
Еще пленяли жадный ум.

(ПД 831, л. 13; Акад.
Т. 4. С. 357)

Формулировки пушкинской заметки о «Демоне» также «родственны с определением, которое дал Пушкин характеру Кавказского пленника» (Томашевский. Пушкин, I. С. 554): «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (письмо к В. П. Горчакову от октября—ноября 1822 г. — Акад. Т. 13. С. 52). В то же время в предисловии к отдельному изданию первой главы «Евгения Онегина» Пушкин сам указывал на связь романа со своим элегическим творчеством, отмечая, что характер героя «сбивается на Кавказского Пленника», а некоторые строфы писаны «в утомительном роде новейших элегий» (Акад. Т. 6. С. 638). «Демон», таким образом, может рассматриваться как центральное звено в цепи, соединяющей «Кавказского пленника» с «Онегиным» (см.: Поливанов Л. «Демон» Пушкина на основании нового пересмотра рукописей поэта // РВ. 1886. № 8. С. 827—850; Медведева И. Н. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон». С. 51—71). С этой точки зрения, «Демон» дает философско-психологическое осмысление того «разочарованного» и «охлажденного» характера, который был в центре внимания Пушкина в «Кавказском пленнике» и элегическом творчестве 1820—1823 гг. и сказался в разработке образа Онегина, но уже не как доминанта, а как одна из литературных составляющих.

«СВОБОДЫ СЕЯТЕЛЬ ПУСТЫННЫЙ...»

(С. 89 и 336)

Автографы:

1) ПД 832, л. 42 (Ав₁) — черновой первоначальной наброска (соответствующего ст. 8—12 окончательного текста), на полях набросков «Души беспечно(е) незнание...» и «[И взор я бросил] на людей...», предположительно связываемых со стихотворением «Демон» (см. наст. т., с. 332, 334). Напечатано: Якушкин. № 5. С. 337 (указание на автограф); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 338—339 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) ПД 834, л. 25 (Ав₂) — черновой ст. 1—7 и сокращенная запись ст. 8, отсылающая к тексту первоначальной наброска. Напечатано: Якушкин. № 6. С. 560 (указание на автограф); Акад. Т. 2. С. 819 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского и И. Н. Медведевой). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

3) ПД 833, л. 26 об. (Ав₃) — белой, с поправками. Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 338 (в виде вариантов; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

4) ПД 439 (Ав₄) — белой, в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. Напечатано: РА. 1866. №. 4. Стб. 655—656 (в составе письма; публ. П. И. Бартенева). Воспроизведение: ИВ. 1899. № 5. С. 16—17; Левичева. С. 331—332.

Копии:

1) Сб. Соболевского «*Avant les voyages*» (Соб₁).

2) Первая тетр. Долгорукова, ч. 2 (Дол₂) — без эпитафия.

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — с позднейшими поправками.

4) Третья тетр. из собр. Нейштадта (Нейш₃) — под заглавием: «Отрывок», с подписью: «А. Пушкин», без эпитафия.

5) Неизвестного (РГАЛИ, ф. 384, оп. 1, № 34) (N) — без эпитафия, с ошибкой в ст. 3 («Я рано вышел, до зари»). Список на отдельном листе; бумага 1825 г.

6) Из бумаг М. П. Погодина (РГБ, ф. 231, к. 9, № 18, л. 19) (Пог) — под заглавием: «Сеятель», с пометой под текстом: «9 апр(еля) 1840. Саратов (от Сабурова)».

7) Сб. «Всякая всячина», ч. 6 (ВВ₆) — с подписью: «А. С. Пушкин», с позднейшими поправками составителя и дополнительным вариантом к ст. 3 (вероятно, по публикации Герб., см. ниже).

8) Тетр. Тихонравова (Тих) — с вынесенным в заглавие эпитафием.

9) Тетр. Бартенева (Бар) — копия части письма Пушкина к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. (со слов: «Впрочем, это мой последний либеральный бред...»), с неточностями в прозаической части письма; с пометой под текстом: «в Одессе». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 530 (эпитафия, помета под текстом, описание; публ. М. А. Цявловского).

10) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — с вынесенным в заглавие эпитафием.

11) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233 (Полт), к. 49, № 10, с. 125) (Полт₂) — с вынесенным в заглавие эпитафием.

12) Из архива В. Ф. Раевского (ПД, ф. 244, оп. 4, № 155) (Раев) — под заглавием: «Сеятель», с подписью: «А. Пушкин», с искажением в ст. 11. Список 1850-х гг.

13) Из архива Д. П. Ознобишина (ПД, ф. 213, № 189) (Озн) — без эпитафия; с прибавлением после ст. 12 четверостишия Б. М. Федорова «Всегда так будет, как бывало...»; с подписью: «Пушкин». Список без даты; вместе со стихотворением Пушкина «Во глубине сибирских руд...» и ответом А. И. Одоевского «Струн вещей пламенные звуки...».

14) Сб. Александрова (Ал) — с вынесенным в заглавие эпитафием, с пометой под текстом: «Одесса»; с дополнительным вариантом ст. 9 и указанием на публикацию ПЗ (см. ниже) в примечаниях составителя на л. 167.

15) Тетр. Якушкина (Якуш) — с вынесенным в заглавие эпитафием.

16) Из архива Майковых (Майк) — с вынесенным в заглавие эпитафием и подписью: «А. П.».

17) Тетр. Дашкова (Даш) — с вынесенным в заглавие эпитафием.

18) Е. И. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 104, л. 26 об.) (Якуш₁) — с вынесенным в заглавие эпитафием; с дополнительными вариантами к ст. 6, 11 и 12. В составленном Е. И. Якушкиным во второй половине 1850-х гг. сборнике копий произ-

ведений Пушкина (в переплете, с тиснением на корешке: «Сочинения Пушкина»; из собрания В. Е. Якушкина).

19) С. С. Забелкина (Збк) — под заглавием: «Сеятель», с подписью: «Пушкин»,

20) Тетр. Марина (Мар) — под заглавием: «Сеятель».

21) П. А. Ефремова (Е) — с вынесенным в заглавие эпитафией, с карандашной пометой: «Ноябрь 1823», с позднейшими поправками.

22) Из собр. Л. Н. Майкова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 21, л. 11 об.) (Мк₁) — под заглавием: «Сеятель», без эпитафии. В сборнике копий политических произведений Пушкина и других авторов и псевдопушкинианы.

Копии 2, 3, 7, 8, 10, 12, 15, 16, 19, 21 и 22 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 819—820 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского и И. Н. Медведевой).

Утраченные копии:

1) Бывшая в распоряжении А. И. Герцена, по которой им была осуществлена первая публикация стихотворения (см. ниже) (ПЗ).

2) Бывшая в распоряжении издателей лейпцигской «Русской библиотеки», по которой ими была осуществлена публикация стихотворения в кн.: Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов. Лейпциг, 1858. С. 33 (Русская библиотека. Т. 1) (РБк).

3) Бывшая в распоряжении Н. В. Гербеля, по которой им была осуществлена публикация стихотворения (Герб. С. 51), с искажением в ст. 3: «Рукою чистой и беззумной» и дополнительным вариантом к ст. 9 в примечаниях на с. 224.

Копии, предположительно восходящие к тексту первоначального наброска:

1) Из архива Зимнего дворца в ГАФКЭ (ПД, ф. 244, оп. 4, № 203) (N₁) — неизвестной рукой, без заглавия, с подписью: «А. П.».

2) Тетр. из собр. Вяземского (Вяз) — без заглавия.

3) Тетр. из собр. Щукина (Щук) — под заглавием: «К — Р.....», с подписью: «А..... Пушкин».

Копии 1 и 2 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 819—820 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского и И. Н. Медведевой).

4) Утраченная копия в тетр. Каверина (Кав) — с заглавием в оглавлении: «Русскому народу», с пометой: «17 июня 825. Калуга». Напечатано: Щербачев. С. 113.

Публикацию и упоминание других копий первоначальной редакции см.: Бейсов П. Дело Мозевского // Пушкинский сб. Ульяновск, 1949. С. 68 (Учен. зап. Ульяновского пед. ин-та); Мандрыкина Л. А., Цявловская Т. Г. Распространение вольнолюбивых стихов Пушкина Кавериним и Щербининим // ЛН. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 397, 400—401 (в записях 1827—1828 гг. допроса в III Отделении подпрапорщика П. Ф. Курилова, слышавшего их в чтении П. П. Каверина и М. А. Щербинина); Акад. С. 819—820, 1132 (неизвестная в настоящее время копия из архива Вторых).

Впервые: ПЗ 1856. Кн. 2. С. 16 (публ. А. И. Герцена), под заглавием: «Сеятель». В России впервые: РА. 1866. № 4. Стб. 655—656 (в составе письма к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.; публ. П. И. Бартенева).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 2.

Печатается по Ав₄.

Датируется: первоначальный набросок в тетради ПД 832 (Ав₁) — второй половиной октября 1823 г. по датировке набросков «Души беспечно(е) незнанье...» и «[И взор я бросил] на людей...» (см. наст. т., с. 747—749); второй черновой авто-

граф (Ав₂) — 22 октября—3 ноября 1823 г. по положению в тетради ПД 834 между пометами: «22 октября 1823» на л. 22 об. и «3 пов(embre) 1823» на л. 30 об. Беловой автограф Ав₃ временем между 3 ноября и 1 декабря 1823 г.

Черновой автограф в тетради ПД 832 (Ав₁) соотносится со ст. 8—12 стихотворения, ст. 1—7 в нем отсутствуют. По-видимому, именно в таком виде, как своего рода «политическая эпиграмма», краткая инвектива в адрес отрекшихся от свободы «мудрых народов», текст и был обработан Пушкиным в первоначальном варианте (о гипотезе И. Н. Медведевой, включившей Ав₁ в текст реконструированного ею стихотворения «[Мое] беспечное незнание...» см. в примеч. к стихотворению «Демон» — наст. т., с. 748). Тема «сеятеля» возникла несколько позднее, когда и появилась черновой автограф ст. 1—7 в тетради ПД 834 (Ав₂). В этом автографе текст кончается строкой «Благие мысли и труды». Следующий стих намечен сокращенной записью, указывающей на перенос сюда какого-то уже сложившегося и обработанного стихотворного отрывка. Предположение И. Н. Медведевой (см.: *Медведева И. Н.* Пушкинская элегия 1820-х гг. и «Демон» // П. Врем. [Т.] 6. С. 67; Акад. Т. 2. С. 1132), что краткий первоначальный вариант текста получил распространение как самостоятельное стихотворение, подтверждается свидетельством копий. Ранние, расходившиеся при жизни Пушкина списки, содержат именно краткий текст. Списки демонстрируют большую вариативность и в сумме дают разночтения практически в каждом стихе, что характерно при передаче текста «со слуха». Адресуя стихотворение конкретно «русскому народу», переписчики усиливали его политический радикализм. Распространяясь таким образом, текст все более и более утрачивал связь с собственно пушкинскими стихами. Ср., например, его в донесении жандармского полковника Н. П. Бибикова А. Х. Бенкендорфу от 8 марта 1826 г.:

Паситесь, русские народы,
Для вас не внятен славы клич,
Не нужны вам дары свободы, —
Вас надо резать или стричь.

(Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором // Былое. 1918. С. 13; то же: Модзалевский. С. 76)

В списке 1820—1830-х гг. неизвестной рукой из собрания П. И. Щукина:

Паситесь, добрые народы,
Для вас невнятен чести клич,
На что скотам дары свободы,
Их можно резать или стричь.
И нужно вам вместо свободы
Ярмо с гремящими да бич.

(ГИМ, ф. 83, оп. 2, № 35,
л. 84 об.)

Также в копии неизвестной рукой из архива В. Я. Брюсова:

Паситесь, р...е народы,
Вам неизвестен славы клич,

Зачем скотам искать свободы, —
Их надо резать, бить и стричь.

(РГБ, ф. 386, к. 118, ед. хр. 5,
л. 20 об.)

Что касается полного текста стихотворения, то он, напротив, при жизни Пушкина распространения, по-видимому, не получил. Все его известные списки, кроме копии Соболевского (Соб₁), достаточно поздние. Большинство из них содержит текст в составе 13 стихов. Относительно текста Ав₄ и предшествующего ему автографа Ав₃ стихотворение в копиях увеличено на один стих — «Вас не разбудит чести клич» (вариант: «Вас не пробудит чести клич») между ст. 8 и 9.

В 1866 г. П. И. Бартнев напечатал стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» в составе письма к Тургеневу по автографу Ав₄, принадлежавшему в то время профессору И. Ф. Золотареву (потом находился в собрании П. Я. Дашкова, с 1910 г. — в собрании Пушкинского Лицейского музея). В 1880 г. письмо републиковано по автографу П. А. Ефремовым, исправившим некоторые небрежности и ошибки бартневской публикации (см.: РС. 1880. № 7. С. 539—542). При этом Ефремов включил в текст отсутствующий в автографе стих «Вас не разбудит чести клич». Исправление было сделано несомненно на основании списков. Ссылка Ефремова на другую бывшую у него «подлинную рукопись стихотворения о сеятеле» должна быть признана недоразумением, поскольку в последующих изданиях Ефремов, вопреки всякой очевидности, пояснял, что стих был пропущен в публикации «Русского архива» по недосмотру редакции и восстанавливается на основании самого автографа Золотарева (см.: Ефр. 1880. Т. 1. С. 441, 567; Ефр. 1882. Т. 1. С. 408, 534; Ефр. 1887. Т. 1. С. 328; Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 494; Т. 8. С. 198; в первых трех изданиях с вынесенным в заглавие эпиграфом). Противоречивые указания Ефремова, вероятно, ввели в заблуждение Н. О. Лернера и П. О. Морозова, которые ссылались на разные пушкинские рукописи — черновик письма к Тургеневу из собрания Пушкинского лицея и беловик из собрания П. Я. Дашкова (см.: Венг. Т. 2. С. 625); белой автограф из собрания Пушкинского лицея и автограф Золотарева (см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 338). В действительности речь идет об одном и том же автографе Ав₄.

С 1880 г. в пушкинских изданиях закрепился текст в составе 13 стихов. К тексту, представленному беловыми автографами Ав₃ и Ав₄, вернулись В. Е. Якушкин и П. О. Морозов (см.: АН 1900—29. Т. 3. С. 195). Он печатался в изданиях под редакцией М. А. Цявловского, предшествовавших Акад., начиная с КН. В Акад. И. Н. Медведева предпочла «ефремовский» вариант, объясняя отсутствие в беловых автографах стиха «Вас не разбудит чести клич» простым недосмотром Пушкина, который пропустил его в первом беловом автографе в тетради ПД 833, а потом с тем же пропуском переписал стихотворение в письмо (см.: Акад. С. 1133). Такое объяснение не может быть признано основательным. Прежде чем переписать стихотворение для Тургенева, Пушкин сделал несколько поправок в автографе в тетради ПД 833. Вряд ли он мог не заметить пропущенного стиха при непосредственной работе с текстом. Отсутствует стих «Вас не разбудит чести клич» и в самой авторитетной копии Соб₁, которая, кроме разночтения в эпиграфе, полностью соответствует автографам. Устойчивое появление в позднейших списках стиха «Вас не разбудит чести клич» можно объяснить контаминацией при рукописном распространении текста стихотворения «Свободы сеятель пустынный...» с текстом его первоначально-

го варианта — поэтической инвективы в адрес «мудрых/добрых народов». Не случайно разночтения копий полного текста в основном заключаются в пределах только его второй части (ст. 8—12).

Автокомментарий к стихотворению дает письмо к А. И. Тургеневу. Посылая Тургеневу пропущенные строфы стихотворения «Наполеон», Пушкин писал: «...это мой последний либеральный бред, я закаялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа (Изыде сеятель сеяти семена своя)». Далее следует текст (Акад. Т. 13. С. 79). В черновике письма пояснение более развернуто: «...я закаялся и, смотря на запад Европы и вокруг себя, обратился к евангельскому источнику, произнес сию притчу в подражание басне Иисусовой» (Там же. С. 385).

Пушкин имеет в виду евангельскую притчу о сеятеле: «...Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный. Сказав сие возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Он сказал: вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не разумеют. Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись; а упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корней, и временем веруют, а во время искушения отпадают; а упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода; а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лк. 8:5—15; также: Мф. 13:3—9, 18—23; Мк. 4:3—9, 14—20). Стихотворение (как прямо указывает Пушкин в черновике письма к Тургеневу) написано под впечатлением от поражений революций в Западной Европе, прежде всего в Испании, и отражает настроения Пушкина конца 1822—1823 г. (см. также наст. т., с. 493).

Эпиграф — цитата из Евангелия от Луки (8:5): «Изыде сеяй сеяти семене своего».

Ст. 1. *Свободы сеятель пустынный...* — Стих из черного автографа строфы IV второй главы «Евгения Онегина», работа над которой шла на смежном с Ав₂ листе тетради. Первоначально предназначался Пушкиным для иронической характеристики Евгения:

Свободы сеятель пустынный
 Ярмо он барщины старинной
 Оброком легким заменил
 И небо раб благословил —

(ПД 834, л. 24 об.;
 Акад. Т. 6. 265)

Ст. 8 и след. *Паситесь мирные народы...* — В образе безропотного стада Пушкин саркастически заземляет высокий библеизм «стадо» (богоизбранный народ). См., например: «Буду пасти их на хорошей пажити, и загон их будет на высоких горах Израилевых; там они будут отдыхать в хорошем загоне и будут пастись на тучной пажити в горах Израилевых» (Иез. 34:14); «И поставлю над ними одного пастыря, который будет пасти их, раба Моего Давида; он будет пасти их и он будет у них пастырем» (Иез. 34:23). Ср.: Иер. 3:15; 23:1—5.

По наблюдению А. А. Добрицына, эти стихи перекликаются с «Десятистишием» («Dizain») Луи Жан-Батиста Этьена Виже (Vigée; 1758—1820):

Maint philosophe qu'on renomme,
Par mainte vision séduit,
Parle du peuple en astronome
Epris d'une étoile qui luit.
Moi, par l'expérience instruit,
Je vais au fait, et dis: En somme.
Le peuple est la bête de somme,
Qui marche, court, précède, suit,
Reculé, avance, au gré de l'homme,
Qui le fouet en main la conduit.

(Многие уважаемые философы, обольщенные разными призрачными мечтами, говорили о народе как астрономы, влюбленные в сияющую звезду. Я же, наученный опытом, смотрю на вещи трезво и говорю: народ — это вьючное животное, которое идет, бежит, движется вперед, следует позади, отступает, приближается по воле человека, ведущего его с бичом в руке. — *фр.*) (Almanach des Muses. Paris, 1816. P. 162) (см.: Добрицын А. А. Мелкие заметки об источниках русских стихотворений. 8. Пушкин // Alexandro Il'ušino septuagenario oblata. M., 2011. С. 115).

«НАДЕЖДОЙ СЛАДОСТНОЙ МЛАДЕНЧЕСКИ ДЫША...»

(С. 90 и 339)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 30 — черновой. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 328 (ст. 1—5, 7—10, 14—16, с неточностями). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Копии:

1) Тетр. Щербакова (Щер) — под заглавием: «Элегия». Напечатано: Акад. Т. 2. С. 811 (в виде вариантов; публ. И. Н. Медведевой).

2) Неизвестного (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 629, л. 3—3 об.) (N₃) — под заглавием: «Элегия», с подписью: «А. П.», с искажением в ст. 26; в тетради 1829 г. со списками стихотворений Пушкина, К. Ф. Рылеева и других авторов. Текст соответствует копии Щер.

Обе копии восходят, очевидно, к неизвестному автографу, текст которого ближе к черновой рукописи и, несомненно, более ранний, чем текст белого автографа, бывшего в распоряжении М. В. Юзефовича (см. ниже).

Копия М. В. Юзефовича, снятая, по его свидетельству, в 1829 г. с белого автографа, по которой им была осуществлена публикация стихотворения (РА. 1874. Т. 2, № 7. Стб. 221—222), утрачена.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 328.

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855; Генн. 1859. [Т. 7]: Приложения. С. 57, 2-я паг.

Печатается по тексту публикации М. В. Юзефовича (РА. 1874. Т. 2, № 7. Стб. 221—222).

Датируется 1—3 ноября 1823 г. по положению чернового автографа в тетради ПД 834: на левом поле л. 29 об. у наброска «Мне было грусно, тяжело, больно...», писавшегося как дополнение к тексту первой главы «Евгения Онегина», французская помета: «1 povet(bre)»; на левом поле л. 30 об., занятого черновым автографом второй главы «Евгения Онегина», помета дневникового характера с датой: «3 pov(embre) 1823»; на л. 32—33 — черновик письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября.

В изданиях Генн. 1859, Генн. 1869—71 (Т. 3. Примеч. С. IX) стихотворение печаталось по публикации П. В. Анненкова. Публикация М. В. Юзефовича (см. выше) была перепечатана Н. В. Гербелем в статье «Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина» (РА. 1876. Т. 3, № 10. С. 225—226; с опечаткой в ст. 8: «предубеждений» вместо: «предрассуждений»). В 1880 г. в издании П. А. Ефремова был уже принят текст, сообщенный М. В. Юзефовичем, в который, однако, в двух случаях Ефремов ввел по публикации Анненкова чтения чернового автографа: в ст. 9 («мысль одна живет»; здесь у Анненкова ошибка, в автографе: «плывет») и в ст. 14 («гляжу печально вновь») (см.: Ефр. 1880. Т. 3. С. 192; Ефр. 1882. Т. 3. С. 428; Ефр. 1887. Т. 3. Прилож. С. 4; Ефр. 1903—05. Т. 4. С. 47—48). Текст в редакции Ефремова был принят П. О. Морозовым (Мор. 1887. Т. 3. С. 268—269; Мор. 1903—06. Т. 4. С. 308—309); с добавлением еще одного варианта по черновому автографу (в ст. 10 «пленительной мечте») стихотворение было включено в издание Л. И. Поливанова (Пол. Т. 4. С. 31). М. А. Цявловский и Б. В. Томашевский в изданиях, предшествовавших Акад., вернулись к тексту сводки верхнего слоя чернового автографа (см.: КН. Т. 1. С. 347—348; ГИХЛ 1934. Т. 1. С. 483; с уточнением чтения отдельных строк: ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 417; ГИХЛ 1936. Т. 1. С. 440; Акад. в 6 т. Т. 1. С. 361; Акад. в 9 т. Т. 2. С. 109; Пушкин А. Соч. Л., 1935. С. 362 (и переизд.)). В Акад. (Т. 2. С. 295) было принято решение печатать основной текст по публикации Юзефовича, поддержанное последующими изданиями (см.: Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 154; Пушкин 1955. С. 206; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 156; Госл. в 10 т. Т. 2. С. 12).

Черновой автограф стихотворения расположен среди рукописей второй главы «Евгения Онегина». На смежном листе (л. 29—29 об.) шла работа над строфой XVI:

Меж ими все рождало споры
И к разм(ышлению) влекло —
Племен забытых договоры
Наук, ума добро и зло
И предрассудки век(овые)
И мира тайны роко(вые)
И жизнь и гроб в свою чреду
Все подвергалось их суду —

Поэт [в жару] своих сужд(ений) —
 Читал забывшись между тем
 Отрывки северных поэм
 И снисходительный Евгений
 Хоть их не много —
 Прилежно юноше вним(ал)
 (ПД 834, л. 29 об.; Акад. Т. 6. С. 278)

Основываясь на положении автографа в тетради, И. В. Анненков, первым разбивший рукописи Пушкина, элегию «Надеждой сладостной младенчески дыша...» наряду с наброском «Придет ужас(ный) [час] — твои небесны очи...», автограф которого находится на л. 29 под первым черновым вариантом строфы XVI, отнес к образцам тех «северных поэм», которые читал Онегину Ленский (см. тетрадь И. В. Анненкова с выписками из бумаг Пушкина — ПД, ф. 244, оп. 8, № 53, л. 121 об.). П. В. Анненков повторил в печати мнение брата: «Оба отрывка содержат, как видно, пародию на тяжелые шестистопные элегии, бывшие некогда в моде, и вместе лукавую насмешку над туманными произведениями Ленского» (Анненков. *Материалы 1855*. С. 328). Впрочем, в серьезности пушкинского настроения, выраженного в этих стихотворениях, сам П. В. Анненков не сомневался. Характеристика «пародия», как и особое примечание, которым сопровождался текст стихотворения («...этот отрывок есть карикатура на Макферсоновского Оссиана и, видимо, написан с целью осмеять все подобные философствования»), стала необходимой уступкой цензурному давлению — издатель был вынужден подчеркивать дистанцию между собственно пушкинскими взглядами и выраженными в элегии сомнениями в бессмертии души (см. свидетельство самого Анненкова: *Анненков П. В. Любопытная тяжба* // ВЕ. 1881. № 1. С. 27—28; также материалы цензурного дела: *Оксман Ю. Г. Легенда о стихах Ленского: (Из разысканий в области пушкинского печатного текста)* // ПиС. Л., 1928. Вып. 37. С. 64—66). Определение, данное стихотворению в анненковском издании, вызвало печатные возражения М. В. Юзефовича, который в своих воспоминаниях сообщил, что в 1829 г. на Кавказе он читал элегию «Надеждой сладостной младенчески дыша...», находившуюся среди бумаг Пушкина, в качестве его собственного стихотворения, а не в качестве стихотворения Ленского (см.: *Юзефович М. В. Памяти Пушкина* // РА. 1880. Т. 3, № 2. С. 442—443; П. в восп. Т. 2. С. 107—108). Несмотря на свидетельство Юзефовича, представление об элегии как о «стихах Ленского» долгое время держалось в пушкиноведении. В 1912 г. оно было подвергнуто критике П. О. Морозовым, напечатавшим элегию как самостоятельное стихотворение (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 355—360); то же решение принято в издании В. Я. Брюсова (Брюс. С. 210). Однако еще в начале 1920-х гг. версию о «стихах Ленского» не отвергали М. Л. Гофман (см.: *Гофман М. Л. Пропущенные строфы «Евгения Онегина»* // ПиС. Пб., 1922. Вып. 33—35. С. 62—64), Л. П. Гроссман (см.: *Гроссман Л. П. Онегинская строфа* // Пушкин. Сборник первый Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности. М., 1924. С. 156), В. Ф. Ходасевич (см.: *Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина*. Л., 1924. С. 59). Взгляд на элегию как на самостоятельное стихотворение окончательно утвердился лишь после выхода в 1928 г. статьи Ю. Г. Оксмана «Легенда о стихах Ленского» (см. выше), в которой была аргументированно доказана несостоятельность версии о стихах Ленского.

Тематически стихотворение примыкает к группе пушкинских текстов периода южной ссылки, осмысляющих возможность загробного бытия и сохранения земной памяти в ином мире. См. прежде всего «Отрывок» («Ты сердцу непонятный мрак...») (первая редакция стихотворения «Люблю ваш сумрак неизвестный...») и набросок «Придет ужас(ный) [час] — твои небесны очи...» (наст. т., с. 302—303 и 141) (об их взаимосвязи см. подробнее: *Томашевский Б. В.* «Таврида» Пушкина // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 122. Серия филол. наук. Вып. 16. С. 123—124; *Томашевский. Пушкин, I. С.* 497; *Бароти Т.* Мотивы «смерти» и сочетания «двух миров» в русской романтической лирике и в маленькой трагедии Пушкина «Пир во время чумы» // *Материалы и сообщения по славяноведению.* (Szeged). 1981. Т. 14. С. 44—45; *Кибальник С. А.* Художественная философия Пушкина. СПб., 1998. С. 158—165).

Стихотворение прямо перекликается с элегией А. Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484) «O nécessité dure! ô pesant esclavage!...» (Элегия XXXVI в сборнике 1819 г.). Ср. у Шенье:

Souvent, las d'être esclave et de boire la lie
De ce calice amer que l'on nomme la vie,
Las du mépris des sots qui suit la pauvreté,
Je regarde la tombe, asile souhaité;
Je souris à la mort volontaire et prochaine;
Je me prie, en pleurant, d'oser rompre ma chaîne,
Le fer libérateur qui percerait mon sein
Déjà frappe mes yeux et frémit sous ma main,
Et puis mon cœur s'écoute et s'ouvre à la faiblesse;
Mes parents, mes amis, l'avenir, ma jeunesse,
Mes écrits imparfaits; car, à ses propres yeux
L'homme sait se cacher d'un voile spécieux.
A quelque noir destin qu'elle soit asservie,
D'une étreinte invincible il embrasse la vie;
Et va chercher bien loin, plutôt que de mourir,
Quelque prétexte ami de vivre et de souffrir.
Il a souffert, il souffre: aveugle d'espérance,
Il se traîne au tombeau de souffrance en' souffrance;
Et la mort, de nos maux ce remède si doux,
Lui semble un nouveau mal, le plus cruel de tous.

⟨Часто, устав быть рабом и пить до дна горькую чашу, что зовется жизнью, устав от бедности и сопровождающего ее презрения глупцов, я смотрю на могилу как на желанное убежище; я с улыбкой думаю о близкой добровольной смерти; я прошу себя, рыдая, решиться порвать свои цепи; освободительная сталь, что пронзила бы мою грудь, блещет мне в глаза и трепещет в руках; а потом мое сердце прислушивается к себе и предается слабости; мои родные, мои друзья, будущее, моя молодость, мои несовершенные стихи; ибо в собственных глазах человек умеет укрыться за мнимой завесой. Он неодолимо держится за жизнь, какую бы мрачную судьбу она ему ни сулила; он стремится отыскать любой удобный предлог, чтобы жить и страдать, но не умирать. Он вечно терпит, ослепленный надеждой, от страдания к страданию влачится ко гробу; и смерть, это столь сладостное лекарство от наших бед, представля-

ется ему новым злом, жесточайшим из всех. — *фр.*) (Chénier. P. 156—157). К этому же стихотворению Шенье восходит ряд образов из поздней пушкинской элегии «Безумных лет угасшее веселье...», на преемственность которой со стихотворением «Надеждой сладостной младенчески дыша...» указал еще П. В. Анненков (Анненков. Материалы 1855. С. 329).

Е. Г. Эткинд отмечал полемический характер «философичности» пушкинского стихотворения и видел в нем (как и в написанном годом ранее «отрывке» «Ты сердцу непонятный мрак...») реакцию на чтение «Поэтических размышлений» («Méditations poétiques») Альфонса Мари Луи де Ламартина (Lamartine; 1790—1869) — вышедшего в 1820 г. первого поэтического сборника французского поэта, сразу принесшего ему широкую литературную известность (в 1820—1822 гг. выпущено 9 изданий, не считая зарубежных перепечаток), в котором одной из главных сквозных тем было безусловное утверждение бессмертия души и прославление смерти как избавительницы из тюрьмы земного бытия. Элегия Ламартина «Бессмертие» («L'Immortalité», 1817) представляет собой восторженную хвалу смерти:

Je te salue, ô mort! Libérateur céleste,
 Tu ne m'apparais point sous cet aspect funeste
 Que t'a prêté longtemps l'épouvante ou l'erreur;
 Ton bras n'est point armé d'un glaive destructeur,
 Ton front n'est point cruel, ton œil n'est point perfide,
 Au secours des douleurs un Dieu clément te guide;
 Tu n'anéantis pas, tu délivres! ta main,
 Céleste messenger, porte un flambeau divin;
 Quand mon œil fatigué se ferme à la lumière,
 Tu viens d'un jour plus pur inonder ma raupière;
 Et l'espoir près de toi, rêvant sur un tombeau,
 Appuyé sur la foi, m'ouvre un monde plus beau!

Viens donc, viens détacher mes chaînes corporelles.
 Viens, ouvre ma prison; viens, prête-moi tes ailes!
 Que tardes-tu? Parais; que je m'élance enfin
 Vers cet être inconnu, mon principe et ma fin!.. и т. д.

(Приветствую тебя, смерть, небесная избавительница, ты являешься мне вовсе не в том гибельном виде, какой тебе придают страх и заблуждение; твоя рука не сжимает разрушительный меч, на твоём челе нет жестокости, в твоём взгляде нет коварства, милосердный Бог посылает тебя в помощь страдальцам; ты не уничтожаешь, ты освобождаешь! Твоя рука, небесный вестник, несет божественный факел; когда мой усталый взор закроется для дневного света, ты затопишь его светом более чистым; и надежда, склонившаяся близ тебя в задумчивости над могилой, поддерживаемая верой, открывает мне мир более прекрасный! Приди же, приди и сорви с меня плотские цепи, приди, открой мне ворота моей тюрьмы; приди, дай мне твои крылья! Что же ты медлишь? Явись; и устремлюсь я пред лицо того неведомого существа, в котором мое начало и мой конец!.. и т. д. — *фр.*) (Lamartine A. de. Méditations poétiques. 7-me éd. St.-Petersbourg, 1821. P. 19—20; Франц. элегия. С. 330). См.: Эткинд Е. Г. Пушкин и Ламартин // РЛ. 1999. № 2. С. 52—55; то же: Эткинд Е. Г. Божественный Глагол : Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 176—179).

В элегии Ламартина «Вера» («La Foi», 1818) страх небытия за гробом («...tu frémis d'épouvante; / Redoutant le néant, et lasse de souffrir, / Hélas! tu crains de vivre et trembles de mourir» <...ты дрожишь от страха; / Страшась небытия и устав страдать, / Увы! ты боишься жить и трепещешь смерти. — фр.) — *Lamarine A. de. Méditations poétiques. P. 69; Франц. элегия. С. 380*) побежден благодатным светом веры в бессмертие души.

Мотив страха перед загробным «ничтожеством» (ничем или неизвестностью), который оказывается парадоксальным оправданием желания жить, имеет также важные шекспировские параллели. Тот же логический ход, на котором строится «Надеждой сладостной младенчески дыша...», представлен в знаменитом монологе шекспировского Гамлета («Hamlet», 1601; акт III, сц. 1). См. во французском переводе: «Etre ou n'être pas, c'est la question. (...) Mourir... dormir... rien de plus... (...) tel est le terme qu'il faut ardemment souhaiter. Mourir... dormir... dormir! peut-être rêver... Ah! c'est là la difficulté... Dans ce sommeil de la mort, quels rêves nous viendront, quand nous serons soustraits au tumulte de cette vie? Voilà ce qui nous doit arrêter. Voilà le motif qui prolonge les calamités jusqu'au terme d'une longue vie (...) Qui voudrait porter ce fardeau, gémir et suer sous le poids de la vie, n'était la terreur de quelque chose après la mort?.. Cette contrée inconnue des bords de laquelle nul voyageur ne revient... c'est là ce qui fait chanceler la volonté, et fait que nous aimons mieux supporter les maux que nous avons, plutôt que de fuir vers ceux que nous ne connaissons pas» (Быть или не быть — таков вопрос. (...) Умереть... уснуть... ничего более... (...) вот горячо желанный конец. Умереть... уснуть... уснуть! и видеть сны, быть может... А! в этом-то и трудность... Какие сны нас посетят в этом смертном сне, когда мы будем избавлены от шума этой жизни? Вот что должно нас остановить. Вот причина, которая длит бедствия до конца долгой жизни (...) Кто хотел бы нести этот груз, стонать и выбиваться из сил под гнетом жизни, если бы не страх чего-то после смерти?.. Эта неизвестная страна, с берегов которой не вернулся ни один путешественник... это она колеблет волю и побуждает нас сносить наши беды и не стремиться к тем, что нам неведомы. — фр.) (*Œuvres complètes de Shakspeare, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle éd., rev. et corr., par F. Guizot et A. P(ichot), traducteur du Lord Byron; précédée d'une notice biographique et littéraire sur Shakspeare par F. Guizot. Paris: Ladvocat, 1821. T. 1. P. 263—264*). Черновик строфы XXXVII второй главы «Евгения Онегина» с цитатой из «Гамлета» («Poor Yorick! Молвил он уныло») располагается в тетради через несколько листов после «Надеждой сладостной...» (ПД № 834, л. 39). Ср. также монолог Клаудио из «Меры за меру» Шекспира («Measure for Measure», 1604; акт III, сц. 1), затем послужившей Пушкину источником поэмы «Анджело» (1833).

Основная интенция пушкинского текста — сомнение в возможности сохранить за гробом память о земных привязанностях — полемически вовлекает обширную традицию легкой поэзии с ее представлением об Элизии (возникающая антитеза эксплицирована Пушкиным ранее в отрывке «Ты сердцу непонятный мрак...» — первой редакции стихотворения «Люблю ваш сумрак неизвестный...»; см. примеч. к нему — наст. т., с. 713—716).

Отразившиеся в стихотворении сомнения в бессмертии души были предметом серьезных размышлений Пушкина в период южной ссылки. Об этом свидетельствует передающая слова П. И. Пестеля дневниковая запись от 9 апреля 1821 г.: «Mon cœur est matérialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse» («Сердцем я материалист, но мой разум этому противится» — фр.) (Акад. Т. 12. С. 303, 486), а также перлю-

стрированное и послужившее поводом михайловской ссылки письмо, посланное Пушкиным не установленному с точностью адресату (П. А. Вяземскому (?) — см.: Акад. Т. 13. С. 92 или А. А. Дельвигу (?) — см.: Левичева. С. 160) в апреле—первой половине мая 1824 г. В письме речь шла о домашнем враче Воронцовых, англичанине В. Гутчинсоне, который давал Пушкину «уроки чистого афеизма» и «исписал листов 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent, Créateur et régulateur (что не может быть существа разумного, творца и правителя — фр.), мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души» (Акад. Т. 13. С. 92).

Ст. 1. *Надеждой сладостной младенчески дыша...* — По мнению Е. Г. Эткинда, стих содержит отсылку к элегии Ламартина «Вера», в котором утверждается, что истинная вера, на которой основывается идея бессмертия, входит в душу в детстве:

Cette foi, qui m'attend au bord de mon tombeau,
 Helas! il m'en souvient, plana sur mon berceau.
 <.....>
 L'enfant, en essayant sa première parole,
 Balbutie au berceau son sublime symbole...

⟨Эта вера, которая ждет меня на пороге могилы, увы! вспоминается мне парившей над моей колыбелью. ⟨...⟩ Дитя, пробуя произнести первое слово, лепечет в колыбели ее возвышенный символ... — фр.⟩ (*Lamartine A. de. Méditations poétiques*. P. 70—71; Франц. элегия. С. 382, 384; см.: *Эткинд Е. Г. Пушкин и Ламартин*. С. 53—54; то же: *Эткинд Е. Г. Божественный Глагол : Пушкин, прочитанный в России и во Франции*. С. 178—179).

Ст. 2—3. *...некогда душа, От тленья убежав, уносит мысли вечны...* — Реминисценция из стихотворения Г. Р. Державина «Памятник» (1796): «...но часть меня большая, / От тлена убежав, по смерти станет жить...» (*Державин Г. Р. Соч. / С объяснит. примеч. Я. Грота*. СПб., 1864. Т. 1. С. 534), повторенная в раннем стихотворении «Городок» («Не весь я предан тленью...») и затем в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836): «...душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит...» (Акад. Т. 3. С. 424).

Ст. 9. *Где мысль одна плывет в небесной чистоте...* — строка стала предметом особого внимания М. В. Юзефовича, который сначала в письме к П. И. Бартеневу, а затем в статье «Памяти Пушкина» подчеркивал подлинность этого варианта: «...хорошо помню, что я где-то читал в печати лучший стих этой пиесы в таком виде: „Где мысль одна течет в небесной чистоте“, — вместо *плывет*, течет, точно регулы у женщин» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1. № 566, л. 128—128 об., письмо от 19 июля 1874 г.); впоследствии Юзефович приписал вариант «течет» Анненкову. Печатный источник этого варианта неизвестен, отметим, однако, что подобная фразеология («мысль течет») не редкость в лирике XVIII в.: «Победы ль славить мысль течет, / Как пали готы пред тобою?» («Ода на день восшествия на престол... Елизаветы Петровны 1748 года» М. В. Ломоносова), «Я с лирой проводил от дел оставшее время, / И мысль моя текла свободна во стихах» («Стихи к музам на Сарское Село» И. Ф. Богдановича).

Ст. 12—14. *Ничтожество меня за гробом ожидает... Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь! Мне страшно!..* — Ср. в «Отрывке» («Ты сердцу непо-

нятный мрак...») — первой редакции стихотворения «Люблю ваш сумрак неизвестный...» (см. наст. т., с. 302—303):

Ты сердцу непонятный мрак,
 Приют отчаянья слепого,
 Ничтожество! пустой призрак,
 Не жажду твоего покрова
 <.....>
 Тебя страшится гордый ум!
 <.....>
 Ужели там, где всё блистает
 Нетленной славой и красой
 <.....>
 Минутных жизни впечатлений
 Не сохранит душа моя,
 Не буду ведать сожалений,
 Тоску любви забуду я?..

Также в стихотворении «Война» (1821): «Кончину ль темную судил мне жребий боев, / И всё умрет со мной: надежды юных дней, / Священный сердца жар, к высокому стремленье, / Воспоминание и брата и друзей, / И мыслей творческих напрасное волненье, / И ты, и ты, любовь?..» (наст. т., с. 59).

Ст. 15—16. *И долго жить хочу, чтоб долго образ милый Таился и пылал в душе моей унылой.* — Ср. в «Отрывке» («Ты сердцу непонятный мрак...»): «...но что же за могилой / Переживет еще меня? / Во мне бессмертна память милой / Что без нее душа моя?» (наст. т., с. 303).

«ПРОСТИШЬ ЛИ МНЕ РЕВНИВЫЕ МЕЧТЫ...»

(С. 91 и 342)

Автографы:

1) Тетр. ПД 834, л. 16—15 об. (записано в обратной последовательности листов) — черновой, без заглавия. Напечатано: Майков. Материалы. С. 191 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) ПД 55 — беловой, с поправками, с пометой под текстом: «11 нояб(ря) / 1823. / Од(есса)». Оборван, сохранились второй лист со ст. 33—37 и начальные и конечные буквы предшествующих стихов на корешке первого листа. Напечатано: Рукоп. П. 1937. С. 24 (описание); Акад. Т. 2. С. 818 (в виде вариантов; публ. И. Н. Медведевой).

3) ПД 56 — беловой, под заглавием: «Элегия», с пропуском ст. 26—28; вместе с записанным ниже стихотворением «Нереида» («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...») с подписью: «АП» под текстом второго стихотворения. Был послан Ф. В. Булгарину для публикации в «Литературных листках» (см. ниже) при письме от 1 февраля 1824 г. Напечатано: Майков. Материалы. С. 191—192 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова).

Беловой, с поправками, обозначенный как «Элегия XII», с датой: «1823», находившийся в Тетр. Капниста (Кап), утрачен. Фотокопия ст. 1—16: ПД, ф. 244, оп. 1, Прилож. № 7. Напечатано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 566 (первоначальные варианты). Воспроизведение фотокопии: Томашевский. Новые материалы. С. 853.

Впервые: ПЗ 1824. С. 314—315, под заглавием: «Элегия», с астрономом «*» вместо подписи, с искажением при наборе ст. 7—9 («И всех даришь надеждою пустой? / Твой чудный взор, то нежный, то унылый, / Мной овладел, мне чувства омрачив;» вместо: «И всех дарит надеждою пустой / Твой чудный взор, то нежный, то унылый? / Мной овладев, мне чувства омрачив») и опечаткой в ст. 15 («с болезнью и мольбой» вместо: «с боязнью и мольбой»). В этой же книжке «Полярной звезды» также с ошибками была напечатана элегия «Нереида» («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...»). Пушкин указал на опечатки в письме к А. А. Бестужеву от 12 января 1824 г. и 1 февраля 1824 г. отослал оба стихотворения Ф. В. Булгарину для публикации в журнале «Литературные листки» (см. подробнее в примеч. к стихотворению «Нереида» — наст. т., с. 530). Исправленный текст, но без ст. 26—28 напечатан: ЛЛ. 1824. Ч. 1, № 4. С. 134—135, под заглавием: «Элегия», вместе со стихотворением «Нереида», с относящимися к обоим стихотворениям подписью: «А. Пушкин» и примечанием Булгарина: «Автор сих стихов прислал оные ко мне для помещения в „Литературных листках“, по той причине, что они были напечатаны в другом издании с некоторыми ошибками. *Издатель*» (с. 134). Вошло в Ст 1826. С. 19—20 (отдел «Элегии», с датой в оглавлении: «1823») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 173—175 (отдел стихотворений 1823 г.), с некоторыми пунктуационными отличиями (в частности, сняты восклицательные знаки, которыми в Ст 1826 заключались ст. 13, 35 и 37, а также в середине ст. 29: «Но я любим!.. Наедине со мною»).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 11 ноября 1823 г., согласно помете под текстом в беловом автографе ПД 55. Датировка чернового автографа в тетради ПД 834 14—22 октября, предложенная Я. Л. Левкович (Летопись 1991. С. 368; Летопись 1999. Т. 1. С. 346; более осторожную датировку второй половиной октября см.: Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 834 : (История заполнения) // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 213), вряд ли может быть принята. Верхняя граница этой датировки безусловна и определяется положением автографа в тетради: работа над стихотворением была начата на л. 16 под черновиком письма к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г. Нижней границей датировки, по мнению Я. Л. Левкович, может служить помета «Octobre 22 / 1823. / Odessa» на л. 22 об. под заключительной строфой первой главы «Евгения Онегина». Однако с л. 16 текст элегии переходит не на оборот листа, а на смежный л. 15 об. (лист с началом письма к Вяземскому, находившийся между л. 15 и 16, вероятнее всего, к этому времени уже отсутствовал, но мог быть вырван из тетради и непосредственно в ходе работы над стихотворением). Это свидетельствует, что следующие листы в тетради уже были заполнены и, таким образом, пометы на них не являются твердым хронологическим ориентиром для определения времени заполнения л. 16—15 об.

В автографе ПД 56, посланном Ф. В. Булгарину, отсутствуют ст. 26—28 («В нескромный час меж вечера и света, / Без матери, одна, полуодета, / Зачем его должна ты принимать?..»). В «Литературных листках» стихотворение было напеча-

тано в полном соответствии с автографом без этих трех стихов. Трудно сказать, имеем ли мы дело со случайным пропуском при переписывании или сознательным их исключением по каким-то мотивам. Более вероятным представляется первое, поскольку пропуск, нарушающий рифму, Пушкиным не был никак обозначен, а при дальнейших публикациях в Ст 1826 и Ст 1829 стихотворение печаталось полностью.

Стихотворение представляет собой вольную обработку мотивов элегии Шарля Юбера Мильвуа (Millevoye; 1782—1816) «Беспокойство» («L'Inquiétude», 1815):

Sais-tu pourquoi cet inquiet tourment
 De mon bonheur empoisonne l'ivresse?
 Sais-tu pourquoi dans le plus doux moment
 Mon œil distrait se voile de tristesse?
 Pourquoi souvent à ta main qui la presse
 Ma froide main répond négligemment?
 Le sais-tu? Non. Connais donc ma faiblesse.
 Ris, tu le peux, de mes travers nouveaux:
 Je suis jaloux, et jaloux sans rivaux!
 Quand le présent m'enivre de délices,
 Dans le passé je cherche des supplices.
 Ton cœur, réponds sans nul déguisement,
 N'a-t-il battu que pour moi seulement?
 Durant les nuits, à l'heure où tout sommeille,
 Jamais, dis-moi, les traits d'un autre amant
 N'ont-ils troublé tes songes ni ta veille?
 Le regard fixe et le sein oppressé,
 Te rappelant une image trop chère,
 N'as-tu jamais, le soir, près de ta mère,
 Laisse tomber le travail commencé?
 Tu me dis *j'aime*, et d'une voix si tendre!
 Ce mot charmant, pour moi seul l'as-tu dit?
 Que sais-je? Un autre avant moi l'entendit
 Peut-être!.. Eh bien! je ne puis plus l'entendre.
 Pardonne, hélas! dans mon trouble fatal,
 Je te parais injuste, ingrat; mais j'aime!
 Ah! songe bien que pour l'amour extrême
 Un souvenir est encore un rival.

⟨Знаешь ли, почему эта беспокойная мука отравляет мне упоение счастьем? Знаешь ли, почему в самое сладостное мгновение мой рассеянный взгляд омрачается печалью? Почему часто на пожатие твоей руки моя холодная рука отвечает небрежно? Знаешь ли это? Нет. Узнай же о моей слабости. Ты можешь смеяться над моей новой странностью: я ревную и ревную, не имея соперников! Когда в настоящем меня пьянит наслаждение, я ищу мучений в прошедшем. Твое сердце, отвечай без всякого притворства, билось только лишь для меня одного? Ночами, в час, когда все спит, никогда, скажи мне, черты другого возлюбленного не тревожили ни твоего сна, ни твоего бдения? С остановившимся взглядом, со стесненной грудью, вспоминая слишком дорогой образ, никогда по вечерам, сидя рядом с матерью, не роняла ты на-

чатую работу? Ты говоришь мне *люблю*, и таким нежным голосом! Это чарующее слово мне ли одному говорила ты? Как знать? Другой, может быть, слышал его до меня!.. Ну что ж! я не хочу его более слышать. Прости, увя! в моей губительной тревоге я кажусь тебе несправедливым, неблагоприятным; но я люблю! Ах! подумай же о том, что для чрезмерной любви воспоминание — тоже соперник. — *фр.*) (*Œuvres complètes de Millevoye / Nouv. éd. Bruxelles, 1823. Т. 1. Р. 73—74*; это издание имелось в личной библиотеке Пушкина — Библиотека П. № 1171). В бумагах Пушкина сохранилась переписанная его рукой эта элегия Мильвуа (см.: Рукою П. 1997. С. 473—475).

Пушкин следует Мильвуа в композиции стихотворения — ряд вопросов, обращенных к любимой женщине; также в самой психологической коллизии, которая, вопреки традиционной трактовке, выдвигавшей на первый план чувство ревности, может быть определена как мучения разделенной любви, ревность к сопернику, которого создает только подозрительное воображение (см. подробнее: Вацуро В. Э. К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» // *Врем. ПК. 1978. Л., 1981. С. 5—21*; то же: Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 110—127; с предложенной В. Э. Вацуро трактовкой внутреннего психологического конфликта элегии полемизировал В. Викери, принявший в целом мнение о зависимости пушкинского стихотворения от элегии Мильвуа, см.: *Vickery W. Odessa — Watershed Year : Patterns in Puškin's Love Lyrics // Puškin Today / Ed. D. M. Bethea. Indiana University Press, 1993. Р. 138—139*). Вольным переводом-интерпретацией элегии Мильвуа явилось стихотворение А. А. Крылова «Недоверчивость» (*Соревн. 1821. Ч. 15, № 7. С. 87—89*; см. также не очень удачный анонимный перевод элегии Мильвуа под заглавием: «К Делии. (Подражание Мильвуа)»: *Благ. 1820. Ч. 12, № 23—24. С. 327—328*; подпись: «...й»). «Недоверчивость» заслужила высокую оценку П. А. Плетнева (см.: *Соревн. 1823. Ч. 21, № 1. С. 102*). Пушкин отнесся к стихотворению Крылова достаточно сдержанно, что можно заключить по его более позднему отзыву о статье Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах», в которой вновь содержался хвалебный отзыв о Крылове и был полностью приведен текст «Недоверчивости» (см. ответное письмо Плетнева к Пушкину от 7 февраля 1825 г. — *Акад. Т. 13. С. 140*).

Традиционно элегия связывалась с именем Амалии Ризнич (урожд. Рипп; декабрь 1801—23 июня 1825), жены жившего в Одессе итальянского негоданта из Триеста, серба по происхождению И. С. Ризнича, одного из директоров Одесского коммерческого банка и театра. Пушкин познакомился с Ризничами после переезда в Одессу, в самом начале июля 1823 г. (см.: *Летопись 1999. Т. 1. С. 329*), бывал в их доме и пережил увлечение Амалией Ризнич, хотя и достаточно краткое. Имя «Амалия» есть в перечне женских имен в «донжуанском списке» Пушкина (см.: *Рукою П. 1997. С. 265, 268—269*; факсимильное воспроизведение: Ушаковский альбом. С. 90). О Ризнич см.: Черейский. С. 368; *Прожогин Н. П. «Мучительная тень» : (В поисках Амалии Ризнич) // ПиС. (Нов. серия). Вып. 2 (41). С. 7—25* (здесь уточнение биографических данных). Предположение, что элегия Пушкина обращена к Ризнич и отразила реальные обстоятельства их взаимоотношений, впервые высказанное К. П. Зеленецким (см.: *Зеленецкий К. П. Г-жа Ризнич и Пушкин // РВ. 1856. № 11. С. 203—209, 2-я паг.*), было поддержано большинством исследователей (см.: *Герб. С. 151*; *Генн. 1869—71. Т. 1. Примеч. С. XXXIV*; *Ефр. 1880. Т. 1. С. 438, 566* (здесь с подзаголовком: «Г-же Ризнич»; то же в *Ефр. 1882, Ефр. 1887*); *Мор. 1887. Т. 1. С. 295*; *Венг. Т. 2. С. 623—624, примеч. Н. О. Лер-*

нера; *Щеголев П. Е.* Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина // *Щеголев.* Из жизни и творчества П. С. 270—272, 275). Его попытался оспорить П. О. Морозов, предостерегая против узко биографического подхода к стихотворению (*Мор.* 1903—06. Т. 1. С. 651—652; *АН* 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 310—312); вслед за П. О. Морозовым те же сомнения высказал П. А. Ефремов (*Ефр.* 1903—05. Т. 8. С. 193—194; однако в тексте стихотворения в т. 1 еще сохранен подзаголовок: «Г-же Ризнич»). Несмотря на очевидную обоснованность позиции П. О. Морозова и П. А. Ефремова, позднейшими исследователями их точка зрения принята не была (см.: *Путеводитель.* С. 311, статья М. А. Цявловского; *Асад.* в 6 т. Т. 1. С. 723, коммент. М. А. Цявловского; *Акад.* в 10 т. (2). Т. 2. С. 416, коммент. Б. В. Томашевского; *Госл.* в 10 т. Т. 2. С. 663, коммент. Т. Г. Цявловской).

Ст. 1. *...ревнивые мечты...* — «Мечта» здесь в значении «пустое, ложное явление, обманчивое видение», «тщетная мысль, пустое воображение» (*Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный.* СПб., 1814. Ч. 3: К—П. Стб. 762—764).

Ср. в том же значении:

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты...
(«Алексееву», 1821)

Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу...
(«Гречанке», 1822)

Ст. 11—16. *Не видишь ты, когда в толпе их страстной ~ Твои глаза не следуют за мной.* — Ср. в «Недоверчивости» А. А. Крылова:

Стою ль вдали, с безмолвной тоской, —
Твой взор меня в толпе не отличает...
(*Соревн.* 1821. Ч. 15, № 1. С. 87)

КНЯГИНЕ ГОЛИЦЫНОЙ, УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЕ СУВОРОВОЙ

(«Давно об ней воспоминанье...»)
(С. 92 и 346)

Автографы:

1) Тетр. ПД 834, л. 44 об. (Ав₁) — белой, с поправками, под заглавием: «К. М. А. Г.». Напечатано: *Посм.* Т. 9. С. 156 (по копии ТЖ; публ. В. А. Жуковского); *Майков.* Материалы. С. 188 (первоначальные варианты автографа; публ. В. И. Сантова). Факсимильное воспроизведение: *Раб. тетр.* Т. 4.

2) ПД 57, л. 12 (Ав₂) — белой ст. 1—8, без заглавия, в альбоме княгини М. А. Голицыной, на листке, вырезанном из другого альбома и вклеенном по четырем углам посередине альбомного листа; справа на альбомном листе владельческая сер-

тификация: «Пушкин (Pouschkin)». Напечатано: *Щеголев П. Е.* Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // *Щеголев.* Из жизни и творчества П. С. 173.

Заглавие вошло:

1) В список из двух названий на заглавном листе тетрадки с текстом первого белого автографа поэмы «Граф Нулин» (здесь под заглавием: «Новый Тарквиний»), ПД 74, л. 1 (предположительно 1827 г., не позднее августа) — в записи: «к Гал. Сув.» (см.: *Рукою П.* 1997. С. 176).

2) В список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «к Кн. Гал.» (см.: *Рукою П.* 1997. С. 176—177).

3) В список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «К. Сув. Гал.», под № 17 (см.: *Рукою П.* 1997. С. 179).

Впервые: Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1830 год, издаваемая В. Н. Олиным. СПб., 1830. Ч. 1, № 1. С. 30—31, с подписью: «А. Пушкин» и с пометой под текстом: «1823 года. Одесса».

В собрание сочинений впервые включено: *Посм.* Т. 9.

Печатается по тексту первой публикации («Карманная книжка... на 1830 год»).

Датируется декабрем (после 8-го) 1823 г. по помете под текстом в первой публикации и положению Ав₁ в тетради ПД 834. На л. 41 об. у черновика последних строф второй главы «Евгения Онегина» стоит дата: «8 декабря 1823». Следующая датируемая запись в тетради — черновик письма к А. А. Бестужеву от 12 января 1824 г. на л. 46 об.—47. Между 8 декабря 1823 г. и 12 января 1824 г. в тетради последовательно сделаны следующие записи: наброски к доработке второй главы «Евгения Онегина» на л. 41 об., продолженные на л. 42 и в верхней половине л. 43; черновой автограф первых строф стихотворения «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» на л. 41 об.—42; черновой автограф стихотворения «Все кончено: меж нами связи нет...» в верхней половине л. 43 об.; белой, с поправками, автограф стихотворения «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой» (под заглавием: «К. М. А. Г.») в верхней половине л. 44 об.; начало чернового автографа поэмы «Цыганы» на л. 45 об.—46. Вопреки мнению Я. Л. Левкович, предложившей свою реконструкцию последовательности заполнения л. 41 об.—47 (см.: *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 834 : (История заполнения) // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 232—233), письмо к Бестужеву от 12 января 1824 г. писалось уже после того, как предшествующий разворот был занят началом «Цыган» (письмо начато с большим отступом от верхнего края л. 46 об., где проступил текст с лицевой стороны листа). 8 февраля 1824 г. на л. 48 об. была начата работа над третьей главой «Евгения Онегина». Черновики писем Пушкина к генералу Н. И. Инзову (?) предположительно от 8 марта 1824 г. в нижней части л. 43 и к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г. на л. 43 об.—44, так же как и черновой автограф стихотворения «Ч(аадае)ву» («К чему холодные сомненья?...») на л. 44 об.—45, написаны не в ходе последовательного заполнения тетради, а вписаны позднее на свободном месте.

Стихотворение обращено к княгине Марии Аркадьевне Голицыной, урожденной Суворовой (1802—1870), дочери светлейшего князя Аркадия Александровича Суворова (1780—1811) и Елены Александровны, урожденной Нарышкиной (1785—?). Знакомство Пушкина с М. А. Голицыной, по-видимому, состоялось в 1818—1820 гг. в Петербурге. М. А. Голицына воспитывалась в Смольном пансионе

и была фрейлиной высочайшего двора; 9 мая 1820 г. она вышла замуж за М. М. Голицына (1793—1856), полковника Квартирмейстерской части, впоследствии камергера и действительного статского советника. М. А. Голицына серьезно занималась музыкой и прекрасно пела, что отмечено в разных отзывах современников. Она была хорошей знакомой В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, поддерживала тяжело больного И. И. Козлова и, как писал А. И. Тургенев, «певала и утешала певца некогда, когда еще он был в моде только у Жуковского и у меня» (письмо к П. А. Вяземскому от 15 апреля 1825 г. — ОА. Т. 3. С. 114). Высказанная впервые А. И. Незеленовым и поддержанная М. О. Гершензоном (см.: *Незеленов А. И. Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии: Первый и второй периоды жизни и деятельности. 1799—1826.* СПб., 1882. С. 151—152; *Гершензон М. О. Северная любовь А. С. Пушкина* // ВЕ. 1908. № 1. С. 275—302) гипотеза о М. А. Голицыной как утаенной «северной любви» Пушкина была убедительно опровергнута П. Е. Щеголевым (см.: *Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина* // ПиС. СПб., 1911. Вып. 14. С. 53—95; *Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 152—180*; см. здесь подробные биографические сведения о М. А. Голицыной; также см. примеч. к стихотворению «Умолкну скоро я, но если в день печали...» — наст. т., с. 633). Стихотворение, по-видимому вызванное каким-то дошедшим до Пушкина известием об исполнении М. А. Голицыной его стихов, положенных на музыку, было, вероятно, послано для передачи Голицыной в Петербург. В июле 1824 г. Пушкин мог видаться с сестрой М. А. Голицыной Варварой Аркадьевной (1785—1855), в конце января 1824 г. вышедшей замуж за полковника Кавалергардского полка Д. Е. Башмакова и в середине июня 1824 г. уехавшей с мужем в Одессу. Впрочем, эта встреча представляется маловероятной (см.: *Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. Одесса, 1927. С. 11* (Пушкин: Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Вып. 3)). 27 марта 1825 г., готовя к печати Ст 1826, Пушкин писал брату: «Тиснуть еще стихи к〈нягине〉 Голиц〈ыной〉-Суворовой, возьми их от нее» (Акад. Т. 13. С. 158). Публикация В. Н. Олина, видимо, каким-то образом восходит к автографу, посланному Пушкиным Голицыной. Автограф, вклеенный в альбом М. А. Голицыной, судя по всему, представляет собой позднейшую альбомную запись.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

(«Хоть тяжело подчас в ней бремя...»)

(С. 93 и 347)

Автограф (ПД 1284, л. 2) — беловой, в письме к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г., с датой под текстом: «1823». Напечатано: РА. 1874. Т. 1, № 1. Стб. 139 (в составе письма, ст. 8 не полностью: «Кричим: пошел!...»; публ. П. А. Вяземского).

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) — в записи: «*Телегу жизни* напечатать ли?» (отдел «Смесь»). Напечатано: Майков. Автографы П. С. 578.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Сонеты»).

Впервые: МТ. 1825. Ч. 1, № 1. С. 49, с редакционными изменениями в ст. 6 и 8 (см. ниже). Вошло в Ст 1826. С. 90 (отдел «Разные стихотворения»; с датой в оглавлении: «1823») (текст журнальной публикации с вероятными ошибками

в ст. 12 («Кричим: потише, дуралей!» вместо: «Кричим: полегче, дуралей!») и 16 («И время гонит лошадей» вместо: «А время гонит лошадей»)) и в Ст 1829. Ч. 1. С. 180—181 (отдел стихотворений 1823 г.). Перепечатано: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. Иждивением московского купца Осипа Иванова Хрусталева. М., 1831. Ч. 2. С. 113—114.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется 1823 г. по дате в беловом автографе, оглавлении Ст 1826 и в Ст 1829.

Посылая стихотворение в письме к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г., Пушкин прибавил: «Можно напечатать, пропустив русский титул» (Акад. Т. 13. С. 126). Согласно этому указанию, Вяземский изменил для публикации в «Московском телеграфе» ст. 6 («Мы погоняем с ямщиком» вместо: «Мы рады голову сломать») и 8 («Кричим: «валяй по всем, по трем!»). В Ст 1826 ст. 6 и 8 были также напечатаны в редакции Вяземского; при подготовке Ст 1829 Пушкин вернулся к своему тексту, заменив «русский титул» в ст. 8 отточием.

«Телега жизни» представляет собой иронический парафраз традиционных поэтических аллегорий: жизни как путешествия, человеческих возрастов как разного времени суток (утра, полдня и вечера), времени как возницы, управляющего колесницей жизни (см., например, сводку материалов по русской литературе XVIII в.: *Неустров А. Н.* Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к Историческому разысканию о них. СПб., 1898. С. 103, 226—228, разделы «Возрасты (человека)» и «Жизнь (человеческая)»). Известны и многочисленные иконографические реализации того же топоса, в конечном счете восходящие к аллегорическим мотивам поэмы Ф. Петрарки (1304—1374) «Триумфы» («I Trionfi»): триумф Времени в ранних иллюстрациях и последующей художественной традиции изображался как шествие старика Хроноса на простой колеснице (телеге), влекомой конями или оленями (подробнее см.: *Пановский Э.* Этюды по иконологии. СПб., 2009. С. 123—164).

По предположению А. А. Добрицына (*Добрицын А. А.* *Iter vitae, lepton achemata, trionfo del Tempo* и «Телега жизни» // <http://www.rvb.ru/philologica/10pdf/10dobricyn.pdf> (Philologica. 2013/2014. Vol. 10, N 24. С. 37—56)), прототипом пушкинских стихов могли быть «Моральные стансы» («Stances morales») Пьера-Антуана-Августина де Пииса (Piis; 1755—1832), впервые опубликованные под псевдонимом F. Ayouille в 1782 г. (Journal de Paris. 1782. N 353, 19 déc. P. 1437) и по крайней мере до конца 1810-х гг. регулярно печатавшиеся в различных хрестоматиях и песенниках (обычно под названиями «La Vie humaine» («Жизнь человеческая»), «La Route de la Vie humaine» («Путь человеческой жизни») и т. д.:

La grande route de la vie
Se partage en quatre relais:
Quoique plantée en noirs cyprès,
Nuit et jour, elle est fort suivie.

En vertu des arrêts du Sort,
C'est dans une ample diligence
Que le Temps, cocher de la Mort,
Y voiture l'humaine engeance.

Pour ce voyage, vous jugez
Que l'homme part dès qu'il est jeune.
Et l'usage veut qu'il déjeune
Au grand hôtel des Préjugés.

A midi Vénus le supplie
De dîner chez elle en passant;
Bien que l'hôtesse soit jolie,
Il la querelle en la quittant.

Pour dissiper sa rêverie,
Quand la journée est au trois quarts,
Il fait halte à l'hôtellerie
De la Science et des beaux Arts.

Il y voit des jaloux sans nombre,
Qui se mettent tous à crier,
Lui disputent d'un regard sombre
Deux ou trois feuilles de laurier.

Contre une aussi futile troupe,
Ému d'une juste pitié,
Il remonte, et le soir il soupe
À l'auberge de l'Amitié.

Mais à cette paisible table,
Comme il allait se divertir,
Le postillon impitoyable
Le force encore à repartir.

C'en est fait, son âme succombe
Au souvenir de tant de maux;
Il arrive, et c'est une tombe
Qui lui sert de lit de repos.

〈Большая дорога жизни делится четырьмя станциями: хотя и обрамленная траурными кипарисами, она очень оживленна день и ночь. По станциям, предписанным Судьбой, Время, возница Смерти, везет в просторном дилижансе презренный род человеческий. Определено, что человек отправляется в это путешествие в юности и, по обычаю, завтракает в дому предрассуждений. В полдень проезжего зазывает к себе на обед Венера; и несмотря на прелесть хозяйки, покидая ее, он с ней ссорится. Когда день склонится к вечеру, он, чтобы рассеяться, торопится в гостиницу наук и искусств. Там он видит бесчисленных завистников, которые поднимают крик, оспаривая у него с угрюмым видом два-три лавровых листка. Исполненный истинной жалости к этой пустой толпе, он покидает их и вечером ужинает у Дружбы. Но лишь соберется он предаться развлечениям за ее мирным столом, как неумолимый возница принуждает его продолжить путь. Свершилось, его душа изнемогает от воспоминаний стольких бед; он прибывает — и могила служит ему ложем отдыха. — *фр.*〉
(Nouvelle Encyclopédie poétique. Paris, 1819. Т. 10. P. 82—83).

Пушкину эти стихи, несомненно, могли быть знакомы, однако непосредственным толчком к созданию «Телеги жизни», возможно, послужил не французский оригинал, а русский перевод, сделанный лицейским приятелем поэта А. Д. Илличевским и опубликованный под названием «Путь жизни» в «Благонамеренном» (1822. Ч. 20, № 41. С. 45—46) (см.: *Альциуллер М. Г.* В тени Державина : Литературные портреты. СПб., 2014. С. 151—154):

Путь жизни сей недолго длится:
В теченьи суток кончен он.
Четырежды остановиться
Велит проезжему закон.

Путь жизни трудный, путь избитый,
И кипарис по нем растет;
Но Время, проводник сердитый,
Проезжих тысячи везет.

С рассветом дня, без замедленья,
Садится путник, держит путь... и т. д.

Илличевский в примечании к тексту ссылался на вероятно также известный Пушкину более ранний перевод Е. И. Кострова (1755—1796), напечатанный в его посмертном «*Полном собрании всех сочинений и переводов в стихах*» (СПб., 1802. С. 178—179; источник установлен В. И. Симанковым — доклад «О европейских источниках некоторых стихотворений русских поэтов XVIII века», прочитанный в ИРЛИ РАН 28.02.2008). Еще один анонимный перевод (подпись: «И.») стихотворения Пийса под заглавием «Жизнь человеческая : Нравственные стансы» был опубликован в 1797 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (Ч. 15. С. 398—399) (см.: *Рак В. Д.* Об одном источнике переводов в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» // *Litterarum fructus : Сб. статей в честь С. И. Николаева.* СПб., 2012. С. 169).

Менее убедительным выглядит мнение, что Пушкин полемически отталкивался от басни Ж.-П. де Флориана (Florian; 1755—1794) «Путешествие» («*Le Voyage*»), в 1803 г. переведенной И. И. Дмитриевым и неизменно печатавшейся в его собраниях сочинений, в том числе и в последнем, шестом, вышедшем в 1823 г. (см.: *Виноградов. Язык П.* С. 436—442; *Донская С. Л.* К истории стихотворения «Телега жизни» // *ПИМ. Л.*, 1974. Т. 7. С. 215—220; *Keil R. D.* Puškin et Florian // *Revue des études slaves.* 1987. Т. 59, fasc. 1—2. Р. 45—49). И к Флориану, и к Дмитриеву Пушкин относился в годы южной ссылки достаточно иронически (см., например, в его письме к Гнедичу от 27 июня 1822 г. «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной. Тогда некоторые люди упадут, и посмотрим, где очутится Ив. Ив. Дмитриев — с своими *чувствами и мыслями*, взятыми из Флориана и Легуве» — *Акад.* Т. 13. С. 40). Переключки пушкинского стихотворения с «Путешествием» Флориана и Дмитриева достаточно отдаленные и носят самый общий характер: в аллегории Флориана—Дмитриева изображен пешеход, с раннего утра пускающийся в путь по трудной и опасной дороге и засыпающий к вечеру; нет ни разных этапов человеческого бытия, ни самого образа возницы-времени с экипа-

жем. Весьма сомнительно предположение о знакомстве Пушкина в 1823 г. со стихотворением И. В. Гете «Ямщику Кроносу» («An Schwager Kronos», 1774) (см.: Розов В. А. Пушкин и Гете. Киев, 1908. С. 92—94; Keil R.-D. Puškin et Florian. P. 48; см. также: *Sie mens H. Der Wagen des Lebens // Arion : Jahrbuch der Deutschen Puschkin-Gesellschaft. Bonn, 1996. Bd 3. S. 229—242*), и указание В. В. Виноградова (см.: Виноградов. Язык П. С. 439) на связь образа «телеги жизни» с «одноколкой прыткой жизни» из стихотворения П. А. Вяземского «Москва 29-го декабря 1821 года» — неопубликованного шуточного письма (вероятно, к Е. Н. Карамзиной), которое вряд ли могло каким-либо образом стать Пушкину известным. Не установлено и знакомство Пушкина с другими строками Вяземского — из стихотворения «Катай-валяй» (1820 ?; опубл. 1828): «Спешит от счастья безрассудный! / Меня, о время, не замай; / Но по ухабам жизни трудной / Катай-валяй!» (Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 139 (Б-ка поэта; Большая сер.); о связи стихотворений вскользь замечено: Фридлендер Г. М. Поэтический диалог Пушкина с П. А. Вяземским // ПИМ. Л., 1983. Т. 11. С. 169; подробный разбор в упомянутом докладе А. А. Добрицына, где, в частности, отмечен французский источник заглавия и рефрена стихотворения Вяземского — песня «Гони, ямщик!» («Fouette cochet», 1814) Ш.-Ф.-Ж.-Б. Моро де Комани (Moreau de Commagny; 1783—1832).

В. В. Виноградов видел в «Телеге жизни» одно из наиболее ранних проявлений в творчестве Пушкина «простонародно бытовой струи», которая, «вторгаясь в символику автора, несет с собою новую систему образов» (Виноградов. Язык П. С. 436). Ср., например, пушкинскую «телегу жизни» и традиционную литературно-аллегорическую интерпретацию того же образа в стихотворении В. А. Жуковского «Мечты» (1812): «И быстро жизни колесница / Стезею младости текла...» (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 214).

25 января 1825 г. Пушкин осведомлялся у Вяземского: «Прочел я в Инвалиде объявление о „Телеграфе“. Что там моего? „Море“ или „Телега“?» (Акад. Т. 13. С. 135), а 19 февраля того же года спрашивал его: «Ты в самом деле напечатал „Телегу“, проказник?» (Там же. С. 144). Стихотворение было отмечено в статье Н. Ф. Остолопова «Дело от безделья, или Краткие замечания на современные журналы»: «„Телега жизни“ стихи А. Пушкина. — Хорошо! но я думаю, что не время гонит лошадей, а страсти наши сильно об этом хлопчут: страсти скорее времени приближают нас к *ночлегу!*» (Благ. 1825. Ч. 29, № 7. С. 246). При жизни Пушкина появился анонимный немецкий перевод стихотворения («Der Lebenswagen») в газете «Blätter für literarische Unterhaltung» (1830. № 19. S. 73—74). В 1833 г. «Телега жизни» была положена на музыку (голос и фортепьяно) и напечатана в составе издания: «Музыкальный альбом, составленный из романсов и песен разных авторов, положенных на музыку Н. И. Бахметьевым» (ценз. разр. 23 окт. 1833) (см.: СПЧ. 1833. № 246, 30 окт.; П. в печати. С. 105; экз. утрачены).

Мотивы пушкинского стихотворения неоднократно варьировались в позднейшей русской поэзии (см.: Григорьева А. Д. «Телега жизни» Пушкина и русская поэзия // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28, вып. 3. С. 259—266; Полякова Г. В. Стихотворение Пушкина «Телега жизни» в контексте русской поэзии XIX в. // Ломоносовские чтения : Программа и тезисы науч. конференции. Архангельск, 1990. С. 56—57; Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века: От Анненского до Пастернака. М., 1992. С. 29—31).

«НЕДВИЖНЫЙ СТРАЖ ДРЕМАЛ
НА ЦАРСТВЕННОМ ПОРОГЕ...»

(С. 94 и 348)

Автографы:

1) В тетр. ПД 834, л. 41 об.—42 — черновой ст. 1—12 и отдельно записанный зачеркнутый стих «Но вновь свободою Гишпания кипела». Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 231 (неполный ст. 8, ст. 10 и стих «Но вновь свободою Гишпания кипела»); публ. П. И. Бартенева); Якушкин. № 6. С. 567—568 (указание на автограф); Майков. Материалы. С. 183 (в виде сводки; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) ПД 58 — белой, с поправками; ст. 15—18 обозначены тремя строками точек. Над текстом справа — карандашная помета «1823», сделанная, по-видимому, кем-то из позднейших издателей. Напечатано: АН. 1900—29. Т. 3. С. 197—199; Примеч. С. 344 (публ. П. О. Морозова).

Впервые: Совр. 1857. № 11. Отд. V. С. 15—16 (публ. М. Н. Лонгинова), со ст. 31 (напечатан со слов «...И некий дух»), с цензурным пропуском ст. 33 и 59, а также слов «царственный» в ст. 34 и «в чертог царя» в ст. 36, цензурной заменой в ст. 53 («Во мраке полунощи» вместо: «Владыке полунощи»); с ошибкой в ст. 43 («Ни тучной праздности ленивые морщины» вместо: «Но тучной праздности ленивые морщины»); ст. 45 и 60 даны в первоначальном чтении, без учета пушкинской правки («Ни пламень гаснувший нахмуренных очей» и «Пред юношей царем в Тильзите предстоял») (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 349). Полностью впервые: ПЗ 1859. Кн. 5. С. 21—22 (публ. А. И. Герцена), с ошибками в ст. 38 («Свершитель роковой известного велья» вместо: «Свершитель роковой безвестного велья»), ст. 43 («Ни тучной праздности ленивые морщины» вместо: «Но тучной праздности ленивые морщины») и ст. 59 («И с миром, иль позором» вместо: «И с миром и с позором»); ст. 45 и 60 даны в первоначальном чтении, без учета пушкинской правки. В России полностью впервые: РА. 1876. Т. 3, № 10. С. 232—234 (публ. Н. В. Гербеля), с цензурной заменой в ст. 12 («Все пало ниц, склонились все главы» вместо: «Все пало — под ярем склонились все главы»), с ошибками в ст. 40 («Мятежной вольницы наследник и убийца» вместо: «Мятежной вольности наследник и убийца»), ст. 43 («Ни тучной праздности ленивые морщины» вместо: «Но тучной праздности ленивые морщины») и ст. 45 («Ни пламень гаснувший нахмуренных бровей» вместо: «Ни пламень гаснувший нахмуренных очей»); ст. 60 дан в первоначальном чтении, без учета пушкинской правки.

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7 (текст Совр.).

Печатается по беловому автографу.

Датируется временем около середины декабря (после 8) 1823 г. Черновой автограф в тетради ПД 834 относится к числу первых записей, сделанных в период между 8 декабря 1823 г. (помета сверху л. 41 об. у черновика последних строф второй главы «Евгения Онегина») и 12 января 1824 г. (дата письма к А. А. Бестужеву, черновик которого расположен на л. 46 об.—47) (подробнее см. в примеч. к стихотворению «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой» — наст. т., с. 773). Беловой автограф, судя по всему, более позднего времени. Предположительно его можно датировать 1825 г. Он написан на той же бумаге (№ 13 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского — см.: Рукоп. П. 1937. С. 298),

что стихотворение «Прятелям» («Враги мои, покамест я ни слова...»), написанное в Михайловском в январе 1825 г. (было послано П. А. Вяземскому в письме от 25 января 1825 г.), и тетрадь Капниста, над составлением которой Пушкин работал в марте 1825 г.

Публикации М. Н. Лонгинова, А. И. Герцена и Н. В. Гербеля (см. выше) сделаны по неизвестным в настоящее время копиям. Сохранившиеся копии стихотворения середины—второй половины XIX в. (Долг, Тих, Бар, Лон—Полт, Ал, Якуш, Е) дают тот же набор ошибок и разночтений, что и первые публикации. Все эти копии опосредованно восходят к беловому автографу. Это доказывается, в частности, тем, что ст. 45 и 60 даны во всех имеющихся копиях в первоначальном чтении, без учета пушкинской правки, здесь оставшейся непонятой переписчиком (в ст. 45 в слове «бледное» допущена описка; в ст. 60 правка сделана неотчетливо, бледными чернилами). Ст. 43 в автографе читается: «Но тучной праздности ленивые морщины», в первых публикациях и дошедших до нас списках: «Ни тучной праздности ленивые морщины» — несомненно «облегченное» чтение, принятое тем не менее всеми последующими издателями. Эта конъектура не представляется оправданной и в настоящем издании в текст не вводится.

Пушкин начал работу над стихотворением, вскоре после того как поправил и перебелил в тетрадь ПД 833 оду «Наполеон», написанную осенью 1821 г. (см. примеч. к ней — наст. т., с. 643—644). Новое обращение к наполеоновской теме осенью 1823 г., очевидно, было связано с размышлениями над современной исторической ситуацией и политическим положением Европы и России: деятельностью Священного союза, подавлением революций в Западной Европе, поворотом к внутренней политической реакции. Стихотворение в не меньшей степени, чем ода 1821 г., ориентировано на «наполеоновский» литературный контекст 1810-х гг., но отражает дальнейшие изменения в оценке Пушкиным значения и исторической роли французского императора. Пушкин использует поэтические образы, мотивы и риторические формулы антинаполеоновской поэзии, переосмысляя их и наполняя иным ценностным содержанием. Пересмотренной в первую очередь оказывается общераспространенная поэтическая трактовка двух главных исторических фигур эпохи: Наполеона — узурпатора, «бича вселенной», «ужаса мира», «самовластительного злодея» (см., например, «Воспоминания в Царском Селе», 1814; «Принцу Оранскому», 1816; «Вольность», 1817 — наст. изд., т. 1, с. 70, 74, 176; т. 2, кн. 1, с. 13, 15) и императора Александра — миротворца и освободителя. В «Недвижном страже...» отчетливо выражен провиденциалистский взгляд на личность Наполеона («Свершитель роковой безвестного веленья»), получивший достаточно широкое распространение после Реставрации, а у самого Пушкина сменивший прежнее формульное определение «сын счастья», имевшее безусловные негативные коннотации (см. в «Воспоминаниях в Царском Селе»: «Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны»; в стихотворении «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» (1815): «Содрогся счастья сын...» — наст. изд., т. 1, с. 72, 74, 130; см. также: Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // ПИМ. Л., 1991. Т. 14. С. 7—15). Прямое столкновение этих двух трактовок в 7-й строфе («То был сей чудный муж, посланник Провиденья» — «Сей хладный кровопийца») предваряет даваемый Пушкиным далее портрет Наполеона: «Нет, чудный взор его, живой, неуловимый...» и т. д.

В изображении Александра I Пушкин, по-видимому, полемически отталкивался от самого знаменитого произведения, посвященного русскому императору, — послания В. А. Жуковского «Императору Александру» (1814), где, в частности, есть описание ночного размышления Александра после победного возвращения в свою столицу (ст. 373—413):

Отважно вступить дерзаю, царь, мечтою
 В чертог священный твой, где ты один с собою,
 Один, в тот мирный час, когда лежит покой
 Над скромных жребием бессмертною главой,
 Когда лишь бодрствуют цари и Провиденье.
 {.....}
 Я зрю тебя, племен несметных повелитель,
 Сей окруженного всемирной тишиной,
 Над полвселенною парящего душой,
 Где все твое, где ты над всех судьбою властен,
 Где ты один всех благ, один всех бед причастен,
 Уполномоченный от неба судия —
 О, сколь божественна в сей час душа твоя!
 Сей полный взор любви, сей взор воспламененный —
 За нас он возведен к Правителю вселенной;
 За нас ты предстоишь как жертва перед Ним...

(Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 375—376)

Стихотворение Пушкина ориентировано на одическую традицию. Написано французской одической строфой (шестистишие, состоящее из шестистопных ямбических стихов, за исключением пятого — трехстопного; рифмовка — ААВССВ), встречающейся у Ф. де Малерба (Malherbe; 1555—1628), Ж.-Б. Руссо (Rousseau; 1670—1741), П.-Д. Экушар-Лебрена (Ecouchard-Lebrun; 1729—1807), А.-Л. Тома (Tomas; 1732—1785), Н.-Ж.-Л. Жильбера (Gilbert; 1751—1780) и других, в русской поэзии чрезвычайно редкой (см., например, переведенную в 1813 г. Ю. А. Нелединским-Мелецким с сохранением размера оригинала оду А.-Л. Тома «На время» («Ode sur le temps», 1762) — ВЕ. 1813. Ч. 69, № 9—10. С. 18—22). По мнению Б. В. Томашевского, из всех од, написанных этой строфой, пушкинское стихотворение наиболее близко к оде Ж.-Б. Руссо «Христианским государям по поводу вооружения турок против Венецианской республики» (Ode III, 4: «Aux Princes Chrétiens, Sur l'Armement des Turcs contre la République de Venise, en 1715») (см.: Томашевский. Строфика П. С. 83—84; Томашевский. Пушкин, I. С. 661).

Предположение Г. А. Гуковского о связи стихотворения с «мессеньей» Казимира Делавиня (Delavigne; 1793—1843) «Наполеону» («A Napoléon») не может быть принято (см.: Гуковский, I. С. 345; «мессенья» — авторское название патриотического poem К. Делавиня, образованное от названия древнегреческого государства Мессения, героически сопротивлявшегося спартанцам в ходе так называемых мессенских войн 743—724 и 685—668 гг. до н. э.). В стихотворении Делавиня сходная сюжетная ситуация: Наполеону, бодрствующему над картой в походной палатке, в то время как весь лагерь спит, являются три призрака — девы-воительницы, предвещающие скорую гибель его владычества. Однако новые «мессеньеры» («Trois Messéniennes nouvelles») Делавиня, куда входило стихотворение «Наполео-

ну», вышли в Париже в начале 1824 г. (см.: *Bibliographie de la France*. 1824. № 5, 31 jan. P. 63), и, таким образом, эта «мессеньена» никак не могла повлиять на пушкинский замысел (в литературных кругах Москвы и Петербурга она была новинкой еще в марте 1824 г., см. письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 20 марта и ответ Тургенева от 25 марта 1824 г. — ОА. Т. 3. С. 21, 26). Слова из письма Н. Н. Раевского к А. Н. Раевскому от 11 июля 1823 г.: «Voici les dernières des poésies de Casimir Delavigne pour Pouskin, je n'ai le temps de lui écrire» («Вот последние стихи Казимира Делавиня для Пушкина, у меня нет времени ему писать» — *фр.*) (Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 232), цитируемые Гуковским, — относятся к другому сборнику Делавиня, вероятно, к «Разным стихотворениям, предвзятым поэмой об оспе» (*Poésies diverses, précédées d'un poème sur la vaccine*. Paris, 1823). Отдельные перекачки между стихотворениями Пушкина и Делавиня могут быть объяснены ориентацией обоих поэтов на общеевропейский идеологический контекст и обращением к общему фонду литературных тем и мотивов. Более вероятно знакомство Пушкина к моменту создания «Недвижного стража...» со стихотворением Альфонса Мари Луи де Ламартина (*Lamartine*; 1790—1869) «Бонапарт» («*Vonaparte*», 1823), вышедшем в сборнике его «Новых поэтических размышлений» («*Nouvelles Méditations poétiques*») в Париже в конце сентября 1823 г. (см. подробнее в примеч. к стихотворению «Наполеон» — наст. т., с. 654). Впрочем, отчетливых переключек с «размышлением» Ламартина пушкинское стихотворение не имеет.

Ст. 6. *И миру тихую неволю в дар несли.* — Здесь трансформирован один из наиболее распространенных мотивов антинаполеоновской поэзии 1810-х гг. — прославление «тишины», принесенной миру Александром-освободителем. См., например, в приведенной выше цитате из послания «Императору Александру» Жуковского; также в лицейских стихах Пушкина: «И, брани сокрушив могущею рукой, / Вселенну осени желанной тишиной!..» («На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»); «Утихло все. Не мчится гром...» («Принцу Оранскому») (наст. изд., т. 1, с. 131, 176).

Ст. 8. *Се благо, думал он...* — Слова Творца из первой главы Книги Бытия («...и виде Бог, яко добро» — Быт. 1: 8, 10, 12, 18, 21, 25) вложены здесь в уста владыки Севера, созерцающего принесенную им миру неволю.

Ст. 9—12. *От Тибровых валов до Вислы и Невы ~ Все пало — под ярем склонились все главы.* — Б. В. Томашевский отметил, что «по движению темы и по системе словесных» оборотов вторая строфа пушкинского стихотворения близка к стихам из оды Ж.-Б. Руссо «Христианским государям...»:

Dès lors, courant toujours, de victoire en victoire,
Des Califes déchus de leur antique gloire
Le redoutable Empire entre eux fut partagé:
Des bords de l'Hellespont aux rives de l'Euphrate
- Par cette race ingrate
Tout fut en même temps soumis ou ravagé.

⟨Переходившая от победы к победе грозная империя калифов, утративших свою древнюю славу, была с тех пор поделена ими между собой: от побережья Геллеспонта до берегов Ефрата все было в одно время покорено и опустошено этим неблагоприят-

ным племенем. — фр.) (*Rousseau J.-B. Oeuvres. Nouv. éd. Bruxelles, 1743. T. 1. P. 160; Томашевский. Строфика П. С. 84*).

Пушкин прибегает здесь к одической формуле: «от—до», многократно варьировавшейся в русской и европейской поэзии. См., например, у М. В. Ломоносова: «От теплых уж берегов азийских / Вселенной часть до вод Балтийских / В объятии вашем вся лежит» («Ода... 1741 года августа 12 дня...»); «От Иберов до вод Курильских / От вечных льдов до токов Нильских...» («Ода на день брачного сочетания... Петра Федоровича и... Екатерины Алексеевны 1745 года») (*Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 36, 135*); у Г. Р. Державина: «С Курильских островов до Буга, / От Белых до Каспийских вод...» («Лебедь», 1804) (*Державин Г. Р. Соч. / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1865. Т. 2. С. 501*); у В. А. Жуковского: «От Рейнских твердынь до Немана валов, / От Сциллы древняя до Бельта берегов...» («Императору Александру») (*Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 369*) и др.; в «Бонапарте» А. де Ламартина: «Des bords du Tanaïs au sommet du Cédar» (От берегов Танаиса до высот Кедара — фр.) (*Lamartine A. de. Nouvelles Méditations poetiques. St.-Petersbourg, 1824. P. 14; Франц. элегия. С. 412; Танаис — древнее название Дона, Кедар — город в Аравии*). Пушкин вернулся к этой формуле в стихотворении «Клеветникам России» (1831): «...От Перми до Тавриды / От финских хладных скал до пламенной Колхиды / От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая...» (*Акад. Т. 3. С. 270*) (см.: *Пумпянский Л. В. Медный всадник и поэтическая традиция XVIII в. // П. Врем. [Т.] 4—5. С. 95*; то же: *Пумпянский Л. В. Классическая традиция : Собр. тр. по истории русской литературы. М., 2000. С. 163*).

Ст. 13—14. «Свершилось! — молвил он. — Давно ль народы мира Паденье славили великого кумира... — Автореминисценция:

Свершилось... взорами царей
Европы твердый мир основан;
Оковы свергнувший злодей
Могущей бранью снова скован.
(«Принцу Оранскому»;
наст. изд., т. 1, с. 176)

Также в стихотворении «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»: «Свершилось!.. Русский царь, достиг ты славы цели!» (наст. изд., т. 1, с. 130) (см.: *Rothe H. Puškin und Napoléon (zweiter Teil) // Arion : Jahrbuch der Deutschen Pušchin-Gesellschaft. Bonn, 1992. Bd. 2. S. 145, 151*). Ср. также у Жуковского в послании «Императору Александру»:

Свершилось!.. освящен испытанный народ,
И гордо по зыбям потек от Альбиона
Спасительный корабль, несущий кровь Бурбона...

Свершилось... Русский царь! отечество и свет
Уже рекли свой суд делам неизреченным...
(Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 374)

Ст. 19. *Давно ли ветхая Европа свирепела?* — Ср. в стихотворении «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»: «И ветхую главу Европа преклонила...» (наст. изд., т. 1, с. 131). По мнению Х. Роте, здесь впервые в русской литературе вводится тема старости и бессилия Европы (см.: *Rothe H. Puškin und Napoléon. S. 145*).

Ст. 20. *Надеждой новою Германия кипела...* — Имеется в виду конституционное движение 1818—1819 гг. и деятельность студенческих обществ (*Burschenschaften*). Царящий в Германии «дух либерализма» стал главной темой «Записки о нынешнем положении Германии» («*Sur l'état actuel de l'Allemagne*»). А. С. Стурдзы, составленной по поручению Александра I осенью 1818 г. и распространенной среди участников Аахенского конгресса Священного союза (см. подробнее в примеч. к эпиграмме «(На Стурдзу)» («Холоп венчанного солдата...») — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 565—566; также: *Brinkmann C. Die Entstehung von Sturdz'a's «Etat actuel de l'Allemagne» : Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen // Historische Zeitschrift. 1919. Bd. 120. S. 80—102*).

Ст. 21. *Шаталась Австрия, Неаполь восставал...* — О неаполитанской революции 1820 г. подробнее см. в примеч. к стихотворению «(В. Л. Давыдову)» — наст. т., с. 841—843.

Ст. 22—23. *За Пиринеями давно ль судьбой народа Уж правила свобода...* — В январе 1820 г. в Испании началась революция, в марте созваны кортесы и провозглашена конституция 1812 г. В ноябре 1822 г. на Веронском конгрессе Священного союза было принято решение о вооруженном вмешательстве в испанские дела, в апреле 1823 г. французская армия перешла Пиренеи, 30 сентября конституционное правительство было смещено и восстановлена абсолютная монархия Фердинанда VII (см. также в примеч. к стихотворению «Генералу Пушину» — наст. т., с. 669).

Ст. 26. *Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы...* — Имеется в виду руссоистская идея «естественного права» (*le droit de la nature, le droit naturel — фр.*) — идеальной законодательной нормы, опирающейся на изначальные природные принципы организации мира и потому не зависящей от человеческого произвола или общественных требований, имеющих временный характер. Пушкинское выражение «права природы» — почти точная калька французского «*le droit de la nature*».

Ст. 33. *Владыку севера мгновенный хлад объял...* — Ср. в «Бонапарте» Ламартина видение Наполеону тени герцога Энгийенского:

...Mais quel effroi soudain?

Pourquoi détournes-tu ta paupière éperdue?

D'où vient cette pâleur sur ton front répandue?

Qu'as-tu vu tout à coup dans l'horreur du passé...

(...Но что за внезапный ужас? Почему отводишь ты потерянный взгляд? Откуда эта бледность, выступившая на твоём лбу? Что за ужас выступил вдруг из прошлого... — фр.) (*Lamartine A. de. Nouvelles Méditations poétiques. P. 19—20; Франц. элегия. С. 418*).

Ст. 39. *Сей всадник, перед кем склонялися цари...* — Определение «всадник» принадлежит, по-видимому, к апокалипсическому семантическому полю характеристик Наполеона (см. ниже примеч. к ст. 42), хотя, возможно, осложняется и другими побочными значениями. Так, во французских памфлетах Наполеона назы-

вали «Робеспьером на коне» (см.: *Descotes M. La légende de Napoléon et les écrivains français du XIXe siècle. Paris, 1967. P. 75*).

Ст. 42. *Сей царь — исчезнувший как сон, как тень зари.* — Сочетание «тень зари» уходит корнями в эпоху наполеоновских войн, в апокалипсические трактовки Наполеона, согласно которым Наполеон — Антихрист, Люцифер, а также (продолжая этот ряд) Денница, «утренняя звезда», «сын зари». Дальнейшее движение поэтической темы диктовалось формулами церковного богослужения: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его. Яко исчезает дым, да исчезнут». См. в стихотворении Н. М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра Первого» (1814):

Есть правды Бог: тирана нет!
Преходит тьма, но вечен свет.
Сокрылось ночи привиденье.
<.....>
Злодей торжествовал, где он?
Исчез, как безобразный сон!

(Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 300 (Б-ка поэта; Большая сер.))

Ср. в «Воспоминаниях в Царском Селе» Пушкина: «Исчез, как утром страшный сон!» (наст. изд, т. 1, с. 72, 76). См.: *Вацуро В. Э. Тень зари // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 82—84. Ст. 37—42 позднее варьированы в стихотворении «Герой» (1830):*

...пришлец сей бранный,
Пред кем смирился цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

(Акад. Т. 3. С. 251)

Также в десятой главе «Евгения Онегина»:

Сей муж судьбы, сей странник бранный
Пред кем унизились ц(ари)
Сей всадник Папою венчанный
Исчезнувший, как тень зари.

(Акад. Т. 6. С. 522—523)

Ст. 47 — 48. *Мучением покоя В морях казненного по манию царей.* — Ср. в «Герое»:

...где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.

(Акад. Т. 3. С. 252)

Также в десятой главе «Евгения Онегина»: «Измучен казнию покоя» (Акад. Т. 6. С. 523).

Ст. 55 — 56. *Таков он был, когда в равнинах Австерлица Дружины севера знала его десница...* — См. примеч. к стихотворению «Наполеон» — наст. т., с. 656.

Ст. 58 — 60. *Таков он был, когда с победным договором И с миром и с позором Пред юным он царем в Тильзите предстоял.* — См. примеч. к стихотворению «Наполеон» — наст. т., с. 655.

Другие редакции и варианты

Черновой автограф. Ст. 10. *От замка Грузина...* — Речь идет об имени графа А. А. Аракчеева (1769—1834), всесильного временщика Александра I (см. о нем в примеч. к эпиграмме «К Аракчееву» («Всей России притеснитель...») — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 634—635) в селе Грузино в Новгородской губернии. Будучи противопоставлен «башням Гибралтара» (знаменитым Геркулесовым столбам, символически отмечавшим внешнюю границу европейского мира), «замок Грузина» может быть прочитан как метонимия подчиненного Александру «своего», внутривосточного пространства (ср. подобное же противопоставление «Тибровых валов» Висле и Неве в ст. 9).

1824

Ч(ААДАЕ)ВУ

(«К чему холодные сомненья?..»)

(С. 97 и 349)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 44 об.—45 — черновой. Напечатано: Майков. Материалы. С. 197 (в виде вариантов; публ. В. И. Сайтова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Вошло в Собр. ст. 1836 г. (отдел «Послания»).

В записи: «К чему холодные... и проч.» вошло в белой автограф «Отрывка из письма к Д.» (ПД 249, л. 2).

Впервые: СПч. 1825. № 12, 27 янв., под заглавием: «К Ч.», с пометой при заглавии: «1820. Морской берег Тавриды», с подписью: «А. П.»; с делением на два астрофических фрагмента перед ст. 14. Вошло в Ст 1826. С. 162—163, под заглавием: «Ч***ву» (отдел «Послания», с заглавием в оглавлении: «Ч***ву. С морского берега Тавриды» и датой: «1820») и в Ст 1829. Ч. 1. С. 97—98 (отдел стихотворений 1820 г.), под заглавием: «Ч***ву» (в оглавлении заглавие: «Ч***ву. С морского берега Тавриды»). Включено без изменений в тексте, без заглавия в статью «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.» (СЦ 1826. С. 104—105). В составе той же статьи вошло в третье издание поэмы «Бахчисарайский фонтан» (СПб., 1830. С. 44). Перепечатано (в составе статьи): *Abbrégé de la grammaire française, mise au nombre des livres classiques par le Conseil royal de l'Instruction publique (...)* par

E. Lefranc, professeur agrégé de l'Université, auteur de plusieurs livres élémentaires. Sui- vie d'une chrestomathie abrégée française et russe, choisie dans les meilleurs auteurs qui ont écrit dans ces deux langues... (Краткая французская грамматика, введенная в число классических книг во Франции Королевским советом народного просвещения (...)). Сочинение Е. Лефранка, почетного профессора Парижского университета и сочи- нителя разных учебных книг, с присовокуплением краткой хрестоматии французской и российской... / Издана Иваном Заикиным). СПб., 1830. С. 309; Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах / Сост. И. Пенинский. СПб., 1833. Ч. 1. С. 296 (ст. 1—12).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется: черновой автограф февралем—серединой мая 1824 г.; доработка стихотворения, вероятно, относится к более позднему времени — до декабря 1824 г. Черновой автограф в тетради ПД 834 находится среди записей декабря 1823—на- чала 1824 г. Однако он явно писался не в ходе последовательного заполнения тетра- ди, а позднее, на свободном месте (о хронологии работы на л. 41 об.—47 тетради ПД 834 см. в примеч. к стихотворению «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой» — наст. т., с. 773). С конца мая Пушкин уже начал работать в новой тетради — ПД 835 (первая запись в ней, черновик письма к А. И. Казначееву на л. 1—2, относится к 22 мая 1824 г.). Нижняя граница датировки определится упо- минанием стихотворения в черновом автографе «Отрывка из письма к Д.» в тетради ПД 835 (л. 42 об.—44), датирующемся декабрем 1824 г. (на л. 40—40 об. тетра- ди, заполнявшейся в основном последовательно, находится черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 124—126, 402—404, на л. 52 под черновиком строфы XXIII четвертой главы «Евгения Онегина» даты: «31 дек(абря) 1824» и «1 генв(аря) 1825»).

В «Отрывке из письма к Д.» стихотворение включено в контекст полемической реплики на книгу И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (СПб., 1823). Муравьев-Апостол посвятил несколько страниц вопросу о мес- тонахождении легендарного храма Дианы, с которым связан греческий миф об Ифи- гении, послуживший основой трагедии Эврипида (480—406 до н. э.) «Ифигения в Тавриде» (414 до н. э.) и имевший многочисленные реплики в искусстве и литерату- ре нового времени. Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры, должна была быть принесена в жертву, чтобы умилостивить богиню Артемиду (Диану), наславшую безветрие на флот греков, отправлявшийся под Трою. В последний момент богиня сжалилась и перенесла Ифигению на облаке в Тавриду, где та стала ее жрицей и умерщвляла перед ее алтарем попадавших в Тавриду чужестранцев. В их числе ока- зались ее брат Орест с другом Пиладом. Ифигения решила, что погибнуть должен только один из них, и Орест с Пиладом, преисполненные желания пожертвовать своей жизнью ради друга, вступили в спор. В какой-то момент Орест и Ифигения узнали друг друга, Ифигения помогла друзьям бежать из Тавриды и сама бежала вместе с ними. Миф об Ифигении дважды подробно рассказан в читавшихся Пуш- киным в Кишиневе в 1820—1821 гг. элегиях Овидия (см. о них в примеч. к стихо- творению «К Овидию» — наст. т., с. 671—672) как история «удивительной друж- бы» (см.: Tristia, IV, 4; Ex Ponto, III, 2). Исследователями отмечалось, что пушкин- ское послание созвучно Овидию (см., например: Томашевский. Пушкин, I. С. 501; Казарин В. П., Андрейко Е. В., Шавшин В. Г. Пушкин в Георгиевском монасты-

ре // «К пределам дальним...» : Очерки путешествия А. С. Пушкина по Крыму. Симферополь, 2010. С. 173—174 (впервые в сб.: История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 187—201)).

Согласно распространенной версии, храм Дианы находился в районе мыса Фиолент (др.-греч. Партениум, Мыс Девы) и расположенного на скалах восточнее мыса Свято-Георгиевского монастыря. Академик П. С. Паллас в своих «Наблюдениях, сделанных во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793—1794 годах» («Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794») (1799—1801) соотнес место храма Дианы с руинами, обнаруженными между монастырем и мысом Фиолент (Муравьев ссылается на французский перевод: *Second voyage de Pallas, ou Voyages entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'Empire de Russie pendant les années 1793 et 1794, par M. le prof. Pallas, traduit de l'allemand par MM. de La Boulaye... et Tonnelier... Paris, 1811. Т. 3. Р. 74*). Как отмечал В. Б. Броневский, путешественникам показывают «небольшой холм, покрытый грудой камней», вблизи монастыря — «основание бывшего Дианина храма» (Броневский В. Б. Обзорение Южного берега Тавриды. В 1815 году. Тула, 1822. С. 23). Настоятель Георгиевского монастыря о. Хрисанф говорил путешествовавшему по Крыму в одно время с Пушкиным Г. В. Геракову, что «нигде нельзя предполагать храма Ифигении, как на месте выстроенной им церкви» (Гераков Г. В. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям, 1820-го и начала 1821-го. СПб., 1830. С. 35). Во втором издании поэмы «Таврида» С. С. Боброва — «Херсониде», входившей в круг литературных источников «Бахчисарайского фонтана», к стихам:

Когда бы мне в красах теряться,
То б мог я взоры простирать
От Ифигениина мыса
До Карадажской высоты...

сделано примечание: «Сей мыс подле Георгиевского монастыря» (Бобров С. С. Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом : Лиро-эпическое песнотворение. СПб., 1804. С. 53). Правда, в другом месте своей поэмы Бобров, пересказывая миф, помещает храм Дианы «На Гераклейском Херсонисе» — Там же. С. 143—144). В «Ручной книге древней классической словесности», переводе немецкого руководства («Handbuch der klassischen Litteratur, Altertumskunde und Mythologie») (1783) И. И. Эшенбурга (Eschenburg; 1743—1820) и К. Ф. Крамера (Cramer; 1752—1807), по которому в Лицее читал свой курс Н. Ф. Кошанский, храм Дианы, славный «особенно по приключению Ореста и Ифигении», также упомянут как находившийся в Херсонесе Таврическом (Ручная книга древней классической словесности (...) собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Ч. 2. С. 39). См.: Строганов М. В. Стихотворение Пушкина «Буря» : Проблема комментария // ПиС. (Нов. серия). Вып. 3 (42). С. 295—298; Казарин В. П., Андрейко Е. В., Шавшин В. Г. Пушкин в Георгиевском монастыре. С. 169—172; о научной полемике по поводу вероятного местонахождения храма Дианы см.: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII—середина XIX в.). СПб., 2002. С. 534—535.

Муравьев-Апостол спорил в первую очередь с П. С. Палласом, отрицая как саму возможность нахождения храма Дианы на мысе Фиолент, так и вообще истори-

ческие основания мифа об Ифигении. «Рассмотрев прилежно источники, коими руководствуются новейшие отыскатели храма Ифигении в Тавриде, — писал Муравьев, — мы находим, что все они ссылаются на митографов и на поэтов, повторявших в песнях и на театрах сказанное первыми. Пышные свидетельства, конечно, и многочисленны; но увы! — весьма слабые, когда они не озарены светильником критики, различающей вымысел от исторической истины» (*Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. 87*). Критически рассмотрев суждения древних географов, Геродота (ок. 484—ок. 425 до н. э.) и Страбона (64/63 до н. э.—ок. 23/24 н. э.), автор «Путешествия» пришел к заключению, что если храм и существовал, то находился не на мысе Фиолент, а в Херсонесе, и посвящен был не Диане, а некоей таврической богине Деве. «...Хотя бы и не совсем отвергать басню об Ифигении, так признать должно в ней такие темноты и противоречия, что стараться извлечь из оной какую-нибудь историческую истину в отношении к нашей Тавриде есть дело совершенно невозможное», — утверждал он (Там же. С. 88).

Во время путешествия по Крыму после отъезда из Гурзуфа (5—8 сентября 1820 г.) Пушкин посетил Георгиевский монастырь, где мог слышать версию о храме Дианы от настоятеля монастыря о. Хрисанфа и видеть руины, описанные Палласом. В «Отрывке из письма к Д.» он писал: «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они» (далее следует текст стихотворения) (Акад. Т. 8. С. 438; текст чернового автографа: «Георгиевский монастырь, его крут(ая) лестница к морю оставили мне единствен(ое) сильное впечатление. Я видел развалины храма Дианы; видно мифические предания счастливее для меня восп(оминаний) историч(еских) — по крайней мере тут посетили меня рифмы на басносл(овный) памятник дружбы. Я думал стихами о Ч — вот они» (ПД 835, л. 43 об.; Акад. Т. 8. С. 1000).

Долгое время стихотворение датировалось 1820 г. в соответствии с указаниями самого Пушкина в журнальной публикации, Ст. 1826 и Ст. 1829 (см., например, комментарий Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского в *Acad.* в 9 т. (Т. 1. С. 467): «Стихотворение вызвано посещением „Храма Артемиды“ на Южном берегу Крыма»). Мнение Л. Н. Майкова, что по положению чернового автографа в тетради ПД 834 его следует отнести к 1824 г. (см.: Майков. Материалы. С. 196—197), принято во внимание не было (см. оговорку В. Е. Якушкина: «...это не является достаточным основанием для того, чтобы отвергнуть дату, так определенно установленную самим Пушкиным: мы можем сказать только, что послание к Чаадаеву, созданное в 1820 г., было отделано окончательно в 1824 г.» — *АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 330—331*). Дата «1820» и локальная помета «Морской берег Тавриды» в авторских публикациях в данном случае являются мистификацией, призванной связать стихотворение с крымским путешествием. Они были поставлены под сомнение в 1930-х гг. исследователями, отметившими органическую связь стихотворения с «Отрывком из письма к Д.» и с содержащейся в нем внутренней полемикой с И. М. Муравьевым-Апостолом. Этой проблеме посвящена неопубликованная заметка Г. О. Винокура «Храм Дианы» (см.: Пушкин. Поэмы и повести 2007. С. 359, 2-я паг., коммент. О. А. Проскурина). В 1935 г. в одноименнике под редакцией Б. В. Томашевского стихотворение помещено в разделе 1820 г., но в алфавитном указателе датировано 1820 или 1824 г. (см.: *Пушкин А. Соч. Л., 1935. С. 868, 954* (и переизд.)); М. А. Цявловский в *Acad.* в 6 т. (Т. 1. С. 735) и В. Л. Комаро-

вич (см.: *Комарович В. Л.* К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // П. Врем. [Т.] 3. С. 329) уже датировали его концом ноября—первой половиной декабря 1824 г., т. е. временем работы над «Отрывком» (см. также: *Томашевский. Пушкин*, I. С. 499—501). В Акад. (Т. 2. С. 1151) Н. И. Измайлов, приняв во внимание положение чернового автографа в тетради ПД 834, предложил широкую датировку: февраль—декабрь 1824 г. В *Летописи* (С. 441) и *Летописи 1991* (С. 395) стихотворение датировано 15 февраля—декабром 1824 г. При этом на основании письма к брату около 10 ноября 1824 г., в котором Пушкин просит прислать ему в Михайловское книгу Муравьева (Акад. Т. 13. С. 118—119; *Летопись 1999*. Т. 1. С. 456, 515), традиционно считается, что до конца ноября—декабря 1824 г. он «Путешествия» не читал. Возникающее хронологическое противоречие снималось по-разному. Б. В. Томашевский отнес черновой автограф к более позднему времени: по его мнению, Пушкин «просто воспользовался свободным листком» уже заполненной тетради (см.: *Томашевский. Пушкин*, II. С. 48). Заметим, однако, что в тетради ПД 834 нет никаких михайловских записей. В. П. Казарин, Е. В. Черноусова (*Андрейко*) и В. Г. Шавшин, наоборот, датируют стихотворение крымским периодом, полагая, что Пушкин полемизировал не с Муравьевым-Апостолом, а с кем-то из других «скептиков» (см.: *Казарин В. П., Андрейко Е. В., Шавшин В. Г.* Пушкин в Георгиевском монастыре. С. 171—172). Впрочем, по справедливому замечанию О. А. Проскурина (см.: *Пушкин. Поэмы и повести 2007*. С. 360, 2-я паг.), ими не указано ни одного мнения, которое можно было бы квалифицировать как «холодные сомненья». Сам О. А. Проскурин считает, что Пушкин начал писать стихотворение в мае 1824 г., когда еще не знал книги Муравьева, ориентируясь на рецензию Ф. В. Булгарина в «Северном архиве», где кратко резюмировались суждения автора о местоположении храма Дианы: «Взглянув на развалины, или, лучше сказать, признаки развалин древнего Херсонеса, опровергнув мнение Паласа о месте капища Богини Девы и о мысе Партенионе, мнение, будто основанное на словах Страбона, г. Муравьев-Апостол разрушает любимую мечту древних и новых поэтов о пребывании на берегах дикой пустынной Таврии Ифигении, дочери Агамемнона. Нельзя в сем случае не подосадовать на светильник критики, выводящий нас из приятного заблуждения» (СА. 1824. Ч. 10, № 9. С. 156). Неясно, Впрочем, когда в руки Пушкина попал майский номер «Северного архива» и прочел ли он болгаринскую рецензию до конца (предположительно даже до 22-го) мая.

Вопреки устоявшемуся мнению, противоречие между датировкой чернового автографа весной 1824 г. и письмом Пушкина к брату от ноября 1824 г. представляется мнимым. Сама по себе просьба прислать книгу Муравьева говорит лишь о желании Пушкина иметь ее в Михайловском (возможно, как раз для работы над задуманным «Отрывком из письма к Д.»), но вовсе не означает, что до этого Пушкин ее не читал. В одесском окружении Пушкина сочинение Муравьева, судя по всему, вызывало определенный интерес, и какие-то сведения о нем имелись еще до выхода книги в свет. Первые печатные известия о «Путешествии по Тавриде» появились в конце декабря 1823 г. (упоминание в статье А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г. (с. 4), вышедшем 20 декабря 1823 г., и краткая рецензия в № 51 «Сына отечества» от 22 декабря 1823 г. (с. 229—232)). Но уже 4 ноября 1823 г., посылая П. А. Вяземскому рукопись «Бахчисарайского фонтана», Пушкин просил: «Посмотри также в Путешествии Апостола-Муравьева статью Бахчи-сарай, выпиши из нее что поспоснее — да заворижи все это своею прозою...» (Акад. Т. 13. С. 73). 1—8 декаб-

ря 1823 г. Пушкин вновь пишет Вяземскому о «Путешествии»: «Апостол написал свое путешествие по Крыму; оно печатается — впрочем, ожидать его нечего» (Там же. С. 81). Печатная судьба муравьевского «Путешествия» была непростой. Типографские погрешности и плохое исполнение прилагавшейся к книге главной карты Крымского полуострова побудили автора в середине февраля 1824 г. остановить продажу. Исправленное издание появилось в конце апреля (объявление о нем см.: СПбВед. 1824. № 34, 25 апр. С. 456; см. также: Балакин А. Ю. Пушкин и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (в печати)). Тем не менее с ноября по февраль книга продавалась (так, А. И. Тургенев выслал ее Вяземскому по первой же просьбе 29 ноября 1823 г., см.: ОА. Т. 2. С. 368), и у нас нет оснований считать, что она не дошла до своих заинтересованных одесских читателей.

Ст. 5 — 6. *Здесь успокоена была Вражда свирепой эвмениды...* — Орест убил свою мать Клитемнестру и ее любовника Эгисфа, мстя за убитого ими отца, Агамемнона. Как матереубийцу его преследовали богини мщения эринии (эвмениды). По одному из вариантов мифа, отразившемся, в частности, у Эврипида, спастись от эвменид Орест мог, доставив в Грецию деревянный идол Артемиды, за которым и отправился в Тавриду. При бегстве из Тавриды Ифигения, Орест и Пилад увезли статую.

Ст. 7. *Провозвестница* — здесь: прорицательница.

Ст. 15 — 17. *Давно ль с восторгом молодым Я мыслил имя роковое Предать развалинам иным?* — Имеются в виду заключительные стихи послания «К Чадаеву» (1818):

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

(Наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 35)

Ст. 21. *На камне, дружбой освященном...* — Имеется в виду алтарный камень храма Дианы. Ср. описание храма у Овидия (Ех Ponto, III, 2, 49—54):

Templa manent hodie uastis innixa columnis
perque quater denos itur in illa gradus.
Fama refert illic signum caeleste fuisse,
quoque minus dubites, stat basis orba dea
araque, quae fuerat natura candida saxi,
decolor adfuso sanguine tincta rubet.

Там и по нынешний день есть храм, и четырежды десять
К мощным колоннам его в гору ступеней ведут.
Здесь, повествует молва, небесный кумир находился;
Цело подножье его, хоть и пустое, стоит.
Камень алтарный, что был по природе своей белоснежным,
Красным от крови людей сделался, цвет изменив.

(Пер. Э. Морозкиной)

Ср. во французском переводе Ж.-М. де Кервийяра (Kervillars; 1668—1745), которым пользовался Пушкин:

On y voit encore aujourd'hui un temple élevé sur de hautes colonnes, auquel on monte par un escalier de quarante degrés: il y eut là autrefois, si l'on en croit la tradition, une statue de quelque divinité; et ce qui confirme ce qu'on en dit, c'est qu'on y voit encore une base sans aucune statue, et un autel fait de pierre naturellement blanche, mais rougie du sang qu'on y a répandu.

(Œuvres complètes d'Ovide, traduites en français / Ed. imprimée par les soins de J. Ch. Poncelin. Paris, an VII (1798). Т. 7. P. 214—215)

Здесь литературные рефлексy могли поддерживаться и личными впечатлениями от посещения Георгиевского монастыря. Ср. также свидетельство Г. В. Геракова: «Митрополит Хрисанф показывал нам белый камень, отрытый при создании новой церкви, на коем только по-гречески начертан 1747 год. Старец сам недоумевал, что бы означал сей камень» (Гераков Г. В. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям, 1820-го и начала 1821-го. С. 35).

Д(АВЫДОВ)У

(«Нельзя, мой толстый Аристип...»)

(С. 98 и 352)

Автограф (ПД 894) — белой, с поправками, под заглавием: «Д*у / на его приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма / 1824»; на одном листе (бумага № 194 (?); полулист, сложенный вчетверо) с беловым автографом стихотворения «К Б(аратынскому)» («Стих каждый в повести твоей...») (1826), с подписью: «А. П.». Из Древлехранилица М. П. Погодина. Был передан Пушкиным Погодину для публикации в «Московском вестнике» Напечатано: Акад. Т. 2. С. 824 (в виде вариантов; публ. Н. В. Измайлова).

Заглавие вошло:

1) В список из двух названий на заглавном листе тетрадки с текстом первого белового автографа поэмы «Граф Нулин» (здесь под заглавием: «Новый Тарквиний»), ПД 74, л. 1 (предположительно 1827 г., не позднее августа) — в записи: «к Дав—» (см.: Рукою П. 1997. С. 176).

2) В список из двух названий ПД 72, л. 1 (предположительно не позднее мая 1828 г.) — в записи «к Дав.» (см.: Рукою П. 1997. С. 176).

3) В список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 291, л. 2 об. (конец апреля—август 1827 г.) — в записи: «к Давыд.» (см.: Рукою П. 1997. С. 176—177).

4) В список стихотворений, предназначенных для издания, ПД 95, л. 1 об. (конец мая—июнь 1828 г.) — в записи: «Давыдову», под № 16, отмечено условным значком жанра посланий (см.: Рукою П. 1997. С. 179).

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г., под заглавием: «Д***у» (отдел «Послани(я)»).

Впервые: МВ. 1829. Ч. 1. С. 107, под заглавием: «Д..у. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма. (1824)» (заглавие в оглавлении:

«Д—у»), с подписью: «А. Пушкин», с ошибкой в ст. 6 («К брегам полуденной Тавриды» вместо: «К брегам полуденным Тавриды»). Вошло в Ст 1829. Ч. 1. С. 198—199 (отдел стихотворений 1824 г.), под заглавием: «Д***у» (в оглавлении с подзаголовком: «Д***у. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма»), с повторением ошибки в ст. 6 по тексту МВ. Адресат послания впервые указан в печати: Генн. 1859. Т. 1. С. 283.

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829 с исправлением ошибки в ст. 6 по автографу.

Датируется апрелем 1824 г. по содержанию (см. ниже). Беловой автограф датируется декабрем 1828 г., предположительно между 6-м (дата приезда Пушкина в Москву, см.: Летопись 1999. Т. 2. С. 439) и 19-м (дата цензурного разрешения 1-й части «Московского вестника» на 1829 г., где были опубликованы стихотворения «Д(авыдов)у» и «К Б(аратынскому)»).

Журнальная публикация стихотворения несомненно готовилась по автографу ПД 894, переданному Пушкиным М. П. Погодину и сохранившемуся в составе его собрания (даже заглавие журнальной публикации графически точно соответствует автографу). Это позволяет с уверенностью говорить об ошибке в тексте «Московского вестника» в ст. 6 («К брегам полуденной Тавриды»), вероятно допущенной при переписывании стихотворения для подачи в цензуру, впоследствии незамеченной и перешедшей в текст Ст 1829. Эпитет «полуденный» представляется тавтологическим применительно к Тавриде в целом. Речь идет именно о полуденных (южных) берегах Тавриды, иначе говоря, о южном берегу Крыма (ср. заглавие в автографе, в журнальной публикации и в оглавлении Ст 1829).

Послание обращено к Александру Львовичу Давыдову (1773—1833), старшему брату В. Л. Давыдова (см. о нем в примеч. к стихотворению «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...») — наст. т., с. 838—839), сводному брату Н. Н. Раевского-старшего, двоюродному брату А. П. Ермолова и Д. В. Давыдова, мужу Аглаи Антоновны Давыдовой (см. о ней в примеч. к стихотворению «Кокетке» — наст. т., с. 551—552). Пушкин познакомился с А. Л. Давыдовым осенью 1820 г. в Кишиневе, в декабре 1820—январе 1821 г. и в феврале 1821 г. гостил в имении Давыдовых Каменке, откуда в конце января—феврале ездил вместе с Давыдовыми в Киев на «контракты» (ежегодную зимнюю ярмарку). Позднее, в «Table-talk», Пушкин дал глубоко несправедливую характеристику А. Л. Давыдова, представив его совершенным воплощением шекспировского Фальстафа: «В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание. *** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст» (Акад. Т. 12. С. 160). На деле, по воспоминаниям М. Ф. де Рибаса, «Александр Львович был одною из замечательнейших личностей того времени, не только по необыкновенной своей физической силе, громадному росту и непомерной толщине своего туловища, но и по блестящему уму и веселому характеру» (Отзывы о Пушкине с юга России / Собр. В. А. Яковлев. Одесса, 1887. С. 116). Меньше всего его можно было упрекнуть в трусости. А. Л. Давыдов числился в военной службе в Преображенском полку с 1785 г. В 1800 г. он перешел в Кавалергардский полк, с которым участвовал в войне 1805 г. Был ранен под Аустерлицем во время знаменитой атаки кавалергардов. Следующее тяжелое ранение получил в кампанию 1806—1807 гг., которую прошел уже полковником Гродненского гусарского полка. Прини-

мал участие в шведской войне 1808—1809 гг. В отечественную войну 1812 г. был награжден золотым оружием за храбрость и георгиевским крестом. В 1815 г., вернувшись с армией из заграничных походов, вышел в отставку в чине генерал-майора и поселился в семейном имении Каменке. А. Л. Давыдов всегда был любителем вкусно поесть, и это, пожалуй, было его главной слабостью. Как передавал М. Ф. де Рибас со слов самого Давыдова, «будучи в 1815 г. во Франции вместе с оккупационным корпусом и командуя одним из летучих отрядов, он всегда составлял свой маршрут таким образом, чтобы иметь возможность проходить и останавливаться во всех тех местностях, которые славились или приготовлением какого-нибудь особенного кушанья, или производством каких-нибудь редких фруктов и овощей, или, наконец, искусным откармливанием птиц. Таким образом, Александр Львович первый составил гастрономическую карту Франции» (Там же). О А. Л. Давыдове см. также: К биографии Василия Львовича Давыдова. I. [Гершензон М. О.] Василий Львович Давыдов (декабрист) и попутная хроника семьи Давыдовых с 1792 по 1856 год. II. [Гершензон М. О.] К архиву Давыдова : (Хронологическая канва с 1792 по 1855 г.) / Публ. Л. Г. Сахаровой // Российский архив : История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. (Нов. серия). М., 2007. [Вып. 16]. С. 589—665.

Пушкинское послание связано с задуманной новороссийским генерал-губернатором графом М. С. Воронцовым поездкой в Гурзуф на новоселье в недавно купленном им доме герцога А.-Э. Ришелье. Еще 20 декабря 1823 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Что если б ты заехал к нам на юг нынче весною? Мы бы провели лето в Крыму, куда собирается пропасть дельного народа, женщин и мужчин» (Акад. Т. 13. С. 83). Предполагалось, что хозяева и гости отправятся в Гурзуф в середине мая 1824 г., но из-за болезни дочери Воронцовых поездка была отложена до середины июня (см.: Вигель. Ч. 6. С. 167—168, 173). Пушкин, однако, в число приглашенных не попал. Узнать об этом определенно он, судя по всему, должен был в апреле 1824 г., когда сборы шли полным ходом и Воронцов щедро раздавал знакомым приглашения (см.: Там же. С. 167), но из-за ухудшившихся отношений не пригласил Пушкина. Вероятно, Пушкин отвечает на какое-то несохранившееся письмо А. Л. Давыдова, в то время отсутствовавшего в Одессе и предполагавшего, что Пушкин тоже едет в Гурзуф.

Ст. 1. *Нельзя, мой толстый Аристип...* — Аристипп (род. ок. 435 г. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель киренской школы (названной так по месту рождения Аристиппа — городу Кирене). Ученик Сократа, считавшего высшим благом сочетание добродетели со счастьем, Аристипп развивал этические принципы своего учителя в направлении последовательного гедонизма, усматривая цель человеческого существования исключительно в наслаждении (которое, впрочем, мыслилось им как наслаждение разумное и морально облагоустроенное). Имя Аристиппа стало нарицательным для обозначения гедониста. Ср. ст. 2 в стихотворении «(Из письма к Вяземскому)» (1825): «Сатирик и поэт любовный, / Наш Аристип и Асмодей...» (Акад. Т. 2. С. 419); «Аристипом Всеволодовичем» называл Пушкин Н. В. Всеволожского в письме к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 101).

Ст. 9 — 10. *Когда чахоточный отец Немного тощей Энеиды...* — Имеется в виду Публий Вергилий Марон (Vergilius; 70—19 до н. э.) и его эпическая поэма «Энеида» (начата в 29 г. до н. э.). Называя Вергилия чахоточным, Пушкин, вероятно, исходил из специфических симптомов, которые были описаны в биографии

поэта, созданной историографом Гаем Светонием Транквиллом (Gaius Svetonius Tranquillus; ок. 70—после 122) и дошедшей до нас в переложении ритора Элия Доната (Aelius Donatus; сер. IV в.; считался автором текста до начала XX в.): «Corporis et statura fuit grandi, aquilo colore, facie rusticana, varia valetudine. nam plerumque a stomacho et a faucibus ac dolore capitis laborabat, sanguinem etiam saepe reiecit» (Он был большого роста и крупного телосложения, лицом смуглый, походил на крестьянина и не отличался крепким здоровьем; особенно страдал он животом, горлом, головной болью и часто отхаркивался кровью — *лат.*) (Svet., Vita Vergilii: 25—28). Пассаж о здоровье Вергилия множество раз воспроизводился (анонимно или под именем Доната) и пересказывался во французских жизнеописаниях римского поэта в течение XVIII и начала XIX в., вплоть до детских и справочных изданий. См., например: «Virgile était d'assez grande taille, il avait le teint basané, l'air niais, une santé équivoque. Il était souvent incommodé par des maux d'estomac, de gorge et de tête, et quelquefois même par des crachemens de sang» (Вергилий имел достаточно крупное сложение, цвет лица смуглый, наружность простеца, здоровье шаткое. Его часто тяготили боли в животе, горле и голове, а иногда даже кровохарканье — *фр.*) (La vie de Virgile par un Auteur incertain // Œuvres de Virgile, en latin et en français. Lyon, 1803. Т. 1. Р. XI). Нередко информация о кровохарканье соседствовала во французских источниках со сведениями о смерти Вергилия, а иногда даже сопрягалась с ними причинно-следственной связью: «La santé de se Poëte avait toujours été faible et chancelante; il était sujet aux maux d'estomac et de tête, et aux crachemens de sang: aussi mourut-il au milieu de sa carrière» (Здоровье этого Поэта всегда было слабым и шатким; у него бывали боли в животе и голове, также и кровохарканья, потому и умер он в середине своей карьеры — *фр.*) (Nouveau dictionnaire historique, ou Histoire abrégée de tous les hommes... Paris, 1772. Т. 5. Р. 733); «Des crachemens de sang terminèrent sa vie: il n'avait que 52 ans» (Кровохарканья прекратили его жизнь: ему не было еще 52 лет — *фр.*) (Savérien A. Histoire des progrès de l'esprit humain dans les sciences et dans les arts qui en dépendent. Paris, 1777. Р. 430). Характеристика «немного тощая» применительно к «Энеиде» имеет в виду не только небольшой объем Вергилиевой эпопеи (задуманная как римская параллель поэмам Гомера, «Энеида» значительно уступает им по размеру: в отличие от «Илиады» и «Одиссеи», состоящих каждая из двадцати четырех песней, она состоит всего из двенадцати книг). Французское прилагательное «maigre» («худой», «тощий») в своем переносном значении («посредственный») широко употреблялось в литературной терминологии. См., например, в песни III «Поэтического искусства» («L'Art poétique», 1674) Н. Буало (Boileau-Despréaux; 1636—1711): «Lui-même, applaudissant à son maigre génie, / Se donne par ses mains l'encens qu'on lui dénie» (Он сам рукоплещет своему посредственному гению и кадит себе фимиам, в котором ему было отказано — *фр.*) (Boileau-Despréaux N. Œuvres. Paris, 1766. Т. 1. Р. 249); см. сочетание обоих значений в переводе «Поэтики» Аристотеля Ш. Баттё (Batteux; 1713—1780): «Si dans l'Europe il n'y a qu'une seul action, le poëme paraît maigre et tronqué» (Если в эпопее лишь одна линия в развитии действия, поэма выглядит посредственной (тощей) и неполноценной — *фр.*) (Les quatre Poétiques d'Aristote, d'Horace, de Vida, de Despréaux... Paris, 1771. Т. 1. Р. 243). См. в «гимне» Д. В. Дашкова «Венчание Шутовского» (1815): «Поэмы, тощи водевили...» («Арзамас» 1994. Кн. 1. С. 241); у самого Пушкина в наброске статьи о В. Гюго («Всемирно известно, что французы народ самый anti-поэтический...»): «Не знаю, признались (ли) наконец они в тощем и вялом однообразии своего Ламартина...» (Акад. Т. 11. С. 219).

Ст. 11—12. *Ему Гораций, умный льстец, Прислал торжественную оду...* — Речь идет об оде Квинта Горация Флакка (Nogatius; 65—8 до н. э.) на отъезд Вергилия в Грецию (I, 3), написанной в 19 г. до н. э. (подробнее см. об этой оде в примеч. к стихотворению «Кораблю» — наст. т., с. 908—909). Характеристика Горация — «умный льстец», «Августов певец» (ст. 14), автор «льстивых од» (ст. 16) — основана на характерном для Пушкина восприятии Горация как придворного стихотворца императора Октавиана Августа (63 до н. э.—14 н. э.), писавшего стихотворные панегирики Августу и другу Августа, своему покровителю Гаю Цильнию Меценату (род. ок. 70 до н. э.).

«ОХОТНИК ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ...»

(С. 99 и 353)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 29 — белой, с поправкой. Стихотворение занимало пятое место среди шести нумерованных римскими цифрами эпиграмм (предыдущий лист с первыми четырьмя эпиграммами вырван, на корешке сохранились концы стихов записанного третьим стихотворения «Жалоба» (1823)). Напечатано: Майков. Материалы. С. 226 (в виде вариантов; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Ст 1826. С. 100 (отдел «Эпиграммы и надписи»). Вошло без изменений в Ст 1829. Ч. 2. С. 154 (отдел стихотворений разных годов).

Заглавие вошло в Тетр. Капниста (Кап) в отдел «Эпиграммы, надписи и пр.» — в записи: «Другая. Охотник до журнальной драк(и)...» (перед этим записано и зачеркнуто заглавие эпиграммы на М. Т. Каченовского: «„Надпись к портрету” («Клеветник без дарованья и проч.»»)). Напечатано: Майков. Автографы П. С. 578.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Печатается по Ст 1829.

Датируется серединой апреля 1824 г. (см. ниже). Автограф в тетради ПД 833 датируется сентябрем 1824 г. (см. примеч. к стихотворению «Жалоба» — наст. т., с. 740).

Эпиграмма направлена против редактора журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовского и вызвана литературной полемикой, которая развернулась вокруг статьи П. А. Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», напечатанной вместо предисловия к отдельному изданию «Бахчисарайского фонтана» (М., 1824; выход в свет 10 марта). Написать «предисловие или послесловие» Вяземского просил сам Пушкин, посылая ему 4 ноября 1824 г. из Одессы рукопись поэмы (Акад. Т. 13. С. 73). Ранее, 19 августа 1823 г., Пушкин писал Вяземскому по поводу возможного переиздания «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника»: «...возьми на себя это 2 издание и освяти его своею прозой, единственною в нашем прозаическом отечестве. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику — стань за немцев и англичан — уничтожь этих маркизов классической поэзии...» (Там же. С. 66). В своем «Разговоре» Вяземский частично выполнил пушкинские рекомендации, связав проблему романтической поэзии с проблемой народности и с внутренней оппозицией национальных литератур чуждым им французским классицистическим канонам. Получив издание, Пушкин в начале апреля 1824 г. писал Вяземскому: «Не знаю, как тебя благодарить; „Разговор” прелесть, как мысли, так и блистательный образ их выражения.

Суждения неоспоримы. Слог твой чудесно шагнул вперед» (Акад. Т. 13. С. 91). «Разговор» Вяземского был полемически заострен против «антиромантических» журналов, и выпады против «Вестника Европы» М. Т. Каченовского и «Благонамеренного» А. Е. Измайлова Вяземский не снял, несмотря на прямую просьбу цензуровавшего статью А. Ф. Мерзлякова (см. в письме Мерзлякова к Вяземскому от 26 февраля 1824 г.: «На что впутывать сюда „Вестника Европы” и „Благонамеренного”? — Ваше сиятельство! пощадите их! — и что убудет или прибудет в вашей пиесе, если вы обойдетесь без неприятностей говорить на лица прямо?» — *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 103). Ответ «Вестника Европы» не заставил себя ждать. В № 5 за 1824 г. (выход в свет 27 марта) были напечатаны «Второй разговор между Классиком и Издателем „Бахчисарайского фонтана»» (С. 47—62; подпись: «N») и письмо в редакцию (С. 76—78; подпись: «Бывший журнальный клевет»), содержавшие резкие высказывания в адрес Вяземского и насмешки над его стихотворениями. «Второй разговор» (как, вероятно, и письмо в редакцию) был написан постоянным сотрудником «Вестника» М. А. Дмитриевым, племянником И. И. Дмитриева. Его авторство было раскрыто в ходе дальнейшей полемики, но первое время статью приписывали М. Т. Каченовскому. Так прежде всего считал сам Вяземский, адресовавший Каченовскому статью «О литературных мистификациях, по случаю напечатанного в 5-й книжке „Вестника Европы” второго, и подложного, разговора между Классиком и Издателем „Бахчисарайского фонтана»» (ДЖ. 1824. Ч. 6, № 7. С. 33—39; выход в свет 9 апреля, см.: П. в критике, I. С. 406). См. также аналогичное мнение братьев Мухановых в письме В. А. Муханова к Н. А. Муханову от 27 марта 1824 г. (*Щукинский сборник*. М., 1907. Вып. 5. С. 271). Только 10 апреля 1824 г. Вяземский сообщил А. И. Тургеневу: «За Каченовского ополчился на меня Дмитриев-племянник. По крайней мере, таков общий голос...» (ОА. Т. 3. С. 31). Пушкин выступил в защиту Вяземского с «Письмом к издателю „С(ына) о(течества)»» (СО. 1824. Ч. 93, № 18. С. 181—182; выход в свет 3 мая; Акад. Т. 11. С. 20), написанным и отосланным в журнал сразу по получении в Одессе № 5 «Вестника Европы», около середины апреля 1824 г. Тем же временем следует датировать и его эпиграмму, ставшую известной в Петербурге в начале мая 1824 г.: ее упоминает в связи с полемикой Я. И. Сабуров в письме к брату Александру от 12 мая 1824 г.: «Что касается до умных людей — то ты представить себе не можешь, как они глупы, что доказывается теперь журнальной бранью — ветеран в остроте и литературе Вяземский побранился с малыми и старыми москвичами — и война — и за него, и против него — отовсюду загорелась. Посыпались пасквили, эпиграммы, рассуждения, насмешки, личности — одна другой злее и одна другой глупее, — а куда спрятался ум — и не отгадаешь; вот, например, Пушкина, которая еще всех действительнее» (далее следует текст эпиграммы) (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 44; публ. Т. Г. Цявловской).

Полемика вокруг предисловия Вяземского, в которую оказались вовлечены многие литераторы (А. И. Писарев, М. М. Карниолин-Пинский, Ф. В. Булгарин), продолжалась несколько месяцев, сопровождаясь ожесточенной эпиграмматической войной. Откомментированный свод материалов полемики см.: П. в критике, I. С. 151—189, 401—415.

Ст. 4. *Слюнею бешеной собаки.* — Ср. в сделанных В. Ф. Щербаковым (1810—1878), библиофилом, знакомым М. П. Погодина, записях разговоров Пушкина: «Некстатии Каченовского называют собакой, — сказал Пушкин, — ежели же

и можно так называть его, то собакой беззубой, которая не кусает, а мажет слюнями» (П. в восп. Т. 2. С. 36; запись Щербакова относится, по-видимому, ко времени пребывания Пушкина в Москве в сентябре 1826—мае 1827 г.).

〈НА ВОРОНЦОВА〉

(«Полу-милорд, полу-купец...»)

(С. 100 и 353)

Автограф (ПД 1280) — беловой, без заглавия, в письме Пушкина к кн. П. А. Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 г. Напечатано: Барсуков Н. П. Письма А. С. Пушкина, бар. А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к кн. П. А. Вяземскому 1824—1843 годов // СиН. СПб., 1902. Т. 5. С. 13.

Копии:

- 1) Листы из бумаг Шаховской (Шах) — без заглавия, с ошибкой в ст. 3.
- 2) П. П. Бекетова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 71) (Бек) — под заглавием: «Эпиграмма на гр. М. С. Ворон.....», с подписью: «Алд. Пушкин»; на отдельном листе, предположительно 1820-х гг.
- 3) Листы из тетр. Гаевского (Гаев) — под заглавием: «На Воронцова».
- 4) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «На князя Воронцова».
- 5) Вторая тетр. Ростопчиной (Рост₂) — под заглавием: «На князя Мих. Сем. Воронцова».
- 6) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «Графу Воронцову».
- 7) Тетр. Якушкина (Якуш) — под заглавием: «На Воронцова».
- 8) Тетр. Гаевского (Гв) — под заглавием: «На Воронцова».
- 9) Из материалов Гаевского в архиве В. Е. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 103) (Гаев—Якуш) — под заглавием: «На Воронцова»; на одном листе с эпиграммами на князя А. Н. Голицына («Вот Хвостовой покровитель...») и на Ф. В. Булгарина («Не то беда, что ты поляк...»).
- 10) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «На Воронцова».
- 11) П. А. Ефремова (Ефр) — под заглавием: «На кн. Воронцова».

Копии, бывшие в распоряжении Н. В. Гербеля и Н. П. Огарева, по которым ими были осуществлены публикации эпиграммы (см. ниже), неизвестны.

Впервые: Герб. С. 100, под заглавием: «Графу В—ву»; РПЛ. С. 80 (публ. Н. П. Огарева), под заглавием: «Воронцову». В России впервые: в статье Н. В. Гербеля «Для будущего полного собрания сочинений Пушкина» (РА. 1876. Т. 3, № 10. С. 230) (РА), без заглавия.

Все известные копии и публикации дают текст эпиграммы в редакции, отличной от текста автографа. Копия во Второй тетр. Долгорукова (Долг) дает искаженный и произвольно переделанный текст.

В собрания сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по Герб.

Датируется серединой февраля—июнем 1824 г.; наиболее вероятной представляется датировка серединой февраля—серединой марта 1824 г.

Адресат эпиграммы — граф (с 1845 г. князь) Михаил Семенович Воронцов, сын русского посланника в Англии в 1785—1806 гг. графа С. Р. Воронцова

(1744—1832), выросший в Лондоне и всю жизнь оставшийся поклонником Англии и ее традиций, генерал-адъютант, герой войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, в 1815—1818 гг. — командующий русским оккупационным корпусом во Франции, с 19 мая 1823 г. — новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области, в 1844—1853 гг. — главнокомандующий войск на Кавказе и наместник Кавказский. Воронцов являл собой тип просвещенного вельможи и, по общему признанию современников, был одним из замечательных людей своего времени. Как свидетельствовал близко знавший его В. А. Соллогуб, Воронцов отличался «холодной и беззаботной храбростью» и «обладал в высшей степени тремя очень редкими между русскими людьми качествами: необыкновенной настойчивостью, непреклонной твердостью убеждений и самой утонченной вежливостью». «Правда, — добавляет Соллогуб, — вежливость эта подчас становилась почти оскорбительна, так как она безразлично относилась ко всем...» (*Соллогуб В. А. Воспоминания*. М.; Л., 1931. С. 431, 436). Пушкин, хлопотами петербургских друзей переведенный летом 1823 г. под начальство Воронцова, впервые встретился с графом вскоре после его приезда в Одессу 21 июля 1823 г. и был принят «очень ласково», что, впрочем, не помешало ему сразу заявить: «На хлебах у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно...» (см. письмо Пушкина к брату от 25 августа 1823 г. — *Акад. Т. 13. С. 67*). Пушкин пользовался книгами из воронцовской библиотеки, с ноября 1823 г., после того как начала принимать графиня Елизавета Ксаверьевна, он сделался частым посетителем дома Воронцовых. Однако взаимное недоброжелательство Пушкина и Воронцова было, видимо, предопределено некоторыми личными особенностями графа. Ф. Ф. Вигель, познакомившийся с Воронцовым еще во время его службы во Франции, вспоминал: «Надобно, однако же, предполагать в нем нечто необычайное, покоряющее ему людей, несмотря на все его слабости. Мобеж был полон его именем, оно произносилось на каждом шагу и через каждые пять минут. Он составил дружину из преданных ему душою, окружающих его людей. Для них имел он непогрешимость папы; он не мог сделать ничего несправедливого или неискусного, ничего сказать неуместного; беспрестанно грешили они против заповеди, которая говорит: не сотвори себе кумира. Не быв царем, вечно слышал он около себя лесть, только чистосердечную, энтузиазмом к нему произведенную. Оттого привычка быть обожаемым обратилась у него в потребность; он стал веровать только в себя и в приближенных своих, а на всех прочих смотрел с жесточайшим презрением» (*Вигель. Ч. 5. С. 139—140*). Подчеркнутая независимость поведения Пушкина не могла не вызывать раздражения Воронцова. Пушкин, вполне очевидно, платил графу тем же. С марта 1824 г. в частной переписке Воронцова появляются негативные отзывы о Пушкине. 6 марта 1824 г. Воронцов писал П. Д. Киселеву: «Что же касается Пушкина, то я говорю с ним не более 4 слов в две недели, он боится меня, так как знает прекрасно, что при первых дурных слухах о нем я отправлю его отсюда и что тогда уже никто не пожелает взять его на свою обузу (...) не люблю его манер и не такой уж поклонник его таланта...» (*ПИС. Л., 1928. Вып. 37. С. 140*; публ. А. А. Сиверса; *Аринштейн Л. М. К истории высылки Пушкина из Одессы: Легенды и факты // ПИМ. Л., 1982. Т. 10. С. 291*). В письме к тому же адресату от 28 марта 1824 г. он прямо высказал желание избавиться от Пушкина: «Я говорил здесь с людьми, желающими добра Пушкину, и результат тот, что я напишу Нессельроде, чтобы просить его перевести Пушкина в другое место. Здесь слишком много народа и особенно людей, которые льстят его самолюбию, поощряя его глупостями, причиняющими ему много зла» (*ЛН. М., 1952. Т. 58*).

С. 42; публ. И. С. Зильберштейна). В тот же день Воронцов конфиденциально обратился к графу К. В. Нессельроде с просьбой о переводе Пушкина в другую губернию: «Здесь находятся люди (и их будет еще больше во время купального сезона), которые, будучи чрезмерными поклонниками его поэзии, думают, что оказывают ему дружескую услугу, восхваляя его, а на деле поступают как враги, заставляя его терять голову и убеждая его, что он видный писатель, в то время как он всего лишь слабый подражатель мало достойного оригинала (лорда Байрона), и только труд и упорное изучение подлинных великих классических поэтов могут сделать плодотворным счастливое дарование, в котором ему нельзя отказать. — Поэтому удаление его отсюда было бы лучшей услугой для него» (Летопись 1999. Т. 1. С. 383—384; А. С. Пушкин : Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007. С. 416; оригинал по-фр.). 8 апреля, сообщая Н. М. Лонгинову о своем желании избавиться от Пушкина, Воронцов писал: «...ничего не хочет делать и проводит время в совершенной лени...» (цит. по: *Модзалевский Б. А.* К истории ссылки Пушкина в Михайловское // *Модзалевский. С.* 143). Внутренний конфликт Пушкина с Воронцовым разрешился 22 мая 1824 г., когда Пушкин в числе других мелких чиновников канцелярии наместника получил предписание отправиться в командировку на борьбу с саранчой. Глубоко оскорбленный столь демонстративным указанием ему на место в общественной иерархии, Пушкин по возвращении, 2 июня, подал прошение об отставке, результатом чего стало исключение его из службы и высылка в Михайловское.

Вопрос о точном времени написания пушкинской эпиграммы остается открытым. Большинство издателей она связывалась с командировкой на саранчу. В Ефр. 1880 (Т. 1. С. 452) и АН 1900—29 (Т. 3. С. 211) помещена в корпусе стихотворений после шуточного отчета Пушкина о его командировке — экспромта «Саранча / Летела, летела...». В Ефр. 1887 (Т. 1. С. 333), Мор. 1887 (Т. 1. С. 302), Мор. 1903—06 (Т. 1. С. 349) датирована июнем 1824 г.; в КН (Т. 1. С. 251; Т. 2. С. 321) и последующих изданиях до Асад. в 6 т. (Т. 1. С. 367, 727) — маем—июнем 1824 г. Иная датировка эпиграммы, предложенная М. А. Цявловским в Акад. (Т. 2. С. 1137), — предположительно январь—март 1824 г., — по-видимому, основана на воспоминаниях И. П. Липранди. Липранди и Н. С. Алексеев, бывшие в Одессе в середине февраля 1824 г., заметили, что Пушкин «был недоволен своим пребыванием относительно общества, в котором он, как говорится, более или менее вращался», и нашли в нем «какое-то ожесточение» (П. в восп. Т. 1. С. 339—340). «До отъезда Пушкина, — пишет далее Липранди, — я был еще раза три в Одессе и каждый раз находил его более и более недовольным (...). Мрачное настроение духа Александра Сергеевича породило много эпиграмм, из которых едва ли не большая часть была им только сказана, но попала на бумагу и сделалась известной. Эпиграммы эти касались многих и из канцелярии графа, так, например, про начальника отделения Артемьева особенно отличалась от других своими убийственными, но верными выражениями. Стихи его на некоторых дам, бывших на бале у графа, своим содержанием раздражали всех. Начались сплетни, интриги, которые еще более раздражили Пушкина. Говорили, что будто бы граф, через кого-то, изъявил Пушкину свое неудовольствие и что это было поводом известных стихов к портрету. — Услужливость некоторых тотчас же распространила их. Не нужно было искать, к чьему портрету они метили. Граф не показал вида какого-либо негодования: по-прежнему приглашал Пушкина к обеду, по-прежнему обменивался с ним несколькими словами. — Но не то Александр Сергеевич думал видеть в графине, заметно сделавшейся холоднее, и, конечно, Пушкин опять-таки имел неосторожность

при недоброжелательных ему лицах сказать, что холодность эта происходит „не за подпись к портрету, а за стихи на бал” и пр. — Через несколько времени получены были из разных мест известия о появлении саранчи...» (Там же. С. 342—343). Липранди, таким образом, выстраивает совершенно определенную внутреннюю хронологию событий: пушкинская эпиграмма — какой-то достаточно продолжительный период, когда оскорбленный Воронцов скрывает свое негодование, — командировка на саранчу. Исходя из рассказа Липранди, датировка Цявловского все же должна быть несколько сужена. Верхнюю ее границу следует отнести не к январю, а к середине февраля 1824 г., поскольку находившийся в это время в Одессе Липранди еще ничего не слышал об эпиграмме, а узнал о ней позднее или от кого-то из знакомых, или в следующие приезды в Одессу в июне—июле 1824 г. (см.: *Абрамович С. Л. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым // Звезда. 1974. № 6. С. 195*). Нижняя граница, которую Цявловский, по-видимому, определял решением Воронцова удалить Пушкина из Одессы, высказанным в письмах к П. Д. Киселеву и К. В. Нессельроде от 28 марта (см. выше), представляется очень вероятной. Вернуться к датировке эпиграммы временем командировки на саранчу, 22 мая—8 июня 1824 г., предложила С. Л. Абрамович (см.: *Абрамович С. Л. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым. С. 194—197; Летопись 1991. С. 420; Летопись 1999. Т. 1. С. 400*). Попытки исследовательницы дезавуировать рассказ Липранди, доказав, что в нем нет хронологической последовательности, представляются недостаточно аргументированными и совершенно игнорируют ту несомненную психологическую достоверность, с которой описывает Липранди реакцию Воронцова («не показал вида какого-либо негодования»), а нижняя граница предложенной датировки (8 июня — день подачи Пушкиным прошения об отставке) ничем не мотивирована. В письме же В. Ф. Вяземской к П. А. Вяземскому, приводимом С. Л. Абрамович в пользу своей аргументации, вероятно, речь вообще не идет об эпиграмме. Вяземская, приехавшая в Одессу 7 июня 1824 г., 13 июня сообщила мужу о Пушкине: «Я делаю все, что могу, чтобы успокоить его; браню его от твоего имени, уверяя его, что, разумеется, ты первый признал бы его виноватым, так как только ветреник мог так набедокурить. Он захотел выставить в смешном виде важную для него особу — и сделал это; это стало известно и, как и следовало ожидать, на него не могли больше смотреть благосклонно» (ОА. Т. 5, вып. 2. С. 103; оригинал по-фр.). Выражения «набедокурить» и «выставить в смешном виде» вряд ли можно отнести к грубо оскорбительному пушкинскому четверостишию, скорее всего, здесь имеется в виду экспромт про саранчу. Ср. также в письме В. Ф. Вяземской к мужу от 19 июля: «Почему ты так темно говоришь нам о деле Пушкина? Отсутствие графа Воронцова служит причиной, что мы ничего не знаем. Как могло это дело плохо обернуться? Он виноват только в ребячестве и в том, что не без оснований обиделся на то, что его послали ловить саранчу, и то он не послушался. Он съездил туда, а вернувшись, подал в отставку, потому что его самолюбие было затронуту. Вот и все» (Там же. С. 132; оригинал по-фр.). Возможно, В. Ф. Вяземская в это время еще не знала об эпиграмме, но это как раз свидетельствует, что пушкинские стихи в начале июня не были новостью. Тем не менее полностью отвергнуть майскую—июньскую датировку, видимо, нельзя. Так, С. М. Салтыкова, будущая жена А. А. Дельвига и ученица П. А. Плетнева, несомненно с их слов, сообщала своей подруге А. Н. Семеновой в Оренбург 13 октября 1824 г.: «Кстати: дорогой наш Пушкин выслан в деревню к своему отцу за новые шалости; ты знаешь, что он был при Воронцове, — так вот последний дал ему поручение, для исполнения которого он должен был непременно

уехать, он же ничего не сделал и написал сатиру на Воронцова» (*Модзалевский Б. Л. Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельвиг // Модзалевский. С. 234*).

Неясно, насколько апокрифичен рассказ П. И. Бартенева, являющийся своего рода иллюстрацией к воспоминаниям Липранди: «Тем не менее, хоть и реже прежнего, он появлялся на даче Рено у княгини Воронцовой. После известной его эпиграммы на ее мужа (в которой потом сам он раскаивался), конечно, обращались с ним очень сухо. Перед каждым обедом, к которому собирались по несколько человек, княгиня-хозяйка обходила гостей и говорила каждому что-нибудь любезное. Однажды она прошла мимо Пушкина не говоря ни слова и тут же обратилась к кому-то с вопросом: „Что нынче дают в театре?“ Не успел спрошенный открыть рот для ответа, как подскочил Пушкин и, положив руку на сердце (что он дельвивал, особливо когда отпускал свои остроты), с улыбкою сказал: „La sposa fidele, comtesse” («Верная супруга, графиня»). Та отвернулась и воскликнула: „Quelle impertinence!” («Какая наглость!»)» (*РА. 1886. Т. 3, № 5. С. 188*). Сведения Бартенева об отношениях Пушкина с Воронцовой во многом почерпнуты из поздних рассказов В. Ф. Вяземской (см.: *Цявловский М. А. Из записей П. И. Бартенева : (О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1969. Т. 28, вып. 3. С. 267—276*), что не позволяет ими вовсе пренебречь. Бартенов, однако, относит этот эпизод к моменту пушкинской отставки летом 1824 г.

Эпиграмма дошла в двух редакциях. Одна («Полу-милорд, полу-купец...») распространялась в списках и была широко известна современникам. Ср. также отсылку к ней в письме Н. С. Алексеева к Пушкину от 30 октября 1826 г.: «...счастье по службе ко мне было постоянно: за все поручения, мною выполненные с усердием, полу-милорд наградил меня благодарностью и несколько раз пожатием руки...» (*Акад. Т. 13. С. 300*). См. также парафразу из нее в четверостишии «Надпись к дому, в котором жил поэт Баратынский в Гельзенфорсе»:

Случайный гость пустыни финской,
Полу-шалун, полу-мудрец,
Полу-солдат, полу-певец,
Здесь жил когда-то Баратынский.

(ЛПРИ. 1831. № 20, 11 марта. С. 59;
подпись: Загорский; автором при этом
не мог быть М. П. Загорский,
умерший 30 июля 1824 г.)

Другая редакция («Полу-герой, полу-невежда...») приводится Пушкиным в письме к П. А. Вяземскому из Михайловского от 8 или 10 октября 1824 г.: «О моем житье-бытье ничего не скажу. Скучно вот и все. Каков гр(аф) Воронцов?» (далее следует текст) (Там же. С. 111). После публикации пушкинского письма в 1902 г. этому тексту отдавалось предпочтение в основном корпусе пушкинских собраний (от Венг. до Акад. в 6 т.; исключение АН 1900—29 (Т. 3. С. 211; публ. П. О. Морозова) и Брюс. (С. 206; текст второй редакции приведен здесь же в примечании)). М. А. Цявловский в Акад. вернулся к первому варианту эпиграммы. Хотя редакция «Полу-милорд, полу-купец...», несомненно, была более распространена, вторая тоже, по-видимому, имела какое-то хождение. В рассказе Липранди, нетвердо помнившего пушкинские стихи, можно видеть следы знакомства с обеими редакциями:

«Сколько помню, в них находились следующие выражения: „Полу-милорд, полу-герой, полу-купец, полу-подлец, и есть надежда, что будет полным наконец”. Кажется, было еще что-то, не помню, как все это было расположено, но помню положительно, что начиналось: „полу-милорд” и оканчивалось „и будет полным наконец”. Пушкин заверял меня, что стихи эти написаны не были, но как-то раза два или три им были повторены и так попали на бумагу» (П. в восп. Т. 1. С. 342). Возможно, ко второму варианту эпиграммы восходит копия в утраченной в настоящее время тетради из собрания И. Е. Забелина, начинавшаяся стихом: «Полу-глупец, полу-невежда...» (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 447). Существование двух редакций обыгрывает и сам Пушкин в письме к Жуковскому от 29 ноября 1824 г.: «Но полу-милорд Воронцов, даже не полу-герой. Мне жаль, что он бессмертен твоими стихами, а делать нечего» (Акад. Т. 13. С. 124). Говоря о стихах Жуковского, которыми «бессмертен» Воронцов, Пушкин имел в виду, посвященные ему строфы из «Певца во стане русских воинов» (1812), вполне возможно отозвавшиеся в его эпиграмме:

Наш твердый Воронцов, хвала!
 О други, сколь смутилась
 Вся рать славян, когда стрела
 В бесстрашного вонзилась;
 Когда полмерть, окровавлен,
 С потухшими очами,
 Он на щите был изнесен
 За ратный строй друзьями.
 <.....>
 И в их сердцах героя речь
 Веселье пробуждает...
 (Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 232)

По мнению С. Л. Абрамович (см.: *Абрамович С. Л. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым. С. 198*), в подтексте игры словами «полу-» / «полный» мог скрываться язвительный намек: в декабре 1823 г. Воронцов был обойден при производстве и не получил следующий ему чин полного генерала, что болезненно переживал, видя в этом откровенный знак высочайшего неблагоприятия (см. письмо Воронцова к П. Д. Киселеву от 6 марта 1824 г. — Пис. Вып. 37. С. 137—138, 140—141; *Аринштейн Л. М. К истории высылки Пушкина из Одессы. С. 289—290*).

(НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА)

(«Вот Хвостовой покровитель...»).

(С. 101 и 353)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) А. Е. Измайлова в письме к П. Л. Яковлеву от 25 ноября 1824 г. (ИРЛИ, № 14163, л. 57 об.) (Изм) — без заглавия, с предупреждением: «Дошли ли до тебя следующие новые стихи Пушкина?». Напечатано: ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 48

(указание на источник; публ. Л. Н. Назаровой); *Левкович Я. Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // ПИМ. Л., 1978. Т. 8. С. 165.

2) Первая тетр. Долгорукова. Ч. 2 (Дол₂) — под заглавием: «На К. А. Н. Г.».

3) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — под заглавием: «Эпиграмма на Г.....», исправленном позднее карандашом на: «Эпиграмма на кн. А. Н. Г.».

4) Вторая тетр. Ростопчиной. Ч. 2 (Рост₂) — под заглавием: «На князя Алекс. Ник. Голицына».

5) Тетр. Бартенева (Бар) — под заглавием: «На Голицына». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 513 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

6) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «На него же», после эпиграмм «Он добрый малый, брат сестрицам...» и «Полу-фанатик, полу-плут...», имеющих общее заглавие: «На князя А. Н. Голицына»; с примечаниями после текста.

7) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «К портрету кн. А. Н. Голицына».

8) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233 (Полт.), к. 49, № 9, с. 51) (Полт₂) — под заглавием: «На Голицына»; писарская, в переплетенной тетради со списками стихотворений Пушкина и псевдопушкининой.

9) Кн. П. В. Долгорукова из архива Зимнего дворца в ГАФКЭ (из собрания Лобанова-Ростовского) (ПД, ф. 244, оп. 4, № 201) (Дл) — под заглавием: «Стихи А. С. Пушкина на князя А. Н. Голицына».

10) Тетр. Якушкина (Якуш) — под заглавием: «На кн. Голицына».

11) Е. И. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 104, л. 20 об.) (Якуш₁) — под заглавием: «На Голицына», с позднейшей припиской: «(министра народного просвещения)». В составленном Е. И. Якушкиным во второй половине 1850-х гг. сборнике копий произведений Пушкина (в переплете, с тиснением на корешке: «Сочинения Пушкина»; из собрания В. Е. Якушкина).

12) Тетр. Гаевского (Гв) — под заглавием: «На князя П. Н. Голицына» (с ошибкой в первом инициале).

13) Из материалов Гаевского в архиве В. Е. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 4, № 103) (Гаев—Якуш) — под заглавием: «На князя А. Н. Голицына»; на одном листе с эпиграммами на графа М. С. Воронцова («Полу-милорд, полу-купец...») и на Ф. В. Булгарина («Не то беда, что ты поляк...»).

14) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «На кн. Голицына».

15) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «На кн. А. Н. Голицына».

Копии 2, 3, 6, 7, 9 и 13 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 617 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копии, бывшие в распоряжении Н. В. Гербея и Н. П. Огарева, по которым ими были осуществлены публикации стихотворения, и копия, бывшая в распоряжении Г. С. Чирикова (Чир), по которой им были приведены ст. 7—8 и вариант ст. 3 (см. ниже), в настоящее время неизвестны.

Кроме разночтений в заглавии, копии Рост₂, Якуш, Якуш₁, Гв, Даш, Е и публикация Герб. дают совпадающий текст.

Впервые: Герб. С. 98, под общим заглавием «Князю А. Н. Голицыну» с эпиграммами «Полу-фанатик, полу-плут...» и «Он добрый малый, брат сестрицам...»; РПЛ. С. 86 (публ. Н. П. Огарева) — под заглавием: «Кн. А. Н. Голицыну», с дополнительным вариантом к ст. 7—8. В России впервые: Ефр. 1880. Т. 1. С. 212 (ст. 1—6); *Чириков Г. С.* Заметки на новое издание сочинений Пушкина // РА.

1881. Т. 1, № 1. С. 178 (ст. 7—8 и вариант к ст. 3; ст. 7—8 перепечатаны: Ефр. 1880. Т. 5. С. 531).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1 (ст. 1—6); Т. 5 (ст. 7—8). Печатается по Герб.

Датируется предположительно июнем—началом июля 1824 г.

В Ефр. 1880 (Т. 1. С. 212), Ефр. 1882 (Т. 1. С. 199), Ефр. 1887 (Т. 1. С. 159), Мор. 1887 (Т. 1. С. 195) и Мор. 1903—06 (Т. 1. С. 235) эпиграмма отнесена к 1818 г. Л. Н. Майков поместил ее среди стихотворений 1819 г. (см.: Майков. Материалы. С. 53). То же решение было принято впоследствии П. А. Ефремовым (см.: Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 324), В. Е. Якушкиным, отметившим, что стихотворение может принадлежать к этому году, «именно ко второй его половине, по настроению поэта в это время» (АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 152) и Н. О. Лернером (см.: Венг. Т. 1. С. 553). В изданиях, предшествовавших Акад., начиная с КН, эпиграмма печаталась в разделе «Dubia», с предположительной датировкой: 1818—апрель 1820 г. (до отъезда Пушкина на юг). В Акад. эпиграмма была возвращена Цявловским в основной корпус и датирована временем после выхода Пушкина из Лицея, т. е. после 11 июня 1817 г., — мартом 1820 г. (Акад. Т. 2. С. 127, 1071). Датировка изменена в Справочном томе (С. 17) в соответствии с убедительным предположением Т. Г. Цявловской, что эпиграмма связана со скандальной историей отставки князя Голицына с поста министра духовных дел и народного просвещения, последовавшей 15 мая 1824 г. (см.: Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры» // Пушкин на юге: Труды Пушкинской конф. Одессы и Кишинева. Кишинев, 1961. Т. 2. С. 175—185; см. также: Госл. в 10 т. Т. 2. С. 67, 675). В пользу этой датировки свидетельствует и письмо А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву от 25 ноября 1824 г. (см. выше), где эпиграмма названа «новыми стихами» Пушкина.

Адресат эпиграммы — князь Александр Николаевич Голицын (1773—1844), обер-прокурор Синода (1803—1817), президент Библейского общества (1813—1824), министр духовных дел и народного просвещения (1817—1824), главноначальствующий над почтовым департаментом (1819—1842). Знакомство Пушкина с Голицыным состоялось в лицейские годы: в качестве министра народного просвещения (исполнял обязанности с 10 августа 1816 г.) Голицын принимал деятельное участие в управлении Царскосельским лицеем, посещал его, присутствовал на выпускных экзаменах и представлял окончивших первый курс Александру I. Близкий друг Александра I со времени их пребывания в Пажеском корпусе, Голицын разделял как либеральные устремления императора, так впоследствии и его мечты об «общеевропейской религии». Став президентом Библейского общества, князь, все более склонявшийся к мистицизму и идее универсального «нового христианства», покровительствовал религиозным сектам и изданию мистической литературы, преимущественно католической и протестантской. Настроения мистицизма и пиетизма, распространявшиеся в русском обществе с конца 1810-х гг., вызывали резкое недовольство консервативных кругов духовенства, что было использовано графом А. А. Аракчеевым (см. о нем в примеч. к эпиграмме «К Аракчееву» («Всей России притеснитель...») — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 634—635), который давно стремился ослабить влияние Голицына на императора. Основными действующими лицами масштабной политической интриги, спланированной Аракчеевым против Голицына, стали митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, посто-

янный член Святейшего Синода, вице-президент Библейского общества Серафим (Стефан Васильевич Глаголевский; 1757—1843), настоятель новгородского Юрьевского монастыря архимандрит Фотий (Петр Никитич Спасский; 1792—1838) (см. о нем в примеч. к эпиграмме «На Фотия» — наст. том, с. 961—962) и попечители Казанского и Санкт-Петербургского учебных округов Михаил Леонтьевич Магницкий (1778—1835) и Дмитрий Петрович Рунич (1780—1860) (см. о них ниже, примеч. к ст. 3). Предлогом к началу кампании послужил готовящийся к печати русский перевод книги «Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете» («*Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi im Neuen Testament*», 1818) одного из вождей «евангелистского» движения, сотрудника европейских библейских обществ, немецкого религиозного писателя, проповедника и миссионера Иоганна Госнера (*Gosspner*; 1773—1858), с июля 1820 г. проповедовавшего в Петербурге. Книга, комментировавшая Евангелие, была написана в духе новейшего европейского петицизма и содержала критику некоторых обрядов христианской церкви, духовенства и властей, преследующих «истинных» христиан. Пропущенная и в немецком, и в русском варианте светской цензурой, она тем не менее была представлена противниками Голицына императору как свидетельство якобы существующего в России масштабного заговора, направленного на пропаганду безбожия и подрыв государственных устоев. Основные обвинения падали на Библейское общество и возглавлявшееся Голицыным министерство. Еще в феврале 1824 г. Фотий был вызван митрополитом Серафимом в Петербург. 12 апреля 1824 г. он подал императору письма, содержащие разбор книги Госнера и других мистических изданий. В последующие дни Аракчеев добился у Александра I аудиенций для митрополита Серафима и архимандрита Фотия, и они перед лицом императора обвинили Госнера и Голицына. 25 апреля 1824 г. по докладу А. С. Шишкова в Комитете министров книга Госнера была запрещена и приговорена к сожжению, а сам автор выслан из России. Одновременно Фотий в доме графини А. А. Орловой-Чесменской (см. о ней в примеч. к эпиграмме «Гр. А. А. Орловой-Чесменской» — наст. т., с. 965) предал Голицына анафеме. 15 мая 1824 г. Александр I вынужден был принять отставку Голицына и объявил о расформировании соединенного Министерства духовных дел и народного просвещения. Новым министром народного просвещения был назначен адмирал А. С. Шишков, а президентом Библейского общества — митрополит Серафим (см.: Панаев В. И. Воспоминания // ВЕ. 1867. № 12. С. 74—85; Греч Н. И. Записки. М.; Л., 1930. С. 575—591; Барсов Н. И. Князь А. Н. Голицын и архимандрит Фотий в 1822—1825 гг. // РС. 1882. № 3. С. 765—775; Пыпин А. Н. Российское библейское общество. 1812—1826 // Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 211—221; Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 29—45, 252—315). Пушкин в целом положительно расценил «перемену министерства», возлагая определенные надежды на смягчение цензуры (см. письма к П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 97), к Л. С. Пушкину от 13 июня 1824 г. (Там же. С. 97—98), к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. (Там же. С. 99—100)). 14 июля 1824 г. он писал А. И. Тургеневу, также замешанному в скандале с Госнером и потерявшему с отставкой Голицына место директора Департамента иностранных исповеданий: «Последняя перемена министерства обрадовала бы меня вполне, если бы вы остались на прежнем своем месте. Это истинная потеря для нас, писателей; удаление Голицына едва ли может оную вознаградить» (Там же. С. 103).

Пушкину приписывались еще три эпиграммы на Голицына: «Он добрый малый, брат сестрицын...», «Встарь Голицын мудрость весил...» и «Полу-фанатик, полу-плут...». Эпиграмма «Полу-фанатик, полу-плут...» адресована архимандриту Фотию (см. примеч. к ней — наст. т., с. 958—962). Принадлежность Пушкину первых двух была убедительно опровергнута Н. О. Лернером (см.: *Лернер Н. О. Заметки о Пушкине: VIII. Эпиграмма на князя А. Н. Голицына // РС. 1908. № 3. С. 659—660; Лернер Н. О. Мелочи прошлого : Из прошлого русской революционной поэзии : III. Отголосок суда над декабристами // Каторга и ссылка. 1925. № 8 (21). С. 241—243).*

Ст. 1. *Вот Хвостовой покровитель...* — Александра Петровна Хвостова, урожд. Хераскова (1768—1853), писательница, племянница писателя М. М. Хераскова (1733—1807), автор сентиментальных произведений «Камин» и «Ручеек» (Отрывки : Камин и Ручеек. СПб., 1796) и сочинений мистического характера («Письма христианки, тоскующей по горнем своем отечестве, к двум друзьям ее, мужу и жене», 1815; «Советы души моей (творение христианки, тоскующей по горнем своем отечестве)», 1816 и др.), хозяйка литературного салона, находилась в дружбе с князем А. Н. Голицыным, с мистиком А. Ф. Лабзиным (1766—1825) и писателем графом Жозефом де Местром (Maistre; 1753—1821). В начале 1820-х гг. принадлежала к мистическому кружку баронессы В.-Ю. Крюденер (Krüdener; 1764—1824); в 1823 г. была удалена из Петербурга за организацию собраний секты хлыстовского типа и поселилась в Киеве (см.: Вигель. Ч. 7. С. 41; *Городецкий Б. М. Забытая писательница : (Памяти А. П. Хвостовой, рожд. Херасковой) // ИВ. 1902. № 3. С. 1022—1029).*

Ст. 3. *Просвещения губитель...* — По словам В. И. Панаева, «за стеснительную цензуру, действительно слишком придирчивую и препятствовавшую развитию литературы (...) Голицын тогдашними литераторами был прозван не министром, а гасильником просвещения» (*Панаев В. И. Воспоминания. С. 85*). Во время министерства Голицына в 1819—1820 гг. М. Л. Магницким был реформирован на основе благочестия и верноподданничества Казанский университет. В сентябре 1821 г. тот же Магницкий и попечитель Петербургского учебного округа Д. П. Рунич начали так называемое «дело профессоров» в Петербургском университете, усмотрев в лекциях Э. Б. С. Раупаха (всеобщая история), А. И. Галича (история философии), К. Ф. Германа и К. И. Арсеньева (статистика) идеи, возмутительные против христианства и опасные для государственного благосостояния. В ходе жестких административных репрессий в университете пострадал также пушкинский лицейский преподаватель А. П. Куницын (см.: *Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 332—353; Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности : 1819—1919. Пг., 1921. Т. 1. С. 225—235; также см. примеч. к стихотворению «Послание цензору» — наст. т., с. 729). 10 ноября 1821 г. Н. И. Тургенев записал в дневнике: «...суд над профессорами ужасен, не по лицам, которые его производят, но по духу, кот(орый) он свидетельствует. Что с этим будет? Мне даже думать об этом несносно. Будет ли это описано когда-нибудь?» (АбТ. Вып. 5. С. 304).*

Ст. 4. *Покровитель Бантыша.* — Владимир Николаевич Бантыш-Каменский (1778—1829), чиновник Коллегии иностранных дел, старший сын московского археографа Н. Н. Бантыша-Каменского, брат историка Д. Н. Бантыша-Каменского. Ф. Ф. Вигель писал о Бантыше-Каменском: «Не краснея, нельзя говорить об

нем; более ничего я не скажу: его глупостию, его низостию и пороками не стану пачкать сих страниц» (Вигель. Ч. 1. С. 154). Его имя названо здесь в связи с сексуальной ориентацией Голицына, о которой говорится в последних строках эпиграммы и которая была известна современникам. См., например, характеристику Голицына, данную Д. В. Давыдовым: «...отличался и подлостью, и придворным интриганством, и порочными вкусами, на Востоке столь распространенными» (Давыдов Д. В. Записки, в России цензурою не пропущенные. Лондон; Брюссель, 1863. С. 33). См. у Пушкина в написанном в октябре 1824 г. «Втором послании к цензору»:

...когда святой отец,
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша...
(Акад. Т. 2. С. 368)

Как конкретно «спасал» Бантыша Голицын, неизвестно. Речь идет, по-видимому, о каких-то получивших широкую огласку гомосексуальных скандалах. 29 ноября 1823 г. А. И. Тургенев сообщал в письме к П. А. Вяземскому, что «Вл. Бантыш-Каменский выслан в Вятский городок» (ОА. Т. 2. С. 368). Н. М. Языков писал 24 мая 1824 г. А. М. Языкову о высылке Бантыша из Петербурга: «...к сему относится одна, хотя не весьма благопристойная, но весьма любопытная подробность: именно то, что будто бы государь призывал к себе известного содомита Бантыша-Каменского и приказал ему составить список всех ему знакомых по сей части, что Б(антыш)-К(аменский) представил таковой список, начав оный министром просвещения, потом стоял канцлер и так далее, что он имел еще после этого аудиенцию у государя и удостоверил его клятвенно в истине своего донесения» (Языковский архив. СПб., 1913. Вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). С. 135—136).

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

«СЕГОДНЯ Я ПОУТРУ ДОМА...»

(С. 102 и 355)

Автограф (ПД 51) — беловой, с поправками; на четверке фабричного листа, под текстом стихотворения другими чернилами нарисован мужской профиль. Напечатано: Анн. Т. 7. С. 84—85, 1-я паг., под редакторским заглавием: «Записка к приятелю». Воспроизведение: Рукоп. П. 1937. Между с. 24—25.

Впервые: Анн. Т. 7. С. 84—85, 1-я паг.

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7.

Печатается по автографу.

Датируется началом марта 1821—июнем 1823 г., когда Пушкин жил в Кишиневе. Маловероятно, чтобы записка могла быть написана ранее марта 1821 г., в первые

два месяца кишиневской жизни Пушкина (с 21 сентября до отъезда в Каменку между 15 и 19 ноября 1820 г.; см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 204, 221): едва ли в это время Пушкин уже мог упоминать как хорошего знакомого кишиневского повара Тардифа (см. о нем ниже).

Стихотворная записка, вероятно незавершенная и неотправленная (жандармская помета на автографе свидетельствует, что лист находился среди бумаг Пушкина во время так называемого посмертного обыска), адресована кому-то из кишиневских приятелей Пушкина. П. А. Ефремов (Ефр. 1882. Т. 7. С. 296) высказал мнение, что ее адресатом мог быть Н. С. Алексеев (см. о нем в примеч. к посланию «Алексееву» — наст. т., с. 637—638). По предположению Б. В. Томашевского, стих «Приди, тряхнем мы стариной» может указывать на то, что записка обращена к кому-то из петербургских приятелей Пушкина, захавших в Кишинев (Пушкин 1955. С. 788).

Тардиф, о котором идет речь в стихотворении, был французом-кухмистером, до 1812 г. содержавшим трактир «Лондон» и гостиницу «Hôtel de l'Europe» в Петербурге в начале Невского проспекта. «Роскошь, богатство убранства и пространство помещения — были огромны, — писал И. П. Липранди. — Два посланника, баварский и шведский, постоянно жили тут. По внезапном выступлении в марте 1812 г. на гвардии осталось много долгов; это бы еще ничего, но Тардиф был кутила, прелестная жена его вдруг исчезла с кирасирским полковником, забрав все, что было ценнее, и всю кассу. Тардиф скрылся от описи и был увезен тайно одним фельдъегерем к собрату своему Отону, в Одессу, но уже совершенно спившимся и чуть не голым. Он пробовал брать места, но его выгоняли. Одно время он был у Киселева в Тульчине, и от него был прогнан, посидев прежде на гауптвахте». В 1820 г., когда в Кишинев приехали и Пушкин, и В. П. Горчаков, рассказывает Липранди, «Тардиф скитался в Кишиневе, и наконец В. П. Горчаков приютил его у себя; знакомые брали его, когда требовалось; потом (...) с год жил у меня, получая в месяц червонец жалованья. После сего в 1825 году мы сложились, и он открыл одну комнатку для завтраков, и тут оставался недолго — снова спился и пропал без вести» (РА. 1866. № 10. Стб. 1458—1459). В 1823 г. Тардиф с конца сентября недолгое время служил у Ф. Ф. Вигеля, который вспоминал, как «иногда вечером, когда он (Тардиф. — Ред.) был вполпьяна, призывал его будто за каким-нибудь делом и помирал со смеху от его рассказов. Самого взыскательного гастронома искусство его могло бы удовлетворить, и все это стоило очень недорого» (Вигель. Ч. 6. С. 106). П. В. Анненков сообщал, что Тардиф вернулся на родину и «под конец сделался и стихотворцем. Он писал для своих русских знакомых в Париже пышные и плохие стихи и выдавал себя за литератора, путешествовавшего по России для изучения ее» (Анн. Т. 7. С. 85). Однако весьма вероятно, что Анненков смешивает кишиневского Тардифа с французским литератором и переводчиком Ахиллом Тардифом де Мелло (Tardif de Mello; ум. не ранее 1854 г., в 1821—1835 гг. жил в России).

Ст. 5. *Ком* — в древнегреческой мифологии бог пиршеств и веселья.

Ст. 6. *Поварни полный генера⟨л⟩...* — Здесь иронически обыгрывается общее наименование высших генеральских чинов — генералов от инфантерии, от кавалерии, от артиллерии (все они именовались «полными генералами» в отличие от генерал-лейтенантов и генерал-майоров).

Ст. 9 — 10. *Тардиф, который Коленкура И откормил, и обокрал...* — Арман-Огюстен-Луи маркиз де Коленкур (Caulaincourt; 1773—1827), герцог Винчен-

ский (с июня 1808 г.), французский генерал, дипломат, в 1807—1811 гг. посол Франции в России, с 20 ноября 1813 г. по апрель 1814 г. и с 22 марта по 8 июля 1815 г. министр иностранных дел Франции. По-видимому, Пушкин основывается на каком-то не дошедшем до нас рассказе самого Тардифа.

Ст. 11—12. *Тардиф, полицией гонимый За неуплатные долги...* — Как сообщал в газетном объявлении кредитор Тардифа майор Липман в 1815 г., когда в Петербург вернулась супруга скрывшегося ресторатора, Тардиф оставался должным по счетам 1811 и 1812 гг. до 14 000 р. «Уведомившись, что жена Тардифа получает должное ее мужу», Липман просил уплачивать долги не ей, а объявителю (СПбВед. 1815. № 5, 15 янв.; см.: Яцевич А. Пушкинский Петербург. СПб., 1993. С. 254).

Ст. 14. *Entre-mets* (фр.) — легкое блюдо, подаваемое перед десертом.

ПРИЯТЕЛЮ

(«Не притворяйся, милый друг...»)

(С. 103 и 355)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 25 — беловой, с поправками. Напечатано: Майков. Материалы. С. 167 (вариант ст. 7; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Вошло в Тетр. Капниста (Кап) в перечень отдела «Эпиграммы, надписи и пр.» — в записи: «*Приятелю* (Не притворяйся)». Напечатано: Майков. Автографы П. С. 580.

Вошло в рукопись Собр. ст. 1836 г. (отдел «Эпиграммы, надписи и проч.»).

Впервые: Ст 1826. С. 118 (отдел «Эпиграммы и надписи»). Вошло в Ст 1829. Ч. 2. С. 155 (отдел стихотворений «разных годов»), с пунктуационным изменением в ст. 2 (восклицательный знак в конце стиха заменен двоеточием).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

Печатается по Ст 1829.

Датируется предположительно 1821—началом сентября 1823 г. Нижняя граница датировки определяется возможным временем отсылки стихотворения в альманах «Полярная звезда» (см. ниже).

Автограф в тетради ПД 833 датируется серединой сентября— октябрем (до 26-го) 1823 г.: на л. 21—23 об. находится беловой автограф стихотворения «Наполеон» (см. его датировку — наст. т., с. 643—644), на л. 26 — стихотворение «Ночь», с пометой перед текстом: «26 окт(ября) 1823».

После появления в 1881 г. в печати письма Н. С. Алексеева к Пушкину от 30 октября 1826 г. (см.: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 169—170; то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып. 1] Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 81—82; публ. П. И. Бартенева), в котором, в частности, Алексеев называет Пушкина своим «лукавым соперником», П. О. Морозов отнес стихотворение «Приятелю» к Алексееву (Мор. 1887. Т. 1. С. 278). Эта традиционно принятая адресация подтверждается и пушкинским посланием «Алексееву» (1821) (см. наст. т., с. 54), также развивающем тему любовного соперничества. Если считать адресатом стихотворения действительно Н. С. Алексеева, то можно предполагать, что оно было написано примерно

в то же время, что и адресованное Алексею послание: во второй половине 1821 г. (несколько более широкая датировка, предложенная Т. Г. Зенгер (Цявловской) в Акад. (Т. 2. С. 1107), — «март—декабрь 1821 г.» — несомненно основана на близких соображениях). О Н. С. Алексееве и его кишиневской возлюбленной М. Е. Эйхфельдт см. в примеч. к стихотворениям «Алексею» и «(М. Е. Эйхфельдт)» («Ни блеск ума, ни стройность платья...») — наст. т., с. 637—638 и 935.

Стихотворения «Алексею» и «Приятелю» были посланы Пушкиным в альманах «Полярная звезда» на 1824 г., но оба не пропущены цензурой. Как писал К. Ф. Рылеев В. И. Туманскому 3 октября 1823 г., цензор Бируков нашел в стихотворении «Приятелю» «не нравственную цель»: «говорит: двое за одной волочатся» (Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 473).

Ст. 9—10. *Она прелестная Лаура, Да я в Петрарки не гожусь.* — Лаура — героиня любовной лирики итальянского поэта Франческо Петрарки (Petrarca; 1304—1374). В письме к брату от 25 августа 1823 г. Пушкин привел свои слова, сказанные В. И. Туманскому: «...роль Петрарки мне не по нутру» (Акад. Т. 13. С. 67).

К **

(«Ты богоматерь, нет сомненья...»)

(С. 104)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 27 об. — беловой. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 343 (ст. 1—7, 12 с цензурными купюрами: в ст. 1 слово «богоматерь» напечатано: «.....матерь», в ст. 3 слова «дух святой» напечатаны: «д... ..», в ст. 5 имя Христа заменено точками по числу букв, в ст. 12 слово «богородица» напечатано: «б.....а»; в части тиража весь текст заменен тремя строками точек, см.: Оксман Ю. Г. Эпизод из истории пушкинского печатного текста // ПиС. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 61—64); Майков. Материалы. С. 264—265 (полностью; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Копия, бывшая в распоряжении А. И. Герцена, по которой им была осуществлена первая публикации стихотворения (см. ниже), утрачена.

Впервые: ПЗ 1859. Кн. 5. С. 23 (под заглавием: «К Х.....»; публ. А. И. Герцена). В России впервые: Ефр. 1880. Т. 2. С. 167 (ст. 7—12, под заглавием: «Княжне Хованской», с неточностями в ст. 7: «Есть бог иной земного круга» вместо: «Есть бог другой земного круга», ст. 8: «Ему подвластна красота» вместо: «Ему послушна красота» и цензурной заменой в ст. 12: «Ты несравненная моя!» вместо: «Ты богородица моя»). Полностью в России впервые: Майков. Материалы. С. 264—265 (публ. В. И. Саитова).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1820—1824 (не позднее июля) гг. По положению автографа на л. 27 об. тетради ПД 833 стихотворение почти наверное можно отнести к южному периоду. Тетрадь была начата Пушкиным в феврале 1821 г. и до конца 1824 г. заполнялась белковыми текстами. До л. 27 стихотворения записыва-

лись в тетрадь не строго в хронологии их создания, за исключением двух — «В альбом» («Пройдет любовь, умрут желанья...») на л. 3 об., переделки лицейского стихотворения 1817 г. (см. наст. изд., т. 1, с. 282), и перебеленного начала «Элегии» («Воспоминаям упоенный...») на л. 9, черновые наброски которой в Лицейской тетради датируются февралем—мартом 1819 г. (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 38, 560—561) — все они относятся ко времени пребывания Пушкина на юге. Непосредственно перед стихотворением «К **», внизу л. 27 под текстом стихотворения «Иностранке» (здесь под заглавием: «В альбом»), помета: «18/19 mai (май — фр.) 1824». Вероятно, стихотворение «К **» было последним, записанным в тетрадь в Одессе. Л. 28—28 об. заняты беловым автографом «Прозерпины», завершённой, согласно помете под текстом, уже в Михайловском 26 августа 1824 г.

П. В. Анненков, работавший с бумагами Пушкина при подготовке *Анн.*, выписал из тетради ПД 833 текст стихотворения как относящийся к одесским записям (см.: ПД, ф. 244, оп. 8, № 55, л. 32 об.). К копии Анненкова, по-видимому, восходят все другие списки стихотворения, в том числе и бывший в распоряжении А. И. Герцена. Разночтения известных в настоящее время копий в Сб. Александрова (Ал) и П. А. Ефремова (Е) (в обеих копиях в ст. 2: «Не та, которая собой», ст. 4: «Ты всем мила без исключения» и ст. 7: «Есть бог иной земного круга»), несомненно, явились следствием ошибок переписчиков. Первая публикация стихотворения в России была осуществлена П. А. Ефремовым по одной из таких не вполне исправных копий (с таким же разночтением, в частности в ст. 7). Публикация А. И. Герцена не имела разночтений с автографом, кроме ошибки, допущенной в заглавии («К Х...» вместо: «К **»). В Ефр. 1880 (Т. 2. С. 167, 419) это ошибочное заглавие было произвольно раскрыто как «Княжне Хованской», а стихотворение отнесено ко времени пребывания Пушкина в Москве в 1827 г. Те же заглавие и дата в Ефр. 1882 (Т. 2. С. 401), Мор. 1887 (Т. 7. С. LIX), Мор. 1903—06 (Т. 2. С. 410—411), Ефр. 1903—05 (Т. 2. С. 97), Венг. (Т. 2. С. 455). П. А. Ефремов, в 1888 г. познакомившийся с рабочими записями П. В. Анненкова и снявший с них копию (см.: ПД, ф. 244, оп. 8, № 54), в примечаниях к последнему своему изданию (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 269) привел мнение Анненкова об одесском происхождении автографа, а Н. О. Лернер в 1910 г. справедливо указал на неосновательность принятой адресации стихотворения, поскольку «во времена Пушкина, кажется, не было среди Хованских молодой особы, облик которой более или менее подходил бы к „матери Амура“» (Венг. Т. 4. С. XXXVII). Начиная с издания КН до Acad. в 6 т. включительно стихотворение датировалось 1824 г. по времени записи белового автографа в тетради ПД 833. Предложенная М. А. Цявловским в Акад (Т. 3. С. 1136) датировка октябрем—декабрем 1826 г., принятая в последующих изданиях, явно ошибочна. Адресат мадригала неизвестен.

Как указал П. О. Морозов (см.: *Морозов П. О. Пушкин и Парни // Венг. Т. 1. С. 392*), сама идея мадригала, возможно, заимствована из стихотворения Эвариста-Дезире де Форжа де Парни (Parry; 1753—1814):

Quand je vous dis, Dieu vous bénisse!
Je n'entends pas le Créateur,
Dont la main féconde et propice
Vous donna tout pour mon bonheur;

Encore moins le dieu d'hyménée,
 Dont l'eau bénite infortunée
 Change le plaisir en devoir:
 S'il fait des heureux, l'on peut dire
 Qu'ils ne sont pas sous son empire,
 Et qu'il les fait sans le savoir.
 Mais j'entends ce dieu du bel âge,
 Qui sans vous serait à Paphos.
 Or apprenez en peu de mots
 Comme il bénit, ce dieu volage.
 Le Désir, dont l'air éveillé
 Annonce assez l'impatience,
 Lui présente un bouquet mouillé
 Dans la fontaine de Jouvence,
 Les yeux s'humectent de langueur,
 Le rouge monte au front des belles,
 Et l'eau bénite avec douceur
 Tombe dans l'âme des fidèles:
 Soyez dévote à ce dieu-là,
 Vous qui nous prouvez sa puissance.
 Éternuez en assurance;
 Le tendre Amour vous bénira.

(Когда я говорю вам: *Благослови вас бог!* я имею в виду не Создателя, чья умелая и скорая рука наградила вас всем для моего счастья; еще менее я думаю о Гименее, чья злополучная святая вода превращает удовольствие в долг: если он и делает кого-то счастливым, можно сказать, что они не его подданные и что он осчастливил их невольно. Я имею в виду бога молодости, который, если бы не вы, находился бы в Пифосе. Я расскажу вам в нескольких словах, как он благословляет, этот ветреный бог. Желание с оживленным видом, свидетельствующим о нетерпении, вручает ему букет, орошенный из источника молодости, глаза увлажняются томлением, румянец окрашивает чело красавиц, и святая вода мягко проникает в души правоверных: поклоняйтесь же этому богу, вы, доказывающая его могущество. Чихните для верности; нежный Амур вас благословит. — фр.) (*Parry E. de. Œuvres. Paris, 1809. T. 1. P. 15—16*).

Ст. 9. *Он бог Парни, Тибулла, Мура...* — Имена римского поэта Тибулла (ок. 50—19 до н. э.) и французского поэта Парни традиционно связывались в пушкинское время с образами «певцов любви». Ср., например, в поздней редакции послания Пушкина «Ш(ишко)ву» (1816): «Шалун, увенчанный Эратой и Венерой, / Ты ль узника манишь в владения свои, / В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой, / Где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни?»; в стихотворении «Любовь одна — веселье жизни холодной...» (1816): «Наследники Тибулла и Парни! (...)
 Певцы любви! Младую пойте радость» (наст. изд., т. 1, с. 226, 242). Английский поэт Томас Мур (Moore; 1779—1852) в начале 1820-х гг. в России имел репутацию прежде всего поэта-анакреонтика, автора эротических стихотворений в классическом стиле, которую ему создали его первые поэтические сборники — «Оды Анакреона» («Odes of Anacreon», 1800) и «Послания, оды и другие стихотворения»

(«Epistles, odes and other poems», 1801). См., например, письмо Д. Н. Блудова к И. И. Дмитриеву от 25 марта / 6 апреля из Лондона, где Мур назван «английским Батюшковым» (РА. 1866. № 11—12. Стб. 1650); в первом в России биографическом известии об английском поэте — переведенной с французского статье «Нечто о Томасе Муре»: «Не достигши еще двадцатилетнего возраста, издал оды Анакреона, переведенного им стихами; с тех пор получил он название Анакреона-Мура» (Благ. 1822. Ч. 19, № 28. С. 41); см. также: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи : (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 657—658 (ЛН. Т. 91); *Гиривенко А. Н.* Отражение творчества Томаса Мура в русской литературе первой трети XIX в. // Изв. ОЛЯ. 1984. Т. 43, № 6. С. 537—538. Так, очевидно, воспринимал Мура и Пушкин. К «восточной повести» «Лалла Рук» («Lalla Rookh : An oriental Romance», 1817), принесшей Муру европейскую известность и поставившей его имя рядом с именем Байрона, Пушкин, по-видимому читавший французский перевод А. Пишо («Lalla Rookh ou la princesse mogole», *histoire orientale, par Thomas Moore. Traduite de l'Anglais. Par le traducteur des œuvres de Lord Byron. Paris, 1820. Т. 1—2*), относился более чем сдержанно (см. его отзывы в письмах к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 г. и от конца марта—начала апреля 1825 г., к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 г. — Акад. Т. 13. С. 34, 40, 160).

«ЛИХОЙ ТОВАРИЦ НАШИХ ДЕДОВ...»

(С. 105)

Автограф в тетр. ПД 833, л. 29 — беловой. Стихотворение занимает последнее место среди шести нумерованных римскими цифрами эпиграмм. Предыдущий лист с первыми четырьмя эпиграммами вырван, сохранились лишь концы стихов записанного третьим стихотворения «Жалоба» (1823). Напечатано: Якушкин. № 5. С. 343. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 5. С. 343.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1820—1824 гг. Беловой автограф в тетради ПД 833 датируется сентябрем 1824 г. (см. примеч. к стихотворению «Жалоба» — наст. т., с. 740).

Никаких сколько-нибудь основательных предположений об адресате эпиграммы не высказывалось.

Ст. 4. *В своих садах — он бог садов.* — В античной мифологии бог садов — Приап, божество производительных сил природы, олицетворявший также мужскую силу; изображался старичком с корзиной, наполненной плодами. Ср. ту же игру смыслов в стихотворении «К О(гарев)ой, которой митрополит прислал плодов из своего саду» (наст. изд., т. 2. кн. 1, с. 6).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ОСТАВЛЕННЫЕ В ЧЕРНОВИКАХ,
И НАБРОСКИ

«Я ВИДЕЛ АЗИИ БЕСПЛОДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ...»

(С. 106 и 355)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 6—6 об. — черновой, карандашная запись, места сильно осыпавшаяся и затертая. Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 3. С. 111—112 (как относящееся к первоначальным наброскам поэмы «Кавказский пленник»); АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 368 (как самостоятельное стихотворение, в виде транскрипции; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Мор. 1903—06. Т. 3. С. 111—112.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 3.

Печатается по автографу.

Датируется 19—24 августа 1820 г. по положению автографа в тетради ПД 830.

Автограф принадлежит к массиву карандашных записей и рисунков, сделанных последовательно на л. 4а—9 тетради ПД 830 в первые дни после приезда Пушкина в Гурзуф 19 августа 1820 г. (Летопись 1999. Т. 1. С. 196). Нижняя граница датировки определяется последней по времени карандашной записью в этой части тетради — пометой на л. 9: «Владимир 1820 А(в)густа 24». Подробнее историю заполнения л. 4а—9 тетради ПД 830 см.: Рак В. Д. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // ПиС (Нов. серия). Вып. 1 (40). С. 133—152; Рак. Записная книжка ПД 830. С. 5—21.

Автограф представляет собой трудночитаемую карандашную запись. Наиболее полно и точно он был представлен С. М. Бонди в Акад. (Т. 2. С. 621—622). Поскольку можно предположить, что в момент подготовки Акад. автограф находился в лучшем состоянии, в отношении ряда наименее разборчивых слов настоящее издание следует чтению, предложенному Бонди, хотя оно и вызывает некоторые сомнения (эти случаи отмечены в разделе «Другие редакции и варианты»). Иную трактовку автографа, отличную как от чтения Бонди, так и от чтения, представленного в настоящем издании, см.: Рак В. Д. Анализ автографа «Я видел Азии бесплодные пределы...» // Рак 2003. С. 162—182; то же: ПИМ. СПб., 2003. Т. 16—17. С. 33—42.

Стихотворение явилось первой в творчестве Пушкина попыткой выразить впечатление от кавказского путешествия, совершенного поэтом в июне—августе 1820 г. вместе с семьей генерала Н. Н. Раевского. «2 месяца жил я на Кавказе, — писал Пушкин брату 24 сентября 1820 г., — воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем, купался в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных. Все эти целебные ключи находятся не в дальнем расстоянии друг от друга, в последних отраслях Кавказских гор. Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. (...) Видел я берега Кубани и сторожевые станции —

любовался нашими казаками. Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности! Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов» (Акад. Т. 13. С. 17—18). Образы, найденные в стихотворении «Я видел Азии бесплодные пределы...», позднее варьировались Пушкиным в черновиках поэмы «Кавказский пленник»: «бесплодные равнины» (ПД 830, л. 15; Акад. Т. 4. С. 294); «Венцом летучих облаков / Обвиты их < > вершины» (ПД 830, л. 13; Акад. Т. 4. С. 291, сн. 9а).

Ст. 1—2. *Я видел Азии бесплодные пределы, Кавказа дальний край, долины(?) обгорелы...* — Переключка с посланием В. А. Жуковского «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...») (1814). Ср. у Жуковского:

Ты видел Азии пределы;
Ты зрел ордынцев лютый край
И лишь обломки обгорелы
Там, где стоял Шери-Сарай...
(Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 306)

(См.: *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 185; *Проскурин* 1999. С. 111). Послание Жуковского, явившееся, по словам *Ц. С. Вольпе*, «источком всей романтизации Кавказа в русской поэзии XIX в.» (*Жуковский В. А.* Стихотворения. Л., 1940. Т. 2. С. 494 (Б-ка поэта; Большая сер.)), оказало заметное влияние на описания Кавказа в поэме Пушкина «Кавказский пленник», начатой в Гурзуфе несколькими днями позже наброска «Я видел Азии бесплодные пределы...». Сам зачин пушкинского наброска: «Я видел» является повторением/вариацией анафорической формулы: «Ты видел», «Ты зрел» / «Я видел», «Я зрел», характерной как для послания Жуковского «К Воейкову», так и для других поэтических текстов, также входящих в литературный фон «Кавказского пленника», — оды Г. Р. Державина «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797), которую вместе с посланием Жуковского Пушкин цитирует в примечаниях к «Кавказскому пленнику», и «Послания к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по отечеству» А. Ф. Воейкова (ВЕ. 1818. Ч. 99, № 12. С. 265—278; описание Кавказа и Крыма перенесено в это послание Воейковым из его написанного ранее «Послания к друзьям и жене» (1816—1818), к 1820 г., возможно, также известного Пушкину; опубл. в другой редакции: СО. 1821. Ч. 67, № 4. С. 177—186; редакцию 1818 г. см.: «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 323—332, публ. О. А. Проскурина).

В географических представлениях пушкинского времени Кавказ считался частью Азии. Ср., например, в цитированном выше письме Пушкина к брату от 24 сентября 1820 г. и в эпилоге «Кавказского пленника»:

Так муза, легкой друг мечты,
К пределам Азии летала
И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы.

(Акад. Т. 4. С. 113)

В «Отрывке из письма к Д.» (1824; опубл.: СЦ 1826; перепечатан с сокращениями в 1830 г. в приложении к третьему изданию поэмы «Бахчисарайский фонтан») Пушкин писал о своем переезде морем 15 августа 1820 г. из Тамани в Керчь: «Из Азии переехали мы в Европу...» (Акад. Т. 8. С. 437; Т. 4. С. 175).

Ст. 5. *Подкумка знойный брег...* — Подкумок — река, на которой расположены Горячие и Кислые воды (ныне — Пятигорск и Кисловодск).

Ст. 6. *И закубанские равнины...* — Река Кубань отделяла русские владения от земель кавказских народов. Направляясь с Кавказа в Крым, Пушкин с Раевскими ехали по правому (русскому) берегу Кубани (см. цитированное выше письмо Пушкина к брату).

«МНЕ ВАС НЕ ЖАЛЬ, ГОДА ВЕСНЫ МОЕЙ...»

(С. 107 и 357)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 5 — черновой, с пометой под текстом: «1820 Юрзуф/20 сентября(?)»; запись чернилами поверх карандашного рисунка. Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 230; АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 332 (неполная транскрипция; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Мор. 1887. Т. 1. С. 230.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 20 сентября 1820 г., согласно помете под текстом в автографе.

Помета под текстом написана неразборчиво. П. О. Морозов, впервые опубликовавший стихотворение, читал ее: «20 октября» (Мор. 1887. Т. 1. С. 230; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 270). Л. Н. Майков (Майков. Материалы. С. 66), а за ним В. Е. Якушкин (АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 332), П. А. Ефремов (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 144) и М. А. Цявловский (КН. Т. 2. С. 319 и все последующие издания до Акад.) читали ту же помету: «20 сентября». С. М. Бонди в Акад. (Т. 2. С. 627) вернулся к чтению «20 октября»; эта же дата была принята в «Летописи» (С. 259). Б. В. Томашевский склонялся к чтению: «сентября», но высказал предположение, что в дате допущена ошибка, так как в это время Пушкин уже не был в Крыму, и, возможно, ее следует читать: «2 сентября» (см.: Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 403—404; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 397—398; Томашевский. Пушкин, I. С. 486). В. Б. Сандомирская в статье «О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она блистает...»: (К вопросу о датировке)» (Врем. ПК. Л., 1986. Вып. 20. С. 138) и Я. Л. Левкович (Летопись 1991. С. 230, 659; то же: Летопись 1999. Т. 1. С. 203—204, 495) приняли чтение «20 сентября». Это чтение представляется более вероятным, поскольку соответствует хронологии заполнения начальных листов тетради ПД 830: элегия принадлежит к текстам, последовательно записанным Пушкиным на л. 4а—7 поверх предшествовавших им карандашных записей в период между 24 августа (помета на л. 9 — предположительно последняя по времени карандашная запись на первых листах тетради ПД 830) и 24 сентября (дата завершения работы над элегией «Погасло дневное светило...», отрывок чернового текста которой записан чернилами на л. 7). Подробнее историю заполнения л. 4а—9 тетради ПД 830 см.: Рак В. Д. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // ПиС

(Нов. серия). Вып. 1 (40). С. 133—152; Рак. Записная книжка ПД 830. С. 5—21. Переключка образов, словесных формул и даже элементов композиционного решения стихотворения «Мне вас не жаль, года весны моей...» и элегии «Погасло дневное светило...» («Мне вас не жаль, неверные друзья...» — «Я вас бежал, питомцы наслаждений, / Минутной младости минутные друзья...»; «Мне вас не жаль, изменницы молодые...» — «И вы забыты мной, изменницы молодые...»), позволяющая предполагать одновременность работы над двумя произведениями, также говорит в пользу даты «20 сентября» (см.: Сандомирская В. Б. О первом наброске стихотворения «Увы! Зачем она блистает...». С. 138—139; о датировке стихотворения «Погасло дневное светило...» см.: наст. т., с. 503).

Локальная помета «Гурзуф» не имеет отношения к дате: Пушкин покинул Гурзуф 5 сентября (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 200, 495). Ее следует рассматривать как указание на связь элегии в творческом сознании поэта с его пребыванием в Гурзуфе. Именно на основании этой пометы С. М. Бонди в Акад., вопреки принятому им чтению даты под текстом («20 октября»), датировал стихотворение предположительно августом—сентябром 1820 г. (Акад. Т. 2. С. 1079), по-видимому считая, что первые, не дошедшие до нас наброски элегии были сделаны в Гурзуфе (как и в случае со стихотворением «Увы, зачем она блистает...», где аналогичная помета «Гурзуф» сочетается в автографе с датой более позднего, не гурзуфского времени — см. наст. т., с. 517—518).

«В КРУГУ СЕМЕЙ, В ПИРАХ СЧАСТ(ЛИВЫХ)(<?)...» (С. 108 и 359)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 64 об.—65 — карандашный набросок. Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 8. С. 428 (ст. 3—16; в примеч. к письму Пушкина к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. как относящиеся к черновым вариантам послания «Горишь ли ты, лампада наша...»); Акад. Т. 2. С. 772—773 (в составе чернового автографа послания «Горишь ли ты, лампада наша...»; публ. С. М. Бонди). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Мор. 1903—06. Т. 8. С. 428 (см. выше).

В собрание сочинений как самостоятельный текст вводится впервые.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом ноября 1820—февралем (до 23-го) 1821 г.

По своему положению стихотворение не может быть датировано временем пребывания Пушкина в Гурзуфе, когда работа велась на начальных листах тетради ПД 830. После Гурзуфа карандашные записи появляются в ней на л. 32 об.—33, 37—38 об., 41 об.—42, 57, 64 об.—65. По убедительному предположению В. Д. Рака, л. 32 об.—42 об. тетради ПД 830, на которых в основном продолжалась систематическая работа над черновиком «Кавказского пленника», заполнялись в Каменке в конце ноября 1820—первой половине января 1821 г. (см.: Рак В. Д. Пушкин на подступах к поэме «Кавказ» и в работе над нею // Рак 2003. С. 146—159; Рак. Записная книжка ПД 830. С. 25—32). Представляется вполне вероятным, что карандашный рисунок на л. 57 и записанное на последних листах тетради стихотворение «В кругу семей, в пирах счаст(ливых)(<?)...» относятся к тому же времени. Ст. 1—4 стихотворения записаны в верхней части л. 64 об.; далее работа была перенесена на смежный л. 65. Оставленная свободной большая часть

л. 64 об., возможно, предназначалась для переработки ст. 1—4 или для их продолжения. Позднее свободное место на л. 64 об. было занято черновым автографом ст. 143—150 второй части поэмы «Кавказский пленник». Этот фрагмент поэмы записан уже по окончании систематической работы над ее черновым текстом, во время его доработки и перебелики в тетрадь ПД 831 (беловой текст указанного фрагмента расположен здесь на л. 15), завершённой 23 февраля 1821 г. (дата под текстом поэмы на л. 18 тетради ПД 831). Ко времени появления на л. 64 об. фрагмента поэмы относится несколько поправок в автографе стихотворения «В кругу семей, в пирах счаст(ливых)<?>...», сделанных чернилами по карандашному тексту.

Набросок был дважды частично напечатан П. О. Морозовым (Мор. 1903—06; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 248) как относящийся к черновым вариантам послания «Горишь ли ты, лампада наша...». Решение Морозова, принятое без какой-либо дополнительной аргументации С. М. Бонди в Акад. (Т. 2. С. 772—773, 776), представляется спорным. Черновой автограф стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...» расположен на л. 60—61 об. тетради ПД 830. Набросок «В кругу семей, в пирах счаст(ливых)<?>...» записан отдельно; указания на возможную связь между собой текстов на л. 60—61 об. и 64 об.—65 в рукописи отсутствуют. Между ними не обнаруживается и прямых текстуальных переключек. Показательно, что ни С. М. Бонди, ни Б. В. Томашевскому не удалось органично интегрировать текст наброска в предлагавшиеся ими гипотетические реконструкции первоначальной редакции стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...» (см. о них в примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 556—558). В реконструкции С. М. Бонди набросок «В кругу семей, в пирах счаст(ливых)<?>...» заключает текст первой редакции, в реконструкции Б. В. Томашевского — открывает. В обоих случаях между этим наброском и предшествующими или последующими стихами предполагается некоторая лакуна — не дошедший до нас текст, связывавший лирический сюжет наброска с общей темой послания.

«К(НЯЗЬ) Г— СО МНОЮ НЕ ЗНА(КОМ)....»

(С. 109 и 361)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 59 об. Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 263 (в неверном чтении; в составе четырех стихов: без ст. 1 и 4, ст. 2 и 3 поменяны местами); АН 1900—29. Т. 3. С. 68; Примеч. С. 120 (публ. В. Е. Якушкина и П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Мор. 1887. Т. 1. С. 263.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом января—серединой февраля 1821 г. по положению в тетради. Текст расположен на л. 59 об. непосредственно после черного автографа ст. 256—263 первой песни поэмы «Кавказский пленник», причем расположение записей на л. 59 об., характер чернил и пера позволяют с достаточной долей вероятности говорить об их одновременности. Указанный фрагмент «Кавказского пленника» записан уже по окончании систематической работы над черновым текстом поэмы в тетради ПД 830 (вторая половина декабря 1820—первая половина января 1821 г.; см.: Рак. Записная книжка ПД 830. С. 29—32), во время ее до-

работки и переделки в тетрадь ПД 831 (беловой текст указанного фрагмента расположен здесь на л. 9), завершённой 23 февраля 1821 г. (дата под текстом поэмы на л. 18 тетради ПД 831).

Адресат неизвестен. По предположению П. О. Морозова, эпиграмма могла быть направлена против одного из молдавских князей, «которых много было в ту пору в Кишиневе» (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 120; здесь же указание на переключку с эпиграммой «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» в первоначальном варианте которой упоминается «мой князь, мой шут нарядный», — может быть, одно лицо с «мишурным князем»). Б. В. Томашевский выдвинул версию, что эта эпиграмма наряду с эпиграммами 1821 г. «Как брань тебе не надоела...» и «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» относится к князю Н. А. Цертелеву (см.: Пушкин 1955. С. 770, 772). Эта гипотеза была принята в Справочном томе Акад. (С. 444). Подробнее см. в примеч. к эпиграмме «Как брань тебе не надоела...» — наст. т., с. 594—595. Предположение Б. А. Трубецкого (доклад на VII конф. пушкинистов юга 16—18 июня 1960 г. в Кишиневе; *Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии*. 6-е изд. Кишинев, 1990. С. 306—310), что адресатом пушкинских эпиграмм «К(нязь) Г — со мною не зна(ком)...» и «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» является князь А. Н. Голицын, должно быть признано совершенно неосновательным, так как автор в своих построениях допускает целый ряд фактических неточностей и опирается на малоубедительные текстуальные параллели.

«КТО ВИДЕЛ КРАЙ, ГДЕ РОСКОШЬЮ ПРИРОДЫ...»

(С. 110 и 362)

Автографы:

1) Тетр. ПД 830, л. 38 — первоначальный черновой набросок. Напечатано: Акад. Спр. том. С. 18 (публ. С. М. Бонди и Т. Г. Цвяловской). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

2) Тетр. ПД 830, л. 43 об.—45 — черновой автограф трех строф, соответствующих строфам 3, 5 и 6 первой редакции. Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 588 (в виде вариантов). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

3) ПД 37 — беловой, с двумя слоями правки, одновременной и более поздней, на двух листах белой писчей бумаги без водяного знака (см.: Рукоп. П. 1937. С. 17); текст первой редакции; поздняя правка дает текст второй редакции. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 125—127 (по копии ТЖ; публ. В. А. Жуковского); Анн. Т. 2. С. 309 (в виде отдельных разночтений с Посм.); *Пушкин. Соч. Л.: ГИЗ, 1924. С. VIII—IX* (текст второй редакции, с неточностями в ст. 17 и 19; публ. Б. В. Томашевского).

4) Тетр. ПД 831, л. 25—26 — беловой текста третьей редакции с последующей правкой и черновыми набросками продолжения и доработки. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 91 (ст. 29—32 и два первых стиха из черновика следующей строфы); РВ. 1899. № 6. С. 385, 396—397 (воспроизведение л. 25 об. и неполная транскрипция ст. 17—32; публ. Г. П. Георгиевского); Мор. 1903—06. Т. 1. С. 588 (отдельные варианты). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Посм. Т. 9. С. 125—127, под редакторским заглавием: «Желание».

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по автографу в тетради ПД 831.

Датируется первоначальный набросок стихотворения предположительно концом 1820 г., третья редакция — мартом 1821 г. (по положению в тетради ПД 831), правка по тексту третьей редакции может относиться к более позднему времени.

Первоначальный карандашный набросок в тетради ПД 830 (л. 38) среди черновиков «Кавказского пленника» относится к массиву записей (л. 32 об.—39 об.), сделанных Пушкиным, по убедительному предположению В. Д. Рака, в Каменке, во второй половине ноября—самых первых числах декабря 1820 г. (см.: Рак В. Д. Пушкин на подступах к поэме «Кавказ» и в работе над нею // Рак 2003. С. 146—156; Рак. Записная книжка ПД 830. С. 25—30). Хронология дальнейшей работы над текстом не поддается детальному уточнению. В творческой истории стихотворения можно выделить несколько этапов. К первому этапу относится черновой автограф в тетради ПД 830 и запись набело на отдельных листках (ПД 37) текста в составе шести строф с его последующей доработкой. В ходе этой доработки Пушкин, в частности, в двух случаях изменил порядок строф (первоначальная последовательность: «Кто видел край, где роскошью природы...» — «Златой предел! любимый край Эльвины...» — «Все мило там, красою безмятежной...» — «Все живо там: и тополей прохлада...» — «Приду ли вновь, поклонник муз и мира...» — «И там, где мирт шумит над падшей урной...»; окончательная: «Кто видел край, где роскошью природы...» — «Златой предел! любимый край Эльвины...» — «Все живо там: и тополей прохлада...» — «Все мило там, красою безмятежной...» — «И там, где мирт шумит над падшей урной...» — «Приду ли вновь, поклонник муз и мира...»). Текст, сложившийся на этом этапе, представлен в разделе «Другие редакции и варианты» (наст. т., с. 362—363) как первая редакция стихотворения. На следующем этапе работы текст первой редакции в автографе ПД 37 подвергся дальнейшей правке и сокращению. Поправки этого слоя отчетливо выделяются другим оттенком чернил. Пушкин внес изменения в ряд стихов и вычеркнул четвертую («Все мило там, красою безмятежной...») и шестую («Приду ли вновь, поклонник муз и мира...») строфы. Правка выглядит вполне завершённой (недоработан только ст. 21; возможно, вычеркнутая первая половина стиха обозначает возвращение к одному из первоначальных вариантов рукописи). Таким образом, в автографе ПД 37 после второго слоя правки сложилась новая редакция стихотворения из четырех строф (в разделе «Другие редакции и варианты» обозначена как вторая редакция — наст. т., с. 369—370). Никаких дальнейших исправлений в автографе ПД 37 Пушкин не делал. Работа была продолжена в тетради ПД 831, где на л. 25—25 об. набело записана новая редакция стихотворения (в разделе «Другие редакции и варианты» обозначена как третья редакция — наст. т., с. 370—371), также состоящая из четырех строф. Автограф третьей редакции в тетради ПД 831 по времени может быть отнесен к марту 1821 г.: он появился, судя по всему, уже после переделки поэмы «Кавказский пленник», завершённой 23 февраля 1821 г. (дата под текстом поэмы на л. 18), и непосредственно предшествует расположенному на л. 26 об.—29 той же тетради черновому автографу послания «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), белой автограф которого в тетради ПД 833 (л. 5 об.—7 об.) имеет дату 6 апреля 1821 г. Особенностью этой редакции является то, что она возникла не как дальнейшая переработка предшествующего ей текста второй редакции, а как в каком-то смысле альтернативный ей текст. Как и в работе над второй редакцией стихотворения, Пушкин исходил из первоначального текста в составе шести строф. На этот раз Пушкин сохранил практически без изменений две первые («Кто

видел край, где роскошью природы...» и «Златой предел! любимый край Эльвины...») и последнюю, шестую («Приду ли вновь, поклонник муз и мира...»), строфы, а на основе трех расположенных между ними строф написал одну новую. Последний этап работы над стихотворением связан с попыткой радикальной переработки третьей редакции в тетради ПД 831. Правка не была завершена, два заключительных стиха первой строфы и четыре первых стиха третьей строфы вычеркнуты и ничем не заменены, на смежном л. 26 начерно записана еще одна новая строфа и не имеющие между собой явной связи наброски отдельных стихов. Таким образом, текст третьей редакции оказался «разрушен», а новый не сложился. На этом работа над стихотворением была окончательно остановлена. Несмотря на три условно выделенные нами редакции, сам факт постоянного возвращения Пушкина к тексту стихотворения и продолжения работы над ним свидетельствует, что Пушкин не был им удовлетворен и не считал его законченным. Косвенным подтверждением этому служит и то обстоятельство, что ни одна из редакций крымских октав не получила распространения даже в ближайшем южном окружении поэта.

В распоряжении первых публикаторов стихотворения был автограф ПД 37, с которого в ходе подготовки Посм. была сделана копия в ТЖ (под заглавием «Желание», отсутствующим в автографе). В копии учтены позднейшие поправки в отдельных стихах, однако стихотворение переписано в составе шести строф, причем в их первоначальной последовательности. По копии ТЖ стихотворение напечатано в Посм. с сохранением неточностей копии и с дополнительной редакторской правкой. Текст Посм. перепечатывался всеми последующими изданиями с уточнениями по рукописи только отдельных стихов (в Мор. 1903—06 и Венг. ряд стихов произвольно исправлен по автографу в тетради ПД 831). В 1924 г. в одномтомном издании под редакцией Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева был напечатан текст второй редакции по автографу ПД 37 (см.: *Пушкин*. Соч. Л.: ГИЗ, 1924. С. VIII—IX; публ. Б. В. Томашевского во вступительной статье к тому, без заглавия, с неточностями в ст. 17 и 19). Этот текст (с необходимым уточнением двух указанных стихов) печатался в последующих собраниях сочинений Пушкина, начиная с КН и до Асад. в 6 т.; две вычеркнутые Пушкиным в автографе ПД 37 строфы первой редакции стихотворения приводились в разделе «Приложение» или в комментариях. В Акад. (Т. 2. С. 190—191) С. М. Бонди напечатал контаминированный текст в составе четырех строф: три первые строфы из текста третьей редакции с учетом позднейшей незавершенной правки даны по верхнему слою автографа в тетради ПД 831; четвертую октаву третьей редакции, в ходе переработки которой были вычеркнуты и ничем не заменены первые четыре стиха, исследователь в текст стихотворения не включил, заменив ее заключительной строфой второй редакции («И там, где мирт шумит над падшей урной...») из автографа ПД 37. Записанные на л. 26 тетради ПД 831 черновик еще одной строфы и наброски, относящиеся к доработке стихотворения, даны в подстрочном примечании (с ошибочным указанием, что это четвертая строфа «последней незавершенной рукописной редакции») в виде не вполне корректной редакторской сводки черновика. В корпусе всех последующих изданий перепечатывался контаминированный текст Акад. в составе четырех строф. В основном корпусе настоящего издания стихотворение печатается по автографу в тетради ПД 831 с учетом незавершенной правки, в виде сводки верхнего слоя автографа (не имеющие точного приурочения наброски отдельных стихов в корпус не выносятся, см. полную роспись автографа в разделе «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 371—374).

По предположению С. А. Фомичева, в текст стихотворения должно быть введено двустишие «Там некогда [мечтаньем упоенный] / Я посетил дворец уединенный» (печаталось как предположительный первоначальный набросок к поэме «Бахчисарайский фонтан», см.: Акад. Т. 4. С. 382), записанное на л. 39 об. тетради ПД 831 и замещающее, как считает исследователь, зачеркнутые стихи в первой строфе стихотворения (предложенную реконструкцию текста см.: Неизданный Пушкин. Вып. 1. С. 10—11; *Пушкин*. Полн. собр. художественных произведений. СПб.; М., 1999. С. 620—621). Эта гипотеза не представляется достаточно аргументированной. В тетради отсутствуют какие-либо графические указания на связь между стихотворением и наброском, записанным достаточно далеко на последующих листах. Чтение, в котором приводится указанное двустишие, также вызывает сомнение. Парная рифма, необходимое условие, чтобы рассматривать набросок как замену двух последних стихов октавы, в нем изначально отсутствовала и возникла лишь в одном из последующих вариантов, который был Пушкиным также отвергнут.

Октавы «Кто видел край, где роскошью природы...» принадлежат к стихотворениям, вызванным впечатлениями Пушкина от пребывания в Крыму в августе—сентябре 1820 г. «Корабль плыл перед горами, покрытыми тополами, виноградом, лаврами и кипарисами, — описывал Пушкин южный берег Крыма в письме к брату от 24 сентября 1820 г., — везде мелькали татарские селения (...) счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда [есть] увидеть опять полуденный берег...» (Акад. Т. 13. С. 19). Ср. в «Отрывке из письма к Д.» (1824; опубл.: СЦ 1826; перепечатан с сокращениями в 1830 г. в приложении к третьему изданию поэмы «Бахчисарайский фонтан»): «Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск и воздух полуденный... — В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского *lazzaropo*. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы» (Акад. Т. 8. С. 437; Т. 4. С. 175).

Стихотворение представляет собой вариацию на тему песни Миньоны «*Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen...*», открывающей третью книгу романа И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» («*Wilhelm Meisters Lehrjahre*», опубл. 1785; в собрании стихотворений помещено Гете в разделе «Баллады» с заглавием: «*Mignon*»); положена на музыку И. Ф. Рейхардтом (Reichardt; 1752—1814)). Стихотворение Гете пользовалось исключительной популярностью. Как писала Ж. де Сталь, эти «пленительные стихи» «все в Германии знают на память» (*Stael Holstein G. de. De l'Allemagne. Londre, 1813. Т. 2. P. 286*). В романтическую эпоху оно «повторяется всеми поэтами как традиционная формула романтического томления» (*Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 112*). На русский язык было переведено В. А. Жуковским — «Мина. Романс» («Я знаю край! там негой дышит лес...») (опубл. в январе 1818 г. в первой книжке альманаха «*Für Wenige. Для немногих*»). Предметом многочисленных стилизаций и литературных реминисценций в европейской литературе стала главным образом первая строфа стихотворения Гете:

Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn,
 Im dunkeln Laub die Goldorangen glühn,
 Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht,
 Die Myrte still und hoch der Lorbeer steht —
 Kennst du es wohl?

Dahin! Dahin

Möcht'ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn.

(Знаешь ли ты край, где цветут лимоны, в темной зелени пылают золотом апельсины, нежный ветер веет с голубого неба, спокойно стоит мирт и возвышается лавр, ты ведь знаешь его? Туда! Туда хотелось бы мне устремиться с тобой, о мой возлюбленный. — нем.) (Goethe J. W. Sämtliche Werke. Jubiläums-Ausgabe. Stuttgart; Berlin, [s. a.]. Bd. 2. S. 85).

В переводе Жуковского:

Я знаю край! там негой дышит лес,
 Златой лимон горит во мгле древес,
 И ветерок жар неба холодит,
 И тихо мирт и гордо лавр стоит...
 Там счастье, друг! туда! туда
 Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

(Жуковский. ПСС. Т. 2. С. 71)

Пушкинское стихотворение восходит к Гете и Жуковскому через посредство еще одного литературного текста — лирического вступления к «Абидосской невесте» («The Bride of Abydos : A Turkish Tale», 1813) Байрона, в котором описание прекрасной южной страны, где происходит действие поэмы, содержит прямую отсылку к песне Миньоны:

Know ye the land where the cypress and myrtle
 Are emblems of deeds that are done in their clime?
 Where the rage of the vulture, the love of the turtle,
 Now melt into sorrow, now madden to crime?
 Know ye the land of the cedar and vine,
 Where the flowers ever blossom, the beams ever shine;
 Where the light wings of Zephyr, oppressed with perfume,
 Wax faint o'er the gardens of Gul in her bloom;
 Where the citron and olive are fairest of fruit,
 And the voice of the nightingale never is mute;
 Where the tints of the earth, and the hues of the sky,
 In colour though varied, in beauty may vie,
 And the purple of Ocean is deepest in dye;
 Where the virgins are soft as the roses they twine,
 And all, save the spirit of man, is divine —
 'Tis the clime of the East — 'tis the land of the Sun —
 Can he smile on such deeds as his children have done?
 Oh! wild as the accents of lovers' farewell
 Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.

⟨Знаете ли вы край, где кипарис и мирт служат эмблемой деяний, там совершающихся? Где ярость коршуна и любовь голубки то тают в скорби, то доходят до безумия и преступления? Знаете ли вы край кедра и виноградной лозы, где цветы всегда цветут, где лучи солнца всегда сияют; где легкие крылья Зефира, отягченные благоуханиями, замирают над садами цветущей розы; где лимоны и оливы прекраснее всех плодов и голос соловья никогда не умолкает; где краски земли и цвета неба, столь разнообразные в оттенках, могут соперничать в красоте, и океан самого глубокого пурпурного цвета; где девы нежны, как розы, из которых они плетут венки, и все божественно, кроме человеческого духа, — это страна Востока — это земля Солнца — может ли она благоволить деяниям, которые совершили ее дети? О! дики, как речи расстающихся любовников, сердца, которые бьются в их груди, и истории, которые они рассказывают. — *англ.*) (The Works of Lord Byron. A new, revised and enlarged ed. / Ed. E. N. Coleridge. London, 1904. Poetry. Vol. 3. P. 157—158). См.: *Жирмунский В. М.* 1) Гете в русской литературе. С. 113; 2) Стихотворения Гете и Байрона «Ты знаешь край?..» («Kennst du das Land?..» — «Know Ye the Land?..») : Опыт сравнительно-стилистического исследования // *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение : Восток и Запад. Л., 1979. С. 408—426; 3) Байрон и Пушкин : Пушкин и западные литературы : (Избранные труды). Л., 1978. С. 190—192. В. М. Жирмунским, в частности, отмечено существенное смысловое изменение, внесенное Байроном в первый стих: вместо интимно-личного обращения «ты» Байрон ввел множественное число, придав тем самым своему вступлению к поэме «форму риторического обращения поэта ко всему кругу своих читателей или слушателей» (*Жирмунский В. М.* Стихотворения Гете и Байрона «Ты знаешь край?..». С. 420). Тот же неопределенный адресат подразумевается пушкинским обращением: «Кто видел край?..».

По всей вероятности, в число произведений Байрона, к которым обратились Пушкин и Н. Н. Раевский-младший во время занятий английским языком на Кавказе и в Гурзуфе летом 1820 г., «Абидосская невеста» не входила. С этой поэмой Байрона Пушкин, скорее всего, познакомился уже по французскому прозаическому переводу в собрании А. Пишо и Э. де Саля (см. подробнее в примеч. к стихотворению «Погасло дневное светило...» — наст. т., с. 505—506):

Connaissez-vous une contrée où le cyprès et le myrte sont les emblemes des actions dont elle est chaque jour le théâtre? La tourterelle y fait entendre ses roucoulements mélancoliques, et le vautour y exerce ses brigandages cruels. Toujours couverte de fleurs nouvelles, toujours éclairée par un soleil sans nuages, cette terre nourrit la vigne et le cèdre majestueux. L'haleine parfumée des zéphyrс caresse doucement les roses de ses jardins; le rossignol chante nuit et jour dans ses bosquets, où l'olivier et le citronnier mûrissent leurs fruits précieux. Les teintes variées du sol rivalisent de beauté avec les riches couleurs du ciel et l'azur de l'Océan. Les vierges de ce pays sont tendres comme les fleurs qu'elle tressent; en un mot, tout y est divin, excepté les mœurs des hommes qui l'habitent. C'est le beau climat de l'Orient, c'est la terre du soleil: hélas! peut-il sourire aux actions dont ses enfans se sont rendus coupables! ils portent des cœurs farouches; et les histoires qu'ils racontent sont aussi sombres que le dernier adieu des amans.

〈Знаете ли вы край, где кипарис и мирт служат эмблемой деяний, которые ежедневно там разыгрываются? Здесь звучит меланхолическое воркование голубицы и здесь ястреб совершает свои жестокие разбои. Всегда в новых цветах, всегда освещаемая солнцем с безоблачного неба, эта земля взращивает виноград и величественный кедр. Благонное дыхание зефира нежно ласкает розы ее садов; соловей день и ночь поет в ее рощах, где на оливах и лимонах зреют драгоценные плоды. Разнообразные оттенки земли соперничают в красоте с богатыми цветами неба и лазурью моря. Девы этой страны нежны, как сплетаемые ими цветы; одним словом, здесь чудесно все, кроме нравов живущих здесь людей. Это прекрасная страна Востока, это земля солнца: увя! может ли она благоволить деяниям, которыми запятнали себя ее дети! их сердца свирепы; и истории, что они рассказывают, так же печальны, как последнее прощание любовников. — фр.) (Œuvres complètes de lord Byron, traduites de l'anglais par A. E. de Chastopalli. 2-me ed., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris, 1820. T. 1. P. 275—276). Нельзя, впрочем, полностью исключать знакомство Пушкина еще в Петербурге с французским переводом поэмы, выполненным И. И. Козловым (см.: Гликман И. Д. И. И. Козлов // Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 12).

Не содержит прямых реминисценций из Гете, но очень близко к «Абидосской невесте» по общему поэтическому тону и фразеологии описание, открывающее поэму Байрона «Гяур» («The Giaour: A Fragment of a Turkish Tale», 1813), которую Пушкин, вероятно, читал еще в Гурзуфе (см. в примеч. к стихотворениям «Погасло дневное светило...» и «[Нет ветра — синяя волна]...» — наст. т., с. 506, 914—915) («Гяур» включен в литературный фон пушкинского стихотворения, в частности, в работе Р. Джулиани, см.: Giuliani R. «Песня Миньоны» Гете в лирике Пушкина и Вяземского // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Jerusalem, 2000. С. 180—181). Следует отметить также, что, хотя чудесный край у Гете, а вслед за ним и у Жуковского не назван, совершенно очевидно имеется в виду Италия, Байрон же описывает греческий архипелаг — землю, где соединились Восток и классическая древность. Именно таким было пушкинское восприятие Крыма — одновременно античной Тавриды и страны с ярко выраженным восточным колоритом. В стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» восточные и античные «таврические» образы, как и в поэмах Байрона, объединены в едином пейзажном описании.

К 1820 г. в русской литературе уже существовала некоторая традиция описания Крыма как прекрасной и счастливой земли. См., например, описание Южного берега в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» (М., 1800) П. И. Сумарокова: «На пути, проложенном на чрезмерной над морем высоте, представляются с правой стороны громады гор различных видов; иные покрыты лесом, иные же обнаженные. Приятный лесок составляет как нарочно насаженные аллеи, в которых приморская сосна, похожая на величественный кедр, восточный меспил, растущий в самых жарких странах, бук, гробина и пахучая ветла соединенными ветвями своими делают там покрытые и тенистые ходы; дикий виноград, обвившись вокруг шиповных кустов, спускает из-под розовых его цветов свои мелкие грозды, а благоуханные деревья и травы разносят тончайшие по воздуху ароматы. Обильные каскады, переливаясь и пенясь с одной каменной скалы на другую, с великим шумом падают в ущелья и повсюду раздаются. Перекликание птиц, прославляющих свою свободу, смешивает пение их, и эхо унылой кокушки прерывается свистом соловья. В левую сторону является под ногами открытое море, коего струи от преломления в них солнечных лучей отливают как перламутр, и к нему склоняется гора амфитеатром,

покрытая площадками, лесными островками и желтеющими нивами. В долу видны селения, окруженные садами, рассыпанные по косогорам стада и извивающиеся по камушкам родники. (...) Тут везде зрение услаждается, сердце ощущает удовольствие и душа, исполненная восторга, парит в горня открыт премудрого сему Виновника. Одним словом, слаба кисть, недостаточно перо, чтоб изобразить хотя мало оные красоты. О вы, бессмертные наши стихослагатели! ты, великий лирик, и ты, сладостный творец Семиры! здесь-то бы надлежало вам бряцать на стройных лирах своих. (...) Вы живо бы себе представили на морских валах Нептуна с трезубцем в руках и везомого дельфинами. Нереиды являлись бы пред вас из глубины вод, и наяды при чистых бы родниках покоились. Вы воспели бы здесь мирную и простую жизнь прошедших веков и в оной-то стране, вопреки Овидию, положили бы прежнее существование Елисейских полей» (с. 99—101). Пушкинское стихотворение обнаруживает фразеологические переключки с элегией К. Н. Батюшкова «Таврида» (1815) и стихотворением В. В. Капниста «Другу сердца» (опубл. 1806). Ср.:

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
 Где волны кроткие Тавриду омывают
 И Фебовы лучи с любовью озаряют
 Им древней Греции священные места.
 .....
 Под небом сладостным полуденной страны
 .....
 В прохладе ясеней, шумящих над лугами...
 (Батюшков. Соч. 1934. С. 83)

Земли тот уголок счастливый
 Всех боле мест манит мой взор:
 Среди леса зреют там оливы,
 Мед каплет из ущелья гор.
 Там долго ветр весенний веет,
 Гнетет недолго зимний хлад;
 В долинах, как янтарь, желтеет
 Токайский сладкий виноград.

(Капнист В. В. 1) Лирические соч.

СПб., 1806. С. 194;

2) Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 173)

Стихотворение написано элегической октавой, введенной в русскую поэзию В. А. Жуковским в переводе «Посвящения» («Zueignung») к «Фаусту» Гете — «Опять ты здесь, мой благодатный гений...» (опубл. в 1817 г. как вступление к поэме «Двенадцать спящих дев», без заглавия и указания источника; также: СО. 1817. Ч. 39, № 32. С. 226—227, под заглавием: «Мечта. Подражание Гете»). Вероятно, Пушкин в какой-то мере знал «Фауста» и в оригинале: из «Театрального пролога» к «Фаусту» им был взят эпиграф к «Кавказскому пленнику». В стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» Пушкин сохраняет особенность элегической октавы Гете и Жуковского: столкновение женских нерифмующих стихов при переходе от строфы к строфе. Единственное отличие — обязательная цезура после четвертого слога в стихах пятистопного ямба, отсутствующая у Гете и нерегулярная у Жу-

ковского. В творчестве Пушкина эти октавы стоят особняком (см.: Томашевский. Строфика П. С. 94—95).

Г. О. Винокур высказал предположение, что крымские октавы были задуманы Пушкиным как лирическое вступление к новой поэме, получившей впоследствии название «Бахчисарайский фонтан» (см. письмо Г. О. Винокура к Б. В. Томашевскому от 30 декабря 1940 г., включающее автоцитату из его неопубликованного комментария к «Бахчисарайскому фонтану» — Пушкин. Поэмы и повести 2007. С. 255, 2-я паг., коммент. О. А. Проскурина). Эта гипотеза была осторожно поддержана Б. В. Томашевским (см.: *Томашевский Б. В. «Таврида» Пушкина // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 122. Сер. филол. наук. Вып. 16. С. 103; Пушкин 1955. С. 775; Томашевский. Пушкин, I. С. 491*). Подобное «лирическое вступление» — элемент чуждый южным пушкинским поэмам. По замечанию В. М. Жирмунского, «в поэмах Пушкина вовсе отсутствует столь обычная в творчестве Байрона обобщенная, вневременная и не связанная с действием „увертюра“ (описательный «каталог»); он начинает (...) со „вступления“, которое изображает конкретную ситуацию, живописную картину, приуроченную к началу действия» (*Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. С. 78*). Однако правомерность гипотезы Г. О. Винокура в принципе исключать нельзя. Октавы вполне могли возникнуть в связи с большим «крымским» произведением, замысел которого весной 1821 г., да и долгое время после этого, у Пушкина еще не кристаллизовался. 23 марта 1821 г., продолжая работу над «Кавказским пленником», Пушкин писал А. А. Дельвигу: «...скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу. Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые...» (Акад. Т. 13. С. 26). Самый ранний черновой набросок, который с определенностью можно связывать с замыслом «Бахчисарайского фонтана» («Дивлет Гирей задумчиво сидит...») появился на л. 48 об. тетради ПД 831 в конце августа—начале сентября 1821 г. Непосредственно к работе над поэмой Пушкин приступил, по-видимому, не ранее мая—июня 1822 г. Мотивы и поэтические образы «крымских октав» были использованы Пушкиным в концовке «Бахчисарайского фонтана» (ст. 559—578) при окончательной доработке поэмы в 1823 г.:

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселье Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный —
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
Волшебный край! очей отрада!
Все живо там; холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса,
И струй и тополей прохлада...
Все чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной
Привычный конь его бежит,

И зеленеющая влага
 Пред ним и блещет и шумит
 Вокруг утесов Аю-дага...

(Акад. Т. 4. С. 171)

Ст. 1. *Кто видел край, где роскошью природы...* — Пушкин меняет в формуле, восходящей к Гете («*Kennst du das Land...*»), а затем повторенной Байроном («*Know ye the Land...*») и отчасти — Жуковским («Я знаю край!...»), глагол «знать» на «видеть», что усиливает изобразительность элегии (См.: *Ермаков И. Д.* «Желание» как магическое стихотворение Пушкина // *Ермаков И. Д.* *Этюды по психологии творчества Пушкина.* М.; Пг., 1923. С. 180).

Ст. 9. *Златой предел! любимый край Эльвины...* — Имя Эльвины, взятое из арсенала элегической и балладно-романсной поэзии, встречается и в более ранних стихотворениях Пушкина (см. в примеч. к стихотворению «Там у леска, за ближнюю долиной...» — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 651). По предположению Б. В. Томашевского, «в замысле Пушкина этот стих, вероятно в другом контексте, содержал подлинное имя той, о ком он думал. Имя это должно было не нарушать тройной рифмы октавы» (Томашевский. Пушкин, I. С. 490). Исследователь, по-видимому, подразумевал Екатерину Раевскую.

Ст. 23 — 24. *И зрит [пловец] — могил(а) Митрида(та) Озарена сиянием заката.* — Здесь у Пушкина очевидна параллель с начальными строками поэмы Байрона «Гяур», где описан открывающийся с моря вид на господствующую над Афинами могилу Фемистокла (см. примеч. к наброску «[Нет ветра — синяя волна]...» — наст. т., с. 914—916). Притом что, по наблюдению Б. В. Томашевского, во всем стихотворении господствует пейзаж Гурзуфа (Томашевский, I. С. 490), в этих стихах говорится о Керчи. Речь идет о горе Митридат, где в VI в. до н. э. переселенцами из Милета был основан город Пантикапей и где, по преданию, был похоронен царь Понтийского государства Митридат Евпатор (ок. 132—63 до н. э.), потерпевший поражение в борьбе с Римом и покончивший с собой (на самом деле прах Митридата был перевезен на родовое кладбище в Синоп, а название горы возникло уже после присоединения Керчи к России). В письме к брату от 24 сентября 1820 г. Пушкин довольно скептически отозвался о керченских древностях: «Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посередине кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных, — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю» (Акад. Т. 13. С. 18). Ср. также упоминания о Митридате в «Отрывке из письма к Д.»: «Я тотчас отправился на так названную *Митридагову гробницу* (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления» (Акад. Т. 8. С. 437; Т. 4. С. 175). См.: *Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. С. 29—30; *Медведева И. Н., Томашевский Н. Б.* За Пушкиным по Крыму // *Люсый А. П.* Пушкин. Таврида. Кимерия. М., 2000. Приложение. С. 172—173).

Ст. 27. *На берегах веселого Салгира...* — Салгир — река в Крыму, берущая начало на склонах горы Чатырдаг; протекает в узком ущелье, в пределах степного Крыма в широкой долине.

Ст. 37 — 38. *И с седоком приморскою дорогой Привычный конь над бездною бежит...* — Высказывалось предположение, что формула «привычный конь»,

возможно, восходит к поэме С. С. Боброва «Херсонида»: «Здесь горный, осторожный конь, / Привычный к облачным путям, / Твой вождь, и друг, и колесница» (Бобров С. С. Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом: Лиро-эпическое песнотворение. СПб., 1804. С. 58; см.: Пушкин. Поэмы и повести 2007. С. 350—351, 2-я паг., коммент. О. А. Проскурина; также: Люсьей А. П. Пушкин. Таврида. Киммерия. С. 27). В первой редакции поэмы, в «Тавриде» (1798), эти стихи отсутствовали. Поэма Боброва входит в круг литературных источников «Бахчисарайского фонтана». Что же касается времени создания «крымских октав», где формула «привычный конь» появляется уже в первой редакции стихотворения (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 363), то хотя знакомство Пушкина с «Херсонидой» к этому моменту вполне вероятно, текста ее у него под рукой не было. О присылке «Тавриды» Боброва он просил брата только в письме от 27 июля 1821 г. (см.: Акад. Т. 13. С. 31).

Другие редакции и варианты

Первая редакция. Ст. 45—47. *В моих руках Овидиева лира, Счастливая певича красоты, Певича нег, изгнанья и разлуки...* — Здесь первый раз в южной лирике Пушкина возникает тема Овидия и сопоставления себя с Овидием. Характеристика поэзии Овидия как поэзии «изгнанья и разлуки» указывает на новые аспекты восприятия Пушкиным творчества римского поэта — перенос основного внимания с «Метаморфоз», любовных элегий и «Науки любви» на написанные в изгнании «Трестиа» («Скорбные элегии», «Tristia») и «Письма с Понта» («Epistulae ex Ponto»). Подробнее см. в примеч. к стихотворению «К Овидию» — наст. т., с. 670—672.

Черновой автограф строф 3, 5 и 6 (ст. 17—24, 33—48) первой редакции. Ст. 33—40. *В развалинах —; Близ падших стен (?) один над дряхл(ой) урно(й) —; Близ груди стен один над дряхл(ой) урно(й) —.* После 48. *Развалины, венчаные плуц(ом) —; И стен углы и башни...; [Столпы гробов обвитые плу(щом)(?)]; Вкруг ветхих стен и башен опустелых; И вол(ны)(?) бьют вкруг валов обгорел(ых)(?)* — Как указал Б. В. Томашевский, здесь отозвались впечатления Пушкина о развалинах господствующей на скале над Гурзуфом средневековой крепости (возникла в V в., сохранившиеся укрепления относятся к XII—XV вв.). Ср. в «Путешествии...» И. М. Муравьева-Апостола, посетившего Гурзуф 6 октября 1820 г.: «Самое имя Гурзуф доказывает, что здесь то самое урочище, которое Прокопий называет *Гурзувитов*; а в трех верстах отсюда, не доезжая деревни, видны у моря на скале развалины крепости Гурзувитов, построенной Юстинианом в одно время с Алустонскою. Едучи мимо, гора, на которой стояла крепость сия, показала мне скалоу, недавно с Яйлы свалившуюся в море, и я бы проехал без всякого внимания, если бы проводник мой не указал мне на развалины стен и башен, еще видные на утесистом берегу горы, в которую со всех сторон ударяют волны» (*Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 155—156*). О крепости упоминает и П. И. Сумароков: «За Партенитом мы видели другую съехавшую в море со всем строением гору, которая расщеплялась на многие зубцы, и на них еще держатся остатки разрушенных стен древнего Урзуфа» (*Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бесарабии в 1799 году. С. 97*). Рядом с этими развалинами, отмечает

Томашевский, в XIX в. еще существовало полуразрушенное заброшенное греческое кладбище. См.: Томашевский. Пушкин, I. С. 490—491; также: *Формозов А. А.* Пушкин и древности. С. 35—36. По поводу появляющегося в черновых вариантах эпитета «обгорелый» И. Н. Медведева и Н. Б. Томашевский замечают: «Обращенная к морю диоритовая поверхность скалы, увенчанная крепостью, покрыта черно-желтыми подтеками, похожими на обгорелую поверхность дерева, — следы размыва» (*Медведева И. Н., Томашевский Н. Б.* За Пушкиным по Крыму. С. 193).

Правка по тексту третьей редакции. После 32. *И в темноте вельблюд —; Вельблюд неутомимый; Верблюды идет...* — У Пушкина отразилась зафиксированная словарями XVIII в. вариативность в произношении и написании слова (см., например: *Словарь Академии Российской.* СПб., 1789. Ч. 1. С. 584; здесь форма «велблюд» дана как основная, а «верблюды» как просторечная). В XVIII—первой половине XIX в. верблюды широко употреблялись в домашнем хозяйстве татар (в основном в степном Крыму). Так, «стада верблюдов» наблюдал вблизи Перекопа П. И. Сумароков (см.: *Сумароков П. И.* Путешествие по всему Крыму и Бесарабии в 1799 году. С. 42). «Скотоводство, — пишет он, — заключающее главное имущество татар, состоит из овец, коз, верблюдов, волов и лошадей; в приморской же полосе держат по нескольку мулов и ослов. (...) Белые верблюды доставляют шерсть, пригодную к крашению во всякие цветы...» (Там же. С. 182, 183). О верблюдах на пути от Перекопа к Симферополю упоминает и И. М. Муравьев-Апостол (см.: *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. 49—50). Ш. Монтандон в своем «Путеводителе путешественника по Крыму» в числе разных способов добраться из Одессы в Крым пишет о найме маджары (татарской повозки), запряженной тройкой лошадей или парой верблюдов (см.: *Montandon С.* Guide du voyageur en Crimée... Odessa, 1834. P. 14; *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму. Киев, 2011. С. 50).

«[ЕСЛИ] С НЕЖНОЙ КРАСОТОЙ...»

(С. 112 и 374)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 45 — черновой. Напечатано: *Бонди С. М.* «Если с нежной красотой»: (Новое альбомное стихотворение Пушкина) // *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 75. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: *Бонди С. М.* «Если с нежной красотой»: (Новое альбомное стихотворение Пушкина). С. 75.

В собрание сочинений впервые включено: ГИХЛ 1935. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно январем—мартом 1821 г. по положению в тетради ПД 830. Записано на л. 45 непосредственно вслед за черновиком стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы...» (л. 43 об.—45). Расположение записей на л. 45, близость почерка и чернил позволяют с большой долей вероятности датировать их одним временем (о датировке стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы...» см. наст. т., с. 821).

Адресат этого альбомного стихотворения неизвестен. По предположению С. М. Бонди, им могла быть кишиневская знакомая Пушкина Пульхерия Егоровна Варфоломей (1802—1868), дочь члена Бессарабского верховного совета

Е. К. Варфоломея, которой, по свидетельству А. Ф. Вельтмана, поэт посвятил несколько стихотворений (каких именно, Вельтман не помнил) (см.: П. в восп. Т. 1. С. 278). Сам Бонди, впрочем, на своем предположении не настаивал, считая в данном случае вопрос об адресате не имеющим большого значения. Его соображения, что в стихотворении «при всей его альбомной условности есть черты, как будто намекающие именно на Пульхерию Варфоломей», поскольку «Вельтман, описывая ее, подчеркивает в ней соединение здоровья, красоты и крайнего добродушия, безобидности» и «о том же говорит и стихотворение Пушкина, слегка иронизирующее над крайней добротой, „чувствительностью” красавицы...» (Бонди С. М. «Если с нежной красотой»: (Новое альбомное стихотворение Пушкина). С. 78—80), действительно, никак не могут быть признаны достаточными для отнесения стихотворения к Пульхерии. Другая высказывавшаяся гипотеза, согласно которой стихотворение обращено к Ек. Н. Раевской, с чьим именем предположительно связывается ряд пушкинских стихотворений 1820—1821 гг. (см.: Кибальник. Русская антологическая поэзия. С. 193), также не имеет никаких фактических оснований.

«Я НЕ ЛЮБЛЮ ТВОЕЙ КОРИ(ННЫ)...»

(С. 113 и 375)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 61. Напечатано: Акад. Т. 2. С. 176, 650 (публ. С. М. Бонди).

Впервые: Акад. Т. 2. С. 176.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно январем—серединой февраля 1821 г. по положению в тетради ПД 830 на листах с черновым автографом стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...» (л. 60—61 об.) (см. его датировку — наст. т., с. 555—556). Очевидно, что, когда работа над стихотворением «Горишь ли ты, лампада наша...» перешла на л. 61, верхняя часть листа уже была занята текстом стихотворения «Я не люблю твоей Кори(нны)...». В то же время характер записей, пера и чернил на л. 59 об.—63 тетради ПД 830 позволяет с достаточной долей вероятности утверждать их временную близость.

Ст. 1. *Я не люблю твоей Кори(нны)...* — Речь идет о романе Жермены де Сталь (Staël; 1766—1817) «Коринна, или Италия» («Corinne, ou l'Italie», 1807). В России роман был популярен, а имя его главной героини, являющей собой тип свободной, образованной, художественно одаренной женщины, даже сделалось нарицательным: «русской» или «северной» Коринной называли женщин-поэтесс — А. П. Бунину (1774—1829) и Э. А. Волконскую (1789—1862) (подробнее см.: Заборов П. Р. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX в. // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 178—181). Первоначальные варианты отражают колебания Пушкина в характеристике романа («В блестящ(ем) вымы(сле) Кори(нны) / Нашел я верные картины»; «Жеманство, фразы и печаль»; «Я видел нежную печаль», см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 375). Позднее в одном из черновых вариантов строфы XXII седьмой главы «Евгения Онегина» (см.: Акад. Т. 6. С. 438) «Коринна» была упомянута Пушкиным в числе любимых книг Онегина, которые он возил с собой.

Ст. 11. *И для того, мой Б...⟨?⟩* — С. М. Бонди в Акад., основываясь на рифме и размере стиха, ввел конъектуру: «Б(езобразов)». Эта конъектура, принятая последующими изданиями (см.: Худ. лит в 10 т. Т. 1. С. 715, примеч. Т. Г. Цявловской), должна быть признана совершенно произвольной.

«ВСЕ ТАК ЖЕ ОСЕНЯ(ЮТ) СВОДЫ...»

(С. 114 и 376)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 61 об.—62. Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 4. С. 295 (ст. 5, 6 и 9; в примеч. к XVIII строфе первой главы «Евгения Онегина»); Бонди С. М. Стихи об актрисе Семеновой // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 37, 40—46. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Мор. 1903—06. Т. 4. С. 295; Бонди С. М. Стихи об актрисе Семеновой.

В собрание сочинений впервые включено: ГИХЛ 1934. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно январем—серединой февраля 1821 г. (тем же временем, что и первый черновой автограф стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...») по положению в тетради. В изданиях под редакцией М. А. Цявловского от ГИХЛ 1934 вплоть до Акад. печаталось как самостоятельное стихотворение (то же в Акад. в 10 т. (1)). Б. В. Томашевским в Акад. в 10 т. (2) (Т. 2. С. 28—31) включено в состав стихотворения «В кругу семей, в пирах счастливых...» — реконструированный текст первоначальной редакции стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...» (подробнее см. в примеч. к стихотворению «Горишь ли ты, лампада наша...» — наст. т., с. 556—558). Т. Г. Цявловской напечатано как самостоятельное стихотворение, но с оговоркой в комментариях, что, возможно, являлось частью задуманного Пушкиным послания к «Зеленой лампе» (т. е. стихотворения «Горишь ли ты, лампада наша...») (Госл. в 10 т. Т. 1. С. 486, 622; то же в Худ. лит. в 10 т. Т. 1. С. 539, 715).

С. М. Бонди читал ст. 3: «Все те же ль клики юных жриц». «Правда, в остальных случаях этого вопросительного „ль“ нет, — отмечал исследователь, — но это может объясняться торопливостью письма Пушкина, вообще обильного описками и недописками...» (Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. С. 206). Во всех изданиях начиная с ГИХЛ 1934 ст. 1—4 печатались с предложенными С. М. Бонди конъектурами:

Все так же ⟨ль⟩ осеняют своды
[Сей храм] [Парнасских] трех цариц?
Все те же ль клики юных жриц?
Все те же ⟨ль⟩ вьются хороводы?..

(Акад. Т. 2. С. 175; в остальных изданиях без обозначения редакторских конъектур)

Такое чтение, по мнению Бонди, подтверждается следующей далее вопросительной фразой: «Ужель умолк волшебный глас / Семеновой, сей чудной музыки?»,

а также тем обстоятельством, что, перефразируя позднее начало стихотворения о Семеновой в строфе XIX первой главы «Евгения Онегина», Пушкин сохранил вопросительную интонацию:

Мои богини! что вы? где вы?
 Внемлите мой печальный глас:
 Всё те же ль вы? другие ль девы,
 Сменив, не заменили вас?
 Услышу ль вновь я ваши хоры?
 Узрю ли русской Терпсихоры
 Душой исполненный полет?

(Акад. Т. 6. С. 12)

Аргументы С. М. Бонди не представляются, однако, достаточно убедительными, а его конъектуры оправданными, прежде всего потому, что опираются на неточное чтение ст. 3, в котором также отсутствует вопросительная частица «ль».

Незавершенное стихотворение посвящено трагической актрисе Екатерине Семеновне Семеновой (1786—1849). Е. С. Семенова дебютировала на большой сцене Петербургского театра 3 февраля 1803 г. в роли Нанины в комедии Вольтера «Нанина, или Побезденный предрассудок» («Nanine, ou le Préjugé vaincu», 1749; на русской сцене шла в переводе И. Ф. Богдановича). Ее слава как трагической актрисы началась с представления 23 ноября 1804 г. трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», где Семенова играла Антигону. «С появлением трагедий Озерова, — писал П. А. Каратыгин, — сценические успехи Семеновой стали быстро возрастать, и вскоре она могла по справедливости назваться любимицей публики. В этот период времени она оставила прежнего своего учителя, кн. Шаховского, и проходила свои роли с Николаем Ивановичем Гнедичем (известным переводчиком «Илиады»). Этот высокообразованный литератор, строгий эллинист и классик много способствовал своими умными советами развитию ее природного таланта. (...) Вообще природа наделила ее редкими сценическими средствами: строгий, благородный профиль ее красивого лица напоминал древние камеи; прямой пропорциональный нос с небольшим горбом; каштановые волосы, темно-голубые, даже синеватые глаза, окаймленные длинными ресницами, умеренный рот — все это вместе обаятельно действовало на каждого при первом взгляде на нее. Контральтовый, гармоничный тембр ее голоса был необыкновенно симпатичен и в сильных патетических сценах глубоко проникал в душу зрителя. В греческих и римских костюмах она бы могла служить скульптору великолепной моделью для воспроизведения личностей Агриппины, Лукреции или Клитемнестры» (Каратыгин П. А. Записки. Л., 1930. Т. 1. С. 188, 193; то же: Л., 1970. С. 114, 115—116). Увлечение Пушкина драматическим искусством Семеновой началось в 1817 г., по выходе из Лицея. В это время Семенова «безраздельно первенствовала в трагедиях» (Каратыгин П. А. Записки. Т. 1. С. 191; то же: Л., 1970. С. 115). В конце 1818 г. блестящий дебют А. М. Колосовой, молодой соперницы Семеновой (см. примечание к стихотворению «(Колосовой)» («О ты, Надежда нашей Сцены!..») — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 660) расколол петербургских театралов на два лагеря. Колосовой протезировали князь А. А. Шаховской и директор императорских театров князь П. И. Тюфякин, Семенова не желала уступить ей свои роли и в результате начавшегося конфликта 17 января 1820 г. покинула сцену. Пуш-

кин, в свое время восторженно приветствовавший дебют Колосовой, в этом конфликте принял сторону Семеновой (к началу 1820 г. относится и его размолвка с Колосовой, произошедшая, впрочем, от посторонних причин; см. примеч. к эпиграмме «(На Колосову)» («Все пленяет нас в Эсфири...») — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 623—624). В статье «Мои замечания об русском театре», датирующейся началом 1820 г., Пушкин называет Семенову «единодержавною царицею трагическою сцены» (Акад. Т. 11. С. 11). «Говоря о русской трагедии, — пишет он, — говоришь о Семеновой и, м(ожет) б(ыть), только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная фр(анцузская) актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одуховленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения, все сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано. (...) Семенова не имеет соперницы» (Там же. С. 10—11; на автографе статьи, который Пушкин подарил Семеновой, надпись рукой Н. И. Гнедича: «Пьеса, писанная А. Пушкиным, когда он приволакивался, но бесполезно за Семеновой, которая мне тогда же отдала ее». — Там же. С. 529).

С разговора о петербургских актерах началось знакомство В. П. Горчакова с Пушкиным, состоявшееся в начале ноября 1820 г. в зале кишиневского театра: «Во втором антракте Пушкин снова подошел к нам. (...) Это незначущее мое замечание почему-то обратило внимание Пушкина. Пушкин начал смеяться и повторял слова мои; вслед за этим, без дальних околичностей, мы как-то сблизились разговором, вспомнили наших петербургских артистов, вспомнили Семенову, Колосову. Воспоминания Пушкина согреты были неподдельным чувством воспоминания первоначальных дней его петербургской жизни, и при этом снова яркую улыбку сменила грустная дума» (П. в восп. Т. 1. С. 237—238).

Семенова вернулась на сцену в январе 1822 г., после того как князя Тюфякина на посту директора императорских театров сменил А. А. Майков. Успех ее был ошеломляющим, и в глазах зрителей она сразу затмила Колосову. Играла она еще почти пять лет и окончательно покинула театр в ноябре 1826 г. В 1827 г. она переехала в Москву и в следующем году вышла замуж за сенатора князя И. А. Гагарина (1771—1832), с которым находилась в многолетней связи и имела рожденных до брака сына и трех дочерей.

Ст. 2. < > *трех цариц...* — Три царицы — муза трагедии Мельпомена, муза комедии Талия и муза танца Терпсихора.

Ст. 5—6. *Ужель умолк волшебный глас Семеновой, сей чудной музы?* — Семенову называли Мельпоменой по имени музы трагедии. См., например, упоминание Семеновы как «гордой нашей Мельпомены» в письме А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву от 8 октября 1822 г. (РА. 1871. № 7—8. Стб. 973).

Ст. 15—16. *Мл(адою)(<?) Катен(ин) воскрес(ит)(<?) Эсхила гений велича(вый)* — Имя Эсхила олицетворяет высокую простоту древнегреческой трагедии в противовес чувствительности, галантности и риторичности трагедии новой, в особенности вольтеровской. Неприятие Катениным «жеманной сцены 19-го столетия» Пушкин имел в виду и в письме к нему от 19 июля 1822 г., завершающемся фразой: «Прощай, Эсхил, обнимаю тебя как поэта и друга...» (Акад. Т. 13. С. 41). Свои эстетические установки Катенин стремился реализовать в единственной со-

зданной им оригинальной трагедии «Андромаха», над которой работал с 1809 г. и о которой было известно в литературных кругах (см.: Королева Н. В. Декабристы и театр. Л., 1982. С. 237—241; Архипова А. В. Драматургия декабристов // История русской драматургии: XVII—первая половина XIX века. Л., 1982. С. 244—245). Позднее, в статье «О народной драме и драме „Марфа Посадница“» (1830), Пушкин отзовется об «Андромаше» как о «может быть, лучшем произведении нашей Мельпомены, по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому» (Акад. Т. 11. С. 180). С Семеновой был связан театральный дебют Катенина: для бенефиса актрисы 3 февраля 1811 г. Катенин перевел трагедию Тома Корнеля (Corneille; 1625—1709) «Ариана» («Ariane», 1672). Семенова играла также в «Горациях» (пост. в 1817 г.) — трагедии Пьера Корнеля (Corneille; 1606—1684) «Гораций» («Ногасе», 1640) (совместный перевод А. А. Жандра, А. А. Шаховского, П. А. Катенина (4-е действие) и Чепягова) и «Медее» (пост. в 1819 г.) — трагедии Илера-Бернара де Лонжпьера (Longepierre; 1659—1731) «Медей» («Médée», 1694) (совместный перевод С. Н. Марина, А. А. Дельвига, Н. И. Гнедича и П. А. Катенина (4-е действие)). Но в 1818—1820 гг. в конфликте между Семеновой и Колосовой Катенин, театральный наставник Колосовой, поддерживал последнюю. Кроме того, Семенова «крепко не жаловала Катенина за его злой язык и строгую критику» (Каратыгин П. А. Записки. Т. 1. С. 160; то же: Л., 1970. С. 101; жалоба Семеновой в сентябре 1822 г. петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу на поведение Катенина в театре повлекла за собой запрет Катенину на посещение театра и в конечном счете его высылку из Петербурга, см.: Там же. С. 160, 163; то же: Л., 1970. С. 101—102). Пушкин, таким образом, выражает надежду на примирение враждующих партий и возобновление творческого союза Катенина и Семеновой. Сам Катенин, впрочем, хотя и был сторонником иной школы актерской игры, всегда высоко ценил драматический талант Семеновой. Для нее он предназначал впоследствии и роль Андромахи в своей трагедии (завершена в 1825 г.; поставлена 3 февраля 1827 г.; роль Андромахи в связи с уходом Семеновой со сцены была передана Колосовой). Ст. 15—16 были перефразированы Пушкиным в стихотворном послании к Н. И. Гнедичу «В стране, где Юлией венчаный...» (1821): «О ты, который воскресил / Ахилла призрак величавый...» (наст. т., с. 24), а позже использованы в XVIII строфе первой главы «Евгения Онегина»: «Там наш Катенин воскресил / Корнеля гений величавый...» (Акад. Т. 6. С. 12). В черновом автографе строфы первоначально было: «Эсхила гений величавый». Пушкин уточнял стих, применяя его к творчеству Катенина. Он заменил Эсхила сначала на Расина, имея в виду катенинский перевод трагедии Жана Расина (Racine; 1639—1699) «Эсфирь» («Esther», 1689), изданный и поставленный на сцене в 1816 г. В окончательном варианте Расин был заменен Корнелем (Там же. С. 259; ПД 835, л. 20 об.). Трагедия П. Корнеля «Сид» («Cid», 1637) в переводе Катенина была издана в 1822 г. и в декабре того же года поставлена на петербургской сцене.

Ст. 17. *И ей кинжал* < > <возврат>ит(?) — В первоначальных вариантах: «И ей [порфи(ру)] корону возврат(ить)<?>» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 378). Корона и кинжал — атрибуты Мельпомены. См., например, у Пушкина в «Городке» (1815):

И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены

Котурны и кинжал
Игривой Тальи дал!

(Наст. изд., т. 1, с. 92)

В строфе XXXII четвертой главы «Евгения Онегина»:

— Ты прав, и верно нам укажешь
трубу, личину и кинжал...

(Акад. Т. 6. С. 87)

Здесь могли сказаться и зрительские впечатления от разных ролей Семеновой. См., например, воспоминания П. А. Каратыгина об игре Семеновой в трагедии «Медея»: «...это было именно последнее явление в 5-м акте, когда Медея, зарезав своих детей, является в иступлении к Язону; в правой руке она держит окровавленный кинжал, а левой — указывает на него, вперив свирепые глаза в изменника, и говорит ему: „Взгляни, вот кровь моя и кровь твоя дымится!“».

Этот стих, произнесенный ею, постоянно производил потрясающее действие на зрителей и вызывал гром рукоплесканий» (*Каратыгин П. А. Записки. Т. 1. С. 195; то же: Л., 1970. С. 117*).

⟨В. Л. ДАВЫДОВУ⟩

⟨«Меж тем как генерал Орлов...»⟩

(С. 115 и 379)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 30—31, без заглавия. Ст. 21—22 и 32—40 густо замазаны чернилами; кроме того, в рукописи пометы синим карандашом: ст. 17—22 отчеркнуты по правому полю, ст. 21—22 подчеркнуты, ст. 32—40 перечеркнуты. Напечатано: *Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху // ВЕ. 1874. № 1. С. 29—30; отд. изд.: СПб., 1874. С. 183—184 (ст. 1—16 с ошибочным порядком стихов и неточностями; ст. 23—27; ст. 46—56 в неточном пересказе); Якушкин. № 4. С. 92—93 (уточнения к ст. 1—8; ст. 17—20; ст. 28—31 (здесь, как и во всех последующих изданиях, помещены перед ст. 23—27); ст. 41—52; и в неверной последовательности: ст. 60, 53—56); Мор. 1887. Т. 7. С. 21 (ст. 53—60 в правильной последовательности). Историю публикации ст. 21—22 и 32—40 см. ниже. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.*

Копия П. В. Анненкова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 55, л. 4 об.—5) в тетради «Рукописи Пушкина. 1. Анненков», писарская, ст. 1—45 (с неточностями; ст. 45 неполный: «Вот евхаристия!...»), далее прозаический текст: «Послание писано к Давыдову, впоследствии сосланному в Сибирь за декабристские дела, и окончание его можно только рассказать: Пушкин вспоминает, как Давыдов с братом надевали демократический халат и выпивали чашу до дна за *тех* и *ту*, но те, говорит он, в Неаполе шалят, а *та* едва ли воспрянет, а народы тишины хотят и проч.».

Впервые: ВЕ. 1874. № 1. С. 29—30 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по автографу. Вымаранные в рукописи чернилами ст. 21—22 и 32—40 печатаются по фотографии автографа, выполненной в ультрафиолетовых лу-

чах в Лаборатории консервации и реставрации документов РАН. Воспроизведение фотографии см.: *Эрастов Д. П. Использование фотографических технологий в работе с историческими документами // Сохранность культурного наследия : Наука и практика. СПб., 1997. Вып. 2: Экспонирование и сохранность памятников. С. 72—73.*

Датируется началом апреля (около 9-го) 1821 г. по положению в тетради ПД 831 и содержанию. На предшествующих листах (л. 26 об.—29) находится черновой автограф послания «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), белой автограф которого в тетради ПД 833 (л. 5 об.—7 об.) датирован 6 апреля 1821 г. Стихотворение написано во время Великого поста, на Страстной неделе (см. в ст. 23: «Говеет Инзов...»), т. е. 3—9 апреля (Пасха в 1821 г. отмечалась 10 апреля).

В начале 1850-х гг. с тетрадью работал П. В. Анненков, снявший копию стихотворения (см. выше). После этого ст. 21—22 и 32—40 были густо замазаны чернилами. Предположение Т. Г. Зенгер (Цявловской) (см.: Акад. Т. 2. С. 1092; *Цявловская Т. Г. Как были раскрыты два автографа Пушкина // Огонек. 1949. № 23. С. 24*), что это было сделано передавшим рукописи Пушкина в Румянцевский музей сыном поэта А. А. Пушкиным по указанию П. И. Бартенева, представляется маловероятным. Следы синего карандаша, которым делал пометы в рукописях Пушкина Бартенов, проходят поверх чернильного зачеркивания. Таким образом, в руки к Бартенову тетрадь ПД 831 попала уже после того, как были сделаны вымарки в автографе послания. Скорее, эту своего рода «цензуру» пушкинского текста следует приписать самому Анненкову (мнение Б. В. Томашевского, см.: *Пушкин А. С. Гавриилиада. Пб., 1922. С. 39*), который при публикации отрывков послания отмечал, что оно отличается «характером развязной до неприличия шутки» и что Пушкин доходит в нем «до последних пределов глумления» (ВЕ. 1874. № 1. С. 30; *Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 184*). Рукопись Анненкова с описанием рабочих тетрадей Пушкина, в которой находилась копия стихотворения, в 1888 г. попала в распоряжение П. А. Ефремова, в свою очередь снявшего с нее копию (ПД, ф. 244, оп. 8, № 54). Ефремов напечатал по ней ст. 32—35 (Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 434; ст. 35 с пропуском слова «Причастья»); ст. 22 и ст. 37—40 (Там же. Т. 7. С. 31; ст. 37 не полностью: «...хоть например лафит»). Начало ст. 21 («И с...») и ст. 36 («Еще когда бы...») и полностью ст. 37 напечатаны: АН 1900—29. Т. 3. С. 20, 21 (публ. В. Е. Якушкина по копии П. А. Ефремова). Слово «Причастья» в ст. 35, исключавшееся в печати по цензурным соображениям (ср. в Мор. 1903—06. Т. 1. С. 313: «Пр..... вовсе не варит»; в Венг. Т. 2. С. 61: «При..... вовсе не варит») и последнее слово в ст. 21 («И с ..... Марин») впервые: Брюс. С. 184—185; ст. 21 полностью: *Пушкин А. С. Гавриилиада. С. 39* (публ. Б. В. Томашевского по копии П. А. Ефремова); ст. 36 полностью: КН. Т. 1. С. 329 (публ. М. А. Цявловского по копии П. В. Анненкова). При подготовке Акад. была выполнена фотография ст. 32—40 сквозь специальные светофильтры (см.: Акад. Т. 2. С. 1093), в настоящее время утраченная.

Адресат послания — Василий Львович Давыдов (1792—1855), сводный брат генерала Н. Н. Раевского и двоюродный брат А. П. Ермолова и Д. В. Давыдова, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, имевший многочисленные награды, в том числе и золотую шпагу за храбрость, адъютант князя П. И. Багратиона, поручик, с мая 1813 г. штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского

полка, с 1817 г. подполковник Александрийского гусарского полка. В 1819 г. Давыдов получил отпуск и поселился в семейном имении Каменка Чигиринского уезда Киевской губернии (уволен в отставку полковником в январе 1822 г.). По собственному признанию Давыдова, воспитание он получил «поверхностное, не придаваясь особенно никакой науке, а более занимаясь французской словесностью» (Восстание декабристов : Документы и материалы. М., 1953. Т. 10. С. 191). Он писал французские стихи и собрал в Каменке прекрасную библиотеку. Д. В. Давыдов в одном из писем к жене 1822 г. характеризовал Василия Львовича как «неиссякаемый источник веселости, ума и прекрасных чувств» (см.: Орлов В. Н. Судьба литературного наследства Дениса Давыдова // ЛН. М., 1935. Т. 19—21. С. 330). В 1820 г. В. Л. Давыдов вступил в Союз благоденствия, впоследствии участник Южного общества (вместе с С. Г. Волконским возглавлял Каменскую управу). После поражения восстания в Петербурге был в январе 1826 г. арестован; осужден по I разряду и приговорен к 20 годам каторги (позднее срок был сокращен до 13 лет). См. о нем: Декабристы : Биогр. справочник. М., 1988. С. 61—62; К биографии Василия Львовича Давыдова. I. [Гершензон М. О.] Василий Львович Давыдов (декабрист) и попутная хроника семьи Давыдовых с 1792 по 1856 год. II. [Гершензон М. О.] К архиву Давыдова : (Хронологическая канва с 1792 по 1855 г.) / Публ. Л. Г. Сахаровой // Российский архив : История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. (Нов. серия). М., 2007. [Вып. 16]. С. 589—665; Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М., 2010. С. 321—352; Давыдов В. Л. Сочинения, письма / Вступ. статья, примеч. Т. С. Комаровой. Иркутск, 2004.

Близкое знакомство Пушкина с В. Л. Давыдовым состоялось в Кишиневе осенью 1820 г. В. П. Горчаков, приехавший в Кишинев в первых числах ноября, вспоминал о встрече с братьями В. Л. и А. Л. Давыдовыми, дружески общавшимися с Пушкиным в доме М. Ф. Орлова (см.: П. в восп. Т. 1. С. 238). В середине ноября Н. И. Инзов по просьбе А. Л. Давыдова разрешил Пушкину поездку в Каменку. Приехав с братьями Давыдовыми в их имение около 22 ноября 1820 г., Пушкин гостил там до 28 января 1821 г., потом также вместе с Давыдовыми отправился в Киев на контракты (ежегодную зимнюю ярмарку) и, возможно, в Тульчин, около 20 февраля вернулся с ними в Каменку и прожил там еще около недели (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 223, 229, 231—233). В одно время с Пушкиным к 24 ноября, именинам матери Давыдовых Екатерины Николаевны (урожд. Самойлова, в первом браке Раевская; 1754—1825), в Каменку приехали генерал Н. Н. Раевский с сыном А. Н. Раевским, а также М. Ф. Орлов, И. Д. Якушкин и К. А. Охотников, отправившиеся потом в Москву на съезд Союза благоденствия. «Мы всякий день обедали внизу у старушки матери, — рассказывал в своих «Записках» Якушкин. — После обеда собирались в огромной гостиной, где всякий мог с кем и о чем хотел беседовать. (...) Все вечера мы проводили на половине у Василья Львовича, и вечерние беседы наши для всех для нас были очень занимательны. Раевский, не принадлежа сам к тайному обществу, но подозревая его существование, смотрел с напряженным любопытством на все происходящее вокруг него» (Якушкин И. Д. Записки, статьи и письма. М., 1951. С. 41, 42 (Сер. «Литературные памятники»). 4 декабря 1820 г., уже после отъезда из Каменки Якушкина, Орлова и Охотникова, Пушкин писал Н. И. Гнедичу: «...теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше,

теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. — Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов» (Акад. Т. 13. С. 20).

Ст. 1—4. *Меж тем как генерал Орлов ~ Под меру подойти готов...* — Речь идет о предстоящей женитьбе М. Ф. Орлова (1788—1842), помолвленного с Ек. Н. Раевской (1797—1885). Их свадьба состоялась 15 мая 1821 г. Гименей — божество брака в древнегреческой мифологии. Орлов, готовый пойти под венец, иронически сопоставлен в стихотворении с рекрутом. Для предотвращения побегов рекрутов по пути к месту службы им на уездных сборных пунктах брили лбы. По прибытии на место рекруты проходили процедуру освидетельствования, в том числе измерения роста при помощи специальной «меры» (годными к службе признавались имеющие не меньше 2 аршин 2 вершков, т. е. 155 см).

Ст. 7. *Аи* — сорт белого полусухого шампанского из департамента Марны.

Ст. 11—12. *И с горя на берегах Дуная Бунтует наш безрукий князь...* — Речь идет о греческом восстании, начавшемся в конце февраля 1821 г. под руководством князя Александра Ипсиланти (подробнее см. в примеч. к стихотворению «Война» — наст. т., с. 661—666). Князь Александр Константинович Ипсиланти (1792—1828), представитель фанариотского аристократического рода, старший сын Константина Ипсиланти (1760—1816), молдавского (1799—1802) и валашского (1802—1806) господаря, в 1806 г. бежавшего в Россию. В 1808 г. А. К. Ипсиланти вступил в русскую службу корнетом Кавалергардского полка. Участник войны 1812 г. и заграничной кампании. С февраля 1813 г. ротмистр, в июле переведен в Гродненский гусарский полк в чине подполковника. В сражении при Дрездене (26—27 августа 1813 г.) потерял правую руку, что сделало его неспособным к продолжению действительной службы. В 1816 г. назначен флигель-адъютантом Александра I, в конце 1817 г. произведен в генерал-майоры с назначением командиром 1-й бригады 1-й гусарской дивизии. В 1820 г. возглавил тайную патриотическую греческую организацию «Филики Этерия», готовившую в Греции восстание против турецкого господства. С подготовкой восстания было связано и пребывание Ипсиланти в Кишиневе, где с ним осенью 1820 г. познакомился Пушкин. В черновом письме от марта 1821 г. Пушкина с рассказом о начале греческого восстания, адресованном, возможно, В. Л. Давыдову в Каменку, Пушкин писал: «Первый шаг Ал(ександра) Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — отныне и мертвый или победы(тель) п(рин)адлежит истории — 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! — завидная (у)часть. (Кин)жал изменника опаснее дл(я него) сабли турк(ов)...» (Акад. Т. 13. С. 24). В отличие от этого восторженного отзыва в стихах послания, посвященных Ипсиланти, чувствуется ирония. Скептические оценки действий Ипсиланти, судя по всему, звучали в русском обществе с самого начала греческого восстания. Так, 21 марта 1821 г. М. Ф. Орлов писал своей невесте Ек. Н. Раевской из Кишинева в Киев: «Не смейтесь над Ипсилантием. Тот, кто кладет голову за отечество, всегда достоин почтения, каков бы ни был успех его предприятия. Впрочем, он не один, и его покушение не презрительно ни по намерению, ни по средствам» (Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа : Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 232 (Сер. «Литературные памятники»)). К началу апреля этот скептицизм должен был усилиться, поскольку, как отмечал, например, В. П. Горчаков, «первоначальные действия самого Ипсилантия, несмотря на всю важность неожиданных по-

следствий, не имели в себе ничего уважительного: Ипсилантий в Яссах и в окрестностях предался вполне обычным веселостям, окружил себя одним блеском власти, не утвердив ее силы» (П. в восп. Т. 1. С. 262). Позднее в повести «Кирджали» (1834) Пушкин писал: «Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности» (Акад. Т. 8. С. 255). После поражения этеристов 7/19 июня у Драгошан Ипсиланти оставил войско и перешел австрийскую границу, за которой был арестован и заключен в крепость. Освобожден тяжело больным в ноябре 1827 г. В январе 1828 г. скончался в Вене.

Ст. 17 — 22. *На этих днях тиран(?) собора ~ Пошел христосоваться в рай...* — Речь идет о последовавшей 30 марта смерти митрополита Кишиневской и Хотинской епархии Гавриила (Григорий Григорьевич Банулеску-Бодони, 1746—1821).

Ст. 23. *Говест Инзов...* — Генерал Иван Никитич Инзов (1786—1845), в 1820 г. сменивший в должности наместника Бессарабии Алексея Николаевича Бахметева (1774—1841), к канцелярии которого был прикомандирован высланный из Петербурга Пушкин. С самого начала знакомства Инзов относился к Пушкину с симпатией и благожелательностью. «Судьба свела сих людей, между коими великая разница в летах была малейшим препятствием к искренней взаимной любви, — писал Ф. Ф. Вигель. — Сношения их сделались сколько странными, столько и трогательными и забавными. (...) Никто так глубоко не умел чувствовать оказываемые ему одолжения, как Пушкин, хотя между прочими пороками, коим не был он причастен, накидывал он на себя и неблагодарность. Его веселый, острый ум оживил, осветил пустынное уединение старца. С попечителем своим, более чем с начальником, сделался он смел и шутив, никогда не дерзок; а тот готов был все ему простить» (Вигель. Ч. 6. С. 151—152). Воспитанный московскими мартинистами князьями Ю. Н. и Н. Н. Трубецкими, Инзов был человеком глубоко религиозным, масоном и членом Библейского общества. Весной 1821 г. Пушкин жил в доме Инзова (см. упоминание об этом, в частности, в письме Инзова к графу И. А. Каподистрии от 28 апреля 1821 г. — А. С. Пушкин : Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007. С. 366). Об Инзове см. также в примеч. к стихотворению «Мой друг, уже три дня...» — наст. т., с. 865.

Ст. 36 — 38. *Еще когда бы кровь Христова Была хоть, например, лафит Иль кло д'вужо — тогда б ни слова...* — Пушкин иронизирует по поводу таинства причастия (эвхаристии), в котором хлеб и вино (разбавленное водой) пресуществляются в Тело и Кровь Христовы. *Лафит* и *кло д'вужо* — сорта французских красных вин. «Вина типа *бордо* — красное бургонское, *кло д'вужо* и *лафит*. В 1820 г. особенно славилось вино *кло д'вужо*, названное по местности в Бургони, составленное из смеси темного и зеленого винограда; существовало также белое вино этой марки. *Лафит* — красное вино, мягче и слаще бургонского» (Путеводитель. С. 79; статья М. А. Цявловского).

Ст. 46. *Когда и ты, и милый брат...* — Речь идет об А. Л. Давыдове родном брате В. Л. Давыдова (см. о нем примеч. к стихотворению «Д(авыдов)у» («Нельзя, мой толстый Аристип...»)) (1824) — наст. т., с. 793—794).

Ст. 53 — 54. *Но те в Неаполе шалят, А та едва ли там воскреснет...* — Речь идет о революции в Неаполитанском королевстве, вспыхнувшей в июле 1820 г. Ю. М. Лотман видел в этих стихах «фразеологизм конспиративного

языка, которым пользовались декабристы Юга» (Лотман Ю. М. К проблеме «Данте и Пушкин». 1. «Те и та» // Лотман. Пушкин. С. 333). Употребление местоимений *те* и *та* в данном контексте, по мнению исследователя, восходит ко второй песне «Ада» Данте:

La quale e' l quale, a voler dir lo vero,
Fu stabiliti per lo loco santo,
U' siede il successor del maggior Piero.
(Inf. II, 22—24)

А тот и та, когда пришла пора,
Святой престол воздвигли в мире этом
Преемнику верховного Петра.
(Пер. М. Лозинского)

У Данте речь идет о Риме и «его державе», подготовивших эпоху христианства.

Революция в Неаполе была вызвана широким недовольством внутренней политикой неаполитанского короля Фердинанда (1751—1825), проводившейся им после реставрации в Неаполе испанской династии Бурбонов в 1815 г. (отменой французских учреждений и законов, введенных в годы правления наполеоновских ставленников, возвращением дворянских должностей и феодальных привилегий и т. д.). Она вдохновлялась карбонариями — членами тайного патриотического общества, ставившего своей конечной целью освобождение и объединение всей Италии. 20 июня/2 июля 1820 г. поднял восстание расквартированный в Ноле кавалерийский полк под командованием офицера М. Морелли. Посланные против него войска генерала Гильермо Пепе (Рере, 1783—1855) перешли на сторону восставших, а Пепе возглавил армию инсургентов. Фердинанд, вынужденный уступить требованиям восставших, 24 июня/6 июля объявил о даровании народу конституции, в основу которой должна была быть положена испанская конституция 1812 г., и о формировании нового правительства. 27 июня/9 июля войска генерала Пепе торжественно вступили в Неаполь. 19 сентября/1 октября начал работу неаполитанский парламент. События в Неаполе стали главной темой обсуждения на собравшемся в октябре в Троппау втором конгрессе Священного союза. Цели этого конгресса были достаточно очевидны для всех даже до появления каких-либо официальных заявлений. См., например, оценку его в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 23 октября/4 ноября: «Они хотят поддержать достоинство царского лица, а какая цель их совещаний? — Объявить всенародно, что цари гишпанский и неаполитанский не в праве быть у себя дома хозяевами. В другом случае — обличить царей этих доносителями на свои народы. Я буду радоваться конгрессу владык самовластных, кузнецов народных оков, которые собрались с тем, чтобы закинуть эти цепи и на те народы, которые мужественно вырвались из-под желез самовластия? Этот конгресс не что иное, как заговор самодержавия против представительного правительства» (ОА. Т. 2. С. 92). 7/19 ноября в Троппау Австрия, Россия и Пруссия подписали протокол, декларирующий право государей этих стран на вооруженное вмешательство во внутренние дела других государств для подавления там революционных выступлений (см.: Внешняя политика России XIX и начала XX века : Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия вторая : (1815—1830 гг.). М., 1979. Т. 3 (11): Май 1819—февраль 1821 г. С. 589—594). За здоровье неаполи-

танских конституционалистов в Каменке пили, таким образом, когда их судьба была по сути предрешена. Из Троппау конгресс Священного союза в январе 1821 г. переместился в Лайбах, куда для переговоров прибыл неаполитанский король Фердинанд, присягнувший конституции и получивший на эту поездку согласие парламента. Прибыв в Лайбах, Фердинанд отрекся от конституции и апеллировал к иностранной помощи. В марте 1821 г. австрийские войска вступили на территорию Неаполитанского королевства.

В либеральных кругах русского общества с сочувствием относились к происходящему в Неаполе. «Все, что пишется в неаполитанском парламенте, удивительной силы. Мужество искренности и правоты! Их сияние должно жечь глаза наших фейервершников», — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 7/19 января 1821 г. (ОА. Т. 2. С. 137). 12 /24 марта Н. И. Тургенев записал в дневнике: «Я почти не предполагал никакой возможности успеха для неаполитанцев; но вчера в Англ(ийском) клобе Стол(ыпин), впрочем, пустой человек, заметил, что смешно посылать 50 000 чел(овек) против целого народа! И это правда! Если же народ покажет какую-нибудь силу, если он не одним только принятием конституции гисп(анской) будет подражать гиспанцам, тогда австрийцам трудно будет совладать с неап(олитанца)ми, если бы помощь России не была им обещана» (АБТ. Вып. 5. С. 259). 19 /31 марта тот же Тургенев писал: «Неаполитанские известия сильно меня занимают с тех пор, как я заметил много умеренности, истинного ума и благоразумия в членах неапол(итанского) парламента. Нет никакого хвастовства в речах их; но везде заметно глубокое чувство негодования к несправедливости и чувство патриотизма. Вчера в „Allg(emeine) Zeit(ung)“ я читал прекрасные извлечения из речей их. Один (Morici), старый инженерный офицер, просил позволения у парламента переменить место парламентаское на место в армии. Он дал клятвы положить свою седую голову на поле битвы, но не возвращаться, если отечество спасено не будет. Другой говорил: „Мы падем, но падем достойными той земли, в которой покоятся кости Залевка и Сципионов! Но нет! Бог мира, Отец людей вступится за нас против тех, кот(орые), будучи не в состоянии дать жизнь одному атому, грозят смертию целым народам“. Парламент в своих объявлениях гов(орил), что Неаполю предстоит или вечная слава, или стыд вечный! — Все это доказывает, что в народе есть твердость» (Там же. С. 260). 23 февраля/7 марта 1821 г. австрийцы разгромили в сражении при Риети корпус генерала Пепе и, не встретив далее особого сопротивления, 12/24 марта вступили в Неаполь и восстановили абсолютную монархию Фердинанда. Стремительное поражение неаполитанцев не могло не вызвать разочарования. «Неаполитанцы не сражаются: бегут. Если это так, то мы увидим разницу между энтузиасмом на трибуне и истинным энтузиасмом», — отметил в дневнике Н. И. Тургенев 26 марта/7 апреля (Там же). Спустя несколько дней, 1/13 апреля, он писал брату Сергею: «Неаполитанцы подтвердили мое о них мнение весьма невыгодное, которое, однако же, я было переменял, читая речи членов парламента, адреса и прокламации оного. Но народ не действовал так, как говорил парламента» (Декабрист Тургенев. С. 331).

Ст. 55 — 56. *Народы тишины хотят, И долго их ярем не треснет.* — Здесь намечается тема стихотворения «Свободы сеятель пустынный...» (1823) (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 555).

«НЕДАВНО БЕДНЫЙ МУЗУЛЬМАН...»

(С. 117 и 383)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 34 об.—35 об. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 94—95 (в виде сводки верхнего слоя чернового автографа; до ст. 46 с указанием на трудность восстановления последующих стихов); Майков. Материалы. С. 143—145 (в виде сводки верхнего слоя чернового автографа). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 4. С. 94—95 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно апрелем (после 11)—маем 1821 г. по положению автографа в тетради. Верхняя граница датировки ориентировочно определяется пометой «11 апреля» на л. 33 об. под стихотворением «К моей чернильнице», нижняя — пометой «4 июня ночью/5 июня поутру» на л. 40 об.

Во всех изданиях до ГИХЛ 1934 (Т. 1. С. 463) печаталось без учета перестановки начальных слов в ст. 1—2, с первым стихом «В Юрзуфе бедный музульман».

Как было указано еще В. Е. Якушкиным (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 39), стихотворение является переводом-переделкой начала стихотворной сказки Антуана Бодерона де Сенесе (Sépécé, Sépéçai; 1643—1737) «Утерянное доверие, или Змей, любитель каймака, и турок, его поставщик» («La confiance perdue, ou le Serpent mangeur de kaïmak, et le Turc son pourvoyeur»).

Пушкин превратил героя из турка в татарина и перенес действие в Гурзуф. Вступительные стихи были им опущены; переведено непосредственно начало сказки, содержащее завязку сюжета (ст. 12—79):

Dans le coin d'un faubourg de Pruse, en Bithynie,
 Demeurait à l'étroit un pauvre Musulman,
 Bon homme, de qui la manie
 Etais de calculer les mots de l'Alcoran,
 Et d'en savoir par cœur toute la litanie,
 Sans élever plus haut d'un cran
 Son étude ni son génie;
 Du reste, quant aux mœurs, réglé comme un cadran,
 Et si dévôt, que dans le voisinage
 Il servait de modèle à tous les vrais croyants.
 Il avait femme aux yeux noirs et brillants,
 Belle, bien faite, égale, douce, sage;
 Pour couper court, femme aimable en tout sens,
 Et qui l'aimait on ne peut davantage:
 Puis, comme on sait, dévôts et pauvres gens,
 Pour honorer l'état du mariage,
 Sont la plupart de grands faiseurs d'enfants.
 Aussi Mahmoud (c'est notre personnage)
 En moulait-il au moins un tous les ans.
 Or une année il advint qu'en un temps,
 Temps de grossesse, où femmes de bons sens

Quelquefois paraîtront folle à triple étages,
Tant leurs goût sont extravagants,
La sienne eut une envie, ou plutôt une rage,
De tâter d'un certain laitage
Qu'on nomme en turc du *kaïmack*.
«J'ai, disait-elle, un feu dans l'estomac
Qui me dévore, et suis sûre, je gage,
Sans me regarder au miroir,
Qu'il y paraît sur mon visage.
Mon cher mari, mon cher bon, mon espoir,
Fais-moi manger du *kaïmack* ce soir»
«Ce soir? s'écria-t-il, je voudrais le pouvoir;
Mais comment faire? on n'en vend qu'au village;
C'est fort loin, il est tard; tu sais bien tout cela.
Jusqu'à demain, m'amour, tâche à prendre courage,
Je t'en irai chercher. Cependant d'ici là,
Observe bien tes mains; car, dis-moi, quel dommage,
Si te grattant par-tout où le hasard voudra,
Tu nous allais planter un morceau de fromage
Droit sur le bout du nez du poupon qui viendra!»
La pauvette, à ce badinage,
Sourit, prit patience, et pourtant soupira.
Dès la pointe du jour Mahmoud lui tint parole,
Choisit un plat bien écuré,
Et court, ou plutôt vole,
Au laitage tant désiré.
Mais en allant s'il fut Eole,
Pour le boiteux Vulcain on l'eût pris au retour,
Lorsqu'il vint à passer par une longue plaine,
Dont le soleil faisait un four.
Heureusement au bout il vit une fontaine
Rencognée à l'écart dans un petit détour,
Et tout clopin clopant s'y rendit avec peine.
Son bassin regorgeait d'une eau riante et saine;
Des gazons émaillés l'ornaient tout à l'entour;
Un plane l'ombrageait par son vaste contour,
Et les zéphirs au frais, sans agiter l'arêne,
Luttaient si joliment contre le chaud du jour,
Qu'au murmure de l'onde et de leur douce haleine,
Tout semblait dire en ce séjour:
«Ou dormez, ou faites l'amour».
Faire l'amour! Mahmoud n'en avait point envie,
Quand même il aurait eu de quoi;
Mais oui bien de dormir, et plus que de sa vie;
Aussi tout étendu dormit-il comme un roi,
Posez le cas qu'un roi dorme mieux qu'un autre homme:
J'en pense au rebours, quant à moi.

(В отдаленном предместье Прузы, в Вифинии, жил скромно бедный мусульманин, простак, имевший пристрастие размышлять над словами Алькорана и знавший наизусть все его длинное скучное повествование, дальше чего не шли ни его знания, ни талант; впрочем, в соблюдении правил благонравия он был точен, как часы, и его набожность среди соседей служила примером для всех правоверных. У него была жена с черными блестящими глазами, красавица, хорошо сложенная, гладкая, кроткая, разумная; короче говоря, женщина милая во всех отношениях, и которая любила его сильнее некуда: а, как известно, богомольные и бедные люди, почитая институт брака, в большинстве своем являются большими мастерами делать детей. Так и Махмуд (это наш герой) лепил по меньшей мере по штуке каждый год. Вот однажды случилось, что в то время, время беременности, когда и разумные женщины иногда могут показаться трижды безумными, столь их вкусы бывают сумасбродны, у его жены возникло желание, или, скорее, мания, попробовать некое молочное блюдо, которое по-турецки зовется *каймак*. «У меня, — говорила она, — в желудке огонь, который меня сдает, я уверена, бьюсь об заклад, не глядя в зеркало, что он виден на моем лице. Мой дорогой муж, мой милый, мое упование, накорми меня каймаком сегодня вечером». «Сегодня вечером?» — воскликнул он. — Хотел бы я это сделать; но как? Он продается только в деревне; это очень далеко, уже поздно; тебе все это прекрасно известно. До завтрашнего дня, любовь моя, соберись с духом, я тебе его принесу. Однако до тех пор, следи за своими руками; так как, согласишься, какая будет жалость, если ты станешь чесать себя повсюду, где попало, и поместишь кусочек сыра прямо на кончик носа будущего ребенка!» Бедняжка на эту шутку улыбнулась, набралась терпения, хотя и вздохнула. Как только день занялся, Махмуд сдержал слово, выбрал чистую плоску и побежал, а скорее, полетел за желанным угощением. Но если туда он стремился подобно Эолу, то на обратном пути его можно было бы принять за хромого Вулкана, когда он проходил длинную долину, которую солнце превратило в раскаленную печь. По счастью, на конце долины он увидел источник, спрятанный в небольшой извилине, и, ковыляя, с трудом до него добрался. Водоем изливался смеющейся и чистой водой, обрамленный зеленой муравой, под тенью развесистого платана, и свежие зефиры, не подымая пыли, столь мило сражались с дневным жаром, что в журчании воды и ее нежном дыхании все, казалось, говорило в этом месте: «Спите, или любите». Любить! Махмуд не имел никакого желания, хотя, впрочем, и мог бы; но спать он жаждал более, чем когда-либо в жизни! И вот, растянувшись, он уснул, как король, предположим, что короли спят лучше других, хотя, что до меня, я думаю обратное. — *фр.*) (Œuvres diverses de Sénécé. Paris, 1806. P. 29—32; это издание имелось в личной библиотеке Пушкина — Библиотека П. № 1387).

Далее в сказке Сенесе Махмуд засыпает, и пока он спит, является змей и съедает каймак, оставив в тарелке цехин. Змею так понравилось угощение, что он предлагает Махмуду каждый день приносить ему каймак, он же будет всякий раз давать ему золотой. Счастливый Махмуд дает обет через пять лет отправиться в Мекку. Проходят пять лет, Махмуду пора собираться в путь, и, чтобы не лишиться ежедневного золотого, он поручает приносить каймак своему сыну. Через год сыну приходит мысль убить змея и завладеть его богатством, но в борьбе со змеем он погибает сам. Вернувшийся Махмуд узнает от змея о предательстве сына, проклинает его и просит змея по-прежнему покупать у него каймак. Однако змей отвечает, что настоящей дружбы между ними быть уже не может: доверие утеряно, и можно только внешне изображать дружеские отношения, в глубине же сердца истинному чувству места нет.

Сказка Сенесе, по-своему остроумная и занимательная, хотя несколько затянутая и перегруженная деталями, была достаточно известна. Ж.-Ф. Лагарп в «Лицее» пишет о Сенесе наряду с Ж. Вержье (Vergier; 1655—1720) как о двух единственных достойных упоминания последователях Ж. де Лафонтена в жанре сказки и признает сказку о каймаке лучшим произведением Сенесе, «богатым счастливыми мыслями, исполненными чувства стихами, поэтическими подробностями» (Laharpe. Lycée. Т. 6. Р. 393). Вольтер в «Веке Людовика XIV» («Le Siècle de Louis XIV», 1752) также отметил сказку Сенесе как, «за исключением нескольких мест, представляющую собой изысканное произведение», доказывающее, что можно хорошо писать сказки, и не следуя прямо манере Лафонтена (Œuvres complètes de Voltaire. Nouvelle éd. Paris, 1817. Т. 13. Р. 165).

В горизонтальном штрихе под последним стихом в автографе на л. 35 об. можно видеть знак окончания работы. Он позволяет предполагать, что Пушкин не планировал продолжение перевода.

⟨П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

(«Язвительный поэт, остряк замысловатый...»)

(С. 119 и 388)

Автографы:

1) ПД 38 — черновой отдельных групп стихов и набросок плана; на листе с неровно оборванным и осыпавшимся краем, вырванном из тетради ПД 831 или ПД 833 (см.: Рукоп. П. 1937. С. 17—18). Сопоставление водяных знаков на листе автографа и оставшихся в тетрадях корешках не подтверждает предположения Т. Г. Цявловской (Акад. Т. 2. С. 1097), что вырванный лист находился между л. 62 и 63 тетради ПД 831; более вероятным представляется предположение С. А. Фомичева, что лист занимал место в тетради ПД 831 между л. 35 и 36 (см.: Фомичев С. А. «⟨Вяземскому⟩» («Язвительный поэт, остряк замысловатый...») // Неизданный Пушкин. Вып. 1. С. 16). Запись на обеих сторонах листа, чернилами, два стиха на обороте листа — карандашом. Вверху листа карандашные пометы рукой Л. Н. Майкова, в собрании которого находился автограф: «Вяземскому» и «1822». Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 43—46 (в виде транскрипции; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3 (в составе тетради ПД 831).

2) Тетр. ПД 831, л. 36 — перебеленный ст. 1—6, переходящий в черновой. Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 2. С. 446 (публ. П. И. Бартенева); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 43 (в виде транскрипции; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: РА. 1881. Т. 1, № 2. С. 446.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1882. Т. 7. С. 5 (в примеч. к письму П. А. Вяземскому от 2 января 1822 г.).

Печатается по перебеленному автографу в тетради ПД 831 в составе ст. 1—6.

Датируется предположительно апрелем (после 11)—маем 1821 г. по положению перебеленного автографа в тетради. Верхняя граница датировки ориентировочно определяется пометой «11 апреля» на л. 33 об. под стихотворением «К моей чернильнице», нижняя — пометой «4 июня ночью/5 июня поутру» на л. 40 об.

Работа над посланием была начата с записи отдельных, в какой-то мере уже сложившихся, но не выстроенных в композиционной последовательности стихотворных фрагментов на листе ПД 38, находившемся в тот момент, вероятнее всего, еще в составе тетради. По-видимому, вырвав из тетради лист с черновыми набросками, Пушкин перенес работу над посланием на новый лист в тетради ПД 831, предполагая заниматься одновременно отделкой и компоновкой написанных групп стихов и заполнением лакун между ними. После переделки первых шести стихов, содержащих обращение к адресату, был составлен приблизительный план продолжения послания и записан в нижней, оставшейся свободной части листа с черновым автографом, в ином положении листа (корешком вниз). Сразу под планом, в том же положении листа, начата разработка темы, заявленной в первой строке плана: «Поведай мне тайну смеха» (см. в разделе «Другие редакции и варианты» ст. 27—30, вариант Г — наст. т., с. 392). Точно соответствия другим пунктам плана среди написанных черновых набросков нет. Завершающая план помета «Блажен ?—», вероятнее всего, указывала на положение в послании фрагмента «Блажен Фирсей < > рифмач миролюбивый...». Взаимное расположение фрагментов в связи с начатой их компоновкой по написанному плану остается, таким образом, не вполне ясным; кроме того, даже в записанных в черновике частях послания ряд стихов ни в одном из слоев правки не дает связного текста. Гипотетические реконструкции пушкинского послания см.: Акад. (Т. 2. С. 680—681); Госл. в 10 т. (Т. 1. С. 623—624; Т. Г. Цявловская); Акад. в 10 т. (2). (Т. 2. С. 385—386; Б. В. Томашевский); Неизданный Пушкин. Вып. 1. С. 19; *Пушкин*. Полн. собр. художественных произведений. СПб.; М., 1999. С. 623—624 (С. А. Фомичев; здесь не приняты во внимание пушкинский план и очевидная отрывочность написанных фрагментов, указанием на которую служат, в частности, разделительные горизонтальные штрихи между ними). Начиная с Ефр. 1882 в основном корпусе всех собраний сочинений Пушкина печатался текст в составе первых шести стихов по переделанному автографу. Это решение, принятое и в настоящем издании, достаточно условно; оно вытекает из невозможности сколько-нибудь корректной контаминации текстов переделанного (для ст. 1—6) и чернового (для остальной части послания) автографов. По мнению Т. Г. Цявловской, нельзя исключать, что переделка первых стихов на другом листе свидетельствует об отказе Пушкина от замысла большого послания (см.: Госл. в 10 т. Т. 1. С. 623). Этому, однако, противоречат наброски, следующие за ст. 6 в переделанном автографе, и реконструируемый ход работы над стихотворением — возникновение плана продолжения, судя по всему, именно на этапе переделки первых стихов.

Замысел стихотворения, по-видимому, следует связывать с публикацией «Послания к М. Т. Каченовскому» Вяземского (СО. 1821. Ч. 67, № 2. С. 76—81) и спровоцированной им литературной полемикой (см.: Венг. Т. 2. С. 613, коммент. Г. Н. Карасика; Путеводитель. С. 88, статья М. А. Цявловского; Госл. в 10 т. Т. 1. С. 623, коммент. Т. Г. Цявловской; см. также примеч. к эпиграмме «〈На Каченовского〉» («Клеветник без дарованья...») — наст. т., с. 585—586). На первый ответный выпад Каченовского, перепечатку послания в журнале «Вестник Европы» (1821. Ч. 116, № 2. С. 98—106) с оскорбительным и издательским комментарием, Пушкин откликнулся эпиграммой «Клеветник без дарованья...». Спустя некоторое время в «Вестнике Европы» появилось «Письмо к редактору» Ф. И. Яковлева, содержащее резкие выпады против Вяземского и даже обвинение его в литературном плагиате — прямых заимствованиях в «Послании к М. Т. Каченовскому» из

послания Вольтера «О зависти» («De l'Envie», 1734). «Послание, об котором идет речь, не заслуживает внимания людей благомыслящих, — писал автор «Письма к редактору» о стихотворении Вяземского. — Друзья мои нашли его смешным по изобретению, жалким по составу, неблагородным по слогу и вредным по своей цели» (ВЕ. 1821. Ч. 117, № 5. С. 32). Далее он критиковал поэтический язык Вяземского: «Поэзия ни в каком случае не терпит выражений неприличных, а тем более неблагородных и низких. Она не жалуется *поденных или суточных вралей, пустомель и крикунов...* Слова *теребит, шепетильной, корыстные управы* и проч. не принадлежат к очищенному словарю ее. Только рифмотворы, не истинные поэты, дерзают оскорблять ее законы...» (Там же. С. 44). Нельзя исключить, что к моменту работы над своим посланием Пушкину могло уже быть известно и памфлетное «Послание к Птелинскому-Ульминскому» С. Т. Аксакова, напечатанное в первом майском номере «Вестника Европы» за подписью: «200—1»:

Перед судом ума сколь, Птелинский, смешон,
Кто самолюбием, пристрастьем увлечен,
Век раболепствуя с слепым благоговеньем,
Считает критику ужасным преступленьем,
И хочет всем назло, чтоб весь подлунный мир
За бога принимал им славимый кумир!

.....
Так, Ульминский, ты прав: презрителен Зоил,
Который не разбор, а пасквиль сочинил,
И, испестрив его весь низкими словами,
Стал точно наряду с печатными врялями!

(ВЕ. 1821. Ч. 118, № 9. С. 12, 13; фамилия
Птелинский-Ульминский образована от греческого
(πτελέα) и латинского (ulmus) слова «вяз»)

В эту полемическую ситуацию вполне естественно вписывается замысел пушкинского послания, подчеркивающего дарования и заслуги Вяземского как поэта-сатирика. В пользу вероятной связи набросков пушкинского послания с посланием Вяземского к Каченовскому говорят и имеющиеся между ними отдельные текстуальные переклички («Смеяться над Враждой, над Злобою ревнивой» у Пушкина — «ревнивая вражда» в ст. 21 «Послания к М. Т. Каченовскому»; «И можно ль комара тотчас не раздавить» в черновом автографе у Пушкина — ст. 115—117 «Послания к М. Т. Каченовскому»: «Но из вреда вредить комар досадный рад. / Докучного ушам, презренного на взгляд, / Его без жалости охотно давит каждый»).

Стихотворение ориентировано на жанровую модель сатирического послания, представленного в поэзии Буало (Boileau-Despréaux; 1636—1711), в первую очередь на сатиру II (1664), адресованную Мольеру, и VII (1663), обращенную к своей музе и посвященную судьбе поэта-сатирика, и др. Ко II сатире восходит, в частности, развернутое комплиментарное обращение к адресату в первых стихах (см.: Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII—первой трети XIX века. М., 1989. С. 81—82). Той же II сатире и ее русским проекциям (например, «Сатира 2-я» (1808) С. Н. Марина, написанная как послание к И. И. Дмитриеву, «Послание к А. Д. Илличевскому» (1813 или 1814) А. А. Дельвига, послание «К В. А. Жуковскому» (1819) П. А. Вяземского) следует Пушкин в общем движении поэтической

темы: признание поэтических заслуг адресата, обращение с просьбой передать свой секрет мастерства, рассказ о непреодолимых затруднениях, которые автор послания испытывает в той или иной области стихотворства, необходимая литературно-полемическая часть. Такая схема намечена в наброске плана стихотворения, записанном Пушкиным на листе с черновым автографом (ПД 38). В выборе жанровой модели, по-видимому, не последнюю роль сыграла литературная репутация адресата. Сатирические и полемические выступления Вяземского как поборника вкуса, гонителя дурных писателей вполне оправдывали применение к нему имени Буало (именно так называл его Пушкин еще в своем первом лицейском письме от 27 марта 1816 г. — Акад. Т. 13. С. 2). Вяземскому принадлежали наиболее известные русские переложения VII и II сатир Буало — «К перу моему» (Тр. МОЛРС. 1816. Ч. 5, кн. 8. С. 71—77) и «К В. А. Жуковскому. Подражание ⟨II⟩ сатире Депрео» (1819; опубл.: СО. 1821. Ч. 68, № 10. С. 129—133) — «сатирические манифесты, в которых он, как бы примериваясь к роли „российского Боало“, (...) рассуждает о собственном положении в современной ему литературе» (Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII—первой трети XIX века. С. 79; см. также: Томашевский Б. В. Пушкин и Буало // П. в мировой лит. С. 29—30).

Описание в первых стихах послания сатирической манеры Вяземского, язвительной, острой и при всем том легкой, веселой и непринужденной («игривой»), варьирует характеристики, которые давались Вяземскому еще в лицейских стихах Пушкина:

О князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знание света
И слога чистоту
И в резвости куплета
Игриву остроту.

(«Городок» (1815),
наст. изд., т. 1, с. 92)

И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться — право, пресмешно.

(«(Послание к В. А. Пушкину)»
(1816), наст. изд., т. 1, с. 195)

Остроумие и язвительность без скатывания сатиры в грубый пасквиль, светская вежливость и соблюдение приличий общежития были теми общими принципами «карамзинской» критики, которые полностью разделялись в «Арзамасе» и которые Пушкин и впоследствии не раз отмечал в сатирических и критических выступлениях П. А. Вяземского (см.: Вацуро В. Э. «Князь, наперсник муз» в пушкинском «Городке» // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 63—67).

При этом отношении Пушкина к сатирическим выступлениям Вяземского в это время не было однозначно положительным. Так, в самом начале апреля 1821 г. Пушкин познакомился с посланием Вяземского «К В. А. Жуковскому» и, оценив в нем «смелость, силу, ум и резкость», тем не менее заметил: «...но что за звуки! кому был *Феб* из русских ласков. Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с та-

кой какофонией» (запись в кишиневском дневнике от 3 апреля — Акад. Т. 12. С. 303). Неодобрительно он отзывался и о «Послании к М. Т. Каченовскому» в письме от 2 января 1822 г.: «Благодарю тебя за все твои сатирические, пророческие и вдохновенные творения, они прелестны — благодарю за все вообще — бранюсь с тобою за одно послание к Каченовскому; как мог ты сойти в *арену* вместе с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венок кровью, желчью и сивухой... Как с ним связываться — довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы» (Акад. Т. 13. С. 34). Как видно из дальнейшей переписки, собственное пушкинское понимание границ и возможностей сатирического жанра уже выходило за пределы литературной манеры Вяземского, комплиментарно охарактеризованной в набросках послания («Смеяться весело над Злобою ревнивой, / Невежество разить анафемой игривой»). Отвечая на упреки Вяземского в грубом эпиграмматическом выпаде против Ф. И. Толстого-Американца, допущенном им в послании «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (см. наст. т., с. 213, 607—608), Пушкин писал Вяземскому 1 сентября 1822 г.: «Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было (не) заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем (...). Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достягает меч законов, туда достягает бич сатиры. Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая, не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля. Сам Вольтер это чувствовал» (Акад. Т. 13. С. 43).

Литературно-полемиическая часть послания осталась почти полностью неразработанной. Граф Д. И. Хвостов (ст. 8 чернового автографа) — традиционный объект нападок арзамасцев и самого Пушкина еще в лицейские годы («К другу стихотворцу» (1814); «К Батюшкову» (1814); «Городок. (К***»)» (1815); «Тень Фон-Визина» (1815); и др.). То же можно сказать и о князе П. И. Шаликове, чье имя предположительно раскрывается в первоначальных вариантах ст. 21 чернового автографа. Возможно, в какой-то связи с именем Шаликова в набросках, следующих за ст. 6 в перебеленном автографе в тетради ПД 831, возникают «мидасовы уши». Мидас — легендарный фригийский царь, который за невежественные суждения получил от Аполлона ослиные уши. В 1811 г. Шаликов откликнулся на высмеивавшее его стихотворение Вяземского «Отъезд Вдыхалова» эпиграммой «К новому Мидасу», о чем сам Вяземский спустя несколько лет упомянул в стихотворении «К перу моему» (1816) («И так уже хотел какой-то доброхот / Мидасовым со мной убором поделиться», см.: *Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 93 и 456, коммент. К. А. Кумпан (Б-ка поэта; Большая сер.)*). В набросках плана послания называется имя А. Е. Измайлова («русского Теньера», автора басен и сказок, изобилующих «низкими» бытовыми подробностями и просторечьем, издателя журнала «Благонмеренный», в котором в это время уже появились выпады против «новой школы» поэзии, см. примеч. к эпиграмме «Как брань тебе не надоела!..» — наст. т., с. 595), в стихотворных черновых набросках — имена А. С. Стурдзы (адресата пушкинской эпиграммы 1819 г., см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 39, 562—567) и Ф. И. Толстого (см. эпиграмму «В жизни мрачной и презренной...» и выпад против Толстого в первой редакции послания «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») — наст. т., с. 36, 213, 602—605). Намек на конкретное лицо, по всей видимости, содержат и стихи чернового автографа: «Кто Фирс? ничтожный шут, красавец молодой ~ Толстому верный друг — по греческой методе».

〈Д. В. ДАВЫДОВУ〉

(«Певец-гусар, ты пел биваки...»)

(С. 120 и 394)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 38—38 об. — черновой, без заглавия. Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 218 (первоначальный набросок, ст. 1—4, 6—8 как единый текст, с ошибкой в ст. 7; публ. П. И. Бартенева); Якушкин. № 4. С. 97 (ст. 9—12); Майков. Материалы. С. 142 (ст. 1—12 в виде сводки верхнего слоя чернового автографа, с неточностями; ст. 13—16 в неточном чтении приведены в примечаниях; публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 218 (см. выше; то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып.] 1: Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 130).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1882. Т. 1. С. 524 (текст публикации РА, см. выше).

Печатается по автографу.

Датируется апрелем (после 11-го) — началом июня (до 4-го) 1821 г. по положению в тетради ПД 831: на л. 33 об. под текстом стихотворения «К моей чернильнице» — помета «11 апреля 1821», на л. 40 об. — помета «4 июня ночью / 5 июня поутру». На л. 38 об. под автографом стихотворения находятся подсчеты, которые, весьма вероятно, представляют собой вычисление суммы процентов по карточному долгу Пушкина в 2000 рублей, обеспеченному выданным Пушкиным 20 ноября 1819 г. барону С. Р. Шиллингу заемным письмом сроком на шесть месяцев (см.: Фомичев С. А. «〈Денису Давыдову〉» («Я слушаю тебя и сердцем молодею...») // Неизданный Пушкин. Вып. 1. С. 25; Рукою П. 1997. С. 311, примеч. С. А. Фомичева). Повестку полиции об уплате долга Пушкин получил 2 мая 1821 г.; 5 мая датирован его «отзыв» в кишиневскую городскую полицию по заемному письму (Летопись 1999. Т. 1. С. 246; А. С. Пушкин : Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007. С. 334—335, 369—371). Исходя из этого, наиболее вероятным временем работы над стихотворением, по-видимому, следует считать период с 11 апреля до первых чисел мая 1821 г.

В Мор. 1887 (Т. 1. С. 264) и Ефр. 1903—05 (Т. 1. С. 440) стихотворение напечатано по публикации П. И. Бартенева (см. выше), четыре стиха, добавленные В. Е. Якушкиным (см. выше) в Мор 1887 приведены в примечаниях к стихотворению. В Ефр. 1887 (Т. 1. С. 389) и Венг. (Т. 2. С. 81) эти четыре стиха непосредственно присоединены к тексту «Русского архива». Более исправный текст в составе двенадцати стихов, начинающийся стихом «Певец-гусар, ты пел биваки...», напечатан Л. Н. Майковым (см. выше). П. О. Морозовым (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 605) была предложена другая композиция текста: ст. 9—12 («Я слушаю тебя и сердцем молодею ~ Воспоминаньем прежних дней») были помещены как первая строфа стихотворения, далее, как вторая и третья строфы, следовали ст. 1—8 (в дополнение к тексту приведена четвертая совершенно недоработанная строфа — ст. 13—16). Решение Морозова, по-видимому, основывалось на предположении, что стих «Я слушаю тебя — и сердцем молодею», с которого началась работа над стихотворением (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 394), оставлен в автографе незачеркнутым, чтобы обозначить место, куда должно быть

помещено выделенное сверху и снизу горизонтальными отчерками четверостишие, записанное ниже на листе. Это предположение, получившее в последнее время поддержку (см.: Фомичев С. А. «(Денису Давыдову)» («Я слушаю тебя и сердцем молодею...»). С. 21—25; Пушкин. Полн. собр. художественных произведений. СПб.; М., 1999. С. 624), представляется достаточно спорным. Более вероятна иная интерпретация хода работы в автографе. Два стиха: «Я слушаю тебя — и сердцем молодею, / Пиров и радости блистательный певец —» изначально действительно были записаны как первые стихи будущего стихотворения. Второй стих здесь содержит прямое обозначение адресата, вполне естественное для первых стихов в жанре послания. Этот стих был вычеркнут, а обращение к адресату и его характеристика разработаны в ином варианте в стихах «Певец-гусар, ты пел биваки» и следующих, которыми, таким образом, и должно было, по-видимому, теперь начинаться стихотворение. От стиха «Я слушаю тебя — и сердцем молодею» Пушкин не стал отказываться и оставил его незачеркнутым. Он был использован в ходе дальнейшей работы, когда в целом определилось движение поэтической темы: от прямого обращения к адресату и характеристики его поэзии к рассказу о продолжающемся воздействии этой поэзии на автора послания.

В АН 1900—29 (Т. 3. С. 43; публ. В. Е. Якушкина и П. О. Морозова) и последующих изданиях текст стихотворения печатался в композиции, предложенной Л. Н. Майковым, с уточнениями и дополнениями. В КН (Т. 1. С. 334—335), ГИХЛ 1931 (Т. 1. С. 449—450) и ГИХЛ 1934 (Т. 1. С. 466) добавлены ст. 19—20; в ГИХЛ 1935 (Т. 1. С. 356—357) и последующих изданиях до Акад. в 6 т. включительно в составе двадцати стихов (ст. 17—20 даны не по последнему слою автографа, а составлены из первоначальных вариантов разных слоев); в Акад. (Т. 2. С. 202; публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской)) из текста, напечатанного в основном корпусе, исключены ст. 13—16, не дающие связного чтения.

Незавершенное послание адресовано Д. В. Давыдову (1784—1839). О знакомстве Пушкина с Давыдовым см.: Черейский. С. 126—127. В феврале 1821 г. они встречались и, видимо, тесно общались в Киеве, куда Пушкин приехал на «контракты» (ежегодную зимнюю ярмарку) с двоюродными братьями Д. В. Давыдова — В. Л. и А. Л. Давыдовыми. О пребывании Д. В. Давыдова в Киеве в 1821 г. см. в его письме к жене с «контрактов» 1822 г.: «Я намерен провести здесь время как прошлого года, т. е. ездить каждый вечер к Николаю Николаевичу (Раевскому) на полчаса, а там воротиться домой, писать к тебе, курить трубку и болтать с Васильем Львовичем...» (ЛН. М., 1935. Т. 19—21. С. 330; здесь письмо неверно отнесено к 1821 г.; его датировка 1822 г. следует из упоминания М. Ф. Орлова с женою: свадьба М. Ф. Орлова и Е. Н. Раевской состоялась 15 мая 1821 г.). Писавшееся после встречи с Давыдовым в Киеве пушкинское стихотворение, возможно, было также своего рода полемическим ответом на напечатанное в журнале «Сын отечества» (1821. Ч. 68, № 11. С. 180—183) «Послание к Д. В. Давыдову» А. Ф. Воейкова. Стихотворение Воейкова должно было попасть в поле зрения Пушкина уже хотя бы потому, что в том же номере «Сына отечества», вышедшем 12 марта, было опубликовано без ведома Пушкина его лицейское послание В. Л. Пушкину «Тебе, о Нестор Арзамаса...» (см. резко отрицательную реакцию Пушкина на эту публикацию в дневниковой записи от 9 апреля — Акад. Т. 12. С. 303).

В своем обращении к адресату, Пушкин ориентируется на стилизованный литературный образ поэта-воина, созданный самим Давыдовым в его гусарской лирике и

поддержанный в обращенных к нему стихотворениях поэтов его окружения. См., например, в «Певце во стане русских воинов» (1812) В. А. Жуковского:

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.
(Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 234)

В послании П. А. Вяземского «К партизану-поэту. (В 1814-м году)»:

Анакреон под дуломаном,
Поэт, рубака, весельчак!
Ты с лирой, саблей иль стаканом
Равно не попадешь впросак.

Носи любви и Марсу дани!
Со славой крепок твой союз:
В день брани — ты любитель брани!
В день мира — ты любимец муз!

(Вяземский П. А. Стихотворения.
Л., 1986. С. 74 (Б-ка поэта;
Большая сер.))

В стихотворении С. Д. Нечаева «К портрету Д. В. Давыдова» («Давыдов! наконец твой образ украшает...») (1816):

Давыдов, воин и поэт!
И в мире, и в боях равно ты побеждаешь,
Здесь тихой лирою, там саблей ополчен!
(ВЕ. 1816. Ч. 86, № 7. С. 170)

В стихотворении Д. В. Давыдова «Бурцову. Призывание на пунш» (1804):

Он гусар — и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны — куль овса.
Нет курильниц, может статья, —
Зато трубка с табаком;
Нет картин — да заменятся
Ташкой с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.

(Давыдов Д. Стихотворения.
Л., 1984. С. 57 (Б-ка поэта;
Большая сер.))

См. также стихотворения Д. В. Давыдова «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...») (1804), «Гусарский пир» («Ради Бога, трубку дай!..») (1804), «В альбом» («На вьюке, в тороках цевницу я таскаю...») (1811), «Песня» («Я люблю кровавый бой!..») (1815); П. А. Вяземского «К партизану поэту» («Давыдов, баловень счастливый...») (1814).

В послании Воейкова этот образ последовательно разрушался. Написанное после женитьбы Д. В. Давыдова, оно содержало апологию морального перерождения «закореневшего в грехах» повесы, ставшего счастливым супругом:

Давыдов, витязь и певец
 Вина, любви и славы!
 Я слышу, что твои совсем
 Переменились нравы,
 Что ты шампанского не пьешь,
 А пьешь простую воду
 И что на розовую цепь
 Ты променял свободу...
 <.....>
 Не завиваешь ты уса;
 Конь праздный в стойле тужит,
 И сабельная полоса
 За зеркало не служит.
 Вкруг кивера обвился плющ
 И вполз на верх султана;
 Паук раскинул сеть свою
 По сетке доломана.
 Вкруг двоеглавого орла
 Твоей блестящей шашки,
 Влетев в открытое окно,
 Порхают дерзко пташки.
 <.....>
 И Локка любишь ты читать.
 Из моралистов строгих
 Выписываешь в свой альбом...
 <.....>
 Любимец ветреных богов,
 Которые играли
 Тобой средь мира и боев,
 Довольно!.. днесь настали
 Блаженства тихого часы,
 Венере с Марсом смена...

См. также примеч. к пушкинскому наброску «[Красноречивый забияка...]» (1819) — наст. изд., т. 2, кн. 1. С. 670—671.

К идее послания Д. В. Давыдову Пушкин вернулся несколько позже, в конце 1821 или начале 1822 г., после знакомства с книгой Давыдова «Опыт теории партизанского действия» (М., 1821) (см. стихотворение «Недавно я в часы свободы...» и примеч. к нему — наст. т., с. 124, 861—862).

«ЭЛЛЕФЕРИЯ, ПРЕД ТОБОЙ...»

(С. 121 и 397)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 34 — черновой, без заглавия; на одном листе с черновым автографом заключительных стихов первой редакции стихотворения «Дионея» (в верхней части листа) и рисунками (в центре листа). Напечатано: Якушкин. № 4. С. 94 (два отдельных стиха: первоначальный вариант ст. 1 и ст. 4); в Мор. 1903—06. Т. 1. С. 631—632 и Венг. Т. 2. С. 82, 585 (публ. Н. О. Лернера) — отдельные разобранные стихи рукописи; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 204 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова); КН. Т. 1. С. 332 (в виде связного текста; публ. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 4. С. 94.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 631—632 (в примеч. к стихотворению «Гречанке» как самостоятельный набросок); КН. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1821 г. (не ранее 11 апреля) по положению автографа в тетради. Работа над стихотворением была начата в нижней части л. 34, вверху которого расположен черновой автограф заключительных стихов стихотворения «Дионея», а центральная часть занята рисунками. Верхняя граница датировки определяется датировкой стихотворения «Дионея» (см. примеч. к нему — наст. т., с. 621). К началу работы над стихотворением последующие листы тетради (л. 34 об.—35 об.) уже были заняты черновым автографом стихотворения «Недавно бедный музулман...»: записи в нижней части л. 34 обходят проступившие с оборота чернильные пятна, и, заполнив свободное место внизу листа, Пушкин продолжает работу в верхней его части, на полях и между строк стихотворения «Дионея». Таким образом, автограф стихотворения «Эллеферия, пред тобой...» появился в тетради не в ходе ее последовательного заполнения и нижнюю границу его датировки точно определить не представляется возможным.

Эллеферия — по-гречески свобода (Ἐλευθερία; пушкинская передача этого слова не точна; правильнее было бы: «Элевтерия» или «Элевферия»). Древние греки поклонялись Элевтерии как божеству (большее распространение этот культ получил в Риме, где свободу стали олицетворять под именем богини Либертас; см.: Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1905. Bd. 5, Halbbd. 10. Sp. 2346—2347; Idem. Stuttgart, 1926. Bd. 13, Halbbd. 25. Sp. 101—103). Наброски лирического обращения к олицетворенной свободе явились одним из откликов Пушкина на события в восставшей Греции (подробнее о греческом восстании см. в примеч. к стихотворению «Война» — наст. т., с. 661—666). Высказанное П. О. Морозовым (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 631) и повторенное П. А. Ефремовым (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 186) предположение, что стихотворение представляет собой наброски послания, обращенного к гречанке Калипсо Полихрони (см. о ней примеч. к стихотворению «Гречанке» (1821) — наст. т., с. 717—718), не имеет оснований и не было поддержано другими исследователями (см.: Венг. Т. 2. С. 585, примеч. Н. О. Лернера; см. также оговорку, сделанную позднее П. О. Морозовым в АН 1900—29 (Т. 3. Примеч. С. 204): стихотворение обращено к гречанке, «но, по-видимому, не реальной, а аллегорической, которой поэт дает имя „Эллеферия”»).

Ход работы над стихотворением не подтверждает реконструкцию текста, предложенную в издании: *Пушкин. Полн. собр. художественных произведений*. СПб.; М., 1999. С. 624 (см. также: *Неизданный Пушкин. Вып. 1. С. 12—15*).

МОЛДАВ(СКАЯ ПЕСНЯ)

(«Нас было два брата — мы вместе росли...»)

(С. 122 и 399)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 51 — черновой, с намеченным заглавием: «Молдав( )» (слово недописано), возможно вписанным в ходе работы над стихотворением. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 102 (ст. 1—4 с неточностями); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 171—172 (полностью, в виде транскрипции, с указанием заглавия: «Молд...»; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 4. С. 102 (ст. 1—4); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 171—172 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 2. С. 309 (ст. 1—4; в примечаниях к поэме «Братья разбойники» как ранний вариант начала поэмы); как самостоятельное стихотворение впервые: Госл. в 10 т. Т. 1. С. 503 (публ. Т. Г. Цявловской).

Печатается по автографу с конъектурой в заглавии, предложенной С. М. Бонди (Акад. в 9 т. Т. 4. С. 510) и принятой в последующих изданиях.

Датируется предположительно временем около 18 июля 1821 г. или, что более вероятно, концом августа (после 24)—ноябрем 1821 г. в зависимости от различных возможных трактовок хода работы над поэмой «Братья разбойники» (см. ниже).

Первый публикатор стихотворения, В. Е. Якушкин, соотнес его с поэмой «Братья разбойники», определив как «первоначальный опыт рассказа разбойника, написанный иным размером» (Якушкин. № 4. С. 102). В Мор. 1887 (см. выше) и последующих собраниях сочинений стихотворение печаталось в примечаниях к поэме. Взгляд на «Молдав(скую песню)» как самостоятельное произведение, хотя генетически и связанное с замыслом поэмы о разбойниках, был предложен Н. К. Гудзием, готовившим комментарий к «Братьям разбойникам» в Акад. (см.: *Гудзий Н. К. «Братья-разбойники» Пушкина // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1937. № 2/3. С. 644—645*) и поддержан С. М. Бонди, редактором соответствующего тома Акад. (см.: *Бонди С. М. Из материалов редакции академического издания Пушкина: Отчет о работе над IV томом // П. Врем. [Т.] 4—5. С. 467*). Однако трактовка движения замысла поэмы и соответственно датировка «Молдав(ской песни)» у двух исследователей была разной.

В первом плане поэмы («Вечером девица плачет, подговаривает...») в тетради ПД 831 (л. 62 об.) и в написанном тогда же в развитие этого плана наброске начала поэмы («На Волге, в темноте ночной...») в тетради ПД 830 (л. 49 об.) (см.: Акад. Т. 4. С. 372, 374) тема двух братьев-разбойников отсутствует. Она появляется во втором плане (ПД 831, л. 46):

- I. разбойники, история двух братьев —
- II. Атаман и с ним дева; хлад его etc.; песнь на Волге —
- III. Купеческое судно, дочь купца
- IV. сходит с ума

(Акад. Т. 4. С. 373)

Этот план датируется временем между 18 и 26 июля 1821 г. (18 июля сделана помета о смерти Наполеона на л. 45 об., занятом черновым автографом стихотворения «Гроб юноши», 26 июля — помета на л. 46 об., где записан черновой набросок, связанный с доработкой поэмы «Кавказский пленник»).

По мнению С. М. Бонди, «баллада или „молдавская песня“ вроде „Черной шали“ (и тем же размером)» не была изначально связана с сюжетом поэмы о разбойниках. «Написав несколько стихов этой баллады («Нас было два брата...» и т. д.), Пушкин вздумал соединить два разбойничьих сюжета в одной поэме — и в план поэмы „Разбойники“ включил в качестве первого пункта содержание своей баллады...» (Бонди С. М. Из материалов редакции академического издания Пушкина. С. 467). Таким образом, «Молдав(ская песня)» непосредственно предшествовала созданию второго плана поэмы и должна датироваться примерно серединой июля. Положение автографа в тетради этой датировке не противоречит, поскольку он мог быть записан в тетрадь не в ходе ее последовательного заполнения, а, как и ряд других текстов (например, первый план поэмы «Братья разбойники»), на еще свободных листах во второй половине тетради.

Н. К. Гудзий, напротив, считал, что сначала был составлен второй план «Братьев разбойников». Возникшее соединение двух сюжетных линий — атамана и двух дев и истории братьев, — очевидно, требовало дальнейшей корректировки замысла. Видимо, на этом этапе и была сделана попытка развить тему двух братьев в отдельном стихотворении «Нас было два брата — мы вместе росли...». «Мы не имеем оснований думать, — резонно замечал Н. К. Гудзий, — судя по размеру, каким написан отрывок, и судя по темпу, в каком развивается повествование, чтобы этот отрывок мыслился Пушкиным как начало его поэмы о разбойниках. Скорее всего, он должен был вылиться в произведение, по размерам не превышающее собой обычного размера баллады типа той же „Черной шали“» (см.: Гудзий Н. К. «Братья-разбойники» Пушкина. С. 645). Стихотворение, впрочем, оставлено на стадии чернового наброска. В конечном счете именно история двух братьев была выбрана Пушкиным сюжетной основой поэмы, работа над которой начата на л. 52—52 об. тетради ПД 831. В этой трактовке «Молдав(ская песня)» должна датироваться временем после создания второго плана, т. е. после 18—26 июля. Если же предположить, что она была записана в тетрадь в ходе ее последовательного заполнения, что очень вероятно, то верхняя граница датировки определяется пометой «24 авг(уста) в ночь» у чернового автографа элегии «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» на л. 47 об. и сдвигается на самый конец августа (после 24-го). Нижняя граница определяется временем окончательного оформления замысла поэмы, основную работу над которой следует, по-видимому, относить к декабрю 1821 г. (см. утверждение Пушкина в письме к П. А. Вяземскому от 11 ноября 1823 г., что «Братья разбойники» были написаны им в декабре 1821 г. — Акад. Т. 13. С. 74).

Несмотря на мнение Н. К. Гудзия и С. М. Бонди, в Акад. «Молдав(ская песня)» была напечатана в томе поэм в соответствии с предшествующей эдиционной

традицией как один из «первоначальных вариантов разработки сюжета „Братьев разбойников”» (Т. 4. С. 373—374; ранее в Асад. в 6 т. помещена в примечания к «Братьям разбойникам» (Т. 2. С. 583) с оговоркой, что, возможно, представляла собой отдельный замысел). Б. В. Томашевский признавал, что набросок «Нас было два брата — мы вместе росли...» не подходит под форму поэмы и что, «по-видимому, история двух братьев была задумана как баллада» (Томашевский. Пушкин, I. С. 448), однако вышедшие под его редакцией издания следовали Акад. (см.: Акад. в 10 т. (1). Т. 4. С. 498 и Акад. в 10 т. (2). Т. 4. С. 511—512; то же решение в трехтомнике серии «Библиотека поэта» 1955 г. (Т. 1. С. 603), но с оговоркой в примечаниях к «Братьям разбойникам» на с. 679: «Можно предположить, что Пушкин хотел воспользоваться той же поэмой для какого-то лирического произведения под названием „Молдавская песня”»). Соответствующий корректив был сделан С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской в Справочном томе Акад. (С. 39) в примечаниях к «Братьям разбойникам»: «В других редакциях ошибочно помещен в качестве „первоначального варианта” поэмы набросок „Молдавской песни” на аналогичный сюжет. Стихи эти должны были находиться во II томе среди стихотворений 1821 г.». Как самостоятельное стихотворение напечатано в Госл. в 10 т. (Т. 1. С. 503) и Худ. лит. в 10 т. (Т. 1. С. 556).

Размер (четырёхстопный амфибрахий с мужской клаузулой) сближает «Молдав(скую песню)» с написанным ранее стихотворением «Черная шаль» (1820), в беловом автографе и в публикации журнала «Благонамеренный» также имевшим заглавие: «Молдавская песня» (в публикации журнала «Сын отечества» определение «Молдавская песня» отнесено в подзаголовок; в Ст 1826 и Ст 1829 — в подзаголовке в оглавлении; см. наст. т., с. 11, 176, 177). Тем же размером написаны баллады В. А. Жуковского «Мщение» (1816) — перевод баллады Л. Уланда «Die Rache» (1810) и «Лесной царь» (1818) — перевод баллады Гете «Erlkönig» (1782). Отличие «Молдав(ской песни)», как и третьего пушкинского стихотворения, написанного этим размером, — «Узник» (1822), состоит лишь в удвоении двустопий, что также ведет к Жуковскому — см. его стихотворение «Мечта» («Ах, если б мой милый был роза-цветок...») (1818) (см.: Гудзий Н. К. «Братья-разбойники» Пушкина. С. 644—645; Томашевский. Пушкин, I. С. 448—449; Томашевский. Строфика П. С. 104). «Молдав(скую песню)», как и «Черную шаль», можно, по-видимому, рассматривать в связи с поиском Пушкиным новых форм лиро-эпического повествования (Проскурин 1999. С. 101—102; см. также примеч. к стихотворению «Черная шаль» — наст. т., с. 527). Фигуры братьев-разбойников, мотивы их сиротства, тяжелого детства присутствуют в русском и молдавском «разбойничьем» фольклоре. Попытки же определить конкретные фольклорные источники пушкинского замысла о разбойниках (см.: Богач Г. Ф. Молдавские варианты баллады о братьях разбойниках: (Молдав(ская песня)) // Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967. С. 68—73) не имели сколько-нибудь убедительных результатов.

Ст. 6. *Купец оробелый скакал на коне...* — Еще Н. К. Гудзий отметил здесь явную реминисценцию из баллады Жуковского «Лесной царь», вероятно, невольную и более очевидную в первоначальных вариантах стиха («Ездок одинокий в дубраве скакал»; «Ездок оробелый скакал на коне», см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 399). Ср. у Жуковского:

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.

и

Ездок оробелый не скачет, летит...
(Жуковский. ПСС. Т. 3. С. 137, 138)

«НАПЕРСНИЦА МОИХ СЕРДЕЧНЫХ ДУМ...»

(С. 123 и 400)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 56 об. Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 306.
Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.
Впервые: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 306.
В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 1.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно 1821—1822 гг. по положению в тетради ПД 830.

Набросок перекликается с последней строфой стихотворения «Разлука» («Когда пробил последний счастью час...») (1816), ст. 32—38. Высказывалось предположение, что Пушкин начал переделывать лицейское стихотворение для печати, но не закончил работу над ним (см.: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 617—618; Венг. Т. 2. С. 584, примеч. Н. О. Лернера). Вторая редакция стихотворения «Разлука», под заглавием «Уныние», предназначавшаяся для Ст 1826, но не вошедшая в него, была создана в 1825 г. (см. примеч. к стихотворению «Разлука» — наст. изд., т. 1, с. 710). Тематически набросок связан со стихотворениями 1821—1822 гг., разрабатывающими мотив персонификации музы (см. также стихотворение «Муза» и примеч. к нему — наст. т., с. 17, 544—546).

«НЕДАВНО Я В ЧАСЫ СВОБОДЫ...»

(С. 124 и 401)

Автограф (ПД 48) — белой ст. 1—22, с правкой, далее переходящий в черновой. Напечатано: Посм. Т. 9. С. 128 (ст. 1—22 под редакторским заглавием «Сетование», с цензурными пропусками: ст. 7—8 даны по первому слою рукописи, но в обратной последовательности, стих: «Но — признаюсь — роптал на Бога» заменен строкой точек; ст. 10 исключен; публ. В. А. Жуковского); АН 1900—29. Т. 3. С. 98; Примеч. С. 193—194 (публ. В. Е. Якушкина и П. О. Морозова).

Впервые: Посм. Т. 9. С. 128, с цензурным пропуском ст. 7 и 10 (см. выше). Цензурные купюры восстановлены: Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 397 (ст. 7) (первоначально в корпусе текст напечатан с пропуском ст. 7, замененного строкой точек; исправленный текст дан в приложенных к 8-му тому отдельно отпечатанных листах для замены с. 397—400 в т. 1); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 193 (ст. 10 в составе первоначальных вариантов автографа; публ. П. О. Морозова); КН. Т. 1. С. 342 (ст. 10 в основном тексте стихотворения; публ. М. А. Цявловского).

В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 9.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом января—февралем 1822 г.

Стихотворение написано после знакомства Пушкина с книгой Д. В. Давыдова «Опыт теории партизанского действия» (М., 1821). Книга Давыдова не могла попасть в руки Пушкина раньше середины января 1822 г. Первоначальный ее вариант появился в середине июня 1821 г. 12 июня 1821 г. Давыдов сообщил А. И. Михайловскому-Данилевскому, что книга «на днях выходит из печати» (см.: Письма Д. В. Давыдова к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1815—1837) / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. И. В. Кошкинко // РЛ. 2012. № 3. С. 41). Но в июне было отпечатано только несколько экземпляров, из которых, как писал Давыдов 15 августа А. А. Закревскому, он, кроме А. П. Ермолова, П. Д. Киселева и самого Закревского, «никому не дал ни одного» (см.: Сб. Имп. Русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 530). Основной тираж, в котором в текст были внесены существенные изменения, выпущен в конце декабря: 29 ноября 1821 г. Давыдов уведомлял П. Д. Киселева, что «Опыт» должен выйти из типографии к концу следующего месяца, а 27 декабря послал ему 6 экземпляров нового издания, в том числе один для М. Ф. Орлова (см.: Хохлова Н. А. История дружбы : Письма Д. В. Давыдова к П. Д. Киселеву // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года : Сб. науч. статей. СПб.; Тверь. 2012. С. 418). Вскоре началось и широкое распространение тиража. 13 апреля 1822 г. Давыдов, жалуясь, что уже два месяца не имеет сведений от П. Д. Киселева, спрашивал, распроданы ли посланные ему 200 экземпляров «Опыта» (см.: Там же. С. 420). В 1822 г. «Опыт» вышел вторым изданием (ценз. разр. от 5 июня) (см. также: Сводный каталог русской книги. 1801—1825. М., 2001. Т. 1: А—Д. С. 424—425). Бумага автографа ПД 48 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского числится под № 97 (см.: Рукоп. П. 1937. С. 315), но представляет собой тот же сорт бумаги, что и № 106, на которой записаны автографы ПД 47 (наброски послания «Генералу Пушкину» на обороте листа с французским текстом, посвященным греческой революции), ПД 886 (первый беловой автограф стихотворения «Друзьям») и ПД 1066 («Note sur la révolution d'Ipsylanti» («Заметка о революции Ипсиланти» — фр.)), датируемые декабрем 1821—февралем 1822 г. (см. в примеч. к стихотворению «Генералу Пушкину» — наст. т., с. 668—669). Косвенным свидетельством, что стихотворение «Недавно я в часы свободы...» близко по времени к автографу ПД 47, могут служить рисунки в левом и правом нижних углах листа с набросками послания «Генералу Пушкину» — два профильных портрета Д. В. Давыдова (см.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина : Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 149. № 321).

Второе кишиневское послание Пушкина к Д. В. Давыдову, писавшееся после стихотворения «Певец-гусар, ты пел биваки...» (см. наст. т., с. 120 и примеч. к нему, с. 852—855) и также, судя по всему, оставшееся незавершенным. Утверждение П. И. Бартенева, что стихотворение было послано Пушкиным Давыдову (см.: Бартенев. П. в южной России. С. 76; то же: Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 174), ни на чем не основано. Предположение Н. О. Лернера (Венг. Т. 2. С. 570), что пушкинским посланием вызвано стихотворение Давыдова «Ответ» («Я не поэт, я — партизан, казак...») (1830), представляется также совершенно произвольным.

Выходу «Опыта теории партизанского действия» предшествовала продолжительная пауза в поэтическом творчестве Давыдова, давшаяся с 1819 г. и отчасти

связывавшаяся современниками с его женитьбой (см. примеч. к пушкинскому наброску «[Красноречивый забияка...]» — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 670—671). Теме женитьбы Давыдова было посвящено «Послание к Д. В. Давыдову» («Давыдов, витязь и певец...») А. Ф. Воейкова (СО. 1821. Ч. 68, № 11. С. 180—183), в котором приветствовалось обращение на истинный путь вчерашнего повесы. С противоположным знаком и, вероятно, в прямой полемике с Воейковым трактуется Пушкиным тема превращения «ветреного певца» в «благоразумного человека» (синонимично оппозиции поэзии и прозы).

Ст. 2. *Устав наездника* — Так Пушкин называет «Опыт теории партизанского действия». Здесь слово «наездник» (от «наезд») синонимично слову «партизан» (ср. то же словоупотребление у Д. В. Давыдова: *Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия*. М., 1821. С. XIV, 32).

Ст. 5 — 6. *Узнал я резкие черты Неподражаемого слога...* — О высокой оценке Пушкиным поэзии Давыдова см. свидетельство М. В. Юзефовича: «В бывших у нас литературных беседах я раз сделал Пушкину вопрос, всегда меня занимавший: как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и даже в самых первых своих опытах не сделался подражателем ни того, ни другого? Пушкин мне отвечал, что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным» (П. в восп. Т. 2. С. 109).

Ст. 12. *Твоя проказливая лира...* — Здесь использован один из первоначальных черновых вариантов послания «⟨Д. В. Давыдову⟩» («Певец-гусар, ты пел биваки...») (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 394).

Ст. 17 — 18. *Кто дал Д⟨авыдов⟩у совет Оставить лавр, оставит розы?* — См. в «Послании к Д. В. Давыдову» А. Ф. Воейкова:

Но, чудное для многих,
Открой мне таинство свое!
Скажи, Шольёв наследник,
Кто обратил тебя на путь?
Кто — славный проповедник,
Или писатель-златоуст?
Кто подал в помощь руку
Закореневшему в грехах...
(СО. 1821. Ч. 68, № 11. С. 182)

Ст. 22. *И Б⟨урц⟩овой души угрозы!* — Алексей Петрович Бурцов (ум. в 1813 г.) — гусарский поручик (с 1810 г. — ротмистр), в 1804—1806 гг. сослуживец Давыдова по Белорусскому гусарскому полку. Имя Бурцова, «доброе будто бы мало, но величайшего гуляки и самого отчаянного забуддыги из всех гусарских поручиков» (*Жихарев С. П. Записки современника*. Л., 1989. Т. 1. С. 99), стало символом гусарского удализма. К А. П. Бурцову обращены стихотворения Д. В. Давыдова 1804 г. «Бурцову. Призывание на пунш» («Бурцов, ера, забияка...»), «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...»), «Гусарский пир» («Ради Бога, трубку дай!...»). В 1830 г. Бурцов будет упомянут в пушкинском «Выстреле»: «В наше время буйство было в моде: я был первым буйном по армии. Мы хвастались пьянством: я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым» (Акад. Т. 8. С. 69). Говоря об «угрозах» Бурцовой души, Пушкин, возможно, имеет в виду клятву из стихотворения «Бурцову»:

Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
<.....>
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!

(Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 58
(Б-ка поэта; Большая сер.))

Ст. 23 и след. *И вдруг растрепанную тень...* — Здесь травестируется устойчивый литературный мотив, как правило сатирический, использованный ранее Пушкиным в лицейском стихотворении «Тень Фон-Визина» (1815) (см. наст. изд., т. 1, с. 134—141 и примеч. к нему, с. 651): тень знаменитого мертвеца (писателя) является из загробного мира, чтобы утвердить дух истинной поэзии. В описании тени Бурцова Пушкин варьирует мотивы гусарских стихов Д. В. Давыдова. См. в «Песне старого гусара» (1817):

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны — дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют — и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

(Давыдов Д. В. Стихотворения.
С. 85—86)

В «Гусарском пире» (1804):

Ставь бутылки перед нами!
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!

(Там же. С. 59)

(Ментик — гусарский мундир с меховой опушкой; носился, как правило, внакидку. Кивер — военный головной убор без полей с высокой тульей. Кивер в стихах Давыдова — такой же устойчивый атрибут гусара, как и усы (см.: Виноградов. Стиль П. С. 486—487)).

Ст. 28. *И кивер чудо набекрень.* — В первоначальном варианте (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 403) стих представлял собой точную цитату из давыдовской «Песни старого гусара». Ср. также в послании Д. Давыдова «Бурцову»: «Нутка, кивер набекрень...» (Давыдов Д. В. Стихотворения. С. 58).

«МОЙ ДРУГ, УЖЕ ТРИ ДНЯ...»

(С. 125 и 404)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 7. Стихотворение записано в два столбца; правый верхний угол листа оборван с утратой текста (начало второго столбца, после ст. 18). Напечатано: Якушкин. № 5. С. 326; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 195—196 (первоначальные варианты автографа; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 5. С. 326.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется 10—11 марта 1822 г. по содержанию (см. ниже).

Набросок шуточного послания. По предположению П. О. Морозова (см.: Мор. 1887. Т. 1. С. 285; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 638), принятому позднейшими комментаторами, обращено к Н. С. Алексею, близкому кишиневскому приятелю Пушкина (см. о нем в примеч. к стихотворению «Алексееву» — наст. т., с. 637—638). В семье Алексеевых сохранилось предание, что Пушкина и Алексея называли в Кишиневе Орестом и Пиладом (см.: Эйдельман Н. Я. «По смерти Петра I...» // Эйдельман Н. Я. Статьи о Пушкине. М., 2000. С. 57). Написано во время пребывания Пушкина под домашним арестом за ссору 6 марта 1822 г. с Тодором Балшем, молдавским боярином, бежавшим из Ясс в Кишинев от этерии. Происшествие подробно описано П. И. Долгоруковым в его дневнике «35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья». 8 марта Долгоруков отметил в дневнике, что «Пушкину объявлен домовый арест за то, что прибил одного знатного молдаванина, не хотевшего с ним выйти на поединок» (П. в восп. Т. 1. С. 354). 9 марта он записал: «Историю нашего молодого поэта рассказывают следующим образом. За несколько времени перед сим имел он поединок с шефом 31-го Егерского полка Старовым. Поссорились они за дрянь, и оба выстрелили на воздух. Происшествие тогда же разнеслось по городу, и скоро об нем забыли, исключая двух или трех молдаван, у которых оно осталось в памяти. В прошедшее воскресенье на маленькой вечеринке у молдаванки Богдан дочь ее г-жа Балш, вмешавшись в разговоры и суждения насчет удовлетворения, каковое требовать должен брат ее мужа Янко Балш за причиненные ему побои, сказала Пушкину, вызвавшемуся отомстить честь обиженного: „Vous vous défendez assez mal vous-même (Вы и себя-то плохо защищаете — фр.)” и пр. Пушкин, любя страстно женский пол, а в особенности, как полагают, г-жу Балш, забыл на ту минуту все, бросился к мужу ее Теодарашке Балш, который играл в карты, и объя-

вил, что ему надобно за жену драться. Сей не знал, на что ему решиться. Но когда сама жена стала жаловаться на Пушкина, то и его забрало в очередь. Полетели ругательства. Молдаван рассвирепел, называл Пушкина *Jean l'outré* (трусом — фр.) — ссылочным и пр. Сцена, как рассказывали мне очевидцы, была ужаснейшая. Балш кричал, содомил, старуха Богдан упала в обморок, беременной вице-губернаторше приключилась истерика, гости разбрелись по углам, люди кинулись помогать лекарю, который тотчас явился со спиртами и каплями, — оставалось ждать еще ужаснейшей развязки, но генерал Пуштин успел все привести в порядок и, схватив Пушкина, увез с собою. Об этом немедленно донесли наместнику, который тотчас велел помирить ссорящихся. Вчера поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, извиняясь похмельем, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балшу: „Вот как я хотел с вами разделаться. Здесь уже не место“. При сих словах, положив пистолет обратно в карман, он ударил его в щеку. Их тотчас розняли, и Пушкин потом приехал к генералу, который мыл ему голову в кабинете и после обеда отправил его с адъютантом под арест. Несмотря на зверский его поступок, многие винят Балша. По общему признанию, в молдаванах нет ни доброты, ни честности, ни благородства» (Там же. С. 355—356). Ближкую версию излагает П. И. Бартенев со слов В. П. Горчакова (см.: Бартенев. П. в южной России. С. 109—112; *Бартенев П. И. О Пушкине*. М., 1992. С. 194—195). О ссоре Пушкина с Балшем упоминается также в «Биографическом известии об А. С. Пушкине до 1826 года» Л. С. Пушкина (см.: П. в восп. Т. 1. С. 61—62), в «Воспоминаниях о Бессарабии» А. Ф. Вельтмана (см.: Там же. С. 280—281), в воспоминаниях И. П. Липранди (см.: Там же. С. 323—324). См. также: *Двойченко-Маркова Е. М.* 1) *Rușkin et les Balsch à Kișinev // Revue des études slaves*. 1938. Т. 18, fasc. 1—2; 2) Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 53—56. По предположению Т. Г. Цявловской и М. Д. Беляева, портрет Балша (и, возможно, его жены) нарисован на листе с автографом стихотворения «Мой друг, уже три дня...» (см.: *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина : Каталог атрибуций. СПб., 1996. № 120, 120а).

Ст. 5 — 8. *Спаситель молдаван ~ Смиранный Иоанн...* — Генерал Иван Никитич Инзов (см. о нем в примеч. к стихотворению «〈В. Л. Давыдову〉» («Меж тем как генерал Орлов...») — наст. т., с. 841). В письме к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. Пушкин замечал: «Старичок Инзов сажал меня под арест всякой раз, как мне случалось побить молдавского боярина. Правда — но зато добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мною об гишпанской революции» (Акад. Т. 13. С. 103; ср. также в первоначальных вариантах «〈Воображаемого разговора с Александром I〉» (1824—1825): «...Инзов меня очень любил [сажал] [и] за всякую ссору с молава〈нами〉 объявлял мне комнатный арест и прис〈ы〉лал мне скури ради Франк〈фуртский〉 жур〈нал〉» — Там же. Т. 11. С. 296).

Ст. 17 — 18. 〈〉 *строгий Приставил караул*. — Ср. один из первоначальных вариантов: «К моей канурке строгий / Приставил караул» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 405). П. И. Долгоруков, посетивший Пушкина 9 марта, записал в дневнике: «...мы заходили к Пушкину, который скорыми шагами размеривал свою комнатку, обрадовался, увидя нас, смеялся беспрестанно и спрашивал, надолго ли его засадили. У дверей поставлен часовой. Его, однако ж, пускают в сад и на двор, и, исключая молдаван, всякий может с ним видеться» (П. в восп. Т. 1. С. 355).

Ст. 25. *Куконица* — барышня. См. в «Воспоминаниях о Бессарабии» А. Ф. Вельтмана: «Спозаранку зала наполнилась уже боярами, куконами и куконицами (барынями и барышнями)» (Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 105); в романе Вельтмана «Странник» (1831): «Я скажу только вообще, что молдаванские куконьы и куконицы по наружности очень похожи на русских госпож и барышен, французских мадам и демуазелей...» (Вельтман А. Ф. Странник. М., 1978. С. 28 (Сер. «Литературные памятники»). Однако Пушкин, видимо, употребляет слово *куконица* для обозначения жены молдаванского боярина (ср. неправильное словоупотребление в первоначальных вариантах ст. 25: «Куконов, кукониц»).

Ст. 27. *Обритых и брадатых!* — Отсутствие или наличие бороды отражало социальную градацию молдаван. См. запись в дневнике Ф. Н. Лугинина: «Господа носят здесь огромные шапки двух фасонов. Но борода означает здесь чин {...}. Народ вообще бород не носит...» (П. в восп. Т. 1. С. 232); в романе А. Ф. Вельтмана «Странник»: «Экипажей встречал я здесь без счета; здесь, по большей части, все ездят в колясках, от последнего мазила (хозяин-однодворец. — Ред.) с обритой бородой до первого бояра с длинной бородой» (Вельтман А. Ф. Странник. С. 27); в «Воспоминаниях о Бессарабии» Вельтмана в рассказе о посещении Кишинева Александром I: «Когда государь вступил в залу, все стеснилось в молчании, без шума, почти незаметно, в круг, коего первые ряды состояли из женщин; женщин окружали стеной бородатые первостатейные бояре, а за ними — бояре второго и третьего класса» (Майков Л. Н. Пушкин. С. 105).

Другие редакции и варианты

Ст. 9—14 (Б). *Под шалевой чалмою...* — традиционный головной убор молдаван, почти никогда, даже при приветствии, не снимавшийся (см.: Богач Г. Ф. Шалевая чалма... // Богач Г. Ф. Далече северной столицы: О творчестве Пушкина в Молдавии. Иркутск, 1979. С. 69—74).

Ст. 22—27 (Г). *Тяжелые фигуры Куконов кукониц* — «Тяжелые» здесь означает «медлительные», «неповоротливые», «неуклюжие» (особенность молдаван, связанная с их традиционными нарядами — тяжелыми шапками и рясами). См. также: Богач Г. Ф. «Тяжелый молдаван...» // Богач Г. Ф. Далече северной столицы. С. 67—68. Ср. также в «Отрывках из путешествия Евгения Онегина» (1829): «И грек, и молдаван тяжелый» (Акад. Т. 6. С. 201). О неверном употреблении в этом стихе слов «куконы» и «куконицы» см. выше, примеч. к ст. 25.

«ВНЕМЛИ, О ГЕЛИОС, СЕРЕБРЯНЫМ ЛУКОМ ЗВЕНЯЩИЙ...»

(С. 126 и 406)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 37—38. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 336 (указание на «опыт идиллии» в гекзаметрах с кратким прозаическим пересказом); Мор. 1903—06. Т. 1. С. 339 (с неточностями и пропусками). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 339.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно маем—июнем 1822 — первой половиной июня (до 13) 1823 г. по положению автографа в тетради ПД 832.

Тетрадь ПД 832 заполнялась с двух сторон. Последовательные записи в прямом положении тетради от начала к концу заканчиваются на л. 33 об., в верхней части которого расположен один из стихотворных набросков к замыслу о Бове («Народ кипит, гремят народны клики...» — см. наст. т., с. 128). На полях этого листа две датирующие пометы: «30 июня» и «1 июля», относящиеся к 1822 г. Запись на л. 37—38 в прямом положении тетради могла быть сделана либо в ходе ее последовательного заполнения, но с пропуском некоторого числа листов, объяснимым, если предположить, что к этому времени в тетради уже была начата работа над поэмой «Бахчисарайский фонтан», черновой автограф которой, датирующийся приблизительно маем—июнем 1822 г., занимает л. 19—29, либо позднее, во второй половине 1822 г. или в первые месяцы 1823 г., когда отдельные записи в прямом положении тетради делались на свободных листах. Нижняя граница датировки определяется черновиком письма к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г., находящимся непосредственно рядом с автографом, на л. 36 об.—35, но записанным в ином положении тетради (верхом вниз) в ходе заполнения ее в противоположном направлении, с конца.

При первой публикации П. О. Морозов датировал стихотворение 1822 г. Эта датировка была принята в Венг. (Т. 2. С. 157) и позднее в ГИХЛ 1931 (Т. 1. С. 461—462; Т. 2. С. 372). В АН 1900—29 (Т. 3. Примеч. С. 360) стихотворение отнесено П. О. Морозовым к 1823 г. на основании соседства в рукописи с письмом к Бестужеву. То же решение повторено В. Я. Брюсовым (Брюс. С. 210—211); в КН (Т. 1. С. 343; Т. 2. С. 299), ГИХЛ 1934 (Т. 1. С. 479; Т. 2. С. 363) и во всех последующих изданиях датировка сужена до июня 1823 г., что представляется не вполне корректным. По характеру отпечатков чернил на смежных листах можно заключить, что черновик письма к Бестужеву писался в тетради позднее стихотворения. Последнее наблюдение не было учтено В. Б. Сандомирской, предложившей дату: «1823 год, после 13 июня» (см.: *Сандомирская В. Б.* Первый перевод Пушкина из Андре Шенье // ПИМ. Л., 1974. Т. 7. С. 183—184), принятую в Летописи 1991 (С. 349) и Летописи 1999 (Т. 1. С. 326); оно не позволяет принять и датировку еще более поздним временем, предложенную С. А. Фомичевым (см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832 : (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 241—242; см. также: Раб. тетр. Т. 1: Описание. С. 78).

Стихотворение, как было отмечено еще П. О. Морозовым (Мор. 1903—06. Т. 1. С. 644), представляет собой перевод первых 26 стихов идиалли Андре Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484) «Слепец» (L'Aveugle):

«Dieu dont l'arc est d'argent, dieu de Claros, écoute,
O Sminthée-Apollon, je périrai sans doute,
Si tu ne sers de guide à cet aveugle errant.»

C'est ainsi qu'achevait l'aveugle en soupirant,
Et près des bois marchait, faible, et sur une pierre
S'asseyait. Trois pasteurs, enfants de cette terre,

Le suivaient, accourus aux abois turbulents
 Des molosses, gardiens de leurs troupeaux bêlants.
 Ils avaient, retenant leur fureur indiscrete,
 Protégé du vieillard la faiblesse inquiète;
 Ils l'écoutaient de loin; et s'approchant de lui:
 «Quel est ce vieillard blanc, aveugle et sans appui?
 Serait-ce un habitant de l'empire céleste?
 Ses traits sont grands et fiers; de sa ceinture agreste
 Pend une lyre informe; et les sons de sa voix
 Émeuvent l'air et l'onde et le ciel et les bois».

Mais il entend leurs pas, prête l'oreille, espère,
 Se trouble, et tend déjà les mains à la prière.
 «Ne crains point, disent-ils, malheureux étranger;
 (Si plutôt, sous un corps terrestre et passager,
 Tu n'es point quelque dieu protecteur de la Grèce,
 Tant une grâce auguste ennoblit ta vieillesse!)
 Si tu n'es qu'un mortel, vieillard infortuné,
 Les humains près de qui les flots t'ont amené,
 Aux mortels malheureux n'apportent point d'injures.
 Les destins n'ont jamais de faveurs qui soient pures.

⟨«Бог, чей лук из серебра, бог Кларосский, послушай, о Сминтей-Аполлон, я, без сомнения, погибну, если ты не послужишь вожатым блуждающему слепому». — Так заключил свою речь слепой, вздыхая, и, слабый, шел возле леса и садился на камень. Три пастуха, дети той страны, прибежавшие на неугомонный лай молосских псов, стерегущих их блеющие стада, следовали за ним. Уняв их неуместное бешенство, они защитили бессилие потревоженного старика. Они слушали его издали и, приближаясь к нему, ⟨говорили⟩: «Кто этот седой старик, слепой и беспомощный? Не небожитель ли он? Черты его лица величавы и горды; к его грубому поясу подвешена неотделанная лира; и звуки его голоса колеблют воздух и волны, и небо, и леса». Но он слышит их шаги, насторожился, надеется, смущается и уже простирает молитвенно руки. «Не бойся, — говорят они, — несчастный странник (если, конечно, под земной брэнной оболочкой ты не являешься кем-то из богов-покровителей Греции, столь величественная прелесть облагораживает твою старость!), если же ты простой смертный, несчастный старик, люди, к которым принесли тебя волны, никогда не причинят вреда несчастным смертным. Судьба никогда не раздает милости справедливо. — *фр.*» (Chénier. P. 23—24). Идиллия Шенье описывает явление старого, слепого и немощного Гомера на остров Сикос, куда его высадили со своего судна грубые и жестокие купцы, поскольку ему нечем было им заплатить, а петь для них он отказался. Встретив дружелюбный прием у местных мальчиков-пастухов, старик поет для них и силой своего дара располагает к себе всех обитателей острова. В финале жители Сикоса предлагают Гомеру прибежище и обещают славить день, когда он явился на их остров. Пушкин ограничился первой сценой встречи слепца с пастухами, основная часть идиллии — песнь Гомера — осталась им непереуведенной. Подробное сопоставление перевода с оригиналом см.: Сандомирская В. Б. Первый перевод Пушкина из Андре Шенье. С. 175—181.

На протяжении предшествующих двух лет Пушкин неоднократно обращался к творчеству Шенье, но ни разу его прямо не переводил. Высказывалось мнение, что мысль о переводе возникла у Пушкина под влиянием элегии Н. И. Гнедича «Тарентинская дева», напечатанной в альманахе «Полярная звезда» на 1823 г. Это был первый появившийся в русской печати перевод из Шенье — элегия XX из сборника 1819 г., имевшая в оригинале помету: «во вкусе древних» («dans le goût ancien») (см.: *Сандомирская В. Б.* Первый перевод Пушкина из Андре Шенье. С. 168—169; Франц. элегия. С. 629, коммент. В. Э. Вацуро). Это предположение, однако, нуждается в некоторой корректировке.

Определенный интерес Пушкина к жанру идиллии, возникший под влиянием Шенье (см. стихотворения «Редет облаков летучая гряда...», «Земля и море», «Муза» и примеч. к ним — наст. т., с. 14, 15, 17, 536—537, 540—542, 544—546), совпал по времени со спорами о возможности существования жанра на русской почве и его эстетических ориентирах (подробнее см.: *Вацуро В. Э.* Русская идиллия в эпоху романтизма // *Русский романтизм.* Л., 1978. С. 118—138; то же: *Вацуро В. Э.* Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 517—539). Очередной этап критической дискуссии об идиллии был связан с появлением в феврале 1822 г. идиллии Н. И. Гнедича «Рыбаки» (СО. 1822. Ч. 76, № 8 (25 февр.). С. 22—38 и отд. изд.). В пояснительном примечании Гнедич характеризовал свое новое произведение как «первый опыт русской народной идиллии»: «Сочинитель осмелился испробовать род сей без Хлой и Дафнисов; эти лица принадлежат земле чужой; требуют таких свойств, таких красок, которые, хотя б они были выражены со всею истинною, привлекут одно удивление, а не участие: ибо сердце наше не найдет в них ничего себе знакомого, родного» (СО. 1822. Ч. 76, № 8. С. 22). Развернутое теоретическое обоснование жанра современной идиллии на национальном материале Гнедичем было дано впоследствии в предисловии к переводу идиллии Феокрита (III в. до н. э.) «Сиракузянки», выполненному в 1820—1821 гг., т. е. ранее создания «Рыбаков», но напечатанному только в сборнике 1832 г. Там Гнедич ссылался на опыты немецких поэтов Й. Х. Фосса (Voss; 1751—1826), Ф. К. Броннера (Bronner; 1758—1850) и И. П. Гебеля (Hebel; 1760—1826) (см.: *Гнедич Н. И.* Стихотворения. Л., 1956. С. 184 (Б-ка поэта; Большая сер.)). В русской литературе его предшественником был В. А. Жуковский, в 1816—1818 гг. переведший ряд идиллий Гебеля и в первом же переводе — «Овсяный кисель» (1816; перевод идиллии «Das Habermus», 1800—1801), — осторожно русифицируя текст оригинала, сделавший определенный шаг к созданию русской простонародной идиллии. Обращение Жуковского к творчеству Гебеля не встретило единодушного сочувствия в ближайшем литературном окружении. В 1828 г. в черновом наброске статьи «〈О поэтическом слоге〉» Пушкин писал: «Мало, весьма мало людей поняли достоинство переводов из Гебеля...» (Акад. Т. 11. С. 73), но в 1818 г., в момент появления переводов Жуковского в печати, сам он еще не был готов безусловно их поддержать (см. подробнее в примеч. к стихотворениям «К Жуковскому»). По прочтении изданных им книжек „Для немногих” и «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» — наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 513, 516—518). К 1822—1823 гг. Пушкин, по-видимому, вопреки преобладавшему литературному мнению, сохранил к проблеме современной идиллии весьма скептическое отношение. Получив «Рыбаков», он в ответном письме от 29 апреля 1822 г. поблагодарил Гнедича за присылку «прелестной» идиллии, однако прибавив: «...о которой мы поговорим на досуге» (Акад. Т. 13. С. 37). Большая цитата из «Рыбаков» позднее была включена в примечания к первой главе «Евгения Онегина» («прелестное описание петербургской

ночи» — Там же. Т. 6. С. 191), но речь в данном случае шла лишь об отдельном описательном фрагменте, а не о предложенной Гнедичем жанровой концепции. Если верить свидетельству в дневнике И. А. Второва, в ноябре 1827 г. Пушкин прямо называл идиллию Гнедича «дрянью» (см.: *Де-Пуле М. Ф. Отец и сын : Опыт культурно-биографической хроники // РВ. 1875. № 8. С. 597*). Ср. также отзыв П. А. Вяземского, сразу по выходе «Рыбаков» указавшего на непреодолимое противоречие между античной формой и национальным «предметом»: «...не признаю в „Рыбаках“ его особенной услуги поэзии. Мы слишком очерствели; в быту наших Титиров и Мелибеев так мало буколической изящности и свободы; век их так мало похож на золотой век, что идиллии и эклоги наши, несмотря на достоинство стихосложения, всегда будут холодны и пасмурны, как небо, которое большую часть года одним мраком одевает природу, вовсе не темпейскую» (НЛ. 1823. Кн. 4, № 19. С. 90—91).

С определенной долей вероятности можно предполагать, что именно «Рыбаки», а не «Тарентинская дева» послужили толчком к пушкинскому переводу. Стихи Шенье с их верностью духу классической поэзии, с отношением к античности как к специфическому, чуждому современности культурному миру противостояли как опыту русской простонародной идиллии Гнедича, так и появившимся двумя годами раньше идиллиям В. И. Панаева, ориентированным на руссоизм и дидактизм идиллий С. Геснера (Gessner; 1730—1787). Выбор для перевода именно «Слепца» отчасти мог быть сделан под влиянием «гомеровской» темы этой идиллии (ср. в связи с этим наблюдения А. М. Кукулевича о гомеровской топике в «Рыбаках» Гнедича: *Кукулевич А. М. Русская идиллия Н. И. Гнедича «Рыбаки» // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филолог. 1939. Вып. 3. С. 296—297*), а также ее иных, элегических, литературных проекций — «Состязание Гомера и Гесиода» («Combat d'Homère et d'Hésiode», опубл. в 1815 г.) и «Нищий Гомер» («Homère mendiant», опубл. в 1815 г.) Ш.-Ю. Мильвуа (Millevoüe; 1782—1816) (в посмертном издании Мильвуа, вышедшем в конце 1822 г., в примечании к элегии «Нищий Гомер» указано на связь ее со «Слепцом» и дана пространная цитата из идиллии Шенье) и «Гезиод и Омир — соперники» (1817) К. Н. Батюшкова (перевод элегии Мильвуа). О возможных переключках со «Слепцом» гнедичевских «Рыбаков» см.: *Китанина Т. А. О певцах, слепцах и переводчиках : К истории первого пушкинского перевода из Шенье // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso : Сб. статей к 65-летию Б. А. Каца. СПб., 2013. С. 185—194*. Известен отзыв Пушкина о «Тарентинской деве» в письме к брату от 30 января 1823 г.: «Гнедич у меня перебивает лавочку —

Увы напрасно ждал тебя жених печальный

и проч. — непростительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнассе» (Акад. Т. 13. С. 56). Если стихотворение «Внемли, о Гелиос...» было написано в 1822 г., то в словах «у меня перебивает лавочку» можно видеть шутовское утверждение Пушкиным своего приоритета в переводах Шенье.

Стремлением Пушкина подчеркнуть античную основу сюжета несомненно диктовалось и обращение к гекзаметру вместо александрийского стиха оригинала. Еще в 1813 г., начиная полемику о возможности и применимости гекзаметра в русском стихосложении, С. С. Уваров в «Письме Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом гекзаметре» утверждал: «Когда вместо плавного, величественного экзаметра я слы-

шу скудный и сухой александрийский стих, рифмою прикрашенный, то мне кажется, что я вижу божественного Ахиллеса во французском платье» (Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 13. С. 65; то же: «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 82; о полемике см. подробнее: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 174—188; «Арзамас» 1994. Кн. 2. С. 78—94 и 464—471, коммент. Л. Н. Киселевой). Выбор Гнедичем гекзаметра для перевода «Илиады» окончательно утвердил этот размер как аналог античного метра. К современной идиллии гекзаметр применил Жуковский в переводах из Гебеля, а затем Ф. Н. Глинка в своих написанных под влиянием Жуковского «народных рассказах» («Бедность и труд (Народная сказка)» — *СО.* 1818. Ч. 43, № 3. С. 110—116; «Три брата искали счастья (Сказка)» — *Соревн.* 1818. Ч. 1, № 2. С. 259—267; «Суд Божий (Народный рассказ)» — Там же. 1820. Ч. 11, № 7. С. 85—88). Сам Гнедич перевел гекзаметром идиллию Феокрита «Сиракузянки», но в «Рыбаках», видимо делая некоторую уступку национальному предмету, использовал безрифменный пятистопный амфибрахий — размер, в принципе, иногда выступавший как аналог гекзаметра (например, в переводе «Одиссеи» А. Ф. Мерзлякова, см.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. С. 137), но не имевший столь определенной «античной» прикрепленности. Пушкин, переводя александрийские стихи «Слепца» гекзаметром, «как бы хотел вернуть стихам Шенье их античную оболочку, которой они не могли иметь в подлиннике. Это не столько перевод, сколько реконструкция творческого замысла Шенье, своеобразная интерпретация поэзии Шенье» (Томашевский. П. и Франция. С. 79).

Ст. 1—2. *Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий, Внемли, боже кларосский...* — У Шенье Гомер обращается к Аполлону, называя его «богом Клароса» (dieu de Claros) (по названию места близ Колофона, одного из центров культа Аполлона) и вторым, менее распространенным именем — Сминфей (Sminthée-Apollon). Аполлон в греческой мифологии — покровитель певцов и музыкантов, бог-стреловец, обладатель серебряного лука. Ср. в «Илиаде» в переводе Гнедича:

Там, от судов удалившись, старец взмолился печальный
 Фебу царю, лепокудря Леты могущему сыну:
 «Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
 Хризу, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,
 Сминфей! если когда я храм твой священный украсил... (I, 35—39)

Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца... (I, 49)

В известном Пушкину переводе Е. И. Кострова (I, 47): «О Феб! что сребрен лук нося поверх рамен...» (Гомерова Илиада. Переведенная Ермилом Костровым. СПб., 1787. С. 3).

Первоначально Пушкин заменил второе имя Аполлона (Сминфей) на более известное русским читателям, но неточное — Гелиос («О Гелиос-Аполлон»). Гелиос в греческой мифологии — древнейшее, доолимпийское божество, бог солнца, в поздней античности отождествлялся с Аполлоном (см.: *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 298—300), но для Гомера такое смешение невозможно (см.: Гомеровские гимны. XXXI: К Гелиосу).

«АКТЕОН»
(С. 127 и С. 408)

Автографы:

1) ПД 263 — план, под заглавием: «Актеон», на русском и французском языке, разделенный на две части отчеркиванием. Описание автографа: ПиС. СПб., 1906. Вып. 4. С. 22; Рукоп. П. 1937. С. 104. Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 108—109 (публ. П. О. Морозова).

2) В тетр. ПД 831, л. 56 об. — черновой стихотворного наброска, без заглавия. Напечатано: Анн. Т. 7. С. 84, 1-я паг. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Анн. Т. 7. С. 84, 1-я паг. (стихотворный набросок); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 108—109 (план).

В собрание сочинений впервые включено: Анн. Т. 7 (стихотворный набросок); АН 1900—29. Т. 3 (план).

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1822 г. План (ПД 263) записан на бумаге № 20 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (см.: Рукоп. П. 1937. С. 300), которая встречается у Пушкина еще только один раз: на ней записан белой автограф «Некоторых исторических замечаний» (ПД 285; в современных изданиях печатаются под редакторским заглавием: «〈Заметки по русской истории XVIII века〉»), датированный 2 августа 1822 г. На обороте листка с планом — рисунки, среди которых неоднократно повторяющийся в кишиневских рукописях Пушкина «греческий» женский профиль (ошибочно определяется как портрет Каллипсо Полихрони, см. об этом в примеч. к стихотворению «Гречанке» — наст. т., с. 718). Стихотворный набросок может быть также отнесен к 1822 г. по положению в тетради ПД 831. Предшествующие листы (л. 53 об.—56) заняты черновым автографом стихотворения «К Овидию», белой автограф которого в тетради ПД 833 датирован 26 декабря 1821 г. На л. 56 об. непосредственно под текстом наброска «В лесах Гаргафии счастливой...» после горизонтальной разделительной черты была начата работа над стихотворением «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...», датирующимся, вероятно, второй половиной 1822 г. (см. примеч. к нему — наст. т., с. 880—882).

П. В. Анненков, первый публикатор стихотворного наброска, видел в нем «еще один недоделанный образчик антологических стихотворений, навеянных Пушкину Крымом и А. Шенье» (Анн. Т. 7. С. 84, 1-я паг.). П. О. Морозов высказал предположение, что набросок представляет собой начало реализации замысла, нашедшего отражение в плане под заглавием «Актеон» (см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 109). Эта версия встретила возражения С. А. Венгерова, полагавшего, что «программа Пушкина представляет собою самостоятельную обработку мифологических сюжетов об Эндимионе и Актеоне» (Венг. Т. 6. С. 196), тем не менее в абсолютном большинстве последующих собраний сочинений Пушкина, включая Акад. (Т. 5. С. 154, 500—501), план и стихотворный фрагмент объединялись под одним заглавием. Впрочем, предлагалась также версия, что пушкинский план является наброском балетной программы по образцу анакреонтических балетов Шарля-Луи Дидло (Didelot; 1767—1837) и, таким образом, единственным, «чисто внешним», основанием для сближения его со стихотворным фрагментом может служить только

имя Актеона (см.: Варнеке Б. В. Пушкин и актеры // Пушкин : Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 47—48; также: Эльяш Н. И. Пушкин и балетный театр. М., 1970. С. 53—54).

В пушкинском сюжете, как следует из прозаического плана, соединены два греческих мифа. Актеон, сын Аристия и дочери фиванского царя Кадма Автонои, охотился в долине Гаргафия и стал единственным из смертных, увидевшим обнаженной богиню Артемиду (Диану). Разгневанная богиня превратила Актеона в оленя, и его разорвали собственные собаки (см., например, в «Метаморфозах» Овидия — Met. III, 138—252). Эндимион, карийский пастух, знаменитый своей красотой, был любовником собственно не Дианы, а богини луны Селены. По просьбе Селены, пленной красотой Эндимиона, Зевс погрузил юношу в сон в пещере, и богиня сошла к нему. Однако Селена уже греками отождествлялась с Артемидой (Дианой). Пушкинский сюжет, по-видимому, опирался на «Ручную книгу древней классической словесности», перевод немецкого руководства («Handbuch der klassischen Litteratur, Altertumstunde und Mythologie», 1783) И. И. Эшенбурга (Eschenburg; 1743—1820) и К. Ф. Крамера (Cramer; 1752—1807), по которому в Лицее читал свой курс Н. Ф. Кошанский. «От Латоны, дочери Юпитера, родилась, в одно время с Аполлоном, на острове Делос, Артемида, или Диана. В виде Аполлона почитали Солнце; а в лице Дианы поклонялись Луне, или богине Луны (Selene, Luna). Она покровительствовала также звериной ловле, которая с юных лет сделалась любимой ее забавой. (...) Диана получила также от него (Юпитера. — Ред.) совершение обета своего остаться навсегда девою и соделалась богинею непорочности и невинной юности. Вот источник гнева ее за слабость одной из нимф, Каллисты, и вина превращения Актеона в оленя. Единственный из смертных, к которому она не могла быть равнодушна, был пастух или охотник Эндимион. Диана поразила стрелами дочерей Ниовей и нимфы Хионы, ибо завидовала красоте их и божескому достоинству, которое получили они от матери» (Ручная книга древней классической словесности (...) собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Ч. 2. С. 39). Ср. также в четвертой песни «Руслана и Людмилы» (отмечено: Томашевский Б. В. Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина // Пушкин : Исследования и материалы : Тр. 3-й Всесоюз. пушкинской конф. М.; Л., 1953. С. 203):

В молчаньи дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,
Как лицемерная Диана
Пред милым пастырем своим.
(Акад. Т. 4. С. 55)

Речь традиционно шла о двух планах, русском и французском, что вряд ли справедливо. Французская запись, расположенная на листке под русской после знака концевки, является не отдельным самостоятельным планом, а дополняет и детализирует уже намеченные выше сюжетные ходы: «Актеон это узнает от Феоны, ищет(?) Диану(?) не спит — наконец видит Диану в источнике». Русская часть плана имеет нейтральный характер, французская содержит оценочно-иронические определения. Герой (Актеон) охарактеризован как «fat», т. е. хлыщ, фат, фанфарон; приключение богини Дианы — «scandaleuse» — скандальное, постыдное, соблазнительное (ср. с «лицемерной Дианой» в «Руслане и Людмиле»).

Характер плана позволяет предположить, что замысел был навеян поэмой «Переодевания Венеры» («Les Déguisements de Venus», 1805) Эвариста-Дезире де Форжа де Парни (Parry; 1753—1814). Фат Актеон, соблазнитель и искатель приключений, напоминает героя поэмы Парни пастуха Миртиса. В картине VIII «Переодеваний Венеры» описывается соблазнение Миртисом нимфы из свиты Дианы. Пастух преследует нимфу до «уединенного грота» («une grotte solitaire»), обычного убежища Дианы («De Diane asile ordinaire»); в картине VII Миртис следует за богиней, принявшей его за Эндимиона; в картине XXIII встречается имя Феона (см.: Якубович. Античность в творчестве П. С. 146; ср. утверждение Н. В. Измайлова, что тема Актеона, вероятно, должна была быть реализована Пушкиным «в эротико-сентиментальном и ироническом духе произведений Парни» — Измайлов Н. В. Поэма Пушкина о гетеристах : (Из эпических замыслов кишиневского времени) // П. Врем. [Т.] 3. С. 340; также: Томашевский. Пушкин, I. С. 469—470).

⟨ II. Стихотворный отрывок ⟩

Ст. 1. *В лесах Гаргафии счастливой...* — В Анн. и последующих изданиях ст. 1 печатался в ошибочном чтении: «В лесах Гаргарии счастливой». Указание на ошибку см.: Малевин А. И. Мелкие заметки к Пушкину. I. Что такое Гаргария? // ПиС. Пг., 1917. Вып. 28. С. 99—101; Томашевский Б. В. Писатель и книга : Очерк текстологии. [Л.], 1928. С. 154—155. Гаргафия — долина с одноименным родником, расположенная в центральной Греции, в Беотии, — названа как место охоты Актеона в «Метаморфозах» Овидия:

Был там дол, что сосной и острым порос кипарисом,
Звался Гаргафией он...

(Met. III, 155—156; пер. С. В. Шервинского)

Ст. 2. *За ланью быстрой и пугливой...* — Д. П. Якубович усматривал параллель этому стиху в строках драматической поэмы И. И. Дмитриева «Ермак» (1794), которые цитирует К. Н. Батюшков в известном Пушкину очерке «Прогулка в Академию Художеств» (1814) (см.: Якубович. Античность в творчестве П. С. 146). Батюшков описывает ландшафт, существовавший на месте Петербурга до основания города: «Может быть, сосновая роща, сырой дремучий бор или топкое болото, поросшее мхом и брусникою (...). Сюда, может быть, с трудом пробирался охотник, какой-нибудь длинновласый Финн...

За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой»

(Батюшков. Соч. 1934. С. 321;

Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений.
Л., 1967. С. 82 (Б-ка поэта; Большая сер.).)

〈БОВА〉

(С. 128 и 409)

Автографы:

1) ПД 265 — прозаическая программа. Описание автографа: ПиС. Вып. 4. С. 22; Рукоп. П. 1937. С. 104—105. Напечатано: КН. Т. 3. С. 263 (публ. М. К. Азадовского).

2) ПД 264 — прозаическая программа и перечень действующих лиц. Описание автографа: ПиС. Вып. 4. С. 22; Рукоп. П. 1937. С. 104. Напечатано: КН. Т. 3. С. 263—264 (программа; публ. М. К. Азадовского).

3) Тетр. ПД 832, л. 31—33 — конспект из «Истории итальянской литературы» П.-Л. Женгене (*Histoire littéraire d'Italie, par P. L. Ginguené. Paris, 1812. Т. 4. Р. 178—183*). Напечатано: Якушкин. № 5. С. 335 (указание с краткими цитатами); Рукою П. 1935. С. 486—487 (публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской) и М. Г. Муравьевой).

4) Тетр. ПД 832, л. 33 об. — черновой начала сказки «[Народ ки〈пит〉, гремят народны клики...]» (вариант 〈1〉); текст перечеркнут, ниже наброски к его переработке; с датирующими пометами на левом поле: «30 июня» и «1 июля». Напечатано: Якушкин. № 5. С. 335.

5) Тетр. ПД 832, л. 17 об. — черновой начала сказки «Зачем раздался гром войны...» (вариант 〈2〉). Напечатано: Якушкин. № 5. С. 333.

6) Тетр. ПД 831, л. 58 об. — черновой начала сказки «Кого союзником и другом...» (вариант 〈3〉). Напечатано: Якушкин. № 4. С. 105.

Впервые: Якушкин. № 4. С. 105; № 5. С. 333, 335 (стихотворные варианты начала сказки).

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 303—305 (неполная и неточная транскрипция стихотворных фрагментов; публ. П. О. Морозова); КН. Т. 1. С. 339; Т. 3. С. 263—264 (стихотворные фрагменты и прозаические программы).

Печатается по автографам.

Датируется предположительно концом июня—началом июля 1822 г. в соответствии с датирующими пометами на л. 33 об. у первого из стихотворных фрагментов. С большой долей вероятности можно предполагать, что все относящиеся к замыслу записи делались примерно в одно время, чему не противоречит и их положение в рабочих тетрадах ПД 832 и ПД 831. Гипотеза С. А. Фомичева (см.: *Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 832 : (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 241; принята также В. А. Кошелевым: Кошелев В. А. Бова Королевич // Кошелев В. А. Пушкин : История и предания : Очерки. СПб., 2000. С. 142—145*), что конспект из «Истории итальянской литературы» П.-Л. Женгене на л. 31—33 и стихотворный набросок «[Народ ки〈пит〉, гремят народны клики...]» на л. 33 об. тетради ПД 832 следует датировать концом июня—началом июля 1825 г., не имеет аргументированного основания. В тетради нет следов систематической работы после 1823 г., и предположение, что Пушкин сделал единичные записи, открыв ее в середине, выглядит достаточно произвольным.

В первый раз к лубочной повести-сказке о Бове-королевиче Пушкин обратился еще в 1814 г. в незавершенной лицейской поэме «Бова» (см. наст. изд., т. 1, с. 56 и примеч. к ней, с. 602—603). Можно предположить, что вторичное обращение Пушкина к замыслу о Бове в 1822 г. было связано с чтением «Истории итальян-

янской литературы» («Histoire littéraire d'Italie», 1811—1816) французского поэта и музыкального и литературного критика Пьера-Луи Женгене (Cinguené; 1748—1819), в которой Пушкин нашел изложение старой итальянской поэмы в октавах — одной из версий средневекового французского рыцарского романа о подвигах Бово д'Антоня. Сделав конспект из книги Женгене, фиксирующий основные сюжетные ходы итальянской поэмы, Пушкин в соответствии как с ними, так и с сюжетом русской сказки и лубочной повести наметил две собственные прозаические программы (см. <Подготовительные записи> в разделе «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 409—410) и сделал несколько стихотворных набросков начала. Насколько можно по ним судить, действие должно было начаться со второго эпизода повествования о Бове — приключений героя в «Арменском царстве», т. е. примерно с того момента, на котором остановилось действие лицевой поэмы (в Лицее был разработан как раз отсутствующий в планах 1822 г. первый эпизод — смерть отца Бовы царя Гвидона, попытка бегства из родного царства, намерение матери и отчима, царя Дадона, умертвить Бову, спасение его девкою-чернавкою). Первый прозаический план в основном следует сюжету, сложившемуся в русской книжной и устной традиции. Второй представляет свободную обработку начальных эпизодов и не находит соответствия в рукописных и лубочных текстах и в известных фольклорных записях.

Об интересе Пушкина к сюжету о Бове как интернациональному свидетельствует и воспоминание А. С. Хомякова о позднейшем (не ранее осени 1826 г.) обсуждении с ним этого вопроса: «Когда Пушкин первый (если не ошибаюсь) сказал, что „Бова Королевич“ переведен с итальянского языка (что совершенно справедливо) и есть сказка итальянская, я встретился с ним и доказал ему, что хотя сказка перешла к нам из Италии, но в Италию перешла она из Англии, своей родины. Он хотел это напечатать, но, кажется, забыл...» (Хомяков А. С. Ответ г. Буслаеву // Молва. 1857. № 17, 3 авг.; то же: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. Прилож. С. 40). Впрочем, западноевропейский генезис русской повести о Бове современникам Пушкина был известен. Ср. замечание И. М. Снегирева: «...многие из древних сказок, как, напр(имер), Еруслан, Бова, Петр золотые ключи, взяты с итальянского или арабского...» (Снегирев И. М. Русская народная галерея, или Лубочные картинки // ОЗ. 1822. Ч. 12, № 30 (сент.). С. 92—93).

Другие редакции и варианты

<Подготовительные записи>

<1>

Зензевей осажден — Маркобруном... — Здесь упрощение сюжета: царь Маркобрун, жених Дружневны, и царь Салтан, отец богатыря Лукопера, владетель Рохленского царства, соединены в одно лицо, за счет чего выпадает ряд приключений Бовы.

<2>

Булат-молодец — сказочный персонаж, в повести о Бове отсутствующий.

⟨3⟩

Конспект из «Истории итальянской литературы» П.-Л. Женгене (см. выше). В библиотеке Пушкина имелся неполный комплект девятитомного первого издания труда Женгене, вышедшего в Париже в 1811—1819 гг., и первый из пяти томов его продолжения, составленного Франческо Сальфи (Salfi; 1759—1832) и изданного также в Париже в 1823—1835 гг. (см.: Библиотека П. № 944).

Viuvo d'Antona nel qual si tratta delle gran battaglie e fatti che lui fece, con la sua morte etc in ottava rima, 1489 Venezia. ⟨«Буово из Антоны, где говорится о больших битвах, в коих он участвовал, и деяниях, им совершенных, вместе с его смертью и проч. в рифмованных октавах, 1489 Венеция» — *ит.*⟩ — Пушкин объединяет два варианта заглавия, приведенные Женгене: «*Viuvo d'Antona, canti XXII, in ottava rima, Venezia, 1489; souvent réimprimé depuis, et avec cet autre titre: Viuvo d'Antona nel qual si tratta delle gran battaglie e fatti che lui fece, con la sua morte, etc.*» (*Histoire littéraire d'Italie, par P. L. Ginguené. T. 4. P. 179.*)

...le reste comme dans le conte russe. ⟨...остальное как в русской сказке. — *фр.*⟩ — Пушкин опустил полностью находящие соответствие в русской повести и сказке эпизоды: сон Дюдона об опасности, грозящей ему от пасынка, попытка матери отравить сына, спасение его служанкой (девкой-чернавкой), повторное бегство, отплытие с «корабельщиками» в Армянское царство, продажа корабельщиками Бовы тамошнему королю.

...pourquoi ne pas le tuer?... ⟨... (почему не убить его?)... — *фр.*⟩ — Замечание Пушкина.

Le roman des Reali di Francia... ⟨Роман «Реали ди Франчия»... — *фр.*⟩ — О «старом итальянском прозаическом романе, озаглавленном: *I Reali di Francia*, то есть Принцы французского королевского дома» («*Un vieux roman italien en prose, intitulé: I Reali di Francia, c'est-à-dire les Princes de la maison royal de France*»), упоминающемся в «Истории итальянской литературы» в связи с романической генеалогией Карла Великого, Женгене сообщает следующее: роман относится к концу XIII в. и сначала, видимо, был написан на латыни; первое издание, «очень красивое» («*forte belle*»), in folio, вышло в Модене в 1491 г., второе, также in folio, — в Венеции в 1499 г., оба они очень редкие; третье, в четвертую долю листа и под несколько более пространством заглавием, — в Венеции в 1537 г.; потом роман неоднократно переиздавался в формате 8-й доли листа (*Histoire littéraire d'Italie, par P. L. Ginguené. T. 4. P. 166—167.*)

...c'est probable... ⟨... (это вероятно)... — *фр.*⟩ — Замечание Пушкина.

...il paroît par un passage de l'Arioste... ⟨Судя по одному отрывку из Ариоста... — *фр.*⟩ — Указание на примечание, где Женгене ссылается на стих из «Пяти песней» («*Cinque canti*», 1518—1519) Лудовико Ариосто (*Ariosto; 1477—1533*) — фрагменты, не вошедшие в текст его поэмы «Неистовый Роланд» («*Orlando Furioso*», 1507—1532) (см.: *Histoire littéraire d'Italie, par P. L. Ginguené. T. 4. P. 184.*)

l'historien Villani ⟨историк Виллани — *фр.*⟩ — флорентийский хронист Джованни Виллани (1274 или 1280 — 1348) (см.: *Histoire littéraire d'Italie, par P. L. Ginguené. T. 4. P. 185.*)

«ТЫ ПРАВ, МОЙ ДРУГ, — НАПРАСНО Я ПРЕЗРЕЛ...»

(С. 129 и 414)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 56 об.—58 (основной черновик и прозаическая программа), 36 об. (отдельно записанный в ходе работы над стихотворением черновой набросок трех строф). Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 88—89 (ст. 1—8, 13—16, 21—24, с неточностями); Якушкин. № 4. С. 95—96 (набросок на л. 36 об. как самостоятельный текст), 104—105 (ст. 17—20, 25—32 и прозаическая программа, отдельные черновые варианты, уточнения чтений Анненкова; ст. 33—40 как самостоятельный набросок; с неточностями); Майков. Материалы. С. 174—176 (публ. В. И. Саитова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 88—89.

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855; Генн. 1859. Т. 1. С. 586—587.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1822, не ранее середины года (см. ниже).

Ход работы над стихотворением можно реконструировать следующим образом. На л. 56 об.—57 были записаны три первые строфы и прозаический план продолжения стихотворения. Ниже работа была продолжена в соответствии с намеченным планом: записана строфа «Младых бесед оставя блеск и шум ~ Уединенное волнение», развивающая тему творчества, обозначенную в первой сокращенной строке плана («Муз —»), и первый вариант следующей строфы («Не знаю слез — хладеет пылкий нрав ~ В ключах кавказских каменеет —») (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 414—416, 419, ⟨1⟩, ⟨3⟩). В этой, пока пятой по счету строфе была заявлена тема разочарования, но органический переход к ней отсутствовал. Вероятно, именно на данном этапе работы на л. 36 об. появились наброски еще трех строф (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 417, ⟨2⟩). Они соотносятся с пунктами плана: «Ко всему была охо(та)⟨?⟩ / Ко всему охладел», и писались, по-видимому, в дополнение к уже написанному на л. 56 об.—57 тексту с целью ликвидировать ощутимый смысловой разрыв между первыми четырьмя и пятой строфами. Тем, что эти наброски носили характер «вставки», возможно, отчасти объясняется их положение в тетради — не в продолжение основного черновика на л. 57 об., а отдельно на свободном месте впереди (к моменту начала работы над стихотворением «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» л. 36 об. оставался единственным чистым листом в предшествующей части тетради). От включения в стихотворение строф, записанных на л. 36 об., Пушкин отказался и их не дорабатывал. Одна строфа, по смыслу, вероятно, первая («Любил ⟨ ⟩ и славу и любовь — / И многому я в жизни верил —»), осталась неполной, другая («Красы лаис, заветные пиры ~ И лепетанье славы шумной»), записанная сначала первой, но потом, судя по всему, перенесенная на третье место, не получила синтаксического и смыслового завершения. Только одну из строф («Я ⟨ ⟩ разоблачил кумир ~ Души бесчужденной и праздной») Пушкин имел намерение в каком-то виде использовать, когда, вернувшись к основному черновику, записал на л. 57 об. еще одну новую, шестую строфу и два неполных стиха следующей: «Разоблачив пленительный кумир / Я вижу». Но эти стихи были сразу же вычеркнуты, а существовавший смысловой разрыв между четырьмя первыми и следующими строфами снят за счет композиционных перестановок внутри пятой и шестой строф. К этому этапу работы отно-

сятся и два неполных, но оставленных незачеркнутыми стиха: «Как бьется лань пронзенная стрелой / И силится», которым не нашлось ни продолжения, ни места в общей композиции написанных строф (обводящий их по левому полю штрих, возможно, свидетельствует о намеченном и неосуществленном переносе). Далее в автографе (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 420, (4)) следует строфа: «Ужели он казался прежде мне ~ Я наслаждался сердцем ясным», однако между ней и предыдущим текстом отсутствует связующее звено: непонятно, что именно обозначено местоимением «он». Возникший смысловой разрыв обозначен горизонтальной чертой, проведенной через всю страницу. Вторая такая же горизонтальная черта, видимо имеющая то же значение, отделяет последнюю записанную в автографе строфу: «Везде ярем, секира иль венец ~ Иль предрассудков раб послушн(ый)» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 421—422, (5)). Стихотворение композиционно не сложилось. Автограф на л. 56 об.—58 тетради ПД 831 представляет собой три фрагмента, не сводимых в связный текст. Причем если первый фрагмент и записанный отдельно на л. 36 об. набросок трех строф объединяются поэтической темой общего элегического разочарования в жизни, то связь их со следующими двумя фрагментами на л. 57 об.—58, развивающими уже совсем не элегические мотивы социального и политического скептицизма, не столь очевидна. Некоторым объединяющим началом для всех фрагментов является, пожалуй, только стихотворный размер — строфа, состоящая из чередований пяти- и четырехстопных ямбов с перекрестной рифмовкой и женским стихом в конце, в творчестве Пушкина других аналогов не имеющая (см.: Томашевский. Строфика П. С. 77).

В. Е. Якушкин, дополнявший первую публикацию П. В. Анненкова (см. выше), представил текст, записанный на л. 36 об. и 56 об.—58 тетради ПД 831, в виде нескольких самостоятельных черновых набросков. Так он печатался и в последующих собраниях сочинений (Мор. 1887. Т. 1. С. 286—288; Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 474—476; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 334—335; Венг. Т. 2. С. 83, 157). Как относящиеся к одному стихотворению строфы на л. 56 об.—58 впервые напечатаны Л. Н. Майковым, высказавшим также предположение, что и отдельно записанные на л. 36 об. три строфы принадлежат «к той же пьесе» или составляют «вариант к ней» (Майков. Материалы. С. 174—177). Тем не менее в корпус АН 1900—29 (Т. 3. С. 33) эти три строфы включены В. Е. Якушкиным как самостоятельный отрывок (в той последовательности, как они записаны на листе, т. е. начиная строфой «Красы лаис, заветные пиры...»), а стихотворение «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» — в составе пяти первых строф (без трудночитаемой в автографе третьей, ст. 9—12). То же решение (с дополнением текста стихотворения «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» третьей строфой) принималось в собраниях сочинений под редакцией М. А. Цявловского (КН. Т. 1. С. 334, 338—339; ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 449, 455—456; ГИХЛ 1934. Т. 1. С. 465—466, 472—473; ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 356, 384—385; ГИХЛ 1936. Т. 1. С. 380—381, 407; ГИХЛ 1937. Т. 1. С. 380—381, 407; Асад. в 9 т. Т. 2. С. 32, 67—68; Асад. в 6 т. Т. 1. С. 302, 328—329). При этом еще в 1905 г. П. А. Ефремов предложил свой вариант «сводного» текста, механически присоединив к тексту автографа на л. 56 об.—58 (после стиха «Иль предрассудков раб послушный») три строфы с л. 36 об. (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 189—190). Вслед за ним как-то объединить стихотворение «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» с наброском «Красы лаис, заветные пиры...» попытался В. Я. Брюсов, в целом ориентировавшийся на традицию печатать текст стихотворения в виде нескольких независимых фрагментов.

Он вставил вторую строфу наброска с л. 36 об. на место зачеркнутой записи: «Разоблачив пленительный кумир / Я вижу», т. е. между шестой («Свою печать утратил резвый нрав ~ В ключах кавказских каменеет») и седьмой («Ужели он казался прежде мне ~ Я наслаждался сердцем ясным») строфами, а весь текст представил в виде трех «набросков элегий»: I — 9 строф, т. е. ст. 1—32, со вставленной между ст. 24 и 25 строфой; II — полностью набросок «Красы лаис, заветные пиры...» с л. 36 об.; III — окончание текста с включением ряда зачеркнутых в рукописи стихов. В 1938 г. свою реконструкцию единого связного текста стихотворения предложила И. Н. Медведева (см.: *Медведева И. Н.* Два стихотворения Пушкина // ЛГ. 1938. № 8 (715), 10 февр. С. 3; с уточнением в чтении отдельных стихов: *Медведева И. Н.* Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // П. Врем. [Т.] 6. С. 52—56)). Приняв решение В. Я. Брюсова относительно второй строфы наброска с л. 36 об., исследовательница нашла также место и для строфы «Красы лаис, заветные пиры...», поместив ее «по смыслу» после первой строфы стихотворения. Эта реконструкция легла в основу текста, помещенного в корпусе Акад. (Т. 2. С. 265—266) и последующих изданий. Еще один вариант «сводного» текста стихотворения был вынесен на обсуждение С. А. Фомичевым, поместившим две строфы с л. 36 об. между шестой и седьмой строфами, причем в той последовательности, какая в конечном счете определилась в рукописи, — сначала (в традиционном принятом чтении) «Разоблачив [пленительный] кумир...», затем «Красы лаис, заветные пиры...» (см.: *Фомичев С. А.* ⟨В. Ф. Раевскому⟩ («Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...») // *Неизданный Пушкин.* Вып. 1. С. 32—37; см. также: *Пушкин.* Полн. собр. художественных произведений. СПб.; М., 1999. С. 626—627). Каждая из предлагавшихся реконструкций вызывает серьезные возражения. Все они основаны на произвольной интерполяции отдельно записанных на л. 36 об. строф в текст основного автографа при отсутствии в рукописи каких-либо указаний на возможные вставки, все они игнорируют очевидные смысловые разрывы между написанными фрагментами и предлагают текст, небезупречный также и в синтаксическом отношении. Аргументированный критический разбор исследовательских реконструкций и интерпретаций чернового автографа стихотворения см.: *Рак В. Д.* О тексте пушкинского послания «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» // *Рак* 2003. С. 183—245.

М. А. Цявловский указал на тематическую и композиционную близость пушкинского стихотворения со стихотворением В. Ф. Раевского «Певец в темнице» (см.: *Цявловский М. А.* Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому // П. Врем. [Т.] 6. С. 49—50). В Акад. (Т. 2. С. 265—266) и в последующих изданиях было принято редакторское заглавие «⟨В. Ф. Раевскому⟩».

Владимир Федосеевич Раевский (1795—1872) — участник войны 1812 г., штабс-капитан, потом майор 32-го егерского полка 16-й дивизии, после назначения генерала М. Ф. Орлова командующим дивизией возглавивший полковую, с августа 1821 г. — дивизионную, ланкастерскую школу взаимного обучения для солдат и юнкеров; поэт, близкий кишиневский знакомый Пушкина. В. П. Горчаков, познакомившийся с В. Ф. Раевским в начале марта 1821 г. в доме Орлова, вспоминал: «Простое обращение капитана Раевского с первой минуты как-то сблизило нас, и до того, что, несмотря на разность лет наших, в несколько дней мы сошлись с ним на „ты“. Но это сближение тут же не помешало нам о чем-то поспорить; да и вообще при каждом разговоре спор между нами был неизбежен; особенно если Пушкин, во-

преки мнению Раевского, был одного мнения со мною. В подобных случаях для каждого капитан Раевский показался бы несносным, но мы, как кажется, взаимно тешились очередным воспламенением спора, который, продолжаясь иногда по несколько часов, ничем не оканчивался, и мы расходились по-прежнему добрыми приятелями, до новой встречи и неизбежного спора» (П. в восп. Т. 1. С. 260—261). И. П. Липранди, в доме которого Пушкин часто встречался с Раевским, писал о своих вечерних собраниях: «Здесь не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор, и всегда о чем-либо дельном, в особенности у Пушкина с Раевским, и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией. Я тем более убеждаюсь в этом, что Пушкин неоднократно после таких споров, на другой или на третий день, брал у меня книги, касавшиеся до предмета, о котором шла речь. Пушкин, как строптив и вспылчив ни был, но часто выслушивал от Раевского, под веселую руку обоих, довольно резкие выражения и далеко не обижался, а, напротив, казалось, искал выслушивать бойкую речь Раевского. В одном, сколько я помню, Пушкин не соглашался с Раевским, когда этот утверждал, что в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни исторических лиц Древней Греции и Рима, что у нас и то и другое есть свое и т. п.» (Там же. С. 298—299). С 1819 г. Раевский был членом Союза благоденствия. Его резкие высказывания против политической и гражданской несвободы, крепостного права, злоупотреблений в армии и т. д. создали ему репутацию крайнего либерала (ср. его характеристику в «Записках» Ф. Ф. Вигеля как «демагога» и «изувера» — Вигель. Ч. 6. С. 115). 6 февраля 1822 г. Раевский был арестован по обвинению в распространении возмутительных идей среди нижних чинов и заключен в Тираспольскую крепость (о готовящемся аресте предупредил Раевского случайно услышавший об этом Пушкин). Следствие по его делу тянулось более пяти лет. В октябре 1827 г. он был приговорен к лишению чинов и дворянства, ссылке на поселение в Сибирь. О В. Ф. Раевском см.: Воспоминания В. Ф. Раевского / Публ., вступ. ст. М. К. Азадовского // ЛН. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 47—128; В. Ф. Раевский : Материалы о жизни и революционной деятельности : В 2 т. / Подгот. А. А. Брегман, Е. П. Федосеевой. Иркутск, 1980—1983; Русские писатели. 1800—1917 : Биограф. словарь. М., 2007. Т. 5. С. 246—248 (статья В. М. Боковой; здесь же указание на другую литературу). О суде над Раевским см. также в примеч. к стихотворению «(В. Ф. Раевскому)» («Недаром ты ко мне воззвал...») — наст. т., с. 901.

Стихотворение «Певец в темнице» написано в первые месяцы пребывания Раевского в Тираспольской крепости как своего рода поэтическая исповедь: в переломный момент своей судьбы поэт обращает взгляд на прожитую жизнь и задает себе ряд вопросов:

О мира черного житец!
 Счти все прошлые минуты;
 Быть может, близок твой конец
 И перелом судьбины лютой!

Ты знал ли радость — светлый мир,
 Души награду непорочной?
 Что составляло твой кумир —
 Добро иль гул хвалы непрочной?

Читал ли девы молодой
 Любовь во взорах сквозь ресницы?
 В усталом сне ее с тобой
 Встречал ли яркий луч денницы?

Ты знал ли дружба привет?.. и т. д.

В отрицательных ответах на эти вопросы выражается цельность личности литературного героя Раевского:

Я неги не любил душой,
 Не знал любви, как страсти нежной,
 Не знал друзей, и разум мой
 Встревожен мыслию мятежной.

Прожитой жизнью определяется и характер социальных отношений героя, который признает, что

...с каким-то черным чувством
 Привык смотреть на смертный род,
 Обезображенный искусством.

(Раевский В. Ф. Полн. собр. стихотворений.
 М.; Л., 1967. С. 156—157
 (Б-ка поэта; Большая сер.))

Вторая половина стихотворения являет образец чисто политической лирики, посвящена размышлениям о судьбе русского народа, национальной истории и наполнена тираноборческими инвективами.

Первые строфы пушкинского стихотворения, как было отмечено М. А. Цвяловским, составляют параллель к первым строфам «Певца в темнице», но ответы на поставленные в них вопросы в отличие от стихотворения Раевского даны каждый раз положительные: «Я знал досуг...», «Я дружбу знал...», «Я знал любовь...». Лирический герой этих строф представляет собой вариант уже достаточно традиционного для Пушкина элегического героя (тип Кавказского пленника), проходящего в своем отношении к жизни путь охлаждения и разочарования, и в этом смысле он определенным образом полемичен исповедующему гражданский стоицизм герою Раевского. Новым в решении «охлажденного» характера является сделанная в дальнейших строфах стихотворения попытка соединения общей темы разочарования с мотивами социального и политического скептицизма. Этот переход также мог быть подказан стихотворением Раевского, именно вторая, «политическая» часть которого произвела на Пушкина наибольшее впечатление (см. ниже примеч. к ст. 37—40).

Предположением, что стихотворение «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» было написано после знакомства Пушкина с «Певцом в темнице» Раевского, определяется его вероятная датировка серединой—второй половиной 1822 г. «Певца в темнице» привез в Кишинев И. П. Липранди, проездом через Тирасполь видевшийся с арестованным Раевским. По свидетельству Липранди, это было «около половины 1822 года» (П. в восп. Т. 1. С. 327; в Летописи (С. 349), Летописи 1991 (С. 317), Летописи 1999 (Т. 1. С. 291) на основании слов Липранди его поездка отнесена к июлю).

Ст. 13 — 14. *Младых бесед оставя блеск и шум, Я знал и труд, и вдохновенье...* — Ср. в первоначальной редакции VII строфы второй главы «Евгения Онегина»: «Он знал и труд и вдохновенье, / И освежительный покой...» (Акад. Т. 6. С. 268; см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 550—551).

Ст. 21 — 24. *Свою печать утр(атил) резвый нрав ~ В ключах кавказских каменеет.* — Стихи были позднее использованы Пушкиным при работе над седьмой главой «Евгения Онегина» в «Альбоме Онегина»:

Цветок полей, листок дубрав
В ручье кавказском каменеет.
В волненьи жизни так мертвеет
И ветреный и нежный нрав.

(Акад. Т. 6. С. 615; АН 1900—29. Т. 3.
Примеч. С. 107, коммент. П. О. Морозова)

Ср. в черновом автографе:

Я видел: легкий лист дубрав
В ручьях кавказских каменеет
Не так ли < > резвый(?) нрав
В волненьи общества мертвеет
(Акад. Т. 6. С. 433)

Ст. 25 и след. *Ужели он казался прежде мне...* — Эти стихи были использованы Пушкиным в черновых набросках, предположительно связываемых с работой над стихотворением «Демон» (см. наст. т., с. 332—335), а еще позднее в ст. 117—120 «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824):

К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

(Акад. Т. 2. С. 327; АН 1900—29. Т. 3.
Примеч. С. 107, коммент. П. О. Морозова)

Ст. 37 — 40. *Везде ярем, секира иль венец ~ Иль предрассудков раб послушн(ый).* — Эта строфа позднее явилась отправной точкой в работе над стихотворением «Свободы сеятель пустынный...». Ср. также в стихотворении «(К Вяземскому)» («Так море, древний душегубец...»): «На всех стихиях человек — / Тиранин, предатель или узник» (Акад. Т. 3. С. 21). Здесь, по-видимому, отозвалась наиболее понравившаяся Пушкину строфа стихотворения Раевского. См. рассказ И. П. Липранди о чтении «Певца в темнице» в Кишиневе: «Дня через два по моем возвращении в Кишинев Александр Сергеевич зашел ко мне вечером и очень много расспрашивал о Раевском, с видимым участием. Начав читать „Певца в темнице“, он заметил, что Раевский упорно хочет брать все из русской истории, что и тут он нашел возможность упоминать о Новгороде и Пскове, о Марфе Посаднице и Вадиме, и вдруг остановился. „Как это хорошо, как это сильно; мысль эта мне нигде не встречалась; она давно вертелась в моей голове; но это не в моем роде, это в роде Тирас-

польской крепости, а хорошо”, — и пр. Он продолжал читать, но видимо более серьезно. На вопрос мой, что ему так понравилось, он отвечал, чтобы я подождал. Окончив, он сел ближе ко мне и к Таушеву и прочитал следующее:

Как истукан немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе.

Он повторил последнюю строчку... и прибавил, вздохнув: „После таких стихов не скоро же мы увидим этого спартамца”» (П. в восп. Т. 1. С. 328).

Другие редакции и варианты

После 24. *Как бьется лань пронзенная свинцом; Как бьется лань пронзенная стрелой И силится* — Вероятно, невольная реминисценция из элегии А. Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484) «Hier, en te quittant, enivré de tes charmes...» (Элегия XXXV в сборнике 1819 г.):

Tel que le faon blessé fuit, court; mais dans son flanc
Traîne le plomb mortel qui fait couler son sang;
Ainsi là, dans mon cœur, errant à l’aventure,
Je porte cette belle, auteur de ma blessure.

⟨Как раненый олененок, убегает, мчится, но несет в боку смертельный свинец, от которого истекает кровью, так в своем мятущемся сердце ношу я образ прекрасной, причину моей раны... — фр.⟩ (Chénier. P. 155).

Ср. также в элегии «Fanny, l’heureux mortel qui près de toi respire...», напечатанной в сборнике 1819 г. в разделе «Оды»:

Ainsi le jeun faon, dans son désert sauvage,
D’un plomb volant percé, précipite ses pas.
Il emporte en fuyant sa mortelle blessure...

⟨Так молодой олень в дикой глуши, пронзенный летучим свинцом, ускоряет бег. Он уносит, убегая, свою смертельную рану...⟩ (Ibid. P. 207).

«НА ТИХИХ БЕРЕГАХ МОСКВЫ...»

(С. 131 и 423)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 17 об. Нижняя часть листа оборвана с утратой части текста. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 333. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 5. С. 333.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1. С. 289.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно июлем 1822—октябрем 1823 г. по положению в тетради ПД 832. Автограф расположен под черновым наброском к замыслу о Бове («Зачем раздался гром войны...») (см. его датировку — наст. т., с. 875). К моменту записи стихотворения в тетрадь смежный л. 18, по всей видимости, еще оставался чистым. Впоследствии он был занят черновым автографом начального эпизода поэмы «Братья разбойники». Этот автограф поэмы предположительно датируется концом октября 1822—началом ноября 1823 г. (см. об этом в примеч. к стихотворению «Гречанка верная! не плачь — он пал героем...» — наст. т., с. 886—887). Его дата и определяет нижнюю границу датировки стихотворения.

Отмечалась близость пушкинского наброска к ст. 23—26 стихотворения К. Н. Батюшкова «К Дашкову» (1813):

И там, — где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их...

(Батюшков. Соч. 1934. С. 87)

(См.: *Майков Л. Н.* Пушкин : Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 297; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 642; Венг. Т. 2. С. 612, коммент. Г. Н. Карасика; Асад. в 9 т. Т. 2. С. 457; Асад. в 6 т. Т. 1. С. 721, коммент. М. А. Цявловского). Эти стихи были позднее отмечены Пушкиным пометой: «пре(лесть ?)» на полях «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова (Акад. Т. 12. С. 264). Однако предполагать непосредственную творческую связь пушкинского наброска с элегией Батюшкова нет никаких оснований.

По мнению В. С. Листова, в стихотворении описан Савво-Сторожевский монастырь (осн. в 1389 г.) в окрестностях Звенигорода. Эта гипотеза основана на косвенных свидетельствах историко-топографического характера: монастырь был окружен лесами (ср. отзыв Н. М. Карамзина об окрестностях Звенигорода: «Нигде не видел я такого богатства растений: цветы, травы и деревья исполнены какой-то особенной силы и свежести; липы и дубы прекрасны...»). — *Карамзин Н. М.* Отечественные достопамятности // Карамзин Н. М. Соч. М., 1820. Т. 9. С. 280); в обители хранились мощи ее основателя, монаха Саввы (ум. в 1407 г.), в 1652 г. объявленные нетленными (см.: *Фиалковский П.* Из прошлого монастыря : Очерки по истории Савво-Сторожевской обители. Звенигород, 1931. С. 13—14). Архитектурный ансамбль монастыря в том виде, в каком его знал Пушкин, сложился в XVII в. В 1652—1654 гг. за стенами обители, ставшей загородной резиденцией царя Алексея Михайловича, были воздвигнуты дворец царя и царицыны палаты. Эти места были знакомы Пушкину по детским впечатлениям: в Звенигородской округе Московской губернии располагалось село Захарово, в 1804 г. купленное бабкой поэта, М. А. Ганнибал, где Пушкины с 1805 по 1810 г. проводили летние месяцы (см.: *Листов В. С.* Вокруг пушкинского отрывка «На тихих берегах Москвы...» // *Болдинские чтения [1979].* Горький, 1980. С. 166—167; то же: *Листов В. С.* Новое о Пушкине. М., 2000. С. 15—16).

Высказывались предположения о эпическом характере пушкинского замысла (см.: Госл. в 10 т. Т. 1. С. 628, примеч. Т. Г. Цявловской; *Листов В. С.* Вокруг пушкинского отрывка «На тихих берегах Москвы...». С. 165; то же: *Листов В. С.*

Новое о Пушкине. С. 17) и о связи стихотворения с черновым наброском «Вечерняя отошла давно...» (см. наст. т., с. 139) и замыслом поэмы о разбойниках (см.: *Фомичев С. А.* «На тихих берегах Москвы...» // *Неизданный Пушкин.* Вып. 1. С. 42—45). Однако написанный фрагмент не дает материала для каких-либо определенных заключений.

«ГРЕЧАНКА ВЕРНАЯ! НЕ ПЛАЧЬ — ОН ПАЛ ГЕРОЕМ...»

(С. 132 и 424)

Автограф (ПД 49) — черновой, на сложенном вдвое полулисте бумаги фабрики Хлюстиных 1818 г. Занимает одну из внешних сторон сложенного полулиста (в современной архивной нумерации — л. 2 об.); здесь же, на л. 2 об., в обратном развороте (зеркально к тексту стихотворения) расположен черновой автограф начала поэмы «Братья разбойники», продолжающийся на внутренней стороне (л. 1 об.); вторую внешнюю сторону (л. 1) занимают прозаический французский перевод начала поэмы Байрона «Гяур» и стихотворный набросок «[Нет ветра — синяя волна]...»; записи на л. 1 об. и 1 также сделаны в обратном развороте относительно стихотворения. Напечатано: *ПиС.* СПб., 1909. Вып. 12. С. 21 (ст. 1—3; публ. Б. Л. Модзалевского); *АН* 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 189—190 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова); *Неизд. П. Собр. Онегина.* С. 26 (публ. М. Л. Гофмана). Описание: *Рукоп. П.* 1937. С. 22. Факсимильное воспроизведение: *Неизд. П. Собр. Онегина.* Между с. 24 и 25.

Впервые: *ПиС.* Вып. 12. С. 21 (ст. 1—3); *АН* 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 189—190.

В собрание сочинений впервые включено: *АН* 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 189—190.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно октябрем 1822—октябрем 1823 г.

Датировка определяется соседством автографа с черновиком начала поэмы «Братья разбойники». По утверждению самого Пушкина, «Братья разбойники» были написаны им в декабре 1821 г. (см. его приписку на посланной П. А. Вяземскому рукописи поэмы. — *Акад.* Т. 13. С. 74). Именно к этому времени и следует, по-видимому, относить основную работу над поэмой, однако текст, написанный к декабрю, начинался непосредственно с истории двух братьев — монолога героя. Вступление с описанием разбойничьего табора в поэме еще отсутствовало. Его черновые автографы находятся на листе ПД 49 и в тетради ПД 832 (л. 18—18 об.) и должны датироваться одним временем, поскольку автограф в тетради ПД 832 непосредственно продолжает текст автографа ПД 49. В окончательном печатном тексте поэмы 235 стихов (в посланной П. А. Вяземскому рукописи, от которой сохранился только последний лист с 13 заключительными стихами (ПД 1272), есть 4 стиха, не вошедшие в печатный текст; см.: *Акад.* Т. 4. С. 381). В черновике письма к Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 г. Пушкин, по всей вероятности имея в виду «Братьев разбойников», предлагает прислать «отрывок ст<ихов> 200» (*Акад.* Т. 13. С. 373). Таким образом, начальный фрагмент поэмы, составляющий 40 стихов, был написан между концом апреля 1822 г. и началом ноября 1823 г. Положение его чернового текста в тетради ПД 832 дает основания сдвинуть верхнюю границу

датировки на июль 1822 г. Он записан не в ходе последовательного заполнения тетради ПД 832, а на оставленных чистыми листах, предшествовавших черновику поэмы «Бахчисарайский фонтан». Рукопись «Братьев разбойников» на этих листах непосредственно следует за наброском к поэме о Бове («Зачем раздался гром войны...») в верхней части л. 17 об. и расположенным ниже черновым автографом незавершенного стихотворения «На тихих берегах Москвы...» (см. датировку «(Бовы)» — наст. т., с. 875). Вероятнее всего, Пушкин приступил к работе над интродукцией «Братьев разбойников» еще позднее. В обращенной к Вяземскому приписке на рукописи поэмы он замечал: «Некоторые стихи напоминают перевод „Шил(ьонского) узн(ика)”. Это несчастье для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 821 года» (Акад. Т. 13. С. 74). Речь идет о переводе В. А. Жуковского поэмы Байрона «Шильонский узник» («The Prisoner of Chillon», 1816), вышедшем из печати летом 1822 г. и с которым Пушкин познакомился в конце сентября (см. его письмо к Н. И. Гнедичу от 27 сентября 1822 г. — Акад. Т. 13. С. 48). В авторское задание «Братьев разбойников» входила ориентация на байроновскую поэму, известную Пушкину во французском переводе А. Пишо (в частности, на избранную Байроном композиционную модель монологического рассказа-исповеди), но не входили ритмические и «словесные» соответствия переводу Жуковского, очевидные с первого же стиха: «Нас было двое: брат и я» (ср. у Жуковского: «Нас было шесть — пяти уж нет») (см. подробнее: *Проскурин О. А.* «Братья-разбойники» и «Шильонский узник»: (Как и почему Пушкин сошелся с Жуковским) // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea*. Stanford, 2008. P. 129—146). Можно предположить поэтому, что чтение «Шильонского узника» Жуковского подтолкнуло Пушкина к мысли расширить поэму за счет своего рода объективированного «вступления», способного эти совпадения некоторым образом нивелировать. Тогда работу над начальным эпизодом «Братьев разбойников» в автографе ПД 49 и в тетради ПД 832 следует отнести к периоду между октябрём 1822 и октябрём—началом ноября 1823 г.

Взаимное расположение на листе ПД 49 стихотворения «Гречанка верная! не плачь — он пал героем...» и автографа «Братьев разбойников» позволяет считать, что стихотворение появилось раньше записей, относящихся к поэме, хотя, скорее всего, они достаточно близки по времени. В КН, всех изданиях ГИХЛ 1930-х гг. и Акад. в 9 т. стихотворение датировалось предположительно 1822 г., видимо, также исходя из времени работы над «Братями разбойниками», имевшими в отдельном издании 1827 г. авторский подзаголовок: «(Писано в 1822 году)». В Акад. в 6 т. (Т. 1. С. 721) отнесено к 1821—1822 гг. «по содержанию». В Акад. (Т. 2. С. 1104) Т. Г. Зенгер (Цявловская) достаточно резко сузила границы предположительной датировки до июля—ноября 1821 г. Верхняя граница этой датировки, июль, по-видимому, объясняется тем, что исследовательница связала стихотворение, вызванное событиями греческого восстания (подробнее о нем см. в примеч. к стихотворению «Война» — наст. т., с. 661—666), с поражениями этеристов при Драгоша-нах (7/19 июня 1821 г.) и при Скулянах (17/29 июня 1821 г.). Нижняя граница принятой в Акад. датировки, вероятно, может быть объяснена некорректной датировкой чернового автографа «Братьев разбойников» ПД 49 декабрём 1821 г., по времени основной работы над поэмой (так, Н. К. Гудзий датировал автограф ПД 49 концом 1821—началом 1822 г., а непосредственно продолжающий его автограф в тетради ПД 832 — серединой апреля 1822 г., см.: *Гудзий Н. К.* «Братья-разбойники» Пушкина // *Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук.* 1937. № 2/3. С. 646). Да-

тировка Акад., таким образом, не может быть принята, тем более что нет никаких оснований искать импульс к созданию стихотворения в событиях именно первого этапа греческой революции — восстании этеристов в Дунайских княжествах, уже летом 1821 г. потерпевшем полное поражение. Основные военные действия разворачивались на архипелаге и в материковой Греции, где греки одержали ряд серьезных побед. 1/12 января 1822 г. в Пиаду близ Эпидавра собравшаяся Национальная ассамблея провозгласила независимость Греции. В конце апреля—мае 1822 г. всеобщее внимание к происходящему в Греции было, в частности, привлечено начавшейся 30 марта/11 апреля карательной операцией турок на острове Хиос, население которого поддержало независимость Греции, — так называемой хиосской резней, вызвавшей в Европе новую волну филэллинистических настроений, далее только усиливавшихся.

Тема греческой революции естественным образом окрашивалась античным колоритом. См., например, в черновом письме Пушкина марта 1821 г. с рассказом о начале восстания, адресованном предположительно В. Л. Давыдову: «В Одессах я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах везде собирались толпы греков, все продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле...» (Акад. Т. 13. С. 23; подробнее об адресате и датировке письма см. в примеч. к стихотворению «Война» — наст. т., с. 661); в дневниковой записи от 2 апреля 1821 г.: «Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Еллады законным наследникам Гомера и Фемистокла» (Акад. Т. 12. С. 302). Познакомившись с новыми произведениями В. К. Кюхельбекера, присланными ему А. А. Дельвигом (см. письмо Дельвига к Кюхельбекеру весны 1823 г. — Дельвиг. Соч. С. 281—282), Пушкин писал брату 4 сентября 1822 г. по поводу стихотворения «Пророчество» («Глагол Господень был ко мне...»): «...что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспеть Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где все дышит мифологией и героизмом, — славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремия. Что бы сказал Гомер и Пиндар?» (Акад. Т. 13. С. 45; см. также: Тынников Ю. Н. «Ода его сиятельству графу Хвостову» // Пушкинист, IV. С. 82—83).

Ст. 6. *Твой друг [тебе простер] торжественную руку...* — Традиционное поэтическое словоупотребление. См., например, у Н. Н. Поповского: «И в Рим торжественной рукою / Введет тмы пленных за собою» (Поповский Н. Н. Оды Горациевы и письмо его о стихотворстве. СПб., 1801. С. 24); в переводе девятой песни «Илиады» Е. И. Кострова: «Пленил высокий Лезв торжественной рукою» (ВЕ. 1811. Ч. 58, № 15. С. 178); в «Ивиковых журавлях» (1813) В. А. Жуковско-го: «И на главу твою, певец, / Я мнил торжественной рукою / Сосновый положить венец» (Жуковский. ПСС. Т. 3. С. 41); в «Андрее Шенье» (1825) Пушкина: «Завтра казнь. Торжественной рукою / Палач мою главу подымет за волосы / Над равнодушною толпою» (Акад. Т. 2. С. 399). Ср. в «Песни о вещем Олеге»: «И верно-го друга прощальной рукою / И гладит, и треплет по шее крутой» (наст. т., с. 75). В литературном генезисе первых строк пушкинского стихотворения — сцена прощания Гектора с Андромахой из шестой песни «Илиады» Гомера (ст. 440—494), имевшая богатую иконографическую традицию (в частности, с характерной для нее подчеркнутой жестикულიцей).

Ст. 8. *Но зная черное свободой восшумело...* — Одно из знамен этеристов, которое описано П. И. Пестелем в официальном донесении генералу П. Д. Киселеву: «На черном вошеном полотнище (...) с одной стороны золотой крест и надпись „Освобождение“, с другой — костер, в пламени которого возрождается из пепла Феникс» (*Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 4. С. 13).

Ст. 9. *Как Аристогитон, он миртом меч обвил...* — См. примеч. к стихотворению «Кинжал» — наст. т., с. 582—583.

ЧИНОВНИК И ПОЭТ

(«Куда вы? За город конечно...»)

(С. 133 и 425)

Автограф (ПД 44), с вписанным, зачеркнутым и восстановленным заглавием. Описание: ПиС. СПб., 1906. Вып. 4. С. 17; Рукоп. П. 1937. С. 19. Напечатано: *Томашевский Б. В.* 1) Пушкинские фрагменты // *Гермес*. 1923. № 3. С. 55 (без права перепечатки и цитирования; републикацию см.: Б. В. Томашевский в журнале «Гермес» (1923) : Публикация пушкинских черновиков из «Майковского собрания» / Публ. Г. Левинтона, Н. Охотина // Пушкинские чтения в Тарту. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперт. Тарту, 2011. Ч. 2. С. 533—534); 2) Неизданные материалы о Пушкине // *Звезда*. 1930. № 7. С. 216—217.

Впервые: *Гермес*. 1923. № 3. С. 55; *Звезда*. 1930. № 7. С. 216—217.

В собрание сочинений впервые включено: КН. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется 1823 г., не ранее 26 февраля (даты выдачи Кирджали турецким властям, о которой упоминается в последних стихах) и предположительно не позднее отъезда Пушкина из Кишинева, состоявшегося 2 (?) июля (см.: *Летопись* 1999. Т. 1. С. 328).

При первой публикации в 1923 г. в машинописном журнале «Гермес» Б. В. Томашевский, отметив, что «по реалистическому диалогу стихотворение приближается к „Разговору книгопродавца с поэтом“ (1824)», предположительно датировал его 1824—1825 гг. При повторной публикации в 1930 г. (см. выше) эта датировка была изменена Томашевским на более раннюю — 1821 г., по-видимому, в соответствии с указанной самим Пушкиным в повести «Кирджали» (1834) датой экстрадиции знаменитого разбойника («в 1821 году, в одно из последних чисел сентября месяца» — *Акад. Т. 8. С. 258*). Пушкинская дата ошибочна. Как следует из рапорта бессарабского наместника генерала Н. И. Инзова к Александру I от 29 марта 1823 г., Кирджали был пойман и передан в Молдавию в феврале 1823 г. (см.: *Селинов В.* До питання про джерела повісти Пушкіна «Кірджалі» : (За архівними матеріалами) // *Зап. іст.-філол. відділу Української Академії наук*. 1927. Кн. 13—14. С. 106). В КН стихотворение «Чиновник и поэт» было помещено в разделе «Неизвестные годы», но уже в следующем году Ю. Г. Оксман на основании приведенных В. И. Селиновым документов передатировал его 1823 г. (*Путеводитель*. С. 177). В ГИХЛ 1931 (Т. 1. С. 453), ГИХЛ 1934 (Т. 1. С. 470—471), ГИХЛ 1935

(Т. 1. С. 379) и Acad. в 9 т. (Т. 2. С. 61) отнесено к 1821 г.; в ГИХЛ 1936 (Т. 1. С. 442), ГИХЛ 1937 (Т. 1. С. 442) и Acad. в 6 т. (Т. 1. С. 363) — к 1823 г. Дата 1823 г. была принята и в Акад. (Т. 2. С. 1124; здесь с вероятным уточнением: «февраль—май»; то же см.: Летопись. С. 378; Летопись 1991. С. 341; Летопись 1999. Т. 1. С. 317). В изданиях под редакцией Б. В. Томашевского (см.: Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 73, 410; Пушкин 1955. С. 166, 780; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 78, 406) сохранена датировка 1821 г., однако аргументация исследователя («...существуют показания, что Кирджали был пойман в 1823 году; но так как имя Кирджали стало в 20-х годах нарицательным для разбойников-повстанцев и речь могла идти о любом из них, нет оснований оспаривать дату Пушкина». — Пушкин 1955. С. 780) не представляется убедительной (см. также: Б. В. Томашевский в журнале «Гермес» (1923) : Публикация пушкинских черновиков из «Майковского собрания» / Публ. Г. Левинтона, Н. Охотина. С. 533—534, 545). Точные даты ареста (22 февраля 1823 г.) и выдачи Кирджали турецким властям (26 февраля 1823 г.) устанавливаются рапортом кишиневского полицмейстера (см.: *Оганян Л. Н.* Новые архивные материалы о герое повести А. С. Пушкина «Кирджали» // Пушкин на юге : Тр. Пушкинских конференций Одессы и Кишинева. Кишинев, 1958. Т. 1. С. 49—53).

Сам Пушкин при выдаче Кирджали не присутствовал. «Человек с умом и сердцем, в то время неизвестный молодой чиновник, ныне занимающий важное место, живо описывал мне его отъезд», — писал он впоследствии в повести «Кирджали» (Акад. Т. 8. С. 257). По свидетельству В. П. Горчакова (см.: РА. 1900. Т. 1, № 3. С. 403) и И. П. Липранди (см.: Там же. 1866. № 10. Стб. 1395), это был М. И. Лекс, видимо, и послуживший прототипом «чиновника» пушкинского стихотворения. Михаил Иванович Лекс (1793—1856) во время пребывания Пушкина в Кишиневе был столоначальником в канцелярии генерала Н. И. Инзова и имел репутацию безукоризненного и образцового чиновника. «Обладая большим здравым смыслом, — вспоминал И. П. Липранди, — он постиг тайны канцелярские, скоро обнимал дела, быстро работал; начальство его любило. Слушаю-с, очень хорошо-с, как прикажете-с, превосходно-с и т. п. было во всю его службу неизменно заповедью. Он был в высшей степени честен, любим всеми товарищами и готов на услуги всем и каждому. (...) Пушкин по воскресеньям встречал его за обедом у Д. Н. Бологовского, который был также смолянин, а чаще всего у меня по вечерам; но особенного знакомства с ним не вел, и оно должно отнестись ко времени службы их обоих в Одессе. В обществе Лекс был очень весел, с огромным запасом анекдотов, не прочь от стаканов. Он не останавливался входить в рассуждения о разных предметах и вообще выдавал себя за всезнайку. Пушкин не мог не заметить сего; но он, повторяю, мог почтить в нем безукоризненную честность, веселость, быстрое соображение» (РА. 1866. № 8—9. Стб. 1220—1221). После назначения в мае 1823 г. полномочным наместником Бессарабской области и новороссийским генерал-губернатором графа М. С. Воронцова Лекс был переведен из Кишинева в Одессу начальником отделения в канцелярию графа, а с 1826 г. — правителем канцелярии. С 1832 г. — действительный статский советник, директор Канцелярии Министерства внутренних дел, с 1836 г. — директор Хозяйственного департамента того же министерства, с 1851 г. — товарищ министра внутренних дел и сенатор. Пушкин встречался с Лексом в Петербурге. Между 5 и 18 декабря 1834 г. он записал в дневнике: «Вчера был у Лекса. (...) Я первый открыл Инзову, что Лекс человек умный и деловой» (Акад. Т. 12. С. 333). О М. И. Лексе см.: Дневник Пушкина 1833—

1835. М.; Пг., 1923. С. 217—220, примеч. Б. Л. Модзалевского. Утверждение Б. А. Трубецкого, что «чиновник» пушкинского стихотворения — молдавский писатель К. Стамати (см.: *Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии*. Кишинев, 1983. С. 171—174), не имеет оснований.

Георг Кирджали, имя которого упоминается в последних, несложившихся и зачеркнутых в рукописи строках стихотворения, — разбойник болгарского или сербского происхождения, примкнувший к этерии и после ее разгрома бежавший в Бессарабию. В феврале 1823 г. по требованию турецких властей арестован и выдан в Молдавию, где бежал из тюрьмы и продолжил разбои и грабежи. Вновь пойман и повешен в Яссах 24 сентября 1824 г. Именем «кирджали» (с ударением на первом слоге) называли вообще разбойников, грабивших балканское население (от имени их первого предводителя XIV в. Кырджа Али). У Пушкина имя Кирджали стоит в конце стиха, из чего следует, что Пушкин произносил его с ударением на предпоследнем или последнем слоге (см.: *Пушкин А. С. Собр. соч.*: В 5 т. СПб.: Библиополис, 1994. Т. 4. С. 428, примеч. В. Д. Рака). О Георге Кирджали см.: *Язвицкий В.* Кто был Кирджали, герой повести Пушкина // *Голос минувшего*. 1919. № 1—4. С. 45—59; *Гордлевский В. А.* Кто такой Кирджали? : (Историко-фольклорный комментарий) // *А. С. Пушкин. 1799—1949 : Материалы юбилейных торжеств*. М.; Л., 1951. С. 261—281; *Трубецкой Б. А.* Новые архивные материалы о Кирджали // *ЛН. М.*, 1952. Т. 58. С. 333—337; *Белоусов Р. С.* Кирджали — подлинный участник Гетерии // *Белоусов Р. С.* Тайна Иппокрены. М., 1978. С. 147—170. Пушкин обращался к образу Кирджали и позднее — в начале в 1828 г. стихотворном произведении «Кирджали» («В степях зеленых Буджака...») и в повести под тем же заглавием 1834 г.

Предположению, что пушкинский набросок был началом реализации большого эпического замысла (поэмы) (см.: *Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 77), противоречат как само заглавие «Чиновник и поэт», так и диалогический характер стихотворения.

Ст. 1—2. — *Куда вы? За город, конечно, Зефиром утренним дышать...* — Ср. свидетельство А. Ф. Вельтмана об обычном распорядке кишиневской жизни Пушкина: «Утро посвящал он вдохновенной прогулке за город, с карандашом и листом бумаги; по возвращении лист был исписан стихами...» (П. в восп. Т. 1. С. 278).

Ст. 7. *Скуфьи жидов, усы болгар...* — Скуфья — головной убор, схожий с тубетейкой, ермолкой; плотно прилегающая к голове шапочка из мягкой ткани без околыша.

(Л. С. ПУШКИНУ)

(«Брат милый, отроком расстался ты со мной...»)

(С. 134 и 427)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 4 — черновой. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 234 (ст. 1—7); Якушкин. № 6. С. 552 (ст. 8—9, неточно). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 234.

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855. С. 234; Генн. 1859. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно апрелем 1823 г. по положению автографа в тетради ПД 834. На предшествующих листах (л. 2—3) находятся прозаические заметки «Наши писатели жалуются на равнодушие женщин к русской поэзии...» (впоследствии вошла в «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанные в «Северных цветах» на 1828 г.) и «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...». Обе они, по весьма убедительному предположению Я. Л. Левкович, были вызваны чтением обзора А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» в «Полярной звезде» на 1823 г. (см.: *Левкович Я. Л.* К датировке ранних критических текстов Пушкина // *Врем. ПК.* СПб., 1993. Вып. 25. С. 143—147). «Полярная звезда» на 1823 г. вышла в свет в конце декабря 1822 г. (см.: П. в печати. С. 20) и была у Пушкина уже к концу января 1823 г. (см. письма Пушкина к брату от 30 января и к П. А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г. — *Акад.* Т. 13. С. 55—58). На обороте листа с текстом стихотворения (л. 4 об.) пометы «9 мая» и «28 мая ночью», связанные с началом работы над первой главой «Евгения Онегина». По мнению Т. Г. Цявловской, послание писалось к восемнадцатилетию Льва Пушкина — 17 апреля 1823 г. (см.: *Госл.* в 10 т. Т. 2. С. 753; *Летопись* 1991. С. 668; *Летопись* 1999. Т. 1. С. 505).

Незавершенное послание адресовано брату поэта — Льву Сергеевичу Пушкину (1805—1852), с мая 1814 г. по август 1817 г. учившемуся в Благородном пансионе при Царскосельском лицее, а с конца сентября 1817 г. в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте, откуда он вышел в феврале 1821 г., не кончив курса. Близкое общение между братьями началось по окончании Пушкиным Лицея. Во время пребывания на юге Пушкин продолжал заботиться о брате, справлялся о нем в письмах к друзьям (см., например, письмо к А. А. Дельвигу от 23 марта 1821 г. — *Акад.* Т. 13. С. 26), поддерживал с ним самим регулярную переписку, обсуждал литературные новости, просил выполнить разного рода поручения (в том числе связанные с публикацией своих произведений) и давал житейские советы. Во всех изданиях с Ефр. 1880 до *Акад.* стихотворение «Брат милый, отроком расстался ты со мной...» датировалось 1822 г. как перекликающееся с письмом Пушкина к брату от 21 июля 1822 г.: «Скажи мне — вырос ли ты? Я оставил тебя ребенком, найду молодым человеком; скажи, с кем из моих приятелей ты знаком более? что ты делаешь, что ты пишешь?» (*Акад.* Т. 13. С. 42).

«КТО, ВОЛНЫ, ВАС ОСТАНОВИЛ...»

(С. 135 и 429)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 9 — карандашный набросок, продолженный чернилами, на том же листе — черновые наброски XV, XXXVI и XXXVII строф первой главы «Евгения Онегина». Напечатано: Якушкин. № 6. С. 555 (ст. 1—4, 9—12); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 238—239 (транскрипция ст. 5—8; публ. П. О. Морозова); полностью — Брюс. С. 194 (произвольно скомбинированы ст. 7—8 и добавлен лишний стих); КН. Т. 1. С. 343—344 (публ. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 6. С. 555 (см. выше).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется июнем—первой половиной октября 1823 г. Автограф стихотворения в тетради ПД 834 находится среди черновиков первой главы «Евгения Онегина», над первой строфой которой на л. 4 об. стоят пометы: «9 мая» и «28 мая ночью». Нижняя граница датировки определяется находящимся на л. 16 окончанием черновика письма к Вяземскому от 14 октября 1823 г. (предыдущий лист с началом письма из тетради вырван). Верхняя граница датировки, предложенная Я. Л. Левкович, — июль (после 3) (см.: *Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 834: (История заполнения) // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 208—209, 234*) — определяется временем знакомства Пушкина с Амалией Ризнич и опирается на небесспорную атрибуцию портрета Ризнич на л. 7 об.

Незавершенный характер наброска провоцировал введение в текст редакторских конъектур. Б. В. Томашевский ввел в ст. 7 конъектуру «младость»: «И душу бурную и младость...» (*Пушкин А. Соч. Л., 1935. С. 362*), которая перешла во все собрания сочинений под его редакцией, но не была принята в Акад. (Т. 2. С. 288), в Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 9) и в Худ. лит. в 10 т. (Т. 1. С. 208). В ст. 11, где Пушкин ошибочно дважды написал слово: «символ» («Где ты гроза — символ символ», см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 430), еще В. Е. Якушкиным, первым публикатором стихотворения, была предложена конъектура: «символ (свободы)». Это решение попытался оспорить П. Е. Щеголев, предложивший чтение: «Где ты, гроза — символ стихии» (см.: *Щеголев П. Е. Заметки к тексту Пушкина // ПиС. СПб., 1910. Вып. 13. С. 169; Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 337—339*). Однако в рукописи, безусловно, написано: «символ символ» (вторая буква в спорном слове — «ижица») и конъектуру В. Е. Якушкина можно признать вполне обоснованной, как рифмующуюся с девятой строкой и вполне отвечающую смыслу стихотворения.

П. Е. Щеголев связывал содержание стихотворения с записанными вверху того же листа карандашом четырьмя стихами, вошедшими потом в измененном виде в строфу XXXVI первой главы «Евгения Онегина»: «Но был ли счастлив мой Евгений...». «Совершенно очевидна, — писал исследователь, — внутренняя (по содержанию) связь отрывка с вопросом, был ли счастлив Онегин, и с отрицательным ответом, указывающим на его охладевшие, остывшие чувства» (*Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 338*). По мнению Щеголева, «в отрывке идет речь о бурях сердца, а не о бурях общественных» (Там же). Столь тесное соотнесение комментируемого наброска с «Евгением Онегиным» впоследствии было оспорено уже П. О. Морозовым (см.: *АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 239—241*). Стихотворение, по-видимому, принадлежит к кругу произведений, написанных под впечатлением от поражений революций в Западной Европе, прежде всего в Испании, и отражает настроения Пушкина конца 1822—1823 г. Непосредственных отсылок к роману в стихах оно не содержит (см.: *Бонди С. М. О Пушкине : Статьи и исследования. 2-е изд. М., 1983. С. 18—21*).

Ст. 1—2. *Кто, волны, вас остановил, Кто оковал [ваш] бег могу(чий)...* — Библейская реминисценция из Книги Иова («Заградих же море враты, егда изливавшаяся из чрева матере своя исходящее (...) и положих ему пределы, обложив затворы и врата: рех же ему: до сего дойдещи и не прейдещи...» — *Иов 38: 8—12*), видимо опосредованная «Одой, выбранной из Иова» М. В. Ломоносова (1751):

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться даде не велел?

(Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.
М.; Л., 1959. Т. 8. С. 387)

(Пушкин ссылался на эту оду в письме к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 101; Чижов Л. Г. «...Как говорит бог Иова или Ломоносова» // Врем. ПК. Л., 1991. Вып. 24. С. 143—144). Слова, являющиеся в Библии апофеозом всеблагото Бога Творца, отнесены Пушкиным к некоей злой, враждебной силе. Сходная переакцентация библейского смысла — в стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1824), в котором слова Творца из первой главы Книги Бытия влагаются в уста «владыки Севера», созерцающего мрачное величие собственного «творения»: «И делу своему владыка сам дивился. / Се благо, думал он...» (наст. т., с. 94).

«ЗАВИДУЮ ТЕБЕ, ПИТОМЕЦУ МОРЯ СМЕЛЫЙ...»

(С. 136 и 430)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 12. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 353 (ст. 1—5); РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 222 (ст. 1—5, ст. 7 неточно; публ. П. И. Бартенева; то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып.] 1: Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 134). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 353 (ст. 1—5).

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1859. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется июнем—первой половиной октября 1823 г. Автограф стихотворения в тетради ПД 834 находится среди черновиков первой главы «Евгения Онегина», над первой строфой которой на л. 4 об. стоят пометы: «9 мая» и «28 мая ночью». Можно предполагать, что стихотворение с обращением к моряку и морю, скорее всего, написано после приезда Пушкина в Одессу 3 (?) июля 1823 г. (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 329). Нижняя граница датировки определяется находящимся на л. 16 окончанием черновика письма к Вяземскому от 14 октября 1823 г. (предыдущий лист с началом письма из тетради вырван).

В первой публикации П. В. Анненкова стихотворение было не датировано и напечатано под редакторским заглавием: «К М*», в алфавитном указателе к изданию (Анн. Т. 7. С. 166) раскрытом как: «Матюшкину». Анненков, по-видимому, исходил из того, что лицейский товарищ Пушкина Ф. Ф. Матюшкин (1799—1872), участник кругосветного плаванья под началом капитана В. М. Головина в 1817—1819 гг., был наиболее близко знакомым Пушкину моряком. В Генн. 1859 (Т. 1. С. 583) и Генн. 1869—71 (Т. 1. С. 524) вошло под заглавием: «Начало послания к Матюшкину»; в Ефр. 1880 (Т. 2. С. 37) напечатано в примечании к посвященным Матюшкину строфам стихотворения «19 октября». Однако уже в следующую

шем своем издании П. А. Ефремов, основываясь на публикации П. И. Бартенева (см. выше), из которой следовало, что автограф стихотворения находится в южных рабочих тетрадях Пушкина, отметил, что к Матюшкину никак не подходит в эти годы определение «в бурях поседельй», и подверг адресацию Анненкова сомнению (см.: Ефр. 1882. Т. 2. С. 23; Ефр. 1887. Т. 2. С. 18). В последующих изданиях печаталось как «начало послания» к неизвестному адресату. Справедливым представляется замечание Н. О. Лернера (см.: Венг. Т. 2. С. 583), что, может быть, Пушкин вообще не относил эти стихи к какому-то определенному лицу. Версия В. П. Старка, считающего адресатом стихотворения лейтенанта российского флота О. Е. Коцебу (1788—1846), построена на произвольных предположениях и представляется совершенно бездоказательной (см.: Старк В. П. 1) Стихотворение Пушкина «Завидую тебе, питомец моря смелый...» // Врем. ПК. Л., 1986. Вып. 20. С. 5—23; 2) Портреты и лица. XVIII—середина XIX века. СПб., 1994. С. 121—127; см. также возражения Ю. М. Лотмана: Лотман Ю. М. Пушкин 1999 года. Каким он будет? // Таллин. 1987. № 1. С. 61—62). Необосновано и предложенное исследователем сужение датировки: «между 6 сентября и серединой сентября 1823 г.» (см.: Старк В. П. Стихотворение Пушкина «Завидую тебе, питомец моря смелый...». С. 22—23), принятое в Летописи 1991 (С. 363) и Летописи 1999 (см.: Т. 1. С. 340). Верхняя граница этой узкой датировки определяется рисунками в черновиках «Евгения Онегина» на л. 11 и 12 тетради ПД 834, среди которых два профильных изображения атрибутируются как портреты Е. К. Воронцовой (см.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 112—113, № 224, 225), приехавшей в Одессу, где с ней познакомился Пушкин, 6 сентября (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 340). Даже не затрагивая вопроса основательности этой атрибуции, следует отметить, что стихотворение в верхней части л. 12 могло быть записано раньше, чем окружающие его строфы «Онегина». Нижняя граница вообще никак не мотивирована и, возможно, явилась следствием случайной ошибки (сентября вместо: октября).

Мотив «морского побега» получил развитие в строфе L первой главы «Евгения Онегина»:

Брожу над морем, жду погоды,
 Маню ветрила кораблей.
 Под ризой бурь, с волнами спора,
 По вольному распутью моря
 Когда ж начну я вольный бег?
 Пора покинуть скучный берег
 Мне неприязненной стихии...

(Акад. Т. 6. С. 26)

(См.: Щеголев П. Е. Заметки к тексту Пушкина // Пис. СПб., 1910. Вып. 13. С. 169—174; то же: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 339—342).

Ст. 1—2. *Завидую тебе, питомец моря смелый, Под сенью парусов и в бурях поседельй!* — См. фонологическую параллель в стихотворении «Клеопатра» («Чертог сиял. Гремели хором...») (1824), где рифма «смелый—поседельй» обрамляет стихи, рисующие образ умудренного опытом воителя: «И первый — Флавий, воин смелый, / В дружинах римских поседельй»; в первой редакции: «И первый

Аргилай, клеврет Помпея смелый, / Изрубленный в боях, в походах поседельный» (Акад. Т. 3. С. 131, 686) (см.: *Ходасевич В. Ф.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 12).

«КАК НАШЕ СЕРДЦЕ СВОЕНРАВНО!...»

(С. 137 и 431)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 34 об.—34 — белой, с поправками, неполным ст. 2, опиской в ст. 13 («дозволяй» вместо: «дозволяешь»; в слове «нежно» в этом стихе также первоначально была допущена описка, исправленная по ходу письма). Напечатано: Якушкин. № 5. С. 336. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 5. С. 336.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу. В ст. 10 принято чтение, предложенное И. Н. Медведевой в Акад. (Т. 2. С. 304). Редакторы всех предыдущих изданий, начиная с первой публикации В. Е. Якушкина (см. выше), читали: «Наполнился твой юж(ный) взор».

Датируется предположительно второй половиной октября 1823 г.

Стихотворение записано карандашом на л. 34 об.—34 в перевернутом (верхом вниз) положении тетради. Ему непосредственно предшествуют сделанные в том же положении тетради записи чернилами: черновик письма к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г. на л. 36 об.—35 и два стиха, вошедшие в строфу XXXIV первой главы «Евгения Онегина» («Они не стоят ни страстей / Ни песен ими вдохновенных») вверху л. 34 об. Вряд ли эти два стиха могли появиться в тетради ПД 832 задолго до того момента, как Пушкин в работе над «Евгением Онегиным» подошел к соответствующим строфам (XXX—XXXIV). Черновик строфы XXXIV в тетради ПД 834 на л. 14 об., куда без изменений вошли стихи: «Они не стоят ни страстей / Ни песен ими вдохновенных», датируется временем около 14 октября 1823 г. (он предшествует черновому письму к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г. (л. 16, начало на листе, вырванном между л. 15 и 16)). Кроме автографа стихотворения «Как наше сердце своенравно...» в тетради ПД 832 есть еще только две карандашные записи — черновые наброски, предположительно связываемые с работой над стихотворением «Демон», на л. 43—42 и набросок «Бывало в сладком ослепленье...» на л. 41 об., сделанные также при заполнении тетради от конца к началу, хотя и в ином ее развороте. С большой долей вероятности можно отнести все карандашные автографы в тетради ПД 832 примерно к одному времени.

В Летописи 1991 (С. 376, 671) и Летописи 1999 (Т. 1. С. 354, 509) принята широкая датировка стихотворения ноябрем 1823—июлем (?) 1824 г., учитывающая необоснованное, на наш взгляд, предположение С. А. Фомичева, что стихотворение адресовано графине Е. К. Воронцовой и написано в последнюю неделю пребывания Пушкина в Одессе (24 июля—1 августа 1824 г.) (см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832 : (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 240).

По характеру лирической ситуации (психологическая коллизия, в которой проявляются противоречивость и сложность любовного чувства) стихотворение предвarya-

ет элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты...» (см.: Городецкий. Лирика П. С. 277). Иногда, как и эта элегия, оно произвольно относилось исследователями к Амалии Ризнич (см.: Acad. в 9 т. Т. 2. С. 465, коммент. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского; Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 13, 15).

Ст. 8. *В нее вливать огонь и яд.* — Возможно, реминисценция из стихотворения Батюшкова «Вакханка» (1815): «Все в неистойвой прельщает! / В сердце льет огонь и яд!» (Батюшков. Соч. 1934. С. 132—133; см.: Гершензон М. О. Пушкин и Батюшков // Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. М., 1926. С. 23; см. также: Виногорадов. Язык П. С. 257).

«БЫВАЛО, В СЛАДКО(М) ОСЛЕПЛЕНЬЕ...»

(С.138 и 431)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 41 об. — карандашный набросок. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 337 (ст. 1—2); АН. 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 339 (в виде транскрипции, в примеч. к стихотворению «Свободы сеятель пустынный...» как самостоятельный набросок; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 5. С. 337 (ст. 1—2).

В собрание сочинений впервые включено: АН. 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 339 (см. выше); Акад. Т. 2. С. 294.

Печатается по автографу.

Датируется второй половиной октября 1823 г. (тем же временем, что и первые карандашные наброски, связываемые с работой над стихотворением «Демон» на л. 43—42 об. тетради ПД 832 (см. примеч. к стихотворению «Демон» — наст. т., с. 747—749)).

В. Е. Якушкин, напечатавший первые два стиха наброска (см. выше), предположительно объединял его с набросками к стихотворению «Демон» на л. 43—42 тетради ПД 832. Впоследствии то же решение было предложено И. Н. Медведевой. Основываясь на положении в рукописях поэта и общей интонационно-тематической близости, И. Н. Медведева объединила все записи на л. 43—41 об. тетради ПД 832 (наброски к стихотворениям «Демон» и «Свободы сеятель пустынный...» и «Бывало в сладко(м) ослепление...») и реконструировала текст самостоятельного пушкинского стихотворения, представляющего собой первую попытку развития еще не дифференцированных между собой поэтических тем «Демона» и стихотворения «Свободы сеятель пустынный...» (см.: Медведева И. Н. 1) Два стихотворения Пушкина // ЛГ. 1938. № 8 (715), 10 февр. С. 3; 2) Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // П. Врем. [Т.] 6. С. 57—60; о реконструкции И. Н. Медведевой см. подробнее в примеч. к стихотворению «Демон» — наст. т., с. 748). Эта реконструкция не представляется достаточно аргументированной. В частности, в рукописи отсутствуют какие-либо указания на связь черновых набросков к «Демону» и наброска «Бывало в сладко(м) ослепление...». Общность же поэтических тем и мотивов сама по себе еще не может служить поводом для объединения черновых текстов.

Мотив веры в «избранных судьбы» и разочарования в них ранее был намечен в незавершенном стихотворении «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 421—422). Пушкин перенес его в характеристику Ленского в строфе VIII второй главы «Евгения Онегина», черновик которой на л. 26 тетради ПД 834 датируется временем между 22 октября (дата под заключительной строфой первой главы на л. 22 об.) и 1 ноября 1823 г. (французская помета: «1 novem(bre)» на левом поле л. 29 об. у наброска «Мне было грустно, тяжко, больно...», писавшегося как дополнение к тексту первой главы). Ленский верил:

Что мало избранных судьбами
 Что жизнь их лучший неба дар
 И сердца [неподкупный] жар
 И гений власти над умами
 [Любви] добру посвящены
 И силе доблестью равны
 (ПД 834, л. 26;
 Акад. Т. 6. С. 269).

Ср. в окончательном тексте:

Что есть избранные судьбами,
 Людей священные друзья;
 Что их бессмертная семья
 Неотразимыми лучами
 Когда-нибудь нас озарит
 И мир блаженством одарит.
 (Акад. Т. 6. С. 34)

«ВЕЧЕРНЯ ОТОШЛА ДАВНО...»

(С. 139 и 432)

Автографы:

1) Тетр. ПД 834, л. 30 — первоначальный набросок. Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 357 (публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

2) Тетр. ПД 830, л. 51 об.—52. Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 306—307. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 306—307.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 1.

Печатается автографу в тетради ПД 830.

Датируется первыми числами ноября 1823 г. Датировка первоначального наброска в тетради ПД 834 1—3 ноября 1823 г. определяется окружающими его французскими пометами: «1 novem(bre)» на л. 29 об. около наброска дополнения к тексту первой главы «Евгения Онегина» и «3 nov(embre) 1823» на левом поле л. 30 об. около чернового автографа строфы XVIIа второй главы «Евгения Онегина». По-видимому, работа была сразу перенесена в тетрадь ПД 830.

Сюжетный ход наброска — исповедь «злодея» перед монахом в стенах монастыря — ориентирован на поэму Байрона «Гяур» («The Giaour: A Fragment of a Turkish Tale», 1813) (см.: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы. 2-е изд. Л., 1978. С. 410; *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 87—88). Возможно, набросок относится к какому-то нереализованному замыслу поэмы, однако попытки связать его с «Братьями разбойниками» (см.: *Лобанова А. С.* «Вечерня отошла давно...» // Незавершенные произведения Пушкина: Материалы науч. конф. М., 1993. С. 12—23; *Фомичев С. А.* 1) «На тихих берегах Москвы...» // Неизданный Пушкин. Вып. 1. С. 42—44; 2) К творческой истории пушкинской поэмы о разбойниках // Литературоведение и литературоведы: Сб. науч. трудов к семидесятилетию Г. В. Краснова. Коломна, 1996. С. 7—10) не представляются убедительными.

Ст. 13. *Стоят за клиросом мон(ах)...* — П. О. Морозов, указывая, что слово «мон(ах)» находится в позиции рифмы к слову «мертв(ец)» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 433), видел здесь описку вместо «чернец» (АН 1900—29. Т. 3. Примечания. С. 118). Эта редакторская конъектура принята в Акад. (Т. 2. С. 297). Следует, однако, принимать во внимание совершенную недоработанность фрагмента, не дающего связного согласованного текста.

Ст. 21 и след. *Несчастный, полно, перес(тань)...* — Здесь использованы стихи эпиграфа «Бахчисарайского фонтана», не вошедшие в окончательный текст поэмы:

[Безумец!] полно! перестань,
 Не оживляй тоски напрасной,
 Мятежным снам любви несчастной
 Заплачена тобою дань —
 Опомнись...

(Акад. Т. 4. С. 170—171)

(Венг. Т. 2. С. 584, примеч. Н. О. Лернера; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 119, примеч. П. О. Морозова).

⟨В. Ф. РАЕВСКОМУ⟩

(«Недаром ты ко мне воззвал...»)

(С. 140 и 434)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 48—49. Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 264—265 (со ст. 3); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 186 (ст. 1—2 как самостоятельный набросок; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Мор. 1887. Т. 1. С. 264—265.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно началом ноября 1823 г. (см. ниже).

Записи на л. 48 тетради ПД 830 начинаются с наброска в верхней части листа четырех стихов («Она ⟨ ⟩ подарила ~ Безвестной лиры первый звон —»), вошед-

ших в доработанном виде в строфу XXII второй главы «Евгения Онегина» (см. Акад. Т. 2. С. 470; Т. 6. С. 286). Ниже и, скорее всего, несколько позднее, после горизонтального разделительного отчерка были записаны два стиха: «Недаром ты ко мне воззвал / Из глубины глухой темницы», начиная с первой публикации П. О. Морозова в АН 1900—29 (см. выше) традиционно печатавшиеся как самостоятельный набросок. Под ними после еще одного разделительного отчерка следует черновой текст со стиха: «Не тем горжусь я мой певец», продолжающийся на л. 48 об. и 49. Расположение на листе, сходство пера и почерка позволяют думать, что набросок «Недаром ты ко мне воззвал...» и стихотворение «Не тем горжусь я, мой певец...» записывались в тетрадь в одно время. Еще Н. О. Лернер (Венг. Т. 6. С. 178) высказал мнение, что стихи «Недаром ты ко мне воззвал / Из глубины глухой темницы» адресованы В. Ф. Раевскому, арестованному 6 февраля 1822 г. и заключенному в Тираспольскую крепость (см. о нем в примеч. к стихотворению «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» — наст. т., с. 880—881). Это предположение было поддержано М. А. Цявловским, выдвинувшим убедительную гипотезу, что пушкинский набросок был вызван написанным в крепости посланием В. Ф. Раевского «К друзьям в Кишинев», содержавшим развернутое поэтическое обращение к Пушкину (см.: Цявловский М. А. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому // П. Врем. [Т.] 6. С. 42—45). Записанные Пушкиным два стиха действительно перекликаются с началом послания Раевского:

Завеса пала! в узах я!
 Дойдут ли звуки из темницы
 От струн расстроенной цевницы
 До слуха вашего, друзья?

(Цит. по: Сперанская Л. Автограф
 В. Ф. Раевского // Литературный критик.
 1939. № 2. С. 213)

(Здесь и далее приводится ранняя редакция послания по автографу из архива А. Ф. Вельтмана, на бумаге 1822 г. Впоследствии Раевский неоднократно обращался к тексту стихотворения, внося в него существенные изменения).

По мнению М. А. Цявловского, «близкое соседство» с наброском «Недаром ты ко мне воззвал...» стихов «Не тем горжусь я, мой певец...» позволяет и их адресовать тому же лицу. Б. В. Томашевский также считал стихи «Недаром ты ко мне воззвал...» и «Не тем горжусь я, мой певец...» принадлежащими к одному замыслу (см.: Пушкин 1955. С. 782; Акад. в 10 т. (1). Т. 2. С. 414—415; Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 410—411; Томашевский. Пушкин, I. С. 548). Тем не менее в Акад. (Т. 2. С. 260, 470) и Госл. в 10 т. (Т. 1. С. 516—517) они были по-прежнему напечатаны как два самостоятельных текста. В настоящем издании печатаются как фрагменты одного незавершенного стихотворения.

Послание В. Ф. Раевского «К друзьям в Кишинев» принято датировать концом марта 1822 г. в соответствии с пометой: «Крепость Тираспольская. 1822, 28 марта» в публикации «Русской старины» (1890. № 5. С. 365), осуществленной с позднего автографа 1846 г., в настоящее время утраченного. Опираясь на эту датировку, М. А. Цявловский относил работу Пушкина над стихотворным ответом В. Ф. Раевскому ко времени не позднее июня 1822 г., так как в июле Пушкин прочел уже другое стихотворение Раевского — «Певец в темнице», на которое откликнулся стихотво-

рением «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» (Цявловский М. А. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. С. 45). В Летописи. С. 339 (то же: Летопись 1991. С. 308; Летопись 1999. Т. 1. С. 282) набросок «Недаром ты ко мне воззвал...» предположительно отнесен к апрелю—маю, а стихотворение «Не тем горжусь я, мой певец...» — к апрелю—июню 1822 г. В Акад. (Т. 2. С. 1117, 1188) оба текста датированы М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер (Цявловской) апрелем—маем 1822 г. К этому же времени отнесен и набросок «Она < > подарила...», напечатанный здесь как самостоятельный текст (см.: Акад. Т. 2. С. 470, 1187).

Датировка стихотворения апрелем—маем или апрелем—июнем 1822 г. не может быть, однако, принята по целому ряду соображений. Прежде всего должна быть пересмотрена традиционная датировка послания В. Ф. Раевского «К друзьям в Кишинев». Дата в автографе, по которому осуществлена публикация «Русской старины», или ошибочна, или относится к самому первому этапу формирования поэтического замысла. Как следует из текста стихотворения, оно было написано Раевским уже после окончания суда, т. е. не ранее конца марта—апреля 1823 г.

Комиссия военного суда при штабе 6-го пехотного корпуса под надзором главного обвинителя Раевского генерала И. В. Сабанеева была создана 6 сентября 1822 г. С 18 сентября начались ее регулярные заседания, допросы свидетелей и очные ставки их с Раевским. 20 февраля 1823 г. Раевскому была оглашена «Выписка» из его судного дела, против которой Раевский подал свое «Объяснение», указывая на нарушения в ходе следствия и суда. В соответствии с действующими законами Комиссии по каждому пункту достаточно было иметь двух свидетелей, и особое внимание Раевский обращал на то, что значительная часть обвинения построена на ложных и клеветнических показаниях его личных врагов, людей, известных своими низкими моральными качествами и предосудительными поступками. Это было прямым нарушением «Устава воинского» Петра I, где предписывалось привлекать свидетелями только беспорочных людей. «Объяснение» Раевского на ход дела никак не повлияло, хотя Комиссия и провела некоторые дополнительные допросы и очные ставки. 27 февраля Раевскому было представлено дополнение к «Выписке» из судного дела, содержащее, в частности, справку с выдержками из использованных при рассмотрении дела военно-судебных законов, в числе которых были артикулы № 135 и 137 «Устава воинского», определяющие смертную казнь за подстрекательство к бунту и возмущению. Именно на 135-й артикул опирался смертный приговор Раевскому, вынесенный судом 21 марта 1823 г. Генерал Сабанеев при этом подал особое мнение: «Раевского, как вредного для общества человека, удалить от онога в Ставропигиальный Соловецкий монастырь или другое какое место, где бы вредное распространение его образа мыслей не могло быть поводом к нарушению спокойствия» (см.: В. Ф. Раевский : Материалы о жизни и революционной деятельности : В 2 т. / Подгот. А. А. Брегман, Е. П. Федосеевой. Иркутск, 1980. Т. 1. С. 342; здесь же, с. 148—368, опубликованы документы следствия и суда по делу Раевского).

Обо всем этом и писал Раевский в послании «К друзьям в Кишинев»:

И торжествующее мщенье,
Склонясь бессовестным челом,
Еще убийственным пером
Не пишет вам определенье
Безвестной смерти под ножом

Иль в мрачных сводах заточенья.
 <.....>
 Наемной лжи перед судом
 Я слышал голос двуязычный
 И презрел лик ее двуличный.
 С каким-то адским торжеством,
 В преступных чувствах закоснелый
 Враг чести с совестью немой,
 Злодей с продажною душой
 Мне делал укоризны смело.
 С улыбкой суд ему внимал...
 <.....>
 И суд со взором алчной кары
 На жертву радостно взирал.
 Чуждаясь правды обнаженной,
 Он двух свидетелей искал,
 Он их нашел в толпе презренной...
 Тогда я с твердостью поднял
 Священный щит, светильник славы
 Веков, народов и царей,
 Звено общественных связей,
 Закон и прежних лет Уставы!
 Но тщетный голос! Сей закон
 В устах определенной жертвы
 Был только звук немой и мертвый...
 (Цит. по: *Сперанская Л.* Автограф
В. Ф. Раевского. С. 214)

Из воспоминаний И. П. Липранди с достаточной очевидностью следует, что привезенное им в середине 1822 г. стихотворение «Певец в темнице» было единственным стихотворением В. Ф. Раевского, дошедшим к тому времени до Кишинева. О своем свидании с Раевским в Тираспольской крепости Липранди писал: «Он дал мне пиесу в стихах, довольно длинную, под заглавием „Певец в темнице“, и поручил сказать Пушкину, что он пишет ему длинное послание, которое впоследствии я и передал Пушкину, когда он был уже в Одессе» (П. в восп. Т. 1. С. 328). В своем примечании к этим словам Липранди тоже говорит о двух стихотворениях: «Во время отъезда моего в 1851 году за границу Н. С. Алексеев взял у меня и то и другое, а равно и пять писем Пушкина...» (Там же). Мнение, что Липранди имел в виду какое-то не дошедшее до нас послание Раевского к Пушкину (см.: *Богач Г. Ф.* Пловед и Арион : Глубинные основы дружбы // *Богач Г. Ф.* Далече северной столицы : О творчестве Пушкина в Молдавии. Иркутск, 1979. С. 18—24), представляется совершенно неосновательным. Невозможно предположить существование такого рода стихотворения, не известного ни по спискам, ни по каким-либо свидетельствам современников и не упоминающегося в позднейших мемуарных заметках самого Раевского. «Длинным посланием», которое Липранди передал Пушкину в Одессе, т. е. не ранее середины 1823 г., могло быть только стихотворение «К друзьям в Кишинев», значительный фрагмент которого адресован непосредственно Пушкину:

Но пусть счастливейший певец —
Любимец наш и Аполлона,
Страстей высоких пылкий жрец,
Сей новый берег Ахерона,
Теней жилище воспоет!..
Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза,
Холодный узник отдает
Тебе сей лавр, *Певец Кавказа*.
Коснись струнам, и Аполлон,
Оставя берег Альбиона,
Тебя, о юный Амфион,
Украсит лаврами Байрона...
Воспой те дни, когда в цепях
Лежала наглая обида,
Когда порок, как бледный страх,
Боялся собственного вида;
Воспой величие царей,
Их благость должную к народу,
В десницах их его свободу
И право личное людей!
Воспой простые предков нравы,
Отчизны нашей век златой,
Природы дикой и святой
И прав естественных уставы.
Быть может, смелый голос твой
Дойдет до Кесаря молвою,
Быть может, с кротостью святою
Он бросит несуровый взор
На мой ужасный приговор
И примирит меня с судьбою!
Быть может, кончен жребий мой...

(Цит. по: *Сперанская Л.* Автограф
В. Ф. Раевского. С. 215—216)

Фрагмент «Воспой те дни, когда в цепях ~ Быть может, кончен жребий мой...» не позднее 1824 г. был Раевским переработан:

Оставь другим певцам любовь.
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шепотом роптать.
Пора, мой друг, пора воззвать

Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священные времена,
Когда гремело наше вече
И преклоняло издалече
Князей кичливых рамена.

(Цит по: Воспоминания В. Ф. Раевского / Публ. М. К. Азадовского // ЛН. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 104; копия стихов «Оставь другим певцам любовь ~ Не смеет шепотом роптать» имеется в рабочей тетради В. К. Кюхельбекера конца 1824—начала 1825 г. (ПД, ф. 244, оп. 3, № 17, л. 18))

Положение автографа в тетради ПД 830 позволяет предположительно датировать пушкинское стихотворение началом ноября 1823 г. Оно было написано вскоре после наброска «Она ( ) подарила...», расположенного вверху того же листа. Вопреки мнению Т. Г. Зенгер (Цявловской) (см.: Акад. Т. 2. С. 470, 1187), вряд ли следует считать этот набросок самостоятельным текстом весны 1822 г. По всей вероятности, он появился непосредственно в ходе работы над второй главой «Евгения Онегина», когда Пушкин решил использовать при описании любви Ленского к Ольге свое незавершенное стихотворение «Дубравы, где в тиши свободы...» (1818—1819) (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 93, 231—232). Первые записи, относящиеся к работе над второй главой, сделаны на л. 23 тетради ПД 834 после 22 октября 1823 г. (дата под заключительной строфой первой главы на л. 22 об.). Посвященные любви Ленского к Ольге строфы XIX—XXII на л. 33 об.—34 писались, по-видимому, вскоре после 4 ноября (в тетради им непосредственно предшествует черновик письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г. на л. 32—33). Таким образом набросок «Она ( ) подарила...» может предположительно датироваться концом октября—первыми числами ноября 1823 г. Тетрадь ПД 830 заполнялась в 1820—1822 гг. В 1823 г. Пушкин не пользовался ею до конца октября—первых чисел ноября, когда перенес сюда работу над стихотворением «Вечерняя отошла давно...» (см. наст. т., с. 139, 898), первые стихи которого были записаны также среди черновиков второй главы «Евгения Онегина» на л. 30 тетради ПД 834.

Ст. 7—10. *Не тем горжусь, что иногда Мои коварные напевы Смирjali в мыслях юной девы Волненье страха (и) стыда...*— Стихи варьируются в первоначальных вариантах «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824): «Мои слова, мои напевы / Коварной силой иногда / Смирить умели в сердце девы / Волненье сладкого стыда» (ПД 835, л. 15; Акад. Т. 2. С. 840; см.: Венг. Т. 2. С. 584; Т. 3. С. 519, примеч. Н. О. Лернера).

«ПРИДЕТ УЖАС(НЫЙ) ЧАС — ТВОИ НЕБЕСНЫ ОЧИ...»

(С. 141 и 437)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 29. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 327—328. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 327—328.

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855; Генн. 1859. [Т. 7]: Приложения. С. 56—57, 2-я паг.

Печатается по автографу.

Датируется 22 октября—1 ноября 1823 г. (предположительно около 1 ноября) по положению чернового автографа в тетради ПД 834, заполнявшейся в этой своей части последовательно. На л. 22 об. под окончанием первой главы «Евгения Онегина» дата: «Octobre 22 / 1823»; на левом поле л. 29 об., у наброска «Мне было грустно, тяжело, больно...», писавшегося как дополнение к тексту первой главы «Евгения Онегина», французская помета: «1 nov(embre)».

Автограф находится в тетради ПД 834 среди черновиков строфы XVI второй главы «Евгения Онегина». П. В. Анненков отнес стихотворение наряду с элегией «Надеждой сладостной младенчески дыша...», автограф которой находится на л. 30 тетради ПД 834, к образцам тех «северных поэм», которые читал Онегину Ленский. Взгляд на стихотворение как на «стихи Ленского» долгое время держался в пушкиноведении. Как самостоятельное произведение, не связанное с «Евгением Онегиным», элегия была впервые напечатана П. О. Морозовым (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 353—354; в виде транскрипции). Окончательно несостоятельность версии о стихах Ленского доказана в 1928 г. Ю. Г. Оксманом (см.: Оксман Ю. Г. Легенда о стихах Ленского : (Из разысканий в области пушкинского печатного текста) // ПиС. Л., 1928. Вып. 37. С. 42—67; подробнее см. в примеч. к стихотворению «Надеждой сладостной младенчески дыша...» — наст. т., с. 762—763).

Возможно, ассоциативно стихотворение и было связано с работой над XVI строфой второй главы романа в стихах: именно на л. 29 появилась строка: «И тайны гроба роковые». Темы посмертного бытия и возможности/невозможности преодоления смерти «силою мечтанья» сближают его с такими пушкинскими произведениями южного периода, как «Отрывок» («Ты сердцу непонятный мрак...») (первая редакция стихотворения «Люблю ваш сумрак неизвестный...») и элегия «Надеждой сладостной младенчески дыша...», полемически трансформирующими традиционные элегические темы и ситуации, в частности, «элизейскую» тему. Здесь впервые появляется образ «мертвой возлюбленной» — один из устойчивых поэтических мотивов в творчестве Пушкина (см.: *Благой Д. Д.* Социология творчества Пушкина. М., 1931. С. 201—203, 208—210; *Муравьева О. С.* Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина // *Врем. ПК. Л.*, 1991. Вып. 24. С. 17—28); «тема посмертной любви, обычно разрабатывавшаяся в спиритуальном или гораццианско-тибулловском ключе, предстает как реальная любовь к мертвецу, встреча с умершей возлюбленной осуществляется не на небесах, а в фамильном склепе; героиня — не эфирная тень, а охладельный труп...» (*Проскурин О. А.* Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова : Датировка, функция, роль в литературной эволюции // *НЛО.* 2003. № 64. С. 272).

Ст. 5. *Где прадедов твоих почуют мощи хладны...* — по наблюдению А. А. Ахматовой, одно из «самоповторений» Пушкина; ср.: «Издавна почивают там / Угодника святые мощи («На тихих берегах Москвы...» — наст. т., с. 131), «...где кругом / Почуют мощи хладным сном» («Бахчисарайский фонтан» — Акад. Т. 4. С. 161) (см.: Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой : (По материалам архива П. Лукницкого) // *ВЛ.* 1978. № 1. С. 204; *Лукницкий П. Н.* *Acumiana* : Встречи с Анной Ахматовой. Париж; Москва, 1997. Т. 2: 1926—1927. С. 277).

Ст. 9—10. У ми<лых><?> ног твоих, себе их на колена Сложу... — Высказывалось предположение, что в этих строках мог отразиться зрительный образ — впечатление от картины Анн-Луи Жириде (Girodet de Roucy-Trioson; 1767—1824) «Погребение Аталы» (на сюжет повести Ф.-Р. де Шатобриана, 1808), литографированной в 1822 г. Ж.-Б. Обри-Лекомтом (Aubry-Lecomte; 1797—1858), где Шактас изображен именно в такой позе у тела Аталы (см.: Platt J. B. The Poetics of Dry Transgression in Pushkin's Necro-Erotic Verse // Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations / Ed. A. D. Gillespie. Madison (Wisconsin), 2012. P. 244, 259).

«ВСЕ КОНЧЕНО: МЕЖ НАМИ СВЯЗИ НЕТ...»

(С. 142 и 439)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 43 об. Напечатано: Анненков. Материалы 1855. С. 347 (ст. 1—4); РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 232 (с неточностями; публ. П. И. Бартенева); Якушкин. № 6. С. 569. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Анненков. Материалы 1855. С. 347 (ст. 1—4); полностью: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 232 (то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып.] 1: Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 144).

В собрание сочинений впервые включено: Анненков. Материалы 1855. С. 347; Генн. 1859. Т. 1. (ст. 1—4).

Печатается по автографу.

Датируется декабрем (после 8-го) 1823 г. по положению автографа в тетради ПД 834, на том же основании, что и стихотворение «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой», белой с поправками автограф которого находится на л. 44 об. (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 773).

Равно необоснованными представляются попытки связать стихотворение как с именем Е. К. Воронцовой (см.: Цеголев П. Е. Амалия Ризнич в поэзии Пушкина // ВЕ. 1904. № 1. С. 313—314; Цеголев. Из жизни и творчества П. С. 263—265; Городецкий. С. 278; возражения см.: Венг. Т. 3. С. 551—552, коммент. Н. О. Лернера; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 368, коммент. П. О. Морозова), так и с именем Амалии Ризнич (см.: Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. Вып. 10. С. 15).

«О БОГИ МИРНЫЕ ПОЛЕЙ, ДУБРОВ И ГОР...»

(С. 143 и 440)

Автограф (ПД 82) — на обрывке почтовой бумаги. Описание автографа: ПиС. СПб., 1906. Вып. 4. С. 20. Напечатано: Морозов П. О. Новые стихи Пушкина // Русское слово. 1916. № 83, 10 апр.; АН 1900—29. Т. 4. С. 203; Примеч. С. 288 (публ. П. О. Морозова).

Впервые: Русское слово. 1916. № 83, 10 апр.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 4.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно второй половиной 1823 г.—первой половиной 1824 г.

Оснований для точной датировки нет. Первый публикатор стихотворения П. О. Морозов предположительно относил его к 1825 г. Датировка стихотворения концом 1823 г.—первой половиной 1824 г., предложенная Д. Д. Благим в Акад. (Т. 2. С. 1137), представляется более вероятной. По характеру почерка автограф можно отнести, скорее всего, к началу 1820-х гг. Тематически набросок перекликается с написанными на юге стихотворениями «Муза» и «Наперсница волшебной старины...» (см. наст. т., с. 17 и 65), а также со строфами LV—LVI первой главы «Евгения Онегина», посвященными любви к сельской жизни, работа над черновым автографом которых на л. 20 об. тетради ПД 834 велась, видимо, около середины октября 1823 г. (окончание первой главы на л. 22 об. датировано 22 октября). Бумага автографа — тонкая почтовая, судя по всему, иностранного производства — косвенным образом свидетельствует в пользу датировки наброска временем пребывания Пушкина в Одессе.

Набросок представляет собой вольный перевод отрывка из элегии А. Шенье (Chénier; 1762—1794) (см. наст. т., с. 483—484) «Quand la feuille en festons a couronné les bois...»:

Bois, échos, frais zéphyr, dieux champêtres et doux,
 Le génie et les vers se plaisent parmi vous.
 J'ai choisi parmi vous ma muse jeune et chère;
 Et bien qu'entre ses sœurs elle soit la dernière,
 Elle plaît. Mes amis, vos yeux en sont témoins.
 Et puis une plus belle eût voulu plus de soins;
 Délicate et craintive, un rien la décourage,
 Un rien sait l'animer. Curieuse et volage,
 Elle va parcourant tous les objets flatteurs
 Sans se fixer jamais, non plus que sur les fleurs
 Les zéphyr vagabonds, doux rivaux des abeilles,
 Ou le baiser ravi sur des lèvres vermeilles.

(Роши, эхо, свежие зephyры, кроткие полевые боги, гении и поэзия любят быть с вами. Я выбрал среди вас мою музу, юную и милую; и хотя среди своих сестер она последняя, она нравится. Друзья мои, вы тому свидетели. И к тому же более красивая потребовала бы больше забот; хрупкую и робкую, ее огорчает пустяк, пустяк может ее оживить. Любопытная и непостоянная, она обегает все милые предметы, никогда не задерживаясь долее, чем на цветах блуждающие зephyры, нежные соперники пчел, или поцелуй, сорванный с алых губ. — *фр.*) (Chénier. P. 99—100; см.: Гречаная Е. П. Пушкин и Андре Шенье : (Две заметки к теме) // Врем. ПК. Л., 1988. Вып. 22. С. 100—101).

КОРАБЛЮ

(«Морей [красавец] окрилен(ный)!»)

(С. 144 и 441)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 7 об. Напечатано: *Щеголев П. Е.* Новые стихотворения А. С. Пушкина // *Русское слово*. 1911. № 181, 6 авг. С. 3; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 481—482 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова); Рукою П. С. 157 (наброски последних стихов, напечатанные как отдельная запись; публ. Т. Г. Зенгер (Цявловской) и М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: *Русское слово*. 1911. № 181, 6 авг.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 3.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно временем около середины июня 1824 г. по содержанию (см. ниже).

По предположению Д. Н. Соколова, стихотворение посвящено отъезду графини Е. К. Воронцовой 14 июня 1824 г. из Одессы в Гурузуф для празднования новоселья в заново отделанном для М. С. Воронцова доме (см.: *Соколов Д. Н.* По поводу стихотворения «Пускай увенчанный любовью красоты...» // *ПиС*. СПб., 1913. Вып. 17—18. С. 27—28; см. также примеч. к стихотворению «Д(авыдов)у» («Нельзя, мой толстый Аристип...»), написанному в связи с той же поездкой, — наст. т., с. 794). 13 июня 1824 г. В. Ф. Вяземская писала мужу: «Le C(om)te et la C(om)tesse V(orontzoff) partent demain pour la côte meridionale de la Crimée...» («Граф и графиня В(оронцовы) отправляются завтра на южный берег Крыма...» — *фр.*) (ОА. Т. 5, вып. 2. С. 102).

Литературным образцом для Пушкина послужило начало оды Квинта Горация Флакка (Horatius, 65—8 до н. э.) на отъезд Вергилия в Грецию (I, 3) (см.: *Соколов Д. Н.* По поводу стихотворения «Пускай увенчанный любовью красоты...». С. 27—28; Якубович. Античность в творчестве П. С. 145; *Busch W.* Horaz in Russland. München, 1964. S. 158; *Суздальский Ю. П.* Пушкин и Гораций // *Иноземна филологія*. 1966. Вып. 9: Питання класичної філології. № 5. С. 144). Эта ода была популярна в России, ее переводили А. Котельницкий («К кораблю, на котором Вергилий отправлялся в Афины», 1796), В. В. Попугаев (1801), И. И. Дмитриев (1805), Д. И. Хвостов («К кораблю Вергилиеву», 1804), И. И. Чернявский («К кораблю, на котором Вергилий отправлялся в Афины», 1813), В. В. Капнист («Из Горация (Кн. I, ода III)», 1821) и др. (см.: *Античная поэзия в русских переводах XVIII—XIX вв.* : Библиогр. указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998. С. 276). В поле зрения Пушкина несомненно были и какие-то из многочисленных французских переводов, например, неоднократно переиздававшиеся в начале XIX в. стихотворный перевод Пьера Дарю (Daru; 1767—1829) «К кораблю Вергилия» («Au vaisseau de Virgile») или прозаический перевод Рене Бине (Binet; 1732—1812) «К кораблю, увозившему Вергилия в Афины» («Au vaisseau qui portait Virgile à Athènes»).

Ср. начало оды в переводе В. В. Капниста:

Да путь тебе благословенный
Пошлет богиня красоты
И братья страстные Елены,

Светящи с звездной высоты!
 Да царь Эол все ветры свяжет
 И лишь попутному прикажет
 Лелеять паруса твои!
 Корабль! внуши мольбы мои:
 К брегам афинским чрез пучину
 С Вергилием безвредно рей
 И вверенну тебе храни мне половину
 Души моей.

(Тр. МОЛРС. 1821. Ч. 19, кн. 30. С. 36;
 Капнист В. В. Собр. соч. : В 2 т. М.; Л.,
 1960. Т. 2. С. 73)

Ст. 5 — 6. Ты, ветер, утренним дыханьем Счаст(ливый) парус напрягай... — В оде Горация этим стихам соответствуют ст. 3—4, содержащие обращение к «отцу ветров» Эолу и северо-западному ветру Япигу. У Пушкина в черновом варианте было: «западным дыханьем» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 442), в чем Д. Н. Соколов видел конкретную деталь — указание на предстоящий путь Воронцовой из Одессы в Крым (см.: Соколов Д. Н. По поводу стихотворения «Пускай увенчанный любовью красоты». С. 27).

«ЗАЧЕМ ТЫ ПОСЛАН БЫЛ И КТО ТЕБЯ ПОСЛАЛ?..»

(С. 145 и 442)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 7 и 6 об. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 3 (ст. 1, 2, 4 и первоначальные варианты ст. 5—8); Мор. 1887. Т. 1. С. 254—255; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 346—347 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова); КН. Т. 1. С. 348—349 (неточная свodka полного текста; публ. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 3; Мор. 1887. Т. 1. С. 254—255.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется концом мая (после 22-го) — началом июня 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835 (между черновиками двух писем к правителю канцелярии М. С. Воронцова А. И. Казначееву — от 22 мая 1824 г. на л. 1—2 и от начала июня (после 2-го) 1824 г. на л. 8 об.).

Предложенная С. А. Фомичевым и принятая в Летописи 1991 и Летописи 1999 датировка стихотворения 28—31 марта 1824 г. (см.: Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1983. Т. 11. С. 53; Летопись 1991. С. 405; Летопись 1999. Т. 1. 384) не представляется убедительной, поскольку хронология заполнения начальных листов тетради основана исследователем на ряде произвольных допущений: первой записью в тетради был перелетенный эпизод поэмы «Цыганы» на л. 3, а л. 1—2 об. первоначально оставались чистыми и предназначались для перенесения сюда из тетради ПД 834 начала поэмы; подсчеты (вероятно, денежные, долговые) на л. 3 об. связаны с получением 8 марта 1824 г. от П. А. Вяземского части гонорара за поэму «Бахчисарайский фон-

тан»; запись по памяти стихотворения В. А. Жуковского «Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта, в присутствии его императорского величества» (1816) на л. 8 была сделана 28 марта 1824 г., в десятую годовщину первого отращения Наполеона и в восьмую годовщину исполнения стихов Жуковского. Вопреки мнению С. А. Фомичева, тетрадь ПД 835 с первых же листов заполнялась в общем последовательно. Эпизод «Цыган» на л. 3 не мог появиться в тетради первым уже потому, что ему несомненно предшествовала запись в верхней трети листа, относящаяся к наброску «Приют любви, он вечно полн...». Естественно предполагать, что к моменту появления этого наброска на первых листах тетради также уже были записи. Таким образом, тетрадь ПД 835 начала заполняться 22 мая 1824 г. с черновика письма к А. И. Казначееву.

Черновой набросок, в котором отразились размышления Пушкина над историческим значением Наполеона в связи с состоянием посленаполеоновской Европы и, судя по написанным фрагментам, должны были получить развитие темы предшествующих наполеоновских стихотворений Пушкина: Французская революция (стихотворение «Наполеон») и провиденциальная роль Наполеона (стихотворение «Недвижный страж дремал на царственном пороге...») (см. примеч. к этим стихотворениям — наст. т., с. 645—654, 780—785). Автограф на л. 7—6 об. тетради ПД 835 отчетливо делится на два фрагмента. Работа над стихотворением была начата на л. 7, где записаны первая строфа и первоначальные варианты второй строфы. После этого, судя по всему, в работе наступил некоторый перерыв (возможно, в этот момент Пушкин на л. 8 записал по памяти «Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта...» В. А. Жуковского, см.: Рукою П. 1997. С. 464—465). В нижней половине л. 7 Пушкин продолжил черновик третьей главы «Евгения Онегина» (письмо Татьяны), а последующие записи, относящиеся к стихотворению «Зачем ты послан был...», делались на смежном листе, центральная часть которого была уже занята рисунками. Здесь, в верхней половине л. 6 об. была отчасти доработана вторая строфа и написана третья. Фрагмент, записанный в нижней части л. 6 об.: «И горд и наг пришел Разврат ~ Как ветру предан дольный прах», вряд ли может рассматриваться как прямое продолжение предыдущего текста. Следует признать, что и общий смысл этого фрагмента, и место его в развитии поэтической темы стихотворения, заявленной в первых строфах, остаются не вполне ясными (см. то же мнение: *Rothe H. Puškin und Napoléon (zweiter Teil) // Arion : Jahrbuch der Deutschen Pušchin-Gesellschaft. Bonn, 1992. Bd. 2. S. 155—159*). Даже если согласиться с мнением (совсем не бесспорным), что речь здесь идет об эпохе Священного союза (см.: Томашевский. Пушкин, I. С. 663; Эткин Е. Г. «Союз ума и фурий» : (Пушкинские мятежники) // *Россия / Russia. Venezia, 1987. № 5. С. 71—72*), очевиден смысловой разрыв с первым фрагментом («выпадает» собственно тема Наполеона и его эпохи). Можно отметить и разную строфическую организацию текста: выдерживавшаяся в первом фрагменте строфа с чередованием шестистопных и четырехстопных ямбических стихов во втором фрагменте сменяется нестрофическим четырехстопным ямбом. В настоящем издании, вопреки сложившейся традиции реконструкции целостного текста, стихотворение печатается в виде двух фрагментов с редакторской разделительной чертой между ними.

Ст. 3—4. *Зачем потух, зачем блист(ал), Земли чудесный посетитель?* — О традиции поэтического уподобления Наполеона звезде см. примеч. к

стихотворению «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (наст. т., с. 785).

Ст. 5. *Вещали книжники, тревожились цари...* — Речь идет о философах-просветителях (Вольтере, Даламбере, Дидро, Монтескье и др.) и в первую очередь о Ж.-Ж. Руссо (Rousseau; 1712—1778) с его «Общественным договором» («Du contrat social», 1762) и о Г. Б. де Мабли (Mably; 1709—1785), развивавших учение о безграничности народного суверенитета. В образе «книжников», предвещающих скорое изменение мира, можно заметить и определенные библейские коннотации: «...Ирод царь смутися (...). И собрав вся первосвященники и книжники людския, вопрошаше от них: где Христос раждается» (Мф. 2: 3—4).

Ст. 7. *Разоблаченные пустыли алтари...* — Вероятная реминисценция из стихотворения А. де Ламартина (Lamartine; 1790—1869) «Бонапарт» («Bonaparte»), вошедшего в сборник «Новые поэтические размышления» («Nouvelles Méditations poétiques», 1823) (см. о нем подробнее в примеч. к стихотворению «Наполеон» — наст. т., с. 654). Ср. у Ламартина:

Les dieux étoient tombés, les trônes étoient vides;
 {.....}
 Ce siècle, dont l'écume entraînaît dans sa course
 Les mœurs, les rois, les dieux... refoulé vers sa source,
 Recula d'un pas devant toi!

{Боги пали, троны опустели (...)} И век, пенный поток которого уносил нравы, королей, богов., этот век отхлынул к своему истоку, отступил перед тобой! — *фр.* (Lamartine A. de. Nouvelles Méditations poétiques. St.-Petersbourg, 1824. P. 15; Франц. элегия. С. 412). Также у Пушкина в первоначальных вариантах: «Дряхлели троны, алтари», «Склонялись дряхлые прест(олы), алтари» (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 443).

Ст. 10. *Разбились ветхие скрижали...* — На скрижалях были записаны ветхозаветные заповеди, полученные пророком Моисеем (Исх. 32 : 15—16, 19).

Ст. 17. *Рекли безумцы: нет свободы...* — Перефразировка библейского текста: «Несть Бога, речет безумец в сердце своем» (Пс. 13:1) (см.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин : Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 88).

Ст. 22. *Как ветру предан доль(ный) прах.* — Ср.: «Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, его же возметает ветр от лица земли» (Пс. 1: 4) (см.: Мороз В. Г. Скрижаль свободы : (Святитель Филарет и наполеоновская легенда Пушкина) // Духовный труженик : А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999. С. 121).

«В ЗАБВЕНЬИ ЧИСТ(ОМ)(?) НАСЛАДИСЬ...»

(С. 146 и 445)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 7 — запись чернилами ниже чернового наброска ст. 32—38 элегии «Погасло дневное светило...», поверх чернового карандашного автографа стихотворения «К ***» («Зачем безвременную скуку...»). Напечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 571 (с ошибкой в ст. 1; как черновой набросок, относящийся к элегии «Погасло дневное светило...»); АН 1900—29. Т. 2. Примеч.

С. 320—321 (как самостоятельный набросок; публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1903—06. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется 20—24 сентября 1820 г. Запись сделана одновременно с черновым наброском к стихотворению «Погасло дневное светило...», который находится на этом же листе (подробнее о хронологии работы Пушкина над стихотворением «Погасло дневное светило...» см. наст. т., с. 503).

П. О. Морозов относил набросок к работе над стихотворением «Погасло дневное светило...». В. Я. Брюсов (Брюс. С. 151) считал, что Пушкин воспользовался им для стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку...»). В дальнейшем запись не включалась в корпус пушкинских сочинений. Пропущенная в Акад., она была напечатана С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской в Справочном томе (С. 17) как «набросок первоначальной редакции» ст. 13—16 элегии «Увы, зачем она блистает...» (см. наст. т., с. 8). Это предположение, впоследствии безоговорочно поддержанное В. Б. Сандомирской (см.: *Сандомирская В. Б. О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она блистает» : (К вопросу о датировке) // Врем. ПК. Л., 1986. Вып. 20. С. 135—139*), в последнее время было убедительно оспорено (см.: *Рак В. Д. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // ПиС (Нов. серия). Вып. 1 (40). С. 147—149*). Связь наброска на л. 7 тетради ПД 830 с работой над элегией «Увы, зачем она блистает...» представляется более чем гипотетической. Ни один из стихов наброска не вошел в окончательный текст стихотворения, в ст. 13—16 можно угадать лишь их отзвуки. Впечатление близости значительно ослабляется употребленным в наброске повелительным наклонением, в то время как в элегии лирический герой выступает от первого лица. Автограф элегии на л. 4 об.—4 тетради ПД 830, который, вполне вероятно, был написан на основе утраченного черновика, находившегося в той же тетради на вырванном л. 4а между л. 4 и 5, не дает никаких оснований «заподозрить даже хотя бы какие-либо намеки на предшествующее употребление повелительного наклонения»; само же по себе «совпадение мотивов и отдельных выражений не является для произведений этого периода признаком генетической связи, поскольку оно было тогда для Пушкина очень характерно» (Там же. С. 148; здесь же указано на отдаленное созвучие наброска с некоторыми строками стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку...»)).

«[ЖУКОВСКИЙ, ( ) КАК ТЫ ШАЛИШЬ И КАК ТЫ МИЛ...]»

(С. 146)

Автограф в тетр. ПД 830, л. 13. Напечатано: АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 369 (публ. В. Е. Якушкина). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 369.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом августа (после 24-го)—5 октября 1820 г. по положению в тетради.

Черновой набросок, предназначавшийся, возможно, для какого-то стихотворного послания, записан среди черновиков поэмы «Кавказский пленник». С. М. Бонди в Акад. (Т. 2. С. 1184) датировал набросок предположительно концом августа—началом сентября 1820 г. на основании своего представления о хронологии работы над черновиком «Кавказского пленника». Поэма была начата на л. 9 об.—10 тетради ПД 830 вскоре после 24 августа 1820 г. (карандашная помета на л. 9) и, по мнению Бонди, ко времени отъезда Пушкина из Гурзуфа 5 сентября (см.: *Летопись 1999*. Т. 1. С. 200) дошла до л. 23 об. (см.: *Селиванова С. Д.* Над пушкинскими рукописями. М., 1980. С. 39—40). Согласно этому представлению, все записи на указанных листах должны датироваться временем между 25 августа и 5 сентября 1820 г. Иная версия работы над поэмой предложена В. Д. Раком, с точки зрения которого в Гурзуфе Пушкин остановился на перебеленных сорока пяти стихах поэмы (на л. 10—11), основной же ее черновик начат на л. 11 об. уже после приезда поэта в Кишинев 21 сентября (см.: *Летопись 1999*. Т. 1. С. 204) и, по-видимому, не ранее 24 сентября (дата завершения элегии «Погасло дневное светило...», работе над которой, по всей вероятности, были посвящены первые кишиневские дни поэта) (см.: *Рак В. Д.* Пушкин на подступах к поэме «Кавказ» и в работе над нею // *Рак 2003*. С. 135—138; *Рак*. Записная книжка ПД 830. С. 18—21). Нижней границей датировки является 5 октября — дата под текстом первого белого автографа стихотворения «Дочери Карагеоргия» на л. 25 об.

Строку «Как ты шалишь и как ты мил» Пушкин повторил в послании «К Языкову» («Языков, кто тебе внушил...») (1826), см.: *Ходасевич В.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 16.

«[НЕТ ВЕТРА — СИНЯЯ ВОЛНА]...»

(С. 146 и 445)

Автограф (ПД 49, л. 1) — прозаический французский перевод начала поэмы Байрона «Гяур» и ниже стихотворный набросок. Занимает одну из внешних сторон сложенного вдвое полулиста (в современной архивной нумерации — л. 1); вторую внешнюю сторону (л. 2 об.) занимают черновой автограф начала поэмы «Братья разбойники», продолжающийся на внутренней стороне (л. 1 об.), и расположенный зеркально к нему, в обратном развороте, черновой автограф стихотворения «Гречанка верная! не плачь — он пал героем...». Напечатано: *ПиС. СПб.*, 1909. Вып. 12. С. 21 (первые слова прозаического перевода; публ. Б. Л. Модзалевского); *АН 1900—29*. Т. 3. Примеч. С. 190—191 (публ. П. О. Морозова). Описание: *Рукоп. П.* 1937. С. 22.

Впервые: *АН 1900—29*. Т. 3. Примеч. С. 190—191.

В собрание сочинений впервые включено: *АН 1900—29*. Т. 3. Примеч. С. 190.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом августа (после 19-го) 1820—1821 г.

И французский прозаический текст, и стихотворный набросок являются попыткой перевода начальных строк поэмы Байрона «Гяур» («The Giaour: A Fragment of a Turkish Tale», 1813):

No breath of air to break the wave
That rolls below the Athenian's grave,
That tomb which, gleaming o'er the cliff,
First greets the homeward-veering skiff
High o'er the land he saved in vain;
When shall such Hero live again?

.....

Fair clime! where every season smiles
Benignant o'er those blessed isles,
Which, seen from far Colonna's height,
Make glad the heart that hails the sight,
And lend to loneliness delight.
There mildly dimpling, Ocean's cheek
Reflects the tints of many a peak
Caught by the laughing tides that lave
These Edens of the eastern wave...

⟨В воздухе нет дуновения, рассекающего волну, которая катится к подножию могилы Афинянина, к той гробнице, что, мерцая в солнечных лучах на утесе, возвышается над страной, напрасно им спасенной, и первая приветствует возвращающийся домой корабль. Когда вновь появится такой герой?.. Прекрасный край, где каждое время года улыбается, благосклонное к тем благословенным островам, которые, когда их завидишь издалека с высоты Колонны, радуют сердце, приветствующее этот вид, и дарят усладу одиночеству. Там покрытая легкой рябью поверхность океана отражает краски многочисленных остроконечных вершин, пойманные смеющимися потоками восточных вод, которые омывают сии Эдемы восточного моря... — *англ.*) (The Works of Lord Byron : A new, revised and enlarged ed. / Ed. by E. H. Coleridge. London, 1904. Poetry. Vol. 3. P. 85—86).

Это первый из известных нам переводов Пушкина. Традиционно датировался так же, как и стихотворение «Гречанка верная! не плачь — он пал героем...», расположенное на другой внешней стороне того же сложенного вдвое листа: в АН 1900—29 — 1821 г.; в последующих изданиях 1822 г. или 1821—1822 гг. (подробнее см. наст. т., с. 886—887). Осторожное предположение Т. Г. Зенгер (Цявловской), что набросок может относиться «даже к 1820 г., когда Пушкин в Гурзуфе занимался с Н. Н. Раевским изучением английского языка» (Рукою П. 1935. С. 29), было поддержано Н. Л. Бродским (см.: *Бродский Н. Л. Байрон в русской литературе // Литературный критик. 1938. № 4. С. 119*), но не нашло отражения в последующей литературе (об этом см. также: *Рак В. Д. Заметки к теме «Пушкин и Байрон». I. Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона // Рак 2003. С. 68—69*). Однако датировка временем пребывания Пушкина в Гурзуфе очень вероятна, во всяком случае для французского прозаического перевода. Автограф ПД 49 представляет сложенную вдвое половину фабричного листа. Возможная последовательность заполнения образовавшихся таким образом двух малых листов (четырёх страниц) реконструируется следующим образом. Первым, по-видимому, был записан именно французский подстрочник «Гяура», позднее на второй внешней стороне сложенного листа появился черновой автограф стихотворения «Гречанка верная! не плачь — он пал героем...», потом Пушкин повернул лист и в зеркальном положении к тексту стихотворения начал работу над «Братьями разбойниками»; запол-

нив свободное место на этой странице, он перенес работу над поэмой на внутреннюю сторону сложенного листа. Маловероятно, что «Братья разбойники» были бы начаты на странице, наполовину занятой текстом другого стихотворения, где явно не доставало места для сколько-нибудь продолжительной работы, если бы вторая внешняя сторона листа в это время оставалась чистой. Вместе с тем из признания французского перевода «Гяура» самой ранней записью на листе следует вывод о независимости его датировки от времени появления на этом листе последующих записей. Существенным аргументом в пользу того, что пушкинский перевод мог быть сделан в ходе занятий с Н. Н. Раевским английским языком и совместного чтения Байрона, является и дошедший до нас аналогичный французский перевод другого фрагмента «Гяура», выполненный Раевским (ПД, ф. 244, оп. 3, № 38; поступил в составе архива П. Е. Щеголева). Здесь можно видеть случайное совпадение, но более вероятным представляется, что опыты Пушкина и Раевского были координированы (см. об этом также: Рах В. Д. Заметки к теме «Пушкин и Байрон». С. 94—95). Занятия Пушкина английским языком и чтение Байрона, по-видимому, начались еще на Кавказе, но едва ли французские переводы могли быть сделаны ранее приезда в Гурзуф (19 августа 1820 г. — Летопись 1999. Т. 1. С. 196): на Кавказе Пушкин делал лишь первые шаги в знакомстве с языком, да и само путешествие мало располагало к письменным занятиям. В Гурзуфе, кроме того, перед ними был пример второй дочери Раевских, Елены. «Она, — по воспоминаниям М. Н. Волконской, — отлично знала по-английски и переводила из Байрона и В. Скотта на французский язык; но втихомолку рвала свои переводы и бросала. Брат рассказал о том Пушкину, который под окном подбирал клочки бумаг и обнаружил тайну» (П. в восп. Т. 1. С. 217). Впрочем, приведенные выше рассуждения еще не дают оснований для однозначной датировки перевода гурзуфскими днями. Не может служить твердым датирующим признаком и наличие или отсутствие у Пушкина в момент работы над переводом «Гяура» французского собрания прозаических переводов Байрона А. Пишо и Э. де Сая, которое дошло до него (полностью или в разрозненном виде) между серединой октября 1820 и февралем 1821 г. (см. примеч. к стихотворению «Погасло дневное светило...» — наст. т., с. 506). Полный французский перевод «Гяура», помещенный в этом собрании, достаточно далек от оригинала и не мог служить целям дословной передачи английского текста, которые, очевидно, ставил перед собою Пушкин:

Aucun zéphyr ne ride les vagues qui se déroulent majestueusement sous le rocher où reposent les cendres du rival d'Aristide. Le monument du héros domine la contrée que son bras sauva jadis du joug des Persans. Il est aperçu de loin par le nautonnier qui ramène sa barque dans le port. Quand verrons nous un autre Thémistocle? .....

Beau climat! où chaque saison propice sourit à ces îles fertiles que l'œil découvre des hauteurs de *Colonna*, et dont l'aspect enchante le cœur et le plonge dans une douce rêverie! c'est là que l'Océan admire la surface à peine soulevée de ses flots dans lesquels se réfléchissent les sommets des monts qui couronnent ces îles fortunées...

(Ни одно дуновение ветерка не вызывает ряби на волнах, которые величественно катятся под скалой, где покоится прах соперника Аристиды. Памятник герою возвышается

над страной, когда-то спасенной его рукой от персидского ига. Он издали заметен гребцу, направляющему свою лодку в гавань. Когда увидим мы другого Фемистокла?.. Прекрасный край! Каждое время года здесь благосклонно улыбается этим плодородным островам, открывающимся взору с высоты Колонны, вид которых очаровывает сердце и погружает его в сладкую мечтательность. И океан здесь любит свои едва волнуемые воды, где отражаются вершины гор, венчающих эти счастливые острова... — *фр.*) (*Œuvres complètes de lord Byron, traduites de l'anglais par A. E. de Chastopalli. 2-me éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris, 1820. T. 2. P. 7.*)

Трудно даже сказать, могло ли знакомство с этим переводом помочь Пушкину избежать ошибки в передаче английского текста, отмеченной еще П. О. Морозовым (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С 191): «the Athenian's grave» («могила афинянина») переведено им как «la grève d'Athènes» («афинский берег») — речь идет о могиле Фемистокла, в тексте французского издания дважды названного: «où reposent les cendres du rival d'Aristide» (где покоятся останки соперника Аристиды) и «Quand verrons nous un autre Thémistocle?» (Когда увидим мы другого Фемистокла?). Что касается стихотворного наброска, то рукопись не дает оснований судить, был ли он записан сразу после французского перевода или отделен от него каким-либо временем. Указанная выше ошибка в понимании английского текста в нем уже исправлена («На прах Афин»). В принципе, Пушкин мог обратиться к «Гяуру» и в 1821 г. на волне филэллинистических настроений, которые охватили русское общество с началом восстания этеристов в феврале 1821 г. Вступление к байроновской поэме, посвященное утратившей былую славу Греции, пребывающей под турецким игом, приобретало в контексте современной политической ситуации особую актуальность. Можно также допустить, что французский перевод был сделан Пушкиным в Гурзуфе, а в 1821 г. он вспомнил о нем, решив перевести начало поэмы Байрона стихами. Работа не пошла дальше первых трех стихов, и лист с переводом был использован для других записей.

«ТЕСНИТСЯ СРЕДЬ ТОЛПЫ ЕВРЕЙ СРЕБРОЛЮБИВЫЙ...»

(С. 146 и 447)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 26 об. Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 2. С. 447 (публ. П. И. Бартенева).

Впервые: РА. 1881. Т. 1, № 2. С. 447 (то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып. 1] Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 168).

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 7.

Печатается по автографу.

Датируется концом марта—началом апреля (до 6-го) 1821 г. по положению в тетради, заполнявшейся в этой части последовательно. Предшествующие листы (25—26) заняты автографом стихотворения «Кто видел край, где роскошь природы...» (см. его датировку — наст. т., с. 821); на л. 26 об.—29 расположен черновой автограф послания «Ч(аадае)ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), белой автограф которого в тетради ПД 833 (л. 5 об.—7 об.) имеет дату 6 апреля 1821 г. Запись наброска «Теснится средь толпы еврей сребролюбивый...» в верхней части л. 26 об. предшествовала работе над посланием «Ч(аадае)ву».

В наброске, по-видимому, отразились кишиневские впечатления поэта. Пестрота национального состава Кишинева отмечалась многими писателями и мемуаристами. «После обеда пустился я снова вдоль улиц. Встречая повсюду русских, молдаван, греков, сербов, болгар, турков, жидов и пр., я не смел сделать им вопроса: „вскую шаташся языцы?“» — писал в своем романе «Странник» (1831—1832) А. Ф. Вельтман, живший в Кишиневе в одно время с Пушкиным (*Вельтман А. Ф. Странник. М., 1977. С. 28 (Сер. «Литературные памятники»)*). В. П. Горчаков, приехавший в Кишинев в начале ноября 1820 г., вспоминал свои первые впечатления от города: «Вся небольшая площадка самого базара и прилегающие к ней улицы были загромождены небольшими, полутемными лавками и пестреющею толпою разноплеменного народа. Тут были: молдаване и греки, итальянцы и немцы, болгары и армяне, турки и жиды, малороссияне и русские крестьяне-переселенцы, сохранившие исключительно во всей свежести свой наряд и приемы» (*Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине // Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 60*). Пушкин мог помнить также описание Астрахани в «Послании к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по отечеству» А. Ф. Воейкова, где перечисление разных народов использовалось для передачи этнографического колорита:

С какою сладостью бросал я жадный взгляд
 На пестрое сие собрание лезгинцев,
 Хивинцев, калмыков, бухарцов, кабардинцев,
 Киргис-кайсаков, персиян,
 Каракалпаков и армян,
 Грузин, черкес, татар, индейцов и дугорцев,
 Уральцов и донцов,
 И беспощадных черноморцев,
 И страшных хищных гребенцов!
 (ВЕ. 1818. Ч. 99, № 12. С. 269)

К такому же перечислению Пушкин прибег при описании разбойничьей шайки в поэме «Братья разбойники» (1821—1822):

Какая смесь одежд и лиц,
 Племен, наречий, состояний! (<...>
 Меж ними зрится и беглец
 С берегов воинственного Дона,
 И в черных локонах еврей,
 И дикие сыны степей,
 Калмык, башкирец безобразный,
 И рыжий финн, и с ленью праздной
 Везде кочующий цыган!
 (Акад. Т. 4. С. 145)

«ГЕНЕРАЛ НЕ ПОПАЛ...»

(С. 146 и 447)

Автограф ПД 38, л. 1 об. — на одном листе с черновым автографом послания «(П. А. Вяземскому)» («Язвительный поэт, остряк замысловатый...»). Напечатано: КН. Т. 1. С. 364 (публ. Н. В. Измайлова, Б. В. Томашевского). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: КН. Т. 1. С. 364.

В собрание сочинений впервые включено: КН. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется апрелем (после 11-го) — маем 1821 г. по времени работы над стихотворением «(П. А. Вяземскому)» («Язвительный поэт, остряк замысловатый...»). Набросок записан в ходе работы над посланием; судя по расположению на листе, его появление предшествовало записи прозаического плана послания и следующих за ним вариантов (см. подробнее примеч. к стихотворению (П. А. Вяземскому) — наст. т., с. 847—848).

Ст. 3. *И [вздыхает] Зоя* — Возможно, имеется в виду Зоица Милло, родственница М. Е. Эйхфельдт, упомянутая и в посвященном Эйхфельдт стихотворении «Ни блеск ума, ни стройность платья...» (1821) (см.: *Грабовская Н. В. Знакомые Пушкина кишиневского периода // Врем. ПК. СПб., 1996. Вып. 27. С. 141—145*).

Другие редакции и варианты

К Инзову не обещал... — Об И. Н. Инзове см. в примеч к стихотворениям «(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...») и «Мой друг, уже три дня...» (1822) — наст. т., с. 841, 865.

«В ТВОЮ СВЕТЛИЦУ, ДРУГ МОЙ НЕЖНЫЙ...»

(С. 147 и 448)

Автографы:

1) Тетр. ПД 831, л. 42 об. — черновой. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 99 (в виде редакторской сводки верхнего слоя черновика). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

2) Тетр. ПД 830, л. 49 об. — белой ст. 1—4. Напечатано: Мор. 1887. Т. 1. С. 265; Мор. 1903—06. Т. 1. С. 308 (в обоих изданиях как ст. 1—4 сводного текста белого и черного автографов; в первом — без указания автографов). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 2.

Впервые: Якушкин. № 4. С. 99.

В собрание сочинений впервые включено: Мор. 1887. Т. 1.

Печатается по беловому автографу.

Датируется 6 (или вскоре после 6-го) июня — не позднее 18 июля 1821 г. по положению черного автографа в тетради ПД 831. Предшествующие л. 41 об. — 42, на которых находятся эпиграмма «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» и карика-

тура на Дегильи, заполнялись 6 июня (см. примеч. к стихотворению «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» — наст. т., с. 627). Характер пера и чернил позволяет с большой вероятностью предполагать, что записи на л. 42 об. одновременны или очень близки по времени с записями на л. 41 об.—42. На л. 43 об. начинается черновой автограф стихотворения «Гроб юноши», датирующийся 18 июля 1821 г. (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 628). Беловой автограф в тетради ПД 830 датируется этим же временем: непосредственно ниже него на листе расположен черновой набросок «На Волге, в темноте ночной...», по-видимому связанный с реализацией первого плана поэмы «Братья разбойники» (ПД 831, л. 62 об.; Акад. Т. 4. С. 374) и написанный, таким образом, до 18 июля (верхняя граница датировки второго плана поэмы на л. 46 тетради ПД 831; см. примеч. к стихотворению «Молдавская песня») — наст. т., с. 857—858).

Начиная с Мор. 1887 в корпусе пушкинских стихотворений традиционно печатался контаминированный текст белого и черного автографов в составе восьми стихов.

Некоторое представление о пушкинском замысле дает черновой автограф в тетради ПД 831. В стихотворении использован широко распространенный мотив народной лирической песни — прощание героя с «красной девицей», «прежней любовницей», из-за предстоящей женитьбы на другой (см.: Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1897. Т. 3. № 354—369, 371, 373, 374; Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. № 778; Песни, собранные П. В. Киреевским. Нов. серия / Под ред. акад. В. Ф. Миллера, проф. М. Н. Сперанского. М., 1929. Вып. 2, ч. 2. № 2099, 2270). Эти песни могли быть знакомы Пушкину и по многочисленным печатным песенным сборникам, начиная с «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова (СПб., 1770. Ч. 1. С. 184—185, № 157). См. подробнее: Лобанова А. С. Об источнике и замысле одного пушкинского фрагмента // Врем. ПК. СПб., 1993. Вып. 25. С. 114—118 (высказанная далее в данной работе гипотеза о связи стихотворения с записанными на л. 46 тетради ПД 831 наброском «Одна черта руки моей...» и планом «Олег — в Византию — Игорь и Ольга — Поход» (см. наст. т., с. 147, 703) не представляется убедительной). Источником для Пушкина могла послужить и брошюра князя Н. А. Цертелева «О произведениях древней русской поэзии» (СПб., 1820; ценз. разр. 20 июня 1820 г.), где эта песня приводится в качестве единственного примера в разделе о лирических песнях:

«Лирические народные песни, как литературные произведения, имеют более всех прочих право на уважение наше. Предметом их бывают обыкновенно: свидание или разлука с милым, неудачное супружество, сиротство, бедность, смерть и сему подобное; отчего одни походят на идиллию, другие на романс, третьи на оду, четвертые на элегию и проч. Простота выражений, сила чувств, естественность мыслей составляют главное достоинство сих песен. Вот пример:

Ты душа моя красна девица!
 Моя прежняя любовница,
 Не сиди, мой свет! долго вечером,
 Ты не жги свечи воску ярого,
 Ты не жди меня до бела света;
 Уж задумал ведь я жениться, —

И зашел к тебе опрощенье взять,
За любовь твою поклонится!..»

(Цертелев Н. А. О произведениях
древней русской поэзии. С. 28)

Другой вариант этой песни (где речь идет не о женитьбе героя, а о его смерти) Цертелев цитировал также в своей повести «Василий Новгородский» (СО. 1820. Ч. 60, № 8. С. 87; также: Цертелев Н. А. Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений. СПб., 1820. С. 35). Обе книги Цертелева Пушкину, вероятно всего, к середине 1821 г. были известны (в письме к брату от октября 1822 г., где Пушкин просит прислать ему «древние стихотворения» Цертелева (см.: Акад. Т. 13. С. 51), речь идет, скорее всего, не о них, как считал Б. Л. Модзалевский (см.: Письма. Т. 1. С. 258), а о готовившемся Цертелевым сборнике «Дух русской поэзии, или Собрание старинных русских стихотворений, заслуживающих внимания или по содержанию, или по изложению своему», скорый выход которого был анонсирован в августовском номере «Северного архива» за 1822 г. (Ч. 3, № 16. С. 325); см.: Грибушин И. И. Из наблюдений над текстами Пушкина. 3. «Цертелева древние стихотворения» // Врем. ПК 1973. Л., 1975. С. 90).

Н. О. Лернер (см.: Венг. Т. 2. С. 585) указал на близость к пушкинскому наброску песни Н. Г. Цыганова, обработавшего в своей стилизации под народную песню те же лирические мотивы:

Не сиди, мой друг, поздно вечером,
Ты не жги свечи воску ярого,
Ты не жди меня до полуночи!
Ах! прошли, прошли
Наши красны дни...

(МВ. 1828. Ч. 11, № 18. С. 108;
то же: Русские песни Н. Цыганова.
М., 1834. С. 58; Песни и романсы
русских поэтов. М.; Л., 1965. С. 286
(Б-ка поэта; Большая сер.))

Эти же мотивы и формулы народной поэзии обработаны в «Русской песне» П. Г. Ободовского:

Ты не плачь, не тоскуй,
Под окном не сиди,
На дорогу не гляди,
Из далекия сторонки
Друга милого не жди.
{.....}
Сокрушили его
Вражьи копыя, мечи!
Пред иконою в ночи
Ты не жги до бела утра
Воску ярого свечи.

(Памятник отечественных муз /Изданный на
1827 год Борисом Федоровым. СПб., 1827. С. 197;
Песни и романсы русских поэтов. С. 384)

и в «Русской песне» (1826) М. И. Глинки:

Ах ты, душечка, красна девица,
Не сиди ты ночь под окошечком,
Ты не жги свечи воска ярого,
Ты не жди к себе друга милого.

(Глинка М. И. Полн. собр. соч.:
В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 187)

Впрочем, в художественные задачи Пушкина вряд ли входила фольклорная стилизация.

«...ВО ДНИ ДАДОНА...»

(С. 147 и 450)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 43. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 99. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 4. С. 99.

В собрание сочинений впервые включено: Венг. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется первой половиной июня (после 6-го)—не позднее 18 июля 1821 г. по положению чернового автографа в тетради ПД 831. По-видимому, очень близок по времени к черновому автографу стихотворения «В твою светлицу, друг мой нежный...» на л. 42 об. (см. его датировку — наст. т., с. 918—919).

Ст. 1. *...во дни Дадона...* — Имя царя Дадона, впервые использованное Пушкиным в неоконченной поэме «Бова» (1814), восходит к средневековому рыцарскому роману о Буово из Антоны (Buovo d'Antona, Bueves d'Hanstone), в русифицированном варианте — повести о Бове-королевиче (см. о ней — наст. изд., т. 1, с. 602—603; изложение сюжета романа см. в выписке Пушкина из «Истории итальянской литературы» П.-Л. Женгене — раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 410—412). Пушкинский набросок о нечестивом монастыре вряд ли мог быть сюжетно связан с повестью о Бове, поэтому выражение «во дни Дадона» («во времена царя Дадона»), здесь означает просто: «в стародавние времена».

«В БЕСПЕЧНЫХ РАДОСТЯХ, В ЖИВОМ ОЧАРОВАНЬ(И)...»

(С. 147 и 450)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 43 об. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 100 (в чтении: «Теките медленно в моем воспоминаньи / В беспечной радости, в живом очарованьи»); АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 187 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 4. С. 100.

В собрание сочинений впервые включено: Венг. Т. 2 (в чтении В. Е. Якушкина).

Печатается по автографу.

Датируется первой половиной июня (после 6-го) — не позднее 18 июля 1821 г. по положению чернового автографа в тетради ПД 831, заполнявшейся в этой части последовательно. Л. 41 об.—42, на которых находятся эпиграмма «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» и карикатура на Дегильи, заполнялись 6 июня (см. примеч. к стихотворению «Лечись — иль быть тебе Панглосом...» — наст. т., с. 626). Набросок записан в верхней части л. 43 об. Ниже него после горизонтального разделительного штриха начинается черновой автограф стихотворения «Гроб юноши», датирующийся 18 июля 1821 г. (см. примеч. к этому стихотворению — наст. т., с. 627—628).

«ОДНА ЧЕРТА РУКИ МОЕЙ...»

(С. 147)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 46. Напечатано: Якушкин. № 4. С. 100. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Якушкин. № 4. С. 100.

В собрание сочинений впервые включено: Венг. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется 18—26 июля 1821 г. по положению в рабочей тетради, заполнявшейся в этой части последовательно. На л. 45 об. французская помета: «18 juillet / nouvelle de la mort de Napoléon. / bal chez l'archevêque / Arménien. 1821» («18 июля известие о смерти Наполеона, бал у армянского архиепископа. 1821»). Судя по расположению записи и цвету чернил, она была сделана в ходе заполнения листа. На левом поле л. 46 об. с черновым наброском дополнений к тексту поэмы «Кавказский пленник» — помета «26 juillet 1821».

«ВО МРАКЕ (   )...»

(С. 148 и 451)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 50. Напечатано: Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху // ВЕ. 1874. № 1. С. 24 (отд. изд.: СПб., 1874. С. 176). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: ВЕ. 1874. № 1. С. 24.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно второй половиной 1821 г. Ближайшая датирующая помета на предыдущих листах тетради — «24 авг(уста) в ночь» на л. 47 об. у чернового автографа элегии «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...», после наброска, на л. 51 находится автограф «Молдав(ской песни)» (см. ее датировку — наст. т., с. 857—858), на л. 52—52 об. — черновой автограф поэмы «Братья разбойники», датирующийся временем до конца 1821 г.

П. В. Анненков опубликовал набросок (с чтением первых стихов: «Во тьме крошечной... / Откуда изгнаны навек») в ряду других — «Так вот детей земных изгнанье?..», «Сегодня бал у Сатаны...» и «— Кто там? — Здорово, господа!..» (последний в неполном и неточном чтении). Еще один набросок из числа находящихся в тетр. ПД 835 («— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...») был напечатан Анненковым ранее (Анн. Т. 7. С. 88, 1-я паг.); в то же время в публикацию 1874 г.

ошибочно включен черновой набросок «Один в своих чертогах он...», расположенный на том же листе, что и «Во мраке ( )...», но относящийся к работе над поэмой «Бахчисарайский фонтан» (ошибка Анненкова отмечена П. А. Ефремовым: Ефр. 1880. Т. 1. С. 577). Исследователь связывал эти наброски с так называемыми «адскими» рисунками Пушкина в тетр. ПД 831 (л. 49 об.—50 об.) и ПД 834 (л. 42 об.) (см. их воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3, 4; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.: Воскресенье, 1996. Т. 18 (доп.): Рисунки. С. 401—403, 405). Анненков видел в них «осколки» некоего литературного замысла, родившегося у Пушкина в Кишиневе, — «большой политической и общественной сатиры». «По отсутствию программы, на этот раз совершенно недостающей, сверх обыкновения, сатирической поэме Пушкина, — писал Анненков, — всякие догадки о ее содержании, конечно, становятся невозможны, но, однако же, позволительно, думаем, сделать предположение, что в числе грешников, варящихся в аду, и в сонме гостей, созданных на праздник геенны, явились бы у Пушкина некоторые лица городского кишиневского общества и наиболее знаменитые политические имена тогдашней России, прием которых в подземном царстве соответствовал бы, разумеется, представлению автора о их бывшей или текущей земной деятельности» (*Анненков П. В. А. С.* Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 178). Предположение Анненкова надолго определило объединение в собраниях сочинений Пушкина отрывков «Во мраке ( )...», «Так вот детей земных изгнать!..», «Сегодня бал у Сатаны...», «— Кто там? — Здорово, господа!..» и «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...» под общим редакторским заглавием и датировку всех их 1821 г. См.: Ефр. 1880 (Т. 1. С. 375—376); Ефр. 1882 (Т. 1. С. 519—520); Ефр. 1887 (Т. 1. С. 385—386) (под заглавием: «Наброски из неоконченной сатиры»); Мор. 1887 (Т. 1. С. 267—268); Мор. 1903—06 (Т. 1. С. 310—311); Ефр. 1903—05 (Т. 1. С. 442—444) (под заглавием: «Из неоконченной сатиры»). В Венг. (Т. 2. С. 85) Н. О. Лернером было предложено редакторское заглавие «Отрывки из „Адской поэмы“». Чтение первых стихов в разных изданиях менялось. В Ефр. 1880 и Ефр. 1882 они даны в варианте, близком к чтению Анненкова: «Во тьме кромешной... / Откуда изгнаны навеки». В последующих изданиях для большей связности текста в него начали вводиться зачеркнутые варианты рукописи: «В геенне праздник... / В тьме кромешной, / Откуда изгнаны навеки» (Ефр. 1887); «В Геенне праздник. В тьме кромешной / Есть отдаленный уголок, / Откуда изгнаны навек» (Мор. 1887; Мор. 1903—06; то же с обозначением зачеркивания в Венг. и АН 1900—29); «Где слез во мраке льются реки, / Откуда изгнаны навеки» (КН; ГИХЛ 1931; ГИХЛ 1934); начиная с ГИХЛ 1935 (Т. 1. С. 526) к этому тексту были добавлены еще два предшествующих ему в рукописи зачеркнутых стиха «[Вдали тех пропастей глубоких, / Где в муках вечных и жестоких]».

Начиная с АН 1900—29. (Т. 3. С. 53; Т. 4. Примеч. С. 53) набросок «Во мраке ( )...» печатался отдельно от набросок «Сегодня бал у Сатаны...», «Так вот детей земных изгнать!..», «— Что козырь? — Черви. — Мне ходить...» и «— Кто там? — Здорово, господа!..», автографы которых находятся в тетради ПД 835 (л. 54 об.—55) и датируются 1825 г. Тем не менее он продолжал рассматриваться, согласно гипотезе П. В. Анненкова, как след задуманной в Кишиневе «сатирической поэмы» (см.: *Acad.* в 9 т. Т. 2. С. 582, коммент. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского; *Acad.* в 6 т. Т. 1. С. 787, коммент. М. А. Цявловского). Эта гипотеза находит некоторое косвенное подтверждение в той литературной традиции, на которую, по всей видимости, ориентировался Пушкин. Так, ситуация праздника в

геенне, вероятно, заимствована из песни V «Орлеанской девственницы» («La Pucelle d'Orléans», первое авторизованное изд. 1762) Вольтера:

Mon cher lecteur, il est temps de te dire,
 Qu'un jour Satan, seigneur du sombre empire,
 À ses vassaux donnait un grand régal.
 Il était fête au manoir infernal:
 On avait fait une énorme recrue,
 Et les démons buvaient la bienvenue
 D'un certain pape, et d'un gros cardinal,
 D'un roi du Nord, de quatorze chanoines,
 Trois intendants, deux conseillers, vingt moines...etc.

⟨Мой дорогой читатель, пришло время рассказать тебе, как однажды Сатана, повелитель царства мрака, давал своим вассалам роскошный пир. В адских владениях шло празднество: поступило огромное пополнение, и черти пили в честь прибытия какого-то папы и толстого кардинала, северного монарха и четырнадцать каноников, трех интендантов, двух советников, двадцати монахов... и т. д. — фр.⟩ (*Œuvres complètes de Voltaire. Nouv. éd. Paris, 1817. Т. 8 (Poésies. Т. 2). P. 86; см.: Пушкин А. С. Гавриилада: Поэма / Ред., примеч., коммент. Б. В. Томашевского. Пб., 1922. С. 44—45; Рак В. Д. Пушкинский черновой набросок «[Вдали тех пропастей глубоких]...» // РЛ. 2004. № 3. С. 119*). У Вольтера в разгар пира появляется давно ожидавшийся в геенне монах-францисканец Грибурдон, и далее следует сатирическое обозрение адских пропастей и осужденных на вечные муки грешников.

Ср. также в аллегорической поэме Жана-Батиста Руссо (Rousseau; 1670—1741) «Кривошея» («Torticolis»):

Près de ce gouffre horrible, épouvantable,
 Lieu de douleurs, où le triste coupable
 Parmi des flots de bitume enflammé
 Brûle à jamais, sans être consumé;
 Séjour de cris et de plaintes funèbres,
 Est l'antre impur des anges de ténèbres...

⟨Вблизи той страшной, ужасной пропасти, места скорби, где жалкий грешник в потоках пылающей смолы горит вечным пламенем, не сгорая дотла, обители криков и стонов, есть грязное логово ангелов тьмы... — фр.⟩ (*Rousseau J.-B. Œuvres. Nouv. éd. Bruxelles, 1743. Т. 2. P. 49; см.: Рак В. Д. Пушкинский черновой набросок «[Вдали тех пропастей глубоких]...». С. 114—116*). В поэме Руссо Сатана, обеспокоенный малым притоком грешников в ад, посылает на землю свою дочь — богиню Лицемерия (Кривошею), которая успешно развращает человечество.

Гипотеза Т. Г. Цявловской, что набросок и расположенный на обороте листа рисунок, изображающий беса в преисподней, являются следами замысла романтической поэмы «Влюбленный бес» (см.: *Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина) // ПИМ. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 103—110*) не представляется убедительной (ее развернутую критику см.: *Рак В. Д. Пушкинский черновой набросок «[Вдали тех пропастей глубоких]...». С. 110—120*). О замысле «Влюбленный бес» см. подробнее в примеч. к «⟨Проекту из десяти названий⟩» — наст. изд., т. 7, с. 1001—1002. Насколько он нам известен по собственному пуш-

кинскому плану (см.: Акад. Т. 8. С. 429) и дошедшим свидетельствам, в нем не было места ни сцене в аду, ни эпизоду праздника в преисподней. Вероятную творческую связь наброска с «адскими» рисунками нельзя отрицать, но сама интерпретация рисунка на л. 50 об. тетради ПД 831 как изображающего беса, который страдает от любви к земной красавице, — впрочем, уже предлагавшаяся ранее С. А. Венгеровым (см.: Венг. Т. 2. С. 87) и С. М. Бонди (см.: *Бонди С. М.* *Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы* : Сб. науч.-исслед. работ. М.; Л., 1941. С. 398; то же: *Бонди С. М.* *О Пушкине* : Статьи и исслед. М., 1978. С. 220), — далеко не бесспорна.

«ПЛОВЕЦ, ОБМАНУТЫЙ И ВЕТРОМ И ВОЛНАМИ...»

(С. 148 и 452)

Автограф в тетр. ПД 831, л. 54 об. Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 156 (в виде транскрипции, среди вариантов чернового автографа стихотворения «К Овидию»; публ. П. О. Морозова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 156.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 3 (в составе вариантов чернового автографа стихотворения «К Овидию»). Как самостоятельный набросок печатается впервые.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно второй половиной 1821 г. Ближайшая датирующая помета на предыдущих листах тетради — «24 авг(уста) в ночь» на л. 47 об. у чернового автографа элегии «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...», на л. 51 находится автограф «Молдав(ской песни)» (см. ее датировку — наст. т., с. 857—858), на л. 52—52 об. — черновой автограф поэмы «Братья разбойники», датирующийся временем до конца 1821 г.

Набросок записан сверху л. 54 об. тетради ПД 831 и обведен по левому полю фигурной скобкой. Непосредственно под ним продолжается черновой автограф стихотворения «К Овидию», занимающий л. 53 об.—56 тетради. Дважды, П. О. Морозовым в АН 1900—29 и М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер (Цявловской) в Акад. (Т. 2. С. 722), набросок был интерполирован в состав чернового автографа стихотворения. Характер записи (перо и чернила) позволяет предположить, что они действительно близки по времени, однако прямых тематических перекличек со стихотворением «К Овидию» набросок не имеет, и есть все основания считать, что он появился в тетради раньше чернового автографа стихотворения и независимо от него. Записи, относящиеся к стихотворению, «обходят» набросок. На л. 54 черновой автограф послания «К Овидию» доведен до ст. 31 («Певца-изгнанника не усладят печали») (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 281). Далее работа перешла на оборот листа и следующий, рифмующийся стих, к этому моменту, видимо, вполне сложившийся («Напрасно грации стихи твои венчали»), Пушкин записал уже ниже наброска. Тогда же, судя по всему, набросок был выделен на листе фигурной скобкой. Намеченная в наброске перекрестная рифмовка также свидетельствует о его самостоятельности, поскольку в работе над стихотворением «К Овидию» Пушкин строго выдерживал alexandрийский стих.

〈ЭТЕРИСТЫ〉

(С. 148 и 452)

Автограф (ПД 43) — прозаическая программа и стихотворный набросок; на отдельном листе, нижняя часть которого оборвана с утратой части текста. Описание: Пис. СПб., 1906. Вып. 4. С. 24 (№ 11); Рукоп. П. 1937. С. 19. Напечатано: *Томашевский Б. В.* Пушкинские фрагменты // *Гермес*. 1923. № 3. С. 53—54 (без права перепечатки и цитирования; републикацию см.: Б. В. Томашевский в журнале «Гермес» (1923) : Публикация пушкинских черновиков из «Майковского собрания» / Публ. Г. Левинтона, Н. Охотина // Пушкинские чтения в Тарту. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон : К 85-летию Л. И. Вольперт. Тарту, 2011. Ч. 2. С. 532—533); КН. Т. 1. С. 365 (стихотворный отрывок; публ. Н. В. Измайлова и Б. В. Томашевского); *Томашевский Б. В.* Из пушкинских рукописей // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 316 (прозаическая программа).

Впервые: *Гермес*. 1923. № 3. С. 53—54; КН. Т. 1. С. 365.

В собрание сочинений впервые включено: КН. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно октябрём 1821—началом 1822 г. по содержанию и по связи с «Заметкой о революции Ипсиланти» (см. ниже).

Наброски к замыслу, посвященному заключительной фазе восстания этеристов в Дунайских княжествах (о греческом восстании см. подробнее в примеч. к стихотворению «Война» — наст. т., с. 661—666). После поражения при Драгошанах 7/19 июня 1821 г. армия Александра Ипсиланти (см. о нем в примеч. к стихотворению «〈В. Л. Давыдову〉» — наст. т., с. 840—841) стала распадаться. 15/27 июня 1821 г. Ипсиланти бежал в Австрию. Часть войска отступила к Пруту и с большими потерями переправилась на русский берег во время сражения при Скулянах 17/29 июня 1821 г. Оставшиеся этеристы под командованием капитанов Георгиоса Олимпиоса (Иордаки) (1772—1821) и Яниса Фармакиса (Формаки) (1772—1821) продолжали воевать до сентября, продвигаясь через Карпаты в Молдавию и к границам российской Бессарабии. В сентябре они были окружены турками в монастыре Секку. После многодневного сопротивления 11/23 сентября большая часть защитников монастыря сдалась. Георгиос и еще 11 этеристов взорвали себя на монастырской колокольне. События, положенные в основу сюжета, были изложены Пушкиным в «Заметке о революции Ипсиланти» («*Note sur la révolution d'Ipsilanti*»), датируемой декабрём 1821—февралем 1822 г. (см.: Рукоп. П. 1964. С. 34): «Иордаки-Олимбиоти был в армии Ипсиланти, они вместе отступили к венгерской границе. Александр Ипсиланти, угрожаемый убийством, бежал по его совету и издал свою грозную прокламацию. Иордаки во главе 800 человек пять раз разбил турецкое войско; наконец заперся в монастыре (Секу). Преданный евреями, окруженный турками, он поджег свой пороховой склад и взорвался. Капитан Формаки был послан из Морей к Ипсиланти, храбро сражался — и сдался в этом последнем деле. Обезглавлен в Константинополе» (Акад. Т. 12. С. 190, 481; оригинал по-фр.). Судя по сохранившейся программе главным героем произведения должен был быть Георгиос Олимпиос, участник сербского восстания Карагеоргия (см. примеч. к стихотворению «Дочери Карагеоргия» — наст. т., с. 521) и русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в 1807 г. получивший звание полковника русской армии, ближайший соратник А. Ипсиланти. Европейские и русские газеты летом 1821 г. подробно освещали

действия Иордаки, героизируя его образ. С середины октября 1821 г. в них появляются материалы о сражении при монастыре Секку и гибели Иордаки (см.: *Измайлов Н. В.* Поэма Пушкина о гетеристах : (Из эпических замыслов кишиневского времени, 1821—1822) // П. Врем. [Т.] 3. С. 344—346). Пушкин несомненно черпал сведения и от самих участников восстания. Так, ни в газетных сообщениях, ни в исторических источниках нет упоминаний о покушении на Ипсиланти.

С иной оценкой личности Иордаки Пушкин мог столкнуться в своем ближайшем кишиневском окружении. И. П. Липранди описывает его как авантюриста и разбойника, обманывавшего Ипсиланти и бывшего «главным виновником всех бедствий, постигших гетеристов в княжествах» (РА. 1866. № 10. Стб. 1398). Ср. также в «Воспоминаниях о Бессарабии» А. Ф. Вельтмана: «Между тем в Молдавии дела шли очень плохо; у главнокомандующего греческих войск не было войска, у начальника его штаба не было текущих дел. В составляемую Ипсиланти гвардию, под именем „бессмертного полка“, шли только алчущие хлеба, но не жаждущие славы; весь же боевой народ — арнауты, пандуры, гайдуки, гайдамаки и талгари — нисколько не хотел быть в числе бессмертных (...). Им не нравилось управление штаба и гораздо было привольнее в шайках Иордаки Олимпиота и Годора Владимиреско, которых цели были совсем иные» (П. в восп. Т. 1. С. 273).

Позднее в повести «Кирджали» Пушкин посвятил несколько строк вождям греческого восстания: «Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности. После несчастного сражения, где погиб цвет греческого юношества, Иордаки Олимбиоти присоветовал ему удалиться, и сам заступил его место. Ипсиланти ускакал к границам Австрии и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодьями. Эти трусы и негодья, большею частью погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь противу неприятеля вдесятеро сильнейшего» (БдЧ. 1834. Т. 7, № 12. Отд. I. С. 197—198; Акад. Т. 8. С. 255).

В описании В. И. Срезневского автограф квалифицирован как «отрывок плана» повести «Кирджали» (Пис. Вып. 4. С. 24; стихотворная часть Срезневским не упомянута). По замечанию Б. В. Томашевского, наличие прозаической программы свидетельствует о замысле «какого-то большого произведения, посвященного греческому восстанию» (*Томашевский Б. В.* Из пушкинских рукописей. С. 316). Сам Томашевский при первой публикации стихотворного отрывка отметил, что, «несмотря на полную неотделанность и фрагментарность записи — в стихах видны типичные приемы эпического приступа южных поэм Пушкина» (*Томашевский Б. В.* Пушкинские фрагменты. С. 532—533). В изданиях, предшествовавших Акад., стихотворный отрывок помещался среди черновых набросков в томах стихотворений, а в примечаниях характеризовался как «набросок поэмы» (см.: Акад. в 9 т. Т. 2. С. 399, 584; Акад. в 6 т. Т. 1. С. 606, 788). Развитие взгляда на сохранившуюся рукопись как на план и набросок начала поэмы см. в статье Н. В. Измайлова «Поэма Пушкина о гетеристах»; также: *Томашевский Б. В.* Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина // Пушкин : Исследования и материалы : Труды третьей Всесоюз. Пушкинской конф. М.; Л., 1953. С. 193—198; Томашевский. Пушкин, I. С. 459—464. В Акад. программа и стихотворный текст напечатаны дважды: в т. 8 (1940) программа определена как «первоначальный план» повести «Кирджали», стихотворный набросок — как «зачин поэмы» (С. 838, 1055; публ. И. Н. Медведевой); в т. 5

(1848) — как план и набросок начала «Поэмы о гетеристах» (С. 153, 519; публ. Н. В. Измайлова). Вполне вероятное обоснование датировки предложено Н. В. Измайловым: «Датировка основана на почерке и — более всего — на соображениях о теме отрывка: события, о которых в нем идет речь, могли стать известны Пушкину не ранее октября—ноября 1821 г., а начало поэмы не может быть очень удалено от этого первого впечатления» (*Измайлов Н. В. Поэма Пушкина о гетеристах*. С. 340).

«ПЕВЕЦ-ДАВИД БЫЛ РОСТОМ МАЛ...»

(С. 149)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 26 — неразборчивая скоропись. Напечатано: Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 502 (по фотографии с автографа). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 502.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1903—05. Т. 1.

Печатается по автографу.

Датируется маем—июнем 1822 г. по положению в тетради ПД 832 среди черновиков поэмы «Бахчисарайский фонтан».

Ст. 3 — 4, в рукописи совершенно неразборчивые, разными исследователями читались предположительно и по-разному. Чтение В. Е. Якушкина, воспроизведенное П. А. Ефремовым (Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 502; перепечатано: Мор. 1903—06. Т. 1. С. 660):

Который был <и> генерал,
И поло<женьем выше> графа.

Чтение издания под редакцией С. А. Венгерова (Венг. Т. 2. С. 260):

Который был <и генерал ?>
И положением не ниже графа.

Чтение П. О. Морозова (АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 481):

Который был и генерал,
И побожусь<?> не ниже графа.

Это чтение было принято также В. Я. Брюсовым (Брюс. С. 206), снявшим даже и вопросительный знак.

В изданиях под редакцией М. А. Цявловского, предшествовавших Акад., дан еще один вариант чтения:

Который был и генерал,
И, положусь<?>, не проще<?> графа.

(КН. Т. 1. С. 349 (без вопросительных знаков); ГИХЛ 1935. Т. 1. С. 421; Асад. в 9 т. Т. 2. С. 113; ГИХЛ 1936. Т. 1. С. 446; Асад. в 6 т. Т. 1. С. 368; в ГИХЛ 1931. Т. 1. С. 467 и ГИХЛ 1934. Т. 1. С. 484 воспроизведено чтение П. А. Ефре-

мова). Н. В. Измайлов в Акад. (Т. 2. С. 318) дал этот же вариант, усилив степень его предположительности:

Кот<орый>(?> был(?> и генерал(?>,
И, положусь(?>, не про<ще>(?> гр<афа>.

Позднее в Справочном томе (С. 21) Т. Г. Цявловская и С. М. Бонди предложили вернуться к старому чтению П. О. Морозова. Оно было принято Т. Г. Цявловской и в Госл. в 10 т. (Т. 2. С. 65).

П. А. Ефремов считал четверостишие эпиграммой на графа М. С. Воронцова. Н. О. Лернер (см.: Венг. Т. 3. С. 552) предположил другого возможного адресата — чиновника генерал-губернаторской канцелярии Артемьева. О какой-то эпиграмме на Артемьева, отличавшейся «убийственными, но верными выражениями», упоминал в своих воспоминаниях И. П. Липранди (П. в восп. Т. 1. С. 342). Все остальные исследователи вслед за Ефремовым относили эпиграмму к Воронцову. Эта адресация (основанная, впрочем, только на весьма сомнительных чтениях в рукописи слов: «граф» и «генерал») определила и датировку эпиграммы временем конфликта Пушкина с генерал-губернатором — маем или июнем 1824 г. Однако, по справедливому указанию С. А. Фомичева, такой датировке противоречит положение автографа в тетради ПД 832 среди черновиков «Бахчисарайского фонтана». «Нет никакого сомнения в том, что эпиграмма была записана одновременно со строками „Бахчисарайского фонтана“, которые шли выше на той же странице. Об этом свидетельствует и качество чернил, и характер пушкинского почерка, несмотря на скоропись эпиграммы» (Неизданный Пушкин. Вып. 1. С. 40). Таким образом, четверостишие относится к тому же времени, что и черновик поэмы, к маю—июню 1822 г., и соответственно речь никак не может идти о Воронцове. С. А. Фомичев выдвинул версию, что пушкинская эпиграмма адресована графу Ф. И. Толстому (Американцу) (см. о нем в примеч. к «Эпиграмме» («В жизни мрачной и презренной...») — наст. т., с. 602—605), предложив при этом свое новое чтение двух спорных стихов (Неизданный Пушкин. Вып. 1. С. 40; *Пушкин*. Полн. собр. художественных произведений. СПб.; М., 1999. С. 630):

Кот<орый> б<егал ?> и крич<ал>
И, поклонюсь, не гро<мче ?> графа.

Все предлагавшиеся чтения неразборчиво записанных стихов выглядят достаточно сомнительными, а поскольку смысл четверостишия при этом остается не до конца ясным, вопрос об адресате тоже, думается, вряд ли может быть решен.

О победе Давида, будущего царя Иудеи и Израиля, над филистимлянским воином-великаном Голиафом говорится в Первой книге Царств Ветхого Завета (гл. 17).

«МОЙ ПЛЕННИК ВО ВСЕ НЕ ЛЮБЕЗЕН...»

(С. 149 и 453)

Автограф (ПД 54) — обрывок листа писчей серой бумаги; на обороте список имен кишиневских знакомых Пушкина (см.: *Рукою П.* 1997. С. 234). Описание: *ПиС*. СПб., 1906. Вып. 4. С. 20. Напечатано: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 364 (публ. П. О. Морозова).

Впервые: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 364.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 3.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно последними числами января—июнем 1823 г. Верхняя граница датировки определяется упоминанием балета К. Дидло «Кавказский пленник» (см. ниже примеч. к ст. 7). Нижняя — записанным на обороте списком имен, который вряд ли мог появиться после отъезда Пушкина в Одессу 2 (?) июля 1823 г. (см.: Летопись 1999. Т. 1. С. 328).

Ст. 1—3. *Мой пленник вовсе не любезен ~ бесполезен...* — Речь идет о герое поэмы «Кавказский пленник». Ср. высказывание о нем Пушкина в письме к В. П. Горчакову от октября—ноября 1822 г.: «Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (Акад. Т. 13. С. 52). Критические отзывы о поэме, появившиеся в октябре 1822—январе 1823 г., в целом благожелательные, были единодушны в осуждении характера главного героя. П. А. Плетнев упрекал героя в «равнодушии», «холодной задумчивости», а автора поэмы в том, что «характер русского (...) не совсем обдуман и, следовательно, не совсем удачен» (Соревн. 1822. Ч. 20, № 10. С. 25, 42; П. в критике, I. С. 116, 123). Почти теми же словами характеризовал Пленника и П. А. Вяземский: «волнение без цели, деятельность, пожирающая, не прикладываемая к существенному», «скука, приторность, пресыщение», «равнодушный, охлажденный» (СО. 1822. Ч. 82, № 49. С. 121—122; П. в критике, I. С. 126, 127). М. П. Погодин также отмечал «холодность» Пленника и считал, что его характер «странен и во все непонятен» (ВЕ. 1823. Ч. 127, № 1. С. 41, 44; П. в критике, I. С. 134, 135). Декларируемый в наброске отказ от лирического слияния автора и героя («пленник мой — не я»), был повторен в строфе LVI первой главы «Евгения Онегина» (см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман. Пушкин. С. 586):

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

(Акад. Т. 6. С. 28—29)

(Черновой автограф этой строфы на л. 20 об. тетради ПД 834 датируется временем между 15 и 22 октября 1823 г.: на л. 16 находится окончание письма к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г.; на л. 22 об. — французская помета: «Octobre 22 / 1823 / Odessa» под текстом последней строфы первой главы «Евгения Онегина».)

Ст. 7. *Дидло плясать его застав(ил)...* — Премьера на петербургской сцене балета Карла (Шарля-Луи) Дидло (Didelot; 1767—1837) «Кавказский пленник, или Тень невесты» на музыку К. А. Кавоса (Cavos; 1775—1840) состоялась 15 января 1823 г. В письме от 30 января 1823 г. Пушкин просил брата: «Пиши мне о Дидло, об Черкешенке Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому пленнику» (Акад. Т. 13. С. 56).

«[СКАЖИ] — НЕ Я ЛЬ ТЕБЯ ЗАМЕТИЛ...»

(С. 150 и 453)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 6 об. Напечатано: Якушкин. № 6. С. 553. Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 6. С. 553.

В собрание сочинений впервые включено: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 362—363 (в виде транскрипции; публ. П. О. Морозова).

Печатается по автографу.

Датируется предположительно июнем 1823 г. по положению в тетради. Набросок расположен среди черновиков первой главы «Евгения Онегина», работа над которой начата на л. 4 об. тетради ПД 834. Вверху л. 4 об. над первой строфой романа в стихах пометы: «9 мая» и «28 мая». Набросок «[Скажи] — не я ль тебя заметил...», по-видимому, близок по времени к первым строфам «Евгения Онегина». Он уже существовал на л. 6 об. тетради к моменту заполнения лицевой стороны листа. Это можно заключить из того, что работа над строфой VII первой главы романа, начатая в нижней части л. 6, была продолжена не на обороте, а на л. 7 (свободная часть л. 6 об. была затем использована Пушкиным для доработки предшествующих строф).

Еще П. О. Морозов (см.: АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 363) отметил тематическую перекличку наброска с незавершенным петербургским стихотворением «Дубравы, где в тиши свободы...» (см. наст. изд., т. 2, кн. 1, с. 93, 231—232), которое было использовано Пушкиным и при работе над строфами XXI и XXII второй главы «Евгения Онегина». Высказанное тем же П. О. Морозовым предположение, что набросок относится к М. Н. Раевской (Волконской), которой, по мнению исследователя, посвящены и строфы XXXIII и XXXIV первой главы «Евгения Онегина», представляется совершенно неосновательным. Связь этих двух строф с именем М. Н. Раевской сама по себе более чем сомнительна (см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман. Пушкин. С. 578—579). Кроме того, строфа XXXIII в первоначальном тексте первой главы отсутствовала. Она была добавлена позднее и автографа ее, на который ссылался Морозов, в тетради ПД 834 нет. Автограф же строфы XXXIV находится достаточно далеко от наброска, на л. 14 об., работа на котором предположительно может датироваться началом октября 1823 г. (на л. 16 находится окончание черновика письма к Вяземскому от 14 октября; начало письма было на листе, вырванном между л. 15 и 16). Виделся с М. Н. Раевской в Одессе Пушкин еще позднее, вероятно, в ноябре—первой половине декабря 1823 г. (см.: Летопись. 1999. Т. 1. С. 347, 508).

«[ВЕНЕРЕ], ФЕБУ И ФЕМИДЕ...»

(С. 150 и 454)

Автограф в тетр. ПД 834, л. 35 об. Напечатано: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 229 (публ. П. И. Бартенева). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 229 (то же: А. С. Пушкин : Новонайденные его сочинения. Его черновые письма. Письма к нему разных лиц. Заметки на его сочинения. [Вып.] 1: Бумаги Пушкина. М., 1881. С. 141).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1882. Т. 3. С. 430 (как черновой набросок ко второй главе «Евгения Онегина»).

Печатается по автографу.

Датируется предположительно ноябрем (после 4-го) 1823—январем 1824 г. Набросок расположен среди черновиков второй главы «Евгения Онегина». Верхнюю половину л. 35 об. занимает черновик строфы XXV, ниже на листе записано несколько вариантов к ст. 2—4 строфы, оставленным недоработанными, затем после горизонтальной разделительной черты — первые стихи, относящиеся к наброску «[Венере], Фебу и Фемиде...»; верхняя часть л. 36 занята черновиком строфы XXVII романа (строфа XXVI в черновой рукописи отсутствует). Эти листы тетради ПД 834 заполнялись между 4 ноября и 1 декабря 1823 г. (на л. 32 об. находится черновик письма к П. А. Вяземскому, датированного в беловом автографе 4 ноября, на л. 40 — черновик письма к А. И. Тургеневу, датированного в беловом автографе 1 декабря 1823 г.). Набросок мог быть вписан в тетрадь непосредственно в ходе работы над черновым автографом второй главы «Евгения Онегина», но мог появиться и позднее, когда Пушкин вновь обратился к этим листам тетради при доработке и переделке второй главы, т. е. предположительно в декабре 1823—январе 1824 г. (у черновика последних строф второй главы «Евгения Онегина» на л. 41 об. тетради ПД 834 стоит дата: «8 декабря 1823»; третья глава была начата 8 февраля 1824 г. на л. 48 об. тетради).

П. И. Бартнев, а вслед за ним и П. А. Ефремов печатали набросок среди отрывков черновых рукописей второй главы «Евгения Онегина», но уже В. Е. Якушкин (Якушкин. № 6. С. 566) высказал мнение, что стихи эти не имеют отношения к работе Пушкина над романом. Начиная с Мор. 1887 (Т. 1. С. 290) набросок печатался в корпусе пушкинских произведений как самостоятельное стихотворение. Поправка в первом стихе (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 454) не поддается уверенному прочтению и интерпретации: прописана только первая буква «Т» и уже не вполне ясно — следующая, возможно, «е» или «и». Начиная с публикации В. Е. Якушкина стих традиционно печатался без учета этой правки, с введением предшествующего зачеркнутого варианта: «[Венере]».

Сложившаяся эдиционная традиция была нарушена в Акад. В 6-м томе издания, вышедшем в 1937 г., Б. В. Томашевский поместил набросок среди черновых рукописей к «Евгению Онегину», хотя и без четкого отнесения к роману в стихах (после чернового автографа строфы XXV второй главы с формулировкой: «Около этой строфы набросок» — Акад. Т. 6. С. 291). Здесь текст дан в традиционном чтении; в примечании Томашевский предложил гипотетическое конъектурное чтение неразборчивой поправки в первом стихе: «Темире». Во 2-м томе Акад. (С. 305, 821; первый полутом вышел в 1947 г., второй в 1949 г.) четверостишие напечатано вторично, на этот раз в корпусе пушкинских стихотворений в чтении и реконструкции

И. Н. Медведевой. В первом стихе исследовательницей была введена конъектура: «Т(уманский)⟨ʔ⟩», потребовавшая соответствующего конъектурного изменения глагольных форм в ст. 3 и 4: «ездит» вместо «ездят» и «проповедует» вместо «проповедают». Это решение было принято во всех последующих собраниях сочинений и даже получило комментаторское обоснование: «Является экспромтом на поездку поэта Туманского в Крым в сентябре 1823 года. В первой строке речь идет о том, что в служебной командировке, связанной с правовыми делами (...) Туманский оставался поэтом (...). Возможно, что до Пушкина дошли стихотворения Туманского в духе Парни, написанные в Крыму, например элегия „Как звонкое журчание Салгира“» (Пушкин 1955. С. 789, коммент. Б. В. Томашевского; см. также: Акад. в 10 т. (2). Т. 2. С. 417, коммент. Б. В. Томашевского; Госл. в 10 т. Т. 2. С. 755, коммент. Т. Г. Цявловской). Гипотеза И. Н. Медведевой повлияла и на атрибуцию профильного портрета рядом с наброском на полях л. 35 тетради ПД 834 как портрета В. И. Туманского (см.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1983. С. 148—151; Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина : Каталог атрибуций. СПб., 1996. № 797).

Василий Иванович Туманский (1800—1860), приятель Пушкина, с июня 1823 г. служивший в канцелярии графа М. С. Воронцова, действительно в сентябре 1823 г. был в Крыму. Об этом свидетельствуют помета «сентябрь 1823» и редакторское примечание: «Писано в Крыму», которыми сопровождалось в «Литературных листках» (1824. Ч. 1, № 6. С. 232) стихотворение Туманского «Элегия» («Как звонкое журчание Салгира...»); автограф этого стихотворения имеет помету «Иски-Сарай», т. е. Эски-Сарай — деревня по дороге в Алушту (см.: Поэты 1820—1830-х гг. Л., 1972. Т. 1. С. 730, примеч. В. Э. Вацуро (Б-ка поэта; Большая сер.)). Может быть, это была даже и не единственная его поездка в Крым: в письме к С. Г. Туманской (Милорадович) от 1 марта 1824 г. он упоминает о своих частых отлучках из Одессы по делам службы (см.: Шемшученко Ю. С. Наш друг Туманский. Киев, 2000. С. 474). Поэт-элегик, Туманский входил в число русских поклонников и переводчиков Эвариста-Дезиरे де Форжа де Парни (Parry; 1753—1814). Все это, однако, вряд ли имеет отношение к пушкинскому четверостишию, поскольку гипотеза И. Н. Медведевой построена на многочисленных допущениях в трактовке автографа — трех смысловых редакторских конъектурах в четырех стихах. Неразборчивая поправка в первом стихе при этом не может быть прочитана как «Туманский», поскольку вторая буква после «Т» никак не читается как «у» (это, скорее всего, слово, перенесенное из первоначального варианта ст. 3: «[Т⟨ ⟩]⟨ ⟩ ездят по Тавриде», где начатая после «Т» буква тоже не читается как «у»). Если слово «ездят» в ст. 3 написано достаточно бегло и допускает, в принципе, чтение «ездит», то глагол в ст. 4 совершенно отчетливо написан в форме множественного числа: «проповедают».

В настоящем томе набросок печатается в соответствии с прежней издательской традицией. Можно предположить, что он как-то связан с планировавшимся на весну 1823 г. путешествием Воронцовых в Крым (см. о нем в примеч. к стихотворению «Д⟨авыдов⟩у» («Нельзя, мой толстый Аристип...») — наст. т., с. 794). 20 декабря 1823 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Что если б ты заехал к нам на Юг нынче весною? Мы бы провели лето в Крыму, куда собирается пропасть дельного народа, женщин и мужчин. Приезжай, ей богу веселее здесь, чем у вас на Севере» (Акад. Т. 13. С. 83).

«ПРИЮТ ЛЮБВИ, ОН ВЕЧНО ПОЛН...»

(С. 150 и 454)

Автограф в тетр. ПД 835, л. 3, 6 — два черновых наброска. Напечатано: Якушкин. № 7. С. 2 (упоминание о первом и текст второго наброска); Венг. Т. 2. С. 262 (оба наброска; публ. С. А. Венгерова). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 4.

Впервые: Якушкин. № 7. С. 2.

В собрание сочинений впервые включено: Венг. Т. 2.

Печатается по автографу.

Датируется концом мая (после 22-го) — началом июня 1824 г. по положению автографа в тетради ПД 835 (между черновиками двух писем к правителю канцелярии М. С. Воронцова А. И. Казначееву — от 22 мая 1824 г. на л. 1—2 и от начала июня (после 2-го) 1824 г. на л. 8 об.).

Предложенная С. А. Фомичевым и принятая в Летописи 1991 и Летописи 1999 датировка стихотворения 12—28 марта 1824 г. (см.: *Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 : (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1983. Т. 11. С. 53; Летопись 1991. С. 399; Летопись 1999. Т. 1. 378)* не представляется убедительной, поскольку хронология заполнения начальных листов тетради основана исследователем на ряде произвольных допущений (подробнее см. в примеч. к стихотворению «Зачем ты послан был, и кто тебя послал?..» — наст. т., с. 909—910).

Д. Н. Соколов соотнес набросок с черновым наброском 1825 г. «В пещере тайной в день гоненья...» и тем самым поставил в ряд стихотворений, связанных с увлечением Пушкина графиней Е. К. Воронцовой (см.: *Соколов Д. Н. По поводу стихотворения «Пускай увенчанный любовью красоты» // ПиС. СПб., 1913. Вып. 17—18. С. 25—27*). Ср. также комментарий Б. В. Томашевского: «...по-видимому, речь идет о гроте на берегу Черного моря в Одессе» (Пушкин 1955. С. 791).

ОТРЫВКИ НЕДОШЕДШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

(М. Е. ЭЙХФЕЛЬДТ)

(«Ни блеск ума, ни стройность платья...»)

(С. 151)

Автограф неизвестен.

Впервые: Москв. 1850. Т. 53, № 2. Отд. I. С. 157 — в «Выдержках из дневника об А. С. Пушкине» В. П. Горчакова, без заглавия, не полностью, с указанием в конце последнего стиха: «и проч.».

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1869—71. Т. 1.

Печатается по публикации В. П. Горчакова.

Датируется ноябрем 1820—июнем 1823 г. по времени знакомства и общения Пушкина с И. И. Эйхфельдом и его женой М. Е. Эйхфельдт (см.: Летопись 1999.

Т. 1. С. 219). В Акад. без приведения аргументации указана иная верхняя граница датировки — март 1821 г. (см.: Акад. Т. 2. С. 1125; примеч. М. А. Цявловского).

Адресовано Марии Егоровне Эйхфельдт (урожд. Милло; 1798—1855), жене статского советника И. И. Эйхфельдта, с которой Пушкин познакомился в Кишиневе. В. П. Горчаков обозначил ее фамилию буквой «Е.» (см. ниже). П. И. Бартенов, во многом опиравшийся на устные рассказы Горчакова, раскрыл фамилию адресата, но записал ее искаженно: «Эльфрект» (см.: *Бартенов П. И.* Пушкин в южной России // *Русская речь и Московский вестник.* 1861. № 94, 23 ноября. С. 765). Правильная фамилия адресата впервые сообщена И. П. Липранди (см.: *РА.* 1866. № 8—9. Стб. 1224).

В «Выдержках из дневника» В. П. Горчакова говорится: «В числе минутных очаровательниц Пушкина был г-жа Е., которой миловидное личико по своей привлекательности сделалось известным от Бессарабии до Кавказа. К ней-то писал Пушкин, в одном из шуточных своих посланий, что (следует текст стихотворения. — *Ред.*), и проч.

Муж этой Е. был человек довольно странный и до того заклятый *нумизматик*, что несравненно более занимался старыми монетами, чем молоденькою женою, и наконец нумизматик до того надоел жене своей, что она смотрела на него, как на такую монету, которая *парале* (самая мелкая монета в Молдавии) не стоит. У себя дома он был для нее посторонним, а в обществе, — как охранная стража, — ее окружали родственники: то Алеко, то Тодораки, то Костаки (Алеко — Александр, Тодораки — Федор, Костаки — Константин). Все эти господа считались ей двоюродными братьями; так тут поневоле скажешь: „Одни двоюродные братья узнали тайну вас пленить”.

Но все же у Е. искателей было много, и в числе их особенно общий наш приятель А(лексеев). Но этот поклонник довольствовался одним только созерцанием красоты и вполне был счастлив временным взглядом очей ее или мимолетным приветом радушного слова.

В домашнем быту муж Е. постоянно раскладывал пасьянс и толковал о монетах; она делала что-нибудь, т. е. шила или вязала, а наш приятель, с своею чинною скромностью, усевшись в привычном уголку, занимался *меледою* (головоломками. — *Ред.*).

Среди этого домашнего триумвирата нередко являлись Пушкин и я. Для нас, как для посторонних зрителей, подобное соединение составляло живую повесть или картину фламандской школы. Я в те дни, как мне кажется, еще и не имел понятия о волокитстве; а Е., при блеске красоты своей, положительно не имела понятия о блестящем уме Пушкина. Ограниченная, как многие, в развитии умственных сил, она видела в Пушкине ничего более, как стихотворца, и, как знать, быть может, подобного (...) одному из многих, которые только что пишут стишки.

Под влиянием подобного разума та же Е., как и другие, однажды обратилась к Пушкину с просьбою.

— Ах! М(onsieur)г Пушкин, — сказала она, — я хочу просить вас.

— Что прикажете? — отвечал Пушкин, с обычным ему вниманием.

— Напишите мне что-нибудь, — с улыбкой произнесла Е.

— Хорошо, хорошо, пожалуй, извольте, — отвечал Пушкин, смеясь.

Когда мы выходили от Е., то я спросил его:

— Что ж ты ей напишешь? Мадригал? да?

— Что придется, моя радость, — отвечал Пушкин.

Для тех, кто знал Пушкина, весьма понятно, что он не охотно соглашался на подобные просьбы. Он не любил выезжать на мадригалах, как иные прочие. (...) Хотя он и написал послание хорошенькой Е., о котором я уже говорил, но и это послание, по некоторым выражениям чересчур сильной речи, не могло быть не только напечатанным, но даже отдано той, к которой писано, особенно, что относилось до Зои, родственницы ее.

Однако первые четыре стиха этого послания как-то дошли до Е.; за намек на двоюродных братьев она надула губки; а сами братцы, ужасаясь толков, что на них написаны стихи (как это многие почитают чем-то страшным), рассердились на Пушкина; но этот гнев выразился явным бессилием, так что ни один не решился объясниться с Пушкиным, а между тем втихомолку также могли вредить Пушкину...» (Москв. 1850. Т. 53, № 2. Отд. I. С. 157—159; П. в восп. Т. 1. С. 242—244).

О родственнице М. Е. Эйфельдт, упомянутой в стихотворении, П. И. Барте-нев, возможно, со слов того же Горчакова, сообщает: «У молодой Эльфрект была племянница Зоя, девушка не очень привлекательной наружности» (Барте-нев. П. в южной России. С. 95; то же: *Барте-нев П. И. О Пушкине*. М., 1992. С. 185). Возможно, именно эта Зоя упомянута в черновом наброске «Генерал не попал...» (1821) — см. примеч. к нему, наст. т., с. 918.

〈ЗАПИСКА В. П. ГОРЧАКОВУ〉

(«Зима мне рыхлою стеною...»)

(С. 152)

Автограф неизвестен.

Впервые: *Горчаков В. П.* По поводу статьи «Еще о Пушкине», помещенной в № 11 «Общезанимательного вестника» // МВед. 1858. № 19, 13 февр. С. 81, 2-я паг.

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1859. Т. 1.

Печатается по публикации В. П. Горчакова.

Датируется 27 января 1823 г., согласно указанию В. П. Горчакова (см. ниже).

Стихотворная записка адресована одному из ближайших кишиневских друзей Пушкина — Владимиру Петровичу Горчакову (см. о нем в примеч. к стихотворению «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...») — наст. т., с. 70). Как рассказывал Горчаков, в последний четверг января 1823 г. (т. е. 25 января) он с Пушкиным, А. Ф. Вельтманом, М. А. и А. П. Полторацкими, А. П. Алексеевым и другими был на вечере с танцами у богатого молдавского откупщика, члена бессарабского Верховного совета Е. К. Варфоломея (1764—1842), в чьем доме часто собиралась кишиневская молодежь (о Варфоломее и его «пестром» доме см. в примеч. к стихотворению «Вигелю» — наст. т., с. 745—746). «Когда начался разъезд, — пишет Горчаков, — Алексеев объявил нам секрет (...). По связям с хозяином, Алексеев проведал, что в первый понедельник Варфоломей намерен дать бал на славу (...). На другой день утром мы свиделись с Пушкиным, потолковали об импровизированном вечере и обещанном Алексеевым бале; но состоится ли самый бал, мы нисколько не были уверены. Встречаясь с Пушкиным всякий день и по несколько раз, мы в

оставшую часть этого дня почему-то не видались, а на другой день я получил его записку следующего содержания (следует текст. — *Ред.*) и проч. Продолжение этой записки принадлежит собственно к дневнику нашему; не помещаем его здесь для того собственно, чтоб не увлечься подробностями объяснения самой записки, как несколько не относящимися к настоящей статье...» (*Горчаков В. П.* По поводу статьи «Еще о Пушкине», помещенной в № 11 «Общезанимательного вестника» // *МВед.* 1858. № 19, 13 февр. С. 81, 2-я паг.; то же: *Цявловский М. А.* Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 185—186). Как следует из слов Горчакова, записка имела продолжение. Не исключено, однако, что стихотворная часть приведена им полностью, а далее следовал прозаический текст.

Ст. 1—2. *Зима мне рыхлою стеною К воротам заградила путь...* — П. И. Бартенев комментировал эти стихи следующим образом: «Надо припомнить, что дом, в котором жил Пушкин, стоял на пустыре и к воротам надо было проходить довольно далеко» (Бартенев. П. в южной России. С. 98; то же: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 187). Но это описание относится к дому И. Н. Инзова (действительно, уединенно стоявшему на возвышении в окраинной части города), где Пушкин остался жить после землетрясения 5 ноября 1821 г., заставившего Инзова переехать в другой дом. Между тем уже к июлю 1822 г. Пушкин, по свидетельству И. П. Липранди, переехал к Н. С. Алексееву, в дом на углу Кателинской и Савеловской улиц (см.: *РА.* 1866. № 10. Стб. 1480).

Ст. 6. *...душа души моей...* — Обращение, свойственное высокому поэтическому стилю (см.: *Словарь русского языка XVIII века.* СПб., 1992. Вып. 7. С. 43). Аналогичное выражение существует и в других европейских языках («*âme de mon âme*» (*фр.*), «*Seele meiner Seele*» (*нем.*), «*soul of my soul*» (*англ.*)) (см.: *Grand dictionnaire universel du XIX siècle,* par P. Larousse. Paris, [s. a.]. Т. 1. P. 256; *Deutsches Wörterbuch von J. und W. Grimm.* Leipzig, 1894. Bd. 9. Sp. 2885—2886; *The Oxford English Dictionary.* Oxford, 1933. Vol. 10. P. 461); возможно, русское словосочетание представляет собой кальку.

ОТРЫВОК ИЗ СКАЗКИ «ЦАРЬ НИКИТА»

(«Царь Никита жил когда-то...»)

(С. 153 и 455)

Автограф в тетр. ПД 832, л. 8 об. — черновой ст. 1—26, без заглавия. Напечатано: Якушкин. № 5. С. 328—329 (в виде сводки верхнего слоя черновика). Факсимильное воспроизведение: Раб. тетр. Т. 3.

Копии:

1) Сб. Соболевского «*Souvenir*» (Соб₂) — под заглавием: «Отрывок из сказки „Царь Никита“»; с пропуском ст. 19 и 47, после ст. 39 проставлены две строки отточий, обозначающие пропуск в тексте, после ст. 75 строка отточий, указывающая на незавершенность текста; на вpletенных позднее листах (нарушена первоначальная авторская пагинация сборника).

2) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «Отрывки из сказки „Царь Никита“»; с пропуском ст. 19, с ошибками переписчика в ст. 24 («Чтобы совсем не рассердить») и 70 («Ухо всяк держал остро»), после

ст. 39 строка отточий, обозначающая пропуск в тексте, после ст. 75 строка отточий, указывающая на незавершенность текста; с примечанием М. Н. Лонгинова (см. ниже).

3) Из собр. С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233 (Полт.), к. 49, № 10, с. 126—129) (Полт₂) — под заглавием: «Отрывок из сказки „Царь Никита”»; с пропуском ст. 19, с ошибкой в ст. 57 («Или смыслить их приучит»), после ст. 39 строка отточий, обозначающая пропуск в тексте, после ст. 75 две строки отточий, указывающие на незавершенность текста. В переплетенной тетради 1850-х гг. со списками стихотворений Пушкина и псевдопушкининой.

4) И. К. Бабста (ПД, ф. 244, оп. 5, № 60) (Бабст) — под заглавием: «Царь Никита»; с пропуском ст. 21—22. На отдельном листе рукой И. К. Бабста с пометами и поправками В. П. Гаевского. Была сложена конвертом и запечатана (сохранился фрагмент сургучной печати с оттиском дворянской короны); видимо, это было сделано при передаче или пересылке рукописи с каким-либо другим письмом. Перед текстом рукой В. П. Гаевского запись карандашом: «Написано И. К. Бабстом», под текстом — указание на публикацию «в искажении» в «Русской библиотеке» в Лейпциге (см. ниже). Исходя из последней пометы датируется предположительно временем до 1861 г. (год появления других зарубежных публикаций сказки).

5) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «Отрывок из сказки „Царь Никита”»; с пропуском ст. 19 и 47, после ст. 39 строка отточий, обозначающая пропуск в тексте, после ст. 75 две строки отточий, указывающие на незавершенность текста.

6) Е. И. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 104, л. 16 об.—18) (Якуш₁) — под заглавием: «Царь Никита. (Отрывок из сказки)»; с пропуском ст. 19—22, с ошибкой переписчика в ст. 70 («Ухо всяк держал остро»), после ст. 39 строка отточий, обозначающая пропуск в тексте, после ст. 75 строка отточий, указывающая на незавершенность текста. В составленном Е. И. Якушкиным во второй половине 1850-х гг. сборнике копий произведений Пушкина (в переплете, с тиснением на кошке: «Сочинения Пушкина»; из собрания В. Е. Якушкина).

7) Из собр. Г. П. Блока (ПД, ф. 244, оп. 5, № 59) (Блок) — под заглавием: «Отрывок из сказки „Царь Никита”», с подписью под текстом: «А. Пушкин»; с пропуском ст. 19, с ошибками в ст. 63 («Дамам вырежу языки») и 70 («Ухо всяк держал остро»), после ст. 39 стоит отчерк, указывающий на пропуск в тексте. Бумага без водяных знаков. Список XIX в.

8) С. С. Забелина (Збк) — под заглавием: «Царь Никита. (Отрывок из сказки соч. Пушкина)»; с пропуском ряда стихов, неполным ст. 28 («У царевен между но...») и ошибками переписчика в ст. 53, 60 и 75; после ст. 39 строка отточий, обозначающая пропуск в тексте.

9) Листы из архива Путилова (Птл) — под заглавием: «Сказка „Царь Никита”. (Отрывок из сказки)»; с пропуском ряда стихов, неполным ст. 28 («У царевен между но... ...»); после ст. 39 строка отточий, обозначающая пропуск в тексте, после ст. 75 две строки отточий, указывающие на незавершенность текста.

10) Из собр. В. И. Яковлева (ПД, ф. 244, оп. 18, № 69, л. 9 об.—10 об.) (Як) — под заглавием: «Царь Никита», с датой под текстом: «1819»; после ст. 39 проставлена строка отточий, указывающая на пропуск в тексте. В сборнике с копиями материалов о дуэли и смерти Пушкина. Вторая половина XIX в.

11) П. А. Ефремова (Е) — две копии: 1) с. 25—27 — Е(1), ст. 1—75, под заглавием: «Отрывок из сказки „Царь Никита”»; с позднейшими карандашными поправками, с карандашной пометой под текстом: «1825»; с пропуском ст. 19—22

(вписаны позднее карандашом); после ст. 39 строка отточий, указывающая на пропуск в тексте; вся копия перечеркнута карандашом, под текстом запись: «См. то же вполне», отсылающая ко второй копии; 2) с. 117—126 — Е(2), текст с продолжением после ст. 75, под заглавием: «Царь Никита. (Сказка)», с пометой под текстом: «1822» и позднейшими карандашными поправками; с пропуском ст. 19 и ошибкой в ст. 65 («Что порой гораздо хуже»); ст. 20—22 вычеркнуты карандашом, позднее также карандашом перечеркнуты ст. 1—22, напечатанные в БЗ (см. ниже).

12) Вторая тетр. Долгорукова (Долг) — текст с продолжением после ст. 75, под заглавием: «Царь Никита (сказка)»; с пропуском ст. 21—22 и 47, с искажением в ст. 27 («Как бы? Помоги Магор!»); ст. 189 и 190—191 поменяны местами.

13) Сб. Александрова (Ал) — текст с продолжением после ст. 75, под заглавием: «Царь Никита»; с ошибкой переписчика в ст. 61 («Иль кукиш им покажет») и пропуском ст. 109, 140 и 146; ст. 1—96 записаны на л. 86—87 об.; со ст. 97 запись продолжена на л. 111—114 под заглавием: «Продолжение „Царь Никита”» (по-видимому, первоначально у переписчика был текст в составе 75 стихов и, когда он обнаружил текст сказки с продолжением, зарезервированного в тетради места оказалось недостаточно); на л. 182—182 об. в примечаниях составителя сборника указано чтение ст. 4, 11 и 13 по публикации БЗ (см. ниже).

14) Неизвестного в сборнике стихотворений русских поэтов, распространявшихся в рукописях (ПД, ф. 244, оп. 8, № 62, л. 34—38) (Ст) — текст с продолжением после ст. 75, под заглавием: «Царь Никита»; с пропуском ряда стихов и ошибками переписчика в ст. 29, 53, 65, 75, 114, 139, 152, 154, 182, 218; ст. 60 и 61 поменяны местами. Тетрадь без переплета и первых листов; вторая половина XIX в.

Копии 1, 2, 4, 5, 12 и 13 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 248—254, 748—749 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

Утраченные копии:

1) Бывшая в распоряжении С. А. Соболевского или редакции «Библиографических записок», по которой осуществлена первая публикация отрывка из сказки в примечании к письмам Пушкина к брату, сообщенным в редакцию С. А. Соболевским (см. ниже).

2) Бывшая в распоряжении издателей серии «Русская библиотека» (РБк), по которой ими была осуществлена публикация сказки: Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов. Лейпциг, 1858. С. 29—32 (Русская библиотека. Т. 1) (см. ниже).

3) Бывшие в распоряжении Н. В. Гербеля — две копии: 1) Герб(1), ст. 1—75, под заглавием: «Царь Никита. Простонародная сказка»; после ст. 75 проставлены две строки отточий, указывающие на незавершенность текста. Напечатано: Герб. С. 30—33; 2) Герб(2), текст продолжения сказки после ст. 75. Напечатано: Герб. С. 168—173.

4) Бывшая в распоряжении Н. П. Огарева (РПЛ), по которой им была осуществлена публикация сказки: РПЛ. С. 60—68, — текст с продолжением после ст. 75, под заглавием: «Царь Никита», с пропуском ст. 107, 109, 146 и ошибкой в ст. 116; ст. 60 и 61 поменяны местами.

5) Принадлежавшая М. А. Цявловскому копия П. И. Доброхотова (по свидетельству Доброхотова в письме к Цявловскому от 2 мая 1930 г., сделана им с копии, обнаруженной в бумагах его покойного отца). Напечатано: Акад. Т. 2. С. 248—254, 748—749 (положена в основу текста, подготовленного М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер (Цявловской) для Акад.).

Заглавие в записи: «Царь-Никита» вошло в список произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, л. 53 (под датой: «1822») (см.: Рукою П. 1997. С. 212). Факсимильное воспроизведение списка: Раб. тетр. Т. 3.

Впервые: БЗ. 1858. Т. 1, № 4. Стб. 107 (в примечании к письму Пушкина к Л. С. Пушкину от 15 марта 1825 г.; ст. 1—22, без заглавия, с пропуском ст. 19). Текст в составе 75 стихов впервые: Собрание стихотворений Пушкина, Рыльева, Лермонтова и других лучших авторов. Лейпциг, 1858. С. 29—32 (Русская библиотека. Т. 1) (под заглавием: «„Царь Никита“. Отрывок из сказки», с пропуском ст. 10, 15, 19, 34, 45, 47, 53; ст. 28 по цензурным соображениям напечатан не полностью: «У царевен между но... ..»; после ст. 39 проставлена строка отточий, указывающая на пропуск в тексте, после ст. 75 две строки отточий, указывающие на незавершенность текста). Пропуски восполнены: Герб. С. 30—33 (под заглавием: «Царь Никита. Простонародная сказка», с датой под текстом: «1823»; после ст. 75 две строки отточий, указывающие на незавершенность текста). Продолжение текста после ст. 75 впервые: Герб. С. 168—173 (в примечаниях, с предваряющей текст характеристикой: «...конец сказки, восстановленный кем-то на память, причем, конечно, только немногие стихи Пушкина уцелели во всей первобытной своей чистоте...»). Как единый текст с продолжением после ст. 75: РПЛ. С. 60—68 (публ. Н. П. Огарева; см. выше); в России: отдельный оттиск в прилож. к изд. Ефр. 1903—05 (тираж 110 экз.).

В собрание сочинений впервые включено: Генн. 1859. Т. 2. С. 439—440.

Печатается по копии Соб₂ с исправлением ст. 15 и 48, чтение которых в Соб₂ не поддерживается большинством других копий, и восстановлением пропущенных ст. 19 и 47. Ст. 15 исправляется по Лон—Полт, Полт₂, Бабст, Даш, Якуш₁, Блок, Як, Е (1), Е (2), Долг, Ал, БЗ, Герб (1), РПЛ; ст. 48 — по Лон—Полт, Полт₂, Даш, Якуш₁, Як, Е (1), Е (2), Ал. Ст. 19 восстанавливается по Бабст, Як, Е (1), Долг, Ал, Герб (1), а также в соответствии с его чтением в черновом автографе; ст. 47 — по Лон—Полт, Полт₂, Бабст, Якуш₁, Птл, Е (1), Ал, Герб (1).

Датируется 1822 г. на основании списка произведений в тетради ПД 831 (см. выше). Оснований для более точной датировки нет.

Запись «Царь-Никита» расположена в списке после записи «Олег», обозначающей «Песнь о вещем Олеге», под беловым автографом которой в тетради ПД 832 (л. 6 об.) стоит дата: «1 марта 1822», но относительно произведений 1822 г. список, судя по всему, не отражает хронологию их создания. Автограф первых двадцати шести стихов находится в тетради ПД 832 (л. 8 об.), на обороте листа с планом поэмы «Мстислав». Следующие листы из тетради вырваны; обрывки записей на трех сохранившихся корешках (л. 8а—в) не поддаются идентификации (на обороте корешка л. 8в — остатки прозаического текста, с большой вероятностью относимого к плану «Мстислава», продолжающимся на л. 9 и 16; см.: Акад. Т. 5. С. 520; Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832 : (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 226; Раб. тетр. Т. 1. С. 80). На корешке 8в в середине страницы читаются начальные записи четырех строк:

Чт(о)
 Чт(о)
 Вот(?)
 26(?)

Непосредственно под этими строками, в нижней трети страницы располагался рисунок, часть которого сохранилась на корешке: какая-то фигура, предположительно в восточной одежде. Высказанное В. Е. Якушкиным (Якушкин. № 5. С. 329) и затем П. О. Морозовым (Мор. 1903—06. Т. 2. С. 582; АН 1900—29. Т. 3. Примеч. С. 214) предположение, что на вырванных листах могло находиться продолжение сказки, было безоговорочно поддержано М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер (Цявловской), которые отождествили записи, сохранившиеся на корешке 8в, с началом ст. 170—172 полного текста сказки, известного по спискам, и сделали вывод, что на вырванных листах содержалось около ста семидесяти стихов. Цифра же «26» была интерпретирована ими, исходя из представления о последовательном заполнении тетради на этом этапе, как вероятная дата «26 марта 1822 г.», и послужила основой принятой в Акад. датировки сказки: «предположительно 20-ми числами марта 1822 г.» (см.: Акад. Т. 2. С. 748, 1113—1114; ср.: Летопись. С. 333 — здесь сказка датируется предположительно 20—31 марта; то же: Летопись 1991. С. 304; Летопись 1999. Т. 1. С. 278, 503). Эта гипотеза вызывает серьезные сомнения. Отождествление сохранившихся на корешке 8в записей с началом ст. 170—172 представляется вполне произвольным. Странным выглядит прекращение работы именно на этих стихах и появление даты под незавершенным текстом. Трактовка обрывка рисунка на корешке как автоиллюстрации к сказке (см.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 3-е изд. М., 1983. С. 74) также не убедительна. Положение чернового автографа первых двадцати шести стихов в тетради не дает оснований для сколько-нибудь точной датировки. Тетрадь ПД 832 в этой части, действительно, заполнялась последовательно (ближайшие датируемые записи — беловой автограф «Песни о вещем Олеге» на л. 4—6 об. и стихотворение «Мой друг, уже три дня...» на л. 7, написанное 10—11 марта 1822 г., — см. наст. т., с. 864), но автограф «Царя Никиты», видимо, появился в тетради не в ходе ее последовательного заполнения. Он расположен на л. 8 об. ниже наброска трех стихов, относящихся к поэме «Бахчисарайский фонтан»: «Журчит за мрамором вода / И каплет тихими слезами — / Не умолкая никогда —» (соответствуют ст. 496—498 окончательного текста). Эти три стиха, по всей вероятности, появились в ходе переработки (возможно, перебелки) чернового текста, расположенного на л. 25 тетради ПД 832, т. е. не ранее июня—июля 1822 г. (работа над черновым автографом поэмы «Бахчисарайский фонтан» на л. 19—29 тетради ПД 832 была завершена до конца июня 1822 г.: на одном из следующих листов тетради (л. 33 об.) пометы «30 июня» и «1 июля»). Однако эти соображения также ничего не дают для датировки, поскольку запись начала «Царя Никиты» на л. 8 об. по характеру и расположению производит впечатление не первоначального чернового автографа, а перебеленного для последующей доработки текста.

Сказка была известна при жизни Пушкина и цитируется в его собственных письмах и письмах современников. Так, в письме к Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу от 15 марта 1825 г. Пушкин, отдавая распоряжения по подготовке первого сборника своих стихотворений, в шутку спрашивал: «60 пиэ! довольно ли будет для 1 тома? не прислать ли вам для наполнения Ц(аря) Никиту и 40 его дочерей?» (Акад. Т. 13. С. 154). В письме к Н. С. Алексееву от 1 декабря 1826 г. он замечал: «Нет — так и уехал во Псков — так и теперь еду в белокаменную. Надежды нет иль очень мало» (Там же. С. 309; ср. ст. 21; отмечено Б. Л. Модзалевским: Письма. Т. 1. С. 212; ср.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 50). См.

также письмо О. М. Сомова к М. А. Максимовичу от 20 ноября 1831 г.: «От Языкова и еще пришла к нам благостыня; но главную из них подобает очистить аки золото. В угожденье этой дуре / Нашей чопорной цензуре» (РА. 1908. Т. 3, № 10. С. 267; ср. ст. 25—26). Однако за пределами чернового автографа первых 26 стихов остальной текст известен только в поздних (вторая половина XIX в.) списках. Первая публикация отрывка из сказки в «Библиографических записках» сопровождалась примечанием: «Это сочиненная Пушкиным стихотворная сказка, не совсем скромная по содержанию, но мастерская по художественному выполнению; в памяти друзей поэта она уцелела в небольшом отрывке. Вот ее начало» (БЗ. 1858. Т. 1, № 4. Стб. 106). П. А. Ефремов свидетельствовал: «В рукописи сказка не сохранилась. Л. С. Пушкин записал 75 стихов, из которых точными называл 20 начальных» (Ефр. 1882. Т. 7. С. 114). Большая часть имеющихся списков дает текст в составе 75 стихов и восходит, как представляется, действительно, не к письменному пушкинскому тексту, а к тексту, сохранившемуся в памяти Л. С. Пушкина. Этот неполный текст внутри тоже имеет лауну между ст. 39 и 40 (отсутствует как минимум один стих, рифмующийся со ст. 39; но, возможно, отсутствует и больший фрагмент). Сложнее обстоит дело с имеющимся в ряде списков продолжением сказки. М. Н. Лонгинов в примечании к своему списку «Царя Никиты» писал: «Покойный Лев Сергеевич Пушкин знал наизусть еще множество стихов из этой сказки, так же как и много неизданных стихотворений своего брата, но никогда не хотел по беспечности уступить советам и просьбам ни моим, ни других своих приятелей записать или продиктовать то, что знал, и довольствовался чтением стихов брата из памяти. Я слышал от него продолжение „Царя Никиты“, которое теперь едва ли кто-нибудь помнит наизусть. Царь посылает гонца Фаддея к колдунье, чтобы запастись 40 недостающими у дочерей предметами. Колдунья подкуплена, собирает их на выбор отлучные, запирает в ларце и отдает Фаддею, который не знал, зачем прислан, ибо цель послания была написана в грамоте к колдунье. Она строго ему приказывает не открывать ларца, ключ от которого ему вручает. Дорогой в лесу любопытство его возбуждается. Он начинает трясти ящик, подставляет ухо, ничего не слышно! Подносит скважину к носу. „Нюхает — знакомый дух“ (стих Пушкина). Он все-таки не уверен, что скрыто в ларце, осторожно отпирает его... о ужас! Все затворницы разлетаются и садятся на сучки деревьев. Фаддей в отчаянии, он начинает их скликать и подсвистывать и пр. — упрямыцы все порхают по веткам. Наконец он решается на последнее средство: садится у самого открытого ящика и обнаруживает свой предмет, до которого затворницы такие охотницы. Хитрость удалась; они прельстились, разом к нему слетаются. Фаддей их схватывает и запирает ящик, а потом продолжает путь. Все эти щекотливые происшествия рассказаны грациозно, двусмысленно, но без малейшего цинизма и составляют чрезвычайно игривую шутку; притом совершенно в народном духе. Сказка эта никогда не была кончена» (Лон—Полт, л. 71 об.—72 об.; воспроизведено: *Левинтон Г. А., Охотин Н. Г.* «Что за дело им — хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей» // *Литературное обозрение*. 1991. № 11 [Спец. вып.]: Эротика в русской литературе: От Баркова до наших дней: Тексты и комментарии. С. 28; с исправлениями: *Пильщиков И. А.* «Ничего иль очень мало...»: (Сказка Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей»: Дополнение к комментарию) // *А. С. Пушкин. Тень Баркова. Тексты. Комментарии. Экскурсы*. М., 2002. С. 468—469).

Последнему утверждению Лонгинова противоречит включение заглавия «Царь-Никита» в перечень произведений 1821—1822 гг. в тетради ПД 831, в который во-

шли только законченные тексты. Полное согласие списков и рассказа Лонгинова в отношении общего сюжета сказки позволяет считать его вполне достоверным и завершённым. Однако расхождение в частных деталях и замечание, что сказка «никогда не была кончена», ставят вопрос, был ли этот сюжет реализован до конца самим Пушкиным. Обращают на себя внимание очевидные погрешности стиха и нарушения в рифмовке в дошедшем до нас продолжении сказки, которые, впрочем, так же как лексические замены и пропуски отдельных строк и фрагментов, могут объясняться долгим рукописным бытованием текста. Так или иначе, в отношении словесного, стихотворного воплощения пушкинского сюжета ни один из списков не может считаться вполне надёжным источником текста.

В Генн. 1859 (Т. 2. С. 439—440) и Генн. 1869—71 (Т. 2. С. 372) был перепечатан текст БЗ с опечаткой в ст. 14 («Чудо-глазки, чудо-волос» вместо: «Чудо-глазки, чудо-голос») (в обоих изданиях под заглавием: «Начало сказки», со строкой отточий в конце, указывающей на незавершённость текста; в разделе «эпических отрывков» неизвестных годов). Первую в русской печати попытку опубликовать известный по спискам текст в составе 75 стихов предпринял в 1880 г. П. А. Ефремов (Ефр. 1880. Т. 2. С. 15—16; под заглавием: «Начало сказки „Царь Никита“», в разделе произведений 1825 г.). Публикация, в основу которой был, по всей видимости, положен имевшийся у Ефремова список Е (1), искажена значительными цензурными купюрами: исключены ст. 25—26, 28—36, 56—65; в ст. 51 сделана цензурная замена («Отдаленный не махнуть» вместо: «До Нерчинска не махнуть»). В Е (1) отсутствовали ст. 19—22; два из них (ст. 21—22) были взяты Ефремовым из публикации БЗ, но произвольно сконтаминированы со ст. 37—39, вероятно, для придания некоторой связности обезображенному цензурой тексту. В результате текст сказки в Ефр. 1880 напечатан в следующей композиции: ст. 1—18, 23—24, 27, 21—22, 39—55, 66—75 (с делением на два астрофических фрагмента после ст. 27; без обозначений мест цензурных купюр; со строкой отточий в конце, указывающей на незавершённость текста). Тот же текст, дополненный ст. 26, в Ефр. 1882 (Т. 7. С. 114—115; здесь помещен без заглавия в примечании к письму Пушкина к Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу от 15 марта 1825 г.; упоминанием сказки в этом письме объясняется и ее датировка 1825 г. в Ефр. 1880). Публикация В. Е. Якушкиным в 1884 г. чернового автографа начала сказки в тетради ПД 832 и списка произведений 1822 г. в тетради ПД 831, включающего «Царя Никиту», решила вопрос о датировке сказки 1822 г. и в то же время поставила перед издателями сочинений Пушкина проблему соотношения чернового автографа и списков, дающих более полный текст. В Ефр. 1887 (Т. 1. С. 304—305; под заглавием: «Царь Никита. (Начало сказки)») напечатан контаминированный текст: ст. 1—26 по верхнему слою чернового автографа, далее ст. 27, две строки отточий, указывающие на пропуск в тексте, и с обозначением строфического отступа ст. 40—55, 66—75 по тексту предшествовавших ефремовских изданий, далее две строки отточий, указывающие на незавершённость текста. В Ефр. 1903—05 (Т. 1. С. 459—461) тот же текст был дополнен ст. 62—63, данными через отточия, и произвольно разбит на астрофические фрагменты (ст. 1—27, 40—51, 52—63, 66—75). Иное решение было предложено П. О. Морозовым. В Мор. 1887 (Т. 2. С. 340—341) дан текст ст. 1—26 по верхнему слою чернового автографа, под заглавием: «Царь Никита. Сказка», с примечанием: «Далее несколько листов вырвано. В заграничных изданиях эта сказка печатается с окончанием, неизвестно кем сочиненным, может

быть — и по памяти о пушкинских стихах, которые читал наизусть брат поэта» (Мор. 1887. Т. 2. С. 341). Тот же принцип публикации только текста автографа был принят в Мор. 1903—06 (Т. 2. С. 252—253), АН 1900—29 (Т. 3. С. 113—114; публ. П. О. Морозова) и во всех последующих изданиях до Акад.

В Акад. М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер (Цявловская) вернулись к публикации полного текста по копиям. Однако сам подготовленный ими текст не может не вызывать вопросов. В примечаниях (Т. 2. С. 1114) заявлено, что основными источниками текста выбираются копии Соб₂ (для первой части) и публикация Герб. (для второй). Однако большое число внесенных в текст Соб₂ и Герб. исправлений не может быть ничем мотивировано, поскольку, за редким исключением, касается стихов, чтение которых никакой коррекции не требует и поддерживается другими копиями. На самом деле текст «Царя Никиты» в основном корпусе издания (в 1-м полутоме т. 2, вышедшем в 1947 г.) напечатан по копии Доброхотова, поздней, вторичной и неавторитетной, выбор которой объясняется, видимо, лишь тем, что она находилась в личном архиве М. А. Цявловского. Задачей текстологических примечаний (во 2-м полутоме т. 2, вышедшем в 1949 г.) в данном случае было «подогнать» уже напечатанный текст под более авторитетные источники. В результате в подготовленный Цявловскими текст попали единичные чтения копии Доброхотова, больше не имеющие соответствия ни в одном известном списке.

В настоящем издании основным источником текста выбрана копия Соб₂ как достаточно исправная и безусловно авторитетная, скорее всего, прямо восходящая к тексту, сообщенному по памяти Л. С. Пушкиным. Продолжение сказки после ст. 75, имеющее, строго говоря, статус дубиального текста, печатается в разделе «Другие редакции и варианты».

В отличие от других сказок Пушкина выявить источник сюжета «Царя Никиты» не удалось ни в фольклоре, ни в литературе. Параллели находятся лишь для отдельных мотивов сказки — хотя и основных, сюжетообразующих, но все же не для сюжета в целом. Литературные источники, французские и отчасти русские, дают точные и интересные соответствия в частностях и куда более отдаленное сходство на уровне фабулы. Сложнее обстоит дело с фольклорными аналогами. Здесь представлены оба основных мотива: мотив отсутствия органов и их поисков (общий с некоторыми французскими источниками) и мотив бегства органов и их поимки (мотив «отделимости» органов, их самостоятельного существования или по крайней мере наличия собственной «воли» оказывается общим для всех рассматриваемых здесь источников как фольклорных, так и литературных), но эти мотивы встречаются только порознь. В то же время оба они обнаруживают множество взаимосвязей с другими сюжетами, в частности с чисто этиологическими (мифологическими) текстами о создании женщины (сначала без половых органов, которые потом делаются отдельно) или женских половых органов, представленными в разных фольклорных традициях, в том числе и славянских.

Эти связи свидетельствуют о том, что подлинная фольклорная сказка с сюжетом «Царя Никиты» вполне могла существовать, и нельзя исключить, что Пушкин действительно использовал готовый никем не записанный сюжет. В пользу такой возможности говорит и сюжетная неувязка, которая «исправлена» только в пересказе Лонгинова: если гонец сам «объяснил цареву дело, как царевны рождены и чего все лишены», то он не мог не знать, «что же ларчик заключает, что царю в нем ведьма шлет» (впрочем, знание этого обстоятельства также могло побудить его открыть

ларчик, но тогда мотивировка искажена). Такая сюжетная непоследовательность характерна именно для устных текстов (см.: *Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge (Mass.), 1960*). Однако, пока соответствующая запись не найдена, осторожнее предполагать, что сказка не имела единого фольклорного прототипа и что разрозненные мотивы (впрочем, по своему глубинному смыслу уже связанные в фольклоре) были соединены в целостный сюжет самим Пушкиным. Исходя из этого можно отнести «Царя Никиту» к «гипермифологическим» текстам, т. е. к случаям, «когда литературный текст поддается именно такой мифологической интерпретации, которая неприменима к его фольклорным источникам. (...) Соединение гетерогенных сюжетов, мотивов, тропов и прочих элементов, почерпнутых из разных источников, обнаруживает новый смысл, которого нет (...) в этих источниках (...)». Этот новый смысл иногда можно «опрокинуть» на фольклорные источники, т. е. показать, что он присутствует уже в них, но столь фрагментарно, что без собирания в фокусе литературной обработки соответствующая интерпретация вряд ли была бы возможна» (Левинтон Г. А. Фольклоризм и «мифологизм» в литературе // *Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв. : Тез. науч. конф. Таллин, 1985. С. 39*).

Некоторые источники сказки (фольклорные русские и литературные французские) были указаны уже первыми исследователями «Царя Никиты»: В. И. Нейштадтом и Б. В. Томашевским. Первый из них читал доклад о «Царе Никите» в Московском лингвистическом кружке в 1918 г. (по другим сведениям, в 1919). См. сообщение Р. О. Якобсона: «Докладчик указывает французские источники сказки и устанавливает, что один эпизод ее заимствован Пушкиным из русской эротической песни, известной как по сборнику Кирши Данилова, так и по современным записям» (Якобсон Р., Богатырев П. Славянская филология в России в годы войны и революции. Берлин, 1923. С. 39). Содержание выступления Нейштадта было позднее раскрыто Р. О. Якобсоном: «Доклад Нейштадта в МЛК осенью 19-го г. был компиляцией из устных сообщений Томашевского о французском литературном фоне „Ц(аря) Никиты” и того, что он слышал от меня о русском фольклорном фоне. Когда Томаш(евский) гостил у меня в Праге в феврале 1928 г., я уговорил его написать для зарождавшейся „Sl(awische) Rundschau” (где мне предложили редактировать русскую рубрику) рецензию на чеш(ский) перевод „Ц(аря) Никиты”, чтобы источники были наконец названы» (письмо от 12 мая 1978 г. — личный архив Г. А. Левинтона). Действительно, в рецензии на чешский перевод «Царя Никиты» Б. В. Томашевский упоминал свадебную песню, записанную Н. Н. Дурново, П. Г. Богатыревым и Р. О. Якобсоном в Московской губернии, и ее отдаленный вариант в сборнике Кирши Данилова, а также стихотворные сказки Грекура и Буазеннона (*Tomáševskij B. Puškin Alex. Serg. Car Nikita, pohadka. Praha, 1928 // Slawische Rundschau. 1929. Bd. 1. S. 476—478*; сокращенный вариант см.: Путьеводитель. С. 367).

Первый из источников, указанных Томашевским, — стихотворная сказка Жана-Батиста-Жозефа Виллара де Грекура (Grécourt; 1684—1743) «Коноплянка Иоанна XXII» («*La linotte de Jean XXII*», 1746), которая восходит к вставному рассказу в 34-й главе третьей книги (1546) «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле (*Rabelais; 1483 или 1494—1553*) и представляет собой одну из литературных обработок сказочного сюжета «птица в ларце». Обсценный вариант этого сюжета, более релевантный для сопоставления с «Царем Никитой», зафиксирован в поэме-сказке Шарля Борде (*Bordes; 1711—1781*) «Парапила» («*Parapilla*», 1776): у крестьяни-

на, оскорбившего архангела Гавриила, вместо пшеницы вырастают мужские органы; по совету архангела один из них он заключает в ларец и продает безутешной вдове, которая с удовольствием пользуется приобретением; с этого начинается цепь эпизодов, в которой пленник переходит от одной дамы к другой; некоторые пользуются «сокровищем» (*bijou, trésor*) законно, некоторые — открывая чужую шкатулку из любопытства, а последняя владелица даже пожелала поместить эту редкость в «кабинет натуральной истории». Любопытно, что герой поэмы обладает умением летать и нередко именуется «птицей» (ср.: «*Tel qu'un volant qui jamais ne repose / L'oiseau léger partait et retournait*» (Летун, как легкая птичка, не знающая усталости, улетал и возвращался обратно — *фр.*) ([*Bordes Ch.*] *Parapilla, poëme en cinq chants, traduit de l'italien. A Florence, 1776. P. 47*; в прилагаемых гравюрах летун изображен как *fallos* с крыльшками)).

Более интересны параллели «Царя Никиты» со сказкой (*conte*) аббата Вуазенона (*Voisenon*; наст. имя К.-А. де Фюзэ (*de Fusée*); 1708—1775) «Султан Мизапуп и принцесса Гриземина» («*Le Sultan Misapouf et la Princesse Grisemine*»; 1-е изд. London, 1746), «пародирующей жанр арабской фантастики» (*Tomáševskij V. Puškin Alex. Serg. Car Nikita, pohadka. S. 478*). Один из сюжетных ходов сказки состоит в том, что у двух принцесс внезапно пропали их «кольца» (*anneaux*; см.: *Landes L. de. Glossaire Erotique de la Langue Française. Bruxelles, 1861. P. 16*), и султан Мизапуп со священником Саразеном отправляются на поиски пропажи. По дороге они находят фею — «старуху в простой хижине» («*une vieille dans une simple cabane*» — *Romans et contes de M. Abbé de Voisenon. Paris, 1798. T. 1. P. 51*; ср. ст. 126—127 и след. в «Царе Никите»); она приводит их в «храм колец», где развешано множество этих предметов под присмотром «феи колец». Здесь они обретают искомое. Из частных переключек отметим «*mon anneau vient de s'envoler (...)* comme un char d'orèra» (мое кольцо улетело (...) как оперная колесница — *фр.*) (*Ibid. P. 49*; ср. ст. 183: «Птички порх, и улетели»). У Саразена вместо рта внезапно появляется «кольцо» с «кудрями» (ср. ст. 152: «Всё отборные с кудрями»). Ключом к храму служит *doigt* (буквально: «палец»), это слово выступает как устойчивый эвфемизм и в данном тексте, и в других (см.: *Landes L. de. Glossaire Erotique de la Langue Française. P. 115*; ср., может быть, способ, которым гонец возвращает «птичек» после отпирания шкатулки). Все эти параллели — достаточно отдаленные и частные.

Э. Кросс (см.: *Cross A. Puskin's Bawdy or A Notes from a Literary Underground // Russian Literature Triquarterly. 1974. № 10. P. 227*) высказывал не совсем основательное сомнение в знакомстве Пушкина со сказкой Вуазенона (ср. сопоставление со «сказочкой Вуазенона» пушкинского лицейского «Бовы». — Анненков. Материалы 1855. С. 37). В качестве более убедительной параллели Э. Кросс предложил роман Кребийона-сына (*Crébillon*; 1707—1777) «Танзай и Неадарне. Японская история» («*Tanzai et Néadamé. Histoire japonoise*», 1734; собрание сочинений Кребийона-сына, изданное в 1777 г., было в библиотеке Пушкина — Библиотека П. № 838). Это также «восточная» сказка, и в ней мотив потери органов удвоен: в первую брачную ночь теряет свои гениталии принц Танзай, а после их обретения его невесту Неадарне в таких же обстоятельствах постигает та же плачевная участь. Оба случая связаны с нарушениями запретов и с враждой феи Конкомбр (*Concombre, Огурец*). Средство восстановления утраченного — соитие героя с феей Конкомбр, а героини с духом Жонкилем (*Jonquille, Нарцисс*). По существу и в «Царе Никите» «вещи», обретенные гонцом, прежде чем достаются царевнам, вступают в соитие с ним самим (поймка «птичек»). Из частных, но характерных деталей отметим совет,

созванный царем — отцом Танзая, слухи, которые в народе осмеливаются передавать только на ухо, встреченную в лесу старуху, дающую герою волшебный эликсир (для соития с феей). Более отдаленная, но и более любопытная связь с Пушкиным состоит в том, что органы исчезают именно в первую брачную ночь, а это через традиционную в фольклоре «синекдоху», отождествляющую женщину, особенно невесту, с ее половым органом (см.: *Legman G. Rational of the Dirty Joke. Panther Press, 1972. Vol. 1. P. 378—390*; ср., например, рус. диал. *кунка* — «куница», «невеста», «vulva»), связано с мотивом исчезновения самой невесты в первую ночь, мотивом, который играет сюжетообразующую роль в «Руслане и Людмиле» и отсылает к сказкам «1001 ночи» в переводе Антуана Галлана (Galland; 1646—1715): великан, который носит жену в ларце, говорит ей: «Вы, которую я похитил в день вашей свадьбы» («vous que j'ai enlevée le jour de vos noces») (*Les mille et une nuits : Contes arabes traduits par A. Galland. Paris, 1962. T. 1. P. 10*; Тысяча и одна ночь : Арабские сказки. М., 1796. Ч. 1. С. 22; отмечено: *Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. М., 1974. С. 21*; см. также: *Жаккар Ж.-Ф. Между «до» и «после» : Эротический элемент в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» // Russian Studies. 1994. Vol. 1. N 1. P. 156—181*).

К французским источникам можно добавить еще одну псевдovосточную «сказку» — роман Дени Дидро (Diderot; 1713—1784) «Нескромные сокровища» («*Les bijoux indiscrets*», 1748; далее цит. по изданию, имевшемуся впоследствии в библиотеке Пушкина: *Œuvres de Denis Diderot. Nouv. éd. Paris, 1821. T. 5*; см.: Библиотека П. № 881). Основная сюжетная тема романа заимствована из сказки «Нокрион» («*Nocrion: Conte allobroge*», 1747; атрибутировалась: графу А.-К.-Ф. де Келюсу (Caylus; 1692—1765) или аббату Бернису (Bernis; Ф.-И. де Пьер (de Pierres), кардинал де Бернис; 1715—1794), иногда Т.-С. Гелету (Gueulette; 1683—1766); восходила к старофранцузскому фавлю XIII в. «*Du chevalier qui fist les cons parler*»): Мангогул, султан Конго, колдовством вызывает духа, от которого получает перстень (anneau), дающий ему власть над женскими «сокровищами» (bijoux — термин, применявшийся и к мужским, и к женским гениталиям, см.: *Delvau A. Dictionnaire érotique moderne. Vale, 1850. P. 59—60*), а именно заставляющий их говорить. Здесь отражение известного фольклорного мотива говорящих органов (мотивы Th.D.1610.6, H.451, сюжет АTh. 1391; русский и украинский материал см.: Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 1391), непосредственно связанного с мотивом их самостоятельности и отдельного существования. Этот последний мотив тоже проскальзывает в романе, причем вместе со сравнением гениталий (мужских) с птицами: «et si l'on était partout ailleurs aussi avide de ces oiseaux que dans le Congo...» («если бы повсюду гонялись за этими птицами, так как в Конго... — фр.») (*Œuvres de Denis Diderot. T. 5. P. 173*). Более того, в оперной сцене (гл. 13) «сокровища» хористок начинают петь и вообще «les bijoux parlaient comme les oiseaux chantent» (сокровища говорили точно так же, как птицы поют — фр.) (*Ibid. P. 274*; ср. в «Царе Никите» чтение ст. 190 в ряде копий: «На сучках им петь прекрасно»). Подобных частных, в основном словесных и фразеологических, совпадений с пушкинской сказкой в романе Дидро немало, на этом фоне пространное описание колдовства султана, вызывающего духа, в той или иной мере управляющего «сокровищами» (гл. 4), может быть сопоставимо с колдовством ведьмы: «Трое суток ворожила, / Так что беса приманила» (ст. 144—145).

На сюжетном уровне в «Нескромных сокровищах» представлена и тема исчезновения гениталий. Этот мотив содержится в гл. 53 (с прямой ссылкой на роман

Кребийона), где рассказывается об утрате «сокровища» у юноши, оскорбившего божество; он ищет «лекарство от своей болезни» («le remède à son mal»), а именно, женщину, которая не разлюбит его, зная о его недостатке, встречает прекрасную и печальную девушку и спрашивает: «...Что с вами? ..» — «Ничего...» («Rien...») — «Как, ничего? ..» («Comment, rien? ..») — «Ровно ничего, и в этом причина моей печали...» («Non, rien du tout, et c'est là mon chagrin...»). Это «rien» окружено многочисленными эвфемизмами такого же рода: «эти ничтожные вещи» («ces misères-là»); о евнухах говорят, что «у них ничего нет» («ils n'ont rien»); ср. особенно в том же разговоре героев, лишенных «сокровищ»: оскорбленное божество «отняло у меня все»; «Это — такая безделица» («Il y avait si peu de chose à faire»); юноша, который также «не имеет ничего» («n'a rien»), наоборот, заявляет, что отнятое у него «было кое-что» («c'était quelque chose») (см.: *Œuvres de Denis Diderot*. Т. 5. Р. 361—368). Ср. пушкинский эвфемизм: «Так, безделка, ничего, / Ничего иль очень мало» (отмечено: *Burkhardt D. An Early Fairy Tale in Verse of Aleksandr S. Puškin : The Structure of the Erotic Riddle // Russian Literature*. 1988. Vol. 24. Р. 289); аналогичная игра присутствует и в «Танзае и Неадарне» Кребийона (см.: *Пильщиков И. А. «Ничего иль очень мало...»*. С. 471). Подобного рода эвфемизмы, разумеется, очень распространены: «вещица», «кое-что», «штучка» — с доминирующей темой малости, ничтожности, «игрушка» (ср., например: «*Le Joujou des demoiselles*» — известные сборники эротической поэзии XVIII в.; «Девичья игрушка» — название сборника барковской традиции; «Женская игрушка» — не предназначенный для печати рассказ К. Ф. Рылеева; см.: *Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч.*, М.; Л., 1934. С. 399—400); в эту же цепь эвфемизмов встраивается и «bijou» — «драгоценность», «сокровище», но и «украшение», «безделушка» (первоначально «кольцо», бретонск. *bizou* от *biz* «палец»).

Подробнее о переключках «Царя Никиты» с романом Дидро см.: *Левинтон Г. А., Охотин Н. Г. «Что за дело им — хочу...»*. С. 29, 33. Другие литературные источники «Царя Никиты», как французские (Вольтер, Лафонтен), так и русские (Державин, Барков и др.), относятся только к частным мотивам и отдельным местам сказки (см. ниже в построчных примечаниях).

Частный характер носит по существу и фольклорная параллель, отмеченная В. И. Нейштадтом и Б. В. Томашевским, хотя она и объясняет один из основных мотивов пушкинской сказки. По сообщению Р. О. Якобсона, имеется в виду песня «Чуманиха», бытовавшая в Московской губернии еще в начале XX в. (см.: *Левинтон Г. А., Охотин Н. Г. «Что за дело им — хочу...»*. С. 30; другие варианты и песенные параллели по записям XIX—XX вв. см., например: *Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России : Сб. трудов*. М., 1994. С. 206—207; *Русский эротический фольклор*. М., 1995. С. 57, 100, 168, 297):

Умирала моя мати — наказывала:

Чуманиха-чуманиха, чемоданиха!

Ходи, дочка, в чистоте, носи пизду в решете!

Refr(aen)

А как спать, дитя, пойдешь, под горшок ее положи!

Refr.

Пизда выскочила, глаза вытаращила.

Refr.

Как пошла эта пизда вдоль по улице,

Как пошла эта пизда да мимо кузницы.

Refr.

Кузнецы-то все глядят, подковать ее хотят.

Refr.

А сапожники глядели, затачать ее хотели.

Refr.

А фабричные глядят, разорвать ее хотят.

Как зашла эта пизда да в глубокое дубло <sic!>.

Топором ее рубили, да не вырубил

И пилой ее пилили, да не выпилили,

Калачом ее манили, да не выманили.

Как пришел молодец, показал пизде конец,

Пизда выскочила, улыбается,

А молодчику к ляжкам подбирается.

Именно последняя часть точно соответствует мотиву поимки «птичек» в «Царе Никите», в том числе и безуспешным подманиваниям крошками. Важна и свадебная приуроченность песни: как раз свадьбы (или сорока свадеб) явно недостает в финале пушкинской сказки по сравнению со строго соблюдаемой в тексте схемой волшебной сказки (хотя «пир горой» в ней есть); стоит напомнить, что среди фольклорных записей Пушкина свадебные песни составляют большинство (32 из 59 всех известных записей — см.: Рукою П. 1997. С. 370—387).

Текст «Стать почитать, стать сказывать» из сборника Кирши Данилова в точном смысле слова не может быть назван вариантом песни «Чуманиха», тем более что он едва ли принадлежит к свадебному фольклору. Это пространный компилятивный текст, смонтированный (возможно, еще в фольклорном своем бытовании, но, может быть, и при записи) из многих кратких. Один его фрагмент (впрочем, вполне самостоятельный) довольно близок к «Чуманихе» и дает даже более точную параллель к «Царю Никите»: «Еще забилася пиздишша в осиново дуплишша / ее вилами кололи не выкололи / калачами манили не выманили / пизде хуй показали пизда выскочила / а то кобы пиздушка крылошка / а злетела бы пиздушка на мудушки» (Русский эротический фольклор. С. 36). Именно эти «крылышки» составляют близкую параллель к «Царю Никите». Такая птичья метафорика и женских, и мужских органов встречается и в других фрагментах того же текста. Этот источник как релевантный для пушкинской сказки называли и исследователи самого сборника. Б. Н. Путилов отмечал, что в библиотеке Пушкина было издание 1818 г. (см.: Библиотека П. № 118) и что отражения сборника есть в «Евгении Онегине», в планах «Мстислава», в поэме «Руслан и Людмила», в сказках, в «Песнях западных славян» и, возможно, в сказке «Царь Никита» (см.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977. С. 366 (Сер. «Литературные памятники»)). Ср. замечание А. А. Горелова: «Один из фрагментов песни (...) содержит фольклорный мотив, отразившийся в пушкинских стихах „Царь Никита и сорок его дочерей”» (Горелов А. А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова // Русский фольклор. Л., 1975. Т. 14. С. 194). Проблема состоит в том, что в печатные издания рассматриваемая песня, как и некоторые другие, не включалась до 1901 г., следовательно, Пушкин либо каким-то образом (по списку или в устной передаче) был знаком с неизданным текстом, либо вообще его не знал, а встретил этот

мотив в устном бытовании (о наличии неприличных текстов в сборнике он мог знать из предисловия К. Ф. Калайдовича, где приводятся названия «семи песен», сравниваемых с поэзией Баркова, см.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818. С. XXVIII—XXIX).

Более обстоятельные и важные параллели дают сказочные тексты. Если в литературных образцах, упоминавшихся выше, речь всегда шла о пропаже органов, то в сказках может встретиться их изначальное отсутствие (подлинное или вымышленное). Сказки порознь содержат мотивы отсутствия—обретения и бегства—поимки гениталий. Первый комплекс гораздо чаще встречается применительно к мужским органам: отсутствие таковых обнаруживается после свадьбы, жена посылает мужа искать недостающее, волшебный персонаж, обычно старуха, встреченная по дороге, снабжает его необходимым органом (см.: *Hnatjuk V. Das Geschlechterleben des ukrainischen Banernvolkes in Österreich-Ungarn. Leipzig, 1912. S. 164—165, 169—170. № 249, 251*). Однако есть украинская запись, дающая совершенно точную параллель к основному сюжетному мотиву «Царя Никиты»: «Був собі Іван Переїбан-Переpletипізда, куди пізди онук, та було у його сім дочок, та всі без поцїк. А за річкою, за Сухоєбівкою жила баба Анастасія Сорокапіздасія. Пішов до неї Іван Переїбан-Переpletипізда, куди пізди онук пізд купувать: „Здорова була Анастасіє Сорокапіздасіє?“ — „Здравствуй, Іване Переїбане-Переpletипіздо, куди пізди онуче“. — „Продай мені пізд“, — каже. Пішла баба у комірку, та винесла пізд мірку: „Вибірай, Іване Переїбане-Переpletипіздо, куди пізди онуче!“ Віт вибрав собі сім: руду, чорну, сіву, усяку, яка йому до вподоби прийшлась, а баба дала йому й вісьму на придачу. Прийшов Іван до дому, поклав дочок на піл — сокирою цюкне і пізду уткне; усім дочкам порастикав, а вісьма осталась. „Ну, тепер, Іване Переїбане-Переpletипіздо, куди пізди онуче, як ти мене ніде не вткнеш, то я тебе на носі почіплюсь!“ От Іван порубав її на сім шматочків, та усім у пізди семеники й повставляв. Тепер Семен Піздисемен і Дорош над піздами сторож» (*Folklor de l'Ukraine // Kryptadia. 1883. Vol. 5. P. 175—176*). Помимо общего фабульного сходства, важно совпадение деталей: «выбрал себе семь: рыжую, черную, сивую и всякую» (ср. ст. 150 и след.: «Их там было всех сортов, / Всех размеров, всех цветов. (...) Ведьма все перебрала, / Сорок лучших оточла»). Особенно важно, что в сказке дочерей много, хотя и не 40, а 7 (другое «сакральное» число), но число 40 также присутствует — в имени Анастасии (т. е. «восстановительницы»), владеющей органами; в обоих случаях их приносят больше, и надо еще отобрать нужное количество.

Второй, вставной, сюжетный ход в «Царе Никите» (ошибка гонца) находит себе соответствие в целой группе сказок, объединенных мотивом гениталий в ларце или сосуде. Известны по крайней мере 4 варианта такой сказки: вар. 1 — сербский (см.: *Krauss F. S. Südslawische Volksüberlieferungen // Anthropophyteia. 1904. Bd. 1. № 197; Краусс Ф. С. Заветные истории южных славян. М., 2005. Т. 1. С. 413—414*), вар. 2 и 3 — украинские (*Hnatjuk V. Das Geschlechterleben des ukrainischen Bauernvolkes in Österreich-Ungarn. S. 183—185. № 258, 259*); вар. 4 записан от трансильванских цыган, опубликован в английском переводе (см.: *Faragó J. A Contribution to the Tale Motif of the Bird Concealed in the Vessel // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1970. Vol. 19. P. 153—154*; еще два схожих сербских текста, имеющих некоторые особенности, вар. 5 и 6, см.: *Krauss F. S. Südslawische Volksüberlieferungen. № 193 и 296; Краусс Ф. С. Заветные истории южных славян.*

С. 410, 511). Завязкой в основной группе сюжетов является непомерное требование парня: он женится только на девице с двумя пичками (серб.-хорв. «пичка» — изначально «птичка», затем — обозначение женского органа); находится девушка, которая уверяет, что у нее их две (например, одну она показывает спереди, другую сзади) и какое-то время обманывает этим мужа. Отправляясь в дорогу, он просит одну из них дать ему с собой (иногда это предлагает жена). Жена ловит птицу и прячет ее в ящичек или сосуд (в вар. 3 просьба мужа ставит ее в тупик, и выход подсказывает ей прохожая старуха, в вар. 5 новобрачная говорит, что оставила пичку у матери, муж отправляется за ней, и теща сажает в сосуд из тыквы мышь — т. е. и здесь идея обмана принадлежит не жене, а старшей женщине). Во всех случаях героя специально предупреждают, что нельзя открывать ларец, пока не дойдет до цели или под открытым небом; герой, остановившись (в вар. 1, 4, 5 — поест, как и гонец в «Царе Никите»), нарушает запрет, птичка улетает, иногда садится на дерево, герой пытается ее подманить (в вар. 1 направляя на нее свой «курац» — «петух» или мужской орган). Эта сказка представляет специфический вариант известного сюжета АТ 1416 о птице (зверьке) в сосуде или ларце как испытании любопытства, представленного во многих фольклорных и литературных традициях (сюда относится и названная выше сказка Грекура), в том числе в русской басне XVIII в.: «Пени Адаму и Еве» А. П. Сумарокова (ср.: *Чистов К. В. Притчи Сумарокова и русское народное творчество // Учен. зап. Карело-финск. пед. ин-та. 1955. Петрозаводск, 1956. Т. 2, вып. 1*) и «О хулители чужих дел» (между 1763 и 1767 гг.) В. И. Майкова. Заметное отличие его от других видов АТ 1416 в том, что запрет нарушает мужчина (в других вариантах — женщина или супружеская пара, но по инициативе жены). Такую сказку (где, впрочем, в ларце спрятаны мужские органы, причем настоящие) приводил в параллель к «Царю Никите» Э. Кросс (*Cross A. Puskin's Bawdy. P. 235*) по варианту «Заветных сказок» (см.: *Афанасьев А. Н. Народные русские сказки не для печати. М., 1997. С. 72—77. № 29*); есть и украинский ее вариант (см.: *Hnatjuk V. Das Geschlechterleben des ukrainischen Bauernvolkes in Österreich-Ungarn. № 395*).

Пушкин, как можно предположить, соединил несколько фольклорных источников, интуитивно восстановив их внутреннюю связь. Из фольклорных параллелей песни — русские, а наиболее близкие к «Царю Никите» сказочные тексты относятся к довольно компактной зоне — это почти исключительно украинские и сербские сюжеты; нельзя категорически утверждать, что они не бытуют в других местах Европы, однако важно, что они есть в этой юго-восточной области, т. е. как раз в тех местах и на тех языках, которые делают вполне возможным для Пушкина знакомство с этими сказками в Кишиневе; ср. многочисленные свидетельства о фольклорно-этнографических интересах Пушкина в этот период и прослеживаемую по кишиневским произведениям ассоциацию «этнографической» темы (темы многоязычного Кишинева) с эротическими и фривольными мотивами. Во всяком случае одну из сербских сказок Пушкин мог знать по письменному источнику: в первом издании словаря Вука Караджича 1818 г. (имевшемся впоследствии в библиотеке Пушкина. — Библиотека П. № 1409) под словом «пица» (*cunpus*, вульва) в качестве иллюстрации дана цитата: «Пиц! Пиц у капу! Пиц у мње!» (т. е. «Пица! Пица, в шапку! Пица, ко мне!») и пояснение по-немецки и по-латыни: «Sagte jener, dem der Vogel entflohen war, um ihn wider anzulocken, ex 'ανεκκδύτω obsceno de illo, qui aviculam (cunnum) quae avolaverat, revocabat» («Говорит некто, у кого улетела (сбежала) птица, и он пытается ее вновь заманить, из неприличного анекдота о том, кто улетевшую птичку (вульву) зовет назад») (*Karadžić V. Ст. Српски рјечник. У Бечу, 1818. С. 558*).

Все это отнюдь не отменяет релевантности названных ранее литературных источников: по крайней мере часть из них безусловно была известна Пушкину. В них обнаруживается ряд конкретных совпадений с «Царем Никитой», что никак не противоречит фольклорному генезису сюжета. Подобная двойственность фольклорных и литературных русских (славянских) и западных источников в высшей степени характерна для фольклоризма Пушкина (по существу, типологически сходный с «Царем Никитой» круг источников очерчивают для «Гавриилиады» исследования Б. В. Томашевского и М. П. Алексеева).

Жанровая традиция фривольной «восточной» сказки, как легко видеть на примерах Кребийона и Дидро, включает такие признаки, как ориентация на «кружковый» литературный быт и обилие «применений» к современности, поэтому не следует, видимо, переоценивать аллюзионность пушкинского текста, трактуя его как «сатирический» и антимонархический на основании немногочисленных «осовременивающих» анахронизмов (вроде «Нерчинска», «курьерской подорожной» или «кунсткамеры»). Еще Н. П. Огарев в предисловии к «Русской потаенной литературе» (1861) утверждал, что содержание сказки Пушкина «проникнуто (...) политическим вольномыслием» и что «в „Царе Никите” нельзя не увидеть следов (...) выросшего в обществе декабристов презрения к царской власти» (РПЛ. С. L—LI; *Огарев Н. П. Избранные произведения*. М., 1966. Т. 2. С. 476). См. также появившуюся столетием позже работу А. Э. Жаворонкова «Анекдотическая сказка Пушкина» (Учен. зап. Новгородского пед. ин-та. 1956. Т. 1, вып. 1. С. 101—118; ср. относительно сочувственную ссылку: *Левкович Я. Л. Литература о Пушкине за 1956—1957 годы* // ПИМ. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 490—491). Из подобных осовременивающих толкований (в сочетании с фрейдистскими интерпретациями) можно отметить статью Дж. Дугласа Клейтона и Наталии Веселовой (*Clayton J. D., Vesselova N. Resexing Literature : Tzar Nikita and His Forty Daughters* // *Taboo Pushkin : Topics, Texts, Interpretations* / Ed. Al. D. Gillespie. The University of Wisconsin Press, 2012. P. 224—238), а также попытку Чезаре Де Микелиса увидеть в сюжете «Царя Никиты» аллюзию на закрытие масонских лож в августе 1822 г., т. е., вполне вероятно, после окончания сказки (см.: *Púskin A. Fiabe in Versi* / A cura di C. G. De Michelis. Venezia, 1990. P. 14—17).

Ч. Де Микелис справедливо отметил важную особенность «Царя Никиты» — его отличие от барковской традиции (прослеживающейся и у Пушкина), которая характеризуется не столько даже эротической тематикой, сколько обценной лексикой. Стилистические характеристики «Царя Никиты» свидетельствуют об ориентации на жанровую традицию французских contes. При этом квазивосточный колорит французских «сказочек» за счет простейших приемов (начальная и конечная формулы, сказочные «реалии») перекодируется на русский квазифольклорный.

В перспективе кишиневского (и шире — южного) периода творчества, и даже в узком контексте Второй кишиневской тетради (ПД 832), «Царь Никита» оказывается соотносенным как с опытами в жанре баллады («Песнь о вещем Олеге»), так и с попытками создания «русской поэмы» со сказочными («Бова») или былинными и летописными («Мстислав», «Вадим») ассоциациями, причем сказка о «Царе Никите» оказывается единственной осуществленной из этих попыток. На фоне замыслов «Мстислава» и «Вадима» (т. е. в «синхронном» аспекте) создание «Царя Никиты», видимо, нужно трактовать как реализацию «сниженного» варианта русской поэмы (очередной пример «двойных решений», самым известным из которых является «Граф Нулин» по отношению к «Борису Годунову»). С другой стороны, в «диахро-

ническом» аспекте, в перспективе позднейшего творчества Пушкина и прежде всего сказок 1830-х гг. написание «Царя Никиты» выглядит не «вариантным» решением, а первым опытом нового жанра — русской сказки. «Неприличную», «низкую» тематику в этом случае можно рассматривать не как снижение жанра поэмы, а как признак иного, «низкого» жанра. В этой связи отметим, что в той же тетради, где записаны первые строки о царе Никите, находится и первая запись сюжета «Сказки о царе Салтане» (ПД 832, л. 30 об.). О «Царе Никите» как первом произведении, обладающем характерными признаками пушкинского «сказочного цикла», в частности метрическими, писали уже Б. В. Томашевский (в неопубликованной статье для «Пушкинской энциклопедии» — РГБ, ф. 645, карт. 5, д. 13, л. 27) и Р. О. Якобсон (*Jakobson R. K Puškinovým ohlasům lidové poesie // Vybrane spisy A. S. Puškina. Praha, 1938. T. 4; англ. пер.: On Puškin's Responses to Folk Poetry // Jakobson R. Selected Writings. The Hague, 1979. Vol. 5. P. 279*). Фольклорность четырехстопного хореев в пушкинских сказках, включая «Царя Никиту», отмечал и В. Л. Комарович (см.: *Комарович В. Л. Вторая кавказская поэма Пушкина // П. Врем. [Т.] 6. С. 220—221; см. также: Лотман М. Ю., Шахвердов С. А. Метрика и строфика Пушкина // Русское стихосложение XIX в. М., 1979. С. 206*).

Ст. 1. *Царь Никита жил когда-то...* — Первоначальный вариант имени в автографе — Василий (см. раздел «Другие редакции и варианты» — наст. т., с. 456). По всей видимости, здесь имела место чисто этимологическая игра (греч. βασιλεὺς — «царь»). Имя Никита иногда связывают с дядькой Пушкина Никитой Козловым, писавшим стихи на темы из народных сказок (см.: *Эйдельман Н. Я. Большой Жанно. М., 1982. С. 311*); он упоминался в не дошедших до нас строфах фривольного кишиневского стихотворения «Раззевавшись от обедни» (см. наст. т., с. 229, 617).

Ст. 5—6. *Царь трудился понемногу, Кушал, пил, молился Богу...* — Ср. в «Нескромных сокровищах» Дидро: «Благодаря своим счастливым способностям и продолжительным урокам наставников, Мангогул не упустил ничего из тех познаний, какие молодой принц обычно приобретает в первые 15 лет своей жизни, и умел к двадцати годам пить, есть и спать не хуже всякого властелина его возраста» («Grâce aux heureuses dispositions de Mangogul, et aux leçons continuelles de ses maîtres, il n'ignora rien de ce qu'un jeune prince a coutume d'apprendre dans les quinze premières années de sa vie, et sut, à l'âge de vingt ans, boire, manger, et dormir aussi parfaitement qu'aucun potentat de son âge» — *Œuvres de Denis Diderot. Nouv. éd. T. 5. P. 5; Дидро Д. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1937. Т. 3. С. 191*). Тот же мотив см. в «Сказке о золотом петушке» (1834).

Ст. 7—8. *И от разных матерей Прижил сорок дочерей...* — Параллель к пушкинскому мотиву, возможно, дает баллада В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» (1810), в которой Громобой имеет 12 дочерей от разных матерей («И в двенадцать дочерей / Имел от обольщенных»; отмечено: *Строганов М. В. Из комментариев к сказке Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей» // Славянские чтения. Даугавпилс, 2003. Кн. 3. С. 12*; высказанное там же предположение, что «в качестве источника следует назвать и библейскую Книгу судей [12:14], где у судьи Израиля Авдона „было сорок сыновей“», представляется сомнительным).

Ст. 12. *Что за ножка, Боже мой!* — Тема «ножки» также связана с французским источником — романом Н. Э. Ретифа де ла Бретона (*Restif de La Bretonne; 1734—1806*) «Ножка Франшетты» («*Le Pied de Fanchette*», 1769) (см.: *Томашев-*

ский Б. В. Мелочи о Пушкине. I. Маленькая ножка // ПиС. Л., 1930. Вып. 38—39. С. 76—78). Ретиф в свою очередь опирался на рассуждения «о прелестях красивой ножки» (в частности, о метонимической связи «ножка—vulva») в «Жизнеописаниях галантных дам» («Les Vies des dames galantes») Брантома (Branthôme; П. де Бурдейль (de Bourdeille), сеньор де Брантом; ок. 1540—1614), сочинения которого были в библиотеке Пушкина (см.: Библиотека П. № 672). Метонимическое значение ножки используется и в «Нескромных сокровищах» Дидро (гл. 47). Ср. двусмысленное воспевание ножки в XXXII строфе первой главы «Евгения Онегина»: «Она, пророчествуя взгляду / Неоцененную награду, / Влечет условною красой / Желаний своевольный рой» (Акад. Т. 6. С. 18); в связи с этим см.: Добрицын А. А. Либертинская модель поведения и язык французского либертинажа в «Евгении Онегине» // Врем. ПК. Вып. 32 (в печати).

Ст. 16—17. *Словом, с головы до ног Душу, сердце все пленяло.* — Ср. стих из вольного переложения Карамзиным куплетов из оперы А.-Э.-М. Гретри (Grétry; 1741—1813) «Петр Великий» («Pierre le Grand», 1790): «Душу, сердце украшать» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 240 (Сер. «Литературные памятники»); ср. также начало: «Жил был в свете добрый Царь / Православный Государь»); также в стихотворении А. Г. Волкова «К соловью»: «Сколько ты меня пленяешь / Сердце, душу восхищаешь» (Свиток муз. СПб., 1802. Кн. 1. С. 122; Поэты-радищевцы. Л., 1979. С. 263 (Б-ка поэта; Большая сер.)). У Пушкина встречается целый ряд описаний «с головы до ног», где используются близкие формулы: «Блистаньем зеркальных очей / И этой ножкою нескромной...» («Гречанке», 1822) (см. наст. т., с. 78); «Кудри черные до плеч / Голос нежный / (...) Размалеванные брови / И широкая нога» («На Колосову», 1820) (см. наст. изд., т. 1, с. 71); «Ходит маленькая ножка / Вьется локон золотой» («Город пышный, город бедный...», 1828) и др. Ср. обобщение в портрете Марии в «Бахчисарайском фонтане»: «Все в ней пленяло: тихий нрав, / Движенья стройные, живые / И очи томно-голубые» (Акад. Т. 4. С. 160; характерно появление ножек в черновиках этого фрагмента: «Никто равняться с ней не мог — / Когда на играх Терпсихоры / Она полетом стройных ног / Невольно [увлекала] взоры» — Там же. С. 389).

Ст. 19—21. *Да чего же одного? Так, безделка, ничего, Ничего иль очень мало...* — Параллели к этим стихам (Дидро, Кребийон) указаны выше (с. 948). Подобный прием лукавого намека-умолчания использован Пушкиным в стихотворении «К Наталье» (1813):

Всё к чему-то ум стремится,
А к чему? — никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.
Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
(Наст. изд., т. 1, с. 12)

(Отмечено: Пильщиков И. А. «Ничего иль очень мало...». С. 476). Ср. также у М. Н. Муравьева: «Его смущает сновиденье, / Безделка, ничего...» («Во друге истинном какое наслажденье!...», 1780-е гг.) (Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 233 (Б-ка поэта; Большая сер.)); у Е. И. Кострова: «Безделка нам во всем

нужна, / Безделка нам во всем важна...» («Безделка», 1786) (Костров Е. И. Полн. собр. всех соч. и переводов в стихах. СПб., 1802. Ч. 1. С. 184); в послуживших источником Кострову французских «Стихах любезного философа» («Vers d'un Philosophe aimable»; авторство однозначно не установлено): «Un rien est de grande importance, / Un rien produit de grands effets...» etc. (Безделка очень важна, безделка приводит к большим последствиям... и т. д. — фр.) (см.: Добрицын А. А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII—начала XIX века. Ветп, 2008. С. 68—69).

Ст. 23. Как бы это изъяснить... — Б. Л. Модзалевский связывал этот риторический оборот со сказкой И. И. Дмитриева «Модная жена» (1791):

Однажды быв жена — вот тут беда моя!
Как лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не так чтобы больна, не так чтобы здорова,
А так... ни то ни се... как будто не своя.

(Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений.
Л., 1967. С. 173 (Б-ка поэта; Большая сер.))

(См.: Письма. Т. 1. С. 122, 415—416; также см.: Пильщиков И. А. «Ничего иль очень мало...». С. 473). Впрочем, подобные риторические формулы весьма частотны.

Ст. 25—26. Богомольной нашей дуры, Слишком чопорной цензуры? — Пример цитирования этих строк современником Пушкина см. выше (с. 942). Варианты рифмы «дура—цензура» находим также в эпиграмме «Когда б писать ты начал сдуру...» (1821) и в пропущенной IX строфе «Домика в Коломне». Ср. в этой связи перифраз той же мысли в письме Пушкина к А. А. Бестужеву от 21 июня 1822 г.: «Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице; кажется, голубушка еще поумнела. Не понимаю, что могло встревожить ее целомудренность в моих элегических отрывках (...) но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа» (Акад. Т. 13. С. 38).

Ст. 32—33. Я люблю в Венере грудь, Губки, ножку особливо... — В своем списке М. Н. Лонгинов сделал к этому месту примечание: «О любви своей к стройным женским ножкам Пушкин написал прелестные строфы в первой главе „Евгения Онегина“» (Лон—Полт, л. 73; см. строфы XXXI—XXXII первой главы «Евгения Онегина»).

Ст. 51. Нерчинск — город в Забайкалье. В XVIII—XIX вв. в Нерчинском округе было несколько каторжных тюрем.

Ст. 63. Дамам вырежу язык... — Наказание, в русской истории не выдуманное: в частности, еще в 1743 г. по обвинению в заговоре против Елизаветы Петровны так была наказана Н. Ф. Лопухина и ее ближайшие родственники. Ср. также запись Пушкина в «Table-talk»: «Некто к(нязь) Х(ованский), возвратясь из Парижа в Москву, отличался невосдержанностию языка и при всяком случае язвительно поносил Екатерину. Императрица велела сказать ему через фельдмаршала графа Салтыкова, что за такие дерзости в Париже сажают в Бастилию, а у нас недавно резали язык, что, не будучи по природе жестока, она для такого бездельника, каков Х(ованский), нрав переменять не намерена, однако советует ему впредь быть осторожнее» (Акад. Т. 12. С. 169).

Другие редакции и варианты

Продолжение текста после ст. 75

Ст. 78. *Царь — в совет...* — На фоне других анахронизмов сказки эта фраза могла читаться как упоминание Государственного совета (с 1810 г. высший законосовещательный орган при российском императоре).

Ст. 84. *Как лечить такой недуг.* — Параллель у Дидро см. выше, с. 948.

Ст. 88. *И царю он так вавакнул...* — Вавакать, вавакнуть — сказать что-либо некстати, глупо (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 1914. Т. 1. Стб. 390—391).

Ст. 97. *Всем недугам пособляла...* — В эротических сказках весьма распространена фигура старухи-знахарки (но не ведьмы), которая «лечит» девушкам вымышленные болезни гениталий. «Лечение» заключается в том, что девушку насилует спрятанный заранее парень (см., например, «Чудесная мазь» («Чесалка») — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки не для печати. С. 140—152, № 50, 54; Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М., 1996. С. 72—73. № 12; *Krauss F. S.* Südslawische Volküberlieferungen. № 275, 276).

Ст. 108. *На бобах нас проведет...* — См. примеч. к ст. 143.

Ст. 110—112. *Будь я шельма и бездельник, Если в чистый понедельник Сжечь колдунью не велю...* — Чистый понедельник — первый день Великого поста (7 недель до Пасхи). В пост и на Святой неделе, начиная с Чистого понедельника, запрещены сексуальные отношения. В католической традиции с началом поста связан день «Пепельной среды», когда сжигают ветошь.

Ст. 115. *По курьерской подорожной...* — В пушкинское время документ, выдававшийся путешествующим по срочной служебной надобности; он давал право не платить «прогоны» и на каждой почтовой станции забирать вне очереди лошадей.

Ст. 126—127. *Видит там — стоит избушка; Ведьма в ней живет старушка.* — Этот типично сказочный эпизод имеет, возможно, и литературные источники. Близкое совпадение (включая рифму) находим в эпизоде сожжения в Аид в «Душеньке» (1778—1783) И. Ф. Богдановича (1743—1803):

Зефир скорей стрелы пустился паки в свет

И ей полезный дал совет

Идти в дремучий лес, куда дороги нет.

В лесу, он ей сказал, представится избушка,

А в той избушке ей представится старушка...

(Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957.

С. 120 (Б-ка поэта; Большая сер.)).

Ст. 143. *Уголочком запаслась...* — Ср. комментарий Б. В. Томашевского в неопубликованной статье для «Пушкинской энциклопедии»: «Для того, чтобы сказать, что ведьма „проведет на бобах“ или что она „уголочком запаслась“, не было необходимо быть особенно посвященным в тайны русских народных заговоров и гаданий. Ведь еще Николев в „Самолюбивом стихотворце“ писал: „А порчи едакой ни углем, ни бобами / Ни шоптом первых док нельзя отворожить“» (ОР РГБ, ф. 645, карт. 5, д. 13, л. 27).

Ст. 150. *Их там было всех сортов, Всех размеров, всех цветов...* — параллель в украинской сказке отмечена выше (с. 950). Ср. в «Нескромных сокровищах»

Дидро: «...Он принес сокровища всех возрастов, всех размеров, всевозможных состояний и цветов» («...Il en avait apporté de tout âge, de toute grandeur, de tout état, de toute couleur»). Ср. там же: намордники для «сокровищ» «имеются — всех размеров, на все возрасты, на все цены» («de toute grandeur, pour tout âge et à tout prix») (Œuvres de Denis Diderot. Т. 5. Р. 56, 78). По мнению Б. М. Гаспарова (эпистолярное сообщение, 1981), образцом для Пушкина могла послужить и ария Лепорелло из «Дон Жуана» Моцарта, где перечисляются дамы «всех состояний, всех форм, всех возрастов»: «donne d'ogni grado, / D'ogni forma, d'ogni età» (Il dissoluto punito ossia Don Giovanni Tenorio : Dramma semiserio per musica in 2 atti. Milano, 1816. Р. 16).

Ст. 156. *И под ключ в ларец замкнула...* — Тема ключа и замка повторяется далее неоднократно (ст. 173, 176, 213), как бы дублируя основную метафору сказки (о ключе и замке см.: *Адрианова-Перетц В. П.* Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок // Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 502).

Ст. 184. *На сучках прямых засели...* — Очевидный источник этой картины — анакреонтическое «Шуточное желание» (1802) Г. Р. Державина (отмечено: *Строганов М. В.* «Кандид» Вольтера в «Руслане и Людмиле» Пушкина // Художественное восприятие. Калинин, 1988. С. 63—64), которое в свою очередь восходит к двестишю И. С. Баркова: «Коль лъзя было летать пиздам подобно птицам, / Хорош бы был сучок елдак сидеть девицам» (см.: *Макогоненко Г. П.* «Враг парнасских уз» // РЛ. 1964. № 4. С. 144; *Степанов В. П.* Барков И. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 62; в качестве параллели указан и «Царь Никита»). Сюжет пушкинской сказки как бы переходит от ситуации, рисуемой Державиным («птички» на настоящих сучках), к барковской ситуации — «птички» на метафорическом «сучке» (в единственном числе).

Ст. 187. *Сухарями их прельщать...* — Мотив переманивания с дерева и кормления «птичек», возможно, связан со славянским ритуальным комплексом закличания весны (подробнее см.: *Левинтон Г. А., Охотин Н. Г.* «Что за дело им — хочу...». С. 31—32). Из литературных параллелей, стоит отметить «Птицелова» (1800) Г. Р. Державина:

Эрот, чтоб слабым стариком
Казаться, гуно вздел худую,
Покрылся белым париком,
И бороду себе седую
Привеся, посох в руки взял;
Пошел в лесу ловить дичину
И там по сучьям раскидал
Так хитро сеть, как паутину;
А нужно где, то и золотой
Рассыпал по местам пшеницы,
Чтобы приманкою такой
Скорее побуждались птицы
Слетаться в потаенну сеть.

(*Державин Г. Р.* Соч. / С объяснит.
примеч. Я. Грота. СПб., 1865. Т. 2.
С. 353—354)

Метафора Державина вскрывается в конце стихотворения: превращение самого Амура в стрелу, маска старика (имеющая в фольклоре отчетливо сексуальные коннотации), потекшая кровь:

Вспорхнул — и к добыче пустился,
Сверкнул, как огнена стрела,
И в сердце вмиг ее вонзился:
Ручьем кровь ала потекла.
Ах! не клевать было пшеницы
Вам, бедным пташкам, золотой!
Не верьте, красные девицы,
Вперед и бороде седой!

(Там же)

Ср.: «С колчаном лук на что, стрелы хоть не бывало? / Ты сам собой стрела, но тупо твоё жало» в «Надписи 13. Амур» И. С. Баркова (*Барков И. С. Девичья игрушка*. С. 197).

Б. М. Гаспаров в качестве параллели приводил к этому месту арию Папагено из «Волшебной флейты» Моцарта («Я птицелов»), где герой собирается кормить птиц-девушек сахаром (эпистолярное сообщение, 1981). В связи с этим фрагментом сказки упоминался также эпизод из трактата «Молот ведьм» («*Malleus maleficarum*», 1486), где ведьмы заставляют мужчин думать, что их якобы исчезнувшие члены обитают в птичьем гнезде или ящике и питаются овсом (*Gerhardt D. Wer kauft Liebesgötter? : Metastasen eines Motivs // Neue Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen*. Berlin; New York, 2008. С. 118—119).

Ст. 193 и след. *Вот тащится по дороге...* — Параллель к этому эпизоду Н. О. Лернер усматривал в сказке Вольтера «Что нравится женщинам» («*Se qui plaît aux dames*», 1764), начало которой было переведено Пушкиным («Короче дни, а ночи доле...», 1825): рыцарь Роберт должен под страхом смерти принести королеве ответ на вопрос, стоящий в заглавии; встреченная старуха открывает ему тайну, спасает его и затем требует, чтобы он женился на ней. «Их встреча, — замечает Лернер, — очень напоминает встречу гонца царя Никиты с такою же жалкой старухой, которая научила его, как изловить беглянок» (*Лернер Н. О. Рассказ про доброго Роберта // ПиС. 1930. Т. 38—39. С. 111*). Однако при сравнении «Царя Никиты» с эпизодом из Вольтера следует учесть, что старуха у дороги отнюдь не тождественна ведьме в избушке и вообще не обладает никакими признаками сверхъестественного существа; там, где другие встречные старушки проявляют волшебную силу (например, в сказках о поисках мужских органов), эта просто дает рациональный совет, по существу объясняя, «что нравится женщинам».

Ст. 216. *Прямо в клетки посадили.* — Это развитие птичьей метафоры находит аналог, причем более мотивированный, в «Сонете» И. С. Баркова (связанном и с мотивом сетей птицелова — см. коммент. к ст. 187): «Если б так хун летали, / Как летают птицы, / Их бы тотчас поймали / Красные девицы. / Все расставили бы сетки, / Посадили б в нижни клетки» (*Барков И. С. Девичья игрушка*. С. 213; близкое соответствие у Дидро см. выше, с. 947). Ср. также начало приписанного Баркову перевода стихотворной сказки Жака Вержье (*Vergier; 1657—1720*) «Соловей» («*Le Rossignol*», 1709), которую еще в начале XIX в. нередко приписывали Лафонтену (*La Fontaine; 1621—1695*): «Скажу тебе, как де-

вушка лукавство отгадала / И без клетки соловья поймать собой узнала» (сб. «Девичья игрушка» сер. 1780-х гг. из собр. Б. А. Успенского); в оригинале это заключительные строки: «Enfants, le rossignol est maintenant en cage; / Il peut chanter tant qu'il voudra» (Дети, соловей теперь в клетке; он может петь, сколько хочет — фр.) (Contes et nouvelles en vers. Par M. de La Fontaine. Paris, 1803. Т. 2. Р. 247; Œuvres de Vergier. Nouv. éd. Lausanne, 1750. Т. 1. Р. 116). В «Декамероне» Боккаччо (4-я новелла 5-го дня), бывшего прямым источником «Соловья»: «...соловья-то он (любовник. — Ред.) посадил в свою клетку, а не в чужую» («...si ch'egli si troverrà aver messo l'usignuolo nella gabia sua e non nell'alt rui») (Боккаччо Дж. Декамерон / Пер. А. Н. Веселовского. М., 1955. С. 325; Il Decameron di messer Giovanni Boccaccio. Milano, 1816. Т. 2. Р. 321). Многочисленные параллели и источники новеллы Боккаччо см.: *Rotunda D. P. Motif-Index of the Italian Novella in prose*. Bloomington, 1942 (мотив: Т. 36); *Lee A. C. The Decameron: Its Sources and Analogues*. London, 1909. Р. 364—374 (там же см. об атрибуции французской переделки Лафонтену и Вержье). Другой перевод «Соловья» атрибутировался Д. П. Горчакову, которому Пушкин пытался приписать «Гавриилиаду» (см.: *Каллаш В. В. Материалы и заметки по истории русской литературы*. СПб., 1903. С. 14—22 (отд. отт. из Изв. ОРЯС. Т. 8, кн. 3); *Степанов В. П. Горчаков Д. П. // Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. С. 226). Э. Кросс, привлекавший новеллу Боккаччо как образец «птичьей метафоры», известный Пушкину, ссылается, как и Каллаш, на прозаический ее перевод, напечатанный под псевдонимом Да-Су Подтакалов: «Соловей, молодой птицеловкою пойманный» (Веселая беседа. М., 1785. Т. 1; *Cross A. Puskin's Bawdy*. Р. 227, 235). Ряд европейских изобразительных источников, раскрывающих тему ловли крылатых (мужских) органов, см.: *Gerhardt D. Wer kauft Liebesgötter? S. 118*). В эротической гравюре XVIII в. клетка с птичьей символизовала девичью невинность, а пустая соответственно — ее утрату (см., например: *Озерков Д. Ю. Воспитание Амура : Французская гравюра галантного столетия в Собрании Эрмитажа : Каталог выставки*. СПб., 2006. С. 54, 106).

Ст. 223—225. *Из Кунсткамеры в подарок Послан ей в спирту огарок (Тот который всех дивил)...* — Принято считать, что речь идет о петербургской Кунсткамере (в ст. 227 также названа «кабинетом»), основанной Петром I (см., например: *Формозов А. А. Пушкин и древности : Наблюдения археолога*. М., 1979. С. 9). Не исключено, что здесь отразились слухи об огромном мужском органе, хранящемся в Кунсткамере (не безразличным для «Царя Никиты» представляется и имя бывшего «владельца» данного экспоната, легендарного гайдука или кучера Петра Первого — Аники (производное от Аникита). Ср. описание реальных органов великана Н. Буржуа: «Великан Петра I (...) Его части отосланы на сохранение в Кунсткамеру 3 мая 1724 г. (...) Прочие его части, которые по чрезвычайной величине своей многих обращают на себя внимание» (Беляев О. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Ч. 1. С. 191—192; ср. также описание анатомического кабинета: «12 и 13 шкаф занимают детородные мужские и женские члены»; «Собрание мужских детородных членов — 98. Собрание женских детородных членов — 66» — Там же. Ч. 2. С. 33, 35). Любопытно, что сходный мотив появляется в рассказе К. Ф. Рылеева «Женская игрушка», герой которого в результате недоразумения покупает жене искусственный мужской орган: «Сия искусственная вещь ей вовсе не нужна, но она может послужить украшением кабинета редкостей, который достался мне от одного натуралиста» (Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. С. 400). В «кабинет натураль-

ной истории» собирается поместить летучую «драгоценность» и одна из героинь сказки Ш. Борде «Парапила». Репи́ невероятных размеров, помещенный в кунст-камеру, — мотив, постоянный для барковской традиции (см.: Под именем Баркова : Эротическая поэзия XVIII—начала XIX века. М., 1994. С. 33, 49).

Разночтения копий. После 229. *Многие меня поносят... И теперь, пожалуй, спросят, Глупо так зачем шучу? Что за дело им — хочу!* — Не исключено, что это заключительное четверостишие сказки, сохранившееся лишь в малом числе списков, было отзывом на резкую критику А. Г. Глаголева, который завершил свою статью против «Руслана и Людмилы» следующим пассажем: «Чего ждать, когда наши поэты начинают пародировать Киршу Данилова? Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание Еруслану Лазаревичу? (...) Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины вновь появились между нами! Шутка грубая, неодобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна. Dixi» (В. 1820. № 11. С. 220; П. в критике, I. С. 27). Пушкин процитировал эти строки Глаголева в предисловии ко второму изданию поэмы (1828) (см.: Акад. Т. 4. С. 284).

DUBIA

〈НА ФОТИЯ〉

(«Полу-фанатик, полу-плут...»)

(С. 155 и 467)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Бартенева (Бар) — под заглавием: «Ему же», после эпиграмм: «Вот Хвостовой покровитель...» и «Он добрый мальй, брат сестрицам...», первая из которых озаглавлена: «На Голицына». Напечатано: Лет. ГЛМ. С. 513 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

2) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «На него же», между эпиграммами: «Он добрый мальй, брат сестрицам...» и «Полу-фанатик, полу-плут...», первая из которых озаглавлена: «На князя А. Н. Голицына».

3) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «А. Н. Голицын».

4) Тетр. Якушкина (Якуш) — под заглавием: «Фотию» (с датой под текстом: «1819»).

5) Е. И. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 104, л. 20) (Якуш₁) — под заглавием: «Фотию». В составленном Е. И. Якушкиным во второй половине 1850-х гг. сборнике копий произведений Пушкина (в переплете, с тиснением на корешке: «Сочинения Пушкина»; из собрания В. Е. Якушкина).

6) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «Ему же», после эпиграммы: «Он добрый мальй, брат сестрицам...», которая озаглавлена: «К Голицыну».

7) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «Фотию». Напечатано: Ефр. 1880. Т. 1. С. 212 (ст. 4—6, после эпиграммы «Вот Хвостовой покровитель...» под общим заглавием: «На кн. А. Н. Голицына»).

Копии 2—4 и 6 напечатаны: Акад. Т. 2. С. 1003 (в виде вариантов; публ. М. А. Цявловского).

Копии, бывшие в распоряжении Н. В. Гербеля, Н. П. Огарева и Г. С. Чирикова, по которым ими были осуществлены публикации стихотворения (см. ниже), в настоящее время неизвестны.

Впервые: Герб. С. 98, под общим заглавием: «Князю А. Н. Голицыну» с эпиграммами «Вот Хвостовой покровитель...» и «Он добрый мальй, брат сестрицам...»; РПЛ. С. 94 (публ. Н. П. Огарева), под заглавием: «Фотию». В России впервые: Ефр. 1880. Т. 1. С. 212 (ст. 4—6); полностью впервые: Чириков Г. С. Заметки на новое издание сочинений Пушкина // РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 178.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1880. Т. 1. С. 212 (ст. 4—6); Т. 5. С. 531 (ст. 1—4).

Печатается по Герб.

Датируется предположительно 1824 г. (не ранее июня).

Адресат эпиграммы — архимандрит Фотий (в миру Петр Никитич Спасский; 1792—1838). Родился в семье церковного чтеца. В 1814 г., окончив Новгородскую семинарию, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, через год был отчислен по болезни и определен учителем латинского и греческого языков, славянской грамматики, церковного устава и закона Божьего в Александровское духовное училище при Петербургской семинарии. Общение с ректором семинарии, архимандритом Иннокентием (Смирновым) (1784—1819), аскетом, противником мистицизма и западных христианских учений, определило мировоззрение Фотия. В 1817 г. он принял монашеский постриг, получил сан иеромонаха и был назначен законоучителем во Второй кадетский корпус. С этого времени начинается борьба Фотия против обществ мистической направленности — масонов, иллюминатов, методистов, А. Ф. Лабзина (1766—1825), В. Ю. Крюденер (Krüdenер; 1764—1824), А. П. Хвостовой (1768—1853) и др. (см.: Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // РС. 1894. № 7. С. 211—230; № 9. С. 204—231). Весной 1820 г. состоялась первая встреча Фотия с графиней А. А. Орловой-Чесменской (1785—1848), ставшей позднее его духовной дочерью и щедрой дарительницей его монастырей (подробнее см. в примеч. к эпиграмме «Гр. А. А. Орловой-Чесменской» — наст. т., с. 965). Вскоре, после одной проповеди в Казанском соборе, обратившей на себя внимание директора Департамента духовных дел А. И. Тургенева, Фотий был удален из столицы и назначен настоятелем Деревяницкого монастыря близ Новгорода. Орлова присылала щедрые пожертвования монастырю и хлопотала о его возвращении. В январе 1822 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Серафим (Глаголевский; 1757—1843) перевел Фотия в Сковородский монастырь с возведением в сан архимандрита, затем вызвал его в Петербург. 5 июня 1822 г. Фотий был принят Александром I, результатом аудиенции стал рескрипт императора министру внутренних дел В. П. Кочубею о запрещении масонских лож и тайных обществ на территории Российской империи. В августе 1822 г. Фотий был награжден драгоценным наперстным крестом и назначен настоятелем новгородского Юрьева монастыря. На средства Орловой он восстанавливал монастырь, строил новые храмы. Весной 1824 г. Фотий стал одним из главных участников в кампании против министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына (подробнее см. в примеч. к эпиграмме «(На кн. А. Н. Голицы-

на)» — наст. т., с. 805—807). 25 апреля в доме А. А. Орловой Фотий предал Голицына анафеме.

По характеристике В. И. Панаева, «архимандрит Фотий, недоучившийся студент с.-петербургской академии, был полудиккий, иступленный фанатик, совершенный старообрядец, еще более не терпящий нововведений и духовенства других исповеданий» (Панаев В. И. Воспоминания // ВЕ. 1867. № 4. С. 80). «Сын простого дьячка, обязанный всем самому себе, — писал о Фотии М. А. Корф, — Фотий умел приобрести не простую приязнь, а полную дружбу графа Аракчеева, свергнуть (в 1824 году) — при помощи митрополита Серафима, генерал-адъютанта Федора Петровича Уварова и того же Аракчеева — князя Александра Николаевича Голицына с поста министра духовных дел и народного просвещения; внушить слепое, рабское себе повиновение графини Орловой, дочери знаменитого героя Чесменского; наконец, возвести на высшую степень благолепия и богатства древнюю Юрьевскую обитель (...). Жизнь его была всегда жизнью истинного отшельника, преисполненной всех возможных лишений для самого себя и щедрых даяний бедным новгородским монастырям и церквям, равно как множеству частных лиц. — Несмотря, однако же, на все это, он был почти ненавидим в обществе, которое называло его иезуитом, Тартюфом, волком в овечьей шкуре и проч. Этому нерасположению способствовали, конечно, с одной стороны, общая ненависть к его другу Аракчееву, а с другой — и то несоответственное иноческому званию дерзкое высокомерие, которое Фотий ко всем оказывал, встречая каждого, без различия пола, лет и звания, хотя бы то был и высший сановник, грубым „ты”. Император Николай, вероятно, по нерасположению к Аракчееву, может быть, отчасти, и по наговорам приближенных лиц, никогда не благоволил к юрьевскому архимандриту» (Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 56). Современники использовали для характеристики Фотия парафразы эпиграммы. Н. И. Греч вспоминал: «По вступлении на престол Николая рухнуло все это здание, составленное из флигелей Аракчеевского и Голицынского. (...) Пали и исчезли и протестантские иезуиты с своими библиями, из которых черкесы делали патроны, и с трактатами, пославшими не одного человека в дом умалишенных. Пали и исчезли Фотий и другие монахи, полуплуты и полудураки!» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 587). Фотий был объектом эпиграмматических выпадов. См., например, анонимную эпиграмму в письме А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву от 15 апреля 1826 г.:

Се лицемер, исчадь злое ада,
Магницкого первейший друг,
Безбрачных старых дев супруг,
И, словом, русский Торквемада!
(РА. 1871. № 7—8. Стб. 994)

Принадлежность эпиграммы «Полу-фанатик, полу-плут...» Пушкину сомнительна. Первый русский публикатор эпиграммы П. А. Ефремов напечатал ее в разделе произведений 1818 г., после эпиграммы «Вот Хвостовой покровитель...» под общим заглавием: «На кн. А. Н. Голицына». Г. С. Чириков, печатая полный текст, заметил, что «эта эпиграмма в некоторых зарубежных изданиях (РПЛ. — Ред.) относится и к известному тогдашнему времени архимандриту Фотию и, действительно, весьма пригодна и для него» (Чириков Г. С. Заметки на новое издание сочинений

Пушкина // РА. 1881. Т. 1, № 1. С. 178). В следующем собрании под своей редакцией Ефремов напечатал эпиграмму полностью, но предложенной Чириковым поправки к тексту (в ст. 4) и адресации не принял (см.: Ефр. 1882. Т. 1. С. 199, 498). Как направленная против Фотия эпиграмма печатается в собраниях сочинений Пушкина, начиная с Мор. 1887 (Т. 1. С. 196). Л. Н. Майков, сохранивший, впрочем, заглавие «На князя А. Н. Голицына» (общее с эпиграммой «Вот Хвостовой покровитель...») датировал ее 1819 г. (Майков. Материалы. С. 53—54). Эту дату принял Ефремов, отметивший в примечаниях, что «эпиграмму эту долгое время неправильно относили тоже к кн. Голицыну, тогда как она написана на его противника...» (Ефр. 1903—05. Т. 1. С. 324; Т. 8. С. 124), В. Е. Якушкин (см.: АН 1900—29. Т. 2. С. 62. Примеч. С. 152), С. А. Венгеров (Венг. Т. 1. С. 551). На более позднее время написания эпиграмм на Фотия (в первую очередь «Гр. А. А. Орловой-Чесменской» («Благочестивая жена...») и «Разговор Фотия с гр. Орловой» («Внимай, что я тебе вещаю...»)) указал Н. О. Лернер, подтвердивший мемуарно-биографическими сведениями, что имя Фотия стало широко известно в обществе только с начала 1822 г., после вступления его в сан архимандрита (Лернер Н. О. Пушкин, Фотий и гр. Орлова // Голос минувшего. 1913. № 4. С. 82—84). Хронологические изыскания Лернера были подтверждены мемуарными источниками в работе В. П. Драганова 1914 г., опубликованной в 1923 г. (см.: Драганов В. П. Приписываемые Пушкину эпиграммы на архимандрита Фотия и графиню Орлову // Пушкинист, IV. С. 270—279). Здесь впервые было указано, что эпиграмма на Фотия не могла быть написана ранее весны 1824 г., поскольку «проклятие» (предание Фотием Голицына анафеме) произошло в апреле 1824 г. (см.: Там же. С. 277—278). Драганов при этом считал, что повторение приема, реализованного Пушкиным в эпиграмме «〈На Воронцова〉» («Полу-милорд, полу-купец...») (см. наст. т., с. 100), — использование морфемы полу- — не характерно для поэта и предположил, что эпиграмма на Фотия написана не Пушкиным, но «кем-то, знавшим эпиграмму Пушкина на Воронцова» (Там же. С. 278). Противоположное утверждение содержится в редакторском послесловии Н. В. Яковлева, видевшего здесь пушкинский «уже раз блестяще оправданный художественный прием» (Там же. С. 281). В изданиях под редакцией М. А. Цявловского, предшествовавших Акад., эпиграмма отнесена к дубиальным произведениям 1818—1820 гг., написанным до отъезда Пушкина на юг. В Акад., сохранив дубиальный статус, эпиграмма передатирована М. А. Цявловским «предположительно 1824 г. (не ранее июня)» (Т. 2. С. 1204). За авторство Пушкина категорически, хотя и без развернутой аргументации, высказалась Т. Г. Цявловская: «Здесь не место доказывать, что сомнения в принадлежности эпиграммы Пушкину должны быть отвергнуты. Я предполагаю аргументировать это в другой статье» (Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры» // Пушкин на юге : Тр. Пушкинской конф. Одессы и Кишинева. Кишинев, 1961. Т. 2. С. 185). Там же Т. Г. Цявловская мотивировала датировку Акад.: «Анафему против Голицына Фотий провозгласил после 20 апреля, когда он был принят Александром с секретного входа, а 15 мая Голицын был смещен с министерского поста. Новости эти могли дойти до Одессы, где в это время находился Пушкин, к июню». Современным исследователем стилистическое созвучие с эпиграммой на Воронцова также трактуется в пользу принадлежности эпиграммы Пушкину (см.: Петров М. Н. Три эпиграммы А. С. Пушкина? : (Мнение историка) // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 105).

Ст. 1. *Полу-фанатик, полу-плут...* — О «плутовстве» Фотия, связанном прежде всего с использованием денег графини Орловой, ходило много слухов. По воспоминаниям А. М. Тургенева, «15-ть миллионов рублей графиня истратила с отцом Фотием на разные дела» (*Тургенев А. М. Записки // РС. 1895. № 6. С. 46*). А. Е. Измайлов сообщал в письме к П. Л. Яковлеву от 29—31 июля 1825 г.: «Преподобный Фотий сделался маклером: через него купец Громов купил у граф(ини) Орловой дровяной двор и лесные дачи за 5 000 000 р.» (*Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // ПИМ. Л., 1978. Т. 8. С. 174*).

Ст. 4. *Проклятье, меч, и крест, и кнут.* — Проклятие, т. е. анафема, которой Фотий предал А. Н. Голицына, было событием исключительным. Фотий ожидал суровых мер. По его воспоминаниям, «император, имея неудовольствие на Фотия за то, что как он имеет мог право предать анафеме князя Голицына, всех неправовверных и врагов, как осмелился тридцатилетнего друга его предать посмеянию, и что это значит личность, а не дело Божие, что писание и учение св. церкви нигде не велит тако поступать. Впрочем, что касается до Фотия, он ни гневом царским не оскорблялся, ни боялся в заточение идти, готовился ехать всякий день в Сибирь, радуясь, что враг ниспровергнут...» (*Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // РС. 1896. № 7. С. 175*).

Ст. 8. *Полу-благих, полу-святых.* — По мнению В. В. Виноградова, «если считать пушкинской эпиграмму „На Фотия“, то в ней слово *полублагих*, несомненно, каламбурно сливает церковнославянскую лексему *благой* (в значении: добрый, честный, хороший) и простонародный омоним *благой* (в значении: глупый, дурной, юродивый, блажной)» (*Виноградов. Язык П. М.; Л., 1935. С. 90*).

ГР. А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

(«Благочестивая жена...»)

(С. 156 и 467)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Якушкина (Якуш) — под заглавием: «К граф. А. А. Орловой-Чесменской».

2) Е. И. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 104, л. 20) (Якуш₁) — под заглавием: «Граф. А. А. Орловой». В составленном Е. И. Якушкиным во второй половине 1850-х гг. сборнике копий произведений Пушкина (в переплете, с тиснением на корешке: «Сочинения Пушкина»; из собрания В. Е. Якушкина).

3) Тетрадь из Библиотеки Украинской Академии наук (Укр) — под заглавием: «Гр. А. А. Орловой». Напечатано: Акад. Т. 2. С. 1002 (вариант ст. 1; публ. М. А. Цявловского).

4) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «К гр. Анне Алексеевне Орловой-Чесменской».

Копии, бывшие в распоряжении Н. В. Гербеля и Н. П. Огарева, по которым ими были осуществлены публикации эпиграммы (см. ниже), в настоящее время неизвестны.

Впервые: Герб. С. 123; РПЛ. С. 94 (публ. Н. П. Огарева) — под заглавием: «Граф. А. А. Орловой». В России впервые: Ефр 1903—05. Т. 8. С. 124. Тексты Якуш, Е и Герб. совпадают.

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 124.

Печатается по Герб.

Датируется предположительно 1822—1824 гг.

Адресат эпиграммы — графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785—1848), камер-фрейлина, единственная дочь и наследница многомиллионного состояния графа Алексея Григорьевича Орлова, екатерининского вельможи, участника переворота 1762 г., ставшего Орловым-Чесменским после победы в Чесменском сражении (1770). После смерти отца (1808) отказалась вступать в брак, начала испытывать тягу к духовной жизни, жертвовать на церковные нужды огромные суммы. 2 мая 1820 г. состоялась первая встреча Орловой с иеромонахом, законоучителем Второго кадетского корпуса Фотием (в миру Петр Никитич Спасский; 1792—1838; см. о нем в примеч. к эпиграмме «〈На Фотия〉» — наст. т., с. 961—962), которого она просила стать ее духовным отцом. Вскоре Фотий был удален из столицы и назначен настоятелем Деревяницкого монастыря, близ Новгорода. Орлова присылала щедрые пожертвования монастырю и хлопотала о возвращении Фотия. В январе 1822 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Серафим (Глаголевский; 1757—1843) перевел Фотия в Сквородский монастырь с возведением в сан архимандрита, затем вызвал его в Петербург и поручил Фотию оформить официальное духовное руководство над Орловой. Именно тогда началось личное общение Орловой с архимандритом, использовавшим дом графини для важных встреч. В августе 1822 г. Фотий был назначен настоятелем новгородского Юрьева монастыря.

Слухи об интимных отношениях Орловой с Фотием возникли после его пребывания в Петербурге и назначения настоятелем Юрьева монастыря. Фотий знал о сплетнях: во время пребывания Орловой в монастыре в ноябре 1822 г., он, по собственному признанию, попросил ее вернуться в Москву через несколько дней, так как «был еще Фотий не совсем терпелив при худой молве о нем проносимой» (Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // РС. 1895. № 7. С. 183). А. Е. Измайлов писал к П. Л. Яковлеву 3 марта 1825 г.: «В Новгороде ходят похабные, бумажные изображения его высокопреподобия о. архимандрита Фотия и смиренной рабы его, ее сиятельства гр. Ан. Ал. 〈Орловой〉. В церквах Юрьевского монастыря только почти и святых: Фотий да Анна, то рядышком, то друг на дружке. Есть и патроны Фотиевых родителей: блаженные памяти пономаря и пономарши. Ну, если на том свете узнает все это граф А. Г. Орлов-Чесменский и попадутся ему эти проказники — изуродует их в аду пуше божьего милосердия...» (*Левкович Я. Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // ПИМ. Л., 1978. Т. 8. С. 171). Через год тот же Измайлов в письме к И. И. Дмитриеву от 15 апреля 1826 г. привел анонимную эпиграмму на Фотия, содержащую намек на связь с Орловой («Безбрачных старых дев супруг...») (РА. 1871. № 7—8. Стб. 994; см. также примеч. к эпиграмме «〈На Фотия〉» («Полу-фанатик, полу-плут...» — наст. т., с. 962). Обнаруженное в последнее время эпистолярное наследие Фотия и Орловой вроде бы не дает оснований усомниться в чистоте отношений духовных отца и дочери (см.: *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792—1838) и его время. СПб., 2000. С. 290—292; *Архимандрит Фотий (Спасский)*. Борьба за веру : Против масонов / Сост., предисл., примеч. В. Улыбина. М., 2010; см. также мнение Ю. М. Лотмана, считавшего, что «фактические отношения между Орловой и Фотием здесь искажены переводом на

язык вольтеровской сатиры» — *Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера : Культура и взрыв: Внутри мыслящих миров / Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. С. 88).*

Принадлежность эпиграммы Пушкину сомнительна. В первых изданиях (Герб., РПЛ) она печаталась без каких-либо пояснений и датировок. П. А. Ефремов привел ее вместе с эпиграммой «Разговор Фотия с гр. Орловой» («Внимай, что я тебе вещаю...») в примечании к стихотворению «На Фотия» («Полу-фанатик, полу-плут...»), отметив, что «достаточных указаний на принадлежность их Пушкину, однако же, не имеется» (Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 124). Таким же образом поступил В. Е. Якушкин, опубликовав оба текста, связанные с Орловой, в примечании к эпиграмме на Фотия в разделе произведений 1819 г. (см.: АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 154). Датировка всех трех стихотворений была соотнесена с предполагаемым временем написания эпиграммы «〈На кн. А. Н. Голицына〉» («Вот Хвостовой покровитель...») — второй половиной 1819 г. «по настроению поэта в это время» (Там же. С. 152). Н. О. Лернер считал, что принадлежность Пушкину эпиграмм «Гр. А. А. Орловой-Чесменской» и «Разговор Фотия с гр. Орловой» ничем не доказана, но решительно отвергнуть ее тоже нет оснований. «Вторая несколько тяжеловата, и ее можно приписывать Пушкину с гораздо меньшей вероятностью, чем первую, — игривую, легкую и злую...» (Венг. Т. 2. С. 536). Впоследствии Лернер оспорил первоначальную датировку эпиграмм 1818—1820 гг., указав, что они не могли быть написаны до 1822 г., и еще более скептически высказался по поводу возможного авторства Пушкина: «...вероятнее предположение, что не он был автором приведенных эпиграмм. Они принадлежат эпохе, когда он жил на юге или в деревне, вдали от столичных „злоб дня“, и притом проникся холодно-скептическим „умеренным демократизмом“ и оставил прежний, пламенный политический романтизм, убедившись, как мало отзывчиво общество на „клич чести“. Поэтому в числе приписываемых Пушкину пьес эти две эпиграммы должны быть причтены к наиболее сомнительным...» (Лернер Н. О. Пушкин, Фотий и гр. Орлова // *Голос минувшего*. 1913. № 4. С. 84). Хронологические изыскания Лернера были подтверждены мемуарными источниками в работе В. П. Драганова 1914 г., опубликованной в 1923 г. (см.: *Драганов В. П. Приписываемые Пушкину эпиграммы на архимандрита Фотия и графиню Орлову // Пушкинист*, IV. С. 270—279). В Акад. (Т. 2. С. 1204 и 1203) эпиграммы «Гр. А. А. Орловой-Чесменской» и «Разговор Фотия с гр. Орловой» помещены М. А. Цявловским в разделе «Dubia» с предположительной датировкой 1822—1824 гг. Аргументацию см. в статье Т. Г. Цявловской «Муза пламенной сатиры»: «Обе эпиграммы датируются предположительно 1822—1824 годами, не ранее 1822-го, потому что Фотий, названный в одной из них архимандритом, стал таковым в начале 1822 года. С этого времени его отношения с гр. Орловой-Чесменской стали принимать скандальный характер. Но, может быть, эпиграммы написаны незадолго до эпиграммы «Полу-фанатик, полу-плут...», когда слава об этой темной фигуре стала особенно громкой. Полной уверенности в принадлежности обеих приведенных эпиграмм Пушкину нет» (Цявловская Т. Г. «О Муза пламенной сатиры» // *Пушкин на юге : Тр. Пушкинской конф. Одессы и Кишинева. Кишинев*, 1961. Т. 2. С. 184—185).

РАЗГОВОР ФОТИЯ С ГР. ОРЛОВОЙ

(«Внимай, что я тебе вещаю...»)

(С. 157 и 468)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) Тетр. Тихонравова (Тих) — под заглавием: «Разговор Фотия с гр. Орловой».

2) Тетр. Лонгинова—Полторацкого (Лон—Полт) — под заглавием: «Разговор Фотия с графиней Орловой»; с примечанием после текста.

3) Сб. Александрова (Ал) — под заглавием: «Разговор Фотия с Орловой».

4) Тетр. Якушкина (Якуш) — под заглавием: «Разговор Фотия с гр. Орловой»; с датой под текстом: «1819».

5) Е. И. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 104, л. 20—20 об.) (Якуш₁) — под заглавием: «Разговор Фотия с Орловой». В составленном Е. И. Якушкиным во второй половине 1850-х гг. сборнике копий произведений Пушкина (в переплете, с тиснением на корешке: «Сочинения Пушкина»; из собрания В. Е. Якушкина).

6) Тетр. Дашкова (Даш) — под заглавием: «Разговор Фотия с гр. Орловой»; с примечанием после текста.

7) П. А. Ефремова (Е) — под заглавием: «К гр. Анне Алексеевне Орловой-Чесменской».

Копии, бывшие в распоряжении Н. В. Гербея и Н. П. Огарева, по которым ими были осуществлены публикации эпиграммы (см. ниже), неизвестны.

Впервые: Герб. С. 124; РПЛ. С. 94 (публ. Н. П. Огарева) — под заглавием: «Разговор Фотия с гр. Орловой». В России впервые: Ефр. 1903—05. Т. 8. С. 124, без последних четырех слов в ст. 3 («— Но что ж.....»); полностью: АН 1900—29. Т. 2. Примеч. С. 154 (публ. В. Е. Якушкина).

В собрание сочинений впервые включено: Ефр. 1903—05. Т. 8.

Печатается по Герб.

Датируется предположительно 1822—1824 гг.

О графине А. А. Орловой-Чесменской и архимандрите Фотии см. в примеч. к эпиграммам «(На Фотия)» и «Гр. А. А. Орловой-Чесменской» (наст. т., с. 961—962 и 965—966).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Рукописные источники

- Ал — Сборник П. А. Александрова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 92).
Алм — Сборник П. Алмазова (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 116).
Арс — Тетрадь Н. Арсеньева из бумаг Д. В. Поленова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 96).
БАН₁ — Первый сборник Библиотеки Академии наук (ПД, Р. II, оп. 1, № 598).
БАН₃ — Третий сборник Библиотеки Академии наук (ПД, Р. II, оп. 1, № 598).
Бар — Тетрадь П. И. Бартенева (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 4).
Барат — Альбом А. Л. Баратынской (ПД, ф. 33, оп. 1, № 39).
Бобр — Тетрадь А. Л. Бобровой (ГИМ, ф. 440, оп. 1, № 1248).
ВВ₆ — Сборник «Всякая всячина». Ч. 6 (ПД, ф. 244, оп. 8, № 91).
Вел — Тетрадь И. Е. Великопольского (ПД, ф. 37, № 32129/ 7).
Вош — Тетрадь Н. А. Вошинина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 81).
Врев — Тетрадь из архива Вревских (ПД, ф. 244, оп. 8, № 45).
Вс — Тетрадь Н. В. Всеволожского (ПД 847).
Вяз — Тетрадь из собрания П. А. Вяземского (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5609).
Гаев — Листы из тетради В. П. Гаевского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 12).
Гаев—Якуш — Листы из тетради В. П. Гаевского (из архива В. Е. Якушкина) (ПД, ф. 244, оп. 4, № 143).
Гв — Тетрадь В. П. Гаевского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 8).
Гд — Сборник А. М. Гедеонова (РГБ, ф. 411, к. 1, ед. хр. 1).
Гер — Тетрадь В. И. Герасимова (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 634).
ГК — Альбом П. В. Голенищева-Кутузова (РГАЛИ, ф. 143, оп. 1, № 426).
Гол — Тетрадь из архива Голохвастовых (РГАДА, ф. 1264, оп. 1, № 454).
Грч — Альбом А. М. Горчакова (ПД 422).
Гуд — Тетрадь из архива Гудовичей (РГБ, ф. 178, М 5153).
Даш — Тетрадь П. Я. Дашкова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 34).
Дол₁ — Первая тетрадь Н. А. Долгорукова. Ч. 1 (ПД, ф. 244, оп. 8, № 100).

- Дол₂ — Первая тетрадь Н. А. Долгорукова. Ч. 2 (ПД, ф. 244, оп. 8, № 100).
- Долг — Вторая тетрадь Н. А. Долгорукова (РГАЛИ, ф. 384, оп. 1, № 61).
- Е — Копии П. А. Ефремова (БАН, Отдел редкой книги).
- Заб₁ — Первая тетрадь из собрания И. Е. Забелина (ГИМ, ф. 440, оп. 1, № 1222).
- Заб₂ — Вторая тетрадь из собрания И. Е. Забелина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 90).
- Збк — Копии С. С. Забелкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 85).
- Кав — Тетрадь П. П. Каверина.
- Кап — Тетрадь П. И. Капниста.
- Карт — Тетрадь из собрания Л. Картавова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 17).
- Клоч — Тетрадь Клочкова (РГБ, ф. 178, М 3447).
- Кон — Копии В. Г. Коноплева (ПД, ф. 244, оп. 16, № 171).
- ЛМ₁ — Первая тетрадь из собрания Литературного музея (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 133).
- ЛМ₂ — Вторая тетрадь из собрания Литературного музея (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 611).
- Лон—Полт — Тетрадь М. Н. Лонгинова—С. Д. Полторацкого (РГБ, ф. 233, Полт, к. 162, ед. хр. 1 (кн. 1); к. 162, ед. хр. 2 (кн. 2)).
- ЛТ — Лицейская тетрадь (ПД 829).
- Майк — Копии из архива Майковых (РНБ, ф. 452, № 160).
- Мар — Тетрадь С. Е. Марина (РГБ, ф. 344, № 372).
- Мв — Тетрадь К. М—ва (РГБ, ф. 178, М 5214, ед. хр. 1).
- Неизв — Листы из тетради неустановленного происхождения (ПД, ф. 244, оп. 8, № 16).
- Нейш₁ — Первая тетрадь из собрания В. И. Нейштадта (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 115).
- Нейш₂ — Вторая тетрадь из собрания В. И. Нейштадта (РГАЛИ, ф. 384, оп. 3, № 6).
- Нейш₃ — Третья тетрадь из собрания В. И. Нейштадта (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 2, № 329).
- Ос — Сборник Остафьевского архива, № 8 (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5573).
- Отб — Сборник «От безделья и от скуки» (ПД, ф. 244, оп. 8, № 88).
- Полт — Тетрадь С. Д. Полторацкого (ПД 898).
- Пом₁ — Первый сборник из архива И. В. Помяловского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 98).
- Птл — Листы из архива А. А. Путилова (ПД, ф. 244, оп. 4, № 181).
- Пут — Копии Н. В. Путяты (РГАЛИ, ф. 394, оп. 1, № 71).
- Рост₁ — Первая тетрадь Е. П. Ростопчиной (РГАЛИ, ф. 433, оп. 1, № 18).
- Рост₂ — Вторая тетрадь Е. П. Ростопчиной (ПД, ф. 244, оп. 8, № 114).
- Сем — Тетрадь М. И. Семевского (ПД, ф. 274, оп. 1, № 438).
- Соб₁ — Сборник С. А. Соболевского «*Avant les voyages*» (ПД, ф. 244, оп. 17, № 136).
- Соб₂ — Сборник С. А. Соболевского «*Souvenir*» (РГАЛИ, ф. 450, оп. 17, № 5).

- Собр. ст. 1836 г. — Рукопись неосуществленного собрания стихотворений 1836 г. (ПД 848—859).
- Стих — Сборник «Стихотворения разных сочинителей» (ПД, ф. 524, оп. 6, № 29).
- ТЖ — Тетрадь В. А. Жуковского (ПД, ф. 244, оп. 8, № 93).
- Тих — Тетрадь Н. С. Тихонравова (РГБ, ф. 299, оп. 1, ед. хр. 318).
- Усп₁ — Первая тетрадь из собрания А. И. Успенского (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 602).
- Усп₂ — Вторая тетрадь из собрания А. И. Успенского (РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 557).
- ЦР — Цензурная рукопись Ст 1826.
- Чеб — Чебоксарский сборник (РГАЛИ, ф. 384, оп. 2, № 13).
- Шах — Листы из бумаг Н. Д. Шаховской (ПД, ф. 244, оп. 8, № 20).
- Шер — Тетрадь А. В. Шереметева (ПД, ф. 244, оп. 8, № 38).
- Щер — Тетрадь В. Ф. Щербакова (ПД, ф. 244, оп. 8, № 47).
- Юд — Тетрадь из собрания Г. В. Юдина (ПД, ф. 388, оп. 2, № 109).
- Якуш — Тетрадь Е. И. Якушкина (ПД, ф. 244, оп. 8, № 60).

Архивохранилища

- БАН — Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).
- ВМП — Всероссийский музей А. С. Пушкина (С.-Петербург).
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- ГИМ — Государственный исторический музей (Отдел письменных источников) (Москва).
- ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
- ГМП — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва).
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С.-Петербург).
- ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. При отсутствии указания на фонд и опись имеется в виду ф. 244 (А. С. Пушкин), оп. 1 (автографы).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
- РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).
- СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук.

Печатные источники

- АбТ — Архив братьев Тургеневых. СПб.; Пг. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Академии наук, 1911—1921. Вып. 1—6 (1911. Вып. 1—2; 1913. Вып. 3; 1915. Вып. 4; 1921. Вып. 5—6).
- Акад. — *Пушкин*. Полн. собр. соч. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16 (1937. Т. 1; 1947. Т. 2, кн. 1; 1949. Т. 2, кн. 2; 1948. Т. 3, кн. 1; 1949. Т. 3, кн. 2; 1937. Т. 4; 1948. Т. 5; 1937. Т. 6; 1937 (1948 — доп. тираж, испр.). Т. 7; 1938 (1948 — доп. тираж, испр.). Т. 8, кн. 1; 1940. Т. 8, кн. 2; 1938 (1950 — доп. тираж, испр.). Т. 9, кн. 1; 1940. Т. 9, кн. 2; 1938 (1950 — доп. тираж, испр.). Т. 10; 1949. Т. 11—12; 1937. Т. 13; 1941. Т. 14; 1948. Т. 15; 1949. Т. 16); 1959. Справочный том: Дополнения и исправления. Указатели.
- Акад. в 10 т. (1) — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 10 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949; доп. тираж: 1950—1951 (1950. Т. 1—6; 1951. Т. 7—10).
- Акад. в 10 т. (2) — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 10 т. 2-е изд. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956—1958 (1956. Т. 1—2; 1957. Т. 3—6; 1958. Т. 7—10).
- Асад. в 9 т. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксманова, М. А. Цявловского. М.; Л. : Academia, 1935—1938 (1935. Т. 1—6; 1936. Т. 8; 1937. Т. 9; 1938. Т. 7).
- Асад. в 6 т. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л. : Academia, 1936. Т. 1—5; М. : ГИХЛ, 1938. Т. 6.
- Алексеев. Пушкин — *Алексеев М. П.* Пушкин : Сравнительно-исторические исследования. Л. : Наука, 1972.
- АН 1899 — *Пушкин*. Соч. / Приготовил и примеч. снабдил Л. Майков. СПб. : Изд. Имп. Академии наук, 1899. Т. 1.
- АН 1900—29 — *Пушкин*. Соч. СПб.; Л., 1900—1929. Т. 1—4, 9, 11 (СПб.; Пг. : Изд. Имп. Академии наук, 1900. Т. 1 (2-е изд.); 1905. Т. 2; 1912. Т. 3; 1914. Т. 11; 1916. Т. 4; Л. : Изд-во АН СССР, 1928. Т. 9, кн. 1; 1929. Т. 9, кн. 2).
- Анн.— *Пушкин*. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855—1857. Т. 1—7 (1855. Т. 1—6; 1857. Т. 7).
- Анненков. Материалы 1855 — *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина // Анн. Т. 1.
- «Арзамас» 1994 — «Арзамас»: Сб. в 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацуоро, А. Л. Осповата. М. : Худож. лит., 1994.
- Арх. Раевских — Архив Раевских / Изд. П. М. Раевского; Ред., примеч. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1908—1915. Т. 1—5.
- Бартенев. П. в южной России — *Бартенев П. И.* Пушкин в южной России. М., 1914.
- Батюшков — *Батюшков К. Н.* Соч. / Изданы П. Н. Батюшковым; Вступ. ст. Л. Н. Майкова; Примеч. Л. Н. Майкова, В. И. Саитова. СПб., 1885—1887. Т. 1—3.
- Батюшков. Соч. 1934 — *Батюшков К. Н.* Соч. / Ред., ст., коммент. Д. Д. Благого. М.; Л. : Academia, 1934.
- Батюшков 1989 — *Батюшков К. Н.* Соч. : В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. А. Л. Зорина, В. А. Кошелева. М. : Худож. лит., 1989.
- БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

- Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. : В 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953—1959 (1953. Т. 1—3; 1954. Т. 4—5; 1955. Т. 6—9; 1956. Т. 10—12; 1959. Т. 13).
- БЗ — журнал «Библиографические записки».
- Библиотека П. — *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина : Библиографическое описание. СПб., 1910 (ПиС. СПб., 1910. Вып. 9—10; Отд. отд.). То же. М. : Книга, 1988. Репринт. изд.
- Благ. — журнал «Благонамеренный».
- Благой, I — *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина : (1813—1826). М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- Брюс. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст., коммент. В. Брюсова. М. : ГИЗ, 1919. Т. 1, ч. 1.
- ВЕ — журнал «Вестник Европы».
- Венг. — *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг. : Изд. Брокгауза—Ефрона, 1907—1915. Т. 1—6 (1907. Т. 1; 1908. Т. 2; 1909. Т. 3; 1910. Т. 4; 1911. Т. 5; 1915. Т. 6).
- Вигель — *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1891—1893. Ч. 1—7 (1891. Ч. 1; 1892. Ч. 2—6; 1893. Ч. 7).
- Виноградов. Стиль П. — *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М. : Гослитиздат, 1941.
- Виноградов. Язык П. — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.; Л. : Academia, 1935.
- ВЛ — журнал «Вопросы литературы».
- Врем. ПК 1962 — Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. [Вып. 1].
- Врем. ПК 1963 — Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л. : Наука, 1966. [Вып. 2].
- Врем. ПК 1964—1980 — Временник Пушкинской комиссии. 1964—1980. Л. : Наука, 1967—1983. [Вып. 3—18].
- Врем. ПК 1981 — Временник Пушкинской комиссии : Сб. науч. тр. 1981. Л. : Наука, 1985. [Вып. 19].
- Врем. ПК. Вып. 20—31 — Временник Пушкинской комиссии : Сб. науч. тр. Л. : Наука, 1986—1991. Вып. 20—24; СПб. : Наука, 1993—2005. Вып. 25—30; СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2013. Вып. 31.
- Вяземский. ПСС — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. 1—12.
- Генн. 1859 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб. : Изд. Я. А. Исакова, 1859. Т. 1—6; 1860. [Т. 7]: Приложения.
- Генн. 1869—71 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб. : Изд. Я. А. Исакова, 1869—1871 (1870. Т. 1; 1869. Т. 2—4; 1871. Т. 5—6).
- Герб. — Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений : Дополнения к 6-ти томам петербургского издания / Под ред. Русского (Н. В. Гербеля). Berlin, 1861.
- ГИХЛ 1931 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л. : ГИХЛ, 1931—1933 (1931. Т. 1—3; 1932. Т. 4; 1933. Т. 5, кн. 1—2).

- ГИХЛ 1934 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, М. А. Цявловского, П. Е. Щеголева. 2-е изд. М.; Л. : ГИХЛ, 1934.
- ГИХЛ 1935 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 6 т. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского. 3-е изд. М.; Л. : ГИХЛ, 1935.
- ГИХЛ 1936 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 6 т. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского. 4-е изд. М.; Л. : ГИХЛ, 1936.
- ГИХЛ 1937 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 6 т. / Под общ. ред. С. М. Бонди, И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского. 5-е изд. М.; Л. : ГИХЛ, 1937—1947 (1937. Т. 1, 3; 1938. Т. 2; 1940. Т. 4; 1946. Т. 6; 1947. Т. 5).
- Городецкий — *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. Госл. в 10 т. — *Пушкин А. С.* Собр. соч. : В 10 т. М. : Гослитиздат, 1959—1962 (1959. Т. 1—2; 1960. Т. 3—5; 1962. Т. 6—10).
- Декабрист Тургенев — *Декабрист Н. И. Тургенев* : Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1936.
- Дельвиг. Соч. — *Дельвиг А. А.* Соч. / Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацууро. Л. : Худож. лит., 1986.
- Ежегодник РО ПД — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. Л. : Наука, 1971—1984; СПб. : Академический проект, 1993—2002.
- Ефр. 1880 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб. : Изд. Я. А. Исакова, 1878—1881 (1880. Т. 1—4; 1881. Т. 5; 1878. Т. 6).
- Ефр. 1882 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. М. : Изд. Ф. Н. Анского, 1882. Т. 1—7.
- Ефр. 1887 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб. : Изд. В. В. Комарова, 1887. Т. 1—7.
- Ефр. 1903—05 — *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1903—1905. Т. 1—8 (1903. Т. 1—7; 1905. Т. 8).
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- Жуковский. ПСС — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем : В 20 т. М. : Языки рус. культуры, 1999. Т. 1; 2000. Т. 2; 2008. Т. 3; 2009. Т. 4; 2010. Т. 5, 6; 2012. Т. 12; 2004. Т. 13, 14.
- ИВ — журнал «Исторический вестник».
- Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук.
- Кибальник. Русская антологическая поэзия — *Кибальник С. А.* Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л. : Наука, 1990.
- КН — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : В 6 т. М.; Л. : ГИЗ, 1930—1931 (Прилож. к журн. «Красная нива» на 1930 г.) (1930. Т. 1—4; 1931. Т. 5, 6 (Путеводитель по Пушкину)).
- Кюхельбекер. Путешествие — *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подгот. [М. Г. Альтшуллер], Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л. : Наука, 1979 (Сер. «Литературные памятники»).
- ЛГ — «Литературная газета».
- Левичева — *Левичева Т. И.* Письма А. С. Пушкина южного периода : (1820—1824). 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 2001.

- Лет. ГЛМ — Летописи Гос. литературного музея / Ред. В. Д. Бонч-Бруевича. М., 1936. Кн. 1: Пушкин / Ред. М. Цявловского.
- Летопись — Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1: 1799—1826.
- Летопись 1991 — Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л. : Наука, 1991. [Т. 1]: 1799—1826.
- Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина : В 4 т. / Изд. подгот. под рук. Н. А. Тарховой; Сост. М. А. Цявловский (1799—сент. 1826), Н. А. Тархова (сент. 1826—1837); Отв. ред. (т. 2—4 науч. ред.) Я. Л. Левкович; РАН. Пушкинская комиссия. М. : Слово/Slovo, 1999.
- ЛН — Литературное наследство.
- Лотман. Пушкин — Лотман Ю. М. Пушкин : Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин». Комментарий. СПб. : Искусство—СПб, 1995.
- Майков. Автографы П. — Майков Л. Н. Автографы Пушкина, принадлежащие гр. П. И. Капнисту // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1896. Т. 1, № 3. С. 574—581.
- Майков. Материалы — Майков Л. Н. Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина / Собрал Л. Н. Майков; Публ. В. И. Саитова. СПб., 1902.
- МВ — журнал «Московский вестник».
- МВед — газета «Московские ведомости».
- Мнем. — Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. М., 1824. Ч. 1—3; 1825. Ч. 4.
- Модзалевский — Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники : Избр. труды (1898—1928) / Сост., примеч. А. Ю. Балакина. СПб. : Искусство—СПб, 1999.
- Мор. 1887 — Пушкин А. С. Соч. / Под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб. : Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1887. Т. 1—7.
- Мор. 1903—06 — Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб. : Просвещение, 1903—1906. Т. 1—8 (1903. Т. 1—3; 1904. Т. 4—6; 1905. Т. 7; 1906. Т. 8).
- Москв. — журнал «Москвитянин».
- МТ — журнал «Московский телеграф».
- Неизд. П. Собр. Онегина — Неизданный Пушкин : Собрание А. Ф. Онегина / Тр. Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Пб. : Атеней, 1922.
- Неизданный Пушкин — Неизданный Пушкин : Из подготовит. материалов к новому акад. Полн. собр. соч. А. С. Пушкина / Сост. серии С. А. Фомичев. СПб. : Нотабене, 1996—1997 (1996. Вып. 1: Фомичев С. А. Новые тексты стихотворений А. С. Пушкина; 1997. Вып. 2: Дубровский А. В., Краснобородько Т. И., Левкович Я. Л., Фомичев С. А. Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина).
- НЗ — журнал «Невский зритель».
- НЛ — журнал «Новости литературы».
- НЛО — журнал «Новое литературное обозрение».

- ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб. : Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1899—1913. Т. 1—4 / Под ред., с примеч. В. И. Саитова; 1909—1913. Т. 5, вып. 1, 2 / Под ред., с примеч. П. Н. Шеффера.
- ОЗ — журнал «Отечественные записки».
- Отчет ИПБ — Отчет Имп. Публичной библиотеки. СПб.; Пг., 1851—1917.
- П. в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. / Вступ. ст. В. Э. Вацуро; Подгот. текста, сост., примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М. : Худож. лит., 1974 (Сер. лит. ме-муаров).
- П. в критике, I — Пушкин в прижизненной критике : 1820—1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, С. А. Фомичева; Подгот. текста, коммент. В. Э. Вацуро, Е. А. Вилька, Е. А. Губко, С. В. Денисенко, О. Н. Золотовой, Г. М. Ивановой, Т. Е. Киселевой, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Т. М. Михайловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой, А. В. Шароновой. 2-е изд., испр. СПб. : Гос. Пушкинский театральный центр, 2001.
- П. в критике, II — Пушкин в прижизненной критике : 1828—1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой; Подгот. текста, коммент. А. М. Березкина, В. Э. Вацуро, С. В. Денисенко, О. Н. Золотовой, Т. А. Китаниной, Т. И. Краснородько, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой. СПб. : Гос. Пушкинский театральный центр, 2001.
- П. в печати — *Синявский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М. : Соцэкгиз, 1938.
- П. Врем. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1936—1941. [Т.] 1—6 (1936. [Т.] 1—2; 1937. [Т.] 3; 1939. [Т.] 4/5; 1941. [Т.] 6).
- П. в мировой лит. — Пушкин в мировой литературе : Сб. ст. Л. : ГИЗ, 1926 (Науч.-исслед. ин-т сравнит. изучения лит. и яз. Запада и Востока при Ленингр. ун-те).
- Переписка П. — Пушкин. Соч. : Переписка / Под ред., с примеч. В. И. Саитова. СПб. : Изд. Имп. Академии наук, 1906. Т. 1 : (1815—1826); 1908. Т. 2 : (1827—1832); 1911. Т. 3 : (1833—1837).
- ПЗ 1823—1825 — Полярная звезда, карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности [на 1823, 1824, 1825 гг.], изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб., 1823—1825.
- ПЗ 1855—1869 — Полярная звезда. [Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева]. Лондон; Женева, 1855—1869. Кн. 1—8.
- ПИМ — Пушкин : Исследования и материалы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956—1962. Т. 1—4; Л. : Наука, 1967—1991. Т. 5—14; СПб. : Наука, 1995—2004. Т. 15—19.
- ПиС — Пушкин и его современники : Материалы и исследования. СПб., 1903—1913. Вып. 1—18; Пг., 1914—1918. Вып. 19—30; Л., 1927. Вып. 31—32; Пб., 1922—1923. Вып. 33—36; Л., 1928—1930. Вып. 37—39.
- ПиС (Нов. серия) — Пушкин и его современники : Сб. науч. тр. СПб. : Академический проект, 1999. Вып. 1 (40); 2000. Вып. 2 (41); 2002. Вып. 3 (43); СПб. : Академический проект; Нестор-История, 2005. Вып. 4 (43); СПб. : Нестор-История, 2009. Вып. 5 (44).

- Письма — Пушкин. Письма / Под ред., с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л. : ГИЗ, 1926—1928. Т. 1—2; Под ред, с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л. : Academia, 1935. Т. 3.
- Пол. — Пушкин А. С. Соч. : С объяснениями их и сводом отзывов критики. М. : Изд. Л. Поливанова для семьи и школы, 1887. Т. 1—5.
- Посм. — Пушкин А. Соч. СПб., 1838—1841. Т. 1—11 (1838. Т. 1—8; 1841. Т. 9—11).
- Путеводитель — Путеводитель по Пушкину // КН. Т. 6.
- Проскурин 1999 — Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М. : Новое литературное обозрение, 1999.
- Пушкин. Поэмы и повести 2007 — Пушкин А. С. Соч. / Комментированное изд. под ред. Д. М. Бетеа. М. : Новое издательство, 2007. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1 / Ред. Д. М. Бетеа, Н. Г. Охотин; Коммент. О. А. Проскурина при участии Н. Г. Охотина.
- Пушкин 1955 — Пушкин А. С. Стихотворения. Л., 1955. Т. 3 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- Пушкинист, IV — Пушкинист : Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Пг. : ГИЗ, 1923. Т. 4.
- РА — журнал «Русский архив».
- Раб. тетр. — Пушкин А. С. Рабочие тетради : [В 8 т. Факсим. изд.] / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Консорциум сотрудничества с С.-Петербургом. Руководители совм. проекта Э. Холл, С. А. Фомичев. СПб.; Лондон; Болонья, 1995—1997 (1995. Т. 1—3; 1996. Т. 4—6; 1997. Т. 7—8).
- Рак 2003 — Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие : (Вопросы текстологии, материалы к комментариям) : Сб. статей. СПб. : Академический проект, 2003.
- Рак. Записная книжка ПД 830 — Рак В. Д. Записная книжка Пушкина ПД 830 : (История заполнения: л. 1—42 об.) // ПИМ. СПб. : Наука, 2003. Т. 16—17. С. 5—42.
- Рассказы о П. — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг. / Вступ. ст., примеч. М. Цявловского. Л. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1925 (Записи прошлого : Воспоминания и письма; Вып. 4).
- РВ — журнал «Русский вестник».
- РИ — газета «Русский инвалид».
- РЛ — журнал «Русская литература».
- РПЛ — Русская потаенная литература XIX столетия / Предисл. Н. Огарева. Лондон, 1961.
- РС — журнал «Русская старина».
- Рукоп. П. Изд. О. К. — Рукописи Пушкина. 1. Автографы Пушкинского музея Имп. Александровского лицея. СПб. : Изд. кн. Олега Константиновича, 1911. Вып. 1.
- Рукоп. П. 1937 — Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме : Научное описание. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937.
- Рукоп. П. 1964 — Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года : Краткое описание. М.; Л. : Наука, 1964.

- Рукою П. — Рукою Пушкина : Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печ., коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л. : Academia, 1935.
- Рукою П. 1997 — Рукою Пушкина : Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М. : Воскресенье, 1997. Т. 17 (доп.).
- РЭ 1988 — Русская эпиграмма (XVIII—начало XX века) / Вступ. ст. М. И. Гиллельсона; Сост., примеч. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан; Подгот. текста К. А. Кумпан. Л. : Советский писатель, 1988 (Б-ка поэта; Большая сер.).
- СЭ — альманах «Северная звезда. 1829» / Изд. М. А. Бестужев-Рюмин. СПб., 1829.
- СиН — Старина и новизна : Исторический сборник. СПб.; Пг.; М., 1897—1917. Т. 1—22.
- СН — журнал «Северный наблюдатель».
- СО — журнал «Сын отечества».
- СО и СА — «Сын отечества и Северный архив, журнал словесности, политики и истории».
- Совр. — журнал «Современник».
- Соревн. — журнал «Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества любителей российской словесности)».
- СПбВед — газета «Санкт-Петербургские ведомости».
- Ст 1826 — Пушкин А. Стихотворения. СПб., 1826.
- Ст 1829 — Пушкин А. Стихотворения. СПб., 1829. Ч. 1—2.
- Ст 1832 — Пушкин А. Стихотворения. СПб., 1832. Ч. 3.
- Ст 1835 — Пушкин А. Стихотворения. СПб., 1835. Ч. 4.
- СЦ 1825—1832 — альманах «Северные цветы».
- СЯП — Словарь языка Пушкина : В 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956—1961 (1956. Т. 1; 1957. Т. 2; 1959. Т. 3; 1961. Т. 4).
- Томашевский. Новые материалы — Томашевский Б. В. Новые материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826). I. Тетрадь Всеволожского. — II. Капнистовская тетрадь // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 825—868.
- Томашевский. П. и Франция — Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л. : Сов. писатель, 1960.
- Томашевский. Пушкин, I — Томашевский Б. Пушкин. Кн. 1: (1813—1824). М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956.
- Томашевский. Пушкин, II — Томашевский Б. Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии : (1824—1837). М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961.
- Томашевский. Строфика П. — Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин : Исследования и материалы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 49—213.
- Тр. МОЛРС — Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете.
- Ушаковский альбом — Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное воспроизведение / Статьи С. Фомичева, Я. Левкович; Коммент. Т. Краснобородько; РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб. : Logos, 1999.

- Франц. элегия — Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В. Э. Вацуро; Вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро, В. А. Мильчиной. М. : Радуга, 1989.
- Худ. лит. в 10 т. — Пушкин А. С. Собр. соч. : В 10 т. М. : Худож. лит., 1974—1978.
- Цявловские. Вокруг П. — Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская, С. И. Панов. М. : НЛО, 2000.
- Черейский — Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л. : Наука, 1988.
- Щеголев. Из жизни и творчества П. — Щеголев П. Е. Пушкин : Исследования, статьи и материалы. Т. 2: Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л. : ГИХЛ, 1931.
- Щербачев — Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913.
- Якубович. Античность в творчестве П. — Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. [Т.] 6. С. 92—159.
- Якушкин — Якушкин В. Е. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // РС. 1884. № 2. С. 413—436; № 3. С. 647—662; № 4. С. 87—110; № 5. С. 325—354; № 6. С. 553—572; № 7. С. 1—54; № 8. С. 313—330; № 9. С. 641—653; № 10. С. 75—92; № 11. С. 335—374; № 12. С. 515—588.
- Chénier — Chénier A. Œuvres complètes. Paris, 1819.
- Laharpe. Lycée — La Harpe J. F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, an VII—XIII [1799—1805]. Т. 1—16.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович С. Л. 801, 803
Август см. Октавиан Август
Авзоний (Децим Магн Авсоний) (Decimus Magnus Ausonius) 533
Агилульф, герцог Турина, король лангобардов 656
Адрианова-Перетц В. П. 957
Азадовский М. К. 410, 875, 881, 904
Аксаков С. Т. 529, 586, 849
Акутин Ю. М. 618
Александр I, император 80 («государь»), 81, 94—96 («Недвижный страж дремал на царственном пороге...»), 115 («государь»), 319, 348 («владыка севера»), 349 («владыка севера»), 380 («государь»), 381 («государь»), 472, 507, 569, 605, 610, 612, 617, 641, 646, 648, 655, 661, 663—665, 668, 721, 729 («государь»), 731, 738, 780—786, 805, 806, 840, 865, 866, 889, 903 («кесарь»), 910 («его императорское величество»), 961, 963, 964 («император»)
Александров П. А. 573, 616, 642, 684, 721, 740, 744, 756, 780, 782, 785, 798, 804, 939, 940, 960, 967, 968
Алексеев А. П. 936
Алексеев М. П. 582, 654, 718, 741, 754, 755, 774, 814, 952, 971
Алексеев Н. С. 54, 125 («Мой друг, уже три дня...»), 251, 253 («Послание к А.»), 404 («Орест»), 473, 490, 492, 498, 513, 521, 636—641, 668, 694, 729, 772, 800, 802, 809—811, 864, 902, 935, 937, 941
Алексеевы 864
Алексей Михайлович, царь 885
Али-паша Янинский 663
Алмазов П. 501, 571, 642, 968
Альтшуллер М. Г. 777, 973
Алябьев А. А. 508, 520, 736
Анакреон (Анакреонт) 537, 540, 541, 813, 814
Андрейко (Черноусова) Е. В. 787, 788, 790
Аника (Аникита), легендарный кучер Петра I 959
Анисимов В. Е. 668
Анненков И. В. 763
Анненков П. В. 381, 472, 473, 480, 490, 502, 504, 513, 518, 543, 553, 555, 559, 560, 564, 565, 598, 608, 616, 619, 625, 631, 633, 641, 661, 662, 667, 668, 670, 682, 683, 721, 750, 755, 761—763, 765, 767, 779, 809, 812, 837, 838, 872, 878, 879, 891, 894, 895, 904—906, 922, 923, 946, 971
Анненков Ф. В. 560, 667, 743, 744
Анненский И. Ф. 778
Ансело (Anselot) Ж.-А.-Ф.-П. 573, 574, 580—583
Анский Ф. Н. 973
Антипатр Сидонский (Antipater Sidonius) 532
Апеллес 532
Аракчеев А. А., граф 805, 806, 962

- Аринштейн Л. М. 799, 803
 Ариосто (Ariosto) Л. 411 (Arioste),
 412, 566, 877
 Аристид 70, 696, 697, 915
 Аристипп 792—794
 Аристокрит 132, 424, 578, 582
 Аристотель 795
 Арно (Arnaut) А.-В. 549
 Арсеньев К. И. 807
 Арсеньев Н. 720, 968
 Артемьев Н. А. 800, 929
 Архий (Archeas Mitylenaeus) 532
 Архипова А. В. 836
 Арш Г. Л. 661, 663—665
 Аскольд, киевский варяжский князь
 704
 Аттик, друг Овидия 609, 611
 Афанасьев А. Н. 564, 565, 606, 643,
 721, 722, 951, 956
 Афанасьев К. Я. 523, 524
 Ахматова А. А. 515, 742, 743, 754,
 905
 Ашевский С. см. Столяров М. Н.
- Бабст И. К. 938, 940
 Багратион П. И., князь 838
 Баевский В. С. 504, 506, 508
 Базанов В. Г. 528, 689
 Байрон (Вугон) Д. Г. 78 («певец Леи-
 лы»), 163, 164, 312, 316 («Бей-
 рон»), 320 («Бейрон»), 477, 478,
 480, 483, 491—496, 501—510,
 567, 577 («байронизм»), 579, 580,
 644—646, 650—653, 717—719,
 735, 751, 766, 800, 814, 824—826,
 828, 829, 886, 887, 899, 903,
 913—916, 930
 Балакин А. Ю. 791, 974
 Балш М. (урожд. Богдан) 864, 865
 («жена»)
- Балш Т. 125 («ясский пан»), 404 («яс-
 ский пан»), 405 («ясский пан»),
 620, 864, 865
 Балш Я. 864
 Балши 865
 Бантыш-Каменский В. Н. 101, 354,
 807, 808
- Бантыш-Каменский Д. Н. 521, 522,
 807
 Бантыш-Каменский Н. Н. 807
 Баратынская А. Л. 502, 572, 968
 Баратынский Е. А. 54, 67, 68, 80
 («певец пиров»), 203, 293, 294,
 471, 487, 498, 534, 571, 572, 576,
 594, 601, 626, 637, 639, 640,
 686—690, 692, 699, 714, 717, 729,
 737, 739, 747, 792, 793, 798, 802
 Барков Д. Н. 189 («гражданин ку-
 лис»), 190 («гражданин кулис»),
 192 («царь кулис», «гражданин ку-
 лис»), 558, 562
 Барков И. С. 80, 313, 318, 563, 729,
 732, 942, 948, 950, 957, 958, 960
 Бароти Т. 764
 Барсов Н. И. 806
 Барсуков Н. П. 543, 546, 562, 662,
 798
 Бартнев П. И. 229, 503, 512, 513,
 524, 526, 551, 554, 572, 577, 614,
 617, 618, 623, 626, 632, 641, 642,
 665, 682, 684, 689, 692, 693, 695,
 698, 701, 702, 720, 743, 744, 750,
 757, 759, 767, 779, 847, 852, 861,
 865, 894, 895, 906, 916, 932,
 935—937, 960, 968, 971, 976
 Баттё (Batteux) Ш. 795
 Батюшков К. Н. 474, 475, 477, 479,
 480, 482, 483, 486—489, 504,
 508—510, 518, 520, 524, 531, 534,
 538, 542, 546, 547, 585, 603, 614,
 615, 628, 629, 631, 666, 671, 683,
 689, 706, 709, 713—715, 827, 851,
 862, 870, 874, 885, 897, 905, 971
 Батюшков П. Н. 971
 Бахметев А. Н. 125, 404, 637, 841
 Бахметьев Н. И. 778
 Башмаков Д. Е. 774
 Башмакова (урожд. Суворова) В. А.
 774
 Бедный Демьян (наст. имя Придво-
 ров Е. А.) 972, 973
 Бейсов П. С. 757
 Бекетов П. П. 798
 Бекингем, герцог см. Вильерс Д.
 Белинский В. Г. 631, 972

- Белоусов Р. С. 891
 Белый А. 578
 Беляев М. Д. 865
 Беляев О. П. 959
 Бем А. Л. 509
 Бенкендорф А. Х., граф 724, 758
 Бентам (Bentham) И. 81, 320, 731, 732
 Березкин А. М. 975
 Березкина С. В. 603
 Бернис (Bernis) И.-Ф. де Пьер (de Pi-
 etres), кардинал де 947
 Беррийский герцог см. Шарль-Ферди-
 нанд, герцог Беррийский
 Бертен (Bertin) А. 479, 482, 633
 Бестужев (Марлинский) А. А. 178,
 476, 485, 492, 510, 519, 524, 530,
 535, 536, 595, 646, 660, 670,
 674, 675, 690, 701, 702, 707, 716
 («издатель „Полярной звезды“»),
 717, 726, 751, 769, 773, 779,
 790, 794, 867, 892, 893, 896, 955,
 975
 Бестужев-Рюмин М. А. 977
 Бестужев-Рюмин М. П. 580, 722
 Бетеа (Bethea) Д. М. 735, 771, 887,
 976
 Бибииков Н. П. 758
 Бине (Binet) Р. 908
 Бион (Bion) 485, 536—538, 540, 541
 Бируков А. С. 315, 637, 724—727,
 733, 738, 811
 Благой Д. Д. 509, 520, 522, 556, 597,
 598, 662, 668, 692, 905, 907, 971,
 972
 Блок А. А. 545
 Блок Г. П. 938, 940
 Блудов Д. Н., граф 577, 713, 745, 814
 Бобров С. С. 692, 715, 716, 778, 830
 Боброва А. Л. 743
 Богаевская К. П. 978
 Богатырев П. Г. 945
 Богач Г. Ф. 526, 619, 859, 866, 902
 Богдан С. 43 («круглая соседка»), 619,
 620, 864, 865
 Богданович И. Ф. 81 («наперсник Ду-
 шеньки»), 509, 714, 730, 767, 834,
 956
 Бодрова А. С. 498, 500
 Бодянский О. М. 610
 Боккаччо (Boccaccio) Д. 959
 Бокова В. М. 881
 Бологовский (Болховский) Д. Н. 890
 Бонди С. М. 164, 166, 167, 172, 191,
 356, 357, 359—361, 373, 378, 399,
 400, 513, 517, 518, 520, 547, 548,
 555—560, 591, 598, 815, 817—
 820, 822, 831—834, 858, 859, 893,
 912, 913, 925, 929, 973
 Бонч-Бруевич В. Д. 697, 974
 Боратынский Е. А. см. Баратын-
 ский Е. А.
 Борг (Borg) К. Ф. фон дер 529
 Борде (Bordes) Ш. 945, 946, 960
 Борецкая М. И. 705, 883
 Боровский Я. М. 659
 Бортневский В. Г. 668
 Бочаров С. Г. 640
 Браницкая А. В. (урожд. Энгельгардт),
 графиня 752
 Браницкие 752
 Брантом (Branthôme) П. де Бурдейль
 (Bourdeille), сеньор де 954
 Брегман А. А. 881, 901
 Бродский Н. Л. 914
 Броневский В. Б. 788
 Броннер (Bronner) Ф. К. 869
 Брут (Марк Юний Брут) (Marcus Ju-
 nius Brutus) 25, 95, 199, 200, 349,
 535, 578, 581, 583
 Брюсов В. Я. 562, 584, 589, 590, 615,
 624, 626, 758, 763, 867, 879, 880,
 912, 928, 972
 Брюсова И. М. 479
 Буало (Буало-Депрео) (Boileau-Des-
 gréaux) Н. 795, 849, 850
 Будри (Boudry) Д. де 578
 Бужинская Г. И. (урожд. Гнедич) 569
 Булахов П. А. 528
 Булгаков А. Я. 528, 656, 663, 665,
 666, 754
 Булгаков К. Я. 472, 528, 663, 665,
 666
 Булгарин Ф. В. 325, 345, 346, 478,
 492, 530—535, 603, 639, 707, 738,
 739, 751, 768, 769, 790, 797, 798,
 804

- Бунина А. П. 79, 728, 832
 Бурбоны 580, 648 («кровь Бурбона»),
 649 («Бурбонский дом»), 842
 Буржуа Н. 959
 Бурцов А. П. 124, 854, 855, 862—
 864
 Бурцов И. Г. 560
 Буслаев Ф. И. 876
 Бычков И. А. 700
 Бюргер (Bürger) Г. А. 709
 Бюффон (Buffon) Ж.-Л. Леклерк (Le-
 clerc), граф де 79, 316, 722
- Вадим Новгородский 491, 705, 883,
 952
 Варнеке Б. В. 873
 Варфоломей Е. К. 87, 152, 327, 330,
 564, 743, 745, 746, 831, 832, 936
 Варфоломей П. Е. 564
 Васильчиков И. В., князь 664
 Вахтель М. 527
 Вацуро В. Э. 476, 479, 482, 486, 488,
 489, 509, 515, 549, 586, 688, 714,
 739, 754, 771, 785, 850, 869, 971,
 973, 975, 978
 Веймер (Weimer) М.-Ж. см. Жорж
 Вейнберг П. П. 743
 Великопольский И. Е. 719, 968
 Великопольский Н. Л. 527
 Вельтман А. Ф. 564, 618, 638, 665,
 745, 746, 832, 865, 866, 891, 900,
 917, 927, 936
 Венгеров С. А. 554, 617, 624, 699,
 741, 754, 759, 771, 872, 925, 928,
 934, 972, 976
 Вергилий (Публий Вергилий Марон)
 (Publius Vergilius Maro) 98 («отец
 Энеиды»), 485, 545, 681, 682, 794,
 795, 908, 909
 Вересаев В. В. 537, 538
 Вержье (Vergier) Ж. 847, 958, 959
 Верстовский А. Н. 528, 546
 Верховский Ю. Н. 738
 Веселова Н. 952
 Веселовский А. Н. 959
 Вивьен де Шатобрен (Vivien de Châte-
 aubrun) И.-Е. 524
- Вигель Ф. Ф. 87, 327, 330, 497, 498,
 526, 548, 619, 638, 642—644, 650,
 655, 702, 703, 709, 717, 718,
 741—746, 753, 794, 799,
 807—809, 841, 881, 963, 972
 Виельгорский Мих. Ю., граф 528
 Виже (Vigée) Л. Ж.-Б. Э. 761
 Викери (Vickery) В. 771
 Вилинский П. П. 517, 587, 593, 602
 Виллани (Villani) Д. 411, 412, 877
 Вильгельм I Оранский (Willem van
 Oranje) 578
 Вильгельм, принц Оранский (Willem
 Frederik George Lodewijk) (Виль-
 гельм II, король Нидерландов) 645,
 780, 782, 783
 Вильерс (Villiers) Д., 1-й герцог Бекин-
 гем (Buckingham) 578
 Вильк Е. А. 975
 Виноградов В. В. 482, 510, 522, 526,
 550, 683, 706, 777, 778, 897, 964,
 972
 Винокур Г. О. 789, 828
 Винокур Н. Г. 736
 Виrolайнен М. Н. 498—500
 Виттенштейн П. Х., граф 663
 Владимир, великий князь 704
 Владимиреску (Vladimirescu) Т. 661,
 662, 927
 Владимиров П. В. 709
 Владимирский Г. Д. 542, 545, 546
 Воейков А. Ф. 475, 476, 535, 540,
 566, 630, 708, 709, 720, 722, 738
 («воейковщина»), 816, 853, 855,
 862, 917
 Воейкова А. А. 750
 Военский К. А. 603
 Волков А. Г. 954
 Волконская Э. А., княгиня 508, 666,
 832
 Волконская М. Н. (урожд. Раевская),
 графиня 471, 503, 537, 753, 915, 931
 Волконский П. М., князь 664
 Волконский С. Г., граф 753, 839
 Вольпе Ц. С. 726, 816
 Вольперт Л. И. 649, 889, 926
 Вольтер (Voltaire) (Аруэ Ф.-М.) 79,
 81, 288, 316, 320, 380, 404, 491,

- 568, 590, 607, 627, 679, 680, 722, 731, 834, 847, 849, 911, 924, 948, 957, 958, 966
- Воронцов М. С., граф 100, 353, 474, 475, 499, 638, 746, 752, 794, 798—804, 890, 908, 909, 929, 933, 934, 963
- Воронцов С. Р., граф 798
- Воронцова Е. К. (урожд. Браницкая), графиня 752, 799, 802, 895, 896, 906, 908, 909, 934
- Воронцовы 767, 794, 933
- Вошинин Н. А. 501, 571, 968
- Враская В. Б. 645
- Вревские 684, 968
- Всеволожские 554, 561
- Всеволожский А. В. 189 («рекрут Ги-менея»), 191 («рекрут Гименея»), 558, 562
- Всеволожский В. А. 554
- Всеволожский Н. В. 189 («Амфитри-он»), 191 («Амфитрион»), 492, 546, 547, 558—562, 567, 794, 968, 977
- Второв И. А. 870
- Второвы 757
- Ваузенон (Voisenon) К.-А. де Фюзэ (Fusée), аббат 945, 946
- Вулих Н. В. 672, 674
- Вульф А. Н. 604, 605, 608
- Вульф Анна Н. 163, 501
- Вульф Е. Н. (в замуж. баронесса Врев-ская) 501, 504
- Вучич, воевода сербский 522
- Вяземская В. Ф., княгиня (урожд. княжна Гагарина) 495, 590, 596—599, 660, 801, 802, 908
- Вяземские, князья 570, 975
- Вяземский П. А., князь 10, 119, 172—173, 388, 390, 393, 471, 474—478, 482—484, 486, 491, 494, 495 («муж»), 497, 499, 505, 507, 508, 510, 515, 523, 524, 527, 529, 531, 534, 549, 570, 571, 576, 584—586, 588—592, 596—598, 603, 605, 607, 608, 612, 615, 624, 626, 643, 644, 648, 653, 654, 660, 665, 666, 675, 687, 689, 690, 702, 711, 712, 716, 717, 723, 726, 727, 731, 737, 738, 741, 744, 745, 747, 749, 750, 752, 757, 762, 767, 769, 774, 775, 778, 780, 782, 787, 790, 791, 794, 796—798, 801, 802, 806, 808, 814, 842, 843, 847—851, 854, 855, 870, 883, 886, 887, 892—894, 896, 904, 908 («муж»), 909, 918, 930—933, 968, 972
- Вяземский П. П., князь 732
- Гавриил (Банулеску-Бодони Г. Г.), митрополит 115 («митрополит»), 380 («митрополит»), 841
- Гагарин И. А., князь 835
- Гагарин И. С., князь 721, 728
- Гадиев М. Ю. 682
- Гаевский В. П. 458, 461, 573, 616, 684, 720, 740, 798, 804, 938, 968
- Галич А. И. 807
- Галлан (Galland) А. 947
- Ганнибал (Аннибал) А. П. 511
- Ганнибал Барка (Hannibal Barca) 510, 511, 659
- Ганнибал М. А. (урожд. Пушкина) 683, 885
- Гармодий 577 («Гармодиус»), 578—580, 582
- Гаспаров Б. М. 816, 957, 958
- Гаспаров М. Л. 519, 527, 611
- Гаттенберг-Бартенева И. Ю. 512
- Гверчино (Guercino) Д. 629
- Гебель (Hebel) И. П. 869, 871
- Гедеонов А. М. 572, 968
- Гейтман Е. 491
- Гелет (Gueulette) Т.-С. 947
- Геништа И. И. 508, 528
- Геннади Г. Н. 513, 518, 743, 744, 762, 771, 793, 891, 894, 905, 906, 940, 943, 972
- Генрих III (Henri III) Валуа, король Франции 578, 583
- Генрих IV (Henri IV) Бурбон, король Франции 578
- Георгиевский Г. П. 820
- Георгиевский П. Е. 671
- Георгий Черный см. Карагеоргий
- Герарков Г. В. 788, 792

- Герасимов В. И. 684, 968
 Гербель Н. В. 573—575, 616, 643, 685, 686, 723, 740, 744, 756, 757, 762, 771, 779, 780, 798, 804, 939, 940, 944, 961, 964—967, 972
 Гергард В. 757 («издатели лейпцигской серии „Русская библиотека”»), 939 («издатели „Русской библиотеки”»)
 Герман К. Ф. 807
 Геродот 789
 Герцен А. И. 565, 573—575, 612, 643, 706, 709, 721, 723, 757, 779, 780, 811, 812, 975
 Гершензон М. О. 474, 537, 569, 633, 643, 653, 753, 774, 794, 839, 897
 Герштейн Э. Г. 515
 Гесиод (Гезиод) 488, 682, 709, 870
 Гесснер (Геснер) (Gessner) С. 566, 870
 Гете (Goethe) И. В. фон 493, 512, 527, 752, 754, 778, 823—827, 829, 859
 Гизо (Guizot) Ф. 766
 Гиллельсон М. И. 797, 975, 977
 Гинзбург Л. Я. 482, 492, 495
 Гиппарх 582
 Гиппий 579 («тиран Афин»), 580 («тиран Афин»), 582
 Гиривенко А. Н. 814
 Глаголев А. Г. 588, 960
 Глаголев (Глаголевский) С. В. см. Се-
 рафим, митрополит
 Гликман И. Д. 505, 826
 Глинка Г. А. 555
 Глинка М. И. 528, 921
 Глинка С. Ф. 582
 Глинка Ф. Н. 70, 295, 498, 525, 534, 568, 692—696, 717, 737, 747, 871
 Глушковский А. П. 528
 Гнедич Н. И. 24, 473, 481, 497, 498, 520, 549, 565, 567—569, 587, 671, 672, 678, 683, 709, 719, 723, 725, 727, 736, 737, 777, 814, 834—836, 839, 869—871, 886, 887
 Годунов Борис Федорович, русский царь 709, 952
 Голенищев-Кутузов Смоленский М. И., князь 689
 Голенищев-Кутузов П. В. 501, 682, 968
 Голицын А. Н., князь 101, 353, 354, 467, 497, 499, 601, 602, 637, 726, 729, 798, 803—808, 820, 960—964, 966
 Голицын В. С., князь 592
 Голицын М. М., князь 774
 Голицына Е. А., княгиня (урожд. Нарышкина, в первом браке княгиня Суворова) 591, 592, 773
 Голицына М. А., княгиня (урожд. княжна Суворова) 92, 346, 498, 633, 635, 772—774, 779, 787, 906
 Головин В. В. 586
 Головин В. М. 894
 Головохвастовы 501, 968
 Гомер 24, 478, 488, 568—570, 662, 709 («Омир»), 868, 870, 871, 888
 Гончарова Н. И. 608
 Гончарова Н. Н. 608
 Горацій (Квинт Горацій Флакк) (Quintus Horatius Flaccus) 98, 607, 680 («горацианская сатира»), 796, 888, 905 («горацианско-тибулловском»), 908, 909
 Гордлевский В. А. 891
 Горелов А. А. 949
 Городецкий Б. М. 807
 Городецкий Б. П. 527, 897, 906, 973
 Горчаков А. М., князь 501, 612, 968
 Горчаков В. П. 152, 297 («Г—ву»), 475, 480, 492, 500, 525—527, 529, 617, 620, 656, 662, 667, 697—700, 717, 752, 755, 809, 835, 839, 840, 865, 880, 890, 917, 930, 934—937
 Горчаков Д. П., князь 392, 959
 Госнер (Госснер) (Gossner) И. 806
 Гофман М. Л. 519, 538, 594, 763, 886
 Граббе П. Х. 604, 605
 Грабовская Н. В. 918
 Грекур (Grécourt) Ж.-Б.-Ж. Виллар де 945, 951
 Грен А. Е. 526
 Грессе (Gresset) Ж.-Б.-Л. 515, 610, 671, 672
 Гретри (Grétry) А.-Э.-М. 954
 Грехнев В. А. 519

- Грецин (Публий Помпоний Грецин) (Publius Pomponius Graecinus) 609, 611
- Греч Н. И. 503, 523, 566, 607, 703, 723, 725, 738, 806, 962
- Гречаная Е. П. 486, 493, 907
- Грибоедов А. С. 604, 624
- Грибушин И. И. 920
- Григорий (Захарьянов), армянский архиепископ 922
- Григорий I Великий, папа римский 656
- Григорий V, константинопольский патриарх 664
- Григорьев В. Н. 487, 714
- Григорьева А. Д. 778
- Гринлиф (Greenleaf) М. 484
- Громнитский (Громницкий) П. Ф. 580
- Громов Ф. Г. 964
- Гроссман Л. П. 537, 545, 591, 763
- Грот Я. К. 483, 567, 767, 783, 957
- Губер П. К. 537
- Губко Е. А. 975
- Гудзий Н. К. 527, 858, 859, 887
- Гудовичи 571, 968
- Гуковский Г. А. 706, 781, 782
- Гутчинсон (Хатчинсон) (Hutchinson) В. 752, 767
- Гюго (Hugo) В. 795
- Давыдов А. Л. 98, 116 («милый брат»), 352, 379 («любезный брат»), 382 («милый брат»), 472, 499, 525, 551, 554, 753, 792—795, 837, 839, 841, 853, 908, 933
- Давыдов В. Д. 551
- Давыдов В. Л. 115, 116, 379, 382, 472, 473, 489—491, 493, 499, 525, 557, 562, 619, 649, 661, 663, 668, 685, 784, 837—841, 853, 865, 888, 918, 926
- Давыдов Д. В. 120, 124, 394, 402, 479, 482, 499, 551, 589, 592, 724, 793, 808, 838, 839, 852—855, 861—864
- Давыдов И. И. 580, 908
- Давыдова Аглая А. (урожд. герцогиня де Граммон) 551, 552, 554, 589, 590, 592, 623, 624, 699, 793
- Давыдова Адель А. 20 («Адели»), 188 («Адели»), 189 («Адели»), 498 («Адели»), 552, 553 («Адели»), 554
- Давыдова Е. А. 552
- Давыдова Е. Н. (урожд. Самойлова, в первом браке Раевская) 839
- Давыдова С. Н. (урожд. Чиркова) 839 («жена»)
- Давыдовы 551, 554, 661, 839
- Д'Аламбер (D'Alembert) Ж.-Л. 532, 911
- Даль В. И. 698, 956
- Дамдинов Н. Г. 754
- Данзас К. К. 514, 616, 619, 620
- Даниил, игумен 704
- Данилов Кирша 945, 949, 950, 960
- Данте Алигьери (Dante Alighieri) 842
- Дарю (Daru) П. 908
- Дашкевич Н. П. 508
- Дашков Д. В. 666, 741, 795, 885
- Дашков П. Я. 520, 573, 642, 684, 721, 740, 756, 759, 798, 804, 938, 940, 960, 967, 968
- Двойченко-Маркова Е. М. 522, 526, 619, 675, 718, 865, 891
- Дегильи (Deguilly) 627, 919, 922
- Делавинь (Delavigne) К. 781, 782
- Делиль (Delille) Ж. 629, 630, 682
- Делиль де Саль (Delisle de Sales) Ж.-Б.-К. 732
- Дельвиг А. А., барон 23, 196, 471, 484, 492, 498, 527, 546, 547, 564—569, 595, 614, 687—690, 703, 714, 738, 739, 750, 751, 767, 798, 801, 802, 828, 836, 849, 888, 892, 973
- Дельвиг С. М. (урожд. Салтыкова) 801, 802
- Дембровский К. И. 497
- Демидов В. И. 741
- Де Микелис (De Michelis) Ч. 952
- Демокрит (Democritus) 532
- Демут Ф. Я. 612
- Денисенко С. В. 528, 975
- Депрео (Despréaux) Ж.-Э. 683
- Де-Пуле М. Ф. 870
- Державин Г. Р. 67, 79, 81, 319, 509, 689, 692, 721, 722, 728, 767, 777, 783, 816, 948, 957, 958

- Державина Д. А. 701
 Де-Рибас М. Ф. см. Рибас М. Ф. де
 Деспот-Зенович (Despot-Zenowicz) И. 634
 Дешан (Deschamps) Э. 544
 Джулиани (Giuliani) Р. 826
 Дидло (Didelot) Ш.-Л. 149, 453, 872, 930, 931
 Дидро (Diderot) Д. 532, 911, 947, 948, 952—954, 956—958
 Дир, киевский варяжский князь 704
 Дмитриев И. И. 491, 585, 586, 596, 726, 741, 777, 797, 814, 835, 849, 874, 955, 962, 965
 Дмитриев М. А. 528, 797
 Дмитриева Н. Л. 498, 499, 552, 625
 Добрицын А. А. 516, 601, 761, 775, 778, 954, 955, 958
 Доброхотов И. 939 («отец»)
 Доброхотов П. И. 939, 944
 Долгоруков М. П., князь 603
 Долгоруков Н. А., князь 502, 572, 616, 642, 684, 685, 720, 743, 744, 756, 780, 798, 804, 939, 940, 968, 969
 Долгоруков П. И., князь 490, 649, 667, 697, 864, 865
 Долгорукова О. А. (урожд. Булгакова), княгиня 754
 Долинин А. А. 497, 519, 537, 538, 540, 541
 Д'Омон (d'Aumont) Ж., герцог 591
 Донат (Элий Донат) (Aelius Donatus) 795
 Донская С. Л. 777
 Дорохов Р. И. 592
 Достоевский Ф. М. 578, 976
 Драганов В. П. 963, 966
 Дружинин А. В. 743
 Дубровский А. В. 974
 Дурново Н. Н. 945
 Дыдицкая П. В. (урожд. Пуришкевич) 621
 Д'Эпарбе де Люссан (d'Esparbès de Lussan) А., графиня 591
 Екатерина II, императрица 81, 490, 730—732, 783, 955
 Елена Константинопольская (св. Елена) 645, 650, 656, 657
 Елеонская Е. Н. 948
 Елизавета Алексеевна, императрица 610
 Елизавета I Петровна, императрица 741, 767, 955
 Ермаков И. Д. 829
 Ермолов А. П. 793, 838, 861
 Ефремов П. А. 169, 181, 184, 212, 513, 518, 535, 547, 573, 575, 600, 606, 616, 619, 633, 641—644, 660, 674, 684, 686, 721, 736, 740, 743, 744, 750, 754, 757, 759, 762, 769, 771, 772, 780, 798, 804, 805, 809, 812, 817, 838, 856, 879, 923, 928, 929, 932, 938—940, 942, 943, 960—967, 969, 973
 Жаворонков А. Э. 952
 Жадовский И. Е. 560
 Жаккар (Jaccard) Ж.-Ф. 947
 Жандр А. А. 836
 Жанлис (Genlis) С.-Ф. де 617, 620
 Женгене (Ginguené) П.-Л. 411, 412, 875—877, 921
 Живкович Ц. 522
 Жильбер (Gilbert) Н.-Ж.-Л. 781
 Жирицкий Л. В. 609, 673
 Жирмунский В. М. 506, 754, 823, 825, 828, 899
 Жироде (Girodet de Roucy-Triousson) А.-Л. 906
 Жихарев С. П. 862
 Жорж (мадмуазель Жорж) (George) (Веймер М.-Ж.) 835
 Жуан VI (João), король Португалии 649
 Жуйкова Р. Г. 718, 861, 865, 895, 933
 Жуковский В. А. 146, 471, 475, 494, 500, 527, 534, 559, 560, 566, 568, 577, 585, 595, 601, 603, 613, 614, 646—648, 655, 666, 669, 689, 706, 709, 712—714, 717, 719, 725, 726, 729, 735, 737, 739, 741, 745,

Евгеньева А. П. 949

Егунов А. Н. 871

- 747, 751, 772, 774, 778, 781—783,
803, 816, 820, 823, 824, 826—829,
849, 850, 854, 859, 860, 862, 869,
871, 887, 888, 910, 953, 970, 973
- Жуковский П. В. 505, 719
Жульвекур (Julvécourt) П. де 529
Журавлев В. 561
- Забелин И. Е. 501, 642, 719, 803, 969
Забелкин С. С. 757, 938, 969
Заблоцкий-Десятковский А. П. 889
Заборов П. Р. 487, 489, 832
Завалишин Д. И. 580
Загорский М. П. 541, 802
Занкин И. И. 787
Закревский А. А. 562, 861
Залевк 843
Занд (Sand) К. Л. 25, 26, 205, 572,
574, 580—584
Зарецкий А. Р. 542
Зеленецкий К. П. 734, 744, 771
Зельченко В. В. 500
Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
Зильберштейн И. С. 632, 800
Зименко Е. 529
Зоил 569, 570
Золотарев И. Ф. 759
Золотов В. 670, 703
Золотова О. Н. 975
Зорин А. Л. 706, 971
Зубков В. П. 512—514
Зубков Н. Н. 706
Зубкова А. Ф. (урожд. Пушкина) 514
Зубов В. А., граф 816
Зыков Д. П. 566
- Иванов Вяч. Вс. 714
Иванов Вяч. И. 537, 538
Иванова Г. М. 975
Иванова Н. Н. 519
Иванчин-Писарев Н. Д. 543, 544, 546
Ивич А. 522
Игорь, великий князь киевский 76, 301,
703, 704, 710, 919
Иезуитова Р. В. 553, 601, 613, 694,
734, 975
- Изабелла II, королева Испании 669
Измайлов А. Е. 393, 525, 597, 797,
803—805, 835, 851, 962, 964,
965
Измайлов Н. В. 321, 410, 644, 734,
790, 792, 874, 918, 926—929
Илличевский А. Д. 516, 777, 849
Инзов И. Н. 115, 125 («смиранный
Иоанн»), 380, 404, 471, 472, 475,
490, 610 («Инзен»), 619—621,
626, 637, 638, 667, 697 («намест-
ник»), 698, 738, 773, 838, 839, 841,
865, 889, 890, 918, 937
Иннокентий (Смирнов И. Д.), архи-
мандрит 961
Иоанн XXII, папа римский 945
Иоанн III Васильевич, великий князь
московский 709
Иоанн IV Васильевич Грозный, рус-
ский царь 604
Иовва И. Ф. 473
Ионов И. И. 736
Иордаки см. Олимпиос Г.
Иордан А. 684
Ипсиланти А. К., князь 115 («безрукий
князь»), 148, 380 («безрукий
князь»), 452, 618, 661—663, 683,
840, 841, 861, 926
Ипсиланти Г. К., князь 661
Ипсиланти К., господарь Молдавии и
Валахии 840
Ипсиланти Н. К., князь 661
Исаков Я. А. 972, 973
Истомина Е. И. 931
- Йованович Е., жена Карагеоргия 522
Йыэсте М. 673
- Каверин П. П. 643, 721, 757, 969, 978
Кавос (Cavos) К. А. 931
Кавтаскин А. Г. 629
Каган Р. А. 736
Казанцев П. М. 554
Казарин В. П. 787, 788
Казначеев А. И. 475 («правитель кан-
целярии»), 496, 787, 909, 910, 934

- Казначеева В. Д. (урожд. княжна Волконская) 475
- Кайль (Keil) Р. Д. 706, 746, 777, 778, 790
- Кайсаров П. С. 669
- Калайдович К. Ф. 950
- Калигула (Caligula) (Гай Юлий Цезарь Август Германик) (Gaius Julius Caesar Augustus Germanicus) 680
- Каллаш В. В. 959
- Каллимаки С. 666
- Каллимаки Я. 666
- Каменская М. Ф. (урожд. графиня Толстая) 603, 604
- Кантемир Д. К. 673
- Капнист А. В. 753
- Капнист В. В. 827, 908, 909
- Капнист П. И., граф 276, 485, 488, 489, 501, 503, 517, 520, 523, 525, 530, 534, 535, 539, 543, 544, 547, 553, 563, 584, 591, 593, 598, 600, 621, 627, 632, 635, 660, 681, 687, 699, 700, 702, 733, 742, 747, 753, 769, 774, 780, 796, 810, 969, 977 («Капнистовская тетрадь»)
- Каподистриа И. А., граф 664, 841
- Каравис В. 661
- Карагеоргиевич Алекса 522 («старший сын Карагеоргия»)
- Карагеоргиевич Александр 522 («младший сын Карагеоргия»)
- Карагеоргиевич Сава (в замуж. Ристич) 522 («Савка»)
- Карагеоргиевич Сара (в замуж. Кара-Маркович, Боянич) 522 («Сарка»)
- Карагеоргиевич Стаменка (в замуж. Ристич, Чарапич) 522 («Стаменка»)
- Карагеоргий (Георгий Петрович, Георгий Черный) 9, 169, 170 («Черный Георг»), 171 («К. Г.»), 172, 497, 520—523, 598, 913, 926
- Караджич (Караџић) В. 951
- Каразин В. Н. 605
- Карамзин Н. М. 79, 81, 320, 490, 550, 577, 583, 585, 594, 610, 615, 648, 682, 703—705, 707—709, 722, 726, 729, 785, 885, 954
- Карамзина Е. Н. 538, 778
- Карамзины 576, 741
- Карасик Г. Н. 741, 848, 885
- Каратыгин П. А. 834, 836, 837
- Каратыгина А. М. см. Колосова А. М.
- Кардаш Е. В. 499
- Карл Великий (Charlemagne), король франков, император Запада 656, 657, 877
- Карл I (Charles I), король Англии 578
- Карниолин-Пинский М. М. 797
- Карра (Carra) Ж.-Л. 675
- Картавов Л. 572, 642, 969
- Катакази Е. К. (урожд. Ипсиланти) 618
- Катакази К. А. 43, 229 («К—»), 617—619
- Катакази Т. А. 44, 617, 620
- Катенин П. А. 34, 114, 208, 211 («К***ну»), 378, 498, 520, 544, 556—558, 562, 563, 566, 569, 585, 591, 596—601, 610, 611, 674, 687, 688, 709, 835, 836
- Каткарт (Cathcart) У. Ш., лорд 666, 910
- Катулл (Гай Валерий Катулл) (Gaius Valerius Catullus) 533
- Кац Б. А. 870
- Каченовский М. Т. 27, 28, 206—208, 213 («оратор Лужников»), 498, 569, 570, 580, 584—589, 593, 602, 608, 613, 615, 658, 659, 719, 796, 797, 848, 849, 851
- Квируга А. см. Кирюга А.
- Кек В. Т. 297 («К—ку»), 699—701
- Келюс (Caylus) А.-К.-Ф. де, граф 532, 947
- Кервийяр (Kervillars) Ж.-М. де 672, 678, 792
- Кесарь см. Цезарь
- Кибальник С. А. 481, 504, 506, 507, 519, 533, 541, 609, 653, 678, 715, 764, 832, 973
- Кирджали Г. 133, 427, 889—891, 927
- Киреевский И. В. 477
- Киреевский П. В. 919

- Кирилов Т. 735
Киров Х. С. 718
Кирога (Quiroga) (Квиорога) А. 60, 276, 277, 669
Киселев В. 528, 546
Киселев П. Д., граф 521, 799, 801, 803, 809, 861, 889
Киселев П. С. 552, 718
Киселева Л. Н. 705, 871
Киселева Т. Е. 975
Китанина Т. А. 498, 499, 870, 975
Клейтон (Clayton) Дж. Д. 952
Клеман (Clement) Ж. 583
Клепиков С. А. 529
Клермонт (Clairmont) К. 508
Клочков М. 684, 969
Кобеко Д. Ф. 732
Козлов И. И. 505, 534, 717, 737, 747, 774, 826
Козлов Н. Т. 229, 617 («Никита»), 620, 953
Козмин Н. К. 591
Кокошкин Ф. Ф. 549, 600
Коленкур (Caulaincourt) А.-О.-Л. маркиз де, герцог Винченский 102, 809
Колосова А. М. (в замуж. Каратыгина) 33, 34 («волшебница»), 208 («волшебница»), 209 («Моина»), 210 («Моина»), 211 («Моина»), 498, 558, 562, 590, 591, 596—600, 834—836, 954
Колошин П. И. 512
Колошин С. П. 512
Кольцов А. В. 685
Комаров В. В. 973
Комарова Т. С. 839
Комарович В. Л. 789, 790, 953
Кондаков Ю. Е. 806, 965
Кони А. Ф. 513, 514
Коноплев В. Г. 571, 969
Констан (Constant de Rebecque) Б. 727
Коншин Н. М. 639, 640 («Н. М. К.»)
Кораблинский А. см. Воейков А. Ф.
Кордэ д'Армон (Corday d'Armont) М.-А.-Ш. 25 («дева Эвменида»), 201 («дева славная»), 202 («дева Эвменида»), 571, 572, 576, 578, 583
Корнеев Б. Ю. 591
Корнель (Cornelle) П. 569, 836
Корнель (Cornelle) Т. 836
Корнилович А. О. 738
Корнильев В. Д. 662
Коровин В. Л. 716
Королева Н. В. 836, 973
Корсаков Н. А. 631
Корсаков П. А. 727, 731
Корсини (Corsini), флорентийский род 629
Корф М. А., барон 962
Костров Е. И. 569, 777, 871, 888, 954, 955
Котельницкий А. 908
Коцебу (Kotzebue) А. Ф. Ф. фон 572, 580, 583, 584
Коцебу О. Е. 895
Кочубей В. П., граф 605, 961
Кочубей Н. В. (в замуж. Строганова), графиня 537
Кошанский Н. Ф. 537, 541, 788, 873
Кошелев В. А. 875, 971
Кошкинко И. В. 861
Крамер В. В. 592
Крамер (Kramer) К. Ф. 788, 873
Краснобродько Т. И. 500, 700, 719, 974, 975, 977
Краснов Г. В. 899
Красовский А. И. 724, 738
Краусс (Krauss) Ф. С. 950, 956
Кребийон-сын (Crébillon-fils) К.-П. 946—948, 952, 954
Крезе де Лессер (Creuzé de Lesser) О.-Ф. 624
Кривцов Н. И. 702, 739
Кросс (Cross) Э. 946, 951, 959
Крузенштерн И. Ф. 602, 603
Крупенская Е. Х. 865 («вице-губернаторша»)
Крупенский М. Е. 620, 865 («вице-губернатор»)
Крупенский Ф. Е. 43 («Тадарашка»), 51 («Тадарашка»), 620, 632
Крылов А. А. 771, 772
Крылов И. А. 588, 589, 732
Крюденер (Krüdener) В.-Ю., баронесса 807, 961

- Ксантос Э. 661
 Кудашева Е. Д., княжна (в замуж. Корбе) 554
 Кузнецов Н. А. 561
 Кузнецов Н. Н. 538
 Кукулевич А. М. 870
 Куликов Н. И. 735, 736
 Кульман Н. К. 667
 Кумпан К. А. 585, 851, 977
 Куницкий П. С. 541
 Куницын А. П. 80, 720—723, 729, 807
 Купреянова Е. Н. 594
 Курилов П. Ф. 757
 Курочкин В. С. 524
 Кутузов см. Голенищев-Кутузов Смоленский М. И.
 Кырджа Али, разбойник 891
 Кюхельбекер В. К. 471, 476, 478, 513, 595, 631, 639, 655, 693, 700, 701, 750, 888, 904
- Лабзин А. Ф. 807, 961
 Лабуисс-Рошфор (Labouisse-Rochefort) Ж.-П.-Ж.-О. де 601
 Лагарп (La Harpe, Laharpe) Ж.-Ф. де 671, 847, 978
 Лакшин В. Я. 754
 Ламартин (Lamartine) А. М. Л. де 484, 634, 644, 654, 657—659, 714—716, 765—767, 782—784, 795, 911
 Ланда С. С. 473, 584
 Ланов И. Н. 71, 296, 697, 698
 Ларионова Е. О. 471, 496—500, 711, 712, 975
 Латуш (Latouche) А. де (наст. имя Табо Я.-Ж.-А.) 483, 484, 486
 Лаура (Лаура де Нов) (Laura de Noves) 811
 Лафонтен (La Fontaine) Ж. де 847, 948, 958, 959
 Лебрен см. Экушар-Лебрен П.-Д.
 Левинтон Г. А. 500, 889, 890, 926, 942, 945, 948, 957
 Левичева Т. И. 555, 567, 584, 589, 590, 616, 626, 641, 669, 692, 736, 756, 767, 973
- Левкович Я. Л. 661, 668, 711, 734, 769, 773, 804, 817, 892, 893, 952, 964, 965, 974, 975, 977
 Легуве (Legouvé) Г.-М. 777
 Лейбниц (Leibniz) Г. В. фон 590
 Лекс М. И. 890
 Ленжанд (Lingendes) Ж. де 678
 Леонар (Léonard) Н.-Ж. 541, 542
 Леонид, царь Спарты 888
 Лермонтов М. Ю. 478, 573, 574, 577, 659, 757, 939, 940
 Лернер Н. О. 511, 513, 514, 541, 564, 575, 589, 592, 612, 617, 619, 620, 623, 624, 633—635, 668, 686, 690, 699, 754, 759, 771, 772, 805, 807, 812, 856, 860, 861, 895, 899, 900, 904, 906, 920, 923, 929, 958, 963, 966
 Летурнер (Letourneur) П.-П.-Ф. 766
 Лефранк (Lefranc) Э. 787
 Ливия Друзилла (Livia Drusilla), жена императора Октавиана Августа 680
 Линецкая Э. Л. 591
 Липман, майор 810
 Липранди И. П. 472—475, 521, 522, 525, 526, 617—620, 637, 638, 667, 671—673, 675, 687, 691, 692, 697, 698, 701, 705, 717, 718, 800—802, 809, 865, 881—883, 890, 902, 927, 929, 935, 937
 Листов В. С. 885
 Лисянский Ю. Ф. 602
 Лобанов-Ростовский А. Я., князь 559, 804
 Лобанов-Ростовский Д. И., князь 612
 Лобанова А. С. 497—500, 899
 Лобачевский Н. И. 731
 Лобикова Н. М. 947
 Лобода А. М. 519, 539
 Лозинский М. Л. 842
 Ломоносов М. В. 509, 767, 783, 893, 894
 Лонгинов М. Н. 465, 555, 559—561, 570, 573, 591, 592, 608, 612, 616, 642, 684, 686, 693, 696, 721, 756, 779, 780, 800, 804, 937, 938, 940, 942—944, 955, 960, 967, 969

- Лонжпьер (Longepierre) И.-Б. де Рок-
лэн (Roquelyene), барон де 541, 836
Лопухина Н. Ф., княгиня (урожд. Ба-
лу) 955
Лосев А. Ф. 871
Лотман М. Ю. 953
Лотман Ю. М. 478, 481, 491, 507,
510, 511, 519, 536, 694, 841, 842,
895, 911, 930, 931, 965, 966, 974
Лувель (Louvel) Л.-П. 580
Лугинин Ф. Н. 605, 678, 866
Лудилова Е. В. 975
Луи-Антуан-Анри де Бурбон-Конде
(Louis-Antoine-Henri de Bourbon-
Condé), герцог Энгиенский 658
Лукницкий П. Н. 743, 905
Луначарский А. В. 972, 973
Луппол И. К. 973
Львов Н. А. 709
Любомудров С. И. 545
Людовик XIV (Louis XIV), король
Франции 648
Людовик XV (Louis XV), король
Франции 591, 648, 732
Людовик XVIII (Louis XVIII), король
Франции 648
Люсый А. П. 829, 830
Ляцкий Е. А. 573
Лященко А. И. 571, 738
- Мабли (Mably) Г. Б. де 911
Маврогени П. Д. 43, 229 («М—»),
619
Магницкий М. Л. 724, 729, 806, 807,
962
Майков А. А. 835
Майков В. И. 509, 951
Майков Л. Н. 163, 169, 172, 180, 181,
206, 207, 210—212, 231, 242, 251,
276, 290, 297, 302, 323, 380, 488,
501, 504, 517, 520, 523, 525, 530,
534, 539, 541, 543, 544, 547, 550,
551, 553, 563—565, 570, 571, 575,
584, 589, 591, 593, 598, 600, 606,
614, 615, 621, 627, 632, 635, 636,
641, 659, 660, 662, 670, 674, 681,
686, 687, 692—694, 699, 700,
702, 710, 716, 719, 733, 734, 742,
747, 753, 757, 768, 772, 774, 779,
786, 789, 796, 805, 810, 811, 817,
847, 852, 853, 866, 878, 879, 885,
963, 971, 974
Майкова А. А. 667
Майковы 740, 756, 969
Македонские, братья, сербские воево-
ды 522
Макогоненко Г. П. 957
Максимович М. А. 942
Малеин А. И. 672, 680, 874
Малерб (Malherbe) Ф. де 781
Мальшева И. В. 721
Мандрыкина Л. А. 757
Мансуров П. Б. 558, 559, 561
Маран (Marant) 515
Марат (Marat) Ж.-П. 25 («палач
уродливый»), 80, 201, 202 («апос-
тол гибельный»), 205 («апостол ги-
бельный»), 320, 571, 572, 574, 576,
578, 581 («bourreau hidieu», «урод-
ливый палач»), 583, 729
Марин С. Е. 573, 642, 684, 757, 969
Марин С. Н. 836, 849
Марионила, молдаванка 526
Мария-Луиза Австрийская (Marie-
Louise von Österreich), императрица
Франции 658
Маркевич Н. А. 534, 717, 737, 747
Маркиш С. П. 696
Марлинский см. Бестужев (Марлин-
ский) А. А.
Марр Н. Я. 957
Марфа Посадница см. Борецкая М. И.
Масальский К. П. 541, 542
Матюшкин Ф. Ф. 894, 895
Махмуд II, султан Османской империи
663
Мацеевич Л. С. 618, 621
Медведева И. Н. 333, 416, 433, 434,
594, 595, 601, 737, 739, 740, 743,
748, 755, 757—759, 761, 768, 829,
831, 880, 896, 897, 927, 933
Мейлах Б. С. 580
Мелецкий см. Нелединский-Мелец-
кий Ю. А.
Меликьян М. 612

- Мельникова Е. А. 705
 Мельц М. Я. 528, 529, 736
 Мерзляков А. Ф. 797, 871
 Меринский А. 685
 Местр (Maistre) Ж. де, граф 807
 Метьюрин (Maturin) Ч. Р. 753—755
 Меценат (Гай Цильний Меценат) (Gaius Cilnius Maecenas) 796
 Миклашевские 574
 Миллер В. Ф. 919
 Милло Э. 151, 918, 936 («Зоя»)
 Милло (Millot) К.-Ф.-К. 81, 320, 731, 732
 Милонов М. В. 487, 628
 Милорадович М. А., граф 610, 664, 695, 836
 Милорадович С. Г. см. Туманская С. Г.
 Мильвуа (Millevoeye) Ш.-Ю. 486—489, 549, 628, 633, 714, 770, 771, 870
 Мильтон (Milton) Д. 478
 Мильчина В. А. 549, 578, 654, 655, 978
 Мирская (Щепкина) Ю. Б. 582
 Митридат VI Евпатор, царь Понта 110, 372, 829
 Михайлова Т. М. 975
 Михайловский-Данилевский А. И. 695, 861
 Мицкевич (Mickiewicz) А. 582
 Модзалевский Б. Л. 513, 514, 539, 543, 558, 590, 616, 617, 645, 650, 661, 662, 692, 708, 725, 758, 800, 802, 886, 891, 913, 920, 941, 955, 971, 972, 974, 976
 Модзалевский Л. Б. 534, 543, 667, 668, 682, 683, 699, 700, 719, 779, 861, 872, 976, 977
 Мозевский, штабс-капитан 757
 Мольер (Molier) (наст. имя По-клен Ж.-Б.) 553, 562, 600, 849
 Монвиль (Monville) Ф.-Р. де 591
 Монтандон (Montandon) Ш. 831
 Монтескье (Montesquieu) Ш.-Л. де Секонда (Secondat), барон де Ла Брэд (La Brède) и де 911
 Моравский (Morawski) Ф. 505
 Морелли (Morelli) М. 842
 Моро де Комани (Moreau de Commag-пу) Ш.-Ф.-Ж.-Б. 778
 Мороз В. Г. 911
 Морозкина Э. 680, 791
 Морозов П. О. 170, 321, 382, 398, 434, 514, 516, 519, 523, 533, 538, 558, 574, 575, 598, 601, 612, 624, 628, 634, 640, 641, 659, 667, 668, 670, 672, 686, 692, 699, 719, 723, 733, 743, 748, 754—756, 759, 762, 763, 771, 772, 779, 802, 810, 812, 817, 819, 820, 852, 853, 856, 857, 860, 864, 867, 872, 875, 883, 886, 892, 893, 897—900, 905—909, 912, 913, 916, 921, 925, 928, 929, 931, 941, 943, 944, 963, 974
 Мосх (Moschus) 180, 181, 485, 536, 537, 539—543
 Моцарт (Mozart) В. А. 957, 958
 Мстислав Владимирович, князь Тму-тараканский и Черниговский 940, 949, 952
 Мур (Moore) Т. 104, 506, 813, 814
 Муравьев М. Н. 954
 Муравьев Н. Н. 678 («Муравьевское училище»)
 Муравьев-Апостол И. М. 547, 787—791, 830, 831
 Муравьева М. Г. 875
 Муравьева О. С. 499, 519, 780, 905
 Мусатов В. В. 778
 Мутонне де Клерфон (Moutonnet de Clairfons) Ж.-Ж. 537, 540, 541
 Муханов В. А. 797
 Муханов Н. А. 797
 Набоков В. В. 614, 641, 680
 Назарова В. Г. 736
 Назарова Л. Н. 804
 Назон см. Овидий
 Наполеон I Бонапарт (Napoléon I Bona-parte) 56—58, 94—96 («Недвиж-ный страж дремал на царственном пороге...»), 145 («Зачем ты послан был и кто тебя послал?..»), 254—257, 268, 272, 349 («чудный

- муж»), 490, 493, 498, 540, 548, 551, 628, 641—646, 647 («тиран»), 648—651, 652 («галл»), 654—659, 666, 669, 688, 702, 732, 760, 780—782, 784—786, 858, 910, 911
- Наполеон II (Napoléon II) (Бонапарт Ф. Ш. Ж., герцог Рейхштадтский) 58 («сын»), 271 («сын»), 658
- Нарышкин А. И. 603
- Нащокин П. В. 736
- Негруцци (Negruzzi) К. 526, 718
- Недоба Ф. И. 521
- Неелов С. А. 754
- Незеленов А. И. 774
- Нейштадт В. И. 502, 571, 572, 642, 684, 719, 720, 756, 945, 948, 969
- Неклюдов С. Ю. 705
- Некрылова А. Ф. 737
- Нелединский-Мелецкий Ю. А. 781, 813
- Немзер А. С. 706
- Немировская К. А. 709
- Немировский И. В. 473, 498
- Немировский М. Я. 682
- Ненадович Е. 522
- Нессельроде К. В., граф 475, 738, 741, 799—801
- Неустроев А. Н. 775
- Нечаев С. Д. 580, 854
- Нечаева В. С. 660
- Никишов Ю. М. 754
- Николаев С. И. 777
- Николай Михайлович, великий князь 664, 665
- Николай I, император 732 («государь», «император»), 962
- Николев Н. П. 956
- Никольский Б. В. 629
- Новикова Е. В. 515
- Новополин Т. 574
- Норов А. С. 592
- Ободовский П. Г. 920
- Обренович М. 521
- Обри-Лекомт (Aubry-Lecomte) Ж.-Б. 906
- Овидий (Публий Овидий Назон) (Publius Ovidius Naso) 24, 37, 61—63, 67, 212, 214, 277, 279, 281, 286—290, 293, 294, 363, 366, 371, 480, 481, 485, 486, 488, 489, 498, 519, 524, 532, 565, 568, 609, 615, 637, 660, 670—681, 687, 689, 691, 694, 717, 726, 787, 791, 792, 830, 872, 874, 925
- Овошников Е. И. 559
- Оганян Л. Н. 890
- Огарев Н. П. 685, 740, 798, 804, 939, 940, 952, 961, 964, 967, 975
- Одесский М. П. 578
- Одоакр 655
- Одоевский А. И., князь 756
- Одоевский В. Ф., князь 476, 528, 693, 701, 750, 751, 974
- Озерецковский Н. Я. 724
- Озерков Д. Ю. 959
- Озеров В. А. 600, 834
- Ознобишин Д. П. 534, 717, 737, 747, 756
- Оксман Ю. Г. 471, 514, 537, 594, 597, 624, 626, 631, 699, 731, 743, 763, 789, 811, 889, 897, 905, 923, 971, 973
- Октавиан Август (Octavianus Augustus) 24, 61 (Октавий), 62, 98, 282, 283, 288, 480, 481 («Октавий»), 568, 569, 671, 673, 679, 680, 796
- Олег (Вещий Олег), князь новгородский, великий князь киевский 74—76, 298—302, 498, 628, 642, 644, 689, 693, 694, 702—710, 888, 919, 940, 941, 952
- Олег Константинович (Романов), князь 976
- Оленин А. Н. 568
- Оленина А. А. (в замуж. Андро) 571
- Олимпиос Г. 148, 452, 926, 927
- Олин В. Н. 773, 774
- Ольга, княгиня киевская 76, 301, 703, 710, 919
- Онегин А. Ф. 684, 886, 974
- Ончуков Н. Е. 956
- Опочинин Ф. К. 520
- Орлов В. Н. 597, 839

- Орлов М. Ф. 24, 115, 379, 380, 472—474, 490, 499, 519, 526, 538, 557, 562, 569, 584, 619, 649, 653, 654, 658, 661, 663, 666—668, 685, 701, 727, 728, 793, 839, 840, 853, 861, 865, 880, 918
 Орлов Ф. Ф. 525
 Орлов-Чесменский А. Г., граф 962, 965
 Орлова Е. Н. (урожд. Раевская) 472, 474, 483, 514, 519, 538, 569, 643, 653, 654, 666, 753, 829, 832, 839, 840, 853
 Орлова-Чесменская А. А., графиня 156, 157, 467, 500, 806, 961—967
 Осипова П. А. (урожд. Вындомская, в первом браке Вульф) 163, 501
 Осповат А. Л. 971
 Остолопов Н. Ф. 778
 Отон (Autonne) Ц. Л. 809
 Охотин Н. Г. 497—500, 889, 890, 926, 942, 948, 957, 976
 Охотников К. А. 473, 474, 673, 839
 Охрименко П. П. 736
- Павел I, император 730, 731
 Павлищев Н. И. 528
 Паллас (Pallas) П. С. 788, 790
 Панаев В. И. 739, 806, 807, 870, 962
 Панин В. П. 514
 Панов С. И. 529, 978
 Пановский (Panofsky) Э. 629, 775
 Парин А. 677
 Парни (Parry) Э.-Д. де Форж де 104, 150, 454, 479, 482, 486, 491, 533, 633, 640, 641, 689, 714, 812, 813, 874, 933
 Парсамов В. С. 648—650, 654, 839
 Пастернак Б. Л. 778
 Пенинский И. С. 523, 670, 703, 787
 Пепе (Pere) Г. 842
 Переселенков С. А. 592
 Перикл 717
 Перилла 678
 Песков А. М. 637, 687, 688, 690, 849, 850
 Пестель П. И. 473, 649, 766, 889
- Петр I, император 655, 901, 954, 959
 Петр III, император 783
 Петрарка (Petrarka) Ф. 103, 775, 811
 Петрицкий В. А. 603
 Петров М. Н. 963
 Пивоваров А. 736
 Пизани А. Н. 663 («русский консул в Яссах»)
 Пиис (Piis) П.-А.-А. 775, 777
 Пильщиков И. А. 714, 942, 948, 954, 955
 Пиндар 888
 Писарев А. А. 705
 Писарев А. И. 797
 Пишо (Pichot) А. 477, 478, 493, 506, 579, 645, 735, 766, 814, 825, 887, 915
 Плавт (Тит Макций Плавт) (Titus Maccius Plautus) 562
 Плануд Максим 532
 Плетнев П. А. 324, 458, 471, 485, 489, 503, 521, 540, 546, 554, 706, 734, 771, 798, 801, 930, 941, 943
 Плещеев А. А. 513, 550, 615
 Плутарх 583, 696, 697
 Погодин М. П. 554, 562, 589, 662, 720, 756, 792, 797, 930
 Пожарский Д. М., князь 730
 Полевой К. А. 493, 528
 Полевой Н. А. 529, 712, 751
 Полевой П. Н. 700
 Поленов Д. В. 720, 968
 Поливанов Л. И. 609, 750, 755, 762, 976
 Полихрони, мать К. Полихрони 717
 Полихрони К. 78 («Гречанке»), 312 («Гречанке»), 313 («Гречанке»), 526, 638 («Калипсо»), 717, 718, 734, 856, 872
 Полторацкие 699
 Полторацкий А. П. 297 («П—им»), 700, 701, 936
 Полторацкий М. А. 297 («П—им»), 700, 701, 936
 Полторацкий С. Д. 202, 205, 206, 502, 570, 573, 575, 580, 591, 592, 616, 642, 656, 684, 693, 721, 737, 739,

- 756, 780, 804, 937, 938, 940, 942, 955, 960, 967, 969
- Полякова Г. В. 778
- Помпей (Гней Помпей Великий) (Gnaeus Pompeius Magnus) 25, 199, 200, 571, 581, 583, 896
- Помяловский И. В. 502, 969
- Пономарева С. Д. 525, 739
- Попов С. 528, 546
- Поповский Н. Н. 888
- Попугаев В. В. 908
- Порлье (Porlier) X. Д. 669
- Потапова Г. Е. 497—500, 975
- Потемкин Таврический Г. А., светлейший князь 698
- Прийма Ф. Я. 521
- Прожогин Н. П. 771
- Прокопий Кесарийский 830
- Прокофьев А. А. 571
- Проперций (Секст Проперций) (Sextus Propertius) 486
- Проскурин О. А. 477, 479, 480, 483, 504, 508, 509, 519, 527, 549, 551, 629—631, 711; 726, 733—735, 789, 790, 816, 828, 830, 859, 887, 905, 976
- Проскурина В. Ю. 562
- Протасова Е. А. 660
- Прутков Козьма 529
- Пуансине де Сиври (Poinsinet de Syvry) Л. 541
- Пумпянский Л. В. 783
- Пуссен (Poussin) Н. 629, 630
- Путилов А. А. 938, 940, 969
- Путилов Б. Н. 949
- Путята Н. В. 502, 571, 576, 580, 737, 969
- Пушкин В. Л. 80, 319, 483, 529, 603, 695, 730, 853
- Пушкин Л. С. 134, 289, 427, 458, 465, 475 («брат»), 479, 483, 488 («брат»), 489 («брат»), 491 («брат»), 499, 503 («брат»), 521, 525 («брат»), 540 («брат»), 559, 561, 584, 590, 594, 600 («брат»), 608 («брат»), 611, 616, 626, 635, 645, 667, 670, 674, 675, 687 («брат»), 689, 692 («брат»), 693 («брат»), 695, 696, 699, 708 («брат»), 710—712, 716, 733, 734, 738, 750 («брат»), 752 («брат»), 774 («брат»), 790 («брат»), 806, 815 («брат»), 816 («брат»), 817 («брат»), 829 («брат»), 830 («брат»), 865, 888 («брат»), 891, 892, 931 («брат»), 939, 941, 942—944
- Пушкин С. Л. 495 («родители»)
- Пушкина Н. О. (урожд. Ганнибал) 495 («родители»)
- Пушкина С. Ф. (в замуж. Панина) 513, 514
- Пушин И. И. 572, 614, 648, 708, 953 («Большой Жанно»)
- Пушин П. С. 60, 276, 277, 473, 474, 649, 667—669, 683, 784, 861, 865
- Пыпин А. Н. 806
- Рабле (Rabelais) Ф. 945
- Равальяк (Ravillac) Ф. 578
- Радищев А. Н. 80, 319, 728, 730, 954
- Раевская Ек. Н. см. Орлова Е. Н.
- Раевская Ел. Н. 472, 506, 514, 519, 537, 538, 915
- Раевская М. Н. см. Волконская М. Н.
- Раевская С. А. (урожд. Константинова) 472
- Раевская С. Н. 471
- Раевские 472, 503, 505, 516, 519, 533, 538, 539, 752, 817, 915, 971
- Раевский А. Н. 115, 379, 380, 472, 474, 492, 569, 623, 643, 653, 663, 666, 668, 752—754, 782, 839
- Раевский В. Ф. 140, 434, 473—475, 491, 499, 668, 672, 673, 687, 688, 705, 754, 756, 880—883, 884 («спартанец»), 899—904
- Раевский Н. Н. (младший) 471, 472, 477, 483, 492, 506, 539, 668, 752, 782, 825, 914, 915
- Раевский Н. Н. (старший) 115, 379, 380, 471, 472, 474, 503, 516, 519, 537, 551, 752, 753, 815, 838, 839, 853
- Раевский П. Н. 971

- Раич С. Е. 534, 682, 717, 737, 747
 Рак В. Д. 416, 483, 500, 503—506, 508, 512, 515, 518, 532, 550, 555, 567, 587, 718, 777, 815, 817—819, 821, 880, 891, 912, 913, 915, 924, 973, 976
 Расин (Racine) Ж. 597, 598, 600, 836
 Раупах (Raupach) Э. Б. С. 807
 Резанов Н. П. 602
 Рейкс (Reikes) Т. 582
 Рейнбот П. Е. 632
 Рейхардт (Reichardt) И. Ф. 823
 Рейхель (Reichel) К. Х. Ф. 524
 Рекелэн де Лонжпьер см. Лонжпьер И.-Б.
 Рено (Rainaud) 802
 Ренуар (Renouard) Н. 678
 Ренье (Régnier) М. 625
 Ретиф де ла Бретон (Restif de La Bretonne) Н.-Э. 953, 954
 Рибас М. Ф. де 753, 793, 794
 Ривароль (Rivarol) А. де 592
 Риго-и-Нуñес (Riego y Núñez) Р. Дель 669
 Ризнич А. (урожд. Рипп) 497, 734, 771, 772, 893, 897, 906
 Ризнич Й. 771
 Ришелье (Richelieu) А.-Э.-С.-С. дю Плесси (Plessis), герцог де 533, 794
 Ришелье (Richelieu) Л.-Ф.-А. дю Плесси (Plessis), герцог де 591
 Робеспьер (Robespierre) М. 785
 Рогова А. И. 497—500, 975
 Родзянко А. Г. 580
 Розен Е. Ф., барон 586
 Розов В. А. 778
 Ромм М. Д. 572
 Ронсар (Ronsard) П. де 537
 Ростети Р. 619
 Ростопчина Е. П., графиня (урожд. Сушкова) 738, 798, 804, 969
 Ротру (Rotrou) Ж. де 562, 728
 Рудыковский Е. П. 516
 Румянцев-Задунайский П. А., граф 691
 Рунич Д. П. 729, 806, 807
 Руссо (Rousseau) Ж.-Б. 624, 626, 781—783, 924
 Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 79, 81, 316, 320, 653, 654, 722, 731, 732, 911
 Руфин (Rufinus) 533
 Рылеев К. Ф. 476, 554, 555, 572—574, 598, 637, 661, 683, 690, 701, 702, 705, 708, 716 («издатель „Полярной звезды“»), 726, 733, 757, 761, 811, 939, 940, 948, 959, 975
 Рюльер (Rulhière) К.-К. де 592
 Рюрик, князь новгородский 491, 704, 709
 Сабанеев И. В. 474, 901
 Сабашников М. В. 976
 Сабашников С. В. 976
 Сабуров 756
 Сабуров А. И. 797
 Сабуров Я. И. 797
 Савва Сторожевский, монах 885
 Савинков Б. В. 578
 Саитов В. И. 501, 517, 520, 523, 530, 534, 539, 543, 547, 550, 553, 563, 564, 570, 571, 584, 589, 590, 593, 596, 598, 600, 606, 614—616, 621, 626, 627, 632, 635, 636, 641, 659, 660, 662, 670, 681, 686, 692, 693, 700, 702, 708, 710, 716, 733, 734, 742, 768, 772, 779, 786, 796, 810, 811, 852, 878, 971, 974, 975
 Сакулин П. Н. 471, 972, 973
 Салтыков Н. И., граф 955
 Салтыкова С. М. см. Дельвиг С. М.
 Саль (Salle) Э. де 477, 506, 579, 645, 735, 825, 915
 Сальфи (Salfi) Ф. 877
 Сандомирская В. Б. 162, 486, 501, 503, 517, 518, 585, 623, 630, 681, 706, 712, 817, 818, 867—869, 912
 Сафо (Sapho, Sappho) 537, 540, 541, 564
 Сахарова Л. Г. 839
 Свербеев Д. Н. 526
 Светоний (Гай Светоний Транквилл) (Gaius Svetonius Tranquillus) 795
 Свиньин П. П. 521, 673, 675, 679
 Свиясов Е. В. 908

- Святослав Игоревич, князь новгородский, великий князь киевский 689
 Сгриччи (Sgricci) Т. 589
 Северин Д. П. 85 («Жалоба»), 325 («Жалоба»), 326, 740—742
 Северин И. 85 («дед»), 326 («дед»), 741
 Северин П. И. 741
 Селиванова С. Д. 548, 913
 Селинов В. И. 662, 663, 889
 Семевский М. И. 520, 573, 969
 Семенников В. П. 509
 Семенова А. Н. 801
 Семенова Е. С. (в замуж. княгиня Гагарина) 114, 376, 377, 378, 558, 562, 568, 833—837
 Семенова Н. С. 562
 Сенесе (Sépécé) А. Б. де 844, 846, 847
 Сен-Жюльен (Saint-Julien) Ш. де 634
 Сен-Пьер (Saint-Pierre) Ш.-И. Кастел (Castel) де 653, 654
 Сен-Симон (Saint-Simon) Л. де Рувруа (Rouvrou), герцог де 605
 Серафим (Глаголев С. В.), митрополит 806, 961, 962, 965
 Сербский Г. П. 752
 Сивербрик (Севербрик) (Sieverbrück) Г. 603
 Сиверс А. А. 799
 Сидельников В. М. 736
 Сидяков Л. С. 489
 Симанков В. И. 777
 Синявский Н. А. 975
 Скотт (Scott) В. 506, 616, 641, 915
 Скричи см. Сгриччи Т.
 Скрынников Р. Г. 514
 Скуфас Н. 661
 Смирнов И. Д. см. Иннокентий, архимандрит
 Смирнова-Россет А. О. 554, 684
 Снегирев И. М. 580, 876
 Собаньская К. А. (урожд. графиня Ржевуская) 734
 Соболевский А. И. 735, 919
 Соболевский С. А. 292, 572, 584, 590, 592, 642, 683, 684, 686, 692, 693, 696, 700, 710—712, 730, 756, 759, 937, 939, 944, 969
 Соболевский С. И. 675
 Соколов Б. М. 537
 Соколов Д. Н. 533, 908, 909, 934
 Соколов П. Ф. 524
 Сократ 794
 Соллогуб В. А., граф 799
 Соловкина Е. Ф. (урожд. Бем) 638
 Соловьев А. В. 522
 Соловьев В. И. 972, 973
 Соловьева О. С. 976
 Сомов О. М. 324, 639, 720, 721, 734, 942
 Софокл 378
 Спасович В. Д. 577
 Спасская Е. 965 («пономарша»)
 Спасский Н. Ф. 965 («пономарь»)
 Спасский П. Н. см. Фотий, архимандрит
 Сперанская Л. 491, 900, 902, 903
 Сперанская Н. М. 581
 Сперанский М. Н. 919
 Срезневский В. И. 667, 927
 Срезневский И. Е. 675
 Сталь (Сталь-Гольштейн) (Staël-Holstein) А.-Л. Ж. де, баронесса 113, 375, 376, 577, 578, 648—650, 655, 658, 754, 823, 832
 Стамати К. 891
 Станевич (Staniewicz) А. Й. М. 534
 Старк В. П. 895
 Старов С. Н. 864
 Стенник Ю. В. 658
 Степанов В. П. 730, 957, 959
 Степанов Г. 684
 Стефанович В. Н. 549
 Столяров М. Н. (псевд. Ашевский С.) 686
 Страбон 789, 790
 Строганов Г. А., барон 663—665
 Строганов М. В. 527, 529, 788, 953, 957
 Строева А. И. 500
 Стрыйковский (Стриковский) (Strykowski) М. 708
 Стрэнгфорд (Strangford) (Перси Сидни Смит Клинтон; Percy Sydney Smythe Clinton), виконт, лорд Пэнхерст 665

- Стурдза А. С. 388, 390, 583, 619, 664, 784, 851
 Суворин А. С. 973
 Суворов-Рымникский А. В., князь 689
 Суворов-Рымникский А. А., князь 592, 773
 Суворова В. А. см. Башмакова В. А.
 Суворова Е. А. см. Голицына Е. А.
 Суворова М. А. см. Голицына М. А.
 Суетов Л. А. 603
 Суздальский Ю. П. 908
 Сумароков А. П. 951
 Сумароков П. И. 826, 830, 831
 Сухомлинов М. И. 724, 726, 729, 807
 Сухонин С. С. 571
 Суццо А. 661, 666
 Суццо Г., князь 619
 Суццо К., князь 43 («муж») 619
 Суццо Р., княгиня (урожд. Раковицэ) 43 («хромоногая»), 619
 Сципион (Публий Корнелий Сципион Африканский Старший) (Publius Cornelius Scipio Africanus Major) 659
 Сципионы 843
- Тардиф, ресторатор 102, 355, 751, 809, 810
 Тардиф де Мелло (Tardif de Mello) А. 809
 Тархова Н. А. 974
 Тассо (Tasso) (Тасс) Т. 486, 488, 489, 509, 671
 Татищев А. И. 580
 Таушев Н. С. 884
 Тацит 568
 Творогов О. В. 706
 Тенирс-младший (Теньер) (Teniers) Д. 851
 Теоделинда, королева лангобардов 656
 Тепляков В. Г. 480, 526, 672, 673
 Тибулл (Авл Альбий Тибулл) (Aulus Albius Tibullus) 104, 486, 681, 714, 813, 905 («гораццианско-тибулловском»)
 Тимковский И. О. 23, 196, 197 («Т....»), 565—567
 Тиссо (Tisso) П.-Ф. 537
- Тит Ливий (Titus Livius) 659
 Титов Н. С. 549
 Титц (Tietz) Ф. 529
 Тиханов П. Н. 569
 Тихонравов Н. С. 642, 684, 720, 740, 756, 780, 798, 967, 970
 Толстая А. М. (урожд. Тугаева), графиня 604
 Толстая А. Ф. (урожд. Майкова), графиня 602
 Толстая П. Ф., графиня (в замуж. Перфильева) 604
 Толстой И. А., граф 602
 Толстой Л. Н., граф 604
 Толстой С. Л., граф 604, 605
 Толстой Ф. И., граф 36 («Эпиграмма»), 213 («философ»), 220 («клеветник», «философ»), 223 («философ»), 388, 389, 391, 602—605, 607, 608, 612
 Толстой Я. Н. 510, 555—561, 719, 818, 851, 929
 Тома (Thomas) А.-Л. 781
 Томашевский Б. В. 169, 172, 181, 184, 210, 212, 246, 276, 378, 398, 479, 488, 489, 493, 495, 501, 507, 510, 514, 519, 525, 527, 530, 533, 534, 538, 542—544, 546, 547, 553, 557—559, 565, 575—578, 588, 594, 595, 598, 600, 601, 608, 621, 624, 628, 633, 638, 648, 656, 660, 667, 668, 673, 674, 683, 700, 702, 706, 709, 712, 719, 723, 727, 734, 739, 747, 750, 755, 762, 764, 769, 772, 779, 781—783, 787, 789, 790, 809, 817, 819, 820, 822, 828—831, 833, 838, 843, 848, 850, 859, 861, 871—874, 879, 883, 889, 890, 893, 900, 910, 918, 924, 926, 927, 932—934, 945, 946, 948, 952—954, 973, 976, 977
 Томашевский Н. Б. 829, 831
 Томсон (Thomson) Дж. 682
 Торквемада (Torquemada) Т. де 962
 Траян (Марк Ульпий Нерва Траян) (Marcus Ulpius Nerva Traianus) 673
 Третьяковский В. К. 594, 626, 699

- Трофимов И. Т. 586, 721, 728
Трубецкая Агр. И., княжна (в замуж. Мансурова) 554
Трубецкая Ал. И., княжна 554
Трубецкая С. И., княжна (в замуж. Всеволожская) 562
Трубецкой Б. А. 601, 602, 820, 891
Трубецкой Н. Н., князь 841
Трубецкой Ю. Н., князь 841
Тугаева А. М. см. Толстая А. М.
Туманская С. Г. (в замуж. Милорадович) 519, 933
Туманский В. И. 475, 476, 486, 487, 519, 534, 554, 701, 702, 717, 733, 811, 933
Туманский Ф. А. 512 («Ф. Т***»), 737—739, 747
Тункина И. В. 788
Тургенев А. И. 471, 474—477, 483, 491, 492, 505, 507, 510, 527, 529, 531, 548, 549, 585, 586, 596, 612, 641—644, 647—649, 653, 654, 660, 665, 689, 702, 703, 705, 723, 729, 741, 744, 747, 750, 756, 757, 759, 760, 774, 782, 791, 797, 806, 808, 842, 843, 865, 932, 961
Тургенев А. М. 964
Тургенев Н. И. 645, 648, 649, 664, 665, 725, 727, 729 («брат Николай»), 737, 807, 843, 973
Тургенев С. И. 649, 660 («брат»), 664, 665, 725 («брат Сергей»), 843 («брат Сергей»), 973
Тургеневы 548, 642, 643, 702, 971
Тучков С. А. 509
Тынянов Ю. Н. 475, 476, 494, 495, 597, 888
Тюнькин К. Н. 514
Тюфякин П. И., князь 834, 835
- Уваров С. С., граф 482, 483, 531, 569, 870
Уваров Ф. П. 962
Уланд (Uhland) Л. 527, 859
Улыбин В. В. 965
Улыбышев А. Д. 645, 650
- Успенский А. И. 970
Успенский Б. А. 959
Ушакова Е. Н. (в замуж. Киселева) 977
- Фадеев А. М. 697
Фармакис Я. 926
Федоров Б. М. 339, 594, 626, 699, 739, 756, 920
Федосеева Е. П. 881, 901
Федотова С. Б. 497—499, 975
Фельдман Д. М. 578
Фемистокл (Themistocle) 662, 829, 888, 914 («Athenian's grave», «могила афинянина»), 915, 916
Феокрит 869, 871
Фердинанд, король Неаполя (Ferdinando IV) и обеих Сицилий (Ferdinando I) 842, 843
Фердинанд VII (Fernando VII), король Испании 493, 669
Феррон (Ferron) П.-Л.-О., граф де ла Ферроне (de la Ferronays) 665
Фиалковский П. В. 885
Флориан (Florian) Ж.-П. Клари де 777, 778
Фомичев С. А. 416, 434, 497, 498, 500, 557, 574, 614, 623, 627, 667, 687, 691, 750, 823, 847, 848, 852, 853, 867, 875, 880, 886, 896, 899, 909, 910, 929, 934, 940, 963, 974—977
Фонвизин (Фон-Визин) Д. И. 81 («сатирик превосходный»), 392, 728, 730, 851, 863
Фор (Faure) Р. 731
Формаки см. Фармакис Я.
Формозов А. А. 673, 675, 829, 831
Фотий (Спаский П. Н.), архимандрит 155—157, 467, 468, 500, 806, 807, 960—967
Франц I (Franz I), австрийский император 658
Фрейд (Freud) З. 952 («фрейдистский»), 957
Фридлиндер Г. М. 778
Фусс Н. Н. 724

- Жалабаев К. И. 750, 822
 Хатчинсон см. Гутчинсон В.
 Хвостов Д. И., граф 33, 79, 388, 390, 498, 590, 591, 596—600, 728, 851, 888, 908
 Хвостова А. П. (урожд. Хераскова) 101, 354, 467, 468, 497, 499, 798, 803, 807, 960, 961, 963, 966
 Хемницер И. И. 81
 Херасков М. М. 807, 850
 Хитрово Е. М. (урожд. Кутузова) 727
 Хлюстины 886
 Хмельницкий Б. 708
 Хмельницкий Н. И. 619
 Хованская А. П., княжна 554, 811, 812
 Хованский М. В., князь 955
 Ходасевич В. Ф. 640, 763, 896, 913
 Холл Э. 976
 Хомяков А. С. 876
 Хохлова Н. А. 861
 Хрисанф Неопатрасский (Контарини), митрополит 788, 789, 792
 Хрусталев О. И. 553, 627, 703, 775
- Ц**
 Цакалоф А. 661
 Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (Gaius Iulius Caesar) (Кесарь) 25, 95, 199—201, 204, 205, 349, 576, 581—583
 Цертелев Н. А., князь 594, 595, 601, 820, 919, 920
 Цыганов Н. Г. 920
 Цявловская Т. Г. 178, 199, 226, 230, 231, 240, 258, 262, 379—382, 391, 392, 396—398, 495—497, 501, 514, 517, 524, 525, 551, 565, 573, 575, 576, 584, 590, 610, 618, 624, 628, 631, 642, 643, 670, 687, 690, 691, 694, 700, 703, 712, 734, 757, 772, 797, 805, 811, 820, 833, 838, 847, 848, 853, 856, 857, 859, 865, 875, 885, 887, 892, 897, 901, 904, 906, 908, 912, 914, 924, 925, 929, 933, 939, 941, 944, 963, 966, 977, 978
 Цявловский М. А. 199, 258, 262, 380, 382, 392, 398, 439, 440, 501, 504, 506, 512, 514, 523, 524, 526, 537, 551, 554, 556, 565, 571, 573, 575, 576, 590, 624, 628, 631, 642, 643, 670, 683—685, 693, 697, 700, 712, 717, 719—721, 754—757, 759, 762, 772, 789, 800—802, 804, 805, 812, 817, 833, 838, 841, 848, 860, 879, 880, 882, 885, 892, 897, 900, 901, 908, 909, 917, 923, 925, 928, 935, 937, 939, 941, 944, 960, 961, 963, 964, 966, 971, 973—978
- Ч**
 Чаадаев П. Я. 37, 38, 41 («Чедаев»), 97, 212, 214 («Чедаев»), 222, 223 («Ч—ву», «Ч***ву»), 226 («Чедаев»), 349, 351 («Ч.», «Ч***ву»), 473, 477, 479, 481, 485, 495, 498, 499, 524, 547, 574, 599, 601, 602, 605—610, 612, 614, 615, 672, 773, 786, 789, 791 («Чедаев»), 821, 838, 851, 916 («Ч***ву»)
- Черейский Л. А. 608, 619, 620, 688, 701, 771, 853, 978
 Черноусова Е. В. см. Андрейко Е. В.
 Чернышев А. И., граф 612
 Чернявский И. И. 908
 Черняев П. Н. 541
 Чижев Л. Г. 894
 Чириков Г. С. 685, 740, 804, 961—963
 Чистов К. В. 951
 Чистова И. С. 558, 729
- Ш**
 Шавченко см. Шевченко Т. Г.
 Шавшин В. Г. 787, 788, 790
 Шаликов П. И., князь 80, 319, 391, 603, 612, 730, 851
 Шамфор (Chamfort) С.-Р. Н. де 591, 592
 Шарль-Фердинанд, герцог Беррийский (Charles-Ferdinand d'Artois, duc de Berry) 580
 Шаронова А. В. 975
 Шатобриан (Chateaubriand) Ф.-Р. де 288, 680, 681, 906
 Шахвердов С. А. 953

- Шаховская Н. Д., княгиня (урожд. княжна Щербатова) 798, 970
 Шаховской А. А., князь 603, 605, 607, 834, 836
 Шварц Д. М. 746
 Шевченко Т. Г. 723
 Шейн П. В. 919
 Шекспир (Shakespeare) У. 478, 583, 728, 766, 793
 Шемшученко Ю. С. 933
 Шенье (Chénier) А.-М. 483—486, 489, 493, 532, 535, 536, 538, 540, 544—546, 563, 576—579, 622, 623, 630, 681, 683, 742, 743, 764, 765, 867—872, 884, 888, 907, 978
 Шеппинг О. Д., барон 38, 212, 214, 223, 606, 611
 Шервинский С. В. 610, 676—679, 874
 Шереметев А. В. 571, 608, 616, 720, 970
 Шереметев С. Д., граф 975
 Шеффер П. Н. 975
 Шиллер (Schiller) И. К. Ф. 706
 Шиллинг С. Р., барон 852
 Шильдер Н. К. 664
 Шилова А. Е. (урожд. Комаровская) 543, 544
 Ширинский-Шихматов С. С., князь 728
 Шихматов см. Ширинский-Шихматов С. С.
 Шишков А. С. 607, 637, 724, 728 («Мешков»), 806, 813
 Штейнпресс Б. С. 509
 Штиллинг (Stilling) П. Л. 730
 Шуазель (Choiseul) Э.-Ф. де, герцог Шуазель-Стенвиль (Choiseul-Stainville) 591
 Шульгин И. П. 566
 Шур Л. А. 721
- Щ**
 Щапов Я. Н. 705
 Щеголев П. Е. 178, 513, 524, 537, 558, 560, 594, 626, 628, 633—636, 699, 772—774, 893, 895, 906, 908, 915, 972, 973, 978
- Щепкин Н. М. 593
 Щербаков В. Ф. 517, 547, 572, 589, 761, 797, 798
 Щербатова А. М., княжна 612
 Щербачев Ю. Н. 636, 643, 721, 757, 978
 Щербина В. И. 516
 Щербинин М. А. 636, 757, 978
 Щукин П. И. 757, 758, 970
- Э**
 Эврипид 787
 Эйдельман Н. Я. 473, 617, 618, 656, 697, 729, 864, 941, 953
 Эйхенбаум Б. М. 478
 Эйхфельдт И. И. 616, 638, 934, 935
 Эйхфельдт М. Е. 43 («еврейка»), 151, 500, 616, 617, 620, 632, 638, 641, 811, 918, 934, 935
 Экушар-Лебрен (Écouchard-Lebrun) П.-Д. 541, 542, 633, 781
 Элиаш Н. М. 542
 Эльяш Н. И. 873
 Энгельгардт В. В. 565
 Энгельгардт Н. А. 508, 509
 Энгиенский, герцог см. Луи-Антуан-Анри де Бурбон-Конде
 Эрастов Д. П. 838
 Эсхил 114, 378, 569, 835, 836
 Эткинд Е. Г. 545, 577, 581, 634, 658, 765, 767, 910
 Эфрос А. М. 626
 Эшенбург (Eschenburg) И. И. 788, 873
- Ю**
 Юдин Г. В. 684, 970
 Юзефович М. В. 623, 753, 761—763, 767, 862
 Юлиан Египетский (Julianus Aegyptius) 532
 Юлия (Julia Augusti filia) 24, 288, 481, 498, 568, 680
 Юлия Младшая (Julia minor), внучка императора Октавина Августа 680
 Юрьев Ф. Ф. 189 («прелестный Адонис»), 192 («прелестный Адонис»), 558, 559, 562
 Юстиниан I (Великий) 830

- Язвицкий В.** 891
Языков А. М. 529, 660, 808
Языков Н. М. 482, 529, 660, 808, 913, 942
Якобсон (Jakobson) Р. О. 945, 948, 953
Яковлев В. А. 718, 753, 793
Яковлев В. И. 572, 938, 940
Яковлев В. Н. 963
Яковлев М. А. 523, 531, 544, 699, 737
Яковлев Н. В. 976
Яковлев П. Л. 803—805, 964, 965
Яковлев Ф. И. 586, 848
Яковлева А. Р. 683
Якубович Д. П. 532, 533, 537, 541, 545, 564, 681, 743, 874, 908, 978
Якушкин В. Е. 511, 513, 515, 519, 520, 523, 525, 534, 538, 539, 543, 547, 550, 551, 555, 563, 564, 575, 584, 589, 590, 598, 606, 614—621, 627, 628, 632, 634—636, 641, 667, 686, 691, 702, 710, 720, 733, 739, 742, 743, 747, 748, 750, 755, 757, 759, 779, 789, 798, 804, 805, 811, 814, 815, 817, 819, 837, 838, 844, 847, 852, 853, 856, 857, 860, 864, 866, 875, 878, 879, 884, 891—893, 896, 897, 906, 909, 912, 918, 921, 922, 928, 931, 932, 934, 937, 941, 943, 960, 963, 964, 966—968, 978
Якушкин Е. И. 573, 616, 670, 674, 684, 685, 721, 756, 780, 798, 804, 938, 940, 960, 964, 967, 970
Якушкин И. Д. 474, 554, 580, 612, 839
Яснопольский П. 721, 728
Яцевич А. Г. 810
Яцимирский А. И. 526
- Albrecht M. von** 674
Анакреон см. Анакреон
Ariosto L. см. Ариосто Л.
- Balsch см.** Балши
Bethea D. M. см. Бетеа Д. М.
- Bion см.** Бион
Brinkmann C. 784
Brutus см. Брут
Burkhardt D. 948
Busch W. 908
Byron G. G. см. Байрон Д. Г.
- Chateaubriand F.-R. de см.** Шатобриан Ф.-Р. де
Chénier см. Шенье А.-М.
Clovis 732
Coleridge E. H. 510, 579, 646, 735, 914
Couet-Gironville 578
Cross A. см. Кросс Э.
- Dalmas** 528
Delvau A. 947
Del'vig см. Дельвиг А. А.
- Farago J. A.** 950
Florian J.-P. см. Флориан Ж.-П. Клари де
- George II** 732
Gerhardt D. 958, 959
Gillespie A. D. 906, 952
Grimm J. L. K. 937
Grimm W. K. 937
Guenguené P.-L. см. Женгене П.-Л.
- Hahet G.** 583
Hnatjuk V. 950, 951
- Keil R. D. см.** Кайль Р. Д.
Krauss F. S. см. Краусс Ф. С.
- Lamartine A. de см.** Ламартин А. М. Л. де
Landes L. 946
Larousse P. 937
Lee A. C. 959

- Lefranc** É. см. Лефранк Э.
Legmann G. 947
Lesur Ch.-L. 661, 669
Lord A. B. 945
Louis XV см. Людовик XV
- Morici** 843
Moschus см. Мосх
- Napoléon** см. Наполеон I Бонапарт
- Ovide** см. Овидий
- Platt** J. B. 906
Poncelin J. Ch. 610, 672, 676
- Raab** H. 529
Reeder R. 533
- Rothe** H. 783, 784, 910
Rotunda D. 959
- Saintines** X.-B. 574
Sand K. L. см. Занд К. Л.
Sapho (Sappho) см. Сафо
Savérien A. 795
Seemann K. D. 527
Siemens H. 778
Simmons E. 718
Stöckl E. 736
- Thibault** J. 568
- Vida** M. G. 795
Villani G. см. Виллани Д.
Vjazemskij см. Вяземский П. А.
- Wenzel** C. 508

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
Адели	20	188	553
Актеон	127	408	872
Алексееву	54	251	636
«Аптеку позабудь ты для венков лавровых...»	7		515
〈Бова〉 («[Народ ки〈пит〉, гремят народны клики...]»; «Зачем раздался гром войны...»; «Кого союзником и другом...») . . .	128	409	875
〈Баратынскому〉 («Я жду обещанной тетради...»)	68		690
Баратынскому из Бессарабии	67	293	686
«Благочестивая жена...» см. Гр. А. А. Орловой-Чесменской			
«Бранись, ворчи, болван болванов...»	71	296	697
«Брат милый, отроком расстался ты со мной...» см. 〈Л. С. Пушкину〉			
«Бывало, в сладко〈м〉 ослепленье...»	138	431	897
«В беспечных радостях, в живом очарова〈нии〉...»	147	450	921
«В дыму, в крови, сквозь тучи стрел...» см. Генералу Пушкину			
«В жизни мрачной и презренной...» см. Эпиграмма			
«В забвеньи чист〈ом〉〈?〉 насладись...»	146	455	911
«В кругу семей, в пирах счаст〈ливых〉〈?〉...»	108	359	818
«В лесах Гаргафии счастливой...» см. Актеон			
«В младенчестве моем она меня любила...» см. Муза			
«В стране, где Юлией венчаный...» см. 〈Из письма к Н. И. Гнедичу〉			
«В стране, где я забыл тревоги прежних лет...» см. Ч〈аадае〉ву			
«В твою светлицу, друг мой нежный...»	147	448	918
«В те дни, когда мне были новы...» см. Демон			
«В чужбине свято наблюдаю...» см. Птичка			
«Ваш дед портной, ваш дядя повар...» см. Жалоба			
«[Вдали тех пропастей глубоких]...» см. «Во мраке 〈 〉...»			
«[Венере], Фебу и Фемиде...»	150	454	932
«Вечерня отошла давно...»	139	432	898

	Текст	Вариан-	Приме-
		ты	чания
«Взгляни на милую, когда свое чело...» см. Красавица перед зеркалом			
Вигелю	87	327	743
«Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...»	126	406	866
«Внимай, чаю я тебе вещаю...» см. Разговор Фотия с гр. Орловой			
«( ) во дни Дадона...»	147	450	921
«Во мраке ( )...»	148	451	922
Война.	59	274	659
«Война!.. Подъяты наконец...» см. Война			
«Вот Хвостовой покровитель...» см. (На кн. А. Н. Голицына)			
«Все кончено: меж нами связи нет...»	142	439	906
«Все так же осень(ют) своды...»	114	376	833
«Вчера был день разлуки шумной...» см. Друзьям			
(П. А. Вяземскому) («Язвительный поэт, остряк замысловатый...»)	119	388	847
«Генерал не попал...»	146	447	918
Генералу Пушкину	60	276	667
Ф. Н. Г(линк)е	70	295	692
Гл(инке) <i>Поздняя редакция</i>	70	296	692
«Гляжу как безумный на черную шаль...» см. Черная шаль			
«Горишь ли ты, лампада наша...»	21	189	555
Гр. А. А. Орловой-Чесменской	156	467	964
«Гречанка верная! не плачь — он пал героем...»	132	424	886
Гречанке	78	312	716
Гроб юноши	49	232	627
«Гроза луны, свободы воин...» см. Дочери Карагеоргия			
«Давно об ней воспоминанье...» см. Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой			
«Давно оставил я с досадой...» см. Гл(инке) <i>Поздняя редакция</i>			
Д(авыдов)у («Нельзя, мой толстый Аристип...»)	98	352	792
(В. Л. Давыдову) («Меж тем как генерал Орлов...»)	115	379	837
(Д. В. Давыдову) («Певец-гусар, ты пел биваки...»)	120	394	852
«Два арнаута хотят убить А(лександра) И(псиланти)...» см. (Этеристы)			
Дева	22	195	563
Дельвигу	23	196	564
Демон	88	331	747
Десятая заповедь	66	291	683
Дионея	45	229	621
Дочери Карагеоргия	9	169	520

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
«Добра чужого не желать...» см. Десятая заповедь			
«Друг Дельвиг, мой парнасский брат...» см. Дельвигу			
Друзьям	73	297	699
«[Если] с нежной красотой...».	112	374	831
Жалоба.	85	325	739
«[Жуковский, ( ) Как ты шалишь...]».	146		912
«Завидую тебе, питомец моря смелый...»	136	430	894
⟨Записка В. П. Горчакову⟩ («Зима мне рыхлою стеною...») . .	152		936
«Зачем безвременную скуку...» см.: К ***			
«Зачем раздался гром войны...» см. ⟨Бова⟩			
«Зачем ты послан был и кто тебя послал?..»	145	442	909
Земля и море.	15	179	539
«Зима мне рыхлою стеною...» см. ⟨Записка В. П. Горчакову⟩			
«Играй, Адель...» см. Адели			
⟨Из письма к Вигелю⟩ («Проклятый город Кишинев...») см. Ви- гелю			
⟨Из письма к Н. И. Гнедичу⟩.	24		567
⟨Из письма к Я. Н. Толстому⟩ см. «Горишь ли ты, лампада наша...»			
«Иной имел мою Аглаю...»	30	207	590
Иностранке	82	321	732
К ** («Ты богоматерь, нет сомненья...»).	104		811
К *** («Зачем безвременную скуку...»).	6	164	511
К моей чернильнице.	39	224	613
К Овидию.	61	277	670
К портрету ⟨Вяземского⟩	10	172	523
«К чему холодные сомненья?..» см. Ч⟨аадае⟩ву			
«Как брань тебе не надоела!..»	32	208	593
«Как наше сердце своенравно!..»	137	431	896
«Как ныне собирается вещей Олег...» см. Песнь о вещем Олеге			
К⟨атени⟩ну	34	208	598
Книжал	25	197	570
«Клеветник без дарованья..» см. ⟨На Каченовского⟩			
Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой	92	346	772

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
«К〈нязь〉 Г — со мною не зна〈ком〉...»	109	361	819
«Когда б писать ты начал сдуру...»	31	208	593
«Когда по синеве морей...» см. Земля и море			
«Когда средь оргий жизни шумной...» см. Ф. Н. Г〈линк〉е			
«Кого союзником и другом...» см. 〈Бова〉			
Кокетке	19	184	550
Кораблю	144	441	908
Красавица перед зеркалом	16	181	543
«Кто видел край, где роскошью природы...»	110	362	820
«Кто, волны, вас остановил...»	135	429	892
«Кто мне пришлет ее портрет...» см. К〈атени〉ну			
«Куда вы? За город конечно...» см. Чиновник и поэт			
«Лемносский бог тебя ковал...» см. Кинжал			
«Лечись — иль быть тебе Панглосом...»	48	232	626
«Лихой товарищ наших дедов...»	105		814
«Люблю ваш сумрак неизвестный...»	77	302	710
«Меж тем как генерал Орлов...» см. 〈В. Л. Давыдову〉			
«Мне вас не жаль, года весны моей...»	107	357	817
«[Мое] беспечное незнание...» см. Демон (Другие редакции и варианты); «Свободы сеятель пустынный...» (Другие редакции и варианты)			
«Мой голос для тебя и ласковый и томный...» см. Ночь			
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»	53	247	634
«Мой друг, уже три дня...»	125	404	864
«Мой милый, как несправедливы...» см. Алексею			
«Мой пленник вовсе не любезен...»	149	453	929
Молдав〈ская песня〉 («Нас было два брата — мы вместе росли...»)	122	399	857
«Морей [красавец] окрылен〈ный〉...» см. Кораблю			
«Морфей влюблен в Диану...» см. Актеон			
Муза	17	181	543
〈На Воронцова〉 («Полу-милорд, полу-купец...»; «Полу-герой, полу-невежда...»)	100	353	798
〈На кн. А. Н. Голицына〉 («Вот Хвостовой покровитель...»)	101	353	803
〈На Каченовского〉 («Клеветник без дарованья..»)	27	206	584
〈На Каченовского〉 (Хаврониос! ругатель закоснельный...»)	28	207	587
«На тихих берегах Москвы...»	131	423	884
На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой	33		596

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
〈На Фотия〉 (〈Полу-фанатик, полу-плут...〉)	155	467	960
«На языке, тебе невнятном...» см. Иностранке			
«Над облаками скачут лани» см. Гроб юноши (Другие редакции и варианты)			
«Надеждой сладостной младенчески дыша...»	90	339	761
«Наперсница волшебной старины...»	65	290	682
«Наперсница моих сердечных дум...»	123	400	860
Наполеон	56	254	641
«[Народ ки〈пит〉, гремят народны клики...]» см. 〈Бова〉			
«Нас было два брата — мы вместе росли...» см. Молдав〈ская песня〉			
«Не притворяйся, милый друг...» см. Приятелю			
«Не тем горжусь я, мой певец...» см. 〈В. Ф. Раевскому〉 (〈Недаром ты ко мне воззвал...〉)			
«Недавно бедный музульман...»	117	383	844
«Недавно я в часы свободы...»	124	401	860
«Недаром ты ко мне воззвал...» см. 〈В. Ф. Раевскому〉			
«Недвижный страж дремал на царственном пороге...»	94	348	779
«Нельзя, мой толстый Аристип...» см. Д〈авыдов〉у			
Неренда	13	177	530
«[Нет ветра — синяя волна]...»	146	445	913
«Ни блеск ума, ни стройность платья...» см. 〈М. Е. Эйхфельдт〉			
Ночь	86	327	742
«〈 〉 [ночь объемлет]...» см. 〈Этеристы〉			
«О боги мирные полей, дубров и гор...»	143	440	906
«Овидий, я живу близ тихих берегов...» см. К Овидию			
«Одна черта руки моей...»	147		922
«Оставя честь судьбе на произвол...»	29	207	589
Отрывок из сказки «Царь Никита»	153	455	937
«Охотник до журнальной драки...»	99	353	796
«Певец-гусар, ты пел биваки...» см. 〈Д. В. Давыдову〉			
«Певец-Давид был ростом мал...»	149		928
Песнь о вещем Олеге	74	298	702
«Пловец, обманутый и ветром и волнами...»	148	452	925
«Погасло дневное светило...»	5	162	501
«Подобный жребий для поэта...» см. На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой			
«Подруга думы праздной...» см. К моей чернильнице			
«Полу-герой, полу-невежда...» см. 〈На Воронцова〉			
«Полу-милорд, полу-купец...» см. 〈На Воронцова〉			

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
«Полу-фанатик, полу-плут...» см. <На Фотия>			
Послание цензору	79	313	719
«Послушайте: вам тридцать лет...» см. Кокетке			
«Придет ужас(ный) [час] — твои небесны очи...»	141	437	904
Приметы	64	290	681
«Приют любви, он вечно полн...»	150	454	934
Приятелю	103	355	810
«Проклятый город Кишинев...» см. Вигелю			
«Простишь ли мне ревнивые мечты...»	91	342	768
Птичка	84	325	736
<Л. С. Пушкину> («Брат милый, отроком расстался ты со мною...»)	134	427	891
<В. Ф. Раевскому> («Недаром ты ко мне воззвал...»)	140	434	899
Разговор Фотия с гр. Орловой	157	468	967
«Раззевавшись от обедни...»	43	229	617
«Редает облаков летучая гряда...»	14	178	534
«Свободы сеятель пустынный...»	89	336	755
«Сегодня я поутру дома...»	102	355	808
«Сижу за решеткой, в темнице сырой...» см. Узник			
«Сия пустынная страна...» см. Баратынскому из Бессарабии			
«[Скажи] — не я ль тебя заметил...»	150	453	931
«...Сокрылся он...» см. Гроб юноши			
«Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» см. Нерейда			
«Старайся наблюдать различные приметы...» см. Приметы			
«Судьба свои дары явить желала в нем...» см. К портрету <Вязем- ского>			
«Тадарашка в вас влюблен...»	51		632
Телега жизни	93	347	774
«Теснится средь толпы еврей сребролюбивый...»	146	447	916
«Т(уманский)<?>, Фебу и Фемиде...» см. «[Венере], Фебу и Фемиде...»			
«Ты богоматерь, нет сомненья...» см. К **			
«Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»	129	414	878
«Ты рождена воспламенять...» см. Гречанке			
«У Кларисы денег мало...»	72	296	699
«Увы, зачем она блистает...»	8	167	517
«Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...» см. Послание цензору			

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
Узник	83	323	734
«Умолкну скоро я. Но если в день печали...»	52	243	632
«Хаврониос! ругатель закоснелый...» см. (На Каченовского)			
«Хоть, впрочем, он поэт изрядный...»	35	211	600
«Хоть тяжело подчас в ней бремя...» см. Телега жизни			
Христос воскрес	42	227	615
«Христос воскрес, моя Реввека!..» см. Христос воскрес			
«Хромид в тебя влюблен: он молод и не раз...» см. Дионея			
«Царь Никита жил когда-то...» см. Отрывок из сказки «Царь Никита»			
Ч(аадае)ву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»)	37	212	606
Ч(аадае)ву («К чему холодные сомненья?...»)	97	349	786
Черная шаль	11	173	524
Чиновник и поэт	133	425	889
«Чугун кагульский, ты священ...»	69	295	691
«Чудесный жребий совершился...» см. «Наполеон»			
(М. Е. Эйхфельдт) («Ни блеск ума, ни стройность платья...»)	151		934
Элегия см. «Редеет облаков летучая гряда...»			
«Элеферия, пред тобой...»	121	397	856
Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной...»)	36	212	602
(Этеристы) («Два арнаута хотят убить А(лександра) И(псилян-ти)...»; («( ) [ночь объемлет]...»)	148	452	926
«Я видел Азии бесплодные пределы...»	106	355	815
«Я говорил тебе: страшися девы милой!..» см. Дева			
«Я жду обещанной тетради...» см. (Баратынскому)			
«Я не люблю твоей Кори(нны)...»	113	375	832
«Я пережил свои желанья...»	18	183	547
«Язвительный поэт, остряк замысловатый...» см. (П. А. Вязем-скому)			
«A son amant Eglé sans résistance...»	46	231	623
«J'ai possédé maîtresse honnête...»	47	231	625

ИСПРАВЛЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ К Т. 2, КН. 1 НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ

С. 110. *Следует читать:*

ВЯЗЕМСКОМУ

Зачем, забывши славу,
Пускаешься в Варшаву?
Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной?
Но ты все так же мил...
Все мил — и неизменно
В душе твоей живет
Все то, что в цвете лет
Столь было нам бесценно...

С. 52. Стихотворение «Уединение» («Приветствую тебя, пустынный уголок...») (поздняя редакция стихотворения «Деревня») должно заканчиваться четырьмя строками точек.

С. 269, строка 6 сверху. *Напечатано:* гекзаметрическая арзамасская речь *следует читать:* арзамасская речь

С. 356. В росписи содержания «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. в разделе «Элегии» обозначение 8-го стихотворения следует читать:

VIII. (Я пережил мои желанья). 1821.....14

В подстрочном примечании неверно указана дата номера «Северной пчелы». *Следует читать:* № 155 от 29 декабря 1825 г.

Уточнения к описанию рукописных сборников XIX в., содержащих копии стихотворений Пушкина:

Тетрадь из архива Голохвастовых (Гол) (РГАДА, ф. 1264, оп. 1, № 454) описана как сохранившаяся не полностью (см. наст. изд., т. 1, с. 532). Первая половина

тетради, считавшаяся утраченной, в настоящее время хранится в Пушкинском Доме — ф. 244, оп. 4, № 180.

В разделе «Другие редакции и варианты» к разночтениям Гол для стихотворения «Деревня» (с. 186—193), данным по публикациям Н. Ф. Бельчикова (*Бельчиков Н. Ф. Новое о Пушкине : Стихотворение Пушкина «Деревня» // Пушкин / Ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 197—199*) и М. А. Цявловского в Акад. (Т. 2. С. 89—91, 565—567), следует добавить чтение ст. 31: «Он гонит лени сон угрюмый»; к разночтениям Гол для стихотворения «Платонизм» (с. 209—210), данным по публикации М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер (Цявловской) (Акад. Т. 2. С. 590—591), следует добавить чтение ст. 39: «В уединенный твой приют» и отметить отсутствие ст. 27 и искажение в ст. 29.

С. 376. Альбом Бобятинского, местонахождение которого к моменту подготовки тома не было определено, хранится в Пушкинском Доме — ф. 244, оп. 8, № 103.

С. 455. В алфавитном указателе условных обозначений сборников вместо: Полт₂ (стб. 4, 10 снизу) *следует читать*: Полт₁.

С. 471. «К ***» («Не спрашивай, зачем унылой думой...»).

В тетради Всеволожского неясную карандашную помету у заглавия с наибольшей вероятностью следует читать не как «Эл.»(?) («Элегии»), а как «Мел.»(?) («Мелочи»).

С. 489, строки 23—24 снизу. *Напечатано*: «Мысли о свободе» (1826) В. Я. Зубова. *Следует читать*: «Мысль о свободе» (1826) В. Я. Зубова.

С. 503, строка 8 снизу. *Напечатано*: в городе Пафосе на Крите. *Следует читать*: в городе Пафосе на Кипре.

С. 512, строки 19—18 снизу. *Напечатано*: 29 января Тургенев уже отправлял первую книжку «Для немногих» брату Сергею в Париж. *Следует читать*: 12 февраля Тургенев отправлял первую книжку «Для немногих» брату Сергею в Париж — см.: ПД, ф. 309, № 4713б, л. 46 — 47 об.

С. 518. Уточнение датировки стихотворения «К портрету Жуковского»: середина июня—первые числа декабря 1817 г. Обоснование см.: *Ларионова Е. О. Мелочи о Пушкине. 1. О датировке стихотворения «К портрету Жуковского» («Его стихов пленительная сладость...»)* // Врем. ПК. СПб., 2013. Вып. 31. С. 145—150.

С. 531, строка 27 сверху. *Напечатано*: Автограф в Лицейской тетр. (ЛТ), л. 43. *Следует читать*: Автограф в Лицейской тетр. (ЛТ), л. 44.

С. 532, строка 7 сверху. *Напечатано*: Там же. С. 241—243. *Следует читать*: Там же. С. 249.

С. 561, строка 9 снизу. *Напечатано*: 21 июня 1770 г. *Следует читать*: 1 августа 1770 г.

С. 580, строка 23 сверху. *Напечатано*: текст копий Шер и Щерб. *Следует читать*: текст копий Шер и Щерб.

строка 25 сверху. *Напечатано:* Шер, Щерб. *Следует читать:* Шер, Щер.

С. 591, строки 17—21 снизу. Копия стихотворения «Деревня» из Остафьевского архива (ОА₂) должна быть исключена из числа «утраченных». В настоящее время она хранится в Пушкинском Доме — ф. 244, оп. 4, № 253.

С. 610. В примечаниях к стихотворению «Уединение» («Блажен, кто в отдаленной сени...») не указаны перепечатки: Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828. С. 152; Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. Иждивением московского купца Осипа Иванова Хрусталева. М., 1831. Ч. 3. С. 70.

С. 613. В примеч. к стихотворению «Дорида» («В Дориде нравятся и локоны золотые...») пропущено указание: В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 4.

С. 614. В примеч. к стихотворению «Недоконченная картина» («Чья мысль восторгом угадала...») пропущено указание: В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

С. 620. В примеч. к стихотворению «Стансы Т(олсто)му» («Философ ранний, ты бежишь...») не указана перепечатка в кн.: Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. Иждивением московского купца Осипа Иванова Хрусталева. М., 1831. Ч. 2. С. 113—114.

С. 622, строка 22—23 сверху. *Напечатано:* «Et des noms caressants la mollesse enfantine» («И ласковых имен детская мягкость» — фр.). *Следует читать:* «Et des mots caressants la mollesse enfantine» («И ласковых слов детская мягкость» — фр.).

строка 26 сверху. *Напечатано:* sur terre. *Следует читать:* sur la terre.

С. 639. В примеч. к стихотворению «Добрый человек» («Ты прав, несносен Фирс ученый...») пропущено указание: В собрание сочинений впервые включено: Посм. Т. 3.

С. 643, строка 14 сверху. *Напечатано:* ПиС. Вып. 4. С. 78. *Следует читать:* ПиС. Вып. 4. С. 7—8.

С. 658, строка 9 снизу. *Напечатано:* VI в. до н. э. *Следует читать:* V—IV в. до н. э.

СОДЕРЖАНИЕ

Текст   Варнан-   Приме-
ты   чания

1820

«Погасло дневное светило...»	5	162	501
К *** («Зачем безвременную скуку...»)	6	164	511
«Аптеку позабудь ты для венков лавровых...»	7		515
«Увы, зачем она блистает...»	8	167	517
Дочери Карагеоргия	9	169	520
К портрету (Вяземского)	10	172	523
Черная шаль	11	173	524
Нереида	13	177	530
Элегия («Редееет облаков летучая гряда...»)	14	178	534
«Редееет облаков летучая гряда...». <i>Поздняя редакция</i>	14	178	534

1821

Земля и море	15	179	539
Красавица перед зеркалом	16	181	543
Муза	17	181	543
«Я пережил свои желанья...»	18	183	547
Кокетке	19	184	550
Адели	20	188	553
«Горишь ли ты, лампада наша...»	21	189	555
Дева	22	195	563
Дельвигу	23	196	564
〈Из письма к Н. И. Гнедичу〉 («В стране, где Юлией венчан- ный...»)	24		567
Кинжал	25	197	570
〈На Каченовского〉 («Клеветник без дарованья...»)	27	206	584
〈На Каченовского〉 («Хаврониос! ругатель закоснелый...»)	28	207	587
«Оставя честь судьбе на произвол...»	29	207	589
«Иной имел мою Аглаю...»	30	207	590
«Когда б писать ты начал сдуру...»	31	208	593

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
«Как брань тебе не надоела!..»	32	208	593
На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой	33		596
К(атени)ну («Кто мне пришлет ее портрет...»)	34	208	598
«Хоть, впрочем, он поэт изрядный...»	35	211	600
Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной...»)	36	212	602
Ч(аадае)ву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»)	37	212	606
К моей чернильнице	39	224	613
Христос воскрес	42	227	615
«Раззевавшись от обедни...»	43	229	617
Дионея	45	229	621
«A son amant Eglé sans résistance...»	46	231	623
«J'ai possédé maîtresse honnête...»	47	231	625
«Лечись — иль быть тебе Панглосом...»	48	232	626
Гроб юноши	49	232	627
«Тадарашка в вас влюблен...»	51		632
«Умолкну скоро я. Но если в день печали...»	52	243	632
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»	53	247	634
Алексееву	54	251	636
Наполеон	56	254	641
Война	59	274	659
Генералу Пущину	60	276	667
К Овидию	61	277	670
Приметы	64	290	681
«Наперсница волшебной старины...»	65	290	682
Десятая заповедь	66	291	683

1822

Баратынскому из Бессарабии	67	293	686
(Баратынскому) («Я жду обещанной тетради...»)	68		690
«Чугун кагульский, ты священ...»	69	295	691
Ф. Н. Г(лин)ке	70	295	692
Гл(инке). <i>Поздняя редакция</i>	70	295	692
«Бранись, ворчи, болван болванов...»	71	296	697
«У Кларисы денег мало...»	72	296	699
Друзьям	73	297	699
Песнь о вещем Олеге	74	298	702
«Люблю ваш сумрак неизвестный...»	77	302	710
Гречанке	78	312	716
Послание цензору	79	313	719
Иностранке	82	321	732
Узник	83	323	734

1823

Птичка	84	325	736
Жалоба	85	325	739
Ночь	86	327	742
Вигелю	87	327	743
Демон	88	331	747
«Свободы сеятель пустынный...»	89	336	755
«Надеждой сладостной младенчески дыша...»	90	339	761
«Простишь ли мне ревнивые мечты...»	91	342	768
Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой	92	346	772
Телега жизни	93	347	774
«Недвижный страж дремал на царственном пороге...»	94	348	779

1824

Ч(аадае)ву («К чему холодные сомненья?..»)	97	349	786
Д(авыдов)у («Нельзя, мой толстый Аристип...»)	98	352	792
«Охотник до журнальной драки...»	99	353	796
⟨На Воронцова⟩ («Полу-милорд, полу-купец...»)	100	353	798
⟨На Воронцова⟩ («Полу-герой, полу-невежда...»). <i>Другая редак- ция</i>	100		798
⟨На кн. А. Н. Голицына⟩ («Вот Хвостовой покровитель...»)	101	353	803

Стихотворения неизвестных годов

«Сегодня я поутру дома...»	102	355	808
Прятелю	103	355	810
К ** («Ты богоматерь, нет сомненья...»)	104		811
«Лихой товарищ наших дедов...»	105		814

Стихотворения, оставленные в черновиках, и наброски

«Я видел Азии бесплодные пределы...»	106	355	815
«Мне вас не жаль, года весны моей...»	107	357	817
«В кругу семей, в пирах счаст(ливых)⟨?⟩...»	108	359	818
«К⟨нязь⟩ Г— со мною не зна⟨ком⟩...»	109	361	819
«Кто видел край, где роскошью природы...»	110	362	820
«[Если] с нежной красотой...»	112	374	831
«Я не люблю твоей Кори⟨нны⟩...»	113	375	832
«Все так же осеня⟨ют⟩ своды...»	114	376	833
⟨В. Л. Давыдову⟩ («Меж тем как генерал Орлов...»)	115	379	837
«Недавно бедный музульман...»	117	383	844

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
⟨П. А. Вяземскому⟩ («Язвительный поэт, остряк замыслова- тый...»)	119	388	847
⟨Д. В. Давыдову⟩ («Певец-гусар, ты пел биваки...»)	120	394	852
«Эллеферия, пред тобой...»	121	397	856
Молдав⟨ская песня⟩ («Нас было два брата — мы вместе рос- ли...»)	122	399	857
«Наперсница моих сердечных дум...»	123	400	860
«Недавно я в часы свободы...»	124	401	860
«Мой друг, уже три дня...»	125	404	864
«Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...»	126	406	866
Актеон	127	408	872
⟨Бова⟩	128	409	875
«Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»	129	414	878
«На тихих берегах Москвы...»	131	423	884
«Гречанка верная! не плачь — он пал героем...»	132	424	886
Чиновник и поэт	133	425	889
⟨Л. С. Пушкину⟩ («Брат милый, отроком расстался ты со мною...»)	134	427	891
«Кто, волны, вас остановил...»	135	429	892
«Завидую тебе, питомец моря смелый...»	136	430	894
«Как наше сердце своенравно...»	137	431	896
«Бывало, в сладко⟨м⟩ ослепленье...»	138	431	897
«Вечерня отошла давно...»	139	432	898
⟨В. Ф. Раевскому⟩ («Недаром ты ко мне воззвал...»)	140	434	899
«Придет ужас⟨ный⟩ [час] — твои небесны очи...»	141	437	904
«Все кончено: меж нами связи нет...»	142	439	906
«О боги мирные полей, дубров и гор...»	143	440	906
Кораблю	144	441	908
«Зачем ты послан был и кто тебя послал...»	145	442	909
«В забвеньи чист⟨ом⟩⟨?⟩ насладись...»	146	445	911
[Жуковский, ⟨ ⟩ Как ты шалишь...]	146		912
[Нет ветра — синяя волна]...	146	445	913
«Теснится средь толпы еврей сребролюбивый...»	146	447	916
«Генерал не попал...»	146	447	918
«В твою светлицу, друг мой нежный...»	147	448	918
«⟨ ⟩ во дни Дадона...»	147	450	921
«В беспечных радостях, в живом очарова⟨ньи⟩...»	147	450	921
«Одна черта руки моей...»	147		922
«Во мраке ⟨ ⟩...»	148	451	922
«Пловец, обманутый и ветром и волнами...»	148	452	925
⟨Этеристы⟩	148	452	926
«Певец-Давид был ростом мал...»	149		928
«Мой пленник вовсе не любезен...»	149	453	929
«[Скажи] — не я ль тебя заметил...»	150	453	931

	Текст	Вариан- ты	Приме- чания
«[Венере], Фебу и Фемиде...»	150	454	932
«Приют любви, он вечно полн...»	150	454	934

Отрывки недошедших произведений

⟨М. Е. Эйхфельдт⟩ («Ни блеск ума, ни стройность платья...») . .	151		934
⟨Записка В. П. Горчакову⟩ («Зима мне рыхлою стеною...») .	152		936
Отрывок из сказки «Царь Никита»	153	455	937

Dubia

⟨На Фотия⟩	155	467	960
Гр. А. А. Орловой-Чесменской	156	467	964
Разговор Фотия с гр. Орловой	157	468	967
Другие редакции и варианты	159		
Комментарии	469		
Е. О. Ларионова. Южная лирика Пушкина	471		
Примечания к текстам стихотворений	496		
Условные сокращения	968		
Указатель имен	979		
Алфавитный указатель стихотворений	1004		
Исправления и уточнения к т. 2, кн. 1 настоящего издания . . .	1011		

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН**

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

Том 2

Книга вторая

(Юг. 1820—1824)

*Печатается по постановлению
Бюро Отделения литературы и языка
Российской Академии наук*

Редактор издательства А. И. Строева
Художник-оформитель Л. А. Яценко
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры Н. И. Журавлева, А. К. Рудзик и Е. В. Шестакова
Компьютерная верстка Л. Н. Напольской

Подписано к печати 7.04.16. Формат 70 × 100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 84.7. Уч.-изд. л. 61.5. Тираж 700 экз.
Тип. зак. № 3945

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038308-1

9785020383081

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКО-КНИГОТОРГОВАЯ
ФИРМА «НАУКА»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

А. К. ТОЛСТОЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Стихотворения Алексея Константиновича Толстого — русского поэта, драматурга, романиста, создателя литературной маски Козьмы Пруtkова — наполнены глубокой и искренней любовью к народному творчеству и представляют собой попытку потомственного аристократа максимально приблизиться к фольклорным поэтическим формам. Сознательно придавая своим произведениям «былинный» характер, сочетая лирическое восприятие природы с традиционным эпическим мировидением, А. К. Толстой расширяет понятие поэзии, свойственное середине XIX столетия. Именно из народного песенного искусства Толстой черпает мелодичность и особенную языковую ритмику, проникающую его произведения. Наиболее интересные тексты поэта, представленные в данном сборнике, совмещают в себе как фольклорное, так и историческое начало, насыщая знакомые события русской истории сказочными, почти мифологическими чертами. Издание, подготовленное ведущими специалистами по отечественной литературе, снабжено обширным справочным аппаратом, позволяющим по-новому взглянуть на творчество одного из виднейших русских стихотворцев позапрошлого века.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКО-КНИГОТОРГОВАЯ
ФИРМА «НАУКА»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ТРИДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ**

Том пятый

**ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ 1862—1866.
ИГРОК. НАБРОСКИ И ПЛАНЫ 1864—1866**

Повести и рассказы, написанные Федором Михайловичем Достоевским в первой половине 1860-х годов, между его ранними произведениями и зрелым романым «пятакнижьем», считаются переломным периодом его творчества. Среди прочего, в настоящем томе помещены небольшой роман «Игрок», открывший богатую традицию литературы, посвященной азартным играм, и «Записки из подполья» — философский текст Достоевского, излагающий идеи экзистенциализма. Настоящее издание включает в себя также наброски произведений, варианты прижизненных изданий и обширные комментарии.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКО-КНИГОТОРГОВАЯ
ФИРМА «НАУКА»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ТРИДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ**

Том шестой

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

«Преступление и наказание» считается вершиной творчества Федора Михайловича Достоевского и наиболее узнаваемым произведением и самого писателя, и всей русской литературы в целом. Впервые опубликованный ровно сто пятьдесят лет назад, в 1866 году, роман стал одновременно и откликом на громкое дело французского преступника Пьера-Франсуа Ласенера и прямым ответом идеологии революционеров-нигилистов, в первую очередь Н. Г. Чернышевскому. В сюжете «Преступления и наказания» Достоевский обобщенно показывает судьбу русского студенчества, захваченного социалистическими идеями и лишеного чувства ответственности за свои действия. Громадное влияние, оказанное историей убийцы-сверхчеловека Родиона Раскольникова на мировую беллетристику, культуру и философию в XIX—XX вв., продолжается и сегодня и будет длиться, по-видимому, до тех пор, пока жива европейская культура.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: <http://LitRAS.ru/>; e-mail: okb@LitRAS.ru
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12; e-mail: naukaspb1@yandex.ru

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
- 101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 273-13-98; academkniga.spb@bk.ru
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24

Сайт: <http://LitRAS.ru/>

E-mail: info@LitRAS.ru

Отдел логистики, телефон: (код 495) 932-74-71

Факс: (код 499) 143-84-24

